

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

III

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ III

ГИПЕРИ Н
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2004

ББК 86.372.24

Н635

Издание настоящей книги осуществлено при поддержке
Фонда Нишпон
Publication of this book was supported by Grant-in-Aid from
the Nippon Foundation

Под редакцией
Кэнноскэ Накамура

Н635 Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура.
Т. 3. — СПб.: Гиперион, 2004. — 896 с.

Настоящее пятитомное издание представляет собой первую полную публикацию огромного дневника, который на протяжении всей своей жизни вел основатель русской Православной миссии в Японии архиепископ Николай Японский (1836–1912).

Третий том дневников охватывает период с 1893 по 1899 гг.

ББК 86.372.24

ISBN 5-89332-090-5

ISBN 5-89332-093-X (III т.)

© К. Накамура, сост. текста, коммент., вступ. ст., 2004

© РГИА, 2004

© Издательство «Гиперион», 2004

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ III
(с 1893 по 1899 годы)

*Миссионерский дневник при обзоре Церквей.
Год 1893*

Книжка 2-я
(из книжек сего формата)
Продолжение книги 4-й сего формата

Епископ Николай

*7 / 19 мая 1893. Пятница.
Аракава. Кеманай. Оою*

Для этого он должен готовиться дома, чтобы быть в состоянии не только ясно и отдельно прочитать, но и объяснить, если что кому покажется непонятным. Учитель-язычник приглашен к участию в сих собраниях.

По окончании церковных дел мы были угощены сверх чаяния не по месту роскошным обедом, в котором, однако, видную роль играли яйца, которыми мы, по случаю пятницы, воспользоваться не могли.

Оставивши бедной матери Фомы Метокси 3 ены, мы отправились из Аракава в Кеманай.

В Аракава всего 28 домов, и в Манья — тоже 31 дом, а в обеих сих деревнях, ныне соединенных под одним названием Арая, 59 домов. Очевидно, катихизатора в таком маленьком месте поставить нельзя, но постараться нужно, чтобы христиане здесь не были заброшены; дальше увидим, что можно сделать.

Христиане Аракава снесли наши чемоданы в Кеманай, а мы с о. Борисом, в сопровождении катихизатора Павла Оокава, пешком дошли туда. От Аракава до Кеманай 1 ри. Был прекрасный тихий вечер; заходящее солнце тихим светом заливало окрестность; но невесело было на душе, ибо Церкви в Кеманай совсем нет, а трудились здесь катихизаторы немало. Зашли в дом, богатый, где замужем сестра Андрея Метоки, — оказалась пошедшею в ванну; мы отправились в катихизаторскую квартиру, нанимаемую здесь за 1 ену на случай, когда катихизатор здесь бывает; совсем пустою оказалась она; икона Спасителя сиротливо стояла на голой стене среди мертвой тишины. Скоро прибежала торопливо сестра Метоки — Феодора Оосато (по фамилии, где замужем); есть здесь еще две христианки — дочери Тимофея Метоки, из Аракава, — одна замужем, другая служанка, но их нельзя видеть, ибо-де в тех домах не любят христианства; еще есть старуха Соломония Оомори, — ныне где-то в отлучке; есть цирюльник Куротаки Иов, из Акита, но охладевший в вере. Вот и все поголовно христиане Кеманай. Между тем город Кеманай имеет 460 домов и составляет центр здешней округи; здесь следовало бы основать Церковь; но рано еще, по-видимому, народ здесь грубо мешает проповеди; и не ей одной, а всякой публичной речи, научной даже; бывали здесь и инославные проповедники; никто не имел успеха; к религии народ совсем безучастен.

Взявши здесь тележки, отправились в Оою, 2 ри от Кеманай (176 домов), и прибыли туда, когда уже стемнело. Остановились в гостинице, где есть ванна с теплой миндальной водой, и отправились в дом Тимофея Циба, усердного здешнего христианина. В доме христиане только он и дочь десяти лет, Варвара; жена — оглашена, еще три дочери — не крещены; отец его до сих пор ненавидел христианства; теперь, наконец, смягчился, стал одобрять и даже слушать его; и ныне, в ожидании меня, созвал в дом немало язычников послушать проповедь. Только, к сожалению, сам значительно выпил — так и разило от него, и лицо горело; очевидно, проповедь ему мало могла принести пользы.

По метрике (общей здесь для Ханава, Аракава, Кеманай и Оою) здесь крещеных 12; из них ныне в других местах 5; охладели 2, умер 1, налицо 4, из которых, кроме Тимофея и его дочери, я видел еще давнего христианина, который был оным еще одиннадцать лет тому назад, когда я в первый раз был здесь; ныне он не возрос, а умалился; крест почти совсем забыл делать — жену его. Отслуживши краткий молебен за живых членов сей Церкви и литию за умершего Василия, мы усадили поближе язычников, что нелегко было сделать, — я сказал решительно, что «не стану говорить, если не сядут ближе, ибо гóлоса нет кричать чрез пустую комнату к сидящем Бог весть где»; — таков не совсем удобный японский обычай церемония, — я сказал обычную первоначальную проповедь язычникам; заснувший на половине ее неподалеку от меня хозяин-старик несколько убавлял мою прыть говорить очень пространно; человек

десять, впрочем, слушали хорошо, в том числе одна красавица мать с ребенком у груди, — видимо, очень борющаяся с дремотой, но одолевшая ее до самого конца; слышал я потом, что она весьма расположена по принятию христианства.

По окончании проповеди угостили ужином, что было, однако, до того поздно, что аппетит совсем спал. Вернувшись в гостиницу, я от усталости едва мог сходить в ванну, после которой уснул как убитый и на завтра проспал до времени, назначенного к отправлению в путь.

8 / 20 мая 1893. Суббота.

Ханава. Магата

Выезжая из Оою, заехали в дом катихизатора Ильи Яци, где мать его и баба, еще язычествующие — несмотря на раннее время, угостили завтраком; на выезде из Оою видели у одного дома огромную сакуру в цвету — махровыми бело-розовыми цветами, — точно розовое густое облако на синеве неба. По дороге в Ханава, докуда 4 ри от Оою, заехали в деревню Коедаси, к христианину Моисею Асагари (2 ри от Ханава), жена и сын которого слушают учение; Моисея не застали, — отправился в Ханава к моему приезду.

В девятом часу прибыли в Ханава; взошли на второй этаж, где устроена молитвенная комната; внизу и вверху — все бедно; бедными высматривают и собравшиеся христиане; не к месту как-то здесь две в серебро убранные иконы Спасителя и Божией Матери, в старые годы присланные сюда, когда еще юна была надежда на развитие здесь Церкви. Взяли метрику, и по ней оказалось крещеных здесь 40, из которых 15 ныне в других местах, 3 умерло, 4 охладело, остальные 17 налицо, в 10 домах, из них в двух — все христиане, в прочих по одному. Кроме того, здесь ныне находятся крещеные в других местах: один из Хакодате и семья покойника Якова Саваде, служившего некогда катихизатором; жена и трое детей: Павел, девятнадцати лет, служит на почте, Ирина, двенадцати лет, Михаил, девяти лет. Сказал я тут же жене Саваде, чтобы она дочку доставила в нашу Миссийскую школу, в Токио, дал потом и денег, 5 ен, на дорогу, — вдова очень была обрадована этим, а Ирина, видимо, девочка умная; Михаил тоже показался мне бойким и умным мальчиком; сказал я, что принят будет и он на воспитание в Семинарию, когда подрастет. — Здесь же я увидел всю семью плохого по способностям и успехам семинариста Мирона Сёо, пришедшую из Осаризавамура, 1 ри от Ханава, повидаться со мной; в ней дед Елисей, баба Акилина, отец Варнава, мать Сусанна, дети: Илья четырнадцати лет, Павел восьми, Акила шести, Иов четырех; все очень бедны; Илья показался мне весьма умным мальчиком, не в своего брата Мирона, и я пригласил его в Семинарию, когда будет набор в будущем году; служит он ныне где-то приказчиком, получает

1 ену 80 сен в месяц, на которые должен и пропитывать себя, — довольно наглядное показание бедности.

Новых слушателей в Ханава 5–6. В воскресенье на богослужение собирается 3–4 человека, в субботу 7–8. Было заведено собрание христиан для «ринкоо», — в первую и третью среду собирались, но прекратилось давно.

Пожертвований христиан в запрошлом году было 26, между прочим, 15 ен на ремонт катихизаторской квартиры (за которую платится в месяц от Миссии 1 ена 50 сен); в сем сказалось некоторое оживление, вероятно, результат деятельности прежнего катихизатора Алексея Имамуре, но оживление это совсем упало в прошлом году, чему показанием служит, между прочим, то, что за год христианами пожертвовано всего 3 ены 80 сен (считая и жертвования самого катихизатора в том числе). Видно, что Павел Оокава мало полезен здесь.

В городе Ханава за 1000 домов; к вере здесь равнодушны; не гонят, но не являют расположения слушать. Инославные сюда заходят с проповедью, но их христиан нет.

После, расспросив о церковных делах, отслужили обедницу, потом литию за усопших. Сказано поучение, испытаны дети в знании молитв и в семьях Саваде и Сёо оказались отлично знающими.

Так как здесь взрослых 6 мужчин и 5 женщин, то предложено учредить совместный «коогиквай», — он и учрежден.

Пошли посетить христиан: почти все бедняки, есть один богатый, но в отлучке; семья Саваде как-то ухитряется жить в такой тесной коморке, что и двоим негде, а их четверо.

При всем том братья хотели угостить роскошным обедом, на который привезли в гостиницу; но я положительно возмущился; возмутительно жестоко было бы делать сбор на обильную яству с таких голодных бедняков, как Саваде, Сёо, горбун Данила; обед мы с отцом съели, так как он был уже состряпан, но я заплатил за него, поблагодарив братьев за их усердие.

В четыре часа, простившись с братиею в Ханава, мы с о. Борисом отправились дальше, в Магата. Пред прощанием был совет о том, как на будущее время устроить катихизацию в сих местах, чтобы дело было успешней. Нет другого средства, как дать сюда двух катихизаторов; одного для Кеманай, Оою, Аракава, другого для Ханава, Каесаи (500 домов) и Осаризава (1000 домов). Но возможно ли будет на Соборе устроить сие, Бог весть.

В Магата прибыли в семь часов вечера. Переправившись на лодке чрез реку, встречены были христианами, успевшими сбежаться, ибо они не ждали нас сегодня. Магата — деревня из 43 домов (в округе Дзюунисё; впрочем, есть и отдельная деревня — Дзюунисё, которую мы проезжали сегодня на пути из Ханава, 2 ри от Магата; христиане оттуда все переселились в другие места). По метрике в Магата 40 крещеных; из них

9 в других местах, 2 умерли; налицо ныне 29, в 7 домах, из которых в 6 все христиане.

Завтра еще примут крещение 11; они к крещению приготовлены почти вполне Иоанном Хатакеяма и его женой Сусанной,— катихизатор Авраам Яги мало принимал в этом участие, ибо он приходит из Оодате сюда в месяц два раза, всего на 4–5 дней. Еще имеют креститься двое; новых слушателей затем пока нет.

К богослужению собираются по воскресеньям человек 20, по субботам почти все. Читает Иоанн Хатакеяма, и поют. Собраний религиозных никаких больше не производится. Детей молитвам учат.

Иоанн Хатакеяма пожертвовал здесь под Церковь 100 цубо земли и на ней сам построил Церковь, обошедшуюся ему в 326 ен,— расход вполне его собственный, из христиан некоторые участвовали только личным трудом. Церковь построена в 1892 году. Для производства сей постройки вызван был из Токио плотник Семен, оттого в Церкви много кое-чего скопировано с Миссии; церковка внутри производит приятное впечатление, тем более что иконостас для нее, написанный в мастерской Ириной Ямасита, вышел довольно красивый.

Иоанн Хатакеяма единолично содержит здесь всегда священника и катихизатора, когда они приходят сюда. Кроме всего этого, он жертвует с сего года 1 тан земли на содержание Церкви; с осени нынешнего года прочие здесь христиане станут обрабатывать ее для Церкви. Из одного тана обыкновенно получается 2 коку риса; один коку стоит в продаже 5 ен 20 сен.

Иоанн Хатакеяма — старик 47 лет, вполне преданный Церкви. О. Борис испросил для него звание катихизатора — как почетное за его жертвования и труды для Церкви (без всякого содержания от Церкви); но он стóбит звания катихизатора и по своей ревности к проповеданию Слова Божия. Он очень уважаем в здешней местности и известен здесь всякому просто под именем «Магата-но оя гата», имеет много родичей. В Магата христиане, кроме дома Акахира, все его родные. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он был особенно богат; напротив, боюсь я, чтобы его дело для Церкви не потребовало со временем расходов от Миссии. Когда я стал приглашать его в нынешнем году на Собор, как катихизатора, разумея, конечно, что и придет на свой счет, он разом выставил препятствие — «нет средств на дорогу в Токио и обратно — израсходовался-де на постройку Церкви, нужно было выделить брата, построив ему отдельный дом; но я не мог этого сделать, а отрезал половину своего отцовского дома и поставил ему; деньги, которые следовало бы употребить на постройку дома брату, я издержал на Церковь, теперь нужно экономить, чтобы возобновить половину отцовского дома, которую я отрезал». Меня это неприятно поразило, но чтобы не взять назад приглашение, я предложил дать ему на дорогу от Миссии, как другим катихизаторам, и он обещался прийти.— Вообще, христианство в Магата

держится на одном человеке, это очевидно; прочие не принимают никакого участия ни в пожертвованиях, ни в других церковных делах. «Что жертвуют другие христиане?» — спросил я. — «А то, что опускается ими в церковную кружку», — отвечает Иоанн Хатакеяма. — «Сколько же опускается?» — «Неизвестно, еще не открывали; она в нынешнем году только поставлена».

Иоанн Хатакеяма принял нас с о. Борисом в своем доме. Дом чистый, опрятный, видимо, приготовленный к нашему приезду. Расспросив о церковных делах, пошли в Церковь служить всенощную. Христиане все были в Церкви, и она была почти полна, ибо может вместить не больше 100 человек (сегодня были и язычники). Читал Авраам Яги очень плохо, пели довольно порядочно, за проповедью наполовину заснули, ибо было поздно. Когда вышли из Церкви, заставили еще ужинать, «мол, нарочно приготовлено».

9 / 21 мая 1893. Воскресенье.

Магата. Оодате

Утром о. Борис крестил 11 человек. Потом отслужили обедницу; была проповедь; предложено затем учредить мужское и женское собрание «коогиквай», так как христиан и христианок достаточно для того, — и учредили, избрав тут же время и людей для первого собрания. После обеда отправились посетить дома христиан. Дождь с ветром, не перестававшие с утра, делали очень неприятным слякотное путешествие. Прежде всех зашли в дом семинариста Стефана Акахира, — голая бедность, в лачуге вместо матов грязные рогожки; мать с грудным ребенком и два другие сына, лет 15 и 12, сидели тут же, а отец, по выпуске его из тюрьмы, ушел в Хоккайдо добывать средства к жизни; дал им 2 ены, — больше что же я могу? Тут же еще нашли Соломонию Оомори — старуху из Кеманай с внучкой Мариєю, лет 15, дочерью Иоанна Оомори, служившего некогда даже по проповеди в Кеманай (по предложению о. Иоанна Сакай), ныне фотографа в Эсаси на Эзо. Соломония с Марьей из Кеманай нарочно пришли видиться со мной; оказывается, что отец «по бедности» хочет продать Марию на разврат, и она оттуда ушла к бабе; о. Борис сказал мне, что Соломония хочет просить меня принять Марию в школу; обещал принять, разумеется.

Дома всех прочих христиан не показали особенной зажиточности, хотя везде есть своя лошадь или две, помещающиеся с хозяевами под одной кровлей; грязно очень живут здешние мужики; просто сесть гадко, до того все засалено и загрязнено; матов нигде нет — циновки. Приятно одно: везде иконы поставлены очень хорошо: Иоанн Хатакеяма научил — по удалении буцудан'а оклеить ниши бумагой и поставить

икону, — везде так и сделано. В одном доме сказано поучение о соблюдении воскресного дня.

Вернувшись к Иоанну Хатакеяма, тотчас же собрались в путь дальше. По дороге нужно было зайти в деревню Накаяма, 20 чё от Магата, куда нельзя проехать (да и тележек здесь нет), поэтому отправились пешком; чемоданы понесли два христианина.

В Накаяма домов 30; христианский дом один, Павла Сасаки, где он, его жена Ольга, сын Лука и его жена Ирина. Лука — местный интеллигент; завел «сейненквай» для «гакудзюцу» и «сиукёо» но энзэцу (научных и религиозных речей); собирается человек 20–30, говорил. Убеждал его заняться больше всего последним предметом, ибо для решения научных вопросов и без него много людей.

В непрерывавший дождь и ветер, в 7 часов вечера добрались, наконец, до Оодате, 2 ри от Магата; последнее 1 ри ехали; продрогли до костей, и приятно было спрятаться хоть и в плохо защищенный от ветра катихизаторский дом в Оодате. Трое из братий сей Церкви встретили нас еще в Накаяма, прочие ждали в катихизаторском доме. Но малая и бедная сия Церковь. По метрике в ней крещеных 47, из коих ныне в других местах добывают себе пропитание 32, охладел 1, в католики ушел 1 (Марк Сионоя, уже умерший там).

Остальные 12 ныне здесь, и есть трое крещеных в других местах, — всего 15 налицо, в 5 домах. Из 15 христиан 4 детей — молитвы знают хорошо, 3 очень старые старухи, 1 семидесятилетний старик — Моисей, на дочери которого был женат Марк Сионоя; остальные 3 мужчин и 4 женщины — могут участвовать в коогиквай, если им катихизатор будет помогать, ибо из мужчин один больной глазами, женщины малограмотны. Тем не менее здесь предложено собираться в две недели раз для чтения религиозных книг с предварительным приготовлением чтецов — по воскресеньям, вечером, и предложение с готовностью принято; назначены чтецы для первого собрания в следующее воскресенье.

В воскресенье собираются здесь на молитву 9–10 человек, в субботу тоже. Новых слушателей нет.

Поют в Церкви жена катихизатора Авраама Яги — Инна и две девочки, и очень складно.

Жертвуют христиане в год все вместе до 2 1/2 ен, что идет на пищу священнику, когда он бывает здесь, церковное вино и свечи.

Из инославных здесь только методисты; у них, по словам Яги, человек 30 обращенных; католики имели здесь катихизатора, но сняли, по беспешности, — Яги говорит; в городе всего один католик ныне будто бы (малоуспешным катихизаторам всегда мало можно верить в сих случаях).

Отслужили вечерню; бедно было поучение, отчасти от усталости, отчасти оттого, что слушать некому.

Но следует подумать о поднятии здесь проповеди. В Оодате 1800 домов; и проповедь здесь давано начата, только катихизаторы были вот

такие, как нынешний Авраам Яги — малодетельные да и малоспособные.

Здесь я получил письмо о. Сергия Страгородского из Кёото, которым он окончательно прощается с Японией; я ответил ему прощанием.

Попозже еще пришла телеграмма из Посольства; я встревожился было: оказалось от М. А. Хитрово поздравление меня с Ангелом. Ответил благодарным письмом. Послал отсюда также чек в пять тысяч ен о. Сергию Глебову на расплаты в конце месяца и на рассылку содержания в будущем месяце.

10 / 22 мая 1893 года. Понедельник.

Оодате. Носиро

Утром, в Оодате, посетили христиан четыре дома: Сайто, разносчика, небогатого, но ухитрившегося как-то дом купить за 6 ен, Моисей Сионя — старика сизоку, закладчика, тоже небогатого, но живущего в своем родовом дворянском доме, и двоих, совсем бедняков; у 76-тилетней старухи Немото (матери Давида, бывшего в Катихизаторской школе) не были, родные ее очень не любят христианства.

Моисей преинтересно рассказывал, как Алексей Яманака шестнадцать лет тому назад начинал здесь христианство. Напали на него однажды 7–8 синтуистов и отчаянно спорили с ним, но он разбил их наповал; в споре, между прочим, он написал слово Дзин-му (имя первого императора) через [...] — дзин, а не [...]), как оно всегда пишется; синтуисты отправились на него жаловаться в полицию; призвали Яманака туда; «Ошибся», — говорит; воображаю его невинно-скромную и в то же время под сим прикрытием невообразимо гордую фигуру при этом; видели, разумеется, и власти, что он играет ими, но придраться на этот раз не могли. Не тогда, однако, Моисей совсем бросил идолов, а когда Тит Комацу — симпу — сшибся с ним; «В лоск», — говорит, — положил на меня на всех пунктах; и я однажды, ранним утром вставши, взял своих идолов, отнес их на реку и пустил; приходит о. Тит, — глядь на божницу, — нет идолов, — «Где?» — «Не говори!» — Махнул я рукой; засмеялся о. Тит и обнял меня». Оказывается, при дальнейших рассказах, что он расположен был к христианству еще раньше знакомства с Алексеем Яманака рассказами Кимура, моего горбатого учителя тридцать лет тому назад в Хакодате, родом из Оодате и хорошего знакомого его; не о христианстве тогда Кимура говорил ему — тогда о сем предмете японцу и слушать было страшно, а о разных обстоятельствах, как, например, у меня было много японских книг, как я пришел однажды в негодование при каком-то нескромном разговоре и подобное. Неисповедимы судьбы Господни! И таким-то невидимыми тонкими нитями люди привлекаются на путь спасения! И сколько интересного и поучительного во всех этих

подробностях начала каждой Церкви! Пришло мне на мысль сказать на Соборе всем, чтобы составили записи о начале христианства по Церквям и, оставив подлинник в Церкви, список с него прислали для хранения в Миссию. Теперь только, когда живы первые христиане и можно это сделать; со смертью их эти сведения будут потеряны. Недаром меня предупреждал о том же приснопамятный церковный историк Высокопреосвященный Макарий в Москве, когда я обедал с ним однажды в Чудовом монастыре (в обществе Ивана Сергеевича Аксакова, тогда же предложившего: «Нужно, чтобы Москва послала красный звон в Японию», на какие слова Преосвященный Амвросий, ныне Харьковский, молвил: «А что ж, сделаем подписку», и в результате нынешний красный звон в Токио восьми колоколов миссионерской соборной колокольни): «Пока не потеряны подробности, велите записывать и хранить их», — говорил он.

Простившись с братьями и сестрами бедной Церкви Оодате, мы отправились в девять часов утра в Носиро, 14 ри от Оодате, по хорошей дороге, и в пятом часу вечера были там. Весь день был такой холодный ветер, что пробирал дрожью до костей; снег виден кое-где почти на уровне дороги. Братия встретили — иные за городом, иные в церковном доме; но и здесь совсем еще малая Церковь. По метрике крещеных в Носиро 21, из них 6 ныне инде, 15 остальных и 1 крещеный в Хакодате — всего 16 — налицо здесь, в том числе взрослых мужчин 6, женщин 2, остальные дети; христианских домов 8, но только один — Стефана Миура — вполне христианский, другой — Петра Мураи — тоже, но вне города, в Хоонуки-мура, за 1 ри от него (там занимается производством катакури, в городе у него гостиница, в которой ныне и пишется сие). Новых слушателей человек 6, из них несколько завтра крестятся. Есть еще слушатели в селении Хияма, 3 ри от Носиро (100 домов); катихизатор Павел Ода там жил с месяц, и имеет 6 человек хорошо слушавших его.

В субботу и воскресенье к богослужению собирается человек 4–5 с детьми, значит, из рук вон плохо! Собраний религиозных больше никаких не производится. Определенных пожертвований на Церковь нет, а бывают случайные, по мере нужды; таковых в год бывает еи 15–20, на праздники, на пищу священнику, когда он приходит и прочес.

Народ в Носиро очень не расположен еще к принятию христианства, так же как в Эцинго и по всему северо-западному побережью; Монто-секта еще очень сильна здесь. На днях, например, прибыл сюда бонза из Кёото, чтобы собрать здесь 1800 еи на уплату долга; так прежде, чем он заявил о сборе, — уже 1300 еи было представлено ему — достаточное показание, как усердны здесь буддисты. Таковые и слушать не хотят о христианстве; нерасположение здесь к нему и трудность приобретения верующих ясно свидетельствуется и тем, что здесь нет ни одной инославной секты — ни католиков, ни протестантов; проповедники приходят и ни с чем возвращаются. Наши немногие христиане терпят немало

преследования от своих родных. Даже власти не скрывают ненависть к христианству: один полицейский (Ятабе), имевший завтра принять крещение, на днях выслан из города по ненависти своего начальника к его религиозным убеждениям.— Но Господь помог нам начать хоть немножко водворение здесь христианства,— итак, нужно постараться о дальнейшем; после Собора тоже должен быть здесь катихизатор.

Отслужили вечерню; поют отлично, особенно жена гостиника Петра — Пелагея,— так умело и уверенно и таким славным альтом! После вечерни было бракосочетание катихизатора Павла Ода с Макриной, которую высватала ему в Кубота жена тамошнего катихизатора. Венцы устроили на славу; я думал: «Вот богачи! Один золотой, другой серебряный — вероятно, из меди-де», — оказывается, из золоченой и серебряной бумаги, да какие фигурные, настоящие короны; я научил их надевать брачующимся прямо на головы, а не держать нелепо сзади. Дал потом 2 ены Павлу на брачный пир да 10 ен на обзаведение.

11 / 23 мая 1893. Вторник.

Носиро. Аkitаси

Утром о. Борис крестил двоих. Потом посетили единственный дом, который можно было посетить (за исключением гостиницы Петра Мураи, в которой мы ночевали), Стефана Миура; бедно-пребедно живет, несмотря на свои очки и иностранное платье; не имеет ныне никакого занятия. Просил он дочь принять в Миссийскую школу на церковное содержание; не выдавши его житья, я сказал: «Нельзя, пусть вносит хоть половину»; теперь увидел, что не может, и сказал: «Посылай прошение; вероятно, может будет». К прочим, одиноким в доме христианам, не ходили, чтобы не возбудить дома еще больше неприязни к ним.

В девять часов утра собрались в путь. Одно из больших неудобств и мучений во время путешествия по Церквям — это усердие братства провожать, и нужно геройское терпение, чтобы благодушно выносить его; собрались, сели бы и поехать, но тут начинается гвалт сборов провожателей, невыносимый крик дзинрикися, торг, препирание, толпа собирается огромная и глазее; сидишь или стоишь, точно на выставке среди всего этого позорища: ровно полчаса были такие сборы провожателей наших в Носиро. Что тут? Сердиться? Обидишь доброе чувство усердников. Уехать бы наперед «мол, догоняйте?» Нельзя, дзинрикися не повинуются, им нужно сняться всем вместе. Одно: махнуть рукой и стараться не пустить негодование на лицо.

От Носиро долго ехали среди сосновых перелесков, очень напоминающих русский сосновый бор.

За 10 ри от Кубота, или, как ныне принято называть, Аkitаси (всего от Носиро 16 ри до Аkitаси) при въезде в деревню стоит полицейский,

видимо в ожидательной позе, я думал, что спросит паспорт, и потянулся заранее в карман, но полисмен сделал под козырек, на что я даже и ответить не успел с рукой, запущенной в карман. При перемене тележек около нас уже двое полицейских, но тоже паспорта не спрашивают; когда мы поместились в тележки, и один полицейский оказался в тележке и последовал за нами. Я догадался, наконец, что это результат анонимного письма ко мне из Акита, что, когда я прибуду туда, там отрубят мне голову, а отсылки сего письма секретарем Нумабе к о. Борису, сим катихизатору Павлу Кубота, а сим — передачи в полицию в Акита. Полиция, значит, принимает меры, чтобы и в самом деле не отрубили мне голову. Присоединение полицейского к нашему поезду на первый раз имело результатом то, что все мужики, ехавшие верхами навстречу, кувыркались с лошадой и вели их в поводу, пока мы проезжали, не из почтения к нам, конечно, а к полицейскому. За три ри до Акита, катихизатор Павел Кубота и несколько братьев встретили нас, и кортеж наш вышел довольно внушительный, особенно когда в Цуцузаки пристал еще и другой полисмен.

По приезде в церковный дом мы услышали, что некто Накасима — старый врач, семья которого уже христианская, лежит при смерти и очень желает видеть меня и принять крещение. Мы с о. Борисом тотчас же отправились к нему, и о. Борис крестил его как трудно больного, краткими молитвами и обливанием, после чего преподаны были ему и Таинства Миропомазания и Приобщения. Вернувшись в церковный дом, по метрике исследовали Церковь. Крещеных здесь 65; из них ныне в других местах 23, умерли 4, охладели 3, в католики ушли 4, в протестанты — 1; налицо 30, да крещеных в других местах ныне здесь 4, всего 34 человека, в 9 домах, из коих в 6 домах все христиане. Новых слушателей, надежных для крещения, 5. В субботу и воскресенье собирается на молитву от 6 до 15 человек. Симбокквай бывает по праздникам, когда даже вино приносят как пожертвование для взаимного угощения, что я запретил, хотя не знаю, исполняют ли; кажется, вошло уж в обычай угощаться в праздники вином, причем, однако, излишеств не бывает, как уверял катихизатор. — Дети молитвам научены.

Пожертвований на Церковь определенных нет; жертвуют когда нужно, например, в праздники. Таких пожертвований в запрошлом году было 11 ен, в прошлом 4 ен 70 сен. Свечи и масло для Церкви катихизатор покупает на свой счет.

Отслужили вечерню. Катихизатор Павел Кубота читает очень плохо — тихо и невнятно. Хор большой, неустроенный; голосов много, и есть отличные, но то тянут, то вдруг остановятся, иной раз все; нет основного голоса в хоре; катихизатор не может быть им, ибо разнит, хотя говорит, что он научен петь; вероятно, прежде его научили кое-чему.

На поучении объяснены первые три прошения молитвы Господней; после чего христиане благословлены, дети испытаны в знании молитв

и даны им образки, ибо знают; затем говорено было, что христиане и христианки завели «коогиквай», отдельные, ибо мужчин здесь 9, женщин 12; согласились, и назначили время, и избрали «коогися» для первых собраний — мужчины во второе воскресенье следующего месяца, женщины — в третье.

В Акита нерасположение к христианству очень еще сильно, и проповедь здесь трудна. Это свидетельствуется, между прочим, состоянием инославных миссий здесь: у католиков христиан полтора ста, говорят, но они все охладели, так что теперь можно сказать — католиков в Акита нет; храм отличный у них, но пустует; живет только русси; Кубота говорит, будто и катихизатора католического в Акита нет, не только миссионера. Протестантских здесь три секты: какие-то «Апостольские ученики» (кажется, ветвь конгрегационалистов); жил здесь иностранный миссионер, построил красивую Церковь, набрал до ста христиан, но сам уехал, Церковь пустует, — на молитву очень мало собираются; их особенно охладило прошлогоднее обстоятельство: за неплату на годовой городской праздник, как языческий, соседи напали на них и разбили их дом. Методистов 14 человек, Ицциквай 2 человека. Нужно иметь в виду, что инославные миссионеры и проповедники действовали здесь многие годы прежде, чем мы начали.

Ночевать повели в лучшую гостиницу в Акита с фонарями впереди и сзади и с тремя или четырьмя полицейскими при саблях. И в гостинице мы были под охраною их — несколько их ночевало под одною с нами кровлей.

*12 / 24 мая 1893. Среда.
Акита. Ночлег в Иокоте*

Утром, в седьмом часу, отправились посетить христиан (разумеется, в сопровождении полицейского; в то же время по улице часто встречались другие чины полиции, говорят — тоже в видах охраны).

Семью катихизатора Павла Оокава едва нашли; домишка — старенький, плохенький; недаром и куплен за 8 ен; в доме до последней степени загрязненные циновки, — не маты; грязные-прегрязные четверо мал-маламеньше, и еще улыбающаяся, но какой-то жалко пригнетенной улыбкой, мать их; дал 6 ен, больше что же я могу?

В доме катихизатора Василия Усуи нашли его отца — в параличе лежащего пять лет, и старуху, его жену; бедность непокрытая; дал 3 ены; есть старший брат Василия, наследник дома, но он где-то не дома; и бедные старики всего вдвоем; старуха еще торгует конфектами, но какими! Вероятно, есть еще более бедный люд, который потребляет их.

Ефрем Ямазаки, еще катихизатор отсюда, сравнительно с теми богач; у него дом, именно тот, где Церковь, за наем его он получает от

Миссии 3 $\frac{1}{2}$ ены. Тут же на дворе живет его мать (кей-до) с двумя сынами, из которых старшему пятнадцатый год, и я звал его на будущий год в Семинарию; даже несгораемая кладовая при доме есть.

Кроме сих домов, посетили еще три христианских дома, из которых наиболее приличный — печатника, родом из Какуноте. Всего посетили 6 домов.— Вчера из полиции присылали сказать, чтобы я «спокойно оставался в городе и проповедывал, сколько хочу, за безопасность мою она ручается». Но оставаться более было незачем, и в девять часов утра мы с о. Борисом выехали из Акита в сопровождении двух полицейских, из которых один провожал нас 10 ри, другой 20 ри — вот до Ёкоте, где сие пишется. Ныне вечером приходил начальник здешней полиции повидаться со мной и сказать, что завтра еще 8 ри до границы провинции Акита будет сопровождать меня полицейский; сколько я не отказывался, он не согласится отменить распоряжение,— «мол, горная дорога, добывать дзинрикия трудно» и так далее. В Иокоте, говорил начальник полиции на мои расспросы, не только нет ни католиков, ни протестантов, но и попыток никто из них не делал проповедывать или поселиться здесь, потому что буддизм здесь очень силен. По численности населения Иокоте — второй после Акита в провинции: 2400 домов.

Церковью в Аkitаси приход о. Бориса Ямамура кончается. Завтра перейду в приход о. Иоанна Катакура. О. Борис — священник, бесспорно, хороший, усерден, прилежен; христиане любят и уважают его. И по наружности он настоящий батюшка: с седеющей бородкой, длинными волосами на голове и в подряснике с шитьем поясом. Пошли Бог ему много еще послужить Церкви!

13 / 25 мая 1893. Четверг.

Ёкоте — Мидзусава

В шесть часов утра выехали из Ёкоте. Полицейский сопровождал до выезда из провинции Акита и даже 2 ри в провинции Иваде, где, наконец, полиция сказала, что для меня нет опасности, и освободила меня от своего присутствия. Дорога все время шла по ущелью; сделана отлично, но пролегает над такими обрывами и пропастями, что страшно взглянуть вниз. Горы покрыты отличнейшим лесом и представляют великолепный вид, точно зеленый волшебный ковер с разными отливами, ибо зелень разных деревьев несколько отлична. В пятом часу мы прибыли в Куросава, где станция железной дороги. От Иокоте до Куросава 17 ри. Здесь, когда мы с о. Борисом ехали на станцию, из одной придорожной гостиницы выбежали о. Иоанн Катакура, катихизатор Павел Кацумата и двое христиан, выехавшие навстречу нам. Из Куросава мы с восьмичасовым поездом отправимся в Мидзусава и переночуем там, ибо в Иваядо ехать поздно. Из Куросава я написал Посланнику Михаилу Александровичу

Хитрово о том, как предупредительна и заботлива была полиция Акита; быть может он найдет нужным поблагодарить за это Министерство Внутренних Дел.

Ночевали в Мидзусава, за городом, в гостинице, где минеральная ванна с водой белого цвета, уснув после которой, назавтра я чувствовал себя очень бодрым, усталости почти не бывало, что, к несчастью, далеко не всегда бывает утром; старость начинает сказываться; когда был молод и силен — Церквей не было; Церкви стали — старость пришла, путешествовать по ним тягостно. Впрочем, пока еще с Божией помощью послужим!

14 / 26 мая 1893. Пятница.

Иваёдо. Хитокабе

Неприветливо встретил приход о. Иоанна Катакура: ночью начался дождь и шел без малейшего перерыва весь день. Утром в Мидзусава, еще когда все спали, о. Борис Ямамура отправился в Мидзусава посмотреть, производится ли ремонт церковного дома, как было условлено, когда я был там, и повидаться с Корнилием Хоси, катихизатором Мидзусава, подавшим в отставку по болезни. Это — тоже свидетельствует о ревности и неутомимости о. Бориса, несмотря на видимую его вялость. Из Мидзусава пришел староста церковный сказать, что плотничий ремонт не производится еще оттого, что взявший подряд плотник ныне на другой работе, — циновки же куплены. Корнилий Хоси пришел и принес 16 ен — содержание, высланное ему Миссией за пятый и шестой месяцы, ибо-де не служил в это время, а ухаживал за больной женой; посоветовавшись с о. Борисом и узнав от него, что Корнилий не беден, я взял обратно деньги, как церковные, а Корнилию сказал, что когда он совсем выздоровеет, то, если захочет, может опять поступить на службу, оставляет которую ныне по уважительной причине и как «киреини»; причина выхода его отчасти болезнь, отчасти то, что некому поручить уход за пятилетним сыном, — сам неразлучно с ним, — «без меня, мол, плачет», — это показывает в нем очень нежного отца.

Распростившись с о. Борисом, я с о. Иоанном Катакура отправился в первую по пути Церковь его прихода в *Иваёдо*. Катихизатор и потом братья встретили, несмотря на ливший дождь; перебрались чрез реку, с трудом, по размокшей дороге, добрались до города и потом — на конец города, где приютился церковный дом. Был здесь лет десять тому назад построен христианами отдельный церковный дом; издержали они на это 120 ен. К несчастью, дом построен был на занятой земле; христианин Никанор Касиваги одолжил 12 цубо земли около своего дома для церковного здания, но обеднел потом этот Никанор, должен был продать свою усадьбу, в том числе и землю под Церковью; срыли христиане свою Церковь, продали дерево за 15 ен, которые ныне хранятся для

будущего церковного здания и имеют еще в остатке восемь циновок. Так печально кончилась ревность христиан иметь свой церковный дом! Это немало послужило к охлаждению их к Церкви вообще. Нынешняя церковная квартира на самой окраине города нанимается за 1 ену 50 сен.

По метрике в Иваядо крещеных 57, из них 8 ныне в других местах, 6 умерли, 3 охладели, 40 налицо, и 3 надежных слушателей учения. Значит, Церковь не из малых. Между тем здесь в воскресенье и службы не бывает — ни единого человека не приходит; в субботу только собираются человек 10. Никаких других религиозных собраний нет. Определенных пожертвований нет. Жертвуют, кто сколько хочет. С конца 1890 года до сего времени пожертвовано христианами всего 18 ен 20 сен, причем пожертвования постепенно уменьшались, точно по лестнице вниз спускались, и ныне свели почти на ничто; дают только 50 сен кёокию священнику. Кроме того, на Рождество и Пасху складываются собственно на общее угощение, которое есть в эти праздники; такой складчины в год бывает ены 3; остающееся от угощения идет на свечи в Церковь.

Очень опечалил меня упадок христианского духа в Церкви, и с горечью высказал это в проповеди; особенно укорил христиан за совершенное несоблюдение воскресного дня. Затем, так как здесь взрослых 21 мужчина и 10 женщин, то предложил немедленно завести мужское и женское «коогиквай». Согласились и завели, — назначили время и избрали людей для первого собрания.

Дух Евангельской Марфы постоянно мешает в Церкви. Среди самых горячих мест проповеди — наиболее необходимые люди постоянно выходят, — то, значит, заботятся об угощении или же среди самых важных совещаний о «коогиквай» обращаются с вопросами вроде: «На лошади или на дзинрикия отправитесь дальше?»

Угощение приготовили действительно на славу: все роды местных произведений представили на блюдах, — забыв только чашку риса, что наиболее нужно было, равно не посолив ничего; спросил я сои и набил желудок картофелем, луком и тому подобным.

После обеда отправились посетить дома христиан — всего 13. Кроме одного портного из Санума, все — местные жители, почти все домовладельцы, и ни единого — бедного, иные же, как Игнатий Накамура — богатые. Значит — Церковь здесь очень прочно поставлена, — Церковь с очень блестящим будущим, лишь бы дух христиан несколько поднялся. Опять и опять толковал о сем и священнику, весьма еще не опытному и, кажется, далеко не ревностному о. Катакура, и вялому катихизатору Павлу Кацумата, и всем христианам. Послал в Токио выписку книг духовных, не имеющих еще в сей Церкви. Обещались ходить в Церковь, производить собрания и так далее. Но нужно будут почаще напоминать обо всем этом священнику и им самим, да катихизатора следовало бы сюда поживей, если можно будет сделать это на Соборе.

В пятом часу пополудни все церковные дела были кончены, и мы направились дальше, в Хитокабе (80 домов город всего), 4 ри от Иваядо; я в тележке, о. Иоанн Катакура и катихизатор Павел Кацумата, которому Хитокабе подведомо, пешком. Но, Боже, что за путешествие было! Конечно, если бы я знал, то надел бы варадзи с таби и отправился бы тоже пешком. Двое тащили мою тележку, да, двое: Никанор Касиваги, провожавший из Иваядо, и Яков Суга, встречавший из Хитокабе, почти все время помогали сзади. Дождь все время; дорога сделалась невозможной, — камни, рытвины, водомоины; тут же подъемы на горы и спуски. Мучение невыносимое — сидеть и видеть, как люди мучатся, таща тебя, а выйти нет возможности — сапоги на первой версте придется бросить, идти босому — сделаться больным и вернуться в Токио, не докончив дела. Едва в девять часов вечера, с множеством фонарей кругом и десятками помогавших рук добрались наконец до Церкви в Хитокабе; о. Иоанн и Кацумата с другими, провожавшими из Иваядо и несшими чемоданы, давно уже ждали здесь.

Здесь, стараниями благочестивого старика Авраама Кикици, построен настоящий церковный дом, в котором сверху Церковь, внизу — большое помещение для катихизатора; есть около Церкви комната и во втором этаже, которую приготовили для меня, устлали и одеялами, снабдили столом, стульями, но в которой стены только вчера или третьего дня отштукатурены (когда я потом переспал в ней, то встал совсем больной — слабый и с головокружением). Церковь вполне снабжена иконами живописи Ирины Ямасита; иконостас вышел очень красивый (только пока еще не покрашенный).

По прибытии тотчас же мы приступили к служению вечерни, которую пели много голосов, но слишком уж бодро, без малейшего понятия, что петь нужно благоговейно, разлили также изрядно. Поучение было краткое по позднему времени. Потом рассмотрели метрику. По ней здесь крещеных 122. Из них ныне в других местах 29, умерли 17, охладели 12; налицо 64 и одна крещеная в другой Церкви, всего 65. Слушателей учения вновь нет. На богослужение собирается по субботам человек 20, по воскресеньям 15. Есть женское «симбокквай»: собираются 20-го числа каждого месяца по старому календарю и говорят, кто что приготовил, большей частью из Житий Святых. Делают пожертвование желающие из христиан — по 2 сен в месяц; всего в месяц собирается сен 20; так накопили 4 сны.

Мужчины жертвуют только, когда нужно, например, в праздники — на свечи и другие церковные нужды, что остается, то идет на праздничное угощение.

По позднему времени и усталости больше расспрашивать не мог; от ужина тоже отказался и лег спать.

15 / 27 мая 1893. Суббота.

Хитокабе. Тасе

Встал совсем больной, с головокружением от сырой штукатурки и с расстроенным желудком от угощения в Иваядо. Впрочем, магическое слово: «Теперь на настоящей службе», с Божией помощью на сию службу, одолела слабость. После обедницы, с восьмью часами, и панихиды, была довольно длинная проповедь, потом убеждение христиан завести мужское «кооги квай», — завели; испытание детей в знании молитв: только некоторые прочитали, прочим и в Церковь дозваться нельзя было: своевольные и невоспитанные дети и молитвам плохо или совсем не обучаются, за что дан был выговор катихизатору Павлу Кацумата и родителям. Проверены церковные книги: здесь оказалось только несколько книг, оставленных в пользу Церкви катихизатором Оигава или пожертвованных христианами. Поэтому составлен список необходимых здесь книг и послан в Миссию для высылки. Выписаны для подарка несшим вчера наши с о. Катакура чемоданы и потрудившимся около моей тележки также по книге.

После обеда (состряпанного по рецепту о. Катакура, — почему я и у этого священника, как прежде у о. Мидзуно и других, на первые дни как будто за особенные какие преступления, наказываюсь или плохой болезнью или голодом, то есть или страдаю желудком, как от обеда в Иваядо, или остаюсь голодным, более или менее, как сегодня; уедишь, наконец, священника, что нужно давать мне простую японскую пищу — тогда дело пойдет на лад); пошли, несмотря на рубивший без устали дождь, посетить дома христиан. Были в 13 домах, в 14-м не были, ибо далеко за городом и тесно, уже началась выводка шелковичного червя. Из тринадцати домов только двое на квартирах: слепец Тимофей и кузнец Давид. Из всех один — первый — голый бедняк; все прочие — зажиточные, а Иов Кикучи и Яков Сунга — местные богачи. Значит, местная Церковь начата и поставлена очень прочно, это немало порадовало меня. Будучи в доме Авраама Кикучи, я спросил, сколько стал постройкой храм; всего 507 ен. Из сей суммы 40 ен — пожертвование других Церквей, вследствие Авраамовой просьбы о том четыре года тому назад на Токийском Соборе; Авраамово собственное пожертвование оказывается самым ничтожным — всего 15 ен, кажется; его только хлопоты были. Иов Кикучи дал 125 ен, Яков Сунга 85 ен, Савва Еодо из своего бедного катихизаторского содержания 15 ен, прочее дано другими домами здешней Церкви (и несколько мною). Нужно иметь в виду, что храм построен самым нелепым образом, с крестом над алтариком, спицей — над колокольной, на которую, однако, никак нельзя взобраться. Не спрашивают, когда составляют план — фантазируют, выходит — половина денег — трата даром; тут же, на втором этаже — вместе с комнатой для Церкви, пол-этажа не может иметь никакого употребления. «Это для чего место?» — спрашиваю.

«Кладовую устроить!» — отвечают, — а класть туда нечего; просто даром пол-этажа построили, зато на окончание денег недостает и доселе в Церкви потолка нет, верхней штукатурки также. Объявить на Соборе, чтобы планы для церковных построек непременно присылали в Миссию для просмотра и исправления, если нужно.

Из этой Церкви Симон Кикици, у него отец, мать, бабка, младшая сестра — куда-то отдана, старшая замужем за катихизатором Яковом Яманоуци. Дом — собственный, довольно зажиточный.

Кончивши посещение христиан, отправились дальше, в Тасе, 2 ¹/₂ ри от Хитокабе. Дождь сделал всем род путешествия невозможным, кроме как в японских «варадзи», Яков Сунга заранее похлопотал заказать для меня «таби» и «кяхан»; он же помог нарядиться в них и в варадзи, и в третьем часу мы отправились; чемоданы пошли на грузовой лошади. Я думал, что от погружения ног в холодную грязь поднимется ревматическая боль; Бог миловал. Уже в сумерки пришли в Тасе; здесь христиане услужливо стащили с ног грязные доспехи, дали теплой воды обмыть ноги, — и мы начали ознакомление с Церковью, которое на сей раз, к сожалению, было очень не сложным, по малости Церкви. По метрике здесь крещеных 27; из них 2 ныне в других местах, 1 умер, 1 охладел, 5 — дом врача Пантелеймона Циба в Симо-миямори, 2 ¹/₂ ри от Тасе; остальные 18 налицо, в 4-х домах; из сих 18 больших 10, детей 8; из 10 мужчин 6, женщин 4, — почему все-таки оказалось возможным завести здесь чтение книг с приготовлением, — ныне во второе и четвертое воскресенье месяца, ибо разведение шелковичного червя мешает, после каждое воскресенье. Дети все оказались не только незнающими молитв, но и креститься неумеющими, за что родители укорены и сказано им поучение о воспитании детей.

Самое селение Тасе — разбросанная деревня: по реке — несколько выше дома Моисея Асакура, у которого мы остановились, 20 домов, и ниже 23 дома; дом Луки Кимура в первой группе, Авраама Накамура во второй, еще дом — недалеко в горах; дом Асакура стоит одиноким на высоком берегу. Сам Моисей Асакура — богатый и умный земледел; показывал три похвальных листа с выставки за разведение кроликов, луковиц лилии и бобов.

Занесено христианское учение сюда Кириллом Сугаи (который ныне один из здешних христиан), он, живя в Иваядо, узнал учение от бывшего катихизатора Петра Кудзики. Потом Варнава Имамура из Токио приходил сюда проповедывать, и Моисей Асакура и все прочие — его наученики.

Есть у них церковная икона в доме Авраама Накамура; раз в месяц, в субботу или воскресенье, они собираются к Накамура помолиться. Больше сего нет никаких церковных учреждений. Церковные книги есть, и в большом количестве, только без употребления лежат у Накамура. Я присоединил к ним ныне несколько вновь вышедших, но с условием,

чтобы они непременно производили вышеозначенные собрания для чтения с приготовлением.

Жертвуют христиане Тасе в год ены две и больше, на прием и содержание священника, когда он посещает их. Катихизатором у них был Петр Кикуци — из Тооно — заведывать сею Церковью; по выходе его со службы, заведует ими Павел Кацумата, но ничего не делает для них, по дальности.

В будущем году будет проведена дорога для дилижансного сообщения между Камаиси и Ханамаки; она пройдет чрез Токио и пойдет недалеко от Тасе и чрез Цуцизава; тогда удобно будет соединить Тооно, Тасе и Цуцизава под одного катихизатора. В Цуцизава христиан еще нет, но желающие слушать есть. От Цуцизава $2\frac{1}{2}$ ри до Тасе; от Тасе до Тооно 6 ри. Тооно — третий город в провинции, следующий за Мориока и Ициносеки; Цуцизава также имеет несколько сот домов.

Отслужил о. Иоанн Катакура всенощную, так как завтра Великий праздник Сошествия Святого Духа; пели мы с катихизатором Павлом Кацумата; сказано было поучение.

16 / 28 мая 1893. Воскресенье.

Праздник Сошествия Святого Духа.

Тасе. Тооно

Утром убрали стол и иконы зеленью и цветами, отслужили обедницу, сказано поучение, учреждено вышеобозначенное собрание христиан для чтения после молитвы книг духовных, к которому заранее должен готовиться чтец. Пообедали и простились с немногими братьями и сестрами в Тасе и провожавшими досюда из Хитокабе, чтобы следовать дальше, в Тооно, каковое путешествие устроено было ездвое, ибо дождь наконец перестал, и можно было надеяться, что лошади благополучно будут спускаться с подъемов и не оборвутся в пропасть; только медленно очень это путешествие; выехавши из Тасе еще до полудня, мы 6 ри едва одолели к семи часам вечера. Здесь, в Тооно, Церковь совсем уже ничтожная по численности. По метрике крещеных всего семь человек; из них двое ныне не здесь; остается одно семейство Павла Сакасита, мелкого торговца, с женою и четырьмя детьми, из которых трое крещены; живет еще здесь чиновником, родом из Камаиса Николай Ваннай с женой Ниной и некрещенным еще младенцем, и врач, некий Еда, здешний родом, который сегодня вечером ко мне не пришел; Сакасита также здешний родом. Вот и все здешние христиане. Ни церковной иконы, ни духовных книг для чтения у них нет; никакого церковного учреждения нет. Но христиане, сегодня собравшиеся, тем не менее — хорошие христиане; большую радость она выказали при свидании и до полуночи оставались со мной. К сожалению, нашей беседе помешал

некий Накамура, мой хакодатский знакомый тридцать лет тому назад; он служит здесь «гунчѐо» — узнал о моем проезде здесь из газет Мориока и захотел непременно повидаться, да и просидел часа два в воспоминаниях о старых временах; несколько раз я наводил разговор на религиозные темы, — «некогда», говорит, «учиться вере». Когда он ушел, был уже двенадцатый час ночи, и христиане, со спавшими детьми на руках, разошлись по домам.

Павел Минамото, бывший катихизатор, первый начал здесь проповедь; Сакасита — его обращенник; но и плохое здесь место для проповеди, рано еще; бывший князь — ревностный буддист секты хокке; благодаря этому обстоятельству Хоккесиу до сих пор сохраняет довольно силы; наклонные к религиозности держатся его, остальной народ, как везде, равнодушен к вере, — почвы для христианства нет; так и вышло, что лет восемь нашей проповеди здесь почти потеряны; трудились здесь католики немало, и у тех человек пять совсем плохих христиан, не больше, и место это заброшено ими; протестантов — ни одного. Бросать, однако, этот пункт нам не приходится, катихизатора здесь поставить следует; христиане речутся, что слушателей мало-помалу соберется довольно.

17 / 29 мая 1893. Понедельник.

День Святой Троицы.

Тооно. Ооцуцу

Такие торжественные праздники и в таких церковно-пустошных местах провидеть приходится на этот раз! — Общественной молитвы совершить нельзя — не с кем, негде, и ни одной богослужбной книги, кроме служебника у священника. Утром посетили дома христиан — три: Николая Ваннай, Павла Сакасита, и Луки Еда, — везде отправили краткое молебствие. Врач Еда на словах оказывается также усердным, несколько болен, нашли его в постели. Положили мы отныне собираться христианам по воскресеньям и после молитвы читать книги с приготовлением наперед того, что назначено для чтения; три взрослых мужчины, две женщины, — всего налицо ныне для сих собраний; обещались исполнять это. Необходимые книги выписаны из Миссии; икона дана 12-ти праздников, что из Троицкой Лавры.

Посещая христиан, зашли к вчерашнему гостю Накамура — отдать визит, — взошли на холм взглянуть на город, расположенный на небольшой равнине среди гор. В одиннадцать часов верхом на грузовых лошадях в седлах выехали из Тооно в Ооцуцу, 12 ри от Тооно. По дороге заехали к земледельцу Аракава в деревне Цуцибуци, 1 ри от Тооно, — 50 домов. Аракава пришел в Тооно повидаться со мной, принес коробку конфет, оказался довольно начитанным по религиозной части — знает ветхозаветную историю, имеет много христианских книг, оставленных

ему бывшим катихизатором Павлом Кикици, от которого немало слушал и устных наставлений в вере; но все это в совокупности породило в нем немало гордости своею ученостию — резонерствует и под разными предложениями от крещения уклоняется; вероятно, впрочем, сделается христианином — благодать Божия коснулась его сердца.

Целый день был горной дороги; холодный ветер пронизывал нас сквозь, и не было от него защиты; потом забрались за черту облаков и были в холоде и сырости; стали спускаться вниз — попали под дождь; ехать на грузовом седле — мука едва терпимая; пред Ооцуцу речку пересекали раз пятнадцать; настала наконец темень, и только Бог помог нам добраться благополучно до Ооцуцу; пред городом встретила толпа христиан с фонарем. Проводили в гостиницу, где отдохнули несколько, отправились к христианину Павлу Накано, у которого ныне помещается церковная икона и собираются для молитвы. Отслужена была вечерня, которую пел я, с помощью подпевавших врозь двух-трех голосов; сказано поучение; принялись за метрику, которая на сей раз просто в отчаяние привела. По ней крещеных здесь 84, из них целых 20 человек, все здешних коренных жителей и первых христиан, — охладевших, до невозможности, по словам христиан, поднять их; 16 — в других местах, и из этих — тоже почти все охладевшие; 14 умерли; остаются 34, но и из этих многие с некоторой переменчивой впереди возможности возбуждения их. Христианских домов 17; из них в 12 — христиане, ходящие в Церковь.

В воскресенье на молитву собирается 5–6 человек, в субботу 12–13; молитву читают, петь некому. Больше религиозных собраний никаких нет. Пожертвований — тоже никаких; прежде жертвовали на содержание катихизатора несколько — давно прекратили, — на священника немножко, в прошлом году и это перестали. Был здесь построен церковный дом, хоть плохой, а все же дом молитвы был; одиннадцать лет тому назад я в нем с христианами молился; под предлогом, что не на что отремонтировать, его продали, всего за двадцать с чем-то ен; из сего половину дали Капитону — христианину, который жил в нем, 10 ныне хранятся на процентах в экитейкёку. Словом, Церковь в полнейшем расстройстве — от плохих катихизаторов вроде Петра Кикици и от небрежения священника. Не знаю, поможет ли Бог поднять ее.

18 / 30 мая 1893. Вторник.

Ооцуцу. Ямада

Утром, в Ооцуцу, отслужили обедницу; пели тоже — мы с о. Катакура; читал Лука Курада Часы порядочно, Апостол — до того плохо, что я среди чтенья остановил его и дал наставление, как читать, да что читать Слова Божие нужно наперед приготовившись к тому. После поучения

убеждал завести воскресные собрания для чтения духовных книг с предварительным приготовлением, — избраны тут же и чтецы для первого собрания, назначено время; большого усилия мне стоило, чтобы говорить все время с одушевлением, убеждать с возможною искренностью, ибо в глубине души я не верю, чтобы исполнено было, что предлагается и принимается; да и кому? Все народ такой полинялый, такой вялый и не божественный! Один Лука Курада немного смыслит, да и тот «яма-се», — один Павел Накано несколько усерден, да и у того усердия настолько, что лишь только я кончил говорить, ушел через улицу к соседу язычнику праздно балагурить, беспечно развалясь.

Из примера Церкви Ооцуцу я вижу, что — какой вред может сделать дрянной катихизатор вроде Кикучи и как детски слабы и беспомощны ныне многие наши христиане сами по себе; есть хороший катихизатор — Церковь идет вперед; есть катихизатор ленивый — Церковь останавливается в росте; есть совсем плохой — Церковь вдребезги разбивается, как в Ооцуцу! Пошел после службы посетить дома христиан, несмотря на ливень; труд сей привел еще к вяшему оплакиванию в душе несчастной Церкви; наполовину бедности, наполовину обеднелость нравственная; Капитон с своим семейством — первой категории — жалость возбуждает, — дал ему 3 ены на платье ребятишкам; однако же дети его умеют креститься и знают молитвы — единственное утешение, полученное мною в Церкви; прочие дети — ни молитв, ни креста не знают; одного мальчика прочат в Семинарию, а он и понятия не имеет о молитве; это сын умершего Фомы Хината, которому принадлежала земля под церковным домом, умирая, он завещал продать землю, скопнув с нее церковный дом; думал я, что бедное семейство, — куда! Пришел, — отличный собственный дом, и в нем жена Ольга — христианка, обратившаяся в язычницу, дядя — христианин, обратившийся в заклатога язычника, и на глаза мне не показался, — и все это родные Луки Курада; видно из этого, что в душе он не имеет никакого усердия у Церкви, хотя читает в Церкви. Посетили домов семь, — душу истерзало везде видимое охлаждение всех по Церкви. При всем том и высказать нельзя было сей печали душевной; еще более убьешь больное дитя, — не они ведь виноваты, а мы; чем они виноваты, что больны душевными дарами? Мы, не умеющие воспитывать то бедное и малое, что у них есть, мы виноваты; но опять — где же достать людей в способные катихизаторы и священники? Боже, помоги! И ума не приложишь, что делать! Хорошего, усердного катихизатора сюда нужно, тогда воскреснет замершее, но и после Собора будет ли здесь таковой! Дай, Боже!

Пообедав дряннейшим обедом, простились с братьями и отправились дальше, в Ямада, верхом на грузовых лошадях в беспроглядный дождь и мерзейшую слякоть. Кроме дождя, обливали водой кусты в узких местах дороги, так что ноги промокли, начиная с полдороги (всего от Ямада Ооцуцу до Ямада 5 ри с небольшим). Но и при всем том

нельзя было не восхищаться дорогой, смотря на великолепнейшие азалии в полном цвету, которыми покрыты горы,— в царские сады их бы прямо — целые волны светло-розового цвета!

За один ри от Ямада, в деревне, встретили человек 6–7 христиан с катихизатором Яковом Яманоуци во главе, стоя под дождем на грязной дороге; муку душевную вместо удовольствия причиняют подобные оации. Около шести часов вечера прибыли в Ямада, в церковный дом. Здесь чувства обновились: тотчас видно было церковное одушевление — живость и бодрость написаны были на всех лицах. Переодевшись и выпив стакан чаю, отправились в Церковь, полную христиан. Вечерню читал катихизатор Яков Яманоуци хорошо, пели человек шесть недурно. И проповедь охотный был говорить. По окончании всего в Церкви спустились вниз, в катихизаторскую комнату, уступленную на этот раз мне, и по метрике проследили Церковь. Совсем другое, чем в Ооцуцу. Тотчас видно, что здесь есть человек, заботящийся о Церкви, и Бог помогает ему. Крещеных в Ямада 163, из них 19 умерли, 53 переселились в другие места, больше всего в Хоккайдо (также в Мияко, куда ушло 14), 3 только охладело, 1 ушел в протестантство (будучи в Токио). Остальные 87 и из других Церквей 10, всего 97 человек здесь налицо. Новых слушателей 3. Христианских домов в городе 27. В субботу на службу собирается человек 30, в воскресенье человек 25. Есть мужское собрание «сейнен-квай», собираются в первую и третью субботы месяца; братья заранее готовят, что говорить; говорят жития Святых, притчи их Нового Завета и подобное. Советовал я переменить «сейнен-квай» в «коогиквай», «сейнен» — подражание протестантам, не подобает это нам, неприлично, низко для православия в чем-нибудь брать пример с недоверков; для нас примеры только в Священном Писании и Церковной Истории; тем более «сейнен» квай не идет, что в нем участвуют и не молодые. Советовал также производить в воскресенье и избирать трех «коогися», из которых одному непременно говорить из Священной Истории Ветхого Завета. Обещались исполнить.— Есть женское собрание; собираются 15-го числа месяца и слушают лишь катихизатора, который говорит им из Житий Святых, сами ничего не говорят. Женщины приносят на собрания по 2 сен; кроме того, многие имеют кружки дома, в которые кладут свои жертвы, и в конце недели приносят накопленное в Церковь; все это употребляется ими на дела благотворения, на расходы по Церкви (если мужских пожертвований недостает), и есть из сего накопленные 10 ен, которые отданы на проценты в экитейкёку.— Мужчины на свои собрания приносят по 1 сен, что идет на чай и кваси здесь же. Есть определенные месячные пожертвования, из которых ежемесячно дается на содержание священника 1 ену, на катихизатора 1 1/2 ены (в последнее время это не исполняется, говорил катихизатор тут же при христианах).

Церковный дом здешний стóбит по постройке 350 ен, стоит на 31 цубо земли, занимаемой у язычника; в год платится за нее 7 ен 25 сен. Ныне язычник требует свое место назад, и христиане ищут участка в городе для покупки и перенесения Церкви; собрали уже на сие 85 ен; нужно до 100 ен на покупку земли, да ен 80 будет стоить переноска.

На службе Церкви из Ямада состоят: катихизаторы Симон Тоокайрин и Моисей Минато, учителя пения: Петр Тоокайрин и Федор Минато.

Петр Ито угостил отличным хлебом своего печения и мясным ужином своей стряпни; разводит здесь коров и овец и продает молоко.— Пред ужином нельзя было не сходить в ванну, так радушно приготовленную, хоть и нужно было выходить на дождь. А дождь рубит все сильнее и сильнее. В Мияко попасть нельзя — река разлилась до невозможности перейти, говорят.

19 / 31 мая 1893. Среда.

Ямада

Утром, с восьми часов, отслужили обедницу. После проповеди предложено было сестрам устроить «кооги-квай» ежемесячно, по воскресеньям и так далее. Устроили, избрали четырех «коогися» вместо советованных от меня трех, что достаточно показывает их одушевление; даст Бог, здесь «коогиквай» привьется. Погода прояснилась, дождь перестал; тем не менее сегодня в Мияко попасть нельзя, но и возвращаться, не видав Церкви, тоже нельзя; итак, подождем здесь до завтра, пока вода спадет; кстати, и отдохнем немного.

Дал христианам 20 сен пожертвования в помощь на перестройку их Церкви.— Испытаны дети в знании молитв; половина знает, половина нет; сказано поучение о воспитании детей для Царства Небесного; катихизатору внушено учить детей молитвам и Закону Божию.

В час пополудни отправились посетить христиан; были в 27 домах; из них два дома — очень богатые, еще дома два-три богатые, прочие — зажиточные и живущие так себе; бедняков нет. Только в двух домах христиане — временно проживающие; прочие все — коренные здешние жители; значит, Церковь имеет все надежды на развитие в будущем; из домовладельцев половина имеет дома на чужой, занятой земле, но немало и совсем не имеющих домов, а живущих в нанятых, хотя, как выше сказано, небедно; есть купцы, рыбаки, плотник, полицейские, чиновники, земледельцы. Беднейшим мне показалось семейство катихизатора Симона Тоокайрина; у него в доме отец (ныне в Хоккайдо по рыбному промыслу), мать, бабка — 86 лет, две сестры и брат; из первых старшая — невеста, младшая лет восьми, брат Яков, что был в певческой, живет у Симона на Эзо; еще сестра замужем. Дал три ены матери Симона. Петр Тоокайрин — приемыш в доме тетки, совсем одинокой и тоже бедной.

Семья Федора Минато — вся языческая, но зажиточная, говорил катихизатор, — земледельцы; старший брат Федора — хозяин в доме, отец и мать живы. У Моисея Минато никого нет здесь; бывшая его жена в Хоккайдо где-то. — Были у вчерашнего угодителя — Петра Ито; оказывается, козлиным мясом вчера угощал, не овечьим; не «хицудзи», а «яма-хицудзи» разводит он; видели три тщедушные козы с двумя крошечными козлятами и коза — взаперти.

Совещались, будучи у рыбака Авраама, о путешествии завтра до Мияко на лодке, если не будет верного известия, что чрез реку нетрудно перебраться; Авраам говорит, что с пятью гребцами в продолжение шести часов можно добраться до Мияко, если не будет очень ветрено.

Вечером отслужили панихиду по умершим в сей Церкви, с поучением о пользе поминовения усопших и значении кутии. Потом было слово о том, что не жаль ли жертвовать на Церковь; в пример рассказано о Федоре Николаевиче Самойлове и других русских жертвователях на храм в Токио.

20 мая / 1 июня 1893. Четверг.

Ямада. Мияко

Утром о. Иоан Катакура крестил двоих детей.

В девять часов братья и сестры с ребяташками за плечами проводили за город и простились. По дороге реки оказались настолько спавшими, что мы верхом на лошадях переходили их, нисколько не замочившись. Ехать на японском грузовом седле, приспособленном на иностранный манер, при непобедимой никакими доводами склонности японцев — для иностранца все делать по-иностранному, при полнейшем неумении сделать, невыносимая мука, точно вновь изобретенное пыточное орудие; я возмущился наконец и велел поправить седло — сделать совсем по-японски; но добиться не мог, чтобы отдыхать от пытки, много раз слезал пройти; уставая, опять всходил на пыточный стул; раз не угодил хорошо взойти, сломал или вывихнул, — не знаю еще — большой палец правой руки, так что теперь почти совсем не владею им и пишу, осиливая боль; палец распух и ноет.

От Ямада до Мияко 6 ри. Прибыли в Мияко в три часа пополудни. Не доезжая Мияко $1\frac{1}{2}$ ри, в Канахама-мура (40 домов) заехали в дом Якова Урано, который встретил нас далеко до деревни; он третий по времени христианин с самого начала японского христианства; крестился вместе с о. Савабе и покойным Сакаем; но до того опустил и нравственно одряхлел, что совсем бесчувствен ко всем стараниям пробудить его религиозное чувство; семь человек у него детей и жена; самому 53 года, и уже много седины; свой дом, но живет, говорит, только врачебной практикой. На стене — прекрасный образ Святого Апостола Якова, подарок графа А. П. Толстого, привезенный мною еще в 1871 году как простая картина.

В Мияко нет церковного дома; икона помещается у христианина Филиппа Райкубо. Там мы отслужили молебен и после краткого поучения расспросили о положении Церкви. По метрике здесь только 13 крещеных; из них два ныне в отлучке, зато из Ямада есть 14, в Неморо крещеный 1, — итого всех христиан налицо 26 человек, в 9 домах; мужчин 10, женщин 7, детей 9. Новых слушателей здесь и в Кувага-саки (20 чё) 12.

В субботу на молитву собираются человек 15, в воскресенье 3–5, когда нет здесь катихизатора Якова Яманоуци, и больше, когда он здесь; бывает же он в Мияко и Ямада попеременно, смотря по тому, где больше слушателей учения.

Было здесь собрание, на котором сами христиане и катихизатор говорили наперед приготовленное, преимущественно из Житий Святых, собирались 28 числа каждого месяца, но недавно это собрание прекратилось.

Никаких определенных пожертвований нет; а собирают с себя христиане только 34 сен ежемесячно на содержание священника. Что из кружки высыпает, то идет на свечи; недостающее на сей предмет Филипп Райкубо восполняет.

Посетили дома христиан, всего 6; в седьмой зашли при выезде в Фудзивара, предместье Мияко; это жилище матери академика Петра Исигаме Елены и тетки Ии; первой всего сорок четыре, второй сорок один; Елена при всей бедности являет все признаки бывшей аристократки; дом Исигаме был одним из первых дворянских домов в княжестве Намбу. Из шести посещенных домов — половина собственных, половина квартир; все христиане небедны; восьмой дом — Филиппа Райкубо, конфетчика, также не кажется бедным, хотя катихизатор говорит, что он проживает (при трех детях) больше, чем добывает на своем промысле. Есть еще дом в Кувагасаки, дом в Сентоку — по дальности там не были.

В четырех домах в Мияко и одном в Сентоку христиане здешние коренные жители, в остальных пришлые.

С восьми часов отслужили вечерню, было слово; учредили «коогиквай» — общий для мужчин и женщин.

Христиане просят катихизатора исключительно для Мияко, и следует, ибо здесь, в Мияко: 1000 домов, в Кувагасаки 800 домов, в Сентоку 300 домов; значит, больше 2000 домов, почти в одном месте; христиане новые усердные к добыванию слушателей — значит, все признаки того, что постоянное пребывание здесь катихизатора будет очень полезно.

21 мая / 2 июня 1893. Пятница.

Мияко. На обратном пути. Ямада и Ооцуцу

Утром, в шесть часов, братья и сестры Церкви Мияко проводили нас за город и простились. На грузовых седлах кое-как доехали обратно до

Ямада; здесь христиане опять с великим радушием встретили и угостили обедом. Во время обеда получено письмо от секретаря Миссии Сергия Нумабе; извещает, между прочим, что о. Сергий Страгородский приехал из Сайкёо и через день-два уезжает в Россию. Пошли, Господи, сюда миссионера по сердцу Твоему! В семь часов вечера прибыли в Ооцуцу; здесь также братия радушно встретила нас, а дети — пять человек — ожидали нас далеко за городом, в горах. Остановились в прежней гостинице, где, кстати, нашли и приготовленную горячую ванну, очень полезную после крайне утомительного путешествия.

22 мая / 3 июня 1893. Суббота.

Камаиси

Рано утром оставив Ооцуцу, в девять часов утра прибыли в Камаиси, 3 1/2 ри от Ооцуцу. Братия вчера ожидали и ходили далеко вперед встречать, сегодня не встречали, по незнанию, когда будем. Да и братии здесь совсем мало. Эта Церковь такая же захиревшая, как в Ооцуцу; тяжелей еще больше: будучи здесь двенадцать лет тому назад, я нашел здесь более христиан, чем ныне. Приостановка работ на здешнем железном руднике, потом холера, потом пожар, испепеливший почти весь город, были бедственны и для Церкви; плохие катихизаторы добились ее; и я вот ныне видел одни остатки от развалин ее; на службе были всего 9 человек, старых и малых; ни петь, ни читать некому, да и молиться тоже; для поучения едва нашел кое-что сказать, ибо прямо видел, что трудно втолковать что-нибудь — старые от старости мало понимают, малые не доросли до понимания, лучший из христиан здесь — Павел Мацумура, 62-х лет, — действительно усердный к Церкви; он и читал 3-й Час с большим грехом пополам; однако же племянник его, мальчик лет четырнадцати, с ним живущий, не знает ни одной молитвы. Живет здесь мать катихизатора Василия Ивама, бедная старушка, совершенно одинокая; есть старшая сестра Василия Ивама, замужем, у ней пять человек мал-мала меньше; живут в крошечной грязной квартире весьма бедно. Есть здесь отец катихизатора Моисея Минато, вдовый старик, бондарь, и немало его — Моисея, теток и братьев, — живут торговлей и не бедствуют; родина Минато в Ямада, но все они переселились сюда, когда рудник процветал; все семейство Минато еще в язычестве.

Спросил я метрику, дали, но новую, присланную после пожара; в нее начато записывать по памяти и брошено; по исповедной росписи о. Катакура значится здесь 45 человек (умершие и давно выбывшие не помещены); из их 18 человек ныне в Хоккайдо и других местах или неизвестно где, 11 охладели, остаются 16 человек — больших и малых в сей Церкви, в 5 домах.

В субботу, тем не менее, человек семь собираются на общественную молитву, и Павел Мацумура читает ее. В воскресенье молиться не собираются. Никаких других религиозных собраний нет. Пожертвований не делают, а доставляют свечи для молитвенных собраний по желанию, то один, то другой. Духовных книг сюда много прислано из Миссии; я советовал читать их после молитв, когда собираются; обещались. Собираются ныне для молитвы у Павла Мацумура, но он не в своем доме, а у брата, который ныне в Хоккайдо, и дом этот в улице, где непотребные дома; неудобно, и хотят (когда Яков Ивама женится на сестре Василия) построить себе домишко, землю под который мне показывали — у него устроить молитвенную комнату.

После службы посетили мы дома христиан, — всего три, в четвертом служили, пятый — матери Василия Ивама — далеко, да и нечего было смотреть — маленькая лачужка; бедные, бедные христиане! И нравственно обеднели без человека, который бы заботился о них, и материально совсем разоренные пожаром, от которого еще не успели оправиться. Дал я им 3 ены на Церковь, и за это были очень благодарны. Наскоро пообедавши, мы с о. Иоанном Катакура отправились дальше, ибо больше нечего было делать в сей Церкви. Христиане, исключая старух, проводили далеко за город.

Доехавши до Кодзирохама, 3 ри от Камаиси, мы должны были остановиться на ночлег по неимению лошадей и позднему времени идти пешком. На дороге от Тоони, селения по ту сторону перевала от Кодзирохама, Бог спас нас с о. Катакура от беды; он отстал, умываясь в Тоони, я, чтобы дожидаться его, сошел с лошади и пошел пешком; вдруг слышу тревожный голос ребятишек около дороги: «Мата коно има, — коре-ва!» (опять эта лошадь, вон!), и побольшие из них побежали по дороге назад, поменьшие заревели; смотрю: откуда-то взялась лошадь, точно бешеная, и бросается то на моего коня, то на коня о. Катакура — те отбиваются от нее, и идет свалка лошадиного побоища; людей собралось довольно, но приступить боятся, только кричат; и уже когда бешеную лошадь достаточно побили наши кони ляганьем всех четырех ног, людскому крику удалось отогнать ее и направить по дороге в деревню; коневоды наши потом говорили нам: «Счастливы вы, что были в это время не на лошадях, — не миновать бы беды»; действительно, особенно мне, трудно сходящему с лошади, по болезни ног. Благодарение Господу за это избавление!

23 мая / 4 июня 1893. Воскресенье.

Сакари

Лошадей в Кодзирохама не нашли и так отправились пешком до Есибама, 3 ри от Кодзирохама, чрез огромный горный перевал; два человека несли наши чемоданы. В Есибама также все лошади заняты

возкой травы на поля для удобрения (кари-сики); должны были отправиться до Сакари, 5 ри, тоже пешком; но здесь насилу нашли людей для несения чемоданов: кузнец с женой взялись за это. В четыре часа пополудни встречаемые постепенно по дороге христианами, мы прибыли в Сакари, небольшой город, состоящий домов из 250, но зажиточный, ибо здесь три раза в месяц производится ярмарка. Отдохнувши немного в гостинице, отправились в церковный дом, где собрались христиане. Отслужили молебен; сказано слово; исследована Церковь. По метрике крещеных 42; из их ныне в других местах 11, умерли 2; но из других Церквей здесь 11 человек — итак, всех налицо ныне 40 человек, в 15 домах. Новых слушателей 3.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 15; только петь некому; катихизатор Савва Эндо, сам порядочно поя, по лености никого не научил. Есть женское собрание, три года тому назад заведено, при катихизаторе Варнаве Имамура; собираются 15-го числа месяца христианок 7–8; Савва Эндо рассказывает им из Житий Святых, Училища Благочестия или объясняет что-либо из Нового Завета; из них две говорят на собраниях, что приготовили, другие по неумению отказываются. Собираются попеременно в домах христианок. На эти собрания христианки приносят по 2 сен пожертвования; так собранное послано было в Россию, в помощь голодающим; ныне тоже есть несколько накопленного.— Мужского собрания никакого нет. Определенных пожертвований нет, но собирают на священника в месяц 50 сен и на катихизатора 50 сен. Есть церковных денег 36 ен, готовимых на постройку молитвенного дома: Петр Исе пожертвовал 30 ен и 6 ен процентовросло. Церковного дома нет, а дает Петр Исе верхний этаж своего дома для молитвенной комнаты; 50 сен за это положено платить ему в месяц; но эти деньги он не получает, а жертвует их на Церковь, да и получить мог бы разве с себя самого.

Впрочем, жертвуют здесь охотно, как я убедился из просмотра приходно-расходной книги: на церковные принадлежности, на угощения себе в праздники Рождества и Пасхи и подобное. И везде имя Петра Исе стоит первым, и он дает больше всех; потом следует его брат — Андрей; оба они конфетчики и домовладельцы. Распространился я в похвалах сему, особенно хвалил Петра, и особенно потому, что во многих местах его и имени нет, а просто «пожертвовано», без означения кем. Петр между тем являл немало смущения на лице, я думал, — это от скромности, и еще больше мне нравилось это. Но, увы, когда мы с о. Иоанном Катакура остались наедине, он сообщил мне, что Петр Исе держит любовницу и имеет ребенка от нее. Жена — молодая и умная, двое маленьких детей в доме, и любовница на стороне! Это что-то такое дикое, что и названия нет! Так как уже было поздно отбирать похвалы назад, то я сказал о. Иоанну, чтобы он после непременно убедил Петра отослать любовницу к ее родителям, взяв на себя заботы о воспитании ребенка, а

также возможно обеспечив ее, я же промолчу пока; но долго так этого оставлять нельзя: подумают, что мы мирволим разврату, лишь бы человек жертвовал на Церковь.

Посетили дома христиан, не так далекие, ибо было уже поздно; были в восьми домах: наполовину — домовладельцы и природные здешние жители; никого нет бедного; словом, Церковь выглядывает бодро и имеет надежды в будущем.

В восемь часов вечера опять собрались, и была вечерня, потом слово, затем убеждение завести мужчинам «кооги-квай», и завели; женское собрание несколько исправлено: отныне будет по воскресеньям, и христианки будут сами готовить и говорить «кооги», — из Священной Истории Ветхого Завета, из Житий Святых и из Нового Завета, по преимуществу из Притчей Спасителя.

Катихизатор сюда и после Собора обещан; только опять для Сакари и Таката совместно. Указывали еще христиане на три места, в которые можно простереть проповедь отсюда: 1) Аказаки, домов 100 селения, и «тебики» есть; 2) Риори, 3 ри, 250 домов, но «тебики» пока нет, да и далеко; 3) Сетамаэ, 4 ри, 200 домов; там, с помощью Масуда (отца певчего Исаака Масуда, служащего в этих местах учителем шелководства; живет в Сакари, с женой и матерью, отлучается в Сетамаэ и пр), Савва Эндо уже начал проповедь — слушателей 5–6; но далеко это место.

24 мая / 5 июня 1893. Понедельник.

Таката. Кесеннума

Утром христиане Сакари проводили нас в путь. Отсюда меньше 5 ри до Таката; ехали верхом — я и отец Катакура, — Савва Эндо, имеющий в своем ведении и Таката, шел пешком, по неимению лошади и невозможности достать ее в это горячее время (кари-сики). Дорога пролегла почти все время по берегу моря; местность очень населенная. Прибыли в Таката часам к десяти утра. Город сей расположен почти так же, как Сакари, — длиною линией, не скученно; домов 300; бывает также ярмарка три раза в месяц, и потому город небедный. Далеко до города встретили три христианина; после оказалось, что это и есть Церковь Таката; больше мы видели в Таката — одного старика христианина, да и тот охладелый.

Остановились в гостинице, в которой я не замедлил расшибить себе голову, и на этот раз до крови. Минут десять отдохнув, пошли в Церковь. Это небольшая грязенькая комната в доме язычника, на втором этаже, нанимаемая христианином, единственным усердным здесь, Павлом Цива (родом из Сендая; «ёотасси»); 50 сен он платит в месяц за нее и вместе за свою квартиру внизу. Есть и молитвенная икона здесь, есть и духовные книги для чтения. Взяли метрику, по ней крещеных в Таката 25,

из них ныне в других местах 12, умерли 3, охладел 1, в буддизм обратно ушел 1 (однако ж там что, говорит, «Бога не бросаю»); остается здесь 8; но и из сих половины мы не видели.

Ни молитвенных собраний, никакого другого церковного учреждения нет. Однако ж катихизатор Савва Эндо, по его словам, ежемесячно приходит сюда дней на 6–7, но для чего? Сам не знает! Выбранен он тут же за бездеятельность, за то, что опустил это место, — ни единого обращенного им здесь нет, ни единого слушателя не приобрел; а слушателей, без сомнения, и теперь можно найти много; были же, когда был здесь Яков Яmanoуци.

Отслужили обедницу; сказано несколько слов назидания христианам. Посетили потом квартиру Павла Циба и трех остальных христиан; кроме Циба, все смотрят полужаснувшими; у одного иконы нет; говорит: «Повесить родные не дают»; а идольская божница во всю стену. Пообедавши в гостинице, в два часа отправились в Кесеннума, 5 ри от Таката; отсюда уже пришли навстречу катихизатор Иоанн Синовара и христианин Аввакум.

Не нужно, однако, забыть, что из Таката может быть простерта проповедь: 1) в Имаидзуми, 20 чё от Таката, 500 домов, — «тебики» есть; 2) в Отомо, 1 ¹/₂ ри 350 домов, где уже есть христианин Николай Оигава. Три эти места (Таката, Имаидзуми, Отомо) могут считаться одним — для катихизатора, когда он будет приходить из Сакари — месяца на полтора два — сказать ряд проповедей собравшимся новым слушателям.

Забыл еще прибавить, что в Таката бедный Павел Циба один усердствует вносить ежемесячно на содержание священника 30 сен.

Церковь Кесеннума — совсем в другом роде, Церковь бодрая и ободряющая. По мере приближенья к городу мы все больше и больше встречали группы христиан, вышедших навстречу нам, так что, наконец, почти полною Церковью вошли в город и проходили им, что, с собравшимся множеством детей и взрослых язычников, присоединившихся к нам, составляло шумную и торжественную процессию. Отдохнув немного в гостинице, на сей раз у своих же, ибо гостиник Василий, его жена Марина, мать — Марфа, последняя очень усердная христианка; отправились в Церковь; здесь первым делом подводят под руки ко мне престарелую христианку, я благословляю ее и начал: «В первый раз видимся». — «Как, а в Токио?» — перебивает она меня, немало сконфузив; Господь их всех упомнит! В семь с четвертью часов стали служить вечерню; поют четверо, но очень стройно, истово, мелодично; две женщины, из них одна — жена катихизатора Синовара. После службы с удовольствием сказано поучение. Потом исследована Церковь. По метрике крещеных: 111, из них ныне в других местах 41 (в том числе в Тадагое 15, селение 1 ¹/₂ ри от Кесеннума), умерли 13, охладели 5, в католичество ушли 2, в протестанство 7; итого налицо здесь 43, и из Сендая одна христианка, —

всего 44 человека христиан здесь, в 14 домах, из которых в 7 все христиане. Новый слушатель, имеющий креститься, 1.

В субботу и воскресенье на богослужение собираются 14–15 человек, но так, что в месяц все побудут в Церкви, попеременно; а есть и постоянно бывающие. Есть мужское собрание: в первое воскресенье каждого месяца; катихизатор предлагает вероучительный вопрос, и производится «тоорон» — христиане обсуждают его, а катихизатор, если нужно, поправляет и помогает; «Жития Святых и другие рассказы еще рано вести, нужно, чтобы получше узнали», — говорит Синовара, и говорит дельно. Собирается человек 7–8.

Есть женское собрание; в последнюю субботу каждого месяца: катихизатор Синовара говорит на нем, христианки только слушают; собирается тоже 7–8.

Определенное пожертвование производится только на содержание священника: 1 ена в месяц — девять домов жертвует на сие. На свечи и ладан идет то, что высыпается из церковной кружки, а масло для освящения Церкви доставляет от себя катихизатор Синовара, живущий в церковном доме.

Земля под церковный дом и дом — церковные, купленные в 1889 году за 111 ен; деньги сии пожертвовали христиане. Земли два участка: под домом 63 цубо и немного дальше 33; на последнем небольшое зданьце, и в нем живет из милости старик. К церковному дому, прежде чем он куплен был, пристроен был алтарь, ныне имеющийся. Правительственного платежа за церковную землю в год гораздо меньше 1 ены, — христиане сами вносят.

Иконное снабжение здесь небогатое; обещаны иконостасные иконы и запрестольный образ.

25 мая / 6 июня 1893. Вторник.

Кесенума. Орикабе

Утром о. Катакура крестил дочь катихизатора Иоанна Синовара и одного юношу. С восьми часов отслужили обедницу с поучением; потом говорено было о необходимости учреждения мужского и женского «коогиквай» (оставляя последние собрания неприкосновенными), рассказано, как «коогиквай» ведется, представлены примеры; сейчас же учредили.

Посетили дома христиан, числом десять; меньше чем наполовину у христиан собственные дома; но бедных не нашли ни одного; Василий же, гостинник — богач, Андрей — тоже; не беден и отец Корнилия Морита, бывшего катихизатора.

Из Тадагое был один христианин-старик, с детьми; там три дома христиан, родственные между собой; доселе христиане Тадагое принадлежали

к Церкви Кесеннума и сюда приходили молиться; сказано, чтобы и вперед было так же; иначе ослабеют и охладеют; только пусть по временам и дома собираются вместе молиться и читать религиозные книги, занимая оные в Кесеннума. Из Мацуива приходила христианка (жена чиновника) Ирина Ёсида; там еще христианка ее дочь Ольга, 15 лет; есть надежда и на распространение христианства; Мацуива — 1 ри от Кесеннума, там домов 200.

После обеда, проведенные христианами, мы отправились в Церковь Орикабе, 4 ри от Кесеннума; на этот раз на тележках, в сопровождении троих, прибывших отсюда в Кесеннума навстречу. Приехали в Орикабе в пятом часу. В Орикабе — город не больше 80 домов; всего же в волости сего имени домов 500. Молитвенная комната устроена у Иоанна Ояма в кладовой на втором этаже, и устроена очень прилично; иконами снабжена достаточно. По метрике в Орикабе крещеных 14; из них 2 ныне в других местах, но зато из другой Церкви здесь 3; всего налицо в Церкви Орикабе 15, в четырех домах, из коих 3 здесь: Иоанна Ояма (6 христиан в доме), содержателя почты, Пантелеймона Абе (3 христианина), врача, и Павла Ояма (1 христианин), здешнего богача; 1 дом в Тамоки, селении 1 ри от Орикабе (домов в нем 50, разбросанных); здесь живет старик — бородач. Яков Кумаги, врач, родственник Павла Ниицума, с детьми: Петром, Андреем (оба уже врачебной практикой занимаются, хотя экзамены не выдержали), Иосифом и Вениамином (жена еще язычница).

По воскресеньям, если бывает здесь катихизатор Иоанн Синовара, правится служба по Часослову; без него молятся по молитвослову. Синовара бывает здесь каждый месяц. Свечи и масло доставляет Иоанн Ояма.

Отслужили мы вечерню; пели ужасно. Проповедь стал я говорить — некому слушать: половина разошлась по делам, половина нянчится и играет с детьми; языческие дети, набившиеся в комнату, глазают и пересмеиваются. Кончивши поучение, отправились посетить дома христиан, были в селении Тамоки, у Якова Кумаги, где видели огромный камень — Мурокен, и над ним сросшиеся у корня в одно два огромные дерева — ель и сосну; видели еще письма Даде Масамуне и Хацисука к предку Якова.

Вернувшись в Орикабе, после ванны и ужина заночевали у Иоанна Ояма.

26 мая / 7 июня 1893.

Оохара. Согей. Окутама

Утром отправились из Орикабе верхом на лошадях в Оохара, 3 ¹/₂ ри от Орикабе. Дóрогой в лесу встретил катихизатор в Оохара, Согей и Окутама Фома Ооцуки. В Оохара приехали в дом Петра Саеки, сончѐ, за городом.— Городок Оохара состоит из 200 домов, расположенных в

одну линию; высматривает бедно и грязно, несмотря на то, что в нем производится ярмарка шесть раз в месяц. По метрике в Оохара 49 крещеных; из них 23 ныне в других местах, 5 охладели, 1 умер. Остаются здесь 20. Новых слушателей 2.

В воскресенье и субботу собирается человек 10 на молитву, в дом Петра Саеки, где помещаются иконы. Катихизатор Фома Ооцуки живет у Евсевия Циба, земледельца. Религиозных собраний больше никаких не производится. Пожертвований тоже не делается; только на содержание священника собирают 30 сен в месяц да в праздники приносят сколько могут в Церковь, но много не могут, ибо христиане большею частью младшие в доме; что опускается в церковную кружку, то идет на свечи, недостающее восполняет Петр Саеки.

Петр Саеки — лучший из здешних христиан, усердный к Церкви; у него в доме все христиане, человек семь; еще христианка в другом доме — его дочь. Остальные 12 христиан составляют 6 домов. Дома христиан — не бедны, как видел я при посещении их, кроме одного кузнеца. Все христиане — домовладельцы; значит, христианство и здесь вошло хорошо; только нет хорошего катихизатора продолжить дело; кроме Оохара хороший катихизатор нашел бы слушателей в деревне Окита, 1 ри от Оохара, где 40 домов.

Из Оохара родом катихизатор Илья Накагава; в его доме отец, старший брат — наследник, с женой и детьми, всех 10 человек — все язычники. Дом купеческий и земледельческий вместе; в последнее время сильно обеднел, ибо прогорел на какой-то купеческой афере; отец теперь служит чем-то по синтоизму; земля за долги продана, дом, кажется, тоже; живут очень бедно и грязно.

Из Оохара родом также семинарист Исидор Циба, и у него в доме все язычники, 10 человек; живут богато; делают солод, разводят шелковичных червей, торгуют и имеют землю; отец и мать приняли ласково и, конечно, были бы христиане, если бы здесь был дельный катихизатор.

В доме Саеки отслужили обедницу; поучение было краткое, ибо некому было слушать — человека четыре было. Саеки угостил обедом. Пред выездом нашим мало-помалу собрались и другие христиане, так что проводила за Оохара почти полная Церковь.

Отсюда пешком отправились в селение Согей, 1 ри от Оохара; для чемоданов Саеки дал свою лошадь. Согей — селение, рассеянное на пространстве в диаметре 2 ри; скученных мест нет; Церковь — в доме катихизатора Якова Ямануци, здешнего родом. Идя к нему, по дороге завернули в богатый дом Петра Оигава, и увы! иконы не нашли, а идолы стоят на самом видном месте против входа. Старый Оигава, недавно умерший, говорят, был усердный христианин, но, по-видимому, и при нем идольная божница не была убрана, хотя, вероятно, икона где-нибудь стояла; сын его — учителем в здешней школе, хотя дом земледельческий; все эти молодые люди стараются выбиться из своей колеи и чрез то в

большинстве достигают того, что проживают свои дома и обращаются в пролетариев; не знаю, что с сим будет. «Где хозяин?» — спрашиваем, — «Ушел в Церковь», — говорят, — разыгрывать роль усердного. Действительно, сейчас же от него по дороге к Яmanoуци встретили его и другого учителя и тоже местного земледельца — Иоанна Хидоро. Вместе пришедши в церковный дом, нашли там семейство Якова Яmanoуци — мать, сестру, ее мужа и детей, а также несколько братии; в ожидании других взяли метрику. По ней крещеных здесь 47, из них умерли 4, в других местах ныне 4, охладели 10, в католики ушли 2; остаются здесь 27, в 6 домах, разбросанных среди пригорков и полей.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 10, если катихизатор Фома Ооцуки приходит; без него общественной молитвы не бывает, никаких других религиозных собраний нет. Пожертвование производится на содержание священника 43 сен в месяц, с шести домов; больше определенных пожертвований никаких нет; свечи приносят христиане.

В 1899 году здесь куплена церковная земля — 6 тан; пока, однако, Церковь ею пользоваться не может, ибо Петр Оива, Петр Сато и Иоанн Хидоро, купившие землю, заплатили за нее 50 ен и на разработку ее затратили 40 ен; года в три они надеются выручить эти 90 ен с продажи туговицы, разведенной на ней, и тогда земля перейдет в церковное заведывание; тогда ежегодно нужно будет затрачивать на обработку ее ен 7–8; остальные ен 20 и больше в год — будет церковное. Куплена на имя Петра Сато.

Отслужили вечерню, и я с удовольствием сказал поучение, ибо собрались почти все; народ простой, но, по-видимому, добрый и усердный, только христианского научения ему еще недостает; стал испытывать детей в знании молитв; никто не прочитал; сказал потому еще о христианском воспитании детей.

Говорено, чтобы учредили собрание для «коогиквай» — общее для христиан и христианок по малочисленности последних; согласились и учредили, избрали людей для говорения на первом собрании; но что-то мало надежды на исполнение, особенно при таком ленивом и неспособном катихизаторе, как Ооцуки. — Христианских домов не посещали, ибо рассеяны на большом пространстве; и не было особенной нужды; все отозвались, что иконы и молитвенники имеют; все — зажиточные земледельцы-собственники, по отзыву катихизатора же.

Исправив все, что нужно было, церковное, в шестом часу вечера отправились дальше, тоже пешком, в Церковь Окутама, 1 ри от Согей. Окутама также рассеянное на большом пространстве селение; только в Каварамаци я видел скученными домов 15. Молитвенная комната в доме Давида Цива. Пришли к нему уже в сумерки. Здесь по метрике крещеных 93, из них переселились в другие места 10, умерли 13, охладели 11, в

католичество ушли 14; остаются 45, и из Таката ныне 7 здесь,— всего 52 налицо в Церкви, в 10 домах.

В субботу и воскресенье на молитву собираются, кроме семьи Давида Циба, 8–10 человек, в рабочее же время — 5–6. Есть мужское и женское собрания; толком даже и объяснить мне не могли, в чем они состоят; значит, не много полезного выходит из них. Но здесь взрослых мужчин 13, женщин 14; значит, «коогиквай» могут производить; это и внушено им с объяснением, как вести «коогиквай»; тотчас же согласились завести; избрали время и назначили людей для первого собрания, мужского и женского отдельно.

На содержание священника жертвуют ежемесячно 50 сен. Свечи в Церковь приносят по очереди. Больше никаких пожертвований не производится и никакой церковной собственности нет.

Церковные иконы здесь две большие — Спасителя и Богоматери, вытребованные, наконец, у негодного старика Авраама и его сына Ивана Кон, ушедших в католичество по бродяжническому расположению и по корысти и уведших за собой своих родственников (всего вышеозначенных 14); но самые лучшие 5 и до сих пор у них; Церковь была устроена у них в доме, на нее даны были иконы, но они присвоили их как личную собственность, несмотря ни на какие требования.

Отслужили вечерню, которую пели, хотя и разнили, несколько христиан; сказано поучение; испытаны дети, и человек пять оказались хорошо знающими молитвы. Продолжена церковная беседа до полуночи, ибо христиане являли все признаки усердия. Но ночевать нужно было идти далеко, в дом Ильи Сисидо; там, по слухам, еще несколько язычников, собравшись, ждали поучения. Илья Сисидо — образованный молодой человек, служивший чиновником, ныне в отставке и в сильной чахотке; в доме у него христиане, и дом очень богатый, ибо отец его, кроме земледелия, занялся еще лесной торговлей, которую и ныне ведет с большим успехом; отцу шестьдесят лет, и он упорно отказывается от христианства, ибо содержит любовницу, тут же в доме — на виду из своей усадьбы. В доме Ильи язычников уже не нашли, по позднему времени разошлись по домам; попросил прямо постели, но сказали, что ванну нарочно приготовили,— сходил в нее, от ужина же отказавшись по усталости, после общей молитвы заснул как убитый.

27 мая / 8 июня 1893. Четверг.

Фудзисава. Мацукава

Утром отправились из Окутама в Фудзисава, 3 ¹/₂ ри от Окутама.— По дороге видели два дома христиан, один — тотчас около дома Ильи Сисидо, родственник ему, другой несколько подалее, в городе Каварамаца; оба зажиточные; прочих христианских домов не видали, по

разбросанности их, но все, говорят, достаточные дома. По дороге дальше встретил катихизатор Фудзисава и Мацукава — Макарий Наказава. В Фудзисава прибыли часов в десять (схали верхом). По въезде в город зашли в дом кузнеца Андрея Окуяма, отца семинариста Василия; в доме жена, двое маленьких детей, подмастерье, тоже христианин,— всего пять человек; свой дом, но очень бедный. Дальше продвигались по улице с торчащими камнями, увидели, что Фудзисава — бедный и грязный городишко, из 120 домов. Но редко можно видеть такие грязные дома, где нашли Церковь; это — за городом, на пригорке дом Петра Окуяма, сын которого Павел — ныне ученик Катихизаторской школы в Оосака. Петр Окуяма — бывший владелец сего места, получавший 1900 коку рису, ныне опустился до нищего; к несчастью, еще пьет; бывшие его «кераи» рассорились с ним из-за его христианства будто бы и не помогают ему; но это — маловероятно; он, наверное, не стал бы христианином, если бы от этого зависело его материальное состояние (или не был бы теперь пьяницей). Жена с гноящимися глазами, с ребенком за плечами — грязная-прегрязная. Иконы — и прехорошие вытребованы — на стене с ободранными обоями, от текущей над этим местом крыши. Человека дватри собралось. Посмотрели метрику. По ней здесь крещено 35; из них ныне в других местах 9, умерло 2, охладел 1, налицо 23, в 6 домах, четыре из которых в городе, два где-то за городом. Из четырех домов в городе два мы уже видели, из остальных один — бедного крестьянина, еще один — продавца лекарств — Павла Хасимото, у которого жена, крещеная, ныне в тюрьме на 36 дней, с тяжелой работой (чѐоeki), за картежную игру; дом Хасимото свой, но почти промотан. Итак, беднейшая Церковь, состоящая из несчастных бедняков!

Тем не менее в субботу и воскресенье, сказали, собираются 6–7 человек на молитву; если не бывает здесь катихизатора, то читает оную Иосиф Абе — земледел, которого я не видал,— на работе; поют тоже несколько. Больше никаких религиозных собраний нет.

До сентября прошлого года давали на содержание священника 30 сен; теперь не дают, и пенять на это нельзя. Пожертвований никаких нет; свечи приносят по очереди.

Отслужили обедницу; сказано и несколько слов поучения и ободрения христианам; так или иначе, но отсюда двое готовятся на службу Церкви; если они выйдут хорошими служителями, то Господь поможет поднять и эту Церковь. Несмотря на бедность, христиане угостили обедом (за что, конечно, получили вознаграждение), после которого мы отправились дальше; проходя город, посетили Абе и Хасимото и направились в последнюю Церковь прихода о. Иоанна Катакура — Мацукава, до которой от Фудзисава 4 ¹/₂ ри. Доехали до Мацукава еще засветло. Это — зажиточно высматривающий городок из 82 домов. Доехал я один и не знал, где Церковь, ждать остальных было долго; я спросил у встречного,— где христианская Церковь? Он указал по направлению направо;

дошедши до конца улицы, спросил у другого; тот показал в поле; поплелся и, к счастью, сейчас же встретился христианин: «Да, до Церкви еще с милю будет»; недоумевая, пошел за ним; проводники стали роптать: «Нанимали-де до Мацукава, а идти — невесть куда дальше»; я сказал, что им будет надбавлено, но сам приходил в большее и большее недоумение. Подоспел о. Катакура, и я не мог удержать гнева: «Катихизатор Мацукава живет в пустоши — кому же проповедует он? Мухам? Как же ты дозволил это?» и так далее. С час еще тащились мы до жилья катихизатора; я едва не ушел обратно в Мацукава, чтобы переночевать там и назавтра уйти отсюда. К счастью, когда дотащились, расположение духа не замедлило перемениться: христиан нашли много; выстроившись перед церковным домом, они встретили нас. Раскланявшись с ними и вошедши, я несколько отдохнул от сильной усталости и принялся за метрику. По ней крещеных здесь 48; из них умерло 10, в других местах ныне 6 (охладевшего ни одного, что совсем привело меня в отличное расположение духа), здесь 32 и из другой Церкви 1 — всего налицо 33. Новых слушателей 6. Христиане в 10 домах, из которых 6 в городе, 4 в деревушке Акасака, на высокой горе, направо от города.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 15. В месяц раз производится мужское собрание, с третьего месяца сего года; собираются человек 7–8, из которых 2–3 говорят приготовленное ими дома что-либо на религиозную тему.— Пожертвования производятся по 30 сен в месяц на содержание священника и по 5 сен с дома на пищу священнику, когда он посещает Церковь. Свечи и ладан приносят по очереди. В праздники бывают особые жертвования на свечи, на угощения.

Церковный дом в селении Мицумуро, состоящем из 40 разбросанных домов; христианин Иоанн Исикава дал свой дом на время для Церкви; здесь он потому, что будто бы не могли нанять квартиры в городе. Но имеется в виду устроить молитвенную комнату в городском доме того же Иоанна Исикава — осенью будет сделано это.

Отслужили вечерню, которую пропели много голосов довольно сносно, хотя и разнили немало; лучше всех поет жена катихизатора Макария Наказавы Евдокия. После поучения, собственно из объяснения первых трех прошений молитвы Господней, говорено было о необходимости учреждения здесь мужского и женского «коогиквай», ибо взрослых мужчин здесь 15, женщин 10 — и учредили, назначив «коогися» для первых собраний, мужского и женского.

28 мая / 9 июня 1893. Пятница.

Мацукава. На обратном пути — Ициносеки. Ночлег в Семине

Утром посетили христиан Церкви Мацукава: были в четырех домах в Акасаки; это селение на горе только и состоит из сих четырех домов; два

из них зажиточные, два бедные; потом видели в городе пять домов — все богатые сравнительно; все христиане здешние и домовладельцы; в шестом доме не были, — там христианин — младший в доме, и отец не любит христианства. В некоторых домах иконы очень закопчены; сказал о. Катакура, чтобы дал новые, а хозяевам, чтобы держали иконы за стеклом.

Христианство здесь началось от Иоанна Сасаки, что в Исиномаки; он родной брат здешнего старшего ныне христианина Феодора Исибая, и пошел приемышем отсюда в Исиномаки; по его внушению призван был сюда катихизатор тогда — Никита Мори, который и посеял первые семена христианства. Наказал я, чтобы составил записку о начале здесь христианства и чтобы Макарий список сей принес мне, когда придет на Собор.

Здесь кончился обзор прихода о. Иоанна Катакура. Не совсем удовлетворителен о. Иоанн как священник, не развернул еще крылья (да и развернет ли?); мог бы лучше наставлять катихизаторов и христиан; разум есть: говорит, внушает, советует дельно, когда примется за это, но не всегда принимается, когда нужно; не вошел в свою должность, душой не привязался к своему делу. Все это поставил ему на вид в тихой дружеской беседе. Хотел он ныне оставить свою Церковь и идти ухаживать за больным племянником (сыном покойного о. Павла Гаде; тоже чахоточный) в Сендае, сказал ему, что за племянником есть кому ухаживать — он на руках матери; пусть побудет в Сендае два-три дня, сделает распоряжения, повидается и потом вернется к своим Церквам и вновь посетит их, начиная с Иваядо (кроме побережных, на которые не достанет времени до Собора).

Из Мацукава переправились в Ициносеки, 4¹/₂ ри. Думали проехать ни с кем не выдавшись: братья увидели и прежде, чем мы доехали до станции железной дороги; Моисей Ямада из Яманоме и Циба из Ициносеки уже ждали нас здесь; потом собралось немало других. С поездом в четыре пятьдесят мы с о. Катакура уехали до Семине. Здесь, на станции, нашли о. Иова Мидзуяма, катихизатора Павла Цуда и двое христиан; звали они тотчас ехать в Санума; но дотуда 5 ри, а было шесть часов, притом же, переходя из прихода одного священника в приход другого, нужно собраться с мыслями, нужно еще окончательно поговорить с одним, о многом расспросить другого; ввиду всего этого я предпочел провести вечер с оо. Катакура и Мидзуяма и переночевать в Семине; Цуда же и другие отправились в Санума и Такасимидзу к ожидавшим христианам.

На станции Семине получил от Павла Цуда письма ко мне из Токио: о. Сергей Страгородский окончательно попрощался письмом, уехал в прошлое воскресенье, 4-го июня нового стиля; о. Сергей Глебов пишет, что его проводили с полной любовью; прислал также о. Глебов расписание экзаменов, — начинают с 26 июля, но так рано я не могу вернуться в Токио.

29 мая / 10 июня 1893. Суббота.

Санума

Утром в Семине, простившись с о. Иоанном Катакура, отправился с о. Иовом Мидзюяма в его приход. Первою Церковью, в которую направились, была старая Церковь города Санума, 5 ри от Семине, куда и прибыли в девятом часу утра. Немало христиан встретило с катихизатором Павлом Цуда во главе на дороге и в Церкви; однако ж и немного, ибо день работный, притом же вчера весь день ждали, и многие выходили навстречу. Отслужили обедницу, которую пели человек пять певчих, совсем правильно по нотам. После поучения спустились вниз, в комнату, чтобы рассмотреть метрику. Но здесь на это потребовалось немало времени; до полудня не кончили; после обеда о. Иов и Павел Цуда отправились совершить погребение умершего отрока; по возвращении опять занялись метрикой и тогда кончили. По метрике крещеных здесь 488, из них ныне в других местах 144, умерли 111, охладели 18, налицо ныне 245.

В Церкви бывает в субботу и воскресенье 20–30. Мужского религиозного собрания никакого нет; женское есть; собираются в третье воскресенье месяца в церковном доме женщин 30; но «кооги» говорят только девочки или молодые, и говорят плохо, по отзыву о. Иова.

Здесь построен большой церковный дом с Церковью на втором этаже и многими комнатами внизу. Стоит он на арендуемой у язычника земле — 430 дубо; арендована она на пятьдесят лет; ныне прошло шестнадцать лет срока. Платится за нее 2 ены в месяц. Деньги сии — процент со 100 ен, собранных христианками; имеет сии деньги на процентах Даниил Хонда; но 100 ен вручены посредством «мудзин», так что дано собственно больше 200 ен, оттого и процентов в год 24 ены. Христианки и еще имеют накопленных 46 ен; это они собирают у себя по домам, имея домашние кружки, в которые опускают ежедневно, начиная с двух рин. Церковный дом обошелся здесь в постройке от четырех до пяти тысяч ен по неумению плотников строить здание иностранной архитектуры; построен он, когда процветало здесь общество христианское «Кооцуся», потом обанкротившееся (ибо Исаяя Камогава проиграл капитал на рисовой бирже). От общества на постройку дано было ен 1200, и христиане собрали с себя ен 3000. Ныне на ремонт только этого церковного здания идет в год ен 50, которые христиане собирают с себя экстренным пожертвованием (риндзи).

Обещались христиане давать здесь священнику Иову Мидзюяма, служащему по преимуществу здесь и в Исиномаки, 15 ен в месяц, но едва дают ему 1 ену; и сия собирается с трудом. Способ сбора на священника такой: три христианина разделили между собой христианские дома — всех до 50, завели «каёй-чёо» и обходят с ними ежемесячно христиан, прося пожертвований на содержание священника. Но это непрерывное клянчанье надоело, наконец, христианам, так что почти никто не дает; надоело оно и собирателям; все книжки для пожертвований (каёй-чёо)

в конце концов оказались на руках у Афонасия Юза, по-видимому, самого неутомимого, который и показывал мне их, жалуясь, что и ему стало невмоготу постоянно приставать к христианам, и указывал на малопродуктивность этого способа, ибо по сведению итогов никак не выходит средним числом больше 1 ены в месяц. — Что делать? Как найти средства содержать священника? Я предложил старшинам последовать примеру Хакодате: не мучить непрерывно христиан, а делать раз в год, на Пасхальной неделе общее собрание, и на нем раз же в год делать большое пожертвование — не меньше 100 ен со всех; так в несколько лет составит большая сумма, на которую купить землю и доходом с нее содержать священника; обещал даже, если они примут эту меру и будут в Миссию ежегодно присылать для хранения (на процентах в банке) не меньше 100 ен в составление капитала, взять пока содержание священника на счет Миссии. Завтра они дадут окончательный ответ.

Есть здесь церковной земли 1 тан 3 сё 19 бу; в прошлом году Никита Сато пожертвовал ее, и она записана на имя о. Иова. В прошлом году на ней возделали горох, получилось барыша 1 ена 20 сен; ныне посеяли пшеницу. По выплате расходов на обработку этого участка, в год с него чистого барыша может получиться не больше 2 ен 50 сен.

Церковные свечи и ладан покупаются на деньги, высыпаемые из церковной кружки; недостающее восполняет о. Иов (это из 1 ены, даваемой ему на содержание себя!).

С восьми часов вечера была всенощная, которую пели человек восемь юношей и девиц в один голос весьма правильно. Пению учит на фисгармонии здесь молодой человек Сергей, любитель пения.

После всенощной я сделал выговор христианам, что они на службе становятся в конце Церкви, оставляя переднюю часть совсем пустою; это значит, что они не заботятся хорошо слышать, что читается и поется. Потом, чтобы проповедия не утомить — прямо стал говорить о необходимости учреждения здесь «кооги-квай» для мужчин и женщин — последним о более правильной лишь постановке учрежденного. Женщины тотчас же приняли внушение; мужчины, вероятно, завтра дадут ответ; они были отвлечены в сторону от сего предмета рассуждениями о содержании священника.

Остановка в Санума — настоящий отдых; комната здесь устроена по иностранному, и так усердно принимают и угощают. Особенно усердны здесь христианки; это они, конечно, устроили такие отличные шелковые спальные принадлежности, к которым и приступить боязно из опасения их испортить.

30 мая / 11 июня 1893. Воскресенье.

Санума. Дзюумондзи

С восьми часов была литургия, отслуженная о. Иовом правильно и петая хорошо хором человек из десяти. Вместо Причастна проповедь

сказал катихизатор Павел Цуда, довольно умно; пред причастием прочитали вслух обычные молитвы; я думал, есть больше причастники — не было, — детей приобщили несколько; сказал я, чтобы вперед прямо приобщали их. После службы я сказал поучение. Человек 30 больших только и было в Церкви; мало ходят в Церковь, не соблюдают воскресного дня, что прискорбно. После, когда спустились вниз, был длинный разговор с старшинами касательно «идзихоо» и содержания священника. Советовал им соединиться с христианами Такасимидзу и окрестных Церквей и всем вместе положить — раз в год, в Пасхальную неделю, собираться и делать большое пожертвование — так лет в пять скопят на покупку земли, доходами с которой можно будет содержать священника, давая ему не менее 20 ен в месяц, — священника для всех окрестных Церквей, сгруппированных на небольшом пространстве.

Обещались сделать общее собрание христиан и посоветоваться, также если признано будет нужным, снести с окрестными Церквями, и о результате совещаний дать мне знать ко времени Собора.

После обеда посетили старшин и других — наиболее усердных христиан, домов 20, — в Санума (где домов 40) и за рекой (где домов 10 христиан). Все, у которых были, домовладельцы, весьма состоятельные, иные — богачи; ни одного бедного не видали. (Итак, отлично могут устроить содержание священника, если захотят). Осмотрели школу — «дзиндзё» и «коотоо» сёогакко, где обучается 800 детей; классов не было, ибо воскресенье, но все здание — замечательно по опрятности и порядку, в котором содержится; человек 20 живущих в школе учеников также содержатся весьма чисто и прилично; содержание их пищей обходится всего 2 ены 40 сен, за квартиру и образование платится 60 сен да на хиссибоку сен 50 — всего 3 ены 50 сен в месяц. — Вернувшись в церковный дом и простившись с собравшимися христианами, мы с о. Иовом отправились в пять часов пополудни в Дзюумондзи, меньше 4 ри от Санума (от Санума до Вакаянаги 3 ¹/₂ ри; от Вакаянаги до Дзюумондзи всего 5 чё). Прибыли в семь часов, прямо в церковный дом, построенный отдельным зданием. Дзюумондзи — разбросанное селение в 40 домов — загороде Вакаянаги. Христианство сюда вошло давно; первые крещеные, да и до сих пор почти единственные, — крещены о. Павлом Савабе.

По метрике крещеных всех здесь 117, из них умерли 21, в других местах ныне 15, здесь налицо 81, в 14 домах, охладевших ни одного.

На богослужение в субботу и воскресенье собирается человек 10; читает и поет христианин Тит Сато. Катихизатор изредка бывает здесь из Такасимидзу (ныне Григорий Сунгамура). И потому новых слушателей нет; но много нашлось бы, по свидетельству христиан, если бы был катихизатор здесь чаще и больше. Религиозных собраний больше нет, исключая того, что Тит Сато собирает детей и учит их отчасти молитвам (больше же тому, что в школе, готовит с ними заданные уроки).

Есть у христиан собранных денег 80 ен; раздают их на проценты и получают в год 20 ен, из которых дают на содержание священника 6 ен в год, покупают свечи и ладан для Церкви. «Отчего такие большие проценты?» — спросил я. — «Это — здешние обычные, по 2 ¹/₂ сен в месяц с 1 ены, — общее правило», — ответили. — Священник, посещая Дзюмондзи, пользуется здесь пищей даром, катихизатор платит Павлу Сато, у которого останавливается (пользуясь квартирой даром).

Церковное здание — двухэтажное; обошлось в 500 ен, из которых 250 ен пожертвовал Александр Сато, покойник, — о. Павла Сато; прочее дали другие здешние христиане. Церковь построена на земле Павла Сато, не подаренной, а только на время данной. Здание снаружи оштукатурено, внутри представляет бедноту; внизу, кроме грязных матов, ровно ничего нет; окна без стенок, наверху иконостас, беднее которого и вообразить нельзя. Неуютно двум отличным иконам Спасителя и Богоматери — подарку Высокопреосвященного Исидора; кроме них и запрестольной иконы Тихвинской Божьей Матери, и икон больше нет.

Отслуживши вечерню, сказали слово, посоветовали завести «коогиквай» — общий для мужчин и женщин, ибо последние здесь безграмотны, а катихизатора помогать им готовить «кооги» нет; христиане тотчас же согласились; дали им книг духовных, какого снабжения до сих пор здесь не было. Тит Сато — молодой христианин — удивительно хорошо читает церковную службу и поет.

Ночевать привели к Павлу Сато, дом у которого пребогатый — комнаты великолепные, но без единой иконы; посоветовано ему выписать иконы в серебряном окладе из России, пока же сказано о. Иову снабдить его здешними.

31 мая / 12 июня 1893. Понедельник.

Дзюмондзи. Вакаянаги. Идзуно. Каннари

Утром посетили дома христиан в Дзюмондзи, всех 14. Все здешние крестьяне — собственники, все коренные жители, кроме одного — Григория, бывшего сендайского сизоку, который занимается вываркой из железной воды железных капель; впрочем, уже тоже здешний землевладелец. Есть богатые, особенно бедных нет; все, кроме земледелия, занимаются разведением шелковичного червя.

Сделав вид позавтраканья нелепейшим завтраком, смастеренным с претензией на иностранство (рыба вместо ухи в сыте, раки в горьком масле и подобное), мы отправились в Вакаянаги, 700 домов. В доме Михея Судзуки, старого христианина, там помещается молитвенная комната, как и четыре года тому назад. Посетив, по пути к нему, три христианских дома, мы поднялись у Михея на второй этаж в молитвенную комнату и занялись рассмотриванием метрики. В печаль она привела.

Крещеных по ней 99, из них умерли 24, в другие места переселились 22, охладели 29 и только 24 здесь, в 6 домах. Такого процента охладевших ни в одной, кажется, Церкви нет. А о. Иов тут же сидит и являет вид самого равнодушного человека к сему горю; на вопрос: «Видел ли он сего охладевшего, или сего, говорил ли с ним?» — Оказывается, что ни одного и в глаза не видел. Резкий выговор я сделал ему за сие расхищение диаволом стада Христова, вверенного ему, но едва ли в пользу ему это, дерево можно сжечь, но не размягчить.

Конечно, молитвенных собраний ни в субботу, ни в воскресенье нет. Когда бывает у них — христиан Вакаянаги — катихизатор Григорий Сунгамура, тотчас собираются на молитву, но это было всего два раза: первый раз собирались 10, второй 5. Никаких других религиозных собраний не производится. Пожертвование не производится. Только есть 35 ен церковных, хранимых у о. Иова, в «экитейкёку» на прирост; деньги эти образовались из 10 ен, когда-то собранных здешними христианками на Церковь, возросли с тех пор процентами до 35 ен.

Отслужили мы обедню, которую до того нелепо не пели, а визжали — один малец и две девочки, что я забился от них в угол, чтобы быть подальше, — в истерику можно было впасть от такого пения; а поправить, или остановить нельзя, ибо они же ведь не понимают, что это нелепо, а мнят службу творить Богу. Поучения не мог говорить, истерзанный душевно и нервно, а выразил печаль, что Церковь в таком упадке, и чтобы не охладели и остальные — немногие, здесь собравшиеся, советовал им собираться для молитвы по праздникам и субботам и после нее читать религиозные книги, которых тут же прибавил к тем, что имеются здесь издавна.

Потом шло длинное рассуждение о том, как бы поднять здешнюю Церковь. Одно средство: поместить здесь хорошего катихизатора, поручив ему отсюда заведывать несколькими ближайшими Церквями.

Вот ближайшие Церкви:

Дзюмондзи, 5 чё от Вакаянаги, . . .	40 домов — 14 христ. домов
Идзуно, 30 чё	91 дом — 12 христ. домов
Исикоси, 1 ри	4 дома (вместе) 2 христ. дома
Карисики, 2 ри	16 домов — 1 христ. дом
Савабе, 2 ри от Вакаянаги	180 домов — 4 христ. дома
Каннари, 2 ри 10 чё	250 домов — 9 христ. домов

от Каннари (где ныне катихизатор) до Карисики 1 ри	
до Ивагасаки 2 ¹ / ₂ ри	530 домов — 3 христ. дома
до Мияко 2 ¹ / ₂ ри	130 домов — 13 христ. домов
до Цукитате 3 ри	160 домов — 5 христ. домов
до Савабе всего 16 чё.	

Так как было уже три часа, когда мы кончили церковный разговор, то хотели пойти на постоялин — пообедать, но врач Павел Тани зазвал к себе и угостил скромной трапезой, причем особенно усердствовала его престарелая мать.

В четыре часа отправились дальше — в селение Идзуно. Здесь молитвенная икона — очень нарядная, в серебряном окладе — помещается в богатом доме крестьянина Ильи Сунгавара, сын которого Иоанн Конно (сделавшийся приемышем в другом доме) был когда-то в Семинарии и потом просился в переводчики. Илья только семь дней как похоронен. Преемником ему старший сын Моисей. Иоанна я встретил тут же, но в усах, с претензией на фигуру интеллигента, и в каком страшном расположении духа; едва ли дух отца почил на нем. Говорил он, что отец был к Церкви очень усерден и хотел пожертвовать на содержание ее землю, но помер, не сделав это формально, причем я сделал внушение Моисею исполнить волю отца, на что Моисей и Иоанн промолчали.

По метрике в Идзуно 54 крещеных; из них умерли 9, в других местах ныне 9; здесь налицо 36 да крещеных в других местах 3 — всего здесь 39, в 12 домах, из которых только 3 полные христианские.

Если не очень мешают полевые работы, то в субботу и воскресенье человек 12–13 собирается на общественную молитву. Больше никаких религиозных собраний нет; жертвований нет.

Отслужили краткий молебен за живых и панихиду за Илью и других здешних умерших. Вместо слова обратился с убеждением собираться на молитву и после нее читать слова Иоанна Златоуста и другие назидательные книги, которые тут же и даны, ибо духовных книг сюда из Миссии выслано не было.

Из Карисики здесь был в ожидании меня Георгий Гото. От Идзуно до Карисики всего 1 ри, и я хотел побывать там, но на тележке попасть нельзя, ибо дорога — нынешними крестьянскими работами по разделе воды для рисовых полей перерезана — пешком же в сапогах нет возможности идти: третий день рубит дождь почти не переставая; и потому здесь же расспрошено было о Церкви Карисики. Там метрики нет; христианский дом всего один — Георгия Гото; Георгий родом из Дзюумондзи, дядя Павла Сато, вступившего приемышем в дом Гото; из этого дома о. Иоанн Сакай взял себе жену, нынешнюю вдову Елену, которая приходится теткой Георгию; в доме Георгия жива еще мать Елены, очень ждущая меня в Карисики повидаться. Крещеные из Карисики записаны в метрике Идзуно; христианство в Идзуно пришло первоначально из Карисики, а сюда от Иоанна Сакай.

В ливень как из ведра последовали дальше, в Церковь Каннари. В сумерки прибыли здесь в дом Авраама и его сына Якова Кавамото, дом родственник о. Иоанну Сакай; Яков Кавамото — внук сестры о. Иоанна. В этом доме я уже останавливался четыре года тому назад; Кавамото — продавец лекарств, живет безбедно; дом собственный, в последней

комнате — молитвенной — общественная икона. Вошедши сюда, от усталости попросили чаю и вместе по метрике исследовали Церковь.

Но метрика здесь истреблена была в случившийся лет тринадцать тому назад погром нашего молитвенного дома: пожарные с крючьями ворвались и все переломали и разрушили — так еще сильна была тогда ненависть к христианству. По расспросам, катихизатор Илья Накагава ныне составил вновь метрику; и по ней, не полной, оказалось крещеных здесь 75, из них умерли 13, в другие места переселились 27, охладели 13, в протестантство ушел (чтобы ехать в Америку) 1, в синтоизм вернулось 4; осталось налицо здесь 17, в девяти домах.

Ныне, при катихизаторе Илье Накагава, собираются на молитву в субботу человек 12, в воскресенье 6–8. Для новых слушателей проповедь бывает только в среду и воскресенье; в прочие дни Накагава ходит по другим ему порученным Церквям.

Других религиозных собраний здесь нет, пожертвований тоже; только хранятся в экитейкеку 4 ены, вырученные после разгрома молитвенного дома за проданные обломки; ныне эта сумма возросла до 7 ен; накоплено еще кружечных сборов 1 ена 50 сен. Свечи для молитвенных собраний приносят христиане. — Отслужили мы вечерню, которую пели удивительно стройно и мелодично жена катихизатора Ильи и еще несколько голосов; сказано поучение; предложено христианам учредить «докусёоквай» — собрания для чтения религиозных книг, с некоторым приготовлением к тому двоих по очереди; согласились. Книги сейчас же выписаны из Миссии.

Здесь расспрошено было о Церкви в Савабе, мы проехали не останавливаясь. Там тоже метрики нет; но по списку, составленному Ильей Накагава, оказывается, насколько он мог собрать сведений, крещеных 24, из них умерли 8, в других местах ныне 8, и налицо в Савабе 8, в 4-х домах. Был там некогда молитвенный дом, была церковная икона, но заброшена куда-то, так что и не знают, где найти ее. Оттуда теперь один христианин Ёсида приходит на молитву в Каннари; больше никакого церковного учреждения нет.

После долгой беседы с христианами заснули наконец под барабан перестававшего дождя.

1 / 13 июня 1893. Вторник.

Савабе. Ивагасаки. Мияно. Цукитате. Такасимидзу

Утром отправившись из Каннари, проезжая Савабе, завернули в дом Варвары, вдовы благочестивого Стефана, у которого была молитвенная комната с церковной иконой; так же, как четыре года тому назад, ее комнаты неопрятны, домашняя икона стоит на столике, очевидно — на случай нашего визита, а выше ее висит картина растрепанной японки;

стоит разломанная рамка от большой иконы. «Да это не от церковной ли иконы, которую я видел четыре года тому назад у тебя и велел сдать катихизатору или священнику?» — спрашиваю, — «От нее», — говорит. — «Где же икона-то?» — «Поправить нужно». — «Поправить рамку нужно, правда; но рамка здесь, — икона где?» Вместо ответа уклонилась в другую комнату — я махнул рукой. Пришел христианин Ёсида, но теперь, на мои расспросы, оказалось, что он не молится и вовсе не ходит в Каннари на Богослужения, как вчера солгал катихизатор Илья. Пришла старуха, мать делателя фонарей, Николая, который теперь в Хоккайдо; больше христиан не оказалось; если меры не будут приняты, исчезнут и эти остатки Церкви в Савабе; но меры принять нужно. Простившись с ними, отправились дальше, в Ивагасаки. Здесь заехали в дом Иоанна Сато, торговца, племянника о. Иоанна Сакая, родом из того самого дома, где мы ночевали сегодня в Каннари. У него стоит икона Богоматери — большая, недавно вытребованная, мол, для молитвенного дома; лампадка от нее уже исчезла; увидели и множество вытребованных из Миссии духовных книг. Где же те, кому молиться и читать? Увы, так-то обманывают иногда катихизаторы, — на этот раз Симеон Кацубара, бывший несколько здесь. По метрике здесь 19 крещеных в старые времена; из них 5 умерли, 4 ныне в других местах, 3 охладели; остаются 7, но и из сих едва можно было увидеть троих: сего Иоанна, старого врача Иону Ямада и молодого учителя Николая, крещенного, когда ему было десять лет, и ныне, по собственному отзыву, ничего не знающего из христианского учения. Очевидно, икона только стесняет Иоанна Сато, и он обрадовался, когда я сказал, что нужно отослать ее обратно в Миссию. Ах, Господи, что делать с этими мертвецами — японскими священниками! Был здесь священник Петр Сасагава, этот настоящий мертвец, которого забыли погрести, — до того опустил свои Церкви, что Ивагасаки, где было довольно много христиан, исчезло из станов церковных, так что в прошлом году о. Борис точно Америку открыл — вновь открыл Ивагасаки; пришлось оно в приход другого мертвеца о. Иова Мидзуяма, до того ленивого, до того беспечного, что мочи нет терпеть! Ни об одной своей Церкви ровно ничего не знает, христиан в год ни разу не исповедает, не приобщает, детей не крестит; с ним даже говорить, как и с о. Сасагава, нужно непомерное терпение: в минуту ровно по одному слову может вытаскивать из своего носа, больше никак не может, сколько не торопи его. Очевидно, нужно Ивагасаки, да и другие Церкви поручить другому священнику — иначе все исчезнет. Сказав вышеозначенным трем, что катихизатор здесь после Собора будет (да не Илья Накагава, сущая ветхая мельница, без всякого смысла в голове), чтобы ободрились, я оставил их, оставив им церковную икону и книги, которые хотел было вернуть в Токио. Отсюда приехали в Мияно, 2 ри от Ивагасаки. По дороге встретили два христианина отсюда: Петр Удзие и Лука Кунга; я обрадовался, думал, соберется порядочно. По приезде они же двое исключительно

оказались и в церковном собрании. «А можно христиан собрать?» — спрашиваю. «Послали за ними», — отвечают. Взяли метрику в ожидании сбора. По ней оказалось крещеных в Мияно нуль, то есть метрика белая, вытребованная из Миссии, да так и брошенная; сгорела здесь метрика больше десяти лет и до сих пор ни священники, ни катихизаторы не позаботились привести в известность, сколько здесь крещено. «Сколько ныне в Церкви?» — спрашиваю. О. Иов молчит, как будто дело его совсем не касается, Илья Накагава мелет без перерыва какую-то чепуху. «28 человек», — ответил, наконец, Петр Удзие. «Сколько домов?» — «13». — «На молитву собираетесь ли?» — «Нет». — «Делаете ли другие какие религиозные собрания?» — «Никаких». — «Есть ли какие-либо пожертвования на Церковь?» — «Нет». Все это отвечает Петр Удзие — очевидно, усердный христианин, ибо он же и комнату дает для церковной иконы и церковных собраний, хотя оных и не производится. — «Отчего так опустилась эта Церковь?» — спрашиваю. Тогда только о. Иов открыл свой нос и молвил (ибо говорит он не ртом, а носом): «От политических причин». Но дальше слушать его объяснения, вытаскивая по слову, было бы большою тратой времени; я обратился к Удзии, и тот объяснил, что действительно христиане перессорились между собою при выборах людей в Парламент, а равно при выборах местных властей (сончѐ), разделившись на разные партии; один христианин — Симеон Ояма даже дошел чуть не до смертоубийства, пырнув кинжалом своего противника (язычника, впрочем), за что сидел в тюрьме; Павел же Циба обманом хотел попасть в члены Парламента, в чем попался, был судим, что также отозвалось вредно на местной Церкви. — Поправить Церковь я вижу одно средство: поселить здесь хорошего катихизатора (хоть и не для Мияно только), который бы восстановил общественные собрания для молитвы, а также приобрел бы новых христиан для обновления христианского общества. Книг церковно-духовных здесь нет, да и не нужно; богослужебные есть. — В течение разговора пришел еще один христианин Яков Мацудзука, брат учившейся пению в Женской школе девицы, никого потом здесь не научившей и ушедшей замуж в Ивагасаки за язычника. Больше христиан мы не дождались.

Отслужили краткий молебен; хотели было уезжать голодные, ибо было уже три часа, а обеда на постоялине получить нельзя — все заняты шелковичным червем; но мать Петра, старуха Дарья, уговорила остаться на полчаса и угостила чем Бог послал.

В Мияно живет банщиком родной брат о. Иоанна Сакая, ушедший в протестанство, по неразумению, и ныне пребывающий в нем; больше протестантов, говорят, здесь нет, католиков тоже.

Отправились в Цукитате, 10 чѐ от Мияно, по прекраснейшей дороге среди вязов и дубов, сплошь обвитых плющом. В Цукитате тоже метрики не оказалось. По распросу, здесь 16 христиан, в 8 домах. Ни молитвы, никакого церковного учреждения нет. Церковная икона стоит бесприютно в

доме одного христианина в дряннейшей комнате, и икона из прежде (в 1872) привезенных, Божией Матери, живописная, очень изящная. Есть и духовные книги; только читать их некому. Пока беседовали, собралось человека 3–4 христиан. В течение разговора спросил я у о. Иова, исповедал ли и приобщил ли он их хоть раз в год. «Нет», — прогнусил он, и я пред всеми сделал ему упрек, чтобы не подумали, что беспечность священника — закон для него. Отправив краткий молебен, поехали дальше, в Такасимидзу, 3 ри от Цукитате, отпустив катихизатора Илью Накагава, ибо здесь кончилось его ведомство, столь мало приобретающее от него пользы. В Такасимидзу прибыли еще до захода солнца. По дороге встретили здешний старший христианин, бывший катихизатор Никанор Мураками и немало других братьев и сестер. По прибытии в церковный дом назначили вечерню с половины восьмого часа и до того времени занялись метрикой, каковое дело окончено было скоро, ибо Никанор знает свою Церковь, как свой дом. По метрике здесь крещеных 242. Из них умерло 57, в других местах ныне 51, охладело 33, в католичество ушло 2, — здесь ныне 99 и крещеных в других местах 7, всего налицо 106.

Но в Церковь ходят, к сожалению, очень мало: в субботу человек 13, в воскресенье человек 10. Читает в Церкви Никанор Мураками (и, к сожалению, плохо, в нос и невнятно), поют 2–3. Думают основать женское симбокквай, но еще не основали, и других каких-либо церковных собраний нет. Пожертвования только те, что отпускаются в церковный ящик — всего набирается с ену в год. На свечи и прочие церковные расходы употребляется часть денег, выручаемых с обработки церковной земли. Церковной земли здесь больше 1 чё. Отдается она в обработку с половины; выручается для Церкви ныне 13 коку рису и отчасти других произведений. Считая по 5 ен 80 сен за 1 коку, будет 75 ен 40 сен в год (что на содержание священника еще мало). — Первоначально куплена была на пожертвования христиан очень небольшая земля, но ежегодно, в продолжение пятнадцати лет, участок увеличивается, ибо за полученное с земли приобретается вновь несколько земли; посредством такой мудрой меры в руках доброго управителя Никанора Мураками церковная земля возросла до нынешнего уже довольно значительного участка.

С половины восьмого часа отслужили вечерню, после которой я сказал слово с укором христианам, что они мало ходят в Церковь. Затем внушал завести мужской и женский «коогги-но симбокквай», — и завели, определив время и назначив «коогися» и «кандзи» для первых собраний.

Петр Оно только что вернулся сюда по отпечатании своего перевода книги Высокопреосвященного Никанора «Разбор Римского учения о главенстве Папы» и показал мне отпечатанный экземпляр, но заглавие дал «Разбор Римского учения», и — только, мол, длинно было бы полное;

таким образом испортил всю книгу, обещая в заглавии несравненно больше, чем сколько в книге.

2 / 14 июня 1893. Среда.

Такасими́дзу. Вабу́ци

Утром, в Такасими́дзу, была панихида по усопшим сей Церкви; за ней поучение. Потом поговорил я с Никанором Мураками, чтобы он перевел церковную землю со своего имени на Церковь, что теперь уж можно сделать, и показал ему копию документа поземельного на имя православной Церкви в Кесеннума; он списал копию и обещался перевести, просил еще его войти в соглашение с христианами Санума и окрестных Церквей — о скорейшем составлении средств на содержание священника для сей местности.

Из Такасими́дзу вышло немало служащих Церкви, как то: священник Тимофей Хариу, ныне покойный, Роман Циба, академист Пантелеймон Сато; катихизаторы: Василий Хариу, Моисей Симотомае (Хариу), Симеон Мацубара, Елисей Кадо; умершие катихизаторы: Исайя Ооцуки, Яков Ооцуки, Василий Такеда; певчий Виссарион Като; отставные катихизаторы: Иоанн Ооцуки, Илья Сато (говоривший: «Что ж, мне и лучше, что у меня нет слушателей, иначе я мог бы возгордиться»).

Из соседних с Такасими́дзу селений в Маяма, 1 ри, есть 3 христианина, в Фудзисато, 1 ри, 4 христианина.

В девять часов утра мы с о. Иовом выехали из Такасими́дзу, любезно напутствованные многими братьями и сестрами, и направились в Вабу́ци, 7 ри от Такасими́дзу; проехали чрез Вакуя, 4 ри от Такасими́дзу, и в четыре часа пополудни едва добрались до места назначения; дорога — сплошная грязь, в иных местах невылазная; по временам дождь еще больше разводил ее.

Вабу́ци находится в волости Майяци. Всего в Майяци 550 домов; в том числе в Вабу́ци 250 домов; в Вабу́ци — городе — 100 домов, остальное в окрестных селениях, в том числе в Ямане 46 домов. Христиане здесь — в Ямане, 15 чё от города Вабу́ци, 8 домов, в городе Вабу́ци 3 дома и в Такасика 1 христианский дом (это селение, 1 ри от Вабу́ци, города, уже в другой волости, ибо за рекой).

В Майяци же, в селении Оозайки (азана) живет Иоанн Отокозава, бывший катихизатор, — очень богатый человек, в доме которого 5 человек христиан. Оозайки всего 1 ри от Вабу́ци.

Доро́гой в город Вабу́ци мы посетили в Ямане 4 дома христиан; все живут зажиточно. Один из них — Моисей Такеда, бывший владелец сей местности, ныне также обратился в земледельца, впрочем, богатого, живущего в очень чистом доме и разводящего цветы и фрукты; в то же

время он с женою — усердные христиане; прочие христиане здесь, в Ямане, — бывшие его кераи.

Катихизатор Ефрем Ямазаки помещается в городе Вабуци, нанимая с женой и двенадцатилетнею дочерью комнату у одного земледельца, живущего здесь же в других комнатах, что для катихизаций и молитвенных собраний не совсем удобно. По метрике в Вабуци крещеных 33, и все налицо, за исключением одного, ныне живущего в Фурукава; ни умерших, ни охладевших ни одного, хотя Церкви уже лет девять существования; кроме того, к этой Церкви принадлежат крещеные в других Церквях 22 человека; итого здесь 55 человек. В субботу собирается человек 7–8 на молитву, в воскресенье собираются несколько разве только в самое свободное от работ время. В такое время делают и другие религиозные собрания для слушания катихизатора или даже собственных разговоров о вере.

Восемь лет тому назад самые первые здешние христиане: Иоанн Ито, Сергей Наразаи и Яков Танасава положили обрабатывать несколько земли в пользу Церкви; занимают эту землю у язычника, общими силами возделывают ее, половину полученных произведений отдают хозяину за землю, половину обращают в пользу Церкви; обыкновенно вырабатывают двенадцать мешков необточенного риса (моми); 6 отдают хозяину земли, 6 — на Церковь. Эти 6 мешков отдают в долг на проценты — 5 сё с коку в год. Так ныне накопилось 17 коку моми (недавние наводнения мешали больше накопить), то есть 8 коку белого риса, считая по 6 ен за коку, будет 48 ен — ныне имеющегося церковного капитала здесь. Я советовал на эти деньги купить церковной земли 1 тан (здесь 50 ен за тан).

Ефрем Ямазаки, сверж чаяния, оказывается недурным катихизатором: дети здесь обучены молитвам, церковные документы в порядке, книги, даваемые для чтения, на записи; к сожалению, только не красноречив он — управлять же Церковью умеет; даже церковная летопись у него ведется, чего ни один катихизатор не исполняет, хоть это поставлено правилом на наших Соборах неоднократно.

Часов около восьми, когда совсем стемнело, начали вечерню (раньше и нельзя было, — такой адский крик и шум был все время от столпившихся около дома детей, что в комнате на улицу, где молельня, разговора не было слышно). После нее — поучение, затем внушение завести «коогиквай» общий для мужчин и женщин (из 33 человек здесь взрослых мужчин 9, женщин 3), — и заведен. — Сделано было распоряжение о приготовлении завтра утром купели для крещения младенца: хозяин дома, где катихизатор, услышал о сем, попросил и его крестить, ибо о уже давно слушает учение и даже принял оглашение; сказано о. Иову, чтобы испытал его в знании вероучения. О. Иов, по испытании, нашел его достойным к допущению.

Мне указали ночлег в гостинице; о. же Иов, поужинав в гостинице, отправился ночевать к катихизатору.

3 / 15 июня 1893. Четверг.

Вабуци. Иеногава. Накасима. Набурихама

Утром о. Иов преподавал крещение вышеозначенным двоим — младенцу и хозяину катихизаторской квартиры, после чего мы отправились из Вабуци в Иеногава, 4 ри от Вабуци. В двух ри от Вабуци проехали Вакуя, не останавливаясь, ибо имеем быть дня чрез два. Доехав до Иеногава, узнали, что катихизатор сего места и Накасима отправился в Иокояма для встречи меня, и, значит, сегодня его дома нет, без него же его Церковь осматривать неудобно; положили сегодня проехать в Набурихама, завтра же, на обратном пути, основательно познакомиться с приходом катихизатора Тихона Сугияма. Тем не менее заехали в Иеногава к братьям: 1) Пантелеимону Хоси, врачу, родом из Сендая; застали его жену Софью с малыми ребятами; она сетовала, что в Иеногава нет теперь молитвенного дома и христиане не собираются для молитвы; Тит Сугияма прежде жил здесь — тогда здесь похоже было на Церковь, но отвезши семью в Токио (вследствие моего упора, что он (по жалобам христиан) ровно ничего не делает, кроме нянчания своих детей), переселился в Накасима. 2) Побыли у Василия Циба, богатого купца, крестившегося в Токио и ныне живущего среди языческой семьи, да и сам мало обнаруживает христианства: икону держит в домике на задворках, да и там поставил в полутемной комнате над входною дверью — никто не может заметить ее, если он не укажет; хотел угостить чаем, я отказался под предлогом, что спешу. 3) У отца семинариста Виссариона Такахаси; зажиточный торговец и разводитель шелковичного червя; огромная семья: отец, мать, пять ребят мал-мала-меньше и бабка; крещен только младший брат Виссариона. — Еще в Иеногава есть два христианина в двух домах; всего здесь 11 христиан в 5 домах. Охладевших нет, но и новых слушателей нет — вероятно, по лености Сугияма; город Иеногава имеет 300 домов, высматривает не бедным; здесь стоило бы потрудиться больше.

Отправились в Накасима, 1 ри от Иеногава, чтобы проехать селение на пути в Набурихама, но остановились отдохнуть, завернув в церковный дом; собралось несколько братий, и я порядочно ознакомился с положением Церкви. Накасима — деревня, в которой 103 дома, отчасти разбросанные, но на небольшом пространстве. По метрике здесь крещеных 107 человек, считая здесь же и христиан Иеногава, где нет другой метрики; из сего числа ныне в других местах 23, умерли 15, охладел 1; здесь ныне 68 и из других Церквей 6, — всего налицо 74, в 34-х домах, из которых 5 в Иеногава, 29 в Накасима.

В субботу и воскресенье собираются на богослужение человек до 20, но когда горячие сельские работы — человек 5–6. Когда свободно, собираются вести религиозные разговоры; производят «тоорон квай», беря

в основание места Священного Писания, причем говорит всякий, кто желает.

Пожертвований никаких нет, кроме того, что опускают в церковный ящик. Тимофей Момма доставляет свечи для богослужения.

Здесь построен молитвенный дом с алтариком; землю под него одолжил Тимофей Момма. Стал дом в постройке 100 ен; построен 15 лет тому назад первыми христианами десятью человеками, сложившимися для того.

Лучшие из здешних христиан: Тимофей Момма, — жена Нина, Петр Такеяма, — жена Софья, Иоанн Миура, — жена Марина. Они и сообщали мне вышеозначенные сведения. Пока это делалось, домашние Тимофея приготовили обед, и мы с о. Иовом, пообедавши, отправились дальше, пообещав завтра вернуться не позднее полудня.

От Накасима до Набурихама 4 $1/2$ ри, то есть до Нагацура 3 ри, куда можно доехать в тележке, и от Нагацура до Набурихама 1 $1/2$ ри чрез гору нужно идти пешком, но можно, если ветер не мешает, от Нагацура в Набурихама ехать на лодке. Мы предпочли последнее; оставив тележки в Нагацура ожидать нашего возвращения завтра утром, мы взяли лодку и в час с небольшим доехали до места назначения. По дороге видели «иппай-симидзу» — местную знаменитость: из расщелины скалы беспрерывно сочится пресная вода, которой можно утолить жажду среди морских скал; немного воды всегда есть во впадине, остальная сочится в море. В Набури приехали еще далеко засветло. Набурихама — деревушка рыбацья на берегу моря из 75 домов. Главный дом в деревне — Наганума, у которого всегда останавливался сендайский князь, когда обзирал свои владения — раз в жизнь свою я добирался до сего места. Нынешний молодой хозяин — христианин, по имени Никанор. Провозглашали когда-то, что вся деревня будет христианскою, что поэтому здесь непременно нужен всегдашний катихизатор, — он и был всегда, но, увы, обещания и надежды давно не сбылись! Церкви почти нет — вся деревня пребывает в язычестве. По метрике здесь крещеных 29, из них умерли 7, в другие места переселились 7, налицо 15, в 5 домах, то есть: 1) Николая Наганума — 3 христианина, 2) его брата Иоанна Наганума — 3 христианина, 3) Василия Наганума — 5 христиан, 4) Иоанна Эндо — 2 христианина, 5) Петра Комацу — 1 христианин, да ребенок катихизатора Николая Явата. Пошли мы, пока светло, посетить христиан; печальный я вернулся: у Василия Наганума бедность и грязь, и старость, и младенчество; у Эндо даже дом не свой; только и есть дом Николая и Иоанна Наганума, почти нераздельный.

На службу в субботу и воскресенье, говорит Явата, приходят почти все, когда нет рыбной ловли. Других религиозных собраний нет, жертвований тоже, кроме того, что опускается в церковную кружку; из сего же последнего источника накопилось 1 ена 30 сен капиталу, который и отдан на проценты. Свечи приносят по очереди.

Молитвенная комната в доме Николая Наганума, та самая, в которой останавливались князья.

Отслужили мы вечерню, во время которой печаль не оставляла меня, и я не знал, о чем сказать поучение и просил Божией помощи — восстановить равновесие духа и внушить что-либо для пользы братии. Божья помощь ныне замедлила прийти; обернувшись после службы, я увидел набравшихся столько язычников, что предпочел обратиться с словом к ним; человек 20 было внимательных слушателей до конца, по расходе праздно любопытствовавших. Дал потом наставление христианам делать «докусёквай», прибавил им духовных книг. Но в душе осталась немалая досада на катихизаторов, которые заводят проповедь в таких глухих местах; расходи потом проповедника на сии места, а множество огромных городов остаются без православного слова.

Явата говорил, что не ходит для проповеди отсюда: 1) в Фунакоси, 1 ри, — деревушку, тут же виднеющуюся на берегу моря, но плода нет, 2) в Огацц, деревню 3 ри от Набури, где выделывают аспидные доски; там есть слушатели, но не из местных жителей; больше в этих местах у проповедника нет ничего; в Набури слушателей ни одного.

4 / 16 июня 1893. Пятница.

Накасима. Иеногава. Исиномаки

Утром долго-долго братия снаряжали лодку — провожать, без чего мы отправились бы, как условлено было вчера с лодочниками, в шесть часов утра из Набурихама. Проезжая около береговых скал, видели другую знаменитость места: бьющий из скалы фонтан морской воды, вытесняемый из расщелины напором прибоя: широко рассыпающиеся брызги при солнечном освещении, должно быть, очень красивы; сегодня, к сожалению, день совсем пасмурный.

В одиннадцать часов прибыли в Накасима. Катихизатор Тихон Сугияма вернулся и встретил. С ним вновь просмотрели метрику: во многом оказалось совсем другое, чем вчера слышал: охладевших много; есть люди дурного поведения, так что двое ныне в тюрьме, из коих один — на вечной каторге за поджог. Но на вопрос: «Почему охладел?» Тихон отвечал: «Потому что не знают учения, будучи крещены в детстве и перезабыв все, что знали, и тем обличили себя». — «Ты-то старался научить их?» — «Нет». — «Бывал у них? Видался с ними?» — «Почти никого не видал». Эти дурные речи о христианах того, которым приставлен учить их, возмутили меня, и я сделал выговор ему за леность и нерадение; кстати, и о. Иову, который безмолвствовал тут, являясь в церковном деле, по обычаю, нулем; нос о. Иова издал звуки, похожие на нечто вроде согласия или обещания его быть вперед рачительней. Но странное дело: лишь только я укренился в мысли, что Тихон Сугияма не

годится здесь, что его переменить нужно, пришли старшины в комнату: «Просьбу имеем». — «Какую?» — «И вперед дайте сюда катихизатора Тихона Сугияма»; в числе их был и Пантелеймон Хоси, врач из Иеногава, жаловавшийся мне в Токио, что Сугияма ничего не делает. — «Подумайте, посоветуйтесь между собою хорошенько и пишите к Собору о сем», — ответил я.

Во втором часу собралось много христиан и христианок; отслужили часы, сказано поучение, перешедшее во внушение завести мужской и женский «коогиквай», — оный и заведен. После службы и церковных разговоров Тимофей Момма обращается ко мне: «Просьбу имею: дайте икону запрестольную». — «Там есть икона Воскресения». — «Мала, дайте большую». — Я подумал с минуту и ответил: «Момма-сан! Тут не только запрестольную — тут нужны иконы на Северные и Южные врата, на Царские врата, по крайней мере, четыре больших иконы нужны, — дам, с удовольствием дам. Но сделаем вместе с тобой пожертвования: я иконы, ты землю, что под Церковью». Тогда Момма задумался, я еще говорил о сем ему и братьям, и на том порешено: я дам иконы, если Церковь будет стоять на церковной, а не на занятой земле.

В пятом часу отправились из Накасима и, проезжая Иеногава, остановились на полчаса у Василия Циба — богача; он просил написать что-нибудь на память ему, и я большими русскими буквами на белом листе изобразил текст: «се же есть живот вечный», сделав ему внушение, чтобы он к сему животу привел свою дряхлую мать, для которой-де держится в доме такой, по истине великолепный буцудан, набитый идолами и разукрашенный снаружи во всю стену. Здесь опять пришло мне сильное желание пользоваться теми местами для помещения икон, освящая их и несколько принося к помещению икон: на что лучше? И красиво, и удобно, — есть веками определенное место в доме, именно для священного употребления; не то что ныне, не знают, куда икону деть.

В сумерки прибыли в Исиномаки, где много братьев и сестер нашли ожидающими в церковном доме, и тотчас же приступили к служению вечерни; пение вполне стройное; певчие имели припиленные на груди голубые значки из гарусной нитки; чтение — истовое; и Церковь здесь прилично устроенная, только без достаточного иконного снабжения. После проповеди, сказанной не без напряжения, ибо чувствовалась усталость, по метрике исследована Церковь. Катихизатор Моисей Сираива вместе с катихизатором Минато — опытным Павлом Цуда — сделали этот труд весьма коротким, наперед составив нужные сведения: крещеных по метрике здесь 417, из них ныне в других местах 166, умерли 63, охладели 32; из других Церквей здесь ныне 16, — всего 172 человека в 59 домах. Из сего числа 30 человек принадлежат Церкви Кама, где еще нет своей метрики; эти 30 человек там составляют 10 домов.

На богослужение в субботу и воскресенье собираются от 20 до 40 человек. Новых слушателей ныне 4. Есть женское собрание: в первое

воскресенье месяца, после воскресной службы христианки производят его, говоря приготовленное заранее — из Житий Святых и тому подобное; бывает на нем женщин 11. Есть мужское собрание «кейсейквай» (бодрствующее); во второе воскресенье месяца мужчины, собравшись, говорят религиозные речи (энзецу).

Пожертвований производится в месяц 5 ен, из коих 4 ены идет на содержание священника, 1 ена на свечи, ладан, масло для Церкви. В прошлом году сначала собиралось ежемесячным пожертвованием 7 ен, потом 6, в последнее время 5; таким образом, содержание священника все более и более убавлялось — и ныне вот не восходит более 4-х ен в месяц, тогда как обещались доставлять ему 10 ен (вероятно, сам о. Иов виной тому своею леностью).

Есть церковный капитал 270 ен; составился он из обязательных взносов христиан по 1 ¹/₂ ены в месяц и больше с самого начала Церкви, Мейдзи 12 года; он отдается в долг по 12% в год. Имеется в виду со временем купить церковную землю, на содержание служащих Церкви.

Есть церковная земля, что под церковным зданием: 270 цубо; куплена она Мейдзи 11 года за 60 ен; записана на имя трех старшин церковных. Я советовал перевести прямо на имя Церкви. Двухэтажный церковный дом, в котором во втором этаже помещается Церковь, внизу большая зала для катихизаций и комната для катихизатора и прочее, стоил в постройке 1200 ен. Ежегодно немало идет на ремонт его. Симеон Кано — церковный эконом, но хлопочет и о приличном содержании дома. По его отчету, за прошлый год всего вышло на содержание священника, церковные расходы, ремонт и содержание дома 128 ен, в том числе 61 ена — содержание священника, 15 ен храмовые расходы, на свечи и прочее, 30 ен ремонт дома, 6 ен ковер для Церкви, 14 ен на праздники — Рождества и Пасхи.

Когда кончены были церковные разговоры, мне указали для ночлега дом Николая Хигуци, отца Емильяна, что ныне в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Гостеприимство было полное, больше, кажется, ничего нельзя сделать для выражения радушия со стороны его, жены и всех христиан.

5 / 17 июня 1893. Суббота.

Исиномаки. Кама. Минато.

Утром отправились в Кама — селение в 1 ри от Исиномаки, с 83 домами, рассеянными на небольшом пространстве. На большой дороге, по пути к Кама, есть три дома христиан; в один из них мы заехали, чтобы благословить собравшихся здесь христиан, — это дом Матфея Коно, за которым младшая сестра о. Якова Такая. В Кама прибыли в церковный дом, купленный за 20 ен; чтобы купить его, христиане вошли в долг,

который ныне выплачивают ежемесячными взносами по 10 сен с каждого из семи сицудзи.

Церковь эта до сих пор принадлежала к Исиномаки; метрики здесь еще нет. Крещеные записаны в метрике Исиномаки. Крещеных здесь 30, из них 1 уже успел охладеть; 29 налицо, в 7 домах в Кама и 3-х на Оокайдо. Христиане здесь — из сендайских сизоку, переселившихся сюда и возделавших эту местность. Больше всего возделывается здесь груш; местоположение прелестное; дома в садах; между прочим, видели грушевый сад переводчика Петра Оно, находящийся близ церковного дома; Оно получает с него ен 60 в год чистой прибыли.

Павел Цуда начал в Кама проповедь христианскую еще с Мейдзи 13-го года. Из здешних христиан, между прочим, Иоанн Ендо, нынешний катихизатор в Мацусиро; здесь у него родители, дед, бабушка, брат с семьей — все еще язычники.

Христиане Кама собираются на общую молитву по субботам с восьми часов вечера, по воскресеньям с четырех или пяти часов утра, чтобы потом работать день. — Никак не убедить христиан соблюдать воскресенье! И между тем не могут же непрерывно работать, здесь же заведение — и в самую горячую рабочую пору три дня в месяц отдыхать. «Так отдыхайте в воскресенье!» — «Нельзя, у кого домашние — язычники, не могут этого желать». — «Так у кого все в доме христиане — те пусть». — «Подумаем».

Больше всех старается о Церкви здесь Яков Нагаи; он принимал в церковном доме, давал объяснения; между прочим, он объяснил письменной запиской, что имеется в виду — каждому из христиан посадить в пользу Церкви 500 елок; по прошествии 18–20 лет половину этих елей продать на расходы по постройке Церкви, а половину на самый построечный материал. Что до содержания Церкви, то христиане имеют в виду пожертвовать на сей предмет по тану или по два земли и самим обрабатывать ее.

Совершили здесь краткий молебен; убедили христиан завести «коогиквай» раз в месяц и «докусеоквай» в каждое воскресенье после службы. Даны духовные книги для этого.

Отправились в Минато-кёоквай. Здесь Церковь, построенная отдельным зданием еще в Мейдзи 16 года. Землю под нее одолжил Сергей Кацумата; здание стоило 900 ен, из которых 250 ен пожертвовал Сергей Кацумата, больше 100 ен Павел Циба.

Множество христиан встретило в Церкви, и потому сейчас же стали служить обедницу, которую пели почти все дети очень стройно. После проповеди исследована была Церковь. По метрике здесь крещеных 166; из них ныне в других местах 46, умерли 16, охладели 19, здесь налицо 85 человек. Новых слушателей ныне нет, ибо горячее рабочее время.

К службе в субботу и воскресенье приходит человек 20. Был женский «коогиквай» — прекратился; мужского и не начиналось.

Пожертвований за последние полгода из ежемесячных взносов было 2 ены 86 сен. Это идет на свечи и ладан. Кроме того, были экстренные пожертвования: на ремонт крыши 21 $\frac{1}{2}$ ены, на татами 9 $\frac{3}{4}$ ены, на праздник Пасхи 5 ен 80 сен, на Праздник Рождества 4 $\frac{1}{2}$ ены.

Дети испытаны в знании молитв — оказались знающими, но не все; сказано поучение о воспитании детей для Царства Небесного.

Убеждал Сергия Кацумата пожертвовать Церкви землю, что под церковным домом. Промолчал он.

На обратном пути заехали к язычнику Хирацука Мотьёси, недалеко от Церкви, — местный богач и «дзинбоока»; будучи язычником, радит о нашей Церкви; он ныне приглашал к себе и угостил чаем.

Вернувшись в Исиномаки, в дом Николая Хигуци, нашли у него так много собравшихся язычников, что нельзя было не сказать для них проповедь, обычную начальную. После нее тотчас же отправились в Хиробуци-Синден, 2 $\frac{1}{2}$ ри от Исиномаки. Но не доехавши до христиан, должны были остановиться для ночлега в Хиробуци, на постоялин; был уже девятый час вечера; темень полная, дорога от дождей ужасная, дождь шел не переставая.

6 / 18 июня 1893. Воскресенье.

Хиробуци-Синден. Вакуя

Рано утром прибыли в Хиробуци-Синден, отстоящий чё на 5 от города Хиробуци. В последнем 140 домов, в Синден 86 домов. От Вабуци до Хиробуци 2 $\frac{1}{2}$ ри. Оба места ныне в заведывании катихизатора Ефрема Ямазаки, который ожидал нас в Синден. Здесь приехали в дом Петра Оохара, у которого хранится молельная икона. По метрике крещеных в Хиробуци и Синдене 21 человек; из них ныне в других местах 6, умерли 2, здесь 13 человек, в 5 домах, из которых у Петра Оохара 5 христиан, остальные 8 в 4-х домах, и все хозяева в доме.

На молитву не собираются, и никакого церковного учреждения здесь нет. Никанор Оохара, отец Петра, ныне умерший, будучи в Хакодате, крестился и занес сюда христианство. Из Вабуци это место только и может быть заведуемо. Но Ефрем Ямазаки бывает здесь только раз в месяц на день-другой, очевидно, без всякой пользы. Обещались Петр Оохара и Иоанн Судзуки найти новых слушателей, — только катихизатор может поселиться здесь на столько времени, сколько нужно, чтобы преподавать им учение сначала до конца по Осиено Кагами; тогда и Церковь может увеличиться; если катихизатор будет жить здесь, то для него может быть нанята отдельная квартира; у Петра Оохара тесно и неудобно; я обещался дать на квартиру.

Отслужили мы молебен. Сказано несколько слов в назидание и ободрение христиан. Затем я простился с о. Иовом Мидзуяма. Здесь кончился

его приход, его несчастный приход, которому он так мало приносит пользы.

Веденью о. Иова принадлежат еще следующие места, где мы не были: 1) Июкояма. От Вабуци 4 ри, от Накасима чрез гору 3 ри. Там 1 христианский дом, из Сендая, ткача, бедняка. У него хранится моленная икона Божией Матери в серебряном окладе. Метрика есть. Есть четыре дома охладевших. Есть на шелкомотальной фабрике 5 христианок — девиц — и Варвара, жена Андрея Такахаси, из Мориока.

2) Янаици, не больше 1 ри от Июкояма. Там Павел Кодзима с женой, бывший катихизатор, ныне торговец; есть еще охладевший 1 дом. Метрика есть. Моленной иконы нет; Кодзима имеет свою и молится.

Не забыть еще при распределении катихизаторов следующих мест, тоже в приходе о. Иова Мидзюама:

1) К Санума принадлежащие: а) Томё: 3 христианских дома, 7 христиан — больше все родные христиан Санума, выданные туда замуж; от Санума 2 ¹/₂ ри. б) Ёнеяма: 3 христианских дома, больше 10 христиан; от Сенума 1 ри; Ёсида: 1 христианин, от Санума 18 чё.

2) К Дзюумондзи принадлежит Исикоси: 2 христианских дома, 7 христиан; от Дзюумондзи 18 чё; там родные Павла Сато, главного христианина в Дзюумондзи.

В приходе о. Петра Сасагава прежде всего предстояло посетить Церковь Вакуя, 3 ¹/₂ ри от Синден. По дороге туда, в Маияци, мы с Николаем Хигуци, сопровождавшим меня до Вакуя, зашли к Павлу Нагаи, у которого очень благочестивая жена Марина и пять человек детей. Нагаи служит у Сайто Дзеннимон, местного богача, с которым я виделся прежде в Исиномаки, ныне Члена Парламента.

В Вакуя прибыли в одиннадцать часов прямо в Церковь, и так как христиане были в полном сборе — те, которые хотели прийти в Церковь — то тотчас стали служить обедницу. Церковь здесь по иконостасным иконам одна из лучших в Японии; половину из них пожертвовал митрополитский эконом в Санкт-Петербурге архимандрит Исаяя, половина от Высокопреосвященного Исидора. Алексей Имамура, катихизатор, читает хорошо, но порядка службы несколько не знает; пели вполне стройно и большим хором, больше — детей. По окончании проповеди потребована метрика. По ней крещеных 281; из них ныне в других местах 42, умерли 30, охладели 12, в протестантство ушел 1. Остаются 196, и из других Церквей 3 — всего 199 человек в 64 домах.

В субботу и воскресенье собирается от 30 до 40 человек. Есть мужское собрание; производится по субботам, после службы теми, кто был в Церкви: толкуют по очереди (ринкоо) Осиено Кагами. Есть женское

собрание; производится в первую среду месяца вечером женщинами — членами общества; в обществе всего 24 христианки; собираются от 12 до 24-х. 4–5 христианок, наперед приготовившись, толкуют Священное Писание, говорят из Житий Святых или ронсецу (свои рассуждения). Основано катихизатором Павлом Кавагуци.

Есть воскресная детская школа, в которую иногда приходят и языческие дети; разделяются на три класса: в 1-м преподается Священное Писание, во 2-м — Священная История Ветхого Завета, в последнем Осиено Кагами; молитвы же учат все.

Есть «сейненквай»; производится два раза в месяц, во второе и четвертое воскресенье; говорят энзецу — религиозные и научные; в обществе 26 членов, в том числе есть язычники.

Землю под храм, 366 кубо, пожертвовал здесь Илья Додо. Храм постройкой обошелся 2500 ен, из которых 350 ен пожертвовал Савва Кимура; один язычник-купец — дал 100 ен. Я сегодня был у него, чтобы познакомиться и поблагодарить. В четвертом месяце сего года произведен ремонт, ставший 145 ен, которые собрали христиане с себя; первым пожертвовал о. Борис, родом здешний, 25 ен. В церковном доме — наверху — большая Церковь, внизу — комнаты для катихизаций, для катихизатора, священника, для спевок, где стоит орган и прочее. Есть церковная земля: Савва Кимура пожертвовал 1 тан 7 сё, и его младший брат Лука Кимура — 1 тан 7 сё. В год с этого получается на Церковь 1 коку 9 то белого риса, то есть 11 ен.— Есть ежемесячные взносы христиан, но до того малые, что на катихизаторскую пищу не могут давать обещанных 1 ¹/₂ ены, а ходит Алексей Имамуре по домам питаться; полмесяца ест в доме о. Бориса Ямамура, другие полмесяца, по дню, дватри — у разных христиан, всего 15 домов. Конечно, есть и в этом хорошая сторона: от катихизатора перепадает христианам больше учения.

Убеждал христиан и христианок завести ежемесячные «коогиквай» — из Священной Истории, Житий Святых и учения Спасителя.— Согласились. Дети испытаны, молитвы знают; впрочем, многие стеснялись читать, быть может, и не знают.

Кончивши все в церковном доме, отправился я в дом о. Бориса Ямамура, где приготовлено было помещение; было уже три часа. Ирина, жена о. Бориса, и Стефан, его сын, а также и другие родные — между прочим, Матфей, брат Ирины, императорский ловчий, красавец великан между японцами, убивающий одним выстрелом по три выдры, — сделали все возможное, чтобы принять лучше, радушнее. После отличного рыбного обеда отправились посетить старшин и других некоторых. Посетили домов 10, между прочим, двух богатых, из которых одна — женщина — до того жалостно стонала, что я велел о. Петру тотчас же совершить елеопомазание для утоления боли, что и последовало. Поздним вечером кончили посещения и прибыли в церковный дом, где имелся быть сначала женский «коогиквай», потом проповедь для язычников.

Первою говорила матушка Ирина; вкратце рассказала историю Церкви Вакуя — для меня многое было совсем новым. Все прочие говорили довольно хорошо. На проповедь собралось язычников человек 30; кончилась она в двенадцатом часу ночи. Для постели матушка Ирина вытащила княжеские спальные принадлежности; она была когда-то придворною у своего удельного князя.

7 / 19 июня 1893. Понедельник.

Оота. Нигоо

Утром в Вакуя Павел Сасаки приходил просить катихизации для селения Каватаби, 300 домов, в Онсен мура, в Тамидзукури-гоори, в Мияги-кен. Сасаки (прежде живший в церковном доме в Вакуя) там фотографом; у него в доме 6 человек христиан, да есть еще 2 христианина, наученные Саввой Ямазаки, катихизатором в Наканиеда, который был приглашаем в Каватаби. Вперед это место может быть заведуемо из Наканиеда. Иметь это в виду на Соборе.

Отправились мы с о. Петром Сасагава и катихизатором Алексеем Имамура в сопровождении еще двух христиан в Оота-мура, 3 ри от Вакуя, или — по более близкой дороге, чрез горы — 2 ¹/₂ ри; отправились пешком, ибо на тележке не проедешь. Оота имеет всего 36 домов, рассеянных по берегу реки и к горам. По метрике здесь крещеных всего 36 человек; из них умерли 3, но из Вакуя сюда пришел один; всего налицо 34 христианина, в 6 домах, — все родственные или дому Павла Накагава, главного здешнего христианина, или дому Тимофея Мине, у которого помещается моленная икона.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 10, и Павел Накагава читает по молитвеннику и старому Часослову. Больше никакого церковного учреждения нет. Даны ныне духовные книги, и убеждаемы были христиане после общей молитвы производить «докусёквай», обещались делать это. Обещан и катихизатор на время из Вакуя, если христиане соберут ему слушателей. — Помолились у Мине и у Накагава.

Вернувшись в Вакуя, очень усталые, отдохнув немного и пообедав у матушки Ирины, мы в пятом часу вечера отправились в Церковь Нигоо. Это селение — в другую, противоположную Оота, сторону от Вакуя, тоже 2 ¹/₂ ри от него. В нем до 300 домов, лежащих кое-где подряд. По метрике здесь 42 крещеных; из них ныне 8 в других местах, 4 умерли; здесь ныне 30, в 10 домах, из коих в 5 дзенка христиане, именно у Иоакима Кооя, где молитвенная комната и где мы останавливались, 9 христиан; у Павла Абе, главного здешнего хлопотуна, 6 христиан, у врача Луки Оомацци 4 и прочие.

В субботу и воскресенье собирается на молитву человек 10; читают по старому служебнику, хотя есть Часослов, и проч. Больше никаких

религиозных собраний нет; никаких пожертвований нет; даже ящика для пожертвований нет — «по язычески-де было бы». Приносят свечи и прочее, что нужно, вещами.

Отслужили мы вечерню; сказано поучение; даны религиозные книги, но при этом с христиан взято обещание, что они будут производить после общих молитв «докусёквай».

В обширном и богатом доме старика Иоакима Кооя нашли мы отличный ночлег.

8 / 20 июня 1893. Вторник.

Фукуда. Неко. Оно. Дзёгецудзуми

От Нигоо до Фукуда-мура 1 ри 20 чё; поля этих селений сопредельные, только холм разделяет их. Фукуда — деревня из 60 домов, разбросанных у подножия холма. Прибыли мы сюда часов в восемь утра.

Моленные иконы помещаются в доме слепца Луки Курумацука, лучшего из здешних христиан. (Дом этот когда-то обставлял — бессо Петра Кудзики, бывшего катихизатора, умершего в буддизме; здесь его бывшие кераи).

По метрике в Фукуда 51 человек; из них 8 ныне в других местах, 9 умерли, здесь 34, и из Дзёгецудзуми 1, всего 35 христиан в 9 домах, из коих 2 — вдали, остальные скучены.

В субботу собираются на общую молитву человек 10, в воскресенье общей молитвы не заведено. Молитвы читают; петь некому; после молитвы говорят о вере человека два-три.

Катихизатор Иван Ивай бывает здесь пять дней ежемесячно; живет у Луки Курумацука; питают его все; говорит поучение христианам по домам; есть и 2–3 новых слушателя.

Есть здесь церковная земля: 2 тан 4 сё; куплена казенная земля сен по 30 за тан; ее еще не возделывают, а растет на ней трава кая, которую продают; отчего накопилось церковных денег 2 ены за четыре года. Будут возделывать ее под рис.

В праздники бывают пожертвования на свечи и тому подобное. Определенных пожертвований нет.

Собрались несколько христиан. Отслужили молебен. Убеждены были христиане — отныне совершить общую молитву и в воскресенье; после же молитвы в субботу и воскресенье всегда производить «докусёквай» с предварительным приготовлением чтецов к сему. Книг здесь не было, даны теперь. Христиане обещались завести «докусёквай». Все здешние христиане небогатые земледельцы.

Отсюда отправились в Неко-мура, 1 ри 20 чё от Фукуда. В Неко всего только 11 домов, разбросанных; христианских же домов только два: богача Николая Асака и бедняка Иоанна Канно; у первого 9 человек христиан

в доме, у последнего 6 — всего, значит, здесь 15 христиан. Крещенные здешние записаны в метрике Ономац, к Церкви которой принадлежат христиане Неко. Зашли мы сначала к Николаю Асака; и икона — убрана, отец язычник. Дом полон «кайко»; все или (?), или на поле посадкой риса заняты. Попросили мы кипятку, напились чаю с булкой и этим были сыты целый день; между тем сыскался Николай Асака, нашел икону, повесил — и мы отслужили молебен; дали несколько религиозных книг (написали в Токио о высылке их), сделали наставление учить детей молитвам и отправились дальше; по дороге зашли в дом Иоанна Канно — сделали то же, что выше; только здесь во время поучения учить детей молитвам подоспел катихизатор здешних мест Иоанн Ивай; ему, кстати, дан был выговор, что он несколько не заботится о научении детей.

От Неко до Ономац 18 чё. В этом городке 162 дома. Он наполовину выгорел в октябре прошлого года; сгорел и дом христианина Иоанна Яги, у которого была молитвенная комната; сгорели в нем метрика, церковные книги; спасены только две иконы. Ныне в Оно только 8 христиан: 6 в семье Иоанна Яги, 2 в двух других домах, но из сих один — нищий старик, не ходящий в Церковь издавна, ибо занят только заботою не помереть с голоду. Заехали мы в дом Яги, конфетчика, едва кое-как построенный; отслужили молебен; о. Петр сказал поучение, ибо я очень устал (все время пришлось идти пешком по тропам среди полей). Никакого здесь церковного учреждения нет, да и быть не может при таком малолюдстве; на общую молитву, говорит Яги, ходят в Дзёгецудзуми, куда сданы и спасенные от пожара церковные иконы. — Отправились в Дзёгецудзуми, 1 ри 10 чё от Ономац. Несмотря на горячее рабочее время, по дороге встретило немало христиан, особенно детей. Перед Церковью устроена зеленая арка. Прибывши в Церковь, тотчас отслужили молебен и сказано было поучение. По метрике здесь 164 крещеных, из коих 19 ныне в других местах, 27 умерли, 5 охладели. 113 налицо в Церкви, составляя 32 дома (из них в Кавакудари 2 дома, в Фуруура, 1 ри, 3 дома).

В субботу и воскресенье на молитву собираются не в рабочую пору от 10 до 30 человек, в рабочую — почти никого не бывает, кроме поющих. Новых слушателей нет. При Ивай за два года не было ни одного крещения, кроме нескольких детей.

Есть женское собрание: во второе воскресенье месяца собираются христианок 7–8, но только слушают поучение катихизатора; жертвуют при сем, и из сих жертв ныне накопилось 10 ен, которые пойдут на покупку чего-либо для храма. — Есть «сейнен-квай», но он состоит только в том, что после службы в воскресенье или в субботу остаются желающие, и Ивай объясняет что-либо из Священного Писания.

Храм здесь построен отдельным зданием, на земле, одолженной Стефаном Ицидзё. Стбит храм в постройке 318 ен, кроме личного труда христиан и жертвованного леса, из сих 83 ен пожертвовал Стефан

Ицидзё. Стал я было говорить Стефану, чтобы он пожертвовал Церкви землю, что под храмом. Он возразил, что давно уже пожертвовал бы, если бы не имелось в виду храм перенести на другое, более удобное место; здесь оно вдали от дороги; перенесут на середину селения и к большой дороге; за пожертвованием, по-видимому, дело не станет, ибо здесь у христиан земли много.

Помощь на содержание здесь катихизатора идет с земли, пожертвованной для того Стефаном Ицидзё; земли этой 3 тан 2 сё; получается с нее 6 коку риса; христиане сами обрабатывают ее, но нужно считать, что получается 2 коку, ибо в три года обыкновенно раз бывает урожай; в прочие годы наводнение.

Кроме того, есть несколько земли, пожертвованной бывшим здесь катихизатором Павлом Кодзима; с нее продается произведений на 2 ены в год (Земли 5 тан, но мало годной). 10 домов христиан два года назад согласились ежегодно, в продолжение десяти лет, жертвовать определенное количество «моми» (необмолоченного риса) на «кихон зайсан»; жертвуют разное количество; у Стефана Ицидзё накопилось 2 коку моми (ен 6).

Определенных денежных взносов на Церковь нет; но жертвуют, когда нужно — в праздники на свечи и подобное, на ремонт, — в прошлом году вышло 40 ен. Из множества здешних христиан только 10 домов служат Церкви пожертвованиями.

Вечером отслужили вечерню; сказано слово; убеждаемы были потом христиане завести мужской и женский «коогиквай» и согласились.

Ономура имеет 560 домов; в ней Ономац 162 дома, 3 христианских дома, Дзёгецудзуми 52 дома, 27 христианских дома, Кавакудари 42 дома, 2 христианских дома, Фукуда 60 домов, 9 христианских домов, Такамаци 12 домов, 1 христианский дом, Неко 11 домов, 2 христианских дома. В Фуруура 3 христианских дома. Все это очень легко может быть заведуемо одним катихизатором, ибо на близком расстоянии одно от другого. От Дзёгецудзуми до Фукуда прямо через реку только 30 чё.

В Кавакудари — сончё Яков Сато. Оттуда же родом катихизатор Авраам Яги; у него в доме все язычники, главой дома его старший брат.

Из Янаици пришел сюда повидаться со мной Павел Кодзима, бывший катихизатор, немало потрудившийся в сих местах.

9 / 21 июня 1893. Среда.

Касимадай. Оомацузава. Фурукава

Опять целую ночь шел дождь, поставив нас в затруднение, как продолжать путь; хотел было обуться в варадзи — братья настояли ехать в Касимадай в тележке. Но едва к девяти часам утра могли быть снабжены две тележки, для меня и о. Сасагава; катихизатор Иоанн Ивай нашел

себе лошадь. По сквернейшей дороге едва дотащили дзинрикусы до Касимадай, 2 ¹/₂ ри. Прибывши же, мы попали в затруднение, что делать с собой, куда деться? В доме Ильи Сасаки, где молельная икона, все полно шелковичным червем, и там теперь самая горячая работа — отбирать и пристраивать червя, готового плести кокон, и кормить большого червя, еще не готового. Другие христиане все также по горло заняты или червем, или посадкой риса. В самом деле, это время — самое неудобное для посещения Церквей; просто совестно мешать христианам своим приездом. Зашли мы в дом Исаака Сасаки, где нашлась свободная комната; пришли три человека братии, и с ними мы занялись церковным разговором. По метрике здесь крещеных 31; из них умерло 6, в других местах ныне 2; налицо 23, в 11 домах, из которых в двух все христиане: у Ильи Сасаки 8 христиан, главный здесь старик Петр Сасаки, первый по времени здешний христианин и наиболее ревностный из них; ныне, к сожалению, он болен, лежит где-то в больнице, и я не виделся с ним; у Исаака Сасаки 3 христианина; прочие 12 христиан в 9 домах — большею частью хозяева домов.

В субботу и воскресенье на молитву собирается к Илье Сасаки человек 7–8, если не горячее рабочее время, как, например, теперь, когда и молитвенная комната под червем и икона спрятана. Читает молитвы Илья, петь некому. Никаких других религиозных собраний нет. Пожертвований тоже нет. Но на содержание Церкви средства собирают, именно следующим образом: три года подряд христиане занимали у соседа участок поля и обрабатывали его в пользу Церкви; так наработали 11 коку моми; теперь этот рис отдают на проценты в долг, по 1 то 5 с % с коку в год.

Свечи и ладан для богослужений приносят из домов.

Христиане здесь в двух селениях: Касимадай и Хиравата, соседняя деревня внизу, где станция железной дороги.

В Касимадай (аза) всего 23 дома, в Хировата 80 домов. В Касимадай же, как собрание селений, 630 домов.

Наставляли христиан делать религиозные чтения после общей молитвы; завести, то есть «докусёоквай»; обещались, а мы прибавили им книг к тем, что имеются здесь.

Несмотря на недосуг, братья угостили обедом, от которого мы никак не могли отказаться, отказавшись лишь от поданных яиц, ибо теперь Петров [пост].

Отсюда имели в виду отправиться в Оомацузава, деревню в 2 ри от Касимадай, но отказались от сего намерения, видя, как братьям теперь некогда, там тоже все не меньше заняты, чем здесь; значит, мы почти никого и не увидели бы, как здесь.

Оомацузава — бедное селение из 60 домов, стоящих вместе, не разбросанных. Там была вотчина отцов нынешнего иподиакона Иоанна Исида; ныне там его брат от другой матери, Яков, не имеющий ничего,

кроме бедного дома, — промотался и содержится своим братом Иоанном, имеющим землю в Сендае; у Якова жена и сын христиане.

Всех христиан в Оомацузава 22 человека, в 8 домах; по словам о. Петра Сасагава, все — бедные, земледельцы, из бывших крестьян Исида. Но в субботу и воскресенье собираются на молитву. Церковной иконы там нет — дал им икону о. Сасагава. Книг для чтения нет, да и читать некому. Никакого другого учреждения церковного нет. Пожертвований не делают. Лучший из тамошних христиан — врач Иоанн Ирацука, у него собираются для молитвы; один он несет некоторые церковные расходы — питает катихизатора, когда тот приходит, и прочие. Все христиане в Симоомацузава.

Во втором часу простившись с братьями в Касимадай, мы отправились на станцию железной дороги, дождались поезда в Когота, в четыре часа, и отправились туда, — чрез пятнадцать минут вышедши здесь на станции, взяли дзинрикиса до Фурукава, 2 ¹/₂ ри, и в седьмом часу были в Фурукава, неожиданно для братии, ожидавшей нас завтра. Тем не менее братия собралась в церковном доме в изрядном количестве, и мы отслужили вечерню, сказали слово, потом познакомились с положением Церкви. По метрике здесь 152 крещеных; из них умерли 28, перешли в другие места совсем — 3, на время (кириу) — 21, всего 24, охладели 18, в протестантство ушли 4; налицо ныне в Церкви 78, в 28 домах, из коих в 10 домах все христиане. Из 28 домов 27 здесь, 1 в деревне.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 20, если не такое сильное «некогда», как ныне (когда всех занимает шелковичный червь). Есть общество «сейненквай» — собирается человек семь еженедельно, или два раза в неделю, если катихизатор Елисей Кадо не в отлучке; катихизатор преподает Осиено Кагами и Священную Историю; толкуют и сами. Есть женское собрание: собираются 5–20 христианок; двое из них обыкновенно говорят «кооги», объясняя что-либо из Священного Писания, или другое что; собираются вечером, во второе воскресенье месяца.

Церковный дом здесь — собственный церковный; стоит на земле Иоанна Ооидзуми; дом куплен христианами и перестроен, на что издержано 215 ен. К сожалению, дом в стороне от главной улицы, несколько запрятан от глаз. Земли под ним 40 цубо.

Есть здесь церковная земля, купленная в складчину христианами и дающая ныне возможность наполовину содержать катихизатора. Земля эта: 1) поле: 1 чё, 1 тан, 7 сё, 9 хо; куплена за 255 ен; 2) огород: 9 сё 20 хо, — стоит 12 ен 60 сен. Доставили эти земли в прошлом году — поле: риса 9 коку 7 сё, 8 го на 53 ен 15 сен; огород: 5 то бобов на 2 ен. На сии деньги производятся все церковные расходы, как то: полусодержится катихизатор — в прошлом году на сие издержано больше 30 ен, платится квайдо-мори (4 ены), уплачивается земельная подать, производится ремонт дома, расходы на свечи и прочее по Церкви.

Есть еще церковных денег 33 ен 90 сен на хранении с процентами в экитейкёку.

Ежемесячных пожертвований для других определенных взносов на Церковь никаких нет. В кружку опускается очень мало. Управляют церковным хозяйством здесь наиболее богатые из христиан: Иоанн Ооидзуми и Исайя Нагасава.

В заключение убеждаемы были христиане завести мужской и женский «коогиквай» — и завели, избрав на первые собрания «коогися» и назначив время.

Из Миссии от о. Сергия Глебова пришло письмо, требующее моего возвращения к концу месяца, ибо денег у него не хватило для рассылки содержания служащим Церкви и расплаты в конце месяца. Придется поторопиться двумя-тремя днями.

10 / 22 июня 1893. Четверг.
Фурукава. Иигава. Наканиеда

Утром посетили в Фурукава двух церковных старшин — Иоанна Ооидзуми и Исайю Нагасава, и еще три дома почтенных в Церкви стариков; побыли в церковном доме; при свете он показался еще больше не подходящим для Церкви, чем вчера в потемках: совсем на задах города, и пройти можно к нему только чрез очень узкий и кривой переулок. В девятом часу отправились в **Иигава**, 1 ри от Фурукава. Иигава — несколько разбросанное селение из 120 домов. Приехали в церковный дом и в ожидании, пока соберутся несколько для молитвы, занялись с катихизатором Елисеем Кадо рассмотрением метрики. По ней крещеных в Иигава 162, из них умерло 20, перешло в другие места 35, охладело 9, налицо в Церкви 98, в 37 домах: в Иигава в 21 доме,

в **Зоосикиноме**, 1 ри от Иигава, с 16 рассеянных домов, 4 христианских дома;

в **Нискарай**, 27 чё, 50 рассеянных домов, 6 домов христианских;

в **Яноме**, 15 чё, 25 рассеянных домов, 3 дома (один Павла Хонда, что был в школе);

в **Санбонги**, 1 ¹/₂ ри, 150 домов, скученных, 1 христианский дом;

в **Хикита**, 2 ри, 50 скученных домов, 1 христианский дом;

в **Тагагава**, 1 ри 15 чё, 13 рассеянных домов, 1 христианский дом.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 15, когда свободное время, человек 5, когда некогда, как теперь. Пению учит Вера Кису, бывшая в Миссийской школе; новых слушателей нет. Никаких религиозных собраний ныне нет; а было женское симбокквай, но прекратилось, — никто не приходит.

Земли 7 сё, 5 бу (215 цубо) под церковным домом и садиком вокруг него; эта земля, равно как церковный дом, вполне церковные: куплены за 75 ен в Мейдзи 18 году; из сего 50 ен пожертвовал Акила Кису, остальное — братья в складчину. Записаны на имя Кису. Я советовал переписать на имя Церкви.

Есть «идзикин»: 121 ен; отдаются в долг на проценты по 12% в год. Имеется в виду на накопленную сумму купить церковную землю.

На свечи, ладан и прочие расходы по Церкви братья жертвуют ежемесячно по 5–10 сен; Акила Кису дает 25 сен. Катихизатору дают пищу, что исполняют трое: Акила Кису питает полмесяца, Петр Миками — четверть, Никанор Сугава — остальную четверть. Прежде давали на пищу катихизатора и из Зоосикиноме, теперь перестали.— Бывают и временные пожертвования (риндзи).

Из Иигава катихизатор Алексей Имамуре: сын крестьянина Моисея и Фаины, в последнее время ослепшей; брат его Исаак плотник, ныне работает в Санума; у Исаака жена и ребенок. Свой маленький дом у них; живут бедно; прежде Моисей жил в Квайдо, как квайдомори.

Из Иигава семинарист Марк Ёкота; у него отец, старший брат с женой и двумя детьми, другой старший брат неженатый; хотел побыть у него — «дом-де весь занят шелковичным червем», просили не быть.

Отслужили обедницу, сказали слово; убеждали завести «коогиквай» — мужской и женский, на что и согласились бывшие в Церкви братья и сестры. По окончании всего церковного отправились посетить трех церковных старшин: Миками, Сугава и Кису; у всех видели множество червя, почти готового делать кокон. У Акилы Кису жена его Марья и дочь Вера угостили обедом, состряпанным Верой — смесь сладких яств с солеными без рису, который церемонились подать,— мол, не ест,— отчего на весь день пришлось остаться впроголодь.

Катихизатор Елисей Кадо слишком плох для сих мест, более много — всегда болит голова, когда дурная погода. Оттого и слушателей нет, а были бы, именно при деятельном и живом катихизаторе. Одного достаточно для Фурукава и Иигава. Нужно будет дать из оканчивающих ныне курс — молодого и живого.

Во втором часу пополудни отправились в Наканиеда, 2 ри от Иигава. Погода была чудно хорошая, вид только что засаженных рисовых полей прелестнейший. Пред церковным домом был сюрприз: выскочили на дорогу певицы и певцы и быстро, развернув книги, запели что-то; приближаясь, услышал архиерейское входное «Достойно». Пресмешна была вся сцена, едва можно было удержать серьезность. В бедном-пребедном храмике уселись на пол и принялись за метрику, пока соберутся братья, сколько могут. По метрике здесь крещеных 202 человека; из них ныне в других местах 33, умерли 22, охладели 9, налицо в Церкви 138 и 2 крещеных инде, всего 140, в 40 домах, из коих

в Наканиеда, всех домов здесь 600 23 христианских дома;
 в Ёккаициба, 1 ¹/₂ ри,
 от Наканиеда 40 домов всех, 6 христианских домов;
 в Куросава, 1 ри 30 домов, 5 христианских домов;
 в Тагагава, 1 ри 50 домов, 2 христианских дома;
 в Каватаби, 7 ри 30 домов, 2 христианских дома;
 в Хикита, 1 ри 50 домов, 2 христианских дома;

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 30. Новых слушателей 6 человек. Недавно основано мужское церковное собрание: человек 15 братий остаются в Церкви после службы (пообедав принесенным из дома бенто) и занимаются толкованием Православного Исповедания; бывает при этом «тоорон» — рассуждение и споры; катихизатор Савва Ямазаки поправляет, когда нужно, говорит и сам.

Было женское собрание, два раза в месяц, но прекратилось в начале нынешнего года; перестали собираться, а собиралось христианок 6–7, и велись рассказы из Священной Истории и Житий Святых; говорил катихизатор.

Церковный домик занимает всего 12 цубо, землю под него одолжил Симеон Вакамацу; построен он в складчину христианами; стоит больше 100 ен, кроме пожертвований трудом и материалом. Собираются в нем только для молитвы — катихизатору жить негде. Построен Мейдзи в 7 году.— Больше недвижимого имущества церковного нет, а есть «кихон зайсан»: 40 ен — отдают на проценты по 12% в год. Недавно начали делать вклады для оставления сего церковного капитала; имеют в виду жертвовать ежегодно по 40 ен; и когда составитя достаточная сумма — купить церковную землю.

На содержание катихизатора ежегодно жертвуют 33 ены, то есть дают ему пищу и квартиру.

На свечи, ладан и прочее в Церкви идет то, что высыпается из церковной кружки (доо-хи); если недостает, то дополняется из «кваихи» — ежемесячных пожертвований на Церковь.

Бывает «риндзихи»; например, недавно ремонтировали Церковь внутри, на что употребили 10 ен, собранных специально для сего. На «сюкуен» — угощения в праздники Рождества Христова и Пасху всегда собирается складчина ен 4–5.

Из Наканиеда катихизатор Исая Секи; здесь ныне живет в доме его жена с дочкой и брат Ефимий, бывший в Семинарии. Отсюда также катихизатор Петр Юмура; но здесь ныне нет ни дома его, ни родных. Отсюда семинарист Ной Теразава. Его отец Моисей — купец; имеет дом, живет небедно, в семье 7 человек, все христиане.

Наиболее богатый из здешних христиан — Василий Канно, гостеприимством которого я ныне пользуюсь, пиша сие; по профессии — винодел, но хочет оставить сие занятие из благочестия, уверяет катихизатор.

В Ёккайциба еще богач из христиан — Захарий Куто, служащий так же, как и Василий, церковным старшиной; Захарий, между прочим, артист — скрипач; выписал из России скрипичные ноты и ныне разыгрывает их, и поет хорошо, как я сегодня убедился.

Так как братья и сестры, занятые полевыми работами, не собирались к богослужению, то мы, кончив церковные разговоры, отправились посетить дома церковных старшин, всего четыре. Одним из них — старик (55 лет) Моисей Теразава, самый усердный из здешних христиан; он сегодня выехал навстречу мне и Иигава и все время хлопотал по церковным делам; у старшины кузнеца Ионы видели немалую бедность в доме, да вдобавок еще жену умалишенную.

В сумерки отслужили вечерню, которую пели удивительно хорошо здешние певчие — подростки и несколько больших; недаром здесь жил учитель пения Тихон Ина — след остался. После службы поучение; убеждение завести мужское и женское «коогиквай», что и сделано, — согласились завести, избрали людей и назначили время. — Потом в доме Моисея Теразава была проповедь для язычников, собралось человек около сотни, и слушали, не уставая. Во время проповеди о. Петр Сасагава, оставшись в Церкви, испытал просящих крещения; только один из них оказался готовым и будет завтра утром крещен; прочие три остановлены для большего научения.

Ночевать меня привели к Василию Канно; было около двенадцати часов ночи, а еще предстояло женское собрание с кооги; в первом часу оно началось, и не удивляюсь я, что прекращаются здесь собрания: три подростка, девчонки, мучили больше часа чтением Житий Святых почти по складам, и две почти шепотом. Укорил я катихизатора Савву Ямазаки, что он допускает такое безобразие; должен он прежде собрания стараться, чтобы приготовлены были имеющие говорить или читать, испытать их заранее и только готовых выпускать.

В два часа ночи едва можно было успокоиться от дневной усталости.

11 / 23 июня 1893. Пятница.

Наканьеда. Сендай

Утром о. Петр Сасагава крестил одного взрослого и четырех младенцев, но это продолжалась вместо предполагаемых накануне семи часов до девяти отчасти от медлительности собиравшихся к крещению, отчасти от медлительности и неумелости священника; крик младенцев, шум собравшихся вокруг Церкви и глазевших в открытые окна и двери язычников (тогда как при раннем богослужении избегается, по крайней мере, последнее неудобство) до того расстроили нервы, что я не мог, по окончании, сказать поучения, а только попрощался, впрочем, поучение и не имелось в виду, и пришел я в Церковь в подрыснике лишь, совсем

готовый к пути, думая попасть к концу крещения, и попал к началу. Попросили христиане зайти к Моисею Теразава и угостили пышным адресом и холодным рисом, от которого потом желудок болел.

Отправились в Сендай, 10 ри от Наканиеда. В 5 ри от Наканиеда остановились в Иосиока и зашли к Петру Оодадзуме, бывшему катихизатору, теперь здесь окружному начальнику (гун-чёо). В Сендай прибыли пред заходом солнца и застали на дворе вокруг храма и в церковном доме чистку и приготовления; поместиться было еще негде, потому отправились в гостиницу, куда о. Петр Сасагава и катихизатор Василий Хариу и Василий Накараи принесли метрические и другие книги для уяснения настоящего положения Церквей.

По метрике в Сендае крещеных: 761 человек; из них ныне в других местах: 191, умерли 142, охладели 76, в протестантство (а дальше в буддизм) ушел 1; налицо 351, и из других Церквей здесь 39, всего ныне здесь в Церкви 390. Новых слушателей — у Хариу 6, у Накараи 7.

В Церковь ходят в субботу и воскресенье человек 70, с певчими, которых человек 25. Религиозные собрания здесь следующие:

1) «Кенкиу-квай»; в каждое воскресенье вечером собирают человек 8 христиан и объясняют места из Священного Писания, причем бывает «тоорон».

2) «Консинквай». Во второе воскресенье каждого месяца, вечером, собираются 30–40 христиан и рассуждают о церковных делах и о пользах Церкви; собрание это — «дзиридзё-но», относящееся более к управлению церковными делами; ведется непрерывно уже несколько лет. На нем бывают «кандзи», избираемые для каждого собрания — мужчина и женщина — двое.

3) «Фудзинквай». В третье воскресенье каждого месяца, днем, с двух часов, собираются 20–30 христианок; 2–3 из них говорят «кооги», большею частью из Житий Святых или из Священного Писания. По окончании прочитывается одна глава из Священного Писания. Христианки жертвуют на храм — нужные в нем вещи вроде отличных шелковых покровов, на престол и жертвенник, которые я видел, или на бедных. Кроме того, христианки избирают из себя по 3 попеременно для обхода христианских домов, что делается во второе воскресенье месяца; бывают по преимуществу у тех, которым нужно христианское поощрение, например у лениющихся ходить в Церковь. Польза от сего, по свидетельству священника и катихизаторов, немалая. Эту меру следует рекомендовать и в других Церквах.

4) «Сейненквай»; в первую и третью субботу, с трех часов, собираются человек 8, больше учеников, и говорят энзецу, религиозные и научные; всех членов 12; жертвуют так же; в Церкви два аналоя — их пожертвования.

Церковь в Сендае разделена на 18 приходов, в каждом поставлен староста, в каждом положено иметь место для проповеди; последнее не

в точности соблюдается; но разделение это приносит пользу в том отношении, что если нужно оповестить всей Церкви, то это делается чрез 18 старост со всею легкостью. В старосты избираются люди почтенные в Церкви, на влияние которых на христиан рассчитывается. Заведено в запрошлом году.

Церковное имущество и церковные доходы здесь следующие:

1) Отлично построенный храм; построен за две тысячи ен, пожертвованных из России (из них 2000 рублей кредитных добыты о. Анатолием) и одну тысячу ен, собранных местными христианами. У храма — Церковный дом, где живет катихизатор и производятся собрания христиан; и дальше другой дом, где живет семейный священник. Земли под всем этим и под садом вокруг Церкви 1) 400 цубо.

2) Земли 1 тан 7 сё в деревне Томита, 2 ри от Сендая. Куплена на деньги, собранные христианами на 11 году Мейдзи; получается с нее 3 мешка риса, стоящие 8 ен, которые идут на расходы по Церкви.

3) Некоторые (юуси) постепенными вкладами накопили сумму 400 ен и на нее в запрошлом году купили поле 1 чё 5 тан, дающее 7 коку рису на 40 ен; в прошлом году эти деньги были употреблены на освящение Церкви; дальше имеется в виду доходом с сей земли уплатить церковный долг в 230 ен, сделанный на постройку храма. Владельцы этой земли (на имя Церкви еще не записанной) 7–8 в Сендае, прочие рассеяны по всей Японии; это, кроме прочих христиан, — нынешние священники и катихизаторы, вышедшие из Сендая. Для распоряжения деньгами с сей земли со всеми ими нужно советоваться.

4) «Таномоси» — лотерея: деньги, данные в складчину участвующими, выигрывает один, но половину из них отдает на Церковь; на сии деньги куплен ковер для Церкви на 20 ен; еще 10 ен имеется на ремонт.

5) «Фудзинквай» — христианки постоянно жертвуют на своих собраниях; ныне имеют накопившихся 5 ен.

6) «Сейненквай» — члены жертвуют по 3 сен и больше; имеют ныне накопившихся 3 ены; хотят не тратить по мелочам, а ждать, пока 100 ен накопится.

7) Ежемесячных пожертвований с христиан поступает 5 ен, каковые деньги идут в пособие на содержание катихизатора и на другие церковные нужды.

8) Жертвуют на Церковь при погребениях, крестинах и прочем.

9) Опускают пожертвования в церковную кружку.

10) Бывают экстренные пожертвования — «риндзи».

Церковный расход был здесь с восьмого месяца прошедшего года по пятый месяц сего года: 147 ен (не считая построенного).

За сими объяснениями проведен вечер, во время которого еще пребывало много христиан и христианок поздравиться и получить благословение.

12 / 24 июня 1893. Суббота.
Сендай. Хараномаци. Накано

Утром, в проливной дождь, отправились в Хараномаци осмотреть тамошнюю Церковь. В церковном доме нашли катихизатора Луку Ясуми с женой и человек 5–6 христиан.

По метрике в Хараномаци крещеных 270; из них 119 ныне в других местах (в том числе 32 в Сендае, 16 в Накано, 7 в Арай-мура), 60 умерли, 46 охладели; остается налицо в Церкви 45 человек, в 15 домах. Новых слушателей 8.

В субботу на молитву собирается человек 17, в воскресенье 8. Поют 4. Есть женское собрание: в первое воскресенье месяца собираются христианок 7, и катихизатор Лука говорит им из Житий Святых или из Священной Истории.— Было мужское собрание для изучения Священного Писания, но прекратилось в запрошлом году.

В 14 году Мейдзи был построен христианами за 350 ен церковный дом, в котором молились и жил катихизатор, но владелец земли под храмом, язычник, потребовал землю обратно, поэтому христиане перенесли церковный дом на новое место, на участок земли, принадлежащий Марку Канно и Павлу Такахаси и одолженной ими; церковный дом они разделили на два зданьца: одно для молитвы только, другое для жилья катихизатору. Переноска стоила 40 ен. Марк Канно говорил, что участок предположено пожертвовать Церкви; я убеждал его «не умедлить воздати обет».

Определенных денежных пожертвований нет, а жертвуют в большие праздники на свечи, ладан и прочее. На это же идет и то, что высыпается из церковной кружки.

Отслужили мы в Хараномаци обедницу. Лука Ясуми очень хорошо читает в Церкви; он и жена его пели, и — тоже очень хорошо. Сказано поучение собравшимся человекам десяти братии. Потом убеждаемы они были завести мужской и женский «коогно симбокквей», ибо здесь взрослых христиан 16, христианок 11 — значит, есть кому готовить и говорить «кооги»; охотно согласились завести; только едва ли это исполнится: катихизатор Лука Ясуми совсем безучастно относится к делу.

Здесь же собраны были сведения о Церкви селения Накано, 2 ¹/₂ ри от Хараномаци; в Накано до 30 разбросанных домов. Есть там своя метрика, по которой крещеных 36; из них ныне в других местах 4, умерли 7, охладели 5; налицо в Церкви 20, в 5 домах. Новых слушателей 5. В субботу там человек 8–9 собираются на общую молитву; в воскресенье оной нет. Никаких других религиозных собраний нет.

Жертвуют пищу катихизатору, когда он бывает там. Свечи и ладан покупают. Церковного расхода в год бывает около 2-х ен.

Моленная икона в Накано находится в доме одного христианина, куда собираются на общую молитву. Имели мы намерение побывать там,

но катихизатор Лука Ясуми сказал, что все очень заняты шелковичным червем и полевыми работами; мы только помешали бы им; да и собрать их трудно — дома рассеяные.

Было еще христиан человек 11 в деревне Араи, 2 ри от Хараномаци, и тоже в заведывании катихизатора Хараномаци, но ныне все эти христиане в отлучке.

Спрятавшись от дождя в закрытые тележки, мы вернулись в гостиницу, где пообедали и тотчас отправились дальше, в Ямагата-кен. Проезжая мимо храма сендайского, заехали помолиться у престола Божия и проститься с собравшимися христианами и христианками.

В 8 ри от Сендая заночевали в Сакунами, где отличные теплые ключи, в которых мы и выкупались.

13 / 25 июня 1893. Воскресенье.

Ямагата. Каминояма

Утром отправившись из Сакунами в третьем часу пополудни по дурной дороге, прибыли в Ямагата, 13 ри от Сакунами (21 ри от Сендая). Проехавши мимо великолепных зданий Кенчэ, Кейсацусэ, Сихангакко и прочих, мы остановились на полчаса в гостинице, чтобы пообедать, и отсюда прибыли в квартиру катихизатора Фомы Циубаци, занимаемую им, когда он приходит сюда из Каминояма; здесь же помещается моленная икона, и христиане приходят сюда на общую молитву; но, увы, христиан сих — одна семья Павла Кобаяси, состоящая из четырех душ! Есть еще один портной, подмастерье, но того или не пускают, или сам не хочет приходить — не видал я. Есть и метрика здесь: по ней крещеных 7, из которых двое ныне — неизвестно где, прочие 5 — вот вышеозначенные. Есть книги, но их читать некому. Отслужили мы молебен, после которого я хотел сейчас же уходить, но хозяин дома — язычник — позвал на чай, который-де нарочно приготовлен; зашли мы к нему, и тут я дал Павлу Кобаяси и всем бывшим твердое обещание непременно прислать после Собора катихизатора исключительно для Америки. Обещанье нужно будет исполнить, и катихизатор должен быть не Фома Циубаци, слабый донельзя, решительно не способный что-нибудь сделать в таком большом месте, как Ямагата.

До Каминояма 2 ¹/₂ ри от Ямагата, и мы прибыли сюда в сумерки. Остановившись в гостинице, тотчас же отправились в катихизаторскую квартиру, где вместе и моленная комната; собравшиеся христиане — человек 7 — встретили. По метрике в Каминояма крещеных 30 человек; из них ныне в других местах 5, умерли 2, налицо в Церкви 23, в 9 домах.

В субботу собирается человек 8 на молитву, в воскресенье меньше. С девятого месяца прошлого года по четвертый сего производились собрания христиан и христианок; на первых христиане занимались

уяснением для себя Священного Писания, на вторых Фома Циубаци говорил поучения христианкам; говорили и они сами: Фома писал им что-нибудь из Житий Святых, они заучивали это и говорили. Но ныне христианок стало очень мало, некоторые из них переселились в другие места, поэтому оба собрания соединены в одно: «синдзяквай» и будут производиться с девятого месяца, когда для христиан откроется более досуга.

Есть здесь церковное поле под шелковицей: 1 тан 17 бу. Христиане, сложившись, купили в прошлом году за 4 ены 50 сен невозделанный кусок земли; на обработку его пошло еще 4 ены, и ныне там засажена шелковица, чрез четыре года можно будет иметь чистого барыша от продажи листа в пользу Церкви 6 ен.

Иоанн Такигуци, по-видимому, самый усердный из здешних христиан, хлопочет о сем.

Других пожертвований нет; на свечи дают, кто хочет.

Отслужили мы вечерню, которую пели все наличные христиане, и очень порядочно, портил только один малец — таким неприятным голосом, невыносимее которого я еще не слышал, точно взвизгивания поросенка. Сказано христианам поучение. Внушаемо было завести «докусёоквай» — чтение религиозных книг после богослужений с предварительным приготовлением; христиане тотчас согласились. Даны им вновь вышедшие религиозные книги в добавление к имеющейся здесь церковной библиотеке. Простившись с христианами, пришли ночевать в гостиницу; здесь тоже теплые ключи и натуральная теплая ванна.

14 / 26 июня 1893. Понедельник.

Каминояма. Фукусима

Утром в Каминояма хотел посетить всех христиан, но дзинрикиси заторопились, говоря, что можем опоздать на поезд в Сироиси, поэтому зашли лишь в один дом по дороге из Каминояма, бедный-пребедный, и иконы нет. Сделал я выговор катихизатору и священнику, что они не заботятся о христианах, не вникают в духовные нужды; обещался о. Петр Сасагава быть вперед рачительней.

16 ри от Каминояма до Сироиси, где станция железной дороги, плелись мы целый день по дурной дороге. Зато какие ландшафты видели! Нигде такого глубокого ущелья, обставленного такими высокими и живописными скалами и горами, я не видал. В половине седьмого часа вечера сели на поезд железной дороги и меньше чем через час были в Фукусима. Сверх всякого ожидания братья и сестры встретили на станции, и мы, заехав в гостиницу и наскоро напившись чаю, тотчас же отправились в церковный дом. Отслужили вечерню, сказали поучение. Принялись за метрику. По ней крещеных 128, из них 42 ныне в других местах, 21 умерли, 31 охладели; 34 налицо в Церкви; из других Церквей 3;

всего 37 человек составляют ныне Церковь в Фукусима. Домов христианских 8.

В субботу и воскресенье на молитву собирается человек 10 с детьми. Поют две девочки, наученные Надеждой Такахаси, очень хорошо. Новый слушатель, надежный для крещения, 1. Религиозных собраний никаких; был Фудзин-симбокквай, но прекратился три года тому назад.

Христиане имеют свой церковный дом, стоивший им в постройке и отделке 200 ен. Занимает он 50 цубо земли, принадлежащей язычнику; христиане платят ему ренты 1 ену ежемесячно. На постройку церковного дома сделал пожертвование 10 ен, между прочим, Макарий Муго, христианин из Нихонмацу, до сих пор ревностный христианин, несмотря на то, что один-одинешенек в Нихонмацу.

Есть у христиан накопленных 12 ен, хранящихся на процентах в экитейкёку; составила эта сумма из пожертвований бывшего Фудзин-квай и из остатков ежемесячных пожертвований.

Ежемесячно христиане жертвуют до 13 ен, из каких денег уплачивается земельная рента, покупаются свечи и ладан для Церкви.

На ремонт бывают экстренные пожертвования.

Укорил я христиан и катихизатора Павла Хосономе за малодетельность. Предложил, по крайней мере, «Докусёквай» завесь — чтение книг религиозных с предварительным приготовлением чтецов после каждой службы в Церкви; тотчас же согласились; избраны чтецы — после богослужений в следующие субботу и воскресенье — Иоанн Аракава и Иоанн Такахаси (что ни волоса нет), бывшие катихизаторы.

Имел я в виду из Фукусима отправиться в Вакамацу, где Спиридон Осима, катихизатор, живет без всякой пользы и, по-видимому, раскорился с немногими тамошними христианами, но так как при этом я никак не успел бы к 30-му числу в Токио — там же без меня на этот раз нет денег для обычных месячных расплат — то положил послать туда для досмотра местных церковных обстоятельств о. Петра Сасагава, самому же, завтра утром посетив дома христиан, с девятичасовым поездом вернуться в Токио.

15 / 27 июня 1893. Вторник.

Фукусима. Токио

Утром о. Петр Сасагава отправился в Вакамацу. Я побыл у всех христиан, в 8 домах. Почти ни одного домовладельца, все на квартирах и, за исключением Иоанна Аракава, дантиста, и одного разводителя шелковичного червя, все — беднота: словом, Церковь и нравственно, и физически — самая слабая, несмотря на то, что одна из старых Церквей. Да и что можно сделать с таким катихизатором, как Павел Хосономе, совсем

омертвелый, как автомат движущийся — больше ничего; где он ни был, везде Церковь замирала.

И разбери японцев, этих лицемеров, держащихся большею частию одной внешностью! Лишь только я написал, что выше сказано о Хосономе, из уст сидящего христианина излетает просьба — «оставьте и после Собора нам Павла Хосономе, все-де желают того; я прислан от всех просить». — Что не от всех, это я знаю: час тому назад сидел здесь Аракава, жаловался на бездеятельность Хосономе и просил катихизатора поживее. — «Пишите Собору, просите его о том», — ответил я и здесь, как отвечал на такие же неразумные просьбы в других местах.

Итак, почти все Церкви, существующие в Японии, осмотрел. Остальные досмотрю после Собора.

Общее впечатление, что Господь хочет быть Его истинной Вере в Японии. Везде по Церквям есть несомненно хорошие христиане; везде видны следы благодатной помощи Божией. Но жатва многа, делателей мало; их бы и достаточно, пожалуй, да плохи очень, вроде означенного Хосономе. Господь двенадцатью Апостолами просветил мир, но у двенадцати человек была сила двенадцати тысяч человек. Здесь ныне 120 катихизаторов, но у них силы — во всех вместе — нет двенадцатитысячной доли одного Апостола. Одна надежда на Господа Спасителя. Твори, Господи, волю Свою и здесь, как творишь се на Небе! Являй силу Свою и здесь, как являешь ее во всем мире! Просвети страну сию Светом Истинного Твоего учения, молитвами Пречистой Твоей Матери, Святых Ангелов, Святых Апостолов и всех Святых!

2 / 14 января 1894. Воскресенье

Сегодня, во время литургии, которую я совершал с двумя священниками, появилось греческое лицо в Церкви; видимо, с переводчиком; но по мере движения в служении, это лицо подвигалось дальше и дальше, оставив спутника в конце Собора, так что, наконец, я разглядел на груди сего лица крест, и заключил, что это архимандрит. Во время приобщения священнослужителей, при проповеди о. Павла Сато, лицо это вошло в алтарь. Диакон Симеон Мии спросил: «Греческий священник?» — «Греческий, — но не священник, а архиепископ». После приобщения я поздравствовался с ним, допустив его поцелованьем в руку, целуя его в уста, ибо все еще думал, что это архимандрит (Мии не сказал мне еще о нем). По выходе из Собора я нашел его гуляющим по двору и тогда только узнал, кто это. Пригласил на чай, потом на завтрак, вместе и

грека с ним, д. Филиппа, из Иокохамы, его чичероне. Это Высокопреосвященный Дионисий, Архиепископ острова Занте в Греции. Семь месяцев уже, как он из Отечества; был в Америке; хотел там собрать денег на возобновление тридцати четырех разрушенных землетрясением Церквей, своего епископского дома, тоже разрушенного, и на помощь всем другим, пострадавшим от страшного землетрясения. Был, кстати, и на выставке в Чикаго, участвовал в тамошнем религиозном конгрессе, пять раз говорил в нем; говорил также в университетских и других городах Америки; содержание его речей — религиозное, во всех случаях, по его словам; знакомил американцев с православием. Православных, впрочем, не приобрел. И денег на помощь, кажется, не собрал; диакона своего вынужден был обратить домой по дороговизне содержания в Америке. И ныне все признаки — не блестящего финансового состояния. «Не мастер я собирать», — говорит. И это прямо видно, что так. Проповедник, оратор прямо виден; что бы ни стал говорить — речь сейчас же вдается в ораторство с красотой выражения и жестов, свойственной только изящнейшему из народов — грекам. Человек с властью или привыкший к власти виден в нем — слушает, когда ему нужно; нет — говори ему сколько хочешь, смотрит с улыбкою и отвечает любезно «yes», — но видно, что не понимает и не слушал, о чем говорено (разумеется, не из похвальных замашек, но так на деле).

Долго прождавши обеда, пообедали мы часа в два с половиной. Архиепископ, между прочим, выложив из кармана письма, из коих одно оказалось мне от Преосвященного Николая из Сан-Франциско, удостоверительное, что это — не ложно Архиепископ Занте, что он служил в Сан-Франциско и прочее. После обеда я повел Высокопреосвященного Дионисия посмотреть наши школы. Но в Катихизаторской школе застали только одного ученика; в Семинарию, опасаясь того же, не повел; в Женскую школу пошли; там, хотя тоже, по случаю каникул, не все было в порядке, но нашли немало народу. Архиепископ благословил всех; были в иконописной, где ему предложена была, по его желанию, икона Спасителя; поднесены также вышивальные работы учениц, из которых он выбрал себе несколько. Тут же я предложил ему отслужить в нашем Соборе. Он пожелал отслужить литургию в Крещение и обещал привезти свое облачение.

5 / 17 января 1894. Среда

Пред всенощной был князь Сергей Михайлович Волконский (с посланником Михаилом Александровичем Хитрово), сын вице-министра Народного Просвещения, возвращающийся из Америки домой. Он говорил lectures на выставке в Чикаго, потом в разных университетах, по приглашению; собственно три лекции: «О женском образовании в России», «о религиозном Парламенте в Чикаго» и «впечатления его в Америке».

Лекции эти сделали его известным в Америке. Я настаивал, чтобы он лекционировал и здесь.— В течение разговора зазвонили ко всенощной — звал в Церковь,— «Нельзя»,— говорит,— «нужно на бал (кажется) в Американское Посольство». Ну и Господь с тобой!

Во время всенощной прибыл Архиепископ Дионисий. Но на литию и на Евангелие не выходил.

После всенощной мы ему, у о. Сергия в комнате, предложили ужин. После он, между прочим, пропел тропарь Крещения,— как хорошо! Особенно не могу я забыть „καλυεινμα!“»

6 / 18 января 1894. Четверг.

Богоявление

Утром Архиепископ Дионисий смотрел вместе со мною совершавшееся крещение в соборной крещальне. Потом продиктовал свою проповедь мне и Мии, диакону; диктовал по-английски, Мии записал по-японски.

Литургию служил вполне внушительно и важно. Проповедь сказал после Евангелия. И что за красота была позы, жестов, движений голоса. Только греки могут так! Одно только лицо понимало его речь — гречанка, жена секретаря Французского Посольства Casenave. По окончании Мии перевел, то есть прочитал то, что записал до обедни. Все продолжалось более часа; так что кончено было в три четверти двенадцатого, и я отказался говорить свою приготовленную для запричастной проповедь, потому что было бы слишком долго.— Но прежде того Архиепископ пропел (перед каждением, по входе в алтарь) тропарь Крещения, и опять я чуть не разрыдался, слушая трогательное греческое пение.

На водосвятие мы вышли вместе. Молитву я читал по новому переводу, очень понятному.

Служение наше будет полезно Церкви в том отношении, что католики, вероятно, перестанут клеветать на нашу Церковь, будто она совсем не то что греческая; так что не иначе называют нас, как «[...]»,— что греки-де не признают нас за христиан.

После литургии был чай — для Архиепископа и всех сослуживших и академистов вместе. Архиепископ Дионисий пропел, между прочим, еще несколько тропарей — из вчерашней вечерней службы.— После обеда христиане попросили Архиепископа сняться в группе. Снято было, с Архиепископом в центре, три группы: христиан семинаристов, Женской школы, потом еще Архиепископ в Соборе. Он обещался эти фотографии представить Греческой Королеве (Ольге Константиновне).

7 / 19 января 1894. Пятница

Архиепископ Дионисий ночевал в Миссии. Утром Mr. Casenave приехал за ним и повез показать замечательные места в городе. После обеда я ездил с ним для того же: видели наш храм в Коодзимацци, где ныне священствует о. Павел Савабе; не застали его дома; маленькая Церковь Архиепископу очень понравилась. Осмотрели Синтуистский храм на Кудай-Заку, город с двенадцатизэтажной башни в Асакуса, храм Асакуса. Вечером Архиепископ отправился в Иокохаму, намеревался завтра уехать в Гонгонт.

Он обещался прислать сюда оливковое масло своего производства с Занте. Обещался прислать своего сочинения «Объяснение на литургию».

Я подарил ему золотой [...], шила Анна, дочь о. Павла Сато.

Провожали Архиепископа Дионисия о. Павел Савабе, пришедший благодарить его за сегодняшний визит; о. Роман с детьми и матерью и прочие. Я послал Андрея — звонаря — свезти его облачения и проводить его до квартиры в Иокохаме.

14 / 26 января 1894. Пятница

О. Феодор Быстров прислал известие о смерти о. Анатолия 28 ноября (10 декабря) 1893 года в Петербурге, в госпитале в бессознательном состоянии. 3 декабря старого стиля отчет он был в Духовной Церкви Александро-Невской Лавры и погребен на лаврском кладбище. Завтра за литургией и панихидой помолимся и здесь о нем — дано знать и в другие Церкви о его кончине, чтобы помолились. Упокой, Господи, его душу! Потрудились здесь много и пострадал много от своей тяжелой болезни! Уехал он отсюда в день Благовещения 1890 года. Приехал первоначально в Японию в начале 1872 года.

8 / 20 июня 1894. Среда

Сегодня в два часа дня было такое землетрясение, какого я не видал за все время жизни в Японии. На колокольне в Соборе погнуло крест; в перилах крыльца на нижнюю площадку сломало четыре балясины чугунных; в крыльце выдвинуло один камень; в алтаре опрокинуло один за престольный семисвечник; лампадки, впрочем, упали на [...], — ковер не пострадал; в ризнице кое-где осыпалась известка с карнизов. В Женской школе и Семинарии полопалась штукатурка на стенах. Это, впрочем, и все наши изъяны; самый большой и убыточный — погнутие креста. Да дети перепугались, особенно в Женской школе. Но в городе немало и смертей, по-видимому; в соседней школе одному ученику упавшим чем-то прямо отделило голову от туловища; другого сильно ранило. В Рокумейквей упавшим подъездом раздавило кучера и лошадь.

Завтра газеты, вероятно, принесут немало других несчастий.

Опять подземные удары, когда пишется это, в десятом часу вечера. Даже страшно! Храни, Господи, от дальнейших несчастий!

19 сентября / 1 октября 1894. Понедельник

Япония — золотая середина. Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения. Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отжила, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтуизм, хранимый теперь Двором во всей его точности; послушать некоторых недоверков-иностранцев, что буддизм выше христианства, и посмотреть, хоть и с насмешкою, как сии иностранцы (Олькот и подобные) кланяются порогам буддизма, они вообразили, что христианство им совсем не нужно, неприлично. И ныне плавают в волнах самодовольствия, особенно многоводных благодаря победам над китайцами (три победы одержали),— и нет границ их самохвальству! Интересную коллекцию можно составить из текущих статей ныне, доказывающих, как дважды два, что японцы — первейший народ в мире по нравственности (ибо-де из бескорыстной любви к Корее воюет с Китаем и прочее).— Нахлобучили, вероятно, не на малое время на себя шапку европо-американского учительства по предмету атеизма и вражды к христианству. Горе — золотая середина! Она еще большее препятствие к истинному просвещению, в высоком значении, чем низменность! Что может быть хуже презрения и вреднее гордости! А она — символ пошлого самодовольства. Оттого и в христианстве ныне — что за сброд бедности, отребья! Из двухсот служащих ныне Церкви японцев, я, по совести — не знаю ни одного, который бы не служил из-за пропитания. Как грустно такое голое знание! А как избежишь его! Утешался я когда-то Павлом Ниицума, а что из него вышло? Зачем же глупо самообольщать себя! — Что-то есть здесь, но это что-то такое неуловимое, что я не вижу ни в ком и ни в чем ощутительного выражения его. Оо. Савабе, Сато... что за дряблость, апатия, лень, и ко всему этому невообразимая гордость! Академисты — наемники недобросовестные, исполнители бездушные,— все-все помешано на одной плате!

22 сентября / 4 октября 1894. Четверг

«Шедши во все языки, проповедите»... * сказано по настоящему времени, никому иному на земле, как нашей Православной Церкви, преемнице Церкви Апостольской, и именно — Русской Церкви, потому что

* Идя ко всем народам, проповедуйте.

Греческая бедна, не может по этой простой причине рассылать миссионеров. «Отчего Греческая Церковь не посылает никуда проповедников?» — спросил я бывшего здесь в начале нынешнего года Высокопреосвященного Дионисия Латас, Архиепископа Занте. «Оттого, что бедна», — просто отвечал он; «Я — Архиепископ, обязанный питать за своим столом немалое число людей, — получаю в месяц всего 29 долларов — можно ли на эти средства думать еще о рассылке миссионеров?» — Объяснил он, — и что же можно сказать против этого?

Не [?] ли Русская Церковь бедностью? На это можно ответить хоть следующим фактом: когда я заговорил в Москве о необходимости построить здесь храм, мне со смехом отвечали (о. Гавриил Вениаминов): «Сто тысяч приехал собрать!» А храм выстроен на двести тысяч с лишком. На дело христианской проповеди в России средства найдутся, — в этом и сомнения не может быть. Но как подвинуть проповедь? Как исполнить заповедь Христову? Миссионерское общество в России есть, но это недостаточный для того орган, — он может только способствовать снисканием средств, может также распределять имеющихся людей. Но людей-то как достать? Где взять ныне «к которым непосредственно относится глагол Божий „шедши научите“»? Святейший Синод может достать их; он может взять и дать их! Он, и больше никто. Вот тридцать пять лет никто не едет на проповедь в Японию. Но как приехал я? От Святейшего Синода был вызов, оттого и поехал; и разом тогда несколько отозвались на этот голос Синода (Н. Благоразумов, М. Горчаков, К. Лев[?]). Это не случилось бы, если бы не кликнул Святейший Синод; не кличет после того до сих пор Святейший Синод, этого и нет больше до сих пор. Итак, Святейший Синод должен поставить себе в прямую обязанность исполнить повеление Господа. Как исполнить? Да хоть бы учредить при Святейшем Синоде «Миссионерский комитет», вроде теперешнего Департамента Учебного комитета. Поставить номинальным начальником его (или уже нельзя надеяться на ревностную деятельность) одного из иерархов членов Синода, а членами деятельно полезными по этому предмету лиц, вроде о. Феодора Быстрова, о. философа Орнатского. Что делать сему Комитету? Поставить целью обращение к истинному Христову учению всех в мире (по Слову Господа) католиков — (вместо того, чтобы выслушивать оскорбительные предложения от этого мешка костей — Папы — соединиться, ибо будто возможно общение Истины и Тьмы), протестантов — (вместо того, что допускает Аду издеваться над Церковью Божией — чудовищными актами, рассылая сих миссионеров Тьмы в страну Истины Божией в лице проповедников штунды, баптизма, пресвитерианства в России, славянских землях и Палестине), язычников всех родов. Для католиков и протестантов достаточно было бы на первый раз основания богословского журнала в Европе нашими заграничными священнослужителями. Для язычников должны быть посылаемы проповедники из Академий и Семинарий.

А чтобы подготовлять к сему, следует в Академиях и Семинариях проводить хотя бы на классах общего Богословия мысль о необходимости нам исполнять повеление Господа. Если Святейший Синод прикажет сие и будет (в лице Комитета) следить за исполнением, то Божие повеление будет исполнено, тем более что Бог, несомненно, поможет сему.

7 октября / 25 сентября 1894. Воскресенье

В двадцать пять минут девятого часа вечера случилось землетрясение, немногим уступающее бывшему в роке. Здания Миссии и вне их выдержали по-прежнему; но в городе и в Йокохаме было несколько бед и много тревоги: попадали в иных домах трубы, опрокинуто и побито много товару в хрупких лавках (стеклянных, фарфоровых), народ почти весь выбежал из домов, и многие потом не решались ночевать в доме, особенно в Асакуса, поблизости башни (двенадцатизэтажной, построенной, чтобы смотреть на город, но далеко уступающей в сем отношении нашей соборной колокольне, о чем с насмешкою над башней при случае заявляется в газетах: башня, например, называется отождествлением Суругада, то есть нашего места).

1895 год

14 / 26 мая 1895. Воскресенье

В нынешнем году предполагается Собор в Сендае. Но о. Петр Сасагава прислал такое соображение касательно расходов, что на одну пищу и квартиру собравшихся за восемь дней пошло бы 450 ен, то есть вдвое больше того, что я полагал самым большим на сей предмет. Притом же теперь катихизаторы нужны на своих местах для поддержания христиан во время нападения на них язычников из-за России, вмешивающейся в дело войны Японии с Китаем не в пользу первой. Итак, положено в нынешнем году отменить Собор катихизаторов, а собрать только священников из всей Церкви для решения дел, подлежащих Собору. Сегодня и разослано по всем Церквам оповещение о сем. В первый раз Собор отменяется. В будущем году обещан общий Собор для всей Церкви — здесь, в Токио.

Сегодня Анна Кванно, начальница Женской школы, вернулась из Осака, от сына. Рассказывала, между прочим, что Оосакская Церковь в расстройстве из-за о. Оно и его жены, подозреваемой всеми в нечистой

жизни; ныне ее приревновали к катихизатору Василию Таде, недавно поселившемуся с семейством в церковном доме, что совсем уже выходит из пределов вероломности — Таде и женат, и не молод, и катихизатор. Притом же все недовольны слишком большим важничаньем о. Оно (вероятно, и ненамеренным, а по природному характеру); «точно Бог», — писал мне кто-то в анонимных письмах, — «с ним и говорят только издали, как с лицом высокого ранга», — говорила сегодня Анна. Во всяком случае следовало бы о. Оно переменить, коли уж дошло до того, что и в Церковь почти не ходят из-за него, но кем — не знаю.

Павел Накаи сейчас, вечером, принес отпечатанный первый лист Требника, в две краски. Печать очень порядочная.

Все дни ныне полицейские и переодетые, и в своем платье охраняют Миссию; должно быть, опасность существует от фанатиков, озлобленных тем, что Россия не дала Японии взять у Китая часть Манчжурии.

15 / 27 мая 1895. Понедельник

Один из редакторов газеты «Дзию Симбун», дальний родственник священника Павла Сато, предлагает быть полезным православию за денежную субсидию. Отвечено, что православию неприлично за деньги покупать рекомендации или похвалы, а пусть бы редактор сделался христианином, тогда он писал бы о православии по убеждению; тогда бы, если он беден, Церковь могла бы и помогать ему в содержании на том основании, на каком содержит других, служащих ей. И посоветовано было, чрез секретаря Нумабе, чрез которого о. Сато передал мне письмо редактора и совет свой купить его, — о. Сато обратиться в христианскую веру своего родственника. Но ответил сей закоренелый лентяй церковный, чрез Нумабе же, что «если бы редактор сделался христианином, то ему было бы неудобно писать благоприятно о христианстве».

Из церковных писем, прочитанных сегодня, Акила Хирота, катихизатор Сидзуока, и Варнава Имамура, катихизатор Канума, просят быть осторожным, чтобы не убили в этот период раздражения против России.

Вечером с Накаем переводили Пасхалии для Требника.

16 / 28 мая 1895. Вторник

Был поселенец из Хацидзёосима, просил катихизатора туда. Говорит: там есть только кумирня Дзёдосиу, но влияния ее на народ нет; недавно являлся проповедник «Тенрикёо» — его не приняли; христианских проповедников ни одного нет. Нравы народа добрые, простые, неиспорченные; школы есть, но все лучшие люди острова думают, что необходимо христианство. Все эти рассказы Окуяма возбудили непременно намерение дать ему тотчас же проповедника. И обещан Петр

Мисима. Он теперь не на службе, по гордости и капризливости; но просил недавно, чрез приходившую для того сюда жену, взять его опять в проповедники. Поведения он хорошего, учение знает; учен достаточно и опытен в обращении с людьми; был учителем в школах, а Окуяма особенно хлопочет, чтобы катихизатор, кроме проповеди, имел вечернюю школу. Отправился с женой, которая будет сдерживать порывы его гневливости и гордости. Итак, послал ему ныне письмо в Мито, чтобы немедленно прибыл сюда познакомиться и сговориться с Окуяма; если они понравятся друг другу, и Мисима пообещает служить усердно, то и с Богом!

Пароходы туда ходят в два месяца раз. Окуяма обещает всякое содействие проповеднику, также квартиру ему; насчет же содержания, как и подобает японцу, всячески изворачивается, хотя первоначально и промолвился, что будет содержать проповедника. Дадим Мисима десять ен в месяц.

Хацидзёосима — остров, куда ссылали благородных преступников в царствование Токугава.

17 / 29 мая 1895. Среда

Послал о. Сергию Страгородскому в Афины письмо с зовом сюда — и для писательства, ибо нужно убедить Японию в истинности православия, можно и научно развивать обличительное богословие для пользы Русской Церкви. После прочтении его статьи в Богословском Вестнике об «Оправдании» беспокойно было на сердце, не холодно ли я ему ответил прошлым письмом на его повторяющиеся желания служить здесь.

Не без провидения Божия, что ныне министром внутренних дел здесь барон Номура, в глазах которого нет злейших врагов Отечества, как Цуда Санзо, ранившего нашего Наследника, и Кояма Тоётаро, ранившего Лихунчжана. Беспощадно он запрещает газеты за злоречие против иностранцев из опасения, чтобы не разожжена была ненависть против иностранцев до появления фанатиков вроде Цуда и Кояма. Ему мы обязаны и за полицейскую охрану.

18 / 30 мая 1895. Четверг

Сегодня возвращается в Токио Император, уехавший в Хиросима 13 сентября нового стиля прошедшего года, чтобы быть ближе к театру военных действий. В городе сделаны великолепные приготовления к встрече: построены грандиозные триумфальные ворота около здания Парламента, еще две арки у станции железной дороги и недалеко от Дворца.

Все школы в городе не учились, наши семинаристы еще давно просили денег на флаг; и сегодня с флагом «сингакко» стояли на пути Императора к дворцу; Катихизаторская школа и Певческая были там же. Христиане также с флагом «сейкёо синто» стояли на пути. Женская школа не выходила, ибо опасно от многолюдства; других женских школ, равно как и маленьких школ, не было; и при всем том, слышно, раненных от многолюдства не избежали. Начиная с двух часов стала слышна пушечная пальба, а потом треск ракет не прекращался до вечера, а с вечера треск и блеск фейерверка до одиннадцати часов, по крайней мере.

Неумолкающий крик «Банзай» провожал Императора от станции до Дворца; народ стоял сплошной массой вплоть по всей этой дороге.

19 / 31 мая 1895. Пятница

День месячного расчета. Анна Кванно, по обычаю, явилась первой со счетами. Почти весь месяц она была в отсутствии — ездила к сыну в Оосака и на выставку в Кёото; вместо нее заведовали расходами по Женской школе Елисавета Котама и Евфимия Ито; месячный расход на разное разом упал с 46 и 47 ен, меньше чего в этом году не бывал, на 30 ен; на пищу вышло также меньше, чем прежде; явился знак, что старуха крадет; это я и прежде думал по многим признакам; ныне новое подтверждение. А что будешь делать? Поймать весьма трудно: статей расхода бесчисленное множество, и все такие мелочные, — поди догадайся, где прибавлено лишнее, а в лавке бы поверить, наверное, соврут в ее же пользу. Совсем бы отстранить ее от школы — тоже нельзя: так хорошо управляет школою, такой образцовый порядок ведет, так любит девочек и так матерински заботится о них — и они так любят ее, что такой образцовой начальницы поискать! Если бы идти на открытое, то я уже лучше согласился бы 25 ен в месяц давать ей жалованья вместо нынешних пяти ен, чем лишиться ее; но этого тоже нельзя, тогда нужно бы надбавить и другим, чего средства не позволяют. Так уж пусть идет как идет. Сказать бы ей: «Анна, не крадь», — куда! Заречется и закланется, что невинна, — знаю я ее — больше двадцати лет правим мы с нею Женскою школою.

От Петра Мисима сначала утром получено было письмо, что христиане города Мито просят его для них (то есть письмо было от христиан, но махинация Мисима), потом и сам он явился и понес такую околесицу о Хацидзёосима, что уши вянули: «это-де Содом и Гоморра, разврат всеобщий, так что, когда он заехал туда на день — на два, то было в диво, что не развратничает; все лгуны воры и прочие». Видя, что он просто не хочет туда, я послал за Окуяма, чтобы они увиделись и поговорили здесь же, при мне. — Давид Фудзисава привел Окуяма, — и начали говорить: Мисима важно расспрашивал, Окуяма хитро отвечал. Наконец, на

вопрос Мисима: «Где же жить там проповеднику?» Окуяма рассердился и возразил, что «отдавший себя проповеди не должен бы и задавать такие вопросы». — «Впрочем, жить есть, — отличное помещение»; — постарался Окуяма тотчас же замять свое раздражение. Но я, видя, что добра из разговора не выйдет, пошел и спросил первого ученика ныне в Катихизаторской школе, Яmanoуци, — «не отправится ли он проповедником на Хацидзёосима?» Тотчас же он изъявил желание, и я привел его в комнату и предложил Окуяма выбрать из двух: Мисима и Яmanoуци. Окуяма тут расчувствовался и открыл себя: был-де двадцать лет в тюрьме и прочес, — одним словом, из помилованных преступников, но ныне хлопочет о благосостоянии жителей Хацидзёосима — о водопроводе и о катихизаторе, за тем-де и прибыл ныне с острова. Результат откровенности был тот, что и Мисима согласился, но я не хотел брать слова назад и предложил Окуяма больше столкнуться с Мисима и Яmanoуци, и по взаимному соглашению решать, кто поедет. Часа три толковал он — сначала с Мисима, потом с Яmanoуци, потом пришел просить последнего, который тоже согласился вполне; он и обещан. В две недели, до отхода парохода на остров, Яmanoуци закончит свои занятия по школе и приготовится к пути. Двух недель всего не будет доставать ему до окончания курса; тем не менее обещано ему девять ен тингин, как первому ученику. Обещаны книги, изданные Миссией, по одному экземпляру для чтения и сколько нужно для слушателей учения и для преподавания Закона Божия в Ягакко. Яmanoуци должен пробыть там не менее трех лет, пока воспитаются здесь, в Катихизаторской школе выбранные им для сего. Устрой, Господь, все во благо!

Сегодня был въезд в Токио Императрицы, после отлучки в Хиросима. Наша Женская школа выходила встречать, и ей дано было по дороге отличное место, полиция поставила ее у самой линии следования процессии, так что девочки наши смогли сделать реверанс Императрице своей в самом виду у ней. Народно было почти также много, как вчера.

20 мая / 1 июня 1895. Суббота

Утром, до шести часов, Петр Мисима заявился, и сказано ему, что на Хацидзёосима поедет Илья Яmanoуци, что он, впрочем, вчера еще знал. Мисима пустил, что Окуяма — разбойник (с оружием грабивший) на всю жизнь определен был на каторгу и только что помилован после двадцатилетней каторги, что вчера вечером, ночуя у Павла Хиронако, узнал все это, что Хиронако отказался от поездки фотографом на Хацидзёосима и в смущении, что рекомендовал такого человека, — тем не менее я не мог ничего сделать, как дать Мисима одну ену на дорогу обратно в Мито, сказав, что о месте служения его будет рассуждено, когда соберутся священники на Собор. Хотел было он взять содержание

на шестой месяц, обещанное вследствие слезной просьбы его жены, но я побоялся, что он с ним останется здесь и все растратит, а после месяца нечем будет жить, и потому содержание это — шесть ен, отослано сего дня в Мито на имя его жены.

Захворал дизентерией катихизатор на Сикоку Иоанн Иноуэ; очень жаль будет, если помрет, — человек способный и усердный.

Завтра Великий праздник Сошествия Святого Духа, но на всенощной весьма мало было христиан; без учащихся Собор почти совсем был пуст; и устали же мои бедные девочки и мальчики, поя такую трудную службу, как сегодняшняя, особенно такие трудные ирмосы! — Господи, скоро это проснется японский народ и массаи двинется к Свету Божию? Добрый он народ, слова нет; много нравственности в нем, без чего, верно, бы так, как пошли хананеи, яиневитяне, перуанцы, мексиканцы; «естественное законное творимое» хранило его доселе, но пора бы уже ему открыть глаза, узреть хранившего его Бога и поклониться ему!

21 мая / 7 июня 1895 года. Воскресенье.

День Святого Духа

Богослужение совершил я с о. Романом Циба и Ф. Осозава. О. Павел Сато говорил очередную проповедь. На вечерню облачался и он; на вечерне священнослужащие также стояли с цветами в руках. Во время службы смущал меня диакон С. Кугимия своей невнимательностью или забывчивостью. Молящихся было довольно много; но, как всегда в воскресенье, немалое число язычников увеличивало людность. Пред Обеднею совершено крещение человек восьми, и потому причастников было очень много; с детьми считая.

За Обедней появился новый богомолец — Игнатий, сын Якова Дмитриевича Тихая, приехавший в отпуск к матери; обучается в мореходных классах в Херсоне, а прежде учился в Духовном училище в Одессе; ныне ему уже семнадцать лет; по-японски забыл все.

Яманоуци даны книги для Хацидзёосима, не весь запас, каким может снабдить Миссия, а необходимое для начала преподавания вероучения — человекам тридцати слушателей и тридцати ученикам. Прочее все, что нужно, обещано выслать по его письму чрез два месяца, если понадобится. Сомнительно, чтобы были большие успехи. В епископальном журнальце напечатано, что и оттуда собираются на проповедь в Хацидзёосима. Должно быть, Окуяма и у них, а может, и у других, клянчил так же настойчиво, как у нас, в видах пригнать больший прилив мудрости к своему берегу.

Раздосадовал учитель Андрей Минамото, академист, леностию по проверке ученических сочинений: на дрянном сочинении — 5, на яснейшем по мыслям и умнейшем (Саваде, в Катихизаторской школе) — 2,

с отметкой «не ясно», и выговором за это. Сделал ему строгое замечание и отдал перечитать и поправить свои отметки.

22 мая / 3 июня 1895. Понедельник.

Святая Троица

Перед обедней был из Коодзимаци о. Павел Савабе спросить о деньгах, подписанных на «Адмирале Корнилове» на утварь для его Церкви. Я ему показал деньги – 130 ен, сданные мне о. Стефаном, священником крейсера, и сказал, что за эти деньги, быть может, уже идет сюда прибор сосудов, выписанный о. Стефаном из Владивостока. Потом убеждал о. Павла найти для Церкви в Коодзимаци более удобное место, чем нынешнее, и купить его; христиане его прихода должны это сделать и имеют средства сделать, там есть богачи – Моисей Хамано, нынешний член Парламента, и приобретший известность в Токио капиталист, Моисей Тодороги – тоже очень богатый старик, Павел Хирума, немало и других состоятельных. Если будет приобретена удобная под Церковь земля, то построить Церковь помогут русские, с военных наших судов – как ныне же вон дают деньги приобрести хорошую утварь; можно и в России попросить помощи. О. Павел ушел одушевленный, но не знаю, хватит ли его одушевления на исполнение предпринимаемого, а мог бы он сделать эту великую услугу Тоокейской Церкви!

За литургией мало было молящихся, почти одни учащиеся. Был, между прочим, Окуяма с Хацидзёосима. После службы заходил ко мне вместе с Ильей Яманоуци. По-видимому, в восхищении от службы и тронут ею; разговор все возвращался к тому, что очень благодарен, что дают катихизатора, и обещался всячески содействовать основанию Церкви в тех местах. Говорил, что Павел Кикици на Огасавара дзима – первый капиталист ныне, владеет самыми большими там сахарными плантациями, даже одним целым островом, «приобретение которого ему стоило двух писем к губернатору только, но который стоит семь тысяч ен».

Был, в продолжение дня, некто Smart, миссионер из банды бишопа Корфа в Корее; учится здесь японскому языку, чтобы проповедовать в Корее японцам, живущим там по торговым и другим делам; второй раз он уже у меня; человек крайне добрый, но крайне недалекий, как англичанин, авторитетно судит о всем и всех; нужно сдерживать улыбку при иных его суждениях, но и то важно, что на все отзывается и все ему не чуждо; этим и сильна Англия – солидарность всех своих членов, духовных и светских, во всех своих интересах, светских и духовных.

Епископальный миссионер Argmine King, один из лучших у них, пожертвовавший когда-то десять долларов на постройку нашего Собора, письмом спрашивал; «переведены ли у нас Правила четырех первых

Вселенских Соборов?» Еще, «где можно купить недавно отпечатанный наш Служебник?» Я ему послал в подарок обе книги: «Служебник» и «Книгу Правил»; он трогательным письмом благодарил.

23 мая / 4 июня 1895. Вторник

По сегодняшним газетам: «Майници симбун»: «В храме (у нас) на престол упало письмо, содержание его неизвестно; но после него полиция и переодетая, и в свой форме строго охраняет внутренность и внешность Миссии». «Цихоо симбун»: «Ежегодно в пятом месяце в Сендае (sic) производился большой Собор Японской Православной (Греческой) Церкви, на который отправлялся Епископ Николай; но ныне из подлежащего ведомства (соно судзиёри) ему сделан был намек, чтобы воздержался от путешествия,— и потому Собор отменен». Ложь мешается с истиною: в Соборе у нас, действительно, подсунуто было на аналой, под икону, угрожающее письмо; но полиция еще прежде стала охранять Миссию. В Сендае действительно отменен собор, но больше по неудобству производить там Собор, и он был там в первый раз ныне проектирован; прежде же никогда не был, и не в пятом, а в седьмом месяце Миссия всегда производила Собор в Токио, или в Оосака.

Интересны следующие данные, опубликованные сегодня: за всю, более чем полугодовую, войну с Китаем во всех сражениях убито японцев: 623 человека, смертельно ранено 172, всего погибло от битв: 795. Не смертельно ранено: 2981. Умерло воинов от холеры 1323, от других болезней 1166, всего: 2489.

24 мая / 5 июня 1895. Среда

Из некоторых провинциальных Церквей (как из Оото, в Амита, из Мияко, в Мияги-кен) жалуются, что начавшие слушать учение перестают, смущенные вмешательством России в дела Японии с Китаем. Христиане нигде не смущаются, по крайней мере, об этом не слышно; от священников есть сообщения и о крещениях.

В сегодняшнем номере «Japan Mail» приводятся из японских газет вчера прописанные толки, с прибавлением, что «по уличным-де толкам ныне очень уменьшилось число богомольцев в Суругадайском Соборе», кажется, и это неправда; в Собор ходят по-прежнему.

Был секретарь Пекинского посольства Штейн, едущий в секретари Корейского посольства. Бранит корейцев на чем свет стоит — ни к чему-де негодный народ, продажный, без всякой любви к Отечеству и прочее; как бранил Путята, бранит Вогак — наши военные агенты, и бранят, кажется, все.

25 мая / 6 июня 1895. Четверг

Был американец Carothers, двадцать три года тому назад Reverend, ныне светский. Тогда мы с ним почти только и были миссионеры на Цукидзи; он перевел плохенькую Священную Историю, я покупал ее для своих слушателей; у него сгорел дом; он походил кругом пепелища, по-свистал и вскорости же его общество построило ему дом еще лучше. Потерял потом я его из вида, когда я перебрался на Суругадай; и вдруг сегодня является — в усах, с видом совсем светского человека. Оказывается, что давно бросил миссионерскую службу; был учителем английского языка у японцев; ныне, по-видимому, отказали ему от места, и он собирается ехать в Корею искать там учительской должности и вместе «служить видам русской дипломатии»; «Я не расположен к японцам и нахожу, что Корея лучше зависит от России» и так далее, словом, просил к рекомендации к корейской нашей дипломатии. Я отказал, сказав, что в дипломатию отнюдь не мешаюсь и не мое то дело.

Доктор философии Рафаил Густавович Кёбер, профессор в здешнем университете, вот уж уроков пять на фортепьяно дал нашим молодым учительницам Женской школы. Сам он ученик Николая Григорьевича Рубинштейна; значит, наилучший учитель, какого только можно найти. Преподает gratis *. Православный и верующий, попросил сегодня крестика, так как свой потерял, и икону Божией Матери; я его благословил и иконою Сасителя.

26 мая / 7 июня 1895. Пятница

Был американский бишоп Mac Kim, с одним из своих миссионеров Reverend Francis. Последнего я принял за путешественника; он же, оказывается, уже был у меня и в Японии живет шесть лет. Впрочем, их так много, что всех не запомнишь и не припомнишь.

Mac Kim едет в Америку на свой епископальный Собор и на отдых. Отдал он мне поклон от бишопа Hale, сочувственника соединенью Церквей. Я с своей стороны просил кланяться ему и рассказал, что имел уже корреспонденцию с Холем, но бросил ее, видя бесплодность. Прислал он мне брошюр о сношениях с Восточною Церковью; везде в сих брошюрах любовь и любовь — любовь Патриархов к епископам, любовь сих обратно и так далее; но фактического сближения — ни на йоту. Одно пустословие; кто же из христиан скажет «я ненавижу», а не «люблю»; ведь и к язычнику нельзя обратиться другого слова. Итак, бесполезно и переписываться в сем смысле, почему я с Холем и прекратил переписку, не имея времени на бесполезное. При сем показал Mac Kim'у пачку

* Безвозмездно (лат.).

брошюр, полученных от Холя, исчерченных моими заметками при чтении.

И внушал ему на митинге их сильно говорить о соединении Церквей, причем прямо представлять необходимость отбросить все, что у них несогласно с догматами Православной Церкви. Мы не можем в догматах уступить ни на йоту; и тщетны были бы все старания их соединиться с нами, если они не решатся исправить догматическую часть своего учения. От англичан трудно еще ожидать сей уступки по причине британской гордости (причем Мас Ким улыбнулся, а Francis рассмеялся); но американцы не столь горды и гораздо смелее. Итак, пусть американцы решительно приступают к делу. Наш Святейший Синод будет весьма рад, с отеческою любовью примет; но, говорю, нужно прямо явиться с уступками в главном, с готовностью принять прямо и ясно все то, что исповедовала Неразделенная Христова Церковь первые десять веков (и что ныне с буквальной точностью исповедует русская Церковь). Во всем не догматическом вы можете остаться при том, что имеете, — например можете удержать музыку при богослужении, нынешнее устройство храмов (без алтаря), свое время празднования Пасхи; но, например, безусловно принять 7 таинств. Едва я это выговорил, как Мас Ким возразил, что «7 таинств они принимают, только делают различия между таинствами необходимыми для всех и не необходимыми; таинства Крещения и Причащения необходимы всем для Спасения, а например, таинство брака — не необходимо, — вы же сами не женаты». — «Ладно», — возразил я, — «а например, ваше дитя умрет крестившись, но не причистившись — разве оно погибло? Где же необходимость двух-то для всех?» — «Но... но» — запнулся было он; — «Но это показывает», — заключил я, — «что споры будут бесконечные и соглашение никогда не состоится, если вы прямо и ясно, без всяких расчленений на важное и неважное, чего не знала Древняя Православная Церковь и не знает нынешняя, не примете и 7 таинств, и все другое догматическое, в чем различаетесь с нами»... — «Вы не принимаете нашу иерархию», — говорил, между прочим, он. — «Еще бы, коли вы и сами сомневаетесь в ней»... Как видно, это самый больной вопрос у них; все они заговаривают об этом. — Дал ему Служебник на японском (ибо спросил, где можно купить его), золотообрезный бишопу, простой Франсису; дал еще первому перевод Служебника на английский Робертсона (которого у меня семь экземпляров), второму — Пространный Катихизис на английском (каковая книга у бишопа, по словам его, есть); дал еще обоим по Катихизису на японском. Чрез Мас Ким'а послал золотообрезный служебник на японском бишопу Нале'ю. — Хвалил Мас Ким нашего священника в Сендае, значит — о Петра Сасагава, человека по бездеятельности совсем похожего на мертвеца, которого забыли похоронить; такие, знать — им, протестантам, на руку.

27 мая / 8 июня 1895. Суббота

Утром, в шестом часу, до обедни, я освятил кроплением святой воды с пением Тропаря «Во Иордане» нижнюю часть здания библиотеки, совсем готовую для принятия книг, напечатанных Миссиею. Вчера мы с Давидом Фудзисава, заведующим книжным складом, определили порядок укладки книг, начиная с Богослужебных книг и Священного писания до брошюр здешнего сочинения вроде «Православн[?]» о. Павла Сато. Сегодня начали переносить книги в новую кладовую для них. Слава Богу, хоть это сделано!

В принесенном сегодня месячном японском журнале «The Sun», июньской книжке, прочитал статью академика нашего, кандидата Киевской Духовной Академии Даниила Кониси, и часа два был в состоянии человека, нанюхавшегося чего-нибудь мерзкого. Статья «Характеристика русских». По Кониси: «Русский народ — флегматического темперамента», поэтому из Патрологии Чистовича и других он взял только дрянные черты сего темперамента и приложил их к русским; и вышло, что русский народ — тупой разумением, вялый волею, ленивый, не любящий ничего, кроме покоя, — до того, что даже руки не поднимет вытащить мухи из рюмки водки, а глотает водку прямо с мухой; ругается напропалую русский народ, не только простой, но и всякий другой, так что ругательность — неотъемлемая черта русского народа; есть и доброта у русских, но это больше от лени; неподвижность этого народа — от лени. Когда вышел из Индии, тогда было у него и свободолюбие — доказательство чего «вече»; но русский климат (по Боклю) переродил народ, сделав его флегматическим рабом и прочее...

И вот результат моего старания — сделать из посылаемых в Академии связующее звено между русским и японским народом! Совершенно наоборот — отталкивающими орудиями между двумя народами они сделались. Ибо, прочитавши статью Кониси, кто же из японцев не почувствует презрения к русским и желания быть подальше от них. Впрочем, и то: почувствуют это люди по мерке Кониси; но поумнее, пожалуй, и придумаются: «Как же такой глупый, слабый, ленивый народ создал государство, пред одним словом которого хоть бы теперь Япония отступает из завоеванной Манчжурии. И русскому государству только тысяча лет, а Японии более двух тысяч, — сравнить же их ныне — кто больше и сильнее?..» И этот Кониси воспитан и пропитан весь благодеяниями России, и таким мерзостным словоизвержением платит ей за это! На счет Миссии воспитался здесь в Семинарии; не стоил по успехам отправления в Академию, но надул: подставил своего родственника — богача Нозаки, который, действительно, лично мне сказал, что отправляет его на свой счет и будет содержать в Академии — все ложь! Я написал в Синод, что один едет в Академию на свой счет, и должен был за это платиться своими боками: более двух тысяч рублей стóит мне лично этот хулитель

России, потому что после совестно было просить Синод принять его на счет,— совестно за Японию, пришлось бы выставить надувательство японца.

«Благодарность есть свойство возвышенных душ» — это так; благодарности от японцев я не жду, ибо достаточно уже учен ими в сем роде; но душу мутит, что Отечество мое поносят и без нужды и даже во вред себе поносят; разве же подобные статьи не напускают тумана в глаза своим японцам? Вероятно, и Цуда Санзо воспитан был вот такими статьями до нанесения более раны несмываемого позора своему Отечеству, чем раны нашему Наследнику, ныне благополучно царствующему нашему возлюбленному Императору.

28 мая / 9 июня 1895. Воскресенье

Вопреки уличным толкам (о которых недавно говорила Japan Mail), в Соборе нисколько не меньше народа при богослужении, чем всегда. Только отсутствие деревенских посетителей теперь заметно, ибо по деревням везде время пыльных сельских работ.

Офицеры с «Крейсера», бывшие ныне в Соборе и потом заходившие ко мне, говорили, что война совсем была близка: уже отдано было нашей эскадре приказание — в случае отказа японцев возвратить Китаю полуостров Лао-тан, идти из Чифу в Талиенван и напасть на японские транспортные и военные суда. Слава Богу, гроза миновала!

После Обедни заходил Иоанн Исида, сын судьи-христианина в Сидзуока, бывший прежде в нашей Причетнической школе; сияет от радости: картина его на выставке в Кёото отличилась: Император купил ее, и только ее и еще одну; обе — из недавнего военного быта; Иоаннова изображает двух солдат, одного стреляющего, другого заряжающего ружье; масляными красками; в четыре фута вышины.

29 мая / 10 июня 1895. Понедельник

Из провинций продолжают извещать, что вмешательство России отбило слушателей: так сегодня Хиромаци из Эдзири и Ёсида пишет, что все начавшие слушать учение перестали и только приходят браниться и поносить христианство и Россию; впрочем, от такого плохого катихизатора, как Хиромаци, лучшего письма в такое время и ждать нельзя.

Были: капитан «Крейсера» — проститься — уходит из Иокохамы, и капитан «Разбойника» Иван Константинович Григорович — пришел на стоянку вместо «Крейсера». На «Разбойнике» пришел контр-адмирал Степан Осипович Макаров, благожелатель Миссии, выхлопотавший пять лет тому назад, чрез Великого Князя Александра Михайловича из Миссионерского Общества четырнадцать тысяч рублей на окончание постройки Собора. Макаров уехал тотчас же в Миякосита на воды

лечиться, ходит на костылях, на одну ногу ступать не может. Я написал ему письмо туда.

Капитаны тоже говорили, что война у нас с Японией совсем была близка: уже суда выкрасились в серый боевой цвет и приведены были в полное боевое положение, причем команды работали, по словам Григоровича, с полным одушевлением; Адмирал С. П. Тыртов показал себя очень распорядительным. Наша эскадра состояла из 23 (кажется, если не больше) судов, с тремя адмиралами – Алексеевым и Макаровым, кроме Тыртова, из которых Макаров уже приобретший себе боевую известность, как командир «Константина», в последнюю Турецкую войну пугавший турок в Черном море. Японцам пришлось бы иметь сражения посерьезней тех, которые они до сих пор видели. Теперь-то я понимаю серьезность вопроса посланника месяц тому назад: «В случае войны, уеду ли я в Россию или останусь здесь?» Я ответил, что останусь и, конечно, остался бы, чтобы беречь мою бедную паству, насколько можно.

30 мая / 11 июня 1895. Вторник

Mr. Carrothers написал корреспонденцию в «Japan Daily Mail», сегодня напечатанную, под заглавием: «The Greek Church in Japan»*, в которой опровергает ложные слухи, будто христиане наши отчуждаются от Церкви из-за вмешательства России в дела Японии, будто в Сендае в нынешнем году отменен наш Собор из-за того, что мне опасно поехать туда и прочее. В конце письма он заметил, что хорошо бы газетам не печатать возбуждающих неприязненных толков. К этому придрался редактор и написал горячую передовую статью против русских газет, ныне опрокинувшихся на Англию за ее устранение от участия с Россией, Германиею и Франциею в требовании, чтобы Япония возвратила Китаю Лао-тан.

В русских газетах напечатано, что в нынешнем году двадцатипятилетие учреждения Японской Миссии. Посланник спрашивает, когда именно. Я показал о. Сергию синодскую бумагу, из которой видно, что в апреле 1870 года было решение. Стало быть, уж поздно. Стоит праздновать, так! Поменьше занимались бы у нас юбилеями, побольше делали, лучше было бы.

31 мая / 12 июня 1895. Среда

Утром Окуяма с Хацидзёосима приходил прощаться и приводил племянника. Заверяет, что Илья Яманоуци непременно найдет там добрую почву для проповеди; Яманоуци, бывший здесь же, с своей стороны

* Греческая Церковь в Японии (англ.).

заверял, что всего себя отдаст делу проповеди. Дай Бог, чтобы слова и надежды обоих оправдались.

Вечером товарищи Яmanoуци, ученики старшего курса Катихизаторской школы справляли сообецу-квай; младший курс тоже участвовал; дано было им на кваси,— и целый вечер ораторствовали и рукоплескали друг другу в классной комнате, внизу.

Вечером Павел Накай приходил с советом пожертвовать ен сто, и никак не меньше пятидесяти, на семейства убитых на войне в сбор пожертвований, которым заведует Великая Княгиня Комацу. Я сказал, что ен двадцать пять, пожалуй, жертвую, больше не в состоянии; полезно-де будет для улучшения мнения о русских, ныне столь ненавистных японцам за вмешательство в дела ее с Китаем; но вместе и смешно будет — закупает-де ласку. 25 ен, впрочем, можно дать собственно из-за сострадания к несчастным семьям, лишившимся кормильцев. Накай посоветуется с другими о сем.

С архитектором Кондером, бывшем сегодня по постройке (библиотеки), осмотрели трещины в Соборе. После большого землетрясения в прошедшем июне трещин не обнаружилось, но после следующих, хоть не столь сильных, несколько, хоть не больших еще, явилось, именно: в ризнице, по обе стороны колокольни. Колокольня своей тяжестью расшатала оба крыла. Следовало бы, заметил Mr. Conder, верхнюю часть ее сделать деревянною, чтобы было легче,— тогда бы трещин не было. Да, опыт учит,— а до того мы впотьмах, оттого и трещины. Есть еще в сводах, посередине, трещины, но такие малые, что я их не вижу, а видят Кавамура и Кондер.

1 / 13 июня 1895. Четверг

Утром Илья Яmanoуци отпущен, с Богом, на проповедь на Хацидзёосима. Дано ему свидетельство об окончании здесь курса в Катихизаторской школе, на случай придирки, имеет ли он право учить; благословлен образом Спасителя в серебряной оправе (большая икона у него уложена с книгами); дано на два месяца содержание — по девять ен в месяц, как первому ученику, дано на дорогу пять ен; снабжен приличными наставлениями — беречься дурных людей, которых много на ссыльном острове, проповедовать не словом только учение Христово, а и делом, и прочее. Отправился с добрым одушевлением. Помогите ему, Господи!

Почти все книги, напечатанные Миссией, перенесли в новую кладовую — нижний этаж библиотечного здания; и оказывается, кладовая мало не наполненной. Книги не идут в продажу, как ни объявляй и не расхваливай их! Нужно вперед печатать не больше 500 экземпляров; до сих пор мы печатали до тысячи, и никак не меньше 700.

Павел Накай приходил: советовался насчет вчерашнего предложения пожертвовать; все находят, что мне пожертвовать нельзя меньше ста ен; я сам то же думаю, но так как такой большой суммы не могу, то лучше совсем не жертвовать.

2 / 14 июня 1895. Пятница

Был Яков Кавамото из Каннари, родственник покойника о. Иоанна Кавамото. Говорил, что христианство перешло от них в Эбидзима, 2 ри, и уже три дома там христианских; просят, чтобы селение их присоединено было к округу проповеди Ильи Накагава, — это и будет сделано на Соборе; ныне же послал книги и образки тамошним христианам. Говорил Яков, что хозяин дома, где живет катихизатор Ильи Накагава, с тех пор, как стал слушать учение, перестал подвергаться припадкам умопомешательства; это его очень одушевило, и усердие его к вере Христовой продолжает возрастать; значит, ухватился за руку Небесного Отца и укрепляется Его благодатью и силою. Дай Бог, чтобы не выпустил этой руки — иначе последнее может быть горше первых. Наказывал Якову и чрез него Илье — внушать это слушателю.

Была Мария Касукабе, бывшая ученица Женской школы, в прошлом году по болезни не окончившая курс, вернувшаяся домой в Какегава. Родители послали ее в Симосу обучаться шелководству. Хозяин заведения и товарки (человек 80) сначала гнали ее за веру, бранили, не хотели даже учить ее делу. Но храброго характера она и хорошо знающая вероучение, притом же усердная христианка; и от матери получила наставление при отправлении: «Учи там вере»; поэтому повела спор так разумно и являло такое доброе поведение, что теперь уже сделана старшею над двадцатью товарками и за веру ее уже не бранят, а, напротив, внимательно слушают ее и просят говорить о вере. Снабдил ее всеми книгами, какие даются в напутствие в жизнь выпускным из школы после экзамена; это поможет ей еще лучше просвещать желающих слушать учение Христово.

Поздно вечером Павел Накай принес отпечатанный лист Требника, еще — лист корректуры, где в 7-й песне погребения младенцев, в 3-м тропаре вместо «агаме хомерару» значилось только «хомерару», — «не нужно ли прибавить „агаме?“» — спрашивает; заглянул я в оригинал: «Как же, разумеется, нужно». И выходит: хоть сто раз перечитывай, а недосмотрев не избежать. *Ergare humanum est* * — одно и утешение. Но затем у Накай расцвела улыбка: «Передумал». — «О чем?» — «Есть у о. Павла Сато 5 ен, запоздалые пожертвования христиан на войну; не знает, куда деть; из Женского Благотворительного Общества (Сейкёо Фудзин кёодзоу квай) нашего могут дать 2 ены; итого 7 ен есть; не прибавите ли?»

* Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

Завтра последнее число взноса в сбор княгини Комацу».— «23 сны прибавлю,— пусть будет круглая цифра — 30 ен». И, вынужив деньги, отдал ему. Накай с цветущей улыбкой ушел. Завтра представлено будет пожертвование инспектрисой «Православного Женского Духовного Училища на Суругадай» и главною в «Православном Благотворительном Обществе» Елисаветою Котама.

3 / 15 июня 1895. Суббота

Утром толковал Обара, Кису и их товарищам, чтобы играли что-нибудь серьезное, а не вечную гамму, на скрипке и фортепиано. Начали втроем на скрипках, что похоже на концерт, но сейчас же и бросили и пошли опять пилить гамму. И могут уж играть что-нибудь похожее на музыку — но лень, или неспособность, не знаю, что держит их всех вон лет десять на одном и том же месте; утомляют себя и сами же себе наводят апатию. И скуку этой вечной своей гаммою и самыми элементарными упражнениями на нее.

А намеревался я уже внизу построить здание для певческой, и в нем залу для концертов — для своих, да и чужие могли бы слушать. С бездарностями недалеко уедешь.

Пришел ящик с иконами из Троицко-Сергиевой Лавры: 3000 икон Спасителя, домовых, в семь вершков, и 24 700 икон разных малых размеров, почти все Богоматери; всего на 1536 рублей. На много лет хватит этого запаса, только нужно бы домовые иконы Богоматери, тоже семь вершков. В ящике с иконами оказалась еще посылка от о. Александра Сахарова, лаврского иеромонаха, моего старого знакомого: серебряная кружка, четки, альбомчики видов Лавры, Москвы, Санкт-Петербурга и Киева и письмо, в котором, между прочим, извещается, что о. Моисей, двадцать лет назад бывший здесь и уехавший отсюда и, после службы в Александро-Невской Лавре, бывший настоятелем, в сане архимандрита, монастырей — сначала в Саратовском, иноком, Вятской епархии, ныне помещен в число братии в Софроньевской пустыни Вятской епархии. Вот что значит невоспитанность и невыдержка; способности богатейшие и развитие достаточное — кончил курс Семинарии; но капризливость, своенравие, упорство, гордость не умеет обуздать и исправить наше воспитание — оттого и никуда не годен человек.

4 / 16 июня 1895. Воскресенье

После Обедни зашел ко мне сержант Семен Накацука, сын Иова, показывающего Собор, только что вернувшийся из Китая, в изношенном платье, в котором был все время на войне и участвовал во многих битвах; во все время пять пуль касалось его платья, одна засела в нем, но

Бог миловал от ран; на сабле зазубрины от рубки по неприятелям при близких схватках; лицо обветренное и загорелое; словом, один из героев прошедшей войны.

Никита Сугамура, недавно оставивший катихизаторскую службу, чтобы учиться медицине, приходил опять проситься на службу; говорит: «Нечем содержаться во время учения», а вернее, поздно уже учиться — двадцать пять лет ему; содержать же его отец может, если содержал вот уже несколько месяцев; он сын врача из Каназава. Сказал ему, что, когда соберутся священники на Собор, предложу им о нем; вероятно, не будут иметь ничего против, ибо он оставил службу не по дурным причинам. Просится он еще служить катихизатором здесь, в Токио, чтобы продолжать самому усовершенствоваться в богословских знаниях; об этом пусть сам просит Тоокейских священников; если кто возьмет его в число своих катихизаторов, я не буду против.

5 / 17 июня 1895. Понедельник

Американский bishop Mc Kim и Reverend Francis прислали три книжки: в японском переводе катихизис, догматику и нравственное учение — учебники ихние в здешней их семинарии на Цукидзи.

Просмотрел оглавление догматики; конечно, пробелы,— нет о Священном Предании, о призывании святых и прочего, извращения, например брак считается естественным таинством, а не благодатным, пресуществление не признается и прочее, запутанность в изложении, например учение о благодати излагается после таинств, но почти все прочее — совсем православное.

И возгорелось у меня сильное желание внушить Мак Киму — на ихнем митинге в Америке настаивать на изыскании средств к приведению двух Церквей в единение. Нетрудно это, мне кажется; но нужно поступать практически, а не зря, как они это до сих пор делали: пришлют посла в Санкт-Петербург, к Святейшему Синоду: «Давайте, мол, соединяться». Что мог отвечать на это Святейший Синод, как не молчанием? Легко сказать — «соединяться», когда Святейший Синод и вся Русская Церковь не знают, что за люди, каких верований и правил.— А пусть бы американские епископалы поступили хоть вот так: избрали бы даровитых и усердных молодых людей десять или больше, со специальным назначением изучить русский язык и перевести на английский все лучшие наши догматические и другие вероучительные сочинения, в то же время самим глубоко изучить все наше православное учение; пусть бы попросили у Святейшего Синода профессора для обучения их русскому языку и вероучения, с назначением ему \$ 2000 жалованья; пусть бы таким образом основали специальную школу или общество — в Сан-Франциско под надзором Преосвященного Николая Алеутского; лет в

десять появилась бы на английском языке вся наша лучшая богословская литература, необходимая для ознакомления американцев с нашей Церковью.

В то же время переведены были бы и обратно с английского на русский символические епископальные книги, при помощи которых Священный Синод и все, кому ведать надлежит в России, узнали бы в точности епископальное учение (хоть у нас его довольно близко знают из сравнительных Богословий). Тогда бы американские епископалы узнали прямо и ясно, что им нужно принять, или отбросить, или исправить, чтобы Православная Церковь могла принять их в общение. Если гордость не будет обладать ими столько, сколько обладает английскими их собратьями, то они согласятся на единение в догматах с нами, в каком предмете мы не можем уступить им ни на йоту; обрядовые же различия затем будут улажены любовью Святейшего Синода, а равно и Восточных Патриархов.

Или же пусть бы своих молодых людей, предварительно приготовленных по общему образованию и по русскому языку, присылали в наши духовные академии. Во всяком случае им этот шаг к сближению легче, чем нам; хоть бы часть вот этих людей и средств, что ныне в Японии, употребили на означенное дело — для Японии урона не было бы, а новое великое дело началось бы.

6 / 18 июня 1895. Вторник

Согласно приглашению, полученному 4 июня нового стиля, был у аглицкого бисхопа Бикерстета «to meet Bishop & Mrs McKim and Bishop & Mrs Svington» — первый едет в Америку, второй вернулся в Японию по поставлении в бисхопы, первый пятнадцать лет был миссионером в Оосака, второй восемнадцать лет — там же. Епископальная Церковь обзавелась здесь на славу: миссионеров и миссионерок — десятки, бисхопов — вот здесь только трое; но это еще недостаточно, говорят — для севера и юга нужны. Обед был чопорный, аглицкий, но общество милое, симпатичное. Mrs Бикерстен, несмотря на свою молодость, образцовая жена, во всем, даже в проповеди помогающая своему мужу и разъезжающая вместе с ним по Церквям. За обедом зашла речь о бисхопе Вильямсе, отказавшемся от управления Американской Епископальной Церковью здесь, но живущим в качестве простого миссионера, совсем сделался отшельником в мире, когда уезжает, когда приезжает — никому не известно; ныне живет в Кёото и проповедует; я рассмешил, рассказавши, как в былые времена он уверял меня, что «может жениться, может, хотя бисхоп», в противоположность мне, не могущему. Ныне он совсем седой и дряхлый; он — истинно раб Божий, достойный Царствия Небесного. После обеда Reverend King рассказал мне, между прочим, что теперь

(в смутное для Японии и для нашей Церкви время, по поводу вмешательства России), раза два-три приходили к нему наши христиане вопрошать о ихней Церкви и с намерением будто перейти к ним; даже два ученика из нашей школы приходили, но он, King, сделавши им приличные наставления, остановил их будто бы от перехода, сказав, что примет их (учеников) простыми христианами — не более, если они найдут, что епископальное учение лучше православного, без обещания им катихизаторства. King — хоть бы и немножко и хитрил, во всяком случае джентльмен — в этом я не сомневаюсь; что наши ученики хотели изменить православию — тоже не сомневаюсь; ведь все оборыши у нас, которые никуда не годны; идут из-за скудного куса хлеба, который надеются получить по окончании курса и, если можно, найти получше кусок. Что ж удержит от искушения, коли внутреннего убеждения нет! Тут же и на Россию можно ныне плести что угодно, хотя очень хорошо знают (наслушались), что в вероучении Россия ни при чем.— Но главное, после обеда я имел разговор с епископом McKim'ом о предмете, вчера изложенном — о соединении Церквей, под условием исправления епископалами своих ошибок. Пусть Американская Церковь действует, ибо Русской не до того еще — она занята внутри слишком много, притом же Россия — юное государство, нет у нас достаточно людей для того; Американская же Церковь, высылающая легионы миссионеров за границу, может отделить десятков способных молодых людей для изучения русского языка и перевода русского вероучения на английский; можно и средств найти для содержания профессора и для прочих сопряженных с сим расходов. Профессора же Святейший Синод пришлет, если попросят.— Советовал соединить старания с bishop'ом Hale'm, ревнителем единения, и налечь на Собор, чтобы начато было практическое действие. Пусть бы они пригласили нашего Преосвященного Николая, Епископа Алеутского, в Миннеаполис, где у них будет митинг; там, кстати, у него есть православная паства; во время Собора американские епископы могли бы советоваться с ним о предмете. Bishop McKim просил рекомендательного письма к Преосвященному Николаю в Сан-Франциско, обещал дать.— Бикерстет показал в своей домовй Церкви (крохотная комнатка) деревянную доску, на которой вырезаны фигуры Спасителя и двух коленапреклоненных ангелов, дюймов в семь высоты; резьба хорошая; но похвальбы не стоит.

Показал я когда-то ему и епископу Корфу, что в Корее, киот — дар Ф. Н. Самойлова, только что полученный, когда они посетили меня; они не похвалили (а изящней никогда ничего не видали), а я похвалил его доску — резьбу какого-то известного английского мастера, которую, однако, не за дорогую цену можно произвести здесь японскими мастерами,— не по слабости ли? Как бы не так! Просто из любезности; в одном же я вечно чувствую такое пренебрежение ко всем этим недоверкам, что молю только Господа, чтобы оно не вменено было во грех! А как избежать,

коли пред глазами мерка православная, и все, что ниже ее, не может не казаться низменным!

Полицейский — тоже в дзинрикися — сопровождал меня туда и обратно, дожидаясь там, пока я был; стеснительно, а что делать? Велено ему, и ни я, ни он не можем поступить вопреки. Вернулся домой в исходе одиннадцатого часа вечера.

7 / 19 июня 1895. Среда

Сегодня закончены классы; следующие два дня ученики будут готовиться к экзаменам; с субботы начнутся экзамены.

В одну протестантскую школу сегодня приглашали на выпускной акт — с пением и речами; но целый день безостановочно рубил дождь — я не пошел.

Унитарии 16-го числа праздновали день рождения греческого философа Сократа, в своем Юцци кван, в Мита; с десяти часов утра и до двенадцати произносили речи, в которых Христа ставили наравне с Сократом, Сакья-Муни, Конфуцием, и хвастались свободой мысли; человек триста было. Проповедник их Мак-Колей, из Америки; он, впрочем, на этот раз не ораторствовал, а его последователи-японцы.

8 / 20 июня 1895. Четверг

Утром пришла Мария Хорие, молодая вдова из Хонда; держала экзамен в сестры милосердия; пришла сказать, что выдержала; дал ей христианских книг и наставлял служить душе больных также. Экзамен не мудрый: чтение, писанье под диктовку; но подробный расспрос, кто, откуда, с какими намерениями и подобное,— словом, забота о добром нравственном состоянии принимаемых; Мария сказала, что она христианка, и это нисколько не помешало ей. Говорил я ей прежде, что если не выдержит экзамена, то приходила бы к нам в Женскую школу — изучить лучше вероучение и посвятить себя потом делу проповеди женщинам. Дяконессы нам нужны, а их нет. Искал я подходящих вдов по Церквам, не нашел; вот такие бы и желательны, как эта Мария,— умная, бойкая, но добрая, расположенная к служению людям; молодая еще — тридцати лет нет, но мать двоих детей, что делает женщину особенно мягкосердною. Жаль, что направилась в сестры милосердия (в Красный Крест), не сказавшись предварительно здесь.

Была потом другая Мария — Нива, жена бывшего катихизатора Матфея Нива, благодарить за заботу о ней. Матфей ныне на службе в японском войске, в Китае; писал недавно, просил позаботиться о его семействе; я послал дякона Кугимия узнать, благополучно ли оно; Кугимия нашел, что Мария живет с родителями, сын Иван ходит в школу,— все

благополучно; так мы отписали Матфею, чтобы успокоить его; а ныне вот жена пришла благодарить Кугимия и меня. Вот положение тоже! Она, конечно, не виновата; Матфей взял ее, язычницу, и она уже, будучи его женой, научилась христианской вере и приняла крещение; женщина еще молодая, двадцать лет, скромная, добрая и довольно образованная, хорошая христианка, как по всему видно; дал христианских книг ей и мальчику Ивану — от прежней жены Матфея, дал образков. Но Матфей, к сожалению, не может участвовать в христианских таинствах, ибо женился от живой жены. Жена его, Екатерина, здравствует и живет тут же, в Токио. К несчастью, Екатерина — несноснейшего характера; мучился с ней Матвей многие годы; и была она его, и срамила; бил и он ее, и срамили оба Церковь до презлиха, когда он служил катихизатором. Только и мог хорошо служить, пока Екатерины нет при нем; как Екатерина к нему отправится, так скоро и пишут христиане: «Уберите катихизатора — дерутся с женой и срамят Церковь». Конечно, немало она виновата, что он впал в блуд, за что и был лишен катихизаторства. Мучился и потом долго с ней; наконец, слышно стало, что прогнал Матфей жену, оставив себе прижитого от нее сына, а потом, что взял по-язычески другую жену. Это и есть нынешняя Мария.

Была американская дама с двумя дочерьми; отрекомендовалась писательницею и что собирает материалы. «Направили сюда меня», — говорит, — «американский епископал McKim; там-де самая лучшая Церковь, больше всех успешная». Я поблагодарил за комплимент и выразил готовность сообщить ей все, что она пожелает узнать; она вытащила бумажку и карандаш и положила пред собою — да как заговорила, так я слушал, слушал и диву дался; казалось, конца не будет; дети закашляли, — я велел дать чаю, и они пили с американскими бисквитами, — а матушка все говорила и повествовала, как она была в Париже и в одном отеле выдала себя за русскую, ибо с нею презрительно стали обращаться, приняв за немку, как в Иокохаме перебранилась с американками, не расположенными к миссиям, и прочее, и прочее. Спросила она у меня и записала только, сколько стóит постройка нашего Собора. Чтобы остановить поток ее красноречия, я предложил ей с колокольни осмотреть Токио, потом показал Женскую школу, где старшая дочь премило сыграла на фортепьяно, а младшая, лет двенадцати, сказала в стихах детскую комическую повесть, чрез что мы все, с включением наших учениц, сделались взаимно большими друзьями, и они обещались еще приехать к нам в субботу на всенощную.

9 / 21 июня 1895. Пятница

Написал к о. Никону, в Троице-Сергиеву Лавру, что иконы Спасителя и прочие здесь получены, но что мы ждем теперь из Лавры икон

Богоматери в семь и десять вершков, в соответствие иконам Спасителя сих размеров; нужны также иконы главных святых, 5 ¹/₂ и 7 вершков; но чтобы прежде всего присылать образчики всего, вновь там отпечатанного.

Вечером написал письмо к Преосвященному Николаю, в Сан-Франциско, рекомендательное для Rt. Rev. McKim, американского bishop'a, и вместе убеждение Преосвященному Николаю заняться делом, о котором мы всегда молимся молитвою «о соединении всех»,— делом соединения Американской Епископальной Церкви с нами, а для сего прежде всего нужно взаимное ясное уразумение друг друга в вероучительном отношении, а для чего нужны переводы, а для сего переводческое общество под надзором Преосвященного Николая в Сан-Франциско,— что все Преосвященный Николай может изложить ихнему собранию 80 епископов, на каковое собрание ныне McKim едет, и так далее.

Заходил один полисмен-христианин, только что вернувшийся из Цибакен; говорил, что и в провинциях везде сильное возбуждение против России. Совсем нехорошее время для православной проповеди в стране!

По школам мы сегодня сделали настоятельные распоряжения, чтобы береглись всего, могущего привлечь холеру: не пили сырой воды, а кипяченую только, не ели сырой рыбы (сасими) и не вареной зелени и прочее. Поварам написаны инструкции и прибиты в кухнях, а также в столовых, чтобы ученики сами наблюдали за свежестью продуктов и надлежащей проваренностью их.— О бок с Миссией в одном доме холера уже свалила человека; и еще на Суругадае были случаи. Дал бы Бог благополучно дождаться роспуска учащихся.

10 / 22 июня 1895. Суббота

Сегодня начаты экзамены в Семинарии и Катихизаторском и Причетническом училищах; писали сочинение.

В десять часов утра отправился на Цукидзи к Bishop'у McKim'у. Предварительно говорил, чтобы полицейский для охраны не следовал за мной, нет-де никакой опасности; но из полицейского ведомства прислали сказать: «Никак нельзя — им строго приказано охранять — не могут не следовать»; и следовал полицейский, переодетый в партикулярное платье, в дзинрикия.— У McKim'a узнал, к сожалению, что Преосвященный Николай собирается, по болезни, в Россию. Какая там болезнь! По карточке, которую он прислал мне в прошлом году,— молодой, полный, цветущий; должно быть, надолго в Америке трудно служить; дома вольготней; мало нужды, что дело Божие настоятельно требует присутствия молодого, энергичного пастыря в Америке! Если так, то Господь с ним! Господь пошлет кого-нибудь еще лучшего на ниву Свою в

Америке. Тем не менее я отдал письмо, адресованное Преосвященному Николаю, McKim'у; быть может, еще застанет его в Америке. Письмо я показал McKim'у и перевел содержание его; там был также Reverend Francis, который также поедет в Америку присутствовать в Синоде. Сколько настаивал, чтобы оба приняли близко к сердцу это дело — «соединение Церквей», и потрудились в пользу его и в Синоде, и всегда. Но оба, кажется, хладнокровно относятся к предмету; в рассуждения не пускались и больше слушали и поддакивали. Синод будет в октябре; до того времени McKim может написать мне, если не застанет Преосвященного Николая в Америке, — и я могу написать по-русски письмо к Bishop'у Hale, если сочтет то нужным McKim.

Вызвался потом McKim показать мне свою миссийскую библиотеку и Духовную Семинарию и повел в другой дом, чрез улицу. Дом очень красивый; библиотека небольшая, только английская; классные комнаты чистенькие; учащихся мы застали мало, только в двух классах, из которых в одном у учителя было всего два ученика. Преподается, между прочим, греческий язык; преподает Francis, отлично пишущий по-гречески, как являла исписанная им классная доска. Курс — четырехгодичный, а преподаются три иностранных языка — английский, греческий и китайский; значит, богословских предметов мало, или проходятся поверхностно, потому что и светские же науки еще есть, — я застал класс гражданской истории в одной комнате. Когда осматривали библиотеку, McKim подарил мне книг его перевода на японский и одну английскую. В библиотеке его кабинет, где он занимается, и в нем над камином великолепно отпечатанное на пергаменте свидетельство о поставлении его Епископом «Jeddo», за подписью и шестью печатями поставляющих его епископов.

Священников мало. Почти каждую неделю телеграммами требуют в провинции приобщать или хоронить; а священники в разъезде по другим местам своих приходов; и приходится взамен посылать незнакомо христианам кого-нибудь из соборных священников — почти всегда о. Романа Цива, нынешнего инспектора Семинарии. И сегодня он должен будет отправиться в Касака, в Симооса, хоронить отца ученика Семинарии Афонасия Судзуки; сын вытребован домой тремя днями раньше.

В три часа сегодня в Imperial Hotel давал концерт пьянист Ко[?]йский, поляк, европейская знаменитость, — восьмидесятилетний ныне, лысый, седой, но бодрый, и вот до края света разъезжающий концертничать.

О. Сергей был на концерте и говорил, что последнюю пьесу было — «Пробуждение льва», собственное его сочинение, и лев кто же? Польша, по объяснению Рафаила Густавовича Кебера, сидевшего рядом с о. Сергием. Не лучше ли было бы озаглавить: «Возня кошки?». Пел, между прочим, Куденфдорф, австрийский посланник. О. Сергей говорит, что голос прелестный и поет превосходно, но корчит такие рожи, что

невозможно без смеха смотреть; любители пения слушают его, обыкновенно, отвернувшись в сторону.

В десятом часу вечера заявился Василий Сайто, бежавший из Семинарии на войну в Китай; бежал скверно, не заявивши о себе ничуть, так что мы тревожились несколько дней, не упал ли в колодезь или что подобное; уже спустя долго узнали, что был подговорен какими-то приятелями на подвиги патриотизма. Теперь с диаконом Павлом Такахаси, земляком, явился; я не принял.

11 / 23 июня 1895. Вторник

*(тема для спасения католиков)
(написано на полях)*

Католики дают цену добрым делам пред Богом. Но разве добрые дела, как некое сокровище, человек понесет на плечах за гроб? Нет, он не понесет ничего, кроме собственной души. Наги все предстает пред Господом. Что это значит? А вот что. Я трудился в Японии, хоть и плохо, все же трудился тридцать пять лет; умер сегодня — что будет явлено завтра на суде Божиим? Явлено будет, нажил ли я смирение или гордость; если последнее, если то, что по поводу моего пребывания здесь некоторые нашли путь спасения, послужило к воспитанию моего самомнения, — то Япония, значит, не только не послужила мне самому во спасение, но, напротив, погубила меня. Иуда был Апостол и спас, вероятно, многих, — но это послужило ему к тягчайшему осуждению, когда он предстал пред судом Божиим своею нагою душою — такую, как она значится в Евангелии.

Симеон Томий, кандидат, приходил просить икону для айна; сей обращен в протестантскую епископальную веру, но для совершения молитвы чувствует потребность в иконе; я велел дать две иконы: Спасителя и Богоматери с Богомладенцем, наказал, чтобы обращались с ними благоговейно. Айн этот был здесь при университете для сообщения сведений о своем языке.

Мисима, бывший католический издатель журнала, поносивший православие, ныне поступающий в православные, даже уже приготовивший к крещению в православную веру нескольких и изучивший православное богословие для того, чтобы держать экзамен на катихизатора, приходил получить расписание экзаменов; а потом чрез о. Павла Сато заявлял, что робеет экзаменоваться вместе с учениками Катихизаторской школы и просил отдельного экзамена. Я сказал, что это нельзя, для чести его и Церкви, он должен выдержать экзамен возможно открыто и публично, чтобы потом ни от кого не могло быть никаких нареканий.

12 / 24 июня 1895. Понедельник

Мисима-католик не только не явился сегодня на экзамен, но оказалось, что вчера нагнал мне; говорил, что «только что из Кивайчэ, куда водил своих двух приготовленных к крещению на испытание; готовил-де больше, но нынешнее возбуждение против России отвлекло других». Сегодня, во время экзамена, пришел о. Павел Савабе; и я потом, позвавши его и о. Павла Сато к себе, спросил о Мисима, о вчерашнем испытании приготовленных к крещению и прочее; о. Павел Савабе сделал изумленное лицо — Мисима не был и никакого ему для испытания не представлял, и вообще он его последние месяцы ни разу не видал, хотя прежде того часто бывал у него. Оба они — о. Павел Савабе и о. Павел Сато находят Мисима сомнительным — не для веры, а для куска хлеба хлопочет-де; получая отсюда некоторую помощь (8 ен от меня лично, не от Церкви, церковное не осмелился бы я употребить на совсем еще не верное), ищет тем временем более хлебную службу. Ну и пусть не станет держать экзамена — в катихизаторы не поступит, не было еще примера, чтобы кто-либо другим путем прошел в катихизаторы.

Экзамен держали сегодня ученики 1-го курса Катихизаторской школы по Догматическому Богословию Макария, которое все прошли очень удовлетворительно.

Дело о приобретении земли под постройку храма в Коодзимаци у о. Павла Савабе не идет: деньги-де нужны, а их достать негде, — неправда. Энергия нужна, а ее у о. Павла не хватает — в том и вся помеха. Разговорился он сегодня, и с о. Павлом Сато вспоминали они многое прошлое. Про Итагаки — графа и Гото — графа, своих земляков; говорил, что первый одряхлел, хотя нет ему и шестидесяти лет, и он к принятию христианства решительно не способен; второй — «ямаси»; главная заслуга его — «совет Сёогуну Кейки» сдать правление Микадо; в Оосака, когда был Сёогун, Гото дошел до него и с глазу на глаз долго убеждал его в необходимости сего; Кейки слушал его молча, а по окончании речи Гото минут двадцать размышлял, смотря в потолок; Гото рассказывал потом, что в это время он испытал страх пред властью; видя, что Кейки на все его речи молчит, и, не зная, как он принял их, он, кончивши говорить, задрожал от страха (пред человеком, который в то время одним мановением брови мог умертвить его) и дрожал все двадцать минут, пока Кейки размышлял. Наконец, был возвращен к сознанию жизни замечанием Сёогуна: «Так ты думаешь, что таково желание всех? Ладно, я подумаю об этом»; и кивком головы отпустил его. Сражения потом произошли между империалистами и приверженцам Сёогуна без приказа сего последнего. Вспоминали мы с о. Павлом Савабе Князей Кувана, Итакура, Огасавара, Такенака, которые с инсургентами, под началом Инамото в 1868 году, прибыли в Хакодате и в [...]м-мей-мия, у о. Павла, тогдашнего жреца сей мия, однажды справили

пирушку, на которую и я был позван; князь Кувана так печально играл тогда на свирели. А Такенака собирался со мной в Россию — бежать от грозы, совсем уже налегшей на них, — и только недостаток средств остановил его. Вспомнили про Араи Цуеносин, которого о. Павел Савабе ценил как человека самого цельного и решительного, у которого слова ни на йоту не раздельно с делом; про Каннари, двоюродного брата Сергия Нумабе, секретаря Миссии, про Хосоя, помогавшего о. Павлу содержать у себя христианских учеников, пока я прибыл в Хакодате. В воспоминаниях о. Савабе непременно жив, весел, занимателен; как коснется настоящего — апатия и немощь, точно полупараличный. — Господь с ним!

Павел Накаи просил за Павла Ёсида, кончающего курс в Катихизаторской школе — оставить его в Токио, при Миссии, писателем для периодических изданий. Разумеется. Этот юноша — в проповедники еще ран; да кажется, и совсем не способен; а между тем писательской способностью обладает замечательную и английским языком владеет; может быть и переводчиком, и писателем.

13 / 25 июня. 1895. Вторник

Выпускные ученики Катихизаторской школы по Обличительному Богословию экзамен держали прекрасно, гораздо лучше, чем я ждал от них.

Из России, с сегодняшней почтой, заявила бедная родственница Олимпиада, бывшая Залесская, — просит помочь на пять малых детей. Посланы чрез о. Федора несколько и расспросить подробней о детях, чтобы воспитать, если есть способные.

Готовил Пасхалию для приложения в конце Требника.

14 / 26 июня 1895. Среда

Поехал в Иокохаму, чтобы сдать в банк деньги, пришедшие с вчерашней почтой. Зашел сначала в «Chartered Bank of India etc.» спросить, сколько составит в долларах сумма, пришедшая фунтами стерлингов (за второе полугодие из Казны). Сказали. Потом спросил в «Hong Kong and Honglae Bank» то же, сказали, и оказалось, что в последнем на 118 долларов меньше, чем в первом; поэтому я сдал сумму в «Chartered Bank of India, Australia and China» и получил оттуда чековую книжку. Итак, отныне Миссия имеет денежные дела с тремя банками: «Hong Kong and Honglae Bank» и «Chartered etc.» в Иокохаме, и Мицуи банком в Токио.

Завтракал в Иокохаме у посланника Михаила Александровича Хитрово, в его квартире на [...] с прекрасным садом, читал он в «Вестнике Европы» статью Соловьева о поэзии Тютчева и потом много рассказывал о Тютчеве, о Леонтьеве, с которым был друг. — Был потом у консула —

князя Лобанова, который страдает невралгией и едва ходит, рассказывал он о дяде, нынешнем нашем министре иностранных дел, об уме и энергии его, что это он так круто повернул с японцами; объяснял нынешнее восстание китайцев на миссионеров тем, что последние крайне надоели им своими бесцеремонными нападками на национальные китайские верования и взаимными между собой противоречиями и разногласиями без конца.

Диакон Павел Такахаси приходил с своим родственником (оказывается, его двоюродный брат) Кирилл Сайто, убежавший из школы на войну и служивший там военным работам, настоятельно просить принять его обратно в Семинарию. Я отказался: правила школы не позволяют принять ушедшего так самопроизвольно, не только без спроса, но даже без ведома.

15 / 27 июня 1895. Четверг

Вот уже настоящий «нюбай»: целый день шел дождь, ни на минуту не переставая. Купол течи не дал ни на каплю, так как дождь без ветра.— Был на экзамене в 5-м классе Семинарии: по толкованию Евангелия от Матфея отвечали отлично; о. Сергей Глебов преподает; видно, что занимаются серьезно; — в 1-м классе Семинарии: по Священной Истории отвечали плохо; преподавал, покойник ныне, Климент Наеда и после него Петр Исигаме — плохо занимались своим делом, а предмет такой простой и интересный.

Из Тоёхаси язычник длиннейше пишет — укоряет меня в недостатке патриотизма, по поводу статьи в «Сейкёо Симпо», где говорится от моего имени, что я люблю Японию, в которой прожил 35 лет, не менее, чем Россию, и что если бы случилась война России с Японией, то я остался бы здесь беречь мое стадо и молился бы — не за победу России и не за победу Японии, а за то, чтобы Господь сотворил Свою волю и Свой правый Суд. Сказал секретарю, чтобы отослал письмо катихизатору Тоёхаси — поговорить с сим язычником и разъяснить ему дело.

Христиане из Аомори прислали 15 ен на гробный покров и соберут остальное, сколько следует, после — просят послать им покров.— Уже половина Церквей имеет выписанные из России парчовые (мишурные) гробные покровы. Из этого видно, что христиане, что им под силу, охотно делают; покров стóит всего 20 с небольшим ен, и его заводят, ибо могут. Так же бы, стало быть, приняли на себя и другие церковные расходы, если бы были в состоянии,— содержали бы катихизаторов, священников,— но бедны, вот беда!

16 / 28 июня 1895. Пятница

На экзамене сегодня в 3-м классе Семинарии по Гражданской Истории у преподавателя Арсения Ивасава отвечали очень хорошо: складно

рассказывали по-японски, и потом говорили иные легко, иные с трудом то же самое по-русски. Во 2-м классе — по Церковной Истории у Пантелеимона Сато, плохо: рассказывать не умеют, переводили по-японски по книге, впрочем, порядочно; науку эту еще только начали.

Фома Танака, из Вакаяма, пишет, что его христиане, по делам торговым часто бывая в Оосака и слыша плохие отзывы о поведении жены священника Оно, смущаются и расстраиваются в своих религиозных чувствах; упоминают еще про что-то новое нехорошее, что-де всем известно. Но здесь — неизвестно; прибавляет, что прислал бы докладную записку касательно всего этого, но не знает, будет ли она принята. Продиктовано написать ему, чтобы учил христиан не заниматься падением других, тем более не находить в нем причины для собственного падения, или ослабления в христианских чувствах; впрочем, пусть напишет откровенно обо всем, что знает об Оосака.

Одновременно, сегодня же — прошение от Церкви Нагоя — дать им о. Оно в исключительное их владение. Итак, в Оосака о. Иоанна Оно поносят и хотят выжить, в Нагоя его неизменно просят вот уже два года. В Нагоя, конечно, знают все дурные толки — о гордости, будто бы, о. Оно и о развратных, будто бы, наклонностях его жены Марианны. Ужели в Оосака интриги диакона Як. Мацуда, уроженца Вакаяма, отчего интригой захвачена сия Церковь, производят всю эту смуту касательно о. Оно? А еще Мацуда был поставлен диаконом для Оосака по выбору и просьбе о. Оно! Сколько ни стараюсь я задушить эти дрянные толки, которыми мне уши просвищали касательно Марианны и живших там учителей пеняя, никак не могу этого сделать, вот уж скоро два года. Не верится ничему, что болтают.

Павел Окамура пишет, что в Коци совсем нет слушателей; также, что шлет своих двух дочек (из пяти своих детей), что побольше — тринадцать и десять лет — сюда в Женскую школу, с о. Павлом Морита, идущим сюда на Собор.

Анна Кванно, начальница школы, хотела на эти каникулы возможно больше очистить школу от обитательниц, разослав их родителям, по причине продолжающейся холеры, а тут неожиданное нашествие новых, которым уже и выехать некуда!

Бедный Кирилл Сайто принес сегодня прошение и опять усиленно просится в Семинарию; но, положительно, это нельзя, минуя другие соображения уже потому, что он больше полугода пробыл среди самой простой и дрянной черни военно-рабочих (по укомплектованию которых, как писано было в газетах, вздохнула свободно тоокэйская полиция, ибо все подонки сплыли в Китай); грязь может натащить в общество товарищей, и без того не свободных от оного.

17 / 29 июня 1895. Суббота

Младший курс Катихизаторской школы по Нравственному Богословию у Андрея Минамото ответил хорошо.

Варнава Симидзу, катихизатор Уцуномия, просит принять в школу Илью Мураи после каникул. Сказано, согласно прежнему разговору с ним: «Пусть придет». Малец оказывается совсем беспризорным. Школьный учитель, у которого он жил, помер; сводный брат, небольшой чиновник, не хочет его знать. А между тем, какой несчастный этот Илья! За то, что исключен был он в прошлом году из Семинарии по малоуспеваемости и за шалость, мать до того рассердилась на него, что зарезала его и сейчас же зарезала себя; к счастью, он оказался не дорезанным вконец, и его вылечили,— мать же себя вконец порешила; конечно, не одно его исключение виною — мать много мучил своими недобрыми чувствами к ней ее пасынок, как говорят; единственным ее утешением был Илья — и оказался он выброском; не выдержала дворянская амбиция японки, и вышла кровавая трагедия. Если бы знать, не был бы исключен Илья, но не пророки мы, и прошлого не воротишь; но будущее в наших руках, и Илью, насколько он способен и насколько Бог поможет, воспитаем для служения Церкви.

18 / 30 июня 1895. Воскресенье

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей. В Каназава — плохо; Церковь маленькая и бедная и не двигается вперед; катихизатор Фома Исида, кончивший курс в Семинарии, очень умный и развитой, но характера халатного; одевается и ведет себя, как какой-нибудь ученик, или ремесленник — в белом поясе, а летом и совсем почти голый; в обращении — холоден, неприветлив и неискусен, оттого и не может войти в добрые связи с людьми и привлечь слушателей. Конечно, он был бы совсем другим,— не имел бы этих неудобств, если бы был дворянского происхождения; но, к сожалению,— из простолюдины, оттого ни в крови, ни в нраве нет порядочности, а это в Японии много значит.

В Нагано о. Феодор прожил с месяц и образовал там добрую общину слушателей учения; от катихизатора Тита Накасима зависит окончательно привести их к Христу.— Рассказывал о. Феодор о бедности живущего в Нагано бывшего катихизатора Павла Тацибана; только жена и дает хлеб, работая по шелководству; сам Павел может добывать литературным трудом лишь во время губернских собраний, или самую малость работая для местной газеты; а детей двое. Но в катихизаторы опять принять нельзя, сколько он ни просился и как того ни желает. Отпустил он первую жену с ребенком — Веру, одну из самых начальных воспитанниц Миссийской женской школы; говорит: «Соблудила»; а доказать документально этого никак не может. Я даже верю, что он правду говорит; только оскорбленный муж может с таким тактом говорить о сем предмете, с каким он говорил мне, в Нагано, клянясь, что он мог бы подвести Веру под уголовный суд за вытравление ребенка — не от него (только не

может этого доказать). Но — сделать его опять служащим Церкви, когда эта самая Вера (хоть и живущая ныне языческим браком с одним торговцем угля здесь, в Токио) может уличить его во всякое время, что он живет не по-христиански с другой женщиной, прогнал от себя законную жену,— никак нельзя. Притом же это дело известно и многим. Известно и многое другое о Павле Тацибана многим,— хотя другое не столь бы трудно поправимо. Был некогда Павел Тацибана секретарем Миссии. Потом перепросился в проповедники, ибо прежде того прошел чрез Катихизаторскую школу; женился на Вере и сделался проповедником. Но влияние ли его разнохарактерного родства или что другое сделало, что он пятнадцать лет тому назад ушел сначала в католичество, потом в протестанство; в это-то время служения, когда он не по годам бросал одну — жену Веру, уже с ребенком от него,— произошло и то, что ныне он выставляет против нее; молодая женщина, заброшенная мужем, согрешить могла; но и он же — поспешил жениться по-язычески на другой, нынешней его жене.

Когда он, уже четыре года тому назад (давно пред тем покаявшись и сделавшись опять православным) попросился снова на службу Церкви, я ответил, что блуждения свои в иноверия он может пред всеми изгладить тем, если приведет ко Христу восемь или десять язычников; на Соборе тогда может быть все открыто изложено о нем — и никто не будет против принятия его опять в катихизаторы, ибо его опыт может служить к вящей славе Православной Церкви. Насчет же семейного его дела должны быть представлены им несомненные доказательства, что жена его виновна в неверности к нему; без сего допустить его к служению Церкви было бы противно каноническим правилам. Но представить доказательства он до сих пор не может. А между тем «в Православной вере тверд, ибо старый христианин»,— говорит о нем о. Феодор; и жена его — маленькая, кроткая, тихая, образцовая мать двух крошечных детей — поистине заслуживает симпатии.

19 июня / 1 июля 1895. Понедельник

Экзамен в выпускном классе Катихизаторской школы по Основному Богословию показал, что преподаватель Петр Исигаме нетерпимо ленится, весьма мало и плохо пройдено. Вперед необходимо присматривать за ним.

Был Моисей Хамано, председатель Компаний железного и литейного производства и член Парламента. По железному делу у него ныне семьсот рабочих; Стефан Огое, бывший катихизатор, потом издатель «Сейкё Симпо», промотавший пожертвования японцев на построение Собора — один из начальников над мастеровыми; получает пятьдесят ен в месяц и все еще надеется возвратить Церкви пожертвования (чего

едва ли Церковь дождется). Хочет Хамано познакомиться с нашим Посланником; питает надежду, что Япония с Россией будет в дружеских отношениях и что ныне только временное затмение сего. Болтал и говорил много с обычною своею горячностью и стремительностью. Впрочем, если о ком из японцев, то именно о нем можно сказать: «Вот — японец, в котором лести нет»...

О. Сергей Глебов собирается в отпуск и просит засвидетельствования, что со стороны Миссии препятствий к его увольнению нет; обещал завтра написать посланнику — конечно, нет, Господь с ним!

Духовная Миссия без таких миссионеров — совершенно то же, что с ними: в преподавании заменить его есть кому, а больше он не хочет ничего делать.

20 июня / 2 июля 1895. Вторник

Павел Ниицума, расстриженный, извещает, чрез диакона Павла Такахаши, что у него-де хороший вывод коконов и прочее. Велел написать ему, что непременно настаиваю на его выходе на общую христианскую дорогу: пусть перевенчается с своею Марьей, от которой уже имеет двух детей, и пусть потом участвует в прочих христианских таинствах: без этого я знать не хочу его.

Радетель бедных, надувший меня недавно на десять ен, какой-то краснойбай и пройдоха, после безуспешных попыток видеть меня, чтобы вновь обмануть, ныне обратился письменно: «Желаю-де учиться христианству»; письмо же адресовал к диакону Сергию Судзуки, который тщетно разыскивал его и его бедных, для которых он просил проповеди в то время, когда обманывал меня на те десять ен; увидим, найдет ли его ныне Судзуки, которому препровождено письмо его.

Драгоман Владимир Владиславович Буховецкий приходил советовать, хорошо ли поручить Катю (дочь Маленды и японки) Павлу Накай, как воспитателю (собственно удочерить). Я не нашел ничего против: Павел Накай усердный христианин и благородных правил человек; гордость только у него языческая, или лучше дьявольская; но ей едва ли будет роль в деле воспитания.

21 июня / 3 июля 1895. Среда

Однако я ошибся в вышеозначенном: Павел Накай обнаружил такую феноменальную гордость, что она может очень повредить будущему Кати. Пришел он сегодня в Женскую школу, в одиннадцать часов, когда я был там на экзамене, пришел собственно повидаться и условиться с Буховецким, назначившим ему это время. Буховецкий, однако, почему-то не явился, а Накай заговорил со мной об удочерении Кати. Я в разговоре

упомянул, что Буховецкий вчера был у меня по сему делу и что я рекомендовал ему Павла Накай как лучшего из известнейших мне японцев для сего дела, — и что Накай-де не сделает затруднения в будущем никакого, если бы, например, крестная мать Кати, М. Шпейер, или крестный о. Буховецкий захотели взять ее в Россию для воспитания и устройства ее участи. Накай, смотрю, очень насунился. «Я не позволю ее взять», — говорит. Вот тебе и раз — не из тучи гром!

— Как же ты не позволишь крестным заботиться о ней, когда у нее нет родных отца и матери позаботиться?

— Она будет записана на мое имя, — и я хочу сам распоряжаться ее участью.

— Но ты даже не можешь и прокормить ее, на воспитание ее ты будешь получать от крестных же; где же право твое самовластное над ней?

— В таком случае я отказываюсь от нее.

— Значит, ты не хочешь сделать доброе дело — освободить ее от матери, которая, конечно, продаст ее на разврат, лишь только она подрастет, то есть спасти бедного ребенка из тигровой пасти, — где же твое христианство?

— Но я требую, чтобы она зависела от одного меня; я не потерплю «ассей» моему желанию.

— Какое же тут «ассей», если люди, которые любят ее и заботятся о ней с самого ее рождения, захотят устроить ее счастье? Быть может, она и останется на твою волю: крестная, занятая своими детьми, забудет о ней; крестный, который и теперь бы держал ее при себе как дочь, если бы был женат, не женится и вперед, или уедет из Японии. Но если они, ко благу Кати, захотят исполнить все свои добрые намерения насчет ее, то помешать им в этом — вот это было бы настоящее «ассей» с твоей стороны.

Но на все резоны Накай был неумолим — гордость бушевала в нем. Предложил я ему до завтра подумать, и, если он в самом деле не согласится иначе удочерить Катю, как под условие совершенно самовластно распоряжаться всею ее последующею участью (получая, однако, деньги на воспитание ее от русских — это тоже он ставит условием *sine qua non*), то уж лучше отказаться от нее, — так и сказать Буховецкому, когда увидится с ним; изъявил я вместе с тем сожаление, что вчера так рекомендовал его Буховецкому и так ручался, что он не сделает никаких затруднений.

Экзамен в Женской школе сегодня по Священной Истории был особенно хорош: дети пребойко рассказывали. Но по Всеобщей Истории — крайне раздосадовал меня: шла у выпускных новая История — и хоть бы один параграф о России! Русского государства как будто нет в мире; толкуется о самых дрянных мелочах в Западных Европейских государствах; а из русского — об Екатерине Великой, об Александре I, которых

история глубоко входит в европейскую — спросил, — хоть бы слово ученицы. Тут же я пристыдил учителя Ивана Овата, потому что и скандал был видим для всех. Поди, усмотри за всеми преподавателями! А своей совести у них ни на грош. Русский хлеб едят, на русские деньги воспитаны, — и о России хоть бы мысль, хоть бы слово! Но Бог с ними, с их благородными чувствами, — не про них они написаны; хоть бы каплю здравого смысла явили — ведь им же стыдно, коли кто спросит о России, а спросят ныне многие.

22 июня / 4 июля 1895. Четверг

Из Батoo катихизатор Павел Сайто пишет, как один солдат — наш христианин — пристыдил врача-язычника в современном вопросе о православии и России. Солдат только что вернулся с поля военных действий, и по этому поводу собралось много народа встречать, поздравлять, слушать рассказы. Во время разговоров случившийся тут врач-язычник говорит ему: «Россия лишила нас завоеванного полуострова, а ты исповедуешь веру, заимствованную из России; не лучше ли тебе бросить ее?» — На это доблестный воин отвечал: «Я исповедую не русскую веру, а вселенскую; моя вера началась не в России, а в Иудее, и не от людей, а от Бога, поэтому, что бы Россия ни делала, я веры не брошу и не имею причины бросить. Если поступать по вашему рассуждению, то вам тоже следует бросить свое врачебное искусство, потому что оно тоже заимствовано из-за границы, и преимущественно из Германии, которая ныне повредила нам не менее России; еще лучше: мы вот дрались с Китаем — это уж прямой наш враг, в то же время мы употребляли и употребляем письменные знаки, взятые из Китая; по вашей теории, нам бы давно уже следовало бросить их». Врач публично потерял афронт. — Письмо отдано для напечатания в «Сейкёо Симпо».

Был врач Лука Мияи, родом из Токусима, служащий ныне при тюрьме в Циба. В Токусима у него жена и пятеро детей. С умилением рассказывал, что Господь спас от смерти его младшую дочь, тринадцати лет, девочку. Приготовивши уроки к следующему дню и помолившись, девочка легла спать; было уже часов десять, когда он и жена приготовились тоже лечь; но пред этим всегда они совершали вечернюю молитву. И вот, во время молитвы, слышит он глубокий стон дочери, спавшей тут же; он бросился к ней и нашел ее уже без движения и без дыхания, совершенно так же померла его мать; он припомнил это, испугался, но не растерялся, а стал применять свои врачебные познания — производить искусственное дыхание и так далее, и чрез час девочка ожила, к великой радости его и матери. Он на завтра попросил о. Павла Морита отслужить благодарственный молебен и ныне не перестает благодарить Бога за чудесную помощь: «Если бы, — говорит, — мы с женой не совершали

молитвы, то уже глубоко спали бы в это время и девочка до утра была бы холодным трупом»; видит Провидение Божие и в том, что как раз в этот вечер он должен был дежурить в госпитале, но товарищ попросил его поменяться дежурствами, и он не ночевал дома предшествующую ночь.— Дал ему Троицкую иконку и обещался послать с отцом Павлом Морита по иконке его домашним.

23 июня / 5 июля 1895. Пятница

В половине седьмого, когда я шел на утреннюю молитву с учениками Католической школы, встретился в коридоре Мисима, что из католиков просится сюда.

— Я на экзамен,— говорит.
 — Экзамены почти кончились.
 — Но я сегодня пришел держать.
 — Вам следовало приходиться на главные, которые все уже прошли. Я же объяснял это вам несколько раз; теперь я ничего не имею сказать вам,— и прошел к собравшимся на молитву.

Очевидно, приходил только получить деньги на месяц, стеснившись прийти в первое число, по неявке на экзамены (8 ен, частью от меня).

Экзамен слушал в Женской школе, где ныне и кончился. Кончают курс ныне одиннадцать. Из них одна, Таисия Мацухаси, дочь тоже некогда кончившей курс в здешней школе Прасковьи Мацухаси — по мужу, чайному торговцу в Фудзисава; Ольга Тадзима, дочь богатого христианина, щедро платившего за нее, скромнейшая и красивейшая из кончивших; Раиса Ито, которую хотят домой, но которая не хочет домой, наиболее даровитая и серьезная из курса; дома у нее вотчим, помешавший уже ее счастью: ее хотел взять замуж, по окончании ее курса, Алексей Обара, регент, и она была не прочь, ибо очень любит пение и музыку, но вотчим не позволил, и Обара женился на другой. Ныне она остается при школе учительницей, по ее просьбе. Несчастнейшая из оканчивающих — Дарья Кикици. Сводный брат ее — Петр Кикици, бывший еще когда-то католическим, принуждает ее выйти за него замуж; и так как она противится, то он на днях избил ее; она ушла от него под предлогом выдержать экзамен; и ныне, по окончании, должна была уйти к нему; но вместо того разрыдалась в своей комнате до истерики и все рассказала Анне, начальнице. Анна уложила ее в постель, ибо она действительно сделалась больной: брат ей побоями, кажется, повредил легкие, на сильную боль которых она жалуется; следы же побоев видны и вне. Анна приходила рассказать это, и я велел ей успокоить Дарью, что мы не дадим ее брату; если же бы он пришел и насильно стал требовать ее, то мы призовем полицию. Она пусть остается при школе учительницей.

24 июня / 6 июля 1895. Суббота

Кончились экзамены в Катихизаторской, Причетнической школах и Семинарии. Оба курса Катихизаторской школы бледны и бедны; у семинаристов по физике учитель-язычник оказывается порядочным и знающим; обещался я мало-помалу завести физические инструменты — теперь и хранить их есть где. По пению Иннокентий Кису теорию преподает хорошо — значит, все-таки не даром в Россию ездил, хотя и не мог там кончить всего курса в Капелле.

Во время экзаменов прибыли священники: о. Иоанн Оно из Оосака и о. Симеон Мии из Кёото. Последний так худ и бледен, что его здесь, при высадке из вагона, спросили: «не болен ли?». И если бы он заикнулся, что не совсем здоров, то его потащили бы в госпиталь для холерных — такие строгие меры приняты теперь для обуздания этой порывающейся сюда гостыи. Но о. Симеон по натуре худ и бледен; в сущности же здоров и благодушен. Он очень порадовал меня речами, что семейная жизнь о. Иоанна Оно вовсе не так компрометирована, как те стараются представить, что собственно — в Вакаяма и толкуют дурное — больше нигде; и христиане, также как катихизаторы, везде очень уважают о. Иоанна. Все дрянные толки, думает он, произошли от неладов двух баб — жен о. Оно и диакона Мацуца; так говорил о. Симеону и Кирилл Сасабе, живший в церковном доме в Оосака как катихизатор. Значит, не о. Иоанна Оно нужно взять из Оосака, а диакона Якова Мацуца; перевести его хоть в Сендай, где для подобных сплетен мало пищи. — Для Кёото о. Симеон просит Женскую школу, она-де будет очень полезна и для укрепления христианства в Циукоку (ибо родители нашлют детей в нее, а где дети, там и сердца родителей), и для развития Церкви в Кёото, — желающие учиться найдутся, — а с тем и христианство водворится в домах, откуда будут приходить в школу. — Желание о. Семена исполнить нетрудно; пусть школа начинается с горчичного зерна, — с двух-трех; если Богу угодно и жизненные элементы окажутся, то она станет возрастать так же, как это было здесь, в Токио; за материальными средствами тогда дело не станет.

Петр Исикава, редактор «Сейкёо Симпо», принес для просмотра вышедший первый номер журнала «Нихон-Сюукёо» — крупными знаками, — «нихонсюукё кай хё-рон-но хё-рон» — красными мелкими, и внизу — в переводе: «The Review of Religious Reviews». Помещена, между прочим, статья Даниила Кониси — «О составе Греческой Церкви» (Греккёквай-но сосики), и вслед за нею статья довольно известного Сокура: «Взгляд на Японскую Греческую Церковь» — взгляд, хотя и язычника, довольно спокойный. — Журнал задался целью, при нынешней религиозной неурядице, уяснить, «какая вера должна быть отныне верой Японии?» Задача очень почтенная и в высшей степени полезная, и, будь у

нас люди религиозно одушевленные, очень можно было бы воспользоваться сим журналом в интересах православия.

25 июня / 7 июля 1895. Воскресенье

О. Симеон Мии рассказывал о катихизаторах, подведомых ему. Хорошего мало. Яков Каяно, что в Кёото, точно лежащий камень, под который вода не просачивается, — как и везде был он доселе; Макарий Наказава — чрез три месяца по прибытии на место, в Оогава, оказался, при посещении Церкви о. Симеоном, незнакомым с своими христианами; Иосиф Ициномия не терпим за сварливость. Слабые и вялые, вроде Адачи, Мияке, Инаба, оказываются лучшими; по крайней мере, ненависть не возбуждают. Оттого и бедны катихизаторы, да и не у него только, а везде: о плохих служителях Церкви христиане не заботятся и не помогают им, — а поди-ка проживи с семьей на восемь или десять ен, получаемых от Миссии! Миссия говорит, что больше дать не может — и действительно не может — «доставайте с золотого дна, лежащего пред вами» — Японской Церкви и всей японской нации, и кто же виноват, если не достают? — Просит еще о. Мии священника для Циукоку — его одного мало. Верно! Но где взять людей для священства? Нет их у нас; вот разве подберутся в лета выпускные из Семинарии; теперь же незрелые они для того. Не прочь уклониться и сам о. Симеон от своего большого прихода: «Не искусен я», — говорит, — «по исправлению церковных обязанностей и проповеди, не знаешь о чем говорить с христианами, а народ там развитой, не то что на севере». Долго была у нас с ним речь о сем предмете; исполнять его желание — оставить исключительно для одного места — нельзя; но если он и еще по прошествии года будет говорить то же, что ныне, то едва ли он неисправимо человек кабинетный; в последнем качестве он также будет очень полезен Церкви, но священство тем более оскудеет.

Прибыл О. Павел Морита с Сикоку и привез с собой двух дочерей старого и почтенного катихизатора Павла Окамура (к несчастью, двоеженца): девочки худые, как былинки, и младшая, одиннадцатилетняя, крошечная, как мышка, — бедные жалостные детки, воспитает и пристроит вас мать Церковь!

Был в Церкви и обедал у меня наш морской агент, лейтенант Иван Васильевич Будилковский: верующий человек, умный говорун, но, кажется, немного хвастливый.

Была вдова о. Никиты Мори, лечимая в правительственном госпитале от умопомешательства: врач выпустил в гости в Миссию для опыта; очень благодарила за детей, почти совсем уже в здоровом рассудке. Дал бы Бог ей оправиться для блага ее четырех малюток!

26 июня / 8 июля 1895. Понедельник

Прочитал в газетах, что меня причислили к ордену Владимира 2-й степени. Гораздо приятнее было бы прочесть, что мы уже выросли до того, что нам все эти цапки не нужны. Тридцать пять лет тому назад, когда я ехал в Японию, в одном месте в Сибири, с прелестным видом зеленого четверугольного поля на скате горы, налево, мне мелькнула мысль; хорошо бы навешивать человеку кресты, когда он кончает воспитание и вступает в жизнь и потом, по мере исполнения человеком своих служб, снимать с него кресты, так чтобы он ложился в могилу с чистой грудью, знаком, что исполнил возлагавшиеся на него надежды, на сколько Бог помог ему. Это было бы, по крайней мере, разумней. Я теперь совершенно тех же мыслей.

После этих грустных мыслей раздосадовало меня представленное о. Романом вычисление, сколько семинаристы пропустили классов не по болезни, а по лености; оказалось, что иные с февраля пропустили до 37 и потом до 30, 27, 25 и так далее; не виновных в сем оказалось человека три. Вот горе-то! Ни одного, ни единого человека во всей Церкви способного присматривать за поведением учеников! Конечно, я виню прежде всего себя — так уж и принято людям порядочным бывать скромными и самовиниться — кстати или некстати, тут отчасти и кстати, ибо хоть я до отвращения не люблю полицейской дозорной службы, но должен был преодолеть себя и шпионить, подкарауливать, подсматривать (кстати, и архиерейский сан имею)... Но, Боже, скоро ли же это Ты снимешь с меня это бремя единоличия во всем! Ведь этак и я закричу, как некто, что ты навязал мне гирию на ноги, чтобы таскаться мне вечно, как преступнику, с тяжелой душой! Чем Ты утешил меня, Господи? Не зришь ли моих вечных страданий, что нет у меня ни единого доброго помощника ни по какой части? Кто мне поможет? Русские? Боже, избавь меня от проклятий моих русских сослуживцев! Японские священники? Лучший из них вчера просился освободить его от прихода; прочие — лень, и лень. Академисты? Бездушные манекены. Да и откуда взяться у нас людям! Идут к нам последние, ни к чему не годные обрывки и останки от всего. Боже, что же это за мучение! Вечно быть одному, вечно быть неприютному на Твоем деле! Катихизаторы? Сто раз переворачиваю список их и людей не вижу! Христиане? Больше двадцати двух тысяч числится, но где они? Призрак!.. Боже, Боже! Иногда испытываешь такие мучения, что если адские не хуже их (а где им быть хуже!), то ад вот здесь, на Суругадае, в моей комнате, у меня в сердце!

Сказал ученикам Семинарии, при чтении списков, что пропустившие по лености свыше пяти классов лишаются Тоносава на время каникул, — с сентября же ежедневно журналы должны быть представляемы ко мне; пропустившие два класса будут наказаны, три — изгоняемы из школы безапелляционно.

Расположение духа отчасти исправилось при чтении списков, в девять часов, в Женской школе; там все всегда в порядке, чинно и благообразно. Сказал выпускным поучение, чтобы навсегда сохранили приобретенное здесь сокровище христианских навыков (не только узнали Бога Истинного, но и то, что Он — Отец Небесный, и не только это, но и навькли молиться Ему и прочее), — на счастье — временное и вечное свое и всех окружающих... В повторение учения подарены все главные христианские книги — каждой; розданы при этом и выпускные аттестаты, потом награды — книгами первым ученицам каждого класса. Первая выпускная Акилина Айбора прочитала отлично составленный благодарственный адрес. Потом подвыпускные пропели трогательную песенку прощания с своими выпускными товарищами. Последние стали отвечать им песенкой (в первый раз в этом году); но при этом все время так разнили, что я должен был употреблять невероятные усилия сохранить декорум; сами певшие, как уже развитые по пению, тоже чувствовали, что разнят, и от этого портили еще более; но, кроме них, и быть может, их подвыпускных товарищей, едва ли кто сознавал нелепость; по крайней мере, о. Павел Савабе и прочие гости — вниз слушали с самыми утешительными минами. — Дал школе пять ен на Симбокквай.

Выпускная Дарья Кикиуци совсем не родственница Петру Кикиуци; взята была в дом от очень бедных родителей, чтобы выйти ей потом замуж за второго Кикиуци, бывшего в Семинарии и уже умершего. Петр Кикиуци ныне хочет взять ее, но хотел сделать это по-язычески; она же воспротивилась — «если по христианскому браку, то согласна быть его женой, если нет — ни в коем случае». Этот-то ответ и разбесил ее нареченного брата, и он поколотил ее, тем более что был в это время пьян. Но после он прислал извинительное письмо Дарье и просьбу выйти за него с перевенчанием в Церкви Коодзимаци. Дарья согласилась. Слыша это от Анны, старухи, я сказал, чтобы Дарья сама лично сказала мне, что согласна за Кикиуци. Дарья и приходила сегодня с инспектрисой Елисаветой Котама; по-видимому, искренно желает, и неудивительно: Петр Кикиуци немало до сих пор заботился о ней как о сестре. И Господь благословил их! Дал ей десять ен на подвенечное платье.

27 июня / 9 июля 1895. Вторник

Целый день читал письма к Собору и выслушивал пришедших на Собор священников. Там можно было бы написать, но в нем утешительного нашлось бы мало. О. Иоанн Оно — одряхлевший старик, хотя и не по летам; одну Оосакскую Церковь не может управить — все у него разлепилось и смотрит врозь. Задолжал несколько сот — на что? Сам себе отчету не может дать; великолепная квартира от Церкви, двадцать пять ен в месяц от Церкви на него, жену и ребенка, дорожные по Церквям от

Церкви, ремонт дома, городские уплаты — все от Церкви; а идет ныне в Сендай продавать свой дом с землей, чтобы расплатиться с долгами; пусть; Церковь сильных долгов не может брать на себя; он, впрочем, и не просит. О том, что его семейную жизнь поносят, он, кажется, и не подозревает; и лучше для него. Но как сделаться, чтобы и Церкви было хорошо, и ему не дурно? Кого туда перевести? Вразуми, Господи! О. Симеон Мии — неопытный мечтатель: женской школой хочет удить из языческого мира; ошибется; в Хакодатской школе нам это не удастся: многие годы там молодые язычницы слушают учение между классами шитья, но последнее уносят с собою в мир, первое стряхивают на выходе за ворота Миссии. А завести христианскую женскую школу, хоть бы и с шитьем, язычницы не пойдут, как здесь, в Токио, или и пойдут, но тоже христианками не сделаются, как, например, Марита Сен, кончившая здесь курс первой, но и доселе язычница, хотя писавшая христианские сочинения умнее христиан.— О. Павел Морита оказывается ревностным и хорошим священником для Сикоку, будучи там единственным (и не имея пищи для двуличности).— О. Петр Кавано не деятелен и безнадежен к деятельности в будущем. Что же делать! Характер такой, хоть во всем прочем он человек вполне хороший. Это наподобие яшмы или сердолика — камень, на который много не купишь и которым не похвастаешься, но который тоже и похулить ни в коем случае нельзя.— О. Петр Сасагава — да, мертвец, которого забыли похоронить, но — умный мертвец; характеристики своим катихизаторам делает претонкие и верные, Церковь же свою ни в Сендае, ни где бы то ни было не двигает ни на шаг, а, напротив, отступает с занятых позиций, как ныне хочет отступить из Вакамацу, где у него поставлен лучший из катихизаторов, Василий Хориу, не хочет-де Хориу там быть.

С Павлом Накай проверили последний лист Требника — «Пасха-но ициран хё». Требник совсем готов и будет роздан священникам до их отбытия с Собора.

Пришли письма с «Хацидзёосима» от Ильи Яманоуци и Окуяма. Пишут одно и то же. Илья очень хорошо принят был там и одушевлен надеждой на успех проповеди. Нанял квартиру за две ены, просит больше христианских книг и надеется действовать преимущественно на молодежь.

28 июня / 10 июля 1895. Среда

И сегодня целый день слушал священников. Устал очень не столько от внимания, сколько от скуки: из года в год повторяется одно и то же, так что читаешь наперед мысленно то, что хочет сказать священник; весьма редко вводится что-нибудь новое и неожиданное. Например, я привык думать, что Иван Ивай лентяй, а у него ныне за год крещено восемнадцать человек, больше, кажется, ни у кого нет. Я приятно изумлен.

«Но есть у него слабость», — гнусит о. Иов Мидзюяма. «Какая?» — встревожился я, думая, «не пьет ли», что часто слышишь о катихизаторах. «Поздно встает», — отвечает о. Иов. «В котором часу?» — допрашиваю. «В восемь, иногда в девять; зато ночью за двенадцать готов дело делать». — Барская привычка у простого мужика, каким Ивай по рождению и воспитанью, — игра природы, не столько вредная, сколько любопытная. Или: у того же о. Иова в Вабуци и Хиробуци служил катихизатор Моисей Мори — человек благочестивый, постящийся, усердный: пятнадцать человек из язычества призвал в Церковь, женатый. Два месяца тому назад неожиданно является этот Мори ко мне и говорит:

— Не могу служить.

— Почему?

— Сказал я как-то в проповеди, что жители моей местности похожи на китайцев; этим все так оскорбились, что распечатали меня в газетах, так что я должен был посылать опровержение. Кроме того, меня подозревают в нечистом обращении с женщинами; как я поговорю с какой-либо женщиной, так и толк, что я грешу с нею, тогда как этого никогда не было и нет. Кстати же, моя жена на сносях, я привел ее с собою, чтобы она здесь у своих разрешилась (она родом из Токио).

Я пожалел Моисея и сказал, что вполне законно, чтобы он возвратился ныне в Вабуци. — Но секретарь Сергей Нумабе, потом пришедши, выразил подозрение, что Моисей Мори помешался.

— На чем? — спрашиваю.

— На том, что в него все женщины влюблены, — это именно он говорил мне.

Мне припомнился бывший в Катихизаторской школе, лет восемнадцать тому назад, Семен Симада, грешивший и в бытность в школе, и по выходе из нее блудом, и на мои увещания убежденно отвечавший: «Что ж делать, когда все женщины в меня влюбляются — не я влеку их в грех, а они меня, и не я виноват, что у меня такое привлекательное лицо», — а сам был похож на обезьяну с медно-красным лицом, как нынешний его подражатель похож на урчащего медвежонка, тоже с медно-красным лицом.

Моисей успокоился на месяц, но потом несколько раз приходил проситься снова на службу. Я ныне заговорил о нем с о. Иовом, и что же оказывается? Никогда Мори не обзывал никого китайцами, никто от него не слышал ни слова в подобном роде, никогда ни в какой газете не было напечатано, что он хулит японцев, хотя опровержение его на сие небывалое хуление в газетах появилось, никогда никто не подозревал его не только в неблагоприличном обращении с женщинами, но и в нецеломудренных мыслях; все это о. Иов, тщательно исследовав на месте, рассказал мне. Значит, Моисей Мори помешан — а на службу неотступно просится; и в поведении, и в речах является ныне совершенно здравомыслящим — как быть с ним? Положили мы с о. Иовом идти к

нему в дом жены и с нею поговорить откровенно — она должна знать лучше всех, помешан ее муж или нет?

У о. Иоанна Катакура Фома Ооцуки был много лет лентяй из лентяев.

— Что Ооцуки? — Спрашиваю.

— Совершенно переродился: преусердно служит.

— С какого времени?

— С того, как вы поручили ему Мацукава и Фудзисава (две Церкви, бывшие в ведении Макария Наказава, самовольно ушедшего на родину, в Циуоку).

— Но он прежде так плохо справлялся и с своими четырьмя селениями.

— Поймите ж вы противоречие в человеческой природе: было много дела у человека — ленился, стало несравненно больше дела — оживился, и лености в помине нет, — скромно, раздумчиво сказал о. Иоанн.

Действительно чудно! И не без действия Благодати Божией. Дай только Бог, чтобы не загражден был вновь поток ее!

29 июня / 11 июля 1895. Четверг.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

Третьего дня получены были из Петербурга шесть священнических облачений — правда, мишурные, но очень красивые и совершенно одинаковой парчи с прежде полученными шестью стихарями, в них служили сегодня шесть священников со мной. Из них, кроме о. Сергия Глебова, все именники. После литургии отслужили молебен Святым Апостолам соборне же, и с многолетием.

О. Матфей Кагета, серьезнейший из наших священников, повествуя о своей Церкви, рассказал новое чудесное знамение с Мариєю Моцидзюки, в Сакасита, чудесно исцеленною прежде. По соседству с ее домом одна девица, еще несовершеннолетняя, страдала сумасшествием. Мария очень жалела ее и однажды, с молитвою, дала ей часть просфоры; но, по благочестию, боясь ей дать прямо в руки святыню, разжевала просфору сама и дала ей проглотить: внезапно опамятовалась сумасшедшая, сказала, что у нее точно тяжелый шар скатился с груди, и стала совсем здоровою. Когда доктора, к изумлению своему, нашли и признали ее таковою, и слух об этом распространился по соседям, то враги христианства стали гнать и поносить бывшую больную и отца ее за то, что они предались христианству, и отец был немало смущен этим. Между тем настало время сборки чая; отец услал на работу дочь в дом, куда она очень не хотела идти, и с ней вновь приключился припадок сумасшествия; но отец обратился уже не к христианской помощи, а к нелепой секте Тенрикёо, претендующей лечить больных. Мария в смущении жаловалась на это письменно о. Матфею, пред его отправлением сюда. Она, бедная,

страдает в одиночестве: муж потерял благочестие и думает только о деньгах, отец ее ни во что не верует.

От старшин Хакодатской Церкви пришло письмо, что они не могут давать своему священнику по двадцать две ены, а будут давать только по десять, церковные дома-де подешевели. Я ответил двумя письмами: о. Петру, чтобы он принял на себя начальническую обязанность по Хакодатской церковной школе, и ему за это будет от Миссии идти по двенадцать ен; начальнику школы Матфею Кото, чтобы сдал свою обязанность о. Петру, после чего ему дано будет месячное жалованье — 25 ен не в зачет, и на дорогу с семьей двадцать ен в день, когда оставит школьный дом.

К Собору все приготовлено: из «кейкёо хёо» сделаны извлечения, письма перечитаны и суммированы. Завтра, с Божиею помощью, начнем.

30 июня / 12 июля 1895. Пятница

С восьми часов утра до четырех с четвертью пополудни продолжалось заседание Собора с перерывом на полтора часа в середине. Заседали девятнадцать священнослужащих. Дяконом предоставлено было «боочёо», но их никого не было, только старик Сайкайси иногда показывался; были в качестве «боочёонин» (слушателей) и кончившие курс в Катихизаторской школе; больше почти никого не было.

Прочитали листы о состоянии Церквей (кейкёохёо). Оказалось, что крещено за год, с прошлогоднего Собора, 809 человек (на 210 меньше, чем за год до прошлого Собора), умерло 250; значит, к числу христиан в настоящее время присоединилось 559. К Собору прошлого года было:

	21 712 человек
	+ 559
Итого	22 271 христианин ныне в Японии.

Служащих Церкви всех званий 198 человек.

Прежде чем приступать к распределению их, прочитаны были письма и просьбы разных Церквей и катихизаторов. По сим новым священников нужно поставить, по крайней мере, трех. Кого ставить? Есть ли достойные священства? Прежде всего нужно решить это. Но это должно быть решено при закрытых дверях, и потому в четыре с четвертью часа заседание закрыто с тем, чтобы завтра с восьми часов утра вновь собраться здесь же, в Крестовой Церкви, но уж одним священникам. Предложено им обдумать до завтра, кого бы поставить? Заседание начато и кончено молитвой; после начальной молитвы была маленькая речь.

С шести часов была, по обычаю, всенощная; думал я, соберутся священники помолиться, но, кроме о. Симеона Мии, никого не было. Это отчасти показывает степень благочестия наших священнослужителей.

Пели всенощную девицы своими звонкими мелодичными голосами; некоторые из них — выпускные — в последний раз; велел дать им (впрочем, трети только, прочие разъехались) Церковные обиходы, чтобы дома в своих Церквах помогали петь. Семь девиц захотели исповедаться и завтра приобщиться Святых Тайн, пред отправлением по домам; это показывает степень благочестия их и благоустроенность нашей Женской школы.

1 / 13 июля 1895. Среда

За ранней обедней, кроме оо. Тита Комацу, Феодора Мидзуно и Павла Морита, никого из симпу не видал.

С восьми часов, собравшись, долго советовались, думали и решили: о. Иоанна Оно, по его просьбе, уволить из Оосака в Нагоя, диакона Сергия Судзуки поставить священником для Оосака и Церквей Циукоку под руководством о. Симеона Мии, который останется в Кёото; диакона Якова Мацуда перевести из Оосака в Токио на место Судзуки, ибо он, как старый по летам (и как сплетник, чего открыто никто не сказал, но, вероятно, все подозревали), не был бы добрым помощником Судзуки. Священников для разделения больших приходов оо. Бориса Ямамура и Тита Комацу положено избрать в будущем году. Сендай просил диакона; предложен Яков Мацуда, но о. Петр Сасагава отказался принять его. Этим дела «симпин» на нынешний год и кончены. Было уже за двенадцать часов, когда пришли к сему. Распределение катихизаторов представлено следующему заседанию, которое будет завтра, с двух часов до полудни. Сегодня же подумают и приготовят свои мнения о предмете; кстати, о. Фаддей Осозава, у которого шестнадцать катихизаторов и большая Церковь, не мог бы сегодня после полудня заседать, ибо у него сегодня два покойника, которых нужно сегодня отпевать и хоронить.

В два часа явился еще один симпу, о. Николай Сакурай, с Хоккайдо, опоздавший по запозданию парохода. Служил в священстве два года и бодро говорит о своей Церкви; в нем будет прок! Особенного ничего не сказал; обычные похвалы своим катихизаторам, заведомо даже (по крайней мере, для меня) не стоящих никаких похвал, как диакон Симон Тоокайрин и особенно Исая Секи.

Опровергнул, что между христианами курильцами, на Сикотане, есть «райбёонин» (прокаженный); такого и признаков нет — а есть «хайбёонин» (чахоточный); также, что пишется в буддийском журнальце, который при разговоре и был у нас пред глазами; курильцы эти — образец твердости в вере: все до единого исповедались и приобщились, когда в прошлом

году о. Сакураи был там. Очень они полюбили бывшего с о. Николаем катихизатора Моисея Минато; пусть он и отправится туда ныне, пожить с ними и наставить их молодежь в вероучении; он и в прошлом году хотел этого сам.

2 / 14 июля 1895. Воскресенье

Служили сегодня тоже шесть иереев со мной; у всех служивших, до пономоря, новые облачения, хоть и не дорогие, но очень красивые; у меня тоже подходящее; было очень благообразно. Только передняя часть Собора пустовала, потому что учащиеся почти все разошлись на каникулы, что не утешало взор. Пел небольшой четвероголосый хор из оставшихся еще лучше, чем большой, — отчетливей как-то все выходит.

После обедни были у меня посланник, капитан нашего военного судна в Иокохаме, агент Иван Васильевич Будиловский и врач с броненосца «Николай»; первые поздравляли с монаршей милостью — Орденом Владимира 2-й степени, последний привез поклон от Адмирала Степана Осиповича Макарова, лечащегося в Асиноу от ревматизма.

С двух часов было заседание для распределения катихизаторов. Продолжалось до шести; было спокойное, тихое, доброе.

Кстати и солнце зашло посветить с этой стороны — северо-западной, но еще не обеспокоило глаза, что очень любезно с его стороны по времени года. Почти половину церквей распределили, остальное будет сделано завтра.

3 / 15 июля 1895. Понедельник

Сделано с большим трудом; едва до шести часов вечера успели сделать распределение, и оно еще не утверждено; быть может, до завтра надумают несколько переменить. И труд же варварский для меня это «хайбун»; целый день без перерыва горло в работе, а все молчат глубоким молчанием, исключая священника, распределение которого идет; тот несколько движений устами и языком, а я то и знай — мели и мели, чтобы подвинуть его на «да» и «нет», чтобы вызвать его мнение, чтобы объяснить качества того или другого катихизатора; и неудивительно малословие его и молчание всех, — кто же станет говорить о неизвестном? А известны всем только некоторые; мне одному все известны, оттого моя работа и нужней и трудней; только специально изучившие того или другого катихизатора священники, по службе с ним, могут выражать с уверенностью свои решительные мнения, на что они и не скупятся, если дойдет до того, причем иной раз высказывают то, что и не подумаешь о катихизаторе по прежнему знакомству с ним.

Утром, до заседания, все мы снялись группой, сначала в Соборе, потом вне; священники того пожелали.

После полдня отец Павел Савабе попросил иметь его отсутствующим, ибо просят приобщить находящегося при смерти отца его Коодзимацкой Церкви диакона Павла Такахаси. Во втором часу пришли сказать, что старик, приобщившись, мирно отошел ко Господу.

Переплетчик Хрисанф принес первые двадцать пять экземпляров переплетенных (в золотом обрезе, хотя и в «кире») «Сейдзикё» (Требника). Завтра священники будут порадованы раздачею его им. Доныне употреблявшийся перевод Требника был очень уж плох и далеко неполный был. Нынешний Сейдзикё — точнейший перевод русского требника.

Женская школа приходила прощаться: завтра утром отправляются на каникулы в Тооносава: в первый раз это: доныне проводили там каникулы ученики, ныне лишенные этого удовольствия за то, что оказалось слишком много пропущенных классов у них самопроизвольно.

4 / 16 июля 1895 года. Вторник

С восьми часов соборное заседание. Прочитали вчерашнее распределение: кое-что переменили, затем утвердили чрез общее «кирицу».

Прочтено было письмо катихизатора Елисея Кадо, предлагающее установить твердым правилом, чтобы священники наблюдали за церковным имуществом по своему приходу. Завязались по этому поводу рассуждения и споры. Я слушал, молча, часа полтора. Раздосадовало меня очень горячо отстаиваемое мнение отца Матфея Кагета, что нельзя строго проверять христиан в церковном имуществе, составляющемся из их пожертвований, могут-де оскорбиться они, не понравится это им и так далее. Я послал за переводом книги Апостольских и Соборных правил, указал прочитать несколько канонов касательно церковного имущества и велел священникам непременно доставить мне к будущему Собору ведомости о церковных имуществах — в деньгах, или в землях, домах и тому подобное. Будут составлены правила, касающиеся сего предмета, и введены в употребление со следующего Собора. До сих пор слишком мизерны были имущества; просто не стоило тратить сил, чтобы поймать блоху (тем более что блоха эта почти всегда, появившись, тотчас же бесследно исчезала: христиане, нажертвовав какой-нибудь десяток ен, поручали его своему избраннику, который немедленно проматывал деньги на свои нужды). Теперь мизерность еще та же, но, видно, что христианам начинает надоедать эта вечная неуловимость блохи... Далеко за полдень протянулся этот предмет, составляющий у меня наболевшую рану, к которой еще одно прикосновение производит нестерпимую боль... Но, вероятно, и теперь порох даром потрачен, и самосодержание Японской Церкви — химера...

Когда собрались в два часа, я предложил всем взять — в какой обложке кому нравится — по экземпляру Требника и объяснил им кое-что в нем, чего не было в доселешнем рукописном переводе.

Было и опять несколько рассуждений — о. Павел Сато предлагал что-то насчет химер, которые тем же и остались.

Наконец, все истошились, что могло или должно быть рассуждено на Соборе. В пять часов сотворена была молитва, сказана и краткая речь, и Собор закрыт.

Затем частные речи и дела с разными членами Собора и с отправляющимися на службу катихизаторами.

5 / 17 июля 1895. Среда

Отпустил старика диакона из Мориока Иоанна Сайкайси. Приходил он, по словам о. Бориса, допрашивать меня, зачем я возвращаю ему пожертвованные им Церкви 284 ен? Пожертвовал он эти деньги в 1879 году, состоя тогда уже лет шесть-семь на содержании Церкви. Получал он с того времени ежемесячно от Церкви (то есть от Миссии) по шестнадцать ен. Но в прошлом году потребовал по восемнадцать; и священник Борис Ямамура настаивал на его требовании, потому-де, что он свои деньги принес в дар Церкви. Вот уж что называется «еби-о мотте тай — о цуру», даже еще больше, потому что «еби» считается до сих пор не тронутым. Написал я тогда о. Борису сосчитать, во сколько крат Сайкайси прожил церковных денег больше своего пожертвования; а диакону Сайкайси стал высылать, согласно его требованию, по восемнадцать ен, но из его собственного пожертвования, пока оно все будет переслано ему; потом же Церковь, уже не связанная с его пожертвованием, будет иметь свободу назначить ему содержание, сколько заблагорассудит. Собственно никакого содержания диакон Сайкайси, по своей службе, не стоит уже более десяти лет, ибо совсем ослабел — не физически, а душевно: ничего не помнит, ничего не может, обратился почти в дитя. Но Церковь не должна оставлять без помощи и своих инвалидов, и ему содержание будет назначено... Сайкайси, впрочем, не потребовал от меня никакого объяснения, а лишь благодарил за то, что я говорил о. Борису; сему последнему я объяснил на днях, что «пожертвование диакону Сайкайси возвращается потому, что он связывал Церковь; чрез столько лет и после таких ее собственных затрат на содержание Сайкайси ей напоминает, что она облагодеена даром Сайкайси!»... О. Борис, спасибо ему, выразил это о. диакону так, что мне не пришлось говорить с ним о сем, — о. диакон оказался совершенно успокоенным и радостным.

6 / 18 июля 1895. Четверг

Из Хакодате о. Петр Ясигаки пишет, что недавнее решение его христиан давать ему по десять ен в месяц, а не по двадцать два, как

давали доселе, было делом пяти-шести незрелых умов и чтобы я исследовал дело. Но как же я стану исследовать? Решение пришло ко мне от всего Церковного Совета; это значит — упрасивать я должен: «Пожалуйста, дайте больше», — а они будут издеваться над ним и надо мной и торговаться или потребуют без всяких основательных причин: «Перемени нам священника». Я написал ему, что не имею ничего ответить, кроме того, что писал прежде, и чтобы он исполнил это. Получено письмо и от Матфея Като: жалуется на бедность, на долги — а получал двадцать пять ен в месяц при готовой квартире! Что всего хуже: задолжал Миссии сорок семь ен за церковные свечи, которые, как поставленный там от христиан церковным старостой, требовал отсюда для продажи христианам, но деньги за которые по выручке не уплачивал Миссии, а тратил на себя; долг этот так и пропадет, потому что как же взыщем его? Обещано ему двадцать пять ен — месячное жалованье в награду, и двадцать ен на дорогу, по сдаче им должности о. Петру — не удерживать же эти! Господь с ним! Так надувают и обирают Миссию все, не исключая *quasi*лучших людей, служащих у ней!

7 / 19 июля 1895. Пятница

Целый день отпускал катихизаторов, кончивших здесь курс, на службу и говорил со священниками. О. Николай Сакурай, священник Хоккайдо, еще молодой, показывает немало доброй энергии; проговорил с ним с девяти утра до двенадцати. Между прочим, еще раз пахнул на меня из его рассказов дух Иннокентия, Великого Святителя Камчатского: рассказывая о христианах острова Сикотан, он удивлялся благочестию христиан старых, духу веры, живущему у них; молодые люди, уже нашей заботы и научения (или небрежения) ничего не знают о вере и мало являют благочестия, хотя и болтливы.

— Но отчего же старики не преподают вероучения детям? — спрашиваю.

— Старики не могут ясно выражать своих религиозных чувств и познаний, — отвечал о. Николай.

Это значит, что и старики начинают забывать то, что молоком матери всосали, будучи в епархии незабвенного Иннокентия.

Ныне Собором назначен туда тоже благочестивый из наших катихизаторов, Моисей Минато. Даст Бог, он за год успеет научить Закону Божию молодых и возобновить сведения о нем у стариков. Теперь уж все эти курильцы достаточно понимают японский язык, чтобы не затрудняться в усвоении того, что будет преподавать им катихизатор.

8 / 20 июля 1895. Суббота

Рассылка писем катихизаторам и Церквам о произведенных переменах в распределении служащих. — Разговоры со священниками и наделение их иконами и крестиками.

Визит приехавшего в Посольство на службу молодого человека Подьяновского, и рассказы его о молодом нашем Государе, — как все восхищены были желанием его «быть с народом», — о Сибири и безрелигиозности в ней.

Пение всенощной сегодня было одних больших певчих — подрегентов и причетников с Дмитрием Константиновичем Львовским во главе — трехголосное, которое понравилось мне несравненно больше, чем наше четырехголосное больших двух хоров, хотя оно и славится вообще. Пение сегодня какое-то успокаивающее, а не раздражающее, как пискотня дискантов, глубже вызывающее на молитву, а не порывами исторгающее ее. Настоящее церковное пение именно должно быть такое, как сегодня, а не искусственное, где каждый голос выделяет свою часть, стараясь только о выделке, а не о выражении.

После всенощной у меня исповедались оо. Оно и Мии и диакон Сергей Судзуки, а потом у о. Бориса — Павел Окамура, муж Варвары — иконописицы, воспитанницы Миссии. Варвара — образцовая жена, Павел был образцовым мужем до последнего времени. Взаимными трудами и талантами они уже приобрели порядочное состояние: она рисует, он литографирует, и мало-помалу у них образовалось лучшее в Токио литографное заведение.

Четверо детей уже у них, и старшей дочери скоро замуж пора. Вдруг Павла смутили приятели-язычники: «Как-де ты подчиняешься жене и до сих пор не изведал вольной гульбы?» И загулял Павел — любовницу завел, честным трудом приобретенных денег много истратил. В газетах было пропечатано обо всем этом, из них я и узнал о семейном несчастье Варвары. Но добрая жена-христианка сумела обратить мужа на путь опять. С месяц тому назад она мне говорила, что Павел очень раскаивается и стыдится. Ныне подтверждение тому и ручательство. Павел три раза приходил к о. Борису (которым пятнадцать лет тому назад первоначально был наставлен в вере), не заставая его; пред всенощной опять пришел и просил таинства покаяния. О. Борис спросил у меня, можно ли принять на исповедь, ибо ныне Павел не в его приходе, я, конечно, с радостью разрешил, дав понять, какие наставления должен сделать Павлу. После исповеди и прочтения молитв, в одиннадцатом часу вечера, Павел Окамура пришел ко мне радостный, уже разрешенный, — видимо, он уже на будущее время благодатию Божией застрахован от падения.

9 / 21 июля 1895. Воскресенье

За литургией диакон Сергей Судзуки был поставлен иереем для Церкви в Оосака вместо о. Иоанна, переходящего в Нагая. Сергей — воспитанник Семинарии, из которой выпущен с очень хорошим аттестатом; уже за тридцать лет; к службе усерден, характера хорошего, кроме того, что вспльчив иногда до резкости. Даст Бог, из него образуется добрый

пастырь. После литургии было обычное, по рукоположении, угощение чаем священнослужителей, певцов и прочих — всех сегодня больше тридцати человек.

Пели литургию, как вчера, в три голоса и очень стройно. При моем облачении читали часы.

Собор представлял некрасивый вид пустоты на местах, занимаемых учащимися, которые ныне в разброде на каникулы.

Между тем было немало молившихся русских; с броненосца «Николай I», — капитан, судовой иеромонах о. Мина, офицеры и прочие.

После полудня — гости, как-то: Павел Минамото, бывший катихизатор, ныне член Парламента (в Парламенте ныне православных членов четыре, протестантов девять, католиков нет, по словам Минамото), — Вендри, наш Консул в Кобе и прочие, и священники, приходившие для последней беседы и прощания пред отправлением по своим Церквам и для получения икон и крестиков, сколько кому нужно по их соображениям; за крестики потом деньги вносятся ими почти сполна, за иконы тоже несколько получается.

10 / 22 июля 1895. Понедельник

Прощался со священниками, снабжал их — кого святым миром, кого облачениями и прочим.

Оставшись наедине с о. Петром Кавано, сделал ему очень сильный выговор за леность; человек физически самый здоровый из священников, человек в самом цвете лет, и почти ровно ничего не делает; при семи катихизаторах у него по всем Церквам за год только девятнадцать крещений, и из них большая часть детей; ни у кого из священников нет так мало.

Был купец из Благовещенска Петр Федорович Иорданский. Спросил: не нужно ли что пожертвовать? Я сказал, что в Соборе нет хороших облачений. Обещался он похлопотать о сем в Благовещенске, а также о пожертвовании на постройку Семинарии. Если он сделает это, то вот и новый пример для подражания японским христианам, и какой типичный пример!

В только что сделанном распределении служащих приходится делать перемены. Сейчас приходил о. Фаддей Осозава, просит оставить Георгия Мацуно в Омигава; хотел-де перевести его в другое место потому, что он рассорился с одной христианкою, которая заподозрила его в неблагоповедении с девицей N, приходившею вместе с другими учиться у него церковному пению; ныне же христиане сознали свою ошибку, попросили прощения, — мир восстановлен, а у о. Георгия несколько слушающих вероучение, которых хотелось бы ему довести до крещения. Кстати, Филипп Судзуки, назначенный в Омигава, хотел бы лучше в Оота и Котоде, и так далее, и тому подобное — перемена в одном месте

влечет за собою цепью перемены в других. Сделано – нечего делать; кстати, «Гидзироку» еще не напечатано, а только приготовлено к печати. Филипп Судзуки этот ныне здесь, на пути из Готемба к новому месту службы, – ночует в Женской школе с женой и ребенком.

11 / 23 июля 1895. Вторник

Утром осмотр зданий и распределение о ремонтах во время каникул. Несносный дождь, два дня подряд рубивший, в последнюю ночь с ветром сделал то, что все старые крыши протекли, особенно в Семинарии. В куполе Собора тоже оказалось небольшое просачивание.

Из Хакамацу приходил христианин просить, чтобы Фому Оно оставили там, не переводили. В этом положительно отказано. Оно ленится до того, что за год у него не было ни одного крещения; ну и переведен Собором, согласно предложению священника, в менее значительную Церковь в Мори. А теперь спохватился и засылает христиан; вероятно, пишет и к своему тестю о. Павлу Сато о том же; но решение Собора будет исполнено; это не то, что вчерашняя перемена, сделанная вследствие просьбы самого священника...

12 / 24 июля 1895. Среда

Продолжение рассылки писем в переменах после Собора, повышении катехизаторов и тому подобное.

Молодые, Петр Кикици и Дарья, на днях повенчанные в Церкви Коодзимаци, приходили с визитом: оба сияющие и радостные, Дарья – наряженная в шелк и парчу, – по-видимому, вполне счастлива. И дай Бог, им совет и любовь! Кикици скопил несколько денег, будучи начальником над сотнею военнорабочих в прошедшую войну в Китае, и ныне открыл прачечную для шестисот военных; говорит, что двадцать ен в месяц зарабатывает чистого барыша; значит, жить безбедно может, если не станет лениться, как когда служил катехизатором.

13 / 25 июля 1895. Четверг

Оказывается, что Матфей Като, начальник миссийской школы в Хакодате, получая двадцать пять ен на готовой квартире, крал миссийские и церковные деньги всегда и везде, где только можно: что вносится учениками за обучение, крал, что выручал за миссийские книги, крал – за церковные свечи, крал. А пользовался таким доверием! Пишет о. Петр, чтобы деньги, обещанные ему по случаю отставки, были высланы на имя его, о. Петра; это уже сделано: деньги посланы третьего дня и именно в руки о. Петру; но, во-первых, их совсем мало для возмещения всех

похищенных Като, во-вторых, не оставить же и его с семьей без гроша идти на все четыре стороны (если не считать его зятем богатого Павла Кан, там, в Хакодате).

14 / 26 июля 1895. Пятница

Посланы дорожные всем перемещенным катихизаторам. О. Симеон Мии из Кёото просит двадцать пять ен для катихизатора Якова Каяно. Послал пять из своих, прописавши, что из церковных не имею права давать такому ленивому катихизатору, как Каяно, что для него жаль и тех церковных денег, которые (двенадцать ен) ежемесячно Церковь издерживает на него. Платить еще непредвиденные долги такого лентяя, как Каяно! Предупредил, что если Каяно не выберется из церковного дома с семьей (чего собственно и боится о. Мии) и не отправится в Оосака, куда Собором назначен, то за девятый месяц и содержание не будет ему выслано. За восьмой месяц, к сожаленью, уже послано.

15 / 27 июля 1895. Суббота

Обедню служил о. Сергей Судзуки, поставленный иереем в прошлое воскресенье, и показал, что за неделю достаточно научился священнодействовать.

В продолжение дня был, между прочим, Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, живущий в Сендае и ныне по службе прибывший сюда; пришел купить Служебник на японском, который он видел у о. Петра Сасагава. Но этот служебник был послан ему в подарок с о. Петром, и только потому, что он разошелся с о. Петром в пути, он не получил Служебник. Побольше бы таких мирных, спокойных, расположенных к православию епископалов, как этот Джеферис, тогда соединение с ними было бы легко. Он прямо говорит, что чтит православие, как Истинную Христову веру, любит православное богослужение и доказывает это тем, что везде, когда возможно, бывает на нашем богослужении: бывая в Сан-Франциско при Преосвященном Владимире, бывал в Маебаси, ныне, как о. Петр Сасагава говорит, бывает в Сендае – и сегодня дождался здесь нашей всенощной и молился во время ее, скромно остановившись у порога Собора.

– Нельзя ли участвовать в приобщении? – спрашивал он сегодня.

– Но как же вы будете участвовать, не имея единомыслия в вере с нами? Мы приемлем «тело и кровь Христову», по слову Спасителя, а вы – «просто хлеб и вино», и только думаете, что при этом присутствует Спаситель. Вы не можете понять тайны «Пресуществления» у нас, а ваше верование разве ближе к пониманию и не составляет тайны? За нас, по крайней мере, опытное объяснение: ваша супруга, давая грудь

вашему ребенку, разве не может сказать: «Вот мое тело и моя кровь — если ты не будешь питаться сим, то умрешь». Творец так создал, что в молоке матери растворено полное питание для всего организма дитяти, — тайна это, неразгаданная для науки. Тайна также предложение хлеба и вина в Тело и Кровь Спасителя для питания и возвращения нас к жизни вечной. У вас-то разве понятнее? Напротив, еще более необъяснимо. И при этом — извращение слов Спасителя, противление пятнадцати вековой практике Церкви и введение ереси оезде присутствии Спасителя по человечеству...

16 / 28 июля 1895. Воскресенье

Народу в Соборе, на литургии, было много; только школьные места некрасиво пустуют. Пение больших — очень стройное и очень располагающее к спокойной и глубокой молитве. Из русских были двое офицеров с «Николая I» и механик Михаил Иванович Иванов, прибывший в Иокохаму с купцом Иорданским, последний не мог быть по болезни — простудился в Иокохаме. Иванов после богослужения был у меня, пил чай и обедал; интересный, шестидесятипятилетний старик — делец; он-то и будет устраивать суконную фабрику у Иорданского, близ Благовещенска.

Потом был о. Павел Савабе. Про старинное время разговорились мы с ним; вспоминали первое время христианства в Японии, о. Иоанна Сакая и многое другое. Я настаивал, чтобы он непременно написал автобиографию с описанием всех соприкосновенных личностей. Это и будет история введения христианства в Японию; книга будет очень полезная для воодушевления многих, ибо в ней будут начертаны многие действия и пути Благодати Божией, явные и в малых явлениях, как отражения Светила — Царя Вселенной — в каплях воды.

17 / 29 июля 1895. Понедельник

Катихизатор Афонасий Такаи, на пути из Такасимидзу, где доселе служил, в Кёото, куда назначен, был и рассказывал про Церковь в Такасимидзу. Церковь стоит твердо; христиане все уже сжившиеся с христианством, но не двигается вперед; новых слушателей мало, крещающихся еще меньше; за последний год даже ни одного не было. Мешали в последнее время, между прочим, два соблазна со стороны самих христиан; первый — прелюбодеяние бывшего переводчика религиозных книг Петра Оно с сестрой жены; второй — непочтительное поведение бывшего катихизатора Ильи Сато в отношении к своим родителям; о сем последнем я впервой слышу.

18 / 30 июля 1895. Вторник

В число неприятностей Миссии может быть включено и сие: умер в прошлом году священник Никита Мори и оставил на попечение Миссии жену, которая вскорости с ума сошла (от органической причины; остановились регулы) и четверо детей — мал мала меньше. Хоть бы был настояще заслуженный человек этот о. Мори, а то вялым был катихизатором несколько лет, без порицания, но и без похвалы; вялым и священником последние три года. И издерживается теперь Миссия — большими расходами на его семью! Да еще норовят надуть: завтра придется платить в два конца — за прошлый месяц за забранное для пропитания по лавкам и на будущий давать — мол, теперь вперед плата... Эх, нищенствующая Японская Церковь! В отчаяние она приводит меня всякий раз, как подумаешь о составе ее и о том, что Россией она только и живет!.. Устал я, впрочем, сегодня библиотечное здание, оттого и мысли мрачные, должно быть.

Господи, и в дневник-то не считаешь нужным вносить такие мысли, как слишком обычные, а и сегодня посланы: Василию Ямада, катихизатору, десять ен на бедность его семейству. Стефану Мацуро, катихизатору, шесть с половиной ен, по случаю смерти отца, Петру Хиромици, катихизатору, четыре ены, ибо жена родила, Исайи Секи, катихизатору, три ены на болезнь жены. Не каждый день рассылается столько, зато иной раз и больше.

19 / 31 июля 1895. Среда

Утром освятили оконченное постройкой библиотечное здание: я отслужил водосвятие и окропил стены, шкафы и все внутри, и входы и стены вне. Потом поставил на полки Библию на греческом и славянском и несколько других богословских книг. Вернувшись в комнату, свел счет: что стоит все здание библиотеки? Оказалось:

22 200 долларов, или несколько более на рубли 29 600 рублей металлических.

Начала строиться библиотека на 6000 рублей, пожертвованных, по просьбе о. Сергия Страгородского о. Антонию Храповицкому, а по просьбе сего — господину Плевако — из капитала госпожи Медынцевой, которым распоряжался в качестве душеприказчика господин Плевако. Но к сим шести тысячам вон сколько пришлось приложить миссийских! Правда, библиотека построена негораемою: свирепствуй пожар (чего оборони, Боже!) вокруг нее — она, если только растворены внутренние ставни, недоступна огню. Но такая большая сумма постройки! Я был в унынии весь день. Кстати, и день расчетный: рвут весь день; 2500 ен вчера взято из Банка — и ныне, в десятом часу вечера, когда пишется

сие, остается не более двухсот ен, а еще время каникулярное, когда почти все учащиеся, с половины июля, в разброе по домам.

20 июля / 1 августа 1895. Четверг

Утром начал переносить библиотеку из-под крыши большого миссийского дома, где до сих пор была, в отстроенное библиотечное здание. Первую полку, сажени в две, очистил от пыли и плесени и перенес один, чтобы, не торопясь, приноровиться, как расставлять книги на новом месте. Оказалось, что одну полку в шкафах нужно похерить; после, быть может, она и будет возобновлена (доска лежит тут же внизу, под книгами), особенно в отделах, где много книг малоформатных; теперь же нет нужды. Оставлен также в запас и верхний ярус шкафов. Лет через пятьдесят, вероятно, все будет наполнено. Теперь же не стоило бы строить библиотеку, если бы она вся наполнилась вдруг, без запаса места на будущее.— После обеда помогли переноситься ученики Катихизаторской школы. Перенесли бо́льшую половину Богословского отдела.

21 июля / 2 августа 1895. Пятница

Кончили переноску Богословского отдела библиотеки. Перенесли бы и больше, да мешал дождь, шедший весь день.

Утром был контр-адмирал Степан Осипович Макаров, истинно обрадовавший своим визитом. Он один из самых искренних благожелателей Миссии. Его усердием dokonчена постройка Собора, ибо он разом тогда четырнадцать тысяч рублей добыл, чрез посредство Великого Князя Александра Михайловича и Высокопреосвященного Иоанникия, Митрополита Московского, из Миссионерского Общества на сие; имел усердие также ездить в Москву для сбора на Миссию, хлопотать у Обер-Прокурора, Митрополита Исидора, Ю. Ст. Нечаева-Мальцева и прочих; написать и напечатать брошюру о постройке Собора с рисунком недоконченных работ и прочее.

К сожалению, он не совсем еще оправился от ревматизма в ноге — с трудом ходит и поднимается на лестницы. Лечился в Асиноу и Миякосита и опять отправится туда на несколько дней, до представления Императору.

22 июля / 3 августа 1895. Суббота

Согласно вчерашнему приглашению адмирала Макарова, утром отправился в Иокохаму, на наш великолепный броненосец «Николай I», служить молебен по случаю сегодняшних именин вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны. Погода была очень дурная —

все время дождь, так что, несмотря на тент на катере, мы с иподиаконом Кавамура прибыли на судно порядочно измоченными. С нами было облачение: мантия, митра и прочее, Служебник и Требник на японском и по десять экземпляров вида Собора, внутреннего и внешнего — для предоставления Адмиралу Степану Осиповичу, как ревнителю Миссии и участнику в построении Собора.

На первом судне видел здесь Церковь постоянную, не разборную; и как это хорошо, как прилично — среди населения в шестьсот матросов и несколько десятков офицеров! Обедню, с десяти часов, служил судовой иеромонах, с Валаама, о. Мина — очень истово и сердечно; пели весьма стройно и тоже истово, не торопясь и с чувством. Молебен отслужили мы вместе. В конце служения я сказал поучение (к которому пригласил меня в начале обедни Адмирал). Потом наверху было поздравление команды Адмиралом и Посланником, «ура», «Боже, Царя храни» — матросами, салют; на рейде было четыре германских судна, французское и два английских — все салютовали. Завтрак, за которым спичи; отвечая на тост Адмирала, я рассказал об его участии в построении Собора.

Возвращаясь, заехал с визитом на «Манчжур».

Дома обычная сутолока: из Мацуэ просят оставить еще на год там катихизатора Луку Кадзима, из Сейкё — то же о Каяно; нельзя! Иначе, что ж будут решения Собора? Да и не полезны они на своих теперешних местах, ничего не делают. Яков Ивата, Марк Одагири просят прибавить дорожных; это можно, хоть и плохие они катихизаторы — жаль на них, но тоже жаль и их бедности — семейные они, — и кто же пожалует их, кроме Миссии!

На всенощной очень мало народу было, должно быть, по причине дождя; Евангелие внесли в алтарь, когда диакон говорил «Спаси, Боже, люди твоя», чего до сих пор не было.

После всенощной, просматривая сегодня принесенные с почты номера Московских Ведомостей, в номере 157, от 10 июня, увидел печальное известие: 8 июня скончался Феодор Никитич Самойлов, самый щедрый московский благотворитель Миссии, пожертвовавший на построение храма шестьдесят тысяч рублей. Да примет Господь в обители вечной радости душу твою, незабвенный наш ктитор! — погребен он 11 июня в Новоспасском монастыре.

23 июля / 4 августа 1895. Воскресенье

Утром — катихизатор Илья Яци, вялый-превялый, назначен в Хацивоодзи, и не хочет идти туда, но сам на пути туда. Что поделаешь с такими людьми? Нужно бойцов с язычеством, а они идут, чтобы лечь...

За обедней, между прочим, молились трое русских — два неизвестных, третий — студент Поляновский, оказывающийся настояще религиозным,

что так редко между светскими и так отрадно; после обедни он зашел попросить для чтения духовных книг; я отвел его в редакцию «Синкай» и предложил брать из русских духовных журналов, что хочет; он понес домой семь номеров.

После полудня — чтение японских писем; все просьбы денег; три часа читал секретарь; ни единого безденежного. Я не мог долее выносить; продолжить завтра; впрочем, ведь каждый день то же, — рвут на части...

С пяти часов была в Соборе свадьба: Никифор и Никанор, не один десяток лет служащие в Миссии, брачили своих семейных: дочь первого, Василиса, выходила за деверя второго, Георгия.

Бракосочетание совершал недавно поставленный о. Сергей Судзуки. После сего он пришел ко мне проститься; послезавтра отправляется на место службы в Оосака. Много я говорил ему в напутствование наставление; дай Бог, чтобы не забыл и исполнял; Церковь там трудная; много способных к злословию и немиру.

24 июля / 5 августа 1895. Понедельник

Целый день переносили библиотеку. Сегодня и научную всю кончили.

Петр Такемото опять просится в катихизаторы, и именно христиане Хиросима просят его к себе, так как назначенный туда из Мацуэ Лука Кадзима болен и не может скоро прийти. Отослал я письмо Такемото к о. Симеону Мии; если он не имеет ничего против, то и пусть Такемото катихизаторствует пока в Хиросима. Принять на службу его должно. В прошлом году он с катихизаторского поста в Куре отправился не самопроизвольно, а потребованный воинским уставом. Все время был в передовой армии, достигшей почти до Мукдена; должно быть, немало оказал подвигов и много перенес трудностей. Писал иногда с поля битвы сюда, и все письма были проникнуты христианским духом. Недавно вернулся вместе с своим полком в Хиросима и тотчас же известил телеграммой. А ныне большим письмом просится опять на службу Церкви. — До поступления в Катихизаторскую школу (у Нициума в Коодзимаци) он также был военным: три года отслужил в Гвардии.

25 июля / 6 августа 1895. Вторник

Перенесли библиотеку на иностранных языках, начиная с еврейского, кончая немецким. Сгибаясь почти до лежачего положения под накатом крыши и ползая задом и передом по невозможности извернуться с тяжелою ношею книг на руках, я однажды так ударился головой о стропила, что в бесчувствии опрокинулся назад; пришедши же в память, возблагодарил Создателя, что он покрыл голову таким крепким черепом;

ныне лишь небольшая головная боль и багровый подтек во всю верхушку лысины.

Помогали доселе очищать книги от пыли и плесени ученики Катихизаторской школы, переносить в новое здание — прислуга; последней обещаны деньги, первым отправление в Одавара на остальное время каникул. Завтра они и отправятся.

26 июля / 7 августа 1895. Среда

Сегодня перенесли почти всю западную библиотеку во второй этаж нового здания, ибо третий — почти наполнился основной (разумеется, нижняя половина шкафов). Помогали восемь семинаристов, оставшихся на каникулы здесь.

27 июля / 8 августа 1895. Четверг

Переноска книг в новое здание закончена. Но и под крышей еще осталось книг столько, что ж с первого взгляда как будто и не начинали переносить, хотя половина шкафов нового здания наполнена — больше чем семью тысячами томов основной библиотеки и почти таким же количеством запасной. Остались под крышей учебники, много переплетенных книг, брошюр и разный печатный хлам; только все это расставлено и уложено на полки. Помогавшие ученики отпущены в Одавара на остальное время каникул; все они — из наказанных за «кессеки».

28 июля / 9 августа 1895. Пятница

Утром чтение церковных писем. Катихизатор Стефан Мацуура отказывается от службы по следующему обстоятельству: захворал у него отец, он отправился к нему; отец помер, захворал младший брат, больной и доселе; расходы на отца и брата были его родственного дома, который ныне изъявил притязание усыновить его и женить на домашней язычнице; весь дом тоже языческий и, по-видимому, не любящий христианства. Обязанный Стефан и сдается на ту сторону, хоть несравненно больше обязан Церкви, взявшей его буквально паршивым мальчишкой и воспитавшей в Семинарии до того, что он вот теперь катихизатор. Кстати, не из очень желательных людей он для церковной службы — и пусть с Богом идет!

Было два письма от язычников, спрашивающих об условиях поступления в Катихизаторскую школу. Ответчено, как всегда, что надо сначала сделаться христианином и воспитать в себе желание распространять христианскую веру в стране.

29 июля / 10 августа 1895. Суббота

За обедней молились о дорогом нашем ктиторе Феодоре Никитиче Самойлове и потом соборне отслужили панихиду по нем. Упокой, Господи, его душу в селениях праведных!

Катихизатор Андрей Метоки, избранный в диаконы, вернулся из Тоёхаси и рассказывал о тамошней Церкви, одной из лучших у нас; благочестивее семейства Симеона и Нины Танака едва ли есть у нас; и богаче их, кажется, нет у нас христиан: обладают огромным заводом «сои» и «мисо»; на Церковь жертвовать не скупятся.

За всенощной, кроме большого числа японцев, было пятеро русских: Поляновский из Посольства и старик Замятин из Иркутска с дочерью и двумя молодыми дамами из Хабаровска. Служба им понравилась и обещались также завтра к обедне приехать. «Только не понимаем», — заметила одна дама. — «Сердцем должна понимать», — строго заметил старик Замятин.

Ученицам Женской школы так понравилось жить в Тоносава (где они в первый раз проводят каникулярное время), что они заранее принимают меры, чтобы и на будущее время не минуло их это удовольствие; сегодня старуха Анна Кванно выражала просьбу, чтобы через год (чередясь с учениками) всегда там ученицы проводили каникулы. Ладно, милые дети! Не обижу вас и вперед, лишь бы всегда Женская школа была такою безукоризненно исправной, как ныне.

30 июля / 11 августа 1895. Воскресенье

За литургией были вчерашние русские. Японских христианок было довольно много, христиан мало — вероятно, по причине начавшихся летних жаров. Жарко, действительно, было до того, что в митре все время стоять оказалось невыносимым, и я снимал ее в неположенное время. Следовало бы иметь митры отдельные для зимы и лета; изволь держать на голове тяжелую, полуметаллическую шапку, набитую внутри ватой! Я боялся, что сознание потеряю от прилива крови к голове.

Диакон Яков Мацуда с семьей приехал из Оосака. Хотел сделать ему строгий выговор за недобрые его отношения к священнику Иоанну Оно, выпросившему его к себе из (плохих) катихизаторов в диаконы, и поставить на вид, что он переведен сюда не в смысле повышения, а для того, чтобы освободить Оосакскую Церковь от него; но при виде его троих малых детей размягчилось мое сердце, и я, приласкав их всех и напоив чаем с «пангваси», дал ему пять ен на экстренные нужды по устройству помещения в Сива и отпустил с миром и любовью. Господь с ним! Здесь он повредить никому не может немиролюбием и склонностью к сплетням.

31 июля / 12 августа 1895. Понедельник

Целый вечер поверял и приводил в порядок основную библиотеку. Вечером написал письмо — в Хакодате о. Сергию, чтобы помог там о. Петру Ямагаки лучше устроить школу, в Кёото о. Симеону Мии, чтобы помог о. Судзуки освоиться с Церковью в Оосака и потом во всем Циукоку.

1 / 13 августа 1895. Вторник.

День моего рождения 59 лет тому назад

С раннего утра до позднего вечера занимался тем же, чем вчера, — и почти совсем кончил приведение в порядок основной библиотеки. Книг пятьдесят оказываются потерянными; быть может, некоторые и найдутся по возвращении из прогулки библиотекаря о. Сергия Глебова.

Нашел меня сегодня в библиотеке о. Павел Сато, здешний соборный священник и настоятель самого начального и центрального прихода, в Канда.

— Думаем предпринять «докурицу» (обеспечение Церкви японскими средствами, не русскими), — говорит.

— И что же? Далеко простерлись?

— По «го-рин» (полушке) хотим жертвовать. Но мешают некоторые старосты; именно — служащие при Миссии, ваш слуга Никанор, пономарь Оогое, диакон Тоокайрин; говорят: «В случае войны с Россией мы больше всех страдаем».

— Так поэтому-то и нужно скорее вам обеспечить Церковь своими средствами, чтобы не зависеть от всяких случайных отношений к России.

— Этого они в толк не хотят взять.

— Зачем же и старостами избирать тех, которые не в состоянии понять положение Церкви.

— Но есть другие старосты, понимающие и сочувствующие.

— Так их голос и будет обращаться в ничто не согласными с ними. Это значит: одною рукою поднимать, другою — поднятое опять бросать на землю или черпать воду решетом.

О. Павел ответил на это своим обычным спокойным «ха-ха-ха». Я тоже не нашел нужным больше трактовать о сем, употребив его присутствие лишь для отдыха и утирания пота от жары и усталости. Такова-то способность японцев и таково желание их своими средствами обеспечить существование служащих Церкви! Из сил выбиваешься внушить им необходимость сего; десятки лет ежегодно на Соборах и при всяком удобном случае с жаром толкуешь им о сем; и буквально под боком у тебя находящийся священник только теперь внял сему. Но внял как? Проснулся ли? Серьезно взялся ли? Куда! По полушке пожертвовать предлагает, да и то не надеется осуществить, ибо мешают; а одолеть препятствие, даже

такое ничтожное, — где же найти ему сил?.. Выслушав про его «полушку», я промолвил: «Значит, лет через двести наберется для содержания священника». «Ха-ха», — хихикнул о. Павел и продолжал о мешающих... А весь ведь погружен в благодеяния Русской Церкви — с огромным семейством живет совершенно обеспеченно; воспитывает сыновей по гимназиям; на службу Церкви их уж не думает приноровить, — куда! Точно наши петербургские батюшки.

2 / 14 августа 1895. Среда

Приводил в порядок запасную библиотеку, но только что начал; много мешали разные дела. Между прочим, сегодня решил посылать всем катихизаторам (сейденкёся) по двенадцать ен, без различия женатых и неженатых; до сих пор неженатым давалось по десять ен, и только, когда кто женился, набавлено было по две ены. Но замучили просьбами и разными неудобствами. Всего-то восемь человек неженатых сейденкёся: 192 ены в год прибавится к расходу Миссии; но, по правде, и стоит прибавить: недаром же они «сейденкёся», лучшие из катихизаторов, или по заслуженности, или по оказанным способностям. И бедные же, притом, все люди! От души жаль их и хотелось бы еще больше прибавить — то был бы кусок голодным, ибо у каждого на шее то родители, то братья и сестры. А не бедные, или бессеребреники, как Савва Ямазаки, Андрей Ина, на Церковь же употребят эти две ены.

3 / 15 августа 1895. Четверг

Целый день работа в библиотеке.

О. Симеон Мии пишет восторженное письмо, как он и христиане принимали вновь прибывших в Кёото катихизаторов Афонасия Такаи и Павла Оонума. Мне же явствует из него только то, какой плохой катихизатор был Яков Каяно, если удаление его и прибытие других на место его доставляет такую радость священнику. В сущности же, и новые не находка, и о. Семен отлично это знает. Такаи слишком юн, Оонума только отчасти катихизатор, главное же — учитель пения.

4 / 16 августа 1895. Пятница

Неизменно целодневная работа в библиотеке.

Гавриил Тода, вернувшись сегодня из Сакура, отправился в Томиока и Тасино, согласно предписанию отсюда.

Сакура — малолюдное место; один там только и есть хороший христианин, чиновник Ямада; стоит же там теперь полк, недавно вернувшийся из Китая, и дебоши, и разврат по городу усиленные; на успех проповеди

плоха надежда, а из Томиока умильно просят катихизатора, там доселе всегда был; но о. Титу показалось удобным соединить эту Церковь с Аннака, а катихизатора Якова Тоохей послать в Маебаси; по недостатку катихизаторов Собор рад был это сделать, но из Томиока крик: «Дай катихизатора»; из Аннака: «Наш катихизатор не может отлучаться до Томиока и Тасино»; от Негуро, катихизатор Аннака: «Конечно, я повинуюсь Церкви и возьму Томиока, но, право же, трудно», — все это сердце мне натрудило, и я, посоветовавшись с о. Фаддеем Осозава, изъял Гавриила из его ведомства и написал о. Титу, что посылаю Теда в Томиоко и Тасино; сегодня он и отправился.

5 / 17 августа 1895. Суббота

Вводил в каталог новые книги. Вечером всенощная, на которой совсем мало было молящихся. Яков Мацуда в первый раз диаконствовал здесь и весьма плохо; ектении говорил — точно идя спотыкается на каждом шагу; сказал я о. Роману, чтобы поучил, а ему, чтобы выучился. После дня непокладной работы, двухчасовой всенощной и получасовой плохой проповеди усталость одолевает, а жара тому помогает.

6 / 18 августа 1895. Воскресенье. Праздник Преображения Господня

За литургией было рукоположение катихизатора Андрея Метоки в диакона. После — чай для священно- и церковнослужаших, по обычаю, когда бывает посвящение. После обеда и вечером до десяти занятия в библиотеке. Сегодня в первый раз занимался там вечером, с лампой.

7 / 19 августа 1895. Понедельник

Послано содержание на девятый и десятый месяцы служащим, в дальнюю половину Церквей.

Был христианин из Тасе, у которого я останавливался при посещении тамошней Церкви; возвращается с выставки в Кёото, где у него выставлены были луковицы лилии, снискавшие ему похвалу; луковицы куплены американцем из Кёото, который сделал ему заказ и еще на сей экспозит. Дерево, выставленное христианином из Тасе, тоже куплено. Христиан-экспонентов вообще много было. Говорил он также, что провинция его — Иваде-кен, славящаяся производством лошадей, ныне совсем обеднела ими: все годные лошади скуплены были на войну в Китай; за ту лошадь, на которой он тогда отправил меня в Тооно (по-моему, очень плохую), получил он 65 ен, и она тоже ушла в Китай на войну.

Занятия в библиотеке и осмотр ремонтных работ.

8 / 20 августа 1895. Вторник

Утром холод — точно осенний, и потом дождливый целый день. Ничего, кроме занятий в библиотеке с раннего утра до десятого часа вечера.

9 / 21 августа 1895. Среда

В Одавара открылась сильная холера; один из наших семинаристов, Ант. Исокава, захворал ею; прочие все — семинаристы и ученики Катихизаторской школы — вернулись в Токио. Было там шестнадцать человек, проводивших каникулярное время, — все те, которые не могли по каким-либо причинам отправиться домой.

10 / 22 августа 1895. Четверг

О. Семен Юкава приходил просить благословение на напечатание правил Общества «докурицу» его прихода. Предположено собрать в четыре года две тысячи ен, чтобы на проценты сей суммы содержать священника. Правила составлены разумно; председателем общества все избирают его, о. Семена. Все — гораздо рациональнее полушки о. Павла Сато, а еще все считают о. Семена неразвитым и неученым сравнительно с о. Павлом. Я не мог не одобрить к напечатанью, и даже сам сделался первым вкладчиком — дал десять ен. Успех Общества, конечно, сомнителен, но все же что-нибудь да есть.

11 / 23 августа 1895. Пятница

К о. Симеону Мии написано, чтобы Петра Такемото поставить катихизатором в Мацуэ, если о. Семен не имеет чего против сего. Вместе с сим послано о. Семену шесть ен, чтобы он от себя лично и частно помог Луке Кадзима уплатить его долги и выбраться из Мацуэ в Хиросима. От Церкви не может быть сделана помощь, ибо Лука получает большое содержание сравнительно с другими и плохой катихизатор. Помочь ему — всякий скажет — «и у меня долги, помоги и мне, если такому плохому катихизатору, как Лука Кадзима, дал», — и Миссия окажется не в состоянии высылать и обычное содержание.

О. Петру Яманака в Хакодате написано, что школа там закрывается, если он и учителя не в состоянии вести ее. Нанять начальника школы язычника значило бы обратить школу в языческую, а это противно цели ее — распространять христианские знания, готовить учеников для здешней Семинарии и быть христиански-благотворительной. — Учителям, при увольнении, будет выдано месячное жалованье; желающие из них могут определиться на год в Катихизаторскую школу здесь, в Токио, чтобы быть потом катихизаторами; в таком случае их семействам дано

будет содержание в размере половины теперешнего жалования, пока они кончат курс здесь. О. Петру прекратится высылка отсюда двенадцать ен за начальствование школой, но пять ен здесь будут выдаваемы его матери; самому же придется жить на десять ен, которая дает ему Хакодская Церковь.

12 / 24 августа 1895. Суббота

Сегодня кончено введение в библиотечные каталоги книг, которые еще не были введены; кончена рассылка содержания служащим Церкви за девятый и десятый месяцы: четыре с половиной тысячи ен ныне нужно на сие, то есть на двухмесячное содержание служащим в провинциях.

Кипят ремонтные работы по училищам; каникулы близятся к концу. Но жары не уменьшаются, а холера усиливается: уже больше семнадцати тысяч она положила в это лето в Японии.

13 / 25 августа 1895. Воскресенье

После обедни были у меня: чиновник Министерства Финансов, имеющий креститься в Успеный день,— двадцать восемь лет, очень хорошего воспитания и знаток буддизма; Петр Исигаме — с просьбою принять в Семинарию Сайто, но как его принять, когда он, пробыв десять месяцев в среде военнорабочих, может теперь Бог весть какую нравственную грязь занести в круг своих товарищей, еще не оперенных птенцов? Я мог ответить Исигаме только выговором за его просьбу. Иннокентий Тихай, жаловавшийся, что мать не отпускает с ним в Россию на воспитание его младшего брата Митю, которому уже двенадцать лет, и пора определить его в духовное училище.— Вечером был Павел Минамото, просившийся на месяц в Тonosава, когда вернутся оттуда ученицы; болен он ожирением сердца, и доктора советуют перемену места; обещано написать Михею, что Минамото пробудет.

С часу до шести провел в библиотеке, приводя в порядок по отделениям и номерам вновь вписанные книги. Еще дня на два хватит этой работы.

14 / 26 августа 1895. Понедельник

Написано Петру Такемото, что назначается катихизатором в Мацуэ вместо Луки Кадзима; послано и содержание за девятый месяц восемь ен, половину восьмого месяца — четыре ен и на дорогу от Хиросима до Мацуэ три с половиной ен. Вместе с тем извещено в Мацуэ, что вследствие их настоятельной просьбы иметь отдельного проповедника (а не быть соединенным с Ёнако), посылается к ним Петр Такемото, чтобы хорошо приняли его и старались помогать ему.

Часа в три, когда я занимался в библиотеке, посетил меня Посланик Михаил Александрович Хитрово, взобравшийся не без труда на третий этаж. Говорил, между прочим, что прибыла русская комиссия для исследования чайного производства здесь. Можно надеяться, что будет заимствована отсюда культивировка и некоторых других полезных произрастений, вроде лакового дерева, так как климат в некоторых местах на Кавказе у нас, по словам Краснова, «совершенно схож с японским».

На всеобщей весьма мало было молящихся. Прискорбно! Японцы отлично усваивают христианство умом, но сердце их не тронуто! Все тот же холодный камень, как и в язычестве. Почему надо верить во Христа — всякий наш христианин, даже всякая христианка отлично и с убеждением расскажут. Но молится Христу, — где же взять одушевления, когда — когда его и в нас-то, учителях христианства, так мало, что совсем почти нет!

15 / 27 августа 1895. Вторник.

Праздник Успения

Утром окрещены четверо взрослых и столько же детей. Наиболее благочестивые из них — полицейский и его жена: они казались истинно счастливыми. Они испытали милость Божию еще будучи в язычестве: ребенок у них отдан родным на воспитание, и они получили известие, что он захворал; тотчас же отец прибежал к катихизатору (Симеону Томии) просить помолиться о больном; катихизатор вместе с ним помолился; и вскорости же пришло известие, что ребенок выздоровел; отец и мать приписали это милости Божией и исполнились еще большей ревности скорее сделаться христианами.

Служили соборне с оо. Павлом Сато, Романом Циба и Симеоном Юкава. Молящихся было совсем мало. Впрочем, есть истинно усердные, не пропускающие ни одной праздничной и воскресной службы; это из старых христиан — того времени, когда я был одним проповедником на все Токио.

16 / 28 августа 1895. Среда

Работы по библиотеке совсем покончены. Сегодня завершено упорядочение книг по шкафам. И слава Богу! Устал от этого труда, тянувшегося все каникулы.

О. Петр Кавано пишет: в Усуки отец Алексея Огино, бывшего катихизатора, помер 13 июля, мать 20-го, сам Алексей 16-го августа; в прошлом году сбежал зять Огино, бросив жену с ребенком; в прошлом же году обрушившаяся скала раздавила в их доме отца и мать жены Алексея Огино. Непрерывная цепь несчастий! Старый враль — отец Алексея и жена его были очень благочестивые христиане; помню их, с таким радушием и

радостью встречавших меня в Усуки и потом в их деревне и их доме близ Усуки. Дом их — старый-престарый, как и сам старик Огино, со старою аптекою деревенских медикаментов в нем, прилегал к страшной, нависшей над крышею скале, столь близкой к задней стороне дома, что я рукой гладил скалу. Должно быть, и дом родителей жены Алексея был в таком же положении, и часть скалы, наскучив наблюдать домашнюю жизнь, порешила покончить ее. Во всяком случае, ныне две несчастные женщины — христианки с детьми остались без покрова и призора, так как и Огино — родом нездешние, а родных в Усуки нет.

Написано к о. Петру Кавано, чтобы он, во-первых, немедленно поехал в Усуки и похоронил троих покойников, так как они в ожидании священника лежат не отпетыми (кари-но сосики), хотя и прикрытыми землей; вызвать священника бедным сиротам не на что, поэтому посланы деньги на дорогу о. Петру. Во-вторых, чтобы испытал, не годны ли две вдовы для приготовления их к служению диаконисс, то есть к проповеди женщинам и так далее? Если да и если они пожелают, они будут взяты сюда для научения и вместе с тем воспитание их детей будет обеспечено Церковью. В-третьих, чтобы тщательно разведал, есть ли у них родные для помощи им. — Ныне послана помощь им десять ен частно.

О. Яков Такая просит переместить его катихизаторов: Фудзивара в Кагосима, а Ходаке в Нобеока. Причины: Петр Фудзивара в корреспонденции в «Сейкёо Симпо» описал Нобеока слишком дурными чертами; христиане оскорбились за свой город и возненавидели его; служить ему дальше там бесполезно. Павел Ходаке подвергся нареканию в Кагосима в дурном поведении; по исследовании оказалось, что подозрение неосновательно, но тем не менее молва испортила его репутацию, и ему в другое место удалиться нужно! Нобеока — родина его; есть неудобства помещения его там, но есть и удобства — много родных, знакомых и так далее. Написано, чтобы переместился.

Василий Таде, отправленный на проповедь в Такамацу, на Сикоку, пишет, что место очень трудное для проповеди: народ считает свой город центром вселенной, и потому на приходящих из других мест смотрит свысока и не хочет знать их. У католиков и протестантов, долго проповедующих здесь, — никого из местных жителей, а есть несколько нетуземных христиан. Одна надежда-де, что железная дорога, скоро имеющая пройти здесь, принесет другие веяния. Более верная надежда на помощь Божию, если катихизатор будет достоин ее. Все просьбы его: на квартиру четыре ен, помощь на первоначальное прожитье в гостинице пять ен, прислать моленную икону, книги — исполнено.

Ученицы вернулись из Тоносава; все здоровы и благополучны; явились в семь часов вечера; поблагодарил наставниц, что берегли детей.

В Одавара, к сожаленью, помер Антоний Исокава, семинарист, захворавший холерой и будто бы в одно и то же время тифом. Дали мы знать отцу его — врачу Моисею Исокава, практикующему недалеко от

Токио. Сегодня вечером он прибыл сюда. Крайне печально было видеть тихие слезы его. Три года тому назад он хоронил старшего сына — студента медицины, ныне идет хоронить другого и последнего. Если бы не христианское утешение, что сын его жив, вероятно, у Бога, в Церкви Небесной, ибо умер напутствованный святыми таинствами, и был, кроме того, юноша добрый, совсем не испорченный — чем бы можно было утешить? Но, слушая, он сквозь слезы улыбался, — и мрачная скорбь и отчаяние — незнакомы сердцу христианина! Завтра, чем свет, он отправится в Одавара предать земле кость и пепел сына (ибо умерших от холеры сжигают до отдания земле).

17 / 29 августа 1895. Четверг

Цельный день ученики являются один по одному, возвращаясь с родины.

Просил опять о. Романа Циба инспекторствовать в Семинарии, хоть слаб он до крайности; ученики даже недовольны его потаканьем им, хоть оно и на руку им. Фома Михей, один из старших учеников, только что говорил о сем.

— Так ты под рукой сообщи это о. Роману; вероятно, станет построже, коли узнает, что сами ученики просят его быть построже, — посоветовал я Фоме.

— Даме! Ничего не выйдет. Все равно, что гвоздь вколачивать в мякину (нукани куги), — сказал секретарь Сергей Нумабе, когда я сообщил ему об этом.

— О. Романа не переродишь, и сколько бы он ни плакал, сам жалуясь на свою слабость, будет и после слез таким же, как и до слез. А он, в глазах Нумабе, плакал пред каникулами, когда я его сильно укорял за то, что позволяет ученикам не ходить в классы по лености. — Но до приезда господина Кавамото здесь быть инспектором некому. Пусть уж о. Роман тянет. В помощь ему поставить правилом, чтобы, как когда-то при о. Владимире, ежедневно классный журнал приносили ко мне для просмотра, кто и по какой причине не был в классе.

18 / 30 августа 1895. Пятница

Так же, как вчера, продолжали являться возвращающиеся с каникул ученики и ученицы. Учительница Елена Ямада привела в школу двенадцатилетнюю девочку Марию Уцимура и рассказала грустную историю про жестокость деда и бабки этой Марии. Мать ее сделалась христианкою года четыре тому назад; но это возбудило к ней такую ненависть отца и матери, что под влиянием их муж прогнал ее, хотя и любил; больше года она жила у дальних родственников, пока местный священник, узнавши все дело, не убедил родителей и мужа вернуть ее. Вернувшись, она первое,

что сделала — пристроила свою старшую дочь Марию в нашу школу. Исправляя домашние работы под постоянным ворчаньем немилосердных родителей и слабого мужа, она по ночам находила время выработать шитьем на платье своей Маши и на взнос за нее один ен в месяц в школу. Но вдруг ей приключилось страшное несчастье: вечером, зажигая лампу, она нечаянно облила себя керосином, и платье загорелось на ней. В Женской школе получена была телеграмма, что умирающая мать желает видеть Марию. Мы послали девочку к ней. Маша целую неделю вся в слезах ухаживала за нестерпимо мучающеюся матерью. Поспешил туда и местный священник о. Тит Комацу напутствовать страдальцу. Она трогательно христиански приняла святые таинства и, умирая, убеждала своих родителей сделаться христианами, «чтобы быть там, за гробом, вместе». Родители, размягченные страданиями дочери, обещались слушать проповедника и исполнить «завещание» дочери (юйгон). Страдальца, наконец, отошла и погребена была по-христиански. Но родители скоро забыли ее «юйгон» и свое обещание. Без всяких причин они воспылали ненавистью к своему зятю и выгнали его из дома с пятью малыми детьми, из которых старшая — Мария, младший — недавно родившийся ребенок. Отец нашел себе место на шелкомотальной фабрике и кое-как питает своих птенцов. На возвращение теперь в школу Марии испрошено было позволение деда и бабки. Елена Ямада нарочно для того была у них. Они не запретили, так как выставлено было сильное желание их дочери воспитать Марию в духовной школе и мое согласие исполнить желание страдальца, но вообще отнеслись к внучке презрительно-равнодушно. А между тем сами — дед 67, бабка 63 лет — зажиточные крестьяне, и никого в доме утешить их старость! «Но, — Елена говорила, — известные по всей округе самодуры и гневливцы»... Будем с о. Титом стараться вразумить и смягчить их. Господь поможет!

Читал с секретарем накопившиеся за последние дни письма. Ничего интересного!

В библиотеке устлали резиновыми листами чугунную лестницу.

19 / 31 августа 1895. Суббота

После ранней обедни была панихида по умершему от холеры в Одавара ученике Семинарии Антонии Исокава. Служил я с двумя священниками; молились ученики Семинарии и Женской школы.

С восьми часов началось учительское заседание для составления написания уроков на начинающуюся треть. Сделали это. О. Сергей Глебов остается неисправимым в самопроизвольстве. Вместо того чтобы подавать пример трудолюбия и исполнения долга, он оказывается самым слабым в том и другом; тогда как всем учителям академистам — по пятнадцать уроков в неделю, он больше девяти не согласился взять; и кому

бы, как не ему, русский язык преподавать, — он и того не взял на себя в третьем и четвертом курсе. Учителя уж и не настаивали, я тоже; ничего не поделаешь с людьми, для которых закон не писан; только ссора выйдет, потому что, кстати, еще горд и раздражителен, а худой мир лучше доброй ссоры. Академисты-японцы оказываются более порядочными и резонными людьми и надежными помощниками, чем свой брат — единственный русский помощник-миссионер.

Сегодня, в расчетный день, был, между прочим, окончательный расчет по постройкам. Библиотека вполне отстроена, на нижней площадке все работы также кончены. Вперед, до постройки зданий для Семинарии, расходы по этой части прекращаются.

Учащиеся почти все собрались. Тем не менее всю ночь сегодня пели трехголосно — регенты и причетники. Дмитрий Константинович Львовский утром приходил попросить, чтобы еще раз пропеть там. И пропели очень стройно.

Преподавая благословение по окончании службы, я уже не увидел половины семинаристов, тогда как вся женская школа сполна стройно стояла. А пришли и семинаристы в Церковь все, и пришли, и стали стройно. Благодаря тому что я дал сегодня о. Роману нагоняй за безобразное столпение семинаристов кучкой, точно стадо овец, в дверях Собора — утром, когда пришли на панихиду по товарище. Так-то распущены у нас ученики! Впрочем, и не распущены, а скорее не собраны, потому что ползут к нам оборыши, которые не годны в других школах.

20 августа / 1 сентября 1895. Воскресенье

Когда собрались учащиеся, то в Соборе и народу стало много! Служили соборно со мной оо. Сато, Циба и Юкава; пение было трехголосное. Проповедь с большим одушевлением сказал редактор Петр Исикава. После службы вплоть до вечера у меня посетители: являвшиеся ученики и ученицы с их провожатыми, разные христиане, учительницы. Последние приходили за утверждением их классного расписания. Между прочим, они рассказали про одну девочку, ныне принятую; одиннадцать лет ей и очень умная, но совсем ожесточенная дурным обращением с нею отца и мачехи. Чего только с нею не делали эти жестокие люди! Жгли ее огнем, отчего следы на руках есть, мучительно связывали ее, опускали на веревке в колодезь; все это довело бедную девочку до того, что она толкует теперь о самоубийстве, совершенно как какая-нибудь отчаянная нигилистка: «Ножом проткнуть горло и больше ничего»; и показывает жестами, как это сделать и как легко это; с товарками совсем зверенок; так и смотрит, чтобы сделать им неприятность. Три дня тому назад еще Анна-старуха, начальница, рассказывала мне, что эта девчонка спать не дает уложенным с нею ученицам: поминутно вылезает из-под полога и

тем приводит в беспокойство добросердечных Ольгу Миясина и другую, которые ищут ее, спрашивают, что с нею, опять укладывают для того, чтобы она тотчас же опять ушла,— и это только с тем, чтобы помучить других. Такой феномен заинтересовал и вместе тронул начальницу и учительниц. Ведь если бросить эту девочку, то она совсем погибшая. Но положили они, с Божией помощью, ласковым и любовным обращением и воспитаньем исправить ее и поставить на путь истинный. И это, вероятно, удастся им: ласка очень действует на нее. Дочь она язычника, по имени Ниицума, большого пройдохи, который долго упрашивал принять ее и никак не хотел под разными предлогами показать ее, пока не согласились принять.

Вечер сегодня у всех учащихся посвящен ихнему излюбленному сим-бокквай. Из Катихизаторской и Певческой школ прежде всего выпросили на угощение две ены; потом семинаристы принесли билет, за который дал две ены; да, кстати, уж посоветовал и учительницам справить собрание для питомцев и дал три ены.

Только заказал всем не покупать для угощения плодов, по нынешнему холерному времени.— Ныне, когда пишется сие, в девятом часу вечера, из классной комнаты внизу беспрерывно звучат речи ораторов и потом рукоплескания им.

В Певческую школу, между прочим, сегодня принят Илья Мураи, которого мать зарезала в прошлогодние каникулы за то, что он исключен был по малоуспешности из Семинарии и тем нанес бесчестие своей фамилии; зарезавши его, мать зарезала и себя; к счастью, жизнь еще захвачена была в бедном отроке Илье, и он вылечен; мать же его не смогла быть вылечена. Предрасположена была мать к такому поступку с сыном и собой нехорошим обращением с нею пасынка. Церковь в Уцуномия в прошлом году очень была смущена сим несчастным событием, ибо мать Ильи была христианка; я также немало был опечален. Да поможет Господь воспитать бедного Илью на служение Церкви! Он прибыл сегодня совсем бодрым и здоровым и даже принес ящик кваса от своего сводного брата (чиновник в Уцуномия), который, как видно, рад поступлению Ильи в школу.

21 августа / 2 сентября 1895. Понедельник

Утром, в половине восьмого, все учащиеся собрались в Соборе, и был отслужен молебен пред началом ученья; служили со мной оо. Сергей Глебов, Сато и Циба, было многолетие в конце, и потом я сказал краткое поучение. Затем начаты классы.

Но в будущем году предупредить наставников, чтобы они и в этот день имели классы уже настоящие; неловко, как сегодня, ученики, видимо,

ждут лекции, а наставники не готовились,— и ученики только бродят в класс повидаться с наставником, и из класса.

Наставникам даны из библиотеки для приготовления к урокам книги по их желанию. Но это вперед делать заранее.

После обеда ученики Катихизаторской школы собрались на класс «ринкоо» по Православному Исповеданию и долго бесплодно ждали о. Павла Сато. Я, увидев это, послал звать о. Павла, думая, что он забыл. Но ответ пришел: «Жена — Прасковья-сан — умирает, в доме суматоха, и о. Павел прийти не может». Очень жаль! Ведь если с таким большим семейством останется без жены, горько будет и ему, и семейству!

С шести часов вечера и мы с Павлом Накай'ем начали занятие наше — перевод Нового Завета, начиная с Евангелия от Матфея. Первые шестнадцать стихов перевели, то есть переписали имена; впрочем, долго рассуждали о заглавиях Евангелия и Нового Завета, о «Сыне» — «ко» или «суе» и так далее. Вечерняя молитва в девять часов, по обычаю, прервала наши занятия.

О. Тит Комацу просит помощи для катихизатора в Такасаки Игнатия Мукояма, обремененного большим семейством. Он получает от Миссии тринадцать ен, и Миссия больше дать не может. Пусть Церковь Такасаки помогает своему катихизатору; если такая богатая Церковь не станет это делать, то кто же станет?

22 августа / 3 сентября 1895. Вторник

У нас с Павлом Накай перевод Священного Писания утром с половины восьмого до двенадцати и вечером с шести до девяти. Это будет регулярно продолжаться каждый день так, что вперед об этом и упоминать не стоит.

В промежутке, когда Накай не было, переписывал переведенное, я ходил по классам. На первый раз не застал учителя физики в классе, болен, у о. Сергия шесть человек стояли наказанными за то, что забыли во время каникул грамматику, и сам он был в свирепом расположении духа; отвратительный вид — кипящего самодура, изливающего злобу на неповинных мальцов: стояли все самые неспособные (чем же они виноваты, что не способны!) за то, что не повторяли грамматику во время каникул, но разве им это велено было? Положительно, этот Сергей ни на какую службу в Миссии не способен и по лености, и по самодурству; а терпеть нужно — единственный миссионер! Все прочее при первом обходе нашел благополучным,— учителя и ученики занимались своим делом.— Но минут чрез десять опять пришлось выйти в коридор, и я уже нашел Алексея Минамото гуляющим, а класс его распущенным. Дождавшись окончания этой лекции, я пошел в учительскую и сделал академистам строгий выговор, что не соблюдают самого главного училищного правила — аккуратно вести классы, готовя лекции так, чтобы ученики были полезно заняты с начала до конца.

О. Тит Комацу жалуется на леность катихизатора Игнатия Мацумото в Татебаяси. Посоветовано взять его в Уцуномия, а Варнаву Симидзу послать в Татебаяси. Мацумото оживится при о. Тите и более живой Церкви, а Симидзу оживит Татебаяси; первый подходит к Уцуномия, ибо женат и притом выпускной отсюда, второму полезно приобретать опытность, а будучи все же в одном месте, ее не много приобретешь.

23 августа / 4 сентября 1895. Среда

Послано тридцать ен — содержание за одиннадцатый, двенадцатый и первый месяцы — катихизатору Моисею Минато в Немуро для закупки и приготовления к жизни на Сикотане у христиан-курильцев. Отправится он туда с о. Сакураем и останется там до навигации следующего года или до Собора. В осень и зиму на Сикотан доступа нет, суда не ходят; поэтому Моисею дано будет содержание вперед до четвертого месяца будущего года, чтобы он снабдился из Немуро всем необходимым по платью и пище, ибо на Сикотане ничего нельзя купить, так как, кроме наших курильцев, никого и нет там.

В Епископальном журнальце напечатана критика на наш Служебник. Кажется, писал King, ибо подписано литерой «К», и он — единственный из аглицкой епископальной миссии, получивший от меня «Хоодзикёо» (просил продать, но я даром послал ему). Миссионер этот один из разумных у них и всегда являлся самым расположенным к Православной Церкви, так что даже жертвовал (десять долларов) на постройку храма. И сколько любезностей он наговаривал мне касательного своего уважения к нашей Церкви! Но ничему нельзя верить у них! Двойное лицо у них: сказавши приятное слово в лицо, тотчас же они высовывают язык в затылок. Кинг этот в своей критике (минуя разные другие, отчасти, прямо видно, тоже недобросовестные придирки) опрокинулся на Служебник за то, что в нем есть Молитва к Богородице, и еще за то, что молятся за Синод; за Росию-де и Японию в одно и то же время молятся, ибо «Синод — учреждение Императора Петра, состоящее из духовных и светских лиц» и так далее. Злонамеренное желание возбудить японцев. Подозрительность и навести сомнение на молельность православных! Пусть Петр Исикава в «Сейкёо Симпо» отпаривает дружески-коварные удары — он достаточен для того.

24 августа / 5 сентября 1895. Четверг

На днях в аглицкой Иокохамско-Тоокейской газете «Japan Daily Mail» была передовая статья «Caesar and Christ»*. Я таких статей не читаю,

* Цезарь и Христос (англ.).

зная по долговременному опыту, что нового и полезного в них ничего не найдешь, а только зловонием и мертвечиной пахнет. Но католический archbishop Осуф прочитал и отписал в газету — «оскорблен-де», англицкий bishop Bickersheth тоже «обижен и требую извинения редактора и отказа от статьи».

Редактор ответил передовой статьей тоже: «Caesar не ложь — правда,— его имя и до сих пор звучит в Царе, Кайзере», но Христос — более велик, ибо его чтут больше, чем Цезаря; и этим он обязан тому, что пятьсот человек имели иллюзию — им вообразился воскресший Христос, благодаря этому заблуждению имя Христа и достигло такой славы. Воображаю, как остались довольны bishop и archbishop, и по делам! От них все это беснование и безверие.

25 августа / 6 сентября 1895. Пятница

Бедную Марию Моцидзуки, в Сакасита, муж Фома и отец его, язычник, до того били и мучили, что она ушла из дома, и ныне — бесприютная, так как родители ее давно померли. Отдала она пять ен на хранение катихизатору Петру Моцидзуки, а этот передал, при ней же, Николаю Како, когда он был там в начале года по поводу гонения на христиан. Ныне она спрашивает деньги с Петра Моцидзуки, а он пишет сюда взыскать их с Како; Како же и след простыл, где искать его — неизвестно. Написал я о. Матфею побывать в Сакасита и постараться примирить Марию с Фомою; на всякий случай и пять ен приложил для помощи Марии.

Семь-восемь лет тому назад был катихизатор Яков Томинага, из Кагосима; изленился, изгордился, оставил службу. Ныне просится в Катихизаторскую школу, чтобы опять сделаться катихизатором; запрошено у о. Якова Такая о нем; пишет: слонялся по распутьям, служил протестантам, был даже в протестантской школе в Нагасаки — не долго, выгнан или вышел — неизвестно; за все же время ни разу не был в православной Церкви, среди православных братий; в последнее время портняжил у брата — портного, но работа надоела, перестал; и вот просится на хлеб Миссии.— Написано, что в школу не принимается.

О. Роман Циба сказал, что жена о. Павла Сато — Прасковья, совсем при смерти. Пошел посетить. Слез достойное зрелище! Вокруг нее усердствующие христианки и заплаканные дети; о. Павел совсем осунувшийся и внезапно очень постаревший. Тень улыбки мелькнула в ответ на мое приветствие на лице ее, всю жизнь веселом и смеявшемся. «Узнала»,— обрадовались окружающие. Прощаясь, я уже не видел улыбки, опять забылась. Да разрешит ее Господь скорее! Верю я, что примет Господь эту чистую и светлую душу в Свои обители небесные; страдания

же ее ныне, вероятно, — откуп за немногие ее грехи, чтобы там уж было одно воздаяние.

Катихизатор из Тоциги Павел Судзуки приходил со своей женой и прелестным трехлетним сыном Игнатием; жена — Марфа, уроженка деревни Уено, около Сано, была некогда в здешней Женской школе. Ныне страдает нарывами на шее, и сегодня ей в университетском госпитале разрежали нарывы. Жаль тоже очень, страдалицы! И как бедны наши катихизаторы! Дал ей несколько (четыре ены) на лечение: заплакала от благодарности.

26 августа / 7 сентября 1895. Суббота

В десятом часу утра сегодня успокоилась раба Божия Параскева, жена о. Павла Сато. Пошел выразить соболезнование ему и дал на расходы по погребению десять ен; он попросил еще тридцать с тем, чтобы ежемесячно уплачивать вычетами из жалованья по четыре ены. Дал.

Илья Яманоуци с острова Хацидзёосима пишет, что вот два месяца живет там без успеха для проповеди. Время там самое рабочее; все заняты своими полевыми работами; разводится преимущественно картофель. Из него гонят водку, которая там очень дешева, поэтому много на острове пьянства, а с ним и блуда. Хочет Илья начать с обыкновенной первоначальной школы; с преподаванием же грамотности учить и вере; ибо образование там в очень плохом состоянии; много безграмотной молодежи. Словом, — ловкий Окуяма приобрел в нашем катихизаторе дарового школьного учителя. Впрочем, лишь бы Яманоуци выдержал, сожалеть не придется. Но долго ли продлится его нынешнее возвышенное настроение? Японцы так непостоянны! Пишет еще, что страдает ныне от укушения какого-то ядовитого насекомого. Окуяма картофеля в подарок прислал, но оный еще с парохода не получен.

Всенощную пели два больших хора, из которых левый порядочно разнил.

До сих пор служили в Посольстве только литургию. Отныне о. Сергей хочет ввести там и всенощную. Дело хорошее. Но Дмитрий Константинович Львовский, псаломщик Посольства, приходил просить меня, чтобы не делали сего — неудобно-де ему, человеку семейному, отлучаться в Посольство по вечерам, особенно ныне, когда жена беременна. Отказался исполнить просьбу. Впрочем, посоветовал обратиться с нею, коли хочет, прямо к Посланнику. Собственно, и вперед о. Сергей мог бы на всенощной молиться здесь; там же у него едва ли кто будет в Церкви, разве вновь приезжий молодой человек, который может тоже помолиться здесь, как и делал то. Уж коли литургию приходится служить в пустой Церкви — кольми паче то будет со всенощной! Такова наша дипломатия!

27 августа / 8 сентября 1895. Воскресенье

Утром покойницу, жену о. Павла, перенесли из дома его в Собор и поставили в крещальне, отслужив потом панихиду. После литургии перенесли в Собор, против главного алтаря, и до трех часов читали Псалтырь. В три часа началось отпевание; кроме меня, были оо. Савабе, Сергей, сам Сато, Циба, Юкава и Осозава; последний — больной какке. Отпевание очень путал диакон Стефан Кугимия, здешний протодиакон, за что я сделал ему потом сильный выговор, чтобы был внимательней, готовился, если еще не успел усвоить порядка в продолжение стольких лет служения... После Евангелия я сказал небольшое надгробное слово. В Церкви было больше пятисот человек, почти все до одного христиане; похвально, что собрались отдать последний долг доброй жене священника; но не похвально, что половина из сего числа почти совсем не бывает в Церкви в обычные богослужения. На кладбище, в Уено, несли полным христианским порядком (сейсики), то есть священосец, крестonosцы — трое для смены друг другу, — все в стихарях, — хор певчих, диакон и священники в облачениях, гроб, родные, все прочие христиане. Почти то же число христиан, что при отпевании, провожали рабу Божию Параскеву до ее последнего жилища.

28 августа / 9 сентября 1895. Понедельник

В библиотеке опять кто-то стекло разбил. Скоро ли прекратится это варварство? Сказали полиции, и сегодня полицейский опять приставлен снаружи к миссийскому месту. Хотя бы своих пожалели эти варвары, битьем стекол в окнах Собора и библиотеки мнящие бичевать Россию!

Жара все еще стоит такая, что ночью не заснешь хорошенько, а днем зато работаешь как полусонный.

Семья о. Павла Сато приходила благодарить за вчерашнее участие в погребении: четыре дочери, три сына, внук на руках одной дочери. Плачут; жаль бедных птенцов, рано потерявших свою мать; ей было только сорок восемь лет; плача, рассказывали дочери об умильной ее кончине: все время пред смертью говорила молитву и крестилась.

Был ботаник Макино с письмом директора нашего Ботанического сада в Петербурге. Книги идут оттуда по адресу нашей Миссии, но еще не пришли. Располагает засесть за работу на тридцать лет (ему теперь тридцать три) для разработки японской ботаники. Ныне он при университете заведует гербариями, также ботаническим садом. Будет выдавать ежегодно по двенадцать выпусков своих ботанических работ с рисунками и текстом, японским и аглицким; казна ассигнует ему ежегодно для этого 1400 ен.— Преданнейший своему делу и, кажется, единственный ныне здесь в таком роде ботаник! Советовал ему непременно испробить

себе заграничный отпуск на год или на два с суммой тысячи три ен ежегодно для посещения столиц всего света и всех знаменитых ботаников и ботанических садов и собрания пособий, прежде чем засядет за свою тридцатилетнюю работу.

В «Japan Mail» сегодня передовая статья «An Answer» * редактора бишопа — католическому и англиканскому на их претензии за напечатание «Caesar and Christ». Католическому — Осуфу — делается выговор за то, что он обиделся некоторым выражениям о Христе, тогда как-де миссионеры о почтенных языческих преданиях выражаются еще хуже; также за то, что нашел неприличным рассуждать о религиозных вопросах в газете. «Где же приличней?» — Возражает редактор. — «В журналах, книгах, речах?» И находит, что нигде столь не удобно, как в газете. Аглицкого, то есть своего собственного бишопа Bickersheth'a журит за то, что он писал: «Вас не просят защищать христианство, так и не опровергайте его». И хвалится редактор, что он сам сколько раз лично защищал христианство в своей газете! А как защищал, видно из сегодняшней же статьи, где, между прочим, говорится, что Христос был мечтатель. «Кто ж не сочтет ныне-де „мечтательным“ (visionary)»: «Взгляните на полевые лилии,— они не трудятся, не прядут»!.. «Ведь — это то же, что астрономическая басня об остановлении солнца Иисусом Навином или о других чудесах» и примерах.

Всенощную сегодня служил о. Роман. Пели девицы. В Церкви почти никого не было. Мы с Павлом Накай'ем пошли попросить помощи Святого Иоанна Предтечи нам в переводе Слова Божия. Учащиеся занимались своим делом. Завтра утром помолятся на литургии.

29 августа / 10 сентября 1895. Вторник

С шести часов была литургия, на которой молились все учащиеся. Пели тоже из Женской школы, стоя на клиросе. На первом классе чрез это урока не было; дальше день был обыкновенный, учебный. С о. Романом служил вчера и сегодня диакон Яков Мацуда, недавно прибывший из Оосака. Так как он невыносимо говорит ектении и читает Евангелие — на каждом слове точно икает,— то поручен он для выучки диакону Стефану Кугимия, и сказано ему — Мацуда, служить, пока отстанет от своей дурной привычки, по субботам только.

30 августа / 11 сентября 1895. Среда

Утром о. Николай Сакураи был. С Собора до сих пор жил у себя — в Канаици, где его родина, и в Фуса, где жена с тремя детьми. Все время

* Ответ (англ.).

страдал головными болями, которые еще и ныне не отстали от него, как видно по лицу; скорей нужно уезжать ему на север, в свой приход, где прохладней и где поэтому он меньше страдает, по собственным его словам.

О. Петр Кавано жалуется на Исайю Мидзусима, что забросил Усуки, и пишет, что нужно отобрать эту Церковь от него, и прилагает свою переписку с ним. Но в длинном письме Исайи (к о. Петру) меня больше всего поразило следующее: взял он из бедного дома няньку-девчонку к своим двум детям; и она оказалась страдающею отравлением — должно быть, от сифилиса (родительское наследство) — и заразила все семейство Исайи; все страдали от множества самых мучительных нарывов; у него оных было не меньше тридцати, так что ни сесть, ни лечь; жена и дети страдали еще больше. Этим оправдывается он, что не смог отправится в Усуки хоронить умерших семейство Огино. Бедное положение катихизатора, которому на десять ен в месяц нужно жить и питать такую семью, да еще лечиться от отравления, а тут еще укоряют, что не идет в другой город по своей обязанности хоронить!.. Послал ему шесть ен на долечение от отравы; больше что я могу сделать!

О. Матфей Кагета пишет, что примирить Марию и Фому Моцидзуки невозможно: ее совсем истерзали Фома и его родители; она бы и опять терпела, да он не возьмет ее в дом. А возьмет о. Матфей Марию к себе, ибо ей больше негде жить.

31 августа / 12 сентября 1895. Четверг

Был Моисей Исогава, отец умершего от холеры в Одавара Антония, — во-первых, просится на службу Церкви: «Желаю-де посвятить себя Богу, лишившись двух сыновей». Но как приготовиться? В Катихизаторскую школу поступать поздно, ему пятьдесят пять лет; дал ему догматику и толкование на Евангелие Матфея[?]; пусть изучает; если окажет усердие и некоторую способность, то виднее будет, как приспособить его к службе церковной. Впрочем, значение этой просьбы уменьшилось, когда он объявил вторую: просим уплатить за сына по счету из госпиталя. Счет послан к нему, как к отцу, потому что он не сказал в Одавара, чтобы обращались за уплатой к о. Кано, который предупрежден был, что за Антония, как за ученика Семинарии, будет заплачено Миссией. Счет в восемь ен с лишком; сказано, что завтра деньги будут посланы о. Петру Кано. Третья просьба его была: сделать его врачом при Семинарии. Отказано, что Миссия имеет хорошего врача для училищ, служащего уже несколько лет.

Из Яманаси бонза просится в здешнюю нашу школу: «Терплю-де гонение от игумена за то, что он застал меня за чтением православной догматики». Посланы ему и еще две православные книги и написано, что в школу здесь могут поступать только христиане — пусть сделается христианином.

1 / 13 сентября 1895. Пятница

Был Иван Николаевич Клинген, начальник экспедиции ведомства уделов. Цель экспедиции в Японии — заимствовать отсюда все, что может быть полезно у нас (по части флоры) на Кавказе. Говорит умно и дельно. Дай Бог, чтобы вышла польза. Дал ему адреса наших катихизаторов и священников во всех тех городах, где располагает быть и где у нас есть христиане. Один из членов экспедиции Краснов преследует собственно научные цели и путешествует ныне по Японии с переводчиком Сергием Сёодзи.

Прибыли два ученика из Кагосима: один в Певческую, чтобы потом поступить в Семинарию, другой — с острова Оосима — в Катихизаторскую школу.

Из учеников Семинарии множество уже больных, по журналу, который приносится ко мне по утрам. Чего и ждать от оборышей и отброса других школ, где ученики настоящие! Стал было сердиться и волноваться, но ведь не перетворишь же! И потому быть покойным!

2 / 14 сентября 1895. Суббота

В Семинарии больных вдвое прибавилось. Написал в журнале, чтобы о. Роман пошел к доктору с больными и удостоверился, действительно ли больны. О. Роман пришел и говорит, что все вправду больны — этою ужасною японскою болезнью, продуктом питания болотным растением — рисом — «каккё»; двое, и притом лучшие ученики младшего класса, Нока и Момосе — так серьезно, что им прикладывают лед к груди, чтобы отогнать водянку. Кроме учеников, бóльшая половина прислуги, живущей на дворе Семинарии, больна «какке». В нынешнем году эта болезнь особенно свирепствует в городе. Велел опять в рис примешивать третью часть пшеницы; ученикам не нравится, не вкусно, но это единственное противоядие болотной болезни.

Семнадцать распространителей учения «Армии Спасения» приехали в Японию; уже оделись в японское платье и бродят по Токио, изучая язык и нравы; скоро, вероятно, грянут барабаны, изгоняющие дьявола из страны.

Был доктор Черевков с «Манчжура», автор статей об Японии в Вестнике Европы, — плохих компиляций из иностранных источников; приходил спросить, каковы его статьи; к сожалению, это было время занятия моего переводом; я сказал ему только, что произношение имен неправильно. «Ужели „шогун“ (сёгун) не правильно?» — «Какофония! У японцев нет „ш“». — «Как же исправить?» — говорит. «Очень просто», — посоветовал ему я, — «посадить около себя японца и записать имена так, как он их произнесет». — Больше Черевков видел на моем лице отпечаток

недосуга, а дальше виднелся ему Накай за столом с раскрытыми книгами и был настолько догадлив, что распрощался. Если человек хочет поговорить долго и серьезно, отчего не узнает наперед, когда для этого прийти. Нет ничего хуже, как отрываться от заповедного дела для болтовни. Пришел бы часа в три-четыре, когда свободен.

3 / 15 сентября. Воскресенье

За литургией были члены Удельной экспедиции Клинген Иван Николаевич и Снежков Григорий Григорьевич. После обедали у меня с о. Сергием. Разговор затянулся до четырех часов, после чего о. Сергей показал им Миссию в подробностях. Клинген расспрашивал про Миссию, начало ее и прочее и делал наброски в своей записной книжке; я увлекся воспоминаниями и охотно болтал, после чего, однако, всегда бывает как-то пусто и холодно на душе; должно быть, от непривычки к подобного рода разговорам; очень уж мало интересующихся делами Миссии; вечно приходится быть одиноким со своими мечтами и мыслями; а коли пробьешь это душевное сокровище, то вот и чувствуется какое-то недовольство и как бы укор. То же — своего рода духовное уродство от обстоятельств и среды...

Бедная девочка — злонравная Ниицума — захворала, кажется, не столько от физических причин, сколько от душевного перелома. Все с нею обращаются хорошо — и товарки, и учительницы, — все ласковы, добры, все только говорят ей на ее злые выходки «да разве ж лучше быть злою, чем доброю? Рассуди сама». И она своим маленьким умишком не могла не рассудить, что нехорошо быть злою, когда все-все добры к ней, все восемьдесят учениц и все наставницы, — никто не отвечает ей ни бранью, ни чем злым на ее выходки, а только изумляются и спрашивают: «Да разве это хорошо?» Она загрустила в этой непривычной ей атмосфере и слегла, а теперь в тифе. Если перенесет, то, вероятно, и душевно совсем переменится.

4 / 16 сентября 1895. Понедельник

Перевод идет очень медленно: едва до двенадцатой главы от Матфея добрались; а двинуть скорей нет никакой возможности: человека нет. Накай с такою неохотою и так медленно работает, что я едва выношу; на всяком шагу — думает, думает и готов в бесконечность думать и молчать, пока не скажешь ему: «Ну, что же?», «Как лучше?», и не побудишь так или иначе установить выражение. Хорошо бы заниматься и после обеда, от двух до пяти, но куда! И думать нельзя упоминать — заквохчет и надуется только, если сказать; не раз уже говорено было. Но где взять человека живее и деятельнее? В Церкви положительно нет. Из язычников? Быть

может, и придется обратиться к этому источнику! Не пощадил бы жалованья, только найти бы человека, какого желательно.

Из Оосака о. Сергей Судзуки пишет по-русски — в первый раз от него русское письмо — описывает свою поездку в Какогава напутствовать христианку, которая умирает от чахотки, будучи всего двадцати лет; муже и весь дом так бедны, что поездка была на мой счет; впрочем, христиане там собрали ему дорожных пятьдесят сен.

5 / 17 сентября 1895. Вторник

Приходил молодой чиновник Министерства Финансов, недавно крестившийся, и говорит:

— Вызываю из Синано отца, которому шестьдесят четыре года, мать, которой пятьдесят шесть лет, чтобы они здесь научились вере и крестились.

— Очень хорошо делаете. Господь да поможет вам поставить скорее ваших стариков на путь спасения!

— С ними прибудет и брат мой, лет двадцати, глухонемой и идиот. И его желалось бы сделать христианином. Можно ли?

— Конечно. К Спасителю приводили таких, и Он, по вере приводивших, исцелял их. Ваш брат также может удостоиться исцеления, если вера ваша и родителей будет такая же, как у приводивших к Спасителю. Но если бы и не случилось этого, ваш брат крещеный так же, как крестятся дети по вере родителей, будет очищен от первородного греха и сделается сыном Царствия Божия.

Чиновник перекрестился и поблагодарил.

— Еще есть у меня двоюродная сестра, тридцати двух лет, разведенная с мужем. Не можете ли взять ее в Миссию на какую-нибудь службу?

— Я скажу начальнице Женской школы, чтобы она испытала вашу сестру и посмотрела, не годится ли на какую-нибудь службу при школе.

— Есть у нас долги, которые нужно уплатить; для того я хочу продать землю, где теперь живет отец, в деревне, близ Нагано. Ходил я с предложением этой покупки в здешние банки, не покупают.— Не одолжите ли вы мне сумму денег для очистки долгов, взяв в залог землю?

— Этого не могу, и всякими подобными сделками даже запрещено мне заниматься.

Долго потом еще чиновник болтал о том, как его отец воевал за Сёогуна и имеет три раны, как дядя, будучи тринадцати лет, отправился на войну уже за Микадо, что сын этого дяди ныне воюет на Формозе, что на Формозе туземцы пожирают убитых в стычках японских воинов и прочее; но впечатление, что крестился неискренно, изгладить не мог, тем более что и креститься правильно до сих пор еще не научился.

6 / 18 сентября 1895. Среда

О. Борис Ямамура пишет, что катихизатор в Мориока Павел Нигано самопроизвольно ушел домой и уже потом написал ему, что-де семейные дела требуют его присутствия дома; другой же тамошний катихизатор Сергей Кобаяси уведомляет о. Бориса, что Нигано, кажется, совсем оставляет службу. Так-то прочны на службе и кончившие курс в Семинарии! Впрочем, Нигано особенно жалеть нечего: способен напиваться и в пьяном виде буйствовать, как то показала недавняя жалоба на него христианина из Мориока Якова Мукайда.

Катихизатор Павел Ходака прислал просьбу об отставке: священник-де не позволяет ему быть катихизатором в Нобеока. О. Яков Такая писал и пишет из Кагосима, что Ходака испортил свою репутацию; но самого дела еще не представляет — исследует-де. Написано ему, чтобы известил ясно, почему Ходака не может быть катихизатором?

7 / 19 сентября 1895. Четверг

Рано утром подали телеграмму: «Иоанн Ито (катихизатор в Хацинохе) умер, что делать?». Тотчас же телеграфировано к о. Петру Сасагава, чтобы отправился похоронить. Хацинохе принадлежит о. Борису Ямамура, но он ныне в путешествии по Церквам. Отчего бы ни помер бедный Ито, но очень жаль: усердный христианин был и энтузиаст-катихизатор, хоть и не очень успешный по некоторым странностям его характера.

В девятом часу утра пришел диакон Дмитрий Константинович Львовский просить дать молитву жене его, разрешившейся в семь часов утра от бремени сыном Михаилом. За молитву получил от Катерины Петровны на Церковь двадцать пять ен.

После обеда был Тогава, протестантский «бокиси» секты «Кристкё», соединенной из пресвитериан, конгрегационалистов и баптистов. Приходил в качестве редактора и задавал все политические вопросы, что русские-де возьмут Порт-Артур, потому что в него выгодно провести железную дорогу, раздробят Китай, овладеют Кореей. Я должен был болтать и состязаться с ним по всем этим вопросам, тогда как ждал религиозного разговора. Он — издатель журнальца, обзоревающего все веры в Японии; говорил, будто буддисты издают ныне до ста двадцати периодических, синтуисты до пятидесяти. Если правда, то «Марфа, Марфа печешися о мнозем, тогда как единое потребно» — христианство, которое, конечно, и войдет сюда, а буддизм, синтуизм, да и много приходящие ныне из-за границы улягутся в гробы — уже без надежды воскресения. — По словам Тогава, у Мак-Колея, в Унитарьянской школе, человек тридцать учеников, преподаются буддизм, немецкая философия и христианство; первые два предмета имеют хороших учителей,

последний преподается весьма плохо, чем ставится ниже буддизма и логомахии немецкой. И Мак-Колей издерживает много денег на свое «развратилище»! Из-за чего эти несчастные унитарьянцы хлопочут? Положим, они служат своему принципалу-диаволу; но разве он долларами платит им? А без выгод века сего что же у них священного?.. Да, тайна беззакония делается; пробивается антихрист в мир... Но далеко-далеко еще до того, когда ему позволено будет явиться! И Мак-Колей и всякие другие его предтечи во всех отношениях лжепророки.

8 / 20 сентября 1895. Пятница.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

Письмо из Хацинохе пришло, что Иоанн Ито умер от тифа. Царство ему небесное! Завтра отслужим панихиду.

Из Отару катихизатор Павел Мацумото извещает, что его обокрали до нитки. Много там, на острове, воров из преступников, отбывших свой срок в тюрьме и выпускаемых на волю без всяких средств к жизни.— Пошлем ему завтра двенадцать ен пособия; больше Миссия не может. Берегли бы себя — он и жена его. В другой раз это уже с ними.

Был подполковник Михаил Владимирович Грулев, отправляющийся с женою — Ниною Маврикиевной, из Владивостока, чрез Америку, в Россию. Благородный, добродетельный, даже религиозный человек, но слабый муж, едва ли по характеру, ибо сила воли на все прочее у него большая, вероятней — по идеям второй половины XIX столетия: «Как-де говорить жене и стеснять ее, когда она хочет и то и то»! И выходят оба несчастными, хотя любят друг друга. Впрочем, от жены его я ждал большего благоразумия, чем оказано ею в последнее время. Она же плакала и клялась мне, что, кроме мужа, никого не любила и не любит и что всеми ласками постарается загладить свою вину пред ним, лишь бы только он позволил ей вернуться к нему.

И никакой ласки ему, никакого доброго привета, а только надутые губы и капризничанье! А он как любит ее и как страдает, бедный! Боже, сохрани его и возврати им счастье!

9 / 21 сентября 1895. Суббота

Соборне после обедни отслужили панихиду по рабе Божию Иоанне Ито и другим нашим милым покойникам. Между прочим, имя нашего ктитора раба Божия Феодора (Никитича Самойлова) поминается на всех панихидах со дня получения известия о его кончине и будет так поминаться в продолжение года.

Петр Исигаме, принеши для просмотра статьи на следующий номер «Синкай» — я жаловался, что Андрей Минамото и Пантелеимон

Сато совсем не умеют писать — дара к тому нет, и показывал статью первого, совсем переделанную, ибо не на тему была, второго — тоже. Что делать! Одно утешение, что скоро придут еще кандидаты. Из Киевской Академии уже получены кандидатские дипломы Иоанна Кавамото и Марка Сайкайси, хотя от них еще нет никаких известий о времени выезда из России.

10 / 22 сентября 1895. Воскресенье

За обедней были, между прочим, Грулевы; после зашли ко мне; мадам плакала и капризничала, муж целовал у ней руку; вообще же видно, что еще могут жить в мире и счастья; только ныне очень уж нервы у обоих раздражены минувшей передрягой по поводу переписки ее с доктором Ястребовым. Какие у людей трагедии бывают и из-за каких мелочей! Он чуть не застрелил Ястребова, потом сам положил убить себя, если только товарищи не вполне оправдают его поведение, она пролила потоки слез, вся вконец исстрадалась — и все это из-за какого-то глупого ее письма!

11 / 23 сентября 1895. Понедельник

Японский национальный праздник; ученья не было, а был целый день дождь.

Бедный о. Николай Сакурай страдает головными болями и в опасности паралича половины тела. Очень неудачным был выбор в запрошлом году его во священники! Вероятно, скоро совсем расстроится и будет лишь в тягость Церкви. Отправляется, впрочем, к месту своего служения в Хоккайдо; получил сегодня дорожные и там на проезд по Церквам до Саппоро двадцать ен двадцать три сен; после нужно еще послать — от Саппоро до Немуро, с посещением промежуточных Церквей, двадцать одну ену. Выпросил также сегодня прибавку к жалованью две ены, так что будет отсылаться его жене с тремя малышами десять ен (живущей, однако, у своих родителей) и ему пятнадцать ен ежемесячно. Из катихизаторов у него, в Хоккайдо, особенно плох Константин Оокура, в Саппоро, — бывший воспитанник о. Анатолия в Семинарии; скомпрометировал себя по части женской, хотя еще не доказано его преступление; искал здесь о. Сакурай невесту ему в Женской школе — ни одна не хочет идти за него.

За Поликарпа Исии, катихизатора в Вакканай, тоже скомпрометированного в том роде, высватал о. Сакурай Веру, сестру диакона Павла Такахаси, кончившую в нашей Женской школе. В добрый час!

Отпущен домой Моисей Укава, семнадцатилетний юноша из Семинарии, очень хороший по характеру, но совсем неспособный учиться по тупости и болезненности. Сказано, что, если оправится физически и

будет охота,— может потом явиться в Причетническую школу. Хорошо, если вернется; он с Сикоку и с места, где еще нет христиан,— был бы начатком водворения христианства там; теперь же еще слаб; если останется, то, вероятно, потонет в море язычества. Книги христианские ему на всякий случай даны.

12 / 24 сентября 1895. Вторник

Когда о. Николай Сакурай был еще катихизатором, то жаловался мне кто-то на него, что он засиживается у христиан, которых посещает, так долго, что бывает в тягость. Сегодня испытал я на себе этот его недостаток: пришел проститься и просидел с половины первого до четырех часов, а все, что говорил, можно бы сказать в полчаса: перемежает фразы и слова в фразе такими молчаньями, что действительно скучно. Но сколько добрых христиан рассеяно по Хоккайдо, и как они рады бывают, когда утешение религии достигает до них! Внушал о. Николаю не щадить труда на посещение их, и в какие бы отдаленные места судьба не забрасывала их; с своей стороны обещался не жалеть денег на дорожные ему.

Варнава Симидзу, катихизатор в Уцуномия, удивил меня своим крайне злобным письмом на о. Тита Комацу и своим нежеланием идти на проповедь в Татебаяси, тогда как прежде у меня с ним уже условлено было, что он сменит там Игнатия Мацумото. Послал ему строгий выговор и велел идти в Татебаяси. Это один из способных катихизаторов, кончивших Семинарию. Жаль, если не оправдаются возложенные на него надежды.

О. Сакурай, между прочим, сегодня дополнил и оживил в моей памяти судьбу Текусы Хагивара. Текуса — старшая дочь нашего благочестивого священника, покойного о. Иоанна Сакай; была когда-то украшением Женской школы; потом жила благочестиво при матери в Хакодате, учительствуя в тамошней Миссийской школе. Думала она навсегда посвятить себя Богу. Катихизатор Павел Мацумото увлекся ею и очень хотел сделать ее спутницею жизни, но никак не добился того: плачем крайнего нежелания отвечала Текуса на все его домогательства. Но не выдержала она, когда посватался за нее один из лучших хакодатских докторов, Хагивара, уроженец провинции Синано. Вышла — за язычника с надеждою обратить его в христианство. Когда четыре года тому назад я был в Хакодате, то видел Текусу уже важной молодой барыней, хозяйкой большого дома; мужа тоже видел, и он, смеясь, обещался заняться христианством на мои убеждения ему. Из Хакодате он перешел врачом к ссыльным недалеко от Саппоро, на жалованье девяносто ен в месяц от правительства. В прошлом году был позван однажды к больному, он посетил его и, возвращаясь верхом на лошади мимо озера, увидел на нем много

дичи и захотел поохотиться. Оставив лошадь у хижины, близ озера, и взяв там ружье, он пошел и выстрелил по стаду уток; одна упала среди озера. Чтобы достать ее, Хагивара разделся, поплыл к ней и утонул! Текуса имела уже от него дитя и была беременна другим. Муж не успел припасти ничего для семьи, успев лишь раплатиться с кое-какими долгами; так Текуса и осталась бедною, ничего не имеющею вдовою с двумя детьми и с отцом мужа вдобавок, который успел приехать к мужу на прожитье, но которому уже вернуться некуда, ибо крайне беден, к тому же и обиженный природою идиот. Просили меня в прошлом году взять Текусу на какую-нибудь службу Церкви; но как же ее взять, семьей связанную по рукам и ногам! Живет она ныне, по-прежнему, в Хакодатском стане Миссии с матерью; в содержании же ей помогает врач Готоо, младший брат ее матери — первый врач ныне в Хакодате.

13 / 25 сентября 1895. Среда

О. Симеон Мии пишет, что в Сонобе освятил построенный христианами церковный дом. Христиане очень усердны, но новых слушателей нет; один полицейский, родом из Фукуока на Киусю, только и слушает учение. На проповеди о. Мии было человек пятьдесят язычников, но слушали стоя у дома — никого не дозволилось войти и сесть на циновки, так что о. Мии сам называет свою проповедь «проповедью в пустыне». В Миядзу пять новых слушателей; христиане также тверды в вере. В Таиза даже христиане как будто оживились, все исповедались и приобщились святых таин и просили, чтобы катихизатор из Миядзу непременно чрез месяц посещал их и оставался на несколько дней для проповеди, что и вменено катихизатору в непременную обязанность и даны дорожные, ибо от Миядзу до Таиза десять ри.— В Кёото у катихизатора Анания Таисии есть два новых слушателя.

В отсутствие о. Мии из Кёото некто в приличном иностранном платье является в церковный дом, называет себя «православным христианином из Хамамацу Дмитрием Немото, воспитанником Императорского университета, главным переводчиком с английского, служившим при дай-хон-ей во время Японско-Китайской войны». Его любезно приняли, и жил он несколько дней в молитвенном доме. По возвращении о. Симеон нашел, что этот Немото ни слова не знает по-английски и оказывается обманщиком; он велел ему тотчас же оставить церковный дом; после оказалось еще, что как раз «в этот вечер, когда прогнали его, он имел злое намерение обокрасть церковный дом» и живущего в нем катихизатора Такаи. О. Мии, описывая все это, называет «смешною историею», скорее — «грустная».

На всенощной сегодня, пред праздником Воздвижения ирмосы пели так дурно, что измучили. Ирмосы оказываются только что положенными

на ноты, и довольно неудачно, пропеты были всего раз на спевке. По окончании службы, во время проповеди диакона Якова Мацуда, призвал в алтарь регентов Обара и Кису и запретил им вперед петь ирмосы еще не разученные; говорил, чтобы на классах пения не пели вечно «вага тамасия» и прочее, что все знают на память, а именно разучивали вновь написанные ирмосы и прочее.

14 / 26 сентября 1895. Четверг.

Воздвижение

После литургии столик с крестом в цветах был выставлен пред амвон, и там было целование его; священник, стоя около, раздавал антидор.

Мать катихизатора Павла Косуги с сестрой жены его приходили просить, чтобы Косуги перевести на службу из Миязаки на Киусу, в Токио. Сказав, чтобы приготовили просьбу о сем к Собору будущего года; теперь же никак нельзя перевести. Собор, быть может, исполнит.

О. Петр Кавано подробнее пишет о вдове Софии Огино с ребенком и Павле Ямагуци, женатом на сестре Огино. Софья не годится для воспитания ее в диакониссы и проповедницы женщинам: мало учена и развита; всего ей двадцать лет, хотя она положила больше не выходить замуж, но не надежно; при ней дядя-калека, о котором она должна заботиться не менее, как и о своем ребенке. Другой дядя ее слепец; третий — не надежный по безнравственности; все голы как соколы. Содержать ее обещался Павел Ямануци, ибо должен дядьям ее; шесть ен в месяц должен выдавать. Но, пишет о. Кавано, «вероятно, скоро уйдет опять на все четыре стороны, бросив и свою семью, как было доселе; хвалился он, что открыл медный рудник, — трудно поверить», и так далее. Ответчено о. Петру, чтобы он наблюдал, если Софья окажется совсем беспомощною, известил; нужно будет хоть по три ены в месяц посылать.

Вслед за письмом Кавано, целою тетрадью, занявшею для прочтения больше часа, стал Нумабе читать письмо катихизатора Фомы Оно о бедном семействе в Какегава, письмо в сажень длины. Слушал, слушал я, и стало невыносимо грустно. И вот повесть Церкви: рыдание и плач в ней написаны — от нищеты и бедности! Каждый день одно и то же — вопль нужды, просьба денег... Хотя без слов больше.

15 / 27 сентября 1895. Пятница

Вчера было письмо о. Иова Мидзуяма, что в Катихизаторскую школу просится из Вабуци некто Петр Кимура; запоздал-де по семейным затруднениям. Но, пиша о сем, о. Иов забыл упомянуть, хорош ли человек, способен ли, стоит ли принятия в школу. И потому продиктовано отказать. Но сегодня сей Кимура уже явился. Нумабе полдня употребил

на экзамен и исследование, что за человек. Рекомендует порядочным, принят.

Оо. Петр Сасагава и Борис Ямамура описывают последние дни жизни, смерти и погребение катихизатора Иоанна Ито. Захворал болезнью в Саннохе, но крепился долго и служил усердно, пока совсем обессилел и свалился. Действительно, усердный был христианин и катихизатор! К погребению его собрались окрестные христиане и ближайшие катихизаторы; кстати, и о. Борис оказался поблизости и прибыл на погребение. Похоронен был со всевозможною торжественностью и сопровождается искреннейшею скорбью и молитвами всех там. На покрытие издержек по погребению о. Борис просит послать несколько; послано в размере месячного содержания, двенадцать ен.

16 / 28 сентября 1895. Суббота

Как ни стережешься, а от простуды хоть раз в год не уйдешь: опять, кажется, инфлюэнца; жаль, если из-за этой мерзости придется потерять несколько дней для перевода.

О. Яков Такая пишет о Павле Ходака, что он интриговал, чтобы попасть катихизатором на родину, в Нобеока, и потому отставлен как недобросовестный; Фудзивара же оставлен, по-прежнему, в Нобеока, ибо христиане не имеют ничего против этого, несмотря на наветы Ходака. Пишет еще, о. Яков длиннейшую частную просьбу о бедном семействе: отец и мать померли, оставив пять сирот, и никого там родных, ибо отец состоял там на службе в банке, а сам из Сендая (это тот финансист, который в прошлом году представлял несообразнейший проект о поставлении Японской Церкви на собственные средства чрез сбор с японских христиан пожертвований, которых нельзя собрать, и чрез поочередное обеспечение японских Церквей этими пожертвованиями, чрез что только ныне существующие Церкви могли бы быть обеспечены к началу предыдущего столетия). Отвечено о. Якову, чтобы употребил на детей десять ен сорок сен — остающееся у него на руках содержание за последний месяц Павла Ходака. Больше ничего не могу сделать, так как о. Яков, плодя на целый лист жалостные флоры, забыл о самом главном: сказать подробнее о детях, их возрасте и прочее, ибо, быть может, некоторые из них годятся в наши школы, тогда бы участь их была обеспечена. Но что поделасшь с японцами, из которых даже лучшие, как о. Яков, вот такие разгильдяи по умственному складу!

Илья Яци из Хацивоодзи просится в Хацинохе на место умершего Ито; а в Хацивоодзи, близ Токио, и в большой христианской общине, чем бы не место! Но северному (из Оою, в Акита) милее север... Иметь это в виду еще больше, чем доселе имелось при размещении катихизаторов.

Авраам Яги, катихизатор Мидзусава, родины Иоанна Ито, где у него престарелые отец и мать, пишет, что получена была прядь волос покойника и совершенно погребение ее торжественно, как бы самого покойника. Слушая письмо, я думал, хорошо это или нет? Сделано было без спроса у меня, можно бы вперед и запретить это. Но нужно ли?.. Зачем же? Что тут дурного? Утешение родным и друзьям, а о покойнике только умножение христианских усиленных молитв, ибо при погребении молятся больше всего. Итак, пусть будет этот обычай; не повредит он вере и Церкви.

Извещает еще Авраам Яги, что выходит на проповедь в недалеко от Мидзусава отстоящее селение Фукухора, где домов тридцать только, но есть следы, что это селение в XVI столетии было христианское — католическое: хранилось с того времени под спудом там икона Богородицы и кресты.

17 / 29 сентября 1895. Воскресенье

После обедни приходил попрощаться Игнатий Тихай, завтра едет в Нагасаки, а там поступит на «Доброволец» для возвращения в Россию продолжать свое морское воспитание; имеет в виду потом проситься на военное судно. Всячески упрасивал он свою мать отпустить с ним младшего брата — Митю, которому уже двенадцать лет. Но мать, под влиянием своих братьев, бездельников и лентяев, которые сосут из нее соки и уцепились руками и зубами с твердым решением не выпустить ее отсюда, а отправляя детей одного за другим в Россию, она бы и сама уехала. — И бедные дети Якова Дмитриевича Тихая остаются здесь без воспитания. Жаль очень, но помочь разве может Посланный, отправив ее своею властью в Россию для воспитания детей.

Приходил также прощаться Андрей Чёбого, отправляется на Формозу завести меняльную лавку. Первый дебют юноши, до сих пор ни на шаг не отлучавшегося из родительского дома. Дай Бог ему! Если будет подражать в деловитости и старании отцу, а в честности матери, то будет хороший человек.

Болезнь развивается: утром нелегко было служить, а вечером переводить; одет по-зимнему, а все не тепло. Посмотрим, что завтра будет. Можно и за доктором.

18 / 30 сентября 1895. Понедельник

Приходила Софья Хорие, вдова учителя Николая Хорие из Конда; пять месяцев тому назад поступила в сестры милосердия в Красный Крест, но не выдержало здоровье ее тамошней службы; сказали, что тяжелый денно-нощный труд ей не под силу и велели отправиться восвояси; плачет,

разливается, бедная, и по лицу, действительно, больна. Посоветовал и я ей вернуться в Хонда и затем, если она поправится и по зрелом размышлении решится безвозвратно отдаться на службу Церкви, прийти сюда в Женскую школу изучить основательней веру и сделаться диакониссой для проповеди между женщинами. По образованию, характеру, доброму поведению она годится для этого. Я предлагал ей это еще до поступления в Красный Крест, но она предпочла пойти туда, ибо для того собственно прибыла из Хонда. Не знаю, промышлене ли это Божие, или случайность, что — ни миссионеров из России, ни диаконисс здесь, как я ни звал первых и искал последних.

19 сентября / 1 октября 1895. Вторник

Утром переводу помешали сначала лейтенант Небольсин, потом генерал Соломко. Первый с час умно говорил, но все такое, что я знаю так же, как он, то есть про Японско-Китайскую войну и прочее. Я слушал из вежливости, как слушают хорошую музыку, хотя она уже и приелась. Потом вошел генерал: «Я в Вас влюблен» — было приветствие его. Я попробовал было рассмеяться: слезы навернулись у старика — за семьдесят лет уже и несколько месяцев не говорил по-русски, как не обрадоваться первому русскому и не заговорить языком влюбленного! Я подумал это и стал терпеливо слушать, но Боже! Что за винегрет был разговор и как я страдал, что такая болтовня отвлекает меня от дела; Накай виднелся в другой комнате, копошащимся и ждущим меня; я ему по-японски сообщил, что страдаю невыносимо, но все-таки не мог прогнать почтенного седовласого русского генерала, а должен был почтительно слушать его. А этот генерал чего только не городил!.. «Я к вам пришлю этого богача Нерчинова; у него наследства тридцать пять миллионов; если он вам миллион пожертвует, то это ладно, а он сделает, я ему скажу... Пахомов — миллионер в Благовещенске, я скажу ему, чтобы он вам прислал» и так далее. На минуту я подумал, что, быть может, и в самом деле... и стал излагать ему, что вот ризница в Соборе нужна, облачения старые, чтобы он Нерчинову и Пахомову сказал, Праздничную бы, Пасхальную ризницу для архиерея, шести священников и так далее. «Как же, как же — прося о других, можно, знаете, и о себе попросить». Я замолчал и несказанно рад был, когда он, наконец, среди болтовни, крутя свои седые усы, объявил, что должен спешить к Посланнику.

20 сентября / 2 октября 1895. Среда

После обеда приходили пять миссионеров баптистов, из которых один — Barton, десять лет миссионерствовавший в Армении и бывший свидетелем того, как в последнее время мусульмане резали там христиан. Завтра будет читать о сем лекцию на Цукидзи, на каковую и меня

приглашали. Если здоровье позволит, буду; лекция в удобное время, в четыре часа. Dr. Green просил и меня дать им лекцию; просит уже второй раз; я тотчас же было согласился тогда, если на японском языке; но это нельзя — большая половина слушателей, мол, не поймет, хотя слушатели все — миссионеры обоих полов, обязанные знать японский язык. На английском же языке мне трудно: нужно написать и перевести, на что требуется время, а времени, к сожалению, мало. Пусть бы ожидалась польза, тогда все можно бы бросить и заняться, но ведь только чесанию языка и слуха; у них от избытка сил это благородное препровождение времени похвально; для меня было бы захерено. Dr. Green не настаивал на времени, а дал свободу: не нынешним, так следующим летом или осенью. На это я вполне согласился. За год можно найти досуг для сего, хотя мало полезного, упражнения. Я и думал было в прошедшие каникулы приготовить что-нибудь о православии, да устройство библиотеки помешало.

Инфлюэнца, приостановленная горячей ванной, усиливает нападение: горлу сегодня плохо.

С июня сегодня в первый раз доктор Кёбер дал урок на фортепьяно нашим учительницам в Женской школе, и как же он и я удивлены были их успехами! Едва только начали и уже в состоянии, хоть с грехом пополам, по незнанию правил, разучивать серьезную пьесу (хотя два месяца каникул, будучи в Тonosава, не могли упражняться). Учатся три: Надежда Такахаси, Елена Ямада и Раиса Ито; другие три перестали, мол, не нужно — на короткое время здесь, пока выйдем замуж. Но тоже можно сказать и о Елене и Раисе, зато они, в случае нужды, будут в состоянии потом зарабатывать себе хлеб, как учительницы фортепьянной игры, которых в Токио еще почти совсем нет.

21 сентября / 3 октября 1895. Четверг

О. Сегрий Судзуки из Оосака пишет, что отлучился он в Кёото посоветоваться о церковных делах с о. Мии, и немедленно вернулся, но без него уже умерла от холеры Вера, жена катихизатора Марка Одагири, живущего там в церковном доме; в продолжение шести часов унесла ее болезнь, а молодая, полная сил женщина, в прошедшем году вышедшая замуж и недавно родившая первого ребенка, бывшая воспитанница Миссийской школы. Жаль очень! Теперь там, в Оосака, церковный дом на карантинном положении: никого не выпускают и никого не впускают, пока произведена будет дезинфекция. Послана бедному Марку помощь на погребение жены — шесть ен.

22 сентября / 4 октября 1895. Пятница

Месяца два-три тому назад Василий Усуи, катихизатор в Оодате, в Акита, стал жаловаться, что враги христианства мешают ему: во время

проповеди бросают камнями в дом, разбивают сёодзи и тому подобное. Наконец известил, что не может долее из-за врагов оставаться в теперешнем своем месте жительства и переходит в другое; плата за наем нового помещения, мол, та же — две с половиною ены в месяц. Странным мне казалось это запоздалое гонение, и особенно в Оодате, где никогда никакой неприязненности к христианству не высказывалось. Подивился я, но так и оставил — больше ничего нельзя было сделать. Сегодня, между тем, получено письмо, которое все показало в другом свете. Жалуетса бывший хозяин дома церковного, язычник, и просит возмещения убытков. Василий Усуи, когда два года тому назад прибыл в Оодате на проповедь, нанял у него дом, но так как дом был неудобен для него с семейством и для собрания христиан на молитву, для чего требовалась особая комната, то Усуи убедил хозяина произвести значительный ремонт дома, обязавшись за то нанимать его не менее пяти лет; в таком смысле заключен и подписан был ими контракт, копию которого хозяин прислал ныне мне. По контракту ежемесячно Усуи обязался платить за дом один ен семьдесят пять сен. В письме хозяина говорится, что сначала был договор на две ены, но потом Усуи выторговал двадцать пять сен. «Ныне же, — жалуетса хозяин, — Усуи без всяких побудительных причин, вопреки контракту, бросил мою квартиру и перешел на другую. Прошу-де возместить мне, что было затрачено на приспособление дома для вашего проповедника, имея в виду пятилетнее пребывание его в нем». Итак, катихизатор Василий Усуи лгал, что платит за церковный дом два с половиною ен, платил только одну ену семьдесят пять сен; лгал, что язычники нападали на него, просто хотелось перейти на еще более дешевую квартиру. (Да, лгал и в обстоятельствах времени: перешел он от ныне жалующегося хозяина вовсе не два месяца назад, а 2-го января 1895 года, заплатив хозяину за декабрь 1894 года одну ену семьдесят пять сен и за 1-е января 1895 года шесть сен, как все ясно обозначено хозяином в жалобе). [Зачеркнуто автором — *ред.*] Грустно очень иметь личностей такой нравственности на проповеднической службе! Но из-за чего все это лганье Усуи? Из-за бедности. У него четверо детей и отец в параличе, а получал до Собора: десять ен содержания и две ены пятьдесят сен на квартиру, две ены на воспитание детей и две ены на отца; после Собора ему прибавлено две ены, с возведением на степень сейденкёоса, и на отца одну ену. Вот и выгадывал человек от квартирных семьдесят пять сен; да, вероятно, нашел квартиру не более пятидесяти сен в месяц; тут и взяло его искушение — выгадать еще одну ену двадцать пять сен; оттого и все лганье и бессовестное нарушение контракта. Продиктовал я написать ему, что письмом бывшего его хозяина разоблачена вся его ложь, но принимая во внимание его бедность, из-за которой, вероятно, он и впал в грех, не обнаружу я греха его даже пред его священником, пред которым предоставляю ему покаяться и получить отпущение на исповеди; не приму и сам во внимание его греха в смысле

какого бы то ни было казания; напротив, дам ему все, что он мог выгадать от своей лжи, то есть не менее двух ен в месяц прибавки к его содержанию, только пусть он восстановит честность своего имени пред хозяином, с которым заключил контракт, пусть перейдет на прежнюю квартиру и живет там не менее времени, условленного в контракте; ежемесячно одну и три четверти ены за квартиру отсюда будут высылаться.— Если человек прямо ответит добрым чувством на это письмо, то, значит, спасен катихизатор, а нет,— Господь с ним!

Но вот кого не пожалел я сегодня, а чуть не выключил из списка служащих Церкви: Варнаву Симидзу; мальчишка едва поступил на службу, по окончании Семинарии, и решительно не слушается ни священника, ни меня. Сдержавши гнев, написал ему и сегодня по-русски, чтобы он изложил мне все, что имеет сказать, почему не слушается.

23 сентября / 5 октября 1895. Суббота

Варнава Симидзу прислал покорное письмо: «Напишите, нужно ли мне отправиться в Татебаяси», а уже ему два раза велено было отправиться туда.

Впрочем, можно помириться с тем, что он не отправился туда раньше. Есть Церковь поважнее, где он может служить: в Хацивоодзи; Илья Яци просится отсюда в Хацинохе на место умершего Иоанна Ито. Написано Варнаве, чтобы он прибыл сюда, а отсюда с о. Фаддеем пойдет в Хацивоодзи водвориться там.

В Немуро третьего дня сгорело 1334 дома; вероятно, в том числе немало пострадало наших христиан. Вчера вечером получена была телеграмма, что «погорели», но кто и что нельзя было разобрать.

Болезнь горла усиливается, хотя общее простудное состояние прошло.

Анна Кванно сегодня рассказала о горькой доле Дарьи Кикици: живет где-то на чердаке, а муж под арестом; прачечная его прекратила существование: пропало несколько десятков белья военных, быть может, просто по недосмотру его, полковое начальство простило ему; но полиция не прощает и разыскивает, и сидит Петр Кикици в карцере. Младший брат его, который собственно и обладал прачечными знаниями, уехал на Формозу. Итак, мужу Дарьи, если он и выпущен будет, предстоит банкротство в жизни, ибо он не знает никакого ремесла. Бедная Дарья! Для того ли Женская школа столько лет воспитывала ее?

Марья Касукабе приходила сказать, что выходит за Георгия Абе; Абе же предупредил об этом меня еще ранее. Вот уже пара! Он был самым нетерпимым в Катихизаторской школе, она таковой же в Женской, и по одной и той же причине: она собирала и подговаривала товарок на

что-нибудь, и он составлял заговоры; об ней ясно не знаю, вреда от ее заговорщицких наклонностей не могло быть, ибо в Женской школе надзор строг; Абе же порядочно намучил, разведши вражду с наставником Даниилом Кониси за то, что этот дурно отозвался об учениках Катихизаторской школы («вся голь, живущая здесь только для пропитания»). Абе, впрочем, не ложно верующий человек, оттого он и удержался, и ныне — катихизатором в приходе о. Павла Савабе; Мария тоже во всех других отношениях неиспорченная девушка. И дай Бог им счастья! Просил я Анну Кванно присмотреть, найдется ли у ее родителей на подвенечное платье ей, — кажется, очень они бедные ныне; если нет, то чтобы «дзизенквай» позаботилась о сем; с моей стороны может быть рассчитано на десять ен.

24 сентября / 6 октября 1895. Воскресенье

После обедни был христианин из Фурукава; новых слушателей там нет, ибо доселе время очень недосужее; христиане держат веру неуклонно. В городе есть немного и протестантов; были и католики, но они совсем исчезли, ныне ни одного нет.

Тимофей Секи, помощник редактора «Синкай» и учитель Семинарии сильно захворал «какке»; едва притащился ко мне попроситься в Тonosава для поправления. Господь с ним! Пусть поскорее едет и поправляется.

Утром Анна Кванно приходила сказать, что завтра будет венчание Марии Касукабе, значит, подвенечное платье готово; послал пять ен на расходы. Потом заявился жених Георгий Абе; по обычаю, дал десять ен на платье, или семейное обзаведение.

25 сентября / 7 октября 1895. Понедельник

Приходил епископальный катихизатор по имени Оокура. Родом из Бизен; наставлен бишопом Вильямсом и другими, но чрез школу не прошел; человек, как видно, религиозный. «Хочу в беседе с вами получить пользу, как пользовался от Вильямса».

— О чем же вы хотите побеседовать?

— Смущает меня нынешнее состояние христианства в Японии — это множество разделений и сект.

— У нас, слава Богу, их нет. А у вас, протестантов, секты самая натуральная вещь, и странно было бы, если бы их не было. Вы понимаете слово Божие так, другой иначе, третий, четвертый еще иначе и так далее. Все вы видите в Слове Божием уже не Глагол Бога, а ваше собственное разумение, и все тем более стоите за свое, как свое родное. Вот

вам и секты. У нас не так. Кроме Священного Писания, мы имеем еще Священное Предание, то есть живой голос Церкви от времен Апостольских до ныне и во все века вперед. Если мы чего не понимаем в Писании, мы спрашиваем у Церкви, как это должно понимать, то есть как понимали это ученики Апостолов, ученики учеников их и так далее. Так-то мы и не заблуждаемся и не можем заблудиться; и мы радостны, спокойны в уверенности, что мы знаем истину и обладаем ею; это и делает нас свободными от заблуждений; по Слову Спасителя — «Истина свободит ны». Вы же, напротив, в оковах сомнения, или сомнений, недоумений, исканий, во всяком случае — несчастное состояние!

И так далее, объяснил я ему разность с ними в понимании мест, на которых зиждутся семь таинств, указал, что не законно у них священство, коли не признают его таинством, что нет поэтому у них и таинства Евхаристии. На вопрос признаю ли я возможность спасения в протестантстве? Отвечал: «Как же я могу решить это?» Мне сказано: «Не суди чужому рабу, сам он стоит пред Господом», и я поэтому предоставляю суд о том, спасутся ли протестанты, католики и прочие Богу, не дерзая и коснуться сего моею мыслью и словом. Одно могу сказать, что протестанты в большой опасности. Мы стоим на прямой и верной дороге к Небу, а протестант пробирается трющобами и всякими окольными путями; разумеется, что ему заблудиться (и распутаться в своих или чужих измышлениях) весьма легко... Много и других вопросов задавал он, обличающих у протестантов весьма поверхностное научение. О православии ровно ничего не знает, хотя и говорит, что bishop McKim очень хвалил ему православие. Наши катихизаторы не такие невежды касательно протестантства.

26 сентября / 8 октября 1895. Вторник

Получено письмо от Марка Сайкайси, уведомляющее, что он и Хигуци на пароходе Добровольного Флота выедут в августе из Одессы и 12 октября будут в Нагасаки, вероятно, по нашему старому стилю.

Был опять генерал Соломко с супругой, француженкой, католичкой; видно, что дама добрая и благочестивая; молится всегда по-православному, и только мать мешает ей совсем сделаться православной. Двадцать лет за генералом, бойко говорит по-русски и без всякой застенчивости коверкает русскую грамматику и слова, произнося, например, «питушественник», вместо «путешественник». Генерал здесь заключает контракт с капиталистом Асано, чтобы пользоваться его пароходами. Только выйдет ли что путное? Без коммерческой опытности с генеральскими замашками не прогореть бы!

27 сентября / 9 октября 1895. Среда

Игнатий Мукояма, катихизатор в Такасаки, извещает, что отец помер; послано три ены помощи на похороны; больше не заслуживает — очень уж обленился, притом же там богатая Церковь: христиане помогут, если стяжал любовь, а не стяжал — сам виноват.

Игнатий Мацумото, прежде чем отправиться в Уцуномия, требует, чтобы преемник ему прибыл в Татебаяси, чтобы сдать ему церковные дела. Написано, чтобы оставил, что есть по Церкви, врачу Секигуци, который собственно и виною, что Игнатий поселен был в Татебаяси, но который не оправдал того, что обещал: не было слушателей у катихизатора, и не умножилась там Церковь. Едва ли теперь удастся кого послать туда, ибо Варнава Симидзу предназначен для другой Церкви, более важной. Несчастливая эта Церковь в Татебаяси! Она теперь несколько не лучше того, как была четырнадцать лет назад, когда я в первый раз посетил ее. А была она в таком состоянии. Нашел я семейства три-четыре христиан порядочных (впрочем смотри дневник того времени; теперь писать мешают, да и было бы повторение).

28 сентября / 10 октября 1895. Четверг

Окончили перевод Евангелия от Матфея и принялись за Марка. Значительно помогал перевод Матфея Уеда; фразеровка у него очень удачная, так что наполовину приходилось просто списывать его; жаль, что он перевел только одно Евангелие; дальше придется самим вытаскивать каждую фразу, что при вялости и медленности Накая просто мучение: переворачиваешь — переворачиваешь фразу на сотню ладов, пока он раздумывает и решится принять что-либо; оттого, должно быть, и горло не поправляется, что семь с половиной часов в сутки в безостановочной работе — луженое нужно.

29 сентября / 11 октября 1895. Пятница

Из церковных писем сегодня в одном, между прочим, извещается о чудесном исцелении, именно в письме из Накацу тамошнего катихизатора Матфея Юкава.

Есть в Накацу Ной и Любовь Мисебаяси, люди бедные, живущие дневным трудом; родился у них ребенок, но скоро помер, ибо у Любви испортилось молоко, и на груди появились нарывы; расхворалась и вся она, так что отнялись у нее ноги; лечили ее, но безуспешно; врачи признали, что какой-то неизлечимый ревматизм лишил ее ног. Долго лежала она, крайне обременяя мужа, который без усталости должен был работать, чтобы прокормить ее, больного отца и себя. К прошедшему празднику

Воздвижения Креста Господня прибыл в Накацу о. Петр Кавано. Христиане, по обычаю, собрались на исповедь. Принес на спине и Ной свою жену Любовь в церковный дом, чтобы исповедаться. Но в этот вечер, накануне праздника, о. Петр не мог всех поисповедать и оставшимся сказал, чтобы завтра утром собрались; в том числе была и Любовь; Ной опять понес ее на спине домой, а на Воздвижение, рано утром, принес обратно в церковный дом. О. Петр исповедал ее и вместе с другими приобщил, после чего Ной отнес ее домой и уложил в постель. Уставшая Любовь проспала часа два, но, проснувшись, почувствовала силу в ногах; она попробовала протянуть их, потом встать на них, потом пойти — и какова же была радость ее, когда увидела, что все это может, что ноги ее как будто никогда не были больны! В восторге, возблагодарив Господа, она отправилась к доктору, который лечил ее грудь. Дорóгой встретил ее христианин, который вчера и сегодня видел ее без ног; он позвал ее к себе в дом; потом все вместе пошли в церковный дом, откуда оповестили катихизатора и христиан — и все, собравшись, принесли благодарность Господу за это явное чудо милосердия Его.

О. Петр Кавано после богослужения отправился в Кокурай, ему туда христиане сообщили о чуде, прося его благодарственной молитвы. — И все это описывается так просто, среди сетования, что нет новых слушателей, и других малосодержательных речей, — между прочим просьбою переместить его — Матфея Юкава — в другое место, ибо ему совестно служить здесь без всякого успеха.

30 сентября / 12 октября 1895. Суббота

О. Петр Сасагава просит катихизатора для Ивадеяма: католики-де прислали туда проповедника, который, по католическому обычаю, употребит все силы — прежде всего для совращения православных, так, чтобы не случилось греха с неопытными христианами, нужен им хранитель. К сожалению, некого послать; написано, чтобы из подручных ему проповедников уделил кого-нибудь; мог бы, например, пойти туда на время катихизатор Фурукава-кёокувай Елисей Кадо, который и основал христианскую общину в Ивадеяма, тем более что у него, по известиям, нет ныне новых слушателей в Фурукава.

О. Петр Яманака из Хакодате извещает, что в школе у него ныне 67 учащихся и 27 в школе шитья, где он тоже учит христианству, всего 94 человека. С развитием правительственного учебного дела и умножением разных частных школ в Хакодате наша церковная школа теряет все более и более учащихся. Что ж, мы можем и совсем прекратить этот наш труд и расход, тем более что он для Церкви непроизводителен.

Бонза из Исе просится в Катихизаторскую школу; пишет, что слушал Олькота и аглицкого капитана — завязанного буддиста; думал, что — вот

воскресает буддизм, обманулся, и ныне сознал, что только христианская вера имеет будущность, поэтому хочет быть проповедником ее; оттого и просится в школу. Так как он просит притом и Священное Писание, то послан ему Новый Завет и написано, что если он будет в Токио (а он пишет, что скоро будет), чтобы побыл в Миссии; касательно же школы положительно заявлено, что только христиане поступают в нее:

На всенощной ныне, накануне Покрова Пресвятой Богородицы, не мог выйти на литию и величание — кашель одолевал. Оо. Павел Сато, Роман Циба и Семен Юкава отправили торжественное богослужение. Только вперед нужно наблюсти, чтобы облачение было праздничное; сегодня Кавамура положил простое воскресное, которое очень уж истерлось и неблагообразно.

1 / 13 октября 1895. Воскресенье

После обедни зашел христианин из Сукагава Василий Миезава; говорил, что катихизатор их, Савва Эндо, исчез куда-то; сказал, что в Такасаки отправляется по неотложному делу; но в Такасаки его нет. В краткую свою бытность в Сукагава ничего доброго не сделал и ничем не заявил себя, кроме того, что пьет. Недаром на минувшем Соборе священники совсем было порешили исключить его из числа катихизаторов; о. Тит взял его еще раз попытать, и неудачно.

Был потом мужичок из Гундоо. Христиане там хранят веру; по субботам и воскресеньям собираются на молитву человек пятнадцать-двадцать; малыши поют. Но катихизатор Илья Яци ни разу еще не удостоил их посещением, хотя и в Хацивоодзи ему не много дела. Плох этот Яци, вечно воображающий себя больным, хотя врачи смеются над этим его предрассудком, когда он показывает себя им! Но вот и таких людей приходится Церкви употреблять на службу за неимением лучших!

Вечером приходил о. Роман Циба, нынешний инспектор Семинарии:

— Яков Сабанай (3-го класса) просит увольнения из Семинарии.

— Это почему? Он был всегда таким усердным, особенно по пению.

— Товарищи принуждают. На каникулах дома, в Мориока, соблудил.

Товарищи узнали об этом и очень напали на него; он дал им обещание вперед никогда этим не погрешить; но здесь недавно нарушил свое обещание, и товарищи изгоняют его. Вот прошение Сабанай, написанное по требованию их.

И о. Роман показал мне прошение.

Значит, семинаристы довольно нравственны. Мне приятно было убедиться в этом, хотя жаль было терять одного из них. — После Яков Сабанай приходил просить на дорогу до Мориока; лицо его совсем не было печальное, и я заподозрил, что он собирается туда, где нарушил свое обещание, поэтому обещал ему дать завтра перед самым отправлением

на станцию, туда же надо будет послать человека с ним купить ему билет, чтобы не остался здесь с выпрошенными дорожными, что часто случается.

2 / 14 октября 1895. Понедельник

Василий Усуи, из Оодате, пишет, и с ним пишут два христианина из Церкви. Оказывается, что он не так виноват, как представил его прежний квартирный хозяин: контракт на пять лет на занятие квартиры Василием подписан не был; хоть врагов христианства там и нет, но мальчишки часто бросали камешки в дом во время молитвы или катихизации, ибо дом стоит на очень юрком и шумном месте; уличный шум тоже много мешал; неудобно было и подниматься для молитвы по узкой и утлой лестнице во второй этаж. По всем этим причинам и переименован церковный дом на нынешний — удобный по местоположению, с молитвенной комнатой внизу. Сделано это по совету со всеми христианами и по желанию всех, и прежний хозяин тогда не возражал и не имел ничего возразить. Нынешняя же его жалоба в Миссию — дело какого-нибудь дешевого сутяги-адвоката. Хотели христиане видаться и говорить с ним — хозяином, но нет его дома; он по ремеслу плотник — в отлучке; совсем безграмотный и неспособный сам собою на кляузы. Излишек квартирных поступал-де всегда в церковную кассу, о чем и свидетельствует сей казначей собственноручным письмом. Значит, Василий Усуи восстановил свое честное имя. Весьма рад! Дай Бог только, чтобы все в сегодняшней корреспонденции оказалось верным.

3 / 15 октября 1895. Вторник

Варнава Симидзу, из Уцуномия, прибыл. Стал я слушать его, ни слова не вымолвив, целый час слушал. По письмам его ждал узнать Бог весть какие дурные поступки о. Тита Комацу. Но оказалось следующее: о. Тит сватал Варнаве невесту в Уцуномия, находя, что катихизатору лучше быть женатым; сватовство началось в третьем месяце, и Варнава не говорил ни «да» ни «нет» до восьмого месяца. Наконец, как видно, о. Титу стало стыдно перед семьей, где сватал, и он вместо Варнавы предложил в женихи своего собственного сына Романа. В этом и состояла вся вина о. Тита. Перестал слушаться его, возмутил многих христиан в Уцуномия против него, гневался-де (икатта) на него, как не раз в рассказе высказался. Я очень осердился на Варнаву и сильно выговорил ему, результатом чего было, что он расплакался, добровольно вызвался написать извинительное письмо о. Титу и обещался вперед так не провиняться.

Так как вызван был к этому времени и о. Фаддей Осозава для поручения в его ведение Варнавы, то он тут же и передан о. Фаддею с тем,

чтобы завтра же отвезли его в Хацивоодзи для служения катихизатором в этой Церкви с увольнением Яци в Хацинохе.

4 / 16 октября 1895. Среда

О. Симеон Мии начинает письмо: «Благодарение Господу! По его милости наша Церковь в Кёото благоденствует»; и затем радужными красками расписывает своих катихизаторов и свою Церковь в Кёото. Но фактов особенно приятных никаких нет. Видно только, что человек сам в радужном настроении и полон жизни и надежд. И на том спасибо!

Иоанн Судзуки, катихизатор Оцу, в провинции Мито, просит на погорелое. Домов шестьсот сгорело, значит, бóльшая часть города. Христиан погорело семь домов, между ними тамошние богачи — два дома Саймару. Церковь только что выстроили, с большой натугой, не успели еще освятить — сгорела; погорели и иконы — полный иконостас, написанный в Миссии и давно туда отправленный. Теперь уж там едва ли быть Церкви. Послано сегодня: десять ен катихизатору Судзуки, по одной ене семи погоревшим домам, не в виде помощи, а как «мимай» и по иконам погоревшим, ибо у них и иконы сгорели.

5 / 17 октября 1895. Четверг

Японский праздник, занятий не было, между прочим, и у меня с Накаем, почему я целый день с Моисеем Кавамура разбирал церковные вещи на чердаке для перемещения, что заслуживает того, в соборную ризницу.

Собрали большой трехсвечник, который по вычищении его будет поставлен в Соборе пред плащаницей; как раз идет к тому.

6 / 18 октября 1895. Пятница

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» передовая статья «The Problem of High Class Education by Missionaries» (contributed) гласит следующее. Христианский Университет в Кёото, основанный японцем Ниидзима на американские деньги, выпрошенные им, обратился в светское учебное заведение. Если и преподается там христианство, то наравне с ним и буддизм, по которому также читаются лекции-проповеди. Но содержится этот университет все-таки на американские миссийские деньги, которыми уплачивается жалованье всем иностранным и почти всем туземным учителям. Заведуют им японцы. В учащихся религиозного направления никакого, учатся для получения общего образования. Родилось сомнение, и появились жалобы: позволительно ли деньги, жертвуемые для миссионерского дела, употреблять для общеобразовательного

дела? Из Америки прислана сюда комиссия, во главе которой Dr. Barton, недавно бывший у меня с визитом вместе с Грином, исследовать, полезен ли Университет «Доосия» (Конгрегационалов) в Кёото в смысле распространения христианства? Неизвестно, к какому заключению она придет. Во всяком случае дилемма: «помогать или нет». «Помогать» — значит оставить дело, как есть, согласиться — кровью и потом американских христиан — питать светское образование японцев; «не помогать» — обречь Университет на голодную смерть, ибо где же японцам содержать его, хоть и возвысились некоторые до пожертвований на него, как на «не конфессиональное заведение». При «помощи» хотелось бы, быть может, иметь заведение под своим главным надзором — нельзя — опустеет заведение, ибо уже опытом дознано, что лучшие ученики оставляют заведение, где водворяется миссионерское верховодство. Печальная для протестантов статья, но для нас ни чуть. Считаю я (сам про себя) своих учеников отбросами, но ведь и цель же у нас поставлена прямо и ясно — чисто религиозное служение Церкви. Стремящиеся к мирским выгодам не идут к нам, но идущие все же не очень плохие — таких бы мы и не приняли. — Но не взять ли из текущих обстоятельств урок? Кстати, он нам ничего не сто́ит; платятся пока одни протестанты. Лелею я мысль, лишь только окажется у нас хоть мало-мальски сносный педагог (какого я надеюсь получить в Кавамото), расширить Семинарию, открыв ее для язычников. При этом, конечно, Семинария ни на йоту не должна утратить своего специально-церковного назначения. Для язычников было бы только объявлено, что желающие воспитать своих детей нравственно-религиозными могут определять их, на полном своем содержании, в Семинарию; здесь дети язычников पहले всего непременно должны сделаться христианами; затем, по окончании курса, они свободны идти на свои пути, причем желающие продолжать образование в высших заведениях всюду будут приняты (если только хорошо учились в Семинарии), ибо образование семинарское вполне равняется, если не выше, — высшему гимназическому (коо-тоо-циугакко). Мечтаю я же, что найдутся родители-язычники, которые с радостью воспользуются нашими услугами. Но так ли? Несомненно одно: в Семинарию станут присылать детей испорченных, воришек, завзятых лентяев и сорванцов, и тому подобных, вроде бывшего Василия Катаока, сына нынешнего Камергера Катаока. Несомненно и то, что если не все, то некоторые из них исправятся у нас, как исправлен был Катаока (к сожалению, ныне умерший, — хотя исправление его стоило больших хлопот и тревог). Но испорченные, даже и те, которые исправятся, успеют привить свои болячки немалому числу здоровых детей; так что в этом отношении — плюс за минус, в результате — нуль. А здоровых нравственно детей язычники будут ли посылать в нашу Семинарию? Сомнительно. Это же и есть то, о чем говорит статья: «Where the Japanese are not allowed to take the lead in the management of school, it is alleged that the best class of students carefully

avoid them». А у нас хоть и японец (педагог) будет начальником школы и японцы учителя, но школа определенно и неуклонно конфессиональная — духовное заведение для воспитания служащих Церкви; ни малейшей уступки никакому влиянию мирскому, ни малейшей подделки под чей-либо тон зазывания в школу; значит, «lead» (руководство) будет отнюдь не японское, а общеправославное. Поймут ли это японцы? Да и кто же из язычников в состоянии понять это? Итак, не праздная ли и грозящая только неудачами моя мечта о расширении Семинарии? Подумать, вновь все обдумать и не дай Бог ошибиться! Не поздно еще. Никто почти и не знает о моих мечтах (продолжение на следующей странице).

7 / 19 октября 1895. Суббота

Илья Яци сдал Церковь в Хацивоодзи Варнаве Симидзу и пришел сюда по пути в Хацивоодзи и Санбонги. Говорит, что на богослужение в Хацивоодзи, когда он впервые пришел туда, являлось не более трех человек — так Стефан Тадзима опустил Церковь! Ныне собираются больше двадцати, есть новые слушатели — люди очень надежные. Сам Яци, несмотря на краткое свое служение в Хацивоодзи, успел привязаться к тамошним христианам, так что с большим сожалением расстался с ними, хоть и просился сам же в Хацинохе, и надеется со временем опять поселиться катихизатором в Хацивоодзи. Из всех объяснений его видно, что он человек очень добрый и привязчивый, только не крепкий волею.

Продолжаю о Семинарии. Главный наш элемент в Семинарии, если и расширить ее, будет тот же, что и ныне: довольно плохой народ, самая заурядная посредственность и ниже ее; но все же из этих людей — те, которые дотаскиваются до окончания семилетнего курса, делаются порядочными служителями Церкви; замечательных людей они из себя еще не выделили, но, смотря на них, мне, тем не менее, иногда приходит мысль о «худородных, буиих и немощных» Апостола Павла. Итак, поступающие к нам юнцы без развлечения, прямо и неуклонно влекутся к цели заведения — воспитанию служащих Церкви, и лучшие из них этой цели не минуют.

Будет ли так, когда в Семинарию войдут и язычники, наметившие себе разные жизненные пути, но не церковные? Не мечтать ли, что наши воспитанники будут влиять на них и перетягивать на свой путь? Нет; за такую мечту я уже поплатился когда-то, платя года два по двадцать пять ен в месяц учителю-христианину, заведшему китайскую школу именно с тем, чтобы лучших учеников перемечивать в христианство для воспитания из них проповедников; не только лучших, но и ни одного не добыл он, ибо учившиеся у него учились китайскому языку (кангаку) и знать ничего не хотели больше. Напротив, влияния обратного нужно опасаться; и оно, несомненно, будет, ибо за спиною у мирских

воспитанников будет стоять целый светский мир с бесчисленными служебными путями, один другого выгоднее и заманчивее, а у наших бедных питомцев что? Восемь-двенадцать ен жалованья в месяц и какое-то неясное для японца дело. Возвышенность, идеальность этого дела многих ли завлечет? Самородки для этого нужны; но их еще пока нет. Простых же наших воспитанников с мало-мальскими порядочными способностями будут похищать у нас; и мы будем догадываться об этом только тогда, когда они похищены, ибо медленной, долбящей, как капля камень, работы отвлечения, производимой ежедневною товарищескою беседою, мы не можем ни видеть, ни предупредить. И теперь бывают случаи с поступившими в Семинарию воспитанниками, что чуть только обнаружил незаурядные способности — глядь, его уж нет у нас, а торчит в каком-нибудь морском заведении — это, значит, родные спохватились — может-де впоследствии быть более выгодною дойною коровою? Итак, открыть двери Семинарии для язычников — значило бы поставить наших церковных воспитанников среди двух батарей: с одной — порченые будут обдавать картечью дрянных поступков и слов, с другой — непорченые палить бездымным и бесшумным порохом ласк, зазываний и отвлечений. Благоразумно ль с нашей стороны употребить такую тактику, самим врага звать и принять в свою крепость? Ныне пусть в Японии переменится ветер; теперь он совсем неблагоприятен для дела, о котором я думал; пусть пойдет на прилив — теперь еще отлив. Авось настанет и такое время, когда язычники станут сами стучаться в нашу дверь; тогда будет время для других мыслей и планов. А теперь — идти скромно тем путем, которым, видимо, Господь указывает нам...

*Краткий миссийский дневник.
Продолжение*

С 8 / 20 октября 1895 года

Епископ Николай
Токио. Япония

8 / 20 октября 1895. Воскресенье

За литургией, кроме христиан, было особенно много язычников. Я служил не без труда, ибо горло все еще болит. Проповедь с большим одушевлением говорил Петр Исикава, редактор Православного Вестника. С часу было отпевание одного холерного; вместо гроба стоял маленький ящик с пеплом покойника, ибо холерных сжигают тотчас по смерти. Много язычников, родных и знакомых, было на отпевании.

Завтра будет другое отпевание: умер Ясуке, в крещении Александр, служивший в Миссии лет двадцать дворником.

Около Миссии всегда стоит полицейский; а о. Сергей Глебов говорит, что стоят, кроме того, полицейские на всех подъемах, ведущих в Миссию; шестнадцать полицейских будто бы отряжено для охраненья Миссии, чего я не мог проверить, ибо только что услышал от о. Сергия, пришедшего с сим известием из Посольства. Едва ли это верно, но что Миссия тщательно оберегается в последнее время, это видно из окон ее. Что сие значит? О. Сергей говорит, что это — со времени катастрофы в Корее, — убийства Королевы — будто бы чисто японского дела. Но какая же связь? Трудно понять, хотя и из Посольства сей говор. Не открыла ли полиция заговор на взрыв Собора динамитом? Ни от кого я не слышал

сего предположения, но оно не фантастично: динамитом японские ультрапатриоты давно уже владеют, им оторвали ногу у Оокума, способнейшего из своих государственных людей, или в последнее время собирались подорвать одно губернское правление. Но Миссию, несомненно, хранит Ангел Божий, и не боимся мы никаких злоумышлений!

9 / 21 октября 1895. Понедельник

Из Неморо — длинейшие описания недавнего тамошнего большого пожара. Из молитвенного дома иконы и все церковные вещи спасены. И это почти при всех пожарах: христиане прежде всего стараются спасти церковное имущество, что очень отрадно. Моисей Минато отправился на Сикотан прожить до весны с тамошними христианами курильцами для наставления их в веру. Это — обломок от величественного церковного здания знаменитого Иннокентия Камчатского. Какие они прекрасные христиане были! Но ныне ужеросло молодое поколение, которому не лишни и наши бедные наставления.

10 / 22 октября 1895. Вторник

Изумило письмо Игнатия Мацумото из Уцуномия: описывает церковный дом, как грязнейшее место: спереди — курятник и свалка всякого хлама, сзади — конюшня с вонью и денно-ночным грохотом и возней; днем ни молиться, ни говорить поучения нельзя, ночью спать невозможно; к довершению — внутри дом с изодранными щитами и ширмами (сёодзи и фусуми). А плата за дом очень дорогая. Лошади принадлежат Якову Нагасава, главному тамошнему христианину, богачу, и ни у кого нет смелости потребовать, чтобы он убрал их с церковного места, тем более что за наем сего места и дома платит Миссия, а не он. О. Тит, поместившись с своим неопрятным семейством в церковном доме, прибавил к его загрязнению. Мацумото хочет бежать от всей этой грязи и неурядицы и просит перевести его куда-нибудь в другую Церковь. Христиане к тому же ссорятся между собою, разделившись на две партии — Варнавы Симидзу, бывшего катихизатора, и о. Тита.— Отвечено, чтобы потерпел и постарался вместе с о. Титом исправить расстроенное. Пишет еще Мацумото, что, убирая помещение, где жил Симадзу, нашел разбросанными письма к нему Елены Ямада, молодой учительницы женской школы. Знал я, что Симидзу переписывается с нею — сам он сказал, и не запретил, а побуждал его скорее жениться, находя эту пару очень приличною, не думал я, что Симидзу окажется таким легкомысленным. Призвана Анна Кванно, и внушено сей сделать должное наставление Елене Ямада.

Положительное мучение всегда составляет чтение писем Павла Морита, ныне священника. О самом простом предмете, что можно сказать в двух словах, способен распространяться бесконечно. Сегодня читали-читали его письмо-тетрадь — голова разболелась — дошли только до половины, принуждены были бросить, а вычитали только, что в «Сумото квартира нанята за 3 ены в месяц». Завтра еще нужно убить часа два на дочитку; пишет же еще крайне убористо и неразборчиво. И секретарь, и я мучимся; а помочь нельзя: напиши ему «пиши, мол, покороче», обидится, станет жаловаться: «письма-де бесполезны, Церковь плохо управляется» и так далее. Терпя, потерял! ...

Газеты переполнены корейскими обстоятельствами. В самом деле, для Японии большой скандал вышел: «Сооси» убивают корейскую Королеву, но не они только, а и японский Посланник, барон-генерал Миура, и японское военное начальство там, и японская полиция там — все участвуют в деле. Даже винит сама же японская пресса («Ници-ници симбун» особенно) премьера-маркиза Ито — в деле. Этот скандал, кажется, еще погромче будет и тяжелее отзовется для Японии, чем нападение на нашего Цесаревича в 1891 году. И какое варварское дело! На Короля грубо кричали, Наследника побили за то, что он не хотел сказать, в каких комнатах его мать; Королеву, нашедши, сбили с ног и изрубили, при этом зарубили еще трех придворных дам; потом за волоса вытащили всех из дворца и сожгли.

11 / 23 октября 1895. Среда

О. Феодор Мидзуно, вернувшись из путешествия по своему приходу, приходил рассказать. Плохие известия: везде проповедь в застое; слушателей почти нигде нет. Рано еще, по-видимому, проповедать в Хокурокудо; к тому же и катихизаторы у нас плохи, Исида Фома в Каназава ничего не делает, да и не может делать, кажется; плохой вышел из него слуга для Церкви, хоть почти первым он кончил Семинарию. Акила Ивата в Таката прокис; его нужно поскорей вывести оттуда; Ямааки из Каназава переведен на его место, а Акилу — к строгому о. Матфею всего лучше. В Каруйзава есть слушатели — железнодорожники: Сунгамура назначены дорожные, чтобы он еженедельно посещал Каруйзава.

В «Japan Daily Mail» сегодня заявляется, что бишоп Bickersheth с женой уезжают в Англию: «Вызывается бишоп неожиданно для консультации с церковными английскими властями по предмету предполагаемого расширения англицкого епископата в Японии». Два уже бишопа у них здесь, если не считать третьего американского — того же поля ягоды; миссионеров и миссионерок — до Москвы не перевешаешь. И все еще мало! Еще — бишопов, еще логомахов! Сеть, как видно, тщатся накинуть на всю Японию. Очень боятся, чтобы Япония не стала православною;

будет-де не с руки протестантской Англии; в этом для них и вся сила; иначе для чего бы умножать bishops! Миссионерское дело у них довольно плохое,— и одному bishopу делать нечего. Но пусть сколько угодно накидывают сетей — гнилые они, не удержать японцев, хотя бы временно и захватили их! Бог приведет все ко благу Святой Своей Православной Церкви.

Был Поляновский из Посольства. Славный он молодой человек, хорошо поставленный на путь своим отцом и всем своим воспитанием. Борется он с разными искушениями: даст Бог, поборет их. Побольше бы в России таких родителей, как о. его, военный астроном, служащий и Иркутске, вполне православный человек, соблюдающий Уставы Церкви, воспитывающий детей своих в страхе Божиим. Побольше бы таких, тогда меньше было бы брожения и гибели молодежи в России.

Болезнь горла до того надоела, что сегодня позвал, наконец, врача Оказакки, школьного нашего. Простая простуда, осложненная небольшой астмой; придется еще повозиться.

12 / 24 октября 1895. Четверг

О. Тит Комацу извещает о нескольких крещениях по своему приходу, еще старается оправдать отлучку Саввы Эндо с места службы; оправдывает себя и Савва в письме; пишут за него и двое христиан из Сукагава. Завтра пошлем Савве содержание за одиннадцатый месяц со строгим замечанием, чтобы без спроса не отлучался с места службы, а также чтобы вел себя, как прилично проповеднику. Самому о. Титу сегодня написано, чтобы он немедленно привел свой церковный дом в Уцуномия в приличный вид: велел Якову Нагасава вывести своих лошадей, убрал курятник с лицевой стороны, очистил внутри, или же чтобы нашел другой дом для церковного употребления.

13 / 25 октября 1895. Пятница

Павел Хосои, из Фукуока и Ицинохе, жалуется, что ему приходится расходоваться из своего бедного катихизаторского жалованья даже на свечи и масло при молитвенных собраниях; христиане ничего не хотят жертвовать. Бессовестность христиан иногда просто поразительна. Так же, в Фукуока, есть бывший большой богач, да и теперь не бедный, Моисей Симотомае; года полтора он жил здесь в Миссии, чтобы научиться вере, без всякой платы; значит, немало обязан Миссии. Состоятелен он так, что я во время путешествия по всем Церквам Японии нигде не спал на более роскошных спальных принадлежностях, как у него, Моисея. Приемышем он имеет катихизатора, которого, однако, вполне содержит Церковь, не он. И при всем том гроша жаль на расход по

Церкви! Написал я о. Борису, чтобы он убедил христиан не возлагать на катихизатора бремя, которое он не должен, да и не может нести при своей скудности.

В «The Christian Word», аглицкой религиозной газете, получаемой мною, прочел сегодня между другими нелепостями образчик, как лгут на русских везде, где только можно. Колокола в Абиссинию пожертвованы Москвой. От начала до конца это дело, по русским газетам, было ясно как день. Но «Word» извещает, что Негус дал деньги Леонтьеву на приобретение комплекта колоколов; Леонтьев же, прикарманив эти деньги, внушил москвцам даром справить комплект колоколов. Князь, начальник Абиссинской Миссии, узнав эту проделку, призвал Леонтьева, чуть не разрубил выхваченной саблей и прогнал от себя; отчего Леонтьев ныне и не отправился в Абиссинию. Архимандрит Ефрем был в стачке с ним и тоже не мог отправиться; впрочем, он не мог бы отправиться и потому, что за пьянство заключен ныне в монастырь. — Не будучи в России и не зная близко обстоятельств, можно поручиться, что все это — чистейшая ложь. А между тем почтенная религиозная газета пишет да еще ссылается, что заимствует из кельнской газеты — от достовернейшего (usually well informed) тамошнего корреспондента. Кто не примет за правду? И имена Леонтьева и архимандрита Ефрема замараны, а дело их унижено!

14 / 26 октября 1895. Суббота

О. Иоанн Оно, служащий в Нагоя, просит отпуска для посещения Сендая. Отпуск послан ему. Но жаль, что едет. Продать дом свой и землю под ним едет. Для чего? Для уплаты долгов. Как нажить долги? Как он сам весть. Жалованье от Миссии ему было 25 ен в месяц, что при его малом семействе (только жена и малый сын) должно быть доставать ему, ибо квартира — готовая от Миссии же, дорожные по Церквям высылались особо, на ремонт по дому в Оосака, на наем служителя также шло от Миссии. Дворянин он (сизоку), с замашками к роскоши, с отсутствием уменья, да и наклонностями протягивать ножки по одежке. Ну и Господь с ним! Пред бесчисленным множеством разорившихся и разоряющихся ныне здесь старых дворянских домов Оно будет иметь, по крайней мере, то преимущество, что с голоду не помрет — 25 ен все же неизменно будут ему идти за церковную службу ежемесячно.

15 / 27 октября 1895. Воскресенье

После обедни зашла христианка из Темия, урожденка Токио; привела и своего престарелого отца — бедного-пребедного, как видно, и свою младшую сестру, служанку в каком-то доме. Говорила об упадке Церкви

в Темия (общая тема всех христиан о своих Церквах); причина — что христиане разбрелись по другим местам; она тоже из Темия переходит в Утасинай, где муж служит при железной дороге.

Потом были мужички из селения близ Гавагое (12 ри от Токио); просили проповедника туда; один из них — некогда бывший подмастерьем в переплетной Окагама, христианина, и потому знает несколько о христианстве. Делясь крупицами своего знания с соседями, он и возбудил желание их слушать учение; больше ста человек, говорит он, найдется слушателей. Лишнего катихизатора теперь для них, к сожалению, нет, а пообещано, что придет туда о. Феодор Мидзуно, ныне отчасти свободный, по обзоре своих Церквей; поживет у них с недельку, поговорит о Христовом учении, посмотрит, сколько желающих слушателей и искренно ли желают; и если все окажется, как желательно, то будет дан и катихизатор.

16 / 28 октября 1895. Понедельник

Сегодня прибыли наши академисты: Емильян Хигуци, кончивший курс в Санкт-Петербургской, и Марк Сайкайси — в Киевской Академии. По виду полные и здоровые; по душе — как скоро обнаружится. Дай Бог, чтобы оправдали возлагаемые на них надежды! Отец Емильяна — Николай — необыкновенно счастлив и также выражает желание, чтобы сын, посвященный им на служение Церкви, оказался вполне достойным своего назначения.

Приходил Тит Оосава, причетник Церкви в Коодзимацци, просит прибавки к содержанию (10 ен от Миссии), отец-де вышел в отставку и просит пособия. Отказал, ибо прибавить ему — нужно прибавить и другим, более его достойным, что Миссия не в состоянии сделать, а вместо того написано о. Павлу Савабе, чтобы у христиан своего прихода истребовал помощи для Тита. Что это, в самом деле, христиане не имеют никакого милосердия к служащим у них и для них! Русская Церковь-де заботится о них! Господи, и когда же это христиане наши почувствуют себя христианами! До сих пор все и везде какие-то недоноски, не имеющие права, собственно говоря, даже и на общечеловеческое имя, не только на христианское, ибо и язычники, и самые дикари знают и умеют каким-нибудь добром платить служащим им, а наши христиане не платят почти нигде и ничем служащим им священникам, проповедникам, причетникам.

17 / 29 октября 1895. Вторник

О. Павел Савабе приходил по поводу вчерашнего письма: не может и надеяться выпросить у своих прихожан какую-нибудь плату для Тита

Осава; служил он усердно и очень полезен Церкви — это все видят, но до денег коснется — Тита окажется как будто на свете нет. Ему самому — о. Павлу — почти совсем перестали давать обещанное к содержанию от Миссии; 20 ен он получает от Миссии, 9 ен обещались давать ему прихожане. Прежде, при Ниицума, давали вдвое больше, но порасстроилась Церковь, не могли всего держать; так, по крайней мере, 9 ен крепко-накрепко обещались доставлять излюбленному о. Павлу Савабе. И вот теперь никогда он их не получает сполна; и что получает, то с большими просрочками, так что теперь, в конце октября, он еще и за прошлый месяц не получил. Куда уж тут хлопотать еще о Тите! Дал я о. Павлу 3 ены, посоветовал испросить у христиан, по крайней мере, единовременную помощь, что и он находит возможным, и удовлетворить Тита в его просьбе хоть этую помощью.

В одиннадцать часов вместо класса пения собрались все учащиеся в Соборе, и отслужен был благодарственный молебен о благополучном возвращении по окончании академического образования Емильяна Хигуци и Марка Сайкайси. Потом, в двенадцать часов, был обед у меня, накрытый в редакции Синкай, на десять человек, то есть семь академистов, с двумя ныне прибывшими, Иннокентий Кису, тоже учившийся в России, отец Емильяна — Николай Хигуци — и я. В конце обеда, за здоровье и успехи новоприбывших, выпили по рюмке малиновой наливки, шесть бутылок которой Емильян привез из Петербурга от моего товарища по Академии и сотрудника Миссии о. Иоанна Иоанновича Демкина.

Вечером ученики Семинарии, Катихизаторской школы и Певческой справляли Симбокквай по случаю прибытия академистов. Я заплатил за это удовольствие 4 ен, проведя, впрочем, вечер в переводе Евангелия с Павлом Накай, которого по окончании занятий, в девять часов, тоже угостил наливкой о. Демкина.

18 / 30 октября 1895. Среда

Погода была такая скверная, и горло, и голова до того разболелись, что едва мог одолеть обычные часы занятия переводом. Церковных писем читать не мог; только послал на дорогу по Церквам оо. Мии и Судзуки и о. Такая.

19 / 31 октября 1895. Четверг

О. Сергей Судзуки из Оосака спрашивает, можно ли ему похоронить по-православному, с проводами в облачениях и пением «Святой Боже», католика семнадцати лет, умершего от холеры и сожженного, которого

его католический священник отказался отпевать, потому что тот не принял Таинства покаяния и причащения? Родные-де просят. Отвечено: «Никак нельзя».

О. Симеон Мии пишет, что в Церкви Мацуе такое расстройство, что Петр Такемото просит его поскорей побыть там, или соглашается сам прийти к нему для сообщений, если дано будет ему хоть в половину меньше того, сколько нужно на дорогу. О. Симеон по этому поводу пишет свои соображения касательно путешествия по Церквям с о. Сергием Судзуки. Я ответил, чтобы он по всем Церквям проехал вместе с о. Сергием, ибо он еще слишком не опытен путешествовать в первый раз одному; в такие же дальние Церкви, как Мацуе и Ионако, о. Симеон может отправиться и один, вернув о. Сергия в Оосака. И пусть отправится в Мацуе исправить, если можно, что напортил там Лука Кадзима. Наверное, дело денежное; Лука вошел в долги и оставил их неуплаченными. Если так, то пусть о. Симеон наперед имеет в виду, что Миссия не поможет ни копейкой, во-первых, потому, что на такие экстренные расходы нет денег; во-вторых, потому, что заплатить за Луку, значит — платить потом за всех, ибо всякий, узнав, что Лука задолжал и за него заплатили, задолжает и потребует уплаты. Пусть о. Симеон там ясно укажет, что Луке всегда аккуратно было высылаемо из Миссии его содержание (13 $\frac{1}{2}$ ен и 3 $\frac{1}{2}$ квартирных); если же он не удержался в пределах его, то — это боль самого Луки, и никого более. Миссия может иметь отношение к этому делу только то, чтобы исключить Луку из службы, если его дела хоть в каком-нибудь отношении вредят Церкви.

Иоанн Хатакеяма, из Магата, пишет, что сын его на Формозе помер; пришлют его пепел и кости; так для торжественного погребения их просит выслать в Магата хороший гробный покров и хорошие стихари, здесь-де покров и стихарь плохи. Уж слишком! Написано соболезнование в его печали по сыне и прибавлено, что и здесь покров старый, а стихарей лишник нет; пусть позаимствует, если хочет, в ближайших Церквах; и указано, где новые. Однако на Формозе, от климата, много мрет японского войска: и простого, и чиновного. Даже главнокомандующий Великий Князь Китасиракава помер, хотя это еще почему-то скрывают, объявляя в газетах лишь, что он болен. Доктор Оказаки, бывший у меня сегодня, говорил это; а он узнал от домашних Князя, в Дворце которого идет приготовление к похоронам; объявят, должно быть, когда привезут его прах с Формозы.

Сегодня кончили Евангелие от Марка и принялись за перевод Евангелия от Луки.

Расчетный день показывает, что цены на все постепенно возвышаются, а бедные мои катихизаторы все на том же скудном содержании — 8–12 ен, и 8 иногда при большом семействе. Боже мой, как мне жаль их! А чем помочь? Только местные христиане могут помочь им, а они и знать не хотят об этом, сваливая все на Русскую Церковь.

20 октября / 1 ноября 1895. Пятница

От священников — бедные отчеты: почти нигде нет крещений. О. Петр Кавано жалуется на Исайю Мидзусима, что в Оита, и пишет, что христиане оттуда просят убрать его, ибо-де горд, ленив, да и сам смотрит в лес — старается будто бы поступить на гражданскую службу; впрочем, христиане официального прошения о. Петру еще не подавали. А Мидзусима в то же время пишет, что у него слушает учение ныне один очень серьезный ученый чиновник; прекратил было по случаю вмешательства России, но ныне опять слушает; есть и еще хорошие слушатели. О. Петр в своем письме упоминает, что Мидзусима только хвастает, что у него есть слушатели, на самом же деле нет; будучи в Оита, о. Петр потребовал, чтобы Мидзусима познакомил его с своими слушателями; Мидзусима сводил его домов в пять, и нигде не видали хозяина — в отлучке-де; жены же, видно, что поверхностно знакомы с Мидзусима, и если которые слушали учение, то раз-два — не больше. Словом, видно, что Мидзусима и о. Петр совсем разладили друг с другом; первый, должно быть, презирает последнего за малоученость сравнительно с ним, чем подливает масло в огонь. А Мидзусима действительно порядочный в японском смысле ученый и владеющий кистью; потерять его для службы Церкви было бы жаль. И потому ему пошлетя частное письмо с зовом сюда и с прибавкою 4 ены частно, если он будет здесь, кроме проповеди в городе, писать в наши журналы.

21 октября / 2 ноября 1895. Суббота

О. Феодор Мидзуно написал в селение, откуда в прошлое воскресенье просили проповедника, что он четвертого числа придет к ним. И на это письмо сегодня оттуда пришел один из бывших тогда просить, чтобы не приходил, — еще, мол, не готовы принять. Знать, там только зря болтали, что желают проповеди.

Моисей Хамано и Стефан Оогое посажены в тюрьму за обман. Первый — известный богач, член Парламента, взявшийся за отливку труб для водопроводов; второй — бывший катихизатор, потом редактор «Сейкё Симпо», промотавший собранные им, по доверию от христиан, пожертвования их на постройку Собора, служивший в последнее время главным приказчиком у Хамано. Обман состоял в том, что трубы, отмеченные городской комиссией как годные, они, стерши отметки, представляли за вновь отлитые. Моисей Хамано — один из самых бойких деловых людей; из голого бедняка поднялся до заметного в Токио богача; Стефан Оогое — один из самых умных и расторопных людей. И вот такие-то наши христиане, по-мирскому — вершки из них, отцветают и

падают, оставляя общество наших христиан еще беднее и голее. И не один это пример, а уж несколько было. Кто виноват? Недостаток ли научения? Но Оогое на память знает все христианское учение. А Илья Чёого, долгие годы живший со мной, слышавший и выдавший все — ему ли мало научения? И он на днях — расфранченный и растолстевший — «не виноват ни в чем», тогда как на всю Японию уже опозорил свое имя неудачною попыткой ограбить бедных военно-рабочих, которых поставлял в Китайскую войну, каждого на 12 ен.

Устинов, наш консул в Хакодате, просит дать ему миссийский дом на зиму для помещения канцелярий и мебели при его отъезде сюда. Ответчено: внизу дом нужен для христиан; верхний этаж может занять, если священник не найдет к тому препятствий. Написано и священнику о. Петру о сем.

Болезнь горла помешала сегодня отправиться в Посольство по молебам по случаю Восшествия на престол. Та же болезнь сегодня не пустила на всенощную, а завтра не даст служить, хотя завтра приходится и рождение японского Императора. Помолчать полтора дня, авось лучше станет.

22 октября / 3 ноября 1895. Воскресенье

Я целый день не выглядывал из комнаты и не произнес громкого слова, лекарства пил и полоскал горло усердно, тем не менее кашель неукротимый; должно быть, от дурной погоды. Целый день шел дождь, что для японского национального праздника было совсем неудобно; даже и флагов нельзя было повесить у ворот. Служили литургию и молебен четыре священника с о. Павлом Сато во главе. Облачение было праздничное, что недавно из Петербурга получено.

Отослал в подарок профессору Кёберу бутылку наливки, что от о. Демкина, с запиской, что завтра не могу принять немецкого пастора, который хочет быть здесь и видеть Миссию, также, что не могу завтра сопровождать Кёбера на урок фортепьяно в нашу Женскую школу (для перевода его наставлений).

Пришло на мысль предложить Поляновскому поступить в духовное звание, пройти курс духовной академии и сделаться здесь миссионером. В следующее свиданье с ним поговорю. Мысль заманчивая. Сколько лет я молюсь Господу, чтобы послал сюда человека, и его нет. Но он должен быть.

23 октября / 4 ноября 1895. Понедельник

О. Борис Ямамура пишет, что Павел Нагано по семейным обстоятельствам уволил себя от службы Церкви. Воспитанник Семинарии служил сначала хорошо, в последнее время опустился. Господь с ним!

И другой катихизатор ныне уволился: Антоний Ямааки, воспитанник Катихизаторской школы, человек болезненный, но благочестивый. Старший брат, военный офицер, язычник, потянул его учиться медицине. Этого больше жаль.

О. Петр Кано извещает о нескольких крещениях по своему приходу. Многие христиане также исповедались и приобщились во время его объезда. Пишет, что Андрей Ина обленился; жаль; ревностный был проповедник, должно быть, оттого, что на родине ныне служит.

Утром посетил меня священник с «Памяти Азова», пришедшего на днях в Иокохаму. Я выслал ему карточку с надписью, что «простуда горла не позволяет мне выйти из теплой комнаты и лишает возможности говорить». Впрочем, в это время переводил с Накаем, хотя и шепотом. Главное, визиты эти отнимают время от занятий, а потому и неприятны.

24 октября / 5 ноября 1895. Вторник

В одиннадцать часов были Посланник Михаил Александрович Хитрово и Адмирал Сергей Петрович Тыртов. Пред ними только что был флаг-капитан Молас — не принял по болезни, но их нельзя было не принять, хоть и будет потом в претензии Молас, мой хороший знакомый. В четыре часа тоже были офицеры — тоже отозвался болезнью, попросив Дмитрия Константиновича принять вместо меня. Избави Бог, если каждый день будет столько визитов! Теперь пока болезнью отзывать можно, а потом болтать с ними нужно, и сколько драгоценного времени будет поглощено у перевода!

Павел Ниицума, бывший иеромонах, лишенный сана и монашества, но до сих пор упорно отказывавшийся повенчаться с своею Мариею, от которой имеет уже двух детей, — «не виноват, мол, в грехе любовном», — пишет, наконец, что просит приехать к нему о. Фаддея Осозава для совершения Таинства.

Болезнь уступает лечению, кашель утихает. Следовало бы в самом начале позвать врача, столько страдать не пришлось бы, но таково наше самомнение и беспечность!

25 октября / 6 ноября 1895. Среда

Сегодня школы не учились: траур по случаю смерти Великого Князя Китасиракава. Три дня (5, 6 и 7 числа) не должно быть слышно музыкальных инструментов и пения.

Кипу катихизаторских писем перечитал: точно по песчаной пустыне бродишь, ничего радостного; все — шаблонные известия, что «нет слушателей, но, мол, будут» и прочее подобное.

Из Сакари Николай Явата пишет, что христианин Петр Исе совсем прогнал свою законную жену, а взял вместо нее наложницу, с которой прежде отзывался, что вот «только родит — я с нею разойдусь» и что Церковь из-за этого в расстройстве. Еще бы! Написано к местному священнику о Катакура: если Исе не вернет жены и не прогонит любовницы, то отлучить его от Таинства; молитвенную комнату из его дома перевести, наняв дом для того.

26 октября / 7 ноября 1895. Четверг

Часов в десять был Клиныш — отказался принять по причине болезни горла. Потом Генерал Сергей Афонасьевич Соломко — прощаться и попросить фотографию; не мог принять и его, выслав извинения и карточку. Зато целое утро сохранил для перевода. Ах, как бы хотелось, чтобы никто не беспокоил визитами! Шутка ли, отрываться от такого важного дела, как перевод Священного Писания, где нужно полное сосредоточение внимания, для бестолковой, ни к чему не годной болтовни!

После обеда бродил по бесплодной пустыне — чтению катихизаторских писем. Боже, какая это скука и какая мука! Скоро ли дхнет (дыхнет) оживляющее веяние благодати на Церковь?

Язычник из Хиросаки пишет, советует привлечь к христианству лечением больных и раздачею лекарств бедным; «Должно быть аптекарь», — заметил секретарь Нумабе.

27 октября / 8 ноября 1895. Пятница

О. Фаддей Осозава приходил рассказать, что учредил Варнаву Симидзу на катихизаторство в Хацивоодзи; что он очень рад переводу его туда, находит Церковь несравненно лучше, чем в Уцуномия, одушевлен желанием хорошо послужить и прочее. А Симидзу уже несколько дней тому назад писал совсем противное — что Церковь в расстройстве и упадке, точно после бури, что только и есть несколько доброго в деревне Гундоо и прочих. Удивился о. Фаддей такому противоречию. И кажется, не выйдет из Варнавы Симидзу ничего дельного, хотя и кончил он первым Семинарию, и много я рассчитывал на него. В Уцуномия ничего не сделал, только замутил Церковь, да еще оставил церковный дом похожим на хлев, как жаловался его приемник и даже приятель его — Игнатий Мацумото. На новое место только что поступил и уже оплевал его.

Пантелеимон Сато, кандидат, учитель Семинарии, пишет, что дочь его, вторая, маленькая, захворала, и хотя ей лучше, но он хочет «исполнить отцовский долг» — ухаживать за нею, и потому просит уволить его от классов, пока она больна. Я ответил, что если по подобным причинам увольнять от службы, то завтра же явятся в канцелярии половина чиновников

и на свои посты половина офицеров и подобное; что отцовский долг не должен мешать исполнению других обязанностей, иначе обратится из добродетели во грех, призывающий не благословение, а наказание Божие, и прочие. И потому он, предоставив больную жене, должен ходить на классы.

28 октября / 9 ноября 1895. Суббота

Редактор «Сейкёо Симпо» Исаак Кимура приходил поверить календарь на следующий год, готовимый к напечатанию. Заговенье пред масленой назначено на восьмое число февраля, в субботу, а начало Великого Поста на шестнадцатое, в воскресенье.

— Как! Вы воскресенье перенесли на субботу, а понедельник на воскресенье?

— Но так в календаре, что при святцах.

Действительно, в Листке Пасхалии при святцах по чьему-то недосмотру (но только не по моему; я не помню, кто из миссионеров помогал Матфею Уеда перенести эти сведения) 1896 год принят за простой, не високосный, отчего и ошибка.

— Но вы старый христианин, должны и сами знать, что заговенье пред масленой никогда не бывает в субботу, а Великий Пост не начинается в воскресенье. Притом же теперь и новая Пасхалия вышла, приложенная к Требнику; отчего с той не справились?

Сконфузился слегка своей беспечности, пошел поправить и принес исправный, который и отправлен в типографию.

Николай Накаси́ма, адвокат из Оота (дочь которого воспитана здесь в Миссии и выдана за катихизатора, другая воспитывается, а пятерых, кажется, остальных он просит меня удочерить и тоже воспитать!) пишет, что он спать не может от беспокойства, не убили бы меня здесь. Послано успокоительное письмо, что здесь и признаков нет никакой опасности.

29 октября / 10 ноября 1895. Воскресенье

Чтобы ускорить выздоровление, сегодня не пошел в Церковь и целый день не произнес громкого слова — горло порядочно отдохнуло, так что вечером, при переводе, кашля было совсем мало.

Из книжной лавки приносили русские книги для продажи, числом двенадцать; у всех до единой миссийские печати; книги, впрочем, все старые, почти все — бывшие учебники; сбытчики в лавку — Конон Ивасаки, исключенный из катихизаторов за дурное поведение, Сергей Сёдзи, академик, ушедший со службы Миссии, Петр Исигаме, академик,

состоящий учителем при Семинарии; прочих не разобрал; я купил наиболее нужные четыре книги.

30 октября / 11 ноября 1895. Понедельник

Было погребение Великого Князя Китасиракава. Классов поэтому не было. Даже Накай никак не согласился переводить, а увлекаемый патриотизмом, ушел проводить. Вечером, пришедши, рассказывал про великолепие похорон; за гробом шли, между прочим, офицеры в тех костюмах, в которых дрались с неприятелем на Формозе, в запачканных кителях, изношенных мундирах, что было особенно трогательно; несли обветшавшие в битвах знамена и прочее.

В «Japan Daily Mail» продолжается борьба веры с неверьем. «Secularian» поместил сегодня длинейшее письмо против Mc Caleb'a (американский миссионер), с которым диспутирует касательно Ветхозаветных пророчеств о Христе и тут-то честит своего противника! За то, что Mc Caleb выразил желание, чтобы «Secularian» раскрыл свой аноним, сей последний с грязью смешал его. Не любят же американцы своих миссионеров, ах, как не любят!

Сегодня завязался еще новый спор на страницах «Japan Mail». На днях кто-то поместил в ней передовую статью о том, что нет «бессмертия» — что его желает только сердце, но разум не допускает — стало быть, и нет его. Американский епископальный миссионер «Tung» сегодня написал плохенькое возражение на это; пойдет, значит, опять свистопляска нигилистов.

31 октября / 12 ноября 1895. Вторник

Петр Мисима из Мито пишет: один молодой человек готовится быть христианином, но обстоятельства его такие: состоя на службе в Тоцинги кен, он женился и уже шесть лет живет с женой; между тем родители его, люди богатые, заготовили ему дома невесту и слышать не хотят, чтобы он не женился на ней. Как быть? Отвечено: пусть держится своей настоящей жены и только под этим условием может быть допущен к крещению.

О. Тит Комацу просит проповедника для Татебаяси. «Нет, пусть поручит это место ближайшему из проповедников». Просит поместить в женскую школу девицу-христианку, засватанную катихизатором Негуро. «Можно».

Катихизатор в Уцуномия, Игнатий Мацумото, просится на месяц в отпуск к своей престарелой матери, с которой давно не видался. Написано о. Титу, что с моей стороны нет препятствий к увольнению его.

Мнится мне, что Игнатий всячески хочет отделаться от совместной службы с о. Титом в Уцуномия.

О. Мии попросил еще 14 ен дорожных к недавно посланным 28-ми; он думает с о. Судзуки посетить зараз все Церкви в Циукоку, до Мацуе включительно. Послано.

О. Петр Сасагава также попросил дорожных для посещения Каминояма и Вакамацу, о которых и ныне, в виде пролога, написал самые безотрадные известия. Ничего там нет, и нечего ожидать при наличных катихизаторах. Послано 7 ен.

Погода — мрачная, расположение духа — не от нее, впрочем — еще более мрачное. Единственное убежище — перевод Евангелия. Для будущего трудимся, если настоящее безотрадно.

1 / 13 ноября 1895. Среда

«Japan Mail» уж третий раз бранит Bishop'a Korfe'a, начальника Англиканской Миссии в Корее, за то, что он в своих корреспонденциях выставляет настоящие отношения японцев к Корее, что-де притесняют они корейцев, стараются только свои выгоды наблюсти, лицемеря, будто просвещают Корею, что крайне не любят их корейцы и тому подобное. Кто правее? Корф ли, что бранит японцев? Или Бринкли, что бранит Корфа за то? Оба одинаково правы: тот подделывается к корейцам, этот подслуживается японцам; оба англичане, и оба, соблюдая свои выгоды, в то же время служат своей стране. Таковы практичные англичане! Идеальности поискать — реальности поизбыть.

Состоялось бракосочетание старейшего из причетников-певцов — Елисея Хаякава с Верой Такахаси, сестрой диакона Павла. Сначала она ему отказала, потом он ей отказал, а в конце концов сошлись; и будет брак, наверное, счастливый, ибо он добрый и балагур, она скромна как мышь.

2 / 14 ноября 1895. Четверг

В японских газетах пишут, что Хамано в тюрьме молится и читает Священное Писание; пишется также, будто он был в Суругадайском Соборе «Бокуси» (что у протестантов означает «пастора»); должно быть, смешали его с Стефаном Оогое, который был катихизатором.

Пишут японские газеты о «полковнике Армии Спасения Райте», что у него уже наберено сорок новобранцев из японцев; описывают его жизнь, что он и прибывшие с ним живут совсем по-японски: пища, платье, приемы — все японское; усиленно учатся языку и неустанно проповедуют через переводчика, которым оказывается Нагасака — вероятно, тот, что втирался сюда. Неудивительно, если Армия Спасения будет

иметь такой успех, какой имеет «Генрикёо», не меньшая из новых языческих сект, но действующая на влияние чувства.

О. Сергей Страгородский из Афин пишет, что все еще желает сюда, хотя не пришел к окончательному решению, под влиянием советов разных лиц.

3 / 15 ноября 1895. Пятница

От «Kelly and Walsh» прислали запрос, какие периодические издания выписать на следующий год? Отказался от американского «Independent» и английского «Christian World»; очень уж опротивело злословие их, что ни номер, то какое-нибудь поношение на Россию и Русскую Церковь. В последнем номере «Independent»; например, поносится Россия за то, что духоворцев наказывают за уклонение от военной службы; где же, в каком государстве дозволяется безнаказанно нарушать государственные законы? Везде наказывают нарушителей, и в Америке строже, чем где-либо; но России этого нельзя; это ставится в вину ей: это «еще больше пятнает ее» (а она уже запятнана у них до черноты!) ...

О. Фаддей Осозава вернулся от Павла Ниицума (и из окрестных Церквей) и рассказал, что преподавал Таинства Покаяния, Причащения и Венчания ему и Марии; ныне, значит, уже законной его жене; крестил и двоих детей их; Павел Ниицума объявил, наконец, и старшего своего сына своим порождением, упорно до сих пор отказываясь от него и уверяя, что он только его приемыш. Павел, однако, по словам о. Фаддея, не являет искреннего раскаяния и смирения; причину вызова его, о. Фаддея, для совершения таинств выставляет какие-то свои сны, а не искреннее раскаяние примириться с оскорбленною им Церковью. Зато Мария, говорит о. Фаддей, истинно счастлива, что удостоилась, наконец, Святых Таинств. Спаси ее, Господь! Пошли и Павлу истинное сокрушение! Без Марии, вероятно, Ницума совсем бы погиб; она виною того, что ныне они примирены с Церковью; она же заправляет им и домом, ведет хозяйство так, что они надеются разбогатеть и прочее.

Посланник приезжал навестить; рассказывал о сватовстве к его дочери, на какое просили его благословения, тогда как он по первым телеграммам не мог понять, кого благословлять. Последующие телеграммы разъяснили, что сватается драгун Муханов, сын его знакомого. Страдает Михаил Александрович тою же болезнью, что и я, и лечится облатками из исландского мха, коробку которых и мне прислал.

4 / 16 ноября 1895. Суббота

Исайя Мидзусима из Оота отвечает, что желает перейти в Токио на службу; просит прислать катихизатора, которому сдаст Церковь и

новых слушателей учения. К сожалению, в письме самые неприятные речи от о. Кавано, — что пьет много вина, занят разведением цветов и подобное. Послать на смену ему — Исайи — из катихизаторов решительно некого; есть в Катихизаторской школе ныне один из давних катихизаторов, Павел Сибанай, служивший чиновником по оставлении катихизаторства; ныне опять настоятельно, чрез о. Бориса и других, напросившийся на службу Церкви; для повторения вероучения в сентябре поступил он в Катихизаторскую школу, но учения не забыл, как только что мне свидетельствовал о. Павел Сато, преподающий объяснение Православного Исповедания в школе. Придется послать его, если он не найдет к тому каких-либо неотразимых препятствий. Мидзусима же будет полезен здесь, в Токио, своим писательским талантом (хотя и слабым), а потом может быть секретарем Миссии, ибо нынешний мой секретарь — Нумабе — дряхлеет, едва ли выдержит долго. Дай Бог только, чтобы Исайя Мидзусима был таким же честным, как честен Сергей Нумабе.

5 / 17 ноября 1895. Воскресенье

Состояние болезни позволило, наконец, сегодня служить литургию. Чрез неделю, даст Бог, совсем буду здоров, и уж нужно потом беречь дыхательный аппарат! Три раза уж, чрез год, страдаю по целым месяцам осенью; увидим, буду ли глуп вперед; если и опять не остерегусь, то поделом! Глупость не меньший грех, чем безнравственность; еще, пожалуй, и больший, ибо ум — самый первый и драгоценнейший дар Божиим нам, и небрежение им заслуживает тяжкое наказание, одним из коих и бывает болезнь.

Между японскими юношами попадаются удивительные экземпляры грубости и просто свинства. Таков, например, Иоанн Накасима, живущий ныне здесь, в Причетнической школе. Из милости принят по просьбе о. Павла Сато, ибо никуда не годен по болезни глаз; родных же никого нет; кроме брата — врача, который прогнал его от себя. Больше года уже живет и не перестает мучить всех вокруг себя: товарищам в комнате не дает заниматься, — вечно кричит и буянит, в спальне долго никому не дает спать — кричит и орет, пока сон самого одолеет, даже в столовую не может выйти без дикого вопля и, питаясь, в то же время пищу разбрасывает вверх и вниз. Катихизаторская и Причетническая школы, наконец, коллективно, чрез своих старших, пришли просить обуздать или удалить его. Заставил я его просить прощения у них и дать обещание, что вперед перестанет бесчинствовать; потом, призвавши, наедине долго усовещевал его; сначала он на все улыбался и только под конец стал серьезным, когда я сказал, что уж больше не потерплю, чтобы из-за него десятки людей мучились; жалеть его одного — значит, быть безжалостным ко многим — это несправедливо; и вперед — при первом его

бесчинстве будет он удален из школы, что почти равно обречению его на голодную смерть, при совершенной непригодности его для какой-нибудь другой службы.

Получил книгу от архимандрита Сергия (Страгородского): «Православное учение о Спасении». Начал читать. Юноша в двадцать шесть-семь лет так умно и глубоко пишет! Если Бог даст ему долгие годы и не устанет он мыслить и писать, то он будет светилом Русской Церкви, здесь ли то, или в России.— Книга эта — его магистерская диссертация.

6 / 18 ноября 1895. Понедельник

В «Japan Daily Mail» продолжается война английских неверов с своими миссионерами по религиозным вопросам. Что «пророчеств» нет, это уже порешили,— Ветхий Завет-де только исторические и анекдотальные записи; теперь разгорается спор на тему о бессмертии. Один (Rev. Bartlett jr.) защищает сегодня бессмертие тем, что «сознательное я» (conscious ego), как «орган», не имеет здесь для себя вполне адекватных функций; как «организм», не заключает здесь, по сию сторону смерти, цикла своего существования, главное же следующим соображением: если бесконечное неизменно и если оно способно входить в соотношения, то и сии последние должны быть постоянны и неизменны. Следовательно, если человек имеет способность сознательного отношения к бесконечному, то его сознательность должна быть постоянной (permanent). Едва ли эта философия удовлетворит неверов. Да и удовлетворит ли их что-либо? И не лучше было бы, если бы миссионеры не затевали подобных состязаний и не давали языческому миру соблазнительного зрелища, как христиане разделились на ся? Сколько незрелых японских умов замугят эти ухарские воззвания неверов, что-де «нынешняя наука», что «светила науки» и так далее! А «светила науки», вроде ныне же упоминаемых Штрайса, Дарвина — то же в отношении религиозных вопросов, что «свинья в апельсинах», выражаясь бесцеремонной русской поговоркой. «Светила науки», например, не разрешили до сих пор, что такое «свет», простой солнечный свет, который у всех всегда на глазах и без которого никто и ничто не может существовать; куда же им соваться или совать их в авторитеты в рассуждениях о предметах менее очевидных, чем свет солнечный!

7 / 19 ноября 1895. Вторник

Ездил в Иокохаму в банки для размена присланных чеков и для покупки письменных материалов. Настоящее денежное состояние — упадок ценности серебра — сущее благоденствие для Миссии, лишь бы только деньги присылали по расчету на золото. Нынешний чек в 2603 фунта

стерлинга 3 шиллинга 9 паундов дал долларов 23 520; это из России прислано следуемое из Казны на первое полугодие следующего года: 16 348 рублей металлических, то есть наш рубль дал здесь полтора доллара, тогда как по обычному расчету 1 доллар = 1 рублю 33 ¹/₃ мет. рублей.

Возвращаясь из Иокохамы, занятый денежными соображениями и с покупками на руках, я и не заметил, что сел не в поезд тоокейский; вымоченный еще дождем и в опасении вернуть только что прогнанную болезнь, да не совсем прогнанную, я рад был сложить покупки на полку и уютно уселся, как подходит капитан («Бобра») Молас, случившийся в том же вагоне:

— Далеко ли? — спрашивает.
 — Был всего в Иокохаме.
 — Далеко ли теперь?
 — Домой, в Токио,— говорю.
 — Как в Токио? Вы едете вдаль от Токио; это поезд в Тоокайдо.
 — Будто? — изумился я, схватившись с места.— Большое спасибо, что избавили от неожиданного путешествия!.. И едва вышел из вагона, отворенного Моласом, как поезд тронулся. Думаю я про себя, что аккуратен. Никогда не должен человек даже в мелочах хорошо думать о себе!

8 / 20 ноября 1895. Среда.

День Святого Архистратига Михаила

Ровно пятнадцать лет, как я приехал в Японию последний раз, в сане Епископа.

По случаю именин посланника Михаила Александровича Хитрово в Посольской Церкви была литургия, потом молебен, в котором участвовал и я. На завтрак было несколько офицеров с наших судов в Иокохаме. Посланник, между прочим, рассказал, что третьего дня на гулянье в императорском саду по случаю расцвета хризантем (кику) Император спрашивает его о здоровье нашего Царя и Царицы и потом вдруг прибавляет: «А вас нужно поздравить с семейною радостью Императорского Дома: ваша Императрица сегодня разрешилась от бремени дочерью». Посланник взят был врасплох — он не получил телеграммы о сем; оказалось потом, что и в «Гваймусё» еще ничего не знают; значит, Микадо извещен был прямо от нашего Императора.

В три часа было крещение сына о. диакона Дмитрия Константиновича Львовского. Были все из посольства, начиная с Посланника, дочь которого заочно была поставлена крестною матерью; крестным отцом был секретарь Григорий Александрович Де-Воллан, державший очень усердно и неумело ребенка, но очень плохо по книжке прочитавший «Верую», чем истинно компрометировал русское христианство пред

всеми бывшими в Церкви, а был весь хор, то есть Семинария и Женская школа и вся Катихизаторская школа (последняя стояла вне, у открытых дверей). Я крестил; сам отец служил диаконом, мать хлопотала у подушки для ребенка; Елисавета Котама стояла подряд с Де-Волланом, помогая ему управляться с рабом Божиим Михаилом. За крестины получил на Церковь 50 ен, а от Посланника рушник — шелковый отличный платок, который послужит покровцем для чего-либо в Соборе. После крестин у Львовского было угощение — шампанское, чай и на столе холодная закуска; но больше всего угощались все малышами его, которые — презанимательные дети: старший — Гриша, семи лет, являющий большие задатки будущего отличного живописца, средняя — Ира, пяти лет, играющая на фортепиано самоучкой, с удивительною верностью; младший — Петя, трех лет, будущий комик, ничего не может сделать всерьез.

Часов в пять Поляновский (Зиновий Михайлович) зашел ко мне, и проговорили до шести; я предлагал ему перейти в духовное звание, пройти Академию и быть здесь миссионером, в преемство мне. Не обнаруживает желаний; говорит, что очень склонен к семейной жизни. Что ж, Бог с ним! Из разговора, во всяком случае, дурного ничего не может выйти, ибо он останется между нами. А жаль! Человек еще двадцати четырех лет — и такой серьезный в добре и благочестии.

Павел Сибанай сегодня отправился в Оита, заменить Исаяю Мидзусима, который, сдавши ему Церковь, прибудет сюда. Товарищи выпросили третий класс, чтобы проводить его до Симбаси.

9 / 21 ноября 1895. Четверг

О. Матфей Кагета жалуется, что Стефан Тадзима, катихизатор в Тоёхаси, совсем ничего не делает, только рыбу удит и угрожает о. Матфеем, что если он не исправится, то будет возвращен в Миссию. Написано отсюда Стефану Тадзима, что если это случится, то и Миссия от него откажется, пусть идет на все четыре стороны. Вот наказание-то! Не выдерживают японцы, портятся на службе. Был когда-то этот Тадзима очень живой и деятельный; кстати, же он от природы очень речист; был моим любимцем за это; опустил мало-помалу на службе в Хацивоодзи. О. Фаддей не так сильно жаловался на него, хотя тоже роптал, а о. Матфей, как человек более прямой и решительный, вот ныне почти уже выбросил его из числа своих подручных катихизаторов. И пусть бы имел причины — жаловаться на бедность, чем иные катихизаторы думают покрывать свою лень, — ни чуть не бывало: получает 12 ен только на себя и на живущую с ним мать, да еще из них 6 ен дает местная Церковь, что особенно должно бы обязывать его к труду и усердию — куда! Придется, знать, прогнать со службы, ничего не поделаешь с человеком, коли он, держа свечок в руках, нравственно заснул.

10 / 22 ноября 1895. Пятница

О. Борис Ямамура пишет о Павле Хосои, катихизаторе в Фукуока и Ицинохе: неправду он, Хосои, написал сюда, что сам из своего скудного жалованья снабжает Церковь всем нужным для богослужения: свечами, углем и прочим; вероятно, хотел-де прибедниться, чтобы выпросить книг для слушателей учения. Во всяком случае, очень неприятно, что катихизатор пишет неправду, бросая при сем тень на своих христиан — безучастны-де и прочее. Книги же всегда давались всем просящим.

Фома Такеока из Цуяма пишет, что у него крещено пять человек, и новые слушатели есть. Вообще из него порядочный катихизатор вышел, несмотря на то, что я всегда считал его лентяем, когда он учился в Семинарии. Его Церковь в Циукоку ныне самая оживленная, и это благодаря его деятельности.

Моисей Минато пишет о Сикотан-дзима о тамошних христианах (бывших наших курильцах). Хранят веру и благочестие, живут безбедно благодаря попечению об них Правительства. Ныне всех их пятьдесят восемь человек, из которых старшему шестьдесят два года. К письму приложен список христиан с обозначением лет всех. Приложено также письмо по-русски Якова Сторожева, в котором, между прочим: «Молитвенник киники получил очень благодарю». Моисей Минато проведет с ними зиму и подучит молодое поколение вере.

О Василии Ямада, катихизаторе в Карасуяма, кто-то написал сюда, что он дурно ведет себя. Письмо послано было к о. Титу Комацу, чтобы он исследовал. Пишет о. Тит, что Василий Ямада впал в долги, оттого что его семейство переболело, да и не раз дети болели, больше за ним дурного нет. Пошлется завтра о. Титу 10 ен от меня для Ямада и напишется, чтобы он убедил христиан Карасуяма выкупить своего катихизатора из долгов — для них он трудится, должны и они промышлять о нем.

11 / 23 ноября 1895. Суббота

Милые вы, мои японцы, и добро-то нужно делать вам с опаской, чтобы оно не испортило вас! (Или уж это и везде так?) Учился здесь в Катихизаторской школе, до выпуска нынешнего года, юноша Петр Кисимото; казался он мне особенно бедным, и потому я справлял ему иногда платье, не в пример другим. Теперь он на службе — катихизатором в Готемба, и оттуда тоже просит платье, да, кроме того, и часов. Строго написано ему, чтобы довольствовался получаемым жалованьем, как и другие, — из него справлял себе платье, выэкономив, коли хочет, и часы; еще, чтобы больше занимался своим служебным делом и писал сюда о церковных делах, чего ныне не делает.

Был Кавасаки Сабуро (прежнее имя Китамура), главный редактор «Циувоо-Симбун», приверженец союза Японии с Россией; просил представить его нашему Посланнику; я обещался сделать это. Он один из способных писателей в Японии; уже несколько исторических книг издал. В последнее время целый год путешествовал по Корее и Манчжурии и оттуда писал корреспонденции. Несколько лет тому назад издавал журнал с названием по-русски «Столп империи», потом газету, которую часто запрещали за слишком вольные мысли; учился и по-русски, только жаль — не доучился до понимания русской книги или газеты; сегодня возвратил мне занятый у диакона Сергия Судзуки миссийский русско-китайский словарь, совсем истрепанный; аглицкую газету понимает. Советовал я ему сегодня сделать путешествие по Америке и Европе; зарабатывает он, в месяц, кистью 200 ен, значит, легко может скопить на вояж, а он расширит его кругозор. Мне кажется, это одна из будущих значительных величин Японии; от роду ему всего тридцать лет.

Сегодня японский гражданский праздник, и потому классов не было, перевода у меня с Накаем тоже не было.

За всюнощной было несколько офицеров с наших военных судов.

12 / 24 ноября 1895. Воскресенье

После обедни была Софья Накагава, из Сендая; приехала повидаться с сыном, молодым гвардейским офицером, Николаем, только что вернувшимся с Формозы. Встретила его здоровым и невредимым и приписывает это милости Божией; говорила, что все время просила о. Петра Сасагава за проскомидией вынимать частицу о здравии его; молились и другие с нею о нем. Он участвовал во многих битвах; сабля зазубрена от ударов по врагам; пальто обагрено вражьей кровью. Все время на груди носил икону, которую его благословила мать; был и болен от местного климата. Юноша этот родился тогда, когда отец его, Петр, в 1872 году, жил у меня здесь, на Суругадае, учась вере; как теперь вижу счастливую улыбку отца, пришедшего поделиться со мною своей радостью. И вот уж сын боевой офицер! Течет время!

В два часа пришел жандарм, Дмитрий по имени, родом из Наканиеда, отправляющийся послезавтра на Формозу. Был он солдатом и вынес весь поход в Китай, в северной армии, участвуя во многих сражениях; вернувшись, пожелал служить в жандармах (кемпей), почему поступил здесь в приговорительную к сей службе школу, правила которой не позволили ему отлучиться сегодня утром для того, чтобы помолиться за литургией, но он готовился к Таинствам, постился и очень просил исповедать и приобщить его запасными дарами; я с радостью согласился на это; священников не случилось, ни о. Романа, ни о. Павла Сато, и потому я сам исповедал и приобщил его. Потом (угостив чаем с булкой) снабдил его христианскими книгами и иконками.

Был барон Мадено Коодзи, жаловавшийся, что наши академисты пишут о России дурно в газетах, также что из русских газет дурное об Японии переводят и печатают, особенно Кониси этим отличается. Просил остановить их. Но как? Им говорено было — каждому, пред отправлением в Академии, что они назначаются, между прочим, и на сближение их Отечества с Россией; пусть-де потом говорят и пишут в Японии о России и наоборот, да пусть в России на задние двory не заходят и грязь оттуда не вывозят в Японию. Если они все-таки нагрузились грязью, то как сделаешь, чтобы не пачкали и не воняли?!

13 / 25 ноября 1895. Понедельник

Был методистский бишоп, американец Hendrik в сопровождении Rev. Loomis, моего знакомого. В белом галстуке, с умными глазами и живыми движениями; рассказал я ему о нас здесь все, что он пожелал знать, и даже снабдил книжкою протоколов нынешнего Собора, но в Собор и на колокольню не повел, чтобы не застудить не совсем поправившегося горла, — одни досмотрели, что хотели.

О. Иоанн Оно, состоящий в Нагоя, был; направляется, согласно испрошенному наперед дозволению, в Сендай, к себе на родину по домашним делам.

О Церкви в Нагоя говорит, что прежние христиане держат веру, ходят в Церковь, новых не является; проповедь совсем упала.

14 / 26 ноября 1895. Вторник

Новые академисты — Емилиан Хигуци и Марк Сайкайси погостили в своих домах, вернулись и теперь готовы к службе; поэтому сегодня учителя (академисты) сделали новое распределение уроков в Семинарии и Катихизаторской школе; о. Сергей Глебов от преподавания уволен, ибо скоро отправляется в отпуск в Россию, а приехавшим даны уроки; всем им — академистам — пришлось по двенадцать уроков в неделю (всех их семь человек). Кроме того, они издают «Синкай».

В двенадцать часов мы все вместе пообедали; о. Роман, нынешний (весьма слабый) инспектор Семинарии, участвовал с нами в трапезе, но ему должно было быть очень скучно, ибо разговор все время шел по-русски.

Пред обедом, встретившись с Даниилом Кониси, я говорил ему, чтобы не писал дурно о России и из русских газет не переводил дурное о Японии — ропщут-де на это сами же японцы, желающие добрых отношений к России; заверил Кониси, что он совершенно не причастен этому греху.

15 / 27 ноября 1895. Среда

Утром отослал доктору Оказаки гонорар за его визиты: 20 ен, был он у меня одиннадцать раз; за лекарство заплачено особо. От болезни, наконец, избавился — слава Богу!

После обеда секретарь Нумабе и его помощник Фудзисава сдавали, как всегда в это время, деньги, вырученные за год с продажи по Церквам крестиков, икон, церковных свечей и прочих церковных предметов, а также книг, печатаемых Миссиею: всего ныне выручено: 318 ен 40 сен. А расходов-то сколько было! Суждено ли когда-либо покрыться расходу приходом?

По сегодняшней «Japan Daily Mail» синтуистских кумирен в Японии 193 476, синтуистских жрецов (синкван) 14 766 (то есть по тридцать кумерен на жреца, ибо служба в каждой из них должна совершаться раз или два в год). Буддистских кумирен: 108 000, а бонз 55 000. Вот какая вражеская армия перед нами!

16 / 28 ноября 1895. Четверг

О. Симеон Мии из Хиросима пишет, что он был в Мацуе, исследовал, что там наделал Лука Кадзима, прежний катихизатор. Оказывается, следующее: удерживал он у себя, на свои расходы, квартирные деньги, 3 ¹/₂ ены ежемесячно, посылаемые отсюда; до сорока ен он задолжал таким образом домохозяйину. Этот вышел, наконец, из терпения, выселил Луку с семейством в дом, где устроена, во втором этаже, молельня, и отдал его прежнее помещение, домик, выходящий на озеро, под ресторан, заключив условие с рестораном на два года. Чрез это молитвенный дом сделался совершенно несоответствующим своему назначению. Поместиться там катихизатору есть где, но проход к ресторану, лежащий чрез навес молитвенного дома, и самое соседство ресторана, откуда, особенно по воскресеньям и по вечерам, раздаются возгласы гуляющих, песни и музыка арфисток, делают неудобными и проповеднические, и молитвенные собрания: это обстоятельство и привело в уныние теперешнего катихизатора Петра Такемото. О. Мии пишет, что если бы он явил настолько мужества и терпения, насколько обнаружил в минувшую Китайскую войну, то мог бы проповедывать и в Мацуе, но при его упадке духа и к тому еще катихизаторская неопытность находит лучшим дозволить ему, как он сам желает, отправиться на проповедь в Ивакуни, в Ямагуци кен; Мацуе же на время поручить соседнему катихизатору Николаю Такаги (в Ионако). Просит о. Мии простить вину Луки Кадзима; из-за бедности-де провинился, как ныне раскаивается плачем; шесть человек детей и отец больной, а содержание всего 13 ¹/₂ ен едва на рис хватает (местная же Церковь, должно быть, не помогала, или мало очень). В Хиросима ныне он любим и полезен, а христиане там помогают ему в

содержании. Конечно, нужно будет простить да еще и послать на руки о. Мии помощь для Луки. Прямо нельзя; Лука, при своей глупости, может принять за поощрение и вперед к подобным поступкам.

17 / 29 ноября 1895. Пятница

Стефан Тадзима, из Тоёхаси, оправдывается, что он только девять раз ходил рыбу удить (как будто в этом дело!), но что у него ныне есть слушатели, из коих шесть надежные. Послано его письмо о. Матфею Кагета, чтобы он наблюдал за отношением Тадзима к слушателям. Стяжать их нетрудно: желающие слушать христианское учение везде найдутся, но трудно довести их до крещения — для этого требуется усердие и постоянство катихизатора.

Николай Такаги, из Ионако, пишет длиннейшее письмо, в котором наиболее интересное то, что крестился там сын местного богача и жидутся на сем надежды на дальнейшее развитие Церкви. Дай Бог! Но только опыт показал, что крещение молодых богачей почти никогда не сопровождается ожидаемыми результатами: богатство слишком искусительно, чтобы обладающий им долго воздерживался от возникавших в молодом человеке всевозможных похотей.

18 / 30 ноября 1895. Суббота

В чаклом журнальце — орган Епископальной Церкви — «Нициёо-Сооси» (по ихнему варварскому произношению «Ничиёо-Соши») критика на антикритику Петра Исикава касательно их отзыва и писанья по поводу выхода нашего Службника (Хоодзикёо); опять о призывании Святых: «В Священном Писании и в Писаньях Отцев первых трех веков нет-де и следов сего; выдумка это — Отцев четвертого века: Василия, Григория Нисского, Златоуста». Что ж, Исикава и опять может отповедь дать, но уже посильнее, чтобы не задевали.

Поляновский приезжал пообедать. Юноша двадцати четырех лет не приходит, а приезжает в кабриолете, с кучером, а жалуется еще, что экономию не может наблюдать, — а отец велел это; жалуется еще на многое другое, и мне кажется, что все только болтовня, а я думал было, что он очень серьезен для дипломатической службы и звал его в миссионеры. Выходит: «не ву па», как бывало осаживал меня доброй памяти И. А. Гошкевич.

19 ноября / 1 декабря 1895. Воскресенье

Третьего дня посылал старика Алексея Оогое спросить, не продается ли ныне место Набесима, что внизу нас, на восток. Сегодня принес

ответ; продается, если дать по 25 ен за цубо, то есть шестьдесят тысяч ен за все 2400 цубо. Прежде, когда хотел я это место купить под Собор, просили сорок тысяч, теперь шестьдесят. Значит, место вполне недоступно для нас, а я думал, если продадут, строить на нем Семинарию. Придется строить ее на нынешнем ее месте.

Был Алексей Николаевич Шпейер с супругой Анной Эрастовной; едет Посланником в Корею, и, кажется, Посланник будет надежный; человек с очень стойким, даже упорным, характером и с решительностью. Говорил, что в Персии два раза вызывал войска из России, никого не спрашиваясь в Петербурге (посланник Бюцов бывал в отпуску в это время; Шпейер, служа секретарем, исправлял его должность) и всегда чрез это настаивал на пользах России, и получал одобрение Государя.

20 ноября / 2 декабря 1895. Понедельник

После обеда пошел посмотреть классы; пора уже было и заниматься, но ни учителей, ни половины учеников в классах; первых нашел в учительской комнате (преподаватели китайско-японской литературы). «Отчего не в классе?» — «Ученики поздно собираются», — говорят. Запоздавших учеников велено было лишить ужина, да жаль стало потом, лишил только троих, которые совсем уж не пришли в класс по лености; один из сих даже и в школе не найден был — удрал в город. Если ожидаемый из России Иван Кавамото не окажется педагогом, то школу хоть брось по неимению человека смотреть за учениками; нынешнего смотрителя о. Романа Циба можно без всякого урона для школы заменить палкой или кошкой.

Петр Исигаме, редактор «Синкай», приходил сетовать, что без гонорара неохотно пишут для журнала — отчего журнал не идет. Сказано, как давно уже — «пусть Синкай окупает свое издание, затем все, что больше того, — гонорар пишущих».

21 ноября / 3 декабря 1895. Вторник.

Праздник Введенья

Служба была в приделе Богородицы. Кроме учащихся, в Церкви почти никого не было, ни вчера за всенощной, ни сегодня. Не знаю, есть ли и средства побудить японских христиан ходить в праздники, кроме воскресных дней. Знать другие люди нужны — и мы, учащие, и они.

После обеда был Петр Оояма, бывший катихизатор, ныне гвардеец, только что вернувшийся с Формозы. Участвовал во многих сраженьях, отличился так, что рисунки одного его подвига вместе с девятью товарищами вызвавшимися — все десять человек — на отчаянное дело выбить неприятеля из засады, остановившей ход целому отряду, продаются в городе. Вернулся цел и приписывает это милости Божией. Говорит, что никогда так не молился, как на поле битвы, и вынес твердое убеждение,

что только вера творит истинно храбрых, будь то даже языческая вера, только неверующие — а такими оказываются в Японии интеллигенты так называемые — вкусившие просвещения, но не дошедшие до края его, способны робеть в решительные минуты. Говорил, как офицеры-язычники зазывали его поговорить о христианской вере; рассказывал много живых боевых сцен. Прослужил он в военной службе уже четыре года, на год больше определенного, по случаю военного времени; ныне увольняется от службы, почему отправится до нового года домой погостить у родителей, а потом явится сюда, в Катихизаторскую школу, повторить христианское вероучение и затем опять на катихизаторскую службу.

22 ноября / 4 декабря 1895. Среда

Иоанн Синовара, из Кесеннума, описывает тамошнее религиозное состояние: бонзы — шарлатаны; видный из тамошних признавался ему, что ничему не верит, молитвы же совершает только для дураков-верующих (Гуфу-гуфу), протестантский катихизатор от неимения слушателей занимается торговлею — берет на комиссию часы продавать; католики закрыли свой молитвенный дом и удалились от неимения никого больше у них, — все рассеялись, или потеряли веру. Наша Церковь продолжает стоять, хотя умножения христиан не видно.

Варнава Симидзу описывает усердие христиан Гундоо; был он там из Хацивоодзи на женском собрании. Но, кроме женщин, и мужчины собрались, и большие, и малые, так что вся Церковь оказалась в сборе, и все слушали и бодрствовали с восьми до двенадцати часов ночи.

О. Петр Ямагаки, из Хакодате, пишет, что консул Устинов воспользовался позволением отсюда занять под канцелярию пустующий второй этаж дома у Церкви.

Яков Каяно, из Оосака, извещает, что слушатели учения есть: от него это — редкое, стоящее отметки, письмо.

23 ноября / 5 декабря 1895. Четверг

Есть между нашими катихизаторами очень скромные; так Петр Ямада, проповедующий в Мияно, получает всего семь ен и на это питается, одевается и квартиру себе нанимает. И только неудобство для проповеди побудило его ныне скромно, чрез своего священника, о. Иова, просить полторы или две ены на квартиру; живет-де в дешевой гостинице, постояльцы и ночлежники мешают проповеди. Написано, чтобы нанял отдельную квартиру — две ены даны будут.

Исайя Мидзусима и жена его трогательно благодарят за дорожные. Ждал он, по-видимому, только для себя, а послано на жену и на детей

(25 ен), — и это считается великою милостью, но без этого как бы привез он жену и детей (из Оита, с конца Киусиу) — в долг? Бедность его родного дома я видел, — содержится рукоделием его сестры только. Бедные наши катихизаторы!

Сегодня кончили перевод Евангелия от Луки, слава Богу! Завтра приступим к Иоанну.

24 ноября / 6 декабря 1895. Пятница

Мысль занята постройкой Семинарии. Как только приедет Иоанн Кавамото, составим план и станем строить.

Вместе с тем думал было приступить к постройке каменного небольшого дома для редакции, бок о бок с библиотекой, но это было бы в настоящее время роскошью: отложить на несколько лет. Думал еще для Певческой школы построить дом внизу, но кому жить там? А спеваться и здесь могут — всегда, как ныне. Лучше же того, перенести на нижнюю площадку старые японские здания, что ныне занимают семинарское место, для устройства помещения служителям; площадку наполнят бедные семьи с детьми, женами и всею неизбежною рухлядью — протянутыми веревками с мокрыми тряпками и тому подобное. Но что ж площадка будет пустовать? Это тоже неприглядно. Впоследствии, если место потребуется, эти здания не жаль будет уничтожить — они будут очень дешевые, ибо семинарские здания, если не перенести, нужно употребить на дрова; продать же их, дешевле дров дадут. — Впрочем, обо всем этом еще нужно подумать; мысль только сейчас пришла в голову.

25 ноября / 7 декабря 1895. Суббота

О. Петр Сагава, описывая свою поездку по Церквам, почти совсем бесплодную в смысле приращения Церкви, довольно хорошо отзываясь о катихизаторе в Каминояма, Эрасте Миясина; любят его там, и окрещено у него пять. Очень рад буду, если из него выйдет хороший служитель Церкви — это был первый младенец, окрещенный мною в Токио.

Сергий Кобаяси, катихизатор в Мориока, просит принять двух отроковиц оттуда в школу и на церковное содержание. В прошлом году они определены были сюда с некоторою платою, но скоро же взяты под предлогом болезни бабушки, в сущности — по настоянию язычников-родственников и с целью выдать одну за каннуса, другую за родственника-язычника. Они воспротивились этому и слезно просят его, Кобаяси, выхлопотать им позволение опять прибыть в школу, и так как родители их бедны — на церковное содержание. Чтобы не дать им утонуть в языческом море, позволение им будет послано.

26 ноября / 8 декабря 1895. Воскресенье

О. Симеон Мии, вернувшись в Кёото, прислал ныне, на японском, длинный отчет о своем путешествии по Церквам вместе с о. Сергием Судзуки. Из него прежде всего видно, что сам о. Мии — хороший священник; о. Сергей, кажется, тоже будет ревностным пастырем. Везде они совершали богослужения, везде исповедали и приобщали христиан; но крещений было совсем мало. Церкви в Циукоку только в Цуяма и Ионако хороши благодаря тому, что катихизаторы хороши, в иных местах везде катихизаторы слабы, оттого и Церкви неподвижны, хоть о. Мии старается речь о сем скрасить разными объяснениями в пользу катихизаторов и Церквей.

Отдал визит Шпейерам, в Metropo! Hotel, не застал их дома.

27 ноября / 9 декабря 1895. Понедельник

Отслужили сегодня панихиду по о. Анатолии, в годовщину его кончины. Упокой, Господи, его душу! Первый отозвавшийся на призыв сюда и послуживший делу Божию здесь!

Был Reverend Taft, баптист; принес с сотню вопросов: где родился, учился и прочее. Нужно-де для напечатания; о всех долго живших в Японии миссионерах печатается-де где-то; ответил, на что мог.

Ужасно досужий народ эти протестантские миссионеры; правда, что и много же их, на биографии самих себя даже хватит.

Начал вставать, как и прежде, в три часа — дел накопилось много, особенно корреспонденция запущена. Сегодня, между прочим, написал письмо душеприказчику Александра Константиновича Трапезникова, в Москве. В мае послал Александру Константиновичу 433 рубля 33 копейки, пожертвованные полковником В. В. Ивановым из Владивостока и его женой Ал. Серг. на митру. О. Феодор Быстров 25 июля переслал эти деньги ему, а он еще 4 июля скончался. Ныне распорядитель его дел В. Кельин уведомляет, что Александр Константинович по получении моего письма собрал уже сведения, где лучше заказать митру, но скончался — денег же им не получено, и о сих деньгах до 4 октября нет никаких сведений; между тем от о. Феодора Быстрова я имею уже письмо от 9 октября, и в нем ни малейшего намека, чтобы деньги были возвращены за смертью адресата. Боже, как бы не пропали деньги. Пишу ныне Кельину и о. Феодору по сему.

Получено сегодня письмо обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева, что Академия наук желает иметь наши издания здесь — переводы книг на японском языке и периодические. С величайшим удовольствием поделимся сим.

28 ноября / 10 декабря 1895. Вторник

Утром получил письмо от господина Кавамото, академиста нашего, из Иерусалима; письмо дышит благочестивым чувством. Это — первый японец, поклоняющийся великим святыням с истинно христианским настроением и одушевлением. Был прежде там, по пути в Россию, Александр Мацуно (умерший потом в Санкт-Петербургской Академии), но хоть бы малейшее движение чувства мелькнуло оттого в его дневнике, ведённым им со дня на день и в Палестине.

О. Матфей Кагета жалуется на Сергия Кувабара и просит убрать его, дав другого; посватался на какой-то и потом отказался, чрез что такую возбудил неприязнь, что ни одна христианка не приходит к нему на молитву в праздники; также ленится и должает. Отвечено о. Матфею, что некем его заменить, а пусть возьмет Кувабара к себе в Сидзуока и постарается его исправить; в Эдзири же и Симидзу может ходить по временам из Сидзуока катихизатор Акила Хирота; можно положить ему для этого несколько дорожных.

Был в сопровождении профессора Кёбера Rev. Munzinger, немецкий пастор для Посольства и немцев в Токио, и евангелический миссионер для японцев. Чрез Кёбера просил познакомиться и показать ему Миссию. Показаны Собор, Библиотека, Женская школа — больше темно было. Строится он ныне чрез наших Чёго и Василия Окамото. «На колокола для своей Церкви просит у своего Императора две пушки», — говорит.

29 ноября / 11 декабря 1895. Среда

Дал вновь прибывшим академистам — Марку Сайкайси и Емильяну Хигуци для перевода на японский по книжке философии Кудрявцева. Первые две книжки переводит Петр Исигаме. Непременно нужно поскорее, года бы в три-четыре дать на японском языке все девять книжек нашего философа. Весь верхний слой японского общества, с учащими и большими учащимися в том числе, религиозных книг не читает, ибо почти сплошь весь отбилса от всякой веры. Но философа читать станут и только по прочтении узнают, что философ-то христианский; в процессе же чтения, быть может, что и западет в душу.

Чрез профессора Кёбера просил знакомства некто Ватару Маессима и сегодня был. Оказался молодым человеком, сыном известного заслугами по почтовому ведомству (и ныне директора Железнодорожной компании) Маессима; воспитан в Америке, будучи отправлен туда двенадцати лет, отчего вернулся домой совсем забывшим родной язык и не умеющим писать, что заставило вновь здесь учиться китайско-японской письменности; протестант пресвитерианского толка; в семье же его сестры — одна баптистка, другая епископалка; отец и мать ни во что не веруют; бабушку

он успел обратиться в христианство. Дал я ему «хикаку-сингаку» и познакомил с Марком Сайкайси в видах пользы для него от разговоров с нашим молодым ученым, ровесником ему.

30 ноября / 12 декабря 1895. Четверг

Кроме перевода, занят был писанием в Россию. Написал, между прочим, в Москву, священнику Военного Александровского Училища, зятю покойного о. протоиерея Александра Ивановича Иванцева-Платонова и душеприказчику его, выделившему из семнадцати тысяч, завещанных на благотворительные дела, одну тысячу для Японской Миссии и приславшему ныне ее сюда; написаны ему — уведомление о получении и благодарность ему и детям покойного за пожертвование. Достоинство о. протоиерея возносить здесь всегдашнюю молитву!

Это был один из самых теплых радетелей Миссии и при жизни немало жертвовавший на нее и, без сомнения, немало располагавший других к тому в Москве. Между прочим, он принес мне на Саввинское Подворье в Москве, когда я жил там для сбора пожертвований на построение Собора, в 1880 году, как пожертвование, два свои магистерские креста — золотой и золоченый; ему пред тем недавно дали докторский, так что эти оказались ненужными; он и не нашел для них лучшего употребления, как пожертвовать Миссии. Без сомнения, и Миссия хранит их поныне как трогательный знак доброго расположения к ней одного из лучших людей в России; и пусть они хранятся навсегда, в память и поощрения будущим миссионерам и служителям Церкви здесь!

1 / 13 декабря 1895. Пятница

Приходит о. Павел Сато и рассказывает следующее: Сира Ниномия, добрая христианка в Иокохаме, дала разводную своему мужу Иосифу Ниномия. Ему от роду шестьдесят девять лет, ей — сорок пять. Что за причина? Иосиф — неисправимый игрок в шашки, вечно проигрывающийся. Многие года он предан был этой страсти; промотался из-за нее; так что Сира, чтобы обоим не умереть с голоду, будучи умной женщиной, прошла курс акушерства, получила диплом на звание бабки и ныне с немалым успехом занимается своим ремеслом в Иокохаме, но Иосиф все проигрывает, что она добывает. На какие только штуки он не пускался, чтобы выигрывать, и все напрасно! Например, нанимал он заведомо искусного игрока, садил его на потолке с отверстиями в комнату и от него проводил целую систему нитей под себя: игрок с потолка подергиванием той или другой нитки давал знак, какой шашкой ходить, но увы! Игрок указывал ему предательские ходы, в пользу его противника, ибо был переподкуплен, и тому подобное. Словом, Сира окончательно выбилась

из сил, воюя многие годы против безумной страсти своего благоверного. Он стал убивать и ее практику всюду, где она вхожа, являясь и прося денег взаймы, чрез что и ей стали отказывать. И вот она, на старости лет их обоих, решилась развестись с ним. Он теперь отправился на прожитье к одному своему родственнику близ Оосака.

— Что же вы сказали Сире, когда она рассказала о разводе? — спросил я о. Павла.

— Сказал, что развода ни в каком случае не должно быть; пусть же это будет временной разлукой по обстоятельствам; в случае болезни Иосифа или другой крайности она должна опять принять его или озаботиться, как о муже. Она и сама так разумеет и так будет поступать. Она и теперь на путь и на прожитье снабдила его средствами.

— В таком случае ее по-прежнему можно допускать к Таинствам исповеди и приобщения. Иосифа же, как неисправимого, нельзя, пока не исправится, исключая смертную опасность.— Странные бывают казусы между японскими христианами!

2 / 14 декабря 1895. Суббота

О. Николай Сакурай на десяти листах описывает свое путешествие по Церквам; но еще и до Саппоро не дошел, посетил только Эсаси — где никакого успеха, конечно, от лености катихизатора Исайи Секи, — Куромацунай, Суцу и Иванай; крестил человека четыре; радостного в письме ничего; о болезни своей много пишет; видно, что недолго наслужит: кроме головных беспрерывных болей, еще желудочные страдания. И кто мог предвидеть, что человек по здоровью неблагонадежен для священнической службы! Служа немало лет катихизатором, никогда не жаловался на слабость здоровья!

О. Комацу пишет о долге Василия Ямада: родные жены дают в уплату 25 ен, собрал о. Тит пять, от меня десять, итого 40 ен; недостает десяти, ибо должен Ямада 50 ен. Ответчено о. Титу, что я еще дам из своих (не церковных, которые не имею права расходовать на уплату долгов) пять ен, но не иначе как если он соберет остальные пять. Тогда бы он отправился сам в Котосуяма, расплатился с кредиторами Василия Ямада, разорвал бы его долговые расписки и вперед настрого заказал ему не должать (теперь же и содержание его не 8, а 10 ен в месяц).

Стефан Камои из Кокура пишет радостное письмо: трое крещены у него, чему и Церковь очень обрадовалась, так как там давно не было крещений. Молодой катихизатор из семинаристов начинает чувствовать употребление своих сил; до сих пор бесплодно жил в Янагава, хотя место сие и резиденция священника, но священник сей — Петр Кавано, беспечный и ленивый.

3 / 15 декабря 1895. Вторник

После литургии отслужена была панихида по православным воинам, павшим в битвах или от болезни в походах в минувшую войну с Китаем и на Формозе. Всех таковых оказалось у нас одиннадцать человек, известных нам. Панихида отслужена по поводу того, что, начиная с сегодня, четыре дня будет праздник в честь погибших на войне всех воинов в Сёокоися — кумирне, воздвигнутой в честь павших при реставрации Микадо, на Куданзака.

Будут там молиться душам сих воинов, приносить им жертвы. Даже Император сделает им эту честь послезавтра, а Императрица — на следующий день. Со стороны Императора это — беспрецедентный в японской истории поступок; до сих пор никогда императоры не молились душам своих подданных.

После богослужения зашли ко мне: Анна Эрастовна Шпейер, капитан «Адмирала Нахимова», доктор с сего судна, японский молодой гвардейский офицер Николай Накагава, Павел Накай и другие. Накагава, кажется, солгал в разговоре с капитаном и доктором, что убил на войне двенадцать человек, «вот этой саблей»-де, и показывал саблю любопытствующим. Мать его недавно говорила мне, что двух убил, «потому-де что иначе каждый из них убил бы его». Жаль, если он глуп. Анна Эрастовна приходила отчасти переговорить с Накай-сан, которому поручает свою воспитанницу и крестницу Катю (побочную дочь Маленды), отчасти чтобы взять Катю сегодня к себе на день.

Вечером продолжался перевод только до восьми часов: Накай отпросился переговорить с адвокатом, который взялся вести дело по отчуждению Кати от матери, весьма ненадежной женщины; по отчуждении же Накай удочерит ее.

4 / 16 декабря 1895. Понедельник

Утром сегодня Накай тоже отпросился: нужно ему в Посольстве переговорить о Кате с ее крестным отцом, Василием Васильевичем Буховецким.

Пользуясь сим случаем, я отправился в Иокохаму, в банки и для покупки письменных принадлежностей. В вагоне встретился со Шпейерами, Анна Эрастовна всю дорогу рассказывала о Бюцовых, о жизни в Персии. Самое приятное было услышать, что Евгений Карлович Бюцов ныне православный христианин да еще и благочестивый, как уверяла Анна Эрастовна. Вот что значит влияние семейства! Около тридцати лет тому назад Евгений Карлович был консулом в Хакодате, протестант с Ренаном на столе, — значит, в сущности ничему не веровал. Начал было я ему толковать о православии, — он выразился: «Я православие не то

что пренебрегаю, а как бы это выразиться? Презираю его». Точно отчеканился у меня в голове этот ответ и с именем Бюцова он всегда до слова стоял неразрывным в моем уме. Пятнадцать лет тому назад, когда в Петербурге я у них пил чай на Сергиевской однажды, зашла речь о Кирилле Васильевиче Струве, недавно перед тем перешедшем из протестантства в православие, Елена Васильевна, жена Бюцова, выразилась: «Зачем это он сделал? Не все ли равно?» Слова эти мало подавали надежды на улучшение религиозных понятий мужа ее. И вот ныне, несмотря на все это, он православный, да еще и усердный, если то правда. Значит, дети обратили его; смотря на них, думая о них, желая с ними участвовать в молитве, а потом и в Таинствах, переродился он: все это зажгло угасший было светоч веры и заставило его разгордиться до убеждения путем, конечно, немалых дум, чувств, да и изучения, в истинности православной христианской веры. «Давно,— говорит,— я уже хотел принять православие по убеждению»,— говорила Анна Эрастовна.

5 / 17 декабря 1895. Вторник

Неудачный для японского праздника день — дождь и халепа. До обеда переводили, после обеда чтение писем: точно по пустыне походил; инде только ропот и ворчание; например, о. Матфей пишет, что катихизатор Петр Хиромици совсем испортился, изнежился и прочее; Иоанн Судзуки из Оцу тоскует, что за несчастьем — несчастье, после пожара наводнение и что Саймару, тамошний христианин — богач, хочет наверстать убытки от пожара поборами с бедных; поспешил настроить квартир для отдачи в наем, о приюте же для Церкви и думать забыл. Ленивый о. Петр Кавано просит путевых своим катихизаторам и себе. О. Тит Комацу просит доплаты для выкупа катихизатора Василия Ямада из долгов (пятнадцать ен сегодня и послано).

Были Шпейеры окончательно поговорить с Павлом Накай об удочерении Кати Хагивара (по матери). Окончательно поручили Катю ему с тем, однако, чтобы она была воспитана здесь, при Миссии; о средствах на воспитание обещали заботиться.

Адмирал Сергей Петрович Тыртов прислал двести ен на Миссию. С ним в 1865 году мы были в Токио, тогдашнем Едо, когда консул И. А. Гошкевич из Хакодате делал официальный визит сюда на корвете «Богатырь»; Сергей Петрович был тогда старшим офицером «Богатыря», а я в свите Гошкевича пользовался случаем побывать в Едо.

Адмирал пишет ныне (из Иокохамы): «По всей вероятности, я уже последний раз в Японии, а потому хотелось бы оставить по себе память в деле, началу которого я был свидетелем». Спасибо за память и жертву.

6 / 18 декабря 1895. Среда.

День тезоименитства Государя Императора

В посольской Церкви богослужение, после которого завтрак у посланника. За завтраком обер-церемониймейстер Санномия через стол завязал разговор:

- Где проводили лето?
- В Токио.
- Вы из Токио никуда и не выезжаете?
- Я два года путешествовал по Церквам: прошлый и позапрошлый год.
- Сколько Церквей у вас?
- Двести двадцать, в том числе есть Церкви очень малые.
- А сколько всех христиан?
- Двадцать две тысячи.
- Кого больше: мужчин или женщин?
- Число почти равное тех и других, ибо принимают веру семействами; где один из семьи сделался христианином, там, наверное, скоро же все семейство крестится.

— Кто больше усерден к вере: мужчины или женщины? У буддистов почти только одни женщины молятся.

— У буддистов нет прочных оснований для веры; не в кого там собственно верить; оттого буддисты и в упадке. У нас принимают веру прежде всего по разумному убеждению, оттого у нас и мужчин не менее усердных, чем женщин; например, все наши проповедники — усердные верующие, без чего не были бы и проповедниками, и так далее.

Значит, для христианства в Японии совсем сделалось свободно, коли представитель Императора нисколько не стесняется вести такой разговор. Жаль только, что разговор ведется только для препровождения времени и не идет дальше конца языка.

7 / 19 декабря 1895. Четверг

Сегодня начались экзамены из предметов (прежде был один день писанья экзаменационного сочинения). Я был в Семинарии на шестом курсе и на четвертом. В первом всего семь человек; отвечали по Догматике не совсем хорошо, особенно мне не понравилось, что ни один (кроме Петра Мори) не отвечал на задаваемое возражение прямо, всякий непременно начинал ходить около предмета и прыгать в стороны; так они большею частию и сочинения пишут; напишут бездну, а на вопрос почти ничего. В четвертом курсе четырнадцать человек; кроме двух больных, все были и отвечали по гражданской истории вполне удовлетворительно, лучше, чем я ожидал. Каждый сначала говорил свой билет по-русски, и почти все говорили буквально; из этого видно, что

они прилежно занимались; потом продолжали по-японски и говорили правильно и долго, пока остановишь.

После обеда была рассылка содержания служащим по провинциальным Церквам на первый и второй месяцы следующего года. Разослано 2281 ена; сим удовлетворено несколько более половины служащих; многие, впрочем, только на один первый месяц.

Потом был Зиновий Михайлович Поляновский. Совсем не то он, за что я принял его сначала. Уже убедили его вступить на общий путь нигилистической нравственности всесветной молодежи здесь: взять наложницу. Взял, согрешил и приехал сюда плакать сегодня, забыв или ничего не исполнив из того, что ему на него же запросы внушаемо было здесь. Советовал исполнить церковный закон: подвоспитать обесчещенную им девицу (проданную ему) и жениться на ней. Но где же ему исполнить это? С его ли тощею нравственностью? Поэтому предложил и другое: вновь не падать, а очиститься покаянием и стать твердо, ведя жизнь (питание и прочее) воздержанную или же очень деятельную, чтобы не давать избытку своей телесной материи побеждать себя; девицу же обеспечить, помочь ей пристроиться, а если родится его дитя, то уж никак не дать извести его, как практикуется здесь в подобном обществе, а воспитать его. Никакого он не дал мне обещания пойти по доброму пути. И так будет, как и другие по посольствам. Господь с ним и с ними!

Павел Накай, пришедши вечером на перевод, рассказал, что мать Кати требует за нее 200 ен; «Иначе,— говорит,— когда она подрастет, не меньше 200 ен я возьму за нее, продавши на разврат». И вот какие матери бывают! Это из тех, что вот ныне сделал, быть может, матерью и Зиновий Михайлович, которым я было обольстился до приглашения его в миссионеры.

8 / 20 декабря 1895. Пятница

Был на экзамене по Священному Писанию в Катихизаторской школе. В младшем классе девять человек, в старшем тоже девять. Проходили вместе Толкование на Евангелие от Иоанна. Отвечали в младшем все, за исключением никуда не годного Абе, хорошо; в старшем отлично хорошо. Видно, что занимались.

После обеда был о. Иоанн Оно, возвращающийся из Сендая, где был по домашним делам, в Нагоя, на место своей службы. При разговоре, как из писем других священников, оказывается одно — повсеместный упадок проповеди, вследствие повсеместного народного безучастия к ней. И это не у нас только: у католиков и протестантов тоже. У нас бы еще можно было приписать участие России в последних военных событиях здесь, но чем объяснить у всех зауряд? Причин, по-видимому, много, но достаточного объяснения мы все-таки не нашли. Будем надеяться, что

это печальное состояние недолго продлится. Утешительно, по крайней мере то, что христиане стоят твердо в вере; об этом свидетельствует как о. Оно, так и другие священники; о. Матфей Кагета, например, на днях трогательно описывает, как его встречают и провожают везде в его путешествии по его приходу — заключая письмо печальным сообщением, что новых слушателей учения почти нет.

О. Яков Такая описывает свое путешествие по Церквам; крещений и у него было только пять, почти все дети. Между прочим, двое крещены были в Микадо, куда ходил для проповеди Фудзивара из Нобеока; из тех мест, вероятно, началась японская история при Дзинму.

9 / 21 декабря 1895. Суббота

С половины экзамена в Катихизаторской школе встал, чтобы поехать на железную дорогу попрощаться со Шпейерами, отправляющимися в Корею. Для переезда дан им «Нахимов», одно из наших военных судов, стоящих в Иокохаме. Можно надеяться, что Алексей Николаевич Шпейер будет хорошим нашим министром в Корее; можно надеяться также, что Анна Эрастовна, его жена, побудит его выхлопотать в состав Корейской дипломатической миссии священника, который сделается и миссионером для Кореи.

О. Фаддей Осозава извещает, что Циба, губернский город, безнадежен для проповеди: желающих слушать учение совсем нет, хотя там и хороший проповедник — Григорий Камия. Один только бывший католический катихизатор, живущий там, некто Адаци, желает со своей семьей перейти в православие; но нужно узнать, искренно ли, не по какому ли нибудь частному поводу, вражде, ссоре и тому подобное.— В Тоо-гаме слепец-христианин, такой ревностный, сбежал; о. Фаддей и доискаться не мог, куда он отправился.

10 / 22 декабря 1895. Воскресенье

За литургией было довольно много причастников, как и в прошлое воскресенье. После службы были у меня: Емилиан Хигуци с матерью и сестрой, переселившимися в Токио из Исиномаки; Петр Исигаме с девицей, бежавшей из Мориона сюда в школу,— одна из тех, за которых недавно просил Сергей Кобаяси; извещено было отсюда, чтобы подождали, пока откроются вакансии, ибо школа полна; эта не выдержала и прибежала раньше извещения; она оказывается родственницею Петра Исигаме; Алексей Китанава спросить, в скольких экземплярах печатать переведенную им «Книгу для назидательного чтения»; сказано 700 экземпляров; мать Фомы Оно, катихизатора в Мори, рассказать о его

жизнь-бытье и прочие. Вечером обычное дело — перевод Евангелия; ныне идет десятая глава Иоанна.

11 / 23 декабря 1895. Понедельник

Из Нара американский епископальный миссионер Patton пишет, что будучи в Мива, в провинции Ямато, он встретил нашего христианина из Сендая Китамура Хадзиме, который пятнадцать лет как крещен, десять лет в Мива, почти не имел за это время сношений ни с кем из христиан, охладел в вере, но ныне наставлениями ихнего катихизатора снова оживлен в вере, так может ли этот Китамура совсем войти в состав их епископальной общины? Когда ему — Китамура — было предложено это (перейти в протестантство), он заколебался; я (Паттон) уверял его, что такова-де и воля Епископа Николая, который говорил одному из наших клержменов, как правило (rule), что коли православный христианин где один, то он может присоединиться к местной какой ни на есть секте (join some other sect). Но сказавши это господину Китамура, благочестивый Паттон усомнился, что внес ли он на меня неправду? И потому ныне извиняется, что, не авторизованный мною, он говорил за меня и в то же время просит разрешения Китамура присоединиться к протестантству.

Я тотчас же ответил ему благодарностью, что он и его катихизатор позаботились об оживлении веры Китамура, сказал, что последний должен быть и вперед в хороших отношениях к ихнему катихизатору и христианам и может, если хочет, бывать на их воскресных молитвенных собраниях (эту, должно быть, мысль и извращают протестанты в свою пользу, потому что случается иногда на категоричный вопрос: «Где еще нет православной общественной молитвы, можно ли молиться с протестантами?» — Отвечать: «Можно, но только по-православному, с положением крестного знамения на себя и прочее, отнюдь не по-протестантски, пока мы будем там иметь наши собственные»), но в то же время он должен твердо хранить свою первоначальную веру и остаться неизменно православным христианином; присоединил, что мы, к счастью, имеем теперь священников в Оосака и Кёото, один из которых и может позаботиться о Китамура, и именно ныне кёотскому священнику о. Симеону Мии я поручил сделать это, — побывать в Мива и прочее; его же; Паттона, прошу сообщить о. Симеону адрес Китамура или их катихизатора в Мива.

Вместе с сим послал письмо к о. Мии с приложением письма Паттона и копии моего ответа ему, прося возможно скорее добыть адрес Китамура, посетить его и укрепить в вере, преподав и Таинства покаяния и приобщения, если не встретится препятствий к тому.

На экзамене в Катихизаторской школе младший класс очень плохо отвечал по Догматике, за что сделан выговор ученикам и учителю Петру Исигаме, который, как видно, не спрашивает строго приготовления уроков и уроки задает не в меру большие.

В Женской школе по Закону Божию, как всегда, отвечали прекрасно, не знающей ни одной не было, только маленькая Вера Мори, сиротка о. Никиты, вместо того чтобы прочитать на память «Отче наш», расплакалась, но ей всего шестой год, и она тоже знает: все утро носилась с книжкой и ждала, скоро ли ей придется отвечать.

Вечером сегодня закончили с Павлом Накаем перевод Священного Писания на нынешний год. Переведено с сентября по сие время три Евангелия и десять глав Евангелия от Иоанна.

12 / 24 декабря 1895. Вторник

В Катихизаторской школе отвечали лучше, чем вчера: был экзамен по Нравственному Богословию в младшем курсе и по Толкованию Первого Послания к Коринфянам в старшем.

Но в Женской школе, к удивлению, хуже, чем вчера: по Пространному Катехизису, у Елисаветы Котама, учениц семь совсем плохо отвечали, что почти в первый раз приходится встречать.

После обеда шла рассылка содержания служащим Церкви на первый и второй месяцы. Жаль бедных катихизаторов, после войны теперь дороговизна на все жизненные припасы поднялась страшная, а им приходится неизменно получать одно и то же содержание — 8 ен, 10, много 12, и это самым старым из них. Хорошо, если где местные христиане помогают им; но христиане наши почти все тоже беднота.

13 / 25 декабря 1895. Среда

Продолжаются экзамены. Во втором и третьем курсе Семинарии по русскому языку было удовлетворительно, лучшие в третьем почти могут читать русскую книгу. В Женской школе у Елисаветы Котама по Катехизису опять многие отвечали плохо; самые старшие по Толкованию Евангелию от Матфея отвечали отлично, но зато мало было пройдено: всего пять глав за всю треть.

С двух с половиною часов был экзамен по пению в Катихизаторской школе и Певческой; из первой немногие пели правильно; из второй все прекрасно пели в два голоса.

Вечер, как и вчера, употреблен на перевод и приготовление к отчетам расписок.

14 / 26 декабря 1895. Четверг

В половине восьмого часа утра, в сильный дождь, отправился на прочтение списков в Женскую школу; дал потом детям, как и прежде, 3 ены на апельсины.— С восьми часов — экзамен в Катихизаторской школе: в младшем классе по Священной Истории почти все знали хорошо, в старшем примерную катихизацию по «Осиено кагами», как и всегда, говорили плохо; ничего не понял бы ни у одного и ничем не заинтересовался бы. Нужно поручить этот предмет одному из академистов, доселе преподавал о. Павел Сато, но он Логике не учился и не может наставить, как говорить прямо на предмет.

Во время экзамена подали записку от Поляновского: просил прислать обещанного мною человека поговорить с отцом проданной ему девицы, которого он вызвал в Токио с тем, чтобы сдать ему девицу и в вознаграждение за грех с ней помочь ему устроить ее судьбу, выдав замуж. Я попросил о. Павла Сато взять на себя это поручение, и он исполнил: пристыдил отца и убедил его увести дочь с собой из Токио; оказывается, уроженец Нумадзу, где служит при литографии. Поляновский обещался высылать ему по 15 ен в месяц, в продолжение которых отец должен найти партию для дочери; при выдаче ее замуж пошлет ей 50 ен. Но отец говорил о. Павлу, что он откажется от ежемесячной высылки — «совестно-де пред соседями». — «За что это?» — станут спрашивать. Это совестно, а дочь продать — нет! Во всяком случае, хорошо, что Поляновский прекратил грех и тщится загладить его. Видимо, благодать Божия помогла покаяться. Сохрани его Бог и вперед!

Симеон Мацубара, катихизатор в Аомори, письмом сегодня просит дать разъяснение; «Почему венчание запрещено в посты, когда брак Святое Таинство?» И это один из самых старших катихизаторов, которого я все думал (хорошо, что еще не решился) поставить во священника! Не может понять, что время покаяния и сокрушения о грехах несовместимо с временем радости и веселия! — Разъяснение послано.

О. Иоанн Катакура и катихизатор из Сакари извещают, что не могли убедить Иоанна Исе взять обратно к себе жену и прекратить связь с наложницей; напротив, он окончательно развелся с женой и взял в дом наложницу. Значит, у него не может быть, как доселе, молитвенная комната для христиан Сакари; послано сегодня на наем дома для молитвенных собраний, по 2 ены в месяц, как просят.

15 / 27 декабря 1895. Пятница

В младшем классе Катихизаторской школы сегодня на экзамене так же неудачно говорили катихизации по Православному Исповеданию, как вчера старшие. Дурно именно то, что стараются держаться книги,

объясняют каждое слово и выражение в ней, что совсем неудобопонятно для язычников, между тем как нужно, взяв мысль из книги, говорить так, чтобы мысль была как бы рукой вложена в сердце слушателя, то есть, говоря, нужно иметь предумственным взором душу слушателя-язычника, а не книгу.

Сегодня и закончились экзамены в Катихизаторской школе и Семинарии; учителя потом до позднего вечера составляли списки для прочтения завтра.

Часа в два был Reverend Taft, баптист; опять спрашивал о разных обстоятельствах Миссии для статьи; вызвался, когда напишет статью, предварительно прислать ее на просмотр для исправления, если вкредутся.— Между прочим, спрашивал:

- Признает ли ваша Церковь иерархию епископалов?
- Нет. Да и как же мы поставим их священство наравне с нашим, коли они сами не допускают того, отвергнув Таинство священства?
- Перекрещиваете ли при переходе к вам тех, которые крещены обливанием?
- Нет, если они крещены правильно во Имя Святой Троицы. Это мы делаем на основании Символа Веры, где мы исповедуем «едино крещение». А что крещение чрез обливание есть то же крещение, на это мы имеем убедительные примеры из Первенствующей Церкви, где иногда, например, заключенные за веру в темницах крестились чрез обливание, не имея возможности креститься иначе. Случается и ныне прибегать к обливанию за невозможности погружения. Например, мне самому здесь пришлось крестить одну богатую женщину, лежавшую почти без движения по горячей просьбе ее мужа и желанию ее самой. Как ее погружать? Да и во что в японском доме? Притом нужно крестить спешно, ибо больная в опасности умереть. Я, не сумняся, и крестил ее чрез троекратное обливание во Имя Отца и Сына и Святого Духа.
- Католики не позволяют своим христианам читать Священное Писание; ваши как обращаются с ним?
- Нашим христианам внушается иметь всегда Священное Писание в руках и в уме, как живое и руководственное Слово Божие.
- Католики уверены, что, кроме них, никто не спасется; меня один патер уверял, что я непременно пойду в ад. Вы как думаете об этом?
- Мы твердо уверены только в том, что, кроме Христа, нет другой двери в Царство Небесное, а также в том, что пред нами самый прямой путь к этой двери, но попадут ли в эту дверь из окольных путей, мы не знаем и представляем судить об этом Богу, страшась сами делать это.

16 / 28 декабря 1895. Суббота

Утром за литургией приобщались Святых Тайн половина учениц Женской школы.— В девять часов было чтение списков Катихизаторской

школы и Семинарии; добрые ученики похвалены, плохим обещано исключение, если не исправятся. Всем дано за обедом, как и в прошлом году, по пять апельсинов. Потом целый день ученики и ученицы исповедались у священников.

Оо. Фаддей Осозава и Феодор Мидзуно, вернувшись с обзора Церкви, рассказали, что везде мало, или совсем нет слушателей учения. На вопрос: не вмешательство ли России в дела Японии причиной этому, как отзываются некоторые катихизаторы в письмах? Оба отвечали отрицательно: «Это-де только отговорки катихизаторов». «Веру с политикой никто не смешивает, а если кто, по неразумению, делает это, то достаточно нескольких слов, чтобы вразумить». Просто в народе ослабел интерес к христианству, как к новизне, а катихизаторы наши — слабы, чтобы возбудить интерес, оттого и нет успеха. Если кто из катихизаторов старается, то успех не заставляет себя ждать. Например, Петр Мисима, в Мито, в этот раз представил семь человек к крещению, и народ хороший и по положению в обществе, и по знанию вероучения, и по усердию, — отчего? Петр Мисима на минувшем Соборе не принят вновь в катихизаторы, пока не представит свидетельства, что достоин того. Он и старается, и старание оказывается не бесплодным. Так могло бы быть и везде, если б катихизаторы были более усердны и притом более опытны. Таков отзыв оо. Осозава и Мидзуно, подтвержденный их ссылками на разных своих катихизаторов.

17 / 29 декабря 1895. Воскресенье

За литургией было более 140 причастников, из которых человек 15 посторонние, прочие — наши учащиеся.

Посланник Михаил Александрович Хитрово приезжал с немецким катихизисом буддизма, сочиненным буддистом-немцем; автор прислал книжку Кёберу, профессору философии здешнего Университета; от Кёбера получил ее Михаил Александрович и критикует в стихах и в прозе. Автор — немец, вставший в ряды поклонников пантеистического буддизма, в то же время инстинктивно не может отрешиться от внесенной с молоком матери веры в Личного Бога, почему и говорит в катихизисе о мироправительной силе, исключаяющей случай в мире, на что наш Михаил Александрович, полувлюбленный в буддизм, отвечает замечанием на полях: «Дурак».

Поляновский был отчасти счастлив тем, что кончил со своей девицей, которую отец увел в Нумадзу, отчасти несчастлив нервным расстройством. Кажется, не идет ему здешний климат, не хороший для невропатов, а он — со слабыми нервами человек.

18 / 30 декабря 1895. Понедельник

О. Симеон Мии извещает, что нашел Китамура в Мива. Он заведует конторою одного банка в Мива; родом из Коорияма, в Ямато; сделался

христианином в Сендае, когда состоял там на военной службе шесть лет унтер-офицером. Протестанты долгое время убеждают его перейти к ним, но он никак не решался. «Затем, — пишет о. Симеон, — они предложили ему причаститься у них: когда он не решался и на это, пастор объяснил ему, что „бансан“ просто обряд и совершается в воспоминание искупительного страдания Христа, а потому всякому христианину, в том числе и православному, ничто не мешает принять участие в нем. Он и делал это несколько раз. Он принужден был крестить своего сына (десять лет) там, а жене дозволил слушать их катихизацию. Теперь Иов сильно раскаивается в допущении этой ошибки и желает в скором времени присоединить сына к Православной Церкви, а жену крестить по православному. Сама жена выразила свое искреннее желание и готовность быть православною». — На последние настоятельные убеждения Reverend Patton'a присоединиться к ним, Иов отвечал заявлением, что не может сделать этот важный шаг без разрешения своего Епископа, будучи уверен, как упоминает о. Симеон, что я никогда не дозволю этого. Это побудило Паттона просить у меня разрешения ему; а все кончилось тем, что ныне, благодарение Господу, овца истинного стада Христова, заблудшая было, обретена и водворена опять в оград Христовый. Иов чрезвычайно был обрадован посещением о. Симеона. О. Симеон будет и вперед беречь его с семейством, а потом, быть может, отделим проповедника для Мива.

19 декабря / 31 декабря 1895. Вторник

Расчеты в конце месяца, и особенно в конце года, мучительны.

В награду за это, должно быть, пришел сегодня Орден Владимира второй степени, посланный сначала по ошибке к Николаю Алеутскому в Америку, с бумагой обер-прокурора от 1 мая.

Служил всенощную о. Роман. Пели певчие.

20 декабря 1895 / 1 января 1896. Среда.

Японский Новый год

С восьми часов литургия; служили четыре священника с о. Павлом Сато во главе. На молебен выходил с ними и я. После — обычные поздравления служащих Церкви, певчих и прочих учащихся, детей и разных — христиан и нехристиан; обычная раздача на «кваси» певчим и прочим. После полдня я сделал визиты ближайшим: о. Павлу Сато, о. Роману Цива и прочим. Всем другим по почте разосланы карточки; на язычников наиболее важным знакомым маркизу Сайго, графу Соесима — тоже посланы. День так и прошел в суетне, которая под конец ужасно надоела, как и всегда.

21 декабря 1895 / 2 января 1896. Четверг

Мало принял визитов. Большею частью, запершись, писал письма в Россию и Китай. Вечером получил телеграмму от Кавамото из Нагасаки, что пятого числа приедет в Иокохаму.

22 декабря 1895 / 3 января 1896. Пятница

Утром — корреспонденция. После обеда был, между прочим, Окуяма с Хацидзёосима, летом выпросивший туда катихизатора. Говорил, что два-три человека у Ильи Яманоуци, катихизатора, усердно слушают учение и близки к крещению, в числе их Окуяма, кажется, считает себя, но о Боге, по-видимому, не имеет никакого понятия, ибо где по течению речи следовало бы упомянуть Бога, там говорил только про «тен» (небо). А между тем уже просит туда визита священника — о. Павла Сато — для совершения крещений якобы. Кроме двух-трех слушателей, у Яманоуци 14–15 учеников, которых он учит ежедневно разным наукам и только раз в неделю, в воскресенье, говорит им катихизацию о христианской вере. Объявил он, что будет учить (наукам и китайскому письму) только тех, кто станет слушать и о вере; и вот едва сие число нашлось, да и для тех Яманоуци, должно быть, целую неделю простым (даровым, однако) школьным учителем — каковы все языческие учителя; из-за удовольствия раз в неделю сказать им о вере. Плохо же, значит, поприще проповеди его, и жаль его, бедного, как будто в ссылке живущего из-за этой ничтожной пользы для распространения Церкви. Здесь, внутри страны, он был бы несравненно полезней. Сказал я Окуяма, что о. Павел Сато может быть отправлен на Хацидзёосима для совершения крещений не иначе как если свыше десяти человек будут весьма основательно приготовлены к крещению, то есть и будут хорошо знать вероучение, и сердцем вполне уверуют. До Собора еще полгода; многое можно сделать, и пусть он помогает выпрошенному им катихизатору основать там Церковь, иначе после Собора он может не вернуться туда: Собор найдет более полезное применение его усердию.

После всенощной исповедался у меня Поляновский.

23 декабря 1895 / 4 января 1896. Суббота

За литургией — принесший чистосердечное раскаяние — Поляновский удостоен был причастия Святых Тайн. Было и еще несколько причастников.

Илья Яманоуци в длинном письме жалуется на малопродуктивность своей проповеди на Хацидзёосима; впрочем, не теряет духа и не просится оттуда, а, напротив, пишет, что и целую жизнь готов провести там, если

на то будет воля Церкви. К письму приложена статья для «Сейкё Симпо», в которой обстоятельное описание острова, начиная с географии до нравов обитателей. Но нравы таковы, что напоминают и Содом и непотребный дом, и изобразил их Илья в таких откровенных выражениях, что полностью статьи никак нельзя напечатать, раз — грязно, другое — Илья не жить на острове, если тамошний народ узнает, что он про него пишет.

Напрасно, кажется, мы поместили проповедника в Такамацу, на Сикоку; с самого Собора до сих пор — ни малейших признаков успеха. Василий Таде, катихизатор, пишет, что народ ни «за», ни «против» христианства, просто игнорирует его; квартира его на видном, удобном для проповеди месте, но ни один человек доселе не только не заинтересовался и не стал спрашивать о вере, но не обратил и взора на него. Народ крайне консервативный, крепко держащийся старины; по введению Правительством европейского Нового года, стали было праздновать его, но скоро же бросили и теперь справляют все Новый год по старинному счислению, а нового и знать не хотят, притом народ в высшей степени гордый: свой город считают самым важным в государстве, на инородных смотрят с презрением и не удостоивают знакомства с собою, если нет настоятельной нужды. Оттого у Таде там даже и знакомых нет. Придется, кажется, снять его оттуда и поставить к более податливым.

Матфей Мацунага сетует на христиан Ханда: ослабели в вере и усердии, даже врач Давид Ниеми, бывший до сих пор весьма благочестивым и усердно помогавший распространению веры в Какегава, где преимущественно его ревностью и основана Церковь, потом в Ханда, теперь едва раз в два месяца заглянет в Церковь.

24 декабря 1895 / 5 января 1896. Воскресенье

После литургии отслужили вечерню, по отпуске которой поставлен был аналой с иконою Рождества Христова посредине, пред амвоном, вышли мы на средину, хоры сблизились и пропели тропарь праздника и «Дева днесь», после чего было лобызание иконы, причем раздавался антидор. Служили со мной оо. Павел Сато, Роман Циба и Феодор Мидзуно. О. Симеон Юкава отправился совершать праздничную службу в Такасаки по просьбе тамошних христиан, о. Фаддей Осозава — в Маебаси.

Праздничную всенощную, начавшуюся Малым Повечерьем, совершал о. Павел Сато. На Литию и Величание выходили со мной три священника, три диакона и прочие. Пение было очень хорошо, только слишком растяжно. Освещение Собора — великолепно: восковые большие свечи пред иконами и за престолом; все четыре паникадила, хотя не все свечи зажжены были в них. Проповедь говорил диакон Кугимия.

Кончилось почти в девять часов. Христиан было мало, что придавало грустный тон молитве, по крайней мере моей. Скоро ли, Господи, скоро ли Собор наполнится молящимися в такой большой праздник! Он и наполнился бы и переполнился бы, если бы хотя настоящие наши христиане собрались; но что делать, если они охлаждаются так скоро! Даже академисты наши не сочли для себя потребным или обязательным прийти на всенощную (кроме Ивасава, который принес мне показать проповедь, приготовленную на завтра, и Пантелеймон Сато). А уж они ли не просвещены! О воспитании их ли не позаботилась Церковь! Что же и говорить о прочих христианах!

Грустно!

За литургией и потом за всенощной сегодня в первый раз читалось Евангелие по нашему переводу. С этого времени всегда и будем читать его, чтобы самим видеть, каков перевод, и от других слышать суждения, и исправить пока не закреплено печатью, что окажется требующим исправления.

25 декабря 1895 / 6 января 1896. Понедельник.

Праздник Рождества Христова

С девяти часов литургия Святого Василия Великого. Служили со мною те же, что вчера. Проповедь хорошо сказал Арсений Ивасава — о мире, принесенном людям Рождеством Христовым. Пели исправно. Народу — христиан — было очень много. Было немало и иностранцев; видимо — слушать пение, ибо от проповеди ушли. После службы о. Павел Сато с крестом и оба хора вместе прославили у меня, пропев в нижней классной, за невозможности поместиться в моей комнате, в которой зато собрались академисты, учительницы, непоющие девочки и прочие. Из Ханькоу некто Рассадин тоже поместился здесь. Одарив певчих обычным на «кваси», принимал потом поздравления от христиан и христианок, дал иконы новокрещенным сегодня до литургии, раздавал апельсины и на «кваси» детям наших служащих Церкви и прочим. Часа в два мы позавтракали вместе с Рассадиным; в конце завтрака отозвали к русским гостям; то были: полковник Вогак, выразившийся про японцев: «Это — еще небывалая в мире нация, совмещающая в себе аккуратность немца, без вялости его, живость француза, без неаккуратности его; нация, которую я очень уважаю, но не люблю за холодность, неискренность, большой эгоизм»; потом — Де Воллан и за ним — Посланник с сыном и гостем — богатым путешественником Давыдовым, и другие члены Посольства; также доктор Кёбер, которому я дал тут же, по теченью разговора для прочтения Богословский Вестник (вступительную лекцию Введенского) и богословский том сочинения Хомякова; это потому, что Посланник еще прежде говорил, будто Кёбер увлекается католичеством

из-за единства его; Кёбер попросил еще Пространный Катихизис, Догматику и Жития Святых; видимо, желает пополнить свое православно-богословское образование; все будет дано ему.

Всенощную служил о. Феодор Мидзуно. Пели оба хора; христиан почти никого не было; из русских был Поляновский.

После всенощной увиделся с Иваном Акимовичем Кавамото, только что приехавшим, и проговорил с ним до половины десятого. Видимо, человеком хорошим приехал. Быть может, Господь и пошлет в нем столь нужного здесь педагога.

Утром, пред обедней, слушал славление: Дмитрий Константинович Львовский с детьми пришел поздравить, и трое его малюток пренравильно пропели в два голоса тропарь «Рождество Твое Христе Боже наш».

26 декабря 1895 / 7 января 1896. Вторник

С восьми часов литургия. Служили отцы Павел Сато, Роман Циба, Феодор Мидзуно. Потом был благодарственный молебен по случаю возвращения окопчившего курс в Киевской Духовной Академии Иоанна Кавамото. Выходя для слушания молебна, я приостановился на амвоне и сказал, по какому случаю молебен, ибо многие не знали, что Кавамото приехал.— Потом было у меня славление о. Павла Савабе с его причтом, проповедниками и христианами, которых, однако, ныне пришло очень мало (приготовлено было угощение на семьдесят человек, а было вполвину меньше). До вечера затем приходило еще немало поздравителей; между прочим Илья Миясита, фотограф из Нагоя, с женой Евдокией; здесь они сегодня на пути в Мацусиро, где очень болен брат Ильи. Брат умрет теперь или нет, еще неизвестно, а они просили с собой отсюда гробный покров для погребения его — оно-де нет там; и это второй случай в продолжение нескольких дней: Яков Фукухара, которому могилу готовить здесь приезжали его родные, жив. поправляется, приводя, должно быть, в отчаяние его доброхотов, все приготовивших к его проведению на тот свет; теперь Илья подобное радение являет о своем брате!

От господина Кавамото получил посылки из Иерусалима: 1. От Иерусалимского Патриарха Герасима икону Воскресения Христова на доске из купола храма Воскресения Христова над Живоносным Гробом; икона — в дар Японской Церкви; дар весьма почтенный и дорогой для нее; от него же большой фотографический портрет его мне. 2. От Высокопреосвященного Епифания, Архиепископа Иорданского: икону Воскресения Христова на кипарисной доске, освященную на Живоносном Гробе, и трогательно ласковое братское письмо. 3. От о. Вениамина, моего духовника в Иерусалиме двадцать пять лет тому назад, письмо и карточку его фотографическую и большую выпилку из сука Мамврийского дуба, на

которой можно написать икону Пресвятой Троицы, как он советует; от госпожи Богдановой, тайной постриженницы, иерусалимские четки ее с четырьмя малахитовыми зернами.

После всенощной, которую служил о. Роман, явился из Такасаки о. Симеон Юкава и говорил, что там на праздничной службе было больше сотни христиан, и праздник был очень оживленный, — лучше, чем в прошлом году.

27 декабря 1895 / 8 января 1896. Среда

Служили литургию (с восьми часов) соборные те же, что вчера. После о. Павел Сато зашел ко мне: «Что делать? Василий Фукунага, катихизатор в Иокохаме, по-видимому, грешит с Сирой Ниномия. Вот письмо оттуда». И читает очень убедительные обстоятельства. Но соблазн еще не разошелся между христианами; пишет крестник Сиры, живущий вместе с Фукунага, ремесленник; приводит и скромное свидетельство служанки Сиры. Так как, однако, грех еще не обнаружен и не доказан, то я посоветовал о. Павлу сейчас же написать к о. Матфею Кагета и просить у него для Иокохамы одного из женатых катихизаторов в обмен на Фукунага, последнего же о. Матфей, принявши (если только примет), пусть поскорей женит; тогда он, может быть, соблюдет для катихизаторства, а катихизатор, кстати, очень порядочный. Если бы Фукунага воспротивился тотчас же убраться из Иокохамы, то, конечно, он должен быть отставлен от службы, ибо неблагоприятная волна о нем не замедлит распространиться между христианами.

Христиане Хиросима, чрез о. Симеона Мии, просят прибавить 2 ены на наем церковного дома; отказано; и без того уже там 5 ен ежемесячная плата; Церковь совсем заматерелая — пять лет ни малейшего успеха и расширения, а просят квартирных, каких нигде еще нет по всем Церквам. Пусть сами приплачивают, если хозяин возвысил плату, или перейдут в дом не свыше 5 ен.

Лука, старший брат катихизатора Даниила Хироока, извещая о том, что Даниил опасно болен чахоткой, просит упоминать его имя на вечерней и утренней молитве и на Проскомидии. Очень трогательное и для японца редкое письмо. Послано, кстати, 5 ен и на лекарства бедному Даниилу.

О. Иоанн Катакура описывает свою поездку по Церквам: ни единого крещения! По прибрежным Церквам — Ямада и прочим — «рыбный улов нынче очень плох», оттого и «проповедь в упадке» — вот те и причина!

28 декабря 1895 / 9 января 1896. Четверг

С десяти часов было собрание учителей-академистов для составления расписания преподавания на следующую треть со включением в

число преподавателей новоприезжего господина Кавамото. В двенадцать часов мы пообедали вместе: восемь академистов, о. Роман Циба, нынешний инспектор Семинарии, и я. В четвертом часу был у профессора Кёбера поздравить его с праздником и отнести книги, которые он просил. Застал там наших же: о. Сергия и Львовского, которые у него только что пропели Рождественское Славление; пред иконой горела лампадка; немецкая философия, слава Богу, не помешала Рафаилу Густавовичу сохранить его православную веру.

Вернувшись, был у Львовского и просил его непременно положить на ноты давно уже переведенное и напечатанное в Благодарственном Молебне «Тебе Бога хвалим». Он обещал исполнить.

29 декабря 1895 / 10 января 1896. Пятница

Был Давид Огата, христианин из Вакимаци, на Сикоку. Человек седой, умный, первый богач в своем городе; дом у него построен из такого чистого дерева, что ни одного сучка нельзя найти нигде; есть и другие дома, где держит постояльцев. И при всем том дочь просил принять в школу на полуцерковное содержание, 2 ены только платить. В прежний приход, несколько дней назад, с проектом пристал: на Собор вызывать (кроме служащих Церкви) по представителю от христиан из каждой Церкви на счет Миссии и содержать их во время Собора от Миссии. Ныне вновь пристал: прибавить содержание катихизатору в Вакимаци, Семену Огава. Мне надоело, наконец, это нищенское кланчанье богача, и я пристыдил его, указав, что русские христиане, в большинстве сами бедные, не жалеют пожертвований для не знакомых им далеких от них братьев, тогда как он, такой богач, не хочет помочь своему проповеднику, трудящемуся непосредственно для спасения его души, что стыдно ему нищенски протягивать руку за подаванием от иностранцев и так далее. Чуть-чуть сконфузился старец.

30 декабря 1895 / 11 января 1896. Среда

Хорошее письмо из Уцуномия от катихизатора Игнатия Мацумото: Церковь спокойна и мирна, и есть слушатели учения, совсем уже готовые к крещению.

Поздравительных листов и писем, из которых половина с описанием празднований Рождества Христова, гораздо больше, чем в предшествовавшие годы. И у праздничного богослужения по Церквам было больше, чем прежде, христиан. Вероятно, это вследствие некоторого угнетения Церкви общественным мнением, как Церкви, основанной русскими, при нынешнем раздражении Японии против России (за то, что не дала Россия оторвать Лиутонский полуостров от Китая). Недаром наши христиане говорят: «Хоть бы маленькое гонение! Как бы оно оживило и подняло Церковь!..»

О. Павел Сато вернулся из Иокохамы и говорит, что никакого греха нет между Сирой и Фукунага. Он и прежде не раз ночевал у Ниномия, когда еще муж-старик был там, и ныне Сира, принимая его, как мать, ибо вдвое старше его, оставляла иногда ночевать без всякой греховной мысли между ними, и спал он всегда во втором этаже, вдали от нее. Фукунага изъявил готовность отправиться куда угодно из Иокохамы на катихизаторство, если о. Павел найдет это нужным, но о. Павел не счел резонным удалить его из Иокохамы, тем более что и жаловавшийся на него Стефан, живущий вместе с Фукунага, признал неосновательность своих подозрений и просил о. Павла не удалять Фукунага. О. Павел, давши наставление Сире и Василью вперед не подавать повода к нелепым подозрениям, вернулся в Токио.

31 декабря 1895 / 12 января 1896. Воскресенье

После обычной литургии я представил дар Иерусалимского Патриарха, Святейшего Герасима, нашим христианам. Сказано о единстве Истинной Церкви, о том, что Японская Церковь входит в эту Единую Церковь, что можно видеть в зеркале Священного Писания и Священного Предания (поставивши себя пред коими, Японская Церковь может видеть, что ни в чем она не изменила Истинной Христианской Церкви, ничего не прибавила, ничего не убавила), на что ей свидетельствует и Живая Христова Церковь устами своих знаменитых членов. Таковое свидетельство, между прочим, имеем мы ныне. Иерусалимский Патриарх шлет привет и благословение Японской Церкви сею иконою Воскресения Христова с его собственноручною подписью и печатью.

Иерусалимская Церковь, мать христианских Церквей, сим самым принимает нашу Церковь в число своих дочерей так далее. Икона Воскресения положена была на аналой, и пред нею соборне отслужен молебен, на котором возносимо было и имя блаженнейшего Герасима, Патриарха Иерусалимского; после все приложились к иконе.

Был христианин из Иокосака, Цитагоори, Илья Кувабара; просил отдельного катихизатора туда — для Иокосака, Ябу, Янава; обещал, если христиане коллективно попросят с засвидетельствованием, что пребывание его там не останется бесплодным для расширения Церкви.

Всенощную пели очень дурно, ибо Львовский был на всенощной в Посольстве, а Обара болен. Разнили и тянули несносно.

Год заключился принесенным сейчас чрез о. Сергия Глебова приглашением Посланника завтра на новогодний среди русских завтрак. Богослужение здесь, начинающееся часом раньше, чем в Посольстве, кончится так, что поспеть можно, если не очень задержат поздравители.

1896 год

1 / 13 января 1896. Понедельник

Литургию совершали соборне со мною пять японских священников; проповедь об умерщвлении плоти сказал диакон Андрей Метоки. После службы поздравили меня с Новым Годом священнослужащие и некоторые христиане, в том числе Сергей Сёодзи. Затем я поспешил в Посольство, чтобы поспеть к служению молебна, который мы и отслужили с о. Сергием и диаконом Димитрием Константиновичем Львовским при отличном пении посольского хора, состоящего из нескольких наших семинаристов и молодых чиновников Посольства. В Церкви, кроме членов Посольства, был полковник Хорват, железнодорожный строитель, проезжающий на Амур, полковник Вогак, военный наш агент, капитан «Корейца», ныне стоящего в Йокохаме, и несколько офицеров. Полковник Хорват, служивший доселе по железнодорожной части на Аму-Дарье, рассказывал, между прочим, что он пять персов-магометан, из своих рабочих, обратил в христианство, то есть при их желании сделаться христианами принял участие в них, чтобы они были достаточно научены и крещены, тогда как местный священник был весьма безучастен к этому делу. Миссионеров бы нужно в эти наши новые края... Говорил еще полковник Хорват, только что проехавший Америку, как страдало его патриотическое чувство там: везде о России отзываются как о деспотической и полуварварской стране, при расположении даже к России; сами же американцы поражают крайнюю своею эгоистичностью и материальностью.

2 / 14 января 1896. Вторник

В школах начались обычные занятия. Мы с Павлом Накаем принялись за продолжение перевода Евангелия с одиннадцатой главы Иоанна.

3 / 15 января 1896. Среда

Начал ходить на класс практической проповеди (Ринкоо по Осиено Кагами). Собираются оба класса Катихизаторской школы. Класс после обеда с двух до трех часов.

Андрея Сукава, звонаря, отправил с иконой в Кобе. Кто-то из офицеров крейсера «Владимир Мономах» вступает в брак, так посаженный

отец, командир крейсера, телеграммой просил икону Спасителя прислать с нарочным для благословения!

4 / 16 января 1896. Четверг

Петр Оояма, бывший катихизатор, потом гвардеец, ныне опять, по его просьбе, принят в катихизаторы и назначен в Коморо и Каруйзава для проповеди. Родина его близ Коморо. Отослано содержание за пол-января и за февраль — 12 ен.

О. Симеон Мии просит перевести Семинарию в Кёото. Едва ли осуществимо.

5 / 17 января 1896. Пятница

Всенощную пред праздником служил о. Роман Циба; на Литию и Величание выходили со мной еще оо. Сато, Юкава и Осозава. Молящихся было больше, чем в прошлом году, но пели плохо без Львовского, певшего в Посольстве, и Обара, больного.

Регентствовал на правом клиросе Лука Орита; пели у него лучше, чем у Иннокентия Кису, учившегося в Санкт-Петербургской Капелле; несмотря на то, что он был в горе: он только что, пред всенощной, получил отказ от учительницы Раисы Ито, которую сватал; только неделею предупредил его Тимофей Секи, которому Раиса и дала согласие. Бедный Лука уже второй отказ получает: два года тому назад сватался к учительнице Елене Ямада, которая тоже отказала под предлогом, что не думает еще замуж (зато и поддерживала же она сегодня его хор: положительно заливала всех поющих своим великолепным дискантом, уже лет восемь лет составляющим красу правого хора).

6 / 18 января 1896. Суббота.

Праздник Богоявления

Литургию и Водоосвящение совершили соборне. Проповедал Петр Исигаме. Молящихся было маловато для такого великого праздника. Было несколько наших матросов с «Корейца».

Сергий Ооцука из Неморо пишет, что катихизатор Феодор Минато почему-то оставляет службу. Уж не потому ли, что назначен Собором, по представлению о. Николая Сакураи, в Куширо, а до сих пор тот же о. Сакураи находит причины держать его в помощь проповедничеству в Неморо? Написаны тотчас же письма к о. Сакураю и к Минато. Жаль, если этот кроткий человек оставит службу; прежде он был учителем пения, потом сделался катихизатором и до сих пор служил хорошо.

Вечером был Поляновский: совсем в хорошем расположении духа — задумал переменить перо на шпагу; притом же доктор Скриба открыл причину его немощи в недостатке выделки его органами для него белковины...

7 / 19 января 1896. Воскресенье

Пришла с Афона великолепная икона: копия Божией Матери Слезоточивой. Не знаю только, где поместить ее в Соборе.

Reverend Jefferys, американский епископальный миссионер из Сендаи, принес в подарок вновь переведенный на японский их «Prayer Book»; я ему дал в обмен наш требник на японском. Спрашивал еще он о некоем Оосима, причем показал свою карточку, снятую группю вдвоем с ним. Родом сей из Мориока, где сделался католиком, потом в Сендае перешел в православие, после чего пришел сюда в Катихизаторскую школу — десять лет тому назад; но, пробыв здесь несколько дней, вернулся в Сендай и перешел в атеисты, а затем в буддисты, и был даже бонзой; ныне же желает сделаться епископалом. Так не могу ли я сказать, «что за человек сей Оосима, ибо был он здесь в школе?». Я решительно ничего не мог припомнить о нем, да и как, если был он здесь очень короткое время и десять лет назад? Сказал только, что человек этот, должно быть, очень опытный, перешедши чрез столько вер, и потому не вижу препятствий к принятию его в недра Англиканской Церкви, если он того желает...

8 / 20 января 1896. Понедельник

От о. Сакурая пришло известие, что Феодор Минато попросил уволить его от церковной службы для помощи его родственнику в Куросиро по семейным делам; по исполнении сего долга опять воротится-де на службу. Едва ли.

Передан ящик ботанических книг ботанику Макино, профессору здешнего Университета; книги от ботаника, директора Ботанического Сада в Санкт-Петербурге.

Послана денежная помощь (6 ен), по просьбе, Акиле Ивата и без просьбы (3 ены) — Даниилу Хироока, который сам болен, а жена родила; недавно ему послано 5 ен, тоже без просьбы.

Зима, наконец, надумала заявить свои права: сегодня пошел снег, небольшой, правда, но порядочно нахолодивший воздух.

9 / 21 января 1896. Вторник

О. Феодор Быстров пишет, с сегодня полученной почтой, что был на свадьбе на Выборгской: сын нашего товарища, покойного о. Стратилатова,

женился на дочери нашего товарища о. Ставровского; сын сей — бедный чиновник; сын у Ставровского есть — тоже чиновник. И сетует о. Федор, что дети наших товарищей пошли по светской службе; у другого сотрудника Миссии, товарища о. Демкина, все сыновья — тоже. И это в Петербурге, где духовные учебные заведения так хорошо устроены! Сколько я знаю, все наши товарищи там, сами духовные отцы, воспитали детей по-светски и вывели на мирскую службу! Хватило же, значит, морозом наше поколение. И ведь, конечно, уверяют, что дети сами обнаружили светские наклонности, тогда как дети в десять-двенадцать лет совершенно во власти родителей, и душой, и телом, не имея ни психической, ни физической возможности определенно выразить свою наклонность по тому или другому служению.

10 / 22 января 1896. Среда

Душевная жизнь складывается из ежедневных, ежечасных, ежеминутных мыслей, чувств, желаний; все это — как малые капли, сливаясь, образуют ручей, реку и море — составляют целостное жизни. И как река, озеро светлы или мутны оттого, что капли в них светлы или мутны, так и жизнь — радостна или печальна, чиста или грязна оттого, что таковы ежеминутные и ежедневные мысли и чувства. Такова и бесконечная будущность будет — счастливая или мучительная, славная или позорная — каковы наши обыденные мысли и чувства, которые дали тот или другой вид, характер, свойства нашей душе. В высшей степени важно беречь себя ежедневно, ежеминутно от всякого загрязнения.

11 / 23 января 1896. Четверг

Увеличиваются ли шансы на распространение христианства в Японии? Напротив, уменьшаются. Прежде стоявшие во главе государства, вроде Соесима, Ивакура, были люди умные, но без европейского образования; не веровали, но оставались под сомнением «быть может-де, и со стороны науки вера предписывается». Ныне же универсально образованные начинают пробиваться на вершины, вроде Канеко из Харварда и подобных; эти уже неверы решительные, отрицающие веру во имя «всесветной-де науки». Японцы же такой стадный народ, лишь бы кто с закрученными рогами, да из своих, пошел вперед: толпой повалят за ним.

12 / 24 января 1896. Пятница

Из Кореи Спиридон Араи пишет, что они праздник Рождества Христова проводили втроем с Алексеем Като (из Санума) и Иоанном Китадзима; последний за 22 ри нарочно пришел к Спиридону, чтобы встретиться

вместе молитвой Великий Праздник. Желает очень Спиридон говорить окружающим корейцам о вере, но еще язык недостаточно знает; просит Православное Исповедание на китайском, так как корейцы читают по-китайски.

С Формозы пишет Яков Комабара (родом из Иваядо; был прежде здесь в Катихизаторской школе, но скоро возвратился по болезни глаз; теперь — в военной службе), что проводили они там праздник Рождества Христова очень торжественно. Нашелся там, около него, еще православный христианин, Марк Оогава (из Хакодате), да еще один католик, да протестант-китаец. Соединив силы, они приготовились к празднику, оповестили о нем публичным объявлением, приглашая и язычников. 6-го числа (в наш православный праздник) и собралось верующих и неверующих человек сорок; Яков был главным совершителем молитвословий; Марк помогал ему пением, потом говорили они, вслед за ними и другие верующие, назидания, соответствующие празднуемому событию; в заключение предложено было и угощение собравшимся. Просит Камацубара прислать ему Часослов для употребления на молитвенных собраниях.

Конечно, просящим все будет отправлено, что можно.

И трогательно читать эти письма рассеянных повсюду наших христиан, явно гласящие, что Христово дело дается здесь, что благодать Божия входит в души японцев, о которых иные говорят, что они не способны веровать...

Проповедников бы послать нам в Корею и на Формозу. Но кого? Авось либо, впрочем, и найдутся. Нашелся же для Хацидзёосима. На Соборе нынче будет говорить о сем.

13 / 25 января 1896. Суббота

Варнава Симидзу из Хацивоодзи описывает прибытие туда — погостить дома у отца — вернувшегося из России Иоанна Кавамото. Весьма приятно, что Кавамото являет себя благочестивым христианином: встретили его на станции многие, и он в сопровождении их отправился прежде всего в церковный дом, чтобы помолиться и принести Богу благодарение; принял там поздравление от христиан, сам приветствовал их и потом уже отправился к себе, в свой родимый дом.

Описывает потом Варнава свое пятидневное пребывание на праздниках в Гундоо, хвалит ревность христиан, постоянно собиравшихся молиться с ним и слушать его проповеди. Ни одного нет там ослабевшего в вере; все, от мала до велика, ревностные христиане.

Василий Ямада, катихизатор Карасуяма, описывает празднование там Рождества Христова. Все прекрасно. Прискорбно одно: Матфей Тода, бывший катихизатор, совсем помешался; помешательство религиозного

характера: представляется ему вознесение Спасителя, явление ангелов и подобное. А недавно один христианин из Карасуяма говорил, что Тода помогает там по проповеди, и я обрадовался, думая, что он поправился.

О. Иов Мидзуяма пишет, что половина христиан Такасимидзу просит убрать оттуда катихизатора Спиридона Оосима: вспылчив и гневлив. О. Иов, однако, не принял прошения, ибо нечем заменить Спиридона, если его взять оттуда; пусть подождут-де Собора и тогда просят другого катихизатора. Пишет еще о. Иов, что церковный дом в Исиномаки спасен от огня чисто Божиим покровительством; все вокруг выгорело, а он остался; в наглядное показание сего о. Иов прислал фотографию церковного дома с нынешнею его окрестностию.

14 / 26 января 1896. Воскресенье

Написал о. Симеону Мии в Кёото, чтобы в Квансай искал учеников для заведения Катихизаторской школы в Кёото. Если найдется до десяти, то школу с сентября и откроем. Отсюда будет дан один кандидат для нее. Потом, когда школа привьется, можно и здание для нее построить.

Был молодой бонза Ито, из Кёото, секты Ниси Хонгвандзи; направляется в Россию и Сибирь изучать нашу веру, предварительно будет в Индии и Персии еще знакомиться с магометанством. Посылает его начальство. Какая цель — не говорил он. Вероятно — в том или в другом виде — противодействие христианству. Во всяком случае — легкомыслие.

— Едете изучать нашу веру, но приготовились ли хоть несколько к этому? Познакомились ли с нашею верою здесь по нашим книгам, которых уже множество на языке, понятном для вас? — спрашиваю.

— Нет, нисколько, — отвечает.

Я дал ему переведенную на японский язык Догматику Преосвященного Макария, посоветовав изучить дорогой. Затем дал ему письмо в Кёото к о. Мии, который может снабдить его несколькими практическими наставлениями для путешествия. Обещался дать и несколько рекомендательных писем в Россию, когда он приедет сюда, в Токио, уже для отправления за границу.

15 / 27 января 1896. Понедельник

Сегодня, с помощью Божией, кончили перевод Евангелия от Иоанна и принялись за книгу Деяний.

О. Иов Мидзуяма еще два письма прислал, одно за другим; и с ними прошение христиан Такасимидзу — убрать оттуда катихизатора Спиридона Оосима. Жаль сего последнего: один из самых старых катихизаторов, но изменился до крайности и характера несимпатичного; отставить его — все равно, что пустить по миру с большим семейством, переменить не с

кем: другие священники никто не желает его к себе; просто девать его некуда. Продиктовано строгое письмо к нему, чтобы он постарался помириться с христианами; к Иову написано, чтобы уладил — до Собора; жаловавшимся христианам, чтобы извинили недостатки своего катихизатора. Если не уладится дело, то придется Спиридона Оосима взять в Токио, а отсюда послать какого-либо юнца в Такасимидзу.

16 / 28 января 1896. Вторник

В сегодняшнем номере «The Japan Daily Mail» статья о христианстве в Корее выражает самые светлые надежды для миссионеров. Из восьми провинций этого шестнадцатимиллионного государства в шести миссионеры уже действуют. Везде их любезно принимают, слушают. Сам Король недавно выразился, что он желает «видеть гораздо больше христианских учителей в своем государстве». У протестантов (методистов, пресвитериан и баптистов, действующих вместе) там ныне уже 528 корейских христиан и 567 оглашаемых. Миссионеры все — полны радостных надежд, которыми они и кипели на нынешних своих годовых собраниях, которых свидетелем был автор статьи (Cookevill). Статья эта не касается епископалов, у которых тоже успехи, и католиков, у которых — величайшие успехи и тысячи христиан, ибо они там очень давно.

Мы-то что же? А страна соседняя нам! — Но где нам взять миссионеров, которые дождем сыплются у тех? Япония вот десятки лет ждет хоть бы одного, — и нет.

Стефан Камои, катихизатор Кокура, пишет, что при посредстве Николая Мацуи засватал себе невесту, и скоро свадьба. Послана икона и 10 ен помощи.

Его товарищ, Иоанн Фуруяма, катихизаторствующий здесь, в Асакуса, на днях объявил, что тоже женится, а вчера приходила с матерью заявить о себе его невеста, Мария Исии, обучавшаяся пять лет в нашей Женской школе. Помощь тоже дана.

Оба — прекрасно кончившие курс Семинарии. Даст Бог, со временем будут священнослужители.

17 / 29 января 1896. Среда

Сегодня утром, во время перевода, заглядывает в комнату Павел Иосида, наш церковный переводчик книг, и просит разговора по экстренному делу. Вышел с ним в другую комнату, но смотрю, — он шатается и дрожит, бледный, как смерть. «Что случилось?» — Спрашиваю. Объясняет путающимся языком, что из-за него одна девица утопилась в канале, причем подает просьбу об отставке от церковной службы. «На случай, — говорит, — если бы что произошло, так чтобы имя Церкви не было замешано и запятнано». Просит также 31 января, в расчетный день,

заплатить за него хозяину его квартиры, если за ним окажется какой долг. Словом, завешание делает, как будто сейчас же готовясь умереть.

Оказывается: влюбился он в дочь соседа по прежней квартире. Правда или нет (может, ему только показалось), соседка тоже полюбила его. Мать будто бы заметила это и сетовала хозяину квартиры Иосида: «Отчего-де в таком случае не женится; без сего имя моей дочери будет запятнано». Иосида, подслушав этот разговор, испугался за доброе имя своей возлюбленной и тотчас же перешел на другую квартиру. А она утопилась из-за этого. Прочитал он это во вчерашних газетах.

Нужно заметить, однако, что он с своей возлюбленной не только не имел никакого грешного дела, но даже и никакого разговора, просто только видел ее проходящую мимо его окна.

Странную мне показалась вся эта история, однако раздумывать было некогда: человек прямо в могилу смотрит! Попросил я старика-секретаря Нумабе навести справки в городе, а Иосида поручил Исааку Кимура, его товарищу по переводчеству, живущему здесь же, наказав ему не отпускать от себя Иосида. Целый день Иосида и пробыл в Айайся у Кимура, а Нумабе исследовал в городе. И оказалось: девица действительно утопилась, и красавица, одетая в богатое платье, — все признаки возлюбленной Иосида. Но по другим признакам — не семнадцати лет, а лет двадцати пяти («под мышками у нее выросли волосы», что Нумабе считает верным признаком сего возраста), кажется, беременная, по-видимому, гейся. Утопилась в трех чё от дома, где живет возлюбленная Иосида; народу вчера утром, когда вытащили утопленницу, было тьма-тьмущая — на 10 чё по улице; и при всем том не могли дознаться, кто она? Из чьего дома? Чего не могло бы быть, если бы она была из дома тут же, у места несчастья; обнажив ее, втиснули кое-как в принесенную кадку и отнесли в полицейский участок — пока найдутся ее родные.

Словом, по всем признакам, печаль Павла Иосида о погибели его возлюбленной по меньшей мере преждевременна. Нумабе рассказал все это мне (явившись уже во время вечернего перевода, в восьмом часу), потом Иосида, потом оба — Нумабе и Иосида — явились ко мне; первый — «успокоил-де Иосида», второй — «простите, что наделал даром тревогу», причем весь сиял улыбками. — Кажется мне, однако, что печаль его только что начинается. Едва ли девица в него влюблена; кажется, вся история — дело его воображения, а от сего последнего, если им затронуто сердце, не меньше страдают люди, чем от действительных фактов. Помоги Бог бедному Павлу перенести его душевную болезнь!

18 / 30 января 1896. Четверг

Японский праздник, и потому не учились.
Я почти целый день занят был в ризнице.

С половины десятого было отпевание Якова Фукухара, старика, учившегося некогда и в Катихизаторской школе, хотя без пользы для проповеди. Старик был добрый и простой, как дитя; несколько раз исповедался и приобщался. О. Павел Савабе был его духовником. Умер в провинции, недалеко от Токио, но завещал отпевать его в Соборе и похоронить в Токио. Сегодня и отпели его соборно: со мной служили пять священников и прочие; отнесен был на кладбище в Сомие христианской процессией с преднесением креста и со священнослужителями в облачениях. Упокой, Господи, душу доброго старца!

Окуяма с Хацидзёосима был. Строго наказал ему позаботиться, чтобы не даром год прожил там выпрошенный им катихизатор Ямануци, чтобы до Собора образовалась там хоть небольшая Церковь, иначе Собор катихизатора туда не отпустит.

Павел Иосида был: цветет улыбка; положил свататься к своей возлюбленной; Нумабе и Кимура будут у него сватами. В добрый час!

Петр Исикава, редактор, приходил; просил позволения хору пропеть несколько песней наших на благодарственном концерте. Просят иностранные миссионеры о сем; очень им нравится наше церковное пение. Концерт будет 15-го февраля нового стиля, в субботу, на Масленной. Зная, что у нас в субботу всенощная, просят в девять часов вечера, когда всенощная кончится. Пусть пропоют; дело доброе — в ту и другую сторону. Димитрий Константинович Львовский не хочет идти, но он наставит Алексея Обара, который тоже отлично управит хором. Могут пропеть «На реках Вавилонских», что они поют претрөгательно, «Взбранной» — печального напева, сочинения Якова Димитриевича Тихая, «Достойно», прекрасно переложенное. На большее едва ли будет время. — Участвует в концерте, между прочим, Рафаил Густавович Кебер; фортепьяно — его часть.

19 / 31 января 1896. Пятница

Приходили из «Общества молодых людей» (Сейнен-квай) двое, Мадзумура и Нива, просить о том же, о чем вчера Исикава просил: отпустить певчих пропеть 15-го февраля на музыкальном собрании в пользу их общества. Я, конечно, отпустил, наказав сим двоим наперед сообщить регенту, сообразуясь с программой концерта, сколько времени приблизительно полагается для нашего пения, чтобы так и приготовиться. Для удобства наших певчих они предполагают устроить концерт не вечером, а днем, с двух часов, что, конечно, будет лучше для певчих, да и для публики тоже.

Общество это устроено по инициативе американских протестантских миссионеров для влияния на молодежь в христианском духе. Обладает оно уже прекрасными двумя кирпичными зданиями, неподалеку от

нашей Миссии, построенными, конечно, на американские деньги. Членов в нем ныне до трехсот; помощь оказывается семнадцати юношам, учащимся в разных школах (платится за квартиру их или дается на пропитание). В зданиях ежедневно вечером даются уроки английского языка, на которые собираются человек сто двадцать; по воскресеньям, с двух часов, бывает христианская проповедь; собирается человек двести, почти все ученики разных школ, до Университета включительно. Мацумура именно главный проповедник. Кроме того, в зданиях вмещается библиотека, где ежедневно всякий желающий может читать книги или газеты. Мацумура и Нива — оба конгрегационалисты; первый — уроженец Акаси, в Банету, и воспитанник Reverend Herburn'a, второй — уроженец Оосака и воспитанник Протестантского Университета в Кёото (Доосия). Вспоминали мы, между прочим, Ниидзима, основателя сего Университета, близко, хотя кратковременно, знакомого и мне. Просили они сказать на их собрании, в одно из воскресений, лекцию о моих впечатлениях с приезда в Японию доселе, но я отказался, сказав, что мое дело — говорить о вере во Христа и больше ни о чем.

20 января / 1 февраля 1896. Суббота

Петр Такемото пишет восторженное письмо, но наподобие протестантского, — о том, что Священное Писание, при чтении и толковании его, есть меч, проникающий до разделения души и тела, и прочее. Уж не сбил ли его кто с пути? Человек совсем еще не опытный. Увидим.

Игнатий Мацумото, катихизатор Уцономия, был: о. Тит отпустил его на неделю посетить мать, так по пути домой. Говорил, что Церковь в Уцономия совсем устроена, все в мире между собой и с священником; «Советы мои-де (Игнатия) помогли о. Титу помириться со всеми; до того же он был официальным священником, не больше: придет, отслужит и уйдет; теперь он бывает у всех на дому и со всеми ласков, равно как все почтительны и ласковы с ним». Коня вывели с церковного двора, курятники убрали, так что теперь церковный двор и дом чисты. Все это приятно. Одно не хорошо: Церковь не заявляет своего оживления расширением своих пределов.

21 января / 2 февраля 1896. Воскресенье

За литургией был контр-адмирал Степан Осипович Макаров, один из ктиторов Собора. Вчера еще спросил телеграммой из Иокохамы чрез консула князя Лобанова, когда начинается литургия; я ответил — в девять. И он сегодня из Иокохамы приехал еще раньше девяти. После литургии был у меня. Тут же случился некто Хираки, телеграфист, возвратившийся из Кореи; пришел сообщить подробности о Спиридоне

Араи, подвигающемся теперь в Корею в изучении тамошнего языка с целью проповедывать христианское учение корейцам, хотя сам — купец. Я перевел речи Хираки Степану Осиповичу, что было началом моей настойчивой просьбы ему — хлопотать в Петербурге об учреждении Духовной Миссии в Корею.

Поехали потом мы с ним завтракать к посланнику Михаилу Александровичу Хитрово, по приглашению. За завтраком и после я не упускал случая говорить на ту же тему. Михаил Александрович пригласил меня и на обед, чтобы провести больше времени с мимолетным гостем Макаровым; не отказался и от сего; за обедом и после разговор был большею частью о необходимости развития заграничной духовной Миссии, и прежде всего о Миссии для Кореи. Степан Осипович вполне сочувствует мне, хотя не дал определенного обещания хлопотать в Петербурге, ибо занят-де другими делами, но, между прочим, взял обещание с Михаила Александровича Хитрово и с полковника Вогака, в этом месяце тоже отправляющихся в Россию, что они вместе с ним, Макаровым, явятся на миссионерском собрании в Петербурге ходатаями за Духовную Миссию для Кореи. Оба — Хитрово и Вогак — выразили полное свое сочувствие делу.

22 января / 3 февраля 1896. Понедельник

Емильян Хигуци и потом Алексей Обара приходили жаловаться, что Женская школа не хочет участвовать в концерте, о котором была речь выше. Я ответил, что принудить не могу. Значит, затеяли дело, не посоветовавшись наперед с ними, без которых нельзя обойтись. Девушки просто стесняются выступить на подмостках, оттого и отказываются; говорят: «Это не церковное дело»; а потому они не считают для себя обязательным преодолеть это стеснение.

Послано 5 ен Иоанну Судзуки, катихизатору в Оцу (Мито), на родину его жены и 3 ены на болезнь его матери; написано, что пока мать будет больна, та же сумма будет высылаться ежемесячно. Бедная женщина — много детей, но ни у кого приюта для матери!

23 января / 4 февраля 1896. Вторник

Вчера вечером было братское собрание (симбокквай) всех мужских школ вместе для приветствия Иоанна Каوامото, вернувшегося от родных и ныне вступающего в должность преподавателя. Говорил он, что собрание было не так оживленно, как бывало прежде, и учителей на нем было меньше. Что ж, ему предложить теперь живить школы, если сумеет. Будет «кочёо».

Утром послал прощальное письмо Степану Осиповичу Макарову, уходящему сегодня из Иокохамы на американском пароходе; послал ему

также, по его желанию, рекомендательное письмо к нашему Епископу в Америке, Преосвященному Николаю.

Начинаем окончательно думать о плане для Семинарии; советовался сегодня с о. Павлом Сато, с Павлом Накай и так далее, и разногласий не оберешься. Отдал план места Иоанну Кавамото, чтобы он сделал свои соображения.

24 января / 5 февраля 1896. Среда

Сергий Кувабара, катихизатор Эдзири, пишет, что вещи его погорели на пожаре, бывшем там; о. Матфей посылает его в Какегава потому, что у него ровно никакого дела нет, и не любят его на нынешнем месте; и жалуется о. Матфей, что Кувабара не слушается его, не идет в Какегава; просит и содержание ему не посылать, если не послушается. Очень жаль, что Кувабара оказывается таким плохим.

О. Петр Сасагава пишет про свои семейные обстоятельства и спрашивает, что делать: дочь его Сира восемь лет тому назад была выдана за Петра Кодадзима, но сей, пожив с ней несколько, ушел и до сих пор шляется, не приставая прочно нигде; поведения, словом, плохого. Сира на досуге обучилась акушерству, чтобы на всякий случай быть обеспеченной в жизни, но доселе находится в неопределенном положении; мужа ее зовут в Сендай, не идет; пишут к нему, чтобы он уже заявил, что не имеет отношения к Сире, ибо-де слышно, что он женился на другой, — отвечает, что это неправда и изъясняет притязание на Сиру. Так вот тянется несколько лет. Спрашивает о. Петр, что делать? — Я просил его друга, секретаря Нумабе, найти в Токио Кодадзима, ибо он здесь, удостовериться, что он взял к себе другую женщину, представить мне о сем удостоверение трех свидетелей, тогда о. Петру будет написано, что дочь его свободна выйти за другого. Нумабе почему-то, однако, уклоняется от сего поручения. Но дело решить нужно.

Принесли пятьсот фотокопий блаженного Герасима, Патриарха Иерусалимского. Разошлем по Церквам. Что Патриарх старейшей Церкви приветствует нашу юную Церковь, об этом должны быть извещены все наши христиане, и это не должно забыться долгое время.

О. Павел Сато отправился на остров Хацидзёосима посетить Илью Яmanoуци и посмотреть, есть ли надежда на основание там Церкви.

25 января / 6 февраля 1896. Четверг

Поликарп Исии из Осанай, на Эдо, пишет, что проповедь там процветает; есть совсем приготовленные к крещению, есть и новые слушатели.

Стефан Исидзука, бывший катихизатор, потом отставленный за малоуспешность, вновь призван на службу и поставлен в Цицибу; там его желают, и он, как человек поведения хорошего, будет полезен по крайней мере для поддержания в вере ныне имеющих там христиан. Жалованья ему, как ходё, 6 ен; он будет в то же время учить там шелководству и тем еще зарабатывать себе хлеб.

Мнения других — это цветы их души; они столь же разнообразны, как разнообразны души; следовать всем в деле, о котором спрашивается мнение, нельзя; вышло бы не пособие делу, а разорение ему. Следует же из всех мнений, поколику они не совсем пустоцветы, извлекать самое лучшее и самое применимое к делу, как пчела из всех разнообразных цветов извлекает только самое лучшее и сладкое — мед, и разве еще — воск для сосуда ему.

26 января / 7 февраля 1896. Пятница

Вот несчастье-то! Кавамото, на которого я рассчитывал для Семинарии, оказывается с дрянным характером — упорным и капризным. На днях еще, когда поручил ему сделать соображения касательно постройки Семинарии, он наговорил мне кучу противоречий, совсем пустых, вроде того, что «японцы любят так», «японцы привыкли так», тогда как я живу в Японии гораздо больше лет, чем сколько ему от роду, и стало быть не нуждаюсь, чтобы он объяснял мне, что любят японцы.

Ныне утром, принеся свой чертеж предполагаемых зданий, изумил меня глупостью своих соображений. Комнаты глубиной в $4\frac{1}{2}$ кен. «Но как же свет, достаточный для чтения, достигнет в глубину комнаты, когда щиты (сёодзи) закрыты?» — спрашиваю. Не отвечает, а начинает молоть вздор. Гимнастику предположил у забора в Женскую школу. «Но это неудобно для Женской школы», — говорю. — «В таком случае перенесите отсюда Женскую школу», — объявляет, точно я имею силу на воздухе поместить ее. Пред зданием для учеников — загораживающая двор клетка — аудитории-де. «Но она здесь совсем мешает», — говорю. — «Для красоты школы так необходимо», — отвечает. На мои спокойные возражения он отвечал с капризливостью упорного ребенка, и когда я все-таки спокойно, как будто не замечая неприличия его речей, попросил его начертить схему предположенной им комнаты для жилья учеников, имея в виду, что он более подробно обдумает дело, он, совсем разгневавшись, оставил план в моих руках и со словами «я иначе не могу» ушел из комнаты.

На целый день это опечалило меня. Итак, все его приготовления к педагогическому служенью: остановка для того в России, поездка к Сергею А. Рачинскому — все это тщетно. Какой же он педагог при таком характере! Даже и порядочности-то настолько, чтобы сдержаться,

нет; это уж принадлежность его низкого происхождения: сын торгаша — из сословия, преимущественно пренебрегаемого в Японии. Много значит, в самом деле, здесь «сизоку» японец, или «хеймин». Вековое благородство крови или неблагородство ее не может тотчас исчезнуть, потерять влияние, сделаться незаметным. Оттого и ныне, Истр Исигаме, например, вековой дворянин, повел бы себя совершенно иначе, даже представляя соображения совсем неосновательные. Кавамото же, Кониси, даже Ивасава — чего от них ожидать, кроме неблагородства, свойственного их низкому происхождению? Жаль, что поздно узнаешь все эти вещи; думаешь — перлы везде обретаются; быть может, везде, только не в японских низких слоях.

27 января / 8 февраля 1896. Суббота

От о. Симеона Мии печальное письмо: в ответ на мое предложение ему собрать учеников для основания Катихизаторской школы в Кёото, пишет, что не идут теперь порядочные люди в наши школы (да и не в наши только, а во все христианские), хороший народ весь без остатка размещается по разным светским, утилитарным и научным заведениям; к нам идут разве оборыши, никуда не годные. Было время, что наши проповедники считались передовыми людьми, теперь они в числе самых отсталых (по способностям к научному образованию). Хотелось бы о. Семену основать там Семинарию, чтобы брать на воспитание мальчиков — с общеобразовательную программу и между прочим только — с религиозную. Цель — собрать лучший элемент; авось-либо из него-де выделится и добрая часть для религиозного служения. Но где же у нас люди и средства для такого предприятия, коли и здесь-то, в Токио, при всем желании, мы до сих пор не могли завести такого учреждения, между тем как здесь сосредоточены все силы Миссии, материальные и духовные? А в плохую школу не пойдут, или окажется в ней такая же дрянь, оборыши, как и ныне. Итак, желание о. Симеона неосуществимо и наводит только грусть.

Игнатий Мацумото, на возвратном пути от матери, рассказал, что Иоанн Катаока, катихизатор в Кисарадзу и Акимото, завел китайско-японскую школу для детей. Это, конечно, мешает проповеди, ибо приковывает к одному месту и отнимает время. Но у него семь человек семьи, а получает он от Миссии 12 ен и 2 ены на квартиру в месяц — как прожить на это? Но отставить его от службы тоже не желательно, хоть маленькая польза для Церкви от него все же есть. Господь с ним!

Сегодня в Женскую школу пришла девочка, над которой когда-то совершилось чудо исцеления, Анна Мацунага из Яманака; теперь ей двенадцать лет; обрадовалась она очень, увидев меня, и я обрадовался

ей; щебетала, как птичка. Я призвал Анну Кванно, начальницу школы, и сдал ей маленькую Анну. Доставил ее сюда брат ее Иоанн.

***28 января / 9 февраля 1896. Воскресенье.
Заговенье перед Масленицей***

Целый день дождь, даже с громом. Впрочем, это не помешало обычному числу христиан быть у обедни, а в три часа совершиться бракосочетанию катихизатора Иоанна Фуруяма с Марией Исии. Совершал о. Семен Юкава; в первый раз сегодня слышал весь перевод сего Таинства; перевод вполне понятный; молитвы ясны, торжественны, иногда трогательны; Апостольское же наставление просто целиком и неизменно должно запечатлеваться на душе венчающихся — так оно важно, величественно и вместе любезно, такую непреложную программу счастливой жизни указывает!

Во время совершения бракосочетания в Церкви был, между прочим, посланник наш — Михаил Александрович Хитрово, приехавший ко мне и не нашедший меня в комнате. Он приезжал попрощаться: чрез две недели едет в Россию. По секрету говорил, что вызывает для управления дипломатической миссией в его отсутствие из Кореи Шпейера.

Мне подумалось, что напрасно обижает своего секретаря Де Воллана. Жаловался он также, что нынешние молодые люди в его посольстве (Козаков, Поляновский и прочие) очень плохи: совсем безучастны к делу; «Французский посланник, — говорил он, — приехал сюда гораздо позже, и между тем вокруг него множество друзей-японцев, завербованных его служащими в посольстве, которые дружатся, стараются войти в интимности с нужными людьми; у меня же совсем нет таких сослуживцев». — «А Поляновский?» — попробовал я возразить, вспомнив, что Зиновий Михайлович беспрестанно повторяет, что очень занят по Посольству и что это его интересует очень. — «Да он какой-то слабенький умом», — ответил Михаил Александрович. Поляновский между тем пишет умные статьи, им дорожит «Новое время», — в чем же «слабость?» Уж не в том ли, что Поляновский хороший христианин?.. Собирается Михаил Александрович привезти с собою из России гораздо лучший штат служащих; дай Бог; только едва ли осуществится. Я тоже вот сколько лет жду из России хороших миссионеров, но их нет. Михаил Александрович мечтательней, то есть счастливее меня.

***29 января / 10 февраля 1896. Понедельник
Масленой Недели***

Завтра японский гражданский праздник «Киген-сецу» (восшествие Дзинму на престол, то есть начало Японского государства); ко всеобщей

звонили в большой колокол; Женская школа вся пришла и заняла свое место в образцовом порядке; из мужских школ — почти ни одного; я тут же, в алтаре, сделал строгое замечание о. Роману, нынешнему кочёо, и послал его за учениками; пришли, но стали в беспорядке; хорошего ближайшего начальника у них нет; о. Роман — так только, для проформы; надеялся я на Кавамото, но, кажется, совсем тщетно. Не знал я его характера, когда он учился здесь, да и какой характер у мальчика? Способности порядочные — был исправен, бойкости особенной не было, оттого не было случаев бранить его за шалости,— больше что же? А из России все они так почтительно и ласково пишут. И представилось мне — золото человек; но видно — правда, что в тихом омуте черти водятся.

*30 января / 11 февраля 1896. Вторник
Масленой Недели*

Иоанн Кавамото является и говорит:

— По экономическим соображениям я перебираюсь жить в город.

Я ответил:

— Экономические соображения должны бы удержать вас здесь в миссийском доме; ибо здесь вы имеете квартиру, а в городе должны будете платить за нее.

— Но я зато буду получать 30 ен, не 25.

— Вы будете получать в городе 25, как я уже сказал вам прежде: «Пока примете школу, как „кочёо“, будете получать 25 ен, принявши — 30». Хотите теперь получать 30, примите школу.

— Я еще не готов на это.

— В таком случае и не получите 30.

— Но все, живя в городе, получают.

— На всех не было экстренных издержек, как на вас, по вашему приготовлению к педагогической должности.

Хотел он что-то говорить про свои семейные обстоятельства — приход Павла Накай для перевода, ибо было шесть часов, помешал. Семейные обстоятельства я его знаю. Как прежде дом его был мелкого торгаша, так и теперь. Возмутительная жадность к русским деньгам и отсутствие всякого усердия к служению Церкви; какую-нибудь одну ену или две, переходом в город выиграть случая не упускает, а в Церкви до сих пор при богослужениях хоть бы раз побыл; и это специально готовящийся к заведыванию учениками!

Была днем Агафья Мори, вдова о. Никиты, лечащаяся от умопомешательства; отпущена была доктором на день из госпиталя. Слава Богу, кажется скоро совсем будет здорова; благодарила за детей и так разумно вела себя. Приходила с Анной, дочерью о. Павла Сато.

Обедню служили сегодня три священника. На молебен и я выходил.

После обедни Павел Накай принес купленный им перевод Евангелия от Матфея и Марка католический; переводили с Вульгаты четыре патера с японским ученым, потом два патера другие исправляли перевод, который, однако, почти то же, что протестантский — простонародный. Замечательна, однако, уступка Католической Миссии общественному мнению: против своей воли Священное Писание переводят; запорошивают его сокращенным содержанием в начале каждой главы, параллельными местами в самом тексте, объяснительными заметками после каждой главы, а все же переводят; только жаль, — плоховато; нам позаимствоваться нечем. А как бы хотелось позаимствоваться с какого-нибудь хорошего перевода! Сегодня вечером, например, шло труднейшее место: Деян. 10 гл. 34 ст. и дальше. Все переводы — не только японско-китайские, но и иностранные — врозь; и мы с Накаем плохо перевели, особенно ст. 36–39; вижу, что плохо, а что поделаешь, когда и сам в точности не уяснишь отношение мыслей и слов, а тут еще грамматика совсем противоположная подлиннику.

*31 января / 12 февраля 1896. Среда
Масленой Недели*

Сегодня закончены занятия до начала Второй Недели Великого Поста по школам и у нас по переводу; кончили мы сегодня вечером одиннадцатой главой Деяний.

Днем опять приходил этот нахал Кавамото проситься в город по своим экономическим соображениям. Сказано ему строго, что он здесь, пока примет школу, для того, чтобы предварительно присмотреться к ученикам, а также и им показать себя, что, уйдя в город, он не может этого делать. Но так как он на каждое мое слово возражал и не слушал никаких резонов, все ломил свою «экономю», то я, наконец, просто прогнал его.

Приходил Петр Исигаме просить денег на пирушку им, академистам, пишущим в «Синкай», с членами Айайся, издающими «Сейкёо Симпоо», для скрепления взаимных дружеских отношений. Дал я 10 ен. Говорит:

- Мало.
- Приложите от себя по несколько.
- Пойду посоветуюсь с товарищами.

Вернулся: никто не хочет дать ни гроша в складчину для собственно же удовольствия. Все бы им только на новые и новые русские деньги жить, и печататься (почти без всякой пользы, ибо ленятся хорошо писать), и даже пировать!

Павел Иосида приходил сказать, что ему отказали в сватовстве на его возлюбленной. Говорят родители: «Мы не можем выдать ее прежде старшей сестры, которая еще незамужем».

– И это Кимура слышал от самих родителей? – спрашиваю.

– Нет, это говорил хозяин квартиры, где я прежде жил; чрез него шло дело, – пояснил он.

Значит, искусно успокоили его. Родители едва ли и знают что. Иосида и сам до сих пор не знает, кто родители; какого звания, состояния, даже где живут; он видел только ежедневно проходившую мимо его квартиры нарядно одетую и красивую ученицу, заключив, что она живет тут же, около него и прочее. Во всяком случае Иосида, по-видимому, поправляется, смотрит бодрее и говорит, что прилежно займется переводом.

*1 / 13 февраля 1896. Четверг
Масленной недели*

Павел Сибанай, из Оота, пишет, что четверо из его слушателей уже крещены, есть и дальнейшие слушатели, но жалуется на своего предместника Исаяю Мидзусима: уехал он, не заплативши за квартиру за двенадцатый месяц; когда Сибанай написал ему, чтобы выслал плату, Мидзусима очень рассердился, потребовав у него все книги, даже те, за которые Сибанай будто бы заплатил ему и так далее. Христианин из Оота тоже пишет много дурного про Мидзусима; между прочим, что он от Миссии получал на квартиру 3 ены, а за квартиру платил только две, что ленился, ссорился и тому подобное. Мидзусима в самом деле был плохим катихизатором в Оота, но пора бы уже дрызгам из-за него там прекратиться. Написано Павлу Сибанай в этом смысле.

Стефан Мацуока, из Фукуока на Киусиу, пишет болтливое письмо, в котором между прочим извещает о следующей своей глупости: чтобы добыть слушателей, он 120 своих визитных карточек разослал к разным лицам в городе, но не простых карточек, а с отпечатанными на обороте 23–30 стихами 11-й главы Евангелия Матфея, то есть с проклятиями тем, кто не станет его слушать. Слушателей, разумеется, тоже ни одного не приобрел этим.

Павел Окамура, из Коци, пишет, как всегда, бесплодное письмо – никогда у него нет слушателей и никогда от него радостных известий, несмотря на то, что он самый старый и опытный наш катихизатор. Нового только, что Кирилл Огасавара, учившийся некогда здесь в Семинарии, открыл там школу русского языка. Много научит! Но как же желательно теперь японцам изучать русский язык! И все это в чаянии денежных выгод, с открытием Сибирской железной дороги.

Иоанн Судзуки пишет восторженную благодарность за 5 ен для жены и 3 для матери. Как мало нужно, подумаешь, чтобы сделать человека счастливым, хоть на несколько минут. Пишет еще, что наш богач – христианин Саймару – построил помещение для Церкви, но назначил

за него плату, в месяц 4 ены, тогда как прежде за церковный дом платилось 1 1/2 ены. Поистине японское христианство!

Сегодня в первый раз в нынешнюю зиму выпал снег. Утром вид был совсем зимний, к вечеру снег почти везде стоял.

За всенощной был Иоанн Кавамото. Приятно. Видно, подействовало мое замечание, что он, «готовясь в педагоги, и в Церковь никогда не показывается».

2 / 14 февраля 1896. Пятница
Масленой недели. Сретение

За литургией весьма мало было христиан из города.

После литургии отправился в Посольство по полученному от посланника приглашению на блины. Михаил Александрович в записке упоминал, что есть о чем поговорить.

Действительно, событие не малой важности: 11-го числа (нового стиля) февраля корейский Король вместе с сыном-наследником «убежал» из дворца в Русское посольство, где ныне и находится и откуда издает повеления, уже стоившие голов нескольким министрам, приверженцам Японии, державшим его в плену во дворце. По японским газетам («Дзидзи» и другим), Король мстит за Королеву и политического в его поступке ничего нет. Вообще японская пресса, по первому известию, относится к делу весьма осторожно. Но народное возбуждение тем не менее последует; показанием служит то, что со вчерашнего вечера уже усилили полицейскую охрану вокруг русских здесь; у нас, в Духовной Миссии, двое одетых в партикулярное платье полицейских ходят внутри, двое в своей форме стерегут снаружи. В Сеуле в Посольство послан десант с «Корнилова» в десять человек при пяти офицерах, одной пушке. Должно быть, недавно отправившийся туда посланником Шпейер действует там решительно. Рассказывал он (в вагоне, когда мы случились вместе едущими из Токио в Иокохаму несколько недель назад), что он, будучи секретарем Посольства в Персии и во время отлучки Посланника Бюцова исправляя за него должность, два раза грозил Шаху вызовом русского войска,— раз, кажется, и вызвал несколько,— и дело всегда кончалось полным успехом, за которое он получил благодарность. Вероятно, и ныне подобный риск. Только чем кончится, Бог весть.

Послал архитектору Кондеру записку, прося его to see on account of the plan for seminary. В моих мыслях план готов; посмотрим, не скажет ли что нового Кондер; во всяком случае Семинария в нынешнем году должна быть построена.

Бывший некогда хорошим катихизатором, потом возмущившийся против церковной власти, в 1884 году, за что отставленный, Андрей Яцуки просится опять на службу Церкви — «многие братья-де побуждают

его к этому». Отказано ласковым, но решительным отказом. Куда ему в катихизаторы, когда он в тюрьме сидел за мошенничество! Огонь, воды и медные трубы прошел этот Яцки, оставивши церковную службу. А ведь каким был когда-то усердным! И всему виновата гордость. Похвалили братия — он и вообразил о себе, и пошел...

3 / 15 февраля 1896. Суббота

Масленной недели

Сегодня на концерте, бывшем в «сейненквай» с двух часов пели наши семинаристы — восемнадцать человек; пели в продолжение концерта два раза: в первый — архиерейское «Достойно» и «Дева днесь», во второй «Да исправится» и «О Тебе радуется». Публики было полно, человек пятьдесят иностранцев было; наших одобрили аплодисментами; что пели, впрочем, никто не понял, конечно, да и лучше — меньше профанации; хоть концерт и благотворительный, все же петь «Да исправится» и подобное пред ротозеями неудобно — коробит религиозное чувство. Мне прислан был билет, я отослал его в Женскую школу, чтобы воспользовалась им одна из учительниц — Надежда Такахаси, или Елена Ямада; если же не желают, чтобы послали его Павлу Накаи; не знаю, кто воспользовался. В программе концерта напечатано было, что «30 православных семинаристов» поют, но где же нашим неаккуратным ученикам исполнить предположенное! Хорошо хоть восемнадцать не «заболели горлом» и подобным.

Регент Алексей Обара приходил просить прибавки жалованья Петру Тоокайрину; «каждый день-де учит пению в школе, помогает при печатании нот; бедно очень живет». — Прибавлено 3 ены (получал доселе 10, при семействе).

4 / 16 февраля 1896. Воскресенье;

Заговенье пред Великим Постом

Пред вечерней был офицер с Амура князь Святополк Мирский; любит говорить; о положении Церкви в государстве ничего не знает; с католических книжек утверждает, что у нас Церковь не православная, а русская, в смысле государственного учреждения, правит ею обер-прокурор, Царь в ней самовластен и подобное. И посланник, и секретарь, и вот такие путешественники — все порют дичь о своей вере и своей Церкви, хоть назвать их безрелигиозными нельзя, никак нельзя, но религиозных знаний, кроме ходячих, или так сказать висящих в воздухе, — ни на грош; а кто ж не знает, что наш светский воздух заражен миазмами инославий.

После вечерни и повечерия было прощанье; я сказал несколько слов и потом попросил у всех прощения, поклоняясь до земли; потом священнослужащие простились со всеми взаимно.

При богослужении были лейтенант Иван Васильевич Будиловский и Александра Николаевна, его жена, зашедшие потом ко мне. Да умягчит Господь елеем благодати их сердечные раны!

5 / 17 февраля 1896. Понедельник

1-й недели Великого Поста

Начались великопостные службы для говеющих, которые, впрочем, почти одни только учащиеся, даже учителя-академисты отсутствуют; видел только после Часов двух-трех, да и те пришли, кажется больше для того, чтобы показаться мне на глаза, в чем и успели. Утренняя начинается в шесть часов и кончилась сегодня в сорок минут восьмого; повечерие — в пять с половиною часов, кончилось в семь с половиною часов.

Из русских за вечернею была мадам Будиловская. Муж, привезши ее в Церковь, отправился на званый вечер к принцу Канин'у. Тоже своего рода служба, которую англичане сумели бы подчинить своему религиозному режиму, но русским — где же! Сегодня все на бале, и возможно ли даже вообразить, чтобы кто-нибудь из них нашел это несвоевременным! Куда! В прошлом году в этот понедельник, уж без всякой надобности, адмирал, Сергей Петрович Тыртов велел своему православному оркестру играть вечер за обедом в гостинице в Иокохаме; гостинник для удовольствия жильцов (во время обеда) заикнулся адмиралу: «Не пришлете ли, мол?».— «Отчего ж»,— ответил, разыгрывая подлейшую роль обезьяны. И никому в голову, на всем русском флоте и во всех, вероятно, посольствах, как в нашем, не приходит, что мы, русские,— унижаем и сокрушаем себя подобными поступками.

Днем были: о. Павел Савабе и Матфей Сато сказать, что они вполне удовлетворились в том, что Марк Кодадзима, женатый на дочери о. Петра Сасагава, ныне живет уже два года женатым на другой женщине. Представили о сем письменное свидетельство за своими печатями. О. Петру Сасагава будет отвечено, что дочь его Сира свободна выйти за другого, ибо муж ее de facto разрушил брачный союз с нею.— Да придет вместе с сим в душу о. Петра раскаяние в пренебрежении миссийскими училищами: ни своих детей он не захотел провести чрез них, ни другим в Сендайской Церкви внушил это: точно пробкою закупорил Сендай для Миссии; с тех пор, как он там священником, ни в какую школу здесь — ни мальчиков или молодых людей, ни девочек — никого, тогда как прежде из Сендая по преимуществу наполнялись наши школы, из Сендая выходили служащие Церкви.

Был адмирал Алексеев с флаг-капитаном. Вчера наши четыре военные судна пришли в Иокохаму. Говорил адмирал о неблагоразумии Вебера и Шпейера, ныне поднявших кутерьму в Корее против Японии. Корейский народ, точно дитя, не может жить самостоятельно. Японцы и помогали ему — делали там многое, а мы ничего не сделаем...

Составленный мною проект постройки Семинарии отдал архитектору Кондеру для приготовления чертежей.

Рафаил Густавович Кёбер присылал просить освященной просфоры (лежит больной простудой), «так как-де в эту неделю мясной пищи употреблять нельзя». Отказали ему, сегодня-де обедни нет. К счастью, потом сказали мне, я отослал ему три просфоры, имевшиеся у меня от литургий в пятницу, субботу и воскресенье, за что он письмом благодарил.

6 / 18 февраля 1896. Вторник
1-й недели Великого Поста

Службы обычные, как вчера, — так и всю неделю будет, по Уставу.

Был днем христианин из Ивадеяма, фотограф; говорил, что христиане там уже пожертвовали землю под церковный дом; собирают деньги для постройки дома; нужно не больше 100 ен; собрали больше 20; надеются потом на окрестные Церкви, ибо отовсюду приезжают туда на воды и нуждаются, когда там, в молитвенном доме. Я обещал добавить 10 ен, когда собрано будет 90, также иконы в дом.

Был потом капитан одного нашего военного судна с офицером Давыдовым, стрелкового царского батальона, гостящим у Посланника. Капитан попросил крестиков для матросов и для себя на место растерянных ими; я предложил все сорта, делаемые здесь нашими христианами; капитан при выборе минул те, на которых японская надпись «сю аваремеё».

— Почему? — спрашиваю.

— Матросы смущаются, — отвечает.

Впервой слышу. Мне казалось, русские христиане должны быть довольны, что люди другой нации воспоют вместе с ними к Распятому «Господи, помилуй». Должно быть, не понимают, а объяснить не нашлось кому.

Три переодетых полицейских постоянно во дворе, непереодетые во всякое время видны у ограды. Нельзя мне выйти здесь же во дворе, чтобы полицейский или два не были в двух шагах. Спасибо, что охраняют, конечно, хотя делают это не нам в угоду, а в своем интересе; но жаль бедных людей, задаром мерзнущих на дворе. Преувеличивают опасность: кто жизнью нашего брата много интересуется, или придает ей цену! Ходил бы один полицейский снаружи, чтобы охранять окна Собора и библиотеки от разбития, этого и было бы довольно. — Привитали полицейские ночью доселе в дворницкой у Анфима, у главных ворот. Но

совестно-де не давать ему спать беспрестанными входами и выходами, поэтому просили чрез Алексея позволения поместиться в каменной кладовой под крыльцом; я не нашел ничего против и велел по возможности очистить место. Но после Алексей пришел сказать, что Анфим будет спать у дворника других ворот — Даниила, свою же дворницкую на ночь совсем уступает переодетым полицейским. Я согласился и на это.

Много вырезок из газет сегодня принесли, оповещающих, что я уезжаю на Коронацию Царя. Как же, без нас там не обойдутся! В одной газете, впрочем, была уже поправка, что это — неправда.

7 / 19 февраля 1896. Среда
1-й недели Великого Поста

Кроме времени в Церкви, все прочее, с четырех часов утра, занято было приготовлением отчета.

После обеда были капитаны с наших судов «Всадника» и «Гайдамака».

Вечером Савва Хорие говорил о странной болезни Феодора Янсена; лежал ныне в университетском госпитале под смотрением лучших в Японии врачей, в том числе немца Бельца; болезнь еще не определена; ежедневно припадки до потери способности движения, но не сознания. Отец его — финляндец — много пил; мать — японка — умерла от чахотки; отец ее тоже пил; кому невинный юноша наш Феодор обязан страданиями, Бог Весть.

8 / 20 февраля 1896. Четверг
1-й недели Великого Поста

Целый день снег и халепя. Неудобно ходить в Церковь: холодно и сыро. Оо. Роман Циба и Феодор Мидзуно исповедали учащихся.

Умер Мануил Кимура, чиновник, всегда работавший на Миссию, старый христианин, от горячки. Очень жаль; остались жена и малые дети от второй жены; от первой дочь тоже еще не пристроена. Послал 5 ен на погребение; дальше увидим, что можно сделать.

9 / 21 февраля 1896. Пяток
1-й недели Великого Поста

Расстриженный Павел Нициума в длиннейшем письме восхваляет своего деда, отца и самого себя — со стороны полученного им превосходного воспитания в такой добродетельной семье; потом просит указать ему, в каком направлении употребить его силы и способности: на непосредственное служение Церкви или на служение государству по администрации — с целью, однако, направлять административное служение

на пользу Церкви. Отвечено, что так как по церковным правилам на непосредственное служение Церкви возвратиться не может, то пусть примет второе направление.

За преждеосвященной литургией вместо причастия сказал поучение готовящимся к приобщению завтра Святых Тайн; главная мысль: очистить дом души для принятия Царя Славы. Когда же Он пойдет, то принесет многие блага, между прочим — безопасность нам от нашего исконного врага — дьявола.

После обеда был о. Фаддей Осозава; у бедного жена после родов больна; сам готовит для семьи пищу, дал ему 3 на лекарства жене.

Были из Хамамацу врач Моисей Оота и бывший там председателем городского собрания, последнее время служащий по делам Китайской войны, Кирилл Ацуми. Сей, кончивши свои китайские дела, думает потом поступить в Катихизаторскую школу и сделаться проповедником; лет ему сорок семь; человек с характером не очень надежным для предполагаемого служения; был когда-то воином, отличался буйством, по его собственным словам, и ныне еще жив, боек, любит оригинальничать; впрочем, допустить в школу можно; в течение двух лет обнаружится, способен ли к церковной службе. Моисей Оота просил учредить проповедь в Какецка, недалеко от Хамамацу; там же начал проповедь Петр Хиромици, и есть уже плод ее: один очень дурной человек, услышав ее, совсем переродился. Сначала он стал смеяться над Хиромици, этот спросил: «Знаете ли вы, над чем смеетесь?» — то есть христианское учение.

— Нет, — ответил он.

— В таком случае я попросил бы вас наперед познакомиться с христианским учением и тогда уже, если найдете его смешным, смеяться, — спокойно заметил катихизатор Хиромици.

Тот стал слушать учение, сразу же был поражен, уверовал, совсем переменяет поведение и как будто переродился: сделался кротким, спокойным, резонным; прежде ежедневно бил жену, ныне обращается с нею как с сестрою, советуется с нею, ласков, любовен, вследствие чего и жена стала верующею. — Я сказал Моисею, что сегодня утром, вследствие письма Петра Хиромици, послан запрос к о. Матфею Кагета, «желает ли он, чтобы в Какецка нанят был дом для проповеди, а также даны дорожные Хиромици для посещения Какецка из Хамамацу четыре раза в месяц, как предполагает он, Хиромици, на что все требуется в месяц 3 ены?» О. Матфей, вероятно, не имеет ничего против, и тогда проповедь в Какецка будет урегулирована.

Моисей Оота рассказал потом, как он сам обратился в христианство. Истинно, глаз Божий не дремлет над людьми; всех Он назидает, и всем Господь посылает спасение, кто только способен воспринять его! Пути Божии различны, применительно к различию людей. Моисей обратился так. Случалось ему в Тоёхаси лечить катихизатора Павла Кагета; знал он, что это проповедник христианства, но и в мысли не было у него

слушать учение. Жена его, ныне Лидия, как-то послушала Кагета, понравилось ей, стала слушать больше и уверовала, крестилась; Моисей безучастно относился к этому; запала только в него мысль, что «без Бога не обойтись, и что Бог этот только Один, Тот, Кто сотворил мир,— стало быть, никак не японский, а христианский».

Однажды посетил его земляк его из Нагано, ныне Иоанн Коеда; три раза послушал он Кагета, учения почти еще нисколько не уразумел, но тем не менее уверовал сердцем, что это истинное учение, и возгорелся желанием креститься. Моисей заметил ему: «Если ты, не зная учения, примешь крещение, то почему же не креститься и мне, хотя я еще меньше тебя знаю». Коеда решился немедленно привести свое желание в исполнение, почему с письмом от Кагета отправился в Нагоя к о. Петру Сасагава, тогда служившему там; не застал его, поехал вслед за ним в Накасу, не застав и там, погнался в Ханда; застав здесь о. Петра, объезжавшего тогда свой приход, вручил ему письмо Павла Кагета, который откровенно писал, что «направляется к нему, о. Петру, человек еще не знающий христианского учения, но жаждущий крещения,— представляю-де его вашему усмотрению». Прочитавши, о. Петр целый час так и оставался с развернутым письмом в руках в раздумье, между тем, как Коеда лежал у ног его, ожидая решения. Наконец, о. Петр вымолвил, что преподаст ему крещение и назначил 17-е число, в Нагоя, куда имел к этому времени возвратиться. Обрадованный Коеда, согласно заранее заключенному условию, телеграммой известил своего друга Оота, чтобы он к 16-му числу поспешил в Нагоя креститься, будучи уверен, что о. Петр не откажет и Оота, как не отказал ему. Моисей получил телеграмму вечером; дождь лил, как из ведра; железной дороги тогда еще не было, нужно было ехать на дзинрикися, тем не менее, нисколько не задумываясь, он вместе с Лидией и сыном, тогда еще не крещенным, ныне Алексеем, в десять часов вечера отправился; под непрерывным дождем ехали они напролет всю ночь и утром были в доме о. Петра, накануне вернувшегося в Нагоя; ни нитки сухой не было ни на ком из них. А тут еще узнал Оота, что крещение назначено не сегодня, а завтра, 17-го числа. Нашедши своего друга Коеда, Моисей поспешил укорить его, что ложным известием заставил их без нужды ночь быть в дороге и «креститься дождем». Но Коеда спокойно ответил:

— Ты человек занятый — как не дать тебе несколько времени на просрочку? А тут дело слишком серьезное, опоздать к нему не приходится.

Просьбою Оота преподать ему и сыну крещение о. Петр тоже был поставлен в затруднение, но на основании прецедента с Коеда решился исполнить.

Так они были крещены, Коеда и Оота. И последствия показали, что именно благодать Божия звала их. Знание свое они восполнили потом, и ныне оба — одни из лучших, наиболее благочестивых наших христиан. Особенно Моисей Оота; будучи одним из наиболее передовых и интеллигентных врачей в Японии, он в то же время весьма благочестивый

христианин; едва ли кто из христиан знает вероучение лучше его; все книги, издаваемые Миссией, он тотчас же выписывает и читает; таково и все семейство его. И ныне он в Токио — как врач — для некоторых практических занятий у Китасато, знаменитого бактериолога, как христианин — для хлопот по делам Церкви; между прочим, сегодня же приобрел здесь, в Миссии (за деньги) кусок парчи для украшения престола в своей Церкви.

10 / 22 февраля 1896. Суббота
1-й недели Великого Поста

В половине восьмого часа, по звону в третий колокол, собрались говеющие, и было чтение молитв пред причащением. По окончании их, в десять минут девятого часа зазвонили в большой колокол к обедне. Служили со мной оо. Роман и Феодор. Приобщились все учащиеся и учащие, больше 140 человек. Из городских христиан, к сожалению, ни единого говеющего причастника не было.

В третьем часу был с карточкой доктора Кёбера один студент здешнего Университета по имени Тогава. На карточке было надписано, что он «очень интересуется христианством и уже крещен, но протестантизм его не удовлетворяет» и прочее. Молодой человек, весьма умный и симпатичный. Прямо заявил, что он в Личного Бога не верует, но в Бога верует. В течение разговора оказался совсем не состоятельным в поддержании своего положения. Вообще — колеблющийся, но с добрыми зачатками веры. Интересен был разговор с ним; к сожалению, помешал новый посетитель, молодой человек из Ханькоу, Христофор Мартынович Бенземан, явившийся с подарками ящичков чая от Василия Романовича Лебедева (два ящичка) и Алексея Петровича Малыгина (три ящичка); сам Бенземан — сын капитана, родственника Высокопреосвященного Иннокентия.

Тогава раскланялся, получив от меня для изучения Догматику Макария в переводе и приглашение бывать для религиозных разговоров. Бенземан прибыл до всенощной.

После всенощной Иоанн Кавамото приносил прочитать заготовленную на завтра проповедь. Оказалась очень умною, стройно изложенную (о необходимости Поста). Сказал я, чтобы по произнесении завтра на литургии отдал для напечатания в «Сейкёо Симпо», на общую пользу.

11 / 23 февраля 1896. Вторник

За литургией из русских были: вчерашний Бенземан и механик со «Всадника» Иван Семенович Горюнов, сын крестьянина Духовщинского уезда Смоленской губернии. Оба потом обедали у меня, причем Бенземан

оказался не могущим есть никакой рыбы и ничего, производимого водами, почему и остался голодным. Горюнов, учившийся в реальной гимназии в Смоленске, рассказывал про Смоленск; сам он до того в печали, что желает смерти: жена померла вместе с ребенком, оставив ему, впрочем, двоих малых детей; от роду ему двадцать шесть лет; значит, еще будет время утешиться. Но все же, как посмотришь, сколько несчастных людей в мире! И сколько драм разыгрывается кругом! Будиловские оди — какое печальное зрелище, незримое, впрочем, миру! А там Грулевы, этот Горюнов; из японцев же — не перечесть!

Полковник Вогак, наш военный агент, приехал проститься; едет в Россию. Очень недоволен, что Япония так быстро двинулась вперед, что в некоторых отношениях ныне даже выше России. Я ему напомнил, что Япония 1200 лет тому назад уже была образованным государством, когда России на свете и в помине еще не было; доказательством первого могут служить ему, например, многие предметы, выставленные в музее в Уэно; там есть местные буддийские моленные принадлежности 1200-летней давности, столь изящные, что их можно принять за произведения настоящего времени. Между тем Япония в настоящее время куда меньше и слабее России! Итак, наша «отсталость» кое в чем от Японии не есть отсталость, а «недогнанность» весьма натуральная при соображении наших взаимных возрастов. Кое в чем, например, в грамотности народа, Япония едва ли не впереди и всех европейских государств... Ходячие библиотеки, еще тридцать пять лет тому назад поразившие меня в Хакодаде, и наблюдение, что все пользуются ими.

*12 / 24 февраля 1896. Понедельник
2-й недели Великого Поста*

Начались обычные занятия в классах, у меня по переводу (последнее, впрочем, со вчерашнего вечера).

Ученик Катихизаторской школы, родом из Акита, принес газету своей провинции; передовая статья озаглавлена «Греческой веры все должны бросить свою веру» (Грик-кёо-тоова кото-готоку дакквай суйсен), и бранит православие, как вреднейшее для государства, как змеиное порождение и подобное. Обещается продолжение этого словоизлияния. Ученик просит ответить на это в нашем «Сейкё Симпо». Я обещал поручить это Петру Исикава.

Нынешние бестолковые события в Корее: бегство Короля из своего Дворца в Русское Посольство и пребывание его там поныне, отзываются вот такими, между прочим, явлениями здесь, в Японии, для ни в чем не повинной Духовной Миссии и ее дел. Но Бог устроит все во благо!

13 / 25 февраля 1896. Вторник

В ныне полученном номере «Акита симбун» говорится, что в греческой вере совсем слиты светская и духовная власть, что русский Император — безусловный Начальник всех душ, принадлежащих к этой вере: русские ли то, греки, сербы, румыны, китайцы, японцы и подобные. Не стоит опровергать такую дичь в Сейкёо Симпо. Отдал газету младшему классу Катихизаторской школы, чтоб ученики коллективно отписали в редакцию, что они не только не слышали, но и во сне не видели подобного учения.

Был некто Сагара, посещающий меня уже пятнадцать лет, но не поддающийся никаким религиозным убеждениям; человек почтенный, уже седой, в иностранном платье; трактующий о Правительстве, к членам которого и сам принадлежал, и о разных высоких материях. Ныне он только что с острова Эзо, где имеет землю; рассказывал, между прочим, об айнах и пресерьезно уверял, что они произошли от сосланной японки и собаки, приласкавшейся к ней, в доказательство чего выставлял как неопровержимый факт, что череп айна без швов. Это мне напомнило высокообразованного судью, с которым я трактовал на судне отсюда в Оосака, авторитетно утверждавшего, что люди разных стран различны по происхождению: родоначальники японского племени зародились и произошли в Японии, русского — в России, американские аборигены в Америке и так далее. На вопрос: откуда же и как они родились? Из ила ли, как утверждает один японский философ, или из земли, воды, или как иначе? Почтенный судья определенного ответа дать не мог, но тем не менее остался с поднятою высоко головою.

14 / 26 февраля 1896. Среда

Из Такасимидзу от трех христиан — длинное письмо с подробным изложением проступков катихизатора Спиридона Оосима в доказательство того, что он не может быть там оставлен на службе до Собора, и с просьбою удалить его как можно скорее. Чрез три дня получено другое письмо — от собрания христиан Такасимидзу, с просьбою оставить Спиридона Оосима катихизатором там и с уверением, что все желают этого, кроме трех человек. Спиридон Оосима и от себя пишет, обвиняя, в свою очередь, врагов своих в разных недостатках. — Пусть остается он там до Собора.

О. Петр Кавано радуется, что Церковь в Оота сразу улучшилась после отъезда Исайи Мидзусима: все исповедались и приобщились, чего прежде не было; завелись церковные собрания, на богослужения усердно собираются. Значит, Павел Сибанай — хороший катихизатор. Дай Бог и

вперед! – Пишет еще о. Петр, что в Кокура Церковь оживляется. Николай Мацуи, строивший тамошнюю бумажную фабрику, архитектор, хотя от ревматизмов не может ходить, очень усерден к делу Церкви; жертвует, надеется года чрез два построить там церковный дом.

Петр Такемото пишет, что на скудное свое катихизаторское содержание отправляется странствовать, направляя свой путь к Токио для свидания со мной. Не просил у меня разрешения на это, зная наперед, что я не позволил бы. Но «он не может отступить от своего решения, находя и в Книге Деяний Апостольских, что проповедники шли разными путями». Sic! Боюсь, экзальтация его не перешла бы границы.

Из Сукава неизвестный пишет про двух христиан там, «изумляющих и язычников своих нечестием»: один картежник, другой пьяница. Письмо тотчас же послано о. Титу Комацу, кому подведена Церковь Сукава, чтобы он немедленно отправился туда и исправил их, или же исключил из Церкви.

Из провинции Кисиу, от подножия «Кооясан», протестантский «бокиси» пишет, что «нынешние события в Корее обнаруживают русское нечестие, тогда как Россия состоит в числе христианских государств». Требуется, чтобы я «стал между Кореей-Японией и Россией и убедил Русского Императора прекратить нечестивые поступки, иначе бедствия грозят не только русскому большому храму здесь, но и всему христианству в Японии». Уж если осведомленный протестантский пастор, хоть и японец, имеет такие понятия о России и износит такие требования, то можно понять, как думают о России все стоящие ниже его по понятиям и сведениям!

15 / 24 февраля 1896. Четверг

Василий Таде из Такамацу, на Сикому, опять пишет о совершенной бесплодности своего там пребывания. Сколько ни хлопочет, не может найти слушателей, даже простых знакомых; никто не хочет знакомиться с учителем веры, тем более что он иногородний. У всех христианских проповедников – то же. Католический жил там четыре года и никого не приобрел, ныне уходит отсюда. Если до Собора будет то же, придется послать Таде в другое место, а о Такамацу на время перестать думать.

Роман Фукуи из Сукагава пишет, что слушатели есть и христиане в бодром состоянии, особенно хвалит Иоанна Мураками, зажиточного крестьянина в Морияма, который с любовью принимает проповедника и не щадит издержек на Церковь; просит Роман послать ему за это икону, что и сделано. Но пишет также, что среди язычников ныне немалое раздражение на Россию за Корею, что мешает проповеди: бросают камни в дом, где производится катихизация, злословят и подобное.

16 / 28 февраля 1896. Пятница

Николай Явата из Сакари пишет: все там очень смущены корейскими делами, тем, что корейский Король ныне в русском Посольстве и прочее, и все называют Россию «нечестивым государством» — «на словах-де христианское, а на деле совсем безрелигиозное», ибо учиняет такие поступки с Кореей и Японией. Что Япония надоела Корее и мучает ее, об этом никто не имеет ни малейшего сознания, что Корея в русских ищет помощи против японцев, это всем представляется делом интриг России. Россия совсем не понята, и, вероятно, еще долго будет это.

Павел Хосои, из Фукуока — на север, пишет: «Правда ли, что я еду в Россию на Коронацию Царя, как пронесли газеты по всей Японии? Правда ли, что было покушение врагов христианства взорвать Миссию динамитом?» Ответено: то и другое — неправда.

От катихизаторов: Иоанна Исохиса из Сонобе и Якова Адаци из Какогава хорошие известия: Церкви укрепляются и новые слушатели есть.

17 / 29 февраля 1896. Суббота

День расчетный, хлопотливый. От простуды опять горло и голова болят, так что и ко всенощной не мог идти, чтобы не застудить больше и не затянуть болезнь; зато приготовлением отчетов усиленно занимался.

18 февраля / 1 марта 1896. Воскресенье

С трех утра занимался отчетами. В Церкви не был по болезни горла.

Павел Иосида, переводчик, приходил: засватал на сей раз успешно — Римму Като, учительницу в нашей Женской школе; она согласна, ее отец тоже, и Иосида счастлив; просит только прибавить ему содержания, что я обещал сделать не прежде, как когда он отпечатает свой перевод первого тома толкования Златоуста на Евангелие от Иоанна.

19 февраля / 2 марта 1896. Понедельник

Наш храбрый воин, увенчанный медалью за военные подвиги, Петр Такемото оказывается совсем негодным катихизатором. Не захотел слушать в Мацуэ, перешел по своему выбору в Ивакуни; не хочет и там, захотел путешествовать «для пользы Церкви», не объяснив, однако, какой, и не спросив позволения на путешествие под предлогом, что «не дали бы оно, а только рассердились бы»; дошел до Хиросима ныне, остановился и спрашивает: «Что же дальше? Продолжать путешествие или уж вернуться в Ивакуни? О. Симеон Мии вот находит мой поступок

неодобрительным. Так вы, как прикажете?» Продиктовал отписать ему, что польза Церкви требует, чтобы он исполнил проповеднический долг на своем месте; ныне он вот уже сколько месяцев не пользует, а вред Церкви приносит, бродя без толку и в то же время получая церковное содержание. Но, кажется, никакого прока не выйдет из этого фантазера и самовольника.

20 февраля / 3 марта 1896. Вторник

О. Павел Морита попросил денег на дорогу по Церквам и получил их, а теперь спрашивает, не отложить ли дело до пятого месяца? Ибо катихизаторы не имеют подготовленных к крещению и не для чего ему особенно теперь посещать их. Хочет только побывать в Муя, где очень ленивый катихизатор Петр Какехаси, и в Сумато, где совсем не опытный еще Иосиф Ициномия. Отвечено, пусть сделает, как пишет, только пусть чаще письмами посещает своих катихизаторов и поддерживает в них дух бодрости.

Пишет еще о. Морита, что Моисей Огата по возвращении в Вакимацци не ходит более в Церковь и говорит, что не пойдет до тех пор, пока Церковь будет в состоянии содержать себя. Кроме того, в крайнем гневе на меня, поносит меня, будто я зову всех японцев ворами и подобное. Это он оскорбился за наставление мое ему — жертвовать на Церковь, когда просил меня прибавить содержание катихизатору Симеону Огава. Написал я о. Павлу, что говорил Моисею, что постоянно говорю всем — и на Соборах, и при посещении Церквей, и при всех случаях, то есть, чтобы японские христиане заботились о содержании своих священно- и церковнослужаших, — не всегда же будет содержать их Русская Церковь, пора Японской становиться на свои ноги и так далее. Что при этом разговоре я поносил японцев, это, конечно, неправда; пусть о. Павел объяснит все Моисею Огата и успокоит его. Мне же урок: вперед воздержаться и от самых законных наставлений там, где они не могут быть приняты, особенно же от горячего высказывания их.

21 февраля / 4 марта 1896. Среда

О. Павел Морита и о. Иоанн Оно просят принять на службу Василия Мабуци, бывшего катихизатора, заболевшего сумасшествием, за то оставленного, но ныне будто бы совсем выздоровевшего; нечем-де ему питаться; вместе с Морита просит о том Гавриил Ицикава, катихизатор Токусима, крестный о. Василия. А прежде того о том же просил о. Тит Комацу. Из всего этого только следует, как беспечны самые лучшие из японских христиан в деле чести и пользы своей Церкви. Как же можно принять в число церковнослужителей человека полусумасшедшего? Он

теперь пришел в сознание, но это потому, что ему нужно благодарить Бога за свое поправление и вперед избрать себе путь жизни, не ведущий его опять к болезни, то есть какое-нибудь дело, телесно его упражняющее и в то же время дающее ему пропитание, — какое-нибудь ремесло, как я ему многократно и советовал. Но это ему не нравится, и вот он всячески добивается опять катихизаторства, а ходатаи его и не подумают, что, поступи он сегодня на службу, завтра же может опять также скандализировать Церковь, как делал то в Мито, когда помешался. Отказано, конечно.

22 февраля / 5 марта 1896. Четверг

Сегодня два окна в Соборе разбились камнями; одно, должно быть, ночью, другое днем; разбившего последнее полицейский, бывший на дворе (переодетым), успел заметить, погнался за ним; оказался учеником из соседней школы, ученики которой вообще весьма грубы. Полиция произвела строгое исследование; начальство школы обещало вперед посылать по учителю на обе улицы, среди которых миссийское место, во время выхода учеников из школы, чтобы предупреждать грубые поступки последних.

23 февраля / 6 марта 1896. Пятница

О. Николай Сакураи из Саппоро пишет: посетил христиан по окрестным местам, преподавал им Таинства, но крещений совсем мало; катихизатор в Саппоро, Константин Оомура, подал прошение об отставке, и о. Сакураи не находит препятствий к увольнению, напротив, будет лучше для Церкви, ибо ровно ничего доброго не сделал он за всю свою службу, в продолжение трех лет (когда кончил курс в Семинарии); кроме того, бесчестил себя нечестивою жизнью; сколько ни усовещал его о. Николай и все христиане, не может он бросить дурных отношений к одной женщине. Христиане коллективно просили о. Николая убрать его из Саппоро, хоть бы даже и никого не нашлось на место его до времени Собора. Согласно желанию о. Николая ускорить дело я послал телеграммою согласие на увольнение, а равно и то, что Саппоро до Собора поручается ведению катихизатора в Отару Павла Мацумото с прибавлением ему ежемесячно 4 ен дорожных и на расходы.

24 февраля / 7 марта 1896. Суббота

Савва Андо из Сукава пишет очень хорошее письмо: кается, обещает отныне трудиться, находит, что проповедничество вполне соответствует его характеру, но что он доныне мало думал о сем, чего вперед не

будет. Написано ему в ответ, что я очень рад его доброму настроению и очень желаю, чтобы оно не было мимолетным. Извещает он, что в Манива-мура, 10 чё от Сукава, начал проповедь, ибо есть надежные слушатели.

Яков Томизава пишет, что в Токонабе у него двадцать слушателей, из коих три-четыре человека вполне надежны. Дай Бог, чтобы выдержал он сам то, не заленился бы и не бросил их!

Матфей Мацунага из Ханда доносит, что повсюду ныне только и толков, что о предстоящей войне с Россией по поводу ее (будто бы) вмешательства в отношения Японии к Корее, и что это мешает проповеди. Но больше этого, вероятно, мешает неискусство и недеятельность Мацунага.

25 февраля / 8 марта 1896. Воскресенье

Тит Накасима из Нагано пишет, что дело не блестяще у него, слушателей почти нет, но все же-де Церковь у него в лучшем состоянии, чем у протестантов, где членов Церкви меньше, чем учителей (которых: три иностранных миссионера, одна миссионерка и три японских катихизатора).

Григорий Камия из Циба извещает, что христиане его: Давид Конума и Петр Исимото отправились на службу на Формозу и больше христиан у него нет, слушателей тоже нет. Придется перевести его в другое место, по бесплодности проповеди в Циба.

Илья Накагава по извещению в газетах, будто я отправляюсь в Россию, догадывается, что у Японии война затевается с Россией из-за Кореи, почему, значит, меня и отзывают!

Сегодня посланник наш Михаил Александрович Хитрово отправился в Россию в отпуск. Я проводить не мог, ибо служил литургию. Вчера сделал ему прощальный визит, не застав, впрочем, дома. Отправился посланник на французском почтовом пароходе вместе с Великим Князем Фусима и его свитой, едущими на Коронацию нашего Государя в мае. На судне Михаил Александрович был сконфужен следующим обстоятельством: четыре-пять человек кредиторов-японцев, которым он, вероятно, по рассеянности не заплатил, ждали его и пред всеми оцепили с требованием расплаты. Михаил Александрович побледнел, растерялся (вероятно, от крайней усталости от сборов и визитов и от инфлюэнцы, которою страдает, иначе он — человек очень находчивый и выдержанный) и вместо того, чтобы строго заметить им, «почему не явились прежде в Посольство?» и велеть тут же консулу рассчитаться с ними, повел их в свою каюту и там уладил дело, поручив консулу Князю Лобанову заплатить. Претензия всех на 1400 долларов — поставщики его больше. О. Сергей Глебов, провожавший его до судна, говорит, что

впечатление было очень неприятное. Бедный Михаил Александрович, как поэт, неаккуратен по денежной части, а присмотреть некому.

26 февраля / 9 марта 1896. Понедельник

О. Павел Сато вернулся с острова Хацидзёосима и много рассказал. Катихизатор Илья Яmanoуци — не по тамошнему месту. Ничего он не сделал до сих пор для водворения христианства, а сделать мог бы много, если бы был опытен. Положил он поведением своим показать красоту христианства и ведет себя безукоризненно; никто ни слова дурного о нем не молвит, но никто тоже и хорошего ничего не имеет сказать. Хорошее его поведение заключается лишь в том, что он не пьянствует, не развратничает, что редкость между молодыми людьми на Хацидзёосима; но при этом он всегда сидит дома, никуда не показывается, по вечерам учит детей тому, чему учат в начальных и языческих школах, и лишь только по воскресеньям утром позволяет себе говорить о христианстве, но и это очень отдаленно, больше намеками, чем прямо. О. Павел записал все его темы поучений по воскресеньям, и ни одной — прямо о Боге, половина и совсем не имеет никакого религиозного характера. И изощряется он говорить так, что засыпают, слушая его. Когда о. Павел, в бытность там, говорил, где и когда можно, о Боге прямо, то все слушали с радостью и говорили: «Вот вас можно слушали и хотелось бы всегда слушать, а у Яmanoуци нас сон одолевает». Дал о. Павел Илье подобающие наставления — проповедывать то, для чего он послан, проповедывать всегда и везде «временне и безвременне»; показал ему пример сего действия, но едва ли выйдет прок. Илье нужно здесь, внутри Японии, под непосредственным руководством доброго священника послужить — тогда из него, верно, образуется хороший проповедник; усердие у него есть и способностей не занимать, только практического смысла и такта нет. О. Павел сказал ему, что если он успеет до Собора хоть нескольких приготовить к крещению, то и после Собора будет отправлен туда. Но если бы и было сие, его туда больше посылать не следует, а послать туда человека попроще, не столько книжного, но практичного при благочестии; например, Стефана Исидзука. Но послать во всяком случае нужно; водворение там христианства несомненно при соответствующем месту деятеле. Никакой там теперь религии нет, хотя народ при погребениях и подобном показывает свои религиозные наклонности. Говорят, что развратен народ, но какое же там и противодействие разврату, если нет религиозного научения. Разврат состоит в вольности полов, однако же, непотребных домов там нет. Жителей 10 000, и в поте лица добывают они средства к своему бедному существованию; на шестьдесят тысяч вырабатывают они тканей и прочего, что идет на рынки Японии; значит, по б ен на платье и на все, что

не производится там, а производится там в избытке один картофель, которым жители по преимуществу и питаются.— Чувствительность очень развита там, ибо и место исконо века — трагедий и сильных чувств, место ссылки, по преимуществу, политических преступников (как Тамето, разбитые при Секивахара, и прочие), возвращения многих из них потом и, стало быть, разлуки с прижитыми детьми; по умершим плачут, как дети, чуть что печальное, пускаются в слезы; очень жалостливы. Женщины отличаются красивыми чертами лица и длинными волосами; о. Павел принес два образца срезанных для него волос у двух: 6 футов длины волосы одной. Мужчины иногда очень грубы и безжалостны: за переезд на шлюпке до судна в 10 чё при спокойной погоде взяли по 1 ене, на той шлюпке, на которой переезжал о. Павел.

27 февраля / 10 марта 1896. Вторник

Утром, во время перевода, приходила девица — председательница «Общества улучшения женских нравов в Японии»; сказал, чтобы после полудня посетила, если дело есть, теперь очень занят. Оказалось потом, что отправляется в путешествие по Китаю и России — так по поводу сего желала меня видеть; что ж, коли еще придет, можно дать ей несколько рекомендательных писем в Россию; только как она там будет разговор вести, не зная языка? Да и вообще молодая девица, ревнующая об улучшении нравов, пригодна ли для предположенного путешествия?

О. Сергей рассказал претрөгательную историю, слышанную в подробностях от Шпейеров, как корейский Король с Наследником ушли из Дворца в Русское Посольство. До того тщательно японский караул стерег их в заключении, что им необыкновенного труда стоило освободиться: засели они незаметно ни для кого в носилки плакальщиц, стоявшие у Дворца; караульные привыкли к сим носилкам и не обращали на них внимания, ибо плакальщицы непрерывно сменялись, по две постоянно плача на могиле убитой Королевы. Они и носильщики их вошли в заговор с Королем; и вот найдена была удобная минута Королю и Наследнику — каждому забраться в носилки; когда пришло время плакальщицам ехать на смену, они вошли в носилки и по тесноте оных должны были сесть на Короля и Принца. Носильщики прошли мимо караула и направились к могиле, но на пути вдруг переменили направление и быстро пошли в Русское Посольство, спеша, чтобы не догнали их и не вернули японцы. Посольство было предупреждено, впустило их, и так Король и Наследник были спасены от плена в своем королевстве. Чтобы незаметнее сесть в носилки у дворца, Король и Наследник оделись предварительно в платье плакальщиц. С русским Посланником переписка у Короля была секретная, чрез записки, передававшиеся при прощании во время открытых свиданий во Дворце; для сего условлено было прощаться

несколько раз, подавая друг другу руку.— Ныне Король и Наследник не хотят уходить из Русского Посольства, наслаждаясь тут спокойствием и свободой; разные министерства у него там распределены по комнатам. Король и Наследник оказываются вовсе не глупыми и способными управлять государственными делами сами. Караул вокруг Посольства за оградой держат корейцы, в ограде русские матросы, сошедшиеся с корейцами как нельзя лучше и надававшие им уже русских имен.

28 февраля / 11 марта 1896. Среда

Женская школа задумала после Пасхи праздновать двадцатилетие своего существования и вместе семидесятилетие своей начальницы Анны Кванно, к какому событию собрать всех своих поклонниц ближних и [...] и вести дальних. Обещал по 25 ен на ту и другую часть торжества приходившим говорить о сем Елисавете Котама и Евфимии Ито.

Из Карасуяма извещают, что церковную землю, приобретенную христианами, придется продать, ибо она на линии проводимой железной дороги; можно выручить 600 ен; а если там назначена будет станция, то и больше.

29 февраля / 12 марта 1896. Четверг

Филипп Судзуки из Цёоси извещает, что нашел там двух христиан и начинает проповедь, но на успех мало надежды; католики и протестанты после многих лет бросили это место по бесплодности трудов. Население состоит из простых рыбаков, привыкших к буддизму и не понимающих более возвышенного учения. И мы ведь тоже когда-то пытались водвориться там; оттуда родом был у нас даже один катихизатор, Василий Коянагава, ныне умерший. Быть может, Бог поможет теперь стать прочнее.

Из Немуро Симон Тоокайрин спрашивает цену хоругвей, стихарей, запрестольного креста, гробного покрывала — все это-де христиане собираются выписать. В добрый час! Видно, что христиане религиозно одушевлены. Цены сказано сообщить.

Из Ионако христиане пишут, что для улучшения церковного пения нужно им приобрести хоть дешевенькую фисгармонию, с помощью коей жена катихизатора Николая Такаги — Евгения, воспитанница Миссийской школы, может обучать пению, и сложились они на сей предмет, но не хватает; послано им 5 ен.

1 / 13 марта 1896. Пятница

Был Алексей Николаевич Шпейер, заменивший здесь Посланника на время его отлучки. О Корее рассказывает, что японцы там совсем scompromетировались. Было их положение лет десять тому назад очень

хорошее — их считали благотворно действующими двигателями вперед и уважали; ныне же все корейцы ненавидят их до крайности — старая, вековая вражда вполне возбуждена. Граф Уэно считается там хорошо действовавшим, но какое же это хорошее действие, когда он по заказу хотел в несколько месяцев перевернуть все вверх дном в Корее! У него было расположено: в сорок дней ввести такое-то преобразование, в двадцать три месяца — такое-то; для введения «кадастра», который даже и мы до сих пор не можем ввести у себя, у него назначено было восемнадцать месяцев. И вышла — одна ломка. Ныне в Корее все старое сломано, но на место его нового ничего не введено, оттого и нынешняя неурядица в Корее. Японцы без всякого исторического опыта и знания истории других народов, ни у кого не спрашиваясь, ни с кем не советуясь, принялись за преобразование Кореи — и вышло одно идеальничанье, причинившее много бед Корее и поставившее саму Японию в затруднительное положение, из которого она не знает, как и выйти. Граф Ито, нынешний премьер, по-видимому, даже рад пришедшей последней катастрофе; по крайней мере, она выведет Японию из трудного положения, втянув в дела Кореи и Россию. Таковы речи Шпейера, только что вернувшегося из Кореи.

2 / 14 марта 1896. Суббота

Павел Саго из Батоо спрашивает, как поступить в следующем случае: на Формозе помер от холеры православный воин Кирилл Хоси, с похвалою прежде вернувшийся из Китайской войны; тело его сожжено, и пепел предан земле на Формозе; сюда, в Батоо, не доставлено никакого останка его; между тем здесь хотят устроить ему торжественные похороны — не только родные его, но и вообще горожане; катихизатор и священник (о. Тит) недоумевают, как погребать «ничто»? И спрашивают, что делать? Отвечено: если о. Тит еще не отпел его, то произвести отпевание; если это сделано, то отслужить панихиду; и сделать то или другое с возможною торжественностью. Если многие желают участвовать в заупокойной молитве — не только христиане, но и язычники, — так что дом родных оказался бы тесным для молитвы, то устроить богослужение на открытом месте, где изберут, хоть бы и на кладбище, объявив о сем предварительно во всеобщее сведение. Затем, если бы язычники не удовлетворились сим и пожелали бы устроить какую-либо свою процессию в честь Кирилла, то мы помешать этому не можем, но и участвовать в том не должны.

О. Сергей Судзуки из Оосака описывает свою поездку по Церквам; совершил несколько крещений; везде исповедал и приобщил христиан; усердно говорил проповеди. Одно только неприятное известие: почти дал обещание принять в Катихизаторскую школу Петра из Окадзима,

который совсем не годится в катихизаторы: человек, просто прогоревший на всех предприятиях и не знающий, куда деть себя, а может — и чем прокормить себя. По неопытности, о. Сергей принимает красноречие за красноречие.

3 / 15 марта 1896. Воскресенье

В Церкви на мужской правой стороне стоят сначала певчие, потом ученики, за ними христиане. Но ученики всегда пятятся назад, оставляя большое пустое пространство между собою и певчими. Сколько раз я наказывал коочёо и им лично, чтобы не делали этого! Раз станут, как должно, а потом смотришь — опять пустыня среди Церкви... Учителям бы подавать пример стояния в Церкви, так куда! Их почти никогда ни одного и в Церкви нет, а придет кто, становится у порога, около ленивой скамейки; сколько раз их убеждал становиться ближе — даже и по разу-то не послушали! Пришел я сегодня в Церковь в хорошем настроении; кстати, и наших матросов увидел в Соборе много — думал хорошо помолиться. Но пустыня — направо, между певчими и учениками, которых и внизу-то виднелось очень мало, беготня среди этой пустыни грязных уличных ребятишек до того расстроила меня, что я потерял все молитвенное настроение и впал в отчаяние: когда же Господь даст мне помощников и даст ли? Ужели моя непрерывная молитва о сем, и почти о сем одном, тщетна? Вот и академистов сколько воспитал, чая в них помощников себе, и не единого! Хоть бы кто близко принял к сердцу дело Церкви, дело церковной школы, дело воспитания служителей Церкви. И так, ужели и Церковь здесь рушится с моей смертью, как чают католические патеры, точно вороны, ждущие моей смерти? Знать так, потому что вот Господь сколько десятков лет не посылает просимых делателей на ниву Свою! Как не прийти в уныние! Я почти полумертвым двигался по Собору и еле ворочал языком, чтобы произносить то, что необходимость заставляла произносить. «Призри с небес, Боже» произнес, точно во сне, таким вялым и низким тоном, что певчие сбились и сразнили; никогда еще не было этого со мной, никогда не впадал я в такое отчаяние. В середине литургии едва несколько оправился; и какая мысль подбодрила? Тоже стоит отчаяния, только не японского, а русского. Обижен я, что из японцев нет мне помощников, но если бы я сказал им о сем и если бы они ответили мне: «А из русских-то помощники у тебя есть?». Что я возразил бы им? И так, Господи, когда же воскреснет Россия к делу православия? Когда же явятся православные миссионеры? Или Россия и вечно будет производить все таких же самодуров и нравственных недорослей и калек, какими полна днесь и каких высылала и сюда немало,— вечно, пока так и не погибнет в своем нравственном и религиозном ничтожестве к страшному своему осуждению на Суде

Божием за то, что зарыла талант?.. Но утешение единственное то, что скоро придется не смотреть на все это, — уже шестьдесят лет — недалеко до могильного покоя, за неимением лучшего!

Был Reverend Lloyd, учащий в школе Фукузава; просил принять сюда в школу корейца, двадцати двух лет, учащегося у него религии. Сей кореец — один из трехсот корейских юношей, присланный прежним правительством для воспитания у Фукузава. Ныне, с переменою правительства, им перестали высылать содержание и их всех собираются отправить домой. За сего Lloyd просил, как за человека с религиозным настроением. Очень жаль, что нельзя его принять: что с ним здесь делать? В Семинарии не годится, ибо двадцати двух лет, в Катихизаторскую школу, ибо не может учиться по японским учебникам и лекциям. Притом же и из него, вероятно, вышло бы то же, что из Со, корейца, которого мы воспитали в Семинарии, и который, как почувствовал возможность уйти на более лучшее материальное, так и ушел. Наконец, помести его хоть одного в Миссии — в Соборе и библиотеке побьют много стекол, нашим катихизаторам в стране наговорят много неприятностей, — Россия-де в Японии начинает настраивать Корею против Японии.

Были шесть человек гостей — язычников, между прочими член Парламента из Исикаваке, важное лицо из Тояма и прочие. Дал им христианские книги; хотят поговорить о вере, — ушли.

Прощался Георгий, брат жены иконодиакона Андрея Имада, кавалерист, отправляющийся на год на Формозу; дал ему много христианских книг, убеждая хранить веру и сообщать ее товарищам.

4 / 16 марта 1896. Понедельник

Преосвященный Николай, Епископ Алеутский, из Сан-Франциско пишет по поводу моих писем к нему о епископе McKim'e и адмирале Макарове; на первое, что неосуществимо ввиду взглядов у «наших вероломных старцев» на дело миссий вне России. «Как-то у нас все делается порывами, неровно, без определенной программы, без надлежащих средств» и прочее. «А пробуждение в инославии стало заметно и здесь (в Америке). Если же это кончится ничем, очень будет жаль». Весьма не утешительно — в тон диссонирующей струне у меня в душе со вчера. Впрочем, явилась мысль ехать в Россию найти преемника (о котором и Преосвященный Николай в сегодняшнем письме напоминает мне), если оный не является сам сюда. Но это будет по окончании переводов. Если до того умру без преемника, будь что будет!

5 / 17 марта 1896. Вторник

Кирилл Сасабе из Кобе, а о. Сергей Судзуки подтверждает его просьбу: сделать обретающуюся ныне в Кобе Юлию Токухиро помощницею

по проповеди. Она служила в Красном Кресте, но выключена оттуда за болезнью; между тем женщина, действительно, благочестивая. Сасабе пишет, что у протестантов много проповедниц, у нас — никого. Правда, я и сам желаю диаконисс; по всем Церквам искал подходящих вдовиц или дев для сего — никого не нашел. Пусть Юлия попытается служить Церкви; если Бог даст ей не умереть вскорости от грудной болезни, она, вероятно, принесет пользу. Написано к о. Сергию и Сасабе, чтобы приняли Юлию на церковную службу, — на первый раз в виде испытания на год. Послано и содержание ей: за полмесяца марта 3 ены и за апрель — 6 ен.

6 / 18 марта 1896. Среда

В Касуяма, 2 ри от Сенсо, Никанор Акита предпринял строить храм; вероятно, небольшой; подробности не прислал.

В Куцинохару, по письму Стефана Мацуока, совсем ждут войны Японии с Россией из-за Кореи. Именно, чем больше в лес (в захолустье), тем больше дров.

7 / 19 марта 1896. Четверг

Все эти дни почти исключительно занят был приготовлением к отсылке в Святейший Синод и Миссионерское Общество рапорта и приходо-расходного отчета за 1895 год. И сегодня только это и делал!

8 / 20 марта 1896. Пятница

Рапорт и отчеты с, расписками, также книги, отпечатанные за 1895 год, сданы на почту.

Георгий Мацуно, катихизатор из Омигава, был: отпрашивается повидаться с опасно больным отцом в Каназава. Знает, что нужно испросить позволение на отлучку с места службы, и написал на открытом почтовом листке просьбу о сем прямо ко мне, священник-де в отлучке; но чрез три часа по прочтении мною сей просьбы явился и сам — значит, форма исполнена, а сущность вздор! И пусть бы человек в тревоге — мол, очень спешить надо, — но ничего этого не видно.

9 / 21 марта 1896. Суббота

О. Николай Сакураи по дороге из Саппоро в Неморо засел в Хакодате; целый месяц отсюда судна не будет в Неморо; спрашивает, где Пасху быть: в Хакодате? Или вернуться в Саппоро? Как будто сам не может сообразить, что приличнее быть в своем приходе; написано, чтобы вернулся на праздник в Саппоро.

Следует другого священника поставить туда: Неморо и Саппоро в двух концах Эзо, при неудобстве сообщения не могут составлять один приход.

О. Борис пишет, что ни в Акига, ни в Носиро — ни малейшего движения вперед. Рано, по-видимому, еще проповедывать там — не готов народ, но и бросить как, когда уже несколько христиан есть?

Из Женской школы сегодня принесли вышитое золотом на белом атласе облачение для главного престола в Соборе; вышивали четыре молодые учительницы с Евфимией Ито, начальницей вышивания, под руководством старика-учителя сего мастерства. Спешили очень к сему празднику Пасхи положить начало своему усердию. Мало-помалу вышьют на все престолы и три жертвенника. И это будет память их усердию на сотню лет, ибо шитье — превосходное, которое следует тщательно хранить.

10 / 22 марта 1896. Воскресенье

После обедни, когда я вышел крест целовать, иркутский купец Савин Иванов (торгующий там японскими вещами и приезжающий сюда для закупки их) просит отслужить благодарственный молебен. «По-японски, извольте», — говорю.

— Нельзя ли по-русски?

— Вы видите, что русского ни единого, кроме меня, но и я на время занят.

— В таком случае, по-японски, — согласился он.

И молебен был ему отслужен о. Романом. После он был у меня, пил чай, говорил про Гордия Сиина, ныне учащегося в Иркутской семинарии и бывающего у него.

11 / 23 марта 1896. Понедельник

Сдал сегодня на почту построечный отчет с рапортом в Совет Миссионерского Общества и письмом к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву.

О. Павел Сато, вернувшись из Иокохамы, попросил короткого разговора в другой комнате (пришел, когда я переводил с Павлом Накай). — «Василий Фукунага оказался виновным?» — спросил я его, выступив в приемную и еще ни слова не слыша от него.

— Так! Ныне все, хлопотавшие за него там, изблещили его в преступных сношениях с акушеркой Сирой и отказались от заступничества. Что делать? Он подал прошение о переводе его из Иокохамы.

— Он ли учинитель греха, или Сира?

— По всему видно, что Сира увлекла его.

– Постараемся спасти его для служения Церкви, если Бог поможет. Напишите сей же вечер к о. Матфею Кагета, чтобы взял его к себе, у него недостаток в катихизаторах. Пусть об этом никто не знает, кроме вас, о. Матфея и в Иокохаме, говоривших вам о Фукунага. Я тоже как будто ничего не знаю, об этом и говорю с вами теперь частно.

12 / 24 марта 1896. Вторник

Слава Богу, в городе Уеда зачинается Церковь: о. Феодор Мидзуно извещает, что крестил там четыре человека и что дальнейшие слушатели у Никиты Сугамура есть.

В Хацивоодзи Церковь оживляется: Варнава Симидзу извещает, что и у него четыре крещено.

13 / 25 марта 1896. Среда

Кончили перевод книги Деяний Святых Апостолов и этим до Пасхи завершили дело; Накай проверит переписанное, чтобы в Пасхальную ночь в Соборе и Крестовой читать Деяния по новому переводу.

14 / 26 марта 1896. Четверг

Исправление корреспонденции – на Афон и в Россию, в Троицко-Сергиеву Лавру об иконах и прочем.

15 / 27 марта 1896. Пятница

Дал Тимофею Секи для перевода первый том творений Святого Ефрема Сирина. Благослови, Боже, переводить сего святого отца!

Петру Исигаме указал на ряд атеистических статей старого безбожника Фукузава в его газете «Дзидзи» и сказал, чтобы в «Синкай» написано было опровержение их. Старый этот негодяй – суцая свинья, желудями питающаяся и упитанная, и в то же время дуб подрывающая – и не воображает, какой он вред приносит своими ядовитыми словоизвержениями; его уважают, да и есть за что в других отношениях; тем заразительней его пример и вредоносней слово. Итак, кто думает, что служит своему Отечеству лучше и больше других (а это именно и воображает о себе Фукузава), тот вредит ему – действительно быть может – больше всякого другого отдельного лица, не исключая злодействующих «сооси».

Сегодня закончились занятия пред Пасхою. Во всеобщей были все учащиеся.

Профессор Кёбер, больной инфлюэнцей, присылал просить молитвенник; дал ему оставленный здесь о. Сергием Страгородским.

16 / 28 марта 1896. Лазарева Суббота

День в обычных занятиях и суете; вечером, с шести часов, всенощная, на которой, как всегда, было много молящихся. Особенность ныне та, что христиане, по незнанию ли или по нетерпению, зажгли свечи к своим вербам гораздо ранее освящения верб; сначала на мужской половине, потом и на женской, свет разлился еще до чтения Евангелия. Думал обернуться и сказать: «Еще рано, загасите»; загасили бы, но зачем? И самому так радостно было — осажденному светом!..

После всенощной слушали причастные молитвы вместе с завтрашними причастниками; по левую руку, позади меня, кто-то все время сдавленно плакал; значит, и между японскими христианами есть глубоко кающиеся.

17 / 29 марта 1896. Вербное Воскресенье

До обедни крещено в Соборе семнадцать больших и детей. В Церкви Коодзимацци крещено девять.

За обедней всех причастников было человек восемьдесят. В Церкви молящихся было много. Из русских были: генерал Соломко, командир «Адмирала Нахимова» Добротворский и несколько матросов.

Генерал Соломко был потом у меня, завтракал и просидел до двух. И скучен же! Не знаешь, о чем говорить, — все врет, по-видимому.

О. Феодор Мидзуно рассказал о своем путешествии по Церквам. Игнатий Такаку несмотря на то, что прошел весь курс семинарского здешнего воспитания, никуда не годится: непоправимо ленив и детски легкомыслен. Был когда-то он исключен из Семинарии, и следовало тогда не слушать просьб и не принимать его. Ныне — вот — его служба не в пользу, а в убыток Церкви. — Петр Ояма (в Коморо) служит хорошо; служба в гвардейцах не испортила его, к счастью.

Была жена врача Пантелеймона Кванно, сына Анны, начальницы нашей Женской школы; привезла из Оосака (где муж — главный врач городского госпиталя) сына Иону в одну из здешних гимназий. Как уроженка Оосака, долго потом жившая в Кёото, она отлично знает оба эти города, и в болтовне, на которую великая мастерица, преумно охарактеризовала их. Кёото — это город, бывший столетия под гнетом Сёюгунской власти; и Император, и народ привыкли к смиренной, униженной жизни, поэтому народ — трудовой, не знающий и не любящий роскоши; там и в лавках торгуют женщины, чего в Оосака нет; вообще, женщины стоят на одном уровне с мужчинами, труд равняет их; при этом, так как влияние буддизма многовековое, и во время сёюгунства оно тоже не было препятствием, то народ привык и привержен к буддизму. Вообще же, постоянен в своих навыках и привязанностях. Трудно там ныне приобрести христиан, но если они будут приобретены, то будут уж прочные, неизменные христиане; не то что в Оосака, где народ

непостоянен — скорей обратится, но и скоро охладет. Народ в Оосака вообще — живе́й, подвижней, восприимчивей, но и изменчивей. Отчего? Да там в самих обстоятельствах жизни много элементов, воспитывающих сии качества. Сегодня — богач, завтра — бедняк, но с надеждой послезавтра опять разбогатеть. Человек приходит в Оосака ни с чем, только с руками, — и он не помрет с голоду, тотчас же найдет работу для своих рук, а в Кёото он может и помереть, там труд — определенный, вековой, но и продолжающийся в одном семействе, или в известном составе лиц, к которым разом присоединиться нельзя. Женщины в Оосака сравнительно гуляют, ибо там мужчины больше несут всякий труд, который женщинам, впрочем, и не по силам, — труд торговый, прибойный, имеющий дело с постоянным приливом и отливом предметов торговли.

18 / 30 марта 1896. Великий Понедельник

Службы обычные: в шесть часов утренняя, с десяти Часы и преждеосвященная обедня, с шести Великое Повечерие; продолжительность первой почти два часа, второй ровно два с половиной, третьей — час.

Была Александра Николаевна Будиловская. Живет ныне у Шпейер, чтобы говеть в Посольской Церкви. Муж все еще мучается сам и мучает ее. Она ощущает душевное спокойствие после такого усердного говения на первой неделе и приобщения на второй. Но он, к несчастью, еще почти совсем невер (по ее словам, впрочем), душевной почвы нет, не на чем утвердиться ни спокойствию, ни прощению; горд, самолюбив, и думает исправлять Евангелие, как Толстой, которому поклоняется. А еще представлялся глубоко верующим и благочестивым! Куда каким смиренным и боголюбящим являлся в Миссию и в Собор года два назад! И к чему было фарисейничать? Не из жидов ли в самом деле, как говорят о нем? Недаром на жида лицом похож. Тем не менее положение его и жены очень печально.

Александр Хосакава пишет очень хорошее письмо о Мидзусава и Маезава; соединенными силами он, Авраам Яги и соседние наши катихизаторы прогнали отсюда Тенрикёо, нелепейшую новую секту. Крещено в Мидзусава семья, в Маезава — один. Быть может, из него выйдет хороший катихизатор, несмотря на его дурное поведение во время обучения в Катихизаторской школе.

О. Тит Комацу кратко извещает о своем путешествии по Церквам; пятнадцать крещений совершил. Пасху будет встречать в Сиракава. (Не рассорился ли с христианами Уцуномия?).

19 / 31 марта 1896. Великий Вторник

Из Фукусима-кен шестнадцатилетний мальчик, Ватанабе, пишет письмо, над которым, по-видимому, много потрудился, судя по каллиграфии и по складу: «Желаю-де в вашу веру, но не знаю, как ей научиться, — не

возьмете ли в слуги?»). Сказал написать ему, чтобы отправился к катихизатору в Фукусима; пропитание будет дано ему, и до сентября может научиться вере, чтобы креститься, если заслужит того и сам захочет, а с сентября можно его принять сюда в школу, если окажется действительно добрым.

О. Павел Морита пишет, что Какехаси, в Муя, все бездеятелен, Ициномия, в Сумото, в отчаянии, что слушателей нет, Огата, христианин, в Вакимацци, смягчился, по крайней мере, до того, что домашних отпускает в Церковь, сам еще не ходит.

Об Игнатии Такаку о. Феодор Мидзуно только что говорил, что он никуда не годен, а он сегодня прислал такое прекрасное письмо, что хоть бы самому безукоризненному катихизатору! Но, конечно, прав о. Феодор; Такаку же — лисица, хвостом след заматающая.

20 марта / 1 апреля 1896. Великая Среда

О. Фаддей Осозава вернулся с обзора своих Церквей; крестил более двадцати человек. Особенно успешна проповедь у Филиппа Узава; прежде у него крестились дети его школы; ныне слушают тринадцать возрастных и, кроме того, четыре крещено, — все больше родители тех детей.

У Виссариона Такахаси есть начатки его трудов: двое крещено, из которых один возрастной. Беда его, что молод, и еще беда, что, кажется моложе своих лет: соберутся слушатели, послушают раза три и отстают, потому что слушатели больше старики. То же можно сказать о его товарище по Семинарии Тите Кано.

После всенощной исповедались священники и диакон.

21 марта / 2 апреля 1896. Великий Четверг

С восьми часов литургия; служили со мной три священника. Приобщались школы; из города почти никто. Во время приобщения Иоанн Накасима, ученик Причетнической школы, стоя близ чаши, по левую руку от меня за священником, смеялся, за что лишен причастия. Но нужно наперед устранить и обстоятельство, очевидно, послужившее причиною его поступка. На амвон, к Святой чаше, поднимаются все, отчего образуется самая тесная куча; приобщаются сначала ученицы, а ученики, тесным кольцом стоящие, ждут; Накасима и пустился смеяться, когда приближалась, наконец, их очередь. В будущем году надо будет накануне после Правила сказать, чтобы к приобщению поднимался сначала правый клир, потом левый, за ним остальные ученицы, после них остальные ученики и затем все прочие. Хоры поочередно могут петь во время приобщения, тогда как вчера было молчание. Молитву «Верую,

Господи» могут сказать и стоя на своих местах все, кроме поднявшегося на амвон правого хора.

Часа в два был с визитом граф Соесима. Христианскому учению совсем глух, хотя в бессмертие души верует и христианские книги берет; и сегодня я дал ему вновь переведенную Священную историю В. И. Богословского и наши три журнала с января.

— Что делать с куском шелковой материи, который вы подарили мне из полученных тогда китайских подарков двадцать—двадцать три года тому назад и из которого я тогда же обещал вам сшить себе платье тогда, когда буду крестить вас? — спрашиваю.

— Бросьте,— отвечает, смеясь.

— Все-таки не брошу, а сделаю из него что-нибудь для Церкви в память ваших добрых услуг православному христианству здесь,— заключил я.

Он когда-то (двадцать четыре года назад) освободил из тюрем наших христиан в Хакодате, Сендае, Мидзусава, заключенных местными властями, и настоял, чтобы вперед за христианство не преследовали, в каком смысле разосланы были секретные предписания губернаторам; при его помощи приобретено Миссиею это место на Суругадае и прочее.

Двенадцать Евангелий читали оо. Роман и Феодор; первый — большое Евангелие предурно прочитал, торопился и без малейшего выражения; душа еще отсутствует у наших священнослужителей при таких действиях.

Боже, как мучительно заведывать всем в священном деле и в то же время видеть одни недостатки — и в себе, и в других! Хоть бы чем совершенным Господь порадовал!

22 марта / 3 апреля 1896. Великая Пятница

Три богослужения, вынос плащаницы, обнесение вокруг Собора после венощной,— все, слава Богу, совершенно. За вечерней было несколько русских; между прочим, генерал Топоргин, начальник Приамурской артиллерии, с своей большой женой, нуждающейся в какой-то операции, из-за которой генерал должен бросать здесь службу и ехать в Россию, ибо жена никому здесь не доверяет операции. Генерал и вида не подавал к такому заключению, но по оттенку речи можно заключить, что не легко иногда живется семейным, особенно серьезным людям, любящим настоящее дело.

Генерал сначала смешал меня с Преосвященным Николаем Алеутским, что в Америке. «Недавно-де вы из России», «Что у вас в России» и подобное. Но тем не менее, после того, как я разъяснил ему ошибку его, он величал: «Вас-де везде знают» и прочее. И все это приходится выслушивать и видеть, как русские наши, даже хорошие люди, ни на волос не

интересуются делами своей Церкви! А генерал еще, кроме того, что в 1890 году ехал в эти края на одном судне с о. Сергием Страгородским и прожил шесть лет у берегов Японии, месяц перед сим прожил в Нагасаки. Хоть бы крошечку внимания! И ни на волос не конфузится, когда видит, что завирается, а старается лестью поправить ошибку, думая, что и самая грубая и явно лживая лесть понравится духовному лицу. Печальное такое явление, наводящее на многие печальные думы, отчасти к лицу сего дня.

23 марта / 4 апреля 1896. Великая Суббота

За литургией приобщился между несколькими другими Иоанн Накаима, лишенный причастия третьего дня.

После обедни Иоанн Кавамото пришел просить разрешения сегодня в Пасхальную ночь на Предложенное чтение христианам о Голгофе и Гробе Господнем. С десяти часов в Соборе сделает это, о чем вывешены оповещения.

О. Сергей Глебов приходил рассказать, что в четверг ночью Будиловский хотел застрелить свою жену; она убежала (когда он пошел за револьвером наверх) к Устиновым, которым и рассказала все о себе и муже. Если Шпейер не постарается помешать мужу, то может произойти смертоубийство; помешать же одно средство — поскорей отправить ее в Россию, чего, впрочем, хочет и сам Будиловский. Он совершенно озверел: бьет и тиранит ее, зовет дома ее не иначе, как публичной женщиной; в людях ныне говорят, что она с ума сошла, и потому нужно ее отправить домой.

Ученики Семинарии объявили у себя: энзэцу, онгаку и гентоо (речи, пение, волшебный фонарь) — и это без всякого спроса, узнал я только сейчас из расклеенного ихнего зазыва публики к себе. Спрашиваю инспектора — о. Романа — найти не могут, посылаю за старшим. «О чем энзэцу?» — «О Воскресении», — говорит. «Ладно, только не хорошо, что позволения не спросили, вперед спрашивайте. Пение отмените, чтобы не устали голоса, пения в Церкви много будет. В гентоо что показывать будете?».

— Духовных картин нет, так военные.

— Это нельзя, к нынешней Святой ночи совсем не идет; отмените.

Где-то нашли, однако, священные картинки и пришли за позволением показать их, которое и дано.

С семи часов вечера начато в Соборе и Крестовой чтение Деяний. Ныне в первый раз читают по нашему переводу, для чего едва успели приготовить два списка только что конченной переводом книги Деяний. Я сам прочитал по главе — в Крестовой и в Соборе, чтобы показать, как нужно читать: громко, отдельно, не спеша, чтобы было понятно всем слушающим. Слушающих, впрочем, очень мало; в Крестовой и

много народу, да все больше заняты украшением и рассматриваньем украшенных масок; в Соборе еще не собрались.

24 марта / 5 апреля 1896. Воскресенье.

Пасха

Вчера вечером с десяти часов Иоанн Кавамото читал в Соборе о Голгофе и Гробе Господнем, и читал очень хорошо, приготовил тщательно; сначала было прекрасное предисловие, что вот мы теперь бодрствуем, радостно встречая праздник Воскресения Христова, тогда как мир вокруг нас еще, не зная сей радости, спит, погруженный в мрак. Потом — обстоятельный рассказ в благочестивом духе о том, в каком виде ныне Голгофа и Гроб Господень. Говорил в правом от входа крыле Собора; народа собралось очень много, и слушали внимательно.

Богослужение совершено во славу Божию со всем подобающим великолепием. Молящихся был полон Собор. Собор залит был светом и от паникадил, и местных свечей, и от свечей в руках христиан. Пели хорошо. Кончилась литургия, как всегда, в три часа. Из русских были генералы Соломко и Топоргин с женами; первый уехал прежде окончания, второй разговлялся у нас. Вокруг Собора было шествие в полном порядке; кстати, было тихо до того, что свечей не задувало. Я, по обычаю, освятил яства у себя, у учеников и христиан и потом христосовался со всеми, то есть раздавал яйца. Мясным разговлялись у меня человек сорок — старшие из служащих Церкви и более почетные из христиан; младшим служащим дано по 1 ене в конверте, и они были очень довольны; таким образом в первый раз обошлось угощение в одну очередь; после, впрочем, с шести часов, учительницы разговлялись, как и в прежние годы.

Были с поздравлениями все посольские, также адмирал Алексеев и другие русские.

С профессором Кёбером, когда мы остались с ним вдвоем, был длинный разговор по религиозным вопросам. Человек он очень расположенный к вере и очень глубокий по уму, но, к сожалению, без всякого религиозного образования, как у нас все светские, к стыду нашему.

В Университете, видно, его ценят: на днях был у него директор и предлагал заключить контракт еще на три года его философского профессорствования, на что и он согласен.

С пяти часов была Пасхальная вечерня.

25 марта / 6 апреля 1896. Понедельник

Святой Седьмицы.

Праздник Благовещения

С семи часов Пасхальная и Благовещенская службы; продолжилось до половины одиннадцатого.

Потом славили у меня разом оба наши хора: пели в нижней классной комнате, после чего дано всем по яйцу и младшим певчим, не певшим года, по 20 сен, старшим по 40.— За ними прославили пришедшие из Коодзимацци. О. Павел Савабе вчера с вечерним поездом уехал в Тоса — мать опасно больна, вместо него был о. Роман Циба. Пропели то же в четыре голоса, после чего угощены все, и дано певчим 5 ен, регенту Титу Оосава за труд и на лекарства жене 3 ены.

С двух часов ездил поздравлять с праздником в Посольство и в Imperial Hotel к генералу Топоргину. После была у меня мадам Шпейер с дочерью. За ними — о. Семен Юкава, вернувшийся из Такасаки, куда зван на Пасхальную службу. Человек сто было в Церкви, как и в прошлом году; двоим преподал крещение. Но кроме того, печальные известия: старик вдовец Захария Иеда взял другую жену по-язычески; дочери его, Агния и Зоя — обе замужем в Такасаки — совсем охладели к вере; в одном непотребном доме там есть некая Вера, проданная туда теткой-язычницей; она Вера была когда-то в Женской школе месяца три, вышла за болезнью груди, потом была за язычником, разошлась с ним и ныне вот там; обещали христиане ее выкупить и послать работницей в Ооисо, в христианскую гостиницу горячих ключей.

26 марта / 7 апреля 1896. Вторник
Светлой Седьмицы

С семи часов Пасхальная служба — до десяти часов; служил со мной о. Феодор Мидзуно; о. Павел Сато болен, о. Роман вместо о. Павла Савабе христославит по его приходу. В Церкви, кроме учащихся, почти никого из японцев не было, особенно в начале; зато человек пятьдесят наших матросов с «Адмирала Нахимова» приехало из Иокохамы. Это внушило мне «Призри с небесе, Боже, и виждь» произнести по-русски, а не по-японски, что было в первый раз в Соборе. Матросики наставили столько свечей, что заняли все подсвечники и преусердно молились. После обедни человек двадцать пять остались и просили отслужить молебен Святому Архистратигу Гавриилу и Святому Великому Князю Владимиру, который и отслужили мы с о. диаконом Львовским.

О. Фаддей Осозава вернулся из Маебаси, где встречал праздник. По-усердствовали там христиане воздвигнуть в своей маленькой Церкви иконостас, стоявший им 130 ен; о. Фаддей привез мне фотографию его; иконами отсюда снабжен он вполне и высматривает довольно красиво, только евангелистов на Царских вратах не так вставили.

О. Матфей Кагета, между прочим, извещает о чуде от елеопомазания: в Удзуми мачеха Якова Хиби, старуха уже семидесяти трех лет, очень страдала от болезни, и лекарства нисколько не помогали; о. Матфей совершил елеопомазание, вслед за которым боли тотчас прекратились,

и она больше не имела их, а была в очень тихом и радостном настроении, чрез двадцать дней совсем выздоровела.

Весь день дождь и сильнейший ветер. Вечером буря.

27 марта / 8 апреля 1896. Среда
Светлой Седьмицы

День ясный, но сырой от вчерашнего дождя. Сакура в полном цвету, был у профессора Кёбера и застал у него двух патеров; недаром он на днях хвалил папство и непорочное зачатие. Патеры тащат его к себе. Едва ли успеют.

28 марта / 9 апреля 1896. Четверг
Светлой Седьмицы

Сегодня Женская школа праздновала двадцатилетие своего существования и вместе семидесятилетие своей начальницы Анны Кванно.

В половине десятого собрались в Соборе: вся школа и все учившиеся в ней за двадцать лет — ближайшие, кто мог прибыть. Я и о. Павел Сато с диаконом Кугимия и свитой отслужили благодарственный молебен. Петь стали одни учительницы и из кончивших — лучшие певицы; но ставший с ними (очевидно по родству с Анной Кванно) Иннокентий Кису совсем испортил начало молебна: ектению разлили невыносимо. Наконец, взялась руководить своим голосом Елена Ямада, и пошло хорошо.

Я сказал в конце молебна приличную случаю речь, в конце которой благословил Анну иконой Богоматери в серебряно-позолоченной ризе.

В Женской школе, в воротах, меня встретили учительницы пением «Ангел вопиаше», с каковым пением мы прошли (с о. Павлом Сато, номинальным начальником школы, живущим на местности Женской школы; дочь его Анна стерегла у ворот и, завидя, что иду, побежала вызвать его, отчего и вступили мы в ворота Женской школы вместе) до мест, назначенных нам в зале школы. Пропели там «Христос воскрес» трижды, «исполла» на мое благословение и сели, мы — я, о. Павел и Анна — подряд за столом на стульях, я в середине на большой подушке, они по бокам, кругом стен обеих сплошных зал — гости (из гостей только Сергей Нумабе, секретарь Миссии, и Павел Накай, учитель). Представили Анне подарок — общий от всех, и нужно признаться — мизерный (хотя и я отчасти на сей подарок пожертвовал 25 ен): коробочка, правда, отличной отделки, но маленькая, и какое употребление? Я и днем не догадался. Но коробочка сделана именно для нее — внутри стихи, золотом микроскопически выделанные, тут же и пропеты были прямо к ней адресованные. Зато эта коробочка в стольких ящиках и увертках, что с самого начала представляла огромных размеров подарок; я едва

мог сохранить серьезность, когда коробочка долгое время при общем внимании освобождается была из своего заключения.

Потом чтение адресов, потом пение, опять чтение, потом опять чтение адресов, потом опять пение и так далее. И все так чинно, так важно, и все так немножко скучно и немножко комично, особенно когда старик Оогое, едва разбирая стихи Накай и, запинаясь, спрашивал его, как прочесть букву. Накай тут же; говорил я ему: «Прочтите сами ваше стихотворение». Головой мотнул отрицательно; ну и вышло, что его стихов никто не понял, — как не комично? А стихи-то вероятно, в серьезном стиле — перл всех прочих чтений. — Потом прогулки по комнатам, которые, даже и все ученические, преило были убраны для праздника. Обед, к сожалению, даже и слишком роскошный для нас троих: Анны, о. Павла и меня — по 1 ене, прочим гостям по 45 сен. Затем снятие фотографий — сначала школы с нами тремя в группе, потом вышедших из школы, тоже с нами. После сего я предложил показать всем библиотеку, в которой еще никто из них не был. Посмотрели, но только, к сожалению, запачкали снизу «таби»; я и не догадался сказать, чтобы вошли в «зори» и «гета», а «таби»-то для праздника были у всех белые, как снег.

Фукунага Василию дан сильный укор и сказано, что если вперед хоть мало имя его запачкается, служить Церкви не может. Теперь же пусть идет в Кооносу и Казо.

29 марта / 10 апреля 1896. Пятница
Светлой Седьмицы

Ездил в Тоносава, чтобы посмотреть, что нужно поправить: крышу немного и три креста новые на колокольню; куполки без крестов так странно высматривают; Михей же снял кресты, ибо подгнили и покривились. В будущем году нужно будет сделать там капитальные поправки.

Больного учителя математики — Хигуци — там нашел в миссийском доме, где пожить брал позволения две недели тому назад. Какке бедного одолела; еще недели две проболает.

30 марта / 11 апреля 1896. Суббота
Светлой Седьмицы

В восемь часов оставил Тоносава. На полчаса завернул к о. Петру Кано в Одавара, чтобы сказать ему покрасить снаружи купола и всю Церковь: раз — для благообразия, другой — чтобы сохранить дерево. Если христиане согласятся сложиться на это, то я обещал пожертвовать половину стоимости ремонта. Среди красивого садика Церковь высматривает такую полинялою! И так бьют стекла в Церкви камнями с улицы:

три стекла разбитых видел. Внутри Церковь сохраняется чистенько; потоки от дождя только безобразят.

В один час пополудни был снова у себя на Сурагадае.— В шесть часов — обычная всенощная. После же Яков Негуро, катихизатор Аннака, представил свою невесту, которую привез поучиться в Женской школе; она только что окончила курс в городском училище; при ней, конечно, мать ее.

О. Павел Савабе известил, что мать его померла; он не застал ее в живых.

31 марта / 12 апреля 1896. Фомино Воскресенье

Прошедшею ночью, часу во втором, ученик Семинарии, шестого класса, Ной Теразава в компании с какими-то двумя, имена которых еще не известны, стали внизу против Женской нашей же школы и ну бомбардировать ее камнями, из которых один, перелетевши чрез главный дом, разбил стекло в золотошвейной. Полицейский, услышав удары от камней, бросился с подъема вниз и успел схватить Теразава, тогда как другие два удрали. Его привели в полицию и стали допрашивать; сначала дал ложный адрес, потом сказался; засадили на двое суток в полиции под арест. Я объявил, что он исключается, и просил дознать, кто были другие два, чтобы и с ними поступить так же, если ученики. Вот что значит дурной материал в школе; Ной этот — сын кузнеца, грубый на натуре, всегда на него жаловались за грубость и ссорливость. Бросать камнями в своих сестер без малейшей причины на то — настоящее зверство! Хорошая и педагогия: во втором часу ученик не спит у себя, а шляется по улицам! Таков о. Роман, нынешний заведыватель Семинарии; а господину Кавамото, который специально был готовлен в педагоги, еще не угодно принять школу в свое заведывание. Что будешь делать? Во всем должен быть я один виноват!

Илья Накагава из Каннари пишет: умерла и погребена тамошняя благочестивая христианка Сара Кавамото, племянница покойного нашего священника Иоанна Сакаи и мать Якова Кавамото, тамошнего ныне лучшего христианина. На похороны собралось человек пятьсот язычников, и всех тронуло благолепие похорон, так что говорили: «И нам нужно сделаться христианами, чтобы быть погребенными так хорошо»; еще говорили: «Значит, не правда, что христиане пробивают своих покойников гвоздями и связывают веревками». Подумаешь, какая осторожность нужна при введении христианства во всем, не исключая самых последних мелочей! «Пробивание гвоздями» — непременно взято от заколачивания гвоздями гробных крышек; говорю я, чтобы винтами прикрепляли крышки, — не слышно страшных звуков молотка, но где же в провинциальных Церквах найти винтов и вверток, коли и здесь, в Соборе, почти никогда не заготовят! А «связывание веревками» —

это, без сомнения, взято от соломенных веревок, которыми обвязывается гроб в двух местах, чтобы продеть веревки для спуска гроба; эти веревки потом вытаскиваются, а соломенные остаются; язычники и обратили их в узы покойника. Но при погребении Сары, в Каннари, то и другое рассмотрели ближе и поняли, как должно, если только там совсем не было «гвоздей и соломенных веревок».

Из Церкви — отовсюду очень хорошие известия о праздновании Пасхи, лучшие, чем в прошедшем году.

1 / 13 апреля 1896. Понедельник
Фоминой Недели

С семи часов обедня, потом панихида. Кутьями были уставлены четыре стола церковных и четыре длинных стола классных. Потом причт отправился служить литии по могилам на трех кладбищах.

Полиция исследовала и нашла, что два другие с Ноем Теразава, бросавшие камни, были тоже ученики Семинарии, Сираиси и Такахаси Матфей.

2 / 14 апреля 1896. Вторник

Начались классы после Пасхи.

Учителям-академистам отдан был на суд проступок Теразава и двух с ним. Они рассудили, что жаль выключать из Семинарии. Я согласился с ними, но так как без наказания оставить нельзя, то велел троим выйти в город и быть приходящими учениками до каникул. Если будут учиться исправно и не провинятся ни в чем, то после каникул опять будут приняты в Семинарию. Впрочем, им всем троим принадлежит очередь в военную службу; быть может, и по необходимости уйдут от нас.

Утром ездил в Иокохаму — по банкам и с визитами к нашим; вечером начали с Накаем переводить Соборное Послание Апостола Иакова.

3 / 15 апреля 1896. Среда

Яков Тоохей, катихизатор в Маебаси, прислал белую книжку с просьбой написать в ней на первой странице что-нибудь; книжка приготовлена для написания в ней истории введения христианства в Маебаси и продолжения потом записи Церквей. А такие записи вести по Церквам даваны были многократные внушения и наставления; значит, в Маебаси и не думали до сих пор об исполнении; а Церковь — одна из лучших.

4 / 16 апреля 1896. Четверг

О. Симеон Мии из Кёото пишет, что Лука Кадзима, катихизатор Хиросима, очень обеднел: дети без платья, платить в школу за них

нечем, отчего обучение их приостановлено и прочее. Вычитается-де у него из содержания 3 ены на уплату долга в Мацуе. Послано Луке 8 ен на детей.

Bishop Corte из Кореи пишет: два наши, православные христиане японцы к ним, в Чемульпо, заявили; один, Араи Токуици, называет себя катихизатором; «правда ли, что они христиане и что Араи катихизатор?» «А мы-де, — пишет епископ, — готовы им помочь; только чем помочь?». Просит отписать ему. Нужно.

Некто Василий Кондо, из Ханда, был; едет в Читу для торговых разведок. О. Симеон Мии, у которого он четыре месяца учился русскому языку, дал ему рекомендацию к своему знакомому там. Я благословил его иконками и японским молитвенником с надписями, чтобы, в случае нужды, он мог заявить себя христианином.

5 / 17 апреля 1896. Пятница

О. Сергей Страгородский из Афин пишет: предлагает себя сюда вместе с каким-то о. Андроником, кончившим в прошедшем году курс в Московской Академии и ныне состоящим инспектором в Кутаиси и «скорбящим, так как попал к дикому ректору». Последнее, то есть «скорбящий» и «дикий» не рекомендательны: терпения и благодушия не обещают, а без них сюда нельзя.

6 / 18 апреля 1896. Суббота

Спиридон Араи (Токуици) из Кореи пишет: хотя познакомились с епископальным миссионером (Smart'ом), и он пригласил их (Спиридона, Китасима Иоанна и еще одного нашего) вместе праздновать Светлый праздник Пасхи, приходившийся ныне в одно число с ними; но они, Спиридон и прочие, предпочли встретить праздник в своем православном, хоть и маленьком, кругу, и потому, собравшись втроем, помолились и приветствовали друг друга «воскресеньем Христовым». Но печально ныне их положение там: все они потеряли, что нажили торговлей, от нынешних гонений в Корею на японцев (вследствие убийства японцами Королевы); «голодом придется помереть, если не помогут благотворители», — пишет Спиридон, а у самого даже и собственный дом был там, — все потеряли.

Роман Фукуи описывает обращение одного из крещенных у него в Сукагава ныне — Якова Мицияма. Три года тому назад он, будучи тогда чиновником по сбору податей, ночевал однажды в гостинице вместе с православным христианином из Карасуяма; разговорился с ним о христианском учении, и искра веры запала ему в душу; но долго он не встречал

православного проповедника; встречался с протестантскими, слушал их, но не удовлетворяли они его; так, наконец, и в Сукагава, будучи здесь по делам, он столкнулся с протестантским катихизатором, слушал его и, не удовлетворяясь, спросил, нет ли здесь других проповедников?

«Есть старой веры (киукёо)», — ответил тот и указал, где живет Роман. Мицияма пришел к Роману, но не застал его дома, а от жены его узнал, что здесь не «старой (католической), а православной веры (сейкёо)» проповедник. Мицияма очень обрадовался; стал слушать учение у Романа весьма охотно и скоро его усвоил и пожелал креститься, что и исполнил ныне о. Тит. Весть Господь своих избранных и разными путями приводит их на путь спасения!

7 / 19 апреля 1896. Воскресенье

Пред обедней о. Семен Юкава крестил младенца из Фукуи, в Эцизен, за обедней приобщены сей младенец и его мать и дочь-девица, вчера исповедавшиеся. Это семейство одного фабриканта (Якова по имени) и изобретателя мыла для мытья шелковых материй, отчего он и имеет завод свой в Фукуи, где по преимуществу производятся шелковые материи, которым полезно его изобретение. Семейство очень богатое, имеющее дом и в Токио; родом из Кумамото.

Был один христианин-воин, возвращающийся со службы на Формозе; благочестие, по-видимому, возгревается в отдалении: их там было четыре христианина — в местности, где он служил, — и они не переставали собираться на молитву, привлекая к тому и инославных; не переставали и проповедывать: один товарищ сего, с ним же возвращающийся ныне, горит желанием принять крещение в Сендае, куда завтра отправятся (в Токио прибыли вчера). Был генерал Соломко. Устал я с ним, слушая два часа совсем бесполезную болтовню.

8 / 20 апреля 1896. Понедельник

Начали разбирать старые семинарские здания, чтобы дать место постройке новых.

Идет перевод Первого Послания Апостола Петра, труднейшее из всего доселе.

9 / 21 апреля 1896. Вторник

О. Павел Сато освятил место под колодезь на нижней площадке, который ныне и роют. Вместе с тем нижняя площадка распланирована

для переноски сюда старых семинарских зданий и некоторым приспособлением их для помещения прислуги и нескольких служащих, наиболее необходимых при Миссии.

10 / 22 апреля 1896. Среда

Отъезжающему в Россию о. Сергию Глебову давали обед учителя наши и другие, а вечером ученики Семинарии устроили ему «Сообщу квай».

11 / 23 апреля 1896. Четверг

Целый день я готовил корреспонденцию с о. Сергием в Иерусалим: Его Святейшеству Патриарху Герасиму, Архиепископу Иорданскому Епифанию, игумену Вениамину, Александре Дмитриевне Богдановой. Всем благодарность за присылки сюда с Иоанном Кавамото и посылка отсюда разных разностей.

12 / 24 апреля 1896. Пятница

О. Феодор Мидзуно говорит:

— Акила Ивата в Цицибу — излишек, довольно одного Уцида. Куда Акилу?

— В Иокохаму,— говорю,— туда мы с о. Павлом Сато хотели послать ученика Катихизаторской школы, ибо там ныне есть дело, но для ученика неудобно,— он должен готовиться к экзаменам. Сходите, поговорите об этом с о. Павлом.

Поговорил о. Мидзуно и возвращается с: [?]

— Не хочет о. Павел Акилу.

— Отчего?

— Ученик-де уже собрался идти туда.

— Призовите о. Павла,— говорю.

Приходил и заявляет то же.

Я объясняю, что это счастье для иокохамских христиан, ибо Акила Ивата — катихизатор, доказавший свою способность и усердие основанием Церкви в Таката, человек притом женатый, какого именно ныне нужно для Иокохамы; счастье и для ученика, которого минует помеха хорошо приготовиться к выпускному экзамену.

— Но он хочет в Иокохаму.

— Мало ли что хочет! Все учащиеся обыкновенно горят желанием поскорее вылететь на волю.

— Но он уже и молитвы переписал (какие-то, хотя все молитвы, нужные для Церкви, напечатаны). Акилу Ивата я не знаю, и так далее.

Возмутило меня это желание моего ближайшего помощника угодить только ученику, «который хочет», и нежелание вникнуть в пользу Церкви; и я, сделав строгий выговор о. Павлу Сато, велел прямо написать Акиле Ивата, чтобы он явился на службу в Иокохаму, а Софрония Оота, ученика, призвав, сказал, что он в Иокохаму не нужен, пусть хорошенько займется повторениями (и он оказался радым этому).

13 / 25 апреля 1896. Суббота

О. Сергей Глебов распрощался и отправился в Иокохаму, чтобы завтра с почтовым пароходом идти в Нагасаки, где сядет на русское судно Добровольного Флота, идущее в Одессу. Обещался написать в Святейший Синод представление его к награде, хоть и не стоит он того: что он делал здесь для Миссии, будучи членом ее? Почти ровно ничего! — Впрочем, сам-то я стоил ли, когда меня представляли? Итак, не идеальничать, а делать другим, что тебе делали!

14 / 26 апреля 1896. Воскресенье, о Расслабленном

Иоанн Кавамото помещен на квартире отбывшего о. Сергея Глебова; пять комнат во втором этаже устланы матами для перевода в них семинаристов из их нынешнего помещения, которое будет тотчас же сломано, чтобы очистить место новому дому.

15 / 27 апреля 1896. Понедельник

Ученики Семинарии переведены в каменный дом, распределены по комнатам, спальным, в столовой; учрежден строгий порядок во всем, возобновлена чистота; не знаю только, долго ли это продлится. Иоанн Кавамото принял учеников, как Кочёо; вечером, после молитвы, объявлено о сем, и о. Роман Циба уволен от должности Кочёо; но будет ли Кавамото лучше его, Бог весть; мне-то он грубить умеет, это я знаю, но с учениками такой мокрой курицей кажет себя, что не раз приходила за день мысль, не ступенью ли это ниже и самого о. Романа, хотя он был сущим нулем в смысле руководителя молодежи.

16 / 28 апреля 1896. Вторник

Утром, еще темно, я разбужен был и не мог потом заснуть от стука дверей и громкого тверждения уроков. Оказалось, что семинаристы, и притом худшие из них, поднялись чем свет и разползлись по всему второму этажу и по двору, заявляя громкими стуками и звуками о своем усердии к наукам. Это именно те, что бывают больше всех больны и

неисправны без настоящей болезни, а по утомлению от беспорядочности. После утренней молитвы я строго запретил вставанье раньше положенного времени, объяснив причины тому.

По прочтении и пении («Отче наш», вчера «Ангел вопиаше» уж очень разнили, поя, Семинария — четырехголосное, прочие — двухголосное) вечерней молитвы я тоже держал небольшую речь, чтобы считали себя детьми сего места, и потому были как дома: гуляли и резвились по всему двору, без всякого стеснения — моим ли, или еще чьим, присутствием; это особенно нужно, потому что теперь нет класса гимнастики, за неимением места для него.

За неимением еще места для больницы четверо уже оказались лежащими в спальнях, между ними Николай Такахаси, один из лучших семинаристов, в простуде.

17 / 29 апреля 1896. Среда

Симеон Мацубара из Аомори описывает жизнь и смерть одного христианина, по имени Исаяя Кондо; точно страница из житий святых. Исаяя сам был беден, жил тем, что днем продавал по улицам «сеюю», а вечером «соба»; но всем, кому только нужно было, говорил о христианской вере; любимым чтением его было Священное Писание и Жития Святых; самым любимым занятием — молитва. В субботу после полудня он обыкновенно прекращал свою разносную торговлю и начинал духовные занятия, в которых и проводил все время до конца воскресенья; в другие праздники поступал так же. Когда священник посещал Аомори, он, несмотря на свою бедность, всеми был уважаем и избран в старосты, каковую должность и исполнял со всем усердием. Но особенно отличительною чертою его было милосердие. Катихизатор пишет, что он знает двадцать семь случаев, когда он выручал бедных из самой крайней беды; из них четыре-пять он приводит в письме; вот, например, один: ходя с «сеюю», наткнулся он в одном доме на такое бедное семейство, что старуха-мать только что померла от голода, другие члены семьи были близки к этому и плакали около трупа, не имея средств похоронить его. Исаяя, бросив свою «сеюю», прибежал к Мацубара занять у него 1 ену, заказал кадку для покойницы, потом сам обмыл труп, сам вырыл могилу уже ночью, с фонарем, сам, с помощью бондаря, снес кадку-гроб на кладбище и похоронил, читая и распевая христианские молитвы, которыми он всегда сопровождал и языческих покойников. Вот другой случай: набрел он на нищего, обессиленного от голода и упавшего на дороге, старика; принес к себе, питал, служил ему и, наконец, отправил к родным в далекий город. Вообще, питаясь сам скудно, все, что добывал своим промыслом, он раздавал нищим и бедным. Своими делами милосердия он приобрел себе немалую известность в городе, так что местные

газеты выставляли его в пример подражания. Умер он от тифа, простудившись. Предсмертные слова, которыми он утешал свою плачущую бабу, до того трогательны, что нельзя читать без слез: смерти нет для него, только жизнь, — здесь ли, там ли, ибо весь он во Христе... Похоронен он великолепно: о. Борис прибыл, несколько окрестных катихизаторов собрались; местные христиане не пожалели ничего. Язычников также множество провожало.

Письмо так растрогало меня, что я, — так как за чтением его застал звонок в класс, — взял Давида с ним в класс и велел прочитать пред учениками в доказательство, что есть хорошие христиане и в Японии. Велел потом напечатать письмо в «Сейкёо-Симпо» и «Уранисики».

Родом Исаяя Кондо из Оодате, был прежде «сооси» и горячо участвовал в политических прениях, умер двадцати пяти лет. Сими и другими сведениями о. Борис Ямамура дополняет письмо катихизатора Мацубара.

18 / 30 апреля 1896. Четверг

Утром английский путешественник явился с рекомендательным письмом от Bishop'a Bickersheth'a. Так как это во время перевода и притом чрез полчаса нужно было отправляться в Посольство, то я на том же письме сделал надпись, приглашая «завтра или послезавтра после полудня»; он надписал, что «завтра оставляет Токио» и вернул ко мне письмо. Нечего делать, — выглянул в коридор и пригласил его в гостиную.

— Как вы смотрите на христианство в Японии? Правда ли, что японцы начинают переделывать его по-своему, чтобы применить к своей стране?

— Правда, что здесь явятся некоторые особенности; например, наши христиане во время проповеди сидят, тогда как в России слушают стоя. Но дальше подобных внешностей не пойдем, или же то будет не христианство, а полужычество, и подобное, о чем и говорить не стоит.

— Думаете ли вы, что Япония делается христианскою?

— Без всякого сомнения! Сто лет не пройдет, как Япония вполне станет христианскою страной. Смотрите, с какою легкостью распространяются здесь самые нелепые секты вроде «Тенрикёо»; знак, что японская душа в религиозном отношении пуста — ничто не наполняет ее, изверились старые веры — открыто место для новых верований. «Тенрикёо» и подобные удобно распространяются, ибо слишком легко принять их людям простым, не глубоким, — слишком мало содержания в них; не так легко принять христианство, требующего усвоения его всеми силами души, но зато «Тенрикёо» скоро и исчезнет, а христианство, мало-помалу проникая в душу Японии, водворится навсегда. А что японский народ способен к глубокой религиозности, на то существуют неопровержимые доказательства в лице многих достойнейших христиан из японцев.

И рассказана была жизнь вышеозначенного Исаяи Кондо.

В одиннадцать часов я отправился в Посольство, чтобы совершить бракосочетание лейтенанта Димитрия Ксенофоновича Селезнева с Валентиной Орестовной, дочерью Ореста Полиеновича Вяземского, главного инженера, ныне строящего Сибирскую железную дорогу.

— А вот другой кусок — руки связать (кусок розового атласа показывает мне, говорила Анна Эрастовна Шпейер).

— Кому?

— Им: жениху и невесте, когда будете обводить их вокруг аналоя.

— Зачем?

— Так делается.

— В Уставе этого нет, и я в первой об этом слышу. Не буду я этого делать.

— Как же без этого? Непременно нужно! Все так делают!

— Но как же это связывать?

— Обернуть раз-другой вокруг их рук,— вот и все.

Я подумал, что мысль брачного — навсегда — соединения выражается этим конкретно и не нашел противным Таинству.

— Так я и накину им на соединенные руки этот атлас, покрою концом омофора и возьму их за руки.

— Больше ничего и не требуется,— согласилась Анна Эрастовна. И так было сделано; и я узнал впервой русский характерный обычай, который, впрочем, едва ли нужно вводить в Японии. Здесь, вероятно, нарастут свои обычаи, точно чужеродные плющи, обвивающиеся вокруг несокрушимых дубов — религиозных таинств и обрядов.

19 апреля / 1 мая 1896. Пятница

Иоанн Кавамото требовал для учеников рекреации в два дня, чтобы им отправиться за город, в деревню. Там ночевать, там упражняться в гимнастических занятиях, там очень устать и прочее.— Так-де и в других школах, будто бы так и в России. Но где же вдруг найдется 60 обедов, 60 спальных принадлежностей и прочего? А с собою везти все снабжение каких денег стоило бы? Да и для чего? Чтобы ученики видели черные поля, которые они все знают? Но у Кавамото есть дрянная черта — безрезонность, никак нельзя доказать ему, что неразумного желает, так что приходится прямо объявить, что в интересах самих же учеников этого сделано не будет.

Секретарь Американского Посольства Stephen Bonsal просит свидания «to have an opportunity of paying respects» и прочего. Ответил, что ежедневно, кроме понедельника, с 3 1/2 до 6 Р. М. * буду рад его видеть.

* После полудня.

20 апреля / 2 мая 1896. Суббота

Орест Полиенович Вяземский был благодарить за бракосочетание его дочери; на Миссию дал 100 ен, певчим прежде дал 15 ен; Димитрию Константиновичу Львовскому — какой-то подарок. Очень умно и симпатично говорил об японцах, которых узнал хорошо по разным заказам им и потому, что тысячи две употребляет их для постройки дороги.

Павел Оокава пишет, что в Ханаидзуми у него был религиозный спор с бонзой секты Ницирен. Условие было, чтобы побежденный тотчас отрекся от своих верований и перешел на сторону победителя. Оокава победил и потребовал по условию рясу бонзы и его «кеса», но присутствующие вступились за бонзу; потребовал он, чтобы бонза по крайней мере письменное свидетельство дал, что побежден в споре; бонза взялся за кисть, но его сторонники и от этого отклонили. Впрочем, двое из бывших на состязании язычников тут же сочинили стишки в похвалу Оокава, которые и приведены в его письме.

Евфимия Ито просила прибавить Павлу Накай жалование.

— Но он получает 25 ен, а в семье всего трое их: мачеха, сестра и он. Разве мало?

— Мачеха дает ему только 2 ены в месяц, а этого ему мало.

— Но не мачеха, а он получает жалованье.

— Он, принеся, отдает ей, а она скупая — больше двух ен не дает ему.

— В таком случае прибавить не могу — у жадности дна нет.

— Это вот китайское сыновнее почтение: млеком добродетели Накая питаются и растет жадность и злость его мачехи.

Василий Таде из Такамацу несколько ободряющее письмо шлет: десять человек у него христиан оказалось — не новых, а из Оосака вернулось одно семейство, принявшее христианство в Оосака, потом еще нашлось христианское семейство — пришлое.

О. Иоанн Катакура кратко пишет о своем путешествии по своему приходу: десять крещений у него было.

21 апреля / 3 мая 1896. Воскресенье. О Самаритянинах

Иоанн Ито из Накаси́ма просит двадцать икон; пишет, что шестнадцать человек у него крестилось, человек двадцать еще готовится к крещению. И о. Иов, священник его, извещает, что одушевление его такое, что он не хочет успокоиться, пока все селение не будет крещено. А я считал Ито весьма плохим, почти безнадежным катихизатором, так как он до сих пор ничем не проявил своей способности и усердия (будучи, впрочем, из молодых, недавнего выпуска Катихизаторской школы). Итак, нет у нас плохих катихизаторов, все рады благовествовать, лишь бы благодать Божия помогла, и успех был виден!

О. Яков Такая извещает, что христиане купили землю для посадки дерева «кири-но ки» (павлония) в пользу Церкви; в Миязаки у христиан идет совещание о покупке земли для разведения лакового дерева (урусино ки) тоже на церковные нужды. Похвально! Только когда же эти Церкви будут в состоянии содержать своих служащих?

22 апреля / 4 мая 1896. Понедельник

Иоанн Исохиса из Синобе жалуется на разврат в городе: и тысячи домов нет, а девять публичных из них, с сотнею публичных женщин; бонзы имеют любовниц, и никто не осуждает это, а находит в порядке вещей. Оттого нет успеха христианской проповеди (и вместе от неспособности или неусердия самого Исохиса!).

Петр Ямада из Мияно пишет, что в окрестностях появилась в изобилии «Тенрикё», отчего возбуждается интерес к религии; надеется отсюда и для себя успехов,— по Сеньке и шапка!

О. Петр Кавано прислал длинейшее письмо к нему из Кореи Спиридона Араи, описывающее бедствия ныне японцев в Корее и взывающее к общественной помощи путем сбора денег для пострадавших; письмо, согласно желанию Спиридона, послано в редакцию «Сейкёо-Симпо» для напечатания. Сам о. Петр просит принять его двух дочерей в Женскую школу — приведет-де их сюда, когда приедет на Собор. Ладно! Хотя младшая очень еще мала — одиннадцать лет; если Анна согласится обеспечить присмотр, то препятствий нет.

23 апреля / 5 мая 1896. Вторник

Американский секретарь Посольства Mr. Bonsal был; очень образованный и много путешествовавший человек, любит говорить, и говорит хорошо. Просил печатных сведений о нашей Миссии здесь; к сожалению, на аглицком, или французском, или немецком языках ничего нет. Говорил, между прочим, что американские миссионеры с завистью смотрят на успехи нашей проповеди. Православие и не может не являться господствующим среди искажений христианства...

В «Русском обозрении» за январь и февраль 1896 года прочитал «Из истории ученого монашества 60-х годов» Архиепископа Никанора. Немножко сгущены краски.

24 апреля / 6 мая 1896. Среда

Bishop Bickersheth приглашал сегодня — 3.30 — 6 часов «to meet Bishop and Mrs. Awdry», — это приехавшего, вновь назначенного для Оосака их епископа. Был. Прием в садике, на лугу. Собралось человек

60–70, наполовину миссионеры обоих полов. Некоторые выпили по чашке чая; все постояли, посмотрели ли друг на друга, поговорили знакомые со знакомыми и разошлись. Но и это очень мило и общественно. Что у нас, русских, этой именно добродетели – общности – мало, может служить доказательством следующий факт, вынесенный из сегодняшнего же приема. Подходит ко мне очень почтенная дама и, здравствуясь совсем запросто, говорит:

– А он значительно исправился (improved). Сестра говорит это.

Я недоуменно смотрю на нее, не зная, о чем и о ком речь, и кто эта дама.

– Он уже уехал? – спрашивает.

У меня мелькнуло, – возможно, об о. Сергии.

– Уехал десять дней тому назад, – говорю.

– Он сначала совсем плохо говорил, но сестра с охотою занялась с ним, с условием, что он будет говорить ей о России; и он делал это, так что они взаимно были полезны друг другу, ибо сестре хотелось знать побольше о России.

Я сообразил, наконец, что дело шло об изучении о. Сергием английского языка у какой-то миссионерки. Но о. Сергей, миссионер, мой ближайший помощник, сын моего товарища по Семинарии, необыкновенно ласково и любовно принятый мною и, кроме добра и ласки ничего не видевший от меня, был всегда близок с членами Посольства, людьми светскими, с японцами всех родов, – со мною был, как с чужим, как с человеком, у которого с ним нет и не может быть ничего общего. Сегодняшний факт второй, первый не уступает ему по курьезности: накануне отъезда, по поводу Службника на японском (для Иерусалимского Патриарха), о. Сергей спрашивает:

– И глубоко Накай вошел в славянский язык?

– Да, но еще глубже в греческий, – ответил я, на что о. Сергей одобрительно кивнул головой.

Накай с месяц тому назад стал знакомиться с греческой азбукой для шутки между нами, ибо часто я шуточно ставлю ему под нос греческий текст с словами: «Смотри, нельзя иначе»; но, конечно, ни у Накай, ни у кого-либо иного и тени мысли не может зародиться, чтобы Накай стал изучать, или мог изучить какой-либо иностранный язык. Нескольким лет я перевожу с Накаем, сидя тут же, под носом у о. Сергия, днями регулярно, и о. Сергей ни на волос внимания, или мысли употребил, чтобы видеть или даже взглянуть, как производится это дело перевода Священного Писания и богослужения!..

25 апреля / 7 мая 1896. Четверг

Учащимся дана сегодня рекреация.

Утром был христианин – тюремный надзиратель в Сораци, на Эзо, где катихизатором Иоанн Коцукури; привел, с другими, 150 преступников

оттуда, — таких, которым выходит срок заключения, чтобы дать им свободу здесь, а не там, где им и средств к жизни нельзя найти (какая гуманная мера!). Надзиратель — Петр, родом из Кагосима, сам весьма гуманный, чисто с христианскими воззрениями человек, старается о том, чтобы сделать христианами своих сослуживцев, а чрез них действовать благотельно и на преступников, которых там 2250 ныне. К сожалению, нынешний начальник тюрьмы не расположен к христианству, и потому прекратил в тюрьме христианскую проповедь, производившуюся там прежде протестантами. Я дал Петру много христианских книг для него лично и для Церкви там. Имел он поручение от катихизатора просить здесь икону для молитвенного дома, которого там еще нет; дана и она.

26 апреля / 8 мая 1896. Пятница

О. Павел Савабе, вернувшийся из Тоса с погребения матери, говорил, что там, в Коци, нет ни малейшего успеха проповеди; Павел Окамура совсем без дела живет и скучает. (Конечно, потому что Павел Окамура совсем завядший деятель, полумертвец). Токусима, напротив, о. Павел очень хвалил: Церковь там оживлена и развивается. На днях умер там Дамиан Камен, престарелый катихизатор, живший на покое; отсюда посылалось ему с его женой, 3 ены в месяц пенсии. И этою маленькою помощью он умел не только обходиться, но и экономить из нее так, что накопил будто бы, по словам о. Павла, 200 ен. (Вероятно, начал копить еще служа катихизатором, а может и раньше). Собранный таким образом капитал он разделил на три части, из которых одну завещал на Церковь, в помин его души, другую на погребение, третью старухе-жене. В пример экономии Дамиана о. Павел Савабе сказал следующее: маленькая керосинная лампочка его имела фитиль, разделенный на три части: зажигалась вечером одна часть и маленький самый тощий огонек, зажигалась в ней другая, когда приходил гость, зажигалась и третья, когда нужно было писать, читать или еще что мелкое делать.

Посетил о. Павел Савабе по пути и Церковь в Оосака и рассказал неутешительное про о. Сергия Судзуки: недовольны им христиане там за то, что он точно ребенок — ни совета, ни решения ни в чем; и собираются христиане просить более зрелого священника. О. Сергию за тридцать лет, значит так уж и останется он незрелым; такова природа его? А я надеялся, что, став самостоятельным, он проявит самодеятельность! Впрочем, посмотрим еще.

27 апреля / 9 мая 1896. Суббота

Кончили перевод Соборных Посланий и приступили к Посланиям Святого Апостола Павла, начиная с Первого — к Римлянам: первые

восемь стихов — непреодолимая грамматическая трудность, а не выдержишь грамматически — ослабляется смысл, красота, сила речи. Что делать? Помоги, Святой Апостол Павел, любимейший и чтимейший из всех Святых Апостолов и всех святых!

Был христианин из Муя, на Сикоку, по имени Иоанн Канеко, служащий у солевара, который сам тоже православный христианин со всем семейством; принес в подарок соли своего производства. Слава Богу, и там христианство начинает прививаться.

28 апреля / 10 мая 1896. Воскресенье. О Слепом

Несносная погода: холод и сырость такие, что я в комнате простудился: насморк и боль горла. Комната — точно погреб; опять пришлось затопить камин.— Впрочем, служба и работа идут.

После вечерней молитвы дал выговор чтецу — ученику Семинарии — за дрянное чтение и велел вперед готовиться к прочтению молитв, а Иоанну Кавамото присмотреть за исполнением сего.

29 апреля / 11 мая 1896. Понедельник

Стал говорить Иоанну Кавамото, что ученики вчера в Церкви стояли в таком же беспорядке, как и прежде, несмотря на то, что лишь в прошлое воскресенье им указан был порядок, чтобы он становился при них для сообщения порядка, а он с грубостью потребовал себе помощника, без всяких основательных причин на то. Почти на все, что ни скажешь ему по школе, — спор и отпор. Посмотрю еще несколько времени, может и прогнать его с этой должности, которую он принял, по-видимому, за неприятельский бастион против меня.

Все служащие Церкви в Токио — катихизаторы, учителя, переводчики и прочие — делали собрание сегодня, после обеда, в одной из гостиниц для взаимного сближения; складчина была по 20 сен, отчего «саке» не было, а был только чай и кваси; и собрание прошло прилично, оживленно и с пользой, — чего и впредь нужно желать.

30 апреля / 12 мая 1896. Вторник

Треснувший сосуд долго не наслужит!

Хотели мы спасти для службы церковной Василия Фукунага, который в Иокохаме погрешил против 7-й заповеди, с приличными наставлениями и всякими заклятиями послали на службу в Казоо и Кооносу, но о. Савабе, вернувшись сегодня из Иокохамы, рассказал, что там проживал тайно целые три дня Фукунага, очевидно, не для доброго дела. Когда вернется о. Феодор Мидзуно с обзора Церквей, исследует это подробнее и придется, кажется, выключить Фукунага из списка катихизаторов.

1 / 13 мая 1896. Среда

О. Павел Морита трогательно описывает истинно христианскую кончину старика Дамиана Ками. Велел напечатать в «Сейкёо-Симпо».

Моисей Минато пишет в Сикотана: благополучно провел там зиму с христианами-курильцами; одного младенца крестил в смертной опасности.

Игнатий Такаку, которого я считаю безнадежным по лености, опять прекраснейшее, исполненное ревности и надежд на успехи проповеди в Мацусиро письмо пишет. Какие мастера на слова японцы! Ибо ждать пробуждения Такаку было бы смешно.

Андрей Ина из Идзи пишет, что Юлия Судзуки, мать катихизатора Иоанна, умирая, заклинала своего мужа сделаться христианином и он будто бы обещал это. Значит, бросит свою любовницу? Беспутный старик, имеющий уже внуков на возрасте! Оттого и дети беспутные, кроме Иоанна.

На всенощной сегодня, пред Вознесеньем, из города совсем мало было бы молящихся.

2 / 14 мая 1896. Четверг.

Вознесенье

Литургия отслужена соборне с четырьмя иереями. Было и несколько русских: мадам Шпейер с ребенком и женской прислугой, генерал Соломко, лейтенант Будиловский с женой, похожей на увядший от осеннего ветра цвет.

После обедни один тоокейский христианин принес на просмотр составленную им Священную Историю, состоящую в буквальном изложении текста Евангелия в хронологическом порядке; хронологиею пользовался нашего издания. Просил он нового нашего перевода Евангелия для подставления чтения катаканю. Труд его я похвалил, хоть и мало полезен он, все же благочестивое занятие ему; перевод пусть берет у Кавамура — ризничего, в промежуточное между богослужениями время.

До литургии сегодня окрещены: один возрастной и два младенца.

Учитель физики приносил список физических инструментов, необходимых в Семинарии при преподавании физики. Купил ныне несколько самых необходимых. Во время каникул приготовил помещение в библиотеке и приобрел тем полный комплект.

3 / 15 мая 1896. Пятница

О. Борису Ямамура послано 25 ен на обычный его объезд по приходу.

Дмитрий Константинович Львовский приходил после класса пения пожаловаться на двух учениц — не хотят петь дискантом, просятя в

альты. Я, в свою очередь, пожаловался учительнице Надежде Такахаси; та разобрала, ученицы поплакали, ибо не думали, что так серьезно примут их просьбу, — и все обошлось благополучно: будут петь дискантом, ибо, по испытании, альтов у них не оказалось.

4 / 16 мая 1896. Суббота

Христианин из Сукагава, Павел Нисимура, привез дочь тринадцати лет сюда в школу; катихизатор прежде просил принять ее на том основании, что ее за веру притесняют в школе там.

— Притесняли тебя? — С участием спрашиваю.

Она даже не поняла вопроса.

— Товарки тебе говорили что-нибудь неприятное за то, что ты христианка?

— Нет.

— Учителя делали это?

— Нет.

— Но знали все, что ты христианка?

— Знали.

— Ты почему же так думаешь?

— Мальчики иногда звали меня «Ясо».

— Больше этого неприятностей из-за веры тебе никаких не было?

— Никаких.

— Сколько всех учащихся у вас в школе?

Отец ответил, что человек 1700. Неудивительно, что в таком количестве есть несколько сорванцов мальчишек. Но катихизатору зачем же дело представлять в неестественно преувеличенном виде?

5 / 17 мая 1896. Воскресенье Святых Отец

Кавамото положительно не годен для заведывания школой.

Сегодня, даже для меня, не старающегося примечать, троих учеников не было в Церкви (всех не было, вероятно, четверо больше), — Кавамото об этом ничего не знает, несмотря на то, что сам же ведет учеников в Церковь. Не бывшие на мой взгляд попались — совсем случайно под взор из окна, когда выходили до обедни в город и возвращались после обедни к обеду.

Вечером, в исходе седьмого часа, когда все ученики должны быть глубоко заняты, стук и гам в коридоре вывели меня из внимания к переводу. Пошел сказать Кавамото, но его дома нет; прошел по комнатам семинаристов, — многих нет на месте, а один только что из города возвращается; у учеников Катихизаторской школы никого за уроками; а в первом номере лишь мел старший комнату, готовя ее к занятиям, а в

комнате почти никого. Велел Алексею — сторожу, прислать ко мне Кавамото, когда он вернется. Алексей до молитвы не сделал этого.

— Почему не позвал Кавамото? — Спрашиваю, когда в девять часов он явился сказать, что «молитва».

— Пятнадцать минут тому назад я смотрел, его не было дома.

На молитве Кавамото видится.

После молитвы пригласил к себе.

— Отчего вас дома не было во время занятых часов?

— У меня в городе дело было.

— Но там ваше личное, здесь служебное.

— Конечно, я не прочь... — и пошел было.

Я сказал лишь: «Следовало бы вам не браться за эту службу, коли не чувствуете способности и охоты к ней. Больше мне с вами говорить нечего». И указал ему дверь, чтобы избавиться от дальнейших его грубостей.

6 / 18 мая 1896. Понедельник

Сегодня утром предложил Емильяну Хигуци быть «кочёо» вместо Кавамото. К сожалению, не может тотчас же принять школу: должен отправиться на днях в Исиномаки по воинскому призыву.

В Посольстве был молебен, ибо сегодня день рождения нашего Государя. Возвращаясь из Посольства, должен был в одной улице ждать проезда Императрицы, которая была в Женской учительской школе и как раз в это время проезжала обратно.

7 / 19 мая 1896. Вторник

У учеников была рекреация; ходили в Асукаяма, куда им и обед возили; я дал на чай там 3 ены. Вернулись в седьмом часу. В Женской школе отказались от рекреации, предпочитая иметь ее на будущей неделе, в день рождения Императрицы.

Мы с Накаем переводили молитвы вечернего богослужения Пятидесятницы.

8 / 20 мая 1896. Среда

После обеда учителя-академисты и все ученики ходили на кладбище отслужить панихиду по учителе-академисте Клименте Намеда, умершем в прошлом году в этот день.

Вечером, с шести часов, была всенощная с величанием Святителю Николаю. Пели оба хора, из которых правый иногда разнил: не было регента Алексея Обара; и не дай Бог исполниться опасению, что он уже

и не будет. Сегодня именно он отправился в Боосиу по совету доктора: болен чахоткой, худой, как скелет; если умрет — беда для хора: он единственный из японцев, могущий управлять хором; у всех прочих хор разползается на простом «Сю аваремей».

9 / 21 мая 1896. Четверг.

Праздник Святителя Николая

С семи часов литургия, отслуженная мною и о. Романом с диаконом Стефаном Кугимия. На молебен выходили и другие. Потом поздравления. Дано по 5 ен на школы мальчиков и девочек, и в обеих делади «симбокквай». Священнослужащие же, учителя и другие, приглашены были одни на завтрак, другие на обед, в двенадцать за столом; больше, чем на двенадцать, никак нельзя приготовить на кухне. Русские поздравители, из Посольства, были в третьем-четвертом часу. В это же время появился один старик-японец, семидесяти четырех лет, из Хизен.

— Я к вам за таинствами,— говорит.

Я, думая, что это желающий христианского научения, начинаю объяснять ему таинство очищения от грехов и спасения благодатью Божиею, но скоро замечаю, что слова мои праздны. Старик, видимо, не слушает меня и, дождавшись паузы, вставляет замечание:

— Легкие-то болезни, как зубная боль, лихорадка, я могу лечить, но трудные вроде сифилиса (байдоку), падучей не могу, потому и пришел позаимствовать от тебя этого «кимицу» (Таинства).

Так вот еще в каком смысле принимают японцы наши благодатные термины! — Я старался объяснить старику различие между его «мадзиннай» (ворожкой) и нашим таинством, дал ему «Осиено Кагами», раскрыв на статье о таинствах; он читал, усиливался взять в голос, но, видимо, и ушел в недоумении, отчего это я не хочу сообщить ему ворожки сифилиса и так далее.

«Сюкёося» (Тогава и прочие) прислано вопросы: «Какая вера должна быть избрана» (для Японии) и прочие. Просит ответить до конца месяца. Отдал Петру Исикава ответить им и в «Сейкёо Симпо». Впрочем, самочинные радетели, задающиеся работой сочинить для своей страны новую веру из сочетания христианства с буддизмом (как явствует из их программы), хотя сами уже протестанты, не заслуживают серьезного внимания.

10 / 22 мая 1896. Пятница

Емильян Хигуци простился, чтобы отправиться в Исиномаки, на родину, к рекрутскому набору. Хорошо, если его, по малости роста, не

возьмут на службу, двух дюймов у него недостает; но в то же время он здоров, как нельзя больше. Опасно. А возьмут — огрубеет.

11 / 23 мая 1896. Суббота

Иоанн Судзуки с похорон матери в Идзу, в Эма, возвращается на место службы в Ооцу. Рассказывал про Церковь на его родине: совсем упала благодаря катихизатору Андрею Ина, который катихизацией совсем не занимается, а получая содержание от Церкви, нанялся еще у язычника разработать (кайконсуру) четыре горы, то есть развести на них чай, чем и поглощен вполне, для Церкви, кроме отправления воскресной молитвы в церковном доме, ровно ничего не делает; во время молитвы проповеди даже нет. А желающих слушать христианское учение много, ибо там христиане наиболее видных местных лиц. За то же, по словам Судзуки, и не любят там теперь Андрея Ина; из-за него почти никто и в церковный дом на общественные молитвы не ходит.— И ничего этого я не знаю. Местный священник Петр Кано, по-видимому, тоже не знает, или не хочет знать; так-то вот нерадением и ослабляется Церковь; а вместе губится и катихизатор, и хорошо еще, если только службы Церкви!.. Внушал я Судзуки обратить на путь истинный своих братьев Василия и Григория, сбившихся на ложные тропы, также настоять, чтобы отец исполнил обещание, данное умирающей жене — сделаться христианином.

К богослужению Собор прекрасно был убран цветами. Литию и величание совершали со мной четыре священника; пели очень хорошо; ирмосы положены на ноты Димитрием Константиновичем Львовским превосходно, особенно хороша 9-ая песнь «Радуйся, Царице».

12 / 24 мая 1896. Воскресенье.

Праздник Пятидесятницы

Обедня предварена была крещением многих детей и двух взрослых, из коих один из Циба, врач шестидесяти одного года, слушавший долго протестантство, но имевший счастье прежде принятия его услышать православного проповедника Григория Камия; так как в Циба нет купели, то он — ныне врач Иов — вчера вместе с своим наставником прибыл сюда, и сегодня удостоился крещения, миропомазания и приобщения Святых Тайн, чем, видимо, был глубоко осчастливлен. Я дал ему икону Спасителя и некоторые книги, также малую икону Богоматери и несколько брошюр для его жены, которую он тоже готовит к принятию христианства.

Обедня совершена в сослужении четырех священников. В первый раз сегодня на вечерне я читал вполне переведенные три молитвы. Продолжалось богослужение с десяти до половины первого часа.

13 / 25 мая 1896. Понедельник.

Праздник Святой Троицы

Служили литургию четыре священника с о. Павлом Сато во главе. Христиан в Церкви было весьма мало.

Внезапно явился катихизатор из Нагоя, Петр Сибаяма. Зачем? Отца погребать: скоропостижно помер в Токио, на днях прибыв сюда, и помер в язычестве! Так-то усердны катихизаторы к вере! Проповедуя другим путь спасения, самых близких родных не стараются привести на сей путь: можно видеть из сего, насколько они искренни и глубоки в своем служении.

Но опять-таки, винить ли и катихизаторов в подобных обстоятельствах?

Сегодня же был у меня старик Ивата, из Химедзи, семидесяти лет, с женой шестидесяти трех лет; родители катихизатора Якова Ивата, служащего в Янагава. Три года тому назад, будучи в Химедзи, в доме Ивата, я очень убеждал его и жену сделаться христианами; убеждал старика пять дней тому назад, когда он был у меня со старшим сыном — книготорговцем — здесь в Токио; убеждал опять сегодня его и жену вместе. И на все убеждения — ни единого слова согласия или желания; всегда только безмолвная улыбка и желание как можно скорее свернуть разговор на другое. Если со мной так, равным им по летам, то сына послушают ли? ...

Держали совет сегодня с отцами Савабе и Сато и Сергием Нумабе: объявлять ли сбор на помощь пострадавшим в Корее от последних возмущений корейцев против японцев; Спиридон Араи, из Нокацу, торговавший в Корее и лишившийся (будто бы) на 3850 ен товаров, вместе с тем и проповедывавший корейцам, очень просит о том — будет-де это полезно Православной Церкви, имя которой связано с Россией, а имя России связано с осложнениями в Корее. Все нашли, что сбор объявить нельзя, никто ничего не даст, а могут разве возникнуть толки, напротив, неблагоприятные для России и Православной Церкви.

О. Павел Савабе сказал, что его прежняя, в язычестве, жена, умалишенная, мать Алексея, при смерти. «Что делать?» Я догадался, о чем спрашивает, и, не сумняся, ответил:

— Ради твоей и всего твоего семейства веры преподай ей крещение так же, как оно преподается младенцу ради веры родителей; и будем иметь утешение похоронить ее христианкою и потом поминать ее в

молитвах с надеждою, что Господь дарует ей Царство Небесное как ради Святых Таинств, так и за ее страдания.

О. Павел горячо благодарил за это дозволение крестить; «Алексей, сын, плачет, — говорит, — что мать не крещена, и будет обрадован». Я советовал о. Павлу приготовиться отслужить завтра литургию и до литургии преподавать Святое Крещение, а после — святое Приобщение своей несчастной больной.

*14 / 26 мая 1896. Вторник.
День Коронации Государя
Императора Николая II*

С половины двенадцатого в Церкви Посольства совершен был благодарственный молебен, и отправлена поздравительная телеграмма. Потом завтрак у Посланника, потом великолепная игра Кёбера на фортепиано. У себя я получил поздравительную телеграмму от о. Якова Такая из Кагосима, адрес из Касивазаки, за подписью одного христианина, двух катихизаторов — Уехара и Кондо, и о. Феодора Мидзуно, и поздравление случайно зашедшего редактора Петра Исикава. Больше — ни священники, ни академисты-профессора, никто ровно не выразил ни малейшего приветствия! Как это похоже на японцев! Особенно удивляет отсутствие всякого доброго чувства к России академистов, на которых потоки русской любви и благодеяний излились! — Зато официальная Япония делает все, что возможно для показания своей любезности к русским. Миссия наша охраняется день и ночь переодетыми и непереодетыми полицейскими, благодаря чему уж сколько месяцев нет разбитых стекол в Соборе и библиотеке; сегодня, когда я ездил в Посольство на молебен, по всей дороге полицейские отдавали честь — по внушению, конечно, от начальства и важности сегодняшнего русского праздника.

15 / 27 мая 1896. Среда

Яков Ивата из Янагава пишет, что христиане совсем не уважают там священника, тамошнего природного человека, о. Петра Кавано, а также и его, катихизатора, зовут священника его языческим именем и не принимают наставлений; Куруме хвалит, как надежное для проповеди.

Василий Сирато из Ооисо извещает о смерти старика Матфея Мидзутани, весьма благочестивого. Он родом из Такасаки; (когда четыре года тому назад я был по обзору Церквей в Такасаки, он, заранее узнав о сем, прибыл в Такасаки, чтобы видетсья со мной; показывал мне свой дневник, куда неопустительно вносил каждый день все, что находил нужным, как христианин; говорил, что очень будет ждать меня в

Ооисо, — но увидимся мы с ним уже не в Ооисо, а на том свете). — Это Иов Суго, а не Мидзутани. [Пометка на полях — автора.]

Во время послеобеднее, с двух часов класса заметил, малые ученики бродят без дела. Спрашиваю у Кавамото:

— Отчего учитель Исаак Кимура не в классе?

— Он прислал сказать, что болен.

— Так отчего вы не заняли учеников, и не сказали, чтобы они по комнатам занимались?

— Мне некогда, у меня есть свое дело.

— Но ведь ваше же прямое дело смотреть, чтобы ученики в занятое время не бродили в беспорядке.

— Я готовлю свои уроки...

Действительно, я застал его за книгой в его комнате; спасибо и за это; идя к нему, я не надеялся застать его дома. Но все же грубость его ответов и безучастность к делу заставили меня без дальнейших объяснений уйти, чтобы не раздражиться.

16 / 28 мая 1896. Четверг

Ученики выпросили последнюю рекреацию. Накая я тоже отпустил гулять, а сам занялся письмами, и вдруг занятие мое было нарушено самым неожиданным образом. Принесли с почты открытый письменный листок (хагаки) с вопросом — кому и куда? Адрес написан по-русски, и никто не понимает. Оказалось, письмо семинариста Марка Иокота к товарищу Ною Теразава, который теперь дома в Наканиеда, куда вызван для вынуждения жребия в военную службу; Иокота теперь, под предлогом болезни, живет в городе и в класс не ходит. Пишет по-русски товарищу такую похабщину, что я в ужас пришел; и видно из сего письма, что они, еще почти отроки, уже развратничают во все тяжкое; и это учась в Семинарии! Я просто в уныние пришел! А еще считал Иокота благочестивым юношей — он так всегда старался представлять к благословенью приходящих с его родины. Таковы-то наши ученики, готовимые нами для святой службы! И по умственным, и по нравственным качествам — оборотни, близкие к уродству! Быть может, и из них можно бы выработать кое-что при хороших воспитателях, но где же они? Академисты из тех же оборотней, как оказывается, а русских — никого.

Опустились у меня руки, перестал письма писать и шагал в унынии, как подали карточку посетителя, оказывается Андо, бывший мой ученик, нынешний губернатор Тояма. Язычник, но по сердцу и нравственности лучше наших христиан; разумно и сознательно стоящий за тесный союз Японии с Россией, тогда как академисты совершенно равнодушны и даже враждебны к России (как Кониси, котящий Россию в газетах). Благородство сего господина, явившегося с визитом пред отправлением

на губернию и говорившего, что он не перестанет убеждать всех в необходимости дружбы с Россией, отчасти восстановило равновесие моего духа.

17 / 29 мая 1896. Пятница

Когда просят сюда, то какими смиренниками представляются! Но как осторожно нужно быть с ними! Некто Кавагуци, из Исе, просился; указано было ему в Нагоя у катихизатора поучиться вере с тем, чтобы с сентября поступить сюда в Катихизаторскую школу. Он и пришел в Нагоя и стал учиться, и казался на первое время тоже смиренным, но долго не выдержал — равно настолько терпел, сколько нужно было, чтобы войти в доверие христиан; потом, по возможности, обобрал всех, прося в долг, закутил омерзительно и исчез.— Некто Сеноо, родом из Акита, просился сюда. Наведены были справки, и оказался бежавшим из местной школы и от родителей.

Иоанн Кавамото пришел сказать, что обещал сегодня вечером в «Сейненквай» рассказать о своем путешествии по Палестине, и потому должен отлучиться на вечер. Спасибо хоть за такой спрос! Я с удовольствием обещал присмотреть за него в школе.

18 / 30 мая 1896. Суббота

Написал в Афины о. Сергию Страгородскому в ответ на его письмо — просить о назначении сюда его и какого-то о. Андроника вместе; советовал оставить мысль о служении здесь, ибо нет у него миссионерского призвания — по всему видно. Просил также о возможно скором сообщении сведений, когда и на каком судне он отправил сюда елей и церковное вино, о которых пишет.

Иов Китакура из Мива пишет — благодарит за заботы о нем и обещает стараться об основании Церкви там. Отвечено поощрением к сему и посылкою христианских книг.

Из русских были: Мирский*, молодой офицер, служащий на Амуре, ныне путешествующий в Китае и очень умно рассказывающий о нем,— трагикомедия с немецкими офицерами в Нанкине, вызванными обучать несуществующих воинов, но строящих казармы на земле, отнятой у крестьян, и потому побитых сими последними,— и полковник Герман, с Амура, чахоточный, приехавший лечиться.

19 / 31 мая 1896. Воскресенье всех Святых

За обедней из русских была посланница мадам Шпейер с дочкой, двухлетней девочкой, которая своим беганьем по Церкви и топотаньем

* Князь.

много мешала молящимся, особенно во время проповеди, генерал Соломко, князь Святополк Мирский. Последние два потом были у меня; первый прощался: едет в Нагасаки, по-видимому, ровно ничего не сделавши здесь по своим торговым предприятиям, так как японцы — люди не слова, а дела; второй так же, как и вчера, много интересного рассказывал о Китае, Богдыхане, его матери. Потом был еще с визитом приехавший из Кореи на место уехавшего в отпуск Буховецкого Николай Александрович Распопов. Я засыпал его вопросами о корейских делах, надеясь иметь самые верные и свежие сведения. Но как ошибся! Хуже гоголевского Собакевича: всех и все ругает невыносимо: в Корее Король, министры и все корейцы, без всякого исключения, поголовная развратная сволочь; в Японии — все Правительство, весь Парламент — висельники, и прочее подобное. В продолжение часовой беседы — ровно ни о ком ни единого слова доброго: все-все подлецы и мерзавцы. Редкий экземпляр мизантропа!

Побыл на кладбище, чтобы посмотреть памятник, поставленный одному ученику, как образчик; нужно будет и всем поставить такие или несколько прочнее, чтобы не затерялись их бедные могилки. Городские христиане тоже ставят всем своим, что собственно и нас вызвало на заботу.

20 / 1 июня 1896. Понедельник

Больных в Семинарии, как перешли сюда, никого, между тем как прежде десятки были ежедневно, особенно летом; это значит, что здесь пред глазами и притом нужно бы лежать в спальне, что скучно, тогда как там вне всякого надзора и места гулять и прятаться было вволю. Бывшие там «кочёо»-ми были только по имени, — из всего обстоятельства нагляднее всего явствует.

21 мая / 2 июня 1896. Вторник

Илья Накагава извещает, что у него крещено в Каннари двое, в Эбисима четырнадцать, а христиане Эбисима по этому случаю прошение прислали, чтобы Накагава был уступлен исключительно им. Отвечено, что Накагава может там жить больше, чем в других своих местах, что ныне и должно для укрепления новых христиан, но Каннори, Савабе и прочие он также должен ведать по-прежнему.

О. Феодор Мидзуно описывает свое путешествие по приходу. Каназава — в плачевном положении. Всего семь домов христианских там, и в них только одиннадцать человек христиан. Фома Исида — совсем плохой катихизатор, по лености. Если его не переменить, то Каназава придется выключить из числа Церквей, ибо скоро все погибнет там.

Нагаока несколько поправляется: прибавилось два христианских дома, а так что ныне там шесть христианских домов и пятнадцать христиан. Тит Уехара, значит, неспособный катихизатор. О Таката пишет о. Федор, что это ныне для нас вовсе безнадежное место. Отец жены бывшего там катихизатором Акилы Ивата в параличе, и язычник, хотя не нерасположенный к христианству, мать — усердная язычница; один молодой христианин за воровство сидел в тюрьме, а выпущенный оттуда тотчас же постарался обокрасть своего родного отца, который впотьмах, не разобрав, что это сын, саблей порубил его, и сын ныне в больнице; другой христианин тоже кутил и развратничал. Больше и нет ничего. Протестантов же в Таката, двух сект, человек около шестидесяти, и есть там иностранные проповедники и проповедницы с заведенными уже школами для мальчиков и девочек.

22 мая / 3 июня 1896. Среда

О. Симеон Мии, по обозрении Церквей в Тамба, пишет, что в Сонобе и Камеока приращения Церкви нет, но и убавления тоже: все крепко держат веру. Навестил он, между прочим, и живущего недалеко от Сонобе Иустина Исивара, члена Парламента (неизменного с самого открытия Парламента по избранию тамошнего народа). Самого его не застал дома, — «путешествует по своим городам и селам для публичных речей»; но жена Агафья очень обрадована была посещением; она твердо содержит веру. Пишет еще о. Мии: «Насчет иноверия в Сонобе — пропаганда протестантства некогда шла там успешно, но теперь оно в совершенном упадке. Верующие потеряли веру и бросили свою Церковь, так что нет теперь ни Церкви, ни катихизатора. Из христианских вероисповеданий одно только православие господствует там». До господства, положим, еще далеко, но все же — хотя и не многие, семена укореняются в землю, между тем как плевелы инославия легко уносятся ветром.

Просит о. Мии принять в Женскую школу дочь христианина Марка Итода: нельзя — школа переполнена, некуда поместить.

Просит помощи на болезнь жены Иоанн Исохиса — после родов больна; послано тотчас же 5 ен.

23 мая / 4 июня 1896. Четверг

Какая великая скорбь! Ждешь самых радостных известий — и вот: по вчерашней телеграмме, 2100 человек убито и ранено на празднике Коронации, по сегодняшней — 1300 убито! И когда это прекратят этот устарелый и столь вредоносный обычай угощать народ натурой! Хорошо это с небольшой дружиной, в граде Владимировом, или с очень дисциплинированной средой (которая, впрочем, где?), но с русской нынешней

полумиллионной на празднике толпой — вот оно и выходит, как ныне! Да и в Коронацию Александра II — то же: не дожидаясь часа, ломом все взяли и порушили. Да и — Александра III — разбили вагоны с пивом, и пиво обратилось в лужи грязи. Но тогда материальные безобразия и убытки, а ныне, точно для спасения отечества, многие сотни жизней положили! Ведь этот момент на все царствование Николая II будет неразрывен в памяти народа с Его Коронацией. И как будто нельзя устроить все лучше, светлей, полезней! Как? Да хоть бы так: заказать в Троицкой Лавре налитографировать миллион икон: Спасителя, Матери Божией и прочих, со включением иконы Святого Пророка Моисея для евреев. К тому же налитографировать в малом виде, хоть бы в виде больших медальонов, портреты коронуемых Государя и Государыни с несколькими словами обращения к народу, чтобы молились о благополучном царствовании и подобное; хорошо бы и с автографом Государя внизу. Все это — два листа (или две иконы и лист) — в приличном пакете, не ломком, по возможности, для перенесения вдаль, и раздавать поздравителям Государя с Коронацией. Да раздавать не в палатках, а просто в существующих Церквах Москвы, о чем заранее и оповестить во всеобщее сведение. Раздавать день (коронации), как обыкновенно, в ответ на поздравление, как будто сам Государь всем лично отвечает сим на приносимое поздравление; или, если особенная милость и щедрость Государя, и два-три дня. «Многие обманут, получив в одной Церкви, получат и в другой, третьей?» — Так что ж. Это же и нужно, чтобы благословение и слова Государя распространялись возможно шире в Империи. Ведь все полученные вторые, третьи и так далее экземпляры пойдут тоже в народ, а это и требуется, чтобы, по возможности, весь народ слит был со своим Государем в торжественный момент коронования, и потом — воспоминание сего момента на всю жизнь. — Нынешний способ празднования, — как он, сравнительно с вышеначертанным, — груб и мало значущ! Напитав брюхо, напивавшийся и забудет о сем скоро же, хотя, несомненно, к питанию брюха на царской трапезе готовится тщательно. Вероятно, многие с неменьшим усердием приступают к сему, как и к церковному таинству: утром не едят, отчего потом еще сильнее ломом ломают по царской трапезе с результатами вот вроде 1300 раздавленных. Эх, горе! Вдали от родины — тем больнее боли родины!

24 мая / 5 июня 1896. Пятница

Начали разводить садик вокруг Собора; сегодня первое дерево перенесли с семинарского места и посадили по левую сторону от Собора, у ограды — клен. Имеется в виду — вокруг стен Собора развести цветники, а по ограде посадить деревья.

25 мая / 6 июня 1896. Суббота

Моисей Минато пишет о христианах-курильцах на острове Сикотане, где он с ними провел зиму; хвалит их глубокое благочестие (недаром принадлежали к пастве приснопамятного Святого Иннокентия) и трогательные христианские обычаи, например, за неимением священника для исповеди по постам они друг другу исповедуют свои прегрешения и получают взаимные наставления, особенно это делают младшие пред старшими. Пасху ныне праздновали особенно торжественно, потому что катихизатор Моисей был с ними. К письму Моисея приложено писанное по-русски письмо Якова Сторожева, но из него ничего нельзя понять, кроме того, что их — всех христиан на Сикотане — ныне 58 душ и что желают они, чтобы Моисей опять был прислан к ним.

Послано христианам в Одавара 25 ен на покраску Церкви, согласно условию в Пасхальную неделю. Вся покраска вне и внутри обойдется в 75 ен; с меня, значит, 37 ¹/₂; ныне попросили 25; и послано с приписаньем, что остальное привезу, когда известят, что работы кончены.

26 мая / 7 июня 1896. Воскресенье

За литургией был из русских полковник Артиллерии из Никольского, с Амура, Леонид Леопольдович Германн, прослуживший десять лет на Амуре. Очень хвалил Собор наш и пение. К несчастию, кажется, в последнем градусе чахотки, и лечение в Мияносита едва ли восстановит упавшие силы его.

После обеда был капитан Соковнин, только что кончивший свое полунаучное и полуполитическое путешествие по Корее. Рассказы его о Корее полны интереса. Сущность та, что японцев там крайне ненавидят — за смерть Королевы, за резание пучков волос и за все нахальство японцев в Корее; они как будто нарочно старались поднять со дна души корейцев веками накопившуюся там, но в последнее время как будто уснувшую ненависть к ним. Теперь уж поладить японцам с ними будет весьма трудно; обижать же их едва ли дадут другие нации, в том числе и Россия. Русских в Корее очень любят. Соковнин с экспедицией везде встречал самый радушный прием, даже от инсургентов. Нигде ни на волос его не обидели. Трогательный рассказ его, как заливался слезами двоюродный брат корейского Короля (живущего в Русском Посольстве), показывая места, где убита Королева, где сожжена, где похоронена. В комнате, где убита, и до сих пор еще следы крови на стенах. При Соковнине в экспедиции были два переводчика-корейца; оба православные; один даже состоял псаломщиком до поступления к нему. Что корейцам в России хорошо, доказательством может служить следующее обстоятельство: Король приглашал их на службу в Сеуле, но они предпочли вернуться во Владивосток.

Соковнин назначен здесь, в Японии, военным агентом и поселился в Иокохаме.

27 мая / 8 июня 1896. Понедельник

Катихизатор в Накацу, на Киусиу, Матфей Юкава представляет следующее дело. У вдовы Хаттори, очень благочестивой тамошней христианки, но, к сожалению, родной сестры отъявленного атеиста, знаменитого Фукузава, издателя «Дзидзи Симпо», который родом оттуда, есть две дочери; одну она выдала за протестанта; к другой нужно взять приемыша, и настаивают родные, чтобы она взяла оным младшего брата мужа старшей сестры. Она говорит родным, что это невозможно по канонам Православной Церкви; ей отвечают родные из Токио, то есть Фукузава с своими сыновьями, что ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет запрета на такой брак (двух родных сестер с одной стороны и двух родных братьев с другой); католичество и протестантство тоже будто бы не представляют никакого препятствия к нему; «откуда же-де этот неслышанный запрет?» И принуждают ее сделать по-ихнему. Катихизатор спрашивает, как быть? Ответчено: «Следовать Церковному закону», который не в нашей власти изменить. Вероятно, принудят слабую и кроткую старуху поступить по-язычески. Что ж делать!

28 мая / 9 июня 1896. Вторник

О. Симеон Мии на отказ принять в школу дочь Марка Итода, из Сонобе, по неимению места, запел таким Лазарем, что и тронуться, и расхотаться можно: «Христиане имеют идеальное и возвышенное понятие о Миссии; по мнению их, это дом любвеобильного Отца и архипастыря; всякого, кто придет туда, все с любовью и радостью примут и обласкают; в доме Отца много обитателей, всегда есть место, где поместиться, чтобы слушать Слово доброго Отца, учение учителей и благочестивые разговоры братьев и сестер» и прочее... Катя в полном отчаянии и все время плачет; мать Варвара и бабушка Афанасия также сильно горюют и не знают, чем утешить себя и ее; они уже приготовили для нее платье, одеяло и тому подобное.

Завтра попросить Анну, чтобы как-нибудь поместила. Кстати, и прошение по-японски от Итода приложил о. Мии.

Мацумото Игнатий прислал перевод брошюры «Притчи Круммахера»; отослано тотчас же на цензуру о. Павлу Савабе.

29 мая / 10 июня 1896. Среда

Выбыл из Катихизаторской школы первого года Тадаки. Чтобы преподавать православное учение айнам, просился поступить в школу;

чтобы хлопотать за айнов пред Парламентом, просился иногда отлучаться из школы; и отлучался так много, что последние полгода почти совсем не жил в школе; приходил иногда как будто отдохнуть здесь на несколько дней. Я сказал, чтобы ныне, когда явится, объявлено было ему исключение из школы. Иоанн Кавамото и объявил. Учебники отданы ему; авось хоть какая-то польза будет!

30 мая / 11 июня 1896. Четверг

Ездил после обеда в загородные питомники посмотреть деревья, выбранные вчера Даниилом (коллектором) для посадки вокруг Собора. Комично выходило, когда садовники объявляли цены при мне совсем другие, чем те, что сказаны вчера Даниилу, которого они приняли за своего брата, хлопчущего для иностранца, и, конечно, радого надуть его. Даниил сегодня простодушно поправлял их, они изумлялись и немало конфузились.

31 мая / 12 июня 1896. Пятница

Сделаны и утверждены расписания экзаменов по всем школам.

Димитрию Константиновичу Львовскому обещал в жилье второй этаж, что над ним ныне, если вернется, вместе с ныне занимаемым помещением. Если, садясь в Одессе на пароход сюда, даст мне телеграмму, то до его приезда квартира будет приспособлена для него с семьей.

Не перестают занимать мысли о том, что при Святейшем Синоде должен быть Миссионерский комитет: 1) для зарождения и воспитания миссионерской «мысли» (не говорю о «стремлении» — того нужно еще сто лет ждать) в духовно-учебных заведениях; 2) для зарождения и развития заграничной миссии. Сколько уже перебывало здесь миссионеров «quasi»! Но от о. Григория Воронцова до о. Сергия Глебова был ли хоть один миссионерски настроенный? Ни единого! Оттого все и уезжали. Почему это? Очевидно потому, что в духовно-учебных заведениях и мысли нет о миссионерстве. «Шедше научите все языки» — как будто и в Евангелии нет, хоть слышат это все и знают наизусть. — И нет у нас заграничной миссии! В Китае, Индии, Корее, здесь — моря и океаны язычества — все лежит в мраке и сени смертной, но нам что же? Мы — собака на сене! «Не могиде коснуться православия — свято оно!».

«Но почему же вы не являете его миру?» — Ответ на сей вопрос, Святейший Синод!

1 / 13 июня 1896. Суббота

Сегодня, переведа с Накаем слова «мужу не оставлять жены своей» (1 Кор. 7, 11), слышу от него:

— Эти слова были единственной причиной, что мать Мануила Китакура, катихизатора ныне в Токио,— до последнего времени не крестилась.

— Почему так?

— Она не любит жену Мануила до того, что слышать о ней не может. Это-то и принудило Мануила отослать ее с ребенком к родителям в Сендай.

И ничего этого мне не известно! Мануил сказал только когда-то, что на время отпустил жену домой.

Призвал потом о. Павла Сато и выговорил ему, во-первых, за то, что он не сказал мне об этом несчастье с молодым катихизатором, служащим под его руководством; во-вторых, за то, что он допустил к крещению мать Мануила, тогда как она, отрекаясь на словах от сатаны и его дел, на деле такая усердная ему служительница, что даже счастье сына приносит ему в жертву, ибо Мануил свою жену любит и разлучаться с нею вовсе не хочет. Затем наказал о. Павлу непременно убедить злую свекровь смягчить свою злость, позволить мужу жить с женой. Если после трехкратного убеждения она не послушает, сказать мне; я поговорю с нею, а затем — что Бог даст! Во всяком случае Закон Божий нарушен не должен быть.

Пересадили сегодня самое большое дерево с места Семинарии: «сарусубери». Был за городом в питомнике садовника, ныне работающего здесь: четырнадцать дерев куплены для пересадки сюда.

2 / 14 июня 1896. Воскресенье

На вызов учеников в Семинарию, уже давно разосланный по Церквам, до сих пор заявилось только четыре человека. Едва ли, значит, и прием состоится в нынешнем году: меньше пятнадцати принять нельзя, иначе года через два в классе окажется не больше двух, а потом и ни одного; народ-то к нам шлют все оборыш.

3 / 15 июня 1896. Понедельник

Утром, лишь только за перевод сел, говорят: о. Тит Комацу явился и желает видеть, по делу.

— Нельзя ли явиться в одиннадцать часов (когда Накай начинает переписывать переведенное)?

— Не может, дело спешное,— говорят опять.

Оставил Накай, иду принять его. Оказывается старое дело, о котором я давно знаю от о. Семена Юкава — о разводе врача с женой в Асио по причине прелюбодеяния ее. Сильно она кается и просит опять принять ее, хотя блудила много в продолжение семнадцатилетней совместной жизни, но много и помогала мужу имуществом из своего родного дома.

Ныне муж не прочь опять бы взять ее. Но мешают родные — язычники, с его и ее стороны. О. Тит в убеждении до примирения дошел до стадии: «Если Епископ скажет „принять“, то муж примет ее». Так о. Тит поспешил сюда, чтобы заручиться моим словом мужу «прими». Я, разумеется, с радостью тотчас же продиктовал письмо в требуемом смысле, по получении которого о. Тит, в одиннадцатом часу, опять и отбыл.

О. Петр Кавано спрашивает, можно ли ему пред отправлением сюда на Собор сделать свой маленький соборик с своими катихизаторами в Кокура? Отвечено, не только можно, но даже и всем бы священникам следовало делать то же.

4 / 16 июня 1896. Вторник

Христианин из Аомори просит прибавить содержания катихизатору Симеону Мацубара: «Пять человек малых детей; 15 ен — тут же и на квартиру — недостаточно-де». Но на квартиру идет особо 5 ен; значит, Мацубара скрывает. Содержание во всяком случае весьма скудное. Но прибавить ему, — нужно и всем прибавить, чего Миссия не в состоянии сделать. А послано ныне 5 ен Симеону на болезнь ребенка, о котором пишет-де один христианин; и написано в то же время сему христианину убедительное послание, чтобы помогали христиане своему катихизатору — житейскими предметами, всякий, чем может, — кто чашкою риса, кто углем, солью, зеленью, рыбиной и так далее.

Получена прекрасная икона «Покрова Пресвятой Богородицы» — дар матерей Аполлонии и Феофании, Вохоновской женской обители, близ Петербурга, — исконных жертвовательниц и радетельниц Миссии. Просил написать за оплату, прислали даром, как благословение. Спаси их, Господи! Икона останется навсегда при Миссии, как образчик для списыванья по просьбам Церквей и христиан. Для того и прошена.

5 / 17 июня 1896. Среда

Христиане Токусима пишут благодарное письмо за иконы для их Церкви; из письма явствует, между прочим, что они очень довольны своим священником Павлом Морита. И мне это очень приятно.

Один язычник пишет, что он, убедившись в ложности буддизма, желает сделаться христианином. Поручен диакону Павлу Такахаси по близости местожительства. Другой язычник пишет, что, побыв в Соборе при богослужении, почувствовал жажду христианского научения. Поручен катихизатору в Асакуса по месту жительства. Третий язычник пишет: просится по бедности в слуги в Миссию. Сказано навести справки, не годен ли он для христианского научения в видах дальнейшего служения Церкви, ибо письмо написано очень складно.

Впрочем, писем от язычников поступает немало, а проку из них никакого: от бедности пишут, и бедность обычно дурного происхождения. Чтобы не тщетны были слова «грядущего ко мне не измену вон», отвечается и принимаются соответствующие меры христианской любви, но почти всегда оканчивается денежным убытком для моего кармана, больше ничем. И ныне заявившихся положено питать во время научения, если хоть малая надежда благонадежности их, но едва ли!..

6 июня / 18 июня 1896. Четверг

Кончивши утренний перевод, отправился по накопившимся делам в Иокохаму. Будучи у Устинова, Хакодатского консула, проживающего почему-то в Иокохаме целый год, поражен был следующим феноменом невежества. В разговоре за чаем упомянул я, что перевожу Послание к Коринфянам; жена Устинова, Марья Николаевна, по виду элегантная и образованная дама, вопрошает:

– Что же это такое за Послание?

– Да Послание к Коринфянам Святого Апостола Павла, разве Вы не знаете?

– Нет, не знаю.

– В Новом Завете одна из важнейших апостольских книг!

– Не слыхала. Новый Завет, я знаю, – это Евангелие.

– Но в Новом Завете, кроме Евангелия, и Апостол.

– Новый Завет – это учение Христа, Евангелие, какой же это Апостол?

– Но ведь Евангелия написаны Апостолами. Кроме них, Апостолы написали еще Послания, которые тоже Слово Божие.

Марья Николаевна делает все более и более изумленный вид и продолжает настаивать, что Новый Завет – Евангелие, а Посланий там нет.

– Да будто вы никогда не видали книги Нового Завета?

– Как не видеть! Я ее даже изучала, это – Соколов (должно быть учебник протоиерея), я вам сейчас принесу.

Но от порыва принести я ее удержал, и хотя ласково, соответственно чайному разговору, но сказал, что у нас, в миссийской школе, десятилетняя девочка японца лучше ее знает Закон Божий и что я о таком неслышанном, положительно в ужас меня повергающем, невежестве в Законе Божиим русской интеллигентной дамы не скажу никому из японцев. Марья Николаевна рассыпалась в уверениях, что так ее учили и так всех их учат Закону Божию законоучители в гимназиях. Если бы она одну из самых больших булавок всадила по головку в мое тело, то мне не больше было бы, чем слышать это. Ужели правда, что так плохо учат? И ужели много таких круглых невежд, чистых язычниц, в нашем образованном дамском обществе? Впрочем, и мужское общество, кажется, недалеко

ушло: муж, слушая, ничем не мог поправить или помочь своей жене, а после о законоучителе Белявском отзывался, что, мол, ему — что!

Услышал, между прочим, от Устиновых подробности о Будиловском: отправился в Нагасаки на «Нижний Новгород», пароход Добровольного Флота, выстрелил два раза в Акимова; ранил его слегка, был арестован, но освобожден, по обещанию, что вперед никакой глупости не наделает, и едет сюда. Жена Александра Николаевна отправилась также в Нагасаки, и ныне с ним. Шпейер уже телеграфировал, чтобы Будиловского убрали со службы здесь. В иокохамских иностранных газетах стрелянье Будиловского и причина — связь Акимова с его женой, все расписано. Как жаль бедного Будиловского, и особенно жены его — сущего ребенка! И как отвратительны эти Акимовы, сущие бешеные псы, кусающие исподтишка!

О. Сергей Глебов, будучи в Ханькоу, выпросил у трех тамошних торговых домов на построение здесь Семинарии и Церквей 2600 долларов, которые я и получил сегодня чеком при его письме.

Классные занятия по школам сегодня закончились, чтобы дать учащимся несколько дней на приготовление к экзаменам.

7 / 19 июня 1896. Пятница

В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое число что за великое несчастье постигло северо-восточный берег Ниппона и отчасти Эзо! Около местности Кинказан произошло подводное землетрясение, которым поднятая морская волна залила берег, отчего города Камаиси, Ооцуцу, Ямада, Сакари и прочие почти вконец разрушены, и потоплены многие тысячи народа! Этого рода бедствия не было со времени, когда погибла «Диана» наша, во время заключения здесь трактата графом Путятиным (в 1854 году), но тогдашнее бедствие незначительно сравнительно с нынешним.

Рассылая сегодня содержание служащим Церкви на седьмой месяц, мы и послать не могли катихизаторам Камаиси, Ямада, Сакари, не зная, живы ли они, или уже со своими семьями там, где в содержании не нуждаются.

8 / 20 июня 1896. Суббота

По сегодняшним газетным известиям, погибло от хлынувшей волны: в Иваде-кен 14 000 человек, Мияги — 3103, Аомори — 300; всего 17 403 смертей; раненых только в Мияги-кен 555 человек, в других провинциях неизвестно, разрушенных домов в Иваде 4000, в Мияги 973.

Наш катихизатор в Сакари, Николай Явата, слава Богу, жив со всем семейством, хотя лишился всех своих бедных пожитков, послал ему,

кроме содержания на седьмой месяц, 15 ен помощи, на христиан в Сакари тоже 15 ен; в Кесенума и окрестности христианам, по письму Иоанна Синовара — катихизатора, к счастью, не пострадавшего, 10 ен. Извещает Синовара, между прочим, о чудесном спасении одного христианина, лежавшего больным в постели: спасся без малейшего повреждения, тогда как кругом его здоровые люди погибли.

9 / 21 июня 1896. Воскресенье

Катихизатор Камаиси, города, наиболее пострадавшего от наводнения, Василий Ивама, тоже, слава Богу, жив, извещает о себе, но дочь его умерла на другой день от полученных повреждений.

После обедни священники, катихизаторы и христиане делали здесь собрание для рассуждения и решения о помощи пострадавшим от наводнения. О. Павел Савабе в своем приходе — Коодзимаци, делал то же. В продолжение недели посильная помощь будет собрана.

10 / 22 июня 1896. Понедельник

Начались экзамены в мужских школах. Учителя дали темы для сочинений, просмотренные и утвержденные с некоторыми изменениями мною вчера, и ученики написали. Мы с Павлом Накаем переводили, спеша закончить Первое Послание к Коринфянам. И неудобство же переводить с человеком, совершенно равнодушным и невнимательным к своему труду! Сегодня вечером долго рассуждали: «фукуквацу сезарики, или фукувацу сезариси наран» (1 Кор. 15, 13), — долго потому, что сначала написали первое, потом Накай прочитал стих по «бакарасики» перевода (Хепборна) и заложил второе; я пересмотрел все переводы и прочитал толкование, объяснил, и утверждено было первое. Переписывая уже отдел пред звонком к молитве Накай: «А вот еще есть грамматика: „фукуквацу сезариси нари“ — ее и нужно здесь». — «Но отчего же вам это в голову не пришло во время целого часа рассуждений? Значит, это не совсем употребительная грамматика для подобных мест». — «Это даже и „зоку-но“ (народная) грамматика». Я вновь должен был думать, сличать, перечитывать, спорить.... И вот за этими пустяками сколько времени, сил теряется оттого только, что нет хорошего человека, с которым бы переводить!

11 / 23 июня 1896. Вторник

Слава Богу, и катихизатор в Ямада и Мияко Яков Яманоуци тоже не погиб в наводнение, но сын его двенадцати лет погиб; у него самого пятнадцать ран на теле, у жены переломаны ребра, у дочери сломана

нога, другие дети тоже ушиблены. От Церкви, которую недавно построили в Ямада, кроме камней основания, ничего не осталось. Христиан в Ямада сорок восемь погибло.

Всех погибших от этого наводнения насчитывают уже больше 39 000, кроме раненых.

12 / 24 июня 1896. Среда

Послал, кроме содержания, 15 ен помощи Якову Ямануци, 15 ен на христиан в Ямада. Послано также 15 ен о. Иоанну Катакура дорожных и написано, чтобы поспешил посетить пострадавшие Церкви, отпеть погибших и утешить живых.

Вечером мы с Накаем закончили перевод Первого Послания к Коринфянам, и сим закончены занятия по переводу до сентября.

Утром был на экзамене по Священному Писанию в обоих классах Катихизаторской школы у наставника Иоанна Кавамото; хорошо отвечали.

13 / 25 июня 1896. Четверг

О. Сергей Судзуки в отчете по обзору Церковей пишет, между прочим, что в Ивакуни не застал катихизатора Петра Такемото, который ушел куда-то к родным по болезни сих; так и съездил о. Сергей в такой отдаленный пункт совсем понапрасну, ибо там ни верующих, ни даже слушающих — никого не успел приготовить Такемото, несмотря на то, что сам просился туда. Значит, совсем ни к чему не годный катихизатор Такемото: военная служба испортила его. Плох и о. Сергей: не хватило практического смысла даже настолько, чтобы прежде отправления в Ивакуни списаться, или телеграммой перекинуться с катихизатором.

В Камаиси, по отчету Петра Исикава, редактора «Сейкёо Симпо», отправившегося на место несчастья, убито волной пятнадцать наших христиан.

О. Борис Ямамура пишет об упадке Церкви в Санбонги, ни один даже христианин даже не пришел на исповедь (тем более, что ныне полевые работы мешают). Значит, подчинить эту Церковь катихизатору в Хацинохе — то же, что погубить Церковь при таком вялом катихизаторе, как Илья Яци.

14 / 26 июня 1896. Пятница

Был на экзамене по Догматике в Семинарии, шестом классе: плохо преподает Емильян Хигуци, кандидат Санкт-Петербургской Духовной Академии. Вчера на экзамене по тому же предмету в Катихизаторской

школе я это заметил; сегодня подтвердилось. Ничего не объясняет, совсем ленится, по-видимому.

- Почему не объясняете? Зачем не готовитесь к лекциям? — спрашиваю.
- Не знаю, в каком размере преподавать, — отвечает.

То есть нужно бы мне у них бывать не изредка, а каждый день на всех лекциях, тогда бы лучше шло. Но, значит, мне нужно бы бросить свои собственные занятия — переводами? Слуга покорный!

Симон Тоокайрин, катихизатор Немуро, пишет, что никак не хочет сделаться учителем нравственности в тюрьме в Немуро (на место Сергия Ооцука); это значило бы-де тоже, что оставить службу Церкви и поступить на службу в тюремное ведомство, — из-за этого и не желает, ибо посвятил себя навсегда на службу Церкви. — Письмо приятно в том отношении, что показывает неизменное желание Симона служить Церкви. И, мне кажется, это его желание можно бы совместить с обязанностью преподавать нравоучение, и вместе вероучение, преступникам в Немуро. Но печально то, что дело это не может уже вестись ни им, Симоном, ни кем другим из христианских проповедников. Тюрьмы известили нас, что по всей Японии тюрьмы представлены для научения бонзам секты Хонгвандзи; в <...> чего генерал-губернатор Хоккайдо выразил желание, чтобы и тюрьма в Немуро была изъята из христианского научения и отдана тем же бонзам. Известие об этом мы уже послали Симону, но он до получения его написал нам.

15 / 27 июня 1896. Суббота

На экзамене был в Семинарии: ученики четвертого класса отвечали из Гражданской Истории, средних веков, Иловайского, по-русски; лучшие из них читали на память по-русски, где ни спросишь из пройденного.

В Женскую школу просятся столько, что уж больше принимать некуда. Призвал сегодня Анну, сосчитали кандидаток, которых принять ныне нельзя, и положили известить их, что будут принимаемы по мере открытия мест, о чем будут уведомляемы своевременно; из просящихся есть и своекоштные язычницы, значит, из богатых домов. Видно, что школа больше и больше приобретает уважение. Жаль, что расширить ее нельзя, как требует о. Симеон Мии: просто места нет для постройки хоть бы маленького здания.

Был Николай Гаврилович Матюнин, в 1875 году — пограничный ком[?], сдававший здесь Курильские острова Японии, ныне начальствующий в Новокиевске. Из Кореи только что. О корейском Короле: «Трус, и притом лично за себя, глуп»; о корейском наследнике: «Идиот, глупый от природы, и с двенадцати лет — в гареме, где из него выжаты все соки»; о корейских министрах: «Вот этот полицейский (указывая на ворота Миссии, где стоял полицейский) умнее всех их вместе». Против

выхода сибирской железной дороги в какой-либо порт, кроме Владивостока: «Зачем же? Иначе его убьют! А он может быть открыт с моря круглый год». В добрый час!

16 / 28 июня 1896. Воскресенье

До литургии совершенно крещение шестнадцати человек, взрослых и детей.

После литургии и раздачи святых икон новокрещенным, старшины Церкви в Коодзимацци, шесть человек, попросили иметь со мною разговор. Лишь только заговорили о престарелости о. Павла Савабе, о необходимости иметь помощника, я понял, что пришли просить о поставлении Алексея Савабе священником в помощь отцу. Вчера Алексей Савабе сам приходил говорить о том же, прося руководства, соглашаться на избрание, или нет. И потому, не дослушав речи, которая, по японскому обычаю, забирая все глубже в цветник, обещала прогулку утомительно продолжительную, я прервал вопросом:

— О поставлении Алексея Савабе священником?

— Да,— отвечал обескураженный оратор.

— Согласен. Но для священника нужен храм. А у вас какой? Напоминает одежду пятилетнего ребенка на пятнадцатилетнем юноше,— руки и ноги голые, и одежда расплзлась по швам. У вас в большие праздники не большая ли часть молящихся вне храма? А храм — не течет ли по всем спаям? Итак, возбудите в себе усердие и соберите силы построить новый храм — более вместительный и наиболее удобный и так далее.

Речь, которую на сей раз я овладел, шла довольно долго в том же направлении. Показывал им сборную книжку, по которой собраны деньги на наш Собор,— подписки там в один рубль [?]. По-видимому, одушевились и положили собрать деньги на покупку места под храм и постройку храма. Вчера я толковал Алексею Савабе тоже, чтобы он, соглашаясь на избрание, поставил условием постройку для него нового храма. И хоть большие богачи там есть вроде Моисея Тодороги и Павла Хирума, но где же им одушевиться до чисто христианской щедрости! И потому я обещал пожертвовать целую половину того, что потребуется на покупку места и постройку храма. Сегодня, впрочем, я этого не сказал, представляя Алексею иметь мое обещание в резерве. Увидим, способен ли он вдохновиться, на что в молодости был очень способен его отец; а вдохновится, то и будет храм; нет,— вероятно, все кончится «гузу гузу», но это будет и доказательство ничтожности Алексея для церковной службы; до сих пор он ничем ровно не заявил себя, хотя давно уже на церковной службе, и при значительном, в сравнении с другими, содержании; но у меня все еще надежда, что он воспрянет и пользу окажет.

Илья Яманоуцци, катихизатор в Хацидзёосима, явился уже на Собор; несколько рано, но с следующим судном он опоздал бы к Собору. С ним — юнец, поступающий в военную службу; учился у него грамоте и вере.

Впрочем, за целый год у Яманоуци не оказывается ни одного приготовленного к крещению. Учил он там грамоте и начаткам христианского учения; но последнее слушали у него только потому, что чрез это можно было пользоваться им, как школьным учителем. Приобрел он дружбу и уважение многих, ибо вел себя — прямо видно — хорошо, по-христиански; желают его возвращения туда; и он сам тоже не прочь отправиться опять на год туда, надеясь, что дальнейшее его пребывание там будет иметь более прямую пользу для Церкви. Хорошо, если это состоится, иначе зачем же году его жизни там даром пропадать!

В Женскую школу сегодня еще две просились: нарочно для того прибыли из Вакканай в Хоккайдо; мать одной привезла их из такой дали, и при всем том пришлось отказать — жаль!

17 / 29 июня 1896. Понедельник

В седьмом часу вечера проходя по ученическому коридору, в открытые двери в комнатах не вижу почти никого, а к экзаменам готовиться должны! Иду к Кавамото, чтобы сказать ему о сем. Но почти всю школу встречаю заседающею в профессорской, пред дверями комнаты Кавамото, он сам в центре собрания.

— А я к вам шел сказать, что учеников нет в комнатах. Они вот где! Что за собрание?

— Я после доложу вам,— промолвил Кавамото, приставши.

Я ушел и занимался вечер своим чередом. После молитвы Кавамото спрашивает:

— Можно к вам?

— Пожалуйста!

Приходит и объясняет ни более, ни менее как то, что два подростка нашей Семинарии повадились в развратный дом ходить; один из них, к несчастью, еще сын заслуженного катихизатора Павла Кагета, племянника старейшего из наших священников, о. Матфея Кагета. Сей юноша уже и из школы ушел, увидев, что начинают исследовать его поведение; юноша, с прискорбием надо сознаться, неизвестно по чьим грехам, несчастно рожденный, с характером, резко покатым к злumu: сначала он крал, за что долго не был принимаем в нашу школу, потом очень зло шалил, за что, принятый, был удален из школы; ныне, думал я, Слава Богу, исправляется, но вот он — лжец и развратник, не вышедши еще из отрочества и с атмосферою, не зараженною вокруг него, ибо его развратностью все товарищи гнушаются, что и показали заявлением сегодня всего о нем Иоанну Кавамото. Другой юноша, совсем тупой к учению, последний во втором классе.

— Кроме сих двух, развратников нет в Семинарии. Я это исследовал и удостоверился. Именно сегодня вечером я просил всех сознаться по совести,— это и было собрание.

Эта заботливость Кавамото о нравственности школы меня очень тронула. Быть может, из него выйдет и порядочный «Кочёо», который управит школою во благо. Дай бы Бог!

Заметил я ему только, что фамильярничать с учениками не следует, ко благу их же,— заседать там, как он сегодня — совсем запанибрата, тогда как не в гости он позвал их к себе, а для наставления и вразумления.

— Но так обращается с учениками о. Антоний Храповицкий. Я ему следую. Он мой идеал.

— О. Антоний Храповицкий слишком глубок и многосторонен, чтобы следовать ему. Таких, как он, может быть, и в России еще нет; подражать ему, не имея его ресурсов, было бы самонадеянностью и опрометчивостью. Лучше следовать общему правилу: любите учеников, будьте крайне справедливы и беспристрастны, являйте во всем участие к их благу, но будьте в то же время начальником, а не панибратом, чтобы они не имели ни малейшего повода понизить уважение, чтобы видели в вас силу, на которую всегда могут опереться, руководство, которому со всею доверчивостью могут предаться. Это именно нужно. Этого они и сами желают. И будут рады и счастливы, если Вы будете таким именно Кочёо.

— Да, я уже слышал, что они рады тому, что школьные правила начинают строже наблюдаться,— заключил беседу Иоанн Акимович Кавамото, которому и дай Бог быть хорошим начальником Православной Духовной Семинарии в Токио!

Продолжение в следующей книжке

*Краткий миссионерский дневник
с 18 / 30 июня 1896 года*

Продолжение с предыдущей,
в красном сафьяне, книжки

Епископ Николай
Токио, Япония.

18 / 30 июня 1896. Вторник

Петр Исикава, редактор «Православного Вестника», возвратившись с обзора места несчастья от хлынувшей с моря волны, рассказывал такие сцены, что невозможно от слез удержаться.

Яков Ямануци, катахизатор в Ямада, был в доме вместе со всеми своими четырьмя детьми и женою, беременною пятым; старшему из детей, мальчику Александру, было двенадцать лет, и он готовился ныне проситься в Семинарию. Когда нахлынула волна, дом упал, и всех их придавило деревом; при второй волне дерево придавило Якова еще больше, при третьей еще больше, причем он потерял создание и перестал дышать, благодаря чему не вдохнул в себя морской воды; если бы еще хлынула волна, он был бы раздавлен, так как голова его, точно в тисках, была между двумя большими балками. Очнувшись и слыша писк вокруг себя малых детей, он с страшною болью для головы постарался высвободиться, проделал отверстие в навалившейся крыше, и одного по одному вытащил наверх всех младших детей и жену; старший же мальчик был где-то вдали под непроблажно нагромоздившимся деревом и

оттуда лишь слышался его плачевный зов: «Ото-сан, ото-сан». А между тем другая враждебная стихия начинала бушевать. Поблизости кто-то, не могши освободить своих в темноте, засветил огонь и нечаянно произвел пожар: беспорядочная груда развалин, не смоченная достаточно волной, запылала с неимоверною быстротою, и многие под развалинами не убитые волной добиты огнем. «Ото-сан, ото-сан», — раздавался все жалостнее и слабее голос мальчика Яманоуци, пока навеки не заглушен был все более разгорающимся пламенем. Исикава видел Яманоуци с распухшей и увязанной бинтами головой. На Собор он не придет, потому что не надеется до того времени выздороветь и пристроить удобно свое семейство. Об нем с семейством, впрочем, по возможности, заботятся; временным городничим ныне, вместо настоящего, которого убило волной, христианин, который поместил Яманоуци с семьей в своем временном правлении вместе со многими другими, между которыми есть, например, некто Алексей Сато с женой-христианкой. Оба сии — жители города Мияко, тоже подвергшегося несчастью от волны. Алексей имел в Мияко отличный дом и был одним из замечательных тамошних жителей. И вот — одной волной смыло их дом и унесло все имущество. Радые, что спасли, по крайней мере, жизнь, они бежали из Мияко с возможною поспешностью, боясь другой такой волны; была мысль их — бежать в Ямада, где много братий христиан; но на полдороге они ослабели, и от пережитых волнений, и от голода — и упали в изнеможении. Двое добрых людей нашли на них, сжалились над ними, взвалили на плечи и принесли в Ямада, откуда, к счастью, это недалеко было. «И вот — богатое семейство, обратившееся в нищих в буквальном смысле слова, — прибавил Исикава, — но они благословляют Бога и за то, что не отнял у них самый драгоценный дар — жизнь, и считают это чудом благодати Божией».

У Василия Ивама, катихизатора в Камаиси, умерла дочь оттого, что нахлебалась морской воды; лекарства давали ей, но не могли спасти. Осталось трое малых детей, из коих ребенок четырех лет спасен Божией Помощью чудесно: как сидел на досках веранды, так волною поднят на них и не раздавлен об крышу, а пришелся как раз в отверстие крыши, и там на досках оставлен до того в безопасном положении, что даже платье не было замочено. «Вот это самое платье надето было на него утром в день бедствия, и до сих пор оно на нем», — указывали родители Петру Исикава.

Но зато семейство старшего брата Ивама — Стефана Ивама, вместе с своим домом и имуществом все погибло, кроме одного мальчика Игнатия, четырнадцати лет, оставшегося круглым сиротою. Хорошо, что до сих пор он учился дома — мы его возьмем в Семинарию; Исикава видел его и говорит, что годен для того.

В Ооцу также многие пострадали, и христиане в том числе: Капитон Касивазаки, бедный портной, почти уже ослепший, с большой семьей,

все потерял, дом уплыл, хотя все остались целы. У Аггея и Авраама Хакояма дом, к счастью, остался, хотя вода поднималась почти до крыши и все в доме испортила. Исикава очень хвалит христианскую любовь обоим Хакояма: разлагающиеся трупы погибших, в ямах, каковые везде находимые, они на своих плечах переносят на места сожжения, тогда как язычники всячески гнушаются сим. Вообще, христиане везде возможно прилично хоронят своих умерших: если в землю, то непременно в гробах, хоть бы и плохо, по обстоятельствам, сделанных, и в чистых платьях; язычники же бросают или опускают трупы прямо в вырытые могилы. И, конечно, христиане везде хоронят своих с молитвою.

Да будет похвала Правительству! Оно принимает быстрые и всевозможные меры к облегчению народного бедствия! С голоду никто не помрет! Положено всех пострадавших довольствовать сначала местными правительствами средствами, не хватит их — губернскими, не хватит сих — запасным капиталом Государственного казначейства! Недаром сам министр Внутренних дел граф Итагаки поспешил на место катастрофы!

19 июня / 1 июля 1896. Среда

Экзамен по Гомилетике в 6-ом классе Семинарии показал, что Даниил Кониси довольно дельно занимается своим предметом: записки даже составил, хоть и очень краткие. Ученики отвечали по ним порядочно. Похвалился даже Кониси, что примерные проповеди хорошо говорят, но Фома Михара, заставленный сказать первую катихизацию язычникам, показал, что это неправда: четверть часа болтал так, что слушатель ни мысли не вынес бы, а буддисты и конфуцианисты рассердились бы.

Заход солнца при многих облаках дал столько и таких прекрасных цветов на небе, с радугой еще на востоке, что разлюбоваться и забыться в очаровании можно — туда бы, в те волны света — купаться в них, забыв все горести и мелочи жизни сей! И сподобит ли Господь когда? Уж шестьдесят лет — недалеко от края, что-то будет? По-видимому, и для Господа трудимся, а грехи-то!?

20 июня / 2 июля 1896. Четверг

На экзаменах по Церковному праву у кандидата Киевской академии Марка Сайкайси оказались весьма сбивчивые понятия об участии русского Императора в поставлении Епископа, а между тем предмет этот здесь весьма важен, ибо общераспространенное ложное понятие, будто Епископ ставится по приказам Императора, тогда как он в этом деле только заменяет общество христиан, долженствующих участвовать в избрании, но не имеющее к тому фактической возможности по незнанию людей, из которых можно избирать; Император же имеет эту возможность, для

того и вызываются на череду архимандриты в столицу, чтобы Император узнал их.

Был в Иокохаме, чтобы перевести деньги за елей и церковное вино: 300 драм, или 175 франков, в Афины о. архимандриту Сергию (Страгородскому). 175 франков = 62.73 долларов; пересылка в Иокохаму елея и вина 12.17 долл.; таможенная пошлина 3.24 долл.; пересылка из Иокохамы в Миссию 1.30 долл.; разные расходы $60/100$. Всего 80 долл. $03/100$. За эту сумму мы имеем шесть жестянок елея, по две дюжины в каждой, всего двенадцать дюжин, и бочонок церковного чистого виноградного вина, по крайней мере, дюжин шесть в бочке (о. Сергей пишет бутылок 75–80; мы еще не разливали). Итак, за 80 долларов 18 дюжин елея и вина, то есть по 4 доллара 44 цента за дюжину; значит, вполтину дешевле, чем мы платим здесь. Постараемся и вперед выписывать из Афин.

Павел Мацумото, катихизатор Церкви в Отару и ныне временно в Саппоро, просит его двух дочерей в Женскую школу; одной семь лет, другой пять лет. Этого уж положительно нельзя, как потому, что школа полна, так и потому, что слишком малы. Но так как он катихизатор заслуженный, то дано ему пособие на воспитание дочерей, пока поступят сюда в школу: старшей 2 ены, младшей 1 ена в месяц.

21 июня / 3 июля 1896. Пятница

На экзамене по Русской церковной истории пришлось при всех выbranить, особенно потому, что возражениями довел до того, преподавателя Пантелеймона Сато за бестолковое преподавание. Выписан был прежде по Русской церковной истории учебник Филарета, попросил Сато — Знаменского; я согласился, поставил в условие, чтобы он разумно сокращал, ибо Знаменский очень обширен для учебника Семинарии, особенно нашей. Сато обещался, я не досмотрел. Сегодня смотрю: самое важное пропущено; самое неважное выучено, да и то без всякой связи; ученики, видимо, старались; жаль их, бедных, но болтают вздор, и ничего по Русской церковной истории, хотя, по-видимому, из Знаменского. Вперед будем учебником Филарета с лекциями из Знаменского дальше того, чем он заканчивает.

Вернулся Петр Тоокайрин, учитель пения, из Ямада; убиты волной его отец, бабка, младший брат, даже и тел их не нашел — море не отдало.

Христиане Токио отправляют сегодня пострадавшим от волны братьям: 130 ен собрали — по 1 ене в каждый пострадавший дом придется. Хорошо и это, при бедности самих жертвователей.

Григорий Камия из Циба извещает, что Адаци, бывший католический знаменитый проповедник, более 700 верующих приобретший Католической Церкви свою проповедь, все настоятельней ищет присоединения к Православной Церкви. Если Бог его призывает, то его желание исполнится.

О. Иоанн Оно совсем просится на покой; пишет, что климат Нагоя нехорош для его болезни (геморрой). Не нравственные ли причины гонят оттуда? Увидимся с ним, узнаем.

22 июня / 4 июля 1896. Суббота

На экзамене был во 2-ом классе Семинарии по Географии у Иоанна Кавамото; хорошо он учит, и хорошо отвечали.

Из Министерства финансов здешнего присылали бланк, прося выписать, сколько получено из России денег на здешнюю Церковь в три предыдущие года? Ответено: в 1893 году: 54 882 ены 86 сен; в 1894 году: 68 013 ен 93 сен; в 1895 году: 68 466 ен 54 сен.

Числа взяты из посланных в Россию отчетов с переводением русских денег на японские. Из России собственно поступает одна и та же определенная сумма; разница же здесь от изменения курса на рубли и доллары. В последние годы, спасибо, больше высылают по расчету на золотую валюту, оттого и выходит иной раз, что здесь больше получается, чем из России послано рублей, тогда как 1 доллар = 1 рублю $33 \frac{1}{3}$ к металлическим.

На Собор уже начинают сходиться; прибыли из Миязаки, на Киусиу, Ионаго, Эдзири; но это довольно рано, помещаются у своих родных и знакомых; гостиница нанята с утра понедельника, шестого числа июля; мест подряжено на 150 человек. Священники будут помещаться вместе, или около своих катихизаторов, как для наблюдения над порядком у них, так и для удобства совещаний. Пища для катихизаторов средней руки, для священников с некоторым улучшением против них.

23 июня / 5 июля 1896. Воскресенье

Что делать с этими бедными, но и плохими катихизаторами, и с их чрезвычайными, но и неизбежными расходами? У Петра Мисима жена сильно захворала, и он положил ее в госпиталь, ибо нужна была операция и 20 ен в месяц нужно за ее лечение! На такого дурного катихизатора, как Мисима (собственно еще и не катихизатора, ибо священники на прошлом Соборе не допустили его в число катихизаторов; проповедует же он частно, получая, конечно, содержание от Миссии, — иначе чем же жить?) и 8 ен жалко, а тут еще 20! Но в то же время, как и не пожалеть бедной страдающей женщины? И не пошлет ли Милосердный Господь нам на бедных и больных в пределах нашей возможности?

24 июня / 6 июля 1896. Понедельник

Был на экзамене в Женской школе: десяти-двенадцатилетние девочки превосходно отвечали по Священной истории Ветхого Завета;

учительница Макрина Асакуса показала особенный дар и усердие преподавать маленьким, ибо все не по учебнику отвечали, а бойко и без запинки рассказывали — прямо видно — словами учительницы, но в то же время с полным пониманием того, о чем говорят; и это — крошки, чуть от земли видные! Нужно иметь необыкновенный дар, чтобы заставить таких и вполне понимать себя, и полюбить преподаваемый предмет, — а они щебетали с большим увлечением, так что насилу остановишь.

Александр Николаевич Шпейер из Никко пишет гневное письмо: возмущен нахальством шантажистов-адвокатов, натравливающих мать Кати (Маленды) вымогать все больше и больше денег, и в то же время гордостью Накая, находящего для себя унижительным идти в суд, чтобы вести дело против шантажа. У Накая, в самом деле, гордость изумительная, сделать шаг в суд ему дороже, чем погубить человека, ибо отдать Катю матери — все равно, что бросить ее в ад и в сей, и в будущей жизни, потому что мать не замедлит продать ее на разврат. Возмущенный Шпейер просит объявить Накаю, что он предоставляет ему поступить с удочеренной ему Катей согласно своему желанию, то есть передать ее матери. Я удержался от сообщения Накаю сего, а написал Шпейеру, прося спасти невинного полурусского ребенка от гибели. А бедная Катя сегодня утром так радостно и таким звонким голосом щебетала свой ответ по Священной истории! И не подозревает, какая грозная туча нависла над нею! Спаси ее, Господи!

25 июня / 7 июля 1896. Вторник

Однако же и не так, как писал Шпейер о Накае. Сей вчера приходил рассказать о деле, но по японской церемонности не решился прямо мне, а рассказал секретарю Нумабе — до полуночи побеседовал с ним о сем. Оказывается, что в суд он ходил, но ничего путного из этого не вышло: судья не принял объяснения Шпейера чрез переводчика, посланного на то, что у Маленды не осталось имущества, и, видимо, принял сторону противников Накая — по недобросовестности, или по ненависти к русским, теперь столь модной, и, в свою очередь, тоже грубо, или насмешливо говорит с Накаем; о противниках его и упоминать нечего; сии, дожидаясь вместе очереди в приемной, изливают на Накая пред всеми целый ушат злословия, называя мошенником, завладевшим чужим имуществом, угрожая и кулаками (ван-рёку), если в суде не выйдет по-ихнему, обещаясь прикинуть к нему в дом больную в сифилисе мать Кати, да и сами поселиться у него на хлебах, и прочее. Накай, придя в отчаяние от всего этого, вздумал прибегнуть к помощи адвоката, но Шпейеру, как видно, его переводчик передал это желание несколько в превратном виде. Оттого Шпейер и рассердился, и Накаю, действительно, ничего не остается делать, как отказаться от Кати.

Я, выслушав Нумабе, сказал, что для Накая единственный выход — попросить Шпейера написать удостоверение, что Маленда не оставила имущества, и подать судье; если судья и это не примет, то жаловаться на то высшему суду. Для всего же этого адвокат не нужен — это и немой может сделать. Нумабе обещался передать Накаю мои слова. А я в свою очередь написал Шпейеру, как все дело было. Но не успел отослать письмо, как получил от него из Никко телеграмму: «Передаем судьбу Кати в ваши руки; через неделю получите все ее деньги — 700 ен». На это я ответил, что приму на свои заботы Катю с удовольствием, если он узаконит ее положение, то есть удочерит ее кому-либо русскому и, кроме того, переправит в Петербург, где я попрошу о. Феодора Быстрова воспитать Катю в каком-нибудь заведении и потом пристроить за доброго, хотя бы и простого человека.

Прочитал четыре письма о. Иоанна Катакура, писанные последовательно с места наводнения, куда он отправился отпеть погибших и утешить оставшихся. Все те же плачевные сцены, уже слышанные или читанные, и от которых достаточно на больном сердце. Между новыми, например, следующая сцена: спасся христианин из города Таката, бывший в то время по делам рыбного промысла на берегу и стоявший в гостинице, где вместе с ним было еще десять постояльцев: из одиннадцати всех и из семейства гостиника спасся он один, и вдруг принимает горячую благодарность одной матери за спасение ее дочери. «За что?» — спрашивает.

— Да вот ее спасли, вынесли из волны.

— Не знаю, не помню, — откровенно отвечает он. Так внезапно и так ошеломляюще было бедствие!

У Якова Урано (одного из самых первых по времени христиан, врача, недалеко от Мияко) погибла жена и дочь; спаслись с ним четверо детей; дом унесен.

В Ямада из наших христиан 57 человек потонуло, 10 ранено. Там же у плотника Симеона, работающего здесь, погибло его родных, язычников, 57 человек: 8 домов погибло, только два брата его спаслись; ныне он, вернувшись оттуда, говорил мне.

На экзамене был в Женской школе: по Закону Божию тоже отвечали превосходно.

В мужских школах сегодня закончены экзамены. Профессора составляли списки; четырех из Семинарии оказывается необходимым исключить за развратное поведение.

На Собор все более и более прибывает: выслушивание их, чтение «кейкёохё» и писем к Собору.

26 июня / 8 июля 1896. Среда

В Женской школе был последний экзамен. Послал я пригласить на него собравшихся на Собор, но почти никто не пришел; пришедшие

два-три пришли уже к концу экзамена по Закону Божию. Печалит такая безучастность!

Целый день потом выслушивал отчеты священников и катехизаторов. Сделал строгий выговор при всех катехизаторам Адаци и Такаги: назначил им с часу, а они пришли в половине третьего. Значит, таковы же они и по проповеди, в смысле аккуратности; оттого-то у Адаци за год ни одного крещеного, у Такаги только три.

Получены из Санкт-Петербурга от Жевержеева три ящика: с митрой — пожертвование полковника Иванова во Владивостоке, облачениями и гробными покровами.

27 июня / 9 июля 1896. Четверг

С половины седьмого принятие словесных ответов катехизаторов и священников. В девять — чтение списков в Женской школе было, при этом много пришедших на Собор. Выпускных ныне не было. Пропели молитвы весьма стройно и мелодично; похвалены ныне за прилежание и безукоризненное поведение, дано по книжке в награду первым ученицам, дано мною по 1 ене шести золотошвеям, вышившим полуоблачения на жертвенник, дано, наконец, 4 ены на симбокквай, и распущены на каникулы.

В десять часов было чтение списков Семинарии, Катехизаторского училища и Певческого. Выпускные в Катехизаторской школе — 9, а Певческой — Иоанн Судзуки и М. Райкубо (семь лет был в школе), но последние не на полное жалованье: Судзуки — 5 ен, Райкубо — 3 ¹/₂, — до следующего года, если усовершатся.

Затем выслушивал отчеты. Сегодня за весь день выслушал лишь трех священников и утром двух катехизаторов. Как хотелось бы все записать, что говорят! Была бы полная картина Церкви. Но где же! Делаю лишь беглые заметки и намеки, чтобы не забыть, что нужно делать на Соборе и потом. О. Иоанн Катакура четыре часа говорил о своей Церкви, причем, рассказывая и представляя картину сотен трупов, на которую он наткнулся при входе в Ямада, и плач, и рыдание над ними родных, отыскивавших своих между ними, страшно сам разрыдался.

Мужским школам я дал тоже 4 ены на братское собрание сегодня, но они, посоветовавшись, пришли потом попросить позволение пожертвовать эти деньги от них на пострадавших от волны, что и позволено.

28 июня / 10 июля 1896. Пятница

Целый день прием и выслушивание катехизаторов и священников. Последние рассказывают иногда целые повести. Так о. Петр Кавано два часа повествовал об Исае Мидзуяма и его жене. Он здесь, она в Оита; она хочет к нему, он не хочет ее. Она выдумывает героя, как поклонника

в девичестве, который будто бы явился к ней и угрожает убить ее, если она не склоняется на его любовь. Она рассказывает об этом, чтобы дошло до мужа и чтобы он сжалился и не подвергал далее испытанию ее добродетель, то есть чтобы поскорее выписал ее к себе в Токио, но из ее выдумки вышло лишь то, что о ней пошли дурные слухи. Катихизатор Сибанай, услышав их, написал к Исайе, что жена в опасности, а Исайя ей разводную послал — «изменила-де». Ему пишут: «Да не изменяла; зачем к таким крайностям?» Он отвечает: «Попугать-де только жену, а не всерьез»; между тем надумался спросить у Сибанай — «откуда слышал»; этот ответил: «Да ходячий слух». Тот: «От кого, говори, иначе тебя уничтожу». Сибанай: «Не скажу». Тогда от Исайи — буквально град хагаки и писем посыпался в Оита к знакомым и не знакомым, что Сибанай «лентяй, пьяница и развратник» — три такие обвинения, из которых каждое достаточно для выключения из катихизаторства. О. Петр Кавано, в шестом месяце посетив Оита, застал там целую бурю. Он исследовал подробно о Сибанай, опрашивал поголовно всех христиан, слушателей и знакомых, заметили ли в Сибанае упомянутые качества, и все ответили отрицательно. Да и не может быть у него сих недостатков. Он оживил там Церковь; недавно отправился, а уже 14 крещений было в Оита и одно в Усуки. Итак, Исайя оказывается самым дурным человеком; между тем, как ведет всю эту интригу и кутерьму, меня уверяет, что он уже послал жене требование спешить сюда; и это уж раз десять и с сих пор. Я сказал о. Павлу Сато, в ведении которого он состоит, что он должен или тотчас же послать за женой с детьми, или подать в отставку: лжец не может быть катихизатором.

Несчастливая Катя обречена на гибель, если Бог чудом не спасет ее. Шпейер оказался трусом и эгоистом, — каков и должен быть немец, служащий лишь потому, что «служба чистая» (по Министерству иностранных дел), но и то лишь потому, что пришлось бы зубы на полку, — «имения нет». Отказывается от всякого участия в деле о Кате; между тем как только он и мог бы спасти ее. Прислал письмо, характеристичное для дипломата из немцев; тут и «ущерб нашей дочери» к чему-то, и похвалы бы «непоколебимости здешней», — в чем «непоколебимость», если б подумал? В подлости! Бросает в грязь ребенка — крестницу своей жены! Зачем, в таком случае, было поднимать ее из грязи? ... Объясняет это письмо от его жены Анны Эрастовны, тоже сегодня полученное: «Вместо благодарности нам — такой пассаж!». От кого благодарность-то? От Кати, которая еще добра и зла не может различить? На Накая все хотят свалить — напрасно.

Была какая-то русская с мальчиком, по пути из Америки во Владивосток; муж едет работой на парусном судне — денег для него на проезд не хватило. Думали — золотое дно в Америке, пять лет проработали там и возвращаются беднее, чем поехали. Просила помочь, дал 15 ен и письмо к Вендриху, консулу в Кобе.

Получена из России митра для Церкви в Посольстве, что выписывал о. Сергей Глебов.

Служили всенощную со мной шесть священников. Церковь была полна пришедшими на Собор. После службы сказал я проповедь, заимствовав из Филарета Московского — самому некогда было сочинять.

29 июня / 11 июля 1896. Суббота.

Праздник Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла

Литургию совершили соборно: кроме меня, было шесть священников, из коих пять именинники и о. Борис. Я обновил митру — пожертвование полковника В. В. Иванова: великолепная — совсем не к лицу.

До обедни совершенно крещение; между другими крестилась невеста подрегента Луки Орита, привезенная им с родины, из Кагосима.

Я и до обедни, и после, вплоть до всенощной, выслушивал священников и катихизаторов.

Во время этого дела был Григорий Александрович де Воллан, секретарь Посольства, передать мне деньги Кати — 700 ен; я не взял, ибо что же с ними делать, коли Катя будет возвращена матери? Отдать родным ее, то есть волку в пасть кинуть кусок мяса, которым он не будет насыщен, а только придаст крови силы своей жадности? Но воля Шпейеров, и никому не говорить о сих 700 ен, как не от Маленды доставшихся Кате, а накопленных ими для нее. Тогда что же с ними делать? Ведь родные матери продадут Катю чрез год-другой на разврат, а еще чрез год-другой она станет гнить, как гниет ее мать ныне в сифилисе, тогда ей на лекарства что ли? Пусть уж они сами распорядятся своими 700 енами, коли не хотели вмешаться за Катю. Убеждал я ныне де Воллана взять на себя это; едва ли и этот сделает что-нибудь.

После всенощной о. Иоанн Оно сказал проповедь, и умную; жаль, что портили ее слишком длинные остановки и потом неестественные вскрикивания.— Исповедались сегодня священники у меня: о. Оно, о. Матфей Кагета и о. Тит.

30 июня / 12 июля 1896. Воскресенье

В соборном служении участвовали восемь священников. После литургии была панихида по 86 наших христиан, умерших от наводнения; предварительно я сказал небольшое поучение о цели попускаемых от Мировправителя таких несчастий: «Аще не покаетесь, вси такожде потонете».

Целый день было приготовление к Собору, далеко не конченное, по многолюдству ныне собравшихся.

1 / 13 июля 1896. Понедельник

Первый день соборных заседаний. Заседало 169 служащих Церкви, 28 депутатов от разных Церквей. Прочитаны статистические листы, из коих оказалось, что за год крещено 954 человека, ныне всех православных христиан в Японии 22 867 человек. Служащих Церкви с нынешнего Собора 202 человека. В первый раз число последних выступило за двести. После обеда заседания не было, ибо мне нужно еще выслушать катихизаторов, чем и был занят с одного часу до половины одиннадцатого с перерывом на полчаса для отдыха. Но много еще не выслушанных.

Какой-то иеромонах Викентий из Свяяжского монастыря прислал прошение на службу в Миссию. Но слишком крючковато и игриво написано. Не нужно такого.

2 / 14 июля 1896. Вторник

Второй день Собора. Прочитали прошения о священниках и наметили Хоккайдо и Циукиу, куда непременно нужно по одному, и Дзёосиу (Такасаки и проч.), и Акита, куда хорошо бы тоже по одному. Предложено священникам избрать людей для священства, так как они хорошо знают всех старших катихизаторов — между тем как я буду продолжать выслушивать катихизаторов. После полудня до десяти вечера я и делал сие; священники, собравшись в полукруглой во втором этаже, думали четыре часа, позвали меня посмотреть результат, глупее нельзя было придумать кандидатов. Я предложил Симона Тоокарийна для Хоккайдо, Андрея Метоки для Циукиу; священники согласились, и завтра сии кандидаты будут представлены Собору.

В двенадцать часов приехали из Посольства два младшие секретаря Распопов и Казаков уведомить, что Посланник наш, Михаил Александрович Хитрово, скончался в Петербурге. Известие получено японским Министерством иностранных дел от их Посланника. Царство Небесное! Добрый был слуга Государства! Я сказал, что во всякое время, когда назначена будет панихида в Посольстве, я отправлюсь отслужить, хоть бы для этого нужно было бросить Собор из двухсот лиц. Он и отсюда уехал больным; дорогой, говорят, еще больше расхворался, и вот конец!

3 / 15 июля 1896. Среда

Третий день Собора. Священники пришли сказать, что они находят предложенных мною вчера кандидатов слишком молодыми, а хотят — Фому Маки для Эзо, Игнатия Мукояма для Циукиу. Я согласился, ибо оба действительно достойные люди, — по сорок лет каждому, и служат Церкви: первый — семнадцать лет, второй — тринадцать, — беззаорно.

Когда собрались в Церковь, я и объявил их, спрашивая, не имеет ли кто чего против сего избрания. Не нашлось ни у кого. И потому предложено встанием изъявить согласие на их избрание, что охотно всеми и сделано. Потом предложено им согласиться на избрание. Оба попросили отсрочки и затем в продолжение дня объявили готовность принять избрание.

Во время заседания еще подано было мне прошение Церкви в Коодзимацци поставить Алексея Савабе священником в помощь его отцу, уже устаревшему. Прошение на этот раз оказалось совсем исправное за подписью всех домов, составляющих приход Церкви Коодзимацци (как удостоверил о. Павел Савабе, когда я спросил его, есть ли печати всех старшин Церкви всех кварталов его прихода? Пересмотревши многочисленные печати, он сказал: «Да, здесь не только старшины — все вообще христиане»). В прошении значилось, что дают в месяц 9 ен содержания избираемому (к 20 ен, которые он доселе получал; я сказал прежде, что это у него не будет отнято). К прошению приложена бумага за печатью Алексея, что он принимает избрание. Все это объявлено Собору, просто к сведению, ибо дело чистой Церкви, и чтобы Собор порадовался, что еще прибавляется возноситель бескровной жертвы в Японии, но вместе сказано, что если кто имеет или узнает что-либо, воспреещающее Алексею Савабе звание иерея, чтобы тут же объявил это. Никто ничего не объявил, и потому поздравлены о. Павел с помощником по священству, Алексей Савабе с честью избрания и депутаты Церкви Коодзимацци с успехом их желания.

Итак, сегодня избрано и утверждено три священника. Слава Богу! Дань весьма успешный. Дай Бог только, чтобы избранные оказались достойными служителями алтаря!

О. Тит Комацу укорен пред всем Собором за то, что не исполняет прежде определенного: жить полгода в Сиракава, отчего эта Церковь, воспитанная долгим пребыванием там о. Павла Савабе, пришла в упадок; строго подтверждено ему, чтобы исполнял.

Из Цуда-гун был прошение, чтобы все Церкви сего округа были поручены священнику в Нагоя (не о. Матфею Кагета, как ныне). Но прошение оказалось интригой, катихизаторы в Удзуми и Накасу — Петр Моцидзуки и в Ханда — Матфей Мацунага объявили пред Собором, что они впервой слышат здесь об этом прошении, что их Церковь вовсе не желает расставаться со своим духовным отцом — о. Матфеем, что это дело одного человека, печать которого значится под прошением, тогда как печати церквей, от имени которых прошение, отсутствуют, что вся интрига катихизатора из Нагоя Петра Сибаяма (слегка Мацунага упомянул это). Прошение оставлено без последствий, даже не почтено пред Собором. То же сделано и с двумя письмами от девяти христиан в совокупности, адресованные Собору из Оосака с инсинуацией против о. Сергия Судзуки и просьбой убрать его из Оосака (ибо не опытен-де), а дать туда о. Павла Морита. Легкое дело — так переставлять священников, точно

шашки! Изъявлена пред Собором печаль, что такие легкомысленные документы поступают на Собор. Сделать бы исполнение по ним, какое бы расстройство затронутых Церквей вышло!

Кроме решения дел о священниках, весь день посвящен был чтению прошений Церквей о катихизаторах. Среди сего было много речей, относящихся к сему предмету. По прочтении всего и выслушании речей, уже в шесть часов вечера, поручено было священнослужителям составить распределение проповедников по Церквам, что и будет сделано завтра.

Ученики — большая масса вчера ранним утром, остальные сегодня в то же время — отправлены на каникулы в Тоносава, кроме тех, которые разошлись по домам.

4 / 16 июля 1896. Четверг

Целый день был употреблен на распределение катихизаторов. Прежде всего сделано возведение некоторых в высшие степени. В нынешнем году возведено особенно много: 8 из помощников в катихизаторы, 18 из сейто в помощники. Жаль мне их, бедных! Хоть немножко прибавки к их содержанию.

5 / 17 июля 1896. Пятница

Последний день Собора. Утром объявлено было распределение, и, после нескольких перемен, утверждено.

Потом предложены были разные доклады, поступившие на Собор. Рассуждения шли целый день. Отличились нелепостью своих речей: кандидат Даниил Кониси, предложивший производить Собор года в четыре-пять раз, а деньги, которые были бы употреблены на дорогу катихизаторам в прочие годы, обратить в наградные (сёорейхоо) отличившимся катихизаторам. И разбили же его, даже молодые катихизаторы, за эту детскую, или лучше — приказчицкую (он из торговых приказчиков) меру! — Диакон Павел Такахаси, поносивший Церковь за ее будто бы упадок и меня... Последнее бы ладно, первое — нехорошо: могло смутить молодых катихизаторов — говорит-де диакон, лицо опытное и отчасти авторитетное; и потому диакон Такахаси вопрошен: в чем он видит упадок Церкви (тогда как хоть бы тут же налицо доказательство ее движения вперед: доселе никогда еще, как ныне, не было двухсот заседающих на Соборе)? Диакон указать признаков упадка Церкви не мог, и потому невольно извинился за пустословие. Отличился блестящею и основательною речью кандидат Пантелеймон Сато, доказывавший, что Церковь в вопросе о содержании должна быть предоставлена естественному росту, лишь бы была одушевлена ревностью Иерусалимской

(первоначальной) Церкви: каждая Церковь тогда найдет свойственные ей свои местные средства содержания служащих ей.— К шести часам вечера все речи и прения были закончены, сотворена молитва, сказано напутственное слово, преподано благословение, и Собор закрыт.

Поздно вечером диакон Такахаси приходил извиняться, что так говорил на Соборе.

6 / 18 июля 1896. Суббота

Вот что называется трудовой день: с пяти часов утра до десяти с лишком вечера точно в котле кипишь! Таков всегда следующий день после Собора: катихизаторы массою стремятся разлететься; с каждым нужно попрощаться и сказать каждому то, что именно ему следует, и дать каждому, что ему нужно...

Сегодня, между прочим, меня до крайности изумил и немало опечалил факт, показывающий, на каком низком уровне понимание церковных дел, или вообще резонабельности стоят все наши лучшие люди в Церкви. 20 священников и 8 кандидатов богословия делали трехчасовое совещание о преобразовании Семинарии. Сами они взялись за это дело, даже без моего сведения о том. В половине двенадцатого зовут меня в собрание и предлагают сделать преобразование, сейчас решенное ими. Но какое же? Разделить Семинарию на «сейсоку-ква» и «хенсоку-ква»; первую опять подразделить на «фуцуу» и «сенмон»; курс «фуцуу» — пять лет, «сенмон» — три года. Курс «хенсоку», где будет идти все преподавание на японском языке — тоже три года. И ни единый не спросил у почтенного собрания, можно ли строить дом без материала?.. У нас вот ныне едва набралось пятнадцать мальчуганов в Семинарию, — да и те еще все ли приедут? Как это их разделить на три стада? Из этих пятнадцати верно четыре-пять дотащатся до окончания курса, как ныне пять в шестом классе, а если их еще натрое разделить, то будет ли и то? Притом пять лет «сейсоку фуцуу» — это почти то же, что академический курс; но поступят ли к нам кончившие в средних учебных заведениях? До сих пор еще не было такого случая... Точно аэронавты, по воздуху плавающие! И это вот суть Церкви — все священники и наставники с академическим образованием! Никто из последних не пристал к священникам: «Да дайте же учеников»; никто из первых не сказал последним: «Да рассуждайте же основательно о школе, коли вы наставники!» И тут еще пункт: «дать кончающим в Семинарии большее жалованье, отметить их»; когда эти же самые священники жалуется на бесплодность, никуда не годность кончивших Семинарию и прямо сделанных «секденкёося» — Яков Томизава, Моисей Симономае, Фома Исида и прочие. Просто тут только руками разведешь, видя, какие пешки наши священники и какие

болваны наши академисты, а отчасти, может быть, и негодяи; Даниил Кониси-то, по крайней мере, прямо принадлежит к последней категории, с его мерзейшейо ложью, будто с наставниками ни о чем не советуются, их мнения не уважают, против чего тут же пункт «отдать все школьное дело совету наставников и их решение считать важным и великим (дзиудайнару)». Об отношении Епископа к Семинарии ни слова, да и какое же отношение, коли он только батрак для них!

7 / 19 июля 1896. Воскресенье

До литургии прощание с катихизаторами. За литургией Алексей Савабэ рукоположен во диакона. После литургии отслужили панихиду по нашем Посланнике Михаиле Александровиче Хитрово. Все христиане, бывшие за литургией, помолились; между прочим, из Посольства были три секретаря, был еще доктор Кебёр.

До вечера без перерыва прощание с катихизаторами и прием разных гостей.

Если позволяется миссионеру иногда уставать, что сегодня я могу сказать, что устал.

Что страшнее смерча? А отчего он? А от встречи двух ветров. Итак, если дует ветер злобы, подлости, глупости, то не возмущаться и не воздавать навстречу ветра гнева, тогда дрянной ветер разрешится сам собою в ничто; иначе — ломка и гибель, а после — угрызение и терзание. Сохрани меня, Господи, от гнева и дай спокойствие капитана, плывущего по беспокойному морю!

8 / 20 июля 1896. Понедельник

Продолжение того же прощания с уходящими катихизаторами и священниками, удовлетворение разных просьб и так далее — целый день и вечер.

Утром чуть не потерял равновесия духа от разговора с этим Сасагава, который, как стал священником Сендая и окрестных Церквей, точно пробкой закупорил Сендай и Церкви: никого в школы к нам от него; а сам же говорит, что он — первый виновник нелепых предложений третьего дня о школьном преобразовании. Ни стыда, ни совести и ни малейшего радения о Церкви! Спокойно, но не без резкости высказал ему все. Затем, так как очень уж мутило, чтобы не сорвать на ком-нибудь сердца, ушел в библиотеку и с полчаса шагал по камням, пока размышлением и молитвенными возгласами не привел душу в спокойное состояние, а на лицо не нагнал улыбку.

О. Иоанн Оно уходил в заштат по болезни. Правда, болен геморроем, но больше ленив: у нас такие служат. Его же сколько ни упрашивал — хоть бы здесь при Соборе состоять и иногда отслужить или сказать проповедь, — не нравится, а нравится жить где-то в провинции без всякого дела. Между тем нужно его содержать с семьей, нельзя же навести нарекание на Церковь, что она оставляет без призора своих немощных служителей. Горе с ними!

9 / 21 июля 1896. Вторник

Почти все уже разошлись. Священникам, между прочим, дал по бутылке церковного вина и елея — то и другое по 40 сен — полученных недавно из Афин чрез посредство о. Сергия Страгородского, с тем, чтобы они, посоветовавшись с своими прихожанами, сделали заказы, которые все вместе будут мною препровождены в Афины с просьбою новой высылки.

Срок пребывания в гостинице прибывших на Собор кончился вчерашним днем. Сегодня принесли счет: оказалось за 124 священника и катихизатора: 449 ен 36 сен. Начали прибывать с 5 июля нового стиля.

Три дня уже ветер и дождь, часами очень сильные.

10 / 22 июля 1896. Среда

Утром, когда пришел прощаться о. Симеон Мии, много я высказал ему горьких мыслей, волнующих меня по поводу собрания священников и учителей-кандидатов для рассуждения о школьном деле. Весь мозг Церкви — и такой гнилой!

Ужели исполнится злорадное предсказание католических патеров, высказанное ими покойному посланнику Давыдову: «Умрет нынешний начальник Миссии, и Греческая Церковь здесь разрушится»? А, по-видимому, так. Три часа мелется нелепейший вздор, или говорится прямая ложь (которую порол Кониси, будто я стесняю учителей, тогда как совершенно наоборот), и никто — ни единый из заседающих отцов и мудрецов, не нашел, вопреки сему, ни слова здравого смысла, ни тени справедливого суждения! Действительно, умри я сегодня — завтра что последует и по училищам, и по Церкви?.. — Голос у меня пересох от горького и долгого разговора; наконец; жаль мне стало о. Симеона, который сначала посмеивался, а потом тоже приуныл от положения Церкви, — и дал я ему все, что он просил: и книг для преподавания русского языка, и облачений, и икон, и бутылки вина и елея.

Бурною погодою испорчены железные дороги на север и на юг, так что сегодня не могли отправиться ни о. Борис Ямамура и прочие, ни о. Симеон Мии и другие.

11 / 23 июля 1896. Четверг

Приготовление книги для записей выдачи и рассылки содержания и прочего.

Петру Исикава, редактору «Сейкёо-Симпо», дал мысль, чтобы он к Собору 1900 года написал историю Православной Церкви в Японии. За четыре года может корреспонденцией с Церквями собрать материал. Может даже для того сделать путешествие по Церквям, чтобы на месте лучше все узнать и записать. Теперь еще живы старики — первые христиане — свидетели первых следов благодати Божией, созидающей Церковь. Нужно собрать именно живые факты, знаменательные случаи, чудесные явления, которых немало уже было. Лет чрез десять-пятнадцать, когда первое поколение христиан сойдет в могилу, почти все это будет утрачено, и вместе с тем сколько назидательности будет утрачено!

12 / 24 июля 1896. Пятница

Вчера и сегодня — первые настоящие летние дни, жаркие и тихие. Дела Собора почти все окончены.

Текуса, дочь покойника о. Иоанна Сакаи, настоятельно просится сюда в Женскую школу, чтобы быть полезной преподаванием чего-нибудь, или же подготовиться в диакониссы — проповедницы женщинам; двух малых своих детей, говорит, может оставить на попечение тети, в Хакодате. Сестра ее, Матрона Кимура, приходила просить о ней. Я сказал, чтобы Текуса сама написала ко мне.

13 / 25 июля 1896. Суббота

Целый день сведение счетов по расходам на нынешний большой Собор и рассылка содержания не бывшим на Соборе. Дорожные священникам и катихизаторам на Собор и обратно: 965 ен 85 сен, что с 462 енами 56 сен на прожитие их здесь составляет: 1428 ен 41 сен — таков расход на большой Собор. Не знаю, найдется ли такая сумма чрез два года, чтобы устроить вновь, как предположено, такой же Собор.

После всенощной подают письмо, конфиденциальное, от о. Матфея Кагета. Пишет, что избранный в священники для Хоккайдо Фома Маки запутан в долги, и неблагоприятные. В последнее время он пустился в торговлю и потерпел убытки; чтобы занять, много лгал, злоупотребляя именем о. Матфея и даже моим. Все это рассказал о. Матфею христианин из Фукурои, пришедший, по-видимому, исключительно за тем из Сидзуока. Странно и очень жаль, что отец, Матфей, местный священник, до сих пор ничего этого не знал и поэтому не возразил, когда его

выбирали. Из всех двухсот, заседавших на Соборе, также, по-видимому, никто ничего не знал о сем, ибо на троекратное провозглашение избранных (священнослужителями, так как, кроме них, никто не знает всех старших катихизаторов) и вопрос, не может ли кто — открыто, или чрез закрытое письмо — возразить что-либо против избрания, никто и признака не подал, что может, и на предложение затем утвердить избрание чрез «кирицу» все мгновенно встали. Мне Маки говорил, что имеет долг, сделанный на погребение матери; отпросился до посвящения в Фукурои на две недели, чтобы покончить с церковными делами. Ужели он лжец и бесчестен в делах? Завтра утром напишу о. Матфею, чтобы немедленно отправился в Фукурои и тщательно исследовал поведение Маки.

Лишь только я прочитал письмо о. Матфея о Маки, как входит о. Павел Сато, поисповедовавший Игнатия Мукояма, другого избранника в священники, имеющего завтра принять сан диакона.

— Препятствий к посвящению нет? — спрашиваю.

— Нравственных нет. Но семейные дела плохи: отец оставил ему в наследство долг в 500 ен, да ныне мать, довольно беспутная старуха, живущая на родине с своей дочерью-девицею лет тридцати, — все больше и больше залезает в долг, что тоже ляжет на плечи Игнатия. — Тоже неудобно для священника. А кто мог знать? Сам же он объявил вот только на исповеди. Но это не может быть препятствием к посвящению. Сам он — поведения безупречного, жена — воспитанница нашей Женской школы — тоже примерная христианка.

14 / 26 июля 1896. Воскресенье

За литургией рукоположены: Алексей Савабе в иерея, Игнатий Мукояма во диакона. (Служили со мной о. Павел Савабе, о. Павел Сато, о. Павел Морита и прочие. О. Павел Савабе сам водил своего сына вокруг престола, посвящая его на всегдашнее служение Богу. После литургии был чай у меня для священников и церковников, чай японский с кваси для всех христиан Коодзимацци, бывших на служении, и обед японский для оо. Савабе, Морита и прочих.

До литургии было крещение четырех из Асакуса.

День весьма жаркий и утомительный.

15 / 27 июля 1896. Понедельник

Целый день занимался в библиотеке по снабжению посылки наших книг в Россию.

Иоанну Иноуе, катихизатору в Мацуяма, ныне переведенному в Тояма, послал денег на свадьбу, которую он должен был отпраздновать

в Оосака,— а об нем сегодня телеграмма от Иоанна Като, что болен, при смерти от кровавого поноса. Бедный! Дай Бог ему выздороветь и продолжать служение Церкви — человек он способный.

16 / 28 июля 1896. Вторник

Те же занятия в библиотеке — и надолго еще хватит их.

После обеда был Покатиллов, директор русского банка в Шанхае. По пути в Корею заехал сюда, чтобы перевенчаться с прибывшею из России невестой.

Был профессор Кёбер; выписывает из России Августина, Жуковского и прочее. Говорил, между прочим, что три года тому назад, когда он прибыл в университет, студенты бредили Спенсером и Дарвином, теперь начинают посмеиваться над ними; тогда нечего и думать было читать им что-либо близкое к христианству, теперь он читал им историю средневековой философии, столь близкую к христианской — об Августине и подобных, и слушали с живым интересом. Думает он дальше читать им философские лекции по нашему Кудрявцеву, приобретенью сочинений которого очень рад и очень ценит их. Большое благо сделает, если хоть несколько разрядит темное облако атеизма, облегающее университет.

17 / 29 июля 1896. Среда

Утром был Павел Кагета, на пути из Оказаки на новое место службы и вместе на свою родину — в Яманоме; был вместе с восемью детьми мал мала меньше. Мать их, Сира, с младенцем на руках, разлилась слезами при виде меня о своем первенце Симоне, исключенном ныне из Семинарии за дурное поведение. «А я-то думала, что он выйдет хорошим», — говорит. Кто виноват, что не вышел? Отчасти и сама избаловала, как первенца; разные дурные привычки принес в школу, от которых отчасти здесь исправился. Неправа и школа: не досмотрела. Впрочем, как и досмотреть, когда в отроке еще нежданно-негаданно является наклонность и смелость идти в непотребный дом: ни застенчивости, ни стыдливости, а их школа не может дать, как не может слепому дать зрение.

18 / 30 июля 1896. Четверг

Был Акила Хирота, возвращающийся из Уцуномия, где посещал родителей, в Сидзуока, где состоит катихизатором. Его сопровождает мать, едущая на его свадьбу, которая будет 2 августа; берет Акила Марфу, дочь о. Матфея Кагета. Вероятно, будут счастливы; оба выросли на моих глазах и всегда были благонравными. Дал Акиле 10 ен на свадьбу и 3 ены

матери; семейство пребедное: безногий отец фонари делает и тем питает семью.

19 / 31 июля 1896. Пятница

Вот несчастье-то! Мертвый лежит ныне (восемь часов вечера) в большой катехизаторской комнате, и идет следствие, как он помер. А как? Когда в шесть часть часов ударило ко всенощной, лошади испугались и бросились вперед, а он, неопытный шестнадцатилетний бетто, стоял против самого дышла, держа лошадей, запряженных в коляску; дышлом ударило его в бок и, кроме того, от порыва лошадей мгновенно толкнуло на чугунный фонарный столб у крыльца Собора; мгновенно он и убит: как упал у столба, так и оказался уже мертвым, когда люди подскочили к нему, стали поднимать, лить воду и тому подобное. Перенесен он был в комнату, где теперь лежит; призваны врачи, и один за другим все констатировали смерть: по наружному осмотру дышлом сломало два ребра, которые, войдя в легкие, парализовали их действие. В коляске этой приехала к венцу Анна Афонасьевна, невеста Дмитрия Дмитриевича Покатилова. Я совершил их бракосочетание, начиная с пяти часов, в Соборе, в сослужении диакона Львовского. Когда после этого все в моей комнате расписывались в обыске и прочих документах, пришло время звонить к обычному богослужению, первый удар колокола и возвестил мгновение смерти несчастного юноши. Непостижимы судьбы Твои, Господи, и не без Воли Твоей творится и сие!

20 июля / 1 августа 1896. Суббота

Секретарь Миссии Сергей Нумабе с первым утренним поездом отправился в Фукурой исследовать свойство долгов Фомы Маки, избранного в священники: на погребение ли матери, как он мне говорил, или по торговым предприятиям, как говорят? От меня дано письмо, что он отправлен по церковному делу и чтобы говорили ему все, что знают.

Позже утром призвал Павла Накай и сказал, что дам ему лично от себя 20 ен на поездку в Кёото, куда он желал для каникулярного отдыха, но только не прямо в руки, а как он соберется совсем — 5 ен на дорогу до Кёото, как телеграфирует из Кёото о приезде туда — 10 ен на жизнь там дней двадцать, как захочет вернуться — 5 ен на обратный путь. Так, — чтобы мачеха не отобрала у него деньги, не помешала прогулке; мачеха — жадная, а он слабый. Он очень обрадовался и чрез два-три дня, нужные для приготовления следующего номера «Уранисики», отправится.

За всенощной был православный китаец, молодой человек; молился, стоял всю службу, до конца даже проповеди. После службы хотел я распросить его, но он поторопился выйти и уехал.

Целый день собирал и упорядочивал наши журналы: «Сейкёо-Симпо», «Уранисики» и «Синкой», чтобы переплести и отправить вместе с другими книгами в Россию — в Академию наук и прочие.

21 июля / 2 августа 1896. Воскресенье

За литургией Игнатий Мукояма рукоположен в иерея.

Вечером написал в ответ Иоанну Кавамото, ныне живущему с учениками в Тonosава. Все еще плох по педагогике, не знаю — будет ли лучше.

22 июля / 3 августа 1896. Понедельник

Вечером вернулся секретарь Нумабе из Фукурои и Каяма и долго рассказывал про дела Маки; совсем обратился в купца: торговал вразнос часами, продавал и вино, полученное взамен долга, хлопотал о выписке с Хоккайдо рыбного удобрения и прочее. Хорошо хоть то, что больших преступлений не наделал; только немного лгал. Везде христиане выразили довольство, что от них взят такой плохой катихизатор.

23 июля / 4 августа 1896. Вторник

По посланной вчера телеграмме о. Николай Сакураи прибыл после обеда (священник Хоккайдо, гостящий еще в Канаици, родине его и жены, там и живущей с детьми). К четырем часам собраны и все священники Токио: оо. Савабе, Сато, Юкава, Циба, Осозава; и составился совет. Заседали в редакции Синкай. Я изложил дело: «Маки был избран; Собор одобрил избрание, но христиане его ведомства, услышав о сем избрании, пришли в изумление; и один из них явился в Сидзуока к о. Матфею сказать, что Маки на деле — не катихизатор, а купец и притом в долгах. По письму о. Матфея я просил его подробнее исследовать о сем; он сделал это, но по совершенной неспособности к подобного рода делам исследование оказалось неудовлетворительным, он доказал только, что долги есть, но какого рода и свойства, не сказал. Кстати, я просил еще Сергия Нумабе потрудиться съездить исследовать. Господин Нумабе это сделал. К сожалению, он со вчерашнего вечера захворал желудком; едва ли может все рассказать; если не может, то я повторю вкратце, что он мне вчера сообщил». — Послали за Нумабе. Он пришел с очень больным видом. Я просил его в самых коротких чертах изложить, что мне говорил. Нумабе начал, но, как видно, живот его в это время благодушествовал: пустился в такие подробности, которых и вчера не было; тянул до того, — при своей вообще очень скучной методе рассказыванья, — что все наполовину заснуло: с четырех часов почти до самых сумерек мой милый господин Нумабе наслаждался своим рассказом. Наконец,

видя, что конца не будет, я сказал, что довольно и сказанного, и предложил священникам вопрос: подтверждают ли они свое прежнее избрание? А для ясности дела прочитал из Канонических Правил (Хоогаку) и Книги Правил, относящихся к вопросу места. Все изъявили нежелание, чтобы Маки поставлен был священником, но, однако, и не нашли прямых причин лишить его надежды на священство, а согласились с мнением, первоначально выраженным о. Матфеем в своем письме: оставить Маки ныне катихизатором, а по исправлении его со временем сделать и священником. Я согласился. Призван был Фома Маки и объявлено ему печальное решение: «За то, что он совсем потерял настроение катихизатора и служителя Церкви и сделался по душе и по делам купцом, отменяется избрание его во священники, а оставляется он катихизатором; и если исправится,—возгреет в себе то же усердие, с которым когда-то служил Церкви, то может быть впоследствии и рукоположен». Маки, к счастью, без возражений и смиренно принял это решение. Поэтому обещано было ему, если он желает, посвящение его в будущее воскресенье в стихаря. Между тем стало темнеть. Подали чай, и кончилось не неважное собрание. Перед всеми и в назидание всем, я очень роптал на беззаботность о. Матфея Кагета, который, имея столько лет в своем заведывании Фому Маки, не знал, что он мало-помалу обратился из катихизатора в торговца.

24 июля / 5 августа 1896. Среда

Церковь в Оцу просит оставить там Иоанна Судзуки, который назначен Собором в Такасаки. Весьма кстати. Написано сегодня в Оцу, что Судзуки там оставляется; в Такасаки же извещено, что там будет катихизатором Фома Маки.

Был в Иокохаме, чтобы разменять вчера полученный чек на церковные деньги: 16 347 рублей из Казны на второе полугодие, полученные чеком на 2603 фунта стерлингов 6 пенсов дали 23 302 доллара 26 центов. Из них десять тысяч положил на 6% в Банк Мицуи на год.

25 июля / 6 августа 1896. Четверг

Петр Ока из Окаяма, прошедший огонь, и воды, и медные трубы, бывший богатым, теперь нищий, сначала чрез о. Симеона Мии, теперь чрез о. Сергия Судзуки просит, не отстает, принять его в Катихизаторскую школу. И вот какие люди ныне метят в проповедники! Нищие, никуда не годные, все переиспытывавшие и ни к чему не приспособившиеся. Написал сегодня о. Сергию то же, что прежде сказал о. Симеону: пусть поучится у последнего несколько месяцев: если окажется годным, будем принят потом в Катихизаторскую школу; если есть нечего, я буду

давать на пищу 3 ены частно. Такое рьяное движение этого утилитарного народа к одним только утилитарным занятиям, что идеальных стремлений ныне и признаков! И это не у нас только: все миссионеры жалуются на это. Если бы не бедность у некоторых и не даровое воспитание у нас, ни одного бы ученика не было у нас в школах.

26 июля / 7 августа 1896. Пятница

Янки — народ умный, янки — народ практический, янки в тысячу раз скорей сам обведет, чем его обведут. Такова всесветная репутация янки. И однако же японцы оказались умней янки, практичней янки; превосходят и оставили с носом самих янки. Это в деле «Доосися», в Кёото, благочестивые американские конгрегационалисты и частные люди — богачи — и ихнее миссионерское общество миллионных расходов не пожалели, чтобы основать на купленном большом участке земли великолепные христианские учреждения: христианский университет, училище для образования сестер милосердия (nurses), госпиталь. Выстроены великолепные здания в роскошном американском стиле — для всех потребностей учащегося и учащего мирка. Девять домов построено только для квартир профессоров. Начальствующие и учащие, за исключением Нисима — главного механика всей махинации, были сначала исключительно одни американские миссионеры. Потом мало-помалу стали входить между ними вновь образовавшиеся японцы. В конце концов под разными предложениями японцам удалось вытеснить из состава начальствующих всех до единого американцев, и «Trustees of the Doshisha Corporation» стали все японцы с president'ом Kozaki во главе. (Нисима года три тому назад помер). Профессорами между тем состояли американцы. Когда вся власть очутилась в руках японцев, тогда они сбросили маску. Американцы щедро жертвовали и деньгами, и миссионерским трудом, разумеется, с определенной целью — распространения христианской веры в стране путем школы — такова особенно метода конгрегационалистов. Японцы же ныне обратили университет в общеобразовательное заведение, и в нем японские профессора стали открыто учить, что Христос не более, как учитель добродетели и такой же человек, как Конфуций и другие моралисты. Это возмутило американских миссионеров, и они стали жаловаться своему Миссионерскому обществу. Оттуда в прошлом году прислали «Deputation» для исследования дела. Последняя нашла правоверие Доосися очень сомнительным, но на многом не стала настаивать, а предложила начальствующим (trustees) подписаться только под следующими четырьмя пунктами веры: 1) что Бог есть Личное существо, 2) что Христос есть Бог, 3) что душа бессмертна и 4) что Библия — боговдохновенна. «Trustees» отклонила и это предложение, как узкость, которою они не хотят стеснять ни себя, ни свой университет,

который они прямо и без всяких ограничений объявили не имеющим в виду никаких христианских целей, кроме того, что нравственность-де преподается в нем христианская. Что касается до всех великолепных и многочисленных построек Доосия, то так как все они вместе с землею значатся на имя японцев, по недозволенности иностранцам иметь недвижимость вне открытых портов, то американские радетели, миллионы издержавшие на здания, очутились без крова: «trustees» прямо объявили себя полными и бесспорными владетелями и распорядителями всей «property» Доосия. Американцы пробовали было возразить: «Пред Законом — ваша собственность, но морально — это собственность Американского миссионерского общества (American Board)». Но «trustees» закидали их и на этом: и воля жертвователей, мол, такова (поди — поверяй теперь волю всех жертвователей!), и намерения, и планы основателя таковы (а Нисима — на том свете). Впрочем, о своей благодарности американским благотворителям они толкуют много и рельефно выставляют ее на вид. В чем же эта благодарность? 1. Они будут позволять жить без взимания платы учителям, которые присланы будут Миссионерским обществом для службы в Университете все время, пока они будут состоять на этой службе, жить в домах, что построены для учителей. Такая чудовищная бессовестность, что после, пожалуй, не поверишь! Итак, вот слова письма of trustees to the honorable members of the American Board of Commissioners [?] for Foreign Missions (Japan Daily Mail, August 6, 1896): «You shall be assured that we will grant free use of these houses to all foreign teachers sent over by the American Board, so long as they are in the employ of our institution».

2. Если окажутся свободными некоторые учительские дома, то они «некоторые из них» (Japan Daily Mail, August 6, 1896) «на некоторое время» могут одолжать и миссионерам, если только не будут чувствовать финансового стеснения. Тут столько ограничений и такая казуистика в подлиннике, что благодетелям прямо и советуется не думать о даровом помещении в домах, выстроенных ими.— Итак, вот как провели японцы американцев! Но только не поторопились ли японцы? Лишившись американской поддержки, устоит ли их Доосия?

27 июля / 8 августа 1896. Суббота

О. Симеону Мию я говорил, чтобы он тихонько, не возбуждая толков, чтобы не возбудить препятствий, присматривался к продажным местам в Кёото и, выбрав подходящее для постройки храма, известил меня о цене, чтобы купить, если доступно будет. Ныне он извещает об одном таком месте с хорошим японским домом и свободным местом, ныне под садом,— для постройки храма. Цена около 5000 ен. Место в лучшей части

города, недалеко от Дворца, в центре столицы. Я тотчас же ответил вопросом о настоящей, крепкой цене. Быть может, Господь устроит дело.

Христиане Такасаки крайне недовольны тем, что не прислали к ним назначенным Собором Иоанна Судзуки, а дают Фому Маки; прислали прошение о Судзуки, потом прибыл уполномоченный от них — просить того же Судзуки. Не знают они сего господина. Он — везде хорош на первое время; по потом опускается и впадает в крайний пессимизм, а вследствие того ровно ничего не делает. О христианах Оцу он мне пред Собором до того дурно отзывался, что больше оплевать людей нельзя: «Не хочу-де опять в Оцу, потому там христиане — самый дрянной народ, такой дрянной, что язычники стыдятся присоединиться к обществу такого злокачественного осадка, оттого нет никакой надежды там на успех проповеди». Ну можно ли более оградить людей? И все — ложь, не сознаваемая самим лжецом и составляющая блевотину его мерзкой прирожденной болезни — крайнего пессимизма. Такого-то человека послать в Такасаки — довольно большую и благоустроенную Церковь! Я рад был, что христиане Оцу, не зная, конечно, как он честит их, пожелали его оставить у себя, и он — по непостоянству — пожелал остаться. Фома Маки, конечно, в сто раз достойнее этого пессимиста, хоть и позорился несколько.— Утром сегодня послал я о. Игнатия Мукояма, бывшего катихизатора Такасаки, тоже радовавшегося, что не Судзуки, а Маки займет его место в Такасаки, убедить братий принять с любовью Маки. Уполномоченный, разбехавшийся с ним, по прибытии сюда и кратком объяснении ему дела, обращен немедленно домой, где о. Игнатий будет иметь разговор со всеми христианами завтра после воскресной службы.

28 июля / 9 августа 1896. Воскресенье

Во время проповеди, на литургии, вошел в алтарь старец в сопровождении молодого человека; оказалось: генерал-лейтенант Александр Александрович Колоколыцев, член Адмиралтейского Совета, едущий во Владивосток на ревизию; при нем его сын, по имени тоже Александр Александрович. Нехорош этот русский обычай светских — в алтарь без всякой причины. Здесь этого еще нет, и я не знал, что делать с генералом, а чтобы не завести балагурства, отступал к Престолу и стоял перед ним все время проповеди, хотя для усталости хотелось бы посидеть. Давая крест целовать, я пригласил генерала к себе и потом очень приятно провел время с ним почти до трех часов; он с сыном у меня завтракал, потом все вместе смотрели солнечное затмение, бывшее сегодня с тридцати девяти минут первого часа, когда луна коснулась солнечного диска, до тридцати семи минут третьего часа, когда солнечный диск

совсем очистился. Сын генерала накопил стекло свечою, и мы с полукруглого балкона очень удобно наблюдали затмение. До завтракая показывал генералу с сыном Токио с колокольни, Женскую школу и в ней образ Спасителя, которым Высокопреосвященный Филарет, Митрополит Московский, благословил Адмирала Путятина, когда он в 1853 году отправлялся заключать трактат с Япониею. Генерал Колокольцев был тогда в эскадре Путятина мичманом. Ему поручена была постройка шхуны Хеда, причем у него работали семьдесят японских плотников. Все это ныне генерал Колокольцев с увлечением вспоминает и смотрит на Японию совсем в розовые очки, как будто ему сорок три года с плеч долой. Какое удовольствие встретиться и поговорить с таким человеком! Ключом закипают воспоминания о давних годах и уже отошедших лицах, как ныне о графе Путятине, Ольге Евфимовне, Гошкевиче, капитанах Шкоте, Болдине и прочих. Около трех часов генерал и сын в сопровождении Андрея Имада отправились осматривать Уено и Асакуса.

29 июля / 10 августа 1896. Понедельник

Целый день занимался надписываньем книг, отправляемых в Россию.

После обеда был епископальный миссионер Armine King с юным другим миссионером. Просил выписать три экземпляра Священных картин — таких же, что я когда-то подарил биспоу Cort-у в Корее; картины для Reverend Trollore в Чемульпо. Я обещал сделать это. Спрашивал King еще, какая у нас формула слов при крещении. Я подарил ему наш требник, указав сию формулу; подарил и его другу, миссионеру в Оосака. Говорили, что будут ждать отпечатания нашего перевода Нового Завета, чтобы пользоваться им; нынешний перевод (Herburn'a) находят несовершенным. Главное, чем недовольны: перевод по-японски разными словами одних и тех же терминов подлинника. Предостережение нам.

30 июля / 11 августа 1896. Вторник

Утром прибыл из Такасаки о. Игнатий Мукояма с известием, что там охотно принимают Фому Маки, по рекомендации моей и о. Игнатия. Впрочем, тамошние христиане и сами знают Маки, бывшего некогда катихизатором в Аннака; но думали, что теперь назначается к ним не он, а его однофамилец, неизвестный им, ибо о прежнем Фоме Маки они уже известились, что он избран во священника.

С сегодняшней почтой получен, между прочим, Указ Святейшего Синода, о том, что о. Сергию Глебову, по моему представлению, дана камилавка. Ну и ладно!

31 июля / 12 августа 1896. Среда

Есть катихизаторы, от которых не знаешь, как отделаться. Таков Сергей Кувабара; не без способностей, но бывший бонза; кажется, не имеет никакой веры; однако ж и не настолько заявивший себя противными церковной службе качествами, чтобы прямо прогнать его. О. Матфей Кагета, у которого он служил, находит его совсем ни к чему не годным, — но по лености только; а, быть может, в Эдзире и Какегава и прилежный бы ничего не сделал! Говорил еще о. Матфей, что он любит занимать деньги, но явно дурных поступков о нем не свидетельствует. Назначен он был ныне в Оцу; там его не пожелали, а удержали прежнего — Судзуки. Отправляю его в Сендай к о. Петру Сасагава, но с предписанием, чтобы он был именно в Сендае, под прямым надзором самого о. Петра.

Ныне кончается ровно шестьдесят лет моей жизни. Так! А грехов тьма!

1 / 13 августа 1896. Четверг

О. Мии, из Кёото, извещает, что еще можно купить место, приторгованное им, и которое мы было упустили. Я тотчас же телеграммой уведомил, чтобы покупал. Место 476 цубо с отличным японским домом, в весьма удобной для постройки Церкви местности, недалеко от Дворца, стоит 5000 ен. Совсем недорого, по существующим и постепенно возвышающимся в Кёото ценам.

2 / 14 августа 1896. Пятница

О. Сергей Судзуки так настоятельно просит принять Петра Ока в Катихизаторскую школу и такие убедительные доводы приводит, что нельзя не принять. Он-де, когда сидел в тюрьме, стал читать Священное Писание и проникся духом благочестия до того, что не хочет больше никакой службы, кроме службы Церкви. Даниил Кониси отговаривал его — мало-де содержание катихизатору (убил бобра я, воспитав сего мужа в Академии на службу Церкви!), не послушался; в деревне хотят выбрать его старостой за его хорошее поведение (после тюрьмы), — отказывается и рвется только в Катихизаторскую школу. Жена от него ушла, когда его посадили в тюрьму и вышла за другого; было у него две дочери — одну жена взяла с собой, старшую оставила ему, и он ее выдал за катихизатора Фому Такеока; так что ныне он — Петр Ока — совсем одинок и свободен для службы Церкви. — Нечего делать; известил я о. Сергия, чтобы присылал Ока сюда к сентябрю.

3 / 15 августа 1896. Суббота

Ночью сегодня сколько ни просыпался, все думал о лености и нерадении о. Николая Сакураи, вот уже месяц живущего себе дома, у жены, в

Канаици, и не думающего отправляться на место службы в Хоккайдо. Прошлый раз наказывал ему поспешить — к стене горох! А между тем, по вчерашнему известию, в Саппоро уже прибыл Моисей Симотомае, дрянной катихизатор, могущий там напортить. «Уж не ушел ли о. Сакураи прямо на место службы, не заходя сюда?» — Думалось мне ночью. Куда! По выходе с обедни Нумабе встречает известием, что о. Сакураи пришел. Собравши всевозможное хладнокровие, я объявил о. Сакураю, что «по 5 ен вычитаю у него из жалованья за девятый и десятый месяцы в наказание за его леность. В прошлом году я тотчас послушал его, когда он стал просить прибавки жалованья, и прибавил по 5 ен в месяц; хотел ныне совсем отнять это, но молитва в Церкви навеяла мягкость, и вычитаю только за два месяца; пусть это послужит ему навсегда уроком, что нельзя бросать вверенное ему стадо Божие; все священники уже на своих местах; один он только, младший из них, вот до сих пор ленится, забыв свой дом...»

О. Симеон пишет, что дом, который он нашел к покупке в Кёото, оказывается дрянным, требующим 500 ен ремонта, — что фактор требует платы. Отвечено, чтобы покупал место, если действительно очень хорошо для постройки храма, не заботясь много о доме, — чтобы дал процент фактору.

4 / 16 августа 1896. Воскресенье

Утром явился Василий Хираи, бывший девять лет старшим учителем в Хакодатской Миссийской школе и вместе катихизатором в Хакодате, ныне направляющийся на новое место службы катихизатором в Сеноо.

Говорит, что школа наша (сёогакко) в Хакодате постепенно сокращается; ныне уже сорок пять учащихся, мальчиков и девочек, только; но это не потому, чтобы наша школа была плоха, а потому, что число школ в Хакодате, и правительственных, и частных, возросло очень. Особенность нашей школы та, что в ней преподается христианское вероучение. Была надежда, что из ней будут выходить ученики для Семинарии. Не оправдалась. Почти ни единого, или же совсем дрянь, вроде братьев Комага ине. И ныне в школе — отчасти христиане, большинство язычники; но язычники ученики, по словам Хироя, никогда не обращаются в христианство, ибо родители — язычники; значит, преподавание для них Закона Божия пропадает бесследно. Вероятно, скоро школа эта умрет собственной смертью. Не заканчивается ныне потому, что тамошние два учителя — в то же время и катихизаторы; учитель же пения, тоже учащий, необходим для Церкви и без школы. Кроме жалованья сим трем, больше расхода на школу не будет, исключая ремонт. Школа же шитья, где преподает Анна Танабе шитье, а о. Петр Закон Божий, не

падает, а возрастает, и из нее делаются христианки. Учащиеся — взрослые девицы, или молодые женщины; дорожат нашею школою потому, что здесь нравственность соблюдается; иные, переставшие было, опять возвращаются, как в надежное убежище доброй нравственности, чего нельзя сказать про городские школы. И пусть эта школа существует. Ныне в ней двадцать девять учениц.

5 / 17 августа. 1896. Понедельник

Целый день занят был все тем же подписываньем книг, готовимых к рассылке в семь мест в Россию; порядочный же этот труд; нынешние каникулы почти тем и заняты.

Протестантские миссионеры летние жары проводят в Каруйзава; это у них обратилось уже в обычай. Наезжают туда даже из Китая на это время. Аглицкие бишопы с ними же; участвуют во всех конференциях и ораторствуют попеременно с баптистами, методистами и прочими. Вот так лучше. Прежде Bickersheth лип к нам, даже свое облачение в один Рождественский праздник принес и толпу англичан навел — думал, я его поставлю вместе у Престола служить обедню... С теми-то вот intercomunion будет для него много сподручней.

*6 / 18 августа. 1896. Вторник.
Преображение Господне*

За литургией городских христиан почти никого. Если бы язычников не набралось, то Церковь — почти пуста. И так во все двенадцатые, если не случается в Воскресенье. Не знаю, что и делать! Сколько ни поучай — «умано мими-ни казе». Это очень умаляет радость великих праздников. К тому же сегодня проповедник не явился, и проповеди не было; Даниил Кониси должен был говорить, но собственно не его очередь, а Исигаме, вместо которого он взялся приготовить; вследствие этого, вероятно, и забыл. Во всяком случае, беспорядок важный: мне не помнится еще большого праздника, когда бы не было за обедней проповеди. Еще огорчение: до обедни крещен один юноша, наученный Исаиею Мидзусимом, но когда за обедней настало время приобщить его, стали искать его по Собору и нигде не нашли. Сделал после обедни надлежащие выговоры всем, кому должно. Но что толку?

7 / 19 августа. 1896. Среда

За ранней обедней посмотрел, научился ли Игнатий Мукояма совершать проскомидию и всю литургию. Научился. И потому сегодня назначено

ему отправляться на место службы в Циукоку. Снабжен для сего всеми богослужебными принадлежностями.

Пред вечером был Н. И. Янжул, полковник Генерального штаба, приехавший военным агентом в Японию. Привез карточку с надписью Н. В. Благоразумова, товарища по Академии, московского протоиерея.

В сегодняшнем номере «The Japan Daily Mail» в критике текущей японской литературы прописана немалая похвала нашему журналу Женской школы «Уранисики», что в нем «под скромным названием много драгоценного», «хорошо отвечает нуждам воспитанных и образованных (refined) христианок», «орган за европеизм, но в хорошем смысле слова и издается с замечательною литературною способностью»... — Что ж, это должно быть приятно нашим девицам-писательницам и их редактору Павлу Накаи.

8 / 20 августа 1896. Четверг

Две тысячи триста ен сегодня разослано содержания служащим Церкви за девятый месяца — и это еще половина того, что нужно разослать. А служащие эти просто в отчаяние приводят своею негодностью! Вчера говорил новонаученному иерею Игнатию Мукояма, чтобы он немедленно отправился в Такасаки, сдал Церковь Фоме Маки, взял семейство и спешил к месту своей новой службы, где его с терпением ожидают. Пожелал он отслужить литургию в Такасаки. Я весьма одобрил и тотчас велел завернуть для него лучшее облачение, сам принес к нему ящик с утварью, велел дать церковного вина, а «просфоры-де теперь не готовы, в пятницу утром будут готовы, и их привезет Фома Маки, который пусть для этого на день останется здесь». — Сегодня, перед вечером, случайно проходя по коридору во втором этаже, наткнулся на о. Мукояма, о котором думал, что он теперь уже в Такасаки, но который только что собирался туда. Я зашел в его комнату, благословил на дорогу: «Спешите же», — промолвил, — «а просфоры завтра привезет вам Фома Маки». Маки тут же и молвит:

— Я поеду на следующей неделе.

— Как так? Что же вы будете делать здесь неделю и что будет делать о. Игнатий в Такасаки? — возражаю.

— У меня есть дела с христианами, — отвечает о. Игнатий.

— У вас дел не может и не должно быть других, как познакомить вашего преемника с христианами и передать ему дела Церкви; трех-четырёх дней для этого совершенно достаточно; затем два-три на сборы, и вы должны быть на следующей неделе здесь, на пути в вашу Церковь. Думал я, что вы горите желанием поскорей быть на месте вашего нового служения, а вы, наоборот, — только оттягиваете. Что же до Фомы Маки, то жил он почти месяц здесь, без малейшего дела, и не в тягость это ему,

а в сладость! Он вот что: если Маки завтра не отправится в Такасаки с просфорами, то отсюда он будет изгнан (ибо комнаты уже нужно готовить для учеников,— каникулам скоро конец); если вы, о. Игнатий, на следующей неделе не будете здесь с семьей на пути в Циукоку, то с вами будет поступлено, как заслуживает того ваша леность. (В уме порешил я наказать его вычетом из обещанного ему 25 ен жалованья, ен 5 в два месяца).

Маки промямлил, что завтра отправится, о. Игнатий уехал. Посмотрим, что будет. Фоме Маки, во всяком случае, священником не быть, хотя бы он исправился от своего торгашества; прогнал он леностью насквозь.

Прошедшею ночью скоропостижно помер старик-слуга в редакции «Сейкёо-Симпо». Утром сегодня нашли его мертвым, ибо там теперь он один и жил,— Исаак Кимура с семьей где-то в деревне.

9 / 21 августа. 1896. Пятница

Занимался целый день в библиотеке.

Фома Маки отправился в Такасаки.

Сделал выбор татами для домов Семинарии, почти самый лучший сорт, в тринадцать прошвов, в рокван роппягу монме, цена 1 ена 40 сен за ура, без осмотра.

10 / 22 августа 1896. Суббота

Эти каникулы много напоминают каникулы 1885 года. Тогда меня мучил письмами из Тоносава о. Владимир, ныне немало мучает письмами отсюда Иван Кавамото. Мизерною личностью оказывается. Вдребезги разбиваются все мои надежды на помощников, как русских, так и японских! Что ж, коли Господу не угодно послать сюда добрых делателей, то пусть и будет Его Воля!

11 / 23 августа 1896. Воскресенье

Илья Яmanoуци вернулся с Хацидзёосима, чтобы отправиться на новое место службы, в Карацу. Итак, ничего не вышло у нас с предприятием водворить христианство на сем острове. Имели там год дарового школьного учителя, оплачиваемого Миссиею, и сей учитель был настолько робок, или неопытен, что даже о «Единстве Божиим» не говорил там (как свидетельствует о. Павел Сато); спасибо, что хоть не развратился там; быть может, дальше окажется хорошим катихизатором, став в Церкви, и поблизости священника.

Был христианин Яков из Фукуи, изобретатель мыла для мытья шелковых материй; принес в подарок кусок сего мыла, который я отдал в Собор для нашей ризницы. Главный же элемент в составе мыла — масло из ватного семени, отчего мыло дешевле Марсельского, из оливкового масла — элемента дорогого; мыло Якова и уступает в деле (кокос) только этому мылу. Другие составные части он держит в секрете.

12 / 24 августа 1896. Понедельник

Старуха Анна Кванно приносила письмо к ней Стефана Кондо, катихизатора: жалуется он, что дочь его, ныне гостящая у него на каникулах, неблагочестива, капризна, не очень почитительна, что он поэтому не отпустит ее больше сюда в школу. Дочь его, Сара, совсем маленькой поступила сюда в школу лет шесть тому назад; у нас ли, в Женской школе не дисциплина, не добрый уход за ученицами, не добрый пример им! И вот — результат! Значит, врожденные дурные свойства почти невозможно переделать. Девочка умная, учится без всякого затруднения и почти первая в своем классе по всем предметам, но в то же время не любящая молиться, составляющая заговоры, хитрая и лукавая, прозванная товарками «Онна-киёмори», что составляет весьма дурную репутацию характера. Недостатки ее всячески старались исправить. Анна несколько раз брала с нее письменное обязательство, что она будет вести себя хорошо. И ни к чему! Хорошо, что ныне отец берет ее; быть может, при строгости родителей несколько исправится, а в школе от нее вред и другим.

И тут же пример совсем другого свойства. Римма Като, восемнадцатилетняя учительница нашей школы, приходила с Анной Кванно взять благословение на вступление в брак с переводчиком религиозных книг Павлом Есида. Она тоже с малых лет воспитанница Женской школы; но очень благочестивая, любящая молиться у себя частно после общей молитвы, кроткая, правдивая, всеми любимая, желающая непременно продолжать служенье Церкви в своем звании учительницы и по вступлении в брак.

Та и другая, воспитанные при одинаковых условиях, оказываются совсем противоположными. Как судить о сем?.. Но праведен суд Твой, Господи!

13 / 25 августа 1896. Вторник

Разослано остальное содержание за девятый и десятый месяцы, исключая тех, которые еще не известили о себе, что прибыли после Собора на места службы; таковых человек пятнадцать; из них половина, вероятно, не дали известия по забывчивости и небрежности, а половина

действительно еще гуляет Бог весть где и о службе забыла думать. Неполная сторона Собора та, что много времени теряется для проповеди: у половины проповедников никак не меньше месяца, у остальной, менее добросовестной половины — полтора или целых два месяца.

14 / 26 августа 1896. Среда

Ученики, проводившие время каникул в Тonosава, вернулись с Иоанном Кавамото во главе. — Ремонт школьных комнат сегодня совсем кончен.

Северный ветер и дождь вчера и сегодня.

За всюнощной зажигали паникадило, потому что можно и нужно было затворить южные двери (иначе ветер или тяга воздуха свечи тушит).

*15 / 27 августа 1896. Четверг.
Успение Пресвятой Богородицы*

Скучно как-то проводится этот праздник. Школы еще не собрались, христиан в Церкви мало, нерадостно Богослужение в полупустом Соборе. А затем обычная суета деловая целый день.

Был Стефан Касай, дядя катихизатора Моисея; привел невесту Моисея в Женскую школу; человек разумный и к вере усердный; тоже находит, что Моисею еще рано стать катихизатором на месте владений его рода, в Хигата; «Когда будет сорок лет, тогда — в Хигата», — говорит; это уже слишком долго; достигши тридцати лет и будучи в то время уже семейным, «может стать в Хигата». — Был Кёбер, профессор; приносил книги и взял новые, — все глубоко религиозные; взял также «Историю Церкви до разделения Церкви» на японском для какого-то студента, который просил.

Был сию минуту Пимен, сынишка катихизатора Василия Усуи, вчера пришедший в Семинарию, но едва ли еще годный для нее: всего тринадцать лет и ростом совсем малыш; представил две просьбы: 1) купить ему шапку, 2) послать его в Академию. Первое исполнено будет завтра, второе отложено в долгий ящик.

16 / 28 августа 1896. Пятница

Собираются ученики; к приему в Семинарию набралось уже мальчиков двадцать, в Катихизаторскую школу — почти никого. Я занимался надписыванием наших журналов, отправляемых в Россию.

17 / 29 августа 1896. Суббота

Емильян Хигуци из Кобе пишет, что полковник Германн расхворался так, что за жизнь его опасаются, в последнем градусе чахотки; «так

бедному Хигуци пришлось вместо удовольствия осмотреть Кёото, показывая его полковнику, обратиться в сиделку и „Hotel-ного гарсона“, — как он пишет, так как полковник никого видеть не хочет, кроме его. И охота же таким полумертвецам ехать осматривать диковины в чужеземщине! Впрочем, все чахоточные не сознают своей опасности.

Учеников и учениц все прибавляется. Филипп Узава из своей школы привел одного в Семинарию, другого в Катихизаторскую школу. Я ему говорил, между прочим, чтобы он позаботился о постройке храма в своей местности; на восемь селений вокруг себя он распространил христианство; пора подумать об этом, а потом прилично ему сделаться пастырем приобретенных им для Христиан душ; вероятно, христиане захотят его иметь своим священником, если предложить им.

18 / 30 августа 1896. Воскресенье

Почти весь день дождь, особенно сильный рубил, когда звонили к обеду, в девять часов, и когда собирались в Собор к венчанию Павла Иосида — переводчика религиозных книг, и Риммы Като — учительницы нашей Женской школы, в четыре часа; оттого к обеду, кроме учащихся, почти никого не было, только язычников набралось порядочно, но к свадьбе, тем не менее, собралось далеко в большем количестве, чем утром. Так-то свадьба везде и всегда возбуждает любопытство: радостное всегда влечет к себе взоры!

Из собирающихся ныне к приему в Семинарию об одном, Иокояма, восемнадцати лет, напечатано в хакодатской газете, что «чувство патриотизма заставило его оставить службу на почте и идти учиться русскому языку, чтобы служить Отечеству во время войны Японии с известным государством (Россиєю)», и восхваляется за сие юноша, но спохватился он здесь, что в Семинарию могут не принять его с сим похвальным намерением и зарекся, что «вовсе не то, а служение Церкви он имеет целью», — и негодует на газету, конечно, наружно, даже опровержение грозит послать. Ладно! Пусть будет так, как он заверяет. — Другой юноша явился с письмом от катихизатора Александра Оота, весьма плохого, что «он желает всего себя посвятить на службу Церкви», потому-де и посылается; но на запрос «кончѐо» — правда ли это, он ответил, что и понятия не имеет о службе Церкви, а желает просто научиться по-русски для своих видов, оттого и просится в школу. Сему отвечено, что есть другие школы для научения русскому языку, туда и пусть идет, — здесь же церковная школа. Юноша сей язычник и из языческого семейства; первый — христианин.

19 / 31 августа. 1896. Понедельник

Для поступающих в Семинарию и Катихизаторскую школу произведены были экзамены. Я не мог быть на них, ибо сегодня день расчетный,

чрез каждые десять минут приходящие. А тут еще о. Игнатий Мукояма, третьего дня прибывший со всею семьею из Такасаки, на пути в Окаяма, сегодня отправлялся в дальний путь и нужно было снабжать его всем нужным.

Утомил почти двухчасовым своим разговором Савва Хорие; речь вел об Овата, который так же сердит, как он, и не хочет ему подчиняться; о Китагава Алексее — долгах его и жене, склонной к сумасшествию, в котором она прибывает раза три в месяц. Господи Ты мой Боже! Какая дрянь на службе Церкви! И приходится ими обходиться, ибо лучших нет. Вот еще сокровище: Павел Окамото, чтец и певец, — тихий, скромный, смиренный, каким я его до сих пор принимал, а оказывается правда русской пословицы: «в тихом омуте черти водятся». Денег и платья не крал, но вещи у товарищей, нравящиеся ему, присваивает путем воровским, а что всего хуже: если кто не нравится ему, тому старается вредить, портя его собственность — ломая, коверкая, разбивая, забрасывая. Вчера вечером пришел Александр Мурокоси, имевший сегодня отправиться в Неморо, и жаловался, что смычок от его скрипки пропал: «Вероятно-де Окамото забросил». Сегодня Иван Накасима принес скрипку без струн: «Вероятно-де, Окамото стащил, навязав только одну с узлом, которой прежде на скрипке не было». — Какая-то чудовищная, дьявольская черта! А я до сего времени ничего этого не знал и не далее, как вчера же, пригласил его перейти в комнату около меня, чтобы в его, более обширной, комнате поместить учеников. И теперь-то едва добился от Мурокоси и Накаси́ма, кого они подозревают; но потом, когда прорвала их откровенность, целый потоп дьявольщины (или умоповреждения?)!

20 августа / 1 сентября 1896. Вторник

Учителя составили расписание уроков на следующую треть. Ученики распределены по комнатам: в первый класс Семинарии поступило 23, в первый класс Катихизаторского училища — 6.

Мы с Павлом Накай начали наше дело — продолжение перевода Священного Писания, со Второго Послания к Коринфянам. Утром с половины восьмого часа до двенадцати, вечером с шести до девяти часов.

После полудня прочитал с Давидом Фудзисава писем тридцать, пришедших за последние три-четыре дня. Ничего интересного. Стефан Камои оказывается плохим и слабым, хотя окончил Семинарию одним из первых; в Бакан начать сам же предложил, и ныне письмо в сажень — такое дрязгливое, что я велел ему оставить Бакан (не по нем начинать и предпринимать, — «бака» он для сего). — Петр Такемото опять поступил в военную службу — это сподручней ему, чем воевать с духовными врагами, к чему совсем не способен (а сколько издержано на него!).

21 августа / 2 сентября 1896. Среда

С восьми часов был молебен пред началом учения. В конце я сказал поучение, чтобы были искренни (как дети, упоминаемые в Евангелии) и верны цели, с которой собрались сюда; а для сего, чтобы ценили свое назначение: важность христианской веры для государства — без нее государство и сильное падет от гордости, богатое падет от роскоши; еще выше — важность для Царства Небесного; как в молитве — все украшены образом Божиим, но кто в Японии знает это? А если кто и догадывается, то как войти в Царство Божие без Христа, который есть «путь, истина и жизнь»...

Из Церкви ученики собрались в классной во втором этаже, и прочитаны были результаты приемных экзаменов. Я сказал наставление — исполнять правила, чрез что воспитывать волю и силу ее, не курить табуку, в котором яд, и прочее.

С половины десятого часа мы с Накаем стали было переводить, но пришли из Женской школы с расписанием, и разговорами, и просьбами о выдаче книг из библиотеки; до полудня время и пошло на это. После полудня — секретарь с месячными расписками служащих для внесения их в счетную книгу, отправка ответов по вчерашним письмам и прочее.

Вечером — «Симбоквай», братское собрание мужских школ, и «сестринское» женской. Дано было утром на сие, по просьбам представителей, по четыре ены туда и сюда. С семи часов здесь, в нижней классной, речи (энцезу) гремели до девяти, угощение было на славу. В Женской школе, вероятно, было то же. Я на пять минут зашел к ученикам по их приглашению; прочее время употреблено было на перевод с Накай'ем.

22 августа / 3 сентября 1896. Четверг

Во всех школах начаты уроки. В три часа были: Анезаки, только что кончивший курс по философии в здешнем университете, и Арёси, кончивший там же юридические науки. Первый изучает Сравнительное Богословие, то есть сравнивает христианство с буддизмом и прочее. Мысль его — из христианства и буддизма создать что-то новое, восполнив одно другим. Я разъяснял ему нелепость сего предприятия, несравнимость ни в каком случае истинность Божией веры с человеческим измышлением. Товарищ его оказался протестантом, но неудовлетворенным своим верованием. Поговорил с ними, особенно с Анезаки, до пяти часов и дал книги: Сравнительное Богословие и Догматику Макария законоведу, Апологетику Рождественского и ту же Догматику философу; Апологетику он сам попросил, слышав об ней от доктора Кёбера, с карточкой которого они и явились ко мне. Звал их для дальнейших бесед о вере.

По постройке Семинарии сегодня было «муне-анге», и рабочие справляли праздник, на который от меня было дано 30; потом от поставщика леса, от начальников частей получили; угощение было отличное; сняли они общую фотографию.

О. Иоанн Оно, по пути из Сендая к своему семейству в Нагоя, был вечером, но во время перевода; я не мог его видеть, а чрез секретаря Сергия Нумабе просил служить здесь при Соборе и получал бы он досельнее содержание — 25 ен в месяц; служить же еще он может, но если непременно хочет в заштат, то больше 12 ен в месяц дано ему быть не может.— В десятом часу Нумабе приходил сказать, что служить Оно решительно не хочет. Лениость и кейф, значит, положительно прежде о. Оно родились на свет!

23 августа / 4 сентября 1896. Пятница

Даниил Кониси такое ужасное вранье о России пишет в «Иомиури симбун», что отвратительно читать. Целый ряд статей; вчера и сегодня уже шестнадцатую и семнадцатую статьи пробежали в вырезках, приписываемых ко мне. «Русский народ, по Кониси, весь зауряд — невообразимо грязный, весь, без исключения, вонючий, вшивый, живущий в нестерпимо вонючих логовищах. Войско все грязное, вонючее, пьяное, рабски униженное, около казарм нет возможности проходить — так они воняют»; конечно, «народ и войско и все в России крайне грубое, необразованное, неразвитое». Словом, таких поношений я еще нигде не встречал. И это — от человека с измальства вскормленного Россией; мелкий торговый приказчик как-то вторгся в Семинарию (при о. Владимире), не по правилам приема, и воспитывался на счет Миссии. По успехам и способностям не стоил посылки в Академию, но обманом и туда втерся: подготовил некоего богача Нозаки отправить его, Кониси, в Академию якобы на его, Нозаки, счет; в таком смысле писано было мною и в Синод, что-де такой-то просится в Академию на своем содержании. Но тотчас же оказалось, что надули оба — Нозаки и Кониси; и последний оказался на моем содержании, ибо совестно было просить Синод принять его на казенное и тем обнаружить надувательство японца. Но не жалел я нескольких тысяч, издержанных на него, думая, что, по крайней мере, выйдет полезный для Миссии и Церкви человек. И вот он как являет свою полезность! Всем им, отправляемым в Академию, было толковано и перетолковано, что они, между прочим, предназначаются быть и связующим звеном России и Японии, что, изучивши Россию, они должны потом здесь своими писаниями знакомить Японию с нею, сглаживать те шероховатости, которые являются между Россией и Япониею, вследствие постоянных дурных отзывов Англии о России, что не должны они в России заходить на задний двор и рыться в навозе

и помоях и прочее. Ни единого, внявшего сим наставлениям! Сколько раз уж христиане жаловались мне, что академисты говорят о России и Русской Церкви весьма дурно! Но это было, по крайности, между своими, христианами. А Кониси теперь выступил в качестве Крыловской Хавроньи на публичную арену. Прочие академисты, вероятно, все радуются сему. Господи, что за грязный нравственно народ! Ни искры благородства, ни тени благодарности! Конечно, миссионеры в Японии — не ангелов искать, иначе (если бы в Японии предполагались ангелы) и не нужны бы были мы здесь; но все же такое чудовищное отсутствие всякой человечности коробит и в дрожь омерзения приводит. Куда человечность! И зверь не станет кусать руку, долго подававшую ему пищу. А Кониси так нагло лжет и клеветает на весь русский народ!

24 августа / 5 сентября 1896. Суббота

Был американец, некто Graham из Pittsburg'a, советоваться, хорошо ли приехать сюда из Америки одному итальянцу — учителю пения и музыки, человеку семейному, артисту и композитору. Пришло ему в голову искать здесь совета потому, что у нас в Соборе очень хорошее пение. Я указал ему посоветоваться с английскими и американскими министрами, а также с епископами; надежнее же всего собрать сведения, сколько есть здесь иностранных семейств, в которых итальянец может иметь уроки; а самое лучшее — отписать в Америку, что итальянцу здесь нет надежды на процветание, — таковое мнение мистер Грахам составил, кажется, прежде моего совета.

Из Осака требуют больших денег на ремонт церковных зданий после недавнего урагана. Пошлю 20 ен на поправку крыши; штукатурку же снаружи могут не возобновлять, а тонкими досками защититься от дождей. Скоро нужно будет строить храм там, на месте нынешних зданий, составлявших когда-то трактир, небезызвестный в Осака.

25 августа / 6 сентября 1896. Воскресенье

О. Феодор Мидзуно приходил взять дорожные (14 ен) на посещение своих Церквей. Сказано ему, что если он еще напьется пьяным, то его содержание будет сокращено на 10 ен в месяц; если потом еще будет пьян, то запретится ему священнослужение. Во время Собора Моисей Мори, катихизатор Фунао и окрестностей, принес жалобу от всех христиан его ведомства на пьяное безобразничанье о. Мидзуно, когда он, незадолго пред Собором, послан был туда для погребения христианки, — и просьбу, чтобы больше уж ни при каких случаях о. Мидзуно туда не посылать. (Послан он был туда по отсутствию из Токио о. Фаддея Осозава, которому принадлежит Церковь в Фунао).

26 августа / 7 сентября 1896. Понедельник

В Катихизаторскую школу прибыл еще один: еще язычник, но очень рекомендованный Павлом Цуда, катихизатором в Тоёхаси; любит-де христианство и религиозно настроен; служил по полиции в Тоёхаси, но взял отставку, когда ему после переписки о нем дано было позволение поступить в школу, отчего несколько и запоздал.

Был Иван Иванович Чагин, лейтенант, новый, после Будиловского, морской агент здесь. Рассказывал, между прочим, о смерти нашего министра Михаила Александровича Хитрово. Помер первого июля на даче Каменностровской, близ Петербурга. Поправился он было по прибытии в Россию (отсюда уехал утомленный); был на коронации в Москве; зять его, военный, взял отставку и подал прошение о принятии его на службу в Министерство иностранных дел, и имел приехать сюда вторым секретарем; второго октября предположено было Михаилу Александровичу выехать со всем семейством сюда, в Японию; был он бодр, весел, здоров. Первого числа, на даче, задрались собаки: его и чья-то большая, — задрались так сильно, что растащить их было нельзя; драка происходила в саду, где в то время находился Михаил Александрович со своими. Он взял за хвост свою собаку, зять его большого пса, а Андрей, сын, побежал за ведром воды, разлить собак, которых не могли растащить врозь. Ведро принесено, вода вылита, собаки расцепились, и все стали смотреть морду пса домашнего, очень искусанную рослым противником. Вдруг Михаил Александрович схватился за грудь и промолвил: «Вместо того, чтобы рассматривать собаку, принесли бы мне стул». — Это были его последние слова; с ними он упал и мгновенно умер. — Так как время было очень жаркое, а у него еще была экзема, то разложение началось весьма быстро; на другой день он был положен в гроб и закрыт; на третий день его отпевали там же в военной Церкви. Когда по окончании отпевания нужно было положить ему отпустительную грамоту в гроб и оный открыли, то оттуда пахнул такой запах, что священник лишился чувств, а князя Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел, который стоял близ гроба, вывели под руки из Церкви. Все это печально тем более, что с Михаилом Александровичем Россия лишилась одного из хороших своих дипломатов. Ныне тем печальнее еще, что умер на днях и князь Лобанов-Ростовский, наш очень способный министр иностранных дел.

27 августа / 8 сентября 1896. Вторник

В прошедшую ночь, в три часа, помер ученик четвертого класса Семинарии Илья Камия. Два дня тому назад захворал простудой — от нее и лечился и был все время так в силах, что за нуждой выходил сам, без

всякой помощи, даже в два часа, за час до смерти. Вернувшись в этот раз, впрочем, уже с помощью товарищей, ибо упал, зашедши в пятый номер и уложенный в постель, стал трудно дышать; товарищи встревожились, известили инспектора Кавамото, послали за доктором Оказаки, но до прихода его Камия был уже мертв. Оказывается, что у него была скрытая «какке»; страдал он от нее несколько до каникул, потом во время каникул в Тоносава, питанием одним рисом, без примеси ячменя, болезненное расположение, по-видимому, было усилено; простудой «какке» внезапно возбуждено, и человека, по виду здоровейшего между учениками, в два дня не стало. Какая эта ужасная болезнь «какке»! И, кажется, она может делаться родовой: от «какке» же помер, тоже учась в Семинарии, старший брат Ильи — Исаяя Камия; вероятно, тоже не без злого действия сей болезни померла старшая сестра Ильи — Макрина Камия, учась в нашей Женской школе, хотя говорили, что померла от чахотки. Старший брат Ильи, ныне катихизатор, Григорий Камия тоже болен «какке», хотя еще не успел помереть.

Обмыт был Илья товарищами еще ночью и положен в его комнате; к семи часам перенесен в редакцию Синкай, единственную несколько свободную, поместительную комнату; в семь часов отслужена панихида в присутствии всех учеников Семинарии и Катихизаторской школы. Потом товарищи его по классу читали над ним Псалтирь; прочие ученики имели обычные уроки. К двум часам был готов гроб, в который его уложили и перенесли в крещальню, в Соборе, где тотчас же отслужена была панихида; потом — Псалтирь над ним. К шести часам вечера гроб перенесен в Собор, и отслужена всенощная; присутствовали все ученики, пели товарищи его. Теперь (десять вечера) продолжают читать Псалтирь, и будет чтение всю ночь; инспектор распределил очередь. Я на всенощной не был, ибо мы с Накаем переводили, как обычно, Священное Писание. Завтра с семи часов будет заупокойная литургия и проповедь.

28 августа / 9 сентября 1896. Среда

С семи часов утра — заупокойная литургия; пели причетники; в Церкви были все школы; за причастном я сказал небольшое поучение. Отпеванье совершали со мной два священника; пел полный хор. В половине десятого понесли Илью Камия на кладбище, было «сейсеки», то есть священнослужители в облачениях, впереди крест, предшествуемый священосцем, — в облачениях же. Провожали в строгом порядке, идя парно, все семинаристы и ученики Катихизаторской школы. Женская школа, вернувшись из Церкви, имела обычные классы; ученики в полдень усталые возвращались с кладбища, вымоченные еще на кладбище дождем, и потому не имели классов и после обеда.

Вечером была всенощная пред завтрашним праздником Усекновения главы Святого Иоанна Предтечи. В Церкви почти никого не было; пели причетники; учащиеся занимались уроками. Мы с Накаем, вернувшись от всенощной в половине восьмого, переводили до вечерней молитвы учеников.

29 августа / 10 сентября 1896. Четверг.
Праздник Усекновения

С шести часов была литургия, за которой молились все учащиеся. Пели причетники. Первого класса поэтому не было; дальше — обычные классы и занятия.

О. Николай Сакураи из Саппоро хвалит катизихатора Моисея Симотомае. В добрый час! Просит написать о. Борису, чтобы он убедил отца жены Моисея, в Фукуока, выслать к нему жену. Конечно. Но послушает ли взбалмошный отец, который, по-видимому, вовсе не заботится о счастии дочери, желающей не разлучаться с мужем, а держит ее у себя для домашних работ? Просит еще убедительно простить ему, о. Николаю, штраф за позднее отправление к своей пастве и выслать удержанные за два месяца 10 ен его семье, очень нуждающейся по причине возникшей дороговизны на все. Просьба исполнена.

Павел Сайто пишет, что в него, в деревне Огавамура, ночью бросили два камня, к счастью, не попавшие.

30 августа / 11 сентября 1896. Пятница

Тит Уехара, катихизатор в Нагаока, прислал прошение об отставке. Пусть увольняется. Ничего доброго не сделал, только представлял проекты, что служащие Церкви должны получать большое содержание, чтобы быть представительными и подобное.

Георгий Оно, катихизатор в Кумамото, пишет о быстром распространении там «Тенрикёо». Это нелепое учение везде проникает; впрочем, это мимолетное облако, ибо очень уж нелепо.

Был епископальный миссионер, живущий в Мацумото; сам из Канады; говорит, что Reverend Shou, ныне ихний archdeacon, был причиною прибытия его в Японию, на службу: когда он, сей Кеннеди, был четырехлетним ребенком, Shou из Японии прислал ему подарок (по приятельству с отцом его) и написал, что он — Кеннеди — может отплатить за него только приездом сюда в качестве миссионера.— По словам его, кроме четырех епископов из Англии и одного (MacKim) из Соединенных Штатов, ныне находящихся здесь, сюда скоро еще прибудет епископ из Канады. В Мацумото у него дело не блестяще, по крайней индифферентности жителей к вере (это и нам известно, ибо посылали туда катихизатора,

но сняли по бесплодности). Из местных жителей у него только один христианин, прочие, человек 12, — пришлые. У него самого жена и ребенок, и жизнь там не скучает. Говорит, что очень хотел посмотреть наш Собор и прочее.

31 августа / 12 сентября 1896. Суббота

Варнава Имамуре, катихизатор в Канума, помер; о. Тит сегодня телеграммой известил. Очень жаль; служил восемнадцать лет беспорочно, хотя и никогда не был бойким и успешным катихизатором. Отличался набожностью и усердием к храму Божию, из своего скупого содержания часто присылал пожертвования на постройку храма. Женился на воспитаннице нашей Женской школы и оставил трех детей: пяти лет, трех лет и только что родившегося. Придется теперь заботиться о его семействе — не бросить же присным такого многолетнего и доброго служителя Церкви.

Приходится платиться за небрежность в речи. С Афонасием Такаи, отправлявшимся после Собора на место службы в Кёото, имела отправиться его мать; пришла она попрощаться в сопровождении дочки Насти, десяти лет; время было отчасти свободное после всенощной, и я ласково принял их и минут двадцать говорил с матерью о воспитании дочери, о том, сколько это стоит, говорил, чтобы отдать дочку в здешнюю Женскую школу, когда она немного подрастет; дал матери и дочке на дорогу в Кёото, последние, кажется, 3 ены. Все это было почти два месяца тому назад. Вдруг вчера получаю письмо от Афонасия, чтобы 3 ены, обещанные его матери на воспитание Насти, передавать его брату Антонию, катихизатору здесь, в Токио. Антоний Такаи сегодня в четыре часа приходил с своею очередною проповедью, приготовленною для сегодняшней всенощной. Говорю я ему: «Ошиблась мать, не поняла меня и в намерении не было у меня назначать 3 ены твоей сестре, но так и быть пусть идет ей 1 ена на „коцкай“; его я буду выдавать тебе вместе с 2 енами» (идущими ему частно от меня). Но во время всенощной передумал я; если ошиблась мать, то прежде всего по моей вине — небрежно и неудовлетворительно говорил, — зачем же теперь причинять ей скорбь? Притом же, оба ее сына, Афонасий и Антоний, недавно кончившие Семинарию, хорошо служат Церкви катихизаторами, а получают — первый 10 ен, второй 8 (и 2 от меня) — весьма скудное вознаграждение, имея на руках мать и две сестры (третья здесь в Женской школе). Итак, после проповеди, произнесенной Антонием по окончании всенощной, я сказал ему, чтобы он не писал матери о ее ошибке; я буду ежемесячно высылать по 3 ены на воспитание его сестры до поступления ее в Женскую школу.

1 / 13 сентября 1896. Воскресенье

Из маленькой Церкви в Котода был очень благочестивый христианин, просил икону для аналая, дана Благовещения, благословил его также двумя малыми иконами и молитвенником.

Сегодня последнюю литургию с певчими пел их учитель, диакон, Дмитрий Константинович Львовский. В пятницу на этой неделе уедет в Россию с семейством — детей в школу отдавать. Едет в отпуск. Желательно, чтобы вернулся, человек очень хороший, искусный учитель пения и не недаровитый композитор. Жена его, Катерина Петровна, — образцовая супруга и мать: при четырех детях управляет без прислуги, и дети всегда сыты; веселы, красивы, бойки, чисты; правда, что за то Дмитрий Константинович у нее и нянька, и слуга, и в то же время не чающий в ней души муж.

2 / 14 сентября 1896. Понедельник

Начал сегодня вставать с трех часов утра, так как дел много накопилось, особенно переписки с Россией.

После обеда съездил в Посольство попросить приложить к семи ящикам с книгами, отправляемых в Россию, казенные печати. Очень любезно обещались де Воллан и Распопов.

3 / 15 сентября 1896. Вторник

Дождь целый день. Воздух холодеет, и больных в школе увеличивается. От полудня до шести часов уложены все книги в семь ящиков, и ящики запаяны и закрыты.

В стране наводнений и беды — больше в нынешнем году, чем прежде. Дороговизна на все растет, оттого и Миссии тяжелее.

4 / 16 сентября 1896. Среда

Наводнения от дождей везде ужасные; о. Игнатий Мукояма, добравшись до Оосака, не может оттуда ни по железной дороге, ни морем двинуться, чтобы добраться до Окаяма: разливы испортили дорогу, бури мешают судам; в Исиномаки на нижних улицах воды три фута; в Батоо четверем христианским домам, очень пострадавшим от наводнения, завтра в знак сострадания хоть по две ены нужно послать; в Нагоя во время урагана, разрушившего множество домов, к катихизатору Петру Сибаяма в продолжении суматохи забрался вор и похитил на 40 ен платья жены и детей; тоже придется послать помощи ен 7. Из Акита катихизатор Павел

Кубота пишет о бывшем там сильнейшем землетрясении, от которого город очень пострадал; христиане, впрочем, целы.

Тогава — редактор, и два бонзы затеяли «Симбокквай» — совместное христиан и буддистов, в Сиба, двадцать шестого числа сего месяца; участники должны внести по 1 ене; к двадцатому числу должен ответить. Я получил пригласительное письмо за подписью всех троих. Разумеется, отвечу, что не буду. Брататься с язычеством проповеднику истинной Божественной веры так же противоестественно и невозможно, как свету соединиться с тьмой.

Сегодня вечером производится «Сообецуквай» уезжающему в Россию учителю пения Димитрию Константиновичу Львовскому. Он был на собрании с детьми, угощался и слушал излияния чувств ребят и их дурное пение, к которому они готовились так усердно. Мы же с Николаем Александровичем Распоповым в это время накладывали казенные печати на семь ящиков с книгами, идущими в Россию; на каждый ящик наложено шесть печатей, которыми припечатан к крышке полотняный лоскут с надписью «Expedition Officielle».

5 / 17 сентября 1896. Четверг

Ящики положено отправить с Димитрием Константиновичем Львовским; он берется разослать их из Одессы по адресам; а из Посольства дан будет ему паспорт с припиской, что он едет курьером с депешами (разумея, ящики). Значит, можно надеяться, что ящики, несомненно, достигнут своего назначения; иначе в Одессе — кто позаботился бы о рассылке их!

Купил я в подарок о. Феодору Быстрову и его семейству шелковых материй три куса, красной с разводами — ему на рясу, темно-зеленой с цветами — Ольге Петровне, светло-серой — дочери; купил еще о. Иоанну Демкину на рясу светло-синего «кохоку»; все четыре куса по 24 кудзира сяку, цена 97 ен 68 сен за все четыре куса. Не жаль для о. Феодора: услуг его Миссии ничем нельзя окупить. Посылку передал для доставки Димитрию Константиновичу Львовскому (послан еще ящик чая Феодору и веер, вышитый Анной Акаси, его дочке). Вероятно, еще в Одессе, в таможене, придется потом приплатиться за посылку.

6 / 18 сентября 1896. Пятница

Ящики, вчера вечером надписанные, сегодня утром увязаны веревками и отправлены на станцию железной дороги для перевозки с ночным товарным поездом в Иокохаму.

Из Уено от анонима похвальное письмо о катихизаторе Павле Судзюки: благотворителен-де и очень сострадателен: о бедствующих очень заботится. Если не приятельская услуга, то очень радостно.

Из Оита письмо в похвалу бывшего там катихизатором Исаяи Мидзусима; видно, что сей еще не оставил мутить тамошнюю Церковь.

7 / 19 сентября 1896. Суббота

В одиннадцать часов учащиеся вместо класса пения собрались в Собор и пропели напутственный молебен своему учителю пения и регенту диакону Димитрию Константиновичу Львовскому и его супруге Катерине Петровне, во службе становившейся вместе с дискантами правого хора и отлично певшей дискантом, с их чадами: Григорием восьми лет, Верой шести, Петром трех и Михаилом одного года. Служили молебен вместе со мной оо. Павел Сато и Роман Циба. Потом отъезжающие позавтракали у меня и в час пополудни отправились на железную дорогу. Ученики еще раньше ушли на станцию, чтобы там попрощаться с ним.

Уезжают завтра утром на французском судне Natal. Я остаюсь опять совершенно один в Миссии, как десять лет тому назад. Но теперь больше помощников из японцев, и я совсем спокоен. Спокоен, впрочем, больше от того, что твердо сознаю, что творю дело не свое, а Божие; пора, наконец, прийти к этому убеждению. А с тем вместе — что же и тревожиться, что нет сил? Хозяин знает про то; в бессилии проявляется сила Божия.

Всенощную сегодня (пред праздником Рождества Богородицы) пели отлично, кроме ирмосов на левом клиросе, но и ирмосы же трудные и не совсем распетые.

Были двое русских, приехавших в кабриолете до начала службы и уехавших по помазании святым елеем; по-видимому, муж и жена, по платью и приемам очень почтенные.

В Церкви Нигава давали катихизатору ежемесячно $1\frac{1}{2}$ ены; но Акила Иису там болен; по-видимому, при смерти, и катихизатор потребовал $1\frac{1}{2}$ ен от Миссии — там некому дать ему сию помощь. Послано сегодня 3 ены за девятый и десятый месяцы. Так-то почти везде оказываются японские христиане несостоятельными, обещают и дадут, а потом назад. Я в отчаяние пришел. Бьешься, как рыба об лед, доказывая им необходимость мало-помалу принимать Церковь на свои плеча: бедные гроши какие-нибудь успеешь выклянчить от них, а потом и это же утащат назад.

Другой пример не хуже: Дзёгецудзуми ли, Оомацузава, Фукуда и прочие составляют одну Церковь под одним катихизатором, который жил обыкновенно в Дзёгецудзуми. Ныне катихизатор Николай Ока нашел, что плодотворнее будет перенести место жительства в Оомацузава: там будут слушатели; тогда как в Дзёгецудзуми их (новых слушателей) нет; но для этого требует $1\frac{1}{2}$ ены прибавки к ныне высылаемому из Миссии содержанию, ибо Дзёгецудзуми уже не будет давать ему $1\frac{1}{2}$ ены, а давало уже много лет. Так-то тут никак не могут понять, что

если дают, то дают Богу, а не людям, и нельзя обета брать назад. Священник Петр Сасагава подтвердил требование Ока; почему послано и ему сегодня 3 ены добавки к девятому и десятому месяцам.

8 / 20 сентября 1896. Воскресенье.
Рождество Пресвятой Богородицы

В служении литургии участвовал о. Павел Савабе. Недавно приходил и говорил: «Я чёосисай (протоиерей), а между тем не знаю, как служить с архиереем, или как руководить посвящаемых; советуют мне, да я и сам вижу, что нужно поучиться. Итак, позвольте мне приходить сюда на литургию; в Коодзимацци теперь без меня есть кому служить». Я, конечно, радушно пригласил его; в прошлое воскресенье он недомогал и не мог служить, сегодня явился. После службы обедал здесь и всегда приглашен на сие; только на него готовится японский стол, иностранного не выносит его желудок.

После литургии были у меня русские, вчера тоже молившиеся, — Семен Андреевич Чертков и жена его Елисавета Николаевна, урожденная сибирячка; из Ханькоу; управляющий чайною фирмою того же имени, пожертвовавший от фирмы недавно, чрез о. Сергия, 600 ен на Миссию. Жена больна грудью, приехала лечиться. Сам Семен Андреевич здоровый и с здоровенною лысиной. Родом он из Тюмени.

9 / 21 сентября 1896. Понедельник

Как ни бережешься в словах и ни стараешься быть точным, перетолковывают и злоупотребляют. Нужны бы диакониссы для Церкви. Путешествуя по Церквам, я искал подходящих вдов и нашел по всем решительно Церквам только двух подходящих, но и тем семейные обстоятельства не позволили поступить на церковную службу. Вдов-то много, и немало их просилось на службу, услыша о моей заботе. Но по испытанию оказывались негодными, то есть или совсем необразованные, или старые, или очень уж вульгарные. Нужно вдов (или девиц, желающих посвятить себя Богу) лет тридцати, то есть не очень молодых, но и не старых; довольно развитых и образованных, с характером вполне подходящим для церковной службы, усердно желающих служить Церкви и искренне благочестивых. Каждая такая, коль скоро найдется, должна поступить в Женскую школу и, живя здесь, пройти нужный ей курс, то есть изучить Догматику и Нравственное Богословие; на память, конечно, не учить, но содержание вполне усвоить, а Священную Историю Ветхого и Нового Заветов и на память усвоить до того, чтобы уметь без книги отлично рассказывать Священные события; также изучить церковное пение, насколько могут, познакомиться с церковною историею,

с литургией и подобным. Года два, значит, каждой нужно прожить здесь. В то же время она могла бы на практике готовиться здесь в городе, привлекая женщин к христианству. Когда бы в продолжение двух лет она здесь подготовилась и в то же время дала узнать себя по всем качествам способною для церковной службы, тогда бы она могла быть в качестве диакониссы назначена на службу здесь, или где потребуется. Служба — в научении женщин и детей христианской вере и нравственности как словом, так и собственным примером.— Все это я говорил на нынешнем Соборе и предлагал священникам и катихизаторам, если усмотрены будут такие вдовы — присылать их в Женскую школу. И вдруг вчера получается письмо от о. Сергия Судзуки из Оосака, что «в Кодзима вдова сорока четырех лет Феодора Уцида желает служить Церкви, так чтобы назначить ее „ходзё“ (помощницею к катихизатору) и дать 4–5 ен в месяц содержания». Так-то понимают и меня, и нужды Церкви мои ближайшие помощники! Я отписал ему сегодня по-русски (ибо понимаю, как кончивший здесь семинарский курс), что если поступить по его просьбе, то у нас все вдовы, какие только есть по всем Церквам, скоро очутятся на содержании Церкви в качестве диаконисс; или же дрязг и злословия не оберешься от тех, которые не будут приняты. Да и как которую не принять? Сам же он пишет, что Феодора необразованна, может читать только молитвенник, а таковы, вероятно, и все наши вдовы. Написал ему, что всякую просящуюся он должен тщательно испытать и лично убедиться в ее годности. Пусть испытает во всех отношениях и сию Феодору, которую он представил по рекомендации (плохого) катихизатора Макария Наказава и одного христианина; если найдет ее годною, пусть пришлет сюда в школу; но пусть также не забывает, что если она окажется здесь негодною, то будет отослана обратно на счет его, о. Судзуки: дорожные ее будут вычтены из его содержания.

10 / 22 сентября 1896. Вторник

Японский гражданский праздник; не учились.

Катихизатор Симеон Оота из Оонума пишет, что иные из тамошних христиан и имена свои забыли, другие выражаются, что у них «синкёо-ясуми» (религиозные каникулы — ни мысли, ни дела по религии). Так-то оставлять новых христиан без катихизатора! Поручены были они катихизатору в Ооцу, но где же ленивому заведывать двумя местами! И были овцы без пастыря. А катихизатор есть, хоть и очень плохой, или юный (как сей Оота), христиане сохраняются, хоть бы Церковь и не возростала.

Моисей Симотомае, из Саппоро, описывает свое путешествие с о. Николаем Сакураи в селение Хоромуи, недалеко от Саппоро, к тамошним христианам и то, как в ту же ночь, когда они прибыли, четыре

медведя напали на селение, причем хозяин их лишился лошади, задранной медведем.

Тит Айзава из Куроиси извещает, что умершего там одного христианина родные, язычники, не дали похоронить по-христиански, а справили буддийские похороны. Что делать!

Из Оогаки от Матфея красноречивое описание наводнения. Он спасся в доме через улицу, на втором этаже, у редактора местной газеты. Вода подходила под второй этаж. Церковное и его личное имущество все подмочено. Послал ему сегодня 10 ен.

11 / 23 сентября 1896. Среда

О. Матфей Кагета пишет, что Тит Кано, молодой катихизатор из кончивших курс Семинарии, стяжал в Ханда любовь и уважение за ясность и дельность своей проповеди. Очень приятно; похвала о. Матфея — золото, как редкость. В том же письме он совсем забраковал старейшего из катихизаторов Павла Окамура: «Негоден-де для Хамамацу, куда только что поступил, проповедь его самого низкого качества»; а о Петре Моцидзуки, катихизаторе в Удзуми и Накасу, выражается, что он уж совсем ни к чему не годен. Впрочем, и не неправ.

О. Борис Ямамура пишет о другом кончившем Семинарию катихизаторе Моисее Сираива, но в другом роде, в долги вошел, и о. Борис просит помочь ему. Нельзя. Получает 12 ен, имеет в семье, кроме жены, только что родившегося ребенка; имеет еще отца здесь, в Токио, но этому я помогаю — 2 ены в месяц даю. Как же другие катихизаторы семейные и на 8 ен живут? Помочь ему было бы несправедливостью к другим. Пусть по одежке протягивает ножки. Притом же ленивый и бесплодный катихизатор.

Сегодня приняты, хоть с запозданием, в Катихизаторскую школу один от о. Якова Такая, в Семинарию — один, тринадцатилетний сын бывшего катихизатора Петра Саваде, Михаил, младший брат ныне служащего катихизатором Павла Саваде. Павел привел ныне с родины, из Акита, его и мать, которая будет жить у него в Коодзимаци, где он состоит проповедником.

12 / 24 сентября 1896. Четверг

Утром немного помешали переводу гости: две дамы из Владивостока, три мичмана и о. Александр с крейсера «Димитрий Донской», который доставил сюда из Владивостока нашего министра путей сообщения, князя Хилкова, уже уехавшего в Америку по пути в Россию. Хилков осматривал постройку сибирской железной дороги и говорит, что в 1901 году будет готова вся она. Переправка иностранной почты через

Сибирь начнется уже с будущего года, об этом почтовые компании условились с Хилковым.

Иеромонах крейсера о. Александр оставался у меня до вечера; он родом из Тверской губернии, из фамилии дворян Казимовых, пробыл десять лет в Валаамском монастыре; по-видимому, очень хороший монах.

Савва Ямазаки усердный и благочестивый катихизатор, но рассеянный, небрежный, неряшливый — каковые черты тоже немало вредят делу: не любят за это Савву нигде; из Иеногава просили убрать его; ныне он в Сиракава и письмом сегодня полученным просит послать в Иеногава книги, и немало, взамен растерянных им; обещает постепенно уплатить за них — как же, жди уплаты! Книги, впрочем, будут посланы.

13 / 25 сентября 1896. Пятница

Вчера кончили Послание к Галатам; сегодня приступили к Посланию к Ефесянам и за все утро, с половины восьмого до двенадцати, только восемь стихов перевели, на девятом остановились и, кажется, годы думай — не переведешь; все тексты сличил, все толкования пересмотрел и до сих пор не знаю, к кому «благоволение» относится: к Богу Отцу или Сыну.

Накай, укладывая письменные принадлежности, смеясь заметил: «Так-то трудно Священное Писание для понимания! А чаще всего приходится слышать (от язычников): „киу-син-яку гурай ёмимасита“... и как будто это такая легкая для чтения и понимания вещь, что об ней уж и говорить не стоит».

После полудня был капитан с «Дмитрия Донского», говорил, что Корея успокоилась ныне, освободившись от давления Японии, что Король скоро перейдет из Русского Посольства в свой Дворец, выстроенный, однако, насупротив Русского Посольства и огражденный с обеих сторон казармами, в которых будут жить войска, образованные русскими инструкторами; так еще он боится опять попасть в руки японцев!

14 / 26 сентября 1896. Суббота.

Праздник Воздвижения

Служба обычная. За литургией были с «Дмитрия Донского» о. Александр, ибо на судне сегодня не могла быть служба, и шесть офицеров, только опоздали, в конце пришли; собственно певчих они хотели послушать, что не совсем удалось.

До литургии было крещение двоих, мужа и жены, живущих здесь же, в Канда; за литургией они приобщены.

Между офицерами сегодня был мичман Завойко, высокий и красивый молодой человек, которому всего девятнадцать лет, — внук адмирала Завойко, знаменитого Приамурского края, — пионера-устроителя края; до сих пор он еще жив, недавно справлял семидесятипятилетие своей службы.

15 / 27 сентября 1896. Воскресенье

О. Павел Морита просто морит своими письмами! О самом простом и несложном предмете валяет всегда убористым почерком многие листы. Ныне второй раз уже доказывает, что Даниилу Хироока нужно остаться для проповеди в Токусима (где, кстати, у него отец, да еще больной), а не идти в Томиока, куда сам же о. Морита просил на Соборе назначить его. Пусть! Где бы ни был, все равно мало полезный катихизатор; сам больной, жена больная, или рождает, способностей мало, молодости много.

16 / 28 сентября 1896. Понедельник

Первая глава Послания к Ефесеям до того неодолима для понятного перевода на японский, что я впал в отчаяние — вся энергия пропала, руки опустились, и я бросил сегодня переводить. Кстати, и корреспонденцию нужно исправить, совсем одолела, встаешь в три часа, отчего еще больше утомляешься и делаешься неспособным к переводу. И собравшиеся письма перечитал; ничего нет путного, только денег со всех сторон просят, да еще один катихизатор ушел со службы — Иоанн Иноуе, довольно способный молодой человек; если справедлива причина, что по болезни жены, то жаль: только что женился, и жена страдает кровотечением; впрочем, может просто мир возлюбил; из Каназава до сих пор путных почти никого.

17 / 29 сентября 1896. Вторник

С Формозы христианин, полицейский, пишет, что как прежде христиан презирали, так теперь почитают и уважают их, ибо находят, что на них можно полагаться, язычники же без правил и потому ненадежны. Посланы ему иконки и несколько христианских книжек.

18 / 30 сентября 1896. Среда

И сегодня целый день занят был корреспонденцией; перевода не было. Кроме того, день расчетный — постоянно входят и выходят.

19 сентября / 1 октября 1896. Четверг

Сдал на почту, наконец, корреспонденцию касательно посылки книг Миссии в Россию и просьбы о возмещении книг оттуда в Миссию. Пакеты с каталогами и письмами в семь учреждений пошли: в Императорскую Академию Наук, в Императорскую Публичную Библиотеку, в библиотеку Румянцевского Музея в Москве и четыре Духовные Академии. Обер-Прокурору Константину Петровичу Победоносцеву послал каталог и копию письма к непременно секретарю Ак. Н. [Академии Наук]; его также просил содействовать пожертвованию книг, сходно Миссионерское Общество попросил помочь отправке книг сюда, если пожертвуют из Москвы и из Сергиева Посада. Порядочно-таки отняло времени все это дело. Зато, вероятно, будет и вознаграждение. Увидим.

О. Симеон Мии, из Кёото, длиннейшее письмо прислал в ответ мое требование поставить одного из его катихизаторов в Нара, или Оцу, Мива, Удзи — все места, к Кёотскому приходу принадлежащие; доказывает, что нигде теперь не будет успеха, ибо все до того пострадали от наводнений, что долго не оправятся, а до тех пор ни у кого и расположения не может быть к слушанию; в Кёото же оба катихизатора непременно нужны и так далее. Ладно, пусть будет так пока.— Собирается о. Мии поехать посетить и утешить христиан в Тамба и Танго, пострадавших от наводнений. «Но утешение только на словах-де мало утешительно; следовало бы помочь; все своим помогают»... Послал ему 30 ен вместо обычных дорожных 12-ти; пусть это разделит пострадавшим, если не в виде помощи, то в знак сострадания; впрочем, у нас там христиан совсем мало, а пострадавших между ними всего, кажется, домов пять-шесть.

Вечер за переводом не одолели: у Накая очень зубы разболелись, у меня, опять кажется, инфлюэнца. Едва первую главу к Ефесеям кончили.

20 сентября / 2 октября 1896. Пятница

Утром перевод шел хорошо; вечером должен был прекратить — больно говорить, и если проговорить подряд три часа, горло надолго можно испортить. И потому Накай пошел читать с Оогоем переписанный сим экземпляр Второго Послания к Коринфянам.

Простудился я, очевидно, ходя в три часа ночи обливаясь водой. На будущее время прекратить это: обливаться безопасно можно только до праздника Рождества Богородицы. После этого уже делается холодно и, вставши с теплой постели, выходить на холод и там еще забнуть,— в результате вот и сиди с больным горлом, а может, и с целой инфлюэнцей.

После обеда раздосадовал учитель гимнастики; просит прибавки жалованья (к 10 енам), а сам ленив до крайности. По причине дождливой

погоды все это время ученики упражняются в доме, в нижней классной, разделенные на две очереди, по невозможности всем за раз, по получасу; но сегодня я наблюдал по часам, и оказалось, что младшее отделение упражнялось всего шесть минут с четырьмя перерывами, старшие — двенадцать минут; все прочее время учитель изволил ораторствовать разный вздор да рисоваться позами. Из моей комнаты, чрез коридор, все слышно и видно. Я его выбранил и объявил, что если не будет упражнять учеников из полчаса двадцать минут, оставляя десять на перерывы и отдыхи, то будет рассчитан.

Павел Сайто из Бато пишет, что 8 октября будут торжественные похороны праха воина Кирилла с отличием сражавшегося в Китае и потом умершего на Формозе, откуда ныне получена урна с его пеплом; похороны будут от города с участием всего местного начальства и всей знати, человек тысяча соберется. Будет отпевать о. Тит; но просит Сайто, чтобы прислан был еще отсюда диакон и дано хорошее облачение, в том числе пять стихарей; за престольный крест будет принесен из Уцономия, гробный покров заимствован из Карсуяма (только что выписанный из России от Жевержеева). Просьба будет удовлетворена, как по торжественности, так и потому, что Кирилл был хороший христианин, умел и публично защищать свое христианство.

21 сентября / 3 октября 1896. Суббота

Между грехами, несомненно, будут взысканы с нас и грехи глупости; совесть про то говорит, да и разум — самая первая наша способность, и если не пользуемся им, значит виноваты. По глупости ведь большая часть болезней у нас; по глупости вот и я простудился и ныне должен был скучать весь день: утром переводить не мог — голоса совсем нет, вечером ко всеобщей не мог идти, боясь больше простудиться, и завтра служить не могу — сколько упущений прямых обязанностей, и все из-за глупости.

Вечером из комнаты, перевода расписки, слушал отдаленное пение, тихо лившееся из Собора. Имел еще следующее утешение: во время всеобщей только один кто-то, должно быть, из Катизихаторской школы, вышел из Церкви; прочие все ученики были с начала до конца в Церкви; в прошлом году этого не было, когда я тоже сидел в комнате больной во время богослужения, то и дело по коридору раздавался топот выбегавших из Церкви учеников. Значит, от Кавамото все же есть польза, как я ни недоволен им за его постоянное противление самым резонным моим указаниям.

22 сентября / 4 октября 1896. Воскресенье

Утром призвал Кавамото и сказал ему благодарность по поводу выше замеченного; сказал ему, чтобы запретил ученикам подниматься в

«зори» во второй этаж: лакированную лестницу и пол второго этажа коридора загрязнили до безобразия; пусть велит вымыть, и потом чтобы зори оставляли внизу.

К обеду идти не мог: кашель, хрипота и насморк; к счастью, не инфлюэнца; доктора звать не нужно, само пройдет.

От обедни зашел генерал Соломко, опять появившийся здесь; послал карточку ему с надписью, что не могу видеть его по болезни.

Потом принесли купленные для Семинарии физические и химические инструменты, поручил Кавамото принять их, ибо и в библиотеку выйти не мог: слякотная, дождливая погода весь день.

Перед вечером были: отъезжающий секретарь Посольства, в Нью-Йорк назначенный, Григорий Александрович де Воллан и вновь на его место сюда приехавший секретарь: первый проститься, второй познакомиться; повидался с ними.

Чтобы дать покой горлу, не переводил сегодня вечер, а писал письма.

Телеграммой попросили диакона в Исиномаки — Синден к отпеванию умершего там. Послан диакон Стефан Кугимия.

23 сентября / 5 октября 1896. Понедельник

Утром и вечером шел перевод; горлу легче, только от говоренья кашля немного; если бы не шел беспрерывный дождь, было бы поправление скорей; во всяком случае, от длинной и скучной инфлюэнцы Бог избавил.

Опять несчастье: Симеон Оота, молодой, только что вышедший из школы катихизатор, кажется, начинает мешаться в уме, наподобие Василия Мабуци; как пишет Петр Мисима из Мито. Поскорей нужно послать туда о. Фаддея рассмотреть: есть ли это только душевное расстройство от неладов с христианами в Церкви Оота, то послать Семена в другое место, например, в Канума; если помешательство, то сдать родным, какие у него найдутся.

О. Иоанн Катакура хвалит Фому Ооцуки, катихизатора в Иваядо и Хитокабе; очень рад я, ибо Фома до сих пор был весьма малодетелен; боюсь только, чтобы не оказалось это заявлением себя на новом месте.

Просит о. Катакура помощи катихизатору Якову Ямануоци, пострадавшему в июне от волны, на обзаведение более теплых спальных принадлежностей. Я назначил было 10 ен (письма читал с Давидом Фудзисава), но после секретарь Сергей Нумабе приходит и говорит, что «много, довольно было бы и 6 ен». Я согласился и 6 ен выдал для отправления завтра.— В сущности, письмо-то о. Иоанна Катакура я мало слышал, слушающая в то же время, как преподается (в классной, чрез коридор) гимнастика учителем, которого я недавно выбрал за леность. Сегодня преподавал хорошо.

Р. С. После оказалось, однако, что преподавал не учитель, которого совсем не было, а один из старших учеников.

24 сентября / 6 октября 1896. Вторник

В Уцуномия помер христианин Яков Нагасава, бывший до последнего времени столпом тамошней Церкви по благочестию (по состоянию довольно зажиточный часовщик); в последнее время помешавшийся в уме, и то каявшийся, то отрекавшийся от веры. Царство ему Небесное! Завтра отправятся отсюда два певчих на погребение его, которое совершит местный о. Тит Комацу; взяли отсюда и гробный покров.

О. Павел Морита извещает о другой печальной кончине: в Вакимацци повесилась жена тамошнего главного христианина Иоанна Огата, старика. Тоже была помешана и часто хотела лишиться себя жизни, но за нею наблюдали; теперь как-то не устерегли, и случилось несчастье. О. Морита похоронил ее по-христиански. Вероятно, сошла с ума от печали по сыне: больше десяти лет тому назад уехал в Америку учиться, потом очутился в Австралии, откуда несколько лет об нем ни слуха, ни духа.

25 сентября / 7 октября 1896. Среда

О. Борис Ямамура просит прибавить содержания Моисею Сираива — задолжал-де. Нельзя. Получает, как кончивший курс Семинарии, высшее катихизаторское содержание — 12 ен, а в семье только жена и малютка (отец здесь особо получает помощь от меня). Пусть научится экономии, или же приобретает любовь христиан, чтобы от себя тоже давали ему: а в Хацинохе Церковь давняя, и христиане могут это делать. Впрочем, ради просьбы о. Бориса, 5 ен одновременно послано.

Генерал Соломко с женой-француженкой приезжали проститься: едут в Европу. И костил же генерал все во Владивостоке — железную дорогу (всю уничтоженную разливом), док (течет), властей (все немцы) и прочее.

26 сентября / 8 октября 1896. Четверг

О. Николай Сакураи хвалит нынешнего катихизатора в Саппоро Моисея Симотомае, очень доволен его ревностью, уверяет, что он не будет больше погрешать выпивкой — «дал-де подписку в сем» и просит исколотать, чтобы родители жены его в Фукуока прислали ее к нему. А о. Борис пишет, что сколько ни уговаривал он родителей, не соглашались отпустить к нему их дочь. Очень жаль. Симотомае — отец, что в Фукуока, — взбалмошный человек, закон ему не писан, может довести

дело до развода («не послушаю-де в сем ни священника, ни Епископа», — слово его), не имея никаких законных причин на то.

27 сентября / 9 октября 1896. Пятница

Чистоту у учеников Семинарии мы завели... До сих пор поднимаясь в зори на второй этаж, они загрозили лакированную (заднюю) лестницу и коридор вверх так, что скоро уж нужно бы подняться в гета. Теперь коридор и лестницу вымыли, строгое приказание, чтобы в зори не поднимались, отдали; ящики для колодок и зори внизу всем определили. Во всем этом мы с Кавамото действовали единодушно, наконец, — после целого месяца непослушания его (ибо месяц назад я говорил ему не позволять ученикам подниматься в зори наверх); и будет, кажется, теперь опрятность.

Преподаватель в Семинарии и Женской школе химии (первых начал) и физики Янагита (язычник, ибо, к несчастью, христианина-преподавателя по сим предметам мы не имеем) представил о необходимости приобретения инструментов. Приобретены в довольно полном составе химические и физические инструменты, более чем на 260 ен.

Слава Богу, простуда совсем прошла; вчера и сегодня выходил из комнаты без всякого вреда. Вперед побережемся.

28 сентября / 10 октября 1896. Суббота

Из Оказаки Василий Таде пишет, что Церковь там в спячем положении (значит, Павел Кагета сам же большею частью и образовал ее, сам же и усыпил); теперь-де начинает несколько пробуждаться: собрания (симбокквай) возобновляются, два-три новых слушателя есть. Дай Бог! Только, потревоживши немного, не усыпил бы опять и Таде? Он тоже из консерваторов-катихизаторов (неподвижных, годных только для хранения, а не для развития), как и Павел Кагета, хотя оба они — достойные в своем роде катихизаторы.

Иоанн Като из Мацуяма на Сикоку пишет про своего предшественника Иоанна Иноуе, ныне уже оставившего катихизаторскую службу. Письмо длинное и весьма печальное. Сущность та, что Иоанн Иноуе недолго пробыл там проповедником, скоро превратился в развратителя: прижил ребенка с одною, блудодеял с другой и, наконец, с третьей, от которой потом, впрочем, не мог отвязаться, — ныне она его жена. Говорил всем, что, мол, не один я так живу, а и все катихизаторы то же делают; рисовал непотребные картины и дарил на память. Два христианина, видя все это, ушли из Церкви обратно в язычество — там-де честнее. Прежде нас методисты образовали свое общество в Мацуяма, но их проповедник тоже развратился и компрометировал свою Церковь до

того, что она пришла в упадок до совершенного ничтожества. Ныне с нашим катихизатором та же история. Като пишет, что дело христианства надолго в Мацуяма потеряно. Просит он еще уплатить долг, оставленный Иоанном Иноуе; долг небольшой — 6 ен 80 сен; но уплатить нельзя, тогда все катихизаторы потребовали бы уплаты долгов, истинных или мнимых; мол, если такого, как Иоанн, долг уплачен, то как же мой может остаться неуплаченным от Церкви? — А сколько было надежды на этого Иоанна Иноуе! Окончил курс первым в Катихизаторской школе, всегда казался благочестивым и серьезным и талантами его Бог не обидел; говорил ли, писал ли — являл себя мастером. Твердо знал я, что молодого человека одиноким (холостым) вдаль посылать опасно, но касательно такого человека-де, как Иоанн Иноуе, это опасение не имеет места. Притом же так убедительно толковал я ему стоять на высоте своей службы; жениться, мол, можешь во всякое время, как пожелаешь, на любой невесте из Женской нашей школы; и действительно прочил за него Макрину Асакура — лучшую и по уму, и по характеру из наших юных учительниц... Не нужно забывать, что фарисейство существует и в Японии не менее, чем везде. Особенно нужна осторожность с уроженцами Каназава: немало уже вышло оттуда надувателей, а хороших еще нет.

29 сентября / 11 октября 1896. Воскресенье

Илья Накагава пишет, что в его округе, в Эбисима особенно, возбудилась сильная ненависть против христианства, даже общество составилось защитников буддизма против христианства; но это-де только признак, что Христово учение начинает глубже занимать народное внимание; в противовес, немало язычников, которые, еще не зная христианства, становятся защитниками его против злобных нападений.

Жена о. Игнатия Мукояма, Лукия, пишет, что во время переправки их имущества из Такасаки в Окаяма из коробов украдено все платье. Жалуются, но едва ли разыщут. Завтра послать 10 ен помощи.

После обеда был в Посольстве, чтобы отдать визит вновь прибывшему секретарю Александру Сергеевичу Сомову. Человек, по-видимому, очень хороший; жаль только, что женился на немке-австриячке, католичке, и по-русски не говорящей.

Пред литургией сегодня крещено десять человек.

30 сентября / 12 октября 1896. Понедельник

В девять часов оставил перевод и уехал в Иокохаму разменять и сдать в банк деньги, из казны пришедшие на первое полугодие 1897 года. В Hand Sh. Bank'e размен оказался на 60 долларов больше, чем в Chartered, и потому в первый сдал, но тут же взял 10 000, чтобы в Мацуи

Банке, в Токио, положить на год на проценты, что и сделал по приезде в Токио. Дорогой познакомился с капитаном Генерального Штаба Владимиром Константиновичем Самойловым, присланным сюда изучать японский язык и знакомиться с военным состоянием Японии.

В Июкохаме поднимался я на Bluff, чтобы сделать визит полковнику Н. И. Янжулу, но застал его с семейством за завтраком, не захотел беспокоить и оставил карточки ему и жене.

Всенощную пред завтрашним праздником Покрова Пресвятой Богородицы служил о. Роман; на литию и величание выходили три священника — о. Павел Сато во главе. Певчие на правом клиросе под регентством Иннокентия Кису пели небрежно, иногда даже разнить начинали. Этому отсутствию Львовского заметно.

1 / 13 октября 1896. Вторник.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

Литургию совершали со мною оо. Савабе, Сато, Юкава и Цибя. В Церкви, между прочим, была какая-то русская мать с дочерью и сыном; ушли прежде, чем я успел разоблачиться.

С половины девятого утра дождь рубит, ни на секунду не переставая, вот до половины десятого вечера.

Женское благотворительное общество наше праздновало сегодня десятилетие своего существования. В квартире Павла Накаи, секретаря общества, собрались члены; о. Павел Сато отслужил благодарственный молебен, о. Павел Савабе потом панихиду по умершим членам, как о. Анатолии, графине Ольге Евфимовне Путятиной и прочим. Более тысячи ен за десять лет прошло чрез руки Общества бедным — немало утерто слез. Благодарение Богу и за это!

2 / 14 октября 1896. Среда

Третьего дня получил записку из Hand Sh. Bank'a, что мое «endorsement of the draft is not in order», и поэтому просят побыть в банке исправить. Поехал сегодня (кстати, чтобы и взять денег на завтрашнюю построечную расплату); оказывается: подписывая вексель и в то же время разговаривая с кассиром касательно размена ен, я в имени пропустил букву, написал «Niolas», что было причиною вызова. Урок: подписывая векселя, не разговаривать, иначе заплатишься тремя енами, как я сегодня, на дорогу в Июкохаму и обратно. Впрочем, погода была отличная, и прогуляться было приятно; убытка же для дела не произошло, ибо утренний перевод весь был кончен; поехал я в двенадцать и вернулся в половине четвертого.

3 / 15 октября 1896. Четверг

О. Иов Мидзуяма из Исиномаки описывает кончину и погребение Стефана Оота; письмо отдано для напечатания в «Сейкёо Симпо». Стефан был человек замечательно благочестивый; будучи очень занят по службе в «Квайся» и разным делам, никогда не забывал ни утренней, ни вечерней молитвы, и вел себя совершенно по-христиански. Умирая, просил, чтобы похоронили его с соблюдением всего христианского обряда, даже чтобы диакона выписали из Токио, что и исполнено было: диакон Стефан Кугимия ездил на похороны.

Из Сидзуока Иоанн Огура, очень страдая от головной боли, просит помолиться за него. Пошли ему, Господи, облегчение!

4 / 16 октября 1896. Пятница

Павел Сайто из Батоо пишет, что в похоронах воина Кирилла Хоси с о. Титом участвовали бонзы и каннуси, но что об этом подробно сам о. Тит напишет. Интересно! Впрочем, так как похороны были общественные, служили выражением патриотических чувств местного населения, почти сплошь еще язычествующего, и предприняты были по инициативе властей — тоже язычников, то присутствию бонз и каннуси удивляться нечего; только, вероятно, они были зрителями, исполнителем же — один о. Тит. Письма его о сем еще нет.

Что за неодолимые трудности для перевода в первой и второй главе Послания к Колоссянам! Вчера и сегодня мы бились до упаду, дошли до девятого стиха второй главы, и на душе прескверно, ибо перевод не удовлетворителен до крайности! Точно золотую цепь неподражаемого искусства невежественно и святотатственно разрубили на малые безобразные кусочки!

5 / 17 октября 1896. Суббота

Японский гражданский праздник осенней жатвы; классов не было, и мы с Накаем не переводили.— Из России получен ящик с литографическими иконами Божией Матери для молелен и домов — литография Троице-Сергиевой Лавры.

По более подробному описанию похорон Кирилла Хоси, в Батоо, полученному сегодня, оказывается, что участие бонз и каннуси в погребении состояло в том, что они прочитали свои патриотические приветствия душе воина Хоси.

О. Борис Ямамура вторично пишет, что Симотомае, в Фукуока, несмотря на то, что уговаривали его два дня, никак не согласился примириться со своим приемышем Моисеем, катихизатором в Саппоро,

сыном о. Тимофея Хориу, находит его недостойным приема, разрывает с ним на этот пункт; но согласен усыновить его сына, ныне еще младенца, и сделать его своим приемышем и продолжателем рода Симотомаев, если Моисей отдаст своего сына для сего, а сам добровольно откажется от приема и фамилии Симотомае, то он — отец, старый Симотомае (тоже по имени Моисей), — пошлет к нему жену. О. Борис спрашивает, если катихизатор Моисей Симотомае согласится на отчуждение его усыновления и таким образом примет на себя позор пред всеми знающими его (ибо быть выключенным из дома, в который вошел будущим хозяином, действительно позор), то не будет ли это вместе и отчуждением от катихизаторского служения? Просит скоро ответа. Зная старого Симотомае за человека взбаламошного, своенравного и капризного (он когда-то учился здесь в Катихизаторской школе, куда явился странно и вел себя так, что был посмешищем для всех) и до сих пор не имея никакого ясного представления, за что собственно не возлюбил он своего приемыша, которого жена его, дочь старого, любит, я не усомнился тотчас же ответить, что отчужденный от приема Моисей, будет уже Хориу, может оставаться тем же катихизатором, каким состоял доселе и будет всегда служителем Церкви, лишь бы вел себя достойно сего звания. (Он пил и ленился, но о. Николай Сакураи уверяет, что больше не будет сего; Моисей дал подписку более ни капли в рот не брать). Сильной же привычки пить у него не могло образоваться уже потому, что скудное катихизаторское жалованье не позволяет сего; долгов же за ним не слышно; значит, во всяком случае, он не пьяница.

6 / 18 октября 1896. Воскресенье

После обедни были: приказчик Симеона Танака в Тоёхаси; говорил, что Павла Цуда там любят, новые слушатели у него есть, Церковь в порядке; Анна Акаси, жена катихизатора, просила прибавки содержания мужу; обещался я спросить в Женской школе, не нужны ли еще учительница шитья и вышиванья; если можно дать ей уроки, то и прибавка к содержанию будет; жена катихизатора Василия Ивама просталась, едет к мужу в Такасимидзу: давно пора; жена переводчика Алексея Китагава благодарила за помощь — рад, что поправилась, а была опасность, что совсем помешается от беспутства мужа.

В третьем часу был поверенный в делах Шпейер. Говорил, что Корея наши дела плохи, — Вебер глупит, стоит за американцев, американские миссионеры обошли его; не любит французов, которые жалуются, что он способствует раздаче разных концессий американцам и устраняет их, французов, и прочее. Говорил и многое другое (о князе Лобанове, бывшем министре иностранных дел и нашем здесь, который будто бы

совсем не годен для дипломатической службы, о долгах Хитрово, то же Устинова и прочих); просидел полтора часа.

7 / 19 октября 1896. Понедельник

Послал прошение в Святейший Синод о награждении диакона Дмитрия Константиновича Львовского за пятнадцатилетнюю службу здесь.

О. Фаддей Осозава вернулся с обзора части своих Церквей и успокоил меня, по крайней мере, насчет Симеона Оота в том, что он не обнаруживает признаков умопомешательства, а просто у него головные боли и упадок духа от неладов с христианами в Оота; о. Фаддей перевел его в Акуцу, где еще нет катихизатора по болезни назначенного туда Иустина Мацуура.

О. Феодор Мидзуно пишет, что Тит Уехара тайно ушел из Нагаока, где был катихизатором, продав не ему принадлежащие принадлежности катихизаторской квартиры, а Иоанн Иноуе, что катихизаторствовал в Мацуяма, развратился там, ушел к протестантам. Таковы люди Каназава! Оба оттуда.

О. Павел Сато приходил просить завтра на празднование восьмидесятилетия его матери, которая в таких летах так еще бодра, что по дому справляет все женские работы. Гости будут только свыше шестидесятилетние, к которым и я принадлежу.

8 / 20 октября 1896. Вторник

После обеда, осмотрев постройку и рисунок печи в ванной, утром сегодня принесенный Кондером, зашел поздравить мать о. Сато и снес по японскому обычаю конфет в 1 ену, потом отправился в Посольство навестить больного старшего офицера с «Дмитрия Донского» господина Князева, страдающего невралгией седалищного нерва. Проговорили с ним часа два; человек очень гуманный, любящий матроса и берегущий его; дай Бог побольше таких офицеров!

Вечером перешли к переводу Послания к Фессалоницийцам.

9 / 21 октября 1896. Среда

Был Оосакский Bishop Awdry, просил статистических данных нашей Церкви; я дал ему книжку протоколов Собора нынешнего года. Заговорил он о взаимных симпатиях наших Церквей — Англиканской и Греко-Российской, о том, что Примас их присылал епископа на Коронацию и писал к Печерскому Митрополиту. В сегодня полученной почте, в Церковном Вестнике, я только что прочитал это письмо и ответное нашего митрополита.

— Да что пользы? — возразил я. — В любви мы изъясняемся, и издавна уже...

— Константинопольский и Александрийский Патриархи тоже очень любезны к нам, — перебил он.

— Знаю и памфлеты о сем читал. Но подвинулись ли мы на один шаг друг к другу с тех пор, как стали объясняться во взаимной любви? Нет! Отчего? Оттого, что совершенно косны в другом отношении. Вера Христова не любовь только, но и истина, и даже прежде всего истина, потом любовь. Вы стараетесь ли уяснить себе это? Мы вас знаем, вы знаете или нас? Знаете ли, что у нас Христова истина хранится так, как она дана Христом, так что каждый наш догмат можете по векам довести до уст Апостольских, равно как что изрекли уста Апостольские — найдете все до точности сохраненным у нас? Доказательство, что именно у нас живая и действенная Христова истина, у вас пред глазами; вы найдете в книжке протоколов статистику нашей Церкви; подумайте, кто творит успех нашей Церкви? У вас под рукой сколько миссионеров?

— Двенадцать священников, много миссионеров...

— У вас одного.

— Да.

— Стало быть, в пять раз больше во всей епископальной Миссии в Японии. У нас ныне — ни единого русского; я один, но и то не занимаюсь проповедью. Кто же делает нашу Церковь такою, как она есть? Очевидно, сама Истина, живущая в Православной Церкви.

И так далее — довольно длинный разговор, в котором я советовал ему стараться об образовании в Англии Общества молодых и даровитых людей для изучения русского языка и Православного Богословия, и проведении сведений о православии в народ; потом о возбуждении мысли созвать Вселенский Собор, на котором, уже приготовленная к тому, Англиканская Церковь приняла бы утраченные православные догматы, а Православная Церковь благословила бы и сделала законной Англицкую иерархию. Bishop Awdry отвечал излияниями, из которых я увидел только, что толковать о подобных вещах бесполезно.

10 / 22 октября 1986. Четверг

Софроний Оота, катихизатор в Эдзире, просит разрешения жениться на Марии Моцидзуки из Сакасита, которую прогнал от себя муж больше двух лет тому назад; пишет, что о. Матфей Кагета, у которого в настоящее время находит себе приют Мария, одобряет этот брак. Я потребовал от о. Матфея твердого засвидетельствования предо мною, что возврат Марии к мужу совсем невозможен, то есть он уже живет с другой женщиною. Если последнее и еще если лета ее и Софрония не очень разнятся, то я вполне буду согласен разрешить брак.

Призвал сегодня, наконец, глазного врача, соседа, чтобы он испытал мои глаза и определил номер очков, так как у меня глаза с разными фокусами зрения. Приходится оседлать нос: мелкой печати, особенно по вечерам, не могу разбирать, между тем постоянно нужно заглядывать в Вульгату и другие мелкопечатные тексты. Как всегда думалось, что в шестьдесят лет придется надеть очки, так и вышло.

11 / 23 октября 1896. Пятница

Утром Кавамото донес, что Тихон Комагамине, один из учеников Семинарии седьмого курса, бежал, оставив письмо, в котором объясняет, что по семейным обстоятельствам делает это. То есть отец его, изменяя своему обещанию предоставить сына вполне в распоряжение Церкви, сманил его, лишь только увидел, что сын вырос и воспитан Церковью настолько, что он может извлекать из него денежную пользу. Впрочем, не особенно жаль: мало способный был; жаль только, что находятся такие бессовестные христиане.

Но есть христиане и другого сорта: сегодня получил с почты 20 ен, присланные христианами Церковей Камаиси и Ооцуцу на гробный покров из России. Деньги эти из жертвованных им после июньской волны, от которой оба эти города, особенно первый, пострадали ужасно; деньги эти, конечно, нужны им очень на их домашние нужды, без чего бы и не были даны им; и однако ж они жертвуют их сами на церковное дело.

12 / 24 октября 1896. Суббота

О. Симеон Мии описывает свой объезд по Церквам в провинции Тамба и Танго. Наводнения сильно опустошили эти провинции. Дом Иустина Исивара (члена Парламента), недалеко от Сонобе, например, «дом огромный разрушен так, что нет надежды на поправку, и Иустин ищет себе другое помещение». «Город Укуци представляет жалкий вид: третья часть города кое-как восстановлена, и жители занимаются своими ремеслами; остальная часть в полуразрушенном виде и до сих пор открывают трупы погибших». О. Мии зашел здесь в городское правление и сделал пожертвование на бедных — 10 ен. Христиане везде блюдут веру; почти везде исповедались и приобщились Святых Тайн. Христиане Таизамура очень просят постоянного катихизатора; Иоанн Иноба из Миядзу ежемесячно посещает их, но они не удовлетворяются этим, притом же есть язычники, желающие научения. О. Мии пишет, что думает отправить туда Оонума для пробы, не будет ли сей учитель церковного пения, ныне излишний в Кёото, ибо Фома Исидра, катихизатор, отлично знает пение,— для катихизаторской службы.— Пишет о больной Нине

Хата, в Камеока, страдающей несколько лет ревматизмами, не дающими ей встать с постели. В Миядзу о. Мии получил телеграмму, что она при смерти: «Ночью в три часа уехал из Миядзу и рано утром следующего дня был в Камеока. Слава Богу, застал больную живою. Она сильно обрадовалась моему своевременному прибытию и сейчас же удостоилась причастия. Теперь все утешения присных и пособия врачей ничего ей не помогают. Она теперь все думает и говорит о своем спасении, о Боге и Царстве Небесном. Ее единственное желание — скорее освободиться от телесных уз и соединиться с Господом Христом в вечном мире. По ее собственной просьбе я совершил над нею Таинство елеосвящения и утешал ее целую ночь духовною беседою. После принятия таинства она успокоилась и ожидает своей кончины. Пока она живет, но недолго продолжится ее страдальческая жизнь на земле» и прочее.

13 / 25 октября 1896. Воскресенье

Насчет Марии Моцидзуки о. Матфей Кагета ответил, что она сама потребовала от мужа Фомы развода, когда он не хотел отпустить ее в Цу в госпиталь лечиться. Фома и дал, и рад был этому, потому что не раз угрожал ей разводом. С тех пор он Марию обратно не берет, хотя о. Матфей не раз просил его о том; в другой раз не женился, однако же живет открыто с одной женщиной.— Ответил я о. Матфею, что в таком случае никак нельзя разрешить се на брак с Софронием Оота. Это все равно было бы, как например, у самого о. Матфея его супруга, поссорившись с ним, ушла примерно в Сендай, а там о. Петр Сасагава взял бы да и перевенчал ее с кем-нибудь: о. Матфей нашел ли бы законным поступок и жены своей и о. Петра? Так же незаконно поступил бы о. Матфей, если бы перевенчал Марию с Софронием. Итак, этот брак нельзя дозволить. А пусть о. Матфей просит опять Фому взять к себе жену; а пока что я буду высылать ей на пропитание 2 ены в месяц; недостающее может зарабатывать сама. Из сего примера видно, как еще нужно следить за нашими священниками, чтобы предохранять от нарушения канонов, потому что отец сам же и посватал Марию за Софрония из-за заботы пристроить ее, ибо она живет у него, о. Матфея, служанкой в семействе и несколько обременяет его.

В Хацивоодзи христиане ремонтировали свой церковный дом и позвали о. Фаддея освятить его и отслужить литургию, а Иоанна Кавамото сказать назидание на вечернем сегодняшнем собрании, почему и отправились: о. Фаддей вчера утром, ибо некоторые желают также исповедаться; Кавамото сегодня после обедни. Потому я сегодня вечером, когда Накай переписывал переведенное за вечер, осмотрел все комнаты учеников; почти все нашел в порядке.

14 / 26 октября 1896. Понедельник

С половины пятого до шести часов проговорил о христианской вере с неким Козава, школьным учителем из провинции Хёого. Прямо заявил, что ищет религиозного разговора для успокоения души. С таким приятно и поговорить, это не то что люди, ищущие от религии только пользы государству. О личном Боге и о бессмертии души была главная речь. Видно, что благодать Божия стучит в двери сердца человека; дай Бог сделаться христианином! В конце разговора дал ему христианских книг, сказал, чтобы приходил сюда, если хочет, ежедневно с трех часов; дал адреса катихизаторов, ближайших к его квартире в Токио и обещал катихизатора из Кобе или Химедзи, если пожелает, в место его жительства и службы, когда вернется туда в ноябре.

В начале разговора моего с ним сказали мне еще, что христианин из Ициносеки пришел повидать меня. Я позвал и его и после обычных приветствий стал продолжать речь с Козава. Приятно было видеть, как разгоралось его лицо, как он старался в каждый промежуток речи вставить свое слово в засвидетельствование того, как он счастлив тем, что сделался христианином; на минуту отлучившись в канцелярию, чтобы выбрать книги для Козава, я застал по возвращении христианина так сияюще оратствующим о счастии быть христианином, что заслушался его. А и христианин-то не из усердных; по крайней мере, я считал его таковым. Утешительно видеть, что благодать Божия живет в людях, хоть иногда и скрытая от нас — присяжных, но и плохих, ее ценителей.

Послал сегодня письма: 1) к госпоже Четвериковой, в Москву, с просьбой пожертвовать сюда архиерейскую запрестольную кафедру, сделав ее по образцу одной из наиболее замечательных кафедр Московских; 2) о. Николаю Васильевичу Благоразумову — помочь ей в этом, а также принять звание сотрудника Миссии в Москве.

Был у глазного доктора Иноуе, соседа, подобрать новые очки, ибо прежде выбранные не годятся. Оказывается, не так-то легко прибрать очки по глазам с разными фокусами; сегодня подобранные также не годятся, как показал сегодняшней вечер.

15 / 27 октября 1896. Вторник

Оказывается, однако, что погребение Кириллы Хоси в Батоо произошло совсем не так просто и спокойно, как извещал катихизатор Сайто. В церемониале погребения до точности все было расписано: но ни дюйма места, ни момента времени не дано было чему-либо христианскому, так что христианское погребение насильно навязало себя языческому обществу, пожелавшему торжественным погребением почтить своего храброго воина-согражданина Хоси. Но сверх всякого чаяния языческих

властей и языческого народа, явившийся по настоянию христиан Батоо для совершения отпевания о. Тит Комацу с диаконом Павлом Такахаси и прочим причтом и христианами не был воспрещен от совершения своего долга над прахом раба Божия Кирилла (в данном случае буквально «прахом», ибо с Формозы выслан был в небольшом деревянном ящике пепел, оставшийся после сожжения его тела), в доме Кирилла; не помешало о. Титу со всем причтом в облачении и с пением провожать несомый в больших погребальных носилках четырьмя носильщиками прах Кирилла до кладбища в ограде буддийской кумирни. Когда поставлен был гроб на месте, где приготовлена была языческая погребальная церемония, о. Тит по-христиански отслужил литию как бы пред опусканием гроба в могилу. Но гроб в могилку не опустили и до нее еще далеко было; здесь нужно было совершить главное, для чего и торжественность погребения затеяна была, почтить душу Кирилла, восхвалить ее, вознести к ней моления. Это должны были совершить бонзы и каннуси; но они не явились. Все уселись на приготовление места, то есть власти и значительные лица; свыше двухтысячная толпа стояла за веревкой, отмежевавшей сцену церемонии. Только для о. Тита с причтом не было места, и он, совершив Литию, так и остался стоя при гробе, — все: он, диакон, стихарные в облачениях с большим крестом и свечой. Должны были явиться языческие совершители погребальной церемонии, послы за послами летели в кумирню, но оттуда отвечали настойчивым требованием: «Прогоните христиан, тогда явимся». О. Тит и другие все в облачениях видят и слышат все это, но не хотят принять публичное посрамление — быть прогнанными. О. Тит на требование удалиться отвечает: «Дайте опустить в могилу прах, тогда я, совершив последнюю молитву и кинув горсть земли, удалюсь». Ему это не дают, и мало-помалу возникает шум языческой толпы, но и немногие христиане тоже не молчат. О. Титу, диакону и другим в облачениях христиане доставили средства тоже присесть; и просидели они более двух часов: все время бонзы и каннуси противились прийти: взволнованный народ кричал: «оппарай»; о. Тит молча сидел; христиане спорили и кричали, защищая свое дело не хуже язычников; полиция молчала, наблюдая, не находя себя вправе вмешаться, так как до «ванрёку» еще не доходило. Наконец, бонз как-то упросили прийти. В великолепных облачениях они удостоили приблизиться, совершить свое отпевание, затем всеми возданы были почести душе Кирилла, и гроб пронесли к могиле; здесь о. Тит совершил литию с словами «Господня земля и исполнение ее», бросил киркой землю на гроб и удалился с сослужащими. В это время уже начинало темнеть, то есть было после пяти часов. Диакон Павел Такахаси, рассказывая все это, прибавил, что они «точно в западню попали». Только эту западню никто из язычников не ставил, а поставили ее глупость и ревность без разума катихизатора Павла Сайто и беспечность, и неблагоразумие о. Тита. Следовало ему наперед о всем осведомиться и, отслужив провод

в доме, предоставить все остальное утвержденному церемониалу и патристическому чувству язычников, которые тоже не с дурных расположений, а с любовью к Кириллу собрались. Всего же лучше потом не в облачениях, а в частном платье во время языческой церемонии произнести надгробное слово, в котором бы, между прочим, указать, как Христова Вера не мешает, а способствует геройству за Отечество сие.

16 / 28 октября 1896. Среда

Из Сиракава, катихизаторы Савва Ямазаки и Георгий Абе описывают, что делается ежедневно по Церкви. В воскресенье, между прочим, вечером христиане и собираются в церковном доме с шитьем для того, чтобы выработанное шло на Церковь; поработавши под благочестивые по возможности разговоры, откладывают шитье в сторону и устроят «симбокквай», то есть слушают проповедь катихизатора (или священника, если случится), говорят и сами, которые что приготовили для произнесения. Порядок такой устроен о. Павлом Савабе, когда он жил в Сиракава; выработано христианками на Церковь до 50 ен. На богослужения в Сиракава собирается обыкновенно человек 40.

Из Саппоро Моисей Симотомае извещает, что там человек 40 собираются на Воскресную молитву. Церковному пению учит бывший катихизатор Константин Оомура.

17 / 29 октября 1896. Четверг

Григорий Камия, катихизатор в Циба, пишет, что составитель местного календаря и гадальщик, слушая учение, уверовал, почему считал уже свою профессию гадальщика мерзостью пред Богом, но, не имея никаких средств больше к жизни, не может разом бросить ее, почему просит отсрочки месяца на три, чтобы как-нибудь иначе устроиться и быть готовым и крещению; от роду ему уже семьдесят три года.

Иоаким Судзуки, катихизатор Оцу, извещает, что христиане собираются праздновать десятилетие водворения там христианства, хвалится также надеждою на успех проповеди в Оцу и окрестности. От такого пессимиста это приятно.

О. Николай Сакураи пишет, что христиане Тонден все и Немуро почти все находящиеся налицо (многие на рыбных промыслах) не желают к себе священником Симона Тоокайрин; просит совета: «Предложить ли христианам избрать другого кандидата?» — Но как же они будут избирать, не зная служащих Церкви, кроме одного-двух человек? Написано о. Николаю, чтобы он частно сообщил мне, если имеет в виду кого-либо для избрания; если имеет и если сей будет отвечать назначению, то потом его и можно предложить христианам для избрания;

и дело упростится, христиане не будут даром терять время на совещания, не будут и обижены, если их избрание окажется неудачным, а таковым оно, наверное, и окажется, коли они станут избирать как слепые.

18 / 30 октября 1896. Пятница

Два студента университета, юристы, родом из Каназава, пришли спросить о вере и, видимо, совсем случайно, ибо не могли дать отзыва на мой вопрос, что побуждает их спрашивать о вере? Тем не менее я два часа толковал им о вере: о Боге-Творце, о творении мира, о человеке и прочем. Все время слушали и улыбались с улыбкою неверия. Когда в конце я спросил: верят ли они, по крайней мере, в бессмертие души? Оба ответили положительным отрицанием. Таков-то иногда бывает успех проповеди, даже вызываемой! Один из студентов заключил свидание просьбой отменить в Соборе звон колоколов, ибо всех-де беспокоит, даже его будто бы, живущего в Хонго, беспокоит, тогда как звон бывает всего четыре раза в неделю и продолжается не больше пяти минут.

В начале беседы с ними пришел молодой живописец, вчера письмом просивший свидания и уведомленный, что ежедневно с трех часов может видеть меня. Говорил я со студентами, как начал, нисколько не обращая внимания на него. А оказывается, что на него-то именно и произвела впечатление моя речь. Когда ушли те, он прямо заявил, что верует в Бога и просил дальнейшего оглашения, почему дан ему адрес катихизатора в квартале Асакуса, где он живет. Потом была речь об искусстве, об идеалах, о том, что без религии в душе невозможно иметь высших идеалов и быть настоящим художником, особенно в религиозной области, которой он ныне занят, рисуя будд и прочее. В конце свидания я стал расспрашивать его о нем самом, отнюдь не вызванный к тому чем-либо с его стороны, и оказывается: двадцати двух лет, из Кокура, сын резчика, бежал от отца, чтобы в Кёото учиться рисованию, но пойман и возвращен домой, учился потом в гимназии, опять предался рисованию, которому учился сначала Кёото, теперь уже три года учится здесь, у одного известного живописца, в Уено. Отец сначала помогал ему содержаться, теперь ничего не присылает; почему сей юноша вечером с восьми часов до одиннадцати обращается в «дзин-рикися», чем зарабатывает себе на пищу, которую сам себе варит; ложится спать иногда без ужина. Все это сказано было так просто, что не могло не вызвать жалости. Я дал ему 3 ены для того, чтобы он уже не возил больше тележку по вечерам (ибо получит на пищу и на следующий месяц); он не вдруг принял, но принял с фразой, что, быть может, сумеет потом отплатить он, и ушел с вежливым поклоном, а на улице, пока я

видел, утирал слезы с своих покрытых очками глаз, что делал, видимо, совсем не для меня.

Из Таката Григорий Котака хвалится надеждами на успех. Из Нагасаки христиане просят катихизатора вместо уволившегося Тита Уехара; есть-де желающие слушать. По-видимому, и Хокурокудо начинает желать христианства.

19 / 31 октября 1896. Суббота

Расчетный день сегодня; взято было из банка три тысячи ен; одна тысяча пошла на полумесячный расчет по постройке Семинарии; двух тысяч не хватило на расплаты по обычным месячным расходам (школы, священнослужители и причетники, печать и подобное). Расход все возрастает, а Японская Церковь не дает ни гроша — все на плечах русской братии. Что будет дальше, Бог весть! Что, как русский брат стряхнет с плеча сию тяжесть, хотя, положим, и не очень обременительную для него? Мол, «становись же на свои ноги, иначе что ж ты за брат мне! Может, просто мертворожденный»...

Из Кумамото катихизатор Георгий Оно пишет. Есть там цветущая буддийская школа. Студенты оной иногда одеваются в белое платье и предпринимают благочестивые странствия; все думают, что это — аскетические упражнения, а оказывается, что они отправляются в горы просто на охоту за зайцами — «усагикари». Приводит это Оно в пример лицемерия буддистов и того, что они сами не веруют в свою веру, а только стараются извлечь из нее пользу или удовольствие.

20 октября / 1 ноября 1896. Воскресенье

Был в Коодзимаци у оо. Павла и Алексея Савабе, чтобы с последним сходить осмотреть места, подысканные для покупки под Церковь; одно — негодно, другое, в Иоцую, очень хорошо, но, кажется, продано. Сказала я, что на десять тысяч ен могут рассчитывать от Миссии, но не иначе, как если место будет не меньше 800 цубо, и в местности, приличной для постройки храма. Деньги эти — те, которые я готовил было для покупки места внизу, для Семинарии. Церковка в Коодзимаци — и спрятана позади домов, и закрыта валом, и мала, и стара; одушевленная Церковь выросла из нее, как вырастает отрок из младенческого платья; а между тем самим им — где построить! Хотя и могли бы по средствам: Моисей Тодороги один мог бы, но нравственно не выросли они до таких жертвований.

Стефан Камои [?], катихизатор Кокура, кончивший курс Семинарии, составил Пасхалию и прислал сюда для просмотра и напечатания. Отдал я на рецензию диакону Стефану Кугимия, но ни он, ни о. Павел

Сато, никто из других служащих Церкви не поняли ничего из нее (равно как не понял и я сам, когда по получении рассматривал ее). Приятно было бы поощрить труд, но приходится отказать в напечатании.

21 октября / 2 ноября 1896. Понедельник

Из Сенума за последние три года присылали — по 100 ен два года и 60 ен в этом году — сюда для положения в банк на проценты и хранения депозитных документов в Миссии. Так собирались мало-помалу образовать капитал для содержания катихизатора и потом священника. Но ныне 200 ен вытребовали на покупку земли под церковный дом — старый-де требует слишком большого ремонта, а земля под ним не продается. Посланы сегодня 200, с накопившимися процентами 16 ен 25 сен.

О. Симеон Мии просит дорожных в Вакаяма, чтобы поехать туда с о. Сергием Судзуки и сдать ему сию Церковь, а также в Нагоя (бывшую Церковь о. Иоанна Оно), чтобы исполнить там требу; извещает еще, что у него, о. Симеона, родилась дочь в то время, когда он посещал Церкви Тамба и Танго, нареченная Устинией. Ответчено поздравлением, наставлением и посланы дорожные.

Была всенощная, потому что завтра рождение Японского Императора, пели причетники, молились все учащиеся; мы с Накаем сидели за переводом Второго Послания к Тимофею и едва за три часа одолели 14–20 стихи Второй главы.

Восшествие на престол сегодня нашего Государя. Но службы в Посольстве не было, ибо нет ни священника, ни псаломщика; я мог бы отслужить, но петь некому.

22 октября / 3 ноября 1896. Вторник

С семи часов литургия, отслуженная тремя священниками. На молебн выходил и я. Пели все оба хора. Христиан в Церкви, кроме учащих-ся, почти ни одного не было. А погода была превосходная, и целый день был лучшим из осенних дней, светлый и тихий. Я занят был в библиотеке очисткою книг от летней плесени.

Андрей, звонарь, захворал сильной оспой. Избави Бог, не выдержит! Человек очень нужный для Церкви; кроме его, только Марк, повар ученический, несколько понимает звонарство. Не пришлось бы опять учителя звонарства выписывать из России.

23 октября / 4 ноября 1896. Среда

О. Петра Кавано письмо — в три сажени; и чего только там нет! Хорошего только ни на дюйм. Между прочим, предлагает послать старика Якова Китагава «наемником» (ятой-бито) за 6 ен в месяц катихизатором

в «Куцинохару», — старика-ребенка, вероятно, уже совсем забывшего веру; ну как же можно! — Просит выслать семью Павла Сибана в Ойта. Из Хоккайдо-то? Дорожные — страсть! А еще неизвестно, уживется ли Сибана в Ойта, — такой слабый и вялый. — Петр Тадзима, плохой христианин в Ойта, беспокоит его полсажень; «пишет-де ему — Тадзима — из Токио Исаяя Мидзусима, что на него — Тадзима — поступают доносы из Ойта в Миссию, что он — Тадзима — то и то»... Тадзима для Миссии совершенно не заметен, и никто Миссии не напоминает о нем. О. Петру следовало бы сопровождать сие, а он — полсажень письма да еще ответа требует! Плох совсем о. Петр и по уму, и по бездеятельности, и по мелочности.

24 октября / 5 ноября 1896. Четверг

О. Павел Морита пишет, что Павел Хацисука, бывший катихизатор, потом развратившийся, ныне покаялся и просится на службу Церкви. Не в первый раз уж это. Но нельзя; нужно хранить честь и имя сословия катихизаторов. Что Хацисука опять вступил на добрый путь — это приятно, и дай Бог ему ныне удержаться, но пусть найдет себе другой род службы.

О. Петр Сасагава пишет, что Василий Хариу, катихизатор в Наканиеда, в параличе и при смерти. Жаль и катихизатора, нехорошо и в материальном положении для Церкви: опять придется семью катихизатора взваливать на ее плечи; но что делать и иначе, коли у всех их, голяков, один воздух для питания!

25 октября / 6 ноября 1896. Пятница

Из Яцусиро, на Киусиу, недалеко от Кумамото и Хитоёси, бонза, двадцати одного года, пишет, просится слугой в Миссию; письмо бойкое, пишет, что изучил буддизм в своих школах и протестантство от иностранного миссионера, который будто бы ныне вернулся в Америку, и потому он, бонза, не может пользоваться его христианскими уроками. Отвечено, чтобы отправился к нашему катихизатору в Хитоёси, а сему последнему написано, чтобы преподавал вероучение, если он явится.

Сегодня в Сёокоися, на Куданзака, праздник; ученикам дана была свобода от классов после обеда. День дать было нельзя, ибо в казенных заведениях учатся, как исследовал Давид Фудзито по тому случаю, что запросили было целый день.

26 октября / 7 ноября 1896. Суббота

Фома Танака, катихизатор Вакаяма, хвалится, что христиане сложились, ремонтировали молитвенный дом, и он теперь высматривает так

красиво, что язычники останавливаются и любят, указывая друг другу: «Ясо-но ано-самао миё». Фома — катихизатор хороший, и Церковь в Вакаяма не падает, а более и более укрепляется в христианском духе. Жаль только, что и не расширяется; вот уж сколько лет число христиан почти одно и то же; Фома — не двигатель, а только хранитель.

Моисей Мацунага пишет, что дочь его Анна (когда-то исцеленная чудесно) не вернется в школу. Жаль, и не знаю, кто виною: отец ли, у которого вера, по-видимому, зарастает тернием попечений о богатстве, или Анна, о которой в Женской школе отзываются, что она к книжным занятиям склонности не обнаружила.

В городе оспенное поветрие довольно сильное; недаром наш Андрей, звонарь, захворал и ныне лежит в госпитале в очень опасном положении. Сделал распоряжение, чтобы всем учащимся, ученикам и ученицам, привита была оспа; училищный врач Оказаки сделает это в продолжение двух-трех дней.

27 октября / 8 ноября 1896. Воскресенье

После обедни о. Павел Савабе зашел: для здоровья хочет отправиться на первое время в Сиракава, оттуда в Сендай для поправления немножко расстроившихся отношений о. Петра Сасагава с его церковными старшинами: Василием Вакуя, Феодосием Итибаси и прочими. О сем расстройстве писал о. Павлу из Нагоя о. Оно, недавно бывший в Сендае. О. Петр Сасагава слишком безучастен к делам церковным; не хочет советоваться с «сицудзи», например, о ремонте текущей Церкви, все молчит; сицудзи и с своей стороны бросили заботиться о церковных делах.

В Уцуномия, по словам о. Павла Савабе, Церковь в упадке от разлада христиан с о. Титом; а разлад от бестактности о. Тита; сына своего Романа, например, он пустил по торговой части; это бы ничего; но Роман таскает тележку с зеленью, или разносит зелень на плечах, — это-де христианам не нравится, — сын священника-де... хоть и не видно настоящего резона, почему бы христианам расстраиваться из-за сего.

Исайя Мидзусима, катихизатор, был: жаловался на о. Петра Кавано, на Петра Сибанаи, ныне катихизатора в Оита, и прочих. Больше часа говорил, и как складно, как умно и по-христиански! А основание дрянное, языческое: злопамятность, ненависть, дразгливость; уже полгода из Оита (на Киусиу), откуда и вызван служить здесь, чтобы прекратить дразги там, и не может никак оставить христиан Оита в покое, не возмущать, не ссорить их между собою целым дождем своих писем с наветами, клеветами, подбиванием на ссоры. Убеждал его, что Христова вера, которой он носит имя проповедника, вера — незлобия, любви, мира; едва ли не к стене горох; а жаль, человек с умственными способностями.

28 октября / 9 ноября 1896. Понедельник

Крайне раздосадовало сегодня письмо этого мутителя-болтуна о. Павла Морита: на четырех с половиною листах, для прочтения которых нужен целый час; пишет то, что можно выразить в двух строках, именно: сколько нужно за квартиру в Такамацу и сколько недостало ему на дорогу по Церквам. И вечно все только о деньгах! Остается одно средство — не терять дорогое время и доброе расположение духа от чтения этого феноменального болтуна: выслушивать от секретаря вкратце содержание его писем после того, как секретарь на досуге в канцелярии одолеет их от слова до слова.

29 октября / 10 ноября 1896. Вторник

Утром в четыре часа умер в госпитале звонарь Андрей Сукава от оспы. Царство Небесное! Сердечно жаль этой потери! Был первый звонарь японский и единственный почти благовестник, после него остался только один умеющий далеко не так, как он, звонить и трезвонить, — Марк, повар семинарский. Кроме того, лет двадцать служил Андрей миссионерам и Миссии, был всегда кроткий, безответный, послушный и исполнительный человек. Оставил жену и трех малюток; нужно будет позаботиться о них. Так как умер прилипчивою болезнью, то по полицейским правилам будет тело его сожжено сегодня вечером и завтра пепел в урне передан нам для отпевания и погребения. Панихида сегодня отслужена в Церкви (исповедан и приобщен был Андрей в госпитале третьего дня, в воскресенье, о. Павлом Сато).

Был командир пришедшей на рейд в Йокохаму канонерской лодки «Манчжур» Качалов с двумя офицерами. Месяца два будет стоять, не мешали бы только переводу своими визитами.

30 октября / 11 ноября 1896. Среда

Иоанн Исохиса, катихизатор, из Камеока описывает кончину и погребение рабы Божией Нины Хата, семнадцать лет пролежавшей в мучительных ревматизмах. Господь воспитал душу ее страданиями для горьких радостей; с принятия Христовой веры она все годы благодумствовала в своих страданиях, находя утешение в молитве и чтении Слова Божия; умерла ныне истинной праведницей. Погребение совершил о. Симеон Мии, и было оно, по местности, очень торжественно. Письмо так трогательно, что я отдал его для напечатания в «Сейкёо-Симпо».

Был христианин из Сидзуока Логин Ханай, старик шестидесяти четырех лет; родом из высшего дворянства (хатамото); претерпел всевозможные

невзгоды; нашел утешение в Христовой вере; уже семнадцать лет как христианин; все это время до сего дня не перестает терпеть преследования за веру от собственной жены; рад, впрочем, что она, наконец, смягчается; уже не мешает ему молиться; надеется Логин, что благодать Божия скоро приведет и ее к Христу. И как счастлив старик своим обращением ко Христу! Об этом только и говорит; насколько раз я сам, отчасти намеренно, уклонял разговор в сторону; лишь только улучит секунду молчания, Логин с улыбкою блаженного мира на душе заговаривает о Христе. Залюбоваться можно такой душой! А еще говорят, что японцы не способны к глубокому религиозному чувству! Пусть вот на таких посмотрят.

31 октября / 12 ноября 1896. Четверг

Звонаря Андрея Сукава сегодня в один час отпели и на кладбище в Сомаи схоронили. Пепел его уложен был в небольшой гробик (как будто лет пяти ребенок), нарядно обитый. Отпевание было торжественное: архиерейским служением с полным хором певчих. Так как погода была прекрасная, то ученики все и большие ученицы — певчие — провожали на кладбище с пением в предшествии креста, с священнослужителями в облачениях. Царство ему Небесное! Семейству его сказано занимать ту же квартиру в церковном доме за заслуги Андрея целый год; детям троим назначено (впрочем лично от меня, не от Церкви) по 2 сены в месяц, пока поступят в миссийские школы, где будут воспитаны на миссийский счет.

Ученики младшего курса Катихизаторской школы возмутились против своего товарища (Маено) и пришли просить удалить его из школы. Обвиняют в краже, но доказать не могут. Один говорит: «У меня три раза была пропажа» — «Сколько украдено в три раза?» — «18 сен». И говорит ученик — совсем глупый мужичонок, принятый в школу по просьбе брата — катихизатора. Другой говорит: «У меня украл 1 сен».

— Какое же доказательство?

— Этот сен лежал на столе, когда все уходили из комнаты. Маено потом прежде всех вошел, и сена затем не оказалось,— говорит это нервный больной, брат регента Обара, принятый в школу из-за брата.

Третий говорит: «У меня украл конверт», но ясных доказательств, что именно он, нет.— Выслушав все, я сказал, что исключать Маено было бы несправедливостью, и я этого не сделаю. Тогда некоторые рассердились и грубо сказали: «В таком случае мы уходим из школы».

— С Богом,— ответил я им.

На вечерней молитве стал было читать молитвы один из сих; я не позволил, сказав небольшое поучение о том, что молитва должна быть приносима в мире и взаимном прощении и любви.

1 / 13 ноября 1896. Пятница

Утром отправлен был домой ученик Семинарии Симон Кикици; дано на дорогу, написано письмо к отцу, что сын не может учиться по причине головных болей. В сущности, кроме сей причины, еще — по своевольтву. На днях я давал ему — последнее уже — строгое внушение, чтобы не нарушал, по крайней мере, правил инструкции о благоповедении, — и к стене горох! В класс не идет, а в городе с утра до ночи! Впрочем, и это своевольтво, вероятно, с отчаяния, что не может идти в уровень с товарищами и по головной боли, и по малоспособности. Шесть лет учился здесь и всегда отставал... Жаль человека, жаль и расходов на него.

Вчера возмутители Катихизаторской школы приходили просить прощения: «Мы-де имели в виду хорошую цель (ратование за добродетель) и не желали оскорбить вас». А я было надеялся в душе, что благодаря сему случаю выбудут из школы самые негодные, на которых в будущем никакой надежды; таких именно трое, из приходивших вчера пяти. Жаль, что не ушли! Но что делать, пусть остаются балластом, хоть для счета. Самое же нехорошее, что Маено из школы уходит, а он — самый умный и способный в младшем курсе Катихизаторской школы. Правда, человек не безукоризненный: до обращения в христианство сильно кутил, так что ныне даже и к отцу не смеет явиться, но ныне за ним доказанного дурного ничего нет.— Увы, в Катихизаторскую школу учеников набирается все меньше и меньше (ныне только семь человек), и ученики все хуже и хуже! Ныне уже, кажется, до дна дойдено, и если в будущем году будет и того хуже и меньше, то Катихизаторская школа умрет!

Русский путешественник Сергей Васильевич Муяки, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, был. Про Амурский край: «Там не взятки, а грабеж! Генерал-губернатор Духовской — душевнобольной; людей — хоть шаром покати; все только своекорыстники; министр путей князь Хилков с ним же проехал по Амуру, ничего не видел, все только спал.— В Пекине наша Миссия — мертвая, а французские — что за восхищение!» и прочее. Жалуются, что не удалось видеть Японского Императора. «Это — Петр Великий» — говорит. Желалось бы, чтобы эта мерка правды приложима была и к прежнему.

2 / 14 ноября 1896. Суббота

Катихизатор из Циба (недалеко от Токио) Григорий Камия приходил, просил христианских брошюр для новых слушателей; дано 30. Благодаря усердию недавно крещенного врача слушателей находится все больше и больше. Авось, даст Бог, Церковь оснуется. В горестном положении гадальщик, уверовавший, но не могущий бросить свое надувательское

ремесло, ибо им питается, а ему семьдесят три года — найти новый род заработка трудно. Сказал я Григорию, что если он — гадальщик — хорошенько усвоит главные предметы вероучения, так чтобы и другим мог разъяснить их, то можно будет дать ему 2–3 ены в месяц и сделать помощником Григория. Он же родом из Циба, знакомых имеет много; помощь его и в самом деле была бы полезна. — Протестантов в Циба, по словам Исайи, человек сто, но они в расстройстве, даже и проповедника у них нет; секты конгрегационалистов (Кумисийквай), которая ныне вслед за Доосися в Кёото падает; построен у них церковный дом, обошедшийся в четыре тысячи ен; но ныне в запустении: у католиков тоже есть церковный дом, стоивший им больше 1000 ен, и тоже почти без всякого употребления. Адачи, бывший их катихизатор, рассорившись с патерами, бросил службу, хотя не потерял веру. Недавно ушедший отсюда в Сигакен, просил у Камия письма к нашему священнику той округи, и Камия рекомендовал его о. Симеону Мии; быть может, сделается православным, чего желает и для чего изучал уже Православие у Камия.

О. Фаддей Осозава несчастлив на зубы: все или вывалились, или шатались; жалко было смотреть. Сказал я ему, чтобы отремонтировал свой рот на мой счет. Принес ныне после всенощной показать обе челюсти; вставил; показал, заговорил — недостатка точно не бывало — и красиво, и здорово; отдал я 15 ен.

3 / 15 ноября 1896. Воскресенье

До обедни крещена одна девица, приготовившаяся к поступлению в сиделки в университетский госпиталь, дочь нашего христианина из Иокосака, в Цуда-гоори, умершего в Америке недавно.

После обеда был у профессора Кёбера — отвезти ему пришедшие по его заказу из России книги — сочинения Августина, Жуковского и прочее, — и попросить урока фортепьянной игры в нашей Женской школе; я не знал касательно второго пункта, что он сегодня же утром послал письмо к своим ученицам с извинением, что по множеству уроков в университете в последнее время не посещал их, и с обещанием вскорости возобновить уроки. Живет он за городом, в доме иностранной постройки, плата 35 ен в месяц. Дом принадлежит французу, учителю в гимназии, тому, который когда-то жил в иностранном домике, что ныне в нашей Женской школе, — патеру, прибывшему сюда миссионером, но сбросившему сан и званье, потому что потерял веру, без которой, кажется, и доселе пребывает, как догадывается Кёбер по тому обстоятельству, что его очень ненавидят французские патера-миссионеры. Нелегка, должно быть, жизнь подобных людей-ренегатов; я до сих пор не могу забыть тех печальных мелодий, которые тихо лились из его домика, когда я собирался купить место нынешней Женской школы. Слушал я

несколько раз из-за ограды, отделяющий участок Семинарии, тогда уже купленный, от участка Женской школы; инструмент какой-то с металлическими струнами чрезвычайно нежными, и игра такая, что можно расплакаться, не зная о трагичности жизни артиста... Спаси его Боже!

4 / 16 ноября 1896. Понедельник

О. Сергей Судзуки из Оосака описывает свою поездку в Церковь Вакаяма для принятия ее от о. Симеона Мии, который доселе заведывал ею. Приехали туда вместе с о. Симеоном, но сей тотчас по приезде получил телеграмму из Каеока, что Нина Хата померла, чтобы он прибыл похоронить ее; он и отправился. О. Сергей остался один, и с помощью катихизатора Фомы Танака познакомился с Церковью, которою остался очень доволен.

Пишет от еще конфиденциально (хоть и не следовало бы — предмет вовсе не секретный для своей местности) о следующем: в какой-то (сорега-си) Церкви, у какого-то катихизатора, какие-то христианин и христианка (по неопытности, должно быть, имен не сообщает, за что дан выговор, так как между священником и Епископом в делах церковных секретов не должно быть) находятся в следующих отношениях: он был женат на ней, взяв ее из публичных женщин, и жили они ладно, и сделались христианами; детей у них не было, почему он усыновил сына своего младшего брата, у которого жена по смерти мужа переселилась к нему. Он вдруг находит, что жена не способна вести хозяйство, притом же немилостиво обращается с приемышем; прогоняет он жену, а золовка остается у него, и начинает он жить с ней, как с женой; и хвалит не нахвалится ею — и хозяйство-де отлично ведет, и приемыша его, своего родного сына, бережет. Спрашивает о. Сергей: нельзя ли как-нибудь узаконить их сожителство? Он-де, кстати, и человек зажиточный и состоит старшиной Церкви, о которой прилагает попечение. «Знаю, что это против канонов, — пишет о. Сергей, — но нет ли исключений? Не было ль в Церкви примеров, на которых бы основаться в разрешении вступить в брак?» Ответено тотчас же, что примеров нет и не может быть. Христос есть истина, и Слово Его ей и аминь; двоедушия и лицемерия в церковных делах поэтому быть не может. Пусть он вернет к себе жену, а золовку отошлет в ее собственный дом; если послушается, пусть о. Сергей назначит ему епитимию, например, три года не приобщаться, и затем разрешит его грех. Если не послушается, то его и сожительницу пусть отлучит от Церкви, то есть от участия в Святых Таинствах с христианами навсегда, пока они будут упорствовать в своем противлении церковному канону, так как этим самым они сами первые отлучают себя от попечения Церкви; но ходить в Церковь на молитву пусть не запрещает, только в Церкви никакой службы не должно поручать им. Пусть

будет тотчас же он лишен звания старосты Церкви и вперед пусть будет устранен от всякого участия в делах церковных; и об этом пусть будут поставлены в известность все, которым известен его грех, чтобы со-блазн прекратился.

Молодой человек какой-то, очень приличный по виду и речи, приходил просить принять в школу мальчика девяти лет; «Испорчен-де мальчик, исправьте»,— молил. Но куда же принять, коли нет тут школы для таких мальчиков!

Николай Такаги, катихизатор Ионако, просит принять Анастасию Айно в диакониссы. С ума он сошел! Айно была здесь в Женской школе; соскучилась, вернулась, развратила в Ионако катихизатора, прижив с ним ребенка,— и в диакониссы!

Образчик, как катихизаторы могут быть опрометчивы.

5 / 17 ноября 1896. Вторник

Вчера поздно вечером о. Роман приходил взять ключи от Собора и алтаря: зовут напутствовать больную в приход Сиба, священник которого, о. Фаддей, ныне в отлучке по Церквам,— так взять святые дары и прочее. Приходит сегодня утром и рассказывает: христианина одного нашего, по ремеслу портного, вместе с женой ослабевшего в вере, уловили католики и страшными угрозами вечной гибели и поношениями Православной веры старались держать вдали от православных. Захворала жена, патер напутствовал ее, приобщил облаткой. Но у нее и у мужа заговорила совесть и неумолимо стала укорять в измене Православной Христовой вере. Оттого и послали, несмотря на дождь, и бурю, и темную ночь, за о. Романом. О. Роман отправился, не зная, куда зовут. Пришедши же, затруднился напутствовать без разрешения Епископа. Но его до того упрашивали, плача оба, муж и жена, и каюсь в грехе отступничества, что он, наконец, взял на себя выслушать исповедь и приобщить Святых Таин больную, тем более, что опасно больна чахоткой. Я одобрил его поступок, сказав, что муж должен быть подвергнут епитимии.

В Japan Mail сегодня телеграмма, что в Кобе вчера наш консул Вендрих Георгий Августович выстрелом в рот себе покончил с своей жизнью. Очень прискорбно! Должно быть, надоела ему его болезнь — чахотка, которая собственно и держала его в Японии, ибо климат здешний для чахоточных хорош. По вере он был протестант. Человек был весьма добрый, мягкий, услужливый; зло едва ли кому причинил. Спаси его, Господи!

6 / 18 ноября 1896. Среда

Выписана из дома сумасшедших выздоровевшая Агафия, жена покойного о. Никиты Мори, два года лечившаяся там. И как же она, бедная,

рада, и как рады ее четверо птенцов — два сына и две дочки, старшему из которых, ныне семинаристу Кириллу, пятнадцать лет!

Уже четвертое место сегодня осматривал в приходе Церкви Коодзимацци, предполагавшееся к покупке и тоже оказывающееся негодным. Церковь там совсем мала; нужно строить новую, а для того прежде всего нужно место. Положено истратить на покупку до десяти тысяч ен (на которые предполагалось купить место для постройки Семинарии, что не удалось), и купить или одно место, но такое, чтобы оно было удобно для Церкви христиан Коодзимацци, Ёцуя и Банчёо или два — для Ёцуя и Банчёо, и построить две Церкви, чтобы вышло из нынешнего одного — три прихода для трех священников, в Коодзимацци (для старика о. Павла Савабе — нынешняя Церковь) и в Иоцуя и Банчёо — для Алексея Савабе и будущего.

7 / 19 ноября 1896. Четверг

О. Павел Савабе из Сиракава пишет, что в Уцономия Церковь совсем в упадке оттого, что о. Тит не ладит с христианами, и в Церковь почти все перестали ходить. Христиан в Сиракава хвалит за твердость веры; но Церковь нисколько не подвигается вперед; церковный дом запущен, грязен, потому что катихизатор Савва Ямазаки неряшлив. Просит о. Павел, как и я и обещал ему, дорожных в Сендай; завтра будут посланы.

О. Николай Сакураи пишет о священнике для Хоккайдо, так как в Немуро не желают иметь священником Симона Тоокайрина, ибо не полезно было бы и предлагать им его; но думает о. Сакураи, что Романа Фукуи хорошо поставить туда священником. Дело трудное. Фукуи во время Собора уже предложен был для избрания, но о. Павел Сато возразил, что в истории его катихизаторства есть пятно, касающееся Седьмой заповеди. Тогда дело это не было исследовано до точности. Придется теперь, когда вернется о. Павел Савабе, большой защитник Романа, продолжить исследование.

8 / 20 ноября 1896. Пятница

О. Сергей Судзуки просит поскорее построить Церковь в Оосака — дом-де совсем устарел, течет; соседи называют нашу Церковь «бедною»; тамошние христиане безучастны, одна надежда на Миссию. — Нетерпелив он очень. Сказано ему (во время Собора), что Церковь будет построена, но для того еще не наступило время; кого я пошлю строить? Василий Окамото занят ныне при постройке Семинарии; больше некого. В церковных зданиях там можно поместить сотню людей, а живут всего он — о. Сергей, и причетник Ямбе; помещения у них прекрасные, там же, где течет (в пустых комнатах) следует только снять маты, чтобы не портились;

или же починить крышу, на что нужно очень мало и что, если тамошние христиане не дадут, Миссия всегда даст. В этом смысле и отписано.

С Формозы пишет христианин наш полицейский: хвалит чистоту нравов и местности, где служит. Проповедника бы послать туда, да нет его.

Кончили мы с Накаем сегодня Послание к Евреям и принялись за перевод Откровения.

9 / 21 ноября 1896. Суббота

После всенощной пришел катихизатор из Маебаси Петр Кураока. Позван он на имеющую быть завтра свадьбу Емильяна Хигуци, кандидата богословия, с дочерью христианина Тоохей, сестрой катихизатора Якова Тоохей из Маебаси. Говорил о Церкви в Маебаси, что все христиане — усердные к Церкви, живут мирно, в Церковь ходят. Оттого, должно быть, и благодать Божия не оставляет Церкви; рассказал он о недавно бывшем прямо чудесном исцелении больного христианина, от которого врачи отказались; позван был телеграммой в Миссию (недели три тому назад) священник напутствовать умирающего; о. Фаддей Осозава в тот же день отправился, исповедал и приобщил его; но чрез неделю этот умиравший уже сам пришел в Церковь с благодарственной молитвою, а еще чрез несколько дней стал заниматься своим ремеслом.

10 / 22 ноября 1896. Воскресенье

До литургии было крещение десяти человек из Асакуса и Хонго. За литургией, во время проповеди, вошли в алтарь сначала Сергей Васильевич Муяки, путешественник, гвардейский офицер, потом один офицер с «Мачжура», ныне стоящего на рейде в Иокохаме, и просили отслужить панихиду по их родным, почему я сказал хору остаться после креста; и панихида по-японски с моими лишь возгласами по-русски была отслужена. После креста Анна Эрастовна, жена поверенного в делах Шпейера, просила завтра в одиннадцать часов отслужить панихиду по Вендрихе; соберутся на нее все русские; я обещал.— После обедни зашли ко мне Сергей Васильевич Муяки с женой Анной Львовной; пожертвовали на Миссию 100 ен. Кроме того, Муяки предложил купить дом в Оцу, где перевязана была рана Цесаревичу в 1891 году, давая на это 3000 рублей. Я сказал, что едва ли за эту сумму можно приобрести дом; впрочем, предложил ему самому побывать в Оцу, посмотреть дом, поговорить о покупке его (конфиденциально) с о. Симеоном Мии, священником Кёото, в ведении которого и намеченное для открытия проповеди в Оцу; дал адрес о. Симеона; советовал вместе с ним отправиться в Оцу. Это была бы особенная милость Провидения, если бы можно было

купить дом с землею под ним, потом построить здесь Церковь, которая служила бы и для местных христиан, когда оные образуются, и для прославления благодати Божией за явленное чудо — избавление нашего возлюбленного Цесаревича, ныне благополучно царствующего нашего дорогого Императора.

В три часа было бракосочетание Емильяна Хигуци с Акилиной Тоохей. Дождь лил все время с одиннадцати часов, ни на секунду не переставая, как льет до сих пор, — одиннадцать часов ночи; тем не менее на бракосочетальное богослужение, по обычаю, собралось столько христиан, сколько и к обедне не приходит. Емильян Николаевич, как знающий русские православные обычаи, по окончании Таинства прикладывался вместе со своей супругой, которой, должно быть, заранее внушил это, к иконостасным иконам. Хорошо, если этот обычай войдет здесь. Когда по выходе из Церкви пили чай у меня, я благословил веселье новобрачных (их домашний пир) бутылкой русской наливки, одной из тех шести бутылок, которые сам же Емильян Николаевич в прошлом году привез мне из России от сотрудника Миссии в Санкт-Петербурге, моего товарища по Академии, протоиерея Ивана Ивановича Демкина, — его домашнего изделия.

11 / 23 1896. Понедельник

Классов не было, ибо японский национальный праздник. В одиннадцать часов русские собрались в Соборе, и я отслужил панихиду по рабе Божию Георгии Вендрихе в сослужении с о. Романом Циба, диаконом Стефаном Кугимия и полным хором певчих. На панихиде был, между прочим, адмирал Энгельт с женой и дочерью, после двадцати пяти лет служения в Приморском крае. В первый раз я видел его и познакомился тридцать три года тому назад в Хакодате, когда он был командиром небольшого военного судна, потерпевшего крушение у города Ямада, на восточном берегу Ниппона, где был похоронен на островке, у берега, умерший из его команды матрос. Наши христиане в Ямада теперь помнят этого покойника и творят молитву о нем. Энгельт попросил показать ему школы, ибо он помнит мою маленькую школу русского языка в Хакодате, которую я ему тогда показывал.

Посадили сегодня три вистерии у ограды, по правую руку от дверей соборных: одну с одной стороны, две вместе с другой, чтобы составляли навес над скамейками, которые будут сделаны под ними, в пользу посещающих Миссию. В летние жары скамейки под тенью будут немалою отрадою.

Был христианин из Кесеннума и с ним язычник; христианин молодой, язычник постарше, опытней, хорошо знакомый с Токио, и потому

руководящий христианином, в первый раз прибывшего с ним сюда, — оба по делам своей торговли. О делах нашей Церкви в Кенненума язычник говорил мне больше, чем христианин; симпатичным он мне показался очень, и стал я убеждать его сделаться христианином, стал говорить об истинном Боге, о пути спасения; минут пятнадцать проговорил, — и от всего сердца; смотрю, однако, беспокойно оглядывается мой слушатель; наконец, наметил шапку, схватил ее, — «а что, у нас здесь больше нет дела?» — обращается к христианину и встает проститься. Мелькнул у меня в воображении кум Демьянов, «схвативший в охапку кушак и шапку», хоть я вовсе и не был Демьяном. Что будешь делать? И вот таких японцев больше всего в Японии: люди добрые, симпатичные и в поведении, пожалуй, неукоризненные, но спит высшая сторона, составляющая подобие Божие, «дух»...

12 / 24 ноября 1896. Вторник

Вследствие недавнего письма к о. Павлу Морита, что если в продолжение двух месяцев в Такамацу у проповедника не завяжется никакого дела, то его нужно будет перевести в другое место, — убийственно длинный ответ от о. Морита и письмо проповедника Фирмина Ооцуки, что в Такамацу один крещен, один перешел в протестантство, новые слушатели есть, ревнители о Церкви — старые христиане, временно живущие там, есть, — две семьи, из коих одна — дочь врача Моисея Оота из Хамамацу со своим мужем, с детства благочестиво воспитанная (вероятно, Феодора, которую и я знал за очень благочестивую девицу) и прочее, и прочее. В таком случае: конечно, не может быть и речи о взятии оттуда Фирмина, но отчего же он ранее обо всем этом ни слова? Стало быть, Такамацу вовсе не такое безнадежное место для проповеди, как им его всегда представлял Василий Таде, старейший из катихизаторов, но, как видно, и ленивейший из них, — с Собора по Собор — год там ровно ни на волос ничего не сделавший.

В Хакодате число учащихся мальчиков и девочек в нашей школе постепенно убывает по причине увеличения числа школ в городе, но число девиц и молодых женщин, обучающихся шитью у нас, все более и более возрастает, потому что добрая нравственность их во время отлучки из дома не только не поставляется в опасность, а напротив, укрепляется христианским учением, которое преподается им кроме шитья. И потому о. Петр Ямагаки просил нанять еще учительницу шитья — христианку. Я ответил, что он может сделать это на плату, взимаемую за уроки шитья. Он ныне пишет, что на сию малую плату покрываются разные другие расходы по школе, и просит, по крайней мере, 4 ены ежемесячно на наем учительницы. На это я послал согласие.

13 / 25 ноября 1896. Среда

Вчера лишь только принял некоего Сато, молодого чиновника из Миядзаки (родом из Оита), желающего спросить о вере, как подают бумажку с надписью «Иван Станков». Велел войти, поспешил посадить, боясь, по его приемам, чтобы он не бросился в ноги. Милости просит: «Работал по слесарной части на строящейся в Приморской области железной дороге, захворал, прислали в Японию, ибо во Владивостоке стало очень холодно; поправился в Нагасаки, прибыл в Иокохаму, и теперь ни гроша денег; хотел бы отправиться в Канаду, чтобы там найти заработок,— средств нет, Иокохамский консул не хочет оказать никакой помощи: затопал ногами и прогнал; помогите!». Показал паспорт, рассказал еще, что уехал на заработок в Приамурье от несчастной жизни дома, в Варшаве, женат на польке, которая бросила его и живет с другим; друзья советовали исколотить ее до увечья,— ушел, чтобы убежать от преступления. Чем ему помочь? Сказал пока, чтобы пришел сюда пожить; в Иокохаме он платит жиду за ночлег 30 сен и ходит день голодным; здесь хоть по-японски будет даром есть; а там увидим, что дальше делать. Сегодня утром явился из Иокохамы с своим тощим чемоданом, и сегодня водворен в Миссии.

Наше Женское благотворительное общество, состоящее при Женской школе, праздновало десятилетие своего существования. Собрало и истратило на дела благотворения за это время 1050 ен 59 сен 9 рин 6 мон. Председательница общества Елисавета Котама, инспектриса Женской школы, напечатала подробный отчет брошюрой, которую сегодня и мне доставила. Благодарение Богу и за это!

14 / 26 ноября 1896. Четверг

Павел Яковлевич Дмитриевский, генеральный консул в Шанхае, пишет; просит икону Спасителя и христианских книг для научения вере японки, живущей там с одним греком; ребенок у них родился, которого, по их просьбе, крестил наш миссионер, проезжавший из Пекина в Ханькоу; так они для узаконения его хотят сочетаться законным браком, а для этого японка должна сделаться христианкой. Книги тотчас же отправлены; три небольшие иконки также посланы.

Надежда Такахаси, главная учительница в Женской школе, приходила просить позволения отдать в переплет периодические издания, получаемые у них, в редакции «Уранистики», в обмен за их журналы, отчасти и выписываемые за деньги. По приведении в порядок сих изданий оказывается сто томов их, выключая немалое число тех, которые признаны не стоящими сохранения. Подивился я сей плодовитости, но позволение переплести дал; будет стоить ен 17.

15 / 27 ноября 1896. Пятница

В отчаяние может привести этот о. Сергей Судзуки, священник Оосакский, своим, по-видимому, несправимым детским характером. Должно быть, ему и по гроб остаться ребенком; недаром его невзлюбили христиане в Оосака – именно за то, что ни совета, ни веского слова, – все только крихтит и отмигивается. А ведь заставить проповедь говорить, куда какую умную скажет, и убедительность откуда является! Дикция, осанка, солидность – все тогда в исправности.

Написал ему на днях то же, что говорил во время Собора, что храм в Оосака, если Бог даст, будет построен в непродолжительном времени, вероятно, в 1898 году. А он, забывши то, что я тогда говорил и принявши с восторгом, что ныне написал, зазвонил во все тяжкое! Всем христианам-де радость и прочее, и прочее. Представил, что храм в 1898 году непременно построен будет, – благодарит за это, восхищается. Должен был написать ему выговор с самым настоятельным пояснением, что «обещания построить в 1898» я не давал, все зиждется на если; если поможет Бог...; ну а если не поможет, если не найду денег на то и прочее? Словом, чтобы не шумел преждевременно, а молчал и молился, чтобы Бог послал помощь, а также, чтобы старался вместе с катихизатором о возвращении Живой Церкви, для которой еще и нынешняя Церковь, в доме устроенная, слишком велика, и стало быть настоятельной нужды в постройке нового храма еще не ощущается.

Из Нагоя не перестают писать, что владелец земли, на которой построен церковный дом, гонит их со своего места, или же требует по 30 ен за цубо, если хотят купить место; пишут, что тысячу ен христиане собрали между собою на покупку земли где-нибудь в другом месте под церковный дом и выставляют цены найденных к продаже участков, начиная от 100 ен за цубо и ниже; просят совета, где купить и сколько купить... Ответчено; что за глаза советы давать нельзя, но чтобы во всяком случае меньше 100 цубо не покупали. Обещал пожертвовать 100 ен на постройку молитвенного дома, когда купят землю.

16 / 28 ноября 1896. Суббота

Сергей Васильевич Муяки пишет из Кёото, что был в Оцу в доме, где перевязана была рана Наследника-Цесаревича; есть надежда, что дом можно купить; хочет купить его на имя о. Симеона Мии, а потом, когда иностранцам можно будет приобретать землю, перевести на свое имя; устроить витрину в комнате с вещами, служившими при перевязке, поселить в другой комнате катихизатора и прочих. Я ответил, что все это превосходно, и что дай Бог ему с о. Симеоном привести дело к вожденному осуществлению.

О. Борис Ямамура просит быть восприемником его внучки, от Стефана — сына; послал крестик ей, но написал, чтобы поставили еще крестным отцом достойного христианина из своих друзей, ибо я не могу надзирать за религиозным воспитанием восприемной.

17 / 29 ноября 1896. Воскресенье

Служил литургию с одним о. Павлом Сато, так как о. Семен Юкава говорит очередную проповедь, о. Фаддей — по Церквам, о. Роман внезапно поздно вечером вчера вытребован в Аннака к умирающему, ибо о. Тит Комацу, которому принадлежит Церковь в Аннака, путешествует где-то по своим Церквам другим.

После обедни были молодые из Тоёхаси: приемыш Симеона Танака, тамошнего богача, со своей молодой женой: Петр и Вера; десять дней тому назад повенчавшиеся. Петр торговал и в Калифорнии, видимо, надежный для поддержания дома Танака.

18 / 30 ноября 1896. Понедельник

Приходил японский артист-живописец и вместе радетьель о судьбах человечества. Ему лет больше шестидесяти; картины его, в японском стиле, есть и на выставке в Уено; приносил тетрадь, в которой на первой странице изображены орудия каменного века, на следующих иллюстрации усовершенствования рода человеческого до постройки железных пароходов, последние страницы изображают шар земной, пронизанный во всех направлениях и чуть не до центра, рудниками: то человеческий род извлекает металлы из недр земли для своих более и более расширяющихся в металлическом направлении потребностей. Бойтся артист, как бы не источили люди шар земной наподобие того, как черви истачивают кусок вкусного дерева в гнилушку. Чем помочь, чтобы сей беды не случилось? Наука, он уверен, ответа на сей вопрос не может дать. А вот не даст ли христианская религия?.. Я ответил, чтобы он сравнил диаметр земного шара с настоящими и воображаемыми, в пределах возможности, будущими рудниками, относительно их глубины, и успокоился; во-вторых, что все подобного рода вопросы религия предоставляет науке...

19 ноября / 1 декабря 1896. Вторник

О. Роман вернулся, отпевши в Тасино (не в Аннака, в телеграмме для краткости было) двоих умерших в доме Такегами — Иоанна от дизентерии (сикирибёо), порядочно ныне свирепствующей по местам; одна из умерших — младшая дочь Иоанна, сестра тоже умершей жены бывшего

катихизатора Сугита. Говорит о. Роман, что у Якова Негуро проповедь идет довольно успешно: в Аннака есть приготовленные к крещению. В Такасаки он виделся с Фомой Маки, который благодушествует; семейство прибыло к нему из Фукурои.

20 ноября / 2 декабря 1896. Среда

Был после полудня в Посольстве у Шпейера попросить его об отправке слесаря Ивана Станкова в Сан-Франциско; сказал он, что на казенный счет не имеет права отправить в Америку, но в Одессу может — на судне Добровольного Флота. Но Иван в Одессу не хочет, притом же я и не просил казенной отправки; помочь же частно Александр Николаевич Шпейер изъявил полную готовность. Завтра Иван пойдет в Посольство с подписным листом.— Кстати, сегодня в Посольстве видел аукцион вещей покойника Михаила Александровича Хитрово; при мне сабли его коллекции шли — знаменитой его коллекции, о которой даже Японский Император с ним говорил и интересовался ею; пока я наблюдал, продано четыре сабли — высшая цена была $2\frac{3}{4}$ ены, весьма мизерная цена.

Мало-премало молящихся из города было сегодня на всенощной пред праздником Введения Пресвятой Богородицы, а певчие пели превосходно; лучший резонанс под невысоким сводом против придела особенно красил пение.

После всенощной Андрей Имада, иподиакон, приходил просить 45 ен займа на погребение пепла брата Григория, умершего на Формозе и сожженного там. Так много не дал, а 10 ен подарил, — что будешь делать?

21 ноября / 3 декабря 1896. Четверг. Праздник Введения

Богослужение было в приделе Введения во храм Пресвятой Богородицы. Солнце ярко светило в окно, так что пришлось наполовину спустить гардину. Богослужение было оживленное, стройное, благолепное, пение прекрасное, проповедь умная (хоть несколько резонерная, — Арсений Ивасава); но молящихся из города и десятка не было; грустно! И не знаю, как побудить христиан ходить в Церковь в двенадцатые праздники. Им ли не толкуется, и в проповедях, и так, — «ходите в Церковь»; слушают, соглашаются и все-таки не ходят.

Часу во втором о. Павел Савабе явился, прямо с железной дороги, и говорил часа три. Старик в ударе; а когда это, так его заслушаешься. Описал состояние трех Церквей, посещенных им: в Уцуномия, Сиракава, Сендая. Церковь в Уцуномия, по его словам, совсем плоха; главное — оттого, что христиане в разладе с о. Титом; серьезных причин к разладу нет, кроме того, что о. Тит сконфузился в деле сватовства христианки за

Варнаву Симицзу — катизатора, а потом за своего сына Романа, — дело уже давно прошедшее, но тем не менее неизгладимое и показывающее, какая безукоризненность нужна священнику христиан новых. Не нравится еще христианам то, что ныне Роман, сын о. Тита, обратился в зеленщика, да и неудачного: развозит на тележке зелень для продажи, но одет не по-приказчицки; торговля идет в убыток, а между тем в городе все знают, что он сын священника, и неодобрительно отзываются об отце, не умеющим поставить сына на более приличную ему дорогу, тем более, что сын с гимназическим образованием и поведения хорошего. — Впрочем, Церковь Уцуномия небольшая: и то, или другое состояние ее не представляет особенной важности вообще.

Церковь в Сиракава стоит прочно в лице главных своих христиан, и Церковь там большая; домов сорок и ныне есть. Но значительно уменьшилась она сравнительно с тем, что было прежде, когда о. Павел Савабе жил там; до 160 христиан о. Павел насчитал, ныне не обретающихся в Церкви (кроме сотни выбывших за смертью).

— Где они? — спросил я.

— Тридцать человек переселились в другие места; прочие — или развратились поведением, или охладели верою.

О теперешних катизаторах в Сиракава: Савве Ямазаки и Георгии Абе — о. Павел отзывается так, что их тотчас следовало бы поместить отсюда, если бы было кого послать на место их. Савва Ямазаки особенно жалок. Я-то считал его всецело преданным делу веры — «потому-де и не женится, не хочет стеснять себя семейством, чтобы свободней служить Богу». Оно, может быть, так и было первоначально; недаром он в прежние годы заслуживал восторженные похвалы христиан. Ныне же он не более, как вполне ослабевший онанист; то-то христиане Наканиеда так желали отделаться от него; дивился я, отчего лучшего из катизаторов так не взлюбили, думал, будут сожалеть о нем, а Сиракава будет счастлива, что приобрела его. Увы, Сиракава несчастлива им! Загадил церковный дом до ужаса; в молитвенной комнате «котацу» устроил; и мерзость запустения там, по словам о. Павла. Вдвоем с Георгием Абе — Савва ленились и спали все время, вставали с постели в десять часов утра; прочее время проводили в ничегонеделаньи. Ныне оживила несколько церковный дом жена Абе, недавно прибывшая туда (Мария Касукабе, бывшая воспитанница Женской школы); она учит по вечерам детей, собирающихся в молитвенном доме, преподает церковное пение, заботится об опрятности. — Но и при таких плохих руководителях Церковь в Сиракава стоит прочно благодаря людям, воспитанным в христианском духе (недаром там о. Павел Савабе жил десять лет). Главные из них: Хотта Николай со своею матерью Соломиею, Авраам Хирасава с женой Нонной и Мария Такахаси, девица тридцати двух лет, посвятившая себя вполне благо своего младшего брата, которого уже воспитала, и другим

добрым делам. Про истинное доброе влияние сих лиц на окружающих о. Павел рассказывал разное, например, у Авраама Хирасава, красильщика, несколько учеников, и все христиане, все уделяют на Церковь из того небольшого, что, по обычаю, дается ученикам в праздники; но один Матвей, ныне двадцати лет, из этих денег никогда ни сена не употребляет и не употребляет на себя, а все, вот уж несколько лет, жертвует на Церковь; да кроме того, почти совсем самоучка: просиживал за книжками до полночи, успел порядочно образовать себя и ныне всячески старается распространять христианское образование, преподавая на вечерних курсах в церковном доме.— Страстно желают христиане Сиракава (с окрестными деревнями) приобрести себе постоянного священника. Для этого собирают деньги и уже накопили около 500 ен; дойдя до тысячи, попросят священника с тем, чтобы ему оставалось катихизаторское жалование от Миссии, прочее же они будут дополнять процентами с своего капитала. Чрез пять лет надеются осуществить свое желание. Но, быть может, и прежде можно. О. Павел говорит, что Иоанн Ямазаки, ныне катихизатор в Иоцуя, здесь в Токио, брат Саввы, уже женатый, был бы хорош для Сиракава в священники. Я вполне согласен: Иоанн Ямазаки одним из первых кончил Семинарию и священником во всяком случае должен быть, лишь бы достигнуть (безукоризненно) тридцатилетнего возраста. И благослови его Бог в Сиракава! Только теперь еще рано: ему лет двадцать семь, не больше. Замечательно, что в Сиракава католики и протестанты почти совсем исчезли, а были когда-то сильны. Ныне, последний в Сиракава еще верующий католический дом хочет обратиться в Православие; молиться к нам ходят, и усердие к нашей Церкви показывают еще большее, чем наши собственные христиане.

Церковь в Сендае о. Павел нашел лучше, чем как слышалось о ней: старосты с о. Петром Сасагава совсем не в разладе; долг церковный скоро совсем выплатит, храм течет немного, и скоро поправят; новые слушатели учения есть.

В гостинец мне о. Павел привез из Сиракава две речные рыбицы, выловленные нарочно для того и не уснувшие дорогой, хотя он вез их в платке: ныне они плавают в кадке к удовольствию зрителей, особенно малышей-семинаристов.

22 ноября / 4 декабря 1896. Пятница

От Иоанна Судзуки, катихизатора в Оцу, весьма неприятное известие: богач тамошний Павел Саймару и другой христианин Петр Кондо собираются завести публичный дом; сколько Судзуки не усовещевал их, не слушают. Теперь там священник их о. Фаддей. Не послушают ли его; на днях он вернется; если привезет известие, что и его не послушали, то

написано будет от меня письмо; если и меня не послушают, придется отлучить от Церкви по 86 правилу VI Вселенского Собора.

Гавриил Ицикава, катихизатор Токусима, опять просит о допущении Павла Хацисука в школу и потом о принятии на катихизаторскую службу; пишет, что уж очень он кается и ведет себя ныне как самый усердный христианин, и что если не исполнить его неоднократной усиленной просьбы, то он в отчаянье впадет. Напишем, что пусть время до будущего сентября послужит временем его испытания; если поведение будет неизменно хорошее, то в сентябре может явиться в школу.

23 ноября / 5 декабря 1896. Суббота

О. Фаддей Осозава вернулся с осмотра Церквей в Симооса. Особенно хвалит успехи Филиппа Узава: в один ри от Кабусато старшина деревни, человек очень богатый и уважаемый, стал учение слушать, собрав еще многих к тому же и намереваясь все селение сделать христианским. Так как Узава, имея школу, и у себя много занят, то о. Фаддей нашел нужным дать ему в помощники Антония Обата, катихизатора в Канаици, а Канаици поручить Тихону Сугияма, у которого в Тега слушателей нет. Я одобрил это, и он сделает так.

До Оцу о. Фаддей в этот раз не дошел, а отправится туда скоро, он говорит, что еще не поздно будет остановить нечестивое предприятие Саймару и Кондо, если только они послушают его.

24 ноября / 6 декабря 1896. Воскресенье

О. Павел Савабе после обедни зашел и предложил немедленно отправиться по Церквам для обзора и оживления их. Я всегда вполне готов соглашаться с ним во всем, что обещает хоть малую пользу Церкви, и потому благодарил его за ревность и тотчас же согласился на его желание проехать по Церквам о. Петра Кано и потом о. Матфея Кагета. Будет написано к сим отцам, чтобы они сопровождали его по Церквам своего прихода и вместе с ним содействовали возбуждению к вящей деятельности катихизаторов и одушевлению христиан. Конечно, пользы большой ожидать нельзя: стар уж он и слаб, вспышки в нем есть, а огня горящего — где же! Тринадцать лет тому назад как раз он был назначен на это дело — благочиннического посещения Церквей, и тогда много пользы мог бы принести, но вместо того немало вреда причинил своим пессимистическим, безотрадным воззрением на посещенные Церкви и своим возмущением против меня в 1884 году вместе с десятью катихизаторами, которые почти все и были позорны для церковной службы. Немало кается он и сам в этом и, по-видимому, хочет наверстать. Дай Бог!

25 ноября / 7 декабря 1896. Понедельник

С часу пополудни было у меня собрание священников, чтобы рассудить, достоин ли избрания во священники катихизатор Роман Фукуи. Присутствовали оо. Павел Савабе, Сато, Юкава, Циба и молодой Савабе, Алексей. Имя Романа Фукуи, как кандидата иерейства, было произнесено еще во время Собора, но тогда же и отвергнуто, два священника оо. Петр Сасагава и Павел Оота заявили, что за ним есть проступок, воспреещающий священство; знают они по духу, отчасти и по открытым слухам. Но о. Николай Сакураи, вопреки сему, уже из Хоккайдо ныне, и неоднократно, просит поставить Романа священником для Неморо и окрестных Церквей. Пришлось подробнее разобрать дело, что и сделано сегодня. О. Павел Савабе был адвокатом Романа, но уже не таким решительным, как прежде. У него в руках были собраны все документы якобы в пользу невиновности Романа; к нему Роман много писем написал с клятвами о своей невиновности и вместе с некоторыми противоречиями одно другому. Главный документ, предъявленный о. Павлом: письменное уверенье Марии Иими (в интимной связи с которой подозревается Роман), что «она сказала на исповеди о. Петру Сасагава, что грешна в прелюбодеянии с Романом не потому, чтобы это было правда, а потому, что хотела развестись с мужем Дмитрием Иими». Но это показание ее противоречит тому, что она много лет еще после сего жила с Дмитрием и ничем не показывала желанья или намерения развестись с ним. Даже потом сама призналась мужу в связи с Романом, и после того все-таки несколько лет жили они супружески. Между тем Роману передавала много денег и вещей, о чем сам Роман пишет и что совсем необъяснимо без интимной их связи. Словом, сильного подозрения в прелюбодеянии Романа никак нельзя устранить: все священники нашли это и вместе с тем решили, что священником его поставить нельзя. Дела эти Романа с Марией были мейдзи в 13 и 14 годах, когда он служил катихизатором в Сидзуока и окрестностях, то есть пятнадцать и шестнадцать лет тому назад. Весьма прискорбно! Еще один из наиболее достойных, в других отношениях, наших катизаторов, не могущий двинуться вперед по грехам юности!

Затем еще священникам предложено было рассудить о Павле Хацисука. О. Павел Морита просил принять его в школу, затем опять на службу, я отказал; ныне Гавриил Ицикава просит о том же; думал я было написать в Токусима, как выше, на 417 странице означено; но раздумал до совета с священниками. Все нашли, что нельзя принять его ни в нашу школу, ни на службу: уж очень он компрометировал себя после того, как оставил катихизаторскую службу, бродяжничеством, пьянством и подобным.

26 ноября / 8 декабря 1896. Вторник

Сегодня утренним занятием мы с Павлом Накай закончили перевод Нового Завета. Начали в сентябре прошедшего года — значит, много больше года употреблено. Ежедневно сидели с половины восьмого до двенадцати и вечером с шести до девяти. Теперь больше года еще займет исправление перевода, пока решимся напечатать. Каждый день истощали все силы перевести хорошо, и каждый день оставались недовольны. Употреблены все меры ясно вразуметь и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все все лексиконы — каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом — словом, добросовестность не нарушена; и при всем том перевод плох, хотя, конечно, лучше китайских и японского; последний вульгарностью своею немало иногда потешал нас; из китайских — наш пекинский также потешал; лучший из китайских — тот, что ныне в общем употреблении и в Японии. При всем том и этот, не говоря о других, таков, что Накай, прочитывая стих — из десяти восемь не понимал; из десяти стихов пять не понимал даже и по японскому (вульгарному) переводу. Можно себе представить, насколько ясно понимают Священное Писание не столь ученые японцы, как Накай! Наш перевод, по крайней мере, ясен, и связь мыслей в нем по возможности соблюдена — по возможности, конечно, ибо, например, у Апостола Павла длинные его периоды необходимость заставляла разбивать на части, причем оригинальное течение речи и мыслей никак не могло быть соблюдено. — Помози, Боже, теперь исправить, что можно!

27 ноября / 9 декабря 1896. Среда

О. Николай Сакураи пишет, что Исайя Секи, катихизатор в Эсаси, ленится; просит письмом отсюда побудить его. Письмо будет написано, но такого ленивого человека, как Секи, едва ли можно тронуть письмом; отставить бы его, но тогда малая горсть христиан под его ведением и совсем рассеется.

Матфей Юкава, катихизатор Накацу, на Киусиу, пишет еще хуже: двое христиан у него, два родные брата, поступили так: старший брат стал жить с женою младшего, а сей — с сестрою ее, и живут себе в одном доме, как ни в чем не бывало; только не в Накацу, а в $1\frac{1}{2}$ ри от города. Христиане очень возмущены этим и требуют, чтобы они были отлучены от Церкви. Конечно. Написано о. Петру Кавано тотчас же: разлучить их, назначить епитимию: а не послушаются, исключить из числа христиан.

Нифонт Окемото пишет, что засватал Елену Савабе, что в Женской школе. С Богом!

28 ноября / 10 декабря 1896. Четверг

О. Павел Савабе приходил сказать, что готов к отправлению по Церквам (несколько дней у него взяло вставление зубов); дорожных попросил 15 ен; намерен ныне побыть у о. Петра Кано, и затем провести Рождественские праздники в Тоёхаси, в приходе о. Матфея Кагета. Отправляется он в качестве благочинного. Я продиктовал секретарю письмо к о. Петру Кано, чтобы он принял о. Савабе, как благочинного, показал ему свои Церкви и вместе с ним постарался одушевить катихизаторов своих и более усердной деятельности, а в христианах возбудить более живое чувство благочестия. Если что-либо помешает ему, о. Петру, проехать вместе с о. Павлом по Церквам (например, говельщики, по нынешнему времени поста), то чтобы всюду по Церквам послал письма к катихизаторам и христианам, чтобы хорошо, с любовью, приняли о. Павла и постарались воспользоваться его посещением к назиданию себе и оживлению Церкви. К о. Матфею Кагета подобное письмо будет также отправлено.

29 ноября / 11 декабря 1896. Пятница

О. Симеон Мии описывает поездку свою в Церкви Мива и Нара; хвалит усердие христиан в Мива; желают они очень помещения катихизатора там, и о. Симеон имеет в виду с нового года учредить там катихизаторский стан, прося на сие благословения. В добрый час! Пусть также и в Нара постарается водворить нашу проповедь. В этом смысле и написано ему.— Из Нара, между прочим, поучительный урок со стороны протестантов касательно школьного дела. Завели там американские епископы прогимназию — разумеется, с целью пропаганды; издержались много на зданья и все обзаведение. Начальник школы, некто Кавамура, конечно, был их христианин; весь школьный штат, кажется, тоже состоял из христиан. Заведывал школою состав «of trustees» — все, без сомнения, из христиан — туземных и американских (миссионеров). Высший же надзор имел bishop Mac Kim, еще недавно так некстати похвалившийся в газетах, что в этой школе не может случиться скандала, подобного «Дососия» в Кёото,— епископ-де назначает властей школы и так далее. И вдруг скандал, еще худший, чем у Конгрегационалистов в Кёото! Кавамура, быть может, и христианин, но выше того, по-японскому обычаю, гипер-патриот, и потому в одно прекрасное время повел своих учеников в синтуисскую кумирню, и все они сотворили там поклонение синтуисскому божеству. Совет trustee's нашел, что такой начальник школы вовсе не годен в деле пропаганды, и потому велел ему удалиться со своего поста. Ученики взбунтовались; Кавамура подогрел их, «апеллируя» к ним; они после безуспешных депутаций к миссионерам с просьбою

оставить Кавамура начальником школы, рассвирепели и разрушили в школьных домах все, что можно было разрушить: окна, мебель, дорогой физический кабинет. Теперь в газетах и японских, и аглицких Кавамура против миссионеров, миссионеры против Кавамура — и все в самых вежливых и любовных выражениях, что уж точно подслащенная до отвращения микстура. Урок: не заводить школы для язычников с тайным намерением вербовать из них будущих служителей веры: университет Доосия и прогимназия в Нара уже обожглись на сем — первый американских конгрегационалистов, вторая американских епископалов.

30 ноября / 12 декабря 1896. Суббота

Из Такасимидзу длинное письмо: описывают ремонт своего церковного дома. Христиане сложились и дали 75 ен, на каковую сумму и была поправлена текущая крыша и все внутри, даже выкопано озерцо в садике при Церкви. Приложено похвальное письмо о катихизаторе Василии Иваиса — он-де возбудил усердие и был виною всего. По окончании ремонтных работ призван был о. Иов Мидзуяма — освящено все, и для христиан был праздник. Письмо отдано в «Симпо» для напечатания.

Утром, во время перевода расписок к Отчетам (ибо Накай все эти дни считывает со стариком Алексеем Оогое переписанный сим перевод наш Нового Завета) были у меня гости: Оверин с молодой женой и Петров — купцы наши из Ханькоу.

1 / 13 декабря 1896. Воскресенье

В прошлую ночь, в половине двенадцатого часа, слышу со второго этажа пение, стук дверей; иду туда и нахожу половину учеников, и больших, и малых, разговаривающих и бродящих; пошел к Кавамото, чтобы, если спит, разбудить его и указать беспорядок, ибо хотя в незаметное время, пред праздниками, или во время оных, ученикам позволяется ложиться позже десяти, но к одиннадцати непременно все должны быть в постелях. Кавамото не только не спит и слышит все, но у него же в комнате трое малышей бодрствуют. Совершенно еще ребенок он сам, Кавамото! Куда ему рдеть о пользах учеников! Ни мысли о том, что вредно, особенно малым, поздно не спать; от разных таких вредностей, повидимому, не важных и происходит то, что ученики начинают страдать то головой, то грудью; поневоле уходят из школы — и вот в высшем классе у нас всего четверо осталось; из нынешних 26 малышей низшего класса, если им позволять вольничать, а не беречь их по-матерински, тоже не больше добредут до окончания курса. «Кончѐ» наблюдать бы за точным исполнением правил, блюдущих здоровье учеников, но за ним наблюдать нужно. Эх, людей нет!

2 / 14 декабря 1896. Понедельник

Был в Иокохаме разменять в банке пришедший вексель суммы из Московского общества за нынешний год; десять тысяч опять положил в банк Мицуи вместо недавно взятых оттуда на текущий счет. Теперь там три с половиной тысячи на процентах. Дал бы Господь накопить сумму, чтобы процентами из нее хоть несколько обеспечить служащих Церкви, но далеко-далеко еще до этого! И, избави Бог, прекратится присылка из России — в дребезги разобьется Японская Церковь, потому что все — младенчество по душе и нищенство по состоянию. Храни, Боже! И помози.

3 / 15 декабря 1896. Вторник

Начались экзамены в Семинарии и Катихизаторской школе; все написали сочинения, а после обеда семинаристы сдавали экзамен по китайскому языку.

Был Владимир Мураками, вернувшийся из Нагоя; привез письменное решение и подписку тамошних христиан на покупку земли под церковный дом. Подписали около 400 ен, вкуче с христианами Оказаки и Тоёхаси, у которых хлопотал Мураками. Видно, что очень усердствуют, но на покупку земли едва соберут, — больно уж земли дороги. Я подписал вновь 100 ен. Можно бы подписать и больше, да Петр Сибаяма, катихизатор, заправляющий там делами, человек ненадежный, судя по тому, как он озлобился на своего священника о. Матфея Кагета за выговор, как ничем нельзя было истребить его злобы и как он, наконец, выжил о. Матфея из Нагоя (то есть от заведывания сею Церковью, возмутив против него христиан).

4 / 16 декабря 1896. Среда

Экзамен в Семинарии по математике и физике производился письменно, и потому я не ходил, а занимался переводом расписок. Утром был некто Камацубара, бывший когда-то в Катихизаторской школе, уроженец Хитокабе; только что вернулся с Формозы, куда отправлялся в качестве писаря по какой-то правительственной части; имел общение там с семьей нашими христианами разного звания; все они, по его словам, твердо хранят веру, собираются иногда для взаимного утешения и молитвы. Но больше всего там католиков и протестантов: и из туземцев уже многие сделались христианами и являют себя очень усердными. Истинно жаль, что мы не имеем кого послать туда катихизатором!

Производили рассылку содержания по Церквам за первый и второй месяцы будущего года; 2600 ен отправлено, немножко больше половины всего содержания служащих Церкви по провинциям.

Секретарь Нумабе из частного письма к нему о Катакура сообщил, что катихизатор Лука Ясуми не перестает входить в новые долги, несмотря на все мои выговоры и запреты ему во время Собора здесь. Значит, скоро выбудет со службы, ибо и себя губит, и Церковь срамит.

О. Павел Сато приходил просить надбавить за квартиру в Иокохаме, катихизаторскую, 50 сен, ибо требуют сей надбавки, а христиане-де сами не могут, хотя последнее и неправда, но не стал входить в состязание, согласился. Просил дальше прибавить содержания Алексею Оогое; ныне получает 12 — дать 15; но за что? Впрочем, так как старик примерно служит, хотя и в своей незаметной службе письмоводителя по построечной канцелярии и помощником по изданию «Уранисики», то я взялся вносить плату за сына его, обучающегося в университете, Василия, 2¹/₂ ены в месяц — гесся — из своего личного кармана, не из миссийских.

5 / 17 декабря 1896. Четверг

Был на экзамене по Священному Писанию в обоих классах Катихизаторской школы. В низшем всего 6 человек и наполовину совсем плохие. Впрочем, отвечали порядочно.

Reverend Loomis был, просил фотографию Собора для Rev. Griffis'a, бывшего здесь миссионера-американца, очень плодovitого писателя об Японии; дал фототипии внутреннего и внешнего вида Собора.

Был капитан «Димитрия Донского», вчера пришедшего на Иокохамский рейд; приглашал завтра на обед к нему на судно; я отказался; далеко, да и дел много.

6 / 18 декабря 1896. Пятница

Так как сегодня тезоименитство нашего возлюбленного Императора, то в Соборе был молебен о его здравии, долгоденствии и спасении, — за неимением ныне посольского священника и невозможностью посему иметь службу в Посольской Церкви, господин Шпейер дня за четыре предупредил меня о сем. Сегодня утром я сказал в Семинарии и Женской школе, что в одиннадцать часов будет молебен. Пришли, кроме поющих, и все учащиеся. Из русских приехали в Собор члены Посольства, резиденты Иокохамские, несколько офицеров с «Димитрия Донского» и «Манчжура», стоящих в Иокохаме; кроме того, были французский посланник, французский военный агент, французский драгоман. Певчие и учащиеся собрались в полном порядке, и в одиннадцать часов начался

после звона и под трезвон задравный молебен: я говорил ектении и все, что произносит диакон и священник, по-русски, певчие пели по-японски; многолетие в конце я сказал по-русски, певчие «икутосимо» пели тоже по-своему. Сослужащие были оо. Павел Сато и Роман Циба и диакон Стефан Кугимия, которому только и пришлось сказать в начале: «Сюя, фукуо кудасе».— После я был в Посольстве вместе с другими приглашенными на завтраке, где на скорую руку приготовили для меня постное, ибо Анна Эрастовна, говорит, «забыла, что ныне пост».

Когда вернулся домой, то скоро гостем прибыл ко мне священник «Димитрия Донского» о. Александр, иеромонах, учившийся монашеской жизни на Валааме, в мире дворянин Назимов, уроженец Тверской губернии, имеющий двух братьев офицерами с Семеновском полку, одного на флоте, но, конечно, более желателен на судне иерей с более серьезным богословским образованием. Профессор Рафаил Густавович Кёбер приехал дать урок на фортепьяно нашим учительницам в Женской школе; месяцев шесть уж не был он и нашел их очень успешными; действительно, начинают играть весьма порядочно и главное — по лучшим правилам и с безукоризненными приемами фортепианной игры, внушенными одним из лучших учеников всесветной фортепьянной знаменитости — Рубинштейна.

Иван Акимович Кавамото принес 50 ен, пожертвованных сегодня на бедных каким-то проезжим русским инженером, посетившим Миссию в то время, когда я был в Посольстве. Так как на «бедных», то я сказал ему передать сию жертву в «Дзезенквай» — наше Женское благотворительное общество, председательницей которого Елисавета Котама, инспектриса нашей Женской школы.

Сейчас (половина десятого вечера) пришел Исаяя Мидзусима. Набат больше часа уже слышался из города; оказывается, что и он погорел: кроме небольшой связки книг, ничего не мог спасти; платье и все погорело.

— Жена и дети где? — спрашиваю.

— Там стоят, на улице.

— Ведите сюда, в классной комнате внизу все переночуйте.

— У меня есть знакомые в Коодзимаци, туда сведу, — говорит. И дальше:

— Завтра после всенощной моя очередь проповеди, сгорела приготовленная рукопись, но содержание следующее... — и минут пятнадцать говорил мне содержание с спокойствием, поистине удивительным со стороны человека, только что выхватившего своих детей почти из огня, ибо пожар начался в соседнем доме, а вход к нему до того тесный, что вот он, кроме своих двух малюток и нескольких книг, ничего не мог спасти из своего жилища. Малютки эти и жена мерзнут там не холоде, а он спокойно читает запись своей памяти; я тоже спокойно выслушал его, чтобы дать ему нравственное удовлетворение.

7 / 19 декабря 1896. Суббота

О. Павел Савабе пишет из Сюзендзи: по разговору с о. Петром Кано, в Одавара, находит приход его в большом упадке и предлагает, как единственное средство к оживлению его, разделить его надвое и для Церкви Идзу поставить другого священника, потом служащим обоих приходов и христианам раза два в год делать общие церковные собрания для рассуждения о церковных делах и лучшего ведения их. То есть, по обычаю, о. Павел Савабе фантазирует: ну где же нам взять человека в иереи для Идзу, когда и в такой обширной Церкви, как Хоккайдо, мы не находим возможности удовлетворить насущнейшей потребности разделить ее надвое поставлением другого священника для нее, или дать другого священника для давно требующего разделения надвое прихода о. Бориса Ямамура? Кроме письма о. Савабе и тщательно составленный план — географическую карту двух проектируемых приходов прислал, и все тщетно, потому что людей для поставления в священники нет. — О. Петр Кано, со своей стороны, пишет, что «в плавании по житейскому морю нашел ныне в о. Павле Савабе свой компас». Если бы я не знал о. Петра за человека серьезного, то принял бы это за злую насмешку; но о. Петр просто рад посещению о. Павла Сато и дружескому разговору с ним и хочет сказать ему любезность в японском духе от всего сердца. Утешительного только тут мало потому, что О. Петр останется тем же вялым человеком, совершенно равнодушным к спячке его катихизаторов и плохому состоянию Церкви.

О. Матфей Кагета описывает свой обзор Церквей и, по-всегдашнему, ничего утешительного не молвит, все спит или рушится — одна речь у него. И это, вероятно, сушая правда о некоторых Церквях; например, пишет, что в Оказаки теперь еще плоше, при Павле Окамура, чем при прежнем катихизаторе; в Фукурои Яков Ивата не заслуживает ни любви, ни уважения христиан; конечно, все это так и есть. Но, Боже, где людей взять?

8 / 20 декабря 1896. Воскресенье

Дождь и слякоть. В Церкви были одни японцы, между тем как в последнее время всегда бывали и русские. Было причастников человек сорок.

Александр Николаевич Шпейер, посланник, прислал 32 ены, «принося душевную признательность за доставленный нам третьего дня случай помолиться о здравии и благоденствии Государя Императора, для поступления с его суммою по усмотрению Вашему». Я положил 30 ен разделить певчим, а 2 ены положить в церковную кружку. Певчих оказалось: мужских — регент (Алексей Обара), 8 учителей пения (собственно

сборных певцов, кончивших курс в Певческой школе) и 37 учеников (34 семинариста и 3 ученика Певческой школы); девиц: — 7 учительниц и 60 учениц; всего, с регентом, 113 человек. Разделено было так, регенту вчетверо против простых певчих, учащим вдвое; всего сумма разделена на 131 часть, и досталось: Алексею Обара 92 сен, учащим по 46 сен, простым певчим, одинаково мальчикам и девочкам, по 23 сен. Почему и передано для раздачи Алексею Обара: 13 ен 11 сен, Надежде Такахаси: 17 ен 2 сен. Остальные из 32 ен, 1 ена 87 сен, опущены в церковную кружку.

Из Оцу (где ранен был Цесаревич) получено письмо от язычника — просит христианского научения; отвечено ему, чтобы искал он того у о. Симеона Мии; а о. Симеону Симеону, в Кёото, я написал, чтобы он постарался удовлетворить желание сего язычника; быть может, он поможет потом начать церковное дело в Оцу, очень уже помышляет о. Симеон; судя по письму, язычник этот человек серьезный. Написал также о. Семену, чтобы он принял о. Павла Савабе и провел его по своим Церквам.

О. Иов Мидзуяма пишет об обращении глухонемого; впрочем, не от рождения глухонемой, так что с ним можно объясняться письменно. В Санума христиане нашли для покупки дом под Церковь. В Такасимидзу христиане очень полюбили нынешнего своего катихизатора Василия Ивама, что очень приятно.

9 / 21 декабря 1896. Понедельник

Был на экзаменах в Семинарии, в седьмом и четвертом курсах.

О. Мии пишет, что продается в Кёото место, которое хорошо бы купить для Церкви: в центре города, все известное «Кёото Норакудо», где производятся почтенные в Японии танцы «Но». Но всего только 300 цубо, а цена семь тысяч ен. Ответил о. Семену разными соображениями; увидим, что будет.

10 / 22 декабря 1896. Вторник

Слушал на экзамене учеников 1-го класса Семинарии по Священной истории. Все отвечали хорошо, что учили, но учитель Марк Сайкайси не дополнял их знаний по учебнику; «объяснял-де, говорит, по Лопухину». Наказал я ему вперед самому прочитывать пред классами Богословского и по нем дополнять учебник Соколова. Еще дал выговор, что не поправляют говоренье учеников; один к каждому слову прибавляет «а», другой съедает половину слов, третий неразборчиво гугнявит и подобное, — и учителям горя мало! Вот уж пешки профессора наши! Ничего

рационального, никакого доброго участия к делу! Таков уже знать бедный и бессердечный народ выбрался, за неимением лучших!

О. Сергей Страгородский из Афин пишет: все-таки желает сюда. Посмотрим, что Бог даст.

Ковер сегодня у меня в приемной переменили после десяти лет; старый в частной моей комнате приладили, и значительно теплей ногам.

Вторую половину содержания служащим Церкви за первый и второй месяцы разослали — 1900 ен.

11 / 23 декабря 1896. Среда

Был на экзамене в Женской школе у младших; отвечали все по Закону Божию безукоризненно хорошо.

Иоанн Акимович Кавамото вечером пришел рассказать, что ученик младшего курса Катихизаторской школы Канасуги нагрубил сегодня училищному нашему врачу Оказаки, нагрубил без всякой причины и нахально. Я поручил Кавамото извиниться пред доктором за меня, снесши мою карточку, и от себя, и сказать, чтобы вперед Канасуги не принимал, а сему заявить, чтобы, коли захворает, лечился где хочет за свой счет да, кроме того, написать Филиппу Узава, определившему его сюда, о его грубости, а также неуживчивости в школе, ибо сегодня ссорился с товарищами.

Сегодня Василий переменил синее сукно на моем письменном столе; прежнее одиннадцать лет служило.

12 / 24 декабря 1896. Четверг

Был в Семинарии на экзамене по Логике и Священному Писанию. Первую преподает Даниил Кониси очень недурно, второе Павел Сато — тоже порядочно.

Раздосадовал письмом своим о. Игнатий Мукояма; просит назначить Анну Ока, вдову в Цуяма — «денкёо-ходзё». О том, что вдовам, достойным того, должно сначала научиться здесь, живя в Женской школе, всему тому по части вероучения, что преподается готовящимся в катихизаторы, — об этом, что так ясно внушалось на Соборе, ни мысли, ни слова. Как видно, смущает пример Юлии Токухиро в Кобе, назначенной в «ходзё» без образования здесь. Итак, я написал о. Сергию Судзуки, что Юлия с третьего месяца выключается из «ходзё», за первый и второй месяцы ей отослано содержание, по 6 ен, это в последний раз, затем, если хочет, может служить частно. О. Игнатию, конечно, тотчас же послан отказ в его просьбе касательно вдовы Ока с напоминанием всего, что было внушаемо по сему предмету.

13 / 25 декабря 1896. Пятница

Был на экзамене в Женской школе: по Закону Божию; старшие воспитанницы отвечали, как и всегда, отлично.

Христиане из Канаици пишут, жалуется на то, что о. Фаддей отнял у них катихизатора Обата. О. Фаддей говорил мне, что Обата слишком молод для самостоятельного поста, и потому он переводит его в помощь Узава. Я согласился тогда; но оказывается, что Обата не настолько плох, чтобы не заслужить любовь христиан. Так как о. Фаддей ныне в отсуствии, то ответ отложен до его возвращения.

Стефан Мацуока, катихизатор в Фукуока, на Киусиу, пишет о препятствиях его проповеди: 1. Универсалисты — проповедники белиберды, явившиеся из Америки, — ругают все христианство вообще. 2. Католики поносят православие в частности; недавно на «энзецу квай» католик-чиновник там блядословил, что в России Царь — Папа, вера — средство лишь держать народ в тирании и подобное; католики в Фукуока довольно сильны; ныне строят свой храм в одиннадцать тысяч ен. 3. Ultra-патриоты японские внушают ненависть к России; праздник недавно там был в честь моряков; 50 подарков им возили по улицам, и из них на 28 (или 29) стояли возмутительные против России знаки в воззвания. Но сильнее всех в Фукуока протестанты-епископалы, тоже, конечно, не друзья Православию; у них там будто бы до сорока мест проповеди, до одиннадцати миссионеров.

14 / 26 декабря 1896. Суббота

Был на экзамене по русскому языку в первом классе Семинарии; Иоанн Кавамото, учитель, по неопытности, парил в высотах, оставляя нужную твердую почву. Ученики, четыре месяца тому назад поступившие, вкусили спяженье, а читать ни один не умеет. По Нравственному Богословию также сделал ему замечание: два учебника — глава по одному, другая по другому (по Солярскому, или Олесницкому), что не может не производить путаницы в головах учеников и не ронять пред ними авторитета самой науки, которую они не имеют и возможности узнать иначе, как по своим руководствам.

Сегодня экзамены кончены. Списки составлены, но объявятся в понедельник — сегодня было поздно.

Евфимия Ито принесла две полы золотого шитья на жертвенник главного Алтаря Собора. Дал по 1 ене пяти золотошвеям и по 50 сен другим, менее потрудившимся, — все учительницы. Ученицы вышли покровра для провинциального престола, дал по 15 сен на кваси.

Послал письмо о. Сергию Страгородскому в Афины: звал его сюда в ответ на его желание; заказал два бочонка церковного вина по 6 дюжин и 12 дюжин деревянного масла.

15 / 27 декабря 1896. Воскресенье

После обедни Иоанн Фукуда из Канаици приходил просить и на словах об оставлении там на проповеди Антония Обата, полюбили-де его христиане, и слушатели у него есть, особенно в соседней с Канаици деревне. Я сказал, что когда вернется о. Фаддей, я с ним поговорю об этом и, вероятно, Обата будет оставлен у них. Просил еще Иоанн назначить к ним катихизатором бывшего иеромонаха Павла Ниццума. На это ответил, что никак нельзя; изменивший своим обетам и служению Церкви вторично не может быть назначен на это.

— «Моккё» — молчаливое разрешение не возможно ли?

— Это можно. Частным образом он может проповедывать; если кто станет у него спрашивать о Христе, и он будет правильно сообщать вероучение и тем приводить спрашивающих ко Христу — это будет спасительно и для него, и для них. Это я даже советовал ему, так как он отлично знает вероучение.

16 / 28 декабря 1896. Понедельник

Утром, в половине девятого, был в Женской школе на объявлении списков. В девять часов списки читались в Семинарии и Катихизаторском училище. Так как экзамены везде показали успехи и поведение учащихся было хорошо, то учащие поблагодарены, учащиеся поздравлены с добрым окончанием занятий и дано в Женской школе 3 ены на апельсины, а здесь Никанору сказано дать за обедом по три апельсина ученикам.

После чтения списков Емильян Хигуци пришел показать свое толкование на Послание Апостола Павла к Коринфянам. Путем преподавания в Катихизаторской школе и записи за ним учеников составилось, действительно, очень порядочное объяснение Послания. Я прочитал с ним несколько страниц, заметил, что и как нужно исправить и обещался, если он исправит, отпечатать его труд. Главное руководство у него — Толкование епископа Феофана.

В десять часов все учащиеся мужской и женской школ собрались в Собор выслушать молитвы к исповеди, и затем исповедались ученицы в Соборе у о. Павла Сато, ученики у о. Романа Циба здесь в верхней Церкви, что над моей комнатой. Наказывал я о. Роману исповедать серьезно и внимательно, особенно мальчиков, ныне в первый раз приступающих здесь к Таинству Исповеди, и — увы! Видел совершенное пренебрежение моего наставления о. Романом! В комнате у меня слышно, что громко делается наверху, и я слушал, что О. Роман одну минуту, много две-три посвящал на исповедь каждого; у меня в комнате, когда я писал письма, только и слышалось гудение его чтения отсутствующих молитв; сначала,

когда обратило на себя внимание это гудение, я никак не мог подумать, что это о. Роман почти непрерывно гудит, — вышел в коридор послушать, не читают ли громко в одной из соседних комнат книгу, и убедился, что звук из Церкви — больше ни откуда. Плюх о. Роман! Да и куда! Дьячком бы ему только и быть, если б не Маебаси!

Получил «Insurance Polioy» от архитектора Кондера и отослал ему 250 «premium» страховому обществу в Иокохаме, застраховал в двадцать тысяч долларов строящуюся Семинарию. Избави Бог от неосторожности при обилии там ныне всяких удобовоспламеняющихся материалов, или же враги христианства сделают пакость; береженого Бог бережет!

С шести часов была всенощная. Пели оба хора. После нее читали канон к причащению и молитвы на сон грядущим правому хору и всем непоющим семинаристам, имеющим завтра причаститься.

Умер сегодня в Сендае Акила Кису, муж сестры Анны Кванно, начальницы Женской школы, и приемный о. Иннокентия Кису, регента левого хора. Телеграммами дали знать Акиле и мне. Акила был чуть ли не самый богатый наш христианин; на постройку Собора пожертвовал в три приема 150 ен.

Вчера сдал переведенные наши с Накаем Послания Святых Апостолов в полном составе чтецу Павлу Окамото для чтения с сего времени при богослужениях в Соборе. Евангелия давно уже читаются; теперь будут и Послания; первые не совсем слышны — из алтаря и с амвона (от таких плохих чтецов, как Кугимия); Послания будут слышны всем; увидим, будут ли и понятны всем.

В прошлую среду, вечером, я нечаянно содрал с себя кожицу с указательного пальца правой руки на $\frac{1}{3}$ дюйма в обе стороны; сосуды крови не были затронуты, но ранка сочилась и саднила целые сутки; сегодня, однако, поврежденное место совсем заросло новой кожицей — ни раны, ни почти знака раны; значит, в четыре с половиной дня материя и форма восстановились; это в шестьдесят лет; интересно будет, если доживу, — в семьдесят лет сила растительности какова будет.

17 / 29 декабря 1896. Вторник

В шесть часов ученики были разбужены, в половине седьмого участники (правый хор — ученики и ученицы и непоющие семинаристы) звоном второго колокола (что в субботу звонят) позваны в Церковь. Диакон Стефан Кугимия прочитал правило ко причащению (только очень долго и очень уж мертвым голосом читал, за что после получил от меня выговор). Сейчас начали Часы, причем звонарь потрезвонил, — и потом литургию; служил о. Павел Сато. «Верую, Господи, и исповедую» — препричастную молитву сказал в Царских дверях, а причащающиеся все

повторили за ним стоя на своих местах; по окончании ее все сделали поклон на месте и стали подходить в стройном порядке по одной — сначала певчие ученицы правого хора; Надежда Такахаси приобщилась первая и потом блюла за порядком; ученики же певчие вошли на амвон толпой, что очень некрасиво было после порядка Женской школы, затем малых учеников Кавамото успел направить в порядке. Пели во время причастия непрерывно, сначала один левый хор, сегодня не приобщавшийся и вошедший в Церковь по перезвону, потом и правый попеременно с ним, пока приобщались семинаристы. На будущее время держаться такого же порядка.— По окончании службы Никанор, повар, рассердил меня: не понял меня хорошенько и отменил чай учеников, а застал я его готовящим в половине десятого обед ученикам, между тем, как они, бедные, голодные бродят по коридорам. Я велел тотчас же дать приготовленный обед, а в полдень вместо того дать чай с булкой. Вперед нужно отдавать приказания более подробно; чуть чего не выяснишь, сейчас ошибутся.

Вечером была всенощная для завтрашних причастников: поющих левого хора, непоющих учениц и Катихизаторской и Певческой школ. Пели оба хора.

18 / 30 декабря 1896. Среда

Утром богослужение и весь порядок те же, что вчера. Служил о. Роман. Приобщение учащихся совершилось в полном порядке и благоговении (по крайней мере, наружном,— о внутреннем Бог весть!) Кроме учащихся, вчера и сегодня было несколько причастников из города.

Из Церкви множество писем вчера и сегодня перечитал.— О. Сергей Судзуки просит оставить на службе Юлию Токухиро, но обещает тотчас же уволить ее, если еще хоть один священник, опираясь на ее пример, попросит прямо принять какую-нибудь вдову в «денкёо-ходзё». Ответил я ему сейчас же согласием на это.

Из Аннака катихизатор пишет, что церковный дом обокрали, и именно иконы со стен покрали, также покров с аналая, но платье его цело. Странный вор! Иконы взамен покраденных по просьбе катихизатора пошлем.

Из Цибя катихизатор Григорий Камия интересно описывает обращение одного из тамошних протестантов, некоего Ароки с женой и двумя детьми, в Православие. Протестанты готовились поставить его своим «чёоро» (пресвитером), так как он там наиболее уважаемый из них, и вдруг с ужасом узнали, что он переходит в Православие. Они сочли это дьявольским обольщением и устроили молитвенные собрания — отомлить дьявола от Ароки, а после сего стали усиленно убеждать

его остаться протестантом. Но так как Ароки переходит по разумному убеждению, после тщательного сравнительного изучения веры, то он убеждающих его, напротив, почти убедил присоединиться к нему. Увидим, что дальше будет. Ныне же Ароки ждет только священника, чтобы присоединиться к Православию.

19 / 31 декабря 1896. Четверг

Весь день сводил построечные отчеты. В то же время приходили со счетами. Вечером принесли волшебный фонарь, и мы с Кавамото и случившейся тут же, со счетом за переплет «засси», Надеждой Такахаси выбрали две дюжины картин по Священной Истории и испытали их отражение на стене у меня.— Отправлено также по Церквам несколько нужных писем. С шести часов всенощная; были почти только учащиеся. Потом исповедь о. Павла Сато.

Итак, японский год закончился. Да будет благодарение Богу за то, что было. На следующий год дай, Господи, плодотворнее дел Церкви!

Закончился японский год отправкою поздно вечером письма к о. Петру Кавано с 20 енами дорожных по Церквам. Посылалось до сих пор по 15 ен, но «мало»; клянчит, между тем ленится служить невыносимо. Поэтому написан ему теперь выговор, в котором упомянуто, что недавно 3 ены ему было прибавлено к содержанию в виде пособия на посещение Церквей, чтобы он подольше останавливался в Церквах, а не прогуливался только по ним без всякой для них пользы; еще, что две дочери его с сентября помещены в Женской школе и содержатся на счет Миссии, — что также составило немалое пособие ему; а он опять просит! Ладно, делается по его просьбе и ныне, но если он не покажет больше деятельности и добрых плодов, то эта прибавка к «рохи», 5 ен, будет отменена.

20 декабря 1896 / 1 января 1897. Пятница

Японский Новый Год. Погода целый день превосходная.— Литургию совершили три японских священника с о. Павлом Сато во главе. На молебен и я выходил. Пели оба хора. «Милость мира» Петр Тоокайрин с левым хором вздумал петь трудную и заразил на первых же шагах страшно, так что я поспешил выслать сказать Алексею Обара, чтобы он пошел и поправил. Молебен пропели очень стройно и торжественно. Потом — обычные поздравления с обычной раздачей денег певчим и всем учащимся, а также всем детям служащих Миссии и всей прислуге. Я с визитами никуда не ходил, а всюду разослал карточки.

С шести часов была всенощная, которую служил о. Павел Сато; пели четыре учительницы, и был только один молящийся из города, завтра приобщиться желающий.

21 декабря 1896 / 2 января 1897. Суббота

О. Фаддей Осозава возвратился. В Оцу проект православных христиан Саймару и Кондо устроить в городе публичный дом для благосостояния города не состоялся, потому что общее городское собрание отвергло его, то есть язычники дали христианам урок нравственности. Как это конфузно для Саймару! (На полях карандашная надпись: отрицательный тип православного японца, предложившего городу построить 2 публичных дома — редактор). И однако ж, нисколько не конфузится, отговаривается только тем, что это-де не его мысль, а какого-то чиновника, с которым он, как глава городского совета (чёо-чёо) совещался о средствах поднять благосостояние города.

— Устрой-де публичный дом; из окрестных селений станут стекаться в него кутить и гулять и деньги оставлять,— город и обогатится. Я и предложил устроить (говорит Саймару; Кондо у него только на побегушках); и семья вся согласилась,— я не мог бы не приложить печати; но так как не согласились, то и я рад тому; я, мол, не свою пользу имел в виду, а города, и прочее.

Но жлет Павел Саймару! Быть может, прежде и был он ревностным христианином, и, наверное, был, ибо и гонения терпел, но теперь совсем потерял он дух христианский. Тут же о. Фаддей еще рассказал то, что не только я, и он не знал доселе: дочь свою, которая воспитывалась здесь в Женской школе, он выдал замуж, без всяких христианских обрядов, конечно, за младшего родного брата своей нынешней жены (дочь от прежней жены).— Таково-то семя Слова Божия, падающее в терния!

О. Фаддей потом еще пришел, не dokonчивши исповеди одного своего христианина, спросить указания на следующее: христианин рассказал, что он жил с младшею сестрою своей жены, жил потому, что жена, умирая, завещала ему это для пользы оставляемых его троих детей; жена и ее сестра — язычницы; христианин же, узнавши церковное правило, что на сестре жены жениться нельзя, прекратил связь с нею и теперь говорит это на духу, спрашивая «симпу»,— что дальше делать? Я сказал «симпу»: «Наложи ему за прелюбодеяние епитимию, пусть два года не приобщается, ибо незнание правила облегчает, но не смывает греха блуда, а затем пусть найдет между христианками, если возможно, женщину, которая бы была хорошею матерью его троим детям, и женится на ней; сестру же жены пусть пристроит за другого».

За всенощной японцев было очень мало, зато были трое русских купцов из Благовещенска: Семен Савич Щадрин с сыном и прочие.

22 декабря 1896 / 3 января 1897. Воскресенье

За литургией было довольно много молящихся — больше мужчин, чем женщин. Причастников было человек двенадцать, кроме детей. Вчерашние русские тоже были.

После обеда был с визитом командир лодки «Кореец», третьего дня прибывший на Йокохамский рейд. Приятно было узнать, что из семидесяти человек команды, данной ему почти сплошь безграмотною, ныне только трое не могут читать по совершенной своей тупости. Помаленьку, значит, образуется русский народ.

Петр Исигама, совершенно счастливым рождением третьего дня первенца красавицей-супругой его Марьей Ивановной, приходил просить от ее имени наречь его; я посоветовал дать имя Василия в честь Святого Василия Великого, который скоро празднуется.

23 декабря 1896 / 4 января 1897. Понедельник

Целый день погода лучше, какой не бывает: ни облачка, ни ветра. Но для меня день был плох: встал утром с заложенным ухом, и целый день пренеприятное ощущение, мешавшее работе — составлению отчетов.

Из посетителей приятными были русские офицеры с «Корейца», неприятным — врач Танисима; одет щеголем, все блестит новизной и белизной, но сам вполпьяна и декламирует экспромты, надеясь построить их на Священном Писании, и хорохорится, точно петух.

С шести часов была всенощная, служил о. Павел Сато; пели оба хора.

24 декабря 1896 / 5 января 1897. Вторник.***Сочельник***

С восьми утра началось богослужение и кончилось в одиннадцать без четверти. Читали на Часах по Псалму и Паремии с праздничными тропарями и кондаками; на вечерни 103 Псалом был опущен. После литургии, по Уставу, был поставлен аналой с иконою Рождества Христова; пред нею вышли священнослужащие, за ними оба хора соединились и пропели Тропарь и Кондак Праздника; пение, особенно Кондака «Дева днесь» было весьма торжественное. Дай, Господи, чтобы поскорей вся Япония воспела этот радостный гимн рождаемому Спасителю!

Всенощная с шести часов, начатая Великим повечерием, была очень торжественная; пели стройно; новые облачения при обильном освещении блистали золотом; и дух молитвенный витал, только с грустью смешан был, что христиане так неусердны даже в такой великий праздник: было

очень мало из города. Русских не было ни одного, зато протестантских миссионерок, должно быть американок, было целое стадо; дождались самого конца, так что при выходе атаковали меня и я должен был объяснять им значение иконы, к которой сегодня прикладывались, потом попросили показать им крещальню, и я показал им купель для взрослых и младенцев с объяснением, как у нас крестят. Восхищались пением и внутренностью Собора, а на своих катихизаторов постоянно злословят употреблением икон, но чем же и сами восхищаются в Соборе, как не иконами? Последнее слово сопровождавшего дам-миссионерок было: «Как прекрасен Ваш Собор!». Но чем же, как не иконами? — Скоро ли, Господи, будут все Едино Стадо под Тобою, Единым Пастырем?!

25 декабря 1896 / 6 января 1897. Среда.

Рождество Христово

Службу Божественную совершили втроем мы — священнодействующие — отцы Павел Сато и Симеон Юкава со мной и причтом. Христиан сначала было мало, потом довольно много. Русские — к концу (мадам Шпейер и прочие), или по окончании (трое благовещенских купцов); миссионеров и миссионерок протестантских человек пятнадцать было. Потом обычные поздравления — двух хоров совокупно, всех учащихся, детей, служащих, христиан. К двум часам от всего этого освободившись, отправился в Посольство пропеть «Рождество». На дороге встретил едущего ко мне священника с «Димитрия Донского» о. Александра и пригласил его помочь пропеть славенье; пропели в спальне, потом были на леке, разукрашенной и освещенной в закрытой от наружного света зале. Много было детей; не меньше больших, с судов особенно. Все получили подарки с елки; целая «дзинрикия» подарков ввезена была в залу; я получил японский бумажник для карточек и бумажных денег, атласный внутри. Потом пошли пропеть к секретарю Александру Сергеевичу Сомову и его жене католичке Марии. Анна Эрастовна Шпейер предупредила меня в Соборе, что у них сегодня родился сын, поэтому я взял тревник и прочитал вместе с славеньем молитвы родительниц в первый день, но уже после узнал я от господина Распопова, что бедная Сомова три дня мучилась родами. У Распопова пропели мы с о. Александром, и он нам за чаем рассказал свою грустную историю про отца, одиннадцать лет страдавшего сумасшествием, и про свое девять лет неопределенное служебное положение. Вернувшись домой в пять часов вместе с о. Александром, которому предложил переночевать здесь, нашел опять нескольких поздравителей, потом с «Димитрия Донского» два офицера были с приглашением на елку 27 числа. Попросил шлюпку, чтобы прежде заехать тогда на «Кореец» с визитом, потом на «Димитрий Донской»,

и условились о времени. С шести часов была всенощная, пропетая обеими хорами. Потом у семинаристов был волшебный фонарь, на днях нарочного для того купленный за 15 ен; за священные картины, за две дюжины, мною заплачено 6 ен; Кавамото от себя купил еще разные виды, также снимки японских нынешних знаменитостей. Мы с о. Александром тоже пошли посмотреть. Содержание священных изображений взялся рассказывать Марк Сайкайси и делал это очень плохо — поленился прочитать Богословского, что я рекомендовал, поэтому почти после каждой картины я, сказав, что «рассказано, мол, хорошо, а я несколько дополню», рассказывал вновь по Богословскому, которого я достаточно изучил, преподавая Священную Историю.

В половине десятого часа ушел с представления, потому что очень разболелась голова.

В два часа сегодня в Соборе было отпевание младенца и проводы потом были в облачениях до кладбища. О. Семен хоронил с диаконом Александром Метокси и певчими — человек восемь.

26 декабря 1896 / 7 января 1897. Четверг

Утром, с восьми часов, литургия, отслуженная о. Павлом Сато. После нее оба хора поздравили о. Александра с «Димитрия Донского», таким же пением, каким вчера меня; он дал им 20 ен на «кваси», а о. Павла Сато пригласил в субботу к себе на судно на завтрак вместе с тремя академистами (Кавамото, Сайкайси, Хигуци), которых он пригласил вчера вечером. Потом христославили у меня причт и христиане из Коодзимацци. В первый раз ныне пришла оттуда и воскресная школа, недавно, впрочем, и заведенная молодым священником о. Алексеем Савабе и его молодыми катихизаторами. О. Алексей заранее предупредил о сем, — что-де воскресная школа, то есть детей шестьдесят, готовится к сему; напечатан для них на разукрашенных листках Тропарь Праздника, и разучивают они его пропеть тщательно. Я обещал принять поздравителей и приготовить соответственное угощение для них. Сегодня и было поздравление: сначала о. Алексей с крестом, в епитрахили, начал, и певчие его Церкви, человек двенадцать, больше — тоже дети, пропели весьма стройно в четыре голоса (с участием баса — учителя и причетника и катихизаторов) Тропарь и Кондак Праздника и прочее. Потом, уже без священника, а с учителем и катихизаторами вступил в комнату хор маленьких поздравителей и залил всю комнату, — действительно, шестьдесят малышей обоего пола, празднично одетых, наполнили комнату.

— Разверните листки, — скомандовал учитель. Развернули, но смотрят все не на них, а на меня и на картины на стенах.

— Теперь пойте, — велел учитель, — и начал сам. Подхватили малыши и, несмотря в свои листки, а на память, пропели тропарь праздника так

чудно стройно и благозвучно, что я истинно растроган был. Вчера здесь тоже пели дети воскресной здешней школы тропарь, но преплохо, так что рассмешили меня. Эти сегодня просто удивили, так что я им от души сказал, что «Ангелы, конечно, вместе с ними ныне славили Господа, ибо, без сомнения, Ангелы их всех еще с ними по безгрешности их певцов».

Потом все они в большой комнате второго этажа рассажены были и угощены «кваси, миканами и чаем», а затем я еще дал 4 ены, разменных по 5 сен, разделить всем поздравителям.— Хору и регенту-учителю дал 5 ен, сказав, что 1 ену регенту и четыре разделить хору. Сим, равно как причту и катихизаторам со священником, было обычное угощение из «суси, кваси» и прочего.

В двенадцать часов мы с о. Александром, позавтракавши, отправились в Иокохаму и пропели «Рождество» у консула князя Лобанова, у военного морского агента Чагина, которого не застали дома, а был вместо него переводчик Григорий Такахаси, у хакодатского консула, ныне переводящегося в Нагасаки, Михаила Михайловича Устинова и у военного сухопутного агента полковника Николая Ивановича Янжула и жены его Марии Николаевны, по-видимому, больной нервами. Были также у проезжего благовещенского купца Семена Савича Щедрина с сыном Феодором и служащим у него Василием Алексеевичем Щеголевым в Grand Hotel,— пропели в номере у них «Рождество», за что Семен Савич при прощании всунул мне в руку 20 ен (я сказал: «На Церковь запишу от него»).— Вернулся я в половине всеобщей, петой, как и вчера, двумя хорами. Тотчас после всеобщей Кавамото пришел:

— Печальное известие сообщить имею.

— Какое?

— Вчера вечером Логин Ицикава (ученик первого класса, малый лет пятнадцати) в десятом часу вышел пройтись, так как чувствовал тяжесть в голове; его схватила на улице толпа человек в десять больших учеников какой-то другой школы, вероятно, «хоорицу-гакко», что недалеко отсюда, и хотела учинить с ним содомский грех; он отбивался, его тащили из улицы в улицу, избивали; наконец, привели в харчевню, где в это время были, по случаю, Моки и Таномоки — два другие ученика из нашей школы (оба очень дрянные) — эти прибежали сюда известить; отсюда бросились выручать Логина,— дано было также знать в полицию,— Логина выручили, но негодяи разбежались — ни одного не схватили. Я допрашивал Логина,— пакости с ним еще не учинили, ибо, говорит, отбивался все время, и народ еще везде мешал.— Что делать?

Что я мог сказать ему, кроме того, выбрать за несмотрение за учениками. Как можно позволять отлучаться в город так поздно? И так далее.

Избави Бог, этот мерзкий порок сюда еще забредет, где и имя-то его не должно бы упоминаться, а теперь вон вся Семинария толкует, соболезнует Логину.— Во время сёгунов порок этот был очень распространен в княжествах Сацума и в Тоса, был немало и в Едо; теперь вот он еще дальше выползает наружу. Скверно для Японии!

27 декабря 1896 / 8 января 1897. Пятница

Утром, до обедни, о. Роман Циба пришел рассказать о Церкви в Такасаки, куда ездил для Праздничной службы. Церковь — мирна внутри и с катихизатором Маки, у которого человек двадцать есть новых слушателей.

С восьми часов была литургия, которую служили оо. Сато и Циба при пении обоих хоров.

В два часа я отправился в Иокохаму. Сначала побыл на лодке «Кореец», чтобы отдать визит любезному капитану и офицерам, из коих некоторые уже были у меня. Потом вместе с Александром Михайловичем Шпейером, с которым вместе на «Кореец» прибыли, отправились на крейсер «Димитрий Донской» — могучее стальное судно с 500 команды и офицерами с самым новым вооружением. В этот вечер была на крейсере офицерская елка, блиставшая рубинами, яхонтами, алмазами и всевозможными очаровательными цветами, а также развешанными на ней подарками. Дети князя Лобанова, иокохамского консула, Устинова, французского посланника — молоденькая двенадцатилетняя мадемуазель, еще не утратившая прелести детства, — были счастливы, резвились, хлопали и в вышедшие из хлопущек колпаки; большие тоже немало веселились. Потом детей отпустили на берег, а большие сели за роскошнейший обед, во время которого первым же блюдом — супом — неловко столкнувшиеся матросы облили мне спину. После обеда пять офицеров игрою на балалайках, оркестровою, очаровали всех, а больше всего, возможно, меня, давно не слышавшего такие прямо родные, за сердце хватающие звуки. Добрые офицеры много играли в вечер на своих милых инструментах. И подивился я, какую очаровательную музыку можно извлечь из сих на вид нехитрых инструментов. Из балалаечников Г. С. Владимирский, юный и ученый (с академическим знанием и в очках) офицер, настоящий артист, играет три года и обучил своих со-артистов всего в полтора месяца, — трудно поверить! А между тем факт, — все говорят. Тут же пела испанка, жена испанского морского агента, под аккомпанемент гитары своего мужа. Пение весьма изысканное, гитара — легкости и искусства неподражаемых; потому же оба они, муж и жена, молодые и красавцы писанные, но все не то, что балалайка, куда не то! Там аплодисменты чисто официальные, здесь — видимо, порыв у всех русских — порыв душевный. Всем, бывшим на вечере, достались подарки с

елки; я получил, по вынужденному мною двадцать второму номеру, золотой карандаш. Во время вечера на палубе горела и матросская елка, с которой три дня тому назад всем до одного матросам также достались подарки. Мы с французским посланником, Mr. Armand, хотели было съехать к поезду в Токио в девять часов, но для этого нужно было встать до окончания обеда; очарованные любезностью, мы остались. Я вернулся к себе, на Суругадай, в один час ночи.

28 декабря 1896 / 9 января 1897. Суббота

Сегодня должны были отправиться на «Димитрий Донской» о. Павел Сато и академисты по приглашению о. Александра, но с утра такой дождь, а потом мокрый снег, что все отказались; один Иоанн Кавамото поехал. С ним я послал о. Александру, по его просьбе, просфор на завтрашнюю литургию и 500 серебряных крестиков для покупки матросами, ибо многие не имеют и просят. Вернулся Кавамото уже во время всенощной; с ним на судне были очень любезны.

О. Феодор Мидзуно вернулся с своего долгого путешествия по своему приходу и рассказал о нем; ничего особенно, — везде проповедь идет вяло.

О. Иоанн Катакура пишет — восхваляет веру христиан приморских Церквей, летом столь пострадавших от наводнения; говорит, что именно это бедствие и оживило их веру, — так-то нет худа без добра!

Был когда-то в Семинарии умный мальчик Андрей Уено; отец взял его из школы с половины курса, а потом о нем ни слуху; а отец — язычник; и думал я, что пропали семена. Нет, младший брат Андрея пишет, что желает креститься. Значит, Андрей не только сохранил веру, но и возматерил ее до способности оплодотворить душу другого.

29 декабря 1896 / 10 декабря 1897. Воскресенье

После обедни, между другими, зашел ко мне слепец Антон Антонович Густовский, поляк, образованный человек, приехавший третьего дня в Токио с намерением изучить японский массаж с тем, чтобы, вернувшись в Россию, открыть для русских слепцов эту отрасль промышленности; просил комнату, чтобы пожить, пока будет ездить в школу слепых учиться. К сожалению, нельзя исполнить его просьбу — дом ныне занят до последнего угла, — все семинаристы, жившие прежде в других домах, ныне, пока строится Семинария, помещаются здесь. Узнав, что он католик, я порекомендовал ему попросить помещения в Католической Миссии, на вид обширной, где помещение для него должно бы найтись. Если и там нет, то все же он не в крайности: его зовет к себе жить учитель массажист, хотящий от него, в свою очередь, перенять

европейский способ массажа, который Антон Антонович в совершенстве знает.

В два часа отправился отдать визит доктору Кёберу, живущему в конце города, как раз у школы слепцов; заговорил о слепце Антоне Антоновиче; догадался Кёбер и говорит: «С удовольствием я поместил бы его у себя, но по контракту с хозяином права не имею принять на жилье в дом иностранца».

Из Эма Матфей Ина, женатый на сестре умершего бывшего катихизатора Андрея Ина, описывает кончину Андрея. За полчаса до смерти Андрей, уже лишившийся способности говорить, знаками велел женщинам оставить комнату и, потребовав кисть и бумагу, спросил письменно у доктора: «Решено ли?». Тот тоже кистью ответил Конфуциевой фразой, что, мол, «участь человека — умереть лишь только научиться», но к этому прибавил: «Ты же не только научился, но и учил многие годы других»; то есть был много лет катихизатором (доктор, хотя был язычник, но знал службу Ина). Поняв из этого уклончивого ответа, что жизнь кончена, Андрей написал стишок: «Тан-дзицу я годзю сан (53) сака, ёцу (4) нокору». («Кратки дни! Пятьдесят три — вершина! Четыре не достает». То есть, умирает сорока девяти лет); положил кисть, перекрестился и испустил последний вздох. За несколько дней он приобщился Святых Тайн; был все время в мирном христианском настроении.

30 декабря 1896 / 11 января 1897. Понедельник

Симеон Мацубара из Аомори пишет: христианин из селения Миммая позвал его к больному сыну; христианин этот, Петр Коита, скрывал свою веру от соседей, даже и икону держал в скрытом месте, но то же, что и у нас: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», захворал сын, душа заволновалась глубже, и пепел с тлевшей искры сдут. Симеон крестил сына, но он помер вслед за тем, и Симеон же похоронил его по христианскому обряду, причем вера Петра обнаружилась для всех, и он уже не являл ни малого поползновения скрывать ее.

При похоронах Симеон Мацубара имел случай сказать несколько катихизаций; все слушали, не исключая местных бонз, которые потом еще приходили рассуждать с ним о вере и в заключение выразили свое, хоть и печальное для них, убеждение, что «скоро все будут христианами». — Был также Симеон Мацубара в селении Канида, 8 ри от Аомори, с двести домов жителей; позвал его сюда один христианин, Илларион Ямазаки; но нашел он здесь и других христиан: жену врача, Марию Ямамото, которая держит на видном месте в доме икону, являя себя христианкой, и мужа своего убеждает принять христианскую веру; была здесь в Женской школе сия Мария года два; катихизатор Мацубара хвалит Женскую школу за умение так глубоко привить христианство своим ученицам. Есть там еще, кажется писарем в сельском правлении, Моисей

Симада, краткое время находившийся здесь, в Семинарии, тоже порядочный христианин. Симеон Мацубара надеется в селении в скором времени образовать Церковь.

Вечером, с семи часов, Иоанн Акимович Кавамото устроил на втором этаже у семинаристов волшебный фонарь с пением. Я рассказал им Ветхозаветные истории по четырем картинам: о Давиде и Голиафе, о Давиде, в которого Саул мечет копьё, о Соломоновом суде и о погибели Иезавели. Пение не дурно. Кончилось в девять часов.

31 декабря 1896 / 12 января 1897. Вторник

Григорий Камия, катихизатор в Циба, просит дать ежемесячную помощь в 3 ены старику-врачу, но не имеющему никакой практики, Иову Акияма; если не дать, то Иов уйдет в деревню, чтобы добывать себе пропитание; а между тем он с таким усердием отыскивает слушателей для Камия! — Нельзя платить за это усердие, иначе пришлось бы платить всем, приводящим слушателей к катихизатору, а таковые есть почти в каждой Церкви. Нельзя давать 3 ены и по бедности, пришлось бы раздавать весьма многим, на что средств Миссии не хватит. А сказал я о. Фаддею побывать в Циба и испытать Иова, не может ли он помогать по проповеди Григорию Камия? Если может, то в качестве «денкёоходзё» может получать 3 ены.

По совету с «Кочёо», с Иваном Акимовичем Кавамото, сказал я еще о. Фаддею, чтобы он написал катихизатору Филиппу Узава удержать дома ученика Катихизаторской школы Канасуги — не пускать его сюда: человек совсем не пригодный для катихизаторства, хоть бы и окончил курс. Сам же о. Фаддей говорит, что он, когда выпьет, делается сумасшедшим. Да и в трезвом виде он иногда сумасшествует, как тогда, когда без всякой причины наделал самых грубых дерзостей врачу нашему Оказаки.

Совсем нет людей для Катихизаторской школы. Ныне остается в низшем классе четыре человека, из которых один язычник еще. Другой — язычник, только что исключенный за неспособность, брат катихизатора Григория Котака, несмотря на исключение, на днях опять явился в школу, и не только явился, но вчера побил Кочёо, бедного Ивана Акимовича, — зачем-де исключили его.

Как не бережешься, а от простуды не спрячешься: горло болит; завтра, дай Бог, служит; сегодня на всенощной на Литию и Величание не выходил — больно говорить громко.

Вчера скончалась вдовствующая Японская Императрица, мать нынешнего Императора.

1897-й год

1 / 13 января 1897. Среда

Ночью — грохот и «денпоо!» Хоть мертвый проснется; телеграмма из Нагасаки от Петра Павловича Моласа, командира «Адмирала Корнилова»: «Поздравляю с Новым Годом!» и прочее. Посмотрел на часы: четверть второго.— Опять грохот и «денпоо!» От кают-компания «Адмирала Корнилова» поздравление; четверть третьего. Если бы не поздравляли добрые и милые моряки, то было бы лучше, тем более, что от простуды и невыходения из комнаты горло и голова болели, и сон был дорог.

С девяти часов Литургия в сослужении с четырьмя иереями, из коих о. Павлу Сато, служащему иерею почти двадцать лет, сегодня дан набедренник. На Литургии из русских были: посланница, мадам Шпейер, и Устинов, консул хакодатский. После Литургии зашли ко мне все служившие сегодня священники и диаконы поздравить с Новым Годом; предложил им чай; пришли также старосты Собора,— тоже угощены чаем; после сего я уехал в Посольство, куда приглашен был на завтрак. После завтрака у посланника дал восьмую дневную молитву новорожденному сыну секретаря Сомова, Сергею.

Потом были у меня с визитами: слепец Антон Антонович, князь Лобанов с супругой, офицеры с «Димитрия Донского», потом доктор и офицер с «Корейца», просидевшие до семи часов с весьма интересными рассказами про Амурский край (грубость нравов поселенцев), про Корею и прочее.

По случаю смерти вдовствующей Императрицы школам объявлено не учиться пять дней, начиная с вечера, то есть до субботы включительно. Стало быть, завтра у нас начала уроков не будет.

2 / 14 января 1897. Четверг

Утром вид из окон оказался такой, что хоть бы в России: глубокий снег кругом, и снег все еще шел; садовник, вооруженный каким-то драконом, ходил около ограды и стряхивал снег с деревьев, чтобы не обломались ветки от тяжести его.

Скоро, впрочем, снег перестал и начал таять.

Церковь в Коморо просит отдельного катихизатора, но где же его взять? Подтверждено, чтобы Григорий Сугамура из Уеда имел в своем заведывании.

Николай Ока, катихизатор Дзёогецудзуми и прочих, неожиданно является.

- Зачем?
- Просить о Мироне Сео.
- В чем просьба?
- Взять его опять на службу.
- Разводить курей разве перестал?
- Перестал.
- Отчего?
- Убыточно.
- А голова его что?
- Теперь более не чувствует.
- Совсем выздоровел?
- «Синкей-бёо» (нервная болезнь) еще есть.
- Если принять его на службу, согласны ли вы взять его сотрудником, так как у вас много деревень и помощник нужен.
- Ни в коем случае: он здесь служил прежде, и опять служить ему здесь неудобно.
- Как же вы просите за него?
- Он мне товарищ по Семинарии.
- Если он у вас негоден, то не годен и нигде. Посмотрим, однако, будет ли он согласен поступить в Катихизаторскую школу в старший курс, как для испытания, способен ли он к службе, так и для повторения вероучения?
- Думаю, что будет согласен. Вы привели его с собой?
- Привел.
- Позовите его сюда.

Приходит Мирон Сео,— и, увы! Прежде во все время учения в Семинарии он был похож на телянка, теперь — на полубитого телянка! Едва ли годен будет для церковной службы. Условились мы с ним, что войдет он в Катихизаторское училище, но при первом же обнаружении головных болей он пойдет не к доктору, а к себе в Акита, где найдет для себя какой-нибудь телесный труд, например, в рудокопнях, которыми изобилуют окрестности его родины. Призван был Кавамото и сдан ему Сео для помещения в первый номер Катихизаторской школы.

Фома Михора, семинарист старшего курса вернулся со святочного отдыха из Вакуя, своей родины; жалуется тамошняя Церковь на неспособность своего катихизатора Алексея Имамура, почти лишённого способности говорить по болезни горла; вот уж года три в Церкви никакого приращения из-за того; а Церковь — большая, живая, родина лучшего из наших священников, о. Бориса Ямамура, жена и много родных там... Боже, правда! Но где взять? И на Соборе мы много толковали, как бы заменить Имамура? Никого не придумали. Пошли, Господи, делателей на жатву Твою! Жатва все ушिरается, а готовых на делание убывает.

3 / 15 января 1897. Пятница

Утром раздосадовало требование из Хакодате прислать деньги на пищу Агафии Мори, вдовы о. Никиты, поехали туда гостить к родной сестре; там же большая Церковь, где прежде Никита Мори, еще будучи катихизатором, долго трудился на пользу ее. И при всем том требуют с Миссии, то есть с русских жертвователей, иногда очень бедных, — «корми, дай денег!». Послал по 3 ен в месяц, но очень больно стало за Японскую Церковь, точно она мертвая, — и ни мысли, ни чувства нет в ней.

Вчера приехал о. Александр с «Димитрия Донского», ночевал и сегодня, часов в десять, отправился домой. Послал я ему на днях 500 серебряных крестиков здешней поделки, по 10 сен; все разобрали у него на судне; сегодня повез еще 500; за прежние — 50 ен вчера привез. Крестики весьма прочные; 10 сен стоят и в поделке; барыша для Церкви мы нисколько не берем, чему о. Александр дивился. Добрый он, благоговеющий иерей и истый монах, но простец, неучен до крайности, хоть и дворянин Тверской губернии по происхождению, Назимов. Весьма жаль, что таких необразованных назначают на суда, где и офицерство бойкое, и команда молодая, и столкновения с иностранцами большие. Какое же он может иметь доброе влияние, или представительность, коли способен верить, например, что Александр I не умер в Таганроге, а вследствие разговора с валаамским старцем, которого застал в огороде и который сначала угостил его репой, которую Император съел, облупив собственными зубами, сказав: «Я солдат», — решил отречься от мира, потому велел положить вместо себя какой-то посторонний труп в гроб, а сам ушел в Сибирь, где подвергался и телесным наказаниям, и спасался под именем какого-то ныне известного там угодника?..

После обеда был слепец Антон Антонович Густовский; лишь поздоровались, заговорил:

— Со мной беда! Расхваливал я в прошлый раз японцев, а они вот такие: 20 ен у меня украли. Держу я деньги вот в этом кармане (причем, вынимает и раскрывает); здесь у меня бумажки по 1 ен, все целы; здесь по 10 ен; было 50 ен, — двух бумажек нет (и сам, выгнув бумажки, перебирает в руках ощупывая не три, а четыре); э, — да! Не 20, а 10 украли.

— Обыщитесь лучше, не все ли целы?

Но сколько не искал он, одной бумажки, действительно, нет.

— Я пришел спросить совета: могу ли я сказать об этом учителю (массажа, у которого живет, человеку зрячему)? В комнате, где я стою, спят также два-три ученика, да еще прислуга, — все зрячие.

— Куда бумажник на ночь кладете?

— Около подушки, открыто.

— Так считайте себя счастливым, что больше не украли. А учителю, разумеется, скажите, чтобы он разыскал и вернул вам деньги. Вор,

по-видимому, совсем простак, и найти его учителю не должно затрудниться. А вперед отдавайте деньги на хранение учителю и так далее.—

Просидел он часа полтора, говорил о себе; человек очень интересный и достойный. Ослеп двадцати лет от выстрела, который прошел через правый висок вниз к левому глазу и перерезал зрительный нерв. Слепым уже двенадцать лет. Занимался в Петербурге и летом в курортах массажем; делал ученые доклады о сем на съездах; известен Императрице Марии Федоровне. Если он исполнит то, о чем постоянно говорит, откроет новую отрасль промышленности слепцов, открыв для них школу массажа в России, то благословят его многие, и благословит его Бог!

Вечером был молодой американец Mr. John R. Mott в сопровождении японского протестанта Нива Сейдзиро. Мотт — член-оживитель (reviver) обществ молодых людей (Young Men Association). Для цели учреждения или оживления везде сих обществ он путешествует: был по несколько месяцев в Индии, Австралии, Китае; ныне два месяца в Японии. Пришел предложить несколько вопросов. Я с удовольствием отвечал на них. Разговор продолжался больше часа; он все записывал.

— Какие препятствия к распространению христианства в Японии?

— Со стороны японских старых религий больших препятствий нет. Буддизм — мертвец, которого еще не успели похоронить; но это в наступающем столетии сделают; бороться с ним также не пристало, как бороться с трупом; держится его — кое-где и довольно крепко — невежественная полоса народа, который, по мере образования, поймет, что буддизм в религиозном отношении — сущая пустота, ибо без Бога — какая же религия! — Более препятствий со стороны конфуционизма, но тоже не в религиозном отношении, а в нравственном: он слишком надмевает своих приверженцев; конфуционист всегда порядочен, не имеет кажущихся пороков, полирован, и вследствие всего этого совершенно самодоволен: на все другие учения смотрит свысока и не доступен для влияния их; проникнуть христианству в душу конфуциониста так же трудно, как воде в твердый камень.— Синтуизм совсем не религия, а глава древней японской истории; предписывает уважение к предкам, что совсем не противно христианству, ибо и каждый из нас делает поклон на могиле родных.— Правительство христианской проповеди не мешает.— Самое большое препятствие — косность и индифферентнизм достаточных классов: им слишком хорошо на земле, чтобы думать о небе. В это состояние косности они пришли постепенно, перерастая свои старые религии, состоящие из человеческих измышлений, а ныне еще больше усыпляет их пример иностранных безверов, которых они видят у себя в лице разных наемных профессоров и за границей во время своих путешествий. Потому-то и христианство принимают здесь почти исключительно люди, душа которых глубже затронута и всколыхнута трудами, скорбями и разными невзгодами мира сего. Кто у нас христиане? Наполовину люди интеллигентные, дворяне, но какие?

Обедневшие от последних переворотов и трудом добывающие себе насущное пропитание; наполовину — еще более трудящийся народ — фермеры, ремесленники, небогатые купцы.

— Что, по-вашему, в настоящее время самое необходимое для Японии?

— Конечно, христианство, даже и в политическом отношении, для прочного существования Японской Империи. Ныне Япония лихорадочно бросилась в утилитаризм; нет сомнения, — скоро она обогатится чрез торговлю, скоро сделается могучею чрез развитие флота и армии, но при этом если не будет сдерживающей, все регулирующей и на добро направляющей внутренней силы, — и богатство, и военная сила — все к ее же гибели послужит. Когда падали государства, как Финикия, Карфаген, Греция, Китай и прочие? Когда наружно взошли наверх богатства и могущества, а внутри растлели от роскоши и всяких пороков. Итак, нужна и японскому народу узда против увеличения пороков с увеличением богатства и силы; и эту узду ничто не может быть, кроме христианской веры.

— Что японцам больше всего нравится в христианской проповеди?

— Догматы. Нравственное учение у них и свое хорошо; любовь к ближним, например, под влиянием буддизма развита так, что вы не найдете бедняка, которому бы в беде не помогли даже такие же бедняки, как он. Поэтому-то универсалисты, унитарии и подобные, являющиеся сюда по преимуществу только с своей этикой, никогда не будут иметь здесь успеха. Но о Боге-Творце Вселенной, о Пресвятой Троице, об Искупителе и прочем, что может сообщить людям, как непререкаемую истину, только Божественное Откровение, японец с интересом слушает и с радостью усваивает.

— Что, по-вашему, вредно для воспитывающегося юношества Японии?

— То, что воспитание совершенно безрелигиозное. Япония покрыта густою сетью школ всех родов, и школы, действительно, хороши во всех отношениях, кроме этого, нравственности учат, но какая же нравственность без религиозной основы!

— Как думаете о будущем католичества в стране?

— Не думаю, чтобы католичество прочно водворилось здесь. Ему нужно некоторое отсутствие света, чтобы беспрепятственно развиваться, а здесь не то: японцы слишком пытливы, чтобы принимать без размышления, что им говорят, а такие положения, как Папа непогрешим, Богородица не имела первородного греха и подобное, слишком шатки, чтобы выдержать испытание. Кроме того, японцы слишком патриотичны, чтобы признать над собою, кроме своего Императора, еще другого, даже высшего, чем их собственный.

— Как вы объясняете успехи вашей Миссии, столь заметно превосходящие успехи всех других? У вас два миссионера, у протестантов шесть сот?..

— Дело не в людях, а в учении. Если японец, прежде чем принять христианство, основательно изучает его и сравнивает: в Католической Миссии узнает католичество, в Протестантских — протестантство, у нас наше учение, то он, сколько я знаю, всегда принимает православие. На что беспристрастнее свидетельство, что в православии есть нечто превосходящее другие учения? Что же это? Да то, что в православии Христово учение хранится чистым и целым: мы ничего не прибавили к нему, как католики, ничего не убавили, как протестанты. Это отчего? Я вам сейчас объясню. Протестанты принимают одно Письменное Слово Божие. Но, скажите, почему вы называете Библию Словом Божиим?

— Во-первых, на основании исторических свидетельств; во-вторых, по внутренним признакам, в-третьих, по ее действию на душу.

— Но история недостаточна; например, Послание к Евреям приписано Апостолу Павлу, а история возражает против этого, и так далее. Другие две причины сливаются в одну, а обе ослабляются тем, что тут всякий смотрит чрез свои очки: по-вашему, — Слово Божие, по Тексли и прочим совсем нет. Значит, все Священное Писание у вас висит на воздухе, и всякий может повергнуть его на землю, — нет для него прочного основания. Но пусть оно принято, как Слово Божие, — как вы понимаете его? Как кому угодно! Этим пониманием опять не ниспровергаете ли его с пьедестала в массу человеческих непрочных и неясных измышлений? Оттого и дробление. Ко мне иногда приходят протестанты, просят объяснить какое-либо место Священного писания. «Да у вас же есть свои учителя-миссионеры, их спросите», — говорю я им; что они отвечают?

— Мы у них спрашивали, — говорят, — понимай, как знаешь; но мне нужно знать подлинную мысль Божию, а не мое личное мнение. Вот вам какая неустойчивость протестантства при одном Священном Писании. У нас не так: все светло и надежно, ясно и прочно; потому что мы, кроме Священного писания, принимаем еще Священное Предание, а Священное Предание есть живой непрерывающийся голос Матери нашей Церкви со времен Христа и Его Апостолов донныне и имеющий быть до скончания мира. На нем-то утверждается все в целостности Священное Писание, оно же помогает нам безошибочно уразумевать смысл Священного писания, ибо если дитя не поймет чего в письме отца, то самое надежное для него — обратиться за пояснением к матери; Мать же наша — Церковь, в которой невидимо обитает, по своему обетованию, Сам Христос и так далее. (Протестанту, вероятно, не совсем приятно было слышать все это, ибо не соглашаться он не мог, что и делал с движением душевным, записывая.)

Кроме того, отвечая на его вопросы, я рассказывал ему о наших школах, снабдив его книжкой соборных протоколов и статистикой Церкви и прочее.

4 / 16 января 1897. Суббота

В Симооса, близ города Фуса, в деревне, один христианин, торговец вином, женат был на христианке и дочь имеет от нее, уже ныне семи лет,— развелся с женой и женился по-язычески на другой, не христианке, но развелся и с нею, и ныне хочет жениться на третьей — христианке, и просит обвенчать их. О. Фаддей несколько дней тому назад объяснил мне это. Я сказал, что у того христианина есть законная жена — его первая; пусть опять сойдется с нею. Ныне о. Фаддей и катихизатор оттуда, Тихон Сугияма, пришли и говорят, что та жена его недавно вышла, по-язычески, за другого, теперь нельзя ее вернуть.

— Так пусть возьмет вторую свою жену-язычницу.

— Родители его и ее мешают сему.

— Уговорите родителей.

— Дело невозможное. Родители его очень своенравные. Сам-то он согласен жить с той или другой своей женой; но слаб, совсем под влиянием родителей.

— В таком случае нет никакого ручательства, что не расторгнут будет и третий брак и не посрамлено будет Святое Таинство. Нельзя венчать его. Человек двадцати шести лет от роду, уже имел двух жен и имеет родителей, которые так упорно желают, чтобы сын для них женился, а не для себя, то есть чтобы жена его во всем угождала только им, что христианство идет сюда искоренить такой порядок вещей, а не закрепить его легкомысленным раздаванием благодати Таинств.— Едва ли они и сын покорятся, и сын возьмет одну из прежних жен; в таком случае пусть, если хочет, женится вновь по-язычески и лишен будет участия в Таинствах Церкви. Потом, если лет семь мирно поживет с женою и можно будет надеяться, что развода не будет, можно допустить его к участию в Таинствах, если он сохранит веру.

В этой провинции — Симооса — по преимуществу непрочны брачные сожителства: мужа и жены по малейшему поводу меняют друг друга.

Был Reverend Armine King, епископальный миссионер, с двумя другими; рассказывал о Формозе, которую только что посетил. Я спросил: зачем уехал в Англию их епископ Bickersheth? Я получил от него прощальную карточку, но причины отлучки не знаю; он же только что вернулся из Англии,— зачем бы вновь?

— По болезни желудка, вроде дизентерии,— объяснил Reverend King. Что это? Нежность молодого женатого бишопа, или еще что?

5 / 17 января 1897. Воскресенье

После полдня был бонза, Кейкоо по имени, начальник монастыря в Нацызан,— горе в провинции Киусиу; говорит, что прибыл в Токио по

случаю смерти старой Императрицы, но пользуясь случаем хочет устроить и дело, именно: собрать денег на возобновление кумирни Кваннона. Объяснив это, бонза вынул из ящика великолепную подписную книгу и просил подписать сколько-нибудь, уверяя, что это будет очень выгодно и для христианства в глазах народа: «Покажем-де сродство наше, ибо буддизм и христианство ведь одно и то же». На возражение мое, что мы не одно и то же и что нам лучше не смешиваться, «осё-сан» отвечал настойчивыми просьбами подписать хоть са — [?]

— Но подумайте, в самом деле, хорошо ли это будет? Не введем ли мы в заблуждение народ и не будем ли в конце концов сами осуждены? Увидя мое имя в подписке на кумирню Кваннона, ваши прихожане скажут про вас: «Добывает средства от неверных, оскорбляет тем верных и самого Кваннона»; все другие скажут про меня: «Чему же он верует — своему Богу или Кваннону?».

«Осё-сан» поколебался в настойчивости просьбы, но тотчас же и оправился: это-де и хорошо, чтобы нас приняли одного за другого. Тогда я без церемоний сказал, что нисколько не подпишу и подписать не могу, ибо, по-нашему, жертвуют только на то, во что веруют; веровать же в «Кваннона» я не могу.

«Осё-сан» и его спутник, оосакский богач, принимающий, по-видимому, большое участие в возобновлении кумирни, согласились с сим доводом, видя, что более ничего не остается. Между тем я угощал «осё» и его спутника чаем, рассказывал содержание Священных изображений на стенах и показал наш перевод Нового Завета; «осё» прочитал несколько мест и очень одобрил слог и понятность перевода.

Был потом «осё» со своим спутником на всенощной, стоял до конца и потом прослушал проповедь диакона Якова Мацуда, родом из Киусиу, по каковому случаю и познакомился с ним, встретившись прежде у меня. После всенощной они зашли в приемную, и я пригласил их к себе; без малого час протолковали, причем, я старался объяснить наши самые первоначальные догматы; хвалит «осё» все наотмашь, но видно прямо, что все к стене горох! Из «окаменелых», с которыми ничего не поделаешь. А между тем прямо видно, что человек добрый в нравственном отношении. Господи, что будет с сими? Не ищут истины и знать ее не хотят, но добрые дела имеют.

6 / 18 января 1897. Понедельник.

Праздник Богоявления

До Литургии крещены девять человек. После Литургии совершено обычное водоосвящение, и христиане разбирали Святую воду; бутылка оной была послана и к Анне Эрастовне Шпейер, вчера приславшей посудину; сама в Церкви не могла быть по болезни мужа и дочери; да,

вероятно, и по дурной погоде: с утра сегодня и целый день дождь и ветер; впрочем, это не помешало быть нескольким матросам с «Дмитрия Донского» и «Корейца» в Церкви; были и два офицера с «Корейца».

После полдня профессора пред завтрашним началом уроков держали совет, пересмотрели расписание уроков, положили, между прочим, кончающим в нынешнем году семинаристам и ученикам Катихизаторской школы, по мере возможности, выходить в город на проповедь для практического приготовления к будущему служению.

Инспектор школы Кавамото приходил: «В газетах объявлен траур на платье школам. Нашим ученикам нужно траурные ленты купить».

- Но у них нет формы; куда же они ее нацепят?
- На фуражки, – говорит.
- Но они почти всегда простоволосые.
- Все-таки нужно, – говорит. – На духовных учеников обращают внимание, – нужно.
- Но их по одеже никто не знает за духовных.
- Нужно. – Затвердил и баста.
- Нерезонно и смешно, но если хотите, покупайте и нацепляйте, я денег на это не дам.

Кавамото купил на свой счет и роздал; Пимен на лоб или на нос, вероятно, себе нацепит, когда пойдет в город.

7 / 19 января 1897. Вторник

Начались занятия в классах, но класс пения еще нельзя делать; по случаю траура, отдано было распоряжение по школам, чтобы в продолжение пятнадцати дней со дня кончины Императрицы, то есть до 26-го января включительно классов пения не производить. Класс гимнастики не запрещен, но я сказал, чтобы производили его, пока траур, без криков, ибо ребята орут так, что наверху кругом слышно.

Мы с Накаем начали исправление нашего перевода Нового Завета. Сегодня за день едва исправили полторы главы Евангелиста Матфея.

О. Фаддей Осозава вернулся из Циба: присоединил к православию протестанта с женой; говорит, что православное учение знают они замечательно хорошо и рады до слез введению их в истинную Христову Церковь. Иова Акияма – старика-врача – о. Фаддей находит вполне достойным звания «денкё-ходзё»: учение он знает настолько, что первоначальное наставление давать может, ревность к водворению православия в Циба замечательна; катихизатор Григорий Камия находит его существенно необходимым для помощи себе. Итак, Иов принят в «денкё-ходзё», и послано ему сегодня денежной помощи за полмесяца января 1 1/2 ен и за февраль 3 ен, в каковом размере будет высылаться и вперед, пока будет служить.

В память 25-летия архиерейской хиротонии. Святитель Николай
в праздничном облачении, подаренном японской паствой (апрель 1906 г.)

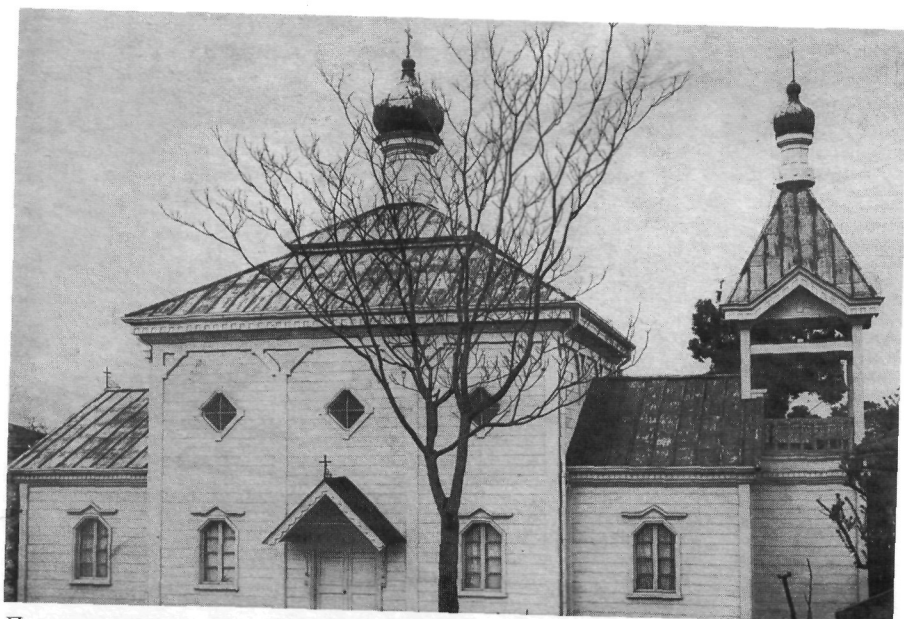
25-летие архиерейской хиротонии святителя Николая (11 июля 1906 г., во дворе Токийской Миссии).
В центре – архиепископ Николай. Рядом с ним – российский посланник в Японии Ю. П. Бахметьев с супругой. Второй слева от нее – архимандрит Павел из Кореи. Слева от него – священник Иринарх с Камчатки и священник Булгаков (из Владивостока). На заднем плане в центре под треугольной крышей – колодец

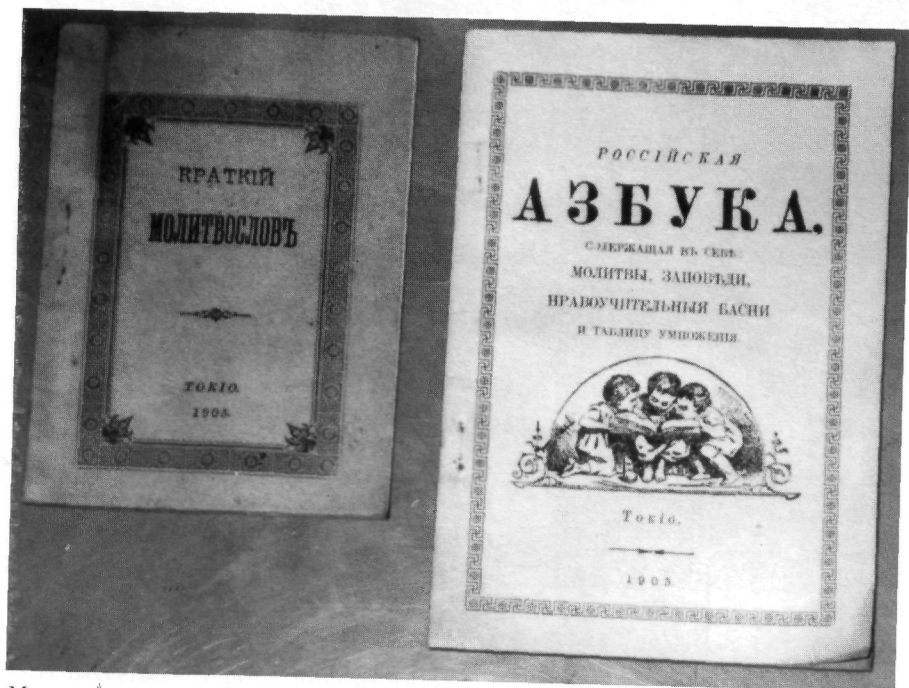
Русские мальчики, учившиеся в Токийской православной семинарии (около 1905 г.). Фотография была опубликована в одной из японских газет того времени. Пятый слева — капитан российской армии, руководитель группы. Второй справа — начальник семинарии Иоани Сэнума.

Общий вид территории Токийского Собора Воскресения Христова (Николай-до), возведенного в марте 1891 г. в районе Канда, Суругадай

Православный храм в Мацуяма, построенный на средства русской благотворительницы А. Синельниковой и российских военнопленных. Впоследствии перенесен на территорию Токийской Миссии

Молитвослов и азбука, изданные святителем Николаем для российских военнопленных

Учащиеся Токийской
православной семинарии
(около 1904 г.)

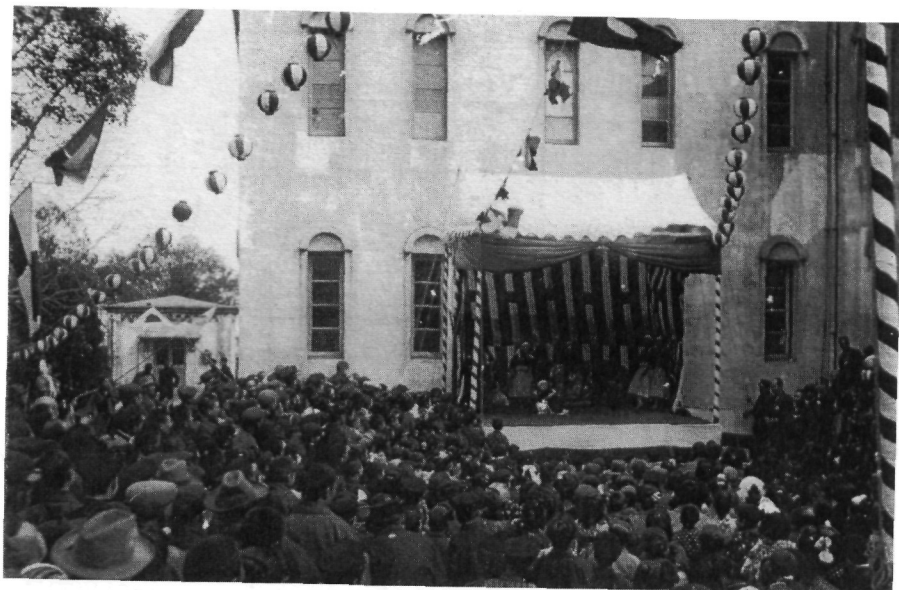
Учащиеся Токийской семинарии,
спешащие в храм на молитву

Семинаристы во время отдыха
на летней даче в Тonosава
(сентябрь 1906 г.)

Выпускники Токийской семинарии – фото в память об окончании, июль 1907 г.
В центре – святитель Николай. Слева от него – профессор Арсений Ивасава,
справа – начальник семинарии Иоанн Сэnuma

Апрель 1909 г., Пасха. Семинаристы исполняют танец с мечами на сцене, оборудованной на территории Токийской Миссии

Преподаватели Токийской семинарии и члены секции дзюдо, октябрь 1911 г. В третьем ряду третий слева — Василий Ощепков (впоследствии преподавал дзюдо в Московском институте физкультуры, в Ленинграде, Харькове и т. д. В 1937 году стал председателем федерации дзюдо. Расстрелян в возрасте 44 лет 11 октября того же года)

Утром в воскресный день на территории
Токийского Собора Воскресения Христова.
Святитель Николай и японские дети

Торжества по случаю приезда в Японию епископа Сергея Тихомирова, июль 1908 г.
Владыка Сергей (справа от святителя Николая) в окружении японской паствы
во дворе Токийской семинарии

Был Александр Николаевич Шпейер с Анной Эрастовной; говорил, что министром иностранных дел у нас сделан граф Муравьев, сын Карского, бывший доселе посланником в Копенгагене, — пятидесяти лет и более, вдовец, имеющий дочь лет девятнадцати, — умный и серьезный. Дай-то Бог, чтобы оказался достойным своего назначения! Говорили о трауре (предписаны, между прочим, черные чулки), о слепце Густовском (в Нагасаки кутил очень, и имеет ли паспорт?), о графе Льве Николаевиче Толстом (дал я книжку о нем прочесть).

8 / 20 января 1897. Среда

Алексей Имамура, катихизатор Церкви Вакуя, больной горлом до неспособности говорить громко, и потому совершенно бесполезный; просит еще прибавки ему содержания — «помогаю-де родным, ибо старший брат промотал имение». Сказал написать ему, что самое лучшее ему — для управления родным домом — отправиться домой, оставив службу, прибавить же содержание ему не могу. — И пусть бы от службы захворал, — куда! С какой бы готовностью я стал заботиться о таком, который бы, например, надорвал горло усердной проповедью! В Катихизаторскую школу в последнее время (он же из недавних) приходит вот такой народ, что — на службу и — в больные, а ты ему плати!

Вот какой народ идет в Катихизаторскую школу: в младшем курсе ныне втиснут был полусумасшедший мужик, не без начального образования, впрочем, — Канасуги, — и это благочестивым катихизатором Филиппом Узава и о. Фаддеем Осозава! Заявил он себя здесь достаточно — враждой и непрерывными дрызгами в школе, феноменальной дерзостью доктору Оказаки; написано было поэтому к Филиппу Узава, когда отправился Канасуги на святки домой, чтобы его в школу больше не пускать, — «к катихизаторской-де службе по характеру совершенно не способен»; тем не менее сегодня он явился опять в школу. Я твердо и решительно сказал ему, что учиться, коли хочет, он может, но на церковную службу не выйдет, ибо по характеру негоден для нее; равно: если станет учинять здесь грубость и ссоры, — будет тотчас выслан.

Сколько ни толкуй ученикам беречься простуды, — не слушают! В семинарии двое опасно больные, и один из них кончающий курс, что особенно жаль. Завтра отправим их в госпиталь, где по 1 ене будет стоить содержание каждого из них, — изъян какой, а что будешь делать!

9 / 21 января 1897. Четверг

Осацкие христиане коллективным письмом просят прибавить содержание служащим Церкви там, все-де вздорожало ныне. Ответчено им большим убедительным письмом сделать самим то, о чем просят Миссию.

Приведено и Слово Божие о сем, выведены разные соображения, указано, что можно помогать всем, чем кто в состоянии: рисом, углем, зеленью, солью и прочим. Но едва ли все это внесет хоть крупинку в котел питный служащих Церкви!.. Собственно говоря, и прибавил бы я, да уж больно ленятся служащие там: священник, повидимому, лучшие катихизаторы (Каяно и Варнава Симидзу), учитель пения, тоже могущий проповедывать, — и не единого крещения со времени Собора!

Двое больных семинаристов отправлены в госпиталь; один, Илья Танака, повидимому, безнадежен: расстройство мозга, и, говорят, природная болезнь, — мать страдает тем же. А жаль очень! В нынешнем году должен бы кончить курс, и юноша, подававший большие надежды.

10 / 22 января 1897. Пятница

Исправление перевода Нового Завета идет не так скоро, как ожидалось. Сегодня — четыре дня работы, а и шесть глав от Матфея не окончены. — Прибыла на содержание и попечение Миссии Любовь Имамуре, вдова катихизатора в Канума, Варнавы, с тремя детьми мал мала меньше.

11 / 23 января 1897. Суббота

Был Аким Сугияма, семидесятилетний старец, из Коёсида, отец доктора Александра, который теперь в Австралии; говорил, что сын выслал оттуда до 1000 ен, — жене Софье 500 и ему столько же. Практика Александра, значит, там хороша; жаль только, что жену не берет туда, а стал жить с какой-то не по закону, на что Софья сетовала, будучи здесь на Новый Год.

Когда Аким сидел у меня, Анна Кванно пришла с сестрой Марьей Кису и Верой, ее дочерью, женою Иннокентия, регента; последние две только что прибыли в Токио после похорон мужа Марии. Разговорились они с Акимом, и оказалось, что Акима и Марию обратил в христианство недавно умерший, бывший катихизатор Андрей Ина; Вера еще ребенком у него на коленях воспринимала учение, которое потом так мило передала отцу (с детской простотою, постоянно надевая ему крест и детским лепетом убеждая его сделаться христианином). Значит, был Андрей Ина, действительно, хорошим катихизатором; тем более жаль, что не выдержал до конца, а омерзился в последнее время, стал заниматься чайными плантациями, причем заболел и помер.

12 / 24 января 1897. Воскресенье

За обедней были в «Димитрия Донского» офицеры Стронский, Бутков и младший доктор; потом были у меня проститься: в субботу уходят в Чемульпо на смену «Памяти Азова».

Потом был христианин из Тасе, Моисей; сетовал, что из соседей никто больше не обращается в христианство: «Учение слушают, понимают, соглашаются, что все правда, а креститься не хотят, — веры ни искры, — отчего бы это?» — вопрошал.

Был затем Яков Оно из Сендая: вызван состоять дядькой у молодого князя (не главного, а «инкё»), учащегося в «Квазоку гакко». Хвалили состояние Сендайской Церкви в настоящее время. Дай Бог! Только жаль, что катихизатор Василий Накарай захворал грудью. Другой катихизатор Сергей Кувабара, совсем забракованный во время Собора о. Матфеем Кагета, так что я всячески желал, чтобы Сергей оставил церковную службу, оказывается ныне, по словам Якова Оно, любящим сендайских христиан и очень хорошим катихизатором. Так-то нужно быть осторожным в суждении о людях: всякий, конечно, желает быть хорошим, только нужно представить ему средства к тому, поставить в обстоятельства — сделаться хорошим.

13 / 25 января 1897. Понедельник

Симеон Мацубара, катихизатор в Аомори, не перестает просить прибавки содержания; ныне возбудил ходатайствовать за него о. Бориса. Написано, что может для облегчения себе прислать старшую дочь, которой теперь одиннадцать лет, сюда в школу на церковное содержание; и послано ему единовременно на лечение жены 10 ен; в ежемесячной же прибавке 3-х ен, о которой просит, отказано, ибо и ныне получает самое высшее катихизаторское содержание: 17 ен и еще 5 ен на квартиру. Пусть от местной Церкви еще просит.

Иван Ивай, катихизатор в Исиномаки, жалуется, что христиане враждуют с ним и собираются жаловаться мне на него. Не сам ли в чем виноват? Послано письмо к о. Иову Мидзуяма, чтобы разобрал и уладил.

Бедный Илья Танака, ученик седьмого класса Семинарии, окончательно помешался; из госпиталя просили убрать его, — всем там покоя не дает. Ныне в ночь стерегут его по два служителя и по ученику, разделенные на три ночных очереди, — с девяти вечера до шести утра; а завтра придется отправить в дом сумасшедших. Экая жалость! Только бы на службу Церкви, а он и заболел! Первый ученик Семинарии, подававший доселе лучшие надежды — и умом, и настроением; и помешательство-то на религиозной подкладке, — все крестится и плачет, что люди не так благочестивы, как нужно. Причины помешательства — прирожденность болезни; мать, говорят, тем же страдает.

14 / 26 января 1897. Вторник

Приходил Иоанн Ооцука, родом из Коморо, сын одного из выдающихся либералов (Дзироо-Тоо) и ныне члена Парламента, девятнадцатилетний

гимназист, замечательно усердный христианин, — жаловаться от лица всех христиан Коморо на пьянство о. Феодора Мидзуно и просить, чтобы он больше не посещал их Церковь. Говорил, что при каждом посещении о. Феодор напивается и дебоширит к великому соблазну всех. В последний раз пред Новым Годом, когда все так заняты, он созвал всех и только для того, чтобы женщины наливали ему вино, а прочие слушали его пьяную болтовню; тут же в пост он заказывал случившемуся здесь христианину из Каруйзава приготовить ему, к посещению, кабаньего мяса, а на возражение, что теперь пост, отвечал: «Что же такое! Было б вкусно!» В пьяном виде в тот же вечер исповедовал двоих. Кстати, Ооцука рассказал, что, когда о. Феодор крестил его и других пять лет тому назад, то был так пьян, что с трудом выговаривал слова. — Все это до того печально, что и выразить трудно! Крайне жаль, что так поздно все это доходит до моего сведения. Но теперь уж окончательно о. Феодор будет отстранен от всякого прихода. Пред последним его отправлением по Церквам я строго-настрога заказывал ему ни капли не пить, угрожая, в противном случае, запретить ему священство; он крепко обещал и вот как исполнил!

15 / 27 января 1897. Среда

О. Павел Савабе возвратился с обзора Церквей Тоокайдо и дал интересный отчет о них. Церкви о. Петра Кано в спящем положении, потому что он сам вял; но хорошие христиане есть, особенно весь род Нода. Из Церквей о. Матфея Кагета лучшие в Тохаси и Оказаки; обеими о. Павел нахвалиться не может. Просил меня икону и письмо семейству Танака в Тохаси и прибор священных сосудов для Церкви в Оказаки. Другой прибор в ящике будет выслан о. Матфею, чтобы ему было удобнее посещать с ним Церкви для совершения Литургии; ныне у него без футляра, отчего Чаша уже повредилась; прибор этот принадлежит Церкви в Тохаси, куда о. Матфей и возвратит его. О. Павел находит, что для Церквей в Тохаси и Оказаки нужно поставить священника; но кого? Перебрали мы весь список служащих Церкви, и никого не наметили. Пусть будущий Собор решит. — Особенность Церквей Тоокайдо сравнительно с Церквями отсюда на север — в Сендай и Мориока, — по замечанию о. Павла, между прочим, та, что здесь, в Тоокайдо, все Церкви достаточные — бедных христиан почти совсем нет; в Тохаси, а прежде того, в Сюзендзи, есть настоящие богачи; в Оказаки христиане и достаточные, и в то же время преимущественно интеллигентные; главные христиане — лучшие из тамошних врачей (Накамура, Сато) и заметные из ученых, и они-то преимущественно и жертвуют на Церковь, равно как заботятся о благолепии своего храма и исправности церковного дома. Храм там — лучший и наиболее обширный во всем Тоокайдо. — В Хамамацу врач

Моисей Оота, знаменитость тамошнего края, усердный христианин со всем семейством; купец Кавай тоже благочестив (один из богачей города); но катихизатор Павел Окамура решительно ни к чему не годен; он и жена — оба люди больные, особенно жена: ни проповедовать, ни петь, ни читать, — ровно ничего Павел Окамура не может — так опустился и заматерел; о. Павел пресмешно представил, как он при богослужении о. Павла читал «Отче наш» и от «Царствие Твое» перескочил на «искушение». Советовались они там — о. Павел с о. Матфеем — устранить Окамура совсем от службы, то есть перевести его в Оосака, где родина его жены, и причислить (для получения содержания) к служащим Церкви там; на место же его перевести из Оосаки Моисея Мацунага в Хамамацу, а Оогаки, Ооябу и Гифу поручить о. Симеону Мии. Это и ладно. Пусть о. Матфей напишет мне о сем, сделано и будет; о. Павел даст знать о. Матфею, чтобы написал. Нужно заметить, впрочем, что Окамура болен не столько телесно, сколько душевно, крайнюю обленелостью; в Коци он прослужил три года и ни разу не полюбопытствовал даже взглянуть на город, как говорит о. Савабе, который сам родом из Коци, и недавно был там; что же удивительного, что при Окамуре Церковь там не только не приобрела ни одного члена, напротив, замерла! Здесь, в Хамамацу, по словам о. Павла, Окамура знает только одну дорогу — к Моисею Оота за лекарствами. Оота снабжает его ими, но говорит об Окамура: «Желудочный катар его я вылечить могу, но душу его восстановить не могу». Эх, горе-катихизаторы! — В Нагоя — в другом роде: Петр Сибаяма очаровал там некоторых христиан и при помощи их крепко засел на месте; но разогнал всех прочих; из большой бывшей Церкви там осталось всего восемнадцать домов; прочие все охладели, потому что не любят Сибаяма... О прочих Церквях о. Павел рассказывал тоже немало печального. Для меня собственно мало нового в его рассказах, но он более уяснил мне то, что я знаю. Пессимист он, правда; печальное особенно любит расписывать (хотя и много исправился, сравнительно с прежним в этом отношении), но все печальное его, тем не менее, правда.

16 / 28 января 1897. Четверг

Печальный долг сегодня должен исполнить, согласно вчерашнему совету и решению с отцами Павлом Савабе, Павлом Сато и Симеоном Юкава: призвал о. Феодора Мидзуно и объявил ему, что он устраняется от заведывания приходом, которым доселе заведывал, и вообще от пастырских обязанностей; будет он отныне состоять при Соборе, служить очередные службы, а главное — ежедневно, с семи утра до пяти часов вечера, — быть в Соборе и исполнять ту службу, которую нес доселе Иов Накацука, ныне больной уже и престарелый, — объяснять посетителям по святым иконам нашу веру. Жалованье его сокращается на 1 ену

70 сен,— будет получать отныне 24 ены в месяц, но если опять напьется и набуянит,— жалование еще сократится, если и опять, то будет выключен из священнослужителей. Опечалился он немало, не весело было и мне, но что делать!

О. Александр с «Димитрия Донского» был проститься пред уходом судна и доставить 50 ен за 500 серебряных крестиков нашей здешней поделки, раскупленных на «Димитрии Донском» и «Корейце»; всего, значит, 1.000 крестиков разобрали матросы и офицеры сих двух судов (500 о. Александр брал у меня прежде).

17 / 29 января 1897. Пятница

Сегодня, согласно решению с священниками третьего дня, призвал диакона Андрея Метоки и предложил ему быть священником для прихода о. Феодора Мидзуно. Он, конечно, представил несколько возражений и предлогов к отклонению; но так как был уже намечен к священству во время Собора, и ныне подготовлен вчерашним объявлением ему чрез о. Симеона Юкава текущего дела, то скоро и с свойственной ему мягкостью принял избрание. Сказано ему приготовиться к принятию рукоположения в заслуживающее воскресенье.

Сегодня отправлен в госпиталь для умалишенных Илья Танака. Отец его прибыл третьего дня вечером, но посидел с ним несколько часов и потом не видался; говорит, что «присутствие его только раздражает больного»; решил поместить Илью в госпиталь на свой счет, ибо человек состоятельный,— что ныне и сделано.

18 / 30 января 1897. Суббота

Японский гражданский праздник; ученья не было, перевода тоже.

О. Матфей Кагета письмом просит перевести Павла Окамура в Оосака, Матфей Мацунага в Хамамацу; Оогаки и Яманака передать о. Семену Мии,— все то, о чем он условился с о. Павлом Савабе. Посланы будут распоряжения, сообразные с сим.

Написаны на досках оповещения здесь, в коридоре, и в паперти Собора, что 7-го февраля (нового стиля) будет рукоположение диакона Андрея Метоки в иерея.

Ризничий, иподиакон Моисей Кавамура просит написать о. Сергию Страгородскому, в Афины, его просьбу — быть восприемником: отцом его новорожденного сына.

— Но о. Сергей едва ли когда сюда приедет,— говорю я.

— Тем не менее очень бы хотелось.—

Приятно видеть эту любовь к о. Сергию, который, с своей стороны, тоже благоволил к Моисею. Я обещал написать, хотя, конечно, посоветовал избрать еще настоящего восприемного отца здесь.

19 / 31 января 1897. Воскресенье

За обедней было человек пять-шесть русских военных. Кто-то из них оставил у прислуги для меня (до выхода моего из Церкви), адресованный на мое имя «Полковником Путятою, из Кореи» пакетик, в котором я нашел фотографическую группу, состоящую из самого полковника, настоящим русским молодцем стоящего в центре, нескольких русских офицеров, и за ними корейских тоже, должно быть офицеров, одетых так же, как русские. Это, значит, группа наших военных инструкторов в Корее, образующих ныне корейскую гвардию для охранения Короля, живущего все еще в Русском Посольстве и не хотящего перейти во Дворец до тех пор, пока не будет готова его гвардия: так досадили и так напугали его японцы своей непрошенной опекой и варварским убийством его Королевы.

Давид Тадаки, бывший ученик Катихизаторской школы, приводил детей, взятых им для воспитания с места июньского наводнения в Ямада и прочих на северо-восточном берегу Ниппона. Всех было, с ним вместе, двадцать человек; из них 9 мальчиков, 3 девочки, 2 его собственных племянника и 1 племянница, его мать и 3 молодых работника. Дома у него остались шестеро, которых приведет в следующее воскресенье. Дети сыты, одеты, хотя и бедно. Пели «Благослови, душе моя, Господи» и «Единородный Сыне». Угощены «муси-иваси [?]» и апельсинами, чаем; дано по 5 сен и на железную дорогу всем до дома (живут отсюда за 2 ри); большим дано по 10 сен и 5 ен Давиду на пищу детям. Двое из детей — православные; всех учат ныне катихизаторы С. Томии и Саваде и вере, и первоначальным предметам. Книжки по Закону Божию отсюда даны, какие нужно.

О. Феодор Мидзуно сегодня с семи часов утра вступил в отправление своей должности — быть в Соборе с утра до вечера и, елико возможно, преподавать посетителям веру. В богослужении он тоже участвовал.

20 января / 1 февраля 1897. Понедельник

Послан пакет с письмами о. Матфею Кагета; в нем письма к нему самому, к катихизаторам Матфею Мацунага и Павлу Окамура и к христианам в Оогаки (Осябу и Гифу), в Иманака и в Хамамацу. О. Матфею написано, чтобы он сам отправился в Оогаки, передал там письма Мацунага и христианам и разъяснил обстоятельно, почему первый переводится в Хамамацу, также почему Оогаки, Ооябу и Гифу отходят в ведение священника Симеона Мии (которому принадлежит Церковь с Нагоя, соседняя с семи Церквями). Сделавши это, о. Матвей должен взять Мацунага, с ним прибыть в Хамамацу; объяснить все здешним христианам, передав им мое письмо, и водворить Мацунага здесь, а Окамура,

передав и разъяснив ему мое письмо, препроводить в Оосака. Должен также о. Матфей побывать в Яманака, доставить мое письмо, разъяснить и сделать, чтобы христиане охотно подчинились новому священнику — о. Семену. К сему последнему написано, чтобы принял в свое заведывание вышеозначенные Церкви.

21 января / 2 февраля 1897. Вторник

День не учились, ибо сегодня было отправление гроба с телом вдовствующей Императрицы в Кёото для погребения.

Смерть ее ознаменована Императором многими благодеяниями: 400 тысяч ен — капитал покойницы — пожертвованье на помощь бедным по всей Империи; сегодня в газетах оповещено, в какие губернии по сколько тысяч распределено. Всем преступникам спущено по одной степени в наказаниях, так что заслужившие смертную казнь освобождены от оной и будут нести пожизненную каторгу, пожизненным сбавлено на пятнадцать лет и так далее. Около 10 тысяч преступников по этому манифесту будут прямо выпущены на свободу; многие уже и выпущены, и сегодня в газетах есть трогательные описания, как иные в обморок падали от радости и так далее.

О. Павел Савабе положительно восхищает своею оживленностью! Вот если бы он был таким все время с его обращения (каким и был первые годы), если бы не испортило его сообщество и содружество с добрейшим, но и слабейшим о. Анатолием! Сегодня явился,— хочет посещать поголовно всех христиан здешнего прихода и убеждать их неопустительно бывать в Церкви при богослужениях. Дай Бог ему! А главное, дай Бог, чтобы он подольше остался в этом одушевленном настроении! Он способен гореть и зажигать, а таких людей у нас здесь еще почти совсем нет. Вот Иоанн Кавамото вчера приходил и вел досадную речь, что нужно выходящим из Семинарии назначить больше жалованья; а если выходящие из Семинарии (хотя уже получают высшее катихизаторское содержание) ничего не делают, не являют никаких плодов своей службы, как например, Яков Тамизава, как Фома Исида,— да и все почти вышедшие из Семинарии, хотя их, к счастью, еще не много? Все равно: давай больше денег, денег, денег!.. Как бы не так!

22 января / 3 февраля 1897. Среда

О. Фаддей приходит и говорит:

— Филипп Узава просит на пищу Илье Хонда, которого он хочет употребить для помощи в проповеди.

— Илья послан учить пению, за что, по установившемуся правилу, пользуется пищею от местной Церкви; но ныне шаг дальше, и нищенская рука протягивается.

— Узава сам человек богатый; кроме того, получает полное катихизаторское содержание от Миссии; пошлет он Илью говорить о Христе людям тоже не бедным (бедных я в том крае не видал, деревни все зажиточные), и они там не дадут куска хлеба проповеднику (получающему от Миссии на все прочее, кроме пищи)? И клячат у Миссии, точно нищие? И вы, о. Фаддей, несете ко мне эту просьбу вместо того, чтобы ответить Узава, что Божеский Закон и человеческая совесть не позволяют вам просить меня? И так далее; дал я порядочный нагоняй о. Фаддею; только едва ли не к стене горох, как и все подобное до сих пор.

Далее о. Фаддей попросил денег на дорогу в Маебаси, куда-де завтра нужно отправиться.

— Зачем? — спрашиваю.

— Христиане жалуются, что катихизатор Петр Кураока два раза запустил руку в церковную кружку, куда опускаются лепты христиан на бедных; живущая в церковном доме женщина донесла о сем.

— Почему Кураока сделал это?

— Стеснен бедностью.

— Как стеснен бедностью, когда отец и мать его в Хакодате получают от миссии на свое содержание 11 ен, сестра в Женской школе на церковном содержании?

— Он говорит, что сестре ежемесячно дает из своего жалованья 3 ены и так далее.

Исследовано тотчас же все в точности, и оказалось, что за полтора года, что сестра его в Женской школе, выдано всего из его жалованья на руки Исаку Кимура, по его распоряжению, 33 ены — сумма слишком большая для девочки, без нужды балующая и приучающая к роскоши.

При всем том, Петр Кураока — человек одинокий, получая 10 ен в месяц при готовой квартире, не мог быть слишком стеснен бедностью и при означенной трате на сестру. — Пусть о. Фаддей отправится и исследует. Если Кураока, действительно, учинил взводимый на него поступок, то, конечно, он не может дольше служить в Маебаси. Пусть о. Фаддей снимет его с поста и приведет сюда, а там увидим, может ли он еще быть употреблен в службу Церкви, или совсем расстаться с ним.

*(Продолжение смотри
в книжке большого формата)*

23 января / 4 февраля 1897. Четверг

Начало окончания работы над рукописями моими в Петербурге...

Из России, от о. архимандрита Антония (Храповицкого), ректора Казанской Академии, получено уведомление, что Академия готовит

посылку сюда книг, вследствие моей прошлогодней просьбы. Слава Богу! Это первое известие в сем роде. Из письма не видно, достигнул ли Академии ящик с изданиями Миссии, отправленный вместе с другими чрез Дмитрия Константиновича Львовского в сентябре прошлого года.

Алексей Имамура, катихизатор Вакуя, пишет, что горло у него совсем выздоровело, проповедывать может. О. Петр Сасагава тоже ходатайствует за него, чтобы оставить на службе Церкви, но за способность горла не особенно ручается. Посмотрим. Во всяком случае его из Вакуя нужно перевести в более незначительную Церковь.

Язычник Судзуки, с острова Эзо, Уриугоори, Фукагава-мура, убедительно, в двух письмах, следовавших одно за другим, просит христианского научения. Посланы первоначальные христианские книги и дан адрес ближайшего катихизатора Иоанна Кодзукури; а сему препровождены письма Судзуки.

О. Николай Сакураи просит прибавить две ены Поликарпу Исии, катихизатору в Ваканай, ибо-де женился, и я обещал сие, коли женится. Ладно.

24 января / 5 февраля 1897. Пятница

Иван Акимович Кавамото, инспектор Семинарии, приходил, говорит:

— Врач один, знакомый мне (больше, впрочем, понаслышке), предлагает испробовать у нас, в Семинарии, изобретенное им средство против «какке».

— А в чем оно состоит?

— Не знаю; он даст наставление повару, как готовить пищу.

— Если секрет его должен быть известен повару, то тем больше он может быть известен нам. Пусть он яснее выскажется. Конечно, хорошо бы иметь средство против этого ужасного бича — «какке». Но из того, что сам Император подвержен ему, можно ясно видеть, что радикальное средство, сколько ни ищется, не найдено. Потому нужна осторожность с новыми средствами. Допустить испробование их можно только с тем, чтобы наперед были уверены, что они ни в каком случае не принесут вреда, если б и не оказали пользы.

Еще Кавамото говорил, что некоторые из учеников Семинарии замышляют уйти.—

— Кто?

— Таномоки, Асано, Кумагае.

— Вот рад был бы, если б они сделали это! Ни к чему не годные! Особенно первый; если б и дотянул до конца курса, на службу Церкви его, по негодности, употребить было бы нельзя.

— Об Юаса говорят тоже.

— Я ему несколько раз сам советовал перейти куда-нибудь в светское училище. Последний раз в сентябре прошлого года очень настоятельно и убедительно делал то, но он чуть не расплакался, с пафосом уверяя меня, что у него самое определенное и единственное желание — служить Церкви.— Если уйдет, не жаль; потому что, на мой взгляд, в нем мало церковного настроения. Вообще, всякий нежелающий может уйти. Нужно наблюдать только, чтобы это изменническое настроение не переходило от одного к другому, не было заразительным, потому что у нас в школе есть и истинно настроенные к служению церковному, вроде Петра Уцияма, которого отец, хотя еще и язычник, при самом рождении наименовал Петром и другого имени ему не дал, также с самого рождения определил воспитать для Церкви,— и вот приготовил его так, что он вошел в Семинарию одним из лучших, как и ныне есть, разделяя в то же время со всею искренностью детского сердца желание отца быть приготовленным на служение Церкви.

Отслужили торжественную панихиду в Соборе по Акиле Кису, которому сорок дней со смерти. Замечателен особенно тем, что пожертвовал сто пятьдесят ен на постройку Собора, выше каковой цифры еще ни один жертвователь в Японской Церкви не выходил.

Был Владимир Васильевич Сахаров, инженер путей сообщения из Владивостока; приехал посоветоваться с окулистами касательно болезни жены: он нечаянно, ложась в вагоне на верхнюю койку, ногой ударил по глазу ее, лежавшую в нижней койке, и она этим глазом не видит, хотя по наружности это незаметно. Господи, какие только случаи несчастий бывают! И как от них уберечься! Именно юдоль печали и плача наша земля!

25 января / 6 февраля 1897. Суббота

О. Симеон Мии пишет: христиане Таица просят катихизатора; хочет послать Павла Оонума, учителя церковного пения, но могущего проповедовать. Кстати, в Миядзу очень желают поучиться пению,— так будет полезен и им. Хорошо.

Извещает еще о. Мии, что желающий изучать православие в Оцу продолжает слушать вероучение, для чего два раза проезжал в Кёото к о. Мии, который, с своей стороны, три раза посетил его в Оцу. После похорон матери Императора, о. Мии собирается в Мива, чтобы устроить там молитвенный дом. Пишет, что, вероятно, в церковном доме будут помещены несколько гостей, по случаю съезда на похороны множества официальных лиц; сетует, что им, жителям Кёото, но не улиц, по которым назначено пройти похоронной процессии, почти невозможно и видеть похорон, по причине разных стеснений.

Была Агафия, жена Иустина Исивара, члена Парламента, который ныне на похоронах Императрицы в Кёото: больше десяти лет с нею не виделись; но христианство, как видно, хранит крепко, также и дочь ее Варвара, ныне жена врача; живут ныне Иустин (не во время заседаний) с Агафией и Варвара с мужем, обе семьи, в Танеба, недалеко от Кёото: первая — в Кавабе-иура, вторая — в Яги, между Сонобе и Камеока.

26 января / 7 февраля 1897. Воскресенье

За Литургией диакон Андрей Метоки рукоположен во иерея для того, чтобы взять на себя приход о. Феодора Мидзуно.

После Литургии о. Павел Савабе имел совещание с старшинами тоокейских приходов — убеждал их действовать на христиан, чтобы усерднее ходили в Церковь. Очень он ныне в ударе. Но чуть ли это не вспышка последнего пороха! Жаль, что целых двадцать лет он был не со мной, а или в стороне, с о. Анатолием, или и против. Сколько бы пользы он мог принести!

Был христианин из Такасимицзу, хвалил Василия Ивама; был другой из Морияма — не хвалил катихизатора Моисея Касаи: «Есть-де новые слушатели, а он все живет в Сукагава, где слушателей нет, и не хочет знать Морияма». Сказал я, что напишу о. Титу Комацу побывать у них и направить катихизатора, как должно. Но видно, что Касай, кроме молодости, еще неразумен и расположен вздорить с христианами своего прихода.

27 января / 8 февраля 1897. Понедельник

В классах занятий не было: день похорон в Кёото матери Императора. Телеграфные известия о похоронах получены: великолепие необычайное; везли Императрицу три вола, которым за это отныне даровая трава на императорском пастбище во всю жизнь; колесница издавала звуки наподобие мычания волов, — «очень жалостные», по выражению телеграмм; но колесницу между тем не пощадят, а сожгут, иначе призовет скоро другого покойника себе; по этой причине все похоронные колесницы жгут, оттого так трудно было найти ясные указания, как построить колесницу.

Фома Михора, ныне (за болезнью Ильи Танака) первый ученик седьмого класса Семинарии, приходил проситься в академию. Нельзя: мало способен, да и достаточно ныне пока академистов. Говорил я ему, что когда построена будет Сибирская железная дорога, тогда служащие Церкви здесь могут быть отправляемы в Россию для поклонения Святым местам в ней, для ознакомления с церковным бытом русских в подражание себе. Будет дешево, и времени не потребует много; месяца

в два можно будет совершать путешествие, вполне достаточное для посещения Киева, Москвы, Петербурга... Пусть имеет это в виду для себя; пусть посетит Россию со временем в сане иерея, чтобы быть желанным гостем русских иереев...

28 января / 9 февраля 1897. Вторник.

О. Феодор Быстров пишет, что опять собираются сюда о. Сергей Глебов и диакон Дмитрий Константинович Львовский. За последнее спасибо: порядочно пение в Церкви, значит, и дальше будет обеспечено; и первый — что ж! Пусть идет; по крайности, хороший священник в Посольской Церкви будет, а может что и для Миссии сделает.

29 января / 10 февраля 1897. Среда

О. Николай Сакураи валяет отличное письмо: крестил, мол, шесть человек, в том числе из протестантов двое; протестанты в упадке, католики тоже (что, вероятно, те и другие пишут о нас); думаю, «что за праздник»? А тут же в конверте и комментарий: отдельно, на трех листах, расписание дороговизны жизненных вещей, как-то: табака и прочего, и просьба прибавить содержание. Как бы не так! Получает двадцать пять ен в месяц, из них пять ен выпросил недавно; да дорожные всегда до последней мелочи; да священником ему — жить недавно, да священник ленивый. Отказано; пусть-де, если мало, добывает от своего прихода.

О. Сергей Судзуки пишет из Осака, что Павел Окамура туда не нужен.— Да и куда он нужен! Просто не знаю, что с ним делать. Прослужил катихизатором двадцать пять лет и всегда был самым плохим, а ныне совсем уж ни на что не годен — не по старости, а по лености и отчасти болезненности; болезнь же — последствие венерики, добытой им, когда служил солдатом, оттого и дети него все полубольные. Но как и бросить сего несчастного? Кроме двух девочек здесь в школе, дома у него целых три девочки, мал мала меньше. Дать ему в пенсию нынешние шестнадцать ен в месяц нельзя — трудным прецедентом было бы для Церкви; дать полпенсии — пять человек — с голоду помрут.— Вот комиссия-то — иметь все время дело почти исключительно с людьми самого низшего разряда, если не по поведению, то по способности! Сегодня один бедняк-христианин, ученик какой-то школы, приходил — клянчил довольно нахально помощи ему на учебу: «пойду,— говорит,— к симпу; если он воспитывает дураков (бака-о ясинау), то не может не дать мне пять ен» (которые, действительно, и выклянчил).

Итак, в школах — вот какие люди, по сложившемуся (как видно) понятию извне и по самой сущности внутри. На службе могут ли быть другого качества?..

О. Фаддей Осозава пишет из Маебаси, что, по поверке кружки, Петр Кураока оказывается совершенно неповинным ни в каком заимствовании из нее. Спасибо хоть за это!

Были двое христиан из Симоямада, в Эцинго; христиане усердные; члены местной компании, разрабатывающей керосинные источники.

Был, вместе с Саввой Хорие, Ока Кейске, знаменитый сендайский синолог, мой давний знакомый; к сожалению, христианство от гордых ушей «гакуси» отстоит на недосягаемое пространство.

С шести часов была всенощная, ибо завтра японский гражданский праздник «кигенсецу». Все учащиеся были в Церкви. Пели причетники, служил новопоставленный иерей о. Андрей Метоки, и очень хорошо.

30 января / 11 февраля 1897. Четверг

С восьми часов Обедня, которую служили три священника. На молебен выходил и я, и было пять священников. Многолетие оба хора совокупно заразили так, что хоть из Церкви бежи — один язычник и убежал.— После Обедни я посоветовался с о. Павлом Савабе о Павле Окамура, и положили мы: на родине ли, или где хочет,— и в продолжение одного года непременно явить плоды своей деятельности, то есть приготовить несколько язычников к крещению; под этим условием он будет нынешнее свое полное содержание получать; иначе, если совсем устранился от катихизаторской деятельности, дана будет ему в пенсию половина, и пусть потом трудом рук добывает, что достанет на пропитание семьи. Вызов тотчас же и послан.

Было немало посетителей. Между прочим, один семинарист привел трех своих родственников, язычников,— врач, его сын, его племянник — студент Философской школы (Гецу-гаккан); говорил я им о необходимости веры, о Спасителе, но я мог бы говорить к своей двери или, обращаясь, в пустое пространство с тем же успехом.

Вечером крайне рассердил Кавамото; лишь только, в шесть часов, я сел с Накаем за перевод, является и просит дать свободу от занятий ученикам на вечер и вследствие того свободу от уроков на завтрашний день.

- Это почему?
- Потому что вчера кончился траур по Императрице.
- Какая же причина ученикам не заниматься?
- Как бы заговенье.
- Что за нелепость! Потом вы скажете, пожалуй, что нельзя заниматься потому, что холодно, а таким сыро, и так далее?
- Но заговенье...
- Идите и велите готовить уроки.

— Но заговенье,— и так далее, точно банный лист, пристал Кавамото и не отставал до тех пор, пока я не прогнал его самым грубым образом, чем расстроено было спокойное состояние духа, необходимое для перевода, и переведено было вдвое меньше надлежащего.

31 января / 12 февраля 1897. Пятница

Утром получено письмо от о. Семена Мии, что место «Ноогакудо» не продается меньше семи тысяч ен и что нужно немедленно сказать, покупаем ли мы, ибо есть и другой покупатель; так — ответить мне ему, о. Семену,— дана ли будет сия сумма; кроме того, просит он позволения приехать сюда для личных переговоров о сей покупке и о других церковных делах, так — можно ли приехать? Я ответил,— «сёоцисери, китаре» телеграммой; первое должно быть понятно, что семь тысяч будет дано; второе, что приехать может. Помогите, Господи, устроить это дело — покупки земли в Кёото! Небольшой участок, всего в 270 цубо, но в центре города и для небольшого храма с жилищем священникам при нем достаточен.

Утром отправился домой, в Таката (Хокурокудо), ученик Семинарии Марк Маруяма. Ухаживал он две недели за Ильей Танака, который ныне в доме умалишенных, устал и расстроился до того, что ныне и сам полусумасшедший; поправился и уехал домой, где у него отец и мать, еще не христиане, и о крещении которых он очень хлопочет,— учение они уже давно слушают.

1 / 13 февраля 1897. Суббота

Катихизатор Павел Окамура прибыл. Ему предложено, как положено третьего дня. На родину, в Эцинго, не хочет; другого места еще не избрал. Завтра должен сказать решение.

Алексей Николаевич Шпейер известил, что «граф Муравьев уведомил его о назначении барона Романа Романовича Розена посланником в Токио». Добро пожаловать!

Сретенские ирмосы сегодня пели усердно и исправно, но такая пискотня, что молитвенному духу — не помощь, а помеха. Переложил Львовский; Тихай, конечно, сделал бы гораздо удачнее. Виноват я, что не перевел ирмосы гораздо раньше.

2 / 14 февраля 1897. Воскресенье. Праздник Сретения Господня

За Литургией было и человек двадцать русских: матросы, посланница, Янжул с семьей. Японских христиан было больше обычного — результат стараний о. Павла Савабе; он в прошлое воскресенье убеждал

приходских старшин стараться, чтобы христиане их приходов ходили в Церковь; сегодня, после Обедни, имел собеседование о том же с христианками, собрав их в классной комнате.

Потом был у меня жаловаться на учителей Семинарии, академистов, и на других служащих Церкви, что они мало ходят в Церковь и тем дают дурной пример другим. Но я столько раз убеждал учителей — и ласково, и строго — ходить в Церковь, что вновь делать то считаю совсем бесполезным. Советовал о. Павлу собрать их и братски поговорить с ними; мои слова они обыкновенно принимают за начальнические: соглашаются, молчат, раз и послушают — придут, но потом опять по-старому; можно бы употребить с ними действительное средство: за каждое неприсутствие при богослужении положить денежный вычет из их содержания, но это средство слишком отвратительно...

Итак, пусть о. Павел попытается убедить их, как японский пастырь: мы-де должны все одинаково промышлять о водворении истинной Христовой веры с нашим отечестве, — вы же стоите впереди других; все на вас смотрят, и вы хотите, не хотите — служите или добрым примером или соблазном, и так далее.

Просит еще о. Павел Савабе о какой-то христианке: хочет быть поповедницею для женщин, — так принять ее в Женскую школу для научения. Сказал я, что должна она месяц быть приходящею в Женской школе, чтобы так узнали, достойна ли она приема. Потом, если достойна, будем рады ей и постараемся о дальнейшем ее научении. Живет она здесь, в Токио, у родителей, исполнить наш искус может.

Но она только что прибыла из Исиномаки, где была учительницей шитья в женской школе, и говорит о катихизаторе в Исиномаки, Иоанне Иваи, что он совсем потерял уважение христиан, ибо пьет и даже посещает развратные дома, в которых драки производит... Тотчас же написано в о. Иову Мидзуяма, чтобы расследовал, правда ли это. Если правда, то Иваи больше служить не может.

Павел Окамура отправится на свою родину, в Ивафуне, в Эцинго. Объявлено ему при о. Павле Савабе и секретаре Сергии Нумабе, что, если в продолжение года он не заявит свою деятельность, то будет исключен из катихизаторов; дано будет ему потом семь ен в месяц пенсии, но на год, или два-три — наперед не отправляется; будет пока можно. Ибо помогать ему, могущему, но не хотящему трудиться, не долго можно будет, в виду людей трудящихся, но гнетомых бедностью, по множеству детей, и тому подобное. Когда человек не менее десяти, взрослых, он приготовит к крещению, — священник будет прислан к нему; приготовленные будут тщательно испытаны и, если окажутся достойными крещены; сим будет заявлено, что он, Павел Окамура, достоин и вперед числиться катихизатором и получать церковное содержание под условием и дальнейших трудов. На родине у него мать, пять братьев и много родных, все еще язычники.

3 / 15 февраля 1897. Понедельник

О. Симеон Мии из Кёото прибыл. В разговоре с ним окончательно решено купить место «Ноогакудо»; есть и другое продающееся, гораздо обширнее, но в стороне от центра города, между тем как первое недалеко от Дворца и в лучшей части города.— Из служащих в Кёото Фома Исида совсем плох: точно помешан на самоуважении, по словам о. Семена; о чем бы ни шла речь, Исида непременно сведет ее на себя и на самовосхваление; все христиане отмахнулись от него за это, даже учащиеся у него русскому языку язычники не могут выносить его, бросают. Афонасий Такаи, скромный и добрый катихизатор, но очень юн и неопытен; в проповедях старается щеголять научными терминами поученически; самостоятельным еще не может быть. Сам о. Семен тоже еще довольно неопытен, хоть это и странно бы, судя по его летам: будучи в Нагоя, он не посетил дома христиан.

— Почему? — спрашиваю.

— Сибаяма, катихизатор, видимо, не желал того.

— Да вам-то что до того? Ваша Церковь, вы хозяин в ней; приехали туда, вы главное лицо,— кто вам может указывать там? Тем более, что дело такое простое и такое нужное: ознакомление и жизнь ваших прихожан,— как же было не исполнить?

— Но он, Сибаяма, возразил, что можно и без этого,— зачем трудить себя?

— Он, не желая поставить вас лицом к лицу с христианами, мог говорить что угодно. Вы наперед знали, что он интриган, и могли, не говоря ему резкостей, чтобы не озлоблять его, делать равно, что вам угодно и нужно, то есть в данном случае, не обращая внимания на его слова, говорить ему: «Пойдемте же к христианам, поведите меня в их дома»,— идти во все до единого дома, не исключая ни одного их тех, которые ныне считаются охладевшими благодаря дрянному характеру Сибаяма, благоволящего к одним, кто побогаче, или кто ему кланяется, и ненавидящего и отчуждающего от Церкви других, более независимых...

Обещался о. Мии при следующем посещении Церкви в Нагоя ознакомиться со всеми христианами.

Посещая Нагоя, о. Семен будет посещать и христиан Оосаки, Ооябу и Гифу, также Яманака; везде в сих местах есть добрые христиане, хоть и мало их; в Оогаки — Секигуци, в Гифу — Павел Нонака, бывший катихизатор, ныне там учитель школы, получающий ен пятьдесят жалованья, но хранящий и веру. Хочет еще о. Семен открыть проповедь в Цу, в провинции Исе, где между прочим, замужем за протестантом, учителем, наша добрая христианка, уроженка Сендая, бывшая воспитанница Женской школы нашей Екатерина Йоково; хорошо бы, да катихизатора пока где же взять? — О «Доосия» в Кёото о. Семен говорил, что оно

совсем перестало быть христианским заведением, обратилось в общеобразовательную языческую школу; главный источник содержания ныне будто идет от Ивасаки — богача, ставшего почетным покровителем заведения.— О католиках, что они действуют не только учением, сколько делами: образовали, например, сиделок и посылают их в заразные госпитали, куда другие не идут; этим до того действуют на воображение людей, что недавно пятьдесят человек крещены были благодаря выздоровевшему в заражном госпитале больному.— Епископалы в Кёото имеют хорошую женскую школу.

4 / 16 февраля 1897. Вторник

О. Симеон Мии в двенадцать часов обедал со мной, и потом мы поговорили с ним о церковных делах до половины пятого часа. Во время беседы подали ему письмо от Фукасе, извещавшее, что другое место, то, что обширнее «Ноогакудо», уже продано; это тем более укрепило нашу решимость купить «Ноогакудо». За 6.500 ен уступают; при покупке неизбежны и другие расходы, как: сто ен — в «Тоокисё», «О-рей» хлопотавшим посредникам и прочим,— так что всего семь тысяч нужно положить. Затем, в доме, остающемся на месте, поселится о. Семен, и во втором этаже дома будет устроена молельня. Потом, на свободном месте не замедлит постройкой молитвенный дом. А дальше — что Бог даст! Завтра утром о. Семен отправится обратно в Кёото.

О. Фаддей Осозава вернулся из Маебаси; хвалит нынешнее состояние Церкви. Христиане Такасаки подняли вопрос о поставлении священника им, христианам Маебаси и окрестных Церквей. Маебаси вполне согласны и положили давать ежемесячно от себя четыре ены на содержание священника. Итак, к будущему Собору, если не раньше, вознесется глас христиан Дзёосиу: «Дай нам священника!» — А кого им дать?

Сетовали мы сегодня с о. Семеном, что нет в Православной здесь Церкви «дзимбуцу», но утешились тем, что есть у ней истинное Христово учение, которое и без «дзимбуцу» идет, ширится и являет себя к видимому изумлению всех видящих. Итак, устроит Господь и дальнейшее: укажет пастырей для Дзёосиу, Хоккайдо, Тохаси и Оказаки; научит малых сих (не «дзимбуцу») расширять и водворять Его Церковь в стране сей.

5 / 17 февраля 1897. Среда

В двенадцатом часу прошедшей ночи меня разбудил ученик Катихизаторской школы Абе: «Пожар как раз около госпиталя Сасаки,— опасность большая для Семинарии и Женской школы!». Стал я поспешно

одеваться, — уже гудит толпа, выглянул в коридор, — женская школа вывалила нераздельным единым организмом, среди которого выделялась старуха Анна Кванно, — совершенно как улей дружно сплотившихся около матки пчел. Вынес я им свою лампу осветить классную комнату внизу, в которую они набились, водрузив Анну посередине, на скамье, и отправился на пожар. Старый мой знакомый по хакодатской жизни, пять раз посещавший меня и раз чуть не похитивший из мира сего, сиял во всей красе: красные галки каскадом сыпались на женскую школу и новостроящуюся семинарию. К счастью, налетел добрый народ: плотники, тобиката, разные мастеровые и знакомые, — защита была вполне успешная; несколько раз загоралось на дворах — тотчас было потушаемо. Я большую часть времени был в Семинарии, на крайнем к пожару угле, и наблюдал. Если бы не каменный дом больницы Сасаки, крайний к пожару, — дом наперед приспособленный так, что в нем оказались наглухо закрытыми несгораемыми ставнями все двери и окна, то несдобровать бы большому, отштукатуренному дому госпиталю, что прямо против семинарии, а тогда сгорели бы непременно новые здания семинарии и сопредельная с нею женская школа. Пожар был так близок, что я едва мог выносить дым и каскад искр и палок, которыми положительно было осыпаяемо все кругом — ветер был прямо на нас. Я не очень тревожился, потому что здания семинарии были застрахованы. Но было бы крайне печально, если бы Бог не спас. Нужно было подивиться хорошему устройству пожарной команды: в полчаса пожар был локализован, так что сгорело очень мало, принимая во внимание ветер и компактность хрупких построек; воды было в изобилии, несмотря на холм и глубину колодезей; заливающих кишок множество; мешающего народа совсем мало, благодаря тому, что полиция тотчас же оцепила все соседние улицы, не дозволяя ненужному люду толкаться на месте пожара.

Немало отличились ученики наши тем, что вынесли из женской школы все имущество, что только можно было вынести, а потом обратно внесли все, — так что все оказалось целым и сохранным у девочек, начиная от брошенных ими постелей ихних до последней мелочи в их частном имуществе.

Конечно, не без убытка, хотя и благополучно кончившийся пожар: нужно было угостить защищавших наши места, — для чего тотчас же, по утишении огня, куплен был бочонок вина в семь ен, потом «о-рей», — кому одна ена и «теногуй», кому пятьдесят сен, тридцать сен и тоже. Всего сорок девять ен. Ученики за свой подвиг почти весь день отдыхали и угощены апельсинами. Мы с Накаем, впрочем, невозмутимо весь день занимались своим делом. Из полиции прислан был чиновник изъяснить соблезнование, что де потревожились. От доктора Сасаки тоже приходили поблагодарить, что некоторые больные укрылись у нас. Я, с своей стороны, послал карточки старику Сасаки и его сыну с приветствием, что так благополучно избежали большой беды.

6 / 18 февраля 1897. Четверг

Вследствие представления о. Матфея Кагета и прошения Павла Секигуци, христианина в Оогаки, Моисей Мацунага оставлен так катихизатором для трех мест: Оогаки, Ооябу и Гифу. В Хамамацу послать решительно некого, и потому Церковь там остается под непосредственным ведением о. Матфея; написано ему, чтобы он поочередно совершал службу: одно воскресенье в Сидзуока, другое в Хамамацу; расстояние между семи городами три часа по железной дороге.

Из Фукурои — описание освящения тамошнего новопостроенного церковного дома. Христиане издержали на постройку пятьсот ен, что для такой малой Церкви очень значительно. Описание от катихизатора Якова Ивата и от о. Матфея, который прибавляет в своем письме сожаление, что Ивата оказывается совсем ленивым катихизатором, и вместе сетование на о. Петра Кавано, у которого прежде служил Ивата, и который очень расхваливал его.

Симон Тоокайрин из Неморо также прислал описание вновь построенного тамошнего церковного дома: здание очень целесообразное: Церковь, при ней огромная зала для собрания христиан и дальше помещение для семейного катихизатора. Ныне здесь, при Миссии, пишется полный комплект иконостасных икон для Церкви.

Мы с Павлом Накаем кончили исправление перевода Евангелия от Матфея. Завтра примемся за Евангелие от Марка.

7 / 19 февраля 1897. Пятница

Было бракосочетание нашего юного литератора Тимофея Секи (из кончивших курс Семинарии), состоящего помощником редактора журнала «Синкай», с Раисой Ито, воспитанницей нашей Женской школы, состоящей ныне учительницей в ней.

Когда я был в Церкви, при венчаньи, в четвертом часу, приехал секретарь Посольства Сомов просить окрестить в воскресенье его сына, что и будет совершено.

С трех часов пошел снег, и ныне, в десять часов вечера, продолжает идти. Отчего сделалась зима наподобие русской, что приятно на взгляд, неприятно на деле, ибо вот уж я и теперь с насморком, а несколько еще сырых дней впереди от этого снега!

8 / 20 февраля 1897. Суббота

Прибыл Павел Окамура из Хамамацу с семейством на пути в Эцинго, но теперь еще такой холод, и дорога из Наоецу (докуда есть железная дорога) в Эцинго, по берегу, такая дурная, заваленная снегом, что

можно только пешком путешествовать, по словам Стефана Кондо, сегодня же прибывшего по этой дороге из Касивазаки, и именно шедшего пешком до Наоецу, ибо ни на лошади, ни на тележке нельзя, — снег слишком глубок. Итак, придется, кажется, отправить одного Окамура, а жену и детей его оставить здесь, наняв им квартиру, пока тепло станет.

Стефан Кондо, катихизатор в Касивазаки, прибыл вызванный отцом больного Ильи Танаки. Стефан хороший «хари-ися»; недавно он вылечил Григория Минова, тоже учившегося в Семинарии и вышедшего по болезни, наподобие той, что теперь у Танака. Он возьмет Илью из госпиталя и поживет с ним неделю, посмотрит, сможет ли вылечить; если да, то повезет его домой в Симоямада (близ Касивазаки); если нет, то Илья будет оставлен здесь в госпитале для умалишенных. Просил Стефан комнаты для него и Ильи в Миссии, но решительно нет свободной. Поместился он у о. Метоки, теперешнего своего священника, где есть свободная комната. Для церковной службы Ильи Танака во всяком случае потерян, хоть и вылечен будет.

Был из Церкви в Набурихама христианин Наганума; говорил, что христиане блюдут веру, но жаль, что катихизатор из Накасима посещает их весьма редко, месяца в два раз, а о. Иов Мидзуяма почти совсем не бывает; а между тем поблизости город Огацц, где при Николае Явата тоже зарождалась Церковь. Нужно иметь это в виду.

9 / 21 февраля 1897. Воскресенье

В Церкви было немало и русских, как: Небогатов, командир крейсера «Адмирал Нахимов», человек десять матросов, и прочих. После Литургии приехал адмирал Михаил Алексеевич Реунов с женой Софьей Ивановной; приехали к Обедне, но запоздали. Очень приятно было видеться с Реуновым, моим знакомым еще 1862 года, когда он был мичманом; собирал, между прочим, коллекцию монет, чем и я в то время занимался; мы менялись с ним монетами, причем от него, как кругосветного плователя, перепало мне несравненно более, чем обратно. После пожара 1865 года расстроилась моя коллекция, и остаток я подарил какому-то приятелю японцу...

Были также в Церкви сегодня двое, едущих из Америки на работы по железной дороге в Приморской области, но воры обокрали их — денег на дорогу не хватило. Один — совсем русский, механик Иван Черкасов, другой — славянин, Василий Русинин, слесарь, — униат, присоединенный к Церкви Пресвященным Николаем в Сан-Франциско, о чем имеет свидетельство. Просили в долг; я сказал, что еду в Посольство на крещение; быть может, соберу и так. Бог помог; Анна Эрастовна Шпейер приняла участие, и на дорогу до Владивостока достаточно им собрано и вручено.

Крещение младенца Сергия, сына секретаря Александра Сергеевича Сомова, совершено в Церкви Посольства при восприемниках Иване Ивановиче Чагине, лейтенанте, морском агенте, и Анне Эрастовне Шпейер. Пел о. Авель, священник с крейсера «Адмирал Нахимов». Я был в новой митре, выписанной для Посольской Церкви о. Сергием, которую там и оставил.

Семейство Павла Окамура было у меня: трое детей — девочки восьми, шести и трех лет — все нежные и слабые, и милые, точно цыплята; куда им теперь в холод на север! Здесь будет найдена квартира для них с матерью, а Павел Окамура отправится один, и это для него, как катихизатора, будет очень полезно, ибо он дома при детях только нянька.

О. Павел Савабе ныне и воодушевленный, но и «себе на уме». Приходил просить девять ен прибавки к жалованью. Девять ен ему давала до Собора Церковь в Коодзимацци. Когда стали оттуда христиане просить поставить священником сына его, Алексея, я потребовал, чтобы сделали прибавку к ныне получаемым им от Миссии двадцати енам, ибо-де для священника это будет недостаточно. Церковь в Коодзимацци, после многих совещаний, предоставила мне поручную запись, что будут давать Алексею Савабе девять ен, а сей при сем представил согласие, — мол, «доволен буду и от Миссии больше не потребую». Так Алексей Савабе был поставлен священником в полной моей уверенности, что ему христиане Коодзимацци дают девять ен. Оказалось, что меня обманули и сделали это совершенно по-иезуитски: на деле девять ен давали, а в душе говорили: «Это те девять ен, что доселе идут о. Павлу, мы их не отнимаем, но и не прибавляем к ним». А я, между тем, был уверен, что это новые девять ен для о. Алексея, а вовсе не те, что они отдавали о. Павлу. Досадно, что попался в такую ловушку, и досадно более всего на бессовестность христиан вроде Петра Секи, который оказывается главным мерзавцем при сем. Но так как о. Павел не в первый уже раз просит дать ему сии отобранные от него девять ен, то я дал, но не от Церкви, а от себя лично; я обманутым мерзавцами быть могу, но Церковь не может и не должна быть.

10 / 22 февраля 1897. Понедельник

Павел Окамура расположился на проповедь идти к своим родным и написал им о том, а оттуда сегодня телеграмма «Не приходи» (куру-не); значит, и не нужно идти — было бы совершенно бесплодно. Хочет теперь направиться в Ниегата, где, кстати, уже есть несколько христиан, пришедших из других мест. — Здесь возня с его семейством; два дня ищут по всему городу подходящую квартиру и не нашли еще. Вообще следовало бы ему быть до Собора в Хамамацу, где уже теперь и совсем нет никакого катихизатора. И быть вперед осторожным с советами и внушениями о. Павла Савабе! Рад-радешенек бываешь, когда он хоть немножко

всколыхнется и начинает усердствовать Церкви, и стараешься угодить ему исполнением всех его желаний; но нужно не забывать, что он всегда вдается в крайность; ведь тридцатилетнего своего знакомого и задушевного приятеля по христианству Павла Окамура — одного из первых христиан по времени в Японии, и именно благодаря Савабе сделавшегося христианином, — он смешал с грязью и побудил вывести из Хамамацу; и теперь ему и горюшка мало! Человек с большой семьей перебрасывается, точно мячик, с места на место. Правда, он плох как служащий Церкви; но следует все принимать в соображение, а на это и мы с о. Павлом плохи. Вперед быть осторожнее и, слушая соловьиные песни о. Павла, делать то, что разумно, а не то, что представляется пессимистическому, или уж не в меру оптимистическому взору сего первого японского христианина и первого священника, годного для Неба (я в этом уверен), но не годного для разумного управления земною Церковью, которой он может быть полезен только под условием разумного пользования им самим.

11/ 23 февраля 1897. Вторник

Начал вставать с сегодня в три часа, чтобы составить отчеты для отсылки в Россию. Больше всего заботит рапорт. О чем писать, не знаешь — все, кажется, писано.

О. Мии из Кёото пишет: просит сто ен для задатка за покупаемое место. Завтра нужно послать.

Были русские посетители; между ними капитан парусного корабля «Беринг» (занимающегося котиковым промыслом) Иван Николаевич Рингваль, родом финляндец, с женой Августой Эдуардовной (православной), урожденкой города Петропавловска, в Камчатке, где у нее и ныне родители; и у родителей было двадцать детей, из коих восемнадцать живы, — двенадцать сынов, шесть дочерей; сыновья служат по разным отраслям; между прочим, есть один священник, один причетник. Стало быть, климат Камчатки хорош! «Ужели никого в семействе у вас нет больного, или слабого грудью, желудком и тому подобное?» — спросил я Августу Эдуардовну. Она только засмеялась невероятности моего предположения.

12 / 24 февраля 1897. Среда

Только что приготовили к отсылке чек на сто ен, вчера потребованных на задаток о. Семеном, как получил от него телеграмму: «6.700 сугу окуре». Значит, покупка земли окончательно решена и скоро будет совершена. Тотчас же послал Давида Фудзисава в Мицуи банк взять чек на

имя о. Симеона Мии в Кёото на 6.600 ен, приложил к нему прежний на сто ен и послал о. Семену, известив в то же время телеграммой, что сумма послана. В письме ему сказал, чтобы документ, по совершении купчей, послал сюда на хранение. Дай, Господи, чтобы дело совершилось благополучно во славу имени Его!

Приходила Матрона Кимура, жена помощника редактора «Сейкёо-Симпо» Исаака Кимура, жаловаться на Савву Хорие, редактора, что он житья ей не дает в доме редакции. Дом тесный; одна комната внизу и комната на втором этаже, где она только и есть; отделены, как официальные для редакции, и они всегда свободны и чисты, когда в них нужда для членов редакции, но в прочее время там бывают и гости Исаака и Матроны, и их дети, ибо частное помещение у них уж слишком тесное. А Хорие требует, чтобы в эти комнаты днем никто не входил ни из семейства, ни из знакомых Кимура. Требование слишком придирчивое и несправедливое. Так и у всех почти служащих Церкви — квартиры общие — для них и для церковного употребления; у всякого катихизатора и дети его, и знакомые бывают и в той комнате, которая назначена для катихизаций, и по которой собственно и жилище катихизатора называется церковным домом.— Матрона сильно расплакалась, приходила потом и еще, и тоже плакала. Видно, что гневливый и гордый этот Хорие очень уж разобидел ее. «Даже не позволяет,— говорила,— ходить к ней ее товарке по школе Надежде Такахаси, равно как не доволен посещениями к Исааку его школьных товарищей — кандидата Петра Исигаме и других». Я советовал терпение.

Был один протестантский епископальный катихизатор (тот, что как-то приходил с врачом Моисеем Исогава). Делал вопросы, получил ответы; из-за вопросов очень явно выглядывали накопившиеся там сомнения и недоумения касательно содержания исповедания. В руках Новый Завет совсем истрепанный, а в нем много мест совсем новых и нетронутых.

Была Мария Мацумото, мать Веры, вдовы звонаря Андрея Сугава; берет ее к себе в Оосака, больна-де здесь «какке». Ладно. Значит открывается помещение для вновь образованного помощника звонаря, повара Моисея. Вере на воспитание детей я буду высылать, как обещался, частно от себя по две ены на каждого из троих; когда кто из них поступит в миссийскую школу, две ены будет удержано на воспитание в школе. Вообще же помощь будет идти до пятнадцати-шестнадцати лет детей, то есть до окончания их воспитания. Так я говорил прежде, так ныне подтвердил Марии.

Павел приходил. Семейство его помещено у катихизатора Симеона Томии. Ему куда идти? В Ниегата не хочет — близко-де к родине, а оттуда двукратно телеграммой просили его не приходить. Ну что ж, пусть избрет другое место, только такое, где нет еще Церкви, например, в Мацумото, Коофу, Фукуи и подобный большой город.

13 / 25 февраля 1897. Четверг

О. Иов Мидзуяма отвечает на письмо и вопрос отсюда об Ивае, катихизаторе в Исиномаки. Вся вина его в следующем: христианин Оота открывал свою «собая»; между позванными гостями был и Иоанн Иваи; подвыпил не в меру и пел песни. Для катихизатора это, конечно, не хорошо; но все же далеко от того, чтобы идти в непотребный дом, пить там и заводить драку с язычниками, что взводили на него. Виною интриги — против него старик-катихизатор соседней Церкви в Минато Спиридон Оосима, а орудием — христианин Кадзима; подбивал Кадзима всех старшин подать донос на Иваю, но никто не согласился. В Церковь там христиане ходят по-прежнему; новые слушатели у Иваи есть; словом, все в обычном порядке, по свидетельству о. Иова, который, по болезни, еще находится в своем доме, в Ициносеки, но ручается за верность того, что пишет, и прилагает письмо к нему старшины из Исиномаки Семена Мано об Ивае и напраслине на него. Ну и слава Богу! А все-таки нужно написать внушение Иваю.

О. Сергей Судзуки из Оосака пишет, благодарит за прибавление к содержанию пяти ен (ныне получает всего двадцать пять, при квартире и дорожных по Церквам) и извиняется за небрежность извещений; оказывается, что они там, в Оосака, вовсе не так бездействовали, как я думал; были и крещения: после Собора девять человек окрещено.

Из северных Церквей много известий о бывшем на прошлой неделе большом землетрясении и на большое пространство: в Сендае и Санума храмы наши потерпели значительное повреждение.

А сколько писем и почтовых листков (хагаки) из разных Церквей с сожалением по поводу недавней опасности для семинарских зданий от пожара! Обычай вежливости, которому научил японцев Конфуций, но которому следует сохраниться и в Христианской Церкви.

14 / 26 февраля 1897. Пятница

Павел Окамура решил отправиться на проповедь в Ономац, в Циукоку. Семейство возьмет с собою, чтобы оставить в Оосака у родных жены; а сам один отправится в Ономац. Я согласился, потому что предоставил ему выбор места, лишь бы потом трудился, и были видны следы его трудов; сказал я и ныне твердо ему, что если до времени Собора не будет признаков его деятельности, то он поступит в заштат, и будет ему скудная помощь от Церкви. Если он введет в Церковь примерно человек десять (ныне желающие слушать учение есть везде, и везде можно приобрести христиан при усердии) до Собора, то потом и семейство может взять к себе, и будет все по-прежнему, — восстановится его доброе имя как катихизатора.

Была Марианна, жена о. Иоанна Оно. Посылал он ее зачем-то к себе на родину, в Сендай; ныне возвращается; говорила, что о. Иоанн ровно ничего не делает, но и геморрой его не хуже. Удивительно, как может человек при способностях выносить труд полнейшего бедствия!

Был и очень раздосадованный один педагог (из школы близ Суруга-дая, с семьсот учеников). Одет хорошо, вид серьезный; долго ждал, пока у меня были другие посетители.

— Дело секретное, — начинает и излагает в длиннейшей речи, что в Токио ныне семьдесят тысяч учащихся, половина из которых в правительственных школах, половина в частных; но правительственные пользуются казенными средствами; отчего же частным нет денежной помощи от Правительства? Мы-де делаем то же дело, что и правительственные школы, и так далее. Видя, что конца речи не будет, я спросил:

— Так чего же вы от меня хотите?

— Участвия в протесте, так как и у вас частная школа.

От этого я отказался, так как «не имею никакой причины по поводу моих школ быть недовольным Правительством»; притом же я иностранец, — «не имею права вносить свой голос о каких бы то ни было сего рода предметах». — Постарался я было свести речь на преподавание религии в школе и предложил себя в законоучители в его школе. Последовал запутанный разговор, в котором он старался уверить меня, что одно из его намерений — ввести религиозное преподавание во все частные школы, которых ныне триста пятьдесят в Токио только.

— Но вы сами какой религии? — осведомился я.

— Я-то никакой, но детям нужно...

— Так начните с себя; я вам дам учителя; в месяц-другой вы вполне узнаете все главное, во что должно веровать; вера внедрится, вероятно, в ваше сердце, тогда Вы искренно будете настаивать на религиозном преподавании. — Но куда! Больше часа был бесплодный разговор, утомивший меня тем, что со второго часа — непрерывные посетители, и так вплоть до шести, когда пришел Накаи, и я, утомленный, должен был сесть за настоящее дело.

15 / 27 февраля 1897. Суббота

В третьем часу сегодня получил телеграмму из Кёото от о. Симеона Мии, извещающую, что покупка земли для Церкви благополучно совершена. Слава Тебе, Господи! Видимо Господь помогает! Это воля Его, чтобы была построена Церковь в Кёото и на приличном месте!

Савва Хорие длинную и гневную речь вел об Исаке Кимура, что он лентяй, встает утром не раньше восьми, иногда в десять (вероятно, оттого, что плох здоровьем, а иногда и совсем болен), редакцию «Сейкёо-Симпо» держит в неопрятном виде, принимает своих гостей в

официальной комнате (которая, впрочем, почти всегда пуста) и прочее. Так как сам же Хорие просил когда-то поместить Исака с семьей в редакции, то пусть теперь, если находит его неудобным для службы в редакции, посоветуется с прочими членами Айдэйся и, если все согласны будут с ним, выведет Исака на квартиру, а в редакции поместит другого члена.

16 / 28 февраля 1897. Воскресенье.

Заговенье перед Масленицей

До Литургии крещен один; совершал крещение о. Андрей Метоки, вновь поставленный иерей; руководил его о. Семен Юкава. Принявший крещение — родом из Оота, в провинции Мито, и на днях отправляется домой. Заинтересовался христианским учением, слушая объяснения икон при посещении Собора; ему указан был ближайший по месту жительства его катихизатор Антоний Такаи, который и научил его вере. Значит посещение Собора язычниками приносит пользу.

За Литургией христиан и язычников было очень много. Из русских — один профессор Кёбер.

17 февраля / 1 марта 1897. Понедельник

Из Одавара, Карасуяма, Батоо, Санбонги извещают, что городские власти спрашивают, сколько христиан, есть ли школы и так далее. Наши катихизаторы везде сообщают самые верные сведения о своих Церквах. Правительство, значит, хочет в точности узнать, сколько у него в стране христиан; для чего это, потом увидим.

Павел Окамура с семейством приходил проститься: завтра утром едут — семейство до Оосака, он до Ономацэ.

Илья Сато, бывший катихизатор из Такасимидзу, брат кандидата Пантелеимона Сато, приходил проститься опять на службу.

— Простите! — говорит.

— Да в чем? Вы ни в чем не виноваты предо мной, — говорю ему.

— Примите на службу.

— Но у вас характер, не соответствующий катихизаторской службе.

— Исправлюсь, — говорит.

— Можно ли переменить врожденные свойства, будучи за сорок лет? —

Мягкое выражение вместо: можно ли не имеющему способностей сделаться способным. И так далее. Видя, что резон не помогает, я просто ушел от него, а после угостил его чаем в канцелярии; и не знаю, с чем он ушел, — обескураженный, или ободренный, потому что, поставив чай перед ним, должен был отправиться за чтение писем. Человек он благочестивый, но к катихизаторству решительно не способный по своей

крайней инертности и по своим странностям. В былые времена, когда он бесплодно служил, были у нас с ним, между прочим, такие разговоры:

- Почему вы не проповедуете?
- Я проповедую, всегда неопустительно.
- Но где же плоды?
- Что же мне делать, коли нет слушателей!
- Так кому же вы проповедуете?
- Так как слушатели ко мне не приходят, то я проповедую, обратясь к жене, а если ей некогда, то к стене.
- Но почему же вы не ищете слушателей?
- Это для меня не лучше, что нет ни слушателей, ни успеха; иначе, кто знает, я мог бы возгордиться!

И такой человек опять просится в катихизаторы! Человек он не бедный; имеет в Такасимидзу дом и землю. Не знаю, что побуждает его. Быть может, желание полной бездеятельности при церковном содержании, как прежде. Во всяком случае, принят не будет, как ни велика нужда в катихизаторах.

18 февраля / 2 марта 1897. Вторник

Утром получил от о. Симеона Мии из Кёото купчую, совершенную им 27 февраля (нового стиля) на церковную землю. Слава Богу! Бог видимо помогает! Участок приобретен в центре столицы, недалеко от дворца Мидако; мал он, всего 270 цубо, но под храм достаточно будет. Стоит, с зданием на нем, 6400 ен; кроме того 262 ены на совершение купчей, на расходы подарочные посредникам и подобное. От посланных 6700 ен осталось у о. Семена только 38 ен; я к ним послал еще сегодня 12 и просил принять эти 50 ен в подарок ему за труды и хлопоты по покупке. Иоанну Фукасе, помогшему при покупке главным образом, пошлю икону и благодарственное письмо, — от вознаграждения за труд он отказался. Но на новое место о. Семену еще месяц нельзя перейти — хозяин выговорил это себе, пока найдет куда переселиться. Поэтому я написал о. Семену, чтобы он подождал разглашать о покупке церковной земли, чтобы не вышло еще препятствия, когда узнают, для какой цели земля куплена. Когда я покупал эту землю на Суругадае, двадцать пять лет тому назад, то и тогда, лишь только стало разглашаться, кем куплена земля, на моего учителя, Ватанабе, на имя которого первоначально была куплена, сделано было такое давление от ненавистников христианства, что я поспешил перевести ее на имя христианина, катихизатора, пока окончательно место было закреплено за мной как настоятелем Посольской Церкви. Тем более могут сделать это в Кёото, седалище буддизма. Годов шесть тому назад кем-то пущена была молва, что я собираюсь строить храм в Кёото такой же, как в Токио; и в Губернском

собрании Кёото было рассуждаемо, какие принять меры, чтобы воспрепятствовать сему,— так писали тогда газеты. Воображаю, что может случиться, коли ненавистники христианства узнают, что и взаправду храм в Кёото может быть построен; оттого и писал сегодня о. Семену.

Брат Илья Сато, вчера приходившего, кандидат Пантелеимон приходил просить принять Илью на службу; не в первый раз он просит о сем. От них не отвяжешься! Сказал поэтому, что если Илья хочет опять на катихизаторскую службу, то пусть вновь пройдет через Катихизаторскую школу, чтобы повторить забытое учение и в то же время дать удостовериться, что он исправился от своих странностей.

О. Николай Сакураи на десятифутовом письме (нарочно смерил,— немного более десяти футов) отвечает на мое письмо ему, что прибавки жалованья (к двадцати пяти енам) ему не будет, стараясь доказать, что прибавка должна быть. Все-таки не будет! Да, кроме того, вперед читать его убийственных писем о сем не буду. А бросит службу на Хоккайдо, для которого и избран, как угрожает, то дано будет ему катихизаторское жалованье — двенадцать ен, и пусть избирает себе место службы, запротестится далее, и совсем лишен будет жалованья и службы. Двадцать пять ен мало, при квартирных и дорожных! Тогда и двести пятьдесят ен может быть мало!

Григорий Камяя из Циба пишет хорошее письмо: десять слушателей у него; один католик очень желает присоединиться к православию. В Великом посту ждет о. Фаддея к себе, чтобы совершить крещение приготовленных.

Приходил проститься Стефан Кондо, катихизатор и вместе «харисия»: завтра увозит больного Илью Танака домой с расстановками по несколько дней в Хацивоодзи и Нагано; говорит Стефан, что ему гораздо лучше,— говорит Илья почти совсем разумно; вероятно, скоро совсем придет в разум. Отец его уехал,— должен был поспешить домой по делам, как член Губернского совета (Кенквайгиин).

19 февраля / 3 марта 1897. Среда

Илья Сато принят в школу, и на второй курс, но взята с него расписка (в том числе и я, ибо с Пасхи буду ходить к ним на «ринкоо»), что он к проповеди не способен, что не будет настаивать на принятии в число катихизаторов, а вернется домой к себе частным христианином.

О. Борис прислал просьбу Иоанна Котера о прибавке ему содержания с ходатайством за него. Послал ему пять ен и прибавил по одной ене в месяц, ибо уже и без того, кроме десяти ен своего содержания, получает две ены на семейство, притом же мало деятелен он; за последние два года у него только двое крещено.

Сегодня после обеда закончились уроки: остальные три дня Масленой гулять, первую неделю Великого поста говеть; в сию самую минуту (половина десятого часа вечера) в нижней классной зале гремели кому-то рукоплескания за речь: ребята целый вечер наслаждаются своими «энзецу», и вместе чаем и печеньем, на которые у меня выморочили четыре сны, приходя двукратно просить.

Мы с Накаем сию минуту только что закончили, на десять дней, наш труд по переводу. Не так-то скоро идет исправление перевода, как чаялось с Нового года, не опустив ни одного положенного часа (с половины восьмого до двенадцати утром и с шести до девяти вечером), мы исправили только Евангелие от Матфея и одиннадцать глав Марка. Зато исправленное куда как лучше прежнего! А придется и еще раз исправлять.

20 февраля / 4 марта 1897. Четверг

До обеда писал рапорт, запершись вплоть до двенадцати, иначе не дали бы покоя, и отчеты в Святейший Синод и Миссионерское Общество все тянулись бы; спасибо, хоть один день сегодня выдался свободный для сего. Рапорт (впрочем, начну с сего года писать «Донесение»; принопамятному о. Николаю, сотруднику Алтайской Миссии в Москве, очень не нравилось это слово; брошу и я его), или Донесение в Святейший Синод готово; прошу миссионера, будущего заместителя моего здесь. Дай, Господи, чтобы просьбу исполнили!

21 февраля / 5 марта 1897. Пятница

Утром написал, вчерне, письмо к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву с просьбой найти и прислать миссионера. Писал и об о. Сергии Страгородском, просил прислать и его сюда. При письме будет приложено извлечение из «Донесения» Святейшему Синоду о том же.

После обеда был о. Павел Савабе, вчера вернувшийся из Маебаси; говорит, что благочестие христиан ослабело, но отпадших от веры нет, только в Церковь меньше ходят. Был он и в Такасаки, и службу Фомы Маки хвалит, но говорит, что в Священники христиане его не изберут; а из Маебаси и Такасаки собираются непременно добыть себе священника.

- Имеют ли кого в виду для избрания? — спросил я.
- Никого, — отвечал о. Савабе.
- Не имеете ли вы кого в виду дать им? — спросил он.
- Никого, — отвечал я.
- Нельзя ли дать им в священники диакона Якова Мацуда? — спросил он.

— Этого-то злослова? Который в Оосака так злословил семейную жизнь о. Оно несмотря не то, что ему же обязан был диакономством? Да ему христиане и исповедаться не могут, — пожалуй, все пустит в оборот. — Я запретил о. Павлу и имя Мацуда вызывать для избрания.

22 февраля / 6 марта 1897. Суббота

Иоанн Кавамото утром принес мне прочитать полученное им от Сергея Александровича Рачинского письмо к нему; из него, между прочим, явствует, что Кавамото жаловался на меня Сергею Александровичу, который, разумеется, советует ему слушаться меня; и признается Кавамото, что в прошлом году, по приезде его в Японию, он не слушался меня и во всем старался перечить, потому что они тогда составили партию против меня, по внушению Даниила Кониси и под его главенством; Сайкайси был также настроен против меня; Сато и Исигаме будто бы тоже. Теперь же все вышли из-под влияния Кониси. А я и не подозревал сей бури в стакане! И Кониси это все злится из-за того, что я сменил его с инспекторства после того, как он до того рассорился с учениками Катихизаторской школы, что к нему на лекции перестали ходить, и он приходил жаловаться, что ни одного в классе, и я должен был убеждать учеников идти в класс; а в Семинарии из-за несправедливости его и злостного преследования тех, кого невзлюбил, произошло то, что, по исключении его, был почти насмерть зарезан обиженной матерью, зарезавшею в то же время и себя — уже насмерть.

После обеда были два христианина из Хакодате: Игнатий Симода и Никита Нагасе, просить меня содействовать, чтобы даны были им на Сахалине в десяти местах рыбные ловли мимо объявленных там местным начальством постановлений. Вчера о. Павел Савабе уже просил за них. Я сказал, что в такое дело мешаться не могу. Сегодня покорно и подробно выслушал и их. Досадней всего, что начинают и кончают тем, что все это делается в интересах Церкви, тогда как из их же речей тут же и видно, что хлопочут для своих собственных выгод; из ста частей добытой прибыли три — на Церковь; почему же не наоборот, если цель — польза Церкви? Впрочем, вошел я и в их положение: если язычникам там (сорок первая компания рыболовов японцев, и 1800 людей в них) — золотое дно в рыбной ловле, доставляющей миллионы, то отчего нашим христианам не воспользоваться? Только, что я могу сделать для них? У кого просить дать им в десяти местах ловли, когда я даже и по имени не знаю ни чиновников, ни священников в заливе Анива? Потому дал я им свидетельства, что они — православные христиане города Хакодате, купцы по званию. Но советовал и эти свидетельства не употреблять как средства для добытия ловель, иначе, пожалуй, может случиться наоборот.

**23 февраля / 7 марта 1897. Воскресенье.
Заговенье пред Великим Постом**

После Обедни зашла с детьми проститься вдова звонаря Андрея Сукова: едет жить с родителями своими в Оосака; обещался, где бы ни была, высылать неизменно по две ены на каждого из трех ее малышей за долгую службу Андрея и мне в качестве слуги, и Церкви в качестве надсмотрщика за построечными работами, а потом звонаря; расход, впрочем, мой частный,— на церковный счет его поставить нельзя.

Был потом в Посольстве, по приглашению Анны Эрастовны Шпейер, «проводить масленицу». За столом блины общие, потом разделение: мне постное, всем мясное. Что за нелепость? И это, впрочем, везде и всегда, так что и странностью никому не кажется. Ужели у нас общество совсем уничтожило посты? Впрочем, не совсем; сегодня же кто-то спрашивает Анну Эрастовну: «Вы будете первую неделю есть постное?».— «Да,— отвечает она и, обращаясь ко мне, поясняет,— Алексей Николаевич (муж) любит постное». Утешила! Поэтому только и постное, а о настоящем посте, значит, и мысли нет! Ужели общество никогда не вернется к соблюдению церковных уставов? Но тогда плохо не Церкви, а обществу, которое все больше и больше будет уклоняться от Церкви (потому что на одном месте ничто живое не стоит),— куда? В ад!

В пять с половиною часов была вечерня, потом Малое Повечерие, за которым, по обычаю, следовало общее прощание, пред чем я сказал несколько слов, закончив их поклоном в землю пред всеми с просьбою простить мои грехи.

**24 февраля / 8 марта 1897. Понедельник
первой недели Великого поста**

Последние три-четыре дня было такое спокойное, хорошее настроение духа. Думал я, какая же пакость случится? Потому что жизнь уж так устроена, что ни одно удовольствие не дается даром. Пакость следующая: приходит сегодня какой-то Танабе, отзывающийся родственником Данилы Кониси. Принимаю. Благодарит за воспитание Данилы и продолжает:

— Но не может же он долго оставаться на службе Церкви; вера верой, но ему нужно шире поприще, чем служение здесь.

— Но в таком случае пусть вернет Церкви, что потрачено на его воспитание,— Церкви и мне лично, ибо я сам содержал его в Академии, после того как Нозаки нарушил свое обещание содержать его; мне совестно было просить его на казенное в Академии, совестно за японцев.

— Четыреста ен будет заплачено вам.

— Не четыреста, а все, что издержано — целые тысячи. Он ничем не связан, кроме нравственного обязательства; конечно, может уйти, если «току-ги-но сокубаку» ничего для него не значат. В противном случае должен уплатить, что на него издержано.

Сказав это, я раскланялся с торгашом; он хотел что-то возражать, но я сказал, что некогда мне с ним говорить о предмете, который в двух словах исчерпан.

Боялся я рассердиться из-за этой мерзости людской. Да и взаправду некогда было: о. Савабе ждал поговорить по поводу завтрашнего своего отправления в Церкви Оказаки и Тоехаси. Сам себе навязал это путешествие. Хорошо его приняли давеча там, так расчувствовался: выпросил у меня похвальные письма Церкви в Оказаки и Симеону Танака в Тоехаси и подарки от меня — в Оказаки прибор священных сосудов для Литургии и икону для Танака. Все это я с готовностью дал, — может служить лишь к пользе, но насчет священника для Оказаки и Тоехаси только сказал ясно и определенно: не обещать; он, пожалуй, насулит с три короба, а после разделяйся, как знаешь, — будет возня потрудней, чем с Павлом Окамура. Священники во многих других местах нужнее, чем в Оказаки и Тоехаси, отстоящих по железной дороге на несколько часов от своего нынешнего священника, живущего в Сидзуока. Пусть бы положили от себя полное содержание священнику, тогда требовать право имели бы, но о. Павел к этому не расположен убеждать их, — не сладко будет. Ну, тогда и набиваться священником (на содержание миссии) нечего взманивать их, чтобы потом не почувствовали горечь разочарования, когда Собор откажет. — Эх, если б о. Павел не расстроился с приезда о. Анатолия в Японию, а был все время со мною, многое бы он мог совершить! А теперь — что? Спусти лето — по малину! Остались вспышки, которые сами по себе хороши, но которых и опасаться нужно, чтобы в сторону не рванули и изъяну не причинили вместо пользы. Впрочем, милый мой о. Анатолий не виноват; слаб он был, — в чем не его вина; о. Павел любил ездить на нем; и оба они тем друг друга портили, — один ездит, другой подчиняется, один честолюбив, другой слаб, — и оба прильнули друг к другу, разряжаясь на воздух, точно плюс-минус электричество.

***25 февраля / 9 марта 1897. Вторник
первой недели Великого поста***

После Часов пришел Иоанн Кавамото с известием, что чрез Пантелеимона Сато Даниил Кониси прислал «странное письмо: отказывается от службы» и что по этому поводу у него в комнате собрались все кандидаты для совета. Я пошел и рассказал им вчерашний визит родственника Кониси и сказал, чтобы они также передали Данилке то, что я вчера

сказал его родному: пусть уплатит то, что на воспитание его потрачено, и идет себе с миром; а не уплатит, то, конечно, мы судом с него требовать не станем; уйти он может, но с именем «обманщика» на всю жизнь.

Потом еще я получил письмо от вчерашнего Танабе; пишет, что Данилка уходит потому, что его «икен» (советов) не слушают, что его жалованье «усуй» и прочее. Экий мерзавец! Хоть бы уходил, не запутываясь больше и больше в свою ложь! Каких советов? Не тех ли, что давал во время Собора, над которыми даже самые юные катихизаторы издевались?.. И жалованья мало! Позавидовал участи Иуды Искариота; тот тоже из-за денег Христа продал. Только еще более жаден, чем Иуда; тот удовольствовался тридцатью сребренниками, а этот с самого начала службы каждый месяц получает тридцать ен и недоволен!

Целый день меня мучил этот мерзкий поступок. Впрочем, это всегда так бывает, когда японец сильно надует; зато печаль и душевная смута больше дня и не продолжается; не тратит же из-за этих мерзавцев времени и не портить дела!

*26 февраля / 10 марта 1897. Среда
первой недели Великого Поста*

Церковные службы и приготовление отчетов идут своим чередом.

Был Лука Гундзи из Сакура, близ Ооцу, старший брат семинариста Николая, отличный каллиграф и рисовальщик в японском стиле. Предложил ему написать Евангелие на белой книге, пожертвованной для сего госпожой Бенкендорф в Москве в 1880 году; показал книгу, отлично переплетенную для напестольного Евангелия; рассказал, что нужно рукопись изукрасить, как обыкновенно украшаются драгоценные рукописи; писать можно, конечно, тогда, когда мы с Накаем Евангелие окончательно исправим и напечатаем, после чего уже не будет перемен. Труд этот может быть совершен не иначе, как из любви к Богу, с полнейшим усердием и не за плату, а как жертва Богу. Лука Гундзи изъявил желание взять на себя этот труд. Я советовал ему заготовить мало-помалу разные орнаментальные рисунки.

Сегодня дух уже почти не возмущался низким поступком Данилы Кониси, и я почти не думал о нем, а за великим Каноном даже был в состоянии сотворить молитву за него, как за врага, ибо он, изменяя своему обещанию служить Церкви, делается вместе и врагом, и поносителем Церкви, как уже известно из многих подобного рода опытов. У человека вечно торчит, точно заноза, в душе сознание своей мерзости, и он мстит за эту боль предмету, по поводу которого болит; старается всячески «уклонить сердце свое в словеса лукавствия», врет беспардонно, — «мол, не моя вина» и так далее и тому подобное, и чем больше врет, тем больше в душе ощущает неловкость, потому сердится и враждует

больше и больше, — известная психология, и в глаза наметалась практика! Данилка и до сих пор является себе подлецом, окончательно плюхнул в эту грязь и на эту пакость; теперь уши станут вянуть от его лжи на Церковь, на меня, на Россию; впрочем, я уже не стану ни читать, ни слушать. По всем грязным лужам в сем мире не перебродишь!

Великий канон у нас читают и поют превосходно. Во время его приезжает молиться с нами профессор Рафаил Густавович Кёбер, но так как по-японски не понимает, то я ему даю книгу, где канон изложен по-гречески, славянски и русски. Но из города христиан наших — почти никого, даже катихизаторов и учителей Семинарии, кажется, ни одного не бывает. Эх, горе-христиане! И скоро ли же будут лучше? Или уж и ждать нечего?..

***27 февраля / 11 марта 1897. Четверток
первой недели Великого Поста***

Был христианин с острова Эзо, из Исоя, Даниил Томедзи, хороший христианин; учился вере у Иродиона Яманобе, бывшего катихизатора, живущего тоже в Исоя. Там только и есть эти два христианских дома; но вновь слушают учение. Хвалит также Даниил состояние проповедей в Иванай и Суку, между которыми и лежит Исоя, в шести ри от Иванай, — везде есть слушатели учения, и катихизаторы Лука Хироока и Петр Юмура усердно служат. Даниил хочет лес поставлять оттуда и приехал завязать дело с лесоторговцами.

От о. Матфея Кагета известие, что катихизатор Софроний Оота, бывший в Эдзири, бежал оттуда неизвестно куда; сделал это, набравши в долг денег у разных там да не заплативши за квартиру с самого поселения своего на месте. Вот ведь какой народ ползет ныне в Катихизаторскую школу, — совсем мазурики даже! Софроний — выпуска прошедшего года; служил прежде переpletчиком в редакции «Сейкёо-Симпо», и это Савва Хорие, начальник Общества переводчиков, за своей рекомендацией определил его в школу. Был смирен все время, только глупостию отличался; но кто ж его знал, что и мошенник в то же время! Совершенно под стать поступок его к поступку другого мазурика — Данила Кониси.

***28 февраля / 12 марта 1897. Пятница
первой недели Великого Поста***

О. Игнатий Мукояма пишет: Лука Кисида, молодой врач в Сеноо, болен; тамошние ревнителы буддизма вместе с бонзами пристали к нему, требуя возвращения в буддизм; собрали сумму денег для помощи ему; и лаской, и угрозами сумели смутить бедного Луку, тем более, что он крещен был в детстве, потом учился в школах, чтобы сделаться врачом,

и вероучение недостаточно знает. Дал согласие Лука бросить христианство; враги Христовой веры торжествовали; оповестили это всему селению; семейству же Луки строго заказали не иметь больше никакого отношения к катихизатору. Но мать и сестры Луки сильно скорбели от всего этого переполоха и не перестали сноситься в ночных свиданиях с катихизатором Василием Хирои, который ободрял их быть твердыми в вере. По их молитвам все наветы врагов обратились в ничто: Лука, дав обещание отречься от Христа, стал невыносимо этим мучиться, — просил молиться за него, спрашивал, отпустит ли его Господь ему этот грех, и ободренный на отпущение послал к о. Игнатию просить приехать, чтобы исповедать его. О. Игнатий, прибывши, отпустил ему грех его слабости и приобщил его Святых Таин.

Потом в другой раз был у него, и вторично приобщил его Святых Таин. Соблюди, Господи, овца Своего стада! Отец Луки, тоже врач, недавно умерший, был благочестивый человек, — я его помню, был в его доме. Должно быть, и его молитвами Лука удержан от гибели. — Пошлю Луке икону и письмо.

*1 / 13 марта 1897. Суббота
первой недели Великого Поста*

В половине восьмого малым колоколом позвали учащихся в Собор к молитвам пред причащением. В восемь часов с небольшим началась Литургия, которую служили три иерея. Я сказал причастникам поучение во время причастия, потом ушел домой писать отчеты (собственно говоря, чтобы не видеть причащающихся сих кандидатов, воспитанников русских академий, учителей Семинарии, которых на службах во время недели я не видел, но которые, тем не менее, явились сегодня причащаться. Что с ними делать? Учить их — я учил, усовещевать — усовещевал, — что дальше? Запретить не могу, не знаю их душевного состояния, притом же я и сам — донельзя плохой молитвенник; на словах же, и даже на бумаге они — самый завзятый православный народ — такие проповеди пишут и произносят о посте и истинном покаянии [как ныне к завтраму приготовил Сайкайси], что любо слушать!).

*2 / 14 марта 1897. Воскресенье
первой недели Великого Поста*

До Литургии крещены пять человек и присоединен из протестантов один, житель Хориноуци, где проповедует Павел Соно; присоединенный, по свидетельству священника и катихизатора, разумно познал недостаточность своего прежнего вероучения, и ныне весьма усердный православный христианин, всем внушающий истинность своей веры, а он, как массажист (зрячий), видит многих. И Павел Соно оказывается

ревностным проповедником, а я на него так мало надеялся,— в школе был таким ленивым и малообещающим. Дай Бог ему!

Был Григорий Такая, сын о. Якова Такая, ныне служащий полицейским в предместье Токио; говорил много о состоянии Церкви в Кагосима; вяло идет дело проповеди; у инославных еще хуже, чем у нас. В Миязаки, по его словам, Церковь оживленнее; катихизатор здесь, Косути, и особенно его жена Агафья, гораздо деятельней; Агафья одушевляет и мужа Павла, и христиан, особенно их детей, которых очень любит учить молитвам, заповедям, пению в Церкви, чему я сам был свидетелем, когда посещал Церкви.

С шести часов вечера начались обычные занятия у учеников, и у нас с Накаем.

Ныне, в десятом часу, после молитвы, ребятишки наверху подняли какую-то возню, и их веселые голоса и смех доносятся сюда, что для меня составляет лучшую музыку.

3 / 15 марта 1897. Понедельник

О. Петр Кавано описывает свою поездку по Церквам: Илья Яманоуци, в Карацу, совсем плох; христиане жаловались на него о. Петру: не посоветовавшись ни с кем из них, он нанял для себя и для молитвенных собраний дом на самой окраине города, и притом такой, где только что произошло убийство; очевидно, что к нему — никто слушать учение из язычников, никто молиться из христиан, — из-за нечистоты дома, а Илье и горя мало! Глуп, значит, он! А был в Катихизаторской школе первым; я большего ждал от него! Конечно, о. Петр велел ему выйти из того дома.

В Фукуока Стефан Мацуока представил о. Петру двоих католиков, просящихся в Православную Церковь; о. Петр, по испытании, нашел их достойными принятия.

В Кокура — совсем плохо: Стефан Камои, лучший из кончивших Семинарию, оказывается бесплодным; так-то плохи семинаристы доселе! Катихизаторская школа только и плодоносит, как ни слабым людям она наполняется, особенно в последнее время.—

В Накацу, по исследованию о. Петра, оказалось несправедливым, что старший брат Такесима уступил свою жену младшему, а сам взял сестру ее; но правда, что эти два брата женились на двух родных сестрах, и о. Петр велел младшему развестись или быть исключенным из Церкви. Что братья сделают, неизвестно.

4 / 16 марта 1897. Вторник

О. Павел Савабе возвратился из Тоёхаси и Оказаки. Первая Церковь совсем готова просить себе во священники нынешнего катихизатора

своего Павла Цуда, вторая — не может дать постоянных средств для содержания священника, потому не решилась соединиться с Тоёхаси для приобретения совместного священника; притом же «нужно-де посоветоваться наперед с о. Матфеем Кагета, своим нынешним пастырем». Я и не предполагал, что о. Павел сделает такую бестактность, — станет в приходе о. Матфея советоваться о священнике, не имея тут же, около себя, о. Матфея, чтобы совет был у него общий с ним и чтобы все видели это. — Урок ему и мне от простых христиан; ему — не быть опрометчивым, мне — не полагаться на благоразумие о. Павла, а во всем снабжать его подробными наставлениями.

Что же до священства Цуда, то, хотя я и дал себе зарок по поводу несчастной истории с Ницума — ставить неженатых пастырей в народ, но Павел Цуда — под шестьдесят лет, испытанного доброповедения, сидевший когда-то в Хакодате в темнице за веру, вдовый — может быть исключением. Разумеется, я не иначе соглашусь поставить его священником, как по принятии им монашества, чтобы Церковь осветила свою молитвою его решимость посвятить себя на служение ей.

5 / 17 марта 1897. Среда

Утром, во время перевода, пришел Иоанн Фукасе, купец из Цуяма, очень помогший о. Семену совершить покупку церковной земли в Кёото. Повидался и поговорил с ним, а после обеда выбрал икону благословить его в благодарность за труд и за издержки для Церкви, ибо в последний раз он даже нарочно из Цуяма в Кёото приехал, чтобы окончательно помочь о. Семену; и дорожных не хотел принять от него. Иконой он будет завтра благословлен — Смоленской Божией Матерью, в серебряной ризе и ките, совершенно новая, стоившая в России шестьдесят рублей.

Был Моисей Исогава, врач из Кавагое, недавно приходивший с протестантским катихизатором, служившим три года в Кавагое, по имени Ямамото. Катихизатором он служил восемь лет; теперь, согласно положению у протестантов, епископалов, прибыл в Токио, чтобы снова учиться в школе для завершения богословского образования. Трое детей имеет, из коих двое тоже уже в школе у протестантов. В прошлый раз имели мы с ним разговор о вере, и я адресовал его для дальнейшего изучения и сравнения разностей православного и протестантского исповеданий к одному из наших молодых катихизаторов в Токио, Василию Ообатаке, у которого он и бывает; как говорил мне Ообатаке, ходя к нему из Протестантской школы, где живет. Ныне Моисей пришел просить о принятии его в нашу Катихизаторскую школу, ибо-де окончательно убедился в недостаточности протестантизма для спасения и желает служить распространителем в Японии истинного христианства. Но как его принять в школу, когда скоро учебный год кончается? Я сказал,

чтобы он до сентября, когда начнется новый курс, к которому он может присоединиться, продолжал изучение православия у одного из наших катихизаторов или священников здесь. Потом он поступит и в будущем может иметь в виду проучиться даже не два года, а один; но один безусловно необходимо ему быть в школе как для полного изучения православия, так и для показания, что он переходит от протестантов по чистому побуждению держать истину и служить ей. Так здесь водится; примеров у нас уже было немало, — и он должен следовать им. Дети его потом тоже могут быть приняты в наши школы.

6 / 18 марта 1897. Четверг

Утром послано о. Симеону Мию сто пятьдесят ен на новые маты, фуsuma и сёодзи для купленного дома; известил он, что Катаяма, прежний владелец, 24 марта совсем очистит ему дом, хотя постройка дальше жилого дома, которую он должен убрать, на некоторое время еще останется.

Пришла благая мысль. Дай, господи, ей осуществиться! Монастырь здесь нужен. О. Сергей Страгородский писал о сем в своих письмах; я думал о том еще раньше, выписывал сюда из Афона неудачного о. Георгия. Если бы ныне, вследствие моей просьбы, которая пойдет с отчетами, был прислан сюда добрый иеромонах, который бы сделался моим преемником, положим, чрез десять-пятнадцать лет, то я удалился бы в горы, хотя бы в ту же Тоносава, и стал бы собирать желающих монашества, а такие нашлись бы, и образовался бы монастырь. Я в то же время имел бы возможность там продолжать переводы богослужения. — Пошли, Господи, достойного делателя на ниву Твою! О нем ныне моя неотвязная дума и всегдашняя молитва! Если бы скорей он послан был, и монастырь мог бы быть, а главное было бы — Церковь!

7 / 19 марта 1897. Пятница

О. Андрей Метоки снабжен антимином, ящиком с прибором священных сосудов, дароносицей, крестильным ящиком, облачением, крестиками, иконами, свечами и прочим для путешествия по его Церквям, которое начнется завтра. О. Павел Савабе будет сопровождать его, чтобы поруководить молодого иерея в его первом путешествии. На дорогу дал ему тридцать ен; если окажется мало, pošлю еще, по их известию. Советовал о. Павлу внушать христианам, чтобы они принимали священника по заповеди Спасителя, снабжая пропитанием; если о. Андрею для себя требовать этого стеснительно, то о. Павел смело может требовать сего для о. Андрея, уча Христовой заповеди. Обозревая Церкви, они выберут место, где о. Андрею поселиться, чтобы быть в центре своего прихода. Вероятно, это будет в Нагано, где и храмик, и дом для

священника есть. О. Федор Мидзуно не мог быть отпущен туда на жительство, по его слабости, ради которой нужно держать его под ближайшим надзором; для о. Андрея, к счастью, этой причины не существует.

О. Матфей Кагета спрашивает, можно ли поселить учителя церковного пения Стефана Мацуки, ныне в Тоёхаси живущего, в Хамамацу, за неимением здесь катихизатора? Разумеется, можно. Говорить проповеди, по неимению красноречия, Мацуки не может, но совершать с христианами воскресные молитвы в отсутствие о. Матфея может.

Кончили исправление перевода первой главы Евангелия Луки. В словословиях Богоматери и особенно Захарии — такие трудности, которых удачно одолеть нет никакой возможности!

8 / 20 марта 1897. Суббота

Японский праздник. Классов и перевода не было; составлял отчеты.— Утром приходил молодой катихизатор из Коодзимаи, Фома Оное,— просил помощи на содержание слепой матери в Кагосима; жалованье всего восемь ен, и при нем живет здесь тетка; разумеется, мало! Как не прибавить! Но, к сожалению, много нельзя: две ены обещался давать в месяц лично от себя.

После всенощной приходил Павел Сайто, катихизатор в Батоо, за тем же: трое детей в школу ходят; пятнадцать ен содержания далеко не хватает, но как прибавить? Другим обидно будет, которые еще меньше получают, а тоже имеют детей. Впрочем, причина к прибавке найдена: сын, одиннадцати лет, будет потом определен в Семинарию; так для подготовки к сему по полторы ены будет на него ежемесячно посылаемо, на гесся ему и школьные принадлежности. Сайто здесь с позволения местного священника для погребения умершей своей родственницы. Просил он еще книг для устрояемой в Батоо публичной библиотеки; я обещал прислать наши главные религиозные сочинения, когда место для книг будет там готово. Рассказывал он, что Иоанн Ока, из Кунасе, недавно вернулся с острова Итурупа, где у него рыбные ловли; на острове есть два православных христианина, лишённые утешения Святыми Таинствами, и очень тяготящиеся сим; был Ока и на Сикотане, где христиане (курильцы) также очень скучают без священника. А как управлять одному о. Сакураю на всем Хоккайдо? Непременно нужно другого священника для Немуро, откуда бы он посещал и Сикотан, и Итуруп. Но кого? Пошли, Боже!

9 / 21 марта 1897. Воскресенье

Кроме времени богослужения, все время занят был отчетами; и вечером не переводил, иначе с этими отчетами конца не будет! А погода дождливая, голова болит,— скверно!

10 / 22 марта 1897. Понедельник

Тоже занятие отчетами. Утром на час помешал Устинов, отправляющийся консулом в Нагасаки и приехавший проститься. Из его ясноречия я узнал, однако, что русские при обмене южной оконечности Сахалина на Курильские острова дали право японцам ловить рыбу на Сахалине только на десять лет (с 1875 года); значит, теперь могут и запретить японцам рыбные ловли, если то найдут нужным. Недавно был разговор о сем, и я не знал ясно, что ответить японцам.

11 / 23 марта 1897. Вторник

Опять отчеты и донесение. Были из Асикага — хорошая христианка, Мария Такахаси, из Сиракава — юноша, усердный к вечерним христианским занятиям там; кроме христианского научения — толкованием Священного писания и прочим, юноши там, собравшись по вечерам в церковном доме, плетут соломенные корзины для шелковичных червей, а продажей их также немало выручают на Церковь, что все (с трудом христианок для сего — вязанием и шитьем) складывается на построение будущего храма в Сиракава.

12 / 24 марта 1897. Среда

Написал донесение в Святейший Синод и Миссионерское общество с просьбою прислать мне помощника, который бы был потом преемником. Помоги, Боже!

Переменился учитель математики: Хигуци, служивший восемнадцать лет, увольняется по болезни, чтобы ехать на юг, в Кумамото, и вместо себя представил какого-то пожилого математика с длиннейшим послужным списком.

О. Павел Сато рассказал целых три истории про дрянных христиан в его приходе, в Иокохаме и здесь, особенно насчет семейной жизни, — женятся и разводятся совсем по-язычески, как будто и не принимали христианского закона.

13 / 25 марта 1897. Четверг

С трех утра до девяти вечера гвоздем сидел за переписыванием; почта почти совсем готова.

Было погребение матери жены о. Павла Савабе из Церкви в Коодзимаци; отсюда брали облачения на пять священников и так далее. О. Павел Савабе телеграммой вызван был с пути, в который недавно отправился с о. Метоки. Кавамото рассказывал, что на кладбище разом

столкнулось трое похорон: наше, буддийское и синтуисское,— и наше оказалось наиболее торжественным. Вене!

14 / 26 марта 1897. Пятница

Дождь, слякоть целый день; готовка почты, надписание книг; так в синод и миссионерское общество все готово к отсылке. Ныне — письмо к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву,— задушевная просьба, чтобы принял участие и нашел сюда миссионера.

О. Симеон Мии прислал известие, что перешел в дом, купленный в Кёото. Слава Богу! Помогли Бог потом приличный храм построить на сем купленном месте!

15 / 27 марта 1897. Суббота

О. Фаддей Осозава вернулся с обзора своих Церквей в Симооса; было несколько крещений; почти везде Церкви в оживлении, и катихизаторы трудятся, даже у Якова Томизава, в Омигава, у этого до сих пор везде безуспешника, было крещение двоих. Илья Хонда, казавшийся таким малоспособным в Певческой школе, оказывается даже хорошим катихизатором; отправлен учить церковному пению, стал заниматься и проповедию по неимению проповедника на месте, и уже о. Фаддей троих его слушателей крестил, говорил,— «очень приготовленными нашел их». Илья всегда такой тихий; смиренный, покорный; с смирением, как видно, неразлучна благодать!

Поликарп Исии, катихизатор в Вакканай, на Эзо, хвалится блестящим положением дела у него; «когда священник посетит его, десять крещений будет», пишет. Дай Бог!

О. Андрей Метоки пишет первое свое письмо с первого путешествия по Церквам. О. Павел Савабе оставил его в Нагано, вызванный телеграммою на погребение матери жены. Но о. Андрей этим не опечален, а, по-видимому, рад, что остался один, самостоятельным. Дай Бог ему крепость и разум!

16 / 28 марта 1897. Воскресенье Крестопоклонное

Несмотря на дождь, в Церкви было человек сорок матросов из Иокоты, с «Нахимова»; были также: адмирал Михаил Алексеевич Реунов и капитан Михаил Павлович Молас. Адмирал предложил пожертвовать церковные свечи, которые я должен нынешним летом выписать из Владивостока. Говорил он, что жена его, Софья Ивановна (приехавшая вместе с ним в эти воды) будет рада сделать это пожертвование, ибо уже говорила, «что бы такое сделать для нашей Церкви?» Видно, что добрые русские люди. Спасибо им! Я напишу Софье Ивановне в Нагасаки, каких

сортов свечи нужны. Послезавтра «Адмирал Нахимов» и на нем Реунов уходят, — адмирал приезжал сегодня проститься.

Иоанн Кавамото приходил рассказать о дрянном поведении Ильи Мураи и требовал исключения его; действительно: 1. переписывается с ученицами Женской школы, увлекая их в знакомство посылкою им конфет; 2. чтобы покупать конфеты и на прочее подобное тратит деньги, обманывает брата в Уцунюмия, требует денег на платье, тогда как платье ему все здесь справляется; 3. крадет; по крайней мере, в сильном подозрении во всех кражах в Катихизаторской школе, куда часто ходит, и в покраже на днях двух с половиною ен у товарища в комнате; 4. нисколько не учится; 5. приходит иногда из города с запахом выпивки. Товарищи, живущие в одной комнате с ним, до того вознегодовали на все это, что требуют изъять его из среды их. Сказал я Иоанну Кавамото, чтобы завтра совет учителей рассмотрел это дело, изъявив надежду, что они оставят (до новых проступков, если только сии будут) бедного Илью в школе, если он принесет искреннее раскаяние, даст обещание вперед не шалить и испросить извинение у товарищей за то, что порочит их своим поведением. — Вот и спорь против первородного (прирожденного) греха! А что же, как не он влечет Илью по наклонной плоскости вниз? И, вероятно, увлечет. Тихон Ина с подобным же природенным катился и уже отведал тюрьмы. А его ли не берегли мы? И Илью едва ли убереем. Сотвори, Господи, Твой праведный Суд!

17 / 29 марта 1897. Понедельник

В одиннадцать часов, облаченный в великолепную мантию и блестящую новую митру, пел я молебен в Посольской Церкви Святому Алексию, человеку Божию, по случаю именин поверенного в делах Алексея Николаевича Шпейера; жена его просила отслужить, и отслужил один-одинешенек, поя и за причетника.

А тем временем в Миссии шел суд учителей: осудили бедного Илью Мураи на исключение все единогласно; что ж, пусть! И учителя, и ученики — все желают его исключения; если бы хоть тень несправедливости была в сем, я бы не посмотрел на всех, но Илья, действительно, заплутывался, и заврался, и нисколько не думает об ученье, по свидетельству всех учителей. Оставить бы его, — к обиде всех: вред другим причинить можно, а ему пользу едва ли! Пусть!

О. Авель с крейсера «Адмирал Нахимов» принес большой потир, который занимал две недели назад для говенья команды, и сам исповедался у меня.

18 / 30 марта 1897. Вторник

Илья Мураи вчера, после объявления ему приговора совета учителей об исключении, бежал и до сих пор неизвестно, где он. Уж не сделал ли

он что над собой? Вот беда была бы! Напрасно учителя беспощадно поступили с ним. Кавамото, должно быть, не передал им моей надежды, что они не осудят его на исключение, если он изъяснит раскаяние,— а он просил прощения. Жаль бедного Илью!

19 / 31 марта 1897. Среда

Целый день писал построечный отчет; кроме того, расчетный день,— беспрестанный вход и выход, несмотря на то, что главный расчет есть в канцелярии.

О бедном Илье Мураи ни слуху, ни духу. Грустно очень,— целый день только о нем и дума. Не погиб ли?

20 марта / 1 апреля 1897. Четверг

Илья Мураи оказывается живым: по ночам бродит около Миссии, по словам ночного дворника Василия. Бедный! Кто же ему запрещает жить в Миссии открыто, пока отправится домой, в Уцуномия! Елисей Хаякава, причетник, говорил, что сегодня Илья был у него. Велел я, кому бы ни показался, направить его ко мне.

Совсем приготовил сегодня построечный отчет. Зато голова от беспрестанного сидения за писанием болит. Погода и скверное расположение духа отнимают живость и не позволяют двигаться; полумеханический труд отчетов как раз в пору.

21 марта / 2 апреля 1897. Пятница

Отправил миссийские отчеты и донесения, также письма к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву и к сотрудникам; главная мысль всей корреспонденции — просьба прислать миссионера, который бы был здесь моим преемником. Что-то Бог даст!

22 марта / 3 апреля 1897. Суббота

Японский гражданский праздник — не учились. Я занят был тоже корреспонденцией к построечному отчету. После обеда читал церковные письма, накопившиеся в последние три дня; точно по пустыне бродишь; редко-редко встретится что отрадное. Николай Явата просит прибавки содержания, а катихизатор — ленивый и бездарный, никогда у него никакого успеха. Но прислал секретарю Нумабе семейную фотографию, на которой у него с женой четверо ребятишек — точно маленькие сычи — все премило выглядывают, велел написать к о. Катакура, его

священнику, одобрит ли он прибавку в две ены под предлогом посещения им Таката и окрестностей — на «дорожные», мол.

О. Павел Морита спрашивает, поместить ли Иосифа Ициномия в Соеяма? Ответчено: Соеяма всего в полутора ри от Вакимаца по отличной дороге; Симеон Огава, обративший там несколько семей, значит, заленился, что не хочет продолжать дело. И потому, если на Сикоку решительно негде поместить катихизатора с надеждой на успех проповеди, то пусть Иосифа зароет и в Соеяма, и так далее.

23 марта / 4 апреля 1897. Воскресенье

Пересматривая накопившиеся русские духовные журналы, прочитал, между прочим, в «Православном Собеседнике» статью о студенческих миссионерских движениях в Америке, Англии, Германии, Франции. Статья заканчивается воззванием к русским студентам, светским и духовным, последовать благому примеру. Но куда нашим! У всех грош в душе на куте: какие, мол, выгоды. Сколько жалованья?.. Эх, больно, обидно за наше — ладно бы не р[?], уже не непотребство ли? Не Богом ли мы брошены за наше обезьянство, неверие, огрубение материальное, лицемерие и все, за что Бог казнит рабов непотребных? Двадцать семь лет я жду миссионера сюда — единого-единственного хотя бы,— и все еще жду! И с отчаянием, как видно, лягу в гроб, загубив свою жизнь на дело, которому нет продолжения, ибо, как вороны падали, ждут эти жадные паписты (да и протестанты тоже) моей смерти. Знают они и пророчат, что не будет у меня заместителя, и вся разом в прах обратится здесь Православная Церковь, (потому что не эти Савабе же, или ничтожные академисты продолжают дело?), ибо никто не придет продолжить — никто! До кровавых слез обидно! Итак ты, моя, бедная русская Церковь-мать,— бедна сынами! Все готовы променять тебя на медный грош или на свое гнилое я! Плачьте со мною, стены моей кельи! Ибо никто не видит и не знает моего горя и моих горючих слез!

24 марта / 5 апреля 1897. Понедельник

Написал донесение к построечному отчету. Боязно, чтоб не обратили внимание, что остаток (по случаю большого лажа) большой, и не сократили содержание: оттого приходится наперед вычислять, что и то нужно построить и под то участок купить и подобное,— что вовсе не следовало делать, так как самое лучшее и прочное говорить делами и потом уже к сделанному прищипить словесный язык, что это, мол, то, а вот это — то. Надежда, впрочем, на Константина Петровича Победоносцева, о котором о. Феодор пишет, что «он теперь единственный преданный Миссии по Бозе человек, и дивный человек».

Илья Мураи был; Алексей Хаякава привел его; на фабрике в Оодзи служит ныне; уже два дня работал — шерстепромывщиком, по пятнадцать сен в день. Убеждали мы с Елисеем его поехать к сводному брату, в Уцуномия, самому близкому к нему человеку и заботящемуся о нем, как видно из письма его, хотя и недовольному поведением Ильи. Бойтся Илья его очень, по-видимому, едва согласился; я дал три ены на дорогу в Уцуномия и обратно; Елисей под предлогом, что ему самому нужно по-видаться с своим старшим братом Йовом, живущим недалеко от Уцуномия, проводит Илью и постарается помирить его с братом. Дальнейшее увидим. Нужно же помириться Илье с братом, во-первых, потому, что Елисей не соглашается быть за него поручителем на фабрике, иначе, как если он поступит туда с согласия брата, — поручительство же необходимо, чтобы быть окончательно принятым в число рабочих; во-вторых, потому, что брат, быть может, пристроит Илью к более подходящему для него делу, ибо на фабрике он долго не выдержит, — слишком тяжелый и совершенно механический труд.

Адмирал Михаил Алексеевич Реунов из Нагасаки дал телеграмму: «Благоволите выслать поскорее сведения о свечах». Чрез два часа в Нагасаки отправлено письмо на имя его супруги Софьи Ивановны с списком сортов церковных свечей, которые в этом году должны быть выписаны для Миссии и подведомых ей японских Церквей. Всего на четыреста рублей десять пудов свечей. Прописано, что если не располагали столько пожертвовать, то и за то, что пожертвуют, Японская Церковь будет искреннейше благодарна.

За всенощной, пред Благовещением, было очень мало христиан из города; были и русские: гувернантка с детьми полковника Янжула.

Днем приходил Петр Исигаме: Иван Кавамото хочет сватать Елену Ямада, учительницу в Женской школе, — хорошо ли? Я сказал, что она уже просватана за Григория Тахакаси, брата учительницы Надежды Тахакаси, — так я слышал недавно от Анны Кванно, начальницы Женской школы; впрочем, пусть поговорит с Анной, быть может еще не поздно, ибо Елену еще отец ее прочил за какого-то богатого язычника, так что она не совсем свободна была располагать собою.

25 марта / 6 апреля 1897. Вторник.

Праздник Благовещения

Пасмурно, и дождь весь день. В Церкви христиан очень мало было; зато было порядочно русских — и с военного судна, и из Посольства, и путешественники.

На просьбу о. Петра Ямагаке, священника Хакодате, разрешить ему после Пасхи шестидесятидневный отпуск для поездки на Сахалин посетить тамошних японских христиан и дать свидетельство, что он священник, послал ему свидетельство за миссийскою печатью, что он иерей, разрешил отпуск, но не шестьдесят дней, а возможно меньше, написал, наставление —

исполнить требы у христиан, познакомиться с русским священником там и попросить его, насколько может, присмотреть за нашими христианами там и прочее.

Вечером опять исправление перевода с Накаем.

26 марта / 7 апреля 1897. Среда

О. Андрей Метоки из Касивазаки пишет, что третьего числа вечером, лишь только начал он служить вечерню с собравшимися христианами, как послышался набат вблизи и начался страшный пожар, истребивший около полуторы тысячи домов; христианских сгорело четыре дома, в том числе и молитвенный; иконы, книги и почти все церковные вещи спасены. Послал десять ен погоревшим христианам.

Из Хиросаки аноним жалуется на катихизатора Иоанна Котера, что ничего не делает, даже учит будто бы дурному; а, между тем, сегодня же о. Борис, в своем описании путешествия по Церквам, упоминает, между прочим, что в Хиросаки трое крещено,— знак того, что Котера делает кое-что; аноним, вероятно, лжет; впрочем, письмо его послано к о. Борису; во всяком случае, в маленькой Церкви в Хиросаки неладно,— по меньшей мере, нет мира.

О. Матфей Кагета, вопреки своему обычаю строго отзываться о людях, прислал целый панегирик христианским добродетелям Якова Хиби в Уцуми и Андрея Мурата в Токонабе. Письмо отдано для напечатания в «Сейкёо-Симпо» в поучение другим.

Учеников и без того мало в Семинарии и в Катихизаторском училище, а тут еще самые лучшие из них хворают: Николай Такахаси, умнейший юноша в семинарии, и Павел Сакума, наиболее способный в Катихизаторском училище, опасно больны; первый едва ли выздоровеет.

27 марта / 8 апреля 1897. Четверг

Матфей Юкава, катихизатор в Накацу, хвалит благочестие Афанасия Абе, мужа Иоанны, дочери секретаря Сергия Нумабе; Абе служил в жандармах и тоже всегда усердствовал Церкви, как в Нагоя я сам был свидетелем; теперь вернулся к себе домой и занимается земледелием, в десяти ри от Накацу; в то же время не упускает случаев говорить соседям о Христе и приобрел слушателей...

Илья Накагава в каждом своем длинном письме не перестает говорить о гонениях от буддистов,— так, что надоело.

28 марта / 9 апреля 1897. Пятница

Эти бесконечные дожди, кажется, не дадут достроить Семинарию! Почти просвету нет. И ныне — ночь и день, ни на секунду не переставая, рубит,— беда, да и только!

Из Фукурои добрый христианин Давид Мурамацу был; главное — его усердием там возросла Церковь и построен молитвенный дом, о снабжении которого иконами он теперь хлопочет. Не скрывается, что катихизатор Яков Ивата совсем плох: ленив, нисколько не заботится о Церкви; клеит футляры для трубок, стругает чайные совки и подобное.— Прежде катихизаторы стояли выше христиан, теперь христиане — выше катихизаторов!

Тут же пришел один молодой христианин из Тега; этот в восхищении, что учитель церковного пения Исак Масуда пожил там и поучил церковному пению,— дети и подростки все теперь поют субботнюю и воскресную службу отлично и постоянно упражняются в пении; приобретение фисгармонии очень способствует оживлению; зато христианские дети там по пению лучшие в школах, и их за это очень хвалят. Очень еще рады старые христиане, как Самон, тамошний начальный христианин, и другие, что дети хорошо научились петь церковную службу. «Теперь, когда умрешь, есть кому панихиду отпеть»,— говорят.

29 марта / 10 апреля 1897. Суббота

О. Фаддей Осозава был в Куруги у Игнатия Мацумото — «слушателей шесть-семь есть, но готовых к крещению еще нет»; был и в Кисарадзу у Иоанна Катаока,— по обычаю, нет ничего у него, будто бы есть два-три слушателя в ближайшей деревне, но и те, вероятно, пустоцвет. Хвалит же о. Фаддей усердие Ильи Хонда: читал и письмо Ильи,— слушателей много, и дело — каждый день, а отправлен был только учить церковному пению и к проповеди считался неспособным,— поди узнай, кто способен к делу Божию, кто нет! Илья человек недалекий, но с искренней верой; учение же знает, так как несколько лет был в Причетнической школе,— вот и способен, особенно тоже для простых душою — земледельцев, которым теперь проповедует.

Еще о. Фаддей читал письма к нему школьного учителя из местности недалеко от Хацивоодзи, у которого он пробыл тогда три дня с проповедью. Оказывается, что семя упало на добрую почву; кроме слушанного от о. Фаддея, учитель еще чрез чтение посланных к нему книг настолько усвоил учение, что, кажется, готов к крещению; по крайней мере, он считает себя таковым и просит о. Фаддея прибыть, чтобы крестить его с женой и его приятеля, отставного воина, вместе с ними изучавшего христианство; письма, в самом деле, по духу совершенно христианские. О. Фаддей завтра отправится посетить Церкви в Хацивоодзи и Гундо, будет и у учителя, и испытает, готов ли он и другие с ним к крещению. В Р. S. учитель упоминает, что патер из Хацивоодзи прислал ему сочинения против православия, но что он, нашедши в них только ругань, отослал их обратно — Католическое учение он слушал и прежде, но папство

в нем не понравилось ему, оттого он и попросил православной проповеди.

После всенощной сегодня молитвы для многих завтрашних причастников читаны в крещальне, а в Церкви была отслужена о. Фаддеем Мидзуно панихида по христианине из Исиномаки, Феодоре Сасаки, умершем третьего дня в госпитале для чахоточных и сожженном. Жена его, дочь и ее муж (язычник) принесли в небольшом ящичке пепел и на блюде кутью, пред которыми и отслужена панихида, так как отпевание будет в Исиномаки. Потом они были у меня.

30 марта / 11 апреля 1897. Воскресенье

До Обедни совершено крещение двадцати четырех человек; больше всего из квартала Асакуса, где теперь деятельный и умный катихизатор Мануил Китамура; есть также из христиан там хорошие помощники ему, находящие слушателей. У Павла Соно, катихизатора в загородной деревне Хориноуци, один присоединился из протестантов, и виною сему — протестантские проповедники (или сами миссионеры): они до того злословили православие, что возбудили желание познакомиться с сим злостным учением, а познакомившись, он сделался православным. Из католичества сегодня также присоединился один; этот сделался католиком, не успев узнать и католичества, ибо там легко принимают; узнав же получше христианство, он понял, что должен быть православным, чтобы быть христианином. — Приобщались за Литургией человек сто.

Иоанн Кавамото, кандидат, инспектор Семинарии, сватает учительницу Елену Ямада, а она уже просватана за Григория Такахаси, брата Надежды Такахаси — учительницы. Товарищи — профессора Арсений Ивасава и Петр Исигаме — сильно хлопочут перебить невесту, но Анна Кванно и Елисавета Котама, начальница и ее помощница, сказали им, что оставят службу в школе, если это сделается, ибо-де «тогда нельзя будет никому свататься за наших девиц, — всякий будет в опасении, что, давши слово, ему потом откажут». И они правы. Если Елена уже дала слово Григорию, то нечего и смущать ее предложением передумать и взять Иоанна.

31 марта / 12 апреля 1897. Понедельник

О. Симеон Мии извещает, что Катаяма убрал с проданного нам места «ноогудай», после чего окончательно передал все очищенное место о. Симеону, так что больше уж не имеет никакого отношения к нашему месту, чему, то есть мирному ведению и завершению всего дела продажи, и сам рад, и расстался с о. Семеном очень дружелюбно, пожелав продолжения доброго знакомства.

Слава Богу! Значит, церковное место в Кёото вполне приобретено! Дай Бог потом построить храм, а еще важнее, дай Бог, чтобы, пока построится храм, образовалась достаточно живая Церковь в Кёото, чтобы его наполнить!

Был, из Владивостока, полковник Василий Васильевич Иванов, с женой Александрой Сергеевной и сыном, восемнадцати лет, Сергеем, кончившим курс во Втором кадетском корпусе в Санкт-Петербурге и поступающим в Горный институт,— жертвователь архиерейской митры, № 1-й ныне, русские щедрые люди! Дай Бог побольше таких!

1 / 13 апреля 1897. Вторник

Был Иоаким Сенума, отец Иоанна Кавамото, с двумя девицами-родственницами; говорил, что Церковь в Хацивоодзи все в том же состоянии, в каком была десять лет назад при Стефане Кондо; плохи, значит, все катихизаторы, бывшие после него, как-то: Варнава Симидзу, Георгий Мацуно и прочие.— Был старик Такахаси, отец больного семинариста Николая: товарищи последнего не утерпели, чтобы не поусердствовать, не известить,— и он, не успев дочитать письмо, бросился в дорогу; к утешению его, сын уже поправляется в госпитале, где лечат его совершенно обратно тому, как здесь училищный доктор Оказаки лечил: этот день и ночь льдом холодил его, там, напротив, все греют; и он уже поправился настолько, что скучает без книги.— Был протестантский епископальный катихизатор, десять лет служивший там и получающий (будто бы) двадцать пять ен в месяц, ибо семейный,— просится в Катихизаторскую школу к нам, чтобы вполне усвоить православное учение, которое давно уже изучает. Сказал я ему, что с девятого месяца может, если хочет, поступить в школу; теперь же нельзя, не время; он земляк о. Павла Савабе, с которым часто видится; нужно будет спросить у о. Павла, что за человек. К православию-то он, повидимому, не ложно расположен: еще четыре года тому назад он был у меня и просился в православные проповедники, в чем я ему отказал.

Я был с визитом у полковника Иванова в Imperial Hotel,— дома не нашел.

2 / 14 апреля 1897. Среда

Бедный мой Илья Мураи — на опасной дороге. Посылал его с Елисеем Хаякава в Уцуномия к брату, надеялся, что брат удержит его там для какого-нибудь занятия и вместе под ближайшим своим надзором; и брат, по свидетельству Елисея, глубоко родственно относится к нему,— готов все сделать для него, но Илья — боится или не любит его — убежал от него опять сюда; очевидно, на крайнюю опасность, если не на погильель:

ну где же ему на фабрике вытерпеть грубую, тяжелую работу за пятнадцать сен в день, когда он и легкого труда в школе не смог вынести! Столкнется с дрянным сортом фабричных и при своей склонности к лжи и обманам, и при своих девятнадцати годах бухнет в пропасть разврата. Просил я Елисея наблюдать за ним, чтобы при первой возможности опять так или иначе направить его к брату, его естественному хранителю, но что будет, Бог весть!

3 / 15 апреля 1897. Четверг

Содержание служащим на пятый и шестой месяцы рассылалось. 2.676 ен послано сегодня в половину Церквей. И это еще мало. Всегда при рассылке меня мучает сознание, что мало содержание служащим: восемь, десять, даже двенадцать ен семейному и на пищу, и на платье, и на все прочее хватит ли? А из местных Церквей многие ли что получают! Можно бы и надбавить; теперь благодаря лажу некоторая сумма есть. А если в следующем же году лаж будет совсем обратный? И окажешься банкротом, а известно, чем это кончается. Итак, жалость терзает сердце, а помочь не знаю чем. Вразуми и помоги, Господи!..

4 / 16 апреля 1897. Пятница

Утренним занятием мы с Накаем закончили, до после Пасхи исправление перевода; дошли до двенадцатой главы Евангелия Луки.

Послеобеденными классами закончены школьные занятия.

За всюнощной были все учащиеся; пели причетники.

О. Николай Сакураи письмом из Хакодате, по пути из Саппоро в Неморо, тревожит: получил телеграмму из Неморо «приезжай скорей по церковному делу»; чтобы узнать, что за спешное дело, он телеграфировал катихизатору Симеону Тоокайрин, а этот, оказывается, и не слышал о нем; боится о. Николай, что дело касается самого Симеона, и значит — нехорошее.

О. Матфей Кагета пишет, что в Кега, недалеко от Хамамацу, проповедует христианин Стефан Иноуе, но ему некогда, — он чиновник; о. Матфей хочет послать туда на время Якова Ивата из Фукурои; и христиане Фукурои и Ивата согласны. Просит о. Матфей моего согласия на это и прибавления Якову по пятнадцать сен в сутки на пищу в дни командировки. Ладно! — Просит еще о. Матфей позволения Василию Таде, катихизатору в Оказаки, отлучиться после Пасхи на неделю в Оосака, где он выдает замуж свою дочь. Не только позволено, но десять ен дано на свадьбу дочери; оказывается, что выдает за катихизатора в Кобе, Кирилла Сасаба. Божие благословение им!

5 / 17 апреля 1897. Лазарева Суббота

Утром, с шести часов, Литургия; служба была в правом приделе; были школы; пели оба хора почему-то и разлили изрядно.

Зато вечером всенощную пели отлично; только ирмосы уж больно пискливые. Народу было так много, что я, при медленности нашего богослужения, едва успел окончить елеопомазание к самому концу всенощной. По незнанию христианского обычая свечи зажгли христиане к своим вербам в то время, как на «Хвалитех» увидели священнослужащих с свечами, то есть задолго до освящения вербы. Что ж, хорошо и так!

За всенощной было и несколько русских; из них Василий Васильевич Иванов, его жена и сын пожелали сегодня исповедаться, чтобы завтра приобщиться Святых Таин; родителям хотелось совершить это вместе с сыном, а он уезжает во вторник в Россию (чтобы приготовиться к поступлению в Горный институт), почему после всенощной, когда началась проповедь, я вышел вместе с ними; в Крестовой Церкви прочтены были молитвы к исповеди, исповеданы они, и потом прочтен канон ко причащению и несколько вечерних молитв.

Было уже половина десятого часа вечера; во время чтения я слышал за собою вздохи усталости, и потому не мог больше читать, а попросил завтра приехать к восьми часам, чтобы до Литургии успеть прочитать, кроме утренних молитв и правила ко причащению, канон с акафистом. Верующее и благочестивое семейство; сохрани их, Господи!

О. Иоанн Катакура отвечает, что Николай Явата не заслуживает пособия, ибо очень ленив; если станет поприлежнее к проповеди, то и должно тогда помочь ему. Нечего делать! — На вопрос о просившемся из тех мест в Катихизаторскую школу отвечает, что не годен, ибо с припадками сумасшествия.

Из отчета о. Сергея Судзуки о его путешествии по своим Церквам явствует, что Церковь в Кобе оживлена, особенно христианки там усердны; делают христианские собрания, работают, чтобы составить маленький капитал на церковные нужды. Это, верно, благодаря Юлии Токухиро, единственной у нас диакониссы, там служащей в Церкви. Хвалит еще о. Сергей Церковь в Вакаяма: «наша Церковь видимо там превосходила инославных», пишет. Еще бы!

6 / 18 апреля 1897. Вербное Воскресенье

День с утра дождливый, совсем не к лицу празднику. До Обедни крестились из города человек семь, из Женской школы четыре девицы, из мужских школ двое.

Ивановы приехали за полчаса до Литургии; прочитал с ними утренние молитвы и канон ко причащению. В свое время благоговейно они

приобщились; из японцев причастников сегодня более сто двадцати, кроме детей.

Вечером в шесть часов отслужена вечерня и Малое повечерие.

Был днем Иоанн Нарита из Такасу. Положили мы, чтобы Василий Усуи, катихизатор в Оодате, поселился на месяц или больше в Такасу, шесть ри от Оодате, или в Босава — пять ри, и чтобы непременно научил христианству Ядзи-старика, моего старого слугу, а также дом Иоанна Нарита, ибо там только он христианин, все прочие язычники; в этом смысле будет написано к Василию Усуи и дана помощь.

Получено письмо от о. Николая Сакураи: действительно, дело касалось катихизатора Симеона Тоокайрин, и дело скверное: христиане заподозрили его в нехороших отношениях к одной христианке, жене тамошнего христианина; подозрение оказалось не безосновательным. Допросил о. Николай ее наедине, пред лицом всевидящего Бога; сначала запиралась, потом созналась в блудном грехе с Семеном; допросил потом сего, — тоже было; и плачет ныне, кается. О. Николай просит снисхождения к нему в том смысле, чтобы теперь отрешить от службы, а потом принять опять, на том основании, что христиане-де не знают о его грехе, а только подозревают. Но во всяком случае его тотчас же уволить от катихизаторства в Немуро, а на место его просить прислать Моисея Минато, которого христиане уважают и желают; просит еще не взыскивать с Семена только что полученное там содержание на пятый и шестой месяцы, а дать это ему, как награждение за долгую службу Церкви; это-де тем более нужно, что там у него (будто бы) до ста ен долгу. — Прискорбно очень тем более, что Семен уже был на линии к священству: на прошлом Соборе я же предложил его для избрания.

Сейчас же написано к о. Катакура, у которого служит Моисей Минато, не может ли он уступить его? Послано для показания важности просьбы для прочтения ему откровенное письмо о. Николая (ибо между священниками такие вещи могут быть нескрываемы); предложено заменить Моисея в Ооцуцу и Камаиси визитами из Ямада Якова Яманоуци, которому и подлежали прежде сии Церкви и которому будут посылаемы дорожные. — Бедному Семену, так долго без порока (кроме лености) служившему Церкви, конечно, оказано будет всякое снисхождение.

Когда Евфимия Ито, учительница, приводила для благословения четырех учениц, сегодня крестившихся, я в разговоре (при угощении всей компании чаем; тут же случился слепец Антоний Антонович, у которого, католика-поляка, сегодня Пасха) упомянул как-то к слову, что музыкальный японский, столь почтенный инструмент кото можно бы ввести и в нашей Женской школе. Как обрадовались сему в Женской школе все учительницы, начиная с старухи Анны! Вечером ходили депутатками та же Евфимия и Надежда Такахаси просить, чтобы я не забыл свое слово. Что ж, в добрый час! Расход всего ен тридцать на покупку двух кото со струнами; учить будет Евфимия Ито, имеющая даже диплом на учительницу

в сем искусстве; так как отстала, то нужно и самой брать уроки, — на «гесся» ей нужна самая малость. А между тем школе придается «хана» (цвет), как выразилась Надежда, ибо во всех лучших женских школах игра на кото преподается так же точно, как у нас игра на фортепьяно во всякой порядочной женской школе.

7 / 19 апреля 1897. Великий Понедельник

В шесть часов утра — Утренняя, в десять — Преждеосвященная Литургия, кончившаяся без десяти минут в один час пополудни; в шесть часов вечера — Великое Повечерие.

После Литургии о. Павел Савабе исповедался у меня; обещается с этого времени остаток сил посвятить на верное исполнение благочиннической обязанности. Если бы не капризничал старик, то много-много еще мог бы сделать для Церкви.

Вчера о. Фаддей вернулся из селения Обуци; крестил там двоих и одного присоединил из протестантства — от баптистов; это именно и оказывается школьный учитель, звавший туда православного проповедника; был он крещен в баптизм в бытность учителем где-то в другом месте, но не удовлетворился искалеченным христианством; ныне же очень счастлив, что узнал настоящее христианство, и воспринял его; о. Фаддей исповедью и миропомазанием присоединил его; имя ему — Яков Судзуки, тридцати трех лет от роду, уроженец тамошнего селения, замечательный для провинции ученый; ростом с моего Павла Накаи (что о. Фаддей мне при Накае даже стеснился сказать); крещены: жена его, Мария ныне, двадцати трех лет, и отставной заслуженный воин Петр Судзуки, ныне земледел. У обоих большие семьи братьев с женами и детьми и других родных. Оба одушевлены усердием образовывать там большое общество христиан. По испытании, о. Фаддей нашел их вполне усвоившими догматическое православное учение. Селение Обуци лежит между двумя городами, в одном рю от каждого. Можно надеяться, что там Господь воздвигнет немалую Церковь.

О. Иов Мидзуяма пишет, что в селении Каномата разрастается христианство. Оттуда в прошлом году принят в семинарию юноша Ватанабе. Верное дело! Из какого дома здесь, в мужской или женской школе, дитя, в том доме светоч христианства горит, а от него зажигается у соседей.

8 / 20 апреля 1897. Великий Вторник

Службы в те же часы; только вместо Литургии были часы, продолжавшиеся, однако, с десяти ровно до двенадцати.

Еще в алтаре мне подали карточку морского офицера с именем Александр Пеликан. «Не родственник ли, — думаю, — бывшего здесь консула?»

Выхожу и вижу молодого человека с заплаканными глазами. «Я,— говорит,— поклон Вам привез из Петербурга от Ваших знакомых»,— и называет бывшего консула Александра Александровича Пеликана и его жену Катерину Дмитриевну, родную племянницу Константина Петровича Победоносцева.

— Да вы как же им приходиться? — спрашиваю.

— Я их сын; вы же меня здесь крестили,— отвечает.

Я едва верил глазам; мичман, с усиками и серьезнейшею физиономиею настоящего моряка — тот Саша, при появлении на свет которого я присутствовал и слышал раздирающий душу крик матери, его рождающей! — Я позвал его к себе, угостил чаем, постным завтраком; показал потом вид Токио с колокольни, школы,— словом, от души был рад гостю. Он — мичман на «Памяти Азова», на котором в 1891 году был здесь наш Наследник, нынешний Государь. Пришло на рейд в Иокохаме это судно несколько дней назад; на нем адмирал Дубасов, герой минувшей войны с турками, которого я знал тоже еще мичманом в Хакодате.

Разослали сегодня в другую половину Церквей содержание служащим за пятый и шестой месяцы около двух тысяч ен.

Язычник из Кооци, на Киусиу, пишет длиннейшее письмо, умное и складное, но о котором трудно решить — писано оно маниаком, или шпионом, или искренним человеком. Автор — некто Адаци Тайчѐо — поносит ужасно свое отечество, главное за тиранию (ассей) и просится в русское подданство, величает русского императора, хочет служить ему и тому подобное, просит отвечать ему по-японски, или по-английски, так как воспитывался (в письме упоминается) в школе Фукузава (завязтого патриота). Упоминает в конце, что хочет сделаться и христианином. Это дало нам повод послать письмо к катихизатору в Коци с наставлением научить Адаци христианству, в перемене же подданства сказать, что это не дело, пусть это бросит. Секретарь подозревает, что это испытание; мне же кажется, что это вроде того чиновника, который несколько лет ходит ко мне ругать свое Правительство.

9 / 21 апреля 1897. Великая Среда

Службы обычные; за Литургией был один офицер с «Памяти Азова» с женой и маленьким сыном,— простояли всю службу. После всенощной Правило для причастников, которое выслушал и я, имея в виду, впрочем, завтра во время Причастна сказать поучение.

Был с визитом адмирал Дубасов и офицеры.

Была мать Кирилла Хино,— плачет и просит прощения за сына, что ушел с церковной службы, воспитанный Церковью. Господь с ними! Служить Церкви могут только те, кто с радостью желает того. Но малого сына ее, которого она привела сюда из Саппоро в какую-то школу, в

Семинарию не примут, если будет проситься,— довольно, что один надул.

Язычник Судзуки Кейзабуро, из Канада, просится в Церковь; письмо послано к местному катихизатору Якову Мацудаира, а Судзуки указано обратиться, по близости, за научением к Якову.

Язычник Уно, из Нумамае-мура, Ибараки кен, просит христианских книг. Несколько книг ему пошлетя вместе с адресом ближайшего катихизатора Петра Мисима, а сему препроводится письмо Уно с указанием войти с ним в сношение и научить вере.

10 / 22 апреля 1897. Великий Четверток

В половине восьмого малый колокол позвонил собираться на Причастные молитвы; в восемь в средний колокол был звон и потом трезвон к Обедне. Я приготовил поучение и пошел по трезвону в Церковь; возмутила при входе ученая корпорация — профессора Семинарии — и другие учителя с ними: сидят себе на лавке, занимая всю ее, тогда как все в Церкви стоят и слушают чтение Часов; я сказал встать и подойти ближе, чтобы яснее слышать чтение; встать встали, а подошли ли, не видал; отвращение берет следить за сими господами, у которых совершенно формальное внешнее отношение к таинствам Церкви.

О. Симеон Мии описывает свою поездку в Церкви в Нагоя, Гифу, Оогаки. Церковь в Нагоя в отличном порядке; катихизатор Петр Сибаяма отлично ведет Церковь; если кто не хвалит его, так только два-три ленивых христианина, делающих из своей неприязни к Сибаяма предлог не ходить к богослужениям, то есть «макура» для своей лености. Что христиане усердны, свидетельством может служить приобретение ими ныне церковной земли за 1. 960 ен, в счет коих немного вошло посторонних пожертвований. Очень рад, если все это так! В Гифу о. Симеон нашел несколько ослабевших христиан, но несколько и хороших, в числе коих упоминает бывших катихизаторов: Василия Мабуци, ныне чиновника, и Павла Нонака, учителя в гимназии. Лично о. Симеон в Гифу потерпел афронт: пошел в баню и по выходе из нее оказался голым, точно так же, как в бане: все платье, с деньгами в нем, украдено было; христиане потом кое-как одели его.

О. Андрей Метоки вернулся из своей первой поездки по Церквам и вел длинный рассказ о ней. Интересного мало. Крещения ни одного не совершил. Когда он еще говорил, явился редкий гость: наша духовная особа,— Пекинский архимандрит о. Амфилохий, начальник тамошней Духовной Миссии,— пожертвовавший сюда три года назад отличное священническое облачение. Возвращается в Россию по сдаче своего поста архимандриту Иннокентию, бывшему настоятелю Покровского монастыря в Москве, а прежде ректору Санкт-Петербургской Духовной

Семинарии, о котором мне о. Сергей Страгородский писал, хваля введенные им порядки в Семинарии и прочее. По рассказам о. Амфилохия,— крайний идеалист,— собирается основать общежитие из миссионеров в Пекине без жалованья и прочее.

Двенадцать Евангелий читали отцы Павел Сато, Роман Циба и Федор Мидзуно. Пение очень хорошее. Служба в полном порядке. Только жаль, что из города христиан почти ни единого.— О. Амфилохий остался ночевать в Миссии; Никанор угостил его постным ужином, после которого мы проговорили с ним до половины одиннадцатого часа. Печальный рассказ о Пекинской Духовной Миссии. Ничего там нет! «Человек 450–500 христиан», потомков албазинцев, живущих подачками от Миссии, по старым преданиям.— В деревне Дун-динь-ан, обращенной о. Исаиею, теперь человек шестьдесят христиан еще есть, но они, по словам самого же о. Амфилохия, совсем заброшены Миссией; раз или два наведывается к ним миссионер, но даже и не исповедует, и не общается,— «не может-де говорить по-китайски». Католическая Миссия, видя это стадо без пастыря, обратилась к нашей с прямым предложением: «Если вы не хотите позаботиться о них, то мы позаботимся». Но о. Амфилохий не согласился: отправился к нашему посланнику, тот к французскому, и сей запретил Католической Миссии касаться Дун-динь-анцев; так они и до сих пор остаются заброшенными. О. Митрофан назначен был жить у них,— для того, кажется, и иереем поставлен был здесь, в Японии,— но не захотел,— куда-де в такой деревне! И пребывает ныне, кажется (sic), в умопомешательстве.

11 / 23 апреля 1897. Великий Пяток

Утром показал о. Амфилохию Миссию. На все — «слава Богу», на иное — «я бы не так». Пред Часами он отправился в Иокохаму, ибо сегодня пароход снимется в Америку.

В девять часов начались Часы, в три Вечерня с выносом плащаницы; был поверенный в делах Шпейер со всем семейством в храме; в шесть — Утреня, после которой плащаница обнесена вокруг Собора. Были — полковник Василий Васильевич Иванов и его жена; японских христиан было также много. Погода, кстати, хорошая. Немало японцев приходит из провинциальных Церквей на наш праздник. Из Касивакубо мать семинариста Петра Мори с одним христианином пришла, говорит: «Христиане положили в каждую Пасху отправлять сюда на праздник двоих на церковный счет»; ныне жребий выпал им двоим; из Такасимидзу явился один староста церковный, говорит,— положено у них на каждое Рождество и Пасху отправлять сюда, в Хонквай, по одному; ныне его очередь; из Дзюумондзи пришло десять на праздник: шесть христиан, четверо

слушателей, — все почтенные, по виду, мужички́ и мужички; есть и из других мест. Сказал поэтому я сегодня здешним старостам, чтобы они назначили людей принимать сих провинциальных гостей и заботиться о них; прежде всего надо позаботиться найти им помещение — в гостинице, или на квартире; платить, конечно, они должны сами, — к этому, вероятно, всякий приходящий приговорен; но где приютиться? Давеча все десять человек из Дзюмондзи пришли прямо сюда и долго здесь были, довольствуясь чаем, который я, пробегая мимо и все видя их, велел давать им, тогда как они, конечно, нуждались в обеде, который откуда здесь взять? Из Касивакубо, из Такасимидзу также прямо пришли сюда. — Потом, во время службы нужно наставить их купить свечки, стать там-то; в Пасхальную ночь позаботиться и о их помещении в Церкви (иначе, в толкотне, могут остаться и вне), и о их комнате для отдыха и разговления; яйца и кулич будут приготовлены от Миссии, но нужно, чтобы они достигли своего назначения. Словом, быть добрыми, приветливыми хозяевами и сделать, чтобы гости расходились по своим Церквам порадованные, утешенные и с добрыми, одушевляющими рассказами о Празднике в Хонквай. Старосты обещались послужить сему.

В Женскую школу нашу все больше и больше просят: больше двадцати прошений, удовлетворить которые нельзя, ибо школа переполнена, а сегодня еще от Такакура из Хитоёси бонза приходил, говорит:

— Завел школу из сорока учеников, но содержать нечем; собираю пожертвования, — помогите.

— Да ведь и здесь тоже школа на пожертвования содержится, так что с тою же просьбою и мы можем обратиться к вам, — отвечал я и под сим предложением отказал. —

Вот и плоды трудов устроителя Парламента религий (в Чикаго, три года назад), Reverend Barrows'a: мы, христиане, будем помогать буддийским бонзам точить оружие против христианства. А Barrows, кстати, ныне ораторствует здесь. В Великую среду и я приглашен был на его лекцию, на которой-де соберутся представители разных учений и сект; еще бы, бросить мне Литургию и пойти слушать гнилую болтовню! В протестантстве христианская любовь выродилась в такое явление: вместо того, чтобы тащить людей из болота, из любви сами лезут в болото, утверждая несчастных в мысли, что там им и быть должно.

12 / 24 апреля 1897. Великая Суббота

В девять часов Литургия, потом день хлопот по приготовлению к празднику: уборка Собора, чистка дома, свидание с приходящими из провинций христианами и подобное.

13 / 25 апреля 1897.

Светлое Христово Воскресенье

С двенадцати часов ночи, по уставу, начало Пасхальной службы.

Крестный ход вокруг Собора очень чинный и вполне благополучный; погода вполне благоприятствовала, но потом начался дождь, под который и из Церкви выходили. Кончилось все богослужение в три часа и пятнадцать минут. Пели очень стройно. Но Обедню пропели Василия Великого, хотя мы читали молитвы по Златоусту.

— Отчего пели растяжным напевом Василия Великого? — спрашиваю потом регента Иннокентия Кису.

— Думали, что Обедня Василия Великого, — отвечает.

Так-то еще молодо здесь все и неопытно. Впрочем, так как Кису почти уже совсем не разнит, то есть научился исправлять свой хор, когда заразнят, то я объявил ему прибавку жалованья в пять ен, то есть будет получать отныне двадцать ен в месяц и от меня частно пять ен. Стоит! Учит хор очень хорошо; образование в Капелле помогает.

Из русских были в Церкви: полковник Василий Васильевич Иванов с женой, стояли на хорах, секретарь посольства Сомов и студент Казаков, и домашние от посланника. Японцев было больше, чем в прежние годы. Иванов говорил, что, сколько видно было с хор, он насчитал до полуторы тысячи.

Разговлялись у меня Василий Васильевич с женой и сорок пять японцев, то есть все главные служащие Церкви, в том числе некоторые профессора Семинарии с их семействами. Младшим служащим, по-прошлогоднему, роздано на разговление по одной ене в конвертах. Я, освятив все куличи и яйца, зашел на минуту к моим гостям и потом отправился христосоваться: почти тысяча яиц роздана. С шестого часа начали приходиться с поздравлениями школы: сначала Женская, потом Семинария и так далее; дано по десять сен, а учительницам, начиная с Анны, по одной ене непоющим, и по шестьдесят сен поющим, имеющим получить еще завтра; учительницы также разговлялись у меня.

Беспорывный приход поздравителей; отдохнуть не удалось. В одиннадцать часов отправился с крестом к русским: к Ивановым в Imperial Hotel, к посланнику и всем в Посольстве; у всех пропето было христославенье, — мною же и за причетника; позавтракал у посланника, согласно вчерашнему приглашению от Анны Эрастовны. Дома у себя — русские гости-поздравители — из Посольства и с военного судна. В пять часов вечера, на которой также были Ивановы, зашедшие потом ко мне и пожертвовавшие сто ен на Церковь, двадцать пять ен певчим, пять ен моему слуге Никанору, подарившие куклу Кате Накае (Маленды дочери) и увлекшие меня к себе на обед; вернулся от них в двенадцать часов. Что за милые они люди! Что за теплые души!

14 / 26 апреля 1897. Понедельник
Светлой седмицы

С семи часов Пасхальная служба; кончилась в половине одиннадцатого. Служили со мной, как и вчера, отцы Павел Сато, Роман Циба и Андрей Метоки. Детей очень много приобщалось. Потом оба хора христославили у меня; дано: младшим певчим по двадцати сен, старшим по сорок сен, учащимся и причетникам по одной ене. Потом пели из Коодзимацци с о. Алексеем Савабе во главе; о. Павел Савабе был тут же; угощены все и дано певчим и воскресной школе десять ен, учителю пения одну ену.

В один час я отправился в Иокохаму с крестом к русским; христославил у консула князя Лобанова, у морского агента Ивана Ивановича Чагина и военного полковника Николая Ивановича Янжула, жена которого Марья Николаевна — в чахотке, но какая редкостная хозяйка! Какой у нее пасхальный стол, какой кулич и бабы!

Вернувшись, застал просьбу протестантов одолжить фортепьяно для концерта в ихнем молитвенном доме «Tabernacle» в Хонго в пользу какой-то ихней бедной школы и самого этого «Tabernacle»; дали старое (впрочем весьма исправное) из Женской школы; застал еще письмо отца архимандрита Сергия из Афин; собирается сюда вместе с о. Андроником (каким-то инспектором Семинарии, которого он считает очень способным к миссионерству), который пророчит: «Нас Бог в конце концов устроит туда» (в Японию). Уж не тот ли это, которого я чаю?

О. Мии из Кёото пишет, что они встретили светлый праздник уже в новом доме, в устроенной там молитвенной комнате.

15 / 27 апреля 1897. Вторник
Светлой седмицы

С семи утра Пасхальная служба, как вчера. Японских христиан было очень мало; русских человек пятнадцать матросов с «Памяти Азова»; о. Роман отслужил им потом, по их просьбе, молебен.

Разделены двадцать пять ен певчим, данные полковником Ивановым с супругой; пришлось: двум регентам по 50 сен, старшим певчим по 18 сен 6 рин 6 моу, младшим, то есть с недавнего времени поющим, по 9 сен 3 рин 3 моу, ибо всех певчих 146 человек.

Был потом я у профессора Рафаила Густавовича Кёбера христославить. Читали затем с Давидом церковные письма, но устал я очень,— много не прочитали и замечательного ничего не вычитали. Видно, впрочем, что церковное дело оживленнее ныне, чем в прошлом году.

16 / 28 апреля 1897. Среда
Святой недели

Располагал было я сегодня утром отправиться в Тоносава, чтобы распорядиться некоторым ремонтом зданий и приготовлением их под помещение учениц во время будущих каникул, но целую ночь и все утро рубил такой непрерывный дождь, что отбил всякую охоту двинуться из дома, тем более, что послезавтра расчетный день, к которому нужно приготовиться завтра. И потому с утра вплоть до двенадцати часов читал собравшиеся поздравительные письма, почтовые листки и телеграммы. Последних было двадцать семь, вторых семьдесят четыре, первых шестьдесят два,— в нынешнем году гораздо больше, чем в прошлом; но из дальних мест еще не пришли. Прочтены и накопившиеся за последние четыре-пять дней церковные письма, числом около пятидесяти: несколько извещений о крещениях, большею частью описание проведения Страстной седмицы и праздника пасхи с описанием, как служили, сколько было молящихся, как разговлялись и подобное.— Интересно письмо одного язычника из города Сакаи, в провинции Акита: описывает печальное состояние молитвенного дома, построенного, вероятно, протестантами: крыша провалилась, внутри живут летучие мыши и крысы,— люди давно не пользуются им (значит, была чья-то христианская община до того цветущая, что и Церковь построили; но потом все потеряли веру, и община разрушилась до того, что нет ни одного человека, который бы позаботился о доме Божием). Печалит это состояние автора письма, ибо он сочувствует христианству и предлагает он поэтому себя на служение христианству.— Но что с ним делать? По близости его нет ни одного нашего катихизатора; позвать его сюда для научения веры? Не знаешь, что за человек. Пошлем ему катехизис и напишем, что может, если хочет, на свой счет прийти в Токио, чтобы узнать наше вероучение и сделаться христианином, а затем, если все будет благоприятно, и с его, и с нашей стороны, поступить в Катихизаторскую школу.

Женская школа сегодня располагала отправиться всем составом своим за город на гулянье, и с каким восторгом девочки готовились вчера к этому своему, ежегодно в это время повторяющемуся, празднику; зато в каком комичном неудовольствии сегодня на этот противный дождь!

17 / 29 апреля 1897. Четверг
Святой недели

Прелестнейшая погода.— Так как после смерти звонаря Андрея некому позаботиться о чистоте библиотеки, то я предложил сегодня иподиакону

Моисею Кавамура, редкому из японцев по аккуратности содержащему ризницу в таком отличном порядке, взять на свое попечение и здание библиотеки, то есть в тихие солнечные дни открывать окна, но закрывать их тотчас же, как начинается ветер с пылью; открывать иногда и книжные шкафы; по крайней мере, раз в неделю обметать пыль везде, — с окон, столов, шкафов; по крайней мере, раз в год обтирать все до единой книги, и делать это исключительно самому, — разве с моею помощью, — чтобы не нарушить порядка в шкафах — ни одной не переставить на неположенное ей место и прочее. Обещал давать ему за эту службу, от себя лично, по одной ене в неделю — четыре ены в месяц. Он охотно согласился.

Петр Ямада, которого я считал бездарным и ничего не стоящим катихизатором, оказывается, напротив, очень дельным и успешным: тринадцать человек у него крещено в Мияно и Цукитате, один даже глухонемой найден хорошо приготовленным и крещен; священник экзаменовал его письменно. Господь разберет: дух ли катихизатора в тайне горящ, люди ли особенно заслужили милость Божию, урок только нам: много не полагаться на свое мнение, а давать место действию Божию.

Впрочем, об иных катихизаторах можно почти навверное сказать, что добра от них не будет: о. Борис Ямамура пишет, что Александра Хосокава, катихизатора в Ханава, лишил причастия; пьет, должно быть, как до школы, так иногда и в школе; новых слушателей у него ни одного, и Церковь в упадке. Придется убрать его отсюда.

Из Хиросаки шесть христиан пишут, что Иоанн Котера оклеветан христианином, недавно писавшим сюда о негодности Котера; христианин этот пьяница и дурного поведения; Котера старался исправить его, а он озлился на это. Христиане пишут это к о. Борису, которому я поручил исследовать, а он препроводил письмо сюда. Ладно!

Учительницы Женской школы справляли сегодня «доосоквай» («собрание однооконниц», по-нашему, однокашниц). Старуха Анна пришла сказать, что в три часа, по окончании своего собрания, «однооконницы» придут ко мне принять благословение. И пришли: человек тридцать дам и девиц. Выпускных из нашей Женской школы. Посадить их было негде, угостить нечем: приняли благословение и по красному яйцу с неубранного еще пасхального стола и удалились. Но что это за прекрасный вид: все цветущие молодостью и здоровьем, иные с здоровенным младенцем на руках, — все отлично наученные и безукоризненные христианки!

18 / 30 апреля 1897. Пятница
Святой недели

Расчетный день, — беспрестанный вход и выход людей; ничего путного, кроме расплат.

Христианин из Аннака, отец Феодоры, невесты Якова Негуро, обучающей в Женской школе, был вместе с нею благодарить за нее; говорил, что в Аннака на пасхальной службе было тридцать человек, а в Тасино и Томиока человек шестьдесят; между тем, там и катихизатора нет, только Негуро по временам посещает их из Аннака. Стало быть, христиане Тасино и Томиока крепки в вере и в молитве. Храни их Бог! И катихизатора нужно бы туда для распространения Церкви. Но где взять?

Катихизатор в Тоёхаси, Павел Цуда, спрашивает, не есть ли нарушение поста то, что певчие выпивают пред Пасхальной заутреней по сирому яйцу и даже по два! Конечно! Но что сделаешь с регентами, которые требуют сего, иначе-де не смогут пропеть всю Пасхальную службу? Яков Дмитриевич Тихай — первый ввел сей обычай, основываясь, по уверению его, на примере даже чудовских певчих в Москве, в числе коих он сам немалое время состоял тенором. Дмитрий Константинович Львовский тоже всегда просил давать певчим сырые яйца пред Заутреней. За ними — ныне и все японские регенты.

19 апреля / 1 мая 1897. Суббота
Святой недели

Ночью в двенадцать часов громкий стук разбудил: «Телеграмма!». Оказывается, из Санномия: «Христос воскрес! Едем четверо. Львовский». Вот снег на голову! Я совсем не ждал его с семьей так скоро: квартира его занята учениками Семинарии. Пришлось вывести их в одну из комнат, занятых учениками Катихизаторской школы, а сих стеснить в одну комнату. Сейчас (полдень) и производится все это перемещение.

С семи часов утра была Пасхальная служба; служили отцы Сато, Циба и Мидзуно; пели оба хора; после Литургии роздан артос. Из русских в Церкви был известный путешественник Бронислав Людвигович Громбчевский, полковник, едущий на службу в Благовещенск, после службы бывший у меня и начавший очень интересные рассказы, к сожалению, перебитые приходом другого гостя, полковника Рыльского, с женой, из Владивостока. Громбчевский обещал прислать для библиотеки свои карты и сочинения.

О. Иоанн Катакура согласен отпустить Моисея Минато в Немуро, но Моисей пишет, что Церковь в Ооцуци и Камаиси только что поправляется: есть уже готовые к крещению, есть и еще слушатели; просит непременно кого-нибудь взамен себя. Жаль сих Церквей, и потому Моисей не будет отнят у них. До Собора недалеко, — пусть в Немуро подождут, а пока Александр Мурукоси может там и присмотреть за Церковью, и заправлять молитвенными собраниями.

Послал на станцию Марка, звонаря, встретить Львовского, полагая, что он прибудет с восьмичасовым поездом; но сказали на станции, что такого и поезда нет, а есть в одиннадцать вечера; стало быть, газетные и расписания врут, и, стало быть, приготовления Никанора к устройству ужина гостям, приготовленная ванна, — все тщетно.

За всюнощной был некто Ювачев Иван Павлович, командир амурского парохода, едущий в Россию, в Петербург, к родным. Говорил, — до слез растрогало наше пение. Совершенно то же самое утром сказал Громбчевский, католик, утерший навернувшиеся слезы даже и во время разговора о сем. Впрочем, последний тут же и сказал, что он расстроен нервами, — результат его трудных путешествий; первый — и чаю не пьет, чтобы и этим не тревожить нервы. Итак, пение наше сильно трогающее, или богомольцы легко трогающиеся? Судя по тому, как сегодня небрежно пели, и иногда безобразно кричали или пищали, конечно, — последнее. Господин Ювачев просил на память ветку из нашего сада; сорвал ему в потьмах две ветки с цветами камелий.

20 апреля / 2 мая 1897. Фомино Воскресенье

На Литургии было много и русских: матросов с «Памяти Азова», каких-то *gentelmen*'ов с дамами, — вероятно, русские путешественники; был еще грек «*Archimandrite E. Platis*», как значится на его карточке. Службу стоял в Церкви, покрытый шапочкою, наподобие скуфьи; во время проповеди вошел в алтарь, где ему предложили антидор и теплоту; после зашел ко мне в комнату. Оказывается: настоятель в греческой Церкви в Калькуте, где прожил шесть лет; ныне возвращается чрез Америку в Грецию; остановился в Японии, чтобы взглянуть на страну; завтра отправится в Никко; значит, человек со средствами, позволяющими роскоши путешествия, а я, признаться, заподозрил, не сборщик ли, наподобие о. Георгия, снявшего с меня рясу, хоть и похудшую, словами: «Христос сказал: „Два есть, одна отдай“».

Пимен Усуи, маленький семинарист, сын катихизатора Василия Усуи, бывшего первым проповедником в Готемба, просился на три дня в Готемба и, ныне вернувшись, на вопросы мои о Церкви тамошней говорил следующее:

- Сколько вчера было на молитве?
- Пять человек.
- А сегодня?

Пимен запнулся и уже на второй вопрос:

- Три, — промолвил сквозь зубы.
- В числе этих трех и ты был?
- Да.
- Катихизатор Анатолий Озаки был?

- Да.
- Кто же третий?
- Мой приятель (с которым он лазил по горам и удил рыбу, о чем только что говорил).
- А когда твой отец был там, сколько собиралось на богослужение по воскресеньям?
- Человек двадцать.

Вот что значит плохие катихизаторы: при них Церковь опускается-опускается и, наконец, совсем почти замирает, хотя не исчезает и не умирает,— об этом можно заключить уже потому, что христиане во всех домах с великою радостью приняли и угощали Пимена, сына их прежнего любимого катихизатора.

Всенощную пропели сегодня причетники; в Церкви были все учащиеся и очень мало христиан из города.

В десять часов, только что собирался лечь спать, говорят, Дмитрий Константинович Львовский приехал. Нашел их уже входящими в их квартиру: он, жена и малые дети: Петя и Маша, еще не умеющие ходить; японцы Обара, Тоокайрин, Кавамура и прочие певцы и многие семинаристы уже собирались и радостно приветствовали. Оказалось, что он прибыл на французском почтовом пароходе вплоть до Йокохамы, а мы ждали его по железной дороге из Кобе. Никанор устроил кое-какой ужин им, и мы проговорили часа два.

21 апреля / 3 мая 1897. Понедельник.

Радоница

С семи часов Литургия и потом общая панихида; первую служили все наличные шесть священников и два диакона; на панихиду выходил с ними и я; блюдами и чашками с изукрашенной кутьею заставлены были: четыре столика соборных и четыре длинных классных стола. Христиан было много, несмотря на дождь; все зажгли свечи на панихиду, что побудило меня, отложив в сторону мелочную экономию, велеть Кавамура раздать свечи и учащимся. Пели оба хора. По случаю непрекращающегося дождя священники взяли с собою на кладбище только эпитахию и кресты, также кадила; диаконы (без стихарей) и певцы пошли с ними помогать и петь.

Петр Мисима пишет, что в язычнике Уно, в Намамае-мура, к которому он направлен был (смотри отметку 9 / 21 апреля), он нашел двадцатилетнего юношу, писаря в деревенском правлении, робкого и загнанного, побоявшегося ввести Мисима и в дом свой. Бесплодно пробыл там Мисима сутки, даже пожелавшему христианского наставления не мог преподать сие наставление.

Почти буквально то же самое было и с язычником Судзуки, в Канада, попросившимся в христианство (смотри 9/21 апреля). Катихизатор Яков Мацудаира нашел его, но в то же время погрузил в крайнее смущение: оказалось, что ни родители сего юноши, и никто в доме не подозревал поползновений его перейти из мрака в свет. Кроме гонения в доме, ничего в настоящее время для него нет; будущее же в руках Божиих.

22 апреля / 4 мая 1897. Вторник

Начались обычные занятия в школах, и у нас с Накаем исправление перевода — с двенадцатой главы Евангелия Луки.

Диакон Стефан Кугимия привел (в третьем часу) двух своих знакомых: Луку Окабе, родом из Усуки (сын Кароо), ныне жителя Хоккайдо, молодого, повидимому, богача, собирающегося в Америку учиться живописи, и молодого язычника, тоже собирающегося в Америку изучать философию. Нашли куда направить свои специальные устремления! Часа полтора объяснял философу начальные истины веры и дал книги продолжить изучение. Беседа с ними прервана визитом молодых офицеров с «Памяти Азова» — Алеша Пеликана и Сергея Вернандера, последний, как москвич по воспитанию, не преминул сделать пожертвование на Миссию — десять ен. Дал им наружный и внутренний виды Собора.

Их сменила визитом m-me Ямада, мачеха учительницы Елены Ямада. Некогда было с нею долго толковать, ибо уже было за шесть часов, и Накаи пришел для перевода. В коротких словах она передала, что Елена разливается слезами, сидя в своей комнате. Из-за чего? Принуждают ее выйти за Григория Такахаси, согласно ее прежде вымолвленному слову, тогда как она ныне передумала и хочет за служащего Церкви (Иоанна Кавамото), прося для этого отсрочки на год или на два, чтобы служить в это время учительницей, как ныне; Анна же, начальница школы, говорит, что, если отказывается от своего прежнего слова, то должна оставить школу.— Я сказал, что не мешаюсь в такие дела, как сватовство: эти дела, по-моему, должны быть предоставлены свободе тех, кого они прямо касаются, и их родителей, обязанных руководить советом в сем случае. Впрочем, не вижу причины, почему бы Елена была удалена из школы, если не хочет выйти за одного, предпочитая другого, к которому более лежит ее сердце, и который тоже законным образом сватается.

23 апреля / 5 мая 1897. Среда

Начал ходить сегодня на практический класс проповеди по Православному исповеданию (Осиено кагами-но ринкоо); класс после обеда с половины третьего до половины четвертого; приходят ученики старшего и младшего класса Катихизаторской школы; в старшем ныне шесть

человек, в младшем три. Никогда еще не была Катихизаторская школа так бедна и количеством, и талантами.

Павел Окамура пишет, что нет возможности поселиться в Ономац (который сам же прежде избрал): квартир нет, и если есть, то недоступно дороги (железная дорога там проводится, и прочие причины). Предлагает поэтому водворить свою особу в Фукусима, или в Михора. Предпочтительно первое, ибо город больше (тысяч пятнадцать жителей), и православная проповедь там несколько звучала; в этом смысле и написано ему.

24 апреля / 6 мая 1897. Четверг

О. Петр Ямагаки, из Хакодате, пишет, что учитель тамошней церковной школы и вместе катихизатор Андрей Судзуки просится в отставку, — нашел-де на стороне место более выгодное; что ж, — удержать нельзя, — с Богом!

25 апреля / 7 мая 1897. Пятница

О. Павел Савабе отправляется посетить приход о. Петра Кавано, на Киусиу. Дано ему на дорогу до Кокура десять ен да запасных, на всякий случай, пять ен; завтра же надо послать сорок ен на путешествие по Церквам на двоих: отцам Савабе и Кавано. Дорого стоит, но будет ли прок? Рассказал ему об о. Петре и его Церквах, давал перечитать оттуда письма за последнее время, просил одушевить, возбудить, направить; он больше пессимистическим нытьем, или бессодержательным разглагольством отвечал на мои речи...

26 апреля / 8 мая 1897. Суббота

О. Павел Морита, по обычаю, водным потоком разливается, описывает свое путешествие по Церквам, а нового только и есть, что катихизатор в Икеда, Игнатий Кanan, очень ленив, за что будто бы о. Морита сильно его бранил.

Некто Ивама, из Яманаси, бывший католический катихизатор, в прошлом году чрез о. Феодора Мидзуно просился в Катихизаторскую школу; ныне опять, из Оогаки, просится. Написано ему, чтобы сначала сделался, если достоин того, православным христианином, к чему имеет возможность, так как в Оогаки есть наш катихизатор. Послано было извещение о нем и катихизатору Матвею Мацунага с приложением письма Ивама и ответа моего ему в копии. Мацунага пишет, что Ивама был у него раз еще давно, в плохом платье и с передником — знаком, что служит где-то в лавке приказчиком; говорил, что был католическим проповедником,

бросил сие звание по недовольству им; пришел в Оогаки служить — не доволен и сею службою и хочет к нам в Катихизаторскую школу. Видно, что дрянь, пройдоха. Не принимать и в Церковь без самого тщательного испытания.

Петр Такеици, катихизатор в Каназава, извещает, что в шестом месяце женится. Послать десять ен на свадьбу.

Яков Негуро, катихизатор в Аннака, извещает, что женится в седьмом месяце на Феодоре Такеи, что ныне учится в нашей Женской школе. Послать десять ен в седьмом месяце.

27 апреля / 9 мая 1897.

Воскресенье жен-мироносиц

До Обедни о. Павел Сато выпросил две ены на гостинцы детям воскресной школы: у них сегодня «ундооквай» — прогулка в Уено после обеда: пойдут мальчики и девочки; с последними будут и большие христианки; со всеми же отцы Сато и Циба.

У Обедни было особенно много христианок. После Обедни и они делали «ундооквай» в Уено, где для своего собрания приготовили один чайный дом. Итак, этот женский праздник начинает водворяться между японками. Это хорошо. Проводят они его, несомненно, благочестиво, говоря религиозные спичи и кушая чай и дешевые конфекты.— Жаль только, что сегодня дождь мешал.

28 апреля / 10 мая 1897. Понедельник

О. Яков Такая описывает свое путешествие по Церквам; кое-где были крещения. Вообще же вяло у него.

Из Казоо письмо от имени двух христиан — Сато и Миезава, но без печати последнего,— что они отрекаются от христианства, «оставляют Церковь», по их выражению. Впервой такое заявление вижу и слышу. Понять, впрочем, это легко: были там три христианских дома лет семь тому назад; сильное гонение воздвигли на них язычники, особенно по случаю смерти и погребения одного из христиан; толпы язычников тогда стеклись, даже из окрестных селений, чтобы не дать христианину места на общем кладбище. Место мертвецу дать были принуждены от властей, но сделали, по крайней мере, что гроб не был внесен в кладбищенские ворота: для внесения его к могиле на кладбище сделано было отверстие в ограде, куда и пронесли мертвеца,— что язычники сочли тогда великим торжеством для себя, а христиане были напуганы. После того, к несчастью, не было возможности поместить там катихизатора по незначительности Церкви, а посещал от времени до времени ее священник. И вот, что значит отсутствие катихизатора, и вот, что значит

катихизатор, как бы плох он ни был: при нем Церковь непременно сохраняется, без него падает и уничтожается. Впрочем, посмотрим еще, в Казоо что будет...

29 апреля / 11 мая 1897. Вторник

Вчера ночью подали телеграмму из Фукуяма (в Циукоку), что с Павлом Окамура — апоплексический удар, сегодня утром другая телеграмма, что он помер. До слез жаль бедного! Самый старый из катихизаторов; хоть никогда не отличался заметной деятельностью, но все же служил, и ныне кости сложил, пристраиваясь на новом месте службы. Пятеро детей оставил: две девочки в нашей школе, три другие при матери; воспитаем, даст Бог, всех; не дадим семье долголетнего служителя Церкви познать горечь бесприютного сиротства,— нет, храни нас Бог от этого!

Школы сегодня имели рекреацию; ученики ходили в Оомори, ученицы в Уено; первые едва в двенадцатом часу добрались туда; обед им также доставили туда; оттуда, нагулявшись и утомившись, маленькие вернулись по железной дороге, кто побольше — тоже, пешком.

Я ездил в Тоносава распорядиться насчет ремонта зданий в ожидании на каникулы в нынешнее лето учениц — их очередь.

30 апреля / 12 мая 1897. Среда

Утром послал телеграммой двадцать ен на погребение Павла Окамура в Фукуяма. В один час была панихида по нем в Соборе; были все учащиеся; служили со мной отцы Сато, Циба и Мидзуно; помянули на панихиде и Вениамина, сына о. Якова Такая, и Феклу, мать тоже почтенного катихизатора Павла Хосономе,— недавно померших, о которых молитв просили.— Услышал от Анны Кванно, что дочери Павла Окамура в Женской школе очень плачут, и потому призывал их несколько утешить. Сегодня было и погребение Окамура, по телеграфному известию от о. Игнатия Мукояма. Написано к о. Мукояма, чтобы он позаботился о вдове с детьми; написано и ей; сущность: Церковь воспитает детей, не бросит и ее; пусть она решит: останется ли жить у своего отца, в Оосака (кажется, очень бедного человека), или приедет с детьми сюда; в последнем случае будут тотчас же посланы ей деньги на дорогу.

О. Андрей Метоки, посетив остальные свои Церкви, был с рассказом. Сделано ему наставление, чтобы в каждой Церкви собирал христиан на молитву и посещал охладевших (рейтан), в чем, по неопытности, погрешил.

1 / 13 мая 1897. Четверг

О. Симеон Мии извещает, что катихизатор в Миядзу Иоанн Инаба сбежал; причина неизвестна; куда бежал неизвестно, но вещи все свои забрал. Был он катихизатор из плохих; страдал головными болями; для меня было даже удивительно (и приятно), что он так долго держится на хорошем счету у священника и христиан. Не захотел дальше служить, Бог с ним! Но он мог бы оставить службу почтенней для себя.

Протестантский миссионер Pettee, из Окаяма, прислал очень почтительный запрос: какие у нашей Миссии благотворительные учреждения? «Нужно-де для истории христианства в Японии, которую готовят к печати ныне в Иокохаме». Посланы требуемые сведения.

2 / 14 мая 1897. Пятница

О. Николай Сакураи, из Немуро, пишет: просит тридцать ен на дорогу домой отставленному за зазорное поведение катихизатору Симону Тоокайрину. За долгую службу Симона я сам же предложил дать ему дорожные домой, но я не думал, что понадобится так много. Оказывается, с ним там мать и сестра, и, кроме того, долги у него есть. Двадцать ен я послал; больше — было бы точно награждать его при отставке, тогда как сия — изгнание его из службы за дурное поведение. Пишет о. Николай еще, что муж женщины, с которой грешил Симон, хотел развестись с нею, но что упрошен и убежден был простить ее.

3 / 15 мая 1897. Суббота

О. Мии пишет ко мне более ясно об Иоанне Инаба: спознался с вдовою-христианкою и ушел к ней жить. По-видимому, он опять хотел вернуться в церковный дом, но дом уже заперт христианами, которые ждут о. Семена рассмотреть поведение катихизатора. О. Семен в сопровождении одного из своих кёотских катихизаторов отправится туда и посетит этого катихизатора в Миядзу. Я послал ему дорожные на сие и заказал строго беречь дальнейшего катихизатора от подобного падения. Неженатые пусть женятся, чтобы избежать опасности от сношений с женщинами, от которых у нас больше всего гибнет катихизаторов.

4 / 16 мая 1897. Воскресенье

Павел Ямада принес составленную им компиляцию из аглицких книг о христианстве; но до того она испещрена английскими, латинскими, греческими и всякими другими буквами для начертания имен, текстов и подобного, что я решительно отказался отдать ее в печать, если он не

выметет этот сор из книги, из-за которого книгу никто не стал бы читать. Он расплакался, рассердился и ушел. Неисправимое обезьянство у сего юного знатока аглицкого языка! Еще когда был в Катихизаторской школе и подавал сочинения, вечно испещренные иностранными вставками, и я вразумлял его бросить сию замашку. До сих пор то же и еще хуже, чем прежде:

— Японского языка,— говорит,— не достаточно для выражения тех мыслей, которые нужно сказать.

Это языка-то сорокамиллионного народа мало Павлу Ямада выразить его аглицкие бредни? Язык этот достаточен нам с Павлом Накаем переводить Священное Писание (хотя иногда и не без труда, употребляя вместо одного два, три слова для выражения понятия,— однако же совершенно по-японски и чистейшим японским языком); достаточен он великому народу, очень развитому, выражать все и обо всем,— а Павлу Ямада мало!..

5 / 17 мая 1897. Понедельник

О. Павел Савабе из Кокура пишет, что его с радостью встретили христиане; из Модзи, Симоносеки и других мест там рассеянные христиане стеклись в Кокура к нему; для Церкви, по его словам,— светлая будущность, «только служащие Церкви должны быть деятельны». Стало быть, служащих там деятельными не нашел он. Из христиан особенно хвалит в Кокура Мацуи и просит послать ему от меня похвальное письмо и икону в благословение; черновое письмо даже написал о. Павел; пошлем,— нечего делать, хоть и не в моем духе награждать за благочестие; икону нашел я очень порядочную: Спаситель в терновом венце, в серебряной отделке,— икона старая, но поновленная, жертвованная кем-то в России. Мацуи она особенно прилична, ибо он — большой страдалец от связывающего его члены ревматизма. Письмо будет написано Оогоем и с большой печатью,— торжественней уж и нельзя! Хвалится за усердие к Церкви и за то, что принимал и питал приходивших на свидание с о. Савабе христиан.— Другую икону просит о. Савабе послать Илье Миясита, в Нагоя; черновое письмо тоже приложил (как будто мы с Нумабе не можем восхвалить!); нашел и этому икону: в золоченной старинной ризе Божией Матери, с жемчужным венчиком,— тоже старинную, но поновленную; пожертвование рабы Божией Софии, в Москве, как значится на желтой новой подкладке. Хвалится сей Илья тоже за усердие к Церкви и за жертвования для нее. (Просил Илья, чтобы о. Павел на обратном пути из Киусиу посетил Нагоя: *inde amor!*).

Пишет о. Павел Савабе, что «ноодзуй-во сибору» (выжимает мозг) в размышлениях и советах о Церкви. И ладно! Авось, хоть малость Церкви

пользы перепадет! Жаль только, что «ноодзуй» устарел; прежде бы хвалиться за это...

6 / 18 мая 1897. Вторник

Утром Иоанн Кавамото приходит:

- Ученики волнуются, в столовой тарелки перебили.
- Из-за чего?
- «Пищей недовольны».
- В чем недовольство?

Ответить не смог, и потому я велел ему ясно узнать все и сказать мне.

После спрашиваю Никанора, заведующего столом учеников: «Какую посуду побили и почему?». Он и не знает — впервой от меня слышит.

Оказалось потом, что самые малые ученики: Пимен Усуи (которого я еще на руках ношу), Акила Кадзима, Лот Ицикава, Петр Уцида нашалили в столовой, побросав маленькие тарелочки, что с сахаром ставятся, в чайники с кипятком, а четыре унесли и разбили, — «старые-де, не годятся к употреблению». Я объявил им в наказание за это, что они лишаются каждый летнего халата, которые я намерен был справить им. Но так как, по словам Кавамото, старшие на днях говорили ему, что «рис иногда подается холодный, посуда иногда не чиста, порции мяса слишком малы», то в столовую позван был Никанор и сделан ему выговор; в то же время подтверждено всем, чтобы тотчас же заявляли мне налицо всякую неисправность, что «пища учеников должна быть свежее, чисто приготовлена, горячая», — всякое нарушение сего поварами будет строго взыскано с них; порции всего должны быть надлежащими; если вновь повторится жалоба на умаление порций, то из учеников будут назначаемы очередные для приема мяса и распределения его, что составит позор Никанора и его помощников, и так далее.

Утром кончено исправление Евангелия Луки; вечером начато исправление Евангелия от Иоанна.

После вечерней молитвы приходил профессор Петр Исигаме просить жалованья за сей месяц: «нужно для отсылки домой в уплату долга» (впервой о нем слышу); потом еще у него «живет брат жены», учащийся где-то (но отец — чиновник, может сам содержать его); потом еще в доме приживалка; потом еще нужно разъезжать на дзинрикиси (на которой я встретил его сегодня, возвращаясь из Посольства с служения Царского молебна); где же тут достать жалованья в тридцать ен в месяц! А оно высшее из получаемых в Церкви. И больше не дастся! Пусть Японская Церковь сама найдет средства. Русская больше не даст!

7 / 19 мая 1897. Среда

О. Игнатий Мукояма описывает внезапную кончину и погребение катихизатора Павла Окамура. Пришедши в Фукуяма, он остановился в

гостинице и отправился в баню; вымывшись стал причесываться, и в это время внезапно упал и помер. Не без труда разыскали, где он остановился; а там уже полиция по письмам к нему из Миссии и от жены узнала, кто он, и дала телеграммы сюда и в Оосака. По телеграмме отсюда о. Игнатий тотчас же отправился из Окаяма в Фукуяма и уже застал там жену Окамура и катихизатора из Сеноо Василия Хирои; скоро получены были из Миссии и деньги на погребение, двадцать ен. Полиция и местные чиновники оказали все участие, и погребение совершено было благополучно. Через это несчастное событие о. Игнатий завязал много знакомств с чиновниками; оказался также очень добрым человеком хозяин гостиницы, где остановился Окамура; и надеется о. Игнатий, что могила Павла Окамура послужит первым камнем Церкви, которую воздвигнет там Господь. Я думаю то же.

Должно быть, скоро и другой катихизатор оставит Миссии свою большую семью: Василий Хориу – в больнице, в Сендае. О. Петр Сасагава просит помощи ему на лечение. Написано, что по десять ен будет посылаться ежемесячно, пока он лежит в госпитале, на уплату за лечение; если не достанет, остальное может быть из его катихизаторского содержания (девятнадцать ен, ибо он – из самых старших) и от христиан в Наканиеда, которые, по-видимому, его очень любят. За май десять ен тотчас же и послано.

8 / 20 мая 1897. Четверг

О. Николай Сакураи опять просит для Немуро Моисея Минато и приводит целиком письмо последнего, что «он, мол, с охотою, а в Ооцуци и Камаиси может заменить его Феодор Минато», который недавно оставил службу, но опять хочет служить; между тем как ко мне Моисей Минато пишет, что «очень рад, что может остаться в Ооцуци и Камаиси, и христиане-де весьма рады, когда посетит Церковь о. Катакура, и крещения там будут»...

Я ответил о. Николаю, что до Собора Моисей останется на теперешнем своем месте; в доказательство, что он нужен здесь, приложил и письмо Минато.

Савва Ямазаки, катихизатор в Морияма, писал, что в трех ри от Морияма, в селении Сираива-мура есть очень усердный христианин Иоанн Кагеяма; между тем Савва упоминает еще, что так как теперь в Морияма, по усиленным земледельческим работам, ему делать нечего, то вернется в Сиракава. Я препроводил его письмо к о. Титу с вопросом, не лучше ли послать Савву в Сираива. О. Тит отвечает, что у Саввы слишком расказакалась кисть: Кагеяма ничего не может сделать для водворения христианства в Сираива, ибо на днях уезжает на заработки в Хоккайдо...

С шести часов была всенощная. Пели оба хора. Я готовился завтра служить.

9 / 21 мая 1897. Пятница.

Праздник Святителя Николая

С семи часов Литургия. Служили со мной отцы Павел Сато, Роман Циба, Феодор Мидзуно. На молебен вышли еще отцы Юкава и Метоки.— По окончании богослужения я пригласил священников и диаконов на завтрак в двенадцать часов, иподиаконов, регентов и причетников — на чай сейчас же после Церкви. По выходе, нашел поздравителей — профессоров Семинарии, Катихизаторской и Причетнической школ,— дал пять ен тоже на Симбокквей вечером. В двенадцать часов у меня обедало одиннадцать человек, в семь — двенадцать человек. У учеников в то же время (с семи) был Симбокквей, продолжающийся и пока пишется сие (десятый час вечера в исходе).

10 / 22 мая 1897. Суббота

Иустин Мацура кончил курс в Катихизаторской школе в прошлом году и до сих пор лежал больным дома. Ныне пишет, что поправился, и просится на место. Отвечено, чтобы подождал Собора,— тогда будет назначено ему место службы. И учился-то плохо, а теперь, пожалуй, и что знал, забыл; притом же медлен в слове и некрасноречив; к тому же слаб здоровьем,— куда ему быть катихизатором! А придется назначить. Впрочем, сила Божия в немощах совершается,— как знать, что и на нем не оправдается это!

11 / 23 мая 1897. Воскресенье

Был Василий Романович Лебедев, из торгового дома в Ханькоу, неоднократно жертвовавший на храм и на Миссию. Говорил, что священник в Ханькоу, о. Николай, человек семейный, тоже собирается заняться миссионерским делом, для чего изучает китайский язык. В добрый час!

За завтраком и после я расспрашивал его о христианстве в Китае: отлично идет проповедь у католиков и протестантов; мандарины — наполовину уже в пользу христианства; народ же никогда не был против, а если где возмущался, то по наущению властей. Итак, делу проповеди шире и шире раскрывается дверь. Только нас не видно у ней, хоть мы и собираемся, по-видимому...

Показал Василию Романовичу библиотеку, постройку Семинарии; в Женской школе застали спевку к выпускному акту: кончающих курс и подростков,— взаимные их прощальные песни; Василий Романович дал десять ен на «кваси» ученицам. В четыре часа он отправился в Йокохаму.

12 / 24 мая 1897. Понедельник

Екатерина Окамура отвечает, что жить у отца, в Оосака, очень тесно, и потому просится сюда. Сказал я нашему «Дзизенквай», чтобы нашли квартиру для нее с детьми, не дороже трех ен; когда будет найдена, пошлются деньги Екатерине на переезд сюда. Отец ее тоже пишет и просит взять ее с детьми сюда.

Сергий Кобаяси, катихизатор в Мориока, извещает, что женится. Послано ему на свадьбу десять ен.

13 / 25 мая 1897. Вторник

Ночью вчера получена телеграмма от о. Сергия, из Нагасаки: «Vudu Tokio 27 Gleboff». Но каким путем, неизвестно, и потому встречи ему приготовить нельзя.

Сегодня Василий Романович Лебедев привез в подарок: три разные перевода Нового Завета на китайский язык, один перевод Ветхого Завета, много христианских брошюр, изданных протестантами в Ханькоу; все в двух экземплярах; привез еще три ящика чая. Я особенно обрадовался переводам Нового Завета, — все новые, у нас еще не бывшие; думал, «то-то будет помощь нам с Накаем в переводе!» Но какое разочарование! И как я озлился! Только потеря времени — справляться с шестью текстами ныне имеющихся у нас китайских переводов! Ни стыда у людей, ни страха Божия! Слово Божие у них — точно мячик для игры: перебрасывают фразы и слова, удлинняют и укорачивают, украшают, безобразят, — просто не знаешь, что и думать о таких людях и таких переводах. Одно несомненно: бездарности все жалкие! И не существует еще слова Божия на монгольских наречиях!.. Думаешь, «новее перевод — значит улучшение», — куда! Всякий молодец на свой образец, и чем дальше в лес, тем больше дров... Розгами бы, или лучше бамбуками — всех этих бездарных и бессовестных тупиц!

Из сегодняшних писем замечательно послание матушки Лукии, жены священника Игнатия Мукояма. Недаром воспитанница здешней Женской школы: письмо умное и дельное; пишет, что учредила в Окаяма женское «симбокквай» из семнадцати христианок; приложила и речь, сказанную на первом собрании; все отдано в печать — сокращено в «Сейкёо-Симпо», вполне — в «Уранисики».

14 / 26 мая 1897. Среда

День Коронации нашего Императора; в Посольстве был молебен; потом завтрак у посланника, на котором были все русские, находящиеся в Токио и Иокохаме, то есть двенадцать человек за столом; тринадцатым

был бы Дмитрий Константинович Львовский, но его из-за тринадцати попросили позавтракать во втором этаже, вместе с супругою его и детьми; супруга же прибыла, чтобы купить на аукционе у секретаря Александра Сергеевича Сомова, отправляющегося в Россию, фортепьяно, ибо с двух часов был сей аукцион в Посольстве.

(Фортепьяно, однако, перебили какие-то японцы).

О. Павел Савабе описывает свое путешествие по приходу о. Петра Кавано и просит дорожных на путешествие по приходу о. Якова Такая. Скоро же он пропутешествовал, а я просил его подольше остановиться в каждой Церкви и сделать всю возможную пользу. Сообщает, что открыл новый способ к распространению Церкви. Что именно? — «Проповедовать бедным». В Накацу-де молодежь сначала образовала Церковь, — она разошлась ныне добывать средства к жизни, и Церкви там почти нет; в Оота — чиновникам больше всего проповедано; также к богачам старались попасть, но чиновники — народ пришлый, — сегодня здесь, завтра инде; богачи же пренебрегают проповедниками: или «дома нет», или «гости у них», — один ответ посещающему проповеднику. Итак, не «сейнен» и не «чиновники и богачи», а бедный народ должен быть предметом внимания, — «если так, то успех проповеди обеспечен», отвечают будто бы с энтузиазмом о. Петр Кавано и его катихизаторы. Новый путь! О. Павел торжествует! «Упал духом было, видя мизерность Церквей, — ныне ободрился мыслью о будущих успехах», — пишет. Ну а я-то там по каким христианам путешествовал? Не обходил ли трущобы, не лазил ли по всем задворкам? И тогда именно, на Киусиу, болел душою сильно, что одни бедняки только слушают слова благовестия... А о. Павел ныне открывает, что беднякам надо проповедовать! Человек этот вечно останется младенцем! И это еще хорошее состояние его, если он младенчается, — тогда он чистыми своими восторгам возбуждает и одушевляет сущих около него. Вследствие этого-то я тотчас же продиктовал похвальное письмо ему и послал дорожные на дальнейшее путешествие; упомянул, впрочем, в письме, чтобы он подольше останавливался в Церквях, и побольше поучал христиан и катихизаторов... Боюсь я, что деньги на его путешествие — только деньги на его прогулку!

Письмо из тюрьмы от какого-то заключенника: жаждал христианского научения, просит Священное Писание, — послан Новый Завет.

Письмо из Оцу от катихизатора Иоанна Судзуки: христианка померла, весьма благочестивая и притом состоятельная, — просит тотчас же священника для погребения и причетника с отменным голосом, облачения лучшего качества, покров и прочее. Послан о. Роман, ибо о. Осозава, которому принадлежит Оцу, в отлучке; с о. Романом — певец Павел Окамото.

Вечером явился и о. Фаддей Осозава из своей поездки в Хацивоодзи: погорельцы там наши, двадцать три дома, кое-как и кое-где нашли временный приют для себя; найдена и комната для молитвенных собраний

вместо сгоревшей Церкви; только теперь нужно платить четыре ены в месяц; две ены христиане берут на себя, два ен просят от Миссии. Ладно!

Поздно вечером опять о. Фаддей явился: нужно завтра же поспешить в Мито; есть опасность, что расторгнется одно семейство: одного молодого мужа-христианина приглашают приемышем в очень богатый языческий дом; боится о. Фаддей, что он бросит жену для богатства, и потому спешит укрепить искушаемого. Дай Бог ему!

15 / 27 мая 1897. Четверг

Ученики отпросили рекреацию, ибо день с утра великолепный. Мы с Накаем переводили. Часу в одиннадцатом Сомовы приезжали проститься и пожертвовали пятьдесят ен на Миссию. В два часа я ездил на станцию железной дороги проводить их в Иокохаму вместе со множеством их знакомых и друзей. В это же время, в третьем часу, прибыл о. Сергей Глебов, встретить которого в Иокохаме, на судне of «Empress Japan» я посылал звонаря Марка. Он привез много подарков из Иерусалима от хриstopамятного Патриарха Герасима и других.

От Его Блаженства, Патриарха Герасима:

1. Любвеобильное и благочестивейшее письмо на греческом языке с русским переводом; будет оно храниться в Японской Церкви как отчий голос к юному детищу.

2. Старая икона греческого письма Трех святителей из собственной божницы Его Блаженства – в благословение нашей Семинарии; будет помещена там по отстройке зданий Семинарии.

3. Великолепная икона Воскресения и важнейших событий из жизни Спасителя, резная на перламутровой раковине. Будет храниться в ризнице Собора.

4. Много перламутровых крестиков для раздачи учащимся. Розданы будут оканчивающим курс – в благословение от Его Блаженства.

5. Самая большая драгоценность и святыня: кусочек камня от Гроба Господня, вделанный в доску из купола храма Воскресения; Сам Патриарх и вделал святыню в доску. Но доска прислана благочестивой монахиней Митрофанией Богдановой, по просьбе которой Его Блаженство пожертвовал камень. На деке написана в России, старанием о. Сергия Глебова, икона Воскресения Христова. Будет храниться и чтиться здесь сия святыня в вечное благословение от Гроба Господня Японской Церкви.

6. Наконец, главное, чем Святейший Патриарх благословил Японскую Церковь: антиминос, освященный Его Блаженством на Гробе Господнем, с Его подписанием, с илитонем светло-розового шелка, пришитым к Антиминсу. Назначена Патриархом сия святыня для нашего храма Воскресения Христова, в котором и да сохранит ее Господь на многие столетия, в память о любви к юной Церкви Матери Церквей!

От Его Высокопреосвященства, Епифания, архиепископа Иорданского:

1. Любезнейшее его письмо с собственноручною припискою, явствующею, что Его Высокопреосвященство отлично знает русский язык.

2. Приписка эта обозначала, что Его Высокопреосвященство посылает сюда панагию, вырезанную из перламутровой раковины, с цепью, где кольца тоже из перламутра. Панагия — благословение Вифлеема — места Рождения Спасителя — нашей рождающейся Церкви, которая и будет чтить и хранить сей дар.

3. Фотографический портрет Владыки Епифания.

От престарелого о. игумена Вениамина:

1. Письмо его и фотографический портрет.

2. Две превосходного письма иконы: Страстного Спасителя в терновом венце и Спасителя на сорокадневной горе. Будут благословлены ими Церкви.

3. Полотенца, пояса, ленты, — отдано все в Собор для хранения и употребления.

Забыл еще обозначить от о. Вениамина:

4. Икона Успения — лик иконописный, тело — вышитое жемчугом, камнями и прочим: малое подобие иконы Успения в Иерусалиме; работы Женской школы, учрежденной там стараниями о. Вениамина.

5. Кусок мамврийского дуба для иконы, которая и будет здесь написана.

От монахини Митрофании Богдановой:

1. Металлический ящик с четырнадцатью частицами святых мощей. Присланы святые мощи с благословения Патриарха.

2. Кусок мамврийского дуба для иконы с печатью и подписом Его Блаженства, Патриарха Герасима. На куске написана в России, по заказу о. Сергия, икона Святой Троицы.

3. Доска для иконы от древнего купола бывшего Гроба Господня с врезанным камнем и прочее, как значится выше.

16 / 28 мая 1897. Пятница

Вчера и сегодня о. Сергей передал мне и посылки из России:

1. От Высокопреосвященного митрополита Санкт-Петербургского Палладия: великолепную икону Святителя Николая Чудотворца в серебряной ризе и в походном киоте: икона назначена Владыкой в благословение нашей Катихизаторской школы.

2. От обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева книги его сочинения: «Московский сборник» и «Вечная память. Воспоминания о почивших». Книги присланы мне, но поступят, как дорогой дар лучшего из русских людей, в миссийскую библиотеку.

3. От сотрудника Миссии протоиерея Иоанна Иоанновича Демкина вместе с его любезным письмом «Письма о Православном благочестии» — книга сочинения Остроумова, и три брошюры-проповеди самого Ивана Ивановича.

4. От «земляка автора» П. Нечаева, как значится в авторской надписи, «Практическое Руководство для Священнослужителей», издание 1895 года.

5. От инспектора Смоленской Семинарии Ивана Сперанского (бывшего выше меня курсом в Академии) сочинение его «Очерк истории Смоленской Духовной Семинарии».

О. Симеон Мии пишет, что побыл в Миядзу, успокоил христиан, отправил скомпрометированного катихизатора Иоанна Инаба на его родину, в Одавара; винит в его компрометации не его, а вдову Варвару Уетани; он-де захворал, а она сначала ухаживала за ним, а потом и уходила.

17 / 29 мая 1897. Суббота

О. Симеон Мии еще пишет и излагает две просьбы. Первая: дать христианам Нагоя тысячу ен на постройку Церкви на купленной ими для того земле. Они-де и возвратят их, выплачивая по сто ен в год. Но теперь именно сама Миссия в крайнем затруднении: придется занимать, если не придут деньги из России на днях.— Вторая: принять на службу Василия Мабуци, бывшего катихизатора: он-де ныне совсем излечился от умопомешательства, служит писцом где-то в Кёото, но просится опять в катихизаторы. Пусть о. Семен испытает его частно с полгода. Я на содержание его буду высылать о. Семену, но официально пока на службу он не будет принят.

18 / 30 мая 1897. Воскресенье

Приходила Мария Кису, вдова богача Акилы, прощаться пред отъездом в Иигава; говорила, что Акила пожертвовал на Церковь два тана хорошего рисового поля, дающего мешков двадцать рису; христиане обещались возделывать их даром, так что весь снимаемый рис поступает в пользу Церкви. Советовал я ей, для верности, записать эту землю на имя священника о. Петра Сасагава, деньги же, выручаемые от продажи риса, высылать сюда, для хранения в Миссии, с положением их в банк на проценты. Говорила она еще, что денег было собрано церковных 165 ен, но сто ен вдруг оказались истраченными на ремонт церковного дома, тогда как ремонт мог и должен был произвестись на экстренный сбор с христиан для того. Советовал я Марии постараться, чтобы остающаяся сумма была выслана в Миссию для хранения. Все это — плоды благочестия ее умершего мужа; пусть же не погибнут они, а послужат

основанием, на котором, с приращением его, водворится самостоятельность тамошней Церкви в материальном отношении. Она обещалась исполнить все, сказанное ей.

19 / 31 мая 1897. Понедельник

Было последовательно двое русских: 1. молодой человек из торгового дома в Владивостоке, приехавший лечиться от глухоты: дал ему руководителя Ивана Акимовича Кавамото и отправил к ушному доктору-соседу; сей принял большое участие в больном и обещал в два месяца вылечить; сам он учился девять лет в Германии, где познакомился с многими русскими, и так далее; 2. слепец Антон Антонович, поляк; приглашен массажистом в французский госпиталь в Иокохаме, где и благоденствует; говорил, между прочим, что изобретен инструмент, посредством которого слепой может значительно видеть: главное в нем металлоид силенит, чувствительный к свету и оттенкам его; кружок из силенита прикрепляется ко лбу слепца, чтобы действовать не на слуг (нервы глаз), а на самого хозяина (мозг), и впечатления будто бы передаются с такой яркостью, что слепец может различать предмет и обходиться без проводника. Русский врач изобрел сей инструмент, но когда Антон Антонович рассказывал о сем американскому доктору Мунго в Иокохаме, сей объявил ему, что давно выдумал совсем такой же, только не приступал к постройке его; ныне добывает силенит, чтобы построить инструмент; Антон Антонович же предлагает себя в экспериментаторы. Что ж, в двадцатое столетие, может, и слепцы будут зреть прямо мозгом! —

О. Сергей рассказывал, что Саблер в Петербурге не благоволил к Миссии; пожаловался ему о. Арсений, сопляк и плакса этот, а вдобавок значит и врун, будто я ему жалованья не выдавал. Пробрался-таки немец и на верхушку церковного правления, и клопом завонял, ибо в России не любят его страшно, — гадит многим, значит. Ужели и Миссии повредит? Едва ли!

20 мая / 1 июня 1897. Вторник

О. Павел Савабе пишет восторженное письмо из Кокура; зашел туда второй раз и уже нашел, после первого своего посещения, значительное улучшение Церкви: явились новые слушатели, собрались дети в воскресную школу, в числе их даже и языческие. И хотел было о. Павел совсем остаться в Кокура, чтобы упрочить сей успех, но пошел и дальше, в Церкви о. Такая... Стефан Камои, катихизатор в Кокура, тоже пишет обо всех этих успехах... Несомненно одно, что время успеха проповеди пришло в тех местах, но надолго ли хватит одушевления у Камои и самого о. Павла соответствовать сей благоприятности?

Язычник из Коци, что просился в русское подданство, прислал пакет на имя нашего посланника с просьбою передать его. Отослал сей пакет к нему обратно — пусть сам отправляет прямо в Посольство, если хочет; Миссия не имеет назначения входить в дела подобного рода.

21 мая / 2 июня 1897. Среда

Катихизатор в Мориока, Сергей Кобаяси, просит разрешить ему повенчаться на девице, которой только пятнадцать лет и один месяц. Просят о сем также: отец девицы, семидесятишестилетний старец, больной и близкий к смерти, делающий Кобаяси своим приемышем, и катихизатор в Оодате, Василий Усуи, ибо девица — Сионя по фамилии, христианка (дом Сионя издавна христианский) Церкви в Оодате. Ручаются все они, что невеста, хотя и столь малолетняя, но вполне возрастная, так что по виду ей никто не даст меньше семнадцати-восемнадцати лет. О. Борис Ямамура отказался венчать без моего разрешения; между тем все приготовлено к свадьбе, и Сергей Кобаяси прибыл для брака из Мориока в Оодате. Подивился я, что катихизатор Кобаяси так мало знаком с правилами Церкви (не венчать ранее шестнадцати); подивился и тому, что он нашел себе невесту Бог весть где, тогда как в Женской школе есть нарочно для служащих Церкви воспитанные невесты; но Господь с ними! Дал телеграмму о. Борису в Оодате, что может перевенчать.

О. Игнатий Мукояма до того большое письмо написал, что прислал его, чтобы дешевле, в виде брошюры; и ничего путного в нем нет; посетил только Хиросима и Касаока, — ни единого крещения.

Павел Сибанай описывает посещение о. Павлом Савабе Оита: тут никакого доброго действия не произвело оно, — не в духе, значит, был о. Савабе.

Петр Ямбе, причетник в Оосака, просит пособия на дорогу его семейству в Сендай и себе самому для сопровождения своей семьи. Рассердилось сие письмо. Нет конца денежным просьбам! Послал одиннадцать ен, и больше, чтобы не просил.

Антоний Обата просит на воспитание двух мальчиков-сирот из Фунао; написал, что по полторы ены в месяц каждому буду посылать на учебные принадлежности, — больше не могу.

22 мая / 3 июня 1897. Четверг.

Вознесение Господне

До обедни о. Симеон Юкава окрестил взрослых и младенцев девять человек. Мы с ризничим Кавамура приготовили к представлению христиан

подарки Его Блаженства, Патриарха Иерусалимского Герасима, митрополита Палладия и прочих.

После Литургии, за которой приобщены были новокрещенные и много детей, я сказал, вслед за отпуском, следующие мысли: «Мы проповедуем, вы приняли; и все мы вместе уверены, что составляем здесь истинную Церковь Христову, что Сам Господь невидимо обитает среди нас... Мы имеет это свидетельство в нашей совести, поверяемой Самим Словом Божиим, имеем свидетельство и вне нас: в успехах, которые Господь дает Своей Церкви преимущественно пред другими Церквами, и в чудесных знамениях милости Божией... Итак, наша Церковь, как знаем, что она уже существует и твердо стоит.— Но мы также знаем, что она, если только она истинная Церковь Христова, не есть отдельное и самостоятельное существо, а есть только ветвь Церкви Вселенской, малый член Вселенского тела Церкви Христовой. Такова ли она? Об этом мало нашего собственного суждения: нам важно иметь внешнее свидетельство о нашей принадлежности в Церкви Вселенской. Признают ли нас уже за Церковь? Молится ли о нас Вселенская Церковь, как мы молимся о ней? Сливаются ли наше христианское сознание и наши православные чувства и желания с таковыми Вселенской Церкви Божией?.. И вот мы получаем все новые и новые показания того, что мы замечены, мы приняты в лоно Церкви Вселенской и составляем несомненно ветвь, хоть и очень малую еще, и очень юную... Более года тому назад возлюбленный наш брат Иоанн Кавамото, на пути сюда посетивший Иерусалим, привез нашей Церкви от иерусалимского Патриарха привет и благословение — икону Воскресения, которую я тогда и представил Церкви. Ныне вновь, с возвратившимся в Миссию о. Сергием, получены в благословение Японской Церкви драгоценные святыни от Иерусалимского Патриарха, Его Блаженства Герасима»...

И представлены Церкви, начиная с письма патриарха,— антиминс, на котором ныне в Соборе совершена Святая Литургия (об нем было только сказано, ибо он покоился на престоле), икона Воскресения с камнем от Гроба Господня, вделанным в деку руками самого Блаженного Герасима (икона и все затем, бывшее около меня на амвоне, на двух столиках, тотчас же за словами и показано), икона Святой Троицы на деке из дуба мамврийского, икона Трех Святителей для Семинарии из собственной божницы Его Святейшества, икона Святителя Николая от высокопреосвященного Палладия, митрополита Санкт-Петербургского, и все прочее, что было получено с о. Сергием. Затем столики со всеми святынями (до Сорокадневной иконы о. Вениамина, на которой так смешно изображен искуситель) поставлены были внизу амвона, и к ним приложился я, целуя все святыни, за мною священнослужащие и все христиане; это было вместо целования отпускного креста. Христиане с трогательным благочестием слушали мою речь, набожно крестились при виде всякой святыни, показываемой мною.

Этим (благочестием христиан), между прочим, до слез растроган был единственный русский, бывший в Церкви, Владимир Андреевич Иршенко, приехавший лечиться от глухоты; он потом обедал у меня вместе с Кавамото.

23 мая / 4 июня 1897. Пятница

О. Андрей Метокси отправился во второй раз своего священства по Церквям; прежде всего в Каназава, где имеет повенчать катихизатора Петра Такеици, которому и десять ен сегодня на свадьбу посланы. Снабдил о. Андрея разными наставлениями; мягок очень он — не был бы очень слаб.

Екатерина Окамура, вдова, с своей мелюзгой, приехала; квартира ей уже найдена и снабжена всем необходимым для ведения хозяйства, — туда она прямо и отправилась; кажется, беременна шестым уже отпрыском Павла Окамура.

О. Фаддей Осозава рассказал, что он уладил семейное дело в Мито: христианин наш не бросит своей жены, чтобы идти на приглашение в приемыши в богатый дом.

24 мая / 5 июня 1897. Суббота

О. Павел Савабе из Янагава пишет: в Куцинохару был он (с о. Кавано), — всего три христианина там осталось, — поговорили и ушли, — остановиться на ночь-де негде было; в Фукуока Церковь юная, не подающая надежды; из католиков двое обратились, и еще есть хотящие к нам; удивляется о. Павел, что из великолепно выстроенной Церкви идут к нам в Церковь, помещающуюся на квартире; в Карацу Церковь больна: катихизатор в разладе с христианами; думает о. Павел, что о. Петру самому следует пожить там с месяц, чтобы поправить; в Янагава — вывод шелковичных червей в самом разгаре; остановился пока у священника и о Церкви еще ничего не может сказать; о Кумамото тоже после обещается сообщить.

Петр Ямада, катихизатор в Мияно, просит: во-первых, оставить его на службу опять там; это хорошо: он там имел успех, и дай Бог ему больше; во-вторых, дать в долг на свадьбу двадцать ен; берет дочь Моисея Теразава, в Наканиеда. Десять ен будет послано ему в подарок, другие десять ен понемножку уплатит из жалованья.

Иоанн Ингуци, бывший когда-то катихизатором, но развратившийся и дошедший по пути преступления до убийства, ныне осужденный на смерть, но подавший на апелляцию, письмом из тюрьмы просит денег на наем адвоката. Послал две ены.

В четыре часа в госпитале скончался бедный наш семинарист Николай Такахаси, восемнадцати лет,— самый умный и симпатичный из наших питомцев; сначала какке, потом чахотка доконали его. Умер молча, но с христианским настроением: искал глазами иконку и крестик на стене, захотел надеть на шею; отец понял его знаки, подал ему крестик и помог надеть, после чего через несколько минут он вздрогнул и испустил дух. Теперь (одиннадцатый час ночи) он лежит в гробу надо мной, в Крестовой Церкви, и товарищи читают над ним Псалтирь,— после панихиды, отслуженной вслед за всенощною. В первый раз я увидел его в Суцу, на Эзо, и он был таким бойким и розовым мальчиком (шесть лет тому назад), и так весело и забавно кричал «Омосирой», потрясая фонарем при провожании меня вечером на отходящий пароход. Отец его был вызван из Иваде-кен во время его болезни и все время находился при нем.

25 мая / 6 июня 1897. Воскресенье

В два часа покойник перенесен был из Крестовой Церкви в Собор и отпет мною с причтом и полным хором. В Церкви много было язычников. Отец тихо плакал, но трогательно его вполне христианское настроение: просветленным взором смотрит на смерть сына,— рад за него, что кончина его была христианская, и что перешел он в тот мир неиспорченным юношей. А он у него был единственный сын. Я хотел утешать его в то время, когда завинчивали гроб, но сам едва не расплакался — и от печали о потере лучшего из учеников, и от умиления при виде, как отец относится к его смерти.— Хоронили вполне по-христиански: с преподношением креста, с священником и прочих в облачениях. У гроба несли два огромные и великолепные поставца цветов — это приношение товарищей по школе (то же, что венки в России). Отец подарил четыре ен на кваси ученикам; но Иван Акимович приходил сейчас (после вечерней молитвы) сказать, что ученики желают присоединить это к той сумме, которую отец определил на памятник сыну, чтобы памятник был еще лучше. Трогательна и любовь учеников к своему товарищу, бывшему, действительно, безукоризненным по своему характеру и поведению. Стоит отметить, как совершенную редкость то, что отец сам платил в госпиталь за все время лежания там сына,— не беспокоил Миссию ни малейшей просьбой о деньгах, а он не из богатых; и это, кажется, единственный до сих пор случай, что не Миссия платила в госпиталь за лежащего там своего ученика.

26 мая / 7 июня 1897. Понедельник

О. Павел Савабе пишет, что вообще Церкви о. Кавано в самом плохом состоянии, только в Кокура и Фукуока некоторое оживление, в

прочих местах — ни слушателей, никакой жизни церковной. Отправился ныне в приход о. Якова Такая.— Пишет, между прочим, о. Павел, что по его наблюдательности, на Киусиу легче распространять христианство, чем в Тоокайдо. Значит, распространители плохие. Но где взять хороших, коли Бог не посылает?

О. Семен Юкава приходил спросить, нельзя ли разрешить брак христианину в Сано на падчерице его старшего родного брата? Это — в третьей степени родство,— стало быть нельзя. О. Семен объявил, что и сам знал это, но — «де брак этот давно условлен,— они будут очень комару» и прочее. И все-таки нельзя, ибо у нас нет власти переменять церковные законы.

27 мая / 8 июня 1897. Вторник

Какой-то юноша из Цуругаока пишет прекрасное письмо: болеет, что увеличивается число преступлений, падает нравственность в Японии; думает, что единственное средство остановить распространение этого зла — ввести христианство в Японию; одушевленный сими мыслями, просит научить его христианству и сделать орудием введения его в страну.

По письму, как раз — один из тех, которых мы постоянно желаем и ищем для наших школ. Но почти все подобные письма и обманчивы. При всем том я сказал Ивану Акимовичу, который приносил мне письмо, отписать, что рады, что может поступить с девятого месяца в Семинарию (ибо ему семнадцать лет только); но предварительно нам нужно узнать его, а ему надо узнать, годен ли он для предполагаемой службы; итак, пусть прибудет сюда, чтобы до девятого месяца поучиться христианству у одного из здешних катихизаторов; если беден, питаем здесь будет, и прочее.

Покойника-семинариста Николая Такахаси прибыла и мать, Текуса, в сопровождении дяди его, еще язычника. Опоздали к кончине и погребению его. Сегодня отслужена была панихида о. Павлом Сато с участием товарищей покойного. И для всей школы устроены были поминки родителями покойника. Гароватость такая — незаурядная. Христианское же настроение родителей положительно удивляет и умиляет. Ни слезы у матери,— так она утешена христианской кончиной сына.

28 мая / 9 июня 1897. Среда

Кончили исправление перевода Евангелий, принялись за исправление Деяний; и трудная же книга! Опять приходится многое переводить — прежнее неудовлетворительно.

Был Петр Ямбе, регент из Церкви в Оосака,— на пути с семьей в Сендай, чтобы оставить семью у родных, ибо трудно содержать ее в

Оосака на десять ен, получаемые от Миссии, местная же Церковь ничего не дает; жена и трое малюток.

Была Екатерина Окамура, вдова, с матерью и тремя своими малыми дочками; отправляет мать в Оосака, но в восьмом месяце она опять придет, ибо Екатерине настанет время родить. Итак, шестеро детей вместе с матерью их оставил Павел Окамура на попечение Церкви! Спасибо! Но меньше бы таких даров!

29 мая / 10 июня 1897. Четверг

О. Павел Сато рассказал следующее: «Семь лет тому назад один наш христианин здесь, в Токио, Иоанн по имени, рассорившись с своей женой, просил меня позволить ему развестись, — подзревает-де ее в прелюбодеянии. Я не позволил, почему он ушел к католикам; там, однако, не долго был, — вернулся в православие, но уже женатый на другой». Оба ныне, муж и его новая жена, хорошие христиане; и Господь с ними! Пусть себе пребывают в Церкви. Но прежняя его жена, по-видимому, действительно была виновна в прелюбодеянии, когда он жаловался на нее; после того, как он оставил ее, она пошла жить с человеком, к которому Иоанн приревновал ее, и даже прижила с ним ребенка. Ныне она давно уже бросила и сего и живет языческим законным браком с одним язычником; веры она, однако, не забыла, а, напротив, ревностно побуждает и своего нового сожителя слушать вероучение, почему сей ныне уже достаточно научен, чтобы принять крещение, которого он и просит. Так, спрашивает о. Павел:

- Можно ли крестить его?
- Если он искренно того желает, отчего же нельзя? Если б его жена и виновата была, он в том не участник.
- Но вместе с тем и она просит таинства покаяния и причастия.
- Теперь ей этого позволить нельзя. Кто нам поручится, что она не убежит к четвертому? Пусть несколько лет честно проживет с нынешним своим мужем, пусть приживет детей с ним; пусть вполне докажет, что сделалась честною христианкою, тогда можно разрешить ей участие в таинствах.

Марк Сайкайси, профессор Семинарии, сын диакона в Мориока, Иоанна, приходил получить благословение на брак с дочерью о. Петра Сасагава, в Сендае; ему почти тридцать лет, ей двадцать два года. Господь да благословит!

30 мая / 11 июня 1897. Пятница

Учеников все больше и больше убывает: один в какке лежит почти без движения, другой с головными болями тоже, третий сейчас приходил и

горько плакал (Василий Окуяма): по болезни головы заниматься не может, но и домой возвращаться не хочет, не выдержав экзамена. Бедные мои! Сердце надрывается, глядя на них!

Илья Танака, бывший сумасшедший, напротив, выздоровел. Очень разумное письмо прислал мне по-русски; доктор же его свидетельствует, что он вполне оправился и может продолжать занятия. Я написал ему, что может вернуться в Семинарию.

Гордий Сиина, из Иркутской Семинарии, пишет, что ныне кончает курс Семинарии и намерен потом отправиться в Петербургскую академию, а по окончании курса в ней прибыть сюда служить по миссионерству. Мало вероятности!

31 мая / 12 июня 1897. Суббота

О. Павел Сато о Петре Ока, что ныне в младшем классе Катихизаторской школы:

— Многие удивлялись, что он попал в Катихизаторскую школу; ведь всем известно, что он сидел в тюрьме.

— Конечно, не желательно таких в Катихизаторской школе, и я долго отказывался принять его, но о. Сергей Судзуки, Оосакский священник, настоял, представив Ока чуть не святым ныне.

— А семейные обстоятельства его? Ведь он в разводе с женой.

— Вот об этом я не имел никаких сведений, и мне в голову не приходило искать их: Ока уже выдал дочь свою за катихизатора Фому Такеока и, вероятно, уже дед, — ужель и у него семейное дело в разладе?

О. Павел рассказал, Ока сам потом дополнил и поправил, и оказывается следующее.

В то время, как он сидел в тюрьме («по одному подозрению», — говорит он), жена его сошлась с язычником, и ныне живет с ним. Двое детей было у Петра с ней: одна дочь ныне за Фомой, другая, двенадцати лет, ныне живет у Фомы же, в Цуяма. Жена с язычником живет в Кобе. Жена эта еще дальняя родственница ему — дочь она Луки Танака, из Кодзима тоже, откуда и Петр Ока; сговорены они были в супружество родными еще в детстве; жили потом все время любовно. По всему этому не прочь Ока, по-видимому, опять сойтись с женой. Поставил он было вопрос о прелюбодеянии ее, но я спросил его, бросил ли бы он камень в нее, сознавая свою собственную безвинность в сем отношении? Он тотчас же отрекся от сей роли. И советовал я ему употребить все старания, чтобы опять сойтись с своей законной женой; в Кобе он может действовать на нее чрез катихизатора Кирилла Сасаба, диакониссу Юлию Токухиро, также чрез о. Сергия, еще чрез своих родных; наконец, чрез детей своих; может и сам отправиться туда, если нужно. Во всяком случае, если он не уладит свое семейное дело, катихизатором быть не может.

Канун праздника Пятидесятницы; вечером был дождь, ибо теперь «ньюбай», и в Церкви из города почти никого не было. Пение, особенно Девятую песнь до того растягивали, что теряется всякая гармония, и вместо содействия молитве нагоняется скука. Призывал поэтому после службы в алтарь Алексея Обара, заправлявшего правым хором, и уяснял, но едва ли выйдет прок: такта нет у них, нынешних регентов, начиная с Дмитрия Константиновича Львовского, который любит всегда так безобразно и скучно тянуть.

1 / 13 июня 1897. Воскресенье.

Праздник Пятидесятницы

До Литургии трое крещены из прихода Канда. Литургию служили со мной три священника. О. Павел Сато говорил проповедь. На вечерне молитвы коленопреклонения я читал; но, слушая их, вероятно, мало понимают. Нужно переделать перевод, или даже упростить,— слишком уж многословно.

После Литургии зашел бывший в Церкви больной водянкой в груди русский инженер, с месяц тому назад прибывший из Владивостока и лечащийся ныне в госпитале у доктора Бельца. Воду у него выпустили, тем не менее на ладан дышит; на мой взгляд, теперь он ближе к смерти, чем когда приехал, но он говорит, что чрез десять дней кончит лечение как выздоровевший. И при всем том:

- Я к вам по делу,— говорит.
- К вашим услугам.
- Кто писал статью в японскую газету (не называя ее), знающий русский язык?
- Не знаю, о какой статье и о ком речь.
- Мне, видите ли, нужно переводчика, чтобы войти в сношения с здешними деловыми людьми. Три у меня дела: 1. соль поставить в такие места, где ее и за деньги нельзя добыть; хоть какое бы суденышко для того добыть; 2. место у меня есть для добывания золота; компанию надо образовать...

Третьего дела я не дослушал, посоветовал обратиться к переводчику в Посольстве, Судзуки,— тот-де знает людей. И печально, и досадно смотреть на такого. Сказать бы: «Вас через месяц-другой в этом мире не будет, вам ли затевать эти дела?». Не поверит,— обидится, или осердится; к благочестию, повидимому, не воспитан: удивился, что сегодня цветы в Церкви,— должно быть, не знает, что в Духов день в обычае это.

Был еще после Литургии Николай Яманобе, метеоролог из Саппоро; очень хвалил состояние тамошней Церкви. Но делал и практический намек:

— Правительство отводит земли там всем желающим, но с условием, чтобы они тотчас же были разработаны. Хорошо бы и Церкви получить такую землю.

— Об этом должны подумать сами христиане Церкви в Саппоро.

— Средств нет у них на занятие и обработку земли. Впрочем, скоро о. Николай Сакураи прибудет сюда на Собор, я тоже еще буду здесь в то время (он приехал на собрание метеорологов); тогда будет разговор об этом предмете.

Но и тогда Церковь (Миссия) денег на это не даст, как потому, что у нее (Миссии) нет для того денег, так и потому, что не след Миссии мешаться в подобные дела,— людей у нее нет для сего.

2 / 14 июня 1897. Понедельник.

День Святой Троицы

Литургию служили три священника с о. Павлом Сато во главе.

Во время трезвона уже, когда я выходил из комнаты, является седой, почтенный господин, после оказавшийся артиллерийским полковником с какою-то польскою фамилиею (прибавлял же поминутно «Ваше Преосвященство»,— поляки это любят делать; должно быть, поляк):

— Спешил доставить Вашему Преосвященству орден к празднику,— и подает пакет и ящик; на первом значится «в Российскую Императорскую Миссию» и с орденом «Священного Сокровища 1-й степени со звездой»; на втором, что тут орден и звезда. Полковник извиняется, что запоздал на день, хотел доставить вчера и так далее.

— Но это «В Императорскую Миссию»,— говорю я.

— «Священного Сокровища 1-й степени со звездой», кому же больше, как не вам,— я получил для доставления из консульства в Нагасаки.

— Такого ордена у нас нет. Это, должно быть, магометанский, из Персии, нашему поверенному в делах Алексею Николаевичу Шпейеру, который состоял секретарем Посольства в Тегеране.

Долгий разговор до и после Обедни был с прибавлением «Ваше Преосвященство», пока полковник отбыл.

Потом мы с Василием Романовичем Лебедевым пообедали и мило провели время до трех часов; потом был архитектор Кондер; тянется постройка Семинарии, требуя все больше рабочих, а рабочих в самом деле теперь мало в Токио,— вся масса их всех родов на правительственных постройках. Потом была христианка из Ооцуци; прибыла отслужить панихиду по умершем здесь в госпитале в прошлом году муже Павле Нагано. Думал, что бедная, а она выложила две ены на Церковь. «Не много ли? Осталось ли на дорогу домой?» — спрашиваю.— «Есть»,— говорит. Послал ее с Давидом Фудзисава к о. Павлу Сато просить отслужить панихиду и условиться о времени ее.

3 / 15 июня 1897. Вторник

Из Суцу, в Хоккайдо, церковный староста Елисей Эндо жалуется на своего катихизатора Луку Хироока по следующим пунктам: 1. Хотели починить крышу церковного дома в прошлом году, и стоила бы починка пятнадцать ен, но Лука оттянул до нынешнего года под предлогом, что дорого все было; ныне же вдвое все вздорожало — остаточных средств для ремонта нет, и крыша совсем обветшала и сильно течет, гноя дом; 2. Жена катихизатора Луки, живя в церковном доме, имеет там же школу шитья, — отчего циновки все протоптаны, а ремонтировать не на что; 3. Стех пор, как Лука стал катихизатором в Суцу, ни одного христианина не прибавилось там. — Жалоба оставлена до прибытия сюда о. Николая Сакураи на Собор.

О. Игнатий Мукояма целую тетрадь прислал с описанием своего путешествия по Церквам — Давид потерял голос, пока прочитал, — и хоть бы что интересное! С кем обедал, когда встал, куда пошел, и подобное — до бесконечности.

О. Петр Кавано — то же: подробнее описывает свое путешествие с о. Павлом Савабе, причем то, что уже известно из умно сжатых и содержательных писем о. Савабе, разбавляет целыми ведрами воды, — и ничего нового! Разве следующее: в Усуки отец семинариста Акилы Нагано был очень тронут, что сын был прислан к нему принять его последний вздох, и завещал благодарить за это семинарское начальство. Заболев, старик Нагано крестился, приняв имя Павла, и умер с чисто христианским настроением. — В Куруме, по письму о. Кавано, только три христианина.

В девятом часу вечера Надежда Такахаси, учительница, плачущая, пришла сказать, что мать ее померла; завтра из Иокохамы утром привезут ее сюда, и в один час будет отпевание.

4 / 16 июня 1897. Среда

В один час отпели рабу Божию Софию Такахаси; служили три священника; пел полный хор; «сейсика» не могло быть, ибо всю ночь и утро шел дождь, — дорога грязна была, и путь далекий до Сомеи. До слез трогательно было видеть плачущих вокруг гроба: сына и четырех дочерей, из коих две с детьми за плечами и по полу. Верую, что Господь примет в небесные обители усопшую за то (Господь знает ее другие добродетели!), что она породила и воспитала лучшее украшение ныне нашей Женской школы — Надежду Такахаси, сущую монахиню по духу и поведению (сколько сватались за нее! Но она тверда в своем решении посвятить себя Богу!), лучшую по уму и развитию учительницу в школе

(и писательницу в женскую текущую прессу), кроткую и любовную руководительницу учениц.

О. Яков Такая, в своем письме мило и приветливо радуется, что о. Павел Савабе посетит его Церкви.

5 / 17 июня 1897. Четверг

Николай Накасима из Оота, в Мито, был; говорит, что много там теперь желающих слушать, и нужно другого катихизатора, кроме Мисима, который необходим для города Мито; сам говорит, точно проповедник, и учение отлично знает; отрывки своего ораторствования представлял, рассказывая, как помогает проповеднику.

Христианин из Сакари был: просит какой-нибудь службы в Миссии: приехал-де изучить живопись (свою, японского стиля), а средств на прожитие нет. Какую ж ему службу! Все места заняты. Хотел было предложить приготовиться к поступлению в Катихизаторскую школу, но больно уж мямля: не дождешься, пока слово вымолвит.

6 / 18 июня 1897. Пятница

Разослано по дальним Церквам содержание служащим, — всего 2.584 ены.

О. Иоанн Катакура из Ооцуци пишет: хвалит катихизатора Моисея Минато; его-де опять и в Ооцуци, и в Камаиси желают. — А его просят и в Немуро, на Эзо. И это — бывшего служителя в редакции Сейкёо-Симпо, устарелого и мало ученого! Я так мало надеялся на него, когда он почти против моей воли поступил в Катихизаторскую школу! Поди, угадай людей!

Василий Усуи пишет, что страдает от холода в Оодате; хорошо бы-де там поставить Сергия Кобаяси, а его перевести в более теплое место. Это значит: родители невесты Сергия Кобаяси уже хлопочут о помещении его близ себя. Посмотрим во время совещаний на Соборе. Если можно, отчего и не сделать?

7 / 19 июня 1897. Суббота

Был один из церковных старост (сицудзи) в Одавара, Михаил Кометани, жаловался на о. Петра Кано, просил помочь делу. Пункты жалобы: 1. Ссорится с катихизатором Ильей Сато. «Какая причина?» — спрашиваю. — «Жены их между собой не ладят и расстраивают мужей», — говорит. Ну, в этом помочь можно разве тем, что Сато перевести в другое место, а в Одавара дать неженатого катихизатора. Только Сато любят там, уверяет Кометани. 2. О. Петр не посещает христиан; бывает только у тех, с кем дружен, у прочих никогда, отчего и христиане совсем охладели

к Церкви и никогда не бывают при богослужениях; 3. О. Петр ленив,— не заботится о приобретении новых христиан; 4. Пьянствует,— «давал было зарок не пить».— С этою жалобой на о. Петра Михаил хотел было сначала отнестись к благочинному, о. Павлу Савабе, но так как его нет в Токио, то пришел прямо ко мне. Я обещался послать туда, в Одавара, о. Павла Савабе, лишь только он вернется из своей церковной поездки и несколько отдохнет. Он разберет дело, уяснит отношение о. Петра к христианам и повлияет в добром смысле на о. Петра. Между тем скоро Собор; о. Петр прибудет сюда; тогда и я постараюсь подействовать на него, чтобы исправился. Но пусть и сами христиане будут ревностнее; пусть делают церковные собрания (а они не делают их, тогда как положено делать ежемесячно), и на них уясняют нужды Церкви и представляют священнику, который — естественный председатель на сих собраниях. Только пусть хранят «мир» и делают все для Бога и Церкви, без всяких личностей, тогда и священник не обидится принять от них полезные указания. Во всяком случае, пусть не просят о перемене священника; виновата больше всего «неустойчивость», столь свойственная новым христианам, особенно живым по характеру японцам: о. Петр устал и ослабел, хотя был когда-то очень бодрым и ревностным; с другим священником будет то же. «В терпении вашем стяжите души свои», «претерпевый до конца, той спасется», — еще не успело войти в плоть и кровь даже лучших здешних христиан. Итак, нужны снисхождения, любовь, взаимопрощение и так далее.

Мирно и безбоязненно скончалась сегодня восьмидесятиоднолетняя мать о. Павла Сато. Утром еще была здрава, потом почувствовала слабость и легла; священник исповедывал и приобщил ее, и она, творя крестное знамение, спокойно оставила сей мир. Дай Бог и всякому такую кончину!

Вышедши после всенощной, нашел на столе письмо Константина Петровича Победоносцева в ответ на мое с просьбой миссионера сюда,— ответ не утешительный.—

*8 / 20 июня 1897. Воскресенье
недели первой, всех Святых*

О. Павел Савабе из Кагосима пишет: северная половина острова Киусиу похожа нравами на Циукоку, южная — своеобразна: народ честный, прямой, говорит: «дзе-то-дзе», «хи-то-хи» и так поступает. Успех проповеди мог бы быть очень большой, но проповедники наши плохи, все — «нонки» (проглотившие дух) — безжизненные и бездеятельные; «если бы», пишет, «на проповедь употреблялось хоть столько ревности, сколько оной употребляется в Токио, то успех был бы блестящий».

Стефан Мацуока, из Фукуока, пишет, между прочим, что за о. Павлом Савабе, пока он там обозревал Церкви, все время был неусыпный тайный надзор полиции. Уж не подозревают ли в нем тайного агента России! Это в Савабе-то, который когда-то озлился на меня за слово: «Иди на проповедь в Сендай»? — «Как! Русский дает приказание японцу!» И так далее; стара история, но она воскресает в памяти всегда, когда мелькает безобразное чудовище глупой и невоспитанной фантазии о политическом якобы значении православной проповеди.

9 / 21 июня 1897. Понедельник

С девяти часов было отпеванье рабы Божией Ксении, матери о. Павла Сато. Пели оба хора. Со мной служили пять иереев и три диакона; поученьице сказано мною. На кладбище провожали в облачениях девять священников и три диакона с певчими и многими христианами, — всех до трехсот было; кстати, и погода была хорошая.

О. Иов Мидзуяма пишет о двух смежных катихизаторах: Спиридоне Оосима в Минато и Иоанне Иваи в Исиномаки; Спиридону хочется в Исиномаки, и он всячески старается образовать партию там за себя, — его и желают, но меньше половины христиан; в Минато же желают Иваи все; молод он, но безыскусствен, прост, потому и любезен. — На Соборе увидим, можно ли их поменять местами.

Из Хизен, близ Сага, один язычник просится в Катихизаторскую школу. Написано ему, чтобы до девятого месяца научился христианству у ближайшего катихизатора Ильи Яманоуци, в Карацу; и если получит потом доброе свидетельство катихизатора и местного священника, может явиться в школу, к первому числу девятого месяца.

Петр Ямбе, учитель церковного пения и причетник в Оосака, отвевши жену и троих детей в Сендай, возвращается в Оосака, но очень неохотно; сказал я ему, если до Собора будущего, 1898, года христиане Оосака не дадут ему никакой помощи в содержании от себя, то он свободен будет оставить Оосака, как бы ни желали христиане Оосака иметь его на службе там. — Впрочем, если верить Ямбе (а не верить ему я не имею причин), христиане и желали ему помочь, но он отверг.

— Почему? — спросил я.

— Как же я приму, когда катихизатор Яков Каяно не менее меня нуждается, а ему не дают.

По словам Ямбе, в Оосакской Церкви много не желающих иметь там священником о. Сергия Судзуки.

— Почему?

— Не сходятся в мнениях: христиане в прошлом году хотели просить о поставлении диакона в Оосакскую Церковь; о. Сергей сказал, что диакон совсем не нужен. (В чем он и прав.) Христиане хотели просить о

построении храма, ибо церковный дом совсем обветшал, — о. Сергей не согласился. (Он и просил меня, и несколько раз, но, по моему же наставлению, не хотел делать шуму из мысли, что будет строиться храм.)

Илья Танака, семинарист из кончающих ныне курс, помешавшийся и отправленный на излечение домой, вернулся совсем выздоровевшим.

Павел Окамото, соборный чтец, приходил сказать, что женится, о чем я давно уже знал от начальницы Женской школы Анны, так как он высватал одну из кончающих ныне курс. Обещал ему четыре ены на квартиру, от себя частно, кроме десяти ен содержания от Церкви.

10 / 22 июня 1897. Вторник

О. Николай Сакураи пишет, что убедил мужа жены, с которой соблудил Симон Тоокайрин, не разводиться с нею, но они переселяются в Хакодате из-за стыда перед всеми в Неморо. Такие-то тяжкие последствия оставляет за собой грех прелюбодеяния! Пишет еще о. Николай, что на нынешнем Соборе непременно должен быть найден человек для поставления священником в Неморо. Дай Бог!

О. Яков Такая прислал в пилюлях лекарство, составление которого составляет старинный секрет его дома. Лекарство от желудочных болей, от холерины, поноса и тому подобное; принимать — наскоблвши из пилюли, довольно большой, в рассоленую воду. Посмотрим; может, и путное что — больных не занимать стать.

11 / 23 июня 1897. Среда

С понедельника прекратились классы — ученики готовятся к экзаменам. Сегодня начались экзамены писанием сочинений.

Сегодня приходили мастера с инструментами испытать исправность громоотвода на Соборе, большом каменном доме и в Семинарии; все найдено в исправности. Каждый год в это время или несколько ранее делается это, и это необходимо, так как при порче громоотвода дом, на котором он устроен, скорее своих соседей будет поражен в грозу.

Петр Ока, что в Катихизаторской школе, приносил письмо Юлии Токухиро из Кобе: Юлия убедила жену Петра оставить теперешнего ее сожителя и вернуться к своему законному мужу; дело, кажется, окончательно состоится. Вот и служение диакониссы Юлии; насколько она там помогает по проповеди, это не всем видно, а что семейная жизнь Петра Ока попадает в обычную колею, и чрез то он сделается годным к катихизаторскому служению, это будет видная заслуга Юлии. Конечно, сам Ока будет не из видных катихизаторов, по всем своим обстоятельствам, и ни на какую, в собственном смысле, церковную должность годен не будет, но — авось — хоть несколько принесет пользы.

12 / 24 июня 1897. Четверг

О. Алексей Савабе приходил просить восемь с половиной ен в месяц на квартиру катихизатору Саваде, до сих пор жившему в церковном доме.

— Цена-де высокая, но дом большой; удобно будет старшинам (сицудзи) собираться для совещаний.

— Так отчего же они сами с христианами не платят за квартиру?

— Не могут.

— Пусть хоть половину, или даже одну ену дают.

— Нисколько не могут.

Я рассердился на эту тупость священнослужителей. Сколько ни толкуешь им при каждом случае вызывать христиан на пожертвования, — к стене горох! И дождутся когда-нибудь, что разом рухнет все их благосостояние. Русскою Церковью теперь живут, но не вечно же это будет. Отнимет когда-нибудь она руку, и что тогда?

13 / 25 июня 1897. Пятница

Фома Танака, из Вакаяма, пишет, что христиане там до него нисколько не соблюдали воскресного дня; ныне, наконец, убеждения его подействовали: почти все в воскресенье приходят к богослужению.

О. Метокси пишет из Таката, что Григория Котака, тамошнего катихизатора, застал имеющим школу аглицкого языка из восемнадцати учеников; надеется, что кое-кто чрез это привлечется и к христианству; избитая дорога всех протестантских миссионеров, противная проповедничеству православному; впрочем, хоть катихизатор занят, — не возвратился от безделья, — и то польза.

Был я на экзамене по Священному писанию в Катихизаторской школе. Отвечали хорошо; лучше всех Илья Сато, старый катихизатор, — целую проповедь сказал на притчу о виноградаре.

14 / 26 июня 1897. Суббота

На экзамене был в первом классе Семинарии; малыши все отлично отвечали по Священной истории, но учитель Марк Сайкайси, как видно, мало и плохо им дополняет к тому, что есть в учебнике Дмитрия Соколова.

О. Сергей Глебов лежит больной инфлуенцией, но Шпейер боится, не рак ли желудка это? Не дай-то Бог!

15 / 27 июня 1897. Воскресенье

Согласно письменному приглашению, в три часа был в «Central Tabernacle, Hongo, 23 Naruhi Machi» на «Thanksgiving Service in Commemoration

of the 60th Years Reign of Queen Victoria». Пели три гимна, говорили две молитвы, была проповедь by Reverend Scott «The Divine Hand in the Reign of Our Queen». Богослужение англичан-диссентеров: простота до обнаженности и отсутствие всякого благоговения. В проповеди старик грозно потрясал кулаками и сейчас же вынимал часы из кармана взглянуть; тема о «divine hand» плохо согласовалась с выпренными похвалами правоте и всем возможным качествам Пальмерстона и Биконсфильда. Самое лучшее было, в заключение, обращение к японцам, — «бойтесь-де, что христианство повредит патриотизму японцев, но кто же патриотичнее британцев, а они по преимуществу христиане? Разве не патриотичны американцы, русские и так далее?» В табернакле могут поместиться на простых стульях человек пятьсот, но она была на три четверти пустая; англичан что-то уж мало собралось; были и американские миссионеры и миссионерки; всего больше — японской учащейся молодежи (из-за аглицкого языка).

16 / 28 июня 1897. Понедельник

Был на экзамене в младшем классе Катихизаторской школы; всего четыре ученика; сколько же кончит курс в будущем году? Отвечали по Основному Богословию хорошо; Петр Исигаме преподает разумно.

О. Павел Савабе пишет: хвалит Церковь в Миязаки; находит ее лучше. Из Церквей о. Якова по внутреннему благоустройению, особенно хвалит благочестие чиновника Курода. Но Церковь в Нобеока — совсем плоха: ни людей, ни духа христианского. (Не диво: катихизатора там долго не было; и ныне там — только для счета).

Матфей Юкава из Накацу пишет: там проповедники четырех Церквей: православной — он, католической — молодой патер, иностранец, пресвитерианской и методистской; и затеяли они вчетвером собираться поочередно друг у друга для религиозных словопрений, что и делают; причем всегда (будто бы) выходит, что католический патер соглашается с ним, Матфеем; протестанты тоже с ним, Матфеем, заодно; и в то же время они всегда против патера... Не объясняет он, как это у них выходит такой фокус; догадываться можно, что патер расставляет сети, но, при всем простодушии Матфея, чуть ли не запутывается сам в них; Матфей упоминает, что готовится к состязанию по Сравнительному Богословию (Хикакусингаку) Елифановича и по толкованиям на Евангелие.

17 / 29 июня 1897. Вторник

О. Фаддей Осозава посетил Церковь в Циба и очень хвалит ее одушевление; пяти наученным преподавал крещение, дальнейшие слушатели есть.

О. Борис Ямамура описывает свой объезд по Церквам: в Ханава просят переменить катихизатора, — Александр Хосокава ни к чему не годен. Кстати, его теперь и нет там: на родине, в Хацинохе, женился; быть может, сделается после этого годнее.

Из Оою сам катихиатор, Павел Ода, просится в другое место, хотя он и имел там большой успех в продолжение года. — У Иоанна Котера опять плохо, хотя прежде казалось хорошо, — слушателей ни одного; что за причина? Узнаем подробнее, когда о. Борис придет на Собор. — Илья Яци, катихизатор в Саннохе, ушел домой без всякого спроса, — и ничего ровно нет в Саннохе. Не лучше ли совсем из службы вон этого самопроизвольника и лентяя? — В Акита, у катихизатора Павла Кубота, также нет ни крещений, ни слушателей, и о. Борис прямо заявляет, что его оттуда нужно вывести. —

Пишет еще о. Борис, что Сергия Кобаяси просят перевести в Оода-те, где он принят в дом, и приемный отец его восьмидесятилетний старец, и так далее; Василий же Усуи, теперешний катихизатор, не может-де выносить, при своих ревматизмах, суровости тамошнего климата и просится в более теплое место. Это, вероятно, можно устроить на Соборе.

18 / 30 июня 1897. Среда

Павел Косуги, катихизатор в Миязаки, в длинном и цветистом письме описывает пребывание там о. Павла Савабе: приготовлена была ко встрече его арка из зелени с приветственной надписью; выехали встретить его христиане за три мили; нанято было помещение ему в хорошей гостинице; встретив его и получив от него благословение, христиане проводили его туда, и, чтобы быть ему отдохнуть, никто не беспокоил его визитами на первое время, и так далее. Все это очень приятно, и я велел письмо напечатать в поучение другим.

Илья Накагава, катихизатор в Каннари и пр., сетует, между прочим, на все более и более возрастающую дороговизну, вследствие вводимой Правительством золотой валюты. «Если, — говорит, и нам, как бы ни экономить, нельзя прожить, чтобы ежемесячно не был дефицит, то бедному народу как же быть?»... Получает Илья — человек семейный и давний катихизатор — всего двенадцать ен в месяц. Конечно, как тут без дефицита, если местные христиане не помогают, о чем не имею сведений, и что едва ли есть. При всем том Илья сетует не о себе, а о бедном народе. Если это чистосердечно, без задней мысли, то нет цены Илье за бескорыстие и терпение; если это намек, то Илья — чистый японец по деликатности и вежливости, японец — старого закала.

19 июня / 1 июля 1897. Четверг

- Кто выше: Бог, или Его Величество Император?
- Бог выше Императора.
- Кто ниже поэтому: Бог или Император?
- По сравнению с Богом, царствующим над всем, Император ниже.

Этих ответов достаточно было, чтобы изгнать одного из лучших учеников из школы. Все ученики и учащие воздвиглись и изгнали. Случай был в Ямагуци Normal School. Всего один христианин и был там, протестант Оритакэ Дзюро, и с ним так поступили, как описано в «Japan Daily News», July 1, 1897. Это напомнило мне следующий, еще лучший в сем отношении, случай. Пять лет тому назад, когда школа Ниицума, по снятии с него сана, поступила сюда и соединилась в Катихизаторскую, в один вечер приходит ко мне один из учеников сей школы и говорит:

- Я выхожу из школы.
- Что так?
- Здесь учат, что Бог выше Императора.
- Но ведь это о едином боге, Творце и Промыслителе Вселенной.

Ужели ваш Император выше Его?

- Для японца его Император выше Бога, и нет никого выше его.

И это говорил человек, уже несколько месяцев слушавший христианские уроки!

Я пристально посмотрел, не рехнулся ли он? Но он ясно и спокойно смотрел на меня. Я развел руками и распрощался с ним.

Был на экзамене в младшем классе Семинарии по Катехизису. Отвечали плоховато; учитель Петр Исигаме слаб с ними и плохо поясняет, что все и поставлено на вид.

20 июня / 2 июля 1897. Пятница

Утром был на экзамене в Катихизаторской школе по Нравственному Богословию. Профессор Иоанн Кавамото составляет и выдает свои записки, оттиски которых производит посредством очень дешевого инструмента в своей же комнате. Записки, конечно, – сколок с русских академических лекций, преимущественно Олесницкого, но, по крайней мере, изложены настоящим японским языком, весьма понятным, не то что наши переводы, или лучше – перетаскивание с русского, никому в должной мере не понятные. Он еще в воскресенье представил мне экземпляр своих лекций, и я тогда же порадовался и поблагодарил его; сегодня пред всеми выразил тоже. Когда он изложит и преподаст так всю систему, ее можно будет напечатать, и это уже будет по языку настоящая японская книга.

Другой профессор, Емильян Хигуци, делает то же по толкованию Священного писания. Его изъяснения посланий к Коринфянам и Галатам, по которым на днях отвечали в Катихизаторской школе, также изложены хорошим японским языком, и я дал ему обещание напечатать их, когда он пересмотрит их и вполне приготовит к печати.

Таким образом хоть два профессора, воспитанные в России, являют признаки некоторой самостоятельности и, стало быть, вложения души в свое дело. Как не порадоваться!

После экзамена мы с Павлом Накаи закончили исправление Деяний, чем и кончен труд по первое сентября, если Бог даст продолжить. Обещал Накаю двадцать ен, как в прошлом году, на путешествие и прожитие во время каникул, где хочет, для отдыха; когда будет отправляться, скажет.

О. Павел Савабе возвратился из путешествия по Церквам на Киусиу. Три часа рассказывал и не кончил. Вернулся здоровее, чем когда уехал. Это подает надежду, что он и вперед будет путешествовать. А это, несомненно, полезно для Церквей. Идеальность у него неиссякаемая. О. Петр Кавано, по его же наблюдениям и рассказам, лентяй во все сани, лентяй, по-моему, не исправимый; о. Павел же уверен, что он, после сделанных ему внушений, непременно исправится, поднимет к проповеди «хеймин» в Янагава, проживет месяц в Карацу и оживит там Церковь, и прочее подобное. Что ж, дай ему, Господи! Я просил о. Павла неустанно наблюдать, чтобы о. Петр не отступился от своих обещаний ему.—

Церкви о. Якова Такая нашел он в гораздо лучшем состоянии, чем Церкви о. Кавано: в Кагосима, Хитоёси, Миязаки наши Церкви положительно первенствуют сравнительно с инославными, тогда как в приходе о. Кавано нет у нас ни одной превосходящей их, хотя, где слышится православие, там оно тотчас привлекает; например, в Фукуока, кроме двоих, недавно присоединившихся из католичества, еще переходит отсюда к нам один девяностолетний старец; прислушался он как-то к проповеди катихизатора и по окончании ее воскликнул: «Теперь-то я узнал истину,— восемьдесят лет доселе (с открытия сознания) блуждал во мраке: сначала в языческом, потом католическом»...

На обратном пути о. Павел посетил Оосака: хвалит усердие к делу о. Сергия Судзуки и говорит, что христианам Оосака он нравится ныне более, чем в прошлом году; «только проповедей его выносить не могут; говорит за каждой всенощной и Обедней, и прескучно: за каждым словом тянет свое бесконечное „а... а...“».

— Так отчего ж вы ему не заметили это? Вероятно, он не сознает этого своего недостатка. Это с ним новое. Здесь, будучи диаконом, он всегда говорил превосходные проповеди.

— Действительно, следовало заметить, но я постеснился.

Про о. Матфея также рассказал очень неприятное. Строг он,— об этом все знают. Но я вовсе не знал, что пред ним дрожат.

Многие приготовленные к крещению не просят экзамена потому только, что смертельно боятся о. Кагета. Чуть не ладно,— он напавал разбранил экзаменуемого, катихизатора и представивших испытуемого поручителей — будущих восприемников. Павел Цуда (клевет о. Матфея, вместе с ним когда-то сидевший в тюрьме за христианство) просится вон из его ведомства, другие катихизаторы тоже бежат,— никто не выносит суровости о. Матфея.

«Вам следовало, как другу о. Матфея, в уединенной интимной беседе все это поставить на вид о. Матфею и с любовью убеждать его исправить этот недостаток. Вероятно, семейное несчастье (многолетнее умопомешательство его старшей дочери) ожесточило его от природы серьезный характер, и он не сознает всех дурных последствий его суровости».

Тоже стеснился о. Павел послужить и в этом отношении, что обещал исправить при следующем, имеющим быть скоро, свидании с о. Матфеем Кагета.

Конечно, и я буду говорить о. Матфею о сем, равно как о. Сергию, о. Петру Кавано и прочим; но о. Павел Савабе может быть полезнее меня, как соотчич, как друг и сверстник, и подобное.

21 июня / 3 июля 1897. Суббота

Был на экзамене в пятом и четвертом курсах Семинарии; в пятом отвечали девять человек (двое больных в отсутствии) по Священному Писанию весьма удовлетворительно, так что похвалил их и преподавателя Пантелеймона Сато; в четвертом, у него же, по Церковной Истории отвечало четверо, пятый, по болезни груди, отправлен домой; вот и весь курс четвертый; сколько же дойдет до окончания всего семинарского курса? Вероятно, не более двоих.— А катихизаторы так нужны! Господи, что-то будет? Учеников так мало идет в духовные наши заведения!

22 июня / 4 июля 1897. Воскресенье

До Обедни было крещение человек десяти — взрослых и младенцев. За Обедней были две нерчинские купчихи, зашедшие пожертвовать на Миссию, что и исполнили, подписав двадцать ен.— О. Павел Савабе зашел после Обедни сказать, что неудобно ныне, до Собора, идти ему в Одавара исследовать об отношениях о. Петра Кано к тамошним христианам по недавней просьбе Матфея Кометани. Это правда. Лучше побыть ему там после Собора,— для о. Петра так будет лучше.

23 июня / 5 июля 1897. Понедельник

На экзамене был в Женской школе; отвечали, как и всегда, прекрасно,— все на полный балл. Во время экзамена приехали вчерашние две нерчинские купчихи,— посмотрели и послушали и они.

О. Андрей Метоки, вернувшись с обзора своих Церквей, давал отчет; разные соображения подлежат решению на Соборе; между прочим, его мысль поселиться ныне в Нагаока; побыть там года два, поднять Церковь, переселиться в другое место и так далее. Видно, что человек одушевлен,— это и нужно.

О. Симеон Мии приехал уже на Собор. В Кёото весь состав катехизаторов желает переменить. Об Исида рассказывает ужас,— это положительно негоднейший для служения Церкви: во всем и везде перечит о. Семену и злословит его пред христианами; помешан на самомнении и зависти: даже христианка, одетая лучше его жены, возбуждает его ненависть и злословие; все в Кёото отвратились от него. Нужно поместить его под руководство о. Павла Савабе, если и у этого не исправится, то вон его со службы; кстати же, он изрыгает хулы на катехизаторское служение,— «мало содержание; я пойду в чиновники, вдвое получу», и подобное; речи пустые, но молодого катехизатора Афанасия Такаи отравили,— тоже смотрит вон, хоть и ненавидит Фому Исида.

Хвалит о. Семен Церковь в Нагоя; привез оттуда план церковного дома, предложенного к постройке на вновь купленной для того земле; привез благодарственное письмо за икону от Ильи Миясита; говорит, что вся Церковь чествовала получение Ильей этого подарка от меня,— был благодарственный молебен, угощение потом; словом, хотят получить в долг тысячу ен от Миссии на постройку церковного дома. Если можно будет,— это окажется по получении из России миссийской суммы (ныне же сама Миссия занимает),— и дам; усердие-то благочестивое,— как раз то, что требуется от христиан.— Многое и другое рассказывал о. Семен, но — до Собора.

Переводчик религиозных книг Алексей Китагава прислал прошение об отставке. Что ж, Бог с ним! Силою удержать не можем, хоть и жаль человека. Должно быть, переманивают на большое содержание,— русский язык начинают изучать (чтобы пользоваться выгодами от строящейся Сибирской железной дороги), хотя и здесь он получил двадцать ен и три от меня частно в месяц; больше мы дать не можем. Вероятно, покается потом, что оставлен верный кусок.

24 июня / 6 июля 1897. Вторник

На экзамене был сначала в третьем классе Семинарии по русскому языку; три года здесь, и почти совсем понимают русскую книгу, не имея то специальною целию,— это достаточно; и Емильян Хигуци преподает исправно. Потом в Женской школе по Закону Божию в третьем и первом классах,— отвечали почти все на десять с плюсом; недаром же бедные дети так бледны: готовятся с большим усердием и отвечать лучше нельзя. Младшие по Катехизису отвечали несравненно лучше, чем младшие

в Семинарии, что и поставлено на вид в похвалу девочек и в возбуждение соревнования мальчиков.

Вечером, часов в шесть, была посланница Александра Эрастовна Шпейер сказать, что послезавтра утром они едут в горы и чтобы Катю (Маленду) утром выслать на станцию, чтобы им взять ее. Показал Анне Эрастовне Женскую школу, которую она еще до сих пор не видала. Хвалила экзаменские работы, порядок и чистоту и прочее. Бедный Александр Николаевич, ее муж, очень страдает нервами,— очень она плачет.

25 июня / 7 июля 1897. Среда

Утром на экзамене, сначала в Семинарии у выпускных, троих (четвертый, Михора, болен грудью; кажется, опасно), потом в Женской школе. Везде отвечали хорошо; видно, что юношество, серьезно смотрящее на дело учения и трудящееся от всего сердца; тринадцати-четырнадцати-летние девочки на экзамене по Географии сегодня, например, на память нарисовали карту Европы со всеми главными городами во всех отчетливо очерченных государствах с главными реками, горами и подобное, и это в полчаса, и почти все без ошибок (кроме, разве того, что Исландию иная начертила слишком большою, или Румынию несколько вдвинутою в пределы России),— чего же лучше? И где бы лучше ответили они?

После полдня сводили мы с Нумабе разные статистические данные о Церквах по «Кейкёохёо» к Собору. Результаты проповеди почти не хуже, чем в прошлом году. Прискорбно то, что нигде христиане не прибавляют на содержание служащим Церкви, хотя и не отнимают того, что давали доселе, но это — что же? Капля в море церковных нужд! И ужели вечно будет надежда на Русскую Церковь? —

26 июня / 8 июля 1897. Четверг

Вплоть до обеда были экзамены у выпускных в Семинарии и Катихизаторской школе по Катихизации (Ринкоо): говорят много, бойко, обильно, точно весенние ручьи с гор; могут быть порядочными катихизаторами; дай Бог, чтобы были! Потом по пению: поют почти все и плохо, отчасти по неприлежанию, больше по неспособности.

После обеда перечитал с Нумабе прошения к Собору, потом выслушал священников: Павла Кавано и Павла Морита. Последнему не хочется служить на Сикоку, но в сем он не хочет признаться, а старается доказать, что священник не нужен на Сикоку,— можно-де ездить на Оосака и Окуяма. Я предложил ему поговорить с товарищами, не поменяется ли кто местом с ним; если не найдется желающего, то изберем и

поставим священника на Сикоку нового, но священник должен быть там; ему же, Морита, дадим место более нравящееся ему. Очень не нравится, однако, о. Морита, что я прямо ставлю вопрос, а не разыгрываю роль непонимающего его. Но дело в том, что вопрос-то старый: несколько Соборов рассуждали, нужен ли отдельный священник для Сикоку, и решили, что нужно. Мы теперь этого отменить не можем.

27 июня / 9 июля 1897. Пятница

В девять часов утра начался выпускной акт в Женской школе. Всех ныне учениц восемьдесят семь; выпускных было семь. Елисавета Котам прочитала список; выпускным даны дипломы и по целой охапке книг, то есть все главные религиозные сочинения Миссии. Первая из них прочитала благодарственное письмо; потом две партии остающихся пели выпускным свои приветствия, на которые сии отвечали благодарственным пением; все было в высшей степени мило и даже трогательно; но портил регент Кису, неистово размахивавший руками и свирепо тыкавший пальцем в воздух; может быть потому певшие почти не сразнили; но уж лучше бы сразнили, чем это обезображенье их милых и скромных групп. В заключение я сказал им простое и душевное напутствие, дал Анне пять ен на ихний симбоквай и ушел, — было уже десять часов.

С десяти часов здесь акт: в нижней классной зале собрались мужские школы. Начальник их (Коочёо) Иоанн Кавамото прочитал списки, причем объявлены кончившими курс и выходящими на службу Церкви: четыре из Семинарии, восемь из Катихизаторской школы, один из певческой; прочие все переведены в высшие отделения.

Сущность моей речи: «Вас мало, — не смущайтесь, — скоро будет много. Народ — живой организм и дышит, как и отдельный человек, и чем моложе, тем чаще: я здесь менее сорока лет, но уже четыре раза явственно видел вдохание и выдыхание: сначала открытие Японии, потом стремление узнать иностранцев, затем рабское подражание всему иностранному, ныне: „Христианство не нужно, — у нас своя религия, и мы особый народ: христианство-де вредно для Японии“... Но правда ли? В этих стенах, в двадцать пять лет, слышалось ли хоть слово непочтительное к Императору, не полезное для Японии? Нет! Напротив, не будет ли вредно учение, что Император — бог; учение это трудно обосновать, шатко оно. Иное дело, если сказать: „Бог велит: Царя чтите, за Царя молитесь, — несть власть, аще не от Бога“; этого никто не может поколебать, ибо это слово Всемогущего... Или: учащие, что японцы — не братья другим народам, а что-то особенное (Иное Мецугоро), — не опасное ли для японцев говорят?.. Все подобное ложь, а потому скоро рухнет, — и хлынет после отлива прилив; и вновь строящаяся наша Семинария, ныне столь обширная для вашего малого числа, когда войдете в нее после

каникул, — не много лет пройдет, — окажется тесною для всех желающих поступить в нее».

Дал Кавамото и для учеников пять ен на симбокквай. А для наставников был чай в редакции Синкай. Начались акты пением «Царю небесный», кончились «Достойно есть». Я был в рясе и панагии.

В Женской школе симбокквай был вслед за актом; в Семинарии и Катихизаторской школе с первого часа пополудни, и проораторствовали почти до шести часов. Во время собрания пришли священники: Борис Ямамура, Николай Сакурай и Игнатий Мукояма, — которые тут же и засажены за стол с угощениями. Из речей особенно хороши были Фомы Михора, первого кончающего семинариста, к несчастью, больного грудью до того, что я боялся, что у него кровь хлынет горлом во время его с пафосом произносимой речи; с чувством благодарил он Семинарию за воспитание, за драгоценные сокровища, которые дала она. Хорошо говорил также выпускной катихизатор Иоанн Ямагуци, — о необходимости твердой и живой веры. Очень оригинальную речь произнес сорокалетний Петр Ока, прежде всего он описал, что во всю жизнь никогда не был так счастлив, как целый год был счастлив в Катихизаторской школе, и прочее. В заключение собрания семинаристы попросили пожаловавших священников сказать слово на пользу; они и не отказались; прежде о. Борис, потом о. Мукояма произнесли блестящие импровизации, в которых с опыта говорили очень ясно и подробно, — первый, что катихизатор должен проповедывать Христа распятого, и только это всегда иметь целию, а не науку, не «го», не «сёоги», нужные якобы для начала сношений, второй, что катихизатор должен иметь неослабную надежду и постоянство в труде, иначе будет разбит и повержен в прах (как полковник Кимура, Такасацкий, очень храбрившийся и оказавшийся потом, во время войны с Китаем, презренным трусом)...

28 июня / 10 июля 1897. Суббота

После Обедни, с восьми часов, вплоть до всенощной выслушивал отчеты священников. Мало нового, но немало неприятного, есть кое-что и приятное. Например, при разговоре с о. Николаем Сакураи спрашиваю:

- Пришла ли жена к Моисею Симотомасе, катихизатору в Саппоро?
- Отец не отпускает ее, хотя она просится к мужу.
- Почему до сих пор не отпускает? Недоволен был поведением Моисея; но он теперь не ленится и не пьет, а отлично служит вот уже более года.
- Говорит, что приемный сын нужен ему для дел домашних; Моисей же — на службе Церкви.

— Но он хотел в приемыши именно служащего Церкви; почему же теперь иначе? Впрочем, мы не станем держать на службе сына против воли его отца, тем более, что чрез это может нарушиться прямой закон Господа о браке. Пусть старый Симотомае возьмет Моисея домой, но не разлучает его с женой, от которой у него уже двое детей и с которой они живут в любви и согласии.

— Старый Симотомае говорит, что ни за что не примет Моисея, хотя бы даже и судом присудили ему это. И Моисей Хориу уже помирился с этим.

— Какой Хориу? Я не знаю Хориу на службе в Саппоро, а знаю Симотомае Моисея. Хориу — было прежним именем его, пока он вышел приемышем в дом Симотомае, — и так далее.

Оказывается, что отцы и дети распоряжаются по-старому, по-язычески, несмотря на то, что приняли — Бог весть когда — христианский закон! — Сказал я о. Сакураи, что после Собора должен он отправиться вместе с о. Борисом, священником старика (тоже Моисея) Симотомае, в Фукуока и убеждать всячески или отпустить дочь к мужу, или мужа призвать к дочери (хотя бы для того нам нужно было лишиться добре служащего катихизатора), но ни в каком случае не расторгать брак. Если старик не согласится, то объявить ему, что он вне Церкви, как нарушитель прямой заповеди Господа (к богослужению может приходить, но таинств будет лишен); Моисей же, катихизатор в Саппоро, может тогда принять прежнее имя фамильное Хориу и вновь жениться, если захочет.

Или: в Тооно, у Катакура, где катихизатор Павел Кацумата, двое еще не крещенных, хотя давно готовых к тому, Суганума и Хатаяма, не дают водвориться там ни католикам, ни протестантам. Как только явится с проповедью патер или пастор, они первые являются к слушанию и искренно слушают, долго, — несколько раз слушают, а затем, улучив время, когда особенно много свидетелей, с малых вопросов и возражений завязывают спор и в пух разбивают инославие; когда в пылу спора они начинают произносить по-православному «Христос, Петр, Павел» (не Христо, Петера, Пол), тогда инославные догадываются, с кем имеют дело, и спешат прекратить состязание, а вместе и свою проповедь в Тооно. О. Катакура же прост, только ревностен, и этого достаточно, чтобы (с знаньем, конечно, главных догматов) отражать и поражать лжу инославия.

Всенощную со мной служили пять иереев — Петров и Павлов; после была исповедь.

Во время отчета кого-то из священников приходили семь выпускных воспитанниц благодарить за внимание. Благословил их крестиками иерусалимского Патриарха Герасима и иконами Богоматери; так как чаем угостить некогда было, то дал им банку варенья, присланного мне из Токусима их же старшей товаркой, женой о. Павла Морита чрез его самого.

29 июня / 11 июля 1897. Воскресенье.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

С девяти часов Литургия, которую на иерусалимском антиминсе служили со мной шесть иереев-именинников с о. Павлом Савабе во главе их.

По Литургии Молебен Святым Апостолам с многолетием. Пели все очень стройно. После богослужения снятие фотографической группы всех мужских учащихся и прибывших на Собор отцов. Потом обычная сегодня сутолока: прощание учеников, расходящихся на каникулы, причем снабжение их дорожными, кому прямо, кому (посостоятельней) с возвратом (которого, однако, почти никогда не бывает), приготовление Крестовой Церкви под соборные заседания, чтение и регистрация «кейкёохёо» и церковных прошений.

30 июня / 12 июля 1897. Понедельник

С восьми часов утра открылся Собор священнослужителей. Прочитаны «статистические листы» Церквей, причем уяснено, что ныне всех христиан в Японии 23.514 человек. Сосчитаны служащие Церкви, которых оказалось 204, вместе с ныне кончившими курс. Потом прочитали прошения о священниках и на выбор человека для Хоккайдо оставались целое послеобедая; едва к шестому часу пришли к соглашению избрать Игнатия Като, тридцати одного года, ныне катихизатор в Хитоёси. Если до завтра не передумают, то он будет утвержден.

После Собора пришли проститься из Женской школы двадцать восемь учениц и четыре учительницы, отправляющиеся завтра утром на каникулы в Тоносава; почти все бледные от усиленных предэкзаменационных занятий; посмотрим, каковы вернутся после каникул.

1 / 13 июля 1897. Вторник

Не отправились сегодня ученицы: целую ночь и весь день шел дождь.

Второй день собора. Утвердили Игнатия Като священником для Немуро; о. Павла Морита перевели в Маебаси, Такасаки и прочие Дзёосиукёоквай; на место его священником Сикоку избрали Павла Косуги, катихизатора в Миязаки; приход о. Бориса Ямамура разделили, и для Церквей Акита избрали Павла Кагета; таким образом сегодня утвердили трех для рукоположения во священники. Дай, Господи, чтобы благословение Божие осенило сие! Наметили также и четвертого во священники: Григория Камия, для Церквей Симооса, чтобы освободить о. Фаддея более для Токио, но отложили до испытания в продолжении его, болезнь его «дзенсоку» не помешает ли сему служению.

2 / 14 июля 1897. Среда

Третий день соборных заседаний. До полдня чтение прошений о катихизаторах и по сему делу рассуждения. С двух часов распределение катихизаторов,— работа в верхней классной зале,— еще не кончено.

3 / 15 июля 1897. Четверг

Четвертый и последний день Собора. До полдня было совещание о распределении катихизаторов в верхней классной комнате, кончено к полдню. В два часа собрались также и подтвердили распределение, никто не нашел что-либо переменить. Потом возвели двадцать четыре помощника в катихизаторы, двенадцать сейто в помощники. Перешли в Церковь, где по прочтении распределения утвердили его чрез «кирицу» и молитвенно испросили на него благословение Божие. Прочитано было потом несколько письменных предложений Собору; наиболее значительное из них Павла Цуда,— чтобы на досках пред молеельнями или местами катихизаций писать везде «Христос сей [?] кёоквай»,— не «сёо», или еще как иначе,— чтобы утверждена была эта формула для всех наших Церквей, которые теперь разнообразятся в надписях. Собор нашел это резонным и утвердил. В пять часов занятия Собора окончились молитвой и краткою речью.

4 / 16 июля 1897. Пятница

Раздосадовали священники: отцы Павел Савабе, Симеон Ми и Симеон Юкава пришли выборными от всех просить прибавки содержания по случаю теперешней дороговизны. Двадцать лет долблю им, что больше из России денег не дадут им, что японские христиане должны помогать катихизаторам, и что внушать это им, христианам, должны священники; на минувшем Соборе неоднократно, при случаях, упоминал о том,— и все точно трупам толкуешь! Вчера собственно только, чтобы надбавить содержание бедным проповедникам, переименовал двадцать четыре и двенадцать в высшие степени, говоря при этом, что уж больше, при всей смелости и дерзновении (ибо не знаю, буду ли в состоянии найти средства,— до сих пор и положенной суммы из России не имею), ровно ничего не могу сделать для улучшения состояния катихизаторов, что дальнейшая помощь им вполне зависит от священников, от их убеждений и настояний, чтобы христиане исполняли Божий Закон в отношении своих руководителей к Царству Небесному; кто не может деньгами, пусть помогает чем может: рисом, углем, овощем и подобным. И сегодня эта депутация! Рассердился, выбранил и прогнал!

5 / 17 июля 1897. Суббота

Некоторые священники уже простились и отправились по домам. О. Петру Кано сделал, наедине, напутственное наставление, чтобы он одинаково любовно относился ко всем своим христианам, чтобы не ленился распространять свою Церковь, чтобы воздерживался от пьянства, на что он пытался возразить, что он по воскресеньям только пьет. О. Матфею Кагета сказал, чтобы он мягче делал свои наставления и вразумления, — не утрашал бы.

Целый день канцелярской работы по рассылке писем, дорожных и тому подобное.

Всенощную пели причетники и регенты с Дмитрием Константиновичем Львовским во главе. Пение напоминает митрополичью Крестовую Церковь в Петербурге, только голоса хуже, кроме превосходного тенора Львовского.

6 / 18 июля 1897. Воскресенье

Дождь, непрерывно ливший всю прошлую ночь и утро, размыл откос в Женской школе, выходящий на дорогу: шесть сажен дощатой ограды и большой пласт земли обрушились на дорогу, так что с утра пришлось нанять рабочих убрать ограду и землю и открыть путь.

Литургию совершали со мной шесть провинциальных священников, трое из коих вчера у меня исповедались. Во время облачения читали Часы. Трехголосное пение было очень стройно; народу в Церкви довольно много. — В четыре часа было бракосочетание кандидата Марка Майкайси с дочерью о. Петра Сасагава.

7 / 19 июля 1897. Понедельник

Прощание с отходящими священниками и катехизаторами; кончивших курс Семинарии, отправляющихся ныне на проповедь (всего-то трое), благословил поучениями о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского), Лавсаинова и некоторыми другими благочестивыми книгами. — Из священников рассердил о. Петр Ямагаке, Хакодатский священник. Спрашиваю:

— Яков Касавара (служивший переводчиком у консула Устинова, который ныне переведен в Нагасаки) вышел из церковного дома (где Устинов просил дать ему на время помещение)?

— Нет.

— Занимает еще второй этаж?

— Теперь живет внизу, потому что с женой вверху тесно.

— Вот как! Повенчался?

— Нет,— так живет.
— С язычницей?
— С христианкой.
— С христианкой и не повенчанной,— значит в незаконном сожитии! И вы это позволяете,— и в церковном доме, у самого храма, на виду всех христиан? Да я больше тридцати лет тому назад в качестве священника Консульской Церкви — той же самой, что ныне, и в том же доме, где Касавара ныне, не позволил консулу (Бюцову) держать его наложницу,— а вы даете нахалу Касавара жить там с наложницей, когда это может соблазнять сотни христиан-японцев, сущих в Хакодате, где тридцать лет назад еще ни одного не было!

И сказал я о. Петру, что не дам ему ни гроша его содержания, пока он не прогонит Касавара с его наложницей из миссийского стана. Пусть по приезде в Хакодате тотчас же это сделает; на другой день его приезда чтобы Касавара не было в Миссии; и пусть о сем даст сюда телеграмму, тогда и вышлетя его содержание, ныне удерживаемое в виде наказания.

8 / 20 июля 1897. Вторник

Утром десять учеников Семинарии отправились в Босиу, на каникулы. Будет стоить по пять ен двадцать сен содержание каждого в месяц. Нечего делать! Жаль и ребят, которым не к кому, или слишком далеко отправиться отдохнуть во время каникул.

О. Катакура принес письмо катихизатора Якова Яmanoуци: отказывается Яков от двух ен в месяц экстренного пособия ему на семейство, положенного после прошлогоднего наводнения. Но вместе с тем спрашивает, устами о. Катакура: можно ли катихизатору заниматься торговым делом не лично, а чрез семейных? Давно уже слышно, что Яков занимается им, и думал я, что он откажется ради торговли от катихизаторства; видно, и прибыльна торговля, иначе не отказался бы он от вышеозначенных двух ен. Подумал-подумал я и сказал о. Иоанну:

— Ведь торгует больше жена? И Якову ничто не мешает идти по делу церковному в Мияко, или для проповеди в другое место?

— Ничто.

— Итак, пусть торгует. Конечно, священнику нельзя заниматься куплями, но ведь катихизатор не посвященное лицо, особенно катихизатор, смотрящий в лес, как Яmanoуци; а заменить его некем, коли уйдет; катихизатор же он, кстати, опытный и любимый в тех местах...

9 / 21 июля 1897. Среда

«Учеников, отправившихся вчера на пароходе в Босиу, на пути застала страшная буря,— пишет Иоанн Акимович Сенума, проважавший их,— и

загнала в залив Урага; почти все сильно пострадали от качки, но живы, здоровы и сегодня утром переправятся из Угара в Босиу». — Иметь этот случай в виду, чтобы вперед, коли случится, отправлять в Босиу только при тихой погоде.

Окончание постройки Семинарии идет до того медленно, что, я боюсь, и после каникул ученики не войдут в нее. И потому сегодня, по совету с архитектором Кондером, штукатурам, кирпичекладчикам и каменщикам обещал премии, если они кончат к числам, назначенным ими самими, — назначенным прежде, чем они узнали, что им готовится премия, если только на сей раз они не соврут, как вралы до сих пор десятки раз, назначая срок и не оканчивая. (Впрочем, нельзя строго и их винить: свободных рабочих ныне совсем мало: правительственные постройки, Формоза, за граница отняли десятки тысяч рук).

Снял с третьего этажа брошюры, чтобы разобрать и пустить в дело, что полезно.

10 / 22 июля 1897. Четверг

Разбирал весь день библиотеку брошюр и непереpletенных книг.

Во время этого занятия пришла телеграмма от Касавара, из Хакодате, что-де он «кается и повенчается», так чтобы оставить его в Миссии. Я ответил: «Оставьте церковный дом и идите в город». Ночью пришла телеграмма от о. Петра, что Касавара выселился.

11 / 23 июля 1897. Пятница

Павел Кагета прибыл, чтобы принять рукоположение во священника для Церквей Акита; цветет улыбками, — видно, что рад, но мало надежды, чтобы был хорошим священником, — слишком уж вял и истощен.

Кончена сегодня рассылка писем по Церквам, содержащих распоряжения Собора о переменах катехизаторов и прочее.

Из Токусима бранчливое письмо, зачем я отнимаю у них любимого священника. Должно быть, интриган этот о. Морита на меня свалил причину перевода его в Маебаси, умалчивая, что сам он два уже года употребляет все старания, чтобы выбраться из Сикоку.

Целый день тоже разбирал книги и брошюры. И наслали же эти негодные пашковцы с о. Владимиром много лет тому назад своих листков и брошюр — целые десятки тысяч! Не знаю, куда девать их. Святое имя Спасителя, мелькающее на них, заставляет уважать их; уродливость, тенденциозность учения побуждает презирать их; перечитаю: годное — в дело, негодное — в печь.

О. Петру Ямагаке, в Хакодате, послал содержание за восьмой месяц, вследствие его ночной телеграммы, согласно прежде сказанному ему.

Профессор Рафаил Густавович Кёбер был: вернул Догматику Макария и сочинения Жуковского, вновь взял Достоевского и прочее. В Женской школе прослушал игру Надежды Такахаси и задал дальнейший урок на фортепьяно. Слушая превосходную игру Надежды, одобренную и самим Кёбером, я не мог не выразить ему искренней благодарности: «Никогда и не воображал, что услышу японку, хорошо играющую на фортепьяно, — и между тем, вот теперь на самом деле вижу это; исключительно этим Миссия обязана его, Рафаила Густавовича, доброте, истинной, бескорыстной, в полном смысле прекрасной доброте» и так далее.

Достойна похвалы и удивления и эта скромная труженица для Церкви Надежда Такахаси. Могла бы, как и другие учительницы, отправиться на каникулы в Тonosava, отдохнуть и погулять. Но она предпочла во время каникул восполнять свои, и без того богатые, знания по математике; и каждый день все утро проводит у учителя математики за уроком; вернувшись, повторяет пройденное и готовится к следующему классу; затем все время — за фортепьяно, в видах служения церковному пению.

12 / 24 июля 1897. Суббота

Из Вакимац и Муя тоже выражают огорчение: «Известил-де их о. Морита, что отнят; почему это? Зачем отнимают у них любимого священника?» — Ладно! Напишем им настоящую причину, что «о. Морита не только сам рвался от них, но, чтобы непременно вырваться, всеми силами старался доказывать, что и не нужен вовсе священник для Сикоку; что было бы вредно для Церквей силою удерживать его там; но что навету его не последовали, — священник на Сикоку будет». — Дрянь совсем этот о. Морита, хоть и окончивший Семинарию и довольно умный; по характеру — коварный и лживый; следить нужно за ним, чтобы не изливал яда. Когда он запутался на соборе, я выручил его, но не из таких он, чтобы ценить это, хотя даже Савабе, отец и сын, назвали его дураком, когда он продолжал путаться и после того.

Эх, Господи! Людей хороших для службы Церкви совсем нет!

Ужели Антихрист проглотит эту страну? И Христос не найдет достаточно добрых людей, чтобы из-за них не дозволить этого?

Безверие потоком заливает страну, и все лучшие люди Японии считают это эссенцией цивилизации и гордятся этим.

Иностранцы же, кроме бедных миссионеров, которых иностранцы во глубине души, а иногда и явно, считают париями, способствуют сему антихристовому просвещению Японии.

Темным и тяжелым свинцовым облаком висит над Япониею со дня открытия ее приговор иностранцев: «не верь Христу, не верь Богу, — все это старь, брошенная нами, Европой и Америкой; ликуй, веселись безверьем, ибо человек — обезьяна, белиберда, вздор, нуль», — все это буквально все принято всею знатью, министрами, профессорами, губернаторами и так далее.

Впрочем, случаются иностранцы, способные удивить своим феноменальным идиотством, при цивилизованной внешности, даже обезьян. Таков полковник Олькот, обратившийся в буддизм и даже сочинивший буддийский катехизис. Таковы девятнадцать американцев и пятнадцать германцев, обратившихся в синтуизм, как извещает телеграмма из Нагасаки, пропечатанная в сегодняшнем номере «Japan Daily Mail», иокохамской аглицкой газете.

13 / 25 июля 1897. Воскресенье

За Литургией катихизатор Павел Кагета рукоположен во диакона.

Катихизатор в Канда, Симеон Томии, попросил благословения на бракосочетание в среду на будущей неделе с Еленой Овата, только что кончившею курс в нашей Женской школе. Дал ему пособие десять ен, а еще прежде того на платье его невесте пятнадцать ен.

14 / 26 июля 1897. Понедельник

Николай Накасима, христианин из Оота, в Мито, пишет скандальную жалобу на своего катихизатора Петра Мисима, будто тот забирается в женские бани и ведет себя так, что женщины перестают ходить в эти бани, будто хотел обесчестить шестидесятилетнюю старуху и прочее.

Просит исследовать все это, и будет-де доказано. Без всякого исследования знаю, что лжет. Мисима — человек женатый и в любви и согласии живущий с женой, уже почти старик, никогда не показывавший ни малейшего поползновения грешить в данном направлении, — и вдруг так бы повел себя! Один недостаток у него очень резкий — гордость, и слабость — считать себя ученым. Накасима же — адвокат по профессии, с языком, болтающимся, точно било у колокола; и нашла коса на камень: гордость и тщеславие — на гордость и лживость, свойственную адвокату; оттого и лес загорелся. Но, так или иначе, Петру Мисима не полезно долее оставаться в Оота, по следам его везде будет ползти змея злословия и убивать успех. Не пройдет даром это и Николаю Накасима; одна дочь его gratis воспитана в Женской школе и благоденствует ныне за катихизатором, другая ныне учится в школе, но он просил и остальных трех дочерей его воспитать за счет Церкви; не будет этого! Такие исключительные благодеяния могли бы быть за исключительные заслуги, но не за исключительные пакости.

15 / 27 июля 1897. Вторник

Завтракал у профессора Кёбера и видался там с молодым философом Анено-коодзи, который в прошлый раз, после свидания и разговора со

мною, сделал довольно лестный реферат в «Тайё», разошедшийся отсюда по разным периодическим изданиям. На вопрос мой, чем занят:

— Изучаю историю буддизма, каждый день этим занят в университетской библиотеке,— отвечал.

— Не жаль ли (стал я говорить по-русски профессору), что один из лучших ваших учеников, такой даровитый и развитой молодой человек, приковывает себя к трупу. Точно нет дела более насущного, дела животрепещущего!

Анено-коодзи выразил сожаление, что не понимает наш разговор.

Тогда я по-японски прямо к нему заговорил о том же; и сильно и долго убеждал его оставить другим, более подходящим к тому людям, хоронить этот труп — буддизм, самому же отдать себя несравненно более важному и живому делу — основательному изучению христианства и введению его в страну; путем серьезного и искреннего изучения христианства,— если только он не заградит сердце свое гордостью или иною страстию,— он дойдет до принятия истинного христианства, ибо не может быть, чтобы небесный Отец не открыл Себя и своего истинного учения искренно ищущему Его сыну, и послужит введению в своем отечестве неповрежденной Божественной религии, ибо грозит бедами Японии и то, что теперь свободно входят сюда десятки христианств.

По течению речи я дошел до совета образовать общество для изучения,— не в духе нынешних журнальных реклам, а серьезного изучения,— всех христианских исповеданий для определения, какое из них содержит истинное Христово учение, и какое, стало быть, должно быть введено в Японию.

В виде исторического примера стал рассказывать о том, как наш святой Владимир изучал вероучения и как отвергнул магометанство и иудейство... Тут (на самом интересном месте разговора, по крайней мере, на самом одушевленном пункте моей речи) доложили, что «завтрак готов». Я приостановился на секунду, хотел докончить речь, извиняясь за задержание; но мой философ показался мне до того равнодушно (хотя, по-японски, с любезною улыбкою на лице) слушающим, что я промолвил:

— Если вас это интересует, то мы и после можем докончить разговор,— встал, чтобы идти за стол, где речи трудно было принять серьезное направление.

После завтрака я нарочно настоял выйти в садик, где, сидя в тени, и думал продолжить беседу, но Анено-коодзи не выказал ни малейшего желанья к тому. Знать, он из тех, кому именно прилично дело могильщика!

16 / 28 июля 1897. Среда

Целый день,— как предыдущие, и немало будет последующих,— приведение в систему и введение в каталог брошюр.

О. Яков Такая покорно принял отнятие у него собором двух лучших катихизаторов, в замену которых со стороны дан ему только один; только просит, нельзя ли вместе с Кириллом Сасаба дать ему, для Миязаки, и диакониссу Юлию Токухиро, помогавшую Кириллу в Кобе. Тотчас же продиктованы мною письма к о. Сергию Судзуки, священнику Церкви в Кобе, и Кириллу Сасаба, чтобы, если нет каких-либо непреодолимых препятствий, Юлия отправилась опять помогать Кириллу в Миязаки. Это будет тем более кстати, что в Кобе вместо женившегося Сасаба назначен холостой катихизатор Варнава Симидзу, при котором, хотя и пожилом, женщине состоять не совсем благовидно.

Раздосадовал Иосиф Ициномия. Третий год с него никакой пользы: служение его — в разных местах — не дало ни одного крещения; назначен ныне в Хиросима, в помощь полупараличному, но усердному катихизатору Луке Кадзима; и пишет, что по семейным затруднениям не может отправиться на место службы, если ему не будет ныне выслано содержание за девятый и десятый месяцы; отвечено, что пусть уходит с церковной службы, если семейные дела ему мешают.—

Был протестантский Кумий кёоквай (congregational) катихизатор Такеноуци Дзинкици, с которым я встретился несколько лет назад в Миядзу; благодарил за наставления, данные тогда, послужили-де в пользу души его (однако же протестантских очков не снял); просил какую-нибудь книгу на память ему, и с надписью; то и другое сделано. Ныне он состоит катихизатором в Кёото; говорил, что там у них четыре Церкви, в разных концах города; две из них уже имеют здания, стоящие две-три тысячи ен — пожертвования исключительно японских местных христиан. Если так, то усердны у них христиане, и ничтожны, в сравнении с ними, наши, обладающие истинным учением, но мертвые сердцем.

17 / 29 июля 1897. Четверг

Феодор Минато, вопреки заявлению о. Катакура, совсем не желает опять поступать на службу Церкви: прислал обратно посланное ему содержание с письмом, что, мол, и хотел бы, но отец очень стар и так далее. Итак, большое затруднение: если Моисей Минато останется в Ооцуци и Камаиси, то кого в Немуро? Если в Немуро, то кого в Ооцуци?

О. Петр Кавано пишет, что Гавриил Тода, катихизатор в Куруме, ушел с места службы и совсем со службы: уже дорогой, на пути куда-то: написал о. Петру извещение, что уволил самого себя; тут же приложил и ко мне уведомление, что на десять лет оставляет службу.— Старший брат, Матфей, сошел с ума; уж не рехнулся ли и младший? А оба прошли семь лет Семинарии, на содержании Церкви,— сколько даровой траты церковных денег!

18 / 30 июля 1897. Пятница

Приехал в гости начальник Пекинской Миссии о. архимандрит Иннокентий с студентом китайского языка Петром Андреевичем, воспитанником читинской гимназии.

О. Иннокентий болен: я старался побольше говорить, чтобы дать покой его душе и телу; велел и ванну приготовить, после которой он чувствовал себя лучше.

19 / 31 июля 1897. Суббота

Показал о. Иннокентию храм, ризницу, Семинарию и Женскую школу. На завтраке был и профессор Рафаил Густавович Кебер, который потом на фортепьяно в Женской школе много и чудно играл. Действительно, достойный ученик Рубинштейна!

О. архимандрит от болезни ли, от характера, или от нажитой важности кажется таким вялым, что не желалось бы такого помощника и преемника сюда. Болезнь почти уже не заметна; характер, правда, спокойный, но не избаловало ли положение ректора и настоятеля, то есть не разыграли о. Иннокентий роль теста, принимающего форму пирога или блина и тому подобное, смотря по форме, которая в руках повара? Если это, то самостоятельность и инициатива в отсутствии, и Китай еще ждет православного миссионера.

20 июля / 1 августа 1897. Воскресенье

На Литургии Павел Кагета рукоположен во иерея.

После завтрака, в один час, о. архимандрит Иннокентий уехал на воды в Мияносита в сопровождении Емильяна Хигуци, которому я дал пять ен на дорогу, чтобы он доставил о. Иннокентия до о. Сергия, который ныне в Акиною.

21 июля / 2 августа 1897. Понедельник

О. архимандрит Иннокентий разъехался с о. Сергием, который сегодня вернулся в Токио, не выдавшись с ним и даже не зная, что он приехал к нам. Думал я, что о. Сергей обрадуется гостю,— вместе в Петербургской Академии учились; напротив, бранит о. Сергей его на чем свет стоит: «В Академии никто не любил его; по выходе на службу с двумя митрополитами не ужился; в Китай приехал ставленником Саблера; сюда к нам, вероятно, шпионом». И так далее. Господь с ним! Что у нас шпионить?

В четыре часа было в соборе бракосочетание чтеца Павла Окамото с нынешней выпускной из Женской школы Екатериной Ницума.

Простился с о. Николаем Сакурай, который, взявши семейство свое из Фусе, в Симооса, ныне с ним отправляется в Саппоро. По дороге он остановился в Фукуока; туда же прибудет и о. Борис Ямамура; вместе они постараются убедить Моисея Симотомае отпустить жену приемыша его, (младшего) Моисея Симотомае, катихизатора в Саппоро, к нему в Саппоро. Если не захочет отпустить, то поможет потребовать приемыша к себе в дом; мы согласны лишиться и катихизатора, лишь бы не нарушен закон Господень о неразрывности брака. Если же ни под какими условиями не даст дочери своей жить с мужем, от которого у нее уже двое детей, и к которому она сама питает должное чувство, то старший Моисей Симотомае, как противник прямой заповеди Господа («Еже Бог сочета, человек да не разлучает»), будет извержен из Церкви; младшему же Моисею, который уже будет не Симотомае, а по родному отцу — Хориу, будет разрешено жениться на другой.

Старик Симотомае, несмотря на то, что учился когда-то и в Катихизаторской школе, остался и до сих пор языческим самодуром, как кажется.

22 июля / 3 августа 1897. Вторник

С утра до вечера занят был введением в каталог брошюр.

Илья Мясита, из Нагоя, был — благодарить за икону, но с немой просьбой — помочь построить храм. Обещался, если деньги из России придут (то есть по расчету на золото).

Вечером Надежда Такахаси принесла письмо от учительницы Текусы Сакай, уехавшей на каникулы к матери и детям своим в Хакодате. В разговоре с Надеждой советовал ей между воспитанницами находить последовательниц себе, то есть желающих посвятить себя Богу; так, Бог даст, образуются у нас диакониссы, которых никак не можем мы найти между вдовами христианками. Надежда заметила, что, когда проходится в Церковной истории о монашестве — Великого Антония и прочих, — тогда все ученицы мечтают сделаться монашенками; но на следующих главах это настроение скоро исчезает.

Рассказала еще о девице Сига, воспитаннице нашей школы, ныне живущей в Ионезава. Приставали к ней катихизатор протестанский и его жена, беспрестанно посещали ее и влекли в протестантство, — «православной Церкви, мол, нет здесь, — что ж ты одна? Присоединяйся к нам»; но претило это воспитанной в православии Сига, и она спрашивала у Надежды, как ей поступить, чтобы протестантский катихизатор не приставал к ней? Надежда посоветовала сказать прямо и решительно ему: «Не приставайте ко мне, никогда я к вам не перейду, равно как не

буду влечь и вас к себе». Девица Сига так поступила, и с тех пор имеет покой: протестант не бывает у ней.

23 июля / 4 августа 1897. Среда

Бедного Окамото в то самое время, когда он третьего дня венчался в Соборе, обокрали начисто в его только что нанятой квартире в Хонго, — утром привезли туда три короба с платьем и прочим имуществом невесты его из Женской школы; перевез и он туда свое платье; все это украдено; кроме того, в чем венчался, почти ничего у них не осталось. Дал им десять ен поскорей сделать будничное платье.

Сегодня был еще брак: катихизатор в Канда, здесь, в Токио, повенчался с выпускной нынешнего же года из Женской школы: Симеон Томии с Еленой Овата. Дай Бог им счастья! Оба — люди хорошие.

24 июля / 5 августа 1897. Четверг

Цельный день черного труда — очистки от пыли и уборки брошюр и книг, чтобы очистить полукруглую комнату для ремонта малярам.

В то время, когда, в девять часов пятнадцать минут утра, сидели у меня с визитом вчерашние новобрачные (Томии), произошло сильное землетрясение; вдвое бы сильнее и было бы много бед.

Часу в одиннадцатом утра Емильян Хигуци был и сказал, что о. архимандрит Иннокентий выбрал себе для лечения морские купанья в Коодзу, где ныне и пользуется ими; Хигуци (по Петербургской Академии почти товарищ о. Иннокентия) приехал оттуда в Токио ныне, чтобы закупить консервов в пищу им обоим; поместились же там в японском доме, близ моря.

25 июля / 6 августа 1897. Пятница

О. Фаддей Осозава вернулся из путешествия: сдал о. Титу свои Церкви в Мито, Акуцу, Оота и Оцу. В Оота разобрали они ссору катихизатора Мисима с этим негодным вралем и болтуном, адвокатом Николаем Накасима и его сподручниками. На месте очевидней было, что про нечистую жизнь Мисима он лгал. Помирили отцы их; заставили помолиться вместе, просить друг у друга прощения, забыть все доселешнее и жить мирно! Не знаю, долго ли продлится этот мир и не придется ли Мисима перевести в другое место, как я и хотел было.

О. Алексей Савабе был: хлопочет об устройстве квартиры для Фомы Исида в квартале Аояма и уже совсем иначе смотрит на Фому, чем прежде, под влиянием речей о. Семена Мии; и я тоже. Явился сюда Исида не гордым и тщеславным, каким, не жалея красок, рисовал его

Мии, а печальным и огорченным, что его, не сказав ему причины, перемещают; даже и жену свою не привез,— оставил у отца, в Сидзуока,— не зная, что с ним дальше будет. О. Алексей слушал его рассказы про кёотскую службу и тамошнюю Церковь и ровно ничего криминального не услышал и не узнал; разве не то ли, мол, рассердило о. Семена,— «раз, в его присутствие, Фома говорил проповедь, которую жена о. Семена приняла на свой счет; Фома говорит, что совсем не имел в виду ее».— Трудно узнать истину, тем более, что она так мелочна на сей раз; но и о. Мии к требованию — как можно поскорее удалить Фому из Кёото (какими требованиями во время Собора надоел и мне и секретарю) примешивал женский вопрос; «даже если другая женщина одета лучше жены его (Фомы Исида), это тотчас же возбуждает зависть и злословие Фомы Исида»,— были слова о. Мии... Видно одно, к искреннему прискорбию, что о. Мии не способен исправлять и направлять своих подведомых; видно еще, что — раб своей жены. Хорошо еще, что я с самого начала не придавал полного значения его наговорам на Исида, с которым он явился на Собор, требуя с первого разговора, чтобы я телеграммой немедленно вызвал его из Кёото, где он вреден-де нестерпимо. Внушила же мне сию осторожность память о том, как он беспощадно поступил с учеником Георгием Ниццума в то время, когда был смотрителем Семинарии. За одну речь на «симбокквай» сего ученика, что в Японской Церкви нет любви, Симеон Мии потребовал исключения его из Семинарии, что я и исполнил, к сожалению, несмотря на то, что Георгий Ниццума три часа пролежал у моих ног, прося прощения (все время вечерней работы моей по переводу с Накаи). Сей Георгий и до сих пор сохраняет самое искреннее религиозное чувство: служа в какой-то компании, он всегда по воскресеньям бывает в Церкви и всегда такой серьезный и печальный.

26 июля / 7 августа 1897. Суббота

Раннюю Обедню служил новопоставленный иерей Павел Кагета; лишь только приехал он сюда для рукоположения, дал я ему служебник и тресник и велел денно-нощно изучать; затем служил он неделю диаконом, другую ежедневно священником, не имея все это время никакого другого дела, кроме изучения службы; и при всем том сегодня обращался с служебником он так, как будто видел его в первый раз: точно гвоздем прибит к книжке, все смотрит в нее и ворочает лист, и без книжки ни слова, даже «мир всем» не может сказать, а пока найдет это «мир всем», все ждут долго, да и не найдет один, а непременно подойдет, наконец, о. Роман отыщет закопавшееся в торчащих щеткой листах трудное место, ткнет пальцем, напомним, что нужно это произнести, а не молчать, тогда идет произношение первого слова, затем откашливанье (хотя я вчера после всенощной велел ему не делать этого, а откашливаться

предварительно, коли это нужно); и так все время при возгласах и произношениях. Усмотрев все это, я ушел после Евангелия в другой алтарь, чтобы не видеть больше и не грешить पुще. Очевидно, человек с высохшими мозгами; куда ему быть хорошим священником! Хоть он и сам не виноват в том.

Хорош и о. Метоки, молодой и свежий. Зашел после Обедни попросить надбавки платы за квартиру в Нагаока; тянул канитель, пока я отпил весь утренний чай, поставив и ему с самого начала и тарелку с булкой; а дело двух слов.

— Ладно; надбавка будет, но вы-то скоро ль отправитесь в Нагаока? — говорю.

— Еще дела не кончил.

— Какие? У вас тут, в Токио, после Собора уже нет дел.

— У жены есть.

— Вот те и раз! Что за дела?

— По части уроков шитья.

— Да ведь так вы можете годы не выезжать на место службы. Ужели священник пришит к юбке жены?

— Не пришит я, но все же не могу выехать раньше конца этого месяца.

— Что же вы будете делать? Жена ваша будет брать уроки шитья (как будто не могла прежде этого делать! Бабе около тридцати лет), — вы-то что же?

Вместо ответа кашель затруднения. Едва убедил его, коли жене нужно еще учиться (она вовсе не из нашей Женской школы), оставить ее в Токио, как он оставлял ее прежде, при обзоре Церквей, а самому отправиться в Нагаока, где он сам вызвался жить, как в самом важном пункте его прихода, и где жить ему утвердил Собор. Жене потом еще лучше-де приехать на устроенное место и так далее.

27 июля / 8 августа 1897. Воскресенье

Прибыли, наконец, с юга избранные для поставления во священники Павел Косуги и Игнатий Като; последний с женой и тремя детьми; жена его Ирина — дочь лучшего из наших христиан в Кагосима, больного врача Николая Адаци; Игнатий завтра отвезет семейство к о. своему, в Симооса, и по принятии рукоположения отправится на год один в Немуро. Это разумно; на первый год ему особенно много нужно будет путешествовать для отыскания христиан по разбросанным селениям своей части Хоккайдо.

Когда я, после обеда, беседовал с ними, и пришла опоздавшая еще в Церковь жена сидящего в тюрьме богача Моисея Хамано с шестилетним сыном своим Федей, вдруг докладывается какой-то русский, оказывается — младший брат одного из главных коммерсантов в Ханькоу. Николай

Яковлевич Молотков, лечащийся уже два месяца в Мияносита и приехавший оттуда сегодня к Обедне, ибо именинник, — сегодня день Святого Николая, Христа ради юродивого. Уважая такое его благочестие, мы с о. дьяконом Львовским отпели молебен преподобному Николаю в Крестовой Церкви. Потом господин Молотков позавтракал со мной. — В пятом часу еще незнакомый русский — учитель русского языка в Сеуле, Николай Николаевич Бирюков. Пользуясь каникулами, он приехал познакомиться с Японией. В Корее у него шестьдесят учеников, обучающихся русскому языку и некоторым наукам; сам он бывший офицер, в отставке; человек очень симпатичный. Я ему сказал, что на днях получил письмо от Зиновия Яковлевича Поляновского из Сеула, что постройка Церкви и штат из священника и псаломщика для Посольства в Корее утвержден Государем Императором, о чем Поляновский получил телеграмму, о которой на радостях и извещает меня. Бирюков очень обрадовался и желает только, чтобы священник был хороший, способный и к проповеди между корейцами, ибо сии постоянно пристают с религиозными вопросами.

28 июля / 9 августа 1897. Понедельник

Утром — определение, какие иконы поставить в жилых, классных и прочих комнатах и помещениях новой Семинарии, какие сделать столы в столовую и прочее. В половине одиннадцатого отыскали меня и показали карточку русского гостя «Serge Seromiatnikov Sigma. Redacteur au „Nouvel Vremia“». Проговорили мы с ним и пробыл он у меня до семи вечера. Показал ему Собор, библиотеку, Семинарию, Женскую школу. Жаль, что предубежден он против японского народа; любит китайцев, как родных, — не китайское правительство, которое считает совсем гнилым, а китайский народ; ненавидит японцев, как заклятых врагов. Приезжал он в Китай с князем Ухтомским, привозившим подарки от Государя Императора к китайскому Богдыхану и его матери. Князь Ухтомский был в Японии вместе с Государем-Цесаревичем, когда он в Ооцу так варварски оскорблен был японцем. Но этот дикий поступок составляет истинную скорбь почти всей Японии. Зачем же набрасывать из-за него черный покров на всю Японию? Убежден он, что Россия должна взять Корею, чтобы не взяла ее Япония; убеждение это, вероятно, князя Ухтомского, а может, и выше кого. Избави Бог от того! Вот тогда бы Россия точно навсегда бы поссорилась с Японией, да и с Кореей тоже, ибо четырнадцатимиллионный народ нельзя проглотить без того, чтобы не стало пучить брюхо, как бы просторно оно ни было.

29 июля / 10 августа 1897. Вторник

Утром о. Сергей Глебов пришел и горячо и грубо требовал расширения его квартиры. Занимает лучшую комнату во втором этаже, состоящую из

большой — угловой — на восток и юг комнаты с другою, небольшою при ней. Я когда-то жил там после уехавшего в Россию больного о. Анатолия и уступил о. Сергию на его тогдашнее, тоже неделикатное, требование дать ему комнаты (тогда как о. Сергей Страгородский, несравненно достойней его, помещался в одной). Ныне и этого ему стало мало. Какое ему дело до миссийских интересов! Лишь бы его прихоти были удовлетворены, а там хоть трава не расти! И глупый: чем вздумал грозить!

— Уйду в город, — говорит.

И как бы я рад был этому! Считается миссионером, а ровно ничего не делает по Миссии! Как бы одолжил, если бы очистил квартиру. — Впрочем, если олово — олово, а не серебро, то стоит ли думать о том! Натюры не переделаешь.

О. Андрей Метоки простился и взял дорожные до Нагаока; жена остается; он идет водворять себя там; после жену позовет.

О. Фаддей Осозава вернулся из Курури и говорит: Игнатий Мацумото не может оставить Курури.

— Значит, там основывается Церковь? Есть до пяти человек благонадежных к крещению?

— Есть два-три слушающих учение, но Мацумото не ручается за их крещение.

— Отчего же он не оставляет бесплодное и безнадежное Курури и не отправляется в Хамамацу?

— Страдает головными болями, которыми страдал прежде в Асикага.

Человеку тридцать один год, — в самой поре силы, и периодические головные боли, по причине которых у него вот целый год — совсем бесплодный для дела! Стало быть, человек — безнадежный для священства. А я уже и на нынешнем Соборе выдвигал его для избрания во священники, — кончивший Семинарию и женатый на воспитаннице Женской Духовной школы... Но бросить мне, знать, свои надежды на Семинарию! Почти совсем бесплодная смоковница она доселе! И ныне вот три избранны — но каких? Два из Катихизаторской школы, один — даже из Причетнической (Игнатий Като), а Семинария блистает отсутствием! — Заметить на будущие годы, — имя Игнатия Мацумото не упоминать при выборах в священники. Избави Бог посадить на плеча Миссии инвалида священника!

30 июля / 11 августа 1897. Среда

Вчера вечером было «кавабираки» — гулянье на Сумидагава. Стечение народа было необыкновенное, фейерверк великолепный. Но в исходе девятого часа праздник закончился печально: от напора толпы саженей десять перил на «Рёогокубаси» обрушилось, и все передние попадали в воду или на gondолы катавшихся: раненых много, мертвых четыре, сегодня объявлено.

До полдня занят был вместе с инспектором Сенума приведением в порядок учебной библиотеки на третьем этаже. От жары голова разболелась.

31 июля / 12 августа 1897. Четверг

Хлопоты по устройству облачений новопосвящаемых, по ученической библиотеке, по постройке Семинарии. Очищена старая, несгораемая, кладовая в Семинарии; стулья и прочая мебель размещены по подлежащим местам.

1 / 13 августа 1897. Пятница

Учительница Евфимия Ито, сегодня утром вернувшись из Тonosава, известила, что с о. архимандритом Иннокентием, третьего дня, и именно когда он посещал их — учениц и учительниц — в Тonosава, случился сильнейший припадок малярии; они отвезли его в госпиталь «Асигара» в Одавара, где он и находится.

Я тотчас же отправился посетить его, и теперь, в одиннадцать часов вечера, вернулся домой. Доктор-начальник госпиталя — с университетским образованием и приобретенной репутацией, так что и Dr. Beltz, самый главный здесь профессор медицины и самый знаменитый врач (занятый, однако, так, что его трудно добиться), часто посылает больных к нему. Помещен о. Иннокентий довольно удобно, — доктор уступил ему собственную квартиру. К счастью еще, — помощник главного доктора наш православный христианин, приемыш Ирины Мороне, одной из самых старых христианок в Токио, которая также там находится и ухаживает за о. Иннокентием. Переводчиком при нем Емильян Николаевич Хигуци, с которым о. Иннокентий вместе учился в Санкт-Петербургской Духовной Академии, будучи старше его несколькими курсами. Сегодня утром с о. Иннокентием был также весьма сильный пароксизм, продолжавшийся с половины седьмого часа утра до одиннадцатого часа. Бледен он и похудел, — высматривает гораздо хуже, чем когда приехал сюда. Доктор, лечивший многих от малярии (из Китая после войны и из Формозы), ручается за выздоровление, но оно будет медленно; вероятно, не один месяц придется прожить здесь о. Иннокентию, если хочет вернуться в Китай здоровым.

2 / 14 августа 1897. Суббота

Отцы Борис Ямамура и Николай Сакураи из Фукуока пишут, что никак не могли убедить старого Моисея Симотомае отпустить дочь к мужу в Саппоро; говорит он больше устами дочери, а сия, плача и рыдая,

но упорно стоит на одном,— пусть муж ее три года, с сего времени, добрым поведением покажет, что он исправился от своих пороков (пьянства, лени и подобное), тогда она вернется к нему; тайнство брака-де она уважает, но — и так далее. Что ж, пусть будет и так! Это будет достаточным вразумлением катихизатору Моисею Симотомае на всю жизнь. Если он не выдержит испытания,— станет дурно вести себя,— будет исключен из катихизаторов; если же три года безукоризненно будет вести себя, а по истечении их все-таки не получит обратно жены своей, то будет иметь право жениться вновь,— жена же и старый Симотомае извержены будут из Церкви.

О. Матфей Кагета пишет, что христиане в Хамамацу и Кега изумляются, отчего до сих пор нет назначенного к ним катихизатора Василия Ообатаке? Сей — кончивший Семинарию и подававший добрые надежды, но женился на дочери содержателя здесь небольшой гостиницы, христианина. Жена его по преимуществу и орудует заведением. Как отпустить ее, а вместе, как нечто придаточное, и его? Родители жены и удерживают. Вот тут и успевай с проповедью!..

3 / 15 августа 1897. Воскресенье

За Литургией Павел Косуги рукоположен во диакона.— О. Сергей Судзуки, из Оосака, извещает, что Юлия Токухино уговорила Елену, жену Петра Ока, бросить ее нынешнего сожителя и вернуться к законному мужу. Она принесла раскаяние, с слезами умоляя о. Сергия отпустить ей блудный грех, и отправилась уже из Кобе в Цуяма, где у нее за катихизатором Фомой Такеока ее дочь. Там она будет жить, пока Петр кончит курс в Катихизаторской школе. О. Сергей просит выслать три ены, что он ей дал на дорогу, и по три ены потом высылать на ее пропитание; будет исполнено, ибо это я обещал Петру; обещал, однако, не три ены в месяц, а две,— остальное-де должна сама зарабатывать; впрочем, Бог с ними! Расход этот будет мой личный, а не ляжет на плечи Церкви.

4 / 16 августа 1897. Понедельник

Приехал новый наш посланник барон Роман Романович Розен с женой Елизаветой Алексеевной и восьмилетней дочерью Елисаветой. Я встретил его на вокзале, прождал для того там почти три часа, ибо телеграмма из Иокохамы не означила ясно часа его прибытия. Ехал барон Розен из Америки на одном пароходе с Великим князем Арисугава, ездившим в Лондон на юбилей Королевы Виктории.

Великий князь был на пароходе «Empress of India» инкогнито, под именем графа Сава. Но встречали его здесь, конечно, как Великого князя Арисугава, для чего на вокзале были все главные власти Токио и

множество карет. Посланник лишь прибыл с тем же поездом, в сорок две минуты десятого часа, вместе с заменявшим его доселе Алексеем Николаевичем Шпейером и о. Сергием Глебовым, встретившими его в Иокохаме. По прибытии в Посольство отслужили благодарственный молебен в Церкви, приготовленной для того совсем Львовским, так как певчих не было, то пели мы же с Львовским.

О. Павел Морита с семьей прибыл с Сикоку. Послушавши его длинноглаголения, послал его к диакону Павлу Косуги, имеющему заменить его, рассказать о своей Церкви. С двенадцати часов до пяти он рассказывал! После этого хотел, по-видимому, повторить мне все, но я, послушав мало и поняв, к чему клонится, под благовидным предлогом уклонился от вод потопляющих.

Иоанн Оно (бывший Ямазаки), состоявший доселе, по окончании семинарского курса в Токио, в Иоцуя, попрощался, чтобы отправиться на самостоятельное место в Сиракава.

Илья Яманоуци, прошедший опять бесполезно год, состоя катихизатором в Карацу, прибыл, чтобы быть здесь катихизатором в Ситая. Увидим, способен ли к церковной службе. Не скоро узнаешь человека. Вот человек, по-видимому, и благочестивый, и одушевленный желанием служить Церкви, и способный, и бойкий, — и при всех сих качествах — два года хоть бы на волос принес пользы! Напротив, в Карацу был вреден, разладив с тамошними верующими.

5 / 17 августа 1897. Вторник

Барон Розен был с визитом. В пятьдесят лет и борода совсем седая, голова почти тоже; по отрывочным фразам и рассказам — жизнь не приносит ему счастье; семейная жизнь, кажется, особенно, хотя он не говорит и, конечно, никогда не скажет этого.

Последнюю половину всенощной пели так, что хоть бы и не пели, а читали; Львовский и лучшие тенора и басы ушли петь в Посольство; здесь же стали остальные большие и набравшиеся ученицы с М-не Львовской: сначала пищали еще порядочно, потом устали и разлили преносно; малочисленность молящихся еще более удручала. Ээ-х, где то святое вдохновение молитвы?

Проповедь говорил Мануил Китамура. Но бедный он! Жену любит, и она его любит, и двое детей уже у них, но живут розно: он здесь, она в Сендае у своего отца. Что за причина? Мать Мануила невзлюбила невестку и гонит ее, — не может жить с нею под одной кровлей. Злая свекровь — всесветное бедствие, и вот оно здесь в полной силе. Если существуют ведьмы на свете, то это именно злые свекрови. Мануил — человек вполне достойный, катихизатор ревностный, муж добрый, сын почтительный, — не достоин ли он счастья? И кто же отнимает у него счастье? Кто

мучает, терзает его? Кто делает его, мужа и отца, печально одиноким вот уже три года? Собственная мать его! Кто же для него злее его матери? И не ведьма ли она поэтому? Уговаривать ее? Но человеческие слова истощены, ангельских — где взять? Впрочем, о. Семен Юкава и еще станет лить елей своих речей на ее каменное сердце; увидим, что впоследствии.

6 / 18 августа 1897. Среда.

Преображение Господне

За Литургией рукоположены: Павел Косуги во иерея, Игнатий Като во диакона. Служили со мною шесть иереев. Пение, тоже четырехголосное, было довольно хорошо.

После Литургии, как обычно по поставлении иерея, чай для всех священно- и церковнослужащих.

После о. Павел Морита простился, чтобы отправиться вместе с о. Фаддеем в Маебаси, принять от него Церковь. Оттуда о. Морита с о. Титом Комацу посетит Церкви, чтобы принять их, — те, которые от о. Тита поступают к нему.

О. Павел Савабе, бывший главным в сослужении, пришел, говорит:

— Косуги на перевозку имущества нужно дать.

— Что ж, дадим ен пять или шесть, — этого довольно будет; от Миядзаки до Сикоку недалеко.

— Едва ли довольно. А сколько жалованья ему будет? Да и другим, ныне поставленным? Они еще не знают.

— По двадцать пять ен в месяц; все они семейные, с детьми, — всем одинаково.

— А! В таком случае нечего больше и говорить; этого достаточно и для перевозки вещей своими средствами.

Затем стал я говорить о. Павлу Савабе, что завтра, по дороге на станцию, о. Морита зайдет сюда и получит антиминс; так чтобы он в Маебаси в будущее воскресенье, непременно отслужил Литургию в испрошение благодати Божией на новое его служение — это послужит добрым началом добрых отношений к его новой пастве и так далее. Пусть о. Павел Савабе хорошенько растолкует и внушит это своему родственнику Морита (женатому на падчерице о. Савабе)... Вопреки моему ожиданию, о. Савабе разразился горячей репликой против своего родственника:

— Все бесполезно! Человек совсем не из тех, какие прежде поступали на службу Церкви! Не уживется долго и здесь, как не ужил на Сикоку. Здоровье не позволило ему служить на Сикоку? Жалкая отговорка! Тем более, что сам же и портит свое здоровье! Грудь болит? А любит вино зачем? Пищеварение плохо? А ест не в меру зачем?! Даже у своего ребенка отнимает, чтобы самому съесть, — и так далее.

Когда в Пятом часу я распоряжался некоторыми работами в Семинарии, нашел меня русский гость, барон Винкен, привезший поклон от молодого Куломзина, бывший же в свите старого Куломзина, статс-секретаря, по Высочайшему повелению, приезжавшего в Сибирь, чтобы сделать разграничение земель свободных, нужных для поселенцев. Винкен, отпущенный Куломзиным, возвращается в Петербург чрез Японию и Америку; в Японии он уже неделю, — был в Мияносита, Никко; но поразила меня посыпавшимися градом своими вопросами:

- Преподавание в Семинарии идет по-русски?
- Нет.
- Все ученицы говорят по-русски? — (Мы в это время уже перешли на местность Женской школы).
- Нет.
- Начальница говорит по-русски? — (Мы сели на веранду против комнаты Анны Кванно).
- Нет.
- Богослужение совершается по-славянски?
- Нет.
- Но вы-то сами служите по-славянски?
- Нет.
- Значит, богослужение переведено на японский?
- Переведено.
- Но поют-то по-русски?
- Нет, по-японски.
- Кто же поет?
- Учащиеся в миссийских школах.
- Да кто же заведует всем этим?
- Миссия.
- А из японцев есть священники?
- Есть, уже более двадцати.
- Кто же их ставит?
- Епископ.

И так далее, барон оказался лютеранином. Но и с православными гостями часто приходится вести подобный же разговор.

Вышеозначенный диалог мы вели под угощение Анны нас чаем и конфетами, и я смеялся вместе с Анной, переводя ей некоторые вопросы барона. Но дальнейшего разговора я и переводить не мог, — до того он был дик и неприличен.

— Правда ли, что в Японии для девицы нарушение целомудрия не считается бесчестием?

— Правда ли, что здесь можно жениться на время, по контракту? — И тому подобные нелепости, почерпнутые, как видно, из разговоров с нашими моряками в Нагасаки, или прямо из публичных домов.

7 / 19 августа 1897. Четверг

О. Петр Кано пишет, что «Иоанн Инаба выздоровел и опять просится на службу; а то, что внесли на него в Миядзу, совершенная-де неправда: женщина та — сумасшедшая, он принимал участие в ней, как больной; и он-де далек от всяких поползновений к блудному греху, иначе бы женился; он же, напротив, желает посвятить себя монашеской жизни». Но как же христиане Миядзу не могли различить сумасшедшую от блудницы? И отчего вознегодовали на него до того, что не пустили его в церковный дом, когда он вернулся от нее, после нескольких дней скрывательства у нее? И ушел он в Одавара вовсе не по болезни, а потому что отставлен был от катихизаторства. Впрочем, письмо о. Петра отослано к о. Симеону Мии, исследовавшему поведение Инаба.

8 / 20 августа 1897. Пятница

Недавно я написал строгий выговор катихизатору Василию Усуи; и не мог не сделать этого: сам просился из Оодате, назначен Собором, как один из старейших и лучших катихизаторов в Ициносеки и Яманоме, откуда ныне Павел Кагета восхищен для иерейства; Церкви эти — две подряд — тоже старейшие и лучшие. И пишет Василий Усуи, по прибытии туда, что Церкви в упадке — совсем нет никого живых членов, не с кем заботиться о поднятии и расширении сих Церквей: словом, как будто программу лениности и бездействия себе сочиняет на целый год, ибо прямо и заявляет, что нет надежды на будущее. Между тем требует и прибавки содержания, — нельзя-де жить на два дома (тогда как прежде, по-видимому, с радостью писал, что оставляет семейство в Оодате и отправляется один, — [с радостью няньки, освобождающейся на время от детишек, — ибо у него, кроме Пимена, что здесь в Семинарии — самым малым мальшом, — пять — мал мала меньше]). Так и написал я отцу Пимена, зачем он кладет перед собой подушку лениности? Церкви эти добрые и обещающие успех, если потрудиться. Так пусть он даст твердое обещание потрудиться; тогда я и предприму большой расход на перевод его семейства к нему, иначе не будет сего. Очень обиделся Василий Усуи, но в то же время почувствовал и справедливость упрёка, и дает обещание трудиться из всех сил. Нужно будет перевести к нему семейство.

Был полковник Генерального штаба Владимир Петрович Корнеев, с супругой, несколько глухой. Возвращается в Россию после одиннадцати лет службы на Амуре. Начальствовал, между прочим, охранительным отрядом Корейского Короля в Русском Посольстве, по переселении Короля туда. Показал ему все, что он желал, в Миссии.

Был с прощальным визитом бывший доселе поверенный в делах Алексей Николаевич Шпейер, с супругой Анной Эрастовной. Отправляются двадцать четвертого числа в Корею. Обещались вносить на воспитание Кати, дочери Маленды, по десять ен в месяц; я сказал, что остаток от расходов на ее содержание будет храниться и собираться, чтобы после пригодиться ей, ныне двенадцатилетней девочке. Есть у нее от добрых Шпейеров и некоторый капиталец, хранящийся в Посольстве.

9 / 21 августа 1897. Суббота

От жары и духоты всю ночь не спал; вставал, по двору ходил, с полицейским разговаривал, вечером до устали работал; утром, наконец, удалось заснуть. Но в пять часов: «Юубин! Юубин!»... Громкий, неумолкающий вопль. И всегда — хоть бы кто шевельнулся кругом; приходится самому торопливо нахватывать подрясник и спешить. «Какитоме» на сей раз на мгновение порадовало, думал — деньги из Хозяйственного управления, которых два месяца жду. Куда! Указ из Святейшего Синода в ответ на мое донесение от двенадцатого марта, что «о помощнике мне Святейший Синод будет иметь рассуждение». Порадовали! — Потом, с шести часов, Обедня, которую служили о. Кагета и диакон Като; первый, прослуживший уже три недели, и которого я хотел после сей Обедни отпустить, служил как будто в первый раз; да и может ли быть иначе с человеком, у которого, как рассуждал под мое молчаливое слушание в прошлое воскресенье о. Павел Савабе, «высохли мозги от секретного употребления (то есть напиванья по ночам) зловредной японской водки?» — Отправился на работы: в Женской школе застал садовника (дрянного, как оказывается) за кучею только что нарубленных ветвей с кустов; в кустах, тщательно разводимых до сих пор, просветы и плеси, — безобразие! Как не рассердиться! Анне Кванно:

— Ты зачем это допустила?

— Я не видала, с гостями занята была.

Старуха — коли попалась — всегда умеет извратиться ложью: какие там у нее гости спозаранку! Просто зевала, когда варвар-садовник у нее под носом производил опустошение. — Пригрозил садовнику: если хоть одну ветку срубит отныне, прогнать его. Один из его предшественников, подобный же болван, погубил несколько прекраснейших деревьев в садиках Женской школы и Миссии; пни сих старых деревьев я указал пальцами тут же сему дураку — нынешнему садовнику. (Хорошего садовника нанять у Миссии средств нет, а дрянные только вредные).

На работах в Семинарии новое огорчение: самый ясный расчет, что работы не будут кончены к концу каникул. Где же мне помещать учеников? И так целый день самое дрянное расположение духа! Впрочем, и день грозовой был, особенно вечером, во время всенощной, часто блистали

молнии. Должно быть, состояние духа (особенно после бессонной ночи) немало зависит от содержания электричества в воздухе.

10 / 22 августа 1897. Воскресенье

За Литургией диакон Игнатий Като рукоположен во иерея. Освещен агнец для запасных даров, которыми будут снабжены новопоставленные иереи; о. Роман Циба поучил их сегодня, как готовить запасные святыя дары.

За Литургией был полковник Корнеев с супругой, — приятно сказать, — человек благочестивый: поставил свечи к иконам и подал заздравное поминовение; был потом у меня и рассказывал про Корею: случайно он оказался в Сеуле, когда Король попросил посланника нашего, Шпейера, укрыть его от японцев (съемки пред тем делал в Корее): прислан был для того десант с наших военных судов — сто тридцать человек с лейтенантом; Шпейер предложил Корнееву, как старшему, принять начальство над отрядом, и он начальствовал; «а бойкая Анна Эрастовна Шпейер заменяла интендантство, то есть заведывала прокормлением охраны», сострил Корнеев.

Были барон Розен и его супруга — простая и говорливая особа. Барон находит большое различие у японцев с тем, как он оставил их — пятнадцать лет назад, — «тогда они улыбались и были приветливы, теперь серьезны и равнодушны», говорит.

11 / 23 августа 1897. Понедельник

Утром о. Павел Кагета снабжен был святым антимином, ящиком с священными сосудами, дароносицей, мирницей, тремя приборами облачений (великопраздничное, воскресное и походное — из легкой шелковой материи), иконами, крестиками, большим и малым (походным) напрестольными крестами, напрестольными Евангелием и прочим, и прочим, также дорожными — до дома и по Церквам, жалованьем (двадцать пять ен) за девятый месяц и с миром и благословением отпущен на свою паству, которую передаст ему о. Борис, пропутешествовав с ним по передаваемым ему Церквам. Нечего и говорить, что о. Павел снабжен был и приличными наставлениями. Особенно внушал я и настаивал, и вчера и сегодня, чтобы он совсем бросил пить «саке»; это единственная его слабость, от которой если воздержится, — будет, надо полагать, во всех отношениях хорошим священником. Обещался он крепко — и мне, и еще прежде о. Павлу Савабе, также своему другу-секретарю Нумабе — исправиться и сбросить от себя сей укор. Дай Бог ему исполнить это!

Приемный отец катихизатора Василия Обатаке пришел и говорит: «До сих пор Василий, состоя здесь, в Токио, катихизатором, помогал

мне по хозяйству; ныне он назначен в Хамамацу,— помогать мне не может, а у меня небольшой постоянный дом, кроме того, я взялся поставлять пишу в одну здесь низшую школу (сёогакко),— мне нужен слуга — помощник по дому».— Так-то обманывают Церковь! Василий этот с детства воспитан Церковью по прошению и свидетельству, что его отдают на служение Церкви, прошел Семинарию да до сих — вот уже четыре года — почти без малейшего плода катихизаторства, пользуясь церковным жалованьем; я думал — по неопытности у него нет плода; вотчим откровенно высказал сегодня, что он просто был у него батраком. Быть может, стал бы добрым катихизатором, перестав быть батраком,— для того и назначен был на самостоятельное место и в хорошую Церковь. Я все думал, что в тридцать лет он будет добрым священником. Куда! Японский эгоизм и японское надувательство — двенадцатиглавый змей, без меры средства Церкви пожирающий! Особенно жадным и бессовестным оказался этот круг родни дворян Маебаси: Обатаке — Сайто — Намеда — Фукасава,— все это действует по взаимному совету (как сегодня откровенничал вотчим), и ни у кого ни на грош доброй совести! Хороши японские христиане! Знать, такова японская почва...

В пять часов вечера отслужили напутственный молебен Алексею Николаевичу и Анне Эрастовне Шпейерам, завтра отправляющимся в Корею. Молебен был в «Imperial Hotel», где они ныне живут. Получил сто ен на Миссию. Да хранит их Господь! Анна Эрастовна, кажется, бесприторно благочестива. Целый день в Семинарии наблюдал за исправлением учебных столов, пробой ванны и другими работами.

12 / 24 августа 1897. Вторник

В девять часов утра был на станции железной дороги, чтобы проводить Анну Эрастовну Шпейер с семейством (муж еще остался, чтобы иметь сегодня аудиенцию у Императора и после по железной дороге прибыть в Кобе к отправлению судна) до Иокохамы, откуда она должна сесть на судно,— и отправиться (мне) в Одавара, чтобы посетить о. архимандрита Иннокентия. Застал его почти здоровым, жалуется только на некоторую слабость. Пароксизм не повторялся с тех пор, как я был у него,— вот уж почти две недели; если на днях пароксизма не будет, обыкновенно до сих пор возобновлявшегося чрез две недели, то, значит, малярия оставила его. Дай-то Бог, чтобы было так! Ходил я с ним к морю, в котором и купался: рассказывал он мне, на мои вопросы, жизнь свою. Человек, во всяком случае, не из обыкновенных, инициатива у него есть, и много, даже слишком (уйти самопроизвольно с доверенной ему миссионерской выставки из Нижнего Новгорода чрез Кавказ в Москву,— в его летах-то такая дурь! Как тут не «слишком»?).

В Китае он может сделать очень много (может, для того и призвал его Господь сюда), но может и — ничего, если обернется самодуром. Втайне

думал я: быть может, Господь настоящею болезнию гонит его из Китая в Японию на нынешний запрос миссионера на смену мне, и втайне тоже желал, чтобы было так, ибо по виду о. Иннокентий очень симпатичный: но ныне кладу крест на свои думы и желания.

Являлся в Одавара ко мне Иоанн Инаба; таким искренним и жалким представился он, что от всей души хотелось бы восстановить его в катихизаторских правах, но возможно ли это? Отрицает он все, взводимое на него, но до сих пор письма от о. Семена нет на мой запрос, сопровождаемый ходатайственным письмом о. Петра Кано.

Вернулся я из Одавара вечером в десять часов.

13 / 25 августа 1897. Среда

Утром первая неприятность: ученик Семинарии Сергей Нонака вернут в Босиу, где проводят каникулярное время ученики, в чахотке. Нужно отправлять его домой, на Киусиу, в Янагава. Жаль хорошего ученика, жаль церковных расходов на отправку его домой (тринадцать ен) и на содержание дома (по три ены в месяц), ибо беден,— едет в дом бедно живущей сестры.

Далее: изобретенная архитектором Кондером железная печка для нагревания ванны в Семинарии безнадежно течет при производящих пробах,— приходится разрушать кирпичную кладку и доискиваться причины течи.

Но самая главная беда, повергшая меня сегодня в уныние: объявление банков, что отныне счет на доллары прекращается и будет на эны, то есть золотые, пред которыми доллар, донныне равный эню, безмерно унижен. Избави Бог, если из России пришлют по расчету не на фунты стерлингов, а на доллары! Может повториться то же, что было в 1879 году, то есть я должен буду отправиться в Россию хлопотать о высылке содержания Миссии по расчету на золотую валюту. А Церковь не на кого оставить. Даже и о. Анатолия нет ныне.

14 / 26 августа 1897. Четверг

Хлопоты по окончанию постройки Семинарии — ныне уже маты стелют.— Рассылка содержания катихизаторам — вторая половина (ближайшая).— Ученики уже начинают возвращаться с каникул.

На всенощной сегодня в первый раз почувствовал порчу зрения: темные пятна застилают буквы, отчего сбился в чтении самого знакомого Евангелия (истерзанного, впрочем, красными исправлениями). Придется, знать, приспособить к чтению левый глаз, доселе смотрящий вдаль. Только как? Окулисты и оптики здесь плохие. В прошлом году относился к соседу Иноуе, слывшему одним из первых окулистов в Японии,— и очков он не мог мне приспособить,— даром деньги на «о-рей» брошены.

После всенощной о. Павел Сато пришел и томил долго-долго беседой,— а жарко до поту, и устал,— трудно было битый час слушать молча, из вежливости, и понявши тотчас же, в чем дело. Дело двух слов: «Муж (Утагава, Эся) и жена не сошлись характерами и желают развестись,— так что делать?»

— Сказать им, что нет правила на развод их, и убеждать принориться друг к другу для дальнейшей совместной жизни, что не должно быть трудно для них при их летах (сорок два и тридцать), и после небезукоризненной жизни их (того и другого) до супружества.

15 / 27 августа 1897. Пятница.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

Обычная праздничная служба, с малым числом молящихся. Потом заботы по приготовлению зданий Семинарии. Вечером опять служба.

Отправил к о. Иннокентию, в Одавара, переводчиком Матфея Уеда, на место Емильяна Хигуци, который должен вернуться к началу уроков в Семинарии.

Граф Муцу, бывший министром Иностранных дел во время войны с Китаем и следовавших затем договорных перипетий, умер, и завтра будут хоронить его. В болезни любимое положение его было — обращение к Дворцу Императора, когда, пред самой смертью, сказали ему, что Император прибыл (из Кёото) в Токио, Муцу усиливался сделать руками обращенное к Императору молитвенное движение; приводится это ныне в газетах, как выпренная похвала почившему патриоту. Как это грустно! У лучших японских людей — ни мысли о Боге, о душе, о загробной жизни. Что же теперь душа Муцу, излетевшая из тела? Какая ее участь? Душа она хорошая, зла у ней нет (за исключением глупости [очевидно, неменяемой] по части иностранной политики). Слепорожденная она в том мире,— это несомненно; и ныне, вероятно, с усилием приоткроет глаза; но глаза эти уже не те, что были обращены к резиденции Императора, а глаза слепорожденной кошки. Но ужели навсегда? И кошки же прозревают. Ужели не прозрит Муцу и легионы ему подобных? Боже милосердный! Ты — Судия Праведный! Конечно, правда и милость встретятся на твоём Суде,— и милость победит! Ибо все — Твои дети, и познавшие Тебя, и не познавшие, но все же сотворившие хоть нечто по Твоему Закону,— а любовь к Отечеству не черпали из оногo?

16 / 28 августа 1897. Суббота

После Обедни освятил все иконы, уже поставленные в киоты и приготовленные к помещению на приготовленных им местах во всех комнатах новой Семинарии, жилых, классных, больничных, столовой и прочих.

При сем еще печальней убедился, что правое мое око отказывается дольше служить; молитвы по славянскому служебнику не мог читать: темное облако застилает глаз; левый же, дальноркий, тоже не мог видеть букв; кое-как уже отслужил освящение.— Иконы затем были распределены по комнатам, и почти все установлены, когда я отлучился, чтобы поверить и принять работы циновщика. В Семинарии все работы, при тщательной проверке их, были приняты с одобрением. Когда перешли в Женскую школу и здесь обходили комнаты во втором этаже, поверяя циновщика, здесь, в галерее против столовой, Давид Фудзисава подал мне телеграмму, в которой латинскими буквами значилось:

«Архимандрит Сергей и достойный иеромонах Андроник посылаются в Японию. Сообщите, желаете ли хиротонии Сергея во епископа, вашего викария, какое наименование желаете присвоить себе и ему? Саблер».

Я тотчас же ответил: «Прошу послать Сергея и Андроника в их теперешнем сане». За мою телеграмму сначала взяли 26 еп 91 сен (адрес был: «Petersburg Hole Synod Sabler», подпись «Nicolai»). Потом прислали письмо с известием, что линия чрез Владивосток прервана. А если желаю, чтобы телеграмма отправлена была непременно чрез Шанхай, то нужно приплатить 23 ены 39 сен. Приплатил, нечего делать! Дело-то важное и очень приятное!

Потом хлопоты по приготовлению зданий, прием являющихся учеников, старых и новых, и учениц из Тоносава, долгий разговор с Иоанном Исида, судьей в Сидзуока, об его приеме, катихизаторе Фоме, и средствах исправить его от «тщеславия и злословной болтовни», чем он очень вредит своей катихизаторской службе.

(Пишется сей вечер — увы! В первый раз чрез очки и с благосклонной услугой левого глаза; правый же, кажется, подал в чистую. Что ж, спасибо ему и за то, что шестьдесят один год честно тянул лямку. Спал-то и дремал тоже много и на дурное зазирал немало; но все же и доброе нечто было в его службе, если уповать на милость Божию.)

17 / 29 августа 1897. Воскресенье

До Обедни о. Роман Циба преподавал святое крещение одному из молодых людей, живущих у профессора Рафаила Густавовича Кёбера, — Судзуки, ныне Михаилу, двадцати одного года, студенту Коммерческой Академии. Восприемниками были Кёбер, с раннего утра приехавший в Миссию, чтобы присутствовать при совершении таинства, и Анна Кванно, не бывшая при сем по болезни. После Обедни господин Кёбер и его духовный сын были у меня и обедали со мной.

До Литургии и после обеда приходили без перерыва гости: родители детей, определенных ныне в наши школы, начальствующие школы с

определенными детьми, некоторые дальние христиане и прочие, так что едва в сумерки я мог посетить ныне Семинарию; там — комнаты для учеников совсем готовы, но кухня, ванна, ватер-клозеты, освещение — будут, вероятно, завтра готовы. Нужно теперь думать об освящении зданий и сопряженным с тем угощением. Последний вопрос довольно изучен; задал его подлежащим людям (секретарю Нумабе, Алексею Оогое и прочим), — посмотрим, что посоветуют, во всяком случае, должно быть решено к авантажу таких важных зданий.

18 / 30 августа 1897. Понедельник

Утром был в Йокохаме, чтобы получить последний дивиденд ликвидируемого разорившегося «Oriental Bank Corporation», — 97 ен 50 сен; итак, до тысячи долларов миссийских в нем окончательно потеряно.

Решили сделать освящение зданий Семинарии второго сентября, в следующий четверг; после освящения быть небольшому угощению.

Ученики, однако, уже помещены в них, — негде больше. Мы с господином Сенума сделали сегодня распределение их по комнатам; с завтрашнего утра и пищу будут готовить им там. Сегодня вернулись бывшие на каникулах в Босиу.

19 / 31 августа 1897. Вторник

Произведен экзамен поступающим в Семинарию. Шестнадцать учеников собралось только; из них четверо, по экзамену, очень плохи, четверо других, по освидетельствованию доктором, слабы здоровьем. Сколько же из сих шестнадцати переплывет море семилетнего учебного плаванья и достигнет того берега, откуда начинается тут служение Церкви. И из сих, если оные окажутся, сколько будет достойных шествовать сим путем? О, Господи! Как в Японии все ударились в материализм! Где те времена, когда на служение Церкви шло много людей, и шли хорошие люди? И не старые ли, языческие, руководители Японии — синтуизм, Конфуций, буддизм — давали те времена? А теперь Япония под влиянием новой цивилизации христианской Европы вот, точно свинец, тяготеет долу и долу!..

20 августа / 1 сентября 1897. Среда

В Катихизаторскую школу и в Причетническую собралось всего четыре человека, и из них один совсем не ученый и язычник. Нечего делать, примем всех и присоединим их к старшему курсу Катихизаторской школы, — пусть слушают, что Бог послал, и в то же время учатся пению: не делать же для них новые курсы катихизаторской и причетнической школ; коли из них кто окажется хорошим, то прослушает Догматику

в будущем году. А и в старшем-то ныне всего три, с четвертым весьма сомнительным; впрочем, и три — с бору да с сосенки.

Семинарию сегодня совсем приготвили к освящению.

Расположение духа до того тягостное — от безденежья ли то или от усталости,— что едва сдерживаю себя в пределах наружного благодушия. Редко бывают такие дрянные дни.

О. Феодор Быстров пишет, что митрополит Палладий, по докладе моего донесения в Синоде, сказал: «Начальника Миссии в Японии следует возвести в сан Архиепископа и дать ему епископа викария». Очень нужно! Голова большая, туловища почти нет, как у некоторых морских чудовищ! Просишь хлеба, дают рыбу. Доброго миссионера тут нужно, из которого впоследствии естественно образуется викарий, а со временем, даст Бог, и митрополит.

21 августа / 2 сентября 1897. Четверг

Совершено освящение новопостроенных зданий Семинарии. В десять часов началось Водоосвящение в большой классной зале; служили со мной только отцы Сато и Циба, диакон Кугимия и иподиакон Кавамура,— для большего числа было бы тесно. Пел полный хор из семинаристов и учениц, он же и занимал всю залу; учителя, прочие ученики и гости стояли по верандам. По окончании водоосвящения я окропил все комнаты и коридор со службами внутри зданий, о. Павел Сато окропил наружность зданий и двор с северной стороны, о. Роман Циба — с южной, он же и госпиталь — внутри и снаружи. По окончании богослужения, в начале двенадцатого часа, гости были приглашены в назначенные для них комнаты; всех гостей было почти ровно сто человек, то есть все учащие и учащиеся и все прочие служащие Церкви в Токио. Я между тем сказал учительницам, чтобы они провели учениц по всем зданиям показать им все; когда они кончили осмотр столовой, пробил звонок, по которому ученики собрались обедать; стол был, конечно, праздничный, и, кроме того, каждому стояло у прибора по коробке конфет в десять сен (маленькие ученицы [голодные же притом, по времени], проходя, восклицали в удивление этой завидной роскоши, но, вернувшись к себе, нашли в своей столовой не менее роскошное угощение). Пропели молитву, после которой я сказал несколько слов назидания и благословил трапезу. Гостям приготовлен был роскошный обед — каждому в двух ящиках — с рисом и с множеством очень вкусных вещей; пред обедом, по японскому неизменному обычаю, был чай и конфеты (бенто с конфетами на каждого — шестьдесят пять сен). Ученики, скоро окончив свой обед, рассыпались по комнатам служить гостям,— наливать чай, приносить кипяток и прочее. Я несколько раз обошел комнаты и, видя, что все идет в порядке,— гости веселы и благодущны,— оставил Семинарию и

вернулся к себе; было уже двенадцать часов. У себя нашел вместо завтрака то же бенто, что у гостей, и отлично позавтракал им.

Угощены были и начальники работ — плотничных, каменных и подобных — всего двадцать человек; но их Василий, главный начальник, увел для того в гостиницу, ибо им-де, кроме пищи, следует и выпить немного, чего в школе не полагается. Дано Василию пятнадцать ен на угощение их.

В четвертом часу был о. Павел Морита с семейством; завтра совсем отправляется на свое место в Маебаси и прочие. Снабжен ризами, дароносицей и мирницей, чего нет в Церкви Маебаси. Детей у него четверо, начиная с одиннадцатилетней дочки Марии до грудной Нины; средние — сыновья Емильян и Дионисий — шустрые мальчики.

Сегодня день памяти Святого архимандрита Авраамия, Смоленского Чудотворца, в монастыре которого, в Смоленске помещалась Семинария (в которой и я, грешный, учился). Да будет покровителем, заступником и молитвенником Святой Авраамий и Тоокейской Семинарии и да изведет из нее многих делателей на ниву Христову в сей стране!

22 августа / 3 сентября 1897. Пятница

В девять часов утра был звон субботнего колокола и одноразный трезвон, призвавшие всех учащих в Собор, и отслужен был соборне молебен пред начатием учения.

Потом господин Сенума роздал ученикам Семинарии учебники. В три часа мы с ним съездили в лавки купить мебель для учительской комнаты. Купили: четыре стула на десять ен, — а шесть стульев венской поделки я отдал из библиотеки, — шкаф для хакама учителей за тридцать ен, стол за четыре ен семьдесят пять сен.

Вечером у учеников был симбоквай, для угощения на котором дал три ены (о. Сергей дал три ены предварительно — значит, мне можно было дать меньше обычных четырех или пяти ен). Ораторствовали в первый раз в новой столовой, столь обширной и удобной для подобных случаев.

В девять с половиной часов утра в Посольской Церкви о. Сергей Глебов с диаконом Дмитрием Константиновичем Львовским повенчали германского подданного лютеранина Толле, служащего в торговой компании в Владивостоке, с девицей Токаревой, дочерью инженера. Приехали они потом благодарить и пожертвовали тридцать ен на бедных.

23 августа / 4 сентября 1897. Суббота

Было начало уроков во всех наших школах.

Я читал накопившиеся письма с утра до полдня с Давидом Фудзисава. Раз должен был приостановиться минут на двадцать, чтобы утишить

«волнение чувств»: столько просьб о деньгах, что невозможно вынести! Конечно, и они, катихизаторы, не виноваты, — все народ бедный и беспотанный, — от местных христиан не могут добыть — таланта и усердия нет на то, но Миссия в настоящее время похожа на мать с изгрызенными сосцами.

Ученики Катихизаторской школы (пять: старых три и новых два) и Певческой (два: старый один, новый один) ходили на свои классы в Семинарию: аудитория там для них есть, учителям же удобнее. Таким образом в большом каменном доме отныне будут производиться только общие классы пения, в двух классных больших комнатах, внизу и вверху; будут также учиться пению здесь живущие ученики Катихизаторской и Певческой школ.

Учителя Семинарии — академисты и другие — положили для себя правилом — отныне ходить на лекции в хакама; но за то и ученики тоже непременно должны быть одетыми в хакама. Хорошо, если соблюдется это.

Сегодня за всенощной опять начали петь полные хоры, и народу было много, но увы! народ-то этот почти исключительно наши ученики и ученицы.

24 августа / 5 сентября 1897. Воскресенье

Обычное богослужение, с тою особенностью, что иподиаконы при облачении меня за отсутствием главного из них, Андрея Имада, заболевшего, перепутали большой омофор до того, что я принужден был потребовать малый и в него облачился.

Был с визитом у барона Розена: ропщет — и справедливо — на доселешнюю дипломатию, озлившую японцев против России; был потом в Протестантской Англиканской Миссии выразить соболезнование о смерти бисхопа Bikersteth'a, в ответ на известие о сем Archdeacon'a Шау.

На вечерние и утренние молитвы с учениками Катихизаторской и Певческой школ попросился ходить вместо меня о. Феодор Мидзуно, живущий теперь бок о бок со мной (получивший сие помещение с обязанностью принимать в своей комнате японских гостей в то время, когда мне некогда). Сей вечер мы были с ним на молитве.

25 августа / 6 сентября 1897. Понедельник

Дождь рубит все эти дни непрерывный; по японским законам, знать, так надо; ну и пусть. У нас и при этом все ладно.

Справляю корреспонденцию в Россию: жалуясь, что денег не шлют, да прошу, чтобы слали золотом.

О. Павел Косуги, научившись служению, отправился сегодня на место службы, в Токусима, на Сикоку.

26 августа / 7 сентября 1897. Вторник

Трудовой день по корреспонденции. Были с визитом вновь прибывшие на службу в Посольстве: первый секретарь Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл, поляк и католик, но по разговору и приемам славный русский человек, Михаил Алексеевич Андреев — младший секретарь, очень симпатичный молодой человек, и «Vladimir Fomenko», — как значится на карточке, — учитель русского языка, ангажированный японским Правительством чрез посредство своего Посольства и наше Министерство иностранных дел в Петербурге, получивший образование в Одесском университете, родом из Полтавы, — по-видимому, тоже очень хороший человек.

27 августа / 8 сентября 1897. Среда

О. Игнатий Като, обучившись священнослужению, отправился на место своего служения, в Немуро и сопредельные Церкви.

Целый день, без малейшего перерыва, дождь; а теперь еще, в десятом часу вечера, гром и молния. — Я закончил корреспонденцию в Санкт-Петербург с просьбой высылать содержание золотом, также своевременно, и прочее.

28 августа / 9 сентября 1897. Четверг

Ночью была большая буря; наибольшая сила ее была утром, в пятом часу. Года три уже не было такой разрушительной бури. Несчастий множество: заборы разрушены, слабые дома повалены, некоторые фабричные трубы упали, несколько человек убито, немало ранено; особенно много несчастий на рейде в Йокохаме.

У нас в Женской школе забор упал, виноградный обширный навес тоже, в Семинарии железная крыша с кирпичного лампового дома снесена, несколько черепиц с крыши снесено и открылась течь: в Соборе в окна с юга налито много дождя; купол тоже дал течь.

Думал я на сих днях съездить в Кёото и Оосака с плотником Василием, чтобы сообразить насчет предположенной постройки небольших храмов в сих Церквах. Но так как денег на постройку нет, то нечего и ездить. Отдумал.

О. Сергей Глебов сегодня оставил Миссию и переехал в город, куда-то на Кудан-зака. Баба с колес, колесам легче!

С шести часов вечера была всенощная. Пели причетники. В Церкви было человек десять. Учащиеся занимались уроками.

29 августа / 10 сентября 1897. Пятница.
Усекновение главы Святого Иоанна Предтечи

К Литургии в шесть часов пришли все школы; но пели причетники под управлением Львовского, и пели так, что хоть бы в Крестовой Церкви Петербургского митрополита.

Потом мы с Накаем начали наши занятия по исправлению перевода; с послания Святого Апостола Иакова начато. Часы занятий те же: с половины восьмого до двенадцати и вечером с шести до девяти.

Церковь сегодня двух катихизаторов лишилась: Иоанна Ивай, катихизатор в Сакари, только что женившийся, помер,— вероятно, от какке, которою и прежде страдал; подробностей еще не известно, извещено телеграммой; Иосиф Ициномия, бывший в Хиросима, в помощь полупараличному Луке Кадзима, сбежал; получил двухмесячное содержание и дал тягу; этого не жаль,— совсем бесполезный человек. Извещает о. Мукояма, что он в Токио, прилагает и адрес, по которому его искать,— очень нужно! Одним дармоедом меньше!

30 августа / 11 сентября 1897. Суббота

Обычный занятый день: перевод, потом толки с рабочими по ремонтам после урагана.

Из Церквей письма малоинтересные. Несколько интересно только письмо о. Иова Мидзуяма о катихизаторе Савве Сакурада. Послан нынешним Собором в Иокояма и Янаици, где у нас уже много лет не было катихизатора; христиане там ослабели, а протестанты усилились. Только что прибывшему на место Савве случилось быть на протестантской проповеди, которую держали заодно два протестантских катихизатора; про Савву они думали, что это один из новых язычников, пришедший посещать их. Но во время проповеди Савва не выдержал и возразил; завязался спор, и он разбил протестантских проповедников на всех пунктах. Результатом было, что наши христиане очень ободрились, а о. Иов отложил свое намерение перевести Савву в другое место, где — он думал — катихизатор более нужен.— Хорошо, если Савва выдержит себя. Он нынешнего выпуска из Катихизаторской школы; состоит в списке последним, и у его имени написано «назначен (в проповедники) на год для опыта», ибо болен и дурен поведением, то есть сварлив и любит вино.

Был секретарь Пекинского Посольства Соловьев, вояжирующий здесь, — в шляпе красив, без шляпы лыс; в разговоре часто генеральское «что?», на которое приходится повторять прежде сказанное.

31 августа / 12 сентября 1897. Воскресенье

Пред Обедней крещены шестнадцать детей из сиротского приюта Даниила Тадаки, начиная с грудных младенцев до четырнадцатилетней девочки. Умилительно было видеть их группу за Литургией и у Святой Чаши в белых платьях, с крестами на груди, истово крестящихся и молящихся по-детски. Потом они были у меня, обедали, обласканы и отпущены с наказом всегда по праздникам быть в Церкви; обещаны для того дорожные сюда и обратно, по четыре сен, по городской чугунке и обед здесь.

1 / 13 сентября 1897. Понедельник

Из Оою некий христианин пишет: «Россия — мужское начало, Япония — женское; так эти два государства должны составить одно, как муж и жена составляют одну плоть; эту теорию-де я представлял всем министрам, а также посылал в большие газеты — популяризировать ее; но последние не делают сего, — так, мол, подействуйте, чтобы сделали». Таково произрастание китайской философии на японско-земледельческой почве!

В иокохамской газете «Japan Daily Mail» идет состязание католиков с протестантами. Последние к стене приперли Папу, доказав его [?], что он «волк в овечьей шкуре», то есть опасен для государства, как ставящий себя выше государя и всякой на земле власти. Замечательна змеиная натура католицизма; в сегодняшней газете ответ католического ученого патера протестантам, — и ни слова о Папе! Доказывается, что должны повиноваться в делах, касающихся спасения, Церкви и что Церковь непогрешима, то есть статья — самая православная, но совершенное отклонение в сторону от спора с протестантами, — о Церкви только, о Папе хоть бы слово, тогда как протестанты о Папе только и писали. У протестантов нет Церкви, — католик ударил в их слабое место, хоть и смошенничал для этого. У католиков же, во всяком случае, слабое место — папа, иначе не уклонялись бы они от речи о нем; и слабое место это, как видно, для них очень болезненное, ибо боятся и дотронуться до него. — Все вместе это служит невольную службу православию. Солга неправда себе!

2 / 14 сентября 1897. Вторник

День дождливый, деньги из России все не идут, письма из Церквей все однообразные и скучные, — расположение духа убийственное! Впрочем, занятие переводом идет своим чередом.

3 / 15 сентября 1897. Среда

О. Андрей Метокси пишет хорошее письмо из Нагаока, — ждет успеха проповеди там; хвалит и только что начавших проповедников Ал. Арай и Илью Танака. В добрый час!

Сегодня из Токио отправилась к нему, о. Андрею, жена его, остававшаяся здесь поучиться вязанью.

О. Павел Морита просится посетить Токусима, — там-де две старухи (одна из них Камеи) очень любит его и желают видеть. Точно дрянной избалованный ребенок! То — «не хочу на Сикоку», то «хочу на Сикоку». Продиктовал очень строгое письмо к нему.

4 / 16 сентября 1897. Четверг

Пришли деньги из России, — и на сердце полегчало; погода, тоже дрянная, как будто стала получше.

Оо. Савабе и Симеон Юкава приходили рассказывать, что в приходе Асакуса христиане перессорились между собою, и половина — с о. Юкава; не хотят подчиниться ему, собираются просить меня быть их непосредственным духовным отцом. Но последнего не бывает; я общий пастырь всех (хоть и весьма плохой) и не могу исполнять обязанности простого священника по капризному желанию каждого. О. Юкава священник — очень хороший, и христианам нет нужды устраниваться от него. Бунтуют против него плохие христиане из старых, вроде Миеси и Китагава; и о. Юкава виноват больше всего тем, что был слаб и добр к ним: не выключил их из числа «гиюу», когда они почему-то были избраны христианами; теперь и платится за свою слабость. Разладили же христиане между собою — новые и старые; первые, как Мураками-старик, ревностны к увеличению числа христиан, последние — инертны, и позавидовали ревностным, и разгневались на о. Юкава, который, естественно, словом и делом, с лучшими из своей паствы. Буря в стакане воды. И она скоро утихнет — тем более, что за утишение принялся и о. Павел Савабе, к которому о. Семен отнесся прежде всего, как к благочинному. — Выслушал я все, молча, и, слушая, думал: «Сколько бы пользы Церкви было, если бы о. Савабе всегда был вот таким, как теперь! Дело до крайности просто, но о. Савабе сказал: „Нужно епископу доложить и сделать, как он скажет“». Этим они начали свой доклад, и я имел время во время их обычного размазыванья, не теряя нить рассказа, думать: «Если бы пятнадцать лет тому назад о. Савабе говорил то же! Но тогда он был счастлив тем, что ездит на плечах этой слабости олицетворенной — о. Анатолия!» — Как они оба наболели мне на душе!

В Иокохаму на рейд пришел «Рюрик», самый сильный наш броненосец в сих водах. Был у меня лейтенант Головнин, внук Василия Михайловича

Головнина, бывшего в плену у японцев. Говорил, что допытывается, нельзя ли ему в японских архивах найти документы, касающиеся его деда. Конечно, хорошо бы; но едва ли не погорели и не истребились они в Хокодате, Мацмае и Едо. Я рассказал ему о следах Василия Михайловича Головнина, встреченных мною в Хакодате.

5 / 17 сентября 1897. Пятница

Был в Иокохаме, чтобы разменять пришедший вексель миссийского содержания; потом — в Банк Мицуи, чтобы уплатить долг — девять ен, заимствованный, впрочем, под залог миссийских же десяти тысяч ен, положенных у Мицуи на год — с двенадцатого октября прошлого года.

Был у меня адмирал Алексеев с морским агентом Чагиным. Говорил адмирал о нужде иметь в Токио рго-русскую газету; я с ним вполне согласился и советовал внушить барону Розену, чтобы, по совету с умнейшим из японских министров, найти умного японца, который бы стал выше нынешних шовинистских понятий относительно России, сделался редактором издания, положившего программой «сблизить Россию и Японию, ознакомить Японию с Россией и так далее»; обеспечить существование и расход этого издания русскими средствами, приобрести сотрудничество, доброй платой, даровитых писателей, вроде Китамура (нынешнего Кавасаки в Циувоо). Дело это может быть полезно Японии не меньше, чем России; потому и вестись может вполне открыто и честно, — потому и осуществимо, если посланник взглянет на него серьезно... Адмирал обещался говорить об этом барону Розену.

От участия в этом издании, в ответ на настояния адмирала, я прямо отказался, так как сознательно, в интересах моего собственного дела, устраниюсь от участия во всяких политических делах, писаниях и даже разговорах.

Адмирал Алексеев в то же время и прощался: сдал командование Тихоокеанской эскадры адмиралу Дубасову и уезжает в Россию через Америку.

6 / 18 сентября 1897. Суббота

Кончили мы с Накаем исправление соборных посланий.

Отпустил я плотника Василия Окамото, так как все работы по Семинарии завершены. Твердо полагал в начале года начать ныне постройку храма в Оосака, но, знать, Богу не угодно это: раз — работы по Семинарии затянулись, другой — деньги запоздали. Если бы дал Бог в будущем году совершить то! Сказал Василию, что призову его, когда нужно; теперь пусть работает на стороне.

Офицеры с «Димитрия Донского», артисты на балалайке, прислали снятую свою фотографическую группу, как обещали; занесли ее кто-то двое; должно быть, офицеры с «Рюрика», отдали у входа и отправились, вероятно, осматривать Токио.

7 / 19 сентября 1897. Воскресенье

До Обедни крещены шесть младенцев, детей наших христиан.

За Обедней из русских были: секретарь Посольства Андреев и несколько матросов с «Рюрика». Первый хвалил очень наше богослужение, и, думаю, искренно; он — сын богатого московского купца, магазин которого близ Саввинского подворья; когда я жил в последнем, в 1880 году, по сбору на постройку собора, Андреев маленьким мальчиком бывал в Церкви Саввинского подворья, когда я служил; и, вероятно, ныне в душе сравнивал то богослужение с сегодняшним; ну куда же то, в маленькой Церкви с небольшим хором, с нашим, в великолепном Соборе с двумя огромными хорами отличных певчих!

После Литургии были христиане: один студент Университета, родом из Сендая,— недавно оттуда и рассказывал тамошние церковные новости; потом — из Сиракава Саломия Хотта, самая усердная там христианка, мать Николая Хотта, лучшего из тамошних христиан, и с нею двое других; хвалили нового своего катихизатора Иоанна Оно: скучает, что мало дела там, требует от христиан новых слушателей. Очень приятно! Я советовал им поставить себя в положение требовать в ближайшем будущем исключительно для себя, с ближайшими селениями, священника, то есть не скупиться на определение содержания ему: ниткой не привяжешь человека, а веревкой можно,— так чтобы привязали священника добрым усердием в содержании его,— любовью и желанием не на словах, а на деле.

8 / 20 сентября 1897. Понедельник. Праздник Рождества Богородицы

Утро было прелестное: ни облачка на небе. За Литургией кроме учеников, христиан было очень мало; пришло к концу и несколько русских матросов с «Рюрика».

Алексей Обара, регент, приводил свою жену попрощаться — завтра утром едет на родину, в Мориока. Боже мой, что делает безжалостная болезнь! Полгода назад была полная жизни и сил красивая добрая христианка, с совсем еще детским, невинно игривым характером: теперь — едва двигающийся скелет,— так эти чахоточные бациллы поработали! Мать ее и муж везут ее на родину, но, конечно, только для того, чтобы похоронить. Утешал я ее тем, что она дочь Царствия Божия,— пусть не

горюет, а радуется при мысли, что, быть может, Господь скоро позовет ее в тот мир.

О. Иннокентий из Одавара пишет, что недостало для расплаты за лечение и прожитье недавно испрошенных им сто ен, еще тридцать просит. Посланы. Просил еще совета, какой подарок сделать доктору; посоветовал подарить деньгами двадцать-двадцать пять ен (конечно, по расплате за лекарства и докторский труд), ибо вещь можно не угодить,— подарить что не нужно. Извещает вкратке о получении, под утешительным заглавием «все обстоит благополучно», весьма неприятных известий из своей Пекинской Миссии,— о крайней безнравственности служащих в Миссии китайцев. Жаль!

9 / 21 сентября 1897. Вторник

О. архимандрит Иннокентий, совсем вылеченный от малярии, прибыл из Одавара в Миссию. В госпитале там за квартиру и лечение взяли с него по три ены в день; всего же с пищей день обходился ему в четыре с половиною ены; не дешево, но спасибо, что вылечили.

В Катихизаторскую школу прибыл Яков Судзуки,— еще уродец, наподобие моего милого Накая,— такой же маленький ростом, хотя едва ли такой ученый. Посмотрим, будет ли полезен в качестве корректора при печатании наших с Накаем переводов, ибо это собственно имеется для него в виду, хотя он не знает об этом, а думает, что будет катихизатором.

10 / 22 сентября 1897. Среда

Из Саннохе христиане коллективно просят отдельного катихизатора; очень сетуют, что от них взят был оный, и соединена их Церковь с Фукуока. Жаль, что они прежде не писали это и не восхваляли там своего бывшего катихизатора Илью Яци, который, оказывается, все же что-нибудь делал там. Теперь где же взять для них катихизатора?

В Масике, на Эзо, основывается Церковь: просят туда икону для молитвенного дома, книги и прочие церковные принадлежности, просят также наименовать Церковь.

О. Николай Сакураи просит послать в Саппоро учителя пения, который бы вместе мог и проповедывать.

11 / 23 сентября 1897. Четверг

Японский гражданский праздник,— ученья не было. Утром показал о. Иннокентию библиотеку и Семинарию; потом, в восемь часов, он уехал с о. Сергием Глебовым в Никко. Но какой же он рассеянный! Вещи в комнате в довольно разбросанном виде, железный ящик с кучею

денег в серебряной монете не заперт; для начальника Пекинской Миссии, имеющего заводить все снова,— нежелательная черта.

В восьмом и девятом часу, потом еще после обеда, сняты сегодня фотографии: 1. внешний вид главных, вновь отстроенных, зданий Семинарии,— снят из окна второго этажа напротив лежащего госпиталя Сасаки; 2. внутренний вид занятой ученической комнаты; 3. семинарская больница; 4. группа учеников и учителей; 5. вид Женского училища и Семинарии с соборной колокольни, чтобы показать отношение их к зданиям внутри Миссии; 6. вид построенных в прошлом году из материала старой Семинарии двух домов для миссийских служащих — на нижней площадке Миссии; 7. группа учениц и учительниц в Женской школе. Почти все эти фотографии нужны для приложения к миссийскому построечному отчету, почему и сняты.

12 / 24 сентября 1897. Пятница

Даниил Хироока, катихизатор в Токусима, жалостливо пишет о своем товарище, катихизаторе Гаврииле Ицикава,— «болен-де»,— видимо, просит помощи. Послал пять ен.— Петр Исикава приходил просить квартирных причетников Петру Ямбе,— «нужно-де ему выписать жену и детей из Сендая»; обещал я четыре ен в месяц.

Василий Усуи, катихизатор в Ициносеки, кроме двадцати пяти ен — дорожных, уже обещанных на переведение его семейства из Оодате к нему, просит тридцать ен на уплату долгов в Оодате. Отказано в полной сумме, но обещано десять ен без отдачи, тогда как тридцать ен он предлагал уплатить вычетами из его жалованья. Ни за какие долги служащих Миссия не отвечает. Пусть всякий по одежке протягивает ножки; у Усуя же и не совсем коротка одежда: девятнадцать ен в месяц получает.

13 / 25 сентября 1897. Суббота

Утром о. Иннокентий, вернувшийся вчера из Никко, пожелал увидеть наши школы в действии; мне не хотелось бросать перевод, и потому поручил инспектору господину Сенума провести его по классам в Семинарии и Женской школе.

Один язычник, из провинции Мито, очень коротким письмом просит наставления в вере. Послана ему Догматика Фаворова в переводе, и адресован он к катихизатору Петру Мисима, в Оота, ближайшему к нему; а к Мисима препровождено письмо язычника с просьбой наставить его.

На всенощной о. Иннокентий участвовал в богослужении, то есть выходил на литию и Величание. Пели всенощную без Дмитрия Константиновича Львовского, так как сегодня всенощная и в Посольстве, и без Обара, который повез большую жену на ее родину,— с одним Иннокентием

Кису, который на ирмосах праздничных, только что переложенных и разученных, переходил по пленям с клироса на клирос, чтобы задавать тон; пропели, однако, все всенощную ни мало не разнив; кончилась она в половине девятого часа. О. Иннокентий говорил, что устал; у них в Пекине так долго не служат. Проговорили мы с ним потом долго, в его комнате. Хороший он человек, но едва ли обновит Пекинскую Миссию: мелочи его путают и, вероятно, совсем запутают и собьют с толку.

14 / 26 сентября 1897. Воскресенье.

Праздник Воздвижения

О. Иннокентий участвовал в служении Литургии; облачение на нем было то, которое пожертвовал сюда его предместник по управлению Пекинской миссией о. архимандрит Амфилохий; о. Иннокентий сегодня обновил его.

О. Симеон Мии описывает свою поездку в Миядзу и Таиза, хвалит усердие христиан там и надеется, что катихизатор Марк Одагири будет, наконец, хоть несколько полезен, ибо тамошний родом (из Минеяма) и не мало у него знакомых язычников там.

В десятом часу вернулся о. Иннокентий с обеда у посланника и до одиннадцати потом мы проговорили с ним о деле Пекинской Миссии.

15 / 27 сентября 1897. Понедельник

Утром о. Иннокентий распрощался, чтобы отправиться в Иокохаму и оттуда на пароходе в Китай, к месту своего служения. Благослови его Бог успехом!

В третьем часу в Соборе было совершено бракосочетание Григория Такахаси, бывшего катихизатора, за дурное поведение отставленного, ныне переводчика при морском нашем агенте господине Чагине в Иокохаме, с девицей Верой Сига, воспитанницею нашей Женской школы. Сестра Григория Надежда, учительница, устроила этот брак: ей хотелось, чтобы брат для счастья своей жизни непременно был женат на хорошо воспитанной христианке. И это ей удалось.

Василий Усуи попросил дорожные семье и десять ен. Послано тридцать пять ен.

16 / 28 сентября 1897. Вторник

Кончено исправление послания к Римлянам, принялись за Первое к Коринфянам.

Из Кобе извещают, что Юлия Токухиро, единственная наша диако-нисса, совсем умирает от чахотки, — доктора не больше недели ей дают;

брат ее, язычник, прибыл к ней и говорит, что похоронит ее по-язычески, если ему будет предоставлено погребение; потому христиане заранее просят помощи на погребение. Обещано десять ен, прочее пусть сами восполнят, ибо Юлия усердно служила их Церкви и приобрела несколько душ для Христа.

17 / 29 сентября 1897. Среда

Из Ханавы требуют катихизатора, пишут, что есть желающие слушать учение. Когда был там катихизатор, слушателей не было; не стало катихизатора, слушатели явились, — а где им катихизатора взять? Пусть уж в утешение им исполнена будет другая их просьба: даны деньги на наем церковного дома; и напишем катихизатору в Оою чаще посещать Ханаву.

О. Павел Кагета описывает свой объезд Церквей, передаваемых ему от о. Бориса, который вместе с ним и ездил, сдавая Церкви. Просит еще денег на перевод семейства из Яманоме в Оодате, а семейство огромное, — просто беда с этими бесплодными служителями Церкви, растящими только свои семьи!

О. Комацу хвалит усердие катихизатора Якова Мацудаира: в Микурия крестил шесть человек, приготовленных им.

18 / 30 сентября 1897. Четверг

Среди суеты расчетного дня о. Алексей Савабе и катихизатор Павел Савара успели рассказать, что в селении Фудзисава, недалеко от Токио, по направлению к большому городу Кавагое, есть желающие слушать учение. Там замужем за одним ремесленником сестра семинариста Зилота Моки; чрез нее сделался христианином ее муж; и оба они вместе возгордились желанием сделать участниками в спасении и других; почему просили туда катихизатора; Павел Савабе уже был там, познакомился с людьми, из которых одного врага христианства, местного ученого и учителя, Хасимото по прозвинию, успел смягчить и склонить в пользу Христова учения, под которым тот ошибочно до сих пор разумел только протестантство, давно уже проповедуемое там. Павел Савабе снабжен книгами — ему самому, слушателям (Осиено Кагами), в подарки Хасимото и другим, и отправлен вновь туда. Благослови его Бог успехом!

Из Хакодате от «гию-квай» получена телеграмма, из которой можно было понять, что «о. Ямагаке и двое христиан, путешествовавшие минувшим летом на Сахалин, возбудили недоверие, и что требуется туда по сему предмету следователь». Ответено телеграммой на имя о. Ямагаке, что телеграмма непонятна, чтобы в письме изложено было дело, по которому требуется туда следователь.

19 сентября / 1 октября 1897. Пятница

Катихизатор в Аомори, Симеон Мацубара, получающий на квартиру пять ен, требует ныне восемь; о. Борис подтверждает эту просьбу. Написано строгое письмо первому, — мол, «Церковь небольшая, и ты нисколько не стараешься о расширении ее, а денег на содержание себя, то на квартиру, все больше и больше просишь, — не будет тебе по просьбе! Одну ену прибавится квартирных, больше — ни-ни!» О. Борису — то же.

20 сентября / 2 октября 1897. Суббота

В Хакодатской Церкви что-то странное случилось: утром получено коротенькое письмо от о. Петра Ямагаке, содержащее его просьбу об отставке от службы (дзисёку) на том основании, что он-де великий грешник. Отвечено тотчас же телеграммой, чтобы яснее изложил причины своей просьбы. Во всяком случае, нужно будет послать туда о. Павла Савабе, лишь только вернется из Маебаси, где насаждает о. Морита, мужа своей падчерицы.

Из России получен ящик с иконами из Троице-Сергиевой лавры: тысяча Божией Матери домовых, выписанных за деньги, и пятьсот святого Иоанна Предтечи, четырех форматов, почти все очень малых, как видно, жертвуемых и с книгами из Казанской Духовной Академии, жертвуемыми для здешней библиотеки вследствие моей прошлогодней посылки туда миссийских книг.

21 сентября / 3 октября 1897. Воскресенье

До Обедни крещено пять; из них один из селения Кавагуци, недалеко от Токио, где проповедует Павел Сано.

О. Фаддей посетил некоторые Церкви в Симооса и говорит, что в Циба проповедь идет хорошо, но Григорий Камия, катихизатор, предназначенный на бывшем Соборе в иереи для Симооса, отказался с ним, о. Фаддеем, идти по Церквам, что предположено Собором для испытания здоровья Камия и способности к священническому служению. Сказал я о. Фаддею, что Камия непременно должен исполнить, что указано Собором; ныне он, вероятно, скромничает только.

Рассказал еще о. Фаддей, что у бедного Моисея Мори, катихизатора в Фунао, жена сошла с ума; причиною была будто бы ссора ее с одною христианкою и затаенная вражда к ней. О. Фаддей поэтому перевел Моисея с нею в Тега, где христиане согласились на помещение у них больной; отсюда поблизости, Моисей Мори будет заведывать Церковью в Фунао и других селениях, порученных ему.

22 сентября / 4 октября 1897. Понедельник

О. Павел Косуги извещает, что прибыл на место своей службы, в Токусима; о. Игнатий Като уведомляет, что достиг место своего служения — Немуро, на Эзо.

Из разных Церквей, особенно на юг отсюда, извещения о страшных наводнениях везде и бедах от них. Нынешний год полон бедствий то от воды, то от болезней, а главное — от поднявшейся дороговизны на все, о чем также бесконечные сетования в письмах с просьбами помощи; удовлетворяются последние, по мере возможности; но можно ли сделать все, что желалось бы! Вспыхнуть бы ярче, значило бы — и погаснуть потом, ибо содержание Миссии из России не прибавляется, а убывает.

Прочитал сегодня в газете «Владивосток», в телеграммах от 22 августа (старого стиля), что архимандрит Антоний (Храповицкий) «возводится в сан епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с оставлением его в должности ректора Академии». Дай Бог ему! Быть может, Господь воздвигает в нем великого Святителя. А как нужны такие Русской Церкви, столь бедной энергичными деятелями!

23 сентября / 5 октября 1897. Вторник

Получено письмо из Хакодате от о. Петра Ямагаке в ответ на первую телеграмму отсюда (а не вторую, которою спрашивалось, почему он просит «дзисёку»?). Изъясняет причины разлада с ним его прихода. Сыр-бор загорелся от его поездки на Сахалин вместе с Симода и другими. Те ездили, чтобы устроить дела по рыбной ловле; он, — чтобы посетить христиан, рассеянных там, и преподавать им таинства. Но, как видно, его сообщество эксплуатировано ими — товарищами его по поездке: благодаря его участию они добыли отличные места для рыбной ловли (русские власти там уважили священника); значительные барыши у них впереди. Это возбудило зависть других христиан в Хакодате; стали требовать, чтобы рыбная ловля сделалась общим делом всех христиан, а когда Симода и товарищи его отклонили это требование, борьба разгорелась, и дурные инстинкты выплыли наружу: Канеко, дрянной христианин, но чиновник банка, захотел схватить дело в свои руки, Яманака Алексей, по зависти, должно быть, хочет просто разрушить дело; так как эти лица там — воротилы, то они возмутили всех. Против о. Петра они восстали за то, что он-де заодно с Симода и Ко. И вот требуют удаления его с места на основании уже более расширенном, именно: 1. Что он на стороне Симода и прочих; 2. Что будто бы отпустил Церковь с тех пор, как ему поручено начальствование над церковною школою; 3. Что не может устроить свое семейство, в котором всегда разлад.—

Все это пишет о. Петр, и все это более или менее правда; но из этой правды, однако, вытекает, что виноваты не они, говорящие правду, а он, излагающий сию. Нужно услышать и другую сторону.

Верно одно, что известно было и прежде, что о. Петр слаб до крайности, управить Церковью не может, ни даже свое семейство, в котором мать его и жена наносят ему своей враждой на всю Церковь вот такой громкий позор. Но хакодатские христиане не сами ли избрали его? Ведь он был там прежде катихизатором, и они одобрили и пожелали его иметь себе священником. Притом же, если взять его от них, то кем заменить?

24 сентября / 6 октября 1897. Среда

О. Павел Савабе вернулся из прихода о. Морита и с восхищением рассказывал о своей поездке. В Маебаси, Такасаки, Аннака и Тасино, везде христиане принимали его очень радушно. Христиане Маебаси особенно хороши; этому способствуют особенно счастливые обстоятельства сего года: на шелк у них был редкий урожай, и продан шелк в Иокохаме тотчас же: рисовые поля обещают самую большую жатву; поля Японии страдают от нынешних дождей — Маебаси безопасно от наводнений, и сильные дожди только способствовали процветанию их полей.— Третьего октября в Маебаси было собрание христиан, на котором присутствовало сто двадцать человек, в том числе из Такасаки, Аннака и прочих. Были одушевленные рассуждения о делах Церкви и средствах возвысить и расширить ее. Между прочим, положили просить поставления диакона для всего прихода.— И думают возвести в сей сан Фому Маки, катихизатора в Такасаки (чему и дай Бог исполниться); священнику положили совершать поочередно Литургии в Маебаси, Такасаки и Аннака.— Собрание отличалось замечательным миролюбием и уступчивостью членов друг другу.— О. Павла Морита все Церкви приняли с радостью и с благодарностью за его назначение. Отношения его к христианам нигде ни на йоту не испорчены, а ныне, благодаря посещению о. Савабе, еще более скрепило цементом любви. И благослови Бог дальнейшее процветание сих Церквей!

О. Павел Савабе прочитал телеграммы и письма из Хакодате о тамошнем настроении. Поговорит он с Симода и его товарищем, находящимся здесь, потом еще со мной и отправится в Хакодате исправить, если Бог поможет, тамошний разлад христиан с священником и между собою.

О. Петр Ямагаке письмом, сегодня полученным, ответил на телеграмму отсюда, почему он просит отставки от службы. Причина — в разладе матери его с женой его; ему нужно или развестись с женой, или мать удалить от себя; ни того, ни другого он сделать не в силах, а домашняя его неурядица известна всей Церкви, и все возмущены ею,— это и

заставляет его оставить священническое служение.— Я просил о. Павла Савабе непременно изъять мать о. Петра из его семейства и привезти в Токио, где будет дано ей содержание (пять ен), или даже место «кам-бёофу» в нашем семинарском госпитале, если она пожелает и будет способна к сей службе.

Был литератор и журналист (ныне главный в Циувоо) Кавасаки; просил писем в Пекин, куда едет для изучения Китая; дал письмо к о. Иннокентию. Потом Кавасаки (бывший Китамура) отправится в Европу изучать политику и быт европейских государств. Внушал ему иметь руководящею нитию всей его литературной деятельности ознакомление Японии с Россией и сближение сих двух стран, естественных друзей и союзников в будущем и так далее.

Работа по нашему переводу сегодня вечером прекратилась в половине девятого часа, вместо девяти: Накай заболел сердцебиением, говорит, «какке» — и отправился к доктору. Не дай Бог серьезно захворает?

25 сентября / 7 октября 1897. Четверг

Перевода не было, так как Накай болен. Целый день занят был продолжением составления брошюрного каталога.

О. Павел Савабе у Симода расспрашивал от хакодатском деле, и поговорили они с девяти утра до четырех вечера: только японцы так умеют плодить свои речи! Из длинных писем о. Петра Ямагаке, кажись, все было ясно, — тем более, что слушать господина Симода, значит слушать одну и ту же сторону. Для японца, покуривая трубочку, или по-новому, как о. Павел, папироску, настоящий кейф произносить с придыханием «а-а!», слушая в сотый раз одно и то же.

26 сентября / 8 октября 1897. Пятница

Опять целый день занятия в библиотеке, так как Накай болен и, кажется, долго будет болеть этою несносною «какке».

О. Федор Быстров пишет о предполагаемом назначении сюда о. Сергия (Страгородского). Письмо от двенадцатого августа, раньше телеграммы сюда Саблера. Но не помешала бы моя ответная телеграмма. В Синоде, кажется, на первый план поставлена мысль о архиепископстве здесь, и стало быть о присылке сюда о. Сергия викарным епископом, чему моя телеграмма противоречит.

Пишет еще о. Феодор о несчастиях с Дмитрием Яковлевичем Никитиным, нашим академическим товарищем, ныне протоиереем Сергиевского собора: единственный сын помер, дочь убежала для незаконного сожития, жена ныне померла; безутешно плачет бедный Дмитрий Яковлевич, плачет до того, что темная вода приключилась на глазах, и операцию

ему делали, чтобы не ослепнул. Крайне жаль доброго товарища и достойнейшего из петербургских протоиереев!

27 сентября / 9 октября 1897. Суббота

Савва Сакурада, на которого меньше всего было надежды при нынешнем выпуске, оказывается наиболее одушевленным и успешным из всех ныне подвизавшихся проповедников: совсем ослабевших христиан в Йокохаме поднял и ободрил, приобрел уже девять новых, недавно крещенных о. Катакура, и имеет немало слушателей вновь. О. Иоанн Катакура очень хвалит его усердие, и сам Савва пишет письмо, так и дышащее благодатным влиянием. Дай Бог ему остаться навсегда в этом настроении!

Язычник из провинции Хитацци добрым письмом просит принять его двух дочерей на воспитание в нашей Женской школе. К сожалению, приходится отказать, ибо школа переполнена.

Другой язычник, из той же провинции, недавно просивший христианского наставления, вновь пишет, просит еще книг для познания христианства. Посланы. Написано, кроме того, к о. Титу, чтобы посетил сего язычника и преподавал ему учение. Петр Мисима не может, ибо двадцать два ри от Оота; но Мисима узнал, что язычник этот — человек очень уважаемый в своей местности; значит, можно надеяться водворить там Христово учение.

Перед всенощной зашли ко мне двое русских: мать и сын, инженер, уже год служащий в Владивостоке и ныне получивший месячный отпуск для отдыха. Мать, усевшись на диване, спрашивает меня:

- Вы кто будете?
- Здешний миссионер.
- Комиссионер! — пренебрежительно, сквозь зубы произносит она.
- Миссионер, — поправляет ее сын.
- Тут, говорили нам, есть о. Николай, — где же он?
- Я ношу это имя.
- Но что же тут такое? Монастырь?
- Нет, — стан Миссии.
- Но что же вы делаете? — И так далее, разговор в этаким элементарном виде.

Иностранцы не делают таких вопросов миссионерам, даже и русским!

28 сентября / 10 октября 1897. Воскресенье

О. Павел Савабе попрощался, чтобы завтра утром отправиться в Хоккайдо разобрать ссору тамошних христиан между собою и с священником. Христиане забросали письмами о тамошних дразнях и умоляют как

можно скорее прислать кого-нибудь разобрать их. Дай Бог, чтобы удалось о. Павлу водворить мир и порядок! К сожалению, нечем заменить там о. Петра Ямагаке; но со временем вывести его оттуда необходимо: слаб до крайности, — не в состоянии управить тамошнюю Церковь.

В Обедне был и потом зашел ко мне Моисей Хамано, только что выпущенный из тюрьмы на поруки. К сожалению, не смирился. Я ему говорю: «Пусть прошлое останется позади; но будущее-то сделай безукоризненным; еще ведь половина жизни впереди; кстати и сыну оставь за собою доброе имя» (его сынок был с ним). А он: «Сердце у меня и теперь чисто; это — дело компании». Он, начальник компании, не признает за собою плутовство (употребление в дело забракованных водопроводных труб), за которое сидел два года в тюрьме, и за которое суд еще не окончен! А не покаяться и не смирился, значит и впереди — опасность от падений. Жаль!

29 сентября / 11 октября 1897. Понедельник

Утром были хакодатские христиане Игнатий Симода и Павел Нагасе. Показывали документы, по которым им даны рыбные промыслы на Сахалине. Оказывается, что они представились в Александровском Посту хлопотать о разрешении им ловить рыбу, как радетели Церкви, с обещанием третью часть выручаемого прибытка отдавать на дело распространения христианства в Японии. Неудивительно, что там приняли их с полным сочувствием и постарались удовлетворить их просьбе, несмотря на то, что там положено было японцам больше не давать разрешений на ловлю. Священник Александровского Поста составил и написал от имени Симода и Нагасе прошение к начальнику Поста, в котором именно и упоминалось, что они третью часть будут отдавать на Церковь. Начальник Поста от губернатора исходатайствовал разрешение, которое и дано официальными документами, на имя Симода и Нагасе, с указанием мест ловли. Все эти документы я прочитал и еще яснее узнал дело, которое уже знал. — Но Симода и Нагасе вместо того, чтобы воспользоваться данными им правами, продали их какому-то язычнику на три года за 2.500 ен. В оправдание говорят они, что денег не имели, чтобы самим вести дело. Но тут начинается история их разлада с хакодатскими членами церковного совета, история, которую нельзя понять, не слыша другой стороны. Так или иначе, видно, что они не заслужили доверия хакодатских христиан, иначе были бы у них деньги для ведения самим дела. По их словам, хакодатские христиане говорят им: «Отдайте нам документы на ловли»; но они, очевидно, не могут этого сделать, ибо документы на их имя, и они начали дело. Что дальше будет, увидим по исследовании всего о. Павлом Савабе. Симода и Нагасе я советовал привести все к миру и самим заняться делом, а также исполнить

условие внесения Церкви трети выручки; если всего этого не исполняют они, то могут лишиться и ловель, и чести пред русскими властями на Сахалине, и посрамить тем Японскую Церковь.

Между сегодняшними письмами три от язычников: 1. Из селения близ Ханاماки: просят проповедника; написано к катихизатору в Мориока Петру Тахакаси, чтобы снесся и узнал яснее дело; письмо язычника препровождено к нему.

2. Из Акита, округа Окаси, селения Иннай: пишут, что тотчас же дан будет для церковного служения дом, имеются до ста желающих слушать учение, и прочее, весьма лестное. «Похоже несколько на Цицибу», как выразился секретарь Нумабе; но кто знает? Может, и искренно; потому положено отправить туда ближайшего по месту катихизатора Илью Накагава. Хоть — тоже — ох, как далеко, и чрез горы! Но в утешение Ильи, обещана — на семейство некоторая помощь в его отсутствие, и прочее.

3. От писавшего прежде, Исикава, из Макабе города; превосходное письмо; видно, что человек ученый; кроме того, что уже знаком с католичеством и протестантством, но предпочитает им православие. О буддизме пишет, что это не больше, как отрасль философии; об инославных, что они хороши и полезны, но полной истины не содержат. Сия последняя только в Сейкёо [?], — которое он узнал по посланной к нему «Тейри коодзицу» (Догматика Фаворова), которую он читал и перечитывал несколько раз, — и ныне питает горячее желание принять Святое Крещение. — Письмо это препровождено к о. Титу с указанием, которое уже и прежде дано было ему, — отправиться к Исикава и наставить его окончательно. Между тем, написано и ему и послано еще несколько книг, в числе их молитвенник, так как он писал, что молится.

Когда в шестом часу вечера вышел погулять на каменном помосте у Собора, с востока поднималась полная луна; но еще не потух свет вечерней зари, — луна казалась круглым синеватым облаком и лишь только поднялась, попала в полосу густого дыма от какой-то фабричной трубы; но уже верхний край ее стал вырезаться над дымом. В это время подошел секретарь Нумабе. «Посмотрите, — говорил я ему, — вот подобие христианства ныне в Японии: ненависть и злохуления собираются потемнить его, как этот дым луну; но — луна, видите, величественно начинает выплывать; не то ли с христианством? Эти многочисленные письма не свидетельства ли тому?» Во время разговора о сем подошел еще Иоанн Сенума, инспектор, который, между другими сообщениями, сказал:

— На днях был у меня барон Маденокоодзи и спрашивал, можно ли здесь воспитаться мальчику — сыну одного придворного? С малого возраста он питает склонность к религиозной части, и отец желал бы отдать его в вашу Семинарию.

В это время луна уже стояла золотым шаром высоко над едва заметным дымом. Я указал Сенума на эту аллегория, которой, быть может, и он ныне представил одно из пояснений; рассказал, вместе с Нумабе, и о

письмах язычников, просящих катихизации. Благочестивый Сенума, видимо, порадовался.

Впрочем, не вдаваясь глубоко в благочестивую поэзию, мы положили, если будут просить о принятии сего сына царедворца в Семинарию, наперед хорошенько разглядеть, не с изъянами ли он такими, которые были бы заразительны для наших семинаристов; не испорченный ли глубоко в нравственном отношении; в таком случае просьбу их отклонить; если же это действительно, склонность к религиозности, то это, быть может, подарок Провидения Семинарии и чрез нее Церкви.

Немецкий миссионер Christlieb пишет, что они издают историю протестантских миссий в Японии, но что в Appendix будет дано по пять страниц прилагаемого формата (и приложен лист, на котором тут же немцем и высчитано, что на странице помещается триста слов) миссиям греческой и римской; так не угодно ли, мол, воспользоваться сим и написать вкратце историю Греческой Церкви в Японии? — Я ответил, что писать по-английски не могу, но охотно сообщу сведения, если спросит меня он, и что ежедневно два-три часа afternoon I am at lecture.

Послано в Кобе десять ен на погребение Юлии Токухино, о смерти которой вчера получено было известие. Единственная диаконисса, служившая до сих пор Церкви. Царство небесное ей!

30 сентября / 12 октября 1897. Вторник

Кончив вчера брошюрный каталог, принялся за перевод расписок к счетам. Накаи все еще болен, перевода Нового Завета, к несчастью, нельзя продолжать. — После обеда был о. Алексей Савабе — рассказать о состоянии своей Церкви в Коодзимаци, ибо так они в собрании катихизаторов положили — чаще извещать меня обо всем в своей Церкви. Дело проповеди у них — не блестяще, но везде идет, — ни одного катихизатора нет без слушателей; воскресная школа — в цветущем состоянии; печатают они красивые листки с текстом среди орнаментов и раздают их детям; получивший листок должен к следующему воскресенью знать текст на память, — остроумное изобретение! Из соседних Церквей просят у них таких листков, узнавши о них (отпечатание тысячи листков стоит три ен; правда, печатают христиане же). Я советовал о. Алексею то, что он рассказал мне, рассказать в всеобщее сведение на страницах «Сейкёо-Симпо», — не все разом, а в одном номере о состоянии проповеди в Церкви Коодзимаци, в следующем — о воскресной школе при Церкви, с описанием употребления листков; еще в следующем — о чем-нибудь особенном в Церкви, например, что ныне положили они советом катихизаторов на погребение каждого умершего в их Церкви — участвовать всем катихизаторам и побуждать к тому же христиан их приходов; потом опять о состоянии проповеди и так далее. Этим они, и не думая о

том, могут немалую пользу приносить Церкви: ибо найдутся подражатели всему хорошему у них.

Из Хакодате Александр Баба, цветущий там адвокат, — некогда ученик нашей Семинарии, прислал четырнадцать кочанов капусты в подарок; поделился я с секретарями, о. Алексеем Савабе, Дмитрием Константиновичем Львовским, и мне еще куча осталась. Спасибо за капусту, и благодарственное письмо будет ему написано; но гораздо приятнее было бы, если бы господин Баба был более живым членом Церкви Христовой в Хакодате. В делах церковных его там не слышно, и в нынешней неурядице его совсем не видно, — а он мог бы производить доброе влияние, ибо умен и авторитет имеет.

На всенощной на литии выходили: о. Павел Сато во главе и с ним четыре иерея. Пение было доброе; проповедь говорил о. Роман — о Покрове. Дождь рубил весь вечер; к счастью, во время выхода из Церкви усмирился, чтобы пощадить платье бедных учащихся. (Из посторонних почти никого не было).

1 / 13 октября 1897. Среда. Покров Пресвятой Богородицы

Литургию совершали со мною пять иереев. Приобщались: старик врач Яков Такахаси с своей дочерью, пред их отправлением домой, в провинцию. Определил было благочестивый старец Яков свою дочку, которой пятнадцать лет, в нашу Женскую школу, и стала она учиться; но так как товарок у ней оказалось много, и многие пошли успешнее ее, то старания ее не отстать до того изнурили и расстроили ее, что с нею приключилась болезнь: нервные припадки, похожие на сумасшествие, в которых она металась, ничего не сознавая, жалуясь на головную боль и твердя, что она «не отстанет». Положили мы ее в городскую больницу и известили отца, который прибыл тотчас же, захватив с собою, как признался мне, крещенскую рубашку дорогой дочери, думая одеть ее в гробе. К счастью, дочка оправилась, и сегодня оба они благодарили Бога за это и приобщились Святых Таин.

2 / 14 октября 1897. Четверг

О. Игнатий Мукояма пишет, что катихизатор в Хиросима, Лука Кадзима, — и прежде от параличного поражения едва ходивший, ныне совсем без движения лежит. Бедный! Жаль и его, жаль и Миссии: опять большое вдовое семейство — на ее плечи ляжет; а, как видно, скоро конец будет страданиям Луки.

Был Dr. Christlieb; отказался я писать для их Appendix историю Миссии на том основании, что сам не знаю никакой ее истории.

Основана Миссия в 1870 году, и с тех пор вот доселе все шло так тихо, так незаметно, что не на чем остановить взгляд, как стоящем внесении в историю. Итак, пусть, если хочет, сделает краткую заметку в своем Appendix, что Православная русская миссия учреждена, мол, в 1870 году, и за этим приведет статистику ее из листа Loomis'a, который Christlieb сказал, что имеет.

3 / 15 октября 1897. Пятница

О. Игнатий Мукояма пишет, что в Цуяма за ним постоянно следила полиция, и полицейский переодетый слыщик пришел к катихизатору Фоме Такеока расспрашивать о нем; Фома отвечал робко и нерешительно, — что слышал о. Игнатий из другой комнаты. О. Игнатий вышел и сам стал говорить с полицейским; тот записывал его слова и кончил тем, что совершенно убедился в безопасности Отечеству от проповеди, по видимому, иностранной, и сам возгорелся желанием слушать ее. — Странная, однако, подозрительность. Не впервой на нее жалуются священники; конечно, она только провинциальная: в Токио полиция умнее и знает, что от Миссии Японии опасаться нечего.

Из Хацивоодзи катихизатор Георгий Мацуно извещает, что хрис гиа не семьдесят ен истратили на устройство и украшение молитвенного дома; принимая во внимание недавний пожар, от которого они очень много потеряли, нельзя не сказать, что это свидетельствует о их большой христианской ревности. Просят они икону Воскресения Христова и святых Апостолов Петра и Павла, также книг; все будет исполнено.

Катихизатор в Кобе, Варнава Симидзу, очень трогательно описывает последнее время жизни, болезнь и кончину диакониссы Юлии Токухи-ро. Чтобы проповедывать на своем иждивении, она изучила акушерское искусство и получила диплом на акушерку, но — чрез несколько дней после этого и слегла, чтобы уже не встать. Больная, она всем посещающим ее говорила только о Христе, убеждая твердо хранить веру в него, и умерла истинной проповедницей, удостоившись принять и Таинство елеосвящения. Христиане очень усердствовали при ее погребении, истратив, кроме посланных от меня десяти ен, еще тридцать от себя.

Стефан Мацуока, из Фукуока на Киусиу, пишет очень хорошее письмо; Церковь там серьезно начинается: новые слушатели есть, прежние христиане усердны; описывает, между прочим, двух старух-христианок, которые положили, между обычными своими домашними работами, трудиться на Церковь, одна прачечным делом, другая шитьем носков, — и все, что зарабатывают этим, приносят в Церковь.

Илья Сато, катихизатор в Одавара, пишет нехорошее письмо о своем священнике Петре Кано, — что не любят его христиане, что есть причины,

по которым не любят; и просит вызвать в Токио, чтобы рассказать мне лично о сих причинах. Знаю уж! Вероятно, то же, что говорил мне Матфей Кометани об о. Петре. Впрочем, так как уже и катихизатор жалуется, то дело так оставить нельзя, а пусть благочинный о. Павел Савабе,— по возвращении из Хакодате,— отправится в Одавара и рассудит.

4 / 16 октября 1897. Суббота

Утром отправлен в Хиросима, в помощь параличному Луке Кадзима, из Катихизаторской школы Авраам Ёнеяма, бывший некогда катихизатором и ныне находящийся в школе только для повторения учения. Он прислан в школу о. Игнатием Мукояма; и ныне о. Игнатий пишет, что если нет другого кого для Хиросима, прислать бы его. Так и сделаю.

Илья Накагава пишет, что он готов отправиться в Акита, в селение Иннай, по требованию оттуда катихизатора. Послано ему десять ен на дорогу и оттуда, и на прожитие там неделю или две для проповеди, и пять ен семейству в его отсутствие.

Барон Сергей Александрович Маденокодзи был и у меня просит принять в школу детей Фукуба, придворного ученого — четырнадцати и одиннадцати лет. Отец жил некоторое время в Париже; «впрочем, не сделался католиком», — поспешил прибавить барон.

— Почему господин Фукуба хочет определить детей сюда? — спросил я.

— Видит, что буддизм несостоятелен, и потому хочет детей своих сделать христианами. Он желал бы и крестить их тотчас же. Можно ли это?

— Этого нельзя. Четырнадцатилетний может и должен отчетливо усвоить и душевно принять учение; одиннадцатилетний должен по крайней мере выучить символ веры, молитву Господню и десять заповедей; при этом, с позволением их родителей, они могут быть крещены. Четырнадцатилетний мальчик настолько ли развит, чтобы мог проходить здесь учение, и вполне ли здоров?

— Развит и здоров,— отвечал барон и прибавил, что Фукуба вообще отличаются здоровьем.

— В таком случае скажите господину Фукуба, что старшего его сына мы можем принять в Семинарию, если не найдется еще каких-нибудь особенных препятствий к тому; младший же пусть учится в городской школе; к нам он еще мал.— Пусть господин Фукуба побудет у меня, чтобы подробнее поговорить.— (Я рассеянно слушал и смешал речь об отце с речью о сыне.)

Училищный наш врач, господин Оказаки, прислал из своего сада в подарок Семинарии двенадцать бананных молодых деревьев, которые и посажены сегодня на дворе Семинарии.

5 / 17 октября 1897. Воскресенье

До Обедни крещено пять человек. После Обедни был благодарственный молебен по случаю сегодняшнего японского гражданского праздника.

Из Коци (на Сикоку) катихизатор Петр Хиромици пишет, что совсем бесполезно жить ему там, лучше переселиться в Ямада, то есть хочет к своим родным, а в Коци, по своей постыдной лености, Церковь опустил донельзя. Написано ему, что священник, прибывши, на месте рассмотрит дело; о же Косуги написано — рассмотреть.

Из Одавара и от «гиюу» (церковного совета) пришла жалоба на о. Петра Кано. Видно, что надоели они друг другу, — больше ничего; о. Петр не хуже других священников. Впрочем, о. Павла Савабе, по прибытии его из Хакодате, нужно будет попросить тотчас же съездить и разобрать. Нельзя ли о. Петра Кано переменить на о. Петра Ямагаке и обратно? Ибо последний в Хакодате так же опротивел своим прихожанам, как первый своим в Одавара. — От о. Ямагаке сегодня даже и письмо получено — «жалованье на следующий месяц ему не высылать», ибо не надеется дальше служить священником в Хакодате. Жалованье, однако, на одиннадцатый месяц завтра ему придет, ибо не в нищие же ему прямо из иереев.

6 / 18 октября 1897. Понедельник

Павел Накаи выздоровел, и сегодня мы опять выправляли перевод Нового Завета. — Что за ужасная болезнь эта «какке»! Накаи говорил, что если бы еще час, то наверное умер бы. Когда он вернулся домой, то пульс у него был сто пять, и едва льдом тотчас же приложенным к сердцу успели остановить дальнейшее возрастание сердцебиения и вместе предупредить смерть, — ибо такова «какке», что от нее внезапно, по-видимому, малоопасные больные помирают; так помер у нас в Семинарии в прошлом году Илья Камия; так померла на днях — Накаи рассказывал из газеты — одна девица двадцати лет, пришедши в гости в другой дом. В дальнейшее защищение от этого страшного врага Накаи положил совсем отказаться от употребления риса, а питаться вместо него пшеницей.

7 / 19 октября 1897. Вторник

Был в Йокохаме, чтобы разменять пришедший из России вексель миссийского содержания, десять тысяч ен положил на полгода в Банк Мицуи.

Тоска и грусть такая, что не смотрел бы на Свет Божий! Знать, искушение Господь посылает. Или же просто — утомился; долгие годы никогда ни малейшей передышки, — все мысли об одном, и труды по одному

направлению. И хоть бы заметные успехи! А то вялое-вялое движение вперед. Если изредка прорежет сумрак всегдалыщины луч видного успеха, как обрадуешься! Точно на крыльях носишься день-другой! Но как редко такое утешение посылает Господь! Впрочем, Его святая воля!

8 / 20 октября 1897. Среда

О. Тит Комацу очень хвалит дело проповеди в Оота, где и сам ныне. Мало вероятного: Мисима Петр не замедлит рассориться вновь с христианами, и слушатели пропадут.

О. Иов Мидзуяма просит послать десять ен на свадьбу катихизатора Илье Яци, чего я не хотел делать, ибо только ленив сей катихизатор. В уважение просьбы священника пошлю.

9 / 21 октября 1897. Четверг

Диакон Стефан Кугимия приходил просить прибавки жалованья, — «все вздорожало-де». Но получает двадцать ен; если ему прибавить, нужно — и другим, особенно тем, кто меньше его получает. Итак, сказал я ему, что скажу священникам, чтобы собрали старшин церковных и уговорили побудить христиан помогать служащим Церкви.

Из епархии Преосвященного Николая, епископа Алеутского, от псаломщика Александрова получено прошение принять его в нашу Семинарию докончить курс, ибо из России уехал в Америку на службу, не кончивши; «преподают-де здесь по-английски и по-русски»... Как бы не так! Спрашивает «условия поступления» сюда; конечно, — первое из них — «не приезжать сюда»; «какие права дает семинария», дальше спрашивает; какие же она дает? Мне и самому невдомек.

10 / 22 октября 1897. Пятница

О. Павел Савабе кратким письмом из Хакодате спрашивает, что было написано в моем свидетельстве о. Ямагаке, когда он отправлялся на Сахалин? «Оно ныне у меня, — прибавляет он, — но не могу прочитать». В свидетельстве этом обозначено было, что о. Петр — священник, и отправляется на Сахалин преподавать таинства рассеянным там христианам. Но я телеграфировал о. Павлу, чтобы он прислал сюда свидетельство для буквального перевода. Пишет еще о. Павел, что о. Ямагаке вовсе не спрашивал у христиан Хакодате согласия на его отлучку на Сахалин, тогда как я ему поставил в необходимое условие поездки — согласие на то его прихожан, так как он местный священник, избранный и наполовину содержимый своими прихожанами. О. Петр извещал меня тогда, пред своей поездкой, что он говорил с христианами, и они вполне

согласны на его отлучку. Если это неправда, то о. Петр дурно поступил, обманувши меня и христиан. Во всяком случае, прихожане его, как видно, против него сильно возбуждены.

11 / 23 октября 1897. Суббота

Утром, во время нашего перевода, посетил господин Исава, известный ревнитель воспитательного дела, «председатель общества воспитательного». Сказал, что он вчера письмом предупредил меня, что сегодня приедет поговорить; письмо это до меня еще не дошло; принял я его, однако, и ответил на все его вопросы.

— Входит ли религия в предметы обучения в русских школах?

— Без сомнения! Во всех наших школах, от начальных до самых высших и специальных по всем частям Закон Божий самый первый предмет.

— Но не везде так.

— Еще бы! В Америке, например, где столько сект, религию невозможно ввести в общеобразовательные школы. Родители не согласятся. Однако же и там религиозное обучение непременно входит в предметы воспитания: всякая секта имеет свою религиозную школу, куда и ходят дети для изучения своей религии.

— Итак, вы считаете религию необходимою для воспитания?

— Как же иначе? Человек прежде всего должен знать, кто он, какое его назначение и прочее. На сих понятиях, усвоенных умом и сердцем, зиждется все в жизни. Внушите человеку, что он потомок обезьяны и что со смертью тела исчезнет и душа, может ли быть такой человек добродетельным? Он будет добр, пока это ему полезно, как добра и обезьяна, пока ее ласкают; но учинит тотчас и зло, если увидит, что это ему полезней, как обезьяна украдет кусок сахара, потому что любит его. Совсем иное, если воспитать человека в понятии, что он — сын Божий и наследник Царствия небесного, каков и есть на самом деле, и прочее.

Потом была речь о положении инославия в России, об отношении Императора к Церкви и подобное. Господину Исава, как видно, уже очень внушены ложные понятия обо всех этих предметах, ибо с протестантами и католиками он толковал о занимающем его предмете, и ко мне пришел последнему. Вкратке старался я исправить его понятия, снабдил его книгами и звал бывать хоть каждый день в послеобеденное время.

После обеда были два христианина из Оосака: Петр Ниси, тесть Василия Таде, ныне катихизатор в Оказаки, и Мелетий Накано, один из тамошних церковных старшин. Длинными-длинными речами, по японскому обычаю, без всякого дурного слова старались они уяснить мне, что «о. Сергей — ни к чему не годный священник в Оосака, — не любят

его там, не способен он управлять Церковью». Два часа я имел терпение слушать их с приветливым видом, угощая чаем. И верно для меня только то, что трудно уладиться с японцами: надоедает им скоро все,— подавай новое. О. Сергей, правда, еще молодой и неопытный иерей, но очень усердный, неглупый, развитый, ибо окончил Семинарию,— и красноречивый: оосакским христианам полюбить бы своего пастыря, посписходить пока его неопытности, пользоваться добрым от него,— куда! Подавай им идеал, а главное с деньгами! Больше всего христиане недовольны о. Сергием за то, что там в церковном доме крыши текут...

Из Владивостока пришло прошение одного мещанина принять его сына, кончившего курс в Иркутском духовном училище, в здешнюю Семинарию. Но куда же, когда здесь преподавание на японском! А как хорошо бы поставить нашу Семинарию в такое положение, чтобы она могла удовлетворять сей насущной потребности духовного образования и американских наших христиан, и восточной нашей окраины!

Был наш консул из Кобе Федор Иванович Васильев. Как он выгодно для себя изменился, когда женился!

12 / 24 октября 1897. Воскресенье

До Литургии было крещение четырех.

После Литургии много японских гостей, между прочим, усердная христианка из Фуса, близ Тега, говорившая, что задумывает Церковь строить там; я обещал иконы.

Из Хакодате о. Павел Савабе извещает, что тамошнее расстройство начинает улаживать. Помогите Бог!

Пред вечером Дмитрий Константинович Львовский пришел просить дать молитву его жене, родившей дочь в прошедшую ночь. Дал и получил на Церковь двадцать пять ен.

Как ни стерегись, а осенью непременно простудишься: горло болит, говорить трудно,— а при переводе непременно нужно.

13 / 25 октября 1897. Понедельник

Получен указ Святейшего Синода, от третьего сентября, что отцы архимандрит Сергей, настоятель Посольской Церкви в Афинах, и иеромонах Андроник, инспектор Александровской миссионерской семинарии, на Кавказе, назначены сюда миссионерами. Слава Тебе, Господи! Дай, Господи, чтобы они доехали сюда благополучно и оказались здесь теми людьми, которые просят от Бога и ожидают здесь много-много лет!

О. Павел Савабе из Хакодате пишет, что христиане никак не хотят иметь о. Петра своим священником, и что он сам, о. Петр, настоятельно

просит отставить его от священнического служения по глубоко сознательной им неспособности к сему служению. Я написал о. Павлу, чтобы он устроил общее собрание всех христиан для рассуждения о сем, чтобы это собрание было в Церкви, рассуждения предупреждены молитвой и прочее. Написал и общее письмо ко всем христианам в Хакодате, чтобы вновь, пред лицом Божиим, размыслили и рассудили о священнике; о. Петр ими самими избран во иереи для Хакодате, был их духовным пастырем несколько лет, и теперь они, без достаточно основательных причин, так безжалостно изгоняют его! Пусть подумают и о том, что, изгнавши его, они останутся без священника, по крайней мере, до будущего Собора, ибо где же я возьму человека для пастырства им?

Был о. Алексей Савабе, предупредивши наперед (согласно моему внушению), что явится в три часа поговорить о церковных делах.— «Павлу Савабе, проповедующему недалеко в селении, надо три ены в месяц на квартиру». Ладно! «В будущее воскресенье будет год, как началась воскресная школа в Коодзимацци: маленький праздник надо устроить». Три ены обещал на квасы детям. О. Алексей поморщился,— ожидал больше, видно. «По соседству с Церковью в Коодзимацци земля продается, по шестнадцать ен за цубо». Покупать не на что, да и не нужна земля в этом месте, совсем глухом.— По течению речи, советовал я потом о. Алексею возрастать в духовной опытности, непрерывно посещая христиан своего прихода, с разумным рассуждением, когда к кому прийти, чтобы дому полезно было, о чем кому сказать в назидание, и так далее.

14 / 26 октября 1897. Вторник

В Женской школе тринадцатилетняя девочка, Лукия Кагета, дочь о. Павла, захворала ужасною болезнью; третьего дня, во время занятия гимнастикой,— без учителя,— бежа с другими, она неловко повернулась; затем, пришедши в класс шитья, вдруг почувствовала боль в спине,— свело ей ноги, сделались с нею корчи; и до сих пор она скорченная лежит и, в добавок, не вполне себя сознает,— говорит в полузабытье,— не ясно, так как и язык во рту скорчен в комок; словом, головной и спинной мозг у нее повреждены. Завтра отдадим ее в университетскую больницу, к лучшим здесь докторам. Но, конечно, не от неловкости поворота ее все это,— у детей тело гибко,— всячески ворочаться им не в диво; а в организме ее таился недостаток, ныне вышедший наружу; недаром она всегда казалась несколько странною: умная, а всегда с разинутым ртом,— порывистая, часто грубая,— со всеми признаками нервов не в порядке. Какая мука смотреть на эти страдания ребенка! Ведь это последствие первородного греха, то есть греха какого-то мерзавца из ее ближайших предков, развратом растлившего себя для себя и своих потомков до пятого рода!

15 / 27 октября 1897. Среда

Лукию Кагета положили в больницу при Университете. Доктор Бельц, профессор, лучший врач в Японии, осмотрел ее и ласково успокоил надеждою на выздоровление. Будет стоить содержание ее там восемьдесят сен в сутки, кроме платы сиделке, без которой она обойтись не может.

Заявился о. Павел Морита: приехал из Маебаси взять запасных Святых Даров и поговорить о своих церковных делах; прямо заявил, что думает переставить Явата и Эндо на места друг друга; я ему так же прямо сказал, что это нельзя,— совсем беспричинная переделка того, что недавно определено Собором.

— Николай Явата, мол, теперь одушевлен, а Савва Эндо вял,— между тем как в приходе Саввы есть желающие слушать учение.

— А в приходе Явата нет?

— Напротив, очень много, и он теперь с одушевлением проповедует.

— Так зачем же вы хотите его оторвать от дела, которое его заместитель, быть может, убьет своею вялостью?

— Аннака ближе к Маебаси, чем Сукагава, и я мог бы чаще видеть Эндо и наблюдать за ним.

— И Сукагава недалеко от вас,— употребите теперь влияние ваше на Савву, одушевите его и заставьте трудиться. Ровно год тому назад он был весьма оживлен и усердно трудился, между тем как на Явата священник его жаловался, что совсем ничего не делает. Они стоят друг друга, и замещать одного другим незачем, тем более, что у Явата огромная семья, а в Аннака есть церковный дом, где он может помещаться, тогда как Савва вдвоем с женой.

Много и другого говорено и советовано было о. Павлу по части его служения. Но исполнит ли? Верхогляден он.

16 / 28 октября 1897. Четверг

Роман Фукуи описывает свое посещение христиан в Никко и Асио, где много христиан рассеяно, и немало между ними усердных, хотя есть и охладевшие, как тот, с которым я виделся в Асио, и который теперь также плох. Но прискорбней всего то, что Фукуи пишет о плохом состоянии Церкви в Уцуномия, резиденции его же и о. Тита Комацу. В иллюстрацию приводит факт: недавно молодой образованный христианин и кончавшая курс гимназии христианка поженились между собою по-язычески, без благословения Церкви да еще и смеются в глаза всем,— «мол-де, не чувствуем угрызения совести,— Таинство какое-то брака — это выдумки русской Церкви, мы же японцы». И так далее. Стало быть, или крещены без знания веры, или по крещении оставлены без пастырского

попечения. Во всяком случае,— о. Тит, значит, плох! И за ним необходим надзор благочинного. Но где взять благочинных-то? Один о. Савабе только и есть. Письмо оставлено до него, пока он приедет из Хакодате, после чего, впрочем, ему тотчас же нужно отправиться в Одавара; и затем уж он пусть отправится и в Уцуномия.

17 / 29 октября 1897. Пятница

Из сегодняшних интересно письмо катихизатора Иоанна Синовара. Описывает свою поездку на погребение отца своего, который несколько лет тому назад за принятие им, Иоанном, христианства лишил его своего наследства и благословения. Отец — богатый земледельец в Кадоме-мура, провинции Акита, был весьма усердный буддист, о чем свидетельствует сочиненная им молитва, которую Иоанн приложил к письму, а также письма к нему почтенных бонз, одно из таковых тоже приложено. Иоанн очень скорбит, что отец его умер в слепоте,— но тому причиной, знать, была его огрубелость душевная, которую и слезами любви сыновней нельзя было смягчить. Родные приняли было Иоанна, явившегося на погребение, очень хорошо, но потом тоже рассердились на него за то, что не молился по-буддийски в кумирне, при буддийском отпевании отца. Пишет все это Иоанн по возвращении в Мидзусава, место своего катихизаторского служения. Просимые им книги к его брату и родным — по первому его письму — посланы, по нынешнему — пошлются.

Господин Исикава,— в Макабе, в провинции Мито,— что просит христианского научения, оказывается уже знакомым с ним; слушал когда-то в Коодзимаци Павла Нициума. Сам родом из Вакаяма; кочующий учитель; звал в Макабе протестантского проповедника, но этот оказался не удовлетворяющим его,— а по жалобе на то принципалу протестантского проповедника, и от принципала не пришло удовлетворения; оттого ныне и вспомнил о православии и обратился сюда. Все это пишет Фома Оно, которого о. Тит посылал в Макабе. Увидим, что дальше будет.

18 / 30 октября 1897. Суббота

О. Игнатий Като пишет, что, к сожалению, не может в этом году посетить христиан-курильцев на острове Сикотане; сообщения с сим островом очень неправильны, и он боится там зазимовать, если отправится. Нечего делать!

Павел Оокава, катихизатор в Хигата и прочих, просит прибавки жалованья,— семья-де большая. Послано единовременно пять ен и написано к о. Борису, чтобы у местных христиан требовал для него помощи. Миссия дает ему двенадцать ен и две на квартиру и содержит двух дочек

в Женской школе; дать больше было бы несправедливо относительно других, — а всем Миссия прибавить не в состоянии.

Посланник барон Розен был, вместе с Нагасакским консулом Устиновым. Просил барон служить в Посольской Церкви двенадцатого октября, в день Восшествия; вместе с этим пригласил раз навсегда служить в Посольской Церкви во все наши высокаторжественные дни: именины Государя, рождение Его и Государыни и прочие. И долг, и душевное расположение мое как нельзя более совпадают с сим приглашением, которое и будет исполнено неопустительно. — Показал барону и Устинову библиотеку, Женскую школу и Семинарию; в Библиотеке показал книгу его брата «Василия Болгаробойца» и просил дальнейших сочинений ученого его брата.

Вчера пришел из селения Сима, в одной ри от Ханамаки, молодой земледел Ицикава, сосед по дому Ильи Такахаси, которого сын — семинарист Николай — недавно здесь помер, — пришел с единственною целью — просить крещения; слушал он учение у Петра Ока во время каникул, читал потом Евангелие с Ильей Такахаси, и вот благодать Божия воспламенила его до столь решительного путешествия из такой дали. Принес он ко мне письма от о. Бориса Ямамура, ведению коего подлежат те места, и от Ильи Такахаси; вчера я, среди хлопот по месячным расчетам, не имел времени и прочитывать их, а только узнав, в чем дело, сказал о. Федору Мидзуно испытать пришедшего, достаточно ли знает христианство, чтобы быть допущенным к крещению. О. Феодор, по испытании, нашел его вполне достойным крещения, которое сегодня до Литургии и было ему преподавано; за Литургией он, раб Божий Моисей, приобщен был Святых Таин; а после был у меня, и я долго беседовал с ним; прочитал и его письма. Илья Такахаси очень просит катихизатора для Ханамаки и Сима; о. Борис подтверждает просьбу, присоединяя Коорияма, где недавно помер катихизатор. (По железной дороге между Ханамаки и Коорияма меньше получаса, — так что эти места могут быть легко соединены). Моисей усиливает просьбу, говоря, что в Ханамаки между его знакомыми прямо есть человек двенадцать желающих слушать учение, в Сима также три дома есть. Итак, катихизатор туда, действительно, необходим немедленно (ибо Петр Такахаси из Мориока, где единственный катихизатор ныне, не может быть проповедником в Ханамаки; хотя номинально ныне оно и под его ведением). Просят Петра Ока; но он еще не кончил курс. Больше некого послать. Посоветуюсь с учителями. — Так как Моисей пришел прямо для крещения, то он и пришел прямо в Миссию; здесь он и оставлен гостем на день-два, пока решится дело о катихизаторе. Это очень симпатичный, умный и развитой молодой человек. Лице его так и светится счастьем, ныне обитающим в его сердце, очищенном, просветленном и удовлетворенном ныне воспринятыми благодатными таинствами.

20 октября / 1 ноября 1897. Понедельник

Иван Акимович Сенума, вернувшись из Хацивоодзи, — куда (на его родину) звали его на освящение молитвенного дома, и куда он отправился в субботу вместе с о. Фаддеем, диаконом Яковым Мацуда и певчим Накасима, — рассказал о празднике христиан в Хацивоодзи: в субботу вечером была всенощная с проповедью, в воскресенье — крещение нескольких, потом освящение молитвенного дома, потом Литургия, за которую Сенума сказал проповедь, — затем общая трапеза; вечером — волшебный фонарь с рассказами господина Сенума о Святой земле и из священной истории — о содержании картин; три часа занял фонарь внимание присутствующих. Христиан на освящении было человек шестьдесят; было немало и язычников. — Молельня устроена с отделением для алтаря, как и в прежней, сгоревшей.

Смотрел послеобеденные занятия в школах: гимнастику новый учитель очень хорошо, занятно преподает в Женской школе и Семинарии, там и здесь с песенками и разными развлекающими и смешными артикулами; китайско-японского языка классы идут исправно: учителя вовремя явились и хорошо вели объяснения; ученики также найдены в порядке.

21 октября / 2 ноября 1897. Вторник

Праздник Восшествия на престол государя Императора Николая II. Был и я в Посольской нашей Церкви на Литургии и потом служил с о. Сергием Глебовым молебен. После завтрака барон показал подарки, присланные нашим Государем Японскому Императору в ответ на подарки нашему Государю в Коронацию. Грифон с часами из дорогого сорта нефрита — на письменный стол, украшением, — оказался разбитым в дороге; поэтому поднесение подарков остановлено, пока из России получится другой. Прочие вещи: серебряный чайный сервиз, ликерный серебряный прибор, ваза для цветов на обеденный стол, с зеркалами под нее, подсвечники, — для Государя и ручное зеркало и ящик — резной из камня для Государыни, — все массивного серебра, но сравнительно с тонкостью японских орнаментальных поделок — грубой работы. Подарок вообще — не являющий ни внимания, ни щедрости Русского Императора. Что это в сравнении с тем, что оказано было Сиамскому Королю в России! А в Японии, что ему сделали в Оцу? Не скоро изгладится след сего несчастного события, столь позорного для Японии!

О. Алексей Савабе приходил рассказать о своей Церкви. Посоветовал ему поместить катихизатора Фому Исида в Иоцуя на место Като, а сего в Аояма на место Исида. Жалуется о. Алексей на неопытность Като и негодность его для такого большого прихода, как Иоцуя, а сам держит

лучшего и наиболее опытного из своих катихизаторов Фому Исида в Аояма, где христиан совсем мало...

С шести часов была в Соборе всенощная по случаю завтрашнего японского гражданского праздника; пели причетники; молились все учащиеся. Мы с Накаем занимались дома переводом.

Иван Акимович Сенума просил для учеников сделать занятным сегодняшней вечер — насколько его останется от всенощной — для приготовления уроков на послезавтра с тем, чтобы завтра вечером ученики не занимались, — устанут-де от дневных прогулок. Я согласился с тем, чтобы это было в виде опыта: пусть учителя посмотрят послезавтра, приготовлены ли были уроки? Если окажутся исправными ученики, то можно и вперед разрешать им это. Еще: чтобы завтра к пяти часам вечера, то есть в сумерки, все непременно были дома, — и пусть отдыхают, ведут беседы, сочиняют энзецу, кваси и тому подобное. Бродить же по городу вечером мальчикам опасно в нравственном отношении, как уже показал опыт.

22 октября / 3 ноября 1897. Среда

По случаю японского гражданского праздника с семи часов была Литургия, которую служили три иерея и пели оба хора; на благодарственный молебен выходил и я.

Погода все эти дни стоит чудно хорошая: тихо, солнечно, тепло, — учащимся хорошо было гулять.

Русский гость из Корсаковска, на Сахалине, Гавриил Амосович Крамаренко был; тамошний рыбопромышленник. Рассказывал, что наши христиане, бывшие с о. Петром Ямагаке, весной, в Корсаковске получили для рыбной ловли такое место, которое до сих пор никому, в том числе и просившему его Крамаренко, не было отдано: место в заливе, в который впадает река, по берегам которой деревни поселенцев; ловля в заливе преградит ход рыбы в реку, чем обезрыблены будут все вверх лежащие деревни. И такое место отдано было губернатором нашим христианам, в уважение просьбы японского священника, за которого стал просить там еще русский священник, и потому что они дали обещание треть барыша от ловли отдавать на дело распространения Христовой веры в Японии! К несчастью, христиане наши не оказались достойными сей милости. «Почему-то рыбы не ловили они в только что кончившийся лов; едва ли останется за ними это место, так как губернатор переменялся; и многие ропщут на дозволение, данное прежним губернатором», — рассказывал Крамаренко. Не ловили христиане сами потому, что перессорились между собою; но ловил вместо них язычник где-нибудь в другом месте, еще лучше, чем то, о котором говорил Крамаренко: ибо Симода продал кому-то право ловли за тысячу двести ен; купивший же,

разумеется, маху не даст. Крамаренко даже и не знал, что наши христиане, кроме места, которое он разумел, получили еще пять. Говорил еще он, что в Хакодате язычники, имеющие ловли на Сахалине (все они знакомые его, — и угощали его в Хакодате), очень бранят о. Ямагаке, — называют его бонзой-шарлатаном, очевидно, приписывая ему успех наших христиан в просьбе на Сахалине, что может быть и правда, но в чем он-то сам, по моему искреннему убеждению, останется совершенно невинным, невинностию простака-добряка, невинностию (можно сказать) мертвой скрипки, на которой всякий, взявший ее в руки, может наигрывать все, что ему вздумается. — Крамаренко родом из Астрахани, куда ныне направляется, чтобы основать Компанию, добыть капитал и ввести его в дело для расширения начатого им промысла; начал он его без всяких средств, прибыв на Сахалин четыре года тому назад с одною лишь опытностию в рыбном деле и духом предприимчивости. Ныне дело его доведено до такого состояния, что генерал-губернатор Духовской, недавно посетив Сахалин, высказал ему большое одобрение, обещал выхлопотать казенную субсидию, снялся, стоя вдвоем с ним, велел одну падь назвать его именем и прочее.

23 октября / 4 ноября 1897. Четверг

Из Иннай Илья Накагава извещает следующее: пришел он там к Курита, состоятельному земледелу, пошел потом к Мисима, бродячему человеку, и узнал, что звали они проповедника — не в видах учиться христианской вере, а в видах открыть прилив денег в свою местность для разных благотворительных целей, ибо слышали они, что как только кто заявит желание слушать христианство, так тотчас дают много денег; думали они, по крайней мере, десять тысяч ен получить тотчас же. Думает Илья, что это инициатива бедняка Мисима, а не Курита. Когда он разубедил их в их чаянии и предложил слушать вероучение, то послушали и сие, но, видимо, не к утешению Ильи, ибо он пишет, что возвращается восвояси.

Говорил секретарь Нумабе, когда читал просьбу о катихизаторе из Иннай: «Ох — что-то похоже на Цицибу!» Так и вышло, хотя я чаял лучшего. Впрочем, и в Цицибу же остался след призыва нас туда, — отчего тому не повториться теперь? Напишем к Курита, чтобы коли истинно пожелает слушать Христово учение, известил, — будет послан катихизатор.

Иван Акимович Сенума приходил сказать, что присланы двое учеников в Семинарию из Оота, в Мито, — один из коих своекоштным, — «имеет де, по окончании курса, вернуться домой». Но куда же теперь! Опоздали. Пусть явятся для приема, коли хотят к первому сентября будущего года. Сенума говорит, что все учителя того же мнения.

Жаловался еще Сенума, что у него сапоги украли из ящика у входа. Вероятно, вор пробрался под предлогом осведомиться о школьных правилах. Сказал я, чтобы дворник строже смотрел за входной калиткой, и чтобы он давал экземпляры школьных правил спрашивающим оные, которые в таком случае не будут иметь предлога идти далее во двор.

24 октября / 5 ноября 1897. Пятница

Утром отправился катихизатор Петр Ока, ученик старшего курса Катихизаторской школы в Хананаки и Сима на проповедь, вместе с Моисеем Ичикава. Скажет Ока катихизации, от начала до конца, по Осиено кагами тем, которые, по словам Моисея, просят учения (двенадцать человек в Хананаки, три дома в Сима); прибудет потом о. Борис Ямамура преподавать крещение тем, кои пожелают, и, по испытании, окажутся достойными сего; за сим Петр Ока вернется в школу оканчивать свой курс. Так положено; а Бог даст, увидим потом.

Авраам Ионеяма из Хиросима пишет, что есть желающие слушать учение, и он будет учить их; но что Лука Кадзима окончательно паралитик: не может ни говорить, ни владеть кистию; не владеет почти совсем ни руками, ни ногами.

Какая жалость! Трое детей дома — мал мала меньше, и двое здесь в школах. Жаль и семью, жаль и Миссию!

25 октября / 6 ноября 1897. Суббота.

Токио

О. Павел Савабе из Хакодате пишет, что минувшего первого числа устроил общее собрание христиан, согласно моему письму. Собрались в три часа в Церковь. Он сотворил молитву с коленопреклонением и призыванием благодати Святого Духа на рассуждения; потом прочитал мое письмо к христианам, чтобы приняли по-прежнему своего священника, о. Петра Ямагаки; сказал затем речь, в коей старался оправдать недостатки о. Петра, что он, мол, по природе несообщителен, так что и священники Хоккайдо, проезжая к своим местам чрез Хакодате, останавливаются не у него, по его нелюдимости, и прочее. Затем, не давая рассуждать, предложил свое решение проблемы, как устроить расстроившуюся Хакодатскую Церковь, которой он, кстати сказать, наговорил в своей речи кучу комплиментов, что она-де — мать японских Церквей, образец их и подобное. Решение это состояло в следующих пунктах:

1. Поселить здесь едущего в Японию архимандрита, а он будет сношаться с Сахалином, ввиду добытия денег оттуда чрез рыбные ловли.

2. Основать в Хакодате Катихизаторскую школу, ибо из других мест в катихизаторы на Хоккайдо неохотно идут, — нужно, стало быть, местных воспитывать.

3. Благочинный (он сам, значит, о. Павел) раз в год будет посещать Хакодате.

4. Женскую школу и школу шитья завести при Церкви.

5. Пред Тоокейским Собором ежегодно все катихизаторы и священники Хоккайдо должны собираться в Хакодате и держать здесь свой частный Собор.

6. Если архимандрит не поселится в Хакодате, то поселить здесь едущего с ним другого миссионера.

Когда предложены и разъяснены были о. Павлом сии пункты и сказано, что для рассуждения принимаются они, или нет, дается время до пяти часов, ибо все тут заявили, что согласны вполне; а вооружившиеся для прений против о. Петра, предполагавшихся в собрании, разными документами, откровенно заявили, что о. Павел обезоружил их, — склоняют они перед ним голову и покоряются.

И был, должно полагать, о. Павел на седьмом небе от своей мудрости и находчивости. И вот такой фейерверкер здесь — первый священник и единственный благочинный! Ну можно ли заточить в Хакодате едущих сюда архимандрита и миссионера, когда они нужны для всей Японской Церкви? Откуда возьмутся ученики для катихизаторской школы в Хакодате, когда мы никакими мерами не можем добывать их и для здешней школы? Не торчит ли у него там пред носом школа шитья?.. Итак, плаванье по воздуху!..

Единственный плод его поездки туда это — что посредством всего говоренья возбужденные его прибытием и словоизлиянием страсти несколько ослаблены и утишены, и о. Петр поэтому, быть может, дотянет там до Собора.

Жалуясь на свое утомление делами, о. Павел просит вызвать его завтра телеграммой оттуда, иначе-де христиане Хакодате не отпустят его. Это сделаем.

Ученицу Лукию Кагета вылечили в университетской больнице от ее странной болезни, — вернулась совсем здоровою. Слава Богу!

26 октября / 7 ноября 1897. Воскресенье

После Обедни Марк Сайкайси ввел одного кончившего курс в университете, ныне учителя в Учительской семинарии, что по ту сторону канала от Миссии. Верует в Бога, и Бога личного, и смутно чувствует движение души к Богу; слушал в университете и лекции по философии господина Кебера, очень чтит греческую философию Платона, изучает греческий язык; словом, живой человек; дай Бог ему обрести Христа!

После беглого разговора (отвлекаемый и другими гостями) подарил ему Апологетику Рождественского на японском, плохо переведенную, к несчастью. Сайкайси обещался помочь ему в уразумении оной.

Оосакские гости, тесть Василия Таде и его приятель, привели после Обедни некоего Фому, старика, несколько лет не бывшего в Церкви; родом из Нара, в Оосака сделался христианином, но переселился в Токио с семьей, тоже крещеной, исключая пять лет назад родившегося здесь ребенка; не имея ни одного знакомого христианина в Токио, он так и оставался не введенным в общество христиан. Ныне совершенно случайно встретились с ним оосакские христиане; узнали друг друга, и Фома весьма обрадовался, зазвав их к себе, и проговорили они целые сутки, причем усердный христианин — тесть Василия Таде — возбудил в нем дремлющее христианское чувство, вследствие чего все они и пришли в Церковь ныне и ко мне. Истинно благодать Божия печется о чадах Божиих! Фома этот, по всему видно, не переставал быть любящим Бога, хотя, по-видимому, и удален был от Него. Дай, Господи, ему — и для себя, и для семейств своих — не потерять вновь нити, связующие его с Церковью и Богом! Снабдил я его иконою Спасителя и христианскими книгами. Он просил крещения для своего младенца, которое о. Фаддей, в приходе которого оказывается живущим Фома, преподает. Говорит Фома, что здесь есть еще некто Фудзии — плотник из Нара, тоже христианин, но чуждый Церкви. Постараемся найти и его, если Бог поможет.

В два и три часа были свадьбы, из коих одна — Павла Оонума, учителя церковного пения, с Лукиной Хираи, кончившей курс в нашей Женской школе. Исполнилась на них пословица: «Суженого конем не объедешь». Она просватана была за другого, он сговорен с другой. Обстоятельства, совершенно не от них зависевшие, помешали бракам. И ныне совершенно неожиданно — по доброму участию — оказавшегося сватом профессора Андрея Минамото — Павел женился на Лукине; пара недурная; он ленив, она бойкая, — оба умны. Авось окажутся полезными Церкви.

27 октября / 8 ноября 1897. Понедельник

Иоанн Катаока, катихизатор в Кисарадзу, просит денег, — посланное ему двухмесячное содержание почти совсем и до рук его не дошло: должники собрались в почтовой конторе и получили деньги при нем за него; без сорока ен теперь ему обойтись нельзя, столько и просит. Послано ему восемь ен, и вместе отставка от службы; за последние четыре года ни одного крещения у него не было, за исключением его собственного ребенка; изленился до крайности и при этом только денег кланчит, получая в месяц четырнадцать ен и две с половиною ены на квартиру.

Но, и кроме его, кто из катихизаторов удовлетворительно служит? Земледелец работает, купец суетится, воин марширует, чиновник идет

на службу,— один православный катихизатор сидит сложа руки, питаясь, хотя и скудно, с своим семейством на русские подаяния. Но виноваты ли они? Если нельзя на медный сен многого приобрести, то сен ли виноват? Бездарность поголовная наши служащие Церкви,— ниже посредственности, оттого и застой, и ихнее почти ничегонеделанье! В отчаяние можно прийти! Деньгами бы, большим жалованьем залучить даровитых людей на службу Церкви? Куда! Ни к чему тут деньги! Наиболее получающие, как Усуи, Мацубара,— наиболее безуспешные, хоть и могли бы по способностям,— только семейства свои множат.

28 октября / 9 ноября 1897. Вторник

Точно бомбардируют меня катихизаторы письмами о деньгах; дня не проходит, чтобы не было просьб о помощи, по случаю теперешней дороговизны. Сегодня: Павел Сайто просит,— пять ен послал (кроме обычного содержания, на воспитание сына еще ему посылается); Павел Оокава не перестает клянчить,— полторы ены в месяц содержания прибавил (еще две дочки здесь в школе на церковном).— Сердишься, читая письма, но жаль и их бедных; с кучею детишек на десять-двенадцать ен как прожить, и питая, и одевая, и лечя, и уча всех, тебе? «Добывайте от местных христиан помощь»,— твердишь им; но как они будут, когда сил и способностей к тому нет?

О. Тит Комацу был в Макабе и очень хвалит Исикава; надеется, что при содействии его там оснуется Церковь; он уже просит крещения, но о. Тит остановил его — до большой зрелости в научении. Фома Оно из Мито будет посещать Макабе и преподавать.

От Исикава — благодарственное письмо за посещение катихизатора и священника.

О. Павел Сато с больной ногой приходил сообщить, что катихизатор в Иокохаме Акила Ивата совсем плох; ведет только мирские разговоры,— о вере и говорить не любит; христиане жаловались на него за это о. Павлу. Между тем Акила человек не дурной, даже ученый по-японски. Если уж он так выдохся, то лучше ему оставить катихизаторскую службу и найти мирскую; об этом я и советовал о. Павлу сказать Ивата.

29 октября / 10 ноября 1897. Среда

Катихизатор Иоанн Катаока явился, просит оставить его на службе. Наперед угадывая это, я уже сказал о. Фаддею, что могу согласиться на это только под условием, чтобы о. Фаддей взял его на время, для окончательного испытания, под свой ближайший надзор, то есть поместил в Токио. Сказано было это еще в воскресенье; сегодня Катаока и пришел уже в сопровождении о. Фаддея, конечно, ходатайствующего за него.

Ладно; пусть полгода послужит здесь; о. Фаддей обещался ему доставить слушателей в Фукагава,— два семейства там просят учения. Пусть Катаока даже живет в Миссии и питается здесь, чтобы содержание его все шло на семью, которую он хочет оставить в Кисарадзу, и которая состоит из жены его, пяти детей, с включением на днях рожденного, и матери.

Несколько дней тому назад явились двое просящихся в Семинарию,— из Оота (в Мито), где катихизатор Петр Мисима, справивший их сюда. Так как на два месяца опоздали, то и не были приняты. Ныне Мисима шлет самые грубые укоры за это,— «мешает-де это делу проповеди на месте, возбуждая ропот родителей и их круга; срамит-де Россию,— русские, мол, обманщики» и прочее. Вероятно, нахвастался,— «я-де пошлю в Семинарию»,— оттого и является псом лающим.

Таковы халатные отношения служащих Церкви к делу Церкви; ведь знать, что в Семинарии ведется правильное преподавание, и нельзя тут входить и выходить, точно в трактире, когда вдумается,— приемыш его учился в Семинарии четыре года и был первым учеником, пока умер, к сожалению,— как не знать Мисима семинарских порядков! И не знает! Подите, служите с такими! — Нужно вперед самым жирным и крупным шрифтом печатать в призывных в Семинарию листках, что «после первого сентября приема нет».

30 октября / 11 ноября 1897. Четверг

Из кончивших, в июне, курс Семинарии Николай Гундзи подавал больше всех надежд и хорошо было начал трудиться по проповеди, но тоже захворал грудью и, кажется, очень серьезно; попросили взять его в Миссию,— здесь и лежит ныне. Итак, почти совсем мертворожденный курс; один Петр Мори в Окаяма служит; прочие трое больны.

Погода стоит отличная. Украшаем семинарское место рассадкою дерев везде, где только можно там.

31 октября / 12 ноября 1897. Пятница

Сказал Иоанну Катаока, чтобы ходил на лекции вместе с учениками Катихизаторской школы; еще,— чтобы служить чтецом в Церкви; первое, быть может, несколько оживит его духовно; второе — наружно будет служить оправданием его содержания в Миссии (иначе и другие тоокейские катихизаторы могут попросить помещения в Миссии, чтобы содержаться здесь даром), собственно же — для испытания его, не может ли он служить чтецом в Соборе; у него был когда-то громкий голос, а читал он превосходно, когда учился здесь, и случалось ему быть чтецом в Церкви. Катихизатором он едва ли уже может служить; если же будет годен, как псаломщик, то это будет счастьем для него и его семейства.

1 / 13 ноября 1897. Суббота

О. Павел Савабе вернулся из Хакодате и рассказал подробнее, о чем писал. Рыбное дело отделено от Церкви, то есть поставлено предприятием не церковным, как выставляли его прежде предприниматели, а частных людей-христиан, которые обязаны, однако,— как добровольно и письменно заявили русским властям на Сахалине, отчего и осыпаны были любезностями и щедротами их,— третью часть барышей от продажи рыбы доставлять Миссии на дело распространения христианства в Японии. Что они будут это делать, в том о. Павел взял с рыбаков письменный документ, который при рассказе представил мне и который я сейчас бы отдал за одну ену, ибо уверен, что ни сена Миссия не получит от рыбаков. Последние будто бы ныне вновь сладились и грозят рыбам Сахалина. В добрый час!

Самое трудное дело о. Павла было — помирить хоть на время христиан с о. Петром Ямагаки. И это сделал, как сказано выше, по его письму. Спасибо хоть за это! Сказал я ему ныне, что не пожалею кандидата богословских наук для Церкви Хакодатской — так она дорога и любезна и мне. Пусть бы христиане пожелали иметь у себя священником, например, киевского кандидата — Марка Сайкайси,— а он бы ответил их желанию, все бы сладилось.

2 / 14 ноября 1897. Воскресенье

За Литургией были и потом ко мне зашли русские: из Москвы Иван Гаврилович Алексеев. Собственник Компании «Davis and Alexeeff (Rojdestvenka, Moskow)», молодой богач, и Михаил Тимофеевич Балахнин, «proprietor of Siberian Gold Mine», как значится на его карточке. Оба направляются в Америку, первый, чтобы проехать ее, второй, чтобы купить машины для своих рудников, находящихся в Якутской области; сам он родом из Томской губернии. Я показал им, между прочим, сосуд для мира, пожертвованный из Москвы, и кое-что другое в ризнице; затем попросил Алексеева пожертвовать для Собора запрестольную архиерейскую кафедру; свел их в алтарь и показал табурет, ныне служащий кафедрой; можно бы сделать здесь какое угодно богатое и изящное кресло, но желательно именно из Москвы иметь подражание одной из тамошних древних, но вместе и изящных кафедр... Алексеев обещался доставить кафедру.

Секретарь Нумабе длинно рассказывал, что его попросили быть сватом между инспектором Семинарии Иоанном Сенума и учительницей Еленой Ямада, и что это дело очень трудное: родители Елены требовали свидетельство, что Сенума будет помогать им, тогда как у него и свои

бедные родители есть, — отказались, впрочем, от сего требования; в Женской школе не хотят слушать про сватовство Елены и прочее.

3 / 15 ноября 1897. Понедельник

Утром отправил Иоанна Катаока домой, в Кисарадзу; жена у него еще не оправилась после родов, — пусть позаботится о ней и о ребенке и вернется сюда, когда жена совсем выздоровеет; тогда она, вместе с матерью, управится с детьми, — и им же лучше будет, когда Иоанн будет содержаться здесь от Миссии.

В Иокохаме был, чтобы разменять вексель содержания Миссии за первое полугодие будущего 1898 года, из Казны; 16.348 металлических рублей пришли векселем на 2.592 фунтов стерлингов 17 шиллингов 2 пенса, давшие сегодня, по размене, 25.399 ен, чистая милость Божия для здешней Церкви такой размен! — Как всегда делаю, спросив размен в двух банках, с которыми Миссия имеет дело: в «Chartered Bank of India» etc. показали размен в 25.334, в «Hong Kong Shanghai Bank» — вышеуказанную сумму, — почему туда и дал вексель, взяв из суммы десять тысяч ен, чтобы занести здесь в Банк Мицуи на шесть месяцев на пять с половиной процентов.

О. Тит Комацу пришел, чтобы запастись здесь запасными Святыми Дарами; рассказывал про Исикава, в Макабе, — очень хвалил и ум, и поведение его; однако же — он в разводе с женой, имея при себе пятилетнего сына от нее; — про безуспешность проповеди в Уцуномия, про успехи в своем приходе катихизатора Якова Мацудаира и жены его Марины, воспитанницы нашей Женской школы, про оживление проповеди в Мито. Завтра еще доскажет, что хотел сообщить; важного, впрочем, кажется, ничего нет.

4 / 16 ноября 1897. Вторник

Сегодня о. Тит рассказывал про своих катихизаторов с десяти до двенадцати; я слушал, не прерывая, и очень печально стало; плохи его катихизаторы, еще плоше он управляет ими. Павел Сайто, катихизатор в Бато, не только ничего не делает, но и на своем месте не считает нужным быть, а шляется, как видно, принимая на себя разные комиссии.

— В Мито вдруг встречаю Павла Сайто, — (рассказывал о. Тит). — Зачем здесь? — спрашиваю.

— По делу сватовства, — отвечает.

Я погнал его на место службы. После, когда прибыл в Уцуномия, мне говорят, что Павел Сайто только что выбыл отсюда, исполняя здесь какие-то поручения, ни мало не относящиеся к Церкви.

Сказать бы, он по недостатку содержания промышляет себе посторонними делами, так получает от Миссии пятнадцать ен и еще выхлопотал полторы на обучение сына в школе.

Так же бездеятелен, по словам о. Тита, Павел Судзуки, катихизатор в Татебаяси.

— Но ведь вы же, о. Тит, — говорю я ему, — восхваляли его и выхлопотали ему на посещение Тоциги «сющёо-рёхи» две ены и Кудзуу — две с половиною ены, так что он получает всего ныне Миссии $16\frac{1}{2}$ ен содержания и $2\frac{60}{100}$ ен квартирных. Что же вы не смотрите, чтобы он действительно посещал желающих слушать учение в Кудзуу и Тоциги?

Вместо ответа о. Тит начинает речь про другое.

— Василий Сугаи, катихизатор в Сукугава, и хотел бы посетить Корияма и Нихонмацу, порученные ему, да денег на дорогу нет.

— Так отчего же вы не известите? Ленивцу выхлопатываете дорожные для того, чтобы потом говорить о его лени, а человеку, который, по вашим словам, трудится и хотел простереть свой труд дальше места, в котором заключен недостатком средств, не хотите исхлопотать средств на дорогу?

Речь перебрасывается на другое, без внимания к внушению. И так далее.

После еще, в третьем часу, когда сидел у меня о. Павел Савабе, о. Тит опять пришел, и тоже длинный разговор и совещание были у нас о его Церкви, — и ничего утешительного не выдумали, по недостатку добрых людей для проповеди. — Положили в Макабе бывать для проповеди Роману Фукуи, ибо в Уцуномия ныне нет новых слушателей, а не Фоме Оно, ибо в Мито много оных.

О. Павел Савабе был, чтобы поговорить о Церкви в Одавара, где разлад у священника с прихожанами, и куда завтра отправляется он разбирать это дело. Думает он, что здесь даже хуже, чем в Хакодате: нелюбовь к о. Петру Кано накоплялась у христиан издавна и едва ли может быть исторгнута ныне. Помогите ему Бог, на сколько можно, уладить!

Во время сих совещаний приходили родители Елены Ямада вместе с нею просить благословения на брак ее с Иваном Сенума. Заочно, чрез Нумабе, говорившего о сем, благословил. Просил Нумабе сходить в Женскую школу и уладить отношения Елены к начальнице и учительницам, — «неприлично-де месту христианского научения не забывать встречающиеся неприятности». Анна Кванно прислала ответ, что о Елене все забыто, что «лица дурного ей никто не покажет». Ну и ладно! После еще Иван Акимович Сенума, сияющий счастьем, приходил самолично возвестить о своем сватовстве на Елене, в которую, как видно, по уши влюблен, — и о том, что оно принято, — и просит благословить. Я душевно порадовался его счастью и призвал благословение Божие на него.

5 / 17 ноября 1897. Среда

Илья Накагава целой брошюрой прислал описание Иннай и окрестных местностей во всех отношениях. Самая интересная часть религиозная. Оказывается, что первый импульс к вызову проповедника был чисто религиозный. Курита состоит попечителем местной кумирни и, как человек религиозный, очень возмущен неблагоповедением бонз: разводятся с своими женами, держат наложниц и тому подобное. Это и зародило у него сомнение в благонадежности самого буддизма. Между тем о христианстве такие добрые слухи, и о миссионерах тоже; не призвать ли христианство? Кстати, Мисима, как кочующий ремесленник (кваси-я), наслышавшийся обо всем, стал давать советы в том же направлении. Да, на основании сведений о раздаче католиками денежной помощи своим, припел и денежную выгоду от христианства, — «построят-де школы, станут содержать бедных» и так далее. Так и решено было вызвать христианского проповедника. Но какого? Тут послужила Мисима память о том, что он, десять лет назад, видел и слушал меня. Поэтому и написал ко мне. Илья описывает местность в радужных красках относительно надежд на успехи проповеди: почва, жаждущая орошения небесного. Помог бы Бог послать кого-либо туда!

6 / 18 ноября 1897. Четверг

Пришлось опять помогать этому бедному Василию Усуи, катихизатору в Ициносеки, обремененному кучею малых детей. О. Борис опять просит за него, несмотря на мою недавнюю отповедь ему. Послал на платье детям десять ен.

Иоанн Катаока вернулся, говорит — жена поправляется, ей и матери достаточно для забот о детях.

Очень хорошее письмо от Петра Ямада, катихизатора в Мияно, — отличный катихизатор, с радостью служит.

7 / 19 ноября 1897. Пятница

Кончили мы с Павлом Накаи исправление перевода нового Завета. Принялись сегодня за второе исправление, которое будет состоять в проверке, по Справочному словарю к Новому Завету Гильтебрандта, всех слов, вошедших в наш перевод, с тем, чтобы все греческие и славянские слова были переведены у нас везде одинаково и теми же соответствующими им японскими. Займет и это, как видно, немало времени.

8 / 20 ноября 1897. Суббота

О. Алексей Савабе приходил спросить:

– Лука-некий – не ужился с своей женой и отпустил ее, и она теперь живет уже с другим. Лука, между тем, хочет исповедаться и приобщиться, а потом и сам вновь жениться на другой, – так можно ли все это?

– А что говорит на это Спаситель – знаете?

– Знаю.

– Так что же меня спрашиваете? Не только я, но и Святейший Синод, даже Вселенский Собор, не может отменить закона, установленного Спасителем. Скажите Луке, чтобы вновь сошелся с своей законной женою, тогда может участвовать в Святах Таинствах. Не сделает этого, – он для нас то же, что и язычник. Впрочем, в Церковь ходить может.

Дальше о. Алексей сказал, что в Иоцуя остается катихизатором Иоанн Като, тогда как прежде сам жаловался на его крайнюю неудовлетворительность по молодости, и я поэтому говорил – и ему, и недавно отцу его – о. Павлу Савабе, чтобы в Иоцуя перевести Фому Исида, лучшего из катихизаторов ныне в их распоряжении. Не хотят слушаться; узнаю в сыне отца. Пусть! Большого зла не выйдет, иначе не потерпел бы ослушания.

Заказал сегодня электрический фонарь на ворота Семинарии. Будут поставлены на дворе два столба. Если хорошо выйдет, то и ворота, и двор Миссии можно осветить так же.

9 / 21 ноября 1897. Воскресенье

После Обедни, между другими гостями, зашел Матфей Уеда, переводчик, и подает книгу «Православный Собеседник» за 1878 год, с номером основной библиотеки, говорит:

– Проходя мимо книжной лавки, заметил, догадался, что кем-нибудь украдено и продано, и выкупил за шестьдесят сен.

– Не спросили, что за человек был продававший?

– Спрашивал, – сказали, что не сами покупали, а из другой лавки доставлено им.

Конечно, где же скажут?

Значит, завелся вор, крадущий номера журналов, которые все (духовные) перенесены из общей библиотеки в редакцию «Синкай» для того, чтобы служить материалом для сего нашего издания. Сдал я все книги редактору, велел, давая книги на квартиру пишущим в «Синкай», записывать; для книг пред тем сделаны были отличные шкафы, и в них мною размещены были сотни книг, отлично переплетенных, занумерованных и запечатанных, – в отличном порядке; но куда японцам вести порядок? Вот, даже до расхищения книг дойдено! А мне одному, как усмотреть за

всем? Поищем вора, но едва ли найдем. Книги же нужно будет взять в здание библиотеки, под мой непосредственный надзор.

Был Исикава, из Макабе; горячо толкует о своей приверженности к православной вере (которой еще и не знает), хочет подать проект, чтобы она была признана государственной верой (коккё); речь льющаяся, вкрадчивая; глаза умные, но бегающие; уроженец Токио, в Асакуса, хотя принадлежал князю в Вакаяма; от роду тридцати лет. Звал я его в Катихизаторскую школу, если у него такое сильное желание послужить верой государству; не дал он обещания на то; но русскому языку учиться желал бы; словом, прожектёр, — и дальше всего едва ли пойдет.

Дмитрий Константинович Львовский приходил восхищенный полученною им Анною 3-й степени; должно быть вследствие моего представления к награде в конце прошлого года; просил внести, чрез о. Феодора Быстрова, двадцать рублей в Капитул и передал для сего мне двадцать ен.

10 / 22 ноября 1897. Понедельник

О. Феодор Быстров пишет от 30 сентября старого стиля, что вчера, то есть 29 сентября, попрощались с ним отцы Сергей и Андроник, назначенные сюда; поедут прежде в Афины, а оттуда — чрез Америку или прямо чрез Индийский океан — сюда. Значит скоро будут. Слава Богу! И дай Бог, чтобы это уж были не гости, а хозяева!

Яков Томизава, катихизатор в Омигава, оставил службу, — и ладно! Кончил Семинарию и на службе десятый год, но и десяти человек не научил христианству; таких безуспешных — и по неспособности, и по лени — катихизаторов мало; значит, Церковь избавилась от дармоеда.

11 / 23 ноября 1897. Вторник

Японский гражданский праздник. Классов и у нас перевода не было. Писал письма. Еще ознакомился с Толкованием на Первое Послание к Коринфянам, составленным по Феофану, профессором Семинарии Емильяном Хигуци. Напечатаем, — и это уже будет книга, написанная японским языком, — не уродливым переводным, которого почти никто не разумеет в наших больших переводных книгах. — Взяв сегодня, для подставления в свое толкование, наш с Накаем перевод Послания к Коринфянам, Хигуци нашел в нем несколько ошибок; мы поправили и просили вновь сообщать нам все, что заметит в подобном роде. По исправлении же совсем нашего перевода надо будет отдать его на просмотр и критику профессорам Семинарии.

12 / 24 ноября 1897. Среда

О. Павел Савабе вернулся из Одавара и совсем в отчаянии от упадка Церкви там. По его словам, священник Кано Петр совсем опустился и

огрубел; обуяла его страсть сребролюбия; по-видимому, уже накопил и, отдавая в рост, приумножил некоторую сумму, а потому священнической службой не дорожит и подавал ему, для доставления мне, прошение об увольнении на покой, какового прошения, однако о. Павел не принял; ровно ничего не делает, кроме службы по воскресеньям и объезда своих немногих и близко расположенных Церквей; Церкви эти, впрочем, до того упали, что в Накамурахара даже продан церковный дом, когда-то построенный христианами; в ссоре о. Петр почти со всеми, чему способствует и жена его, из-за которой прекратились — уже два года «женские симбокквай»; были там «сейненквай», но о. Петр однажды пьяный разбушевался на собрании, вышвырнул человек пять юношей из дому, после чего прекратились и сии собрания.— Но, с другой стороны, если посмотреть: о. Петр, по словам о. Павла же, часто плакал перед ним, повергшись лицом на землю; молитвенный дом в Накамурахара продан потому, что стоял на занятой на время земле язычника, который потребовал удаления его; за о. Петра тоже подали прошение, на котором мы сегодня же насчитали тридцать четыре печати, только на три меньше, чем в прошении других об удалении о. Петра из Одавара... Нехорошо сделал о. Павел, что, по уяснении всего того, не постарался помирить священника с христианами, а прямо объявил, что священник будет удален (за что, по его же словам, упрекнули потом его некоторые христиане: «Мы думали, что вы уладите здесь возникшее нестроение, а вы вот что наделали!»). Конечно, о. Петр плох, но он священник не Одавара только, а и других Церквей; можно ли снять его с поста по прошению только одаварских, и притом далеко не всех, христиан? Сам же о. Павел говорит, что есть любящие его в других Церквях, для которых удаление о. Петра будет печальным делом.— Итак, остается одно: написать к христианам Одавара, хотя большинство желает удаления о. Петра, но так как он священник — избранный и другими Церквями, то без совещания с ними нельзя удалить его; а потому живите в мире и согласии с ним, пока на Соборе, в будущем году, будет сделан общий совет о сем предмете. Это тем более необходимо, что на место о. Петра, если бы он взят был из Одавара, ныне нет никого. О. Петру тоже нужно написать внушительное послание об исправлении и добром служении.

13 / 25 ноября 1897. Четверг

Из Одавара пришел Иоанн Инаба, бывший катихизатор, ходатаем за о. Петра Кано. Слушал я его, ни слова не проронивши, больше часа. Нового ничего не узнал. О. Петр, действительно, не так плох, чтобы удалить его из Одавара; Илья Сато, катихизатор в Одавара, действительно, дрянной человек,— восстановил христиан против священника, вместо

того, чтобы действовать обратно; много вредит положению о. Петра его жена своим грубым и ссорливым характером и прочее, и прочее. Сказал я Иоанну Инаба, что не думаю удалить о. Петра из Одавара, а написано будет к христианам письмо, вышеозначенного содержания.

Проверил библиотеку журналов в «Синкайкёку». К счастью, вора книг, кажется, нет; а продал книжку «Православный Собеседник» (вместе с другими русскими книгами, взятыми и у меня из основной библиотеки), вероятно, этот негодный бывший переводчик Алексей Китагава, ушедший с церковной службы. Одиннадцать книг я нашел утраченными в библиотеке, но из них некоторые, должно быть, сыщутся, другие просто потеряны по небрежности заведывавших библиотекой Арсением Ивасава и Тимофеем Секи. Большую часть журналов, не нужных в «Синкайкёку», мы уберем в основную библиотеку; прочие вновь приведем в добрый порядок и передадим им.

14 / 26 ноября 1897. Пятница

Утром отправлено письмо к христианам Одавара в упомянутом духе. Оттуда между тем уже три письма получены, просящие об оставлении о. Петра в Одавара. И, наконец, сегодня получено письмо о. Петра, просящее об отставке его от священнического служения и увольнении на покой; в письме сильнее всего высказывается огорчение, чувствуемое им от нынешнего действия христиан против него; двадцать четыре года служит Церкви; почти все время в Одавара, и вот такая награда за долгое служение! Написал я о. Петру, чтобы он прибыл сюда; поговорим — увидим, что дальше. И мне очень жаль его.

Николай Явата пишет разобиженным тоном, — не знает-де причин, почему удален из Сакура (о. Катакура постоянно жаловался на его ничего-неделанье), но, переменяя тон, радуется, что попал на нынешнее место (в Аннака), — «и христиане-де усердны и священник ласков» (не надолго; скоро об нем запоют ту же песню).

15 / 27 ноября 1897. Суббота

С двух до пяти часов были гости: Лидия Оота, жена благочестивого доктора Моисея в Хамамацу, дочь ее Феодора, с недавно рожденным ребенком на руках, и муж ее Христовул, учитель Гимназии в Фурукава. Говорили о Церкви в Хамамацу, — неутешительно; даже семейство купца Каваи ослабело, и в Церковь не ходит. Зато Моисей не ослабевает в благочестии; строит ныне себе дом, и во втором этаже — так же, как и в прежнем наемном доме — устраивает молельню, для снабжения которой иконами, между прочим, Лидия сегодня и приходила. Прекрасные большие иконы в отличных киотах — Моление о Чаше, Спасителя и

Божией Матери — у них есть. Ныне дал я, в дополнение, четырех Евангелистов, Благовещения и Святого Апостола Павла нашей литографии, Двенадцать праздников — русской на холсте, и Семи таинств — тоже из России. Показал им нашу Семинарию, потом библиотеку, — Лидия рассказала, что инспектор семинарии Иоанн Сенума сватался за Евфросинию, их старшую дочь. Я этого совсем не знал; отказали они, мол, уже обещали кому-то в Иокохаме; жаль, лучше не могли бы выдать ее. Сват был плохой — катихизатор Хисимото, — вероятно, и оттого отказ.

16 / 28 ноября 1897. Воскресенье

Поздно вечером вчера прибыл о. Петр Кано. Сегодня, в восемь часов, пред Обедней, я позвал его, чтобы поговорить. Главной виной расстройств его Церкви и недовольства христиан против него я прямо объявил ему его леность:

— Церковь не приращается; приобретенные уже христиане охлаждаются, потому что священник нисколько не заботится о них. Кроме службы в Церкви вечером в субботу и утром в воскресенье, священник за всю неделю никогда ничего не делает для Церкви, — как тут не прийти в уныние и не возмутиться христианам? А проповедь — первая обязанность священника; Апостол Павел писал к коринфянам: «Христос послал меня не крестить», — (ибо это дело — одного часа), — «а благовестить». Итак, почему не проповедуете? — И так далее.

С поникшей головой слушал о. Петр и ничего не мог возразить.

Резко уяснив ему эту первую его вину, и то, что без исправления ее нет надежды на примирение его с христианами, я затем сказал и прочее, что говорят против него христиане:

— Говорят, что у тебя развилась страсть корыстолюбия, что ты копишь деньги и даже будто отдаешь на проценты. Я этому не верю. Но неужели и сие?

Мгновенно лице о. Петра переменилось: на глаза выступили слезы, и он резкими движениями гневно воскликнул:

— Кто говорит это, пусть представит доказательства тому!

— Успокойся. Этого, очевидно, нет; значит и речи об этом пусть больше не будет. — Но далее: твоя жена ссорлива, груба, — что также возбуждает нарекания на священника.

Признал это о. Петр; и даны соответственные наставления.

— Детей, говорят, не воспитываешь в христианском духе; твой сын будто бы в мяч стал играть в алтаре?

— Но я тотчас же выгнал из алтаря его и товарища, с которым он думал затеять игру.

— Вот видишь; значит, это правда; а я было не поверил. — Набравши таких и подобных фактов, как же христианам не обидеться на своего

священника и не найти его негодным для служения! Впрочем, все эти факты не составляют достаточной причины, чтобы священника лишить священства, или запретить ему сие служение. А потому ты останешься священником в Одавара, но с условием, что исправишь главную вину: леность и бездеятельность, — с чем вместе исправятся и второстепенные.

И даны были наставления: вернувшись в Одавара, сначала уговорить свою жену — вперед не компрометировать его и себя недостойным поведением; потом помириться с катихизатором Илейей Сато и помирить его жену с своею; потом собрать христиан, — смиренно извиниться пред ними в своей лености и обещать вперед рачительность о церковном деле, да потом и исполнить обещание в точности, чрез что Церковь оживится, любовь всех к нему возвратится, и не будет нужды и на Соборе трактовать о перемене священника в Одавара.

Так как зазвонили к Обедне, то мы беседу прекратили, и я сказал о. Петру, чтобы он во время богослужения дал в душе твердый обет Богу исправить свою вину — лепость — и попросил благодарной помощи в сем подвиге.

Во время Обедни увидел в Церкви бывшего здесь летом гостя — Сергея Николаевича Сыромятникова, сотрудника «Нового Времени» (Сигма). После Церкви он зашел ко мне; оказалось, что он путешествовал до сих пор в Корее и по Амуру, для изучения сих стран; ныне возвращается чрез Америку в Россию.

В четыре часа было крещение дочери диакона Дмитрия Константиновича Львовского Надежды; я совершил Таинство в Крестовой Церкви; восприемниками были — посланник барон Розен и его маленькая дочь Лиза.

После Сыромятников зашел ко мне, обедал, и мы с ним провели время до половины девятого. Жаль, что не остается на некоторое время в Японии, чтобы познакомиться с сею странюю, против которой сильно предубежден; моих кратковременных защищений, конечно, мало, чтобы сбить его с позиции. — Согласно его просьбе, снабдил его фотографиями наших школ и Собора.

17 / 20 ноября 1897. Понедельник

Утром сегодня совсем уже хотел отпустить о. Петра Кано в Одавара, но, зашедши в канцелярию, нашел новое прошение христиан Одавара — сменить его, — «не хотим-де принимать от него никаких таинств»; и печатей на прошении целых три листа; просят посылать к ним для исповедания их о. Павла Савабе, или еще кого. Тут же — при пакете с прошением — другое письмо, отчасти объясняющее механизм первого, — письмо от одного христианского дома, говорящее, что хлопотуны, бегая с прошением для собирания подписей, употребляют и мое имя, —

«епископ-де велел прикладывать печати, для сего, мол, и прислан был благочинный». Недобрым словом помянул я о. Павла Савабе, читая это. Не мог смотреть на него тогда, когда он, вернувшись из Одавара и отдавая отчет, заговорил о собрании в Церкви и о том, что после молитвы тотчас предложил вопрос: «Кто желает удаления о. Кано из Одавара и кто нет?» Отвратил от него взор, внутренне негодуя, что он так глуп, и что я не менее глупею, до сих пор не исправляясь от доверия к нему и от давания ему таких поручений; но тогда — ни слова ему не сказал неодобрения, чтобы не обидеть старика; сегодня же в канцелярии вслух обоих секретарей не воздержался возразить, что вперед о. Павла Савабе уж не употребляю для подобных деликатных и вместе очень важных для Церкви комиссий. (И дай Бог исполнить это!) Вместе с тем продиктовал письмо к катихизатору в Одавара Илье Сато с призыванием его сюда по церковному делу. Илья Сато — это суцая лиса, ласковая и с пушистым хвостом, но злая и хитрая, — больше всех виновен в возбуждении всей этой ненависти к о. Петру; очевидно, его за это дело вместе с Михаилом Кометани, из христиан главным врагом о. Петра, — такое последовательное преследование о. Петра, собиране печатей и подписей и неустанное бомбардирование Миссии и частными, и общими письмами и прошениями против о. Петра. К счастью для последнего, и за него тоже немало писем и прошений, хотя не столь изукрашенных печатями. — Когда явится Сато, нужно будет помирить его с о. Петром и вместе отправиться для умиротворения Церкви в Одавара, что вдвоем они могут сделать, раздельно же нет. Итак, о. Петр Кано оставлен еще здесь для вящего обдумывания своего положения; прошение из Одавара с многочисленными печатями я вручил ему как материал для размышлений.

Был опять Сыромятников. Я ему передал четыре японских книги о Корее, какие могли сегодня найти, и обещал высылать книги в Россию, если какие попросит.

Вечером в соучастии с Емильяном Хигуци исправлен перевод Первого Послания в Коринфянам в тех пунктах, которые замечены им, как неправильно переведенные. В трех-четырёх местах последовали его совету и поблагодарили его за оный.

18 / 30 ноября 1897. Вторник

Утром, во время перевода, сказали, что из Одавара Илья Сато при- был. Оставил я перевод, чтобы поговорить с ним. Еще прежде его, ранним утром, мне принесли письмо одаварских христиан в ответ на мое: ни за что не хотят они помириться с о. Петром и требуют немедленно его удаления, — такова сущность письма. Впечатление от него тяжелой думой лежало на душе, и потому я поспешил оставить перевод и идти к Сато. Следуя Апостольскому наставлению «духом кротости исправлять», я

ласково стал говорить с Сато, и без гнева, но прямо укорил его за участие в поднятии всей этой бури против о. Петра. Признался Сато, что участвовал в составлении писем сюда и даже сегодня расстроившее меня письмо признал вышедшим из-под его редакции. Конечно, он выставлял это в таком виде, что «смягчал, мол, резкие выражения в чернеках, составляемых христианами» и тому подобное. Но так или иначе, он оказался во всем сговорчивым; рассказал он мне вполне свои неудовольствия против о. Петра; ничего нового не сказал, кроме того разве, что приведением примеров более ярко выставил вину о. Петра — дурно говорить о людях. Так как своими рассказами про о. Петра он в то же время выяснил, что таких вин, за которые следовало бы священника запретить, у о. Петра нет, — что тут же было и объяснено ему, — то он тем охотнее согласился помириться с о. Петром и действовать вместе с ним к умиротворению и дальнейшему преуспеянию Церкви. — Я отправился к о. Петру, на второй этаж, где в комнате с ним застал и о. Павла Савабе, сыгравшего печальную роль в деле; не обращая внимания на последнего, изложил пред о. Петром разговор мой с Ильей Сато, вновь услышал от него уверения, что он кается в своих недостатках, послуживших причиной расстройств Церкви, и имеет твердое намерение исправиться; после чего я пригласил о. Петра ко мне в гостиную, свел его здесь с Ильей Сато, заставил поцеловаться и мирно разговориться. Уверившись, что действительно пошел добрый душевный разговор, я оставил их и вернулся к своему переводу и к беспрестанным отрываньям от дела по причине сегодняшнего расчетного дня. В двенадцать часов о. Петр и Илья Сато заявили ко мне совершенными друзьями, что видно было из их совсем просветленных лиц, и сказали, что готовы отправиться в Одавара на дело умирения Церкви. Я оставил их до завтра, чтобы приготовить письма к христианам (и к Михаилу Кометани, зачинщику неурядицы, но и усердному христианину, хотя неразумному). Они сказали, что в таком случае посетят каждый своих родных в Токио, что я и позволил. — Вечером, в девятом часу, когда я был тоже за переводом, заявился христианин Такахаси, из Одавара, прибывший, чтобы ходатайствовать об отставке о. Петра в Одавара. Услышав здесь, что это и имеется в виду, он успокоился и просил повидаться со мной только чтобы получить благословение.

В десятом часу вечера пришла из Женской школы дочь катехизатора Василия Хориу, ученица; сейчас получила телеграмму, что отец при смерти; дал ей на дорогу, до Сендая, где отец лежит больной, и сказал, чтобы завтра с первым поездом отправилась принять последний вздох отца.

19 ноября / 1 декабря 1897. Среда

Утром отпустил о. Петра Кано и Илью Сато в Одавара, снабдив их письмом к христианам, чтобы умирились с о. Петром, ибо он будет рачителен к служению, беспристрастен, не обидчив в слове; дал и письмо

частное к Михаилу Кометани в том же духе. Сато будет посредником между о. Петром и христианами; соберет последних, предварительно уговорив главных недовольных, прочтает им мое письмо, скажет примирительную речь; после сего о. Петр будет держать слово, причем откровенно сознает свои провинности (леность и прочее), пообещает исправить их и выразит искреннее желание быть опять с своей паствой в таких же сердечно добрых отношениях, в каких был в лучшие времена Одаварской Церкви. Вероятно, не вдруг уляжется расхोлившаяся волна, но, даст Бог, уляжется, если о. Петр и Сато будут благоразумны и верны слову, с которым ушли, что все усердие со всею искренностию употребят на дело Божие — дело умирения Церкви. Велел я Илье Сато уяснить всем, что 1. О. Петр, как священник не Одавара только, а и других Церквей, не может быть перемещен без совета с сими Церквями; 2. Не могу я прислать в Одавара другого священника для преподания таинств исповеди и святого причастия христианам, о чем просят; сделавши это, я показал бы, что сам первый не понимаю духа христианских таинств. Таинство исповеди есть примирение совести с Богом; но к нему и приступать нельзя, не примирившись со всеми людьми (если дар к алтарю нельзя принести без того, то кольми паче к таинству приступить нельзя!). Как же христиане Одавара достойно принимали бы таинства покаяния и приобщения Святых Тайн, не примирившись с о. Петром? Имея вражду на него в сердце, не прилагали ли бы они к греху грех чрез таинства?..

20 ноября / 2 декабря 1897. Четверг

Письмо от архимандрита Сергия, от первого октября, из Московской семинарии, с припиской в вагоне по пути на родину прощаться. Очень хвалит о. Андроника. Дай Бог в нем хозяина Миссии! Пишет, что Владимир Карлович Саблер сильно хлопочет об учреждении самостоятельной кафедры японской и просит (Саблер) ускорить ответом отсюда. Как наименовать кафедру?

Иоанн Като, катихизатор здесь в Иоцуя, живя при Церкви, получал в продолжение трех месяцев по три ены за квартиру и тратил эти деньги на себя. Сегодня пришел покаяться в сем; я простил и не взыщу денег с него; но сказал, что если он в другой раз обнаружит такую «фусёодзики» (нечестность), то совсем погубит свое доброе имя.

Анна Кванно приходила с своим сыном Пантелеимоном, главным врачом госпиталя в Оосака, содержимого городом, имеющего до семисот бесплатных больных. Пантелеимон и сам, однако, кажется, с началом чохотки. Продли, Бог, его полезную бедным жизнь!

**21 ноября / 3 декабря 1897. Пятница.
Праздник Введения**

Был у посланника барона Розена, прочитал из письма о. Сергия, что нужно мне поскорей ответить касательно здешней кафедры, и спросил, «имеет ли Посольство что-либо против учреждения здесь самостоятельной кафедры?»

— Ничего решительно, — ответил барон.

— Но, быть может, вы поговорите об этом с японским министром иностранных дел, бароном Ниси, который, кстати, знает Россию и не усмотрит ничего опасного для Японии в учреждении нашей кафедры?

— Разве это нужно?

— Нужды особой нет; для японского правительства, и с разговором, и без разговора, епископ, конечно, остается таким же частным лицом, не имеющим никаких особых прав, как и доселе. Но католическая архиепископия здесь учреждена со сведения японского правительства. Об этом я знаю от бывшего нашего посланника Давыдова. Это было во время постройки нашего собора. Давыдов однажды говорил мне: «Католики, раззадоренные вашей постройкой, выхлопотали себе здесь у правительства учреждение архиепископии». Аглицкие епископалы тоже разделили Японию на четыре епископии, вероятно, не без сношения с правительством.

— В таком случае нужно и нам будет спросить. Собственно, необходимости нет никакой, но дипломатическая вежливость предписывает это. Подождите с неделю; я узнаю у французского посланника и у английского, как было дело, и сообразно с тем поступлю.

22 ноября / 4 декабря 1897. Суббота

Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, пишет, что там очень сильное возбуждение против России; его называют «рококу-дорей» (русский раб), веру — «рокёо» (русской верой). Полиция не спускает глаз с него, часто расспрашивает, и все записывает; последнему Фома и рад, так как чрез это имеет возможность заявить истину. Например, увидевши икону Спасителя, полицейский, с поднятым карандашом для записывания, спрашивает:

— Христианский Бог ведь иностранец?

Но Фома начинает говорить о христианском Боге как о Творце, и полицейский заслушивается речью и находит ее очень интересною и зовет уже к себе более говорить о сем.

У Саввы Сакурада опять десять крещений в Июкояма. Что это? Самые надежные катихизаторы бесплодны, самый последний, посланный только для опыта, плодоносит! Сила ли это в немощах (Саввы) совершаемая?

Или произрастание семян, брошенных давно? Ибо там когда-то долго жил катихизатор.

23 ноября / 5 декабря 1897. Воскресенье

В Церкви у нас были, в первый раз по приезде, посланник барон Розен и его жена; у меня за чаем пстом очень хвалили наше пение и все богослужение. «Лучше, чем в Белграде»,— говорил Розен, бывший пред сим посланником в Сербии.

Василий Накараи описывает свои успехи в Сироиси; может, Бог даст, и возникнет там Церковь; уже есть просящие крещения. Между прочим, зубной врач Сакаки совсем уже решил креститься, но спохватился, что ему наперед нужно развестись с женой,— «послед-де не позволят»; и так приостановился и будет разводиться, а разводиться совсем не следует; «жена имеет склонность к воровству»,— в этом причина развода, но законная ли? Муж может и исправить ее; она молода... Но, коли разведется, как не крестить, если попросит? Под языческим еще законом сделал то, что этот закон позволяет.— Отпусти, Господи, наши согрешения слабости и неумения убедить исполнять естественный закон любви и верности мужа и жены!

24 ноября / 6 декабря 1897. Понедельник

Петр Ока из Ханамаки пишет, что хочет вернуться в Токио, чтобы держать предрождественский экзамен. Но вместе с тем пишут и христиане Ханамаки, что теперь только начинается там дело проповеди и что ему необходимо безотлучно быть на месте: к письму их о. Борис сделал приписку, в которой и от себя просит оставить Ока на месте. Поэтому написано Петру Ока, чтобы он оставался и проповедывал; довольно будет для него выдержать, вместе с оканчивающими товарищами, экзамен в седьмом месяце.— Послано ему, при письме, шесть ен на зимнее платье, ибо пишет, что простудился.

Жена Василия Ямада, катихизатора в Карасуяма, недавно вызванная сюда для освидетельствования ее глазной болезни, оставлена здесь на два месяца для излечения. О. Тит Комацу говорил, что она почти совсем слепая; к счастью, о. Тит иногда любит прилгнуть, тем не менее жаль бедную женщину, совсем еще молодую, что она страдает одним глазом, от которого может заразиться другой.

Забежав по делу в канцелярию, нечаянно увидел там расстригу Павла Ниицума, которого не видал почти с самого времени расстрижения. Он хотел видеть меня.

— Пожалуйте,— и я отворил ему дверь моей гостиной, в которой мы в былые дни так часто сердечно беседовали с ним о церковных делах.

— Что имеете сообщить?

— Я прибыл в Токио собственно по правительственному делу (сейфу-но ёодзи), но хотел говорить с вами.

— Извольте прямо говорить, в чем дело. Я занят, — дело ждет меня во втором этаже (хлопотал по приготовлению помещений отцам Сергию и Андронику).

— В таком случае и я прежде кончу правительственное дело, а потом приду поговорить.

— Милости просим.

И распрощались. Признаться сказать, — неприятно видеть, не желалось бы беседовать. На голове у него много седины, борода длинная — жидкая; лицо и приемы огрубели. Пошли, Господи, ему спасение, но избави от сношений с ним в сем мире!

25 ноября / 7 декабря 1897. Вторник

Из Одавара письмо от Михаила Кометани, что христиане не умиряются и все требуют перемены священника. Явился и сам о. Петр опять, рассказал все дело: Илья Сато, вопреки моим приказам ему и своим уверениям здесь, неискренне отнесся к делу, — ревности к умирению не оказал; напротив, рассказами, что-де «я похвален епископом, а о. Петр выбран» (хотя и к нему относилось не первое, а последнее), более повредил, чем принес пользы своими разговорами там с христианами. На собрание явилось всего четыре человека, — все прочие не вняли призыву. Впрочем, о. Петр, как обычно, совершал воскресное богослуженье, и в Церкви было человек тридцать, его сторонников. Вообще же христиане Одавара теперь разделились на две половины, совсем равные по числу (по словам о. Петра, отчасти и по письмам), — «за и против него». Стало быть, тем нерезонней было бы следовать просьбе противников. Итак, пусть будет, как есть: о. Петр служит, по-прежнему, в Одавара, с устранением, как обещал, своих погрешностей — лености и прочее; сторонники его будут довольны сим; враги, вероятно, с течением времени ослабеют и умирятся, увидев, что о. Петр хорошо исполняет свою обязанность. Михаилу Кометани вновь написано: от меня, в ласковых словах, что о перемене о. Петра не может быть и речи, ибо он священник не Одавара только, а многих Церквей, — на Соборе разве может быть речь о том; итак, постарайся о водворении мира там и прочее. — О. Петр, объяснив мне течение дела и получив уверение, что я не исполню просьбу его противников, — лишь бы он служил, как должно, — тотчас же отправился обратно. — Но что за дурак этот quasi о. благочинный Павел Савабе! Он, оказывается, там рассказывал (и, вероятно, без всякого злого намерения), что вот теперь в Хакодате церковный бунт, в Асакуса тоже (и врал), в Сиба тоже (и врал). Бунтовщики в Одавара теперь и бахвалятся,

«мы-де в таком вот [?]», и мы не должны смириться и слушаться епископа, что бы он ни писал. И угораздило же меня до сих пор верить ему и поручать такие дела, как умирение Церкви! Знать, могила исправит мою доверчивость и глупость!..

26 ноября / 8 декабря 1897. Среда

Приходил врач Моисей Исокава, отец умершего в запрошлом году семинариста, проситься на время в Катихизаторскую школу.

— Курс пройти я не могу и в катихизаторы не могу, а хочется мне подробнее узнать вероучение, чтобы объяснить его простым людям. Месяцев пять-шесть, вероятно, для этого довольно будет. Теперь я оставил практику в Кавагое и свободен; если же пристроюсь опять где на практику, то опять некогда будет подробнее изучить веру.

— Трудно будет вам жить в школе. Вам, вероятно, уже лет сорок пять?

— Больше; мне пятьдесят четыре года.

— Я подумаю и посоветуюсь. Придите завтра в три часа за ответом.

Советовался с секретарем Нумабе. «Благодаяние будет, если позволите», — говорит. С учителями советоваться — слова тратить! Итак, пусть!

27 ноября / 9 декабря 1897. Четверг

Семинарист шестого класса Нижегородской Духовной Семинарии Василий Павлович Зорнин письмом, сегодня полученным, просится сюда в миссионеры. Будет написано, что миссионеру здесь должно быть с академическим образованием, и потому пусть приобретет оное и тогда возобновит просьбу.

Возмутившиеся против о. Кано в Одавара коллективно отвечают на мое письмо, что никак не могут помириться с ним, ибо он-де уже три раза каялся пред всеми и обещал безукоризненное поведение, и потому потерял их доверие; но будут терпеть его до Собора, если я дам им обещание, что потом сменю его, и просят ответить им, обещаю ли сие? Письмо — со многими подписями, но одной и той же руки и наполовину одной и той же печати, — значит, наполовину фальшивое. — Ответ мой уже заключается в прежнем письме, что о смене о. Петра должны совещаться во время Собора представители всех подведомственных ему Церквей. Так как и катихизатор Илья Сато пишет длинное послание, что-де не успел убедить к примирению, то в ответном письме ему будет упомянуто, чтобы передал возмутившимся, что обещания сменить о. Петра я не могу дать, ибо не знаю, попросит ли о том вся его Церковь. Михаила Кометани в письме не видно; вообще видно, что возмутившаяся сторона слабеет. Если о. Петр исполнит свое обещание прилежно заняться церковнослужением, то ко времени Собора, вероятно, все

умирится; если нет,— ну, тогда пусть пеняет на себя,— противники его восторжествуют.

28 ноября / 10 декабря 1897. Пятница

Много разных писем; мало утешительного; почти везде — «букка ко-одзики», и потому — «дай денег». Между прочим, длиннейшее письмо о. Игнатия Като из Немуро; неопытные (и неисправимые, как Морита) священники всегда так пишут: «когда пообедал, в котором часу вышел из квартиры, когда пришел к какому христианину»,— все это на каждой мелко написанной странице; и тянется утомляющее чтение письма на целый час, точно котел воды с пущенной в нее крупницей,— поймай ее! Крупницей на сей раз было следующее: в одном ри от Кусиро о. Игнатий нашел христианина, родом из Сендая, Вассиана Судзуки, который женат на аинке, имеет от нее семь детей; семнадцать лет не был на исповеди; ныне исповедался у о. Игнатия, который пишет, что советовал ему все семейство сделать христианским; а нет того, чтобы самому о. Игнатию приостановиться недели на две в Кусиро и наставить это семейство к христианству! Ибо — как же оно сделается таковым, если нет в Кусиро катихизатора, а сам Вассиан на сколько знает учение — Бог весть! Э-эх!

29 ноября / 11 декабря 1897. Суббота

Вчера умер катихизатор Василий Хориу, давно уже захворавший параличом. Царство небесное! Но вот и еще вдова с детьми на шею Церкви! Покойник — сын тоже покойного о. Тимофея Хориу,— был в свое время хорошим катихизатором, пока устал, а потом захворал.

Катихизатор Моисей Касай, из Акуцу, пишет, что христианка родила мертвого ребенка, и что он с молитвой его похоронил; да спрашивает, какие церковные правила насчет погребения мертворожденных? И тому подобные вопросы; упоминает, что знает из школьного преподавания о непреподавании таинств мертвым и все-таки спрашивает... Подите, преподавайте таким церковные правила! Бездарность и глупость повальные! Умный народ не идет к нам, да и вообще в христианские школы и в ряды христиан. Скоро ль, Господи, Ты толкнешь сей народ?

Приходили трое детей Саввы Кимура из Вакуя,— все, конечно, христиане, но, как и отец, плохие, а был когда-то отец дармоедом в Катихизаторской школе, и даже делал попытки служить катихизатором. Старший — двадцати четырех лет, другой — двадцати двух, сестра с ними — двадцати семи лет. Отправляются в Америку, в Вашингтон, изучать законы, второй в Гонолулу, сестра провожает их до Токио. Явились с письмом от Степана Ямамура, тоже юнца, недавнего семинариста; прочитав, я увидел, в чем дело.

– Где воспитывались? – спрашиваю у американца.
– В Юридической школе, что здесь около Миссии.
– И ни разу не были здесь, в Церкви? Я никогда и не видал вас.
– Однажды я виделся с вами, – вот там (указывая место у собора, где я обычно прогуливаюсь; значит, виделись мельком).
– Отец дал на дорогу до Америки, больше нет у меня никаких средств.
– Значит, есть надежные знакомые?
– Никого; в Сан-Франциско, может, и найдется кто, в Вашингтоне нет.
– На что же вы рассчитываете?
– Да вот вы дадите письмо, может быть, – говорит за него сестра.
– К кому же? Епископа в Америке я знаю только по имени, знает и он мое имя, – лично же мы с ним не знакомы. Могу дать разве мою карточку к нему. Если застанете его в Сан-Франциско, поклонитесь от меня и передайте карточку, – может, он и сделает что для вас, если у него есть надежные люди в Вашингтоне; у меня же в Вашингтоне – никого знакомых.

Дал карточку и потом благословил маленькими иконами Спасителя всех троих. Карточку мою американец бережно спрятал в свои бумаги, а икону сунул в рукав, где прячется сморкательная бумага; и потом все трое отбыли, немножко, по-видимому, недовольные, что я не дал более надежных ресурсов для Америки.

30 ноября / 12 декабря 1897. Воскресенье

До Литургии о. Симеон Юкава преподавал крещение двенадцати человекам, из которых четверо научены Иоанном Ямагуци, только что выпущенным из Катихизаторской школы, двое – Ильсей Яманоуци, – первый плод его трудов после того, как он совершенно бесплодно пробыл год в Хацидзёосима, другой в Карацу; прочие – дети и один ученик Семинарии.

Христианин из Оцу – молодой врач, приехавший держать экзамен на военного врача – очень хвалил нынешнее состояние Церкви там; Иоанна Судзуки любят и уважают даже язычники, новые слушатели у него есть, и скоро будет крещение нескольких, в Церковь христиане ходят, пение в ней хорошее. Очень приятно и желательно, чтобы Судзуки остался там надолго.

1 / 13 декабря 1897. Понедельник

О. Николай Сакураи очень просит прибавить жалованья катихизатору в Масике, Аврааму Яги: «особенно дорого-де все там»; просит прибавить пять ен, или уж никак не меньше трех ен. Прибавлено две; больше нельзя; во-первых, он только вдвоем с женой, во-вторых, плохой катихизатор, ленивый. Упоминает о. Николай, что если не прибавить содержания,

то «может выйти неприятность», то есть он оставит службу; с Богом! Таких не жаль.

2 / 14 декабря 1897. Вторник

Посланник барон Розен приезжал, чтобы сказать, что у английского посланника, господина Сато, он узнал, что касательно англиканского епископата здесь не было никакого сношения с японским правительством. Английские епископы произвольно усвоили себе японские названия; никто им не разрешал этого, никто и не запрещал; и до японского правительства это дело совсем не касается. Римские же католики сносились с японским правительством и с сведения его здесь их епископ называется тем или другим японским именем; важности, впрочем, никакой это не имеет. И советует мне Розен назваться каким угодно японским титулом; он сам не имеет ничего против этого; японское правительство это игнорирует.

Сообщил еще барон сегодня полученное им известие от Карла Владимировича Струве, бывшего посланника здесь, ныне — в Голландии, что старшая дочь его, мною крещенная Вера, выходит за голландца, — богача, имеющего дом в Амстердаме, поместье вне и так далее. Жаль, что Вера перестанет быть русскою!

3 / 15 декабря 1897. Среда

В Семинарии и Катихизаторской школе прошедшие два дня были приготовлением к экзаменам, которые сегодня начались писанием экзаменационных сочинений на темы, вчера просмотренные мною.

О. Яков Такая подробно описывает свою поездку по Церквам. Было несколько крещений; в Хитоёси порадовал его внезапным появлением к исповеди давно потерянный из вида бывший катихизаторский помощник в Кагосима Иосиф Кобаяси; о. Яков назвал его сотой овцой, недавно обретенной. Дай Бог, чтобы опять не заблудились!

Филипп Узава извещает о крещении у него пятнадцати человек; много содействовали этому приобретению Ито, несколько учившийся здесь в Катихизаторской школе и вернувшийся домой по болезни, и его младший брат, ныне тоже крещенный.

4 / 16 декабря 1897. Четверг

Катихизатор из Одавара, Илья Сато, пишет, что возмущение там против о. Петра Кано не только не утихает, а усиливается, так что христиане бросили свои обычные занятия из-за церковных споров и рассуждений и грозятся уйти из Церкви, если не будет удовлетворено их требование

сменить им священника. Сам Сато совсем, как видно, ослабел и раскис. Кто-то там разболтал вздор, будто я собираюсь поставить на место Сато катихизатором в Одавара Иоанна Инаба (который за прелюбодеяние лишен звания катихизатора и ныне живет в Одавара, конечно, без всякой надежды вновь попасть на церковную службу, по крайней мере, в ближайшем будущем). Сато и пишет отчаянное письмо. Вместо ответа послал ему телеграмму, чтобы прибыл сюда. И он прибыл в десятом часу вечера. Немногих слов стоило, чтобы успокоить его и вместе пожурить за его легкомыслие и легковерие. Завтра утром отправится обратно. Но — безнадежен он для дела успокоения христиан, точно былие, колебимое ветром во всякую сторону, куда дунет.

5 / 17 декабря 1897. Пятница

Утром Илья Сато, возможно ободренный, отправлен обратно. С ним послано письмо к возмутившимся — повторение прежнего, — что о. Кано, как священник многих Церквей, не может быть сменен по просьбе только одаварских христиан, чтобы подождали Собора, когда произойдет общее совещание о сем и прочее.

О. Симеон Мии пишет, что проповедь начинается в городе Оцу (где было нападение на нашего Цесаревича) и что можно надеяться на начало там Церкви. Дай Бог! Быть может, тогда придется и побывать в этом месте. Ныне же, проезжая мимо, я не могу принудить себя и взглянуть на этот проклятый город, в котором совершено такое злодеяние против России.

6 / 18 декабря 1897. Суббота

Занятие переводом до десяти часов. Потом был в посольстве на Литургии и молебне по случаю тезоименитства Государя; за завтраком подавали мне постное, всем другим, даже священнику (Глебову), скоромное. (Остановить бы его самодурство).

Вечером, после всенощной, Никанор пришел ко мне с жалобой, — последний номер «Сейкёо-Симпо» в руках; пропечатано там, что в предпоследнее воскресенье он не дал есть двенадцати детям сиротского заведения Тадаки, но там же и причина сего: не известили его, что они будут к Обедне, согласно условию о сем; значит виноват Тадаки. Но неправ и Никанор; следовало ему хорошенько выбрать Тадаки, чтобы исполнил условие, ибо двенадцать человек нельзя накормить вдруг, не приготовясь к тому; но в то же время и напитать чем-нибудь детей, хоть бы булок купить им.

7 / 19 декабря 1897. Воскресенье

До Литургии было крещение одного семейства — первый плод катихизаторского труда диакона Якова Мацуда, третий год живущего в Токио.

За Литургией приобщалось человек пятнадцать исповедников.

После о. Фаддей Осозава зашел, чтобы дать отчет о своей поездке по Церквям в Симооса. Катихизаторы трудятся: было больше двадцати крещений.

8 / 20 декабря 1897. Понедельник

Утром был на экзамене — по Догматике в Катихизаторской школе, и по Церковной истории в четвертом классе Семинарии. В первой ныне всего шесть человек — три в старшем, три в младшем, — отвечали порядочно; во втором пять учеников отвечали тоже недурно по своим билетам, но Моки и Метоки не умели сказать, какие книги следуют в Новом Завете после Евангелия, тогда как в Женской школе двенадцатилетние девочки отлично знают это.

Был о. Алексей Савабе с рассказом о своей Церкви; хвалил прилежание по проповеди диакона Павла Такахаси; говорил, что отправляется в пригороды — Фудзисава, где проповедует Саваде, чтобы преподавать крещение приготовленным; но он это уже должен был сделать давно, согласно моему письму к нему, после известия от Саваде; оказывается, — он и не думал еще быть там, хотя не имел к тому никаких помех. Вновь я дал ему наставления, как молодому священнику, — как крестить, как приобщать, как завести церковный порядок в новом месте. Сильно наказывая ему, чтобы он не приобщал новокрещенных запасными Святыми Дарами, как делается в местах, где нет возможности отслужить Литургию, — а приехал бы на другой или третий день после крещения с антимином, просфорами и прочим в сопутствии диакона и причетника и отслужил бы Литургию и на ней приобщил новокрещенных. Но, увы! Едва ли это будет исполнено. Сын — совсем в отца по непосещению; что ни говоришь и ни велишь ему доброго по Церкви, почти ровно ничего не исполняет; а между тем является с длиннейшими хвастливыми донесениями и с вопросами, что и как сделать? Хоть бы уж не лицемерил!

Был русский гость — доктор Яков Саввич Иванов, служивший на постройке железной дороги между Владивостоком и Хабаровском, возвращающийся ныне в Россию, так как линия эта окончена. Как все, кажется, светские русские: немножко добродушный, больше пессимист, немножко верующий, больше атеист, немножко знающий, больше удивляющий незнанием. Когда я показал ему с колокольни императорское место, он с изумлением спросил:

— Да разве Император не в Кёото живет?

— Со времени реставрации, вот уж тридцать лет, резиденция Императора в Токио.

— А я-то хотел ехать в Кёото смотреть ее там...

9 / 21 декабря 1897. Вторник

На экзамене в Семинарии: первый класс, приема нынешнего года, оказался довольно плохим по составу учеников,— способных мало; второй класс — гораздо лучше; отвечали — первые, по Катихизису, довольно хорошо — прилежание показали; вторые, по Священной истории Нового Завета, превосходно — почти все на полный балл.

О. Симеон Юкава приходил просить разрешения его следующих недоумений:

1. Некоторые христиане в Асакуса разладили с ним; ныне они умирились, просили извинения у о. Симеона; совсем все улажено при помощи благочинного о. Павла Савабе. Но один христианин тем не менее не хочет на этот раз исповедаться у о. Симеона, а просит позволить ему исповедаться у о. Павла Савабе.

— «Не имею ничего против о. Семена, и вот просил извинения у него; но не нахожу решимости открыть пред ним всю душу, чтобы совсем очиститься»,— говорит. Благочинный не принял на себя разрешить это и послал меня к епископу. Так как поступить?

— Вы не имеете ничего против того, чтобы Лазарь (этот христианин) исповедался у о. Савабе?

— Ничего.

— И находите, что это совсем умиротворит его, так что ваши добрые отношения с ним, как о. и сына по духу, совсем восстановятся?

— Я так думаю.

— Так с Богом,— позвольте ему исповедаться у о. Павла, и сами скажите ему об этом и благословите его на то. Я, конечно, не позволил бы ему это, если бы он сам или о. Павел Савабе просили меня об этом: я не был бы уверен, что он не питает вражды к вам,— идти же на примирение с Богом, не примирившись с людьми, значило бы прилагать к греху грех. Но духовному отцу его я не могу запретить отпустить его на исповедь к другому, если духовный отец находит, что из этого выйдет доброе.

2. Бедная слепая христианка, брошенная мужем еще в язычестве, промышляющая себе пропитание — как обычно слепые — массажным ремеслом, увлечена была ко греху одним язычником — купцом, который пользовался ее лекарством, и прижила с ним ребенка; сей последний взят на воспитание отцом; она же просит исповеди.

— Можно ли ее исповедать и какую назначить эпитимию?

— Крайне жаль ее — вдвойне бедную и жалкую! Выслушайте ее исповедь, но удержите от причастия Святых тайн, по крайней мере, на два года, в которые и пусть она покажет себя вполне раскаявшеюся и не причастною к прежнему греху.

3. Христианин здешний же, прихода в Ягенобори, десять лет жил совсем вне Церкви, — не был на исповеди, даже ни разу не был при богослужении; пьянствует и ныне опустился до самого последнего ремесла — починять «гета», ходя по улицам. Но недавно, при взгляде на храм, разом почувствовал он сильное раскаяние и просит исповеди.

— Как поступить? Он уже показывает признаки истинного раскаяния: по воскресеньям я его постоянно вижу в Церкви.

— Тоже выслушайте исповедь, но на год удержите его от принятия Святых таин. Если он на год исправится, тогда с радостью приобщите. Наблюдайте тщательно за ним: это бедный сын, возвращающийся к отцу, — не дайте ему вновь уйти на страну далече.

Давая эти и подобные наставления о. Семену Юкава, я имею утешение уверенности, что он исполнит то, что ему говоришь.

10 / 22 декабря 1897. Среда

На экзамене в Семинарии, шестой курс (одиннадцать человек) отвечал, по толкованию Евангелия от Иоанна, почти весь — на полный балл; курс порядочный; даровитых особенно нет, но и глупцов нет.

В пятом курсе всех пять человек; отвечали по Нравственному богословию тоже хорошо; учебник — литографические записки, составленные (по Фаворову) Иоанном Сенума.

После обеда был христианин из Никкава Петр Такенуоци; тамошний богач и волостной старшина, сорока двух лет; явился с родственником, язычником из Маебаси. Один из отторженных от Церкви возмущением против меня о. Павла Савабе с братиею, в 1884 году. С тех пор до сего времени — в ожесточении; лицо сегодня казал такое гордое и готовое вспыхнуть при малейшем поводе, что, право, таких лиц между японцами я почти и не видал, так как самый гордый японец, по конфуцианской дрессировке, старается хранить наружный декорум.

Явился в первый раз после тринадцатилетней вражды, ничем не угасимой, ибо сколько раз от меня посылаемы были и священники, и катихизаторы в Никкава умирить тамошних христиан! «Был у о. Павла Савабе, — говорит, — сердце смягчилось, пришел к вам». И с смягченным сердцем как не гармонировали надутые губы, злобный вид и порывистые выражения! Правда, от него несло вином. Но это едва ли признак смягчения. Я старался вести речь более к его родственнику. Говоря ему о Боге-Отце Небесном, о необходимости знать его и прочее, что следует

по началу катихизации, заключив убеждением у священника и катихизатора в Маебаси научиться христианству и сделаться христианином.

Такеноуци я также убеждал ответить на зов благодати Божией, воспрянуть окончательно самому и при помощи о. Павла Морита восстановить Православную Церковь в Никкава. Он, дорожа святыми иконами в своем доме, выдавая себя за православного христианина, тем не менее и протестанта из себя являет: выражениями «баптесма», «библия», покушением на протестантский образ молитвы пред чаем, неоднократным повторением, что Новый Завет всегда при нем, даже «и ныне сюда, в Токио, не забыл взять с собою». В объяснение всего этого он говорит:

— Умер у меня родственник-христианин; я попросил катихизатора в Маебаси похоронить его; но он отказался, тогда я пошел к протестантскому катихизатору, — он и похоронил.

Однако ж тут сам и добавляет, что православный катихизатор сказал: «Я не могу оставить воскресного богослужения для сего, — оно важнее». Значит, Такеноуци просил не вовремя; быть может, с тем это и сделал, чтобы иметь предлог попросить другого... Так или иначе, не ощутил я радости при посещении сего блудного сына. Хотел было наделить его и родственника христианскими книгами, отвращение взяло к сему делу.

- Есть ли у вас христианские книги?
 - Есть Ветхий и Новый Завет.
 - А, кроме них, нет других?
 - Я читаю «библию».
 - Но других христианских книг у вас нет?
 - Новый Завет всегда при мне.
- И так далес. Подите, навязывайтесь с подарком книг!

11 / 23 декабря 1897. Четверг

Петр Ямада, из Мияно и Цукитате, пишет прекрасное письмо: у него четырнадцать человек крещено, оживились прежние, охладевшие было, христиане (как Циба), много новых слушателей. Просит книг и икон; все будет послано.

Павел Ода, катихизатор в Саннохе, чрез своего священника о. Бориса, прислал свою отставку и приводит странную — и, вероятно, истинную — причину оной: отец его, старик, развелся с своей женой, мачехой Павла, — так нужно ему отправиться домой, чтобы иметь попечение об отце. — Написано к Павлу Хосои, катихизатору в Ицинохе, чтобы он позаботился о Церкви в Саннохе; даны будут ему дорожные на посещение сей Церкви.

12 / 24 декабря 1897. Пятница

Целый день был на экзамене в Женской школе. Как всегда, по Закону Божию отвечали без запинки. Младшим Священную историю преподает

Текуса Огивара (Сакаи), и они учат у нее с ее рассказа, поэтому и отвечали своими словами, но так бойко и складно, как будто читали по книге.

— Сколько раз вы рассказываете урок девочкам, чтобы они так отчетливо его запомнили? — спросил я у Текусы.

— Старшим один раз, тем, что поменьше, — два.

Подивился я вниманию и понятливости одиннадцати-тринадцатилетних девочек и посоветовал Текусе более внимательно готовить свои рассказы ([?]) и к словам Священного Писания не присочинять своих; метод же ее одобрил и за труд благодарил.

Роман Фукуи описывает свою поездку для проповеди в Макабе. Слушатели у него были самые разнообразные. Между ними особенно замечателен один, по прозвищу «Кин-воо-кёу» [?] (помешанный на патриотизме); семь лет тому назад он был посажен в тюрьму на десять лет за замысел разрушить посредством динамита наш храм на Сурагадае; шесть лет он просидел в тюрьме и в начале нынешнего года по милостивому манифесту выпущен, но с тем, чтобы три года состоять под надзором полиции. Дай Бог, чтобы он сделался христианином! Сделавшись, вероятно, будет таким же преданным приверженцем, каким был бы прежде противником. — Исикава, по письму Фукуи, — человек, с которым нужно блюсти осторожность. Дурного про него ничего он не имеет, но переменял Исикава больше полдюжины званий и состояний; был большим ревнителем буддизма. Написано Роману, чтобы не торопился [с] крещением Исикава, который уже просит оного.

Сегодня в Семинарии поставлены два столба, и чрез них введены ворота [?] в систему электрического освещения города: над воротами Семинарии заблистала электрическая лампа в двадцать свечей.

Мы с Павлом Накаем ходили смотреть и нашли это очень приятным. Будет стоять три с половиною ены в месяц за всенощное освещение.

13 / 25 декабря 1897. Суббота

На экзамене в Женской школе ученицы (среднего возраста двенадцати—пятнадцати лет) по Толкованию Евангелия Матфея, другие по Катихизису, кроме двух, — все ответили на полный балл; по Катихизису сами себе задавали и вопросы, не как в Семинарии, где нужно задавать каждый вопрос. — После обеда был в Семинарии на экзамене по гимнастике, которая новым учителем преподается отлично. Отчасти и ей, должно быть, мы обязаны тем, что больница наша стоит совсем пустою.

О. Тит Комацу пишет, что Рождество Христово будет встречать в Оцу, — просят-де туда служить в праздник. Но главное, конечно, что совсем, повидимому, расстроились его добрые отношения к христианам в Уцуномия, — его «Хонквай». На будущем Соборе нужно будет устроить перемещение его из Уцуномия; иначе вконец расстроится эта Церковь.

В Нагоя христиане купили церковную землю и строят церковный дом; но в долг Церковь 1. 300 ен. Вероятно, произойдет потом беда, то есть разлад христиан и охлаждение веры у них, как уже бывало много при подобных обстоятельствах. Но и как удержать было их, коли они сами предварительно пожертвовали на это церковное дело — у них больше тысячи ен?

О. Борис Ямамура пишет, что во время объезда своих Церквей, не доезжая Аомори, простудился в сильную стужу и в холодном вагоне третьего класса; почему в Аомори пролежал больным десять дней, и затем, не посетив двух Церквей (в Куроиси и Хиросаки), вернулся домой, чтобы совсем выздороветь. Во время болезни, впрочем, он совершил в Аомори все требы. Очень жаль бедного труженика, лучшего из наших священников.

14 / 26 декабря 1897. Воскресенье

На Литургии человек сорок причастников было.

Пред Литургией кандидат Пантелеимон Сато пришел с своею сегодняшнею проповедию — прочитать мне; кончивши это, он стал восхищаться возвышенностью Посланий Святого Апостола Петра, на текст из которых была проповедь и, не останавливаясь, с тою же серьезностью продолжает:

- Вчера были роды.
- Какие? — спрашиваю я в недоумении.
- Жена.
- Чья?
- Моя.
- Что ж она?
- Родила.
- Поздравляю.
- Сына.
- До сих пор были дочери?
- Две.— (И так далее).

Мастер на лаконизмы!

Был христианин из Оою, в Акита, Пантелеимон Суво, молодой образованный земледел (кончил гимназию и потом учился два года у Фукузава). Отец его помешался на чтении политико-экономических книг и административных вопросах; нелепейшие проекты строчил к министрам, даже и ко мне месяцев пять тому назад; кроме сей части, во всем здоров умственно, телесно же — точно «сумотори». Сын хотел было поместить его здесь в какой-либо госпиталь, но доктора отсоветовали, а велели лечить дома, так как помешательство очень слабое и невинное. Предпринято было путешествие из Оою отцом и сыном под предлогом

посмотреть Парламент. К открытию Парламента они и поспешили и уже запаслись билетом на галерею слушать прения. Но Парламент третьего дня открыт, а вчера закрыт. Первым делом Нижней Палатой было выражение недоверия к Правительству, но лишь только оно было произнесено, как возвещен был императорский приказ распустить (Кай сансу [?]) парламент. Очень уж тревожит японских политиканов нынешнее занятие германцами порта в Китае, по поводу убийства двух немецких миссионеров, и собрание на зимовку в Порт-Артуре русских военных судов, и злятся они за это на своих администраторов, но сии-то чем же виноваты? Наговорили бы политиканы в Парламенте кучу вещей, которые еще больше скомпрометировали бы бессилие Японии помешать великим державам в их действиях здесь на востоке. Оттого благоразумно и закрыт Парламент; но жаль, что так скандалезно, — едва открыв рот.

15 / 27 декабря 1897. Понедельник

Сегодня закончились экзамены в Семинарии, Катихизаторской школе и Женском училище; в первых двух экзамен по пению произведен без меня, в последней я был на Законе Божиим: отвечали превосходно.

Во время экзаменов о. Петр Кано из Одавара прибыл и изъяснил следующее:

— Был я в Иокосука повидаться с братом, главным механиком, на одном военном судне; оттуда заехал сюда, чтобы сказать вот что: нынешние рождественские праздники я хочу провести не в Одавара, а в Касивакубо, с христианами Церквей в Идзу; для праздничного же богослужения в Одавара я попросил бы прислать туда другого священника; пусть бы у него пред праздником и исповедались те христиане, которые теперь не в ладу со мной и не хотят у меня исповедаться. Хорошо ли это?

Отлично вы придумали, — отвечал я, — так и поступите. Если вы сами разрешаете христианам вашей паствы поисповедаться у другого священника, то пусть так и будет; никто этому воспротивиться не может. Только сами и объявите христианам об этом. Соберите, по возможности, всех немирных ваших христиан и скажите им самую теплую и примирительную речь. Объявите, что вы нашли нужным служить в рождественские праздники, где еще никогда не служили в этот праздник, хотя там христиане тоже построили маленькую Церковь; но что вы не оставите их, христиан Одавара, без Божественной службы в столь великий праздник, а попросите у меня другого священника Одавара на эти дни; «пусть, кстати, христиане, не желающие у меня исповедаться, примирятся с Богом исповедию у сего священника; только пусть умирят свои души, чтобы совершилось таинство в пользу их душ, а не во вред им; простите меня, в чем я согрешил против вас; я же от всей души прощаю вас, в чем

вы повинны предо мной, и, как ваш духовный отец, молю Бога только об одном,— о спасении душ ваших; так очистив души и примирившись с Господом чрез святые таинства, все вкупе радостно и торжественно встретите великий праздник богослужением» и так далее,— в таком роде держите речь им. Примите всякую предосторожность, чтобы христиане не подумали, что вы так действуете не по собственной инициативе, а по внушению извне. Вам нужно охранить достоинство священника — и для вас самих, и в интересах всей начинающейся Японской Церкви. Нехорошо будет, если христиане скажут между собою,— «вот, заявили мы, что не желаем исповедаться у своего священника, нам и дают другого»; легкомысленные христиане и в других Церквях могут повторить то же.— И прочее. И прочее.

Вечером, пред началом занятий по переводу, секретарь Нумабе говорит, что жена катихизатора в Оота, Петра Мисима, явилась и просит в долг тридцать ен и ежемесячной прибавки содержания. Зная неотвязчивость этой женщины, я согласился дать десять ен, без возврата, и больше ничего. Спустя десять минут, Нумабе пришел сказать, что она просит хоть на минуту повидаться, чтобы получить благословение. Я положил в пакет десять ен, отправился в канцелярию и там, передав ей и объяснив, что больше никак не могу, стал благословлять ее, чтобы уйти, но она — как и прежде уже было — схватила мою руку, и я никак не мог вырвать ее.

— Нумабе-сан, что же это? — вопиял я.

— Елена-сан, я говорил вам, что нельзя епископа хватать за руку,— оставьте,— убеждал Нумабе в свою очередь.

Но тщетно было: рука моя — точно в клещах.

— Так и быть, одну ену в месяц прибавлю.— Пустите!

— Три ены, иначе не отпущу,— упиралась она.

Я и Нумабе не знали, что делать; Давид у своего стола приостановился писать и смотрел, что будет.

— Ну, две ены! — взмолился я,— больше уж ни сена, хоть оторвите руку мою.

Нумабе самым серьезным тоном заговорил:

— Оттого-то епископ и не хотел видеть вас, он боится вас,— вишь вы какая дерзкая,— бросьте!

Я получил, наконец, свободу и вынес четыре ены прибавки к содержанию за первый и второй месяцы, высланному прежде. Собственно, и стоит. Петр Мисима — старый катихизатор, хоть и прерывавший службу Церкви; и двенадцать ен ныне в месяц для него не жаль; только жаль, что другим не могу сделать прибавки, а есть на десять ен живущие с детьми, тогда как он вдвоем с женой.

Нынешним вечером и мы с Павлом Накаем закончили наши занятия в нынешнем году по переводу Нового Завета. В пересмотре, ныне

идущем, все оригинальные слова переведены одними и теми же словами по-японски, дошли, по словарю Гильтебрандта, до слова «вина».

16 / 28 декабря 1897. Вторник

В половине девятого часа было чтение списков в женской школе, в девять часов — в Семинарии и Катихизаторском училище. Потом была молитва к исповеди для учащихся, и они в продолжение дня исповедались: ученицы у о. Павла Сато в Соборе, ученики у о. Романа Циба в Крестовой.

Катихизатор Яков Яманоуци из Ямада прибыл, чтобы взять своих детей, одиннадцати и четырех лет, из приюта Даниила Тадаки домой: с ними и еще четырех детей-сирот из Ямада, для доставления к их родным. Встревожила всех статья в Сейкёо-Симпо, что Тадаки нечем содержать сирот; из разных мест христиане шлют пожертвования, хотя и скудные, деньгами и платьем. Я сказал Якову Яманоуци, что буду содержать его одиннадцатилетнего сына до поступления его в Семинарию, если он хочет воспитать его для служения Церкви; только пусть он найдет семейство, где поместит его. В Сиротском приюте его детям не следовало бы и быть, так как у них отец и мать и притом не бедные; Яков явился сегодня ко мне в шелковом платье; кроме катихизаторского содержания и разъездных по приходу (ибо у него четыре Церкви, неблизкие одна от другой), он еще испросил разрешения жене его торговать, что она и производит в Ямада. Могли бы они и сами содержать своего сына, но так и быть! Давно он служит катихизатором.

17 / 29 декабря 1897. Среда

Так как траур по матери Императора, умершей одиннадцатого числа января прошлого года, еще продолжается, то новогодние празднества очень скромны будут: «кадо-мацу» нигде не ставятся, кроме купеческих улиц; визитов делать не будут, даже визитные карточки не нужно рассылать. Bene!

День был сегодня расчетный, а головная боль (от дыма из камина ночью) делала его еще более невеселым.

Была всенощная для завтрашних причастников — всех учащихся. Служил о. Роман; пели причетники.

18 / 30 декабря 1897. Четверг

В семь часов был звон к Обедне. Пред началом оной прочтены утренние молитвы, потом причастный канон (правило); читал его о. Роман, уже совершивший проскомидию; потом 3-й час и Литургия: на ней я

сказал причастникам небольшое поучение; к причастию подходили благоговейно и в порядке. Причастились все школы.

Перечитал с Давидом множество церковных писем, накопившихся в последние пять-шесть дней, — и это еще половина; другая — больше двадцати — завтра будет прочитана. Крещений очень мало, но и дурных известий нет, за исключением следующего: Фома Такеока, из Цуяма, извещает, что бежала от него мать его жены, жена Петра Ока, оставив следующую записку: «Стыдно жить, иду умереть на стороне». Догадывается Фома, что жизни она не лишит себя, а, вероятно, направилась к человеку, с которым жила по разлуке с Петром. Поищем, где она. Если она, сорокалетняя женщина, имеющая уже внуков, настолько ослеплена страстию, что не может расстаться с человеком, с которым жила незаконно, и вернуться к своему законному мужу, который с любовью готов принять ее, то Господь с ней! Согласно Евангелию, постараемся истощить пред нею слова убеждения еще и раз, и два; не послушает — Петр Ока будет считаться свободным от союза с нею и будет иметь право, если пожелает, вступить в новый брак.

Николай Гундзи, кончивший курс в Семинарии к прошлым каникулам, назначен был проповедником здесь в Коодзимацэ: но почти все время был болен; содержание, однако, я ему платил. Ныне давно уже, для поправления здоровья, живет дома, в провинции, у родителей; но и оттуда требует содержания на первый месяц следующего года. Я выдал и это — его младшему брату — для уплаты за его лечение, когда он был еще в Токио (так предполагается, согласно письму), но написал ему, Николаю Гундзи, что церковное содержание полагается не за имя, а за службу, и так пусть он не требует содержания больше, пока не будет в состоянии действительно служить Церкви.

19 / 31 декабря 1897. Пятница

Георгий Абе, катихизатор в Отавара, пишет, что он открыл средство построить со временем Церковь в своем приходе. Какое же? Пусть христиане посадят у себя, на этот конец, кто сколько может, отводков дерева «кири» (Павлоний). Растет оно скоро; когда вырастет, — срубить и продать, — деньги! От пня бывают побеги, вырастут они в деревья, — срубить и продать, — опять — деньги! И так далее. Несколько христиан уже согласились с ним и посадили — кто два, кто три отводка. Когда же Церковь-то выстроится? Недаром Абе, будучи прежде богатым земледельцем, разорился на проектах и предприятиях. Впрочем, я послал его письмо в «Сейкёо-Симпо».

О. Петр Кано пишет, что будет в отлучке из Одавара на праздник Рождества Христова, который будет встречать с христианами в Касивакубо, и просит послать священника отсюда для праздничных богослужений в

Одавара. Отправился о. Роман Циба, которому сказано и исповедать тамошних христиан, кто пожелает, если о. Петр оставил распоряжение о сем. Если не оставил,— спросить у него письмом или телеграммой, коли будут просить исповеди у о. Романа.— О. Роман не возразил против посылки его, но ему, видимо, не хочется. И понятно; у него в доме на праздники остается старая согбенная от дряхлости, к тому же и больная ныне, мать его и двое малых отроков, его детей; прислуги нет. И потому я дал ему пять ен, чтобы он так или иначе не оставил мать одну с малышами, а нашел бы кого присмотреть у него в доме в отсутствие его; он обещал пригласить для того учительницу вдову Марию Хакугоку, живущую по соседству.

Всенощную служил о. Феодор Мидзуно. Пели оба хора хорошо, но когда пришел на правый клир Львовский, по обычаю, стали растягивать несносно. Особенно «Величит душа моя» тянули на целые десять минут, точно концерт, и это шесть раз одно и то же! Я потерял терпение и по окончании ирмоса вызвал Дмитрия Константиновича и сделал ему выговор.

20 декабря 1897 / 1 января 1898. Суббота

В восемь часов началась Литургия, отслуженная тремя иереями с о. Романом во главе (о. Павел Сато болен). На молебен выходил я. По левую руку от кафедры всегда стояли два ряда маленьких учениц, ныне, вышедши на кафедру, я удивился, что нет ни одной. «Не захворали ли?» — встревожился я, но тотчас же догадался, что они ушли в хоры, как певчие уже, к чему и готовились; только и там их ни одной не было видно — точно попрятавшиеся в щелях,— так они еще малы.

После службы нашел я у себя учителей и некоторых катихизаторов, зашедших поздравить с Новым годом. Учащихся не было никого, так как официальные поздравления, по случаю Императорского траура, отменены, то они также не решились явиться, жаль мне стало детей. Я велел позвать их; тотчас же с радостью собрались; певчие пропели (вместо обычного «икутосимо») «Спаси, Господи, люди Твоя»; раздал им, как обычно, по двадцать сен не певшим года, по тридцать — певшим больше года, не певшим — по десять сен; Катихизаторской школе, где только шесть учеников, дал одну ену на «кваси»; регентам по одной ене, причетникам по пятьдесят сен, учительницам, певчим то же; Анне и старшим учительницам по одной ене. Потом прислуге, которая тоже стеснялась явиться,— по одной ене, как и прежде всегда было.

Затем поздравителей почти никого не было больше. День был прекрасный. Всегда в этот день бывало, воздух точно засорен змеями. Ныне и их не было. Малые дети пускали змей, как и на миссийском дворе суетились многие сопляки, но высоко не поднимались они; видно, что

большие не давали им поддержки, соблюдая приличие траура. Японский народ удивительно воспитан в политическом отношении!

21 декабря 1897 / 2 января 1898. Воскресенье

В Церкви за Обедней с самого начала христиан всего трое, кроме учащих; потом немного собралось. Больше же всего выручают язычники: наберется всегда столько, что как будто и много народа в Церкви.

О. Борис просит: три ены на дорогу в Саннохе Павлу Хосои, ежемесячно, две ены на дорогу в Санбонги (из Хацинохе) Моисею Сираива, ежемесячно. Яков Адаци просит три ены на квартиру в Химедзи ежемесячно. Нет дня, чтобы не приходили просьбы о деньгах. Расходы все растут и растут; до чего дойдет, наконец?

22 декабря 1897 / 3 января 1898. Понедельник

День тихий, серенький, грозившийся снегом, но мирно кончившийся. Я сводил разные счета и разбирался по канцелярии. Думал, в этом году особенно плоха проповедь, но ничего, не хуже прежних годов, судя по результатам.

Иоанн Ямануци, катихизатор здесь, в Хондзё, сейчас приходил:

- Жениться хочу.
- На ком?
- На девице в Хондзё, Евгении Моки.
- Отчего не на кончившей в Женской школе?
- Не усмотрел по нраву.
- Сколько вам лет?
- Двадцать три года.
- Раненько.

Но запретить не могу. Дал десять ен на свадьбу.

23 декабря 1897 / 4 января 1898. Вторник

Скучно проведенный день в комнате с насморком.

Кое-куда разосланы письма; например, – в Куроиси, с просимой оттуда прибавкой на квартиру и с наказом катихизатору Титу Айзава быть деятельнее, ибо плодов труда у него совсем нет.

Анна Кванно приходила сказать, что ученицы пошили зимнее платье двадцати сиротам у Тадаки; сделали они это безвозмездно; двадцать две ученицы потрудились для себя; и, кроме этого, добрые маленькие швеи и многие другие товарки с ними собрали от себя денежное пожертвование сиротам – кто по три, кто по пять сен, – это из своих скудных крох, будучи все сами очень бедными! Да благословит Бог их и навсегда укоренит

эти добрые чувства в них! Пожертвовавшие по пять сен не пожелали обнаружить и имен своих; написано было только на бумажке, что «Мидзугани куми» (общество Мидзугани Марины, четырнадцати лет, беднейшей из учениц, двадцать учениц) — по пять сен. (Деньги, должно быть, из тех, что дал им, как певчим, в день нового года). Это значит, что уроки Евангелия они не только заучают на память, но и стараются исполнить в своем поведении. Весьма отраднo видеть! Все это показывает, что Женская школа наша отлично ведется старухой Анной Кванно и ее помощниками.

*24 декабря 1897 / 5 января 1898. Среда.
Рождественский Сочельник*

С восьми утра часы и Обедня Святого Василия Великого; кончилось в двенадцатом часу. Из Церкви зашел ко мне Иоанн Ооцуки, христианин из Такасимидзу, бывший когда-то причетником и катихизатором, но по болезни головы оставивший службу. Ныне жребий выпал ему на праздник Рождества Христова быть в миссийском соборе, и вот он явился (ибо христиане в Такасимидзу положили ежегодно на праздник Рождества Христова отправлять от себя богомольца, на церковный счет, в Хоцквай,— что очень похвально). Говорил он, что собираются христиане Такасимидзу просить для себя священника (с присоединением сюда ближайших Церквей), и что наметили будто бы Андрея Сасагава для сего сана. Он ныне врач.

— Можно ли совместить в одном лице эти две должности — священника и лекаря? — спрашивал Ооцуки.

— Если считать эти должности равно обязательными, то никак нельзя. К кому пошел бы священник-лекарь, если бы к нему пришли разом просить — один окрестить младенца, другой помочь больному? Что стал бы делать священник-лекарь, если бы он пришел в храм совершать Литургию, а тут же за ним пришли звать его к больному, который, быть может, и опасен? — Хорошо священнику знать и медицину, но это в исключительных случаях, где нет врача, или где трудно добыть его, или при внезапных несчастных случаях, либо заболеваниях; и все это после исполнения обязанностей врача духовного и поколику не мешает сему исполнению.— Касательно же Андрея Сасагава есть и другое препятствие. Он служил когда-то катихизатором; потом оставил эту службу без всяких уважительных причин, кроме «не хочу». Пусть бы у человека были какие-либо внешние препятствия, например: семейные обстоятельства, головная или иная боль и тому подобное. Ничего подобного! Сколько я ни уговаривал его перемыслить, следовать брату Петру, который тогда уже был священником. «Не хочу!» — и больше никаких резонов. Вышел; человек способный, изучил лекарское искусство,— ныне врач и

порядочный христианин, и слава Богу! Пусть и будет сим до конца. Избирать же его во священники опасно. Что, как он, прослуживши и священником год-два, опять скажет «не хочу»? Тогда будет не хорошо уже не для него только, а для Церкви: скомпрометирует он ее немало. Итак, «вангамаmano хитoo», пожалуйста, в священники не намечайте, а поищите кого понадежней.

Ооцуки обещал передать это христианам и последовать сему. Просил он, после праздника, пожить в Миссии несколько дней, чтобы восполнить свои знания по причетничеству и певчеству, ибо в Такасимидзу при богослужениях заведует сими частями. Ладно!

За праздничной всенощной христиан весьма мало было; пение было преплохое, особенно на левом клире. Грустно очень было!

**25 декабря 1897 / 6 января 1898. Четверг.
Праздник Рождества Христова**

Пасмурный день по наружности и пасмурно начался по душе; встал с сильною головною болью от чада из печки ночью (уголь вывалился).

В начале Обедни христиан почти никого; но тут же праздничное настроение возобладало; пред мысленными очами встала будущая Японская Церковь, обильная христианами, — и я начал славословить Господа под чтение Часов. Мало-помалу набралось и христиан, так что к концу Обедни была почти полна Церковь. Благодарение Господу и за это! Все же христиане не вполне покинуты благодатью Божиею и раз-два в году отверзают дверь сердца толкушему в нее Господу, а Он милосердый, и за это до конца возлюбит их!

После Литургии о. Павел Сато с певчими христославил у меня; потом о. Павел и все священно — и церковнослужашие, также наставники Семинарии, пили чай в редакции «Синкай», а я роздал певчим обычное на «кваси» (певшим более года сорок сен, менее — тридцать сен; дело сие было нелегко, ибо из пальца не переставала течь кровь, — поранил же звездой при торопливой перемене платья после службы). Множество и других поздравлений и раздач денег — служащим и детям; все по установившемуся уже отчасти обычаю.

Часа в три отправился в Посольство поздравить барона Розена и прочих там с праздником. Застал в кабинете барона — вместе с ним — военного агента генерала Николая Ивановича Янжула и морского агента Ивана Ивановича Чагина; видно, что только что кончили совещание. Барон не скрывает, что время здесь для нас довольно трудное: занятие нашей эскадрой Порт-Артура грозит неприязненными отношениями к Японии, а вместе, быть может, и к Англии. Впрочем, — впрочем, баронесса угостила чаем и сладким пирогом, а собравшиеся члены Посольства всякой болтовней.

На всенощной были только учащиеся. После Яков Яманоуци пришел проститься; младшего, четырехлетнего, сына берет с собой домой, старшего оставляет у Тадаки; я обещался выдавать ежемесячно три ены на содержание его, пока поступит в Семинарию.

Говорил Яманоуци, что Симон Тоокайрин (соблудивший в Немуро и за то лишенный звания катихизатора) очень усердно помогает ему по Церкви и имеет намерение проситься опять на катихизаторскую службу. Я ответил, что если Симон предварительно не женится, то нельзя поступить ему на службу Церкви; и сам он не будет обеспечен от нового греха, и люди не будут уверены в нем. Но ему тридцать один год — пора жениться, — пусть возьмет кончившую курс в Женской школе и потом, спустя некоторое время, просится на службу...

[пропуск в оригинале]

...Сергия Нумабе. За завтраком о. Павел Савабе вспоминал первое время христианства здесь и прочее.

С трех часов мы втроем поехали с визитом к профессору Рафаилу Густавовичу Кёберу; слушали, между прочим, его великолепную игру на фортепьяно. От него заехали к о. Павлу Сато с визитом, после чего я вернулся домой. Отцы Сергей и Андроник отправились к о. Сергию Глебову.

Утром я сходил с Давидом осмотреть продающееся внизу место: нельзя купить; скат, на котором нельзя строить; нынешние постройки не на многое годны; земли 350 цубо, а цена двенадцать тысяч ен. Зашедшей после обедни М-те Софии Сугияма сказал, что не куплю.

После завтрака был катихизатор из Оцу, Иоанн Судзуки; дело проповеди там идет хорошо ныне; с Собора крещен двадцать один, и новые слушатели есть. Сказал я ему, что живущему ныне дома, в Сакура, по болезни, катихизатору Николаю Гундзи буду посылать содержание, если он станет помогать по проповеди в Оцу или Сакура; Судзуки говорит, что он может; когда же совсем оправится, то пусть явится на место своей службы в Коодзимаци, в Токио. — Сказал еще Иоанну Судзуки, что буду давать его жене Марии две ены ежемесячно на содержание, если он пришлет ее сюда, как желает, для дальнейшего изучения пения, шитья и прочего; но пусть поместит ее, где сам хочет, — в Женской же школе нельзя, она переполнена.

29 декабря 1897 / 10 января 1898. Понедельник

Позавтракав в одиннадцать часов, мы втроем (о. Сергей, о. Андроник и я) отправились в Иокохаму. Сначала в банках побыли, по делам, потом в лавке, где, между прочим, о. архимандрит купил за двести долларов

фисгармонику. После – визиты сделали: консулу князю Лобанову, военному агенту генералу Янжулу и морскому агенту лейтенанту Чагину. Все были очень любезны, Янжул (Николай Иванович) и его семейство особенно; за чаем и разговорами у них просидели часа два; вернулись в Токио в восемь часов.

30 декабря 1897 / 11 января 1898. Вторник

Отцы архимандрит и Андроник сделали за день визиты всем наставникам Семинарии – академистам и господам Хорие и Накаи. Вечером у них обедали, по приглашению, о. Сергей Глебов и диакон Дмитрий Константинович Львовский.

Перечитал накопившиеся с праздника письма; поздравительных писем было восемьдесят четыре, «хагаки» семьдесят восемь, телеграмм двенадцать. Кроме того, было несколько деловых церковных писем. – Илья Сато, из Одавара, пишет, что христиане значительно успокоились: в праздничную Рождественскую службу было человек девяносто в Церкви, несмотря на то, что снег и грязь остановит дома многих старцев и детей; было «фукубики» в пользу сирот приюта Даниила Тадаки; настроение всех очень мирное и праздничное. – Из Касивакубо, в свою очередь, извещают, что там и во всей окрестности христиане очень порадованы были служением у них в праздник о. Петра Кано; восемьдесят человек было в Церкви в праздник Рождества, и так далее.

Симеон Мацубара, из Аомори, пишет, что там один очень благочестивый христианин Епископальной Церкви, усумнившись в непрерывности преемства епископства в своей Церкви, пошел изучать католичество; не понравилось ему оно: ныне изучает православие, и все больше и больше удовлетворяется им; другой христианин – из «Ицциквай» уже перешел в православие – не мог успокоиться на учении своего миссионера, что причащение – простой хлеб, крещение – простой знак, не очищающий от грехов. –

О. Сергей Судзуки, из Оосака, описывает истинно христианскую кончину благочестивого врача Петра Сираи и его погребение; пока были силы, всегда ходил в Церковь; умер, пособоровавшись, в день нового года. Пишет еще, что вместе с катихизатором Варнавой Симидзу христославил по-русски у нашего консула в Кобе, Феодора Ивановича Васильева, – получил за это на Церковь пятнадцать ен; на сии деньги вместе с тем, что приложат к сему христианин Оосака, он думает заказать заприестольный крест, очень нужный при похоронах. –

Христианин в Коорияма, Матфей Хисикава, написал прекрасный некролог своего недавно умершего катихизатора Ильи Накахара; отдан для напечатания в Сейкё-Симпо; в знак любви и благодарности своей к

усопшему христианине Коорияма поставили ему надгробный памятник, стоивший около тридцати ен, что немало для малого и небогатого христианского общества.

31 декабря 1897 / 12 января 1898. Среда

Утром сходили в Банк Мицуи сдать деньги: я миссийские десять тысяч на полгода, о. архимандрит тысячу четыреста, о. Андроник семьсот, оставшиеся у них от дороги, на год, на шесть процентов. После обеда втроем ходили гулять в парк Уено. Потом у меня был христианин из Омумура [?], близ Монбецу, в Хоккайдо, Яков Нива, приказчик в рыболовном заведении; принес две ены на Церковь; человек, видимо, благочестивый; совсем один христианин на свою округу; я обещал написать о. Николаю Сакураи, чтобы имел его в своем приходе и посетил ту местность; быть может, в Монбецу тоже найдутся наши христиане.

Всенощную служили торжественно: кроме нас троих выходили на литию и Величание пять японских священников. Пение было на правом — хорошо, на левом — разлили. Христиан в Соборе, кроме учащих, почти ровно никого.

Сим кончается старый год. Благослови его Бог! Он дал Миссии двух миссионеров: о. архимандрита Сергия и о. Андроника. Люди, кажется именно те, о которых я молился, которых всегда ждал: смотрящие только на дело, и смотрящие — просто, ясно, смиренно и зрело; никаких ходуль, ни малейшего идеальничанья, грозящего разочарованием, у них не заметно. О. архимандрит здоровее, чем я воображал его, и, кажется обещает здравую и долгую деятельность здесь; о. Андроник — именно, кажется, тоже хозяин, о котором я мечтал: скромный, молчаливый, но ко всему внимательный и на все готовый тотчас дать отзыв, по своей ни на минуту не усыпающей бодрости. Дай Бог! Дай Бог! Им бы расти, мне бы молиться!

1898-й год

1 / 13 января 1898. Четверг

С девяти часов Литургия, в соборном совершении которой участвовало нас трое и четыре японских священника. Проповедь говорил о. Павел Сато. После Литургии обычные поздравления; обед у отцов Сергия и Андроника с кандидатами и другими, говорящими по-русски. Поздравления русских: о. Глебова, Янжула и Чагина, князя Лобанова с супругой. С четырех часов «Симбокквай» в женской школе, с угощением, речами Надежды Такахаси и учениц, «кото» Евфимии Ито и учениц ее.

Сущность речей была – радость прибытия новых миссионеров и приветствие им.

Георгий Мацуно, катихизатор в Хацивоодзи, был; говорил:

– В Обуци просят проповеди.

– Так как в Хацивоодзи теперь новых слушателей нет, то отправьтесь в Обуци и преподайте там учение желающим, но для этого нужно жить там месяц или больше непрерывно; редкие же посещения бесполезны; а по дальности расстояния (семь ри) часто посещать трудно.

Петр Мисима, катихизатор в Оота, вечером был, – на перепутье в Атами, к больному из Оота, слушателю христианского учения; говорил, что «в Оонума и окрестностях нужен проповедник». Пусть, при досуге, проповедует там.

2 / 14 января 1898. Пятница

В шесть часов прозвонил колокольчик встать, и начались обычные занятия по школам, а у нас с Павлом Накаи по исправлению перевода Нового Завета. Только мешали сегодня: во-первых, Петр Мисима привел своего знакомого и слушателя веры в Оота – богатого купца, бывшего «сизоку» (в войне против Сайго потерявшего палец), у которого вчера на станции железной дороги мазурик вытащил сто ен; подарил ему книжек и иконку, ибо очень близок к крещению; во-вторых, некто Александр Филлипович Rowers с супругой Прасковьей Николаевной, родом из Гижиги; оба юные, воспитанные в Владивостоке, заводящие торговое рыбное дело от своей компании в Кобе; едущие по делу рыбному в Хакодате; проезжая чрез Токио и имея несколько часов до отхода чугунки, захали с чемоданами сюда; показана им Миссия о. Андроником, угощены обедом и отправлены на станцию к трем часам.

Была, в четыре с половиною часа, с новогодним визитом посланница Елисавета Алексеевна Розен, за себя и мужа, который очень был занят и болен простудой.

С шести часов в Семинарии был «Симбокквай», по случаю приезда отцов Сергия и Андроника. Почти до девяти мы втроем просидели там в столовой. Вяло тянулись речи, – наполовину по японскому звучанию, патристические, наполовину религиозные; было и пение, светское и духовное, – то и другое плохое. Оживили несколько шарады с подарками по жребиям; жребий «необходимое на заре» – выдается мыло; жребий «принадлежность лицемера» – выдается «раппа» (труба)...

3 / 15 января 1898. Суббота

Утром в шесть часов – к Обедне, потом обычные занятия.

В двенадцать часов у отцов архимандрита и Андроника собрались к обеду господа Накаи, Хорие, Исикава и прочие – переводчики и редакторы церковных изданий.

Вечером за всеобщей на левом клиросе так зарознили, что я позвал в алтарь Дмитрия Константиновича Львовского и велел ему отправить туда Алексея Обара, после чего до конца службы пели отлично; регент левого хора, Иннокентий Кису, — и малоспособный, и лентяй.

О. Андроник сегодня начал изучение японского языка с учителем; первую учебною книгою служит молитвослов (сёокитоосё), учителя диакона Стефана Кугимия.

4 / 16 января 1898. Воскресенье

Проливной дождь, когда звонили к Обедне, оттого христиан в Церкви, кроме учащих, совсем мало было.

После Обедни о. Фаддей Осозава зашел и говорил, что исповедал и приобщил святых тайн больного при смерти Павла Оои (Кенторо); болен тифом, и врачи говорят, что жизнь в опасности. Жена у него сошла с ума, и он взял наложницу, от которой имеет уже двух детей, — старшего крещенного; приобщаться поэтому ему не следовало в обыкновенном состоянии; но смертная опасность извиняет допущение к таинству. О. Фаддей говорит, что приносил покаяние он так искренно, что от слез и плача почти не мог говорить. Сказано о. Фаддею, что если Оои выздоровеет, то тем не менее должен подлежать отлучению от Святого Причастия еще по крайней мере на семь лет. Собственно, оказать снисхождение ему и можно бы: жена в неизлечимом умопомешательстве; но пример его послужил бы к соблазну других, тем более, что он такое заметное лицо, известное на всю Японию.

Отцы архимандрит Сергей и Андроник и сегодня разделили хлеб-соль с гостями: о. Алексеем Савабе, диаконом Павлом Такахаси, иподиаконами, регентами и прочими. Потом в библиотеке выбрали книги, необходимые для первоначальных занятий здесь.—

Вечером обычные занятия.

5 / 17 января 1898. Понедельник

Из Одавара христианин Михаил Кометани был; увидел я его в канцелярии:

- Не имеет ли что сказать мне? — спрашиваю.
- Как же; говорить о Церкви.
- Пожалуйста ко мне.— Привел его к себе, усадил. Начинает:
- Христиане никак не могут примириться с о. Петром, а еще больше удаляются от него, потому что он христиан ненавидит, злословит, к ним не идет...

— Несколько раз был у меня о. Петр по поводу своей размолвки с христианами и никогда не хулил христиан, не выражал к ним ненависти, а только печалился.

— Нет, он ненавидит нас.— И так далее. Видя, что чем дальше в лес, тем больше дров, я перестал говорить о сем предмете.

[Пропуск в оригинале]

7 / 19 января 1898. Среда

В три часа назначена была свадьба катихизатора в Хондзё Иоанна Ямагуци с Юнией Моки, молодой христианкой из того же прихода; но собравшиеся в Собор христиане и родные приобщали их до пяти часов; в первый раз такая неаккуратность в сем деле; какая причина, еще не знаю.

О. Алексей Савабе был; просил квартирные для прихода Ёцую, в то же время говорил, что приход этот, лучший из его приходов, опускается, ибо Иоанн Като, считающийся ныне катихизатором сего прихода, молод и слаб для него.

— Я вам давно велел поместить в этом приходе Фому Исида, лучшего из ваших катихизаторов, живущего теперь в загоне у вас, на окраине города; отчего же вы не слушаетесь?

— Христиане в Иоцуя говорили, чтобы оставить там Като.

— Вы должны руководить христианами, а не слушаться их в сем деле; и зачем же вы слушаетесь христиан, а не слушаетесь меня? — И так далее. Он уверял сначала со смехом, потом как будто собираясь плакать, что не слушается меня. Но ничего путного из всяких разговоров с такими людьми не выходит; пусть себе служат, насколько позволяет им их своенравие; могли бы работать на все пять талантов; коли четыре в землю зарывают, не слушаясь никаких резонов,— их дело; можно терпеть их за службу хоть на один, ибо лучших людей нет.

8 / 20 января 1898. Четверг

В час пополудни была свадьба зрителя «Сингакко» Иоанна Сенума, кандидата богословия, с Еленой Ямада, воспитанницей и потом учительницей нашей женской школы. Но в Собор, на богослужение бракосочетания, из женской школы пришли для пения только ученицы второго и третьего класса, и то потому сии присланы были, что я вчера просил Анну Кванно прислать певчих; больше — ни учительниц, ни старших учениц, ни младших. И никого из женской школы не было. Это — протест женской школы против неодобрительного поведения Елены Ямада; больших проступков за ней нет, девушка она честная, в смысле девственности (иначе и не то было бы!), но кокетка порядочная,— к счастью, единственная в сем роде между христианками; многие за нее сватались (я знаю восемь человек; некоторым она прямо отказывала,

инных водила за нос и потом отказывала, особенно возмутителен последний ее поступок с братом учительницы Надежды Такахаси, Григорием, переводчиком у русского морского агента; совсем дала обещание выйти за него; долго была с Надеждой — точно родная сестра; и вдруг, когда посватался Иоанн Сенума, отказала. Извиняют ей даже и это, но зачем солгала при сем? «Родители не позволяют,— отец говорит, что я должна выйти за приемыша в дом», — и так далее. И вознегодовали все, и правы! Очень жаль, что все это так!

9 / 21 января 1898. Пятница

Игнатий Мацумото, два года бесплодно проживший в Курури, своем родном городе (где обещал успехи), перемещается в Омигава, где был Яков Томизава, воспитанник Семинарии, немало лет без всякого плода состоявший катихизатором и, к счастью, недавно освободивший Миссию от непроизводительных расходов на него.— Был, чтобы получить благословение на перемещение (заранее условленное у нас с о. Фаддеем), принес в подарок сушеные «каки» от своей матери, предложил купить у него две русские книги, приобретенные им где-то в лавке за пятьдесят сен,— получил за все это от меня три ены; завтра придет, чтобы попрощаться и взять брошюры для перевода с русского на японский во благо Церкви.

Илья Накагава, катихизатор в Каннари и прочих, прибывший с разрешения своего священника сюда на свадьбу сестры своей жены, Юнии Моки с Иоанном Ямагуци; был; чтобы попросить прибавку к содержанию. Но получает пятнадцать ен; прибавил я только одну ену, и пятьдесят сен на квартиру; больше — было бы в обиду всем прочим катихизаторам, а всем прибавить нельзя.

10 / 22 января 1898. Суббота

Заштатный священник о. Оно из Оосака пишет в частном письме секретарю Сергию Нумабе, что Церковь там совсем пришла в упадок; на праздник Рождества Христова в Церкви было не более двадцати человек.— Священник Сергей Судзуки, значит, не годится для Оосака, и его непременно нужно убрать отсюда; недаром христиане давно уже просят переменить его; совершенный ребенок он, совсем неспособный к управлению церковью; «никакого совета и никакого руководства от него по церковным делам», как выражаются христиане, хотя он отличный проповедник с кафедры. Но кого туда? Мучительный вопрос! Совсем нет людей для поставления во священники...

Мирон Сео, гувернер семинаристов, сегодня приходит и заявляет:

— Иоанн Момосе выходит из Семинарии.

— Он поступает в приемыши, и ему нужно научиться «дзицугёо» (практическому занятию, или ремеслу).

— Ладно! — ответил я.

И что мог ответить иначе? И отец, и сын бессовестно надувают; отец просил шесть лет тому назад принять сына в Семинарию и дал письменное свидетельство, что вполне отдаст его на служение Церкви; сын, поступив дрянным, крайне хилым, сопляком, был воспитан и возвращен за счет Церкви; молоком отпаивал я его годами, ибо был он такой худой и мозглявый. Мои заботы увенчались успехом: юноша вышел крепкий и здоровый; в будущем году кончил был курс; учился порядочно, вел себя хорошо; и наперед радовался я, что вот выйдет хороший слушатель Церкви. Но и отец, и родные, как видно, обрадовались, что церковные хлеба возымели чайнное действие — и прощай все честные обещания! Украли сына, украли у себя доброе имя, пресекли, быть может, себе путь ко спасению! Но неправ и сын; он в летах; он мог возразить и настоять, чтобы честно было поступлено относительно его. Куда! Та же мякина, ветром воздымается с поля Христова! Сотвори, Господи, милость, чтобы не унесена была она мирским дуновением в ад!

Но вот тут и находи служителей Церкви! Самая последняя дрянь ползет в наши школы; и лишь только из этой дряни начинает возникать, под влиянием христианских попечений, что-нибудь надежное, как его и украдут.

А можно ли защититься против этой бессовестности? Никак! Деньги за воспитание потребовать? Скажут «хе» и, отвернувшись, зальются хохотом. Жаловаться? Одному Богу только! Ему и жалуюсь.

11 / 23 января 1898. Воскресенье

Целый день дождь; в Обедне было совсем мало, хотя мы служили ее большим собором; и почти беспримерный случай — проповеди не было. Вчера вечером Петр Исигаме приносил мне для просмотра свою приготовленную проповедь, но на неделю Закхея, а она будет лишь в следующее воскресенье. К сожалению, во время чтения вошел иподиакон Моисей Кавамура и заметил, что проповедь не на завтрашнее Евангелие; Исигаме ошибся в расчете недель. Если б не Кавамура, то проповедь сегодня сказана была бы, хотя и не на чтенное Евангелие; и кто бы взял во внимание несообразность? Ныне же, благодаря неуместной аккуратности одного и неаккуратности другого, Церковь осталась без проповеди. Оно бы и не беда, но этой Церкви подражают другие, — пожалуй, и везде станут небрежь проповедью в Церкви, — ныне же пока этого нет. Потому Петру Исигаме, явившемуся после Обедни с извинением, сделан выговор с замечанием, чтобы вперед такой неаккуратности не случилось.

Ныне день рождения о. архимандрита Сергия, о чем он упомянул за обедом. Кажется, и он, и о. Андроник будут именно теми хозяевами и господами дела, которых так долго ожидал.

[Пропуск в оригинале]

...он, при своих талантах, как можно скорей овладел письменным японско-китайским языком и вышел на писательскую арену здесь — в защиту истинной христианской веры и в проповедь и распространение ее. Като и прочие сего рода писатели-атеисты ныне блядословят с апломбом; пусть о. Сергий станет против них и заградит им уста...Словом, надежд на будущее много, нужно поскорей добыть высокой учености наставника японско-китайского языка о. Сергию; с о. Романом Циба, с которым он читает Служебник, ему положительно нечего делать.

15 / 27 января 1898. Четверг

Моисей Касай, катихизатор в Акуцу, пишет, что христиане Акуцу справляли десятилетие своей Церкви: сотворили молитву (и о. Тит был там), говорили много хороших речей, угостились, чем Бог послал: по слышанным речам он начертывает, как началась и развивалась Церковь; первым христианином, потерпевшим много гонений от язычников, был Иноуе (так настойчиво ныне просящий принять дочь его в Женскую школу); другие христиане тоже немало потерпели неприятностей, но благодать Божия помогла им стоять крепко, и они, наконец, приобрели уважение от окружающих язычников, и так далее. Все это так, и очень хорошо; но как же эти самые христиане, по словам Моисея Касай, оказываются совершенными невеждами в вероучении? Скверная черта у катихизатора, коли он старается обругать своих предшественников, не смотря на видимые заслуги их.

Даниил Хироока, катихизатора в Токусима, пишет прежалостное письмо: отец чуть жив, жена лежит, сам болен; как тут выключить его из катихизаторов, когда добрый человек посовестится и собаку больную выбросить со двора? Ровно ничего не делает для Церкви, без всяких предварительных заслуг — а содержание получает; написал я было о. Павлу Косуги: «пусть-де Даниил ищет другой службы» — и вот ответ. Поди тут разбирай, что должен делать: и церковных денег, идущих именно на проповедь, жаль, и страдающего человека жаль. Э, на бедных и сырых Господь, наверное, поможет! Пусть Даниил останется катихизатором.

16 / 28 января 1898. Пятница

Из «Иннай», в Акита, просят непременно послать им для проповеди Илью Накагава. К счастью, сей еще здесь. Сегодня я призвал его и

советовался, что он, откровенно, по душе, находит более сообразным с волею Божией: оставить (на время) свою Церковь и идти для основания (если Бог поможет) новой, или наоборот? Он, не долго думая, ответил, что находит более желательным идти. На этом и порешили. Пусть сосед его, катихизатор в Вакаяма, Ефрем Ямазаки позавидует его христианам в Каннари, Эбидзима и Ивагасаки, — Илья же отправится в Иннай и будет там все время, пока селянам есть совсем свободное время слушать проповедь; в продолжение сего он может преподавать желающим все вероучение и, если в результате окажутся желающие крещения, призвать священника преподавать оное; так и будет — Богу изволяющему — положено основание новой Церкви, о которой уже будет попечение на следующем Соборе.

Из Оцу Судзуки и Николай Гундзи прислали прошение (согласно моему внушению при недавнем свидании с Судзуки), чтобы Гундзи, пока окончательно выздоровеет, был назначен помощником проповеди Иоанна Судзуки, что даст ему возможность и лечиться родным воздухом, и быть полезным Церкви, ибо не настолько болен, чтобы не мог проповедовать. В ответ послано содержание Гундзи на второй месяц.

17 / 29 января 1898. Суббота

Послано письмо о. Иову Мидзуяма, в ведении которого состоит Илья Накагава, чтобы он опустил Илью в Иннай, а также, чтобы написал Ефрему Ямазаки заведовать временно приходом Ильи. Письмо о сем Ефрему от меня вложено в пакет к о. Иову, чтобы он переслал вместе с своим письмом ему; ибо писано о. Иову вообще, что сделаны вышеозначенные распоряжения касательно Ильи и «Иннай» в предположении, что о. Иов не найдет ничего против сего; если же бы, сверх чаяния, у о. Иова нашлись очень серьезные препятствия к тому, то распоряжения могут быть и отменены.

О. Павел Савабе принес прочитанные им, как цензором, тетради Емильяна Хигуци — толкование на Послание к Коринфянам — лекции в Семинарии, приготовленные для печати. И раскритиковал же о. Павел их! На двух тетрадях наклеплено больше сотни бумажек. Кстати случился здесь и Емильян, я позвал его, чтобы о. Павел лично объяснил ему свои замечания. Как ни скромно говорил о. Павел, но критика для ученого профессора выходила очень тяжелая, а сердиться он не мог, ибо очень уж справедлива. Я сам следил за замечаниями и дивился только мягкости о. Павла и дерзости Емильяна, хотевшего пуститься в печать с таким несообразным сочинением. Обещался он исправить.

О. Павел Савабе спрашивал, если ему служить здесь, то где стоять? Я ответил, что «после о. архимандрита Сергия, пред о. Андроником, ибо хотя и есть правило имеющим ученые степени иереям стоять выше

не имеющих, но здесь исключение; я уже говорил о Андронику, что о. Савабе будет стоять выше его»...

После всенощной о. Семен Юкава приходил изъяснить:

— Общество «Дзикиу» («самосодержания» — церковного, основанного самим о. Семеном) покупает дом, в котором я ныне имею квартиру (на которую выдает ему Миссия шесть с половиною ен в месяц).

— Поздравляю! Вот, значит, общество и достигло в некоторой степени своей цели: теперь квартира у вас будет своя — церковная, и Миссия освободится от платы за нее.

— К-ха, к-ха! Не так. Обществу нужно собрать две тысячи, чтобы обнаружить деятельность в пользу Церкви; теперь же у него только триста ен, за которые и покупается этот дом.

— Но он будет церковным; стало быть, его употребление под квартиру священника — самое прямое его назначение.

— Но он может быть употреблен и под квартиру кого-либо другого за плату в пользу «Дзикиу-квайся»; только мне в таком случае пришлось бы искать другую квартиру и расхотаться на переборку; так не лучше ли мне оставаться на сей квартире, как бы в чужом доме, и получать две уплаты за нее, тоже шесть с половиною ен, что ныне идут от Миссии?

— Господь с вами, получайте! Только не распространяйтесь об этом в разговоре с другими, чтобы не послужило это соблазном для других...

18 / 30 января 1898. Воскресенье

Проговорили мы сегодня втроем — о. архимандрит Сергей, о. Андроник и я — почти полдня: за обедом, с двенадцати часов, потом у меня за чаем и на прогулке до шести часов. Я расспрашивал их, как состоялось их определение в Миссию; оказалось, что о. Сергию в Грецию совсем не писали, как я просил Победоносцева, и не спрашивали его согласия, а приехал он в Россию случайно, и тут в Синоде Саблер сказал ему, что желательно его в Японию. Он принял предложение и отрекомендовал еще о. Андроника, которого прямо и назначили по его указанию. Видно, что Промысл Божий все строил. Да будет же благодарение Господу, и да соделает Он в них истинных делателей нивы Его здесь!

19 / 31 января 1898. Понедельник

Расчетный день, унесший почти ровно три тысячи ен, — такая ныне дороговизна на все!

Для о. архимандрита Сергия наняли учителя японского языка, кончившего курс в Университете по литературному факультету, чтобы учил о. Сергия правильному японскому словосочинению.

20 января / 1 февраля 1898. Вторник

Был из Хакодате Евграф Кураока (рожденный и возвращенный на миссийских хлебах, ибо сын миссийского дворника в Хакодате, и учился здесь в Семинарии, пока взяли в солдаты), и уж он-то чистил Хакодатскую Церковь! «Дошла она до последней степени упадка; о. Петр — невозможный из подлецов, ибо-де с плутом Симода утаил для себя две рыбные ловли, добытые на Сахалине; никто не ходит в Церковь из-за него», и так далее. Я молча слушал. Отчитавши Церковь, он начал отпевать Иосифа Окудани, служившего там учителем церковного пения и ушедшего с церковной службы именно из-за Евграфа, как сам же Евграф и говорит. Потребовал Евграф, чтобы Окудани ввел четырехголосное пение в Церкви. «Не могу», — говорил Окудани. «Можешь, только по скромности так говоришь», — твердил ему Евграф, и своим преследованием и ругательствами довел того до бегства с церковной службы. Слышал я об этом отчасти и прежде, но ныне Евграф сам все это выложил предо мною в собственно личном долго длившемся и весьма самодовольном рассказе. — Что ему ответить было? Что он негодяй? К стене горюх! Одно религиозное воспитание сдерживает его, иначе давно уже вышел бы из сего человека кандидат на тюремную стипендию. Такого грубого и злого японца редко можно встретить. Все бы ему ругать и в прах разбивать!.. Хотел он еще и дальше что-то злословить, но я, налив ему стакан чаю и поставив коробку бисквитов, молча ушел в другую комнату и занялся чтением...

Между тем этот Евграф прибыл сюда главное затем, чтобы жениться на воспитаннице нашей Женской школы Матроне Хиротате, которую когда-то маленькой, почти голой от бедности, девчонкой я взял в Сендае для воспитания здесь, и воспитывалась она на полном церковном содержании, кончила курс в прошлом году и ныне состоит учительницей в школе. Жаль эту кроткую девушку отдавать такому грубому человеку, но сговорился он уже и с матерью ее, и с ней: все и они в полном согласии на то, — я ничего другого сделать не могу, как дать благословение. Дал еще сегодня и двадцать ен на платье невесте; в будущее воскресенье будет венчание, и да пошлет им Господь счастье, смягчив сего грубого человека скромностью его юной сопутницы жизни!

21 января / 2 февраля 1898. Среда

О. Тит Комацу, из Уцуномия, спрашивает, можно ли повенчать свадьбу в мясопустное воскресенье, двадцатого февраля? Молодой христианин из Хоккайдо ныне там выбрал невесту-язычницу; ее готовят к принятию христианства, и раньше трудно приготовить, оставить же свадьбу до после Пасхи нельзя — ему нужно спешить к своему делу в Хоккайдо.

Отвечаю: «Нельзя, ибо с вечера сего воскресенья уже начинается пост; пусть устроят бракосочетание в один из дозволенных Церковью до сего воскресенья».

Ученик Семинарии второго класса, Лука Ватанабе, отправлен, по болезни, домой.

22 января / 3 февраля 1898. Четверг

Положительно нечем отметить день, кроме того, что все идет своим порядком: у меня — монотонное дело — проверка одинаковости перевода по всему Новому Завету; дошли до слова «вера»; у о. архимандрита Сергия занятия с новым учителем — «бунгакуси», кажется, очень удачно найденным; у о. Андроника занятия по языку с диаконом Кугимия и прилежное заучивание слов. Из Церквей замечательных писем нет.

23 января / 4 февраля 1898. Пятница

То же, что вчера. Отметить разве замечание Павла Накаи (во время нашего стакана чая на середине занятого времени), что против Иоанна Сенума возбуждается все более и более негодовательных речей.

— За что?

— Что женился на Елене Ямада.

— Да чем же он виноват? Он полюбил ее, посватался, она согласилась, он взял законным браком, — что тут дурного?

— Если бы в лавке вещь, сторгованную одним, взял другой, то хорошо ли это?

— Не хорошо; впрочем, не со стороны берущего, а со стороны отдающих. Но брак — не покупка сапог или платья; брак имеет значение не только на всю жизнь, но и на вечность, — на детей, дальнейшее потомство — в века; как же можно тут мешать свободному выбору? — И так далее, — резоны понятные и высказанные, пока выпит был стакан чая; но мне странным показалось, что даже Накаи смотрит на брак, как на покупку платья...

24 января / 5 февраля 1898. Суббота

Катихизатор в Маебаси, Александр Кураока, прибывший на имеющую быть завтра здесь свадьбу своего брата Евграфа, рассказывал про Церковь в Маебаси, что — в цветущем состоянии; новых слушателей только трое, но христиане все блюдут веру, охладевших (будто бы) нет; о. Морита каждое воскресенье служит Обедню; христиан бывает человек шестьдесят; Павел Оонума, учитель пения, занимается и проповедью, жена его Лукина (хорошая воспитанница нашей Женской школы) очень

помогает мужу по Церкви — и в пении, и в женских собраниях, и в обращении с христианами. Протестанты, сравнительно с нашей Церковью, совсем слабы там, несмотря на то, что и иностранные миссионеры там, и школу завели. Католиков почти совсем не видно; у них, быть может, до десятка христиан всего.

25 января / 6 февраля 1898.

Воскресенье мытаря и фарисея

До Литургии было крещение пяти взрослых, слушавших учение у Иоанна Катаока. О. Фаддей засвидетельствовал, что приготовлены они отлично. Значит, Катаока, почти уже исключенный из катихизаторов за бездеятельность, когда был в провинции, за глазами, может хорошо служить Церкви, если за ним присматривать. Вероятно, то же можно сказать о большей части наших катихизаторов, рассеянных по Японии и пребывающих без призора, а потому почти совсем бесплодных (ибо какой же призор со стороны слабых японских священников, самих нуждающихся в призоре не меньше катихизаторов?!).

После Литургии была у меня, между другими, из Уцуномия жена умершего часовщика Якова Нагасава, с ребенком на руках, родившимся уже после смерти мужа, в сопровождении шестнадцатилетней дочери — старшей из детей, которых всего семеро; торговлю часами она не опустила; кроме детей, пять человек у нее часовых мастеров и приказчиков; при всем том женщина, видимо, благочестивая, обыкшей рукой творящая крестное знамение; «сегодня была на настоящей церковной службе», — выразилась она о Литургии, за которой не опустила приобщить своего ребенка. О Церкви в Уцуномия не скрыла, что в упадке.

В три часа было в Соборе бракосочетание Евграфа Кураока с Матроной Хиротате; пел полный хор, ибо невеста — учительница и лучшая доселе из дискантов в хоре; он — когда-то ученик Семинарии; народу в Церкви — христиан и язычников — полсобора; хорошо, если бы на другие службы собиралось столько же.

Вечером Иоанн Сенума, инспектор Семинарии, вернулся из свадебного путешествия с своей супругой Еленой, бывшей Ямада.

26 января / 7 февраля 1898. Понедельник

Иоанн Катаока отправился в деревню на проповедь; говорил: «Обещал это некоему Судзуки (в Кисарадзу), человеку влюбленному в свою местность». О. Фаддей представил и просил о сем. Пусть. Но едва ли из Катаока за глазами будет что-либо путное.

Николай Абе, катихизатор в городе, поселился опять здесь, в школе, на хлеба; просил вчера прибавки содержания, — не хватает-де и на

добрую пищу; лицо его, похудевшее после того, как он вышел после прошлых каникул на проповедь, возбудило жалость; и я сказал, чтобы, если о. Фаддей, его священник, не находит к тому препятствий, поселился он здесь и питался, получая восемь ен своего катихизаторского жалованья. О. Фаддей препятствий не нашел.

Какая-то Mrs Macdonald, — 4 Tsukiji, Tokio, — просит позволения для каких-то двух ladies-путешественниц осмотреть нашу Церковь и школы. Отвечено: милости просим с часу до пяти в какой угодно день.

27 января / 8 февраля 1898. Вторник

Иоани Ямагуци, катихизатор из Хондзё, в Токио, приходил просить на квартиру, — христиане-де не в состоянии платить; обязан я прибавку на столько, сколько они не в состоянии. Жаловался он также, что христиане обязались давать ему ежемесячно от себя сорок сен, но вот уже пять месяцев не дают ни сена; возместил я ему неоплаченное христианами. Жаль бедных катихизаторов! И без того скудно их содержание, а тут и из этого тянут! И пусть бы не могли христиане! «Могут», — говорит он.

Вечером я приостановил занятия с Накаем по исправлению перевода Нового Завета, чтобы справиться отчеты в Россию.

28 января / 9 февраля 1898. Среда

С трех утра до половины одиннадцатого ночи — исключительное дело — перевод расписок и переложение японских цен на русские.

29 января / 10 февраля 1898. Четверг

То же занятие.— Выпал большой снег, так что вид из окон сделался совсем русским.— Вечером была всенощная, по случаю завтрашнего японского праздника «Киген-сецу».

30 января / 11 февраля 1898. Пятница

С восьми часов Литургия, после которой благодарственный молебен с о. архимандритом Сергием во главе, читавшим Евангелие по-японски. Я, боясь простуды, сидел дома за отчетами.

После обеда был Павел Наканиси, из Вакканай в Хоккайдо, — лучший из тамошних христиан; говорил, что наша Церковь, состоящая из семнадцати домов, стоит крепко; катихизатор трудится; у протестантов — почти нет ничего; у католиков — совсем ничего. Наканиси получил позволение разрабатывать каменный уголь в горе, шести ри от Вакканай.

31 января / 12 февраля 1898. Суббота

Днем был из Саппоро Александр Абе, младший брат умершего бывшего катихизатора Якова Саваде; приходил вместе с сыном последнего, Павлом, ныне катихизатором в Коодзимацзи. Александр — очень усердный христианин, о чем я слышал и прежде, когда он жил в Сиробеси и просил туда проповедника. Ныне он перешел в Саппоро и там открыл свое кузнечное производство; ревностно помогает там и Церкви; недавно Церковь в Саппоро выписала гробный покров, а ныне еще заказала Андрею Аменомия выносной крест; на то и другое издержано пятьдесят ен, и половина сей суммы — пожертвование Александра. С ними приходил Яков Насукава, здешний христианин, живущий в Синагава, чиновник по званию, тоже усердный верующий; недавно в Синагава окрещено одно семейство, им наученное христианству; И он очень занят мыслью основать Церковь в Синагава; я снабдил его книгами.

Всенощную служил сегодня о. Андроник — первая его служба на японском языке, очень тщательно приготовленная им: почти нигде никакой ошибки в произношении, только очень скоро говорил и читал, что со временем исправится, и голос слабый, вероятно, не достигающий и половины собора; должно быть, тоже исправится. По всему видно, что человек сей — великая надежда Японской Церкви. Помогите Богу ему!

1 / 13 февраля 1898. Воскресенье сына

После Обедни Матвей Нива, бывший катихизатор, привел учителя математики из Эцинго, на вид невзрачного старика, но сделавшего какие-то математические изобретения, одобренные Министерством просвещения, предлагающим ему якобы прямо за оные степень «хакасе» (магистра нации); но он не желает этой награды, а хочет только популяризации своего изобретения, для напечатания которого и живет ныне в Токио. Учится у Якова Тоохей вере, которую намерен распространять между учениками, а оных у него, по словам Матфея Нива, шесть тысяч. Может, во всем этом велеречии и есть что-либо путное. Дал учителю Катехизис; обещал, по усвоении им его, дать и другие книги.

Дал много книг тоже зашедшему от Обедни вчерашнему посетителю Александру Абе; у этого, вероятно, не будут бесполезны.

В два часа было в Соборе венчание катихизатора Ильи Яманоуци с Марией Фукуда, девушкой из города, внучкой престарелой бабушки, сиротой. Благослови их Бог!

Пред вечерней были русские посетители — служащие на пароходе Добровольного флота «Воронеж», ныне в Иокохаме, зафрахтованном

для доставки угля на наши военные суда в Порт-Артур. Некоторые из них потом были на всеобщей.

2 / 14 февраля 1898. Понедельник.

Праздник Сретения Господня

На Литургии в Соборе были какие-то русские; должно быть, с парохода «Воронеж». Не успели к ней, но после просили о. Андроника отслужить им молебен в Соборе люди из команды «Воронежа».

После Литургии были у меня «гиюу» — старосты Церкви Канеда; двенадцать их вновь избрано; десять было налицо. Я угостил их чаем в классной внизу; жаловались, что Церковь в упадке; спрашивали, нет ли средств поднять ее? О. архимандрит Сергей обещался посетить в сопровождении старост каждого в его округе всех христиан прихода Канеда, всего около восьмидесяти домов; старосты уверяют, что это оживит христиан. Дай Бог!

Mr. Macdonald с другой американкой были: показал им Церковь, школы и библиотеку.

Петру Исикава толковал составить окружное письмо к священникам, катихизаторам и всем христианам, чтобы доставили сведения о начале своих Церквей и всем интересном в них для предполагаемой книги истории Православной Церкви в Японии, имеющей появиться, если Бог поможет, к концу сего столетия.

3 / 15 февраля 1898. Вторник

Илья Сато из Одавара пишет, что о. Петр Кано вновь раздражил христиан по поводу погребения сестры Михаила Кометани: добивался, чтобы сам Кометани просил его погребать, отказываясь на зов посланцев его. Если это правда, что о. Петр глуп и зол, и нельзя защитить его от нападок христиан, — и не знаю я, что с ним делать? Куда его? И кого в Одавара? Вразуми и помоги, Господи!

4 / 16 февраля 1898. Среда

Из «Нагано-кен Такай-гоори Хотака мур» два язычника просят в школу; «желают-де потом и распространять христианскую веру». Послано письмо их к Титу Накасима, катихизатору в Нагано, а им написано, что до поступления в школу они должны сделаться христианами, и приложен адрес катихизатора.

Игнатию Мацумото, ныне катихизатору в Омигава, недавно дано пять избранных религиозных брошюр для перевода. Просит лучших.

Японская привередливость! Написано,— пусть переводит это; брошюры весьма назидательные.

Был с визитом капитан парохода Добровольного флота «Воронеж» Константин Иванович Шишмарев и привез огромный ржаной хлеб в подарок,— мол, «русская пища на чужбине — редкость». Верно!

5 / 17 февраля 1898. Четверг

Писанье отчета. Рассылка содержания служащим.— Из Одавара был христианин (крещенный мною двадцать три года тому назад) — не из очень немирных, но тоже не одобряет о. Петра за бездеятельность, враждебность к людям и прочее. Недавний отказ о. Петра идти к Кометани отпеть сестру без письменной просьбы его подлил масла в огонь вражды к нему христиан.

6 / 18 февраля 1898. Пятница

Счеты и отчеты: пасмурная погода; домашние разговоры, из которых, между прочим, явствует, что о. Сергей обладает отличными способностями к изучению японских знаков; уже свободно читает служебник на японском.

7 / 19 февраля 1898. Суббота

Рано утром получена была телеграмма из Асикага: «Опасный больной, скорей священника». Так как о. Тит, которому подведомо Асикага, в путешествии по Церквям,— и где его искать,— то немедленно отправлен отсюда о. Роман Циба, который, по прибытии, дал телеграмму: «Никакого опасного больного нет; просят разрешения на браковенчание». Странное обстоятельство: обман или недоразумение? Во всяком случае, так как здесь известно было заранее, что в Асикага свадьба затевается, то разрешение послано.

Фома Михара, кончивший к прошлым каникулам курс в Семинарии и болевший дома, в Вакуя, доселе, явился выздоровевшим и готовым на службу. Пошлем его в Хамамацу. Если окажется действительно здоровым, то, вероятно, будет хорошим служителем Церкви: умен и развит, по нравственности — беззазорен. О Церкви в Вакуя говорил, что не в цветущем положении она. Катихизатор Ераст Миясина — «всем бы хорош, только не любит говорить». (Проповедник-то?)

[Пропуск в оригинале]

10 / 22 февраля 1898. Понедельник

За ночь выпал снег. Целый день был сильный ветер с дождем.

Из Гундоо Павел Курибара был; говорил, что христиане там верно хранят христианство, но жаловался, что нет катихизатора расширить пределы Церкви; язычники же, желающие слушать учение, есть. Кстати, тут же случился и катихизатор, которому подчинено Гундо, Георгий Мацуро, вернувшийся из Каназава, по погребении своего отца, христианина, умершего на пятый день по его прибытии на известие о болезни отца; живет он все время в Хацивоодзи, изредка только и на самое короткое время посещая Гундоо. Наказывал я ему сегодня – на время, пока сельским жителям совершенно свободно слушать проповедь (а такого времени, то есть до начала сельских работ, теперь еще месяца два) поселиться в Гундо и оттуда повременно посещать Хацивоодзи, где теперь желающих слушать учение у него не имеется.

11 / 23 февраля 1898. Среда

Построечный отчет с нескончаемыми счетами, пересчетами и проверками и все-таки неразрешенным недоумением – куда подевались сорок сен? – Окончание рассылки содержания. – По обычаю, с завтрашнего дня Масленский отдых учащимся. – Отцы Сергей и Андроник продолжают посещать христиан.

12 / 24 февраля 1898. Четверг

Утром был из Хигата молодой христианин Лука Ватанабе; говорил, что «катихизатор Павел Оокава болен глазами ныне, вообще же трудится, христианами любим; но мало его для тех мест: Хигата, Казава и Вакуцу. В Хигата хорошо поместить Моисея Касай, отца и предков которого очень уважали и до сих пор уважают там». Об этом нужно подумать на Соборе. При речи о том, что у Оокава, кроме двух дочек здесь в школе, дома еще четверо детей, я стал убеждать Луку помогать ему и чтобы прочие христиане делали тоже; но он и договорить мне не дал: «Помогаем, – всякий, кто чем может, помогает; об этом нам и о. Борис всегда толкует»... Стало быть, мои письма к священникам, чтобы убеждали христиан помогать катихизаторам в содержании, не совсем тщетны.

О. Павел Косуги пишет, что хорошо поместить Игнатия Канан в Маругаме; он был там, нашел одного христианина и желающих слушать учение, которые очень просят его туда; в Инеда же, где ныне Канан не имеет ни одного слушателя, перевести Даниила Хироока; быть может, новый катихизатор, пришедший с новою ревностью, возбудит ревность;

Даниил очень просится туда, равно как Игнатий — в Маругаме. Я ответил согласием и послал обоим деньги на дорогу.

Роман Фукуи из Маебаси пишет, что Исикава, сделавший, что мы вот пошлём катихизатора туда, сам едва ли воспользуется сим случаем ко спасению; его там давно уже нет; он в Токио, но здесь его не слышно и не видно.

Из деревни Уено, округа Накагоори, недалеко от Мито, пишет язычник: «Отец мой умер: он был вашей веры; как хоронить его по ней? Скорей известите». Письмецо его тотчас же послано к Фоме Оно, катихизатору Мито, чтобы поспешил в ту деревню, узнал имя умершего и помолился о нем, а также известил сюда, чтобы отпеть его, или же о. Титу (путешествующему ныне по Церквам), чтобы он отпел. Пишущий упоминает, что и сам желает последовать вере отца. Дай Бог, чтобы это совершилось во спасение его и дома!.. Так-то разбросаны наши христиане, точно овцы по дебрям! А что делать? И кого винить? Мы здесь впервой узнаем о существовании сей деревни в Накагоори; и по картам никак не могли найти ее, даже и не знаем, ближе ли она к Мито, или к Оцу, а что в этом захолустном селении жил наш христианин, кто ж знал это? Отчего он не дал вести о себе? И что это: холодность? Но как же он сыну успел внушить ревность к своей вере? Не исповедимы пути промысления Божия в людях!

О. Симеон Мии пишет, что тринадцатого числа освятил оконченный постройкою церковный дом в Нагоя, хвалит его умелое устройство и расположение; при освящении крестил двоих и исповедовал до тридцати христиан. Но, будучи там, получил внезапное извещение, что сын его, шестилетний Филарет, в дифтерите и при смерти. Поспешно вернувшись, нашел его в госпитале, где употреблены были все средства к его излечению, и с помощью Божиею не безуспешно; ныне он опять здоров. Но дифтерит продолжает губить детей в Кёото: третьего дня о. Семен похоронил там восьмилетнего мальчика.

13 / 25 февраля 1898. Пятница

Отцы Сергей и Андроник, кроме ревностного изучения японского языка, каждый день после обеда посещают дома христиан прихода Канда, руководимые церковными старшинами (гию). Я все время занят отчетами.

14 / 26 февраля 1898. Суббота

Все трое мы были в двенадцать часов у посланника Романа Романовича Розена на блинах, согласно приглашению его третьего дня, когда он был здесь с супругою и когда я, между прочим, показал им нашу ризницу

с великолепным сосудом для святого мира и прочими прекрасными вещами.

Сделано, по обычаю, распределение службы на первую неделю: в шесть часов – Утренняя, в десять часов – Часы или Литургия, в пять с половиною – вечерня.

За всенощной был и после нее о. Федором Мидзуно представлен мне христианин из Тоогане – единственный тамошний христианин, и тот перешедший из католиков.

15 / 27 февраля 1898. Воскресенье – сыропустное

Пред Литургией крещен один из Эцинго, из селения в трех ри от Симоямада, откуда Илья Танака катихизатор; новокрещенный Иоанн прибыл в Токио лечиться от глазной болезни, живет в соседней с Миссией глазной лечебнице Иноуе, стал ходить в Собор и слушать учение от о. Феодора Мидзуно и также от ближнего катихизатора Симеона Томии; по-видимому, нашел большое утешение в духовном свете, узрленном его душою. Казался сегодня после крещения и приобщения святых таин необыкновенно радостным; он – молодой человек, бывший школьный учитель; восприимным отцом его был отец Ильи Танака, уважаемый тамошний гражданин (член губернского правления), по делам ныне находящийся в Токио.

В пять с половиною часов были вечерня и Повечерие с прощанием в конце, предваренным от меня кратким поучением.

16 / 28 февраля 1898. Понедельник первой седмицы Великого поста

Церковные службы обычные; чтение внятное, пение прекрасное (хотя очень уж длинное: Великое повечерие продолжалось два с четвертью часа); но молящихся, кроме учеников и учениц, никого – ни из учащих, ни из городских христиан, что делало день очень грустным, так как сегодня последнее число месяца, и день расчетный, что мешало употребить промежуточное между церковными службами время на что-либо дельное, то день вышел чрезвычайно тягостным.

17 февраля / 1 марта 1898. Вторник второй седмицы Великого поста

Судили о. Андронику отправиться после Пасхи – когда уже тепло будет – жить в Оосака, где он скорей может изучить японский язык, один находясь среди японцев; сам он желает этого. О. Сергей (архимандрит) поедет водворять его там; дорогой могут посетить Церкви.

18 февраля / 2 марта 1898. Среда

Обычные службы. За Обедней был русский — лейтенант Владимиров (Лев Львович); возвращается в Россию из Порт-Артура; зять Александра Александровича Колокольцева, известного адмирала.

19 февраля / 3 марта 1898. Четверг

Был христианин из Готемба, Конон Такеноуци; говорил, между прочим, что в одном ри от Готемба строится бумажная фабрика, на которой будут работать три тысячи человек, а со временем шесть тысяч; один из начальников фабрики наш христианин, прибывший откуда-то из другого места; один из строителей тоже наш хороший христианин, житель Готемба, служивший прежде по полиции, Иоанн Мория. Я послал сему последнему две иконки и книжку. Говорил еще Конон, что в Готемба живет аптекарем младший брат о. Петра Кано, Андрей, женатый на происходящей из той же местности, два ри от Готемба, и очень несчастливый своей женитьбой, — жена совсем нехорошего нрава; есть уже и ребенок у них. Нужно не допустить до развода по японскому обычаю.

Была одна несчастная христианка с малюткой сыном; муж служил прежде полицейским, но испортился поведением, и ныне неизвестно где; вызвал ее из Куроиси в Токио; прибыла она сюда и нигде не могла найти его; ныне — без средств и без возможности вернуться к родным в Куроиси; осталась бы где на месте здесь, но ребенок мешает; женщина, видимо, хорошая. Дал ей пять ен на дорогу.

Был с визитом американец-богач Thomas Walsh, знакомый по Хакодате тридцать шесть лет тому назад. Севастопольский герой — капитан «Посадника», флигель-адъютант Николай Алексеевич Берюлев, пикник его с офицерами на вулкане «Комагатаке», — в которой и я был приглашен, — Mr Walsh, тогда случившийся в Хакодате, также; ночлег в деревне Оно; приглашение «гейся» вечером и их танцы; мой уезд по сему поводу в Хакодате в глубокую темную ночь и прочее, — все это живо припомнилось при виде Вольша.

20 февраля / 4 марта 1898. Пятница
Первой недели Великого поста

О. Петр Кано пишет: муж и жена христиане, охладевши к вере, девятнадцать лет тому назад развелись, и муж женился на язычнице, жена вышла за язычника; в Церкви никогда не были и жили как язычники; но ныне жена язычника — христианка — больна при смерти и со слезами просит разрешить ее от грехов и приобщить святых тайн. Спрашивает

о. Петр: «Можно ли?». Тотчас же отвечено, что в смертной опасности всякому искренно кающемуся, какие бы грехи ни были у него, преподаются таинства покаяния и приобщения святых таин.— Пишет в другом письме о. Петр Кано, что из немирных в Одавара четыре семьи помирились с ним, что катихизатор Илья Сато тайно на стороне врагов о. Петра, что он — о. Петр — прилежно проповедует и пять человек наученных им на днях будут крещены, что в Церкви на богослужении бывает человек сорок. Все это ладно. Но вместе пришло и со стороны врагов о. Петра прошение за коллективную печатью: пишут, что он не хотел пойти на погребение сестры Михаила Кометани без письменного приглашения от него, что поэтому вперед, если кто умрет у них, будут телеграфировать сюда о присылке священника для отпевания, и прочее.

О. Петр Кавано, из Янагава, пишет, что повенчал перед Масленой тамошнего катихизатора Виссариона Такахаси с некоей Аоки — девицей, бывшей протестанткой, учительницей в детском саду, обращенной Виссарионом в православие. Что же, мир да любовь! Нужно послать десять ен, обычную помощь катихизаторам на семейную жизнь. Больше — где же взять?

Пишет еще о. Кавано, что Симеон Оото, катихизатор в Карацу, такой же плохой, каким был Илья Яманоуци и так же негоден для Карацу, как был тот, поэтому водворить там Павла Сибанай; в Янагава-де и Виссариона Такахаси довольно; а Оото пусть проповедует по окрестностям Карацу. Ладно!

Стефана Камои о. Петр хвалит; недавно крестил у него семь человек, приготовленных им в Кокура и в Вакамацу.

О. Андрей Метокси, из Нагаока, пишет, что у него на праздник Рождества Христова при богослужении было, кроме христиан, человек тридцать язычников. Хорошо. Но пишет еще, что лежал больной грудью. Плохо.

Безымянный пишет из Мацусиро, что катихизатор там Игнатий Такаку дурно ведет себя. Невероятно; он живет у отца. Впрочем, письмо препровождено к о. Андрею для расследования.

**21 февраля / 5 марта 1898. Суббота
первой недели Великого поста**

С восьми часов началось богослужение; по звону собрались все учащиеся, других причастников не было; прочтены были о. Федором Мидзуно утренние молитвы и правило ко причащению; потом часы и Литургия, священнодействованные о. архимандритом Сергием, о. Андроником (которые вчера после всенощной поисповедовались у меня) и о. Романом Циба. Вместо причастна я сказал краткое поучение. Приобщение совершилось в полном порядке; только кто-то, крестьясь, подтолкнул

Святую чашу снизу, так что чуть не выплеснулись Святые дары. Нужно чашу держать крепко прижатою к груди, чтобы этого не могло случиться.

После всенощной я исповедовался у о. Андроника. Да спасет Господь моего духовного отца и меня вместе с ним!

Последние дни замечательно холодные и пасмурные; оттого, должно быть, голова болит, что мешает занятиям.

22 февраля / 6 марта 1898. Воскресенье

После Обедни была толпа христиан из разных Церквей; между прочим, из Исиномаки Ватанабе с женой. Потом отцы Сергей, Андроник и Симеон Юкава; последний просил их посетить и его приход; условились во времени и порядке обхождения христиан.

23 февраля / 7 марта 1898. Понедельник

По школам начались обычные занятия. Я еще не кончил с отчетами. После обеда Анна, старуха, приходила: учительница Надежда Намеда оказалась мошенницей: у одной богатой тоокейской ученицы мало-помалу отобрала все платья и передала матери; деньги, сколько могла, тоже; начала было обирать и другую, но эта пожаловалась Анне, и все вышло наружу. Мать ее, вероятно, все позаложила; постараются разыскать, что можно, но для школы немалый позор. Надежду отошлем к дяде Иоанну Фукузава, в Маебаси.

А в Женскую школу все больше и больше просят; сегодня — прошения из двух мест, — между прочим, из Фукуока, на Киусиу, откуда непременно надо будет принять в девятом месяце, ибо оттуда никого еще нет в наших школах.

24 февраля / 8 марта 1898. Вторник

Савва Сакурада, катихизатор в Иокояма, оказавший было такую ревность там, пишет, что и на Рождество Христово не был в своей Церкви, а в Исиномаки. Плох, значит!

Георгий Оно, катихизатор в Кумамото, пишет, что католики скупают там земли; уже шесть-семь дорогих участков купили, чтобы дома на них отдавать в наем. — Да они так и везде делают. В Иокохаме у них — лучшая часть города с домами — приносит огромный доход (захватили это место, когда Иокохама еще была пустырем, — помню это, когда был с Гошкевичем у Аббэ Жерара в 1865 году). Везде, где могут, они делают эту афёру, чтобы, по возможности, содержаться местными средствами. Народ практический, нечего сказать!

25 февраля / 9 марта 1898. Среда

Анна Кванно на девять ен, вчера взятые у меня, выкупила из залога почти все вещи, отобранные Надеждой Намеда у ученицы и заложенные ее матерью. Пять-шесть незначительных вещей пропадут — урок ученице, которая могла бы быть догадливей, ибо уже четырнадцать лет ей.

Отцы Сергей и Андроник со вчерашнего дня посещают приход о. Семена Юкава, который сам предложил им сделать это, и находят сей приход лучшим, чем Канда, принадлежащее о. Павлу Сато.

Отец архимандрита Сергей сказал мне сегодня, что о. Андроник слаб сердцем; его дед и мать померли от разрыва сердца; о. Андроник сегодня в приходе чувствовал себя очень нехорошо, прежде недавно с ним было то же.

Вот беда-то! Нужно ему японский чай совсем не пить и воздержаться от всяких волнений.

26 февраля / 10 марта 1898. Четверг

Симеон Мацубара, из Аомори, спрашивает: «Были ли на Флорентийском Соборе Марк Ефесский и русский митрополит Исидор? Вопросал де о сем священника (о. Бориса Ямамура), но он отозвался неведением». Хороши оба, и старый катихизатор, и священник; «Церковная история» Рудакова, где, хотя и краткие, но все же определенные, сведения о сих материях есть, у обоих пред глазами, и хоть бы развернули! Какой-то французский патер лжет там Семену Мацубара какую-то свою чепуху. Послал я указание страниц в Истории.

Простудил горло в пятницу на прошлой неделе на службах в Соборе, и до сих пор мучает проклятая болезнь.

27 февраля / 11 марта 1898. Пятница

Писание донесений Святейшему Синоду, к миссийскому отчету. Прочее исправление корреспонденции в Россию.— Болезнь горла, не позволяющая выходить, отчего тяжесть головы.— Неприятные телеграммы по поводу Китая и Порт-Артура, и Кореи, и наших русских служащих там...

28 февраля / 12 марта 1898. Суббота

То же, что выше. Во время всенощной о. архимандрита Сергия обокрали; вор взял ключ из-под мата, отворил квартиру, замкнул ее изнутри, нашел ключ от железного сундука в кармане старого подрясника, скинутого о. Сергием пред всенощной и, отворив ящик, украл все деньги,

которые нашел там, то есть еи семьдесят японскими бумажками и долларов пятьсот золота разных стран.

1 / 13 марта 1898. Воскресенье

Выпал ночью снег и утром глубокий снег. Болезнь горла помешала мне служить; о. архимандрит Сергей служил соборне с четырьмя иереями.

Вечером он и о. Андроник были на церковном собрании в катихизаторской квартире «Кандаквай».

Видно, что идет оживление Церкви благодаря их посещениям домов христиан.

2 / 14 марта 1898. Понедельник

Отправил сегодня большую почту: донесения, приходно-расходные отчеты за 1897 год в Святейший Синод и Совет Миссионерского общества и прочие.

Полиция разыскивает пропажу о. Сергия, но едва ли будет успех. Кажется, дело рук И. Но указать на него значило бы погубить его. Господь с ним! А может, и не он.

3 / 15 марта 1898. Вторник

Забыл вчера записать жалкую фигуру жены катихизатора в Одавара, Ильи Сато, с ребенком на руках, пришедшей просить прибавки ежемесячного содержания. Бедная — большая глазами — с синими очками на них; говорит: «Зарабатывала шитьем несколько, но теперь не могу; трое детей; христиане ничем не помогают; муж запретил мне просить, но я не вытерпела»... Ответил я ей, как и другим: «Напишу к местным христианам, чтобы они помогали; Миссия же не может; муж получает двенадцать ен; многие по восемь или по десять; надбавить вам — нужно надбавить и другим, чего Миссия решительно не в состоянии».

Пошел сейчас же при ней в канцелярию, сказал секретарю написать к христианам Одавара; но вернувшись в комнату, нашел ее с ребенком сидящей на том же месте. Сказал: «Сегодня почта, — спешу приготовить к отсылке, и потому не имею ничего больше сказать ей, а буду заниматься своим делом». Думал, после этого она уйдет; но она остается по-прежнему. Я стал писать письмо; больше полчаса прошло; ребенок — позади меня, на руках матери — то хныкал, то лепетал, мать ни с места. Наконец, приходит секретарь Нумабе, — «где, мол, делась жена Сато?» Я вновь стал наказывать ему убедительно написать христианам Одавара помогать своему катихизатору. Тогда, наконец, бедная госпожа Сато, поднялась и поплелась молча с своей ношей из комнаты. Крайне жаль мне

стало ее, и я пошел к ней в канцелярию и сказал, что прибавлю по одной ене в месяц им на содержание, кроме того, что христиане, вероятно, дадут вследствие письма отсюда (если только дадут! Написано, чтобы помогали чем могут — углем, соей, зеленью и прочим).

О. Игнатий Мукояма пишет, что в Фукуяма (в Циукоку) начинает зарождаться Церковь. Есть серьезно слушающие учение у Василия Хираи; между прочим один протестант, Сакамото, которого особенно пленило то, что православные молятся за умерших. «Почему у нас нет сего?» — добивался он у своих учителей и получил в ответ: «Потому что сказано: предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Оригинальное объяснение! Я впервой слышу его. Похоже на католическое в другом вопросе: «Мол, ключи даны Петру, — и сам Христос не мог войти в Рай без Петра», — так учил католический проповедник в Кумамото. — Нашелся один и православный в Фукуяма; протестанты было завлекли его, но он оживился ныне.

В Ономици также есть православные; между прочим, Матфей Мурадзуми, без одной ноги что. И подвижной же человек сей безногий! Учился в Катихизаторской школе, потом проектировал мост чрез реку в Исиномаки, потом резал печати в Хакодате, ныне в Ономици, а родом из Сендая.

4 / 16 марта 1898. Среда

Составил Построечный приходно-расходный отчет за 1897 год, — переписать и послать.

Из Церкви скучнейшие письма; видно, что нечего делать и потому пишут убийственно длинно и водянисто. По окончания чтения всегда такая тоска нападет, что не знаешь, куда деться.

Куда свечей, куда стихарей, куда икону, куда книг, куда помогут на бедность или погорелье, — вот крупницы дела в огромных чашках пустой воды. Все тотчас же исполняется, насколько возможно.

Из Саппоро катихизатор Моисей Симотомае пишет, что там есть русский, учитель русского языка, женатый; недавно у них дочь родилась, которую тотчас же и крестили, нарекши Валентиной; очень благочестивы, — всегда ходят в Церковь. Спасибо хоть за это!

5 / 17 марта 1898. Четверг

Отцы Сергей и Андроник продолжают посещать христиан, что очень полезно, — каковую пользу я именно ожидал от новопробудущих. Оживят они Церковь! О. Сергей, вернувшись сегодня, говорил, что хорошо бы всеобщее служение в молитвенном доме «Хонго», очень приличном. Хорошо! Пусть будет!

6 / 18 марта 1898. Пятница

О. архимандрит Сергей вчера простудился и ныне болен. День был очень теплый, а он отправился в город в теплом суконном платье. О. Семен Юкава после обхода христиан угощал их у себя японской лапшой (соба), потом шли они около пруда у Уено, из которого веяло холодом и сыростью; «тогда же я почувствовал озноб», говорил о. Сергей, ну и болен! Жаль!

Вчера я настаивал, чтобы они, отцы Сергей и Андроник, завели у себя сотрудников, в России, между своими товарищами, служащими в Петербурге и Москве, наподобие того, как у меня есть о. Федор Быстров. Очень это было бы полезно для них и для будущего Японской Церкви. Сегодня еще внушал, чтобы они приглашали сюда на службу, кого знают, надежных для сего людей, между своими знакомыми академистами. Двоих назвали они, и будут писать к тем. Я же буду у обер-прокурора просить еще сюда для Хакодате, Сендая, Киусиу — по миссионеру. Помоги Бог!

7 / 19 марта 1898. Суббота

Написал донесение в сопутствие к построечному отчету; при нем пойдут семь фотографий построек Семинарии и прочих. Пишу, между прочим, о необходимости постройки «вдовьего дома» для вдов и сирот священников и катихизаторов.

8 / 20 марта 1898. Воскресенье
Крестопоклонное

Служил я, хотя и с большим кашлем по временам; о. же Сергей совсем болен, хуже, чем вчера, — в Церкви не был.

Херувимскую запели на левом клиросе, но так зарознили, что сами сконфузились и стали; долго было молчание, пока начали петь на правом — с начала херувимскую. Иннокентий Кису и лентяй, и бездарный; не может даже и тон занять. Недавно бранил его за леность и что срамит и себя, и левый хор пред всеми, как с гуся вода!

После Обедни был Матфей Уеда; говорил, что Симода, прожектер, плут рыбных ловель, из Хакодате три раза писал ему, — просил отправиться с ним переводчиком на ловли, на Сахалине. Матфей просил позволения отправиться. Я не позволил и запретил думать о том; надует Симода и погубит его, как погубил о. Петра Ямагаки.

Был Мураками седобородый, из Асакуса, с женою и сыном, прощаться: едут в Нагоя открыть лавку новоизобретенных одним нашим христианином в Токио машин обтолкать рис; цель торговли — выплатить церковный

долг, сделанный христианами в Нагоя на покупку земли под церковный дом. Лавку открывает фотограф Илья Миясита на свои средства; Мураками едет лишь на услуги ему. Восемнадцать ен ежемесячно должна расходовать Церковь, на проценты и на разное, говорит Мураками. Расход этот почти весь — на плечах Ильи Миясита. С продажи каждой машины будет получаться десять ен прибыли, которые, однако, должны делиться на три части, из которых только одна будет идти на Церковь. Как выплатится долг — непонятно.

9 / 21 марта 1898. Понедельник

Совсем приготовил к отсылке в Миссионерское общество и к обер-прокурору Построечный отчет за 1897 год, донесения к ним, с приложением семи листов фотографий.

Иосиф Ициномия, бывший катихизатор, пристаёт и просится опять на службу. Нельзя. Был катихизатором, ровно ничего не сделал, ни одного не обратил, а потом произвольно бежал со службы.

10 / 22 марта 1898. Вторник

Илья Накагава, из Иннай, в Акита, пишет, что человек десять приготовлены им к крещению,— чтобы о. Павел Кагета прислан был окрестить их, и тем положить основание Церкви там,— что утверждение там необходимо, ибо бонзы Монтосиу очень настойчиво творят свою проповедь. Написано к о. Кагета отправиться крестить и пробыть там не менее недели для утверждения новых верующих; препровождено письмо Ильи и посланы семь ен на дорогу. Илье же написано, что по его просьбе сделано, но чтобы он сам там оставался до начала сельских работ и прилежал дальнейшей проповеди. Посланы, по его просьбе, иконы для молельни, в дома христиан, богослужебные книги и прочее.

11 / 23 марта 1898. Среда

Написаны письма к обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву и его товарищу Владимиру Карловичу Саблеру о том, что непременно нужны здесь еще два миссионера; один для Хакодате и северных Церквей, другой для Киусиу. Отцы архимандрит Сергей и Андроник между своими знакомыми усматривают двух достойных для сего иеромонахов: Николая (Орлова), ныне помощника инспектора в Новгородской Духовной Семинарии, и Владимира, студента четвертого курса в Казанской Духовной Семинарии. Я указал на них о. Феодору Быстрову и просил его, узнав от них, принимают ли предложение отцов Сергея и Андроника проситься сюда в миссионеры, уведомить о том Победоносцева и Саблера.

12 / 24 марта 1898. Четверг

Павел Исии, катихизатор из Татебаяси, был, говорил, что на днях о. Тит совершил крещение у него шестнадцать человек,— все почти возрастные, хорошо усвоившие вероучение, из тринадцати домов, бывших доселе языческими. Упомянул еще, между прочим, что младшая сестра его, бывшая здесь в женской школе и вышедшая по болезни, хворала и дома очень тяжело; но пожелала причаститься и, когда о. Тит Комацу причастил ее, внезапно выздоровела. «Удивительно это и страшно!» — промолвил он весьма просто. Видно, что для простецов-нововерующих дело есть, как оно есть: тело и кровь Христовы — и суть истинные тело и кровь Христовы; принимают они так их и пользуются от них так, как должно: приобщились всеблаговому и всемогущему Богочеловеку, с которым не может быть, там где Он, болезнь и немощь, и бежит болезнь, совершается исцеление; и не удивляется этому несколько верующий японец и рассказывает о сем так, в конце разговора, истощивши другие материи.

13 / 25 марта 1898. Пятница

Сегодня мы с Павлом Накаи опять принялись за исправление перевода Нового Завета.

Из Коофу, в Яманаси кен, пишут два католика,— будто бы от лица больше тридцати католических домов; просят принять их в православие,— «патер-де надул их,— обещался построить Церковь и не строит, катихизаторы — плохие». — Вероятно, и они хотят надуть нас; отсюда не в первый раз уже такие письма. Впрочем, о. Мидзуно завтра отправится туда и увидит, в чем дело. Кстати, там есть два семейства православных: Иоанна Хасуике и Мисима, брата катихизатора Мисима; о. Мидзуно снесет им, христианам, утешение,— исповедует и приобщит их.

Вечером, когда я сидел за переводом, Давид, младший секретарь, пришел сказать, что один христианин из прихода о. Матфея Кагета, находясь ныне в Токио, хочет приобщиться у одного из здешних священников и просит на то разрешение. Я сказал, чтобы он, если не к спеху, письмом, если к спеху, телеграммой, испросил позволения на то о. Матфея, или известия сюда, что со стороны его нет к тому препятствий.

14 / 26 марта 1898. Суббота

Павел Оонума, певец и вместе катихизатор в Маебаси, длинным письмом описывает цветущее состояние Церкви там: и слушатели учения есть, и в Церковь хорошо ходят христиане, и собрания с назидательным «энзецу» производятся. Дай Бог!

Из тюрьмы один язычник просит назидательных книг. Посланы три.

Из Оотавара один балбес христианин грубейшим письмом просится в школу: «Разве я не сын Божий? Разве для меня нет места в школе?» — и тому подобных ряд вопросов; письмо, являющее, что человек почти совсем не учился доселе, а ему девятнадцать лет; в какую же миссийскую школу его? Ни в какую не годен; так и отвечено.

Кашель мучает нестерпимо. Быть осторожным вперед, особенно после ванны.

15 / 27 марта 1898. Воскресенье

Был «Николай Гаврилович Матюнин, Поверенный в делах и Генеральный Консул в Корее», говорил об о. Амбросии, начальнике Корейской духовной миссии, его дьяконе, двадцатитрехлетнем монахе из светских, и причетнике — из орловских семинаристов. Телеграммой из Петербурга велено остановить о. Амбросия в Нагасаки, — должно быть, по поводу отставки от корейской службы финансиста Алексеева и военных инструкторов; но Матюнин направляет его — на том же судне Добровольного флота, «Тамбове», на котором он ныне следует там священником — в Владивосток с тем, чтобы он там ожидал инструкции из Петербурга — отправиться к месту назначения. Хотелось бы, чтобы о. архимандрит Амбросий, на пути из Владивостока в Корею, посетил нашу Миссию. Отцы архимандрит Сергей и Андроник, его знакомые, будут звать его.

16 / 28 марта 1898. Понедельник

О. архимандрит Сергей еще болен, поэтому сегодня о. Андроник один с о. Семеном Юкава ходил по приходу его; восемь домов посетил, везде говорил христианам наставления, и (говорит он) понимали его, по крайней мере, отзывались, что понимают; только он их не понимал, когда они говорили к нему; да и куда же еще! Рано!

О. архимандрит Сергей, пользуясь днями своей болезни, не позволявшими ему никуда выходить или заниматься с учителем, исправил свое сочинение «О спасении» и посылает его в Россию для напечатания вторым изданием.

17 / 29 марта 1898. Вторник

Был в Иокохаме, чтобы разменять пришедший из Синода на содержание Миссии вексель и исправить другие дела. Вероятно, вследствие моей прошлогодней просьбы в письме к Владимиру Карловичу Саблеру, товарищу обер-прокурора, чтобы все суммы на содержание Миссии выслались золотом, теперь вместо 2250 долларов, каковою суммою

высылались 3000 рублей из Синода, получено 316 фунтов стерлингов 11 шиллингов 2 пенни, каковая сумма сегодня, по размене, дала: 3100 ен 98 сен. Слава Богу!

18 / 30 марта 1898. Среда

Матфей Нива – усердно служивший когда-то катихизатором, потом сбившийся с пути, много, кажется, благодаря своей невозможно ссорливой жене, почему и бросивший ее, хотя от нее имеет сына, и женившийся по-язычески на другой, которая, впрочем, ныне уже христианка – пишет экстатически религиозное и покаянное письмо. Догадываются секретари, что собирается проситься опять на церковную службу. Но это нельзя. Впрочем, быть может, и не притворное благочестие.

Яков Ивата, из Фукурои, пишет доброе письмо: были крещения, есть и новые слушатели. Дай Бог!

Но Акилу Ивата, катихизатора в Иокохаме, сам Павел Сато находит ни к чему не годным, о чем сегодня и говорил: никогда ни малейшего успеха.

19 / 31 марта 1898. Четверг

Кандидат богословия Емильян Хигуци сколько ни готовит к печати свои лекции по толкованию Посланий к Коринфянам и к Галатам, не годятся для печати. Павел Накаи сегодня, как о. Савабе прежде, отозвался, что слог невозможный для печати, в иероглифах множество погрешностей; господин Емильян только что принес лекции после исправления их каким-то «бунсёока», по шесть сен за лист. Вернул я сегодня лекции Емильяна, сказав, что при всем моем сильном желании напечатать книгу, написанную настоящим японским языком, не переводным, не могу иметь сего утешения в его лекциях. Рассердился Емильян, не взял даже денег за исправление текста и переписку, – а что будешь делать? Зачем так беспечен и нерадив насчет своего детища?

20 марта / 1 апреля 1898. Пятница

О. Феодор Мидзуно из Коофу извещает кратко насчет просящихся к нам католиков, что совсем не так, как мы было подумали, – просят искренно, и дело будто бы с их стороны вполне правое. Подробности расскажет по возвращении, а вернется, по его известию, завтра. – Но тогда – кого же послать для катихизации католиков?

21 марта / 2 апреля 1898. Суббота

О. Феодор Мидзуно вернулся и рассказал: дело, однако, не совсем приятное. Один из старых католических христиан рассорился – Бог

весь когда — с своим катихизатором, укоряя его в блуде, лености и прочем (мало ль что в таком случае можно насказать!); другой, плотник, рассорился с патером из-за того, что он, обещав сначала сему плотнику постройку костела в Коофу, сошелся потом с другим подрядчиком, которого рекомендовали катихизатор и его отец, главное же — какой-то богач-христианин ихний в селении близ Коофу. За сими двумя последовали все наученные (будто бы) именно ими (не катихизатором) христианству и крещенные — домов восемь, и столько же расположенных к слушанию христианства. Все они собирались трактовать с о. Мидзуно, — наговорили кучу обвинений на своего священника и епископа, которые, конечно, не без причины бранили их, махнув на них рукой, — мол, «ступайте, куда хотите, — нам вы не нужны!» Чтобы так сказали патеры и бискуп, нужно быть слишком плохими христианами. Таковы, должно быть, и есть звавшие нас. Но и как не отозваться на зов. Человек восемьдесят собиралось; не может быть, чтобы между ними не было и хороших людей.

22 марта / 3 апреля 1898. Вторник

Сегодня утром тридцать четыре человека крещено, и больше семидесяти было исповедников, так что приобщились Святых таин больше ста человек, и Церковь, несмотря на дождь, рубивший все утро, была почти полна христианами. Оживление это нужно в значительной степени приписать действию новоприезжих миссионеров — отцов архимандрита Сергия и Андроника: посещают христиан, убеждают ходить в Церковь, воспитываются Святыми таинствами, возрастать в вере и христианских делах, — христиане и отзываются на пастырский зов. Помогите, Господи, и вперед так, и прогрессивно так!

Священник в Оосака, о. Сергей Судзуки, спрашивает, может ли он преподавать Святые таинства покаяния и причащения русским — семейству нашего консула в Кобе, господина Васильева: жена его осведомилась, «может ли говеть и приобщаться в Оосака»? Отвечено, что, конечно, нет никаких препятствий к тому и даны некоторые наставления, как обращаться с русскими христианами.

23 марта / 4 апреля 1898. Понедельник

С двух часов было заседание в моей гостиной всех тоокейских священников; отцы архимандрит Сергей и Андроник также участвовали. Предложено было рассудить: как поступить с прошением католиков в Коофу? Все единогласно решили, что оставить без внимания его нельзя, — послать для научения их православию и принятия потом достойных в лоно Церкви нужно. Но кого послать? Долго об этом рассуждали и остановились на Иоанне Судзуки, что ныне проповедником в Оцу.

Если о. Тит Комацу не представит каких-либо невозможных препятствий к изъятию его оттуда на время, то он и отправится; на место же его в Оцу пойдет Николай Гундзи, один из катихизаторов в Коодзимаци, родом из Сакура, близ Оцу.

24 марта / 5 апреля 1898. Вторник

Илья Накагава из Иннай пишет, что, в ожидании прибытия о. Павла Кагета, отправился в Масуда-маци повидать Сато Циёмацу, письмо которого в Миссию препровождено было к нему; нашел Сато очень хорошим человеком, тридцати двух лет, местным чиновником, живущим с матерью и женой в своем весьма приличном доме, ибо родом тамошний же. Сато — глубоко религиозного расположения, но потерял веру в буддизм и потому стал искать христианства; очень обрадовался прибытию Ильи Накагава; собрал слушать его чиновников, врачей, купцов — человек сорок; Илья сказал им две проповеди; просили еще, по крайней мере, неделю побыть у них, но Илья не мог, ибо ждал со дня на день священника в Иннай (семь ри от Масуда). Пишет ныне Илья, вернувшись в Иннай, что по прибытии о. Павла и крещении подготовленных в Иннай, отправится к себе домой, в Каннари, и к Вербному воскресенью хочет быть там. Но сейчас же отвечено ему, чтобы оставался там, как для укрепления в вере тех, которые крестятся в Иннай, так и для основания Церкви в Масуда. Если и в Масуда до Собора крещены будут несколько человек, то на Соборе непременно будет назначен катихизатор для сих двух мест; он же, Илья, будет иметь похвалу пред Богом и людьми основателя Церкви в них. Иначе, то есть если в Иннай только будут несколько крещенных, едва ли можно надеяться на назначение катихизатора для сего места, по малочисленности катихизаторов; и светильник в Иннае, едва зажженный, может погаснуть.— На дорогу в Масуда и прожитие там послано в экстренную помощь семь ен.

25 марта / 6 апреля 1898. Среда.

Праздник Благовещения

Дожливый день и сегодня был, как вчера, потому в Церковь к богослужению как на всенощную вчера, так и на Литургию сегодня пришло совсем мало христиан.

После полдня была Елена Сакай, вдова о. Иоанна Сакай, прибывшая из Хакодате; говорила о Хакодатской Церкви, что «она не в упадке; все там идет обычным порядком и по Церкви, и по школе, которая, впрочем, очень мала. О. Петра христиане терпят; мирно теперь все относятся к нему и в Церковь ходят; катихизатор Александр Хосокава трудится и по проповеди, и в школе». Все эти речи в разряд идут с тем, что

недавно говорил Евграф Кураока: «Церковь в таком упадке, что уж больше упасть нельзя: к богослужению никто не приходит, о. Петра христиане до того ненавидят, что хотят бежать от него в иноверия». Кто прав? Разумеется, больше права Елена. Но во всяком случае в Хакодате до Собора побывать нужно, чтобы решить на месте, может ли там быть священником о. Петр Ямагаке или нет?

26 марта / 7 апреля 1898. Четверг

Вчера ночью получена телеграмма от о. Тита Комацу: «Судзуки-о агемасу». Поэтому сегодня написаны письма к Иоанну Судзуки и христианам в Ооцу, первому, чтобы отправлялся в Коофу, согласно избранию его здесь общим советом; вторым, чтобы не удерживали его; на замену его-де прибудет Николай Гундзи, письма – престранные и убедительные; в письме к Судзуки вложено марок на пятнадцать сен, чтобы, по решению там дела, поспешил ответить телеграммой.

С Афона получена благолепнейшая большая икона Богоматери.

Вечером мы с Накаем прекратили занятие в половине восьмого, полтора часа не досидев термина. Слышу – что-то стучит в такт.

– Что это? – спрашиваю.

– Дверца письменного стола, – говорит он по исследованию.

– Отчего?

– Платье мое прикасается к ней.

– А с платьем что?

– Оно дрожит в такт пульсу, который возбужден от небольшого горячечного состояния.

– Так ступайте домой, примите лекарство и постарайтесь возбудить испарину.

– Ничего, как-нибудь досижу.

Но я его отправил, а сам пошел в ванну; и у меня еще не совсем прошла простуда первой недели поста.

27 марта / 8 апреля 1898. Пятница

Занятием до полдня мы с Накаем закончили предпасхальную занятую треть. Кончили словом «дом» по лексикону Гильдебрандта производящую проверку одинаковости перевода слов в Новом Завете.

В школах кончены занятия послеобеденными классами.

Вчера служил, в первый раз самостоятельно, о. Андроник и отслужил прекрасно, – приготовился весьма тщательно.

За службой были все учащиеся; пели причетники; служба была в правом приделе.

Из Церкви в Наканиеда прекрасное письмо катихизатора Саввы Ямазаки: Церковь оживлена, было двенадцать крещений, производятся «симвоквай» и прочее. Письмо послано в «Сейкёо-Симпо» для напечатания.

28 марта / 9 апреля 1898. Суббота Лазарева

С шести часов Литургия, отслуженная о. Андроником, отлично приготовившимся и весьма правильно произносившим все по-японски. Были школы; пели причетники; человек двадцать было причастников. Служба была в правом приделе. По окончании все перешли на середину Собора, пред главный алтарь, ибо объявлено было вчера, что будет соборне совершена панихида по благодетеле Миссии, митрополите Московском Сергии, скончавшемся одиннадцатого февраля старого стиля. Я сказал, остановившись на амвоне, несколько слов о благотворениях Высокопреосвященного Сергия Миссии: «Две тысячи ен ежегодно жертвовал от митрополии Московской; есть здесь прекрасные два архиерейские облачения, пожертвованные им; всегда употребляющиеся при богослужении дикирий и трикирий — его пожертвование; панагия, которую я всегда ношу (и я показал) — его дар. Последнее его благодеяние Миссии — участие его, как члена Святейшего Синода, в назначении сюда недавно прибывших миссионеров — архимандрита Сергия и иеромонаха Андроника. С ними он прислал слова благословения и приветия всей нашей Церкви и в видимый знак его благоволения к ней — сосуд священного мира. Все это — видимые его благодеяния; но он, как глубоко благочестивый пастырь и молитвенник за христиан, сколько еще невидимой благодати Божией испросил и излил на нашу Церковь! Помолимся же, чтобы Господь воздал ему за все это в Царствии небесном».

Вечером, на всенощной, было много в Церкви, но, — вероятно, по причине дождя, — меньше, чем в прошлом году: я успел сегодня помазать святым елеем всех к эктении после ирмосов. Из города почти все пришли с своими вербами, и многие зажгли свечи во время «Хвалите», видя священников с свечами. Освящены кроплением святой водой только те вербы, что лежали в куче для раздачи учащимся. О. Андроник заметил, что следовало пройти потом с святой водой по Церкви и окропить вербы, что в руках у христиан, — так делается в России: так и нужно будет делать отныне.

Иоанн Судзуки, из Оцу, — по письму к нему о. Тита (здешнее еще не получил), — пишет, что «готов отправиться в Коофу; говорил в Оцу с главными христианами, — те отпускают его, — только чтобы вместо него скорей прибыл туда обещанный им Николай Гундзи». — Сейчас же написано к Гундзи, чтобы явился в Миссию; завтра утром, вероятно, явится, — и сказано будет ему — немедленно отправиться в Оцу.

29 марта / 10 апреля 1898. Вербное воскресенье

До Литургии было крещение восьми детей и взрослых. За Литургией было много христиан, человек шестьдесят приобщилось Святых таин; было много и язычников, ибо сегодня празднуется в городе тридцатилетие перенесения столицы в Токио, и бездна пришлого из провинций народа. Целый день потом непрерывная толпа осматривающих Собор и Миссию.

Иоанн Судзуки из Оцу прибыл, чтобы отправиться в Коофу, но просится пробыть здесь дня три, — мол, платье справит, с женой повидаться, которая здесь обучается швейному искусству; спросить также двойных дорожных для больших расходов там, в Коофу. И вот такие у нас лучшие катихизаторы! Пальцем коснись — точно пружинная выскакивает рука: «Дай сверх обычного». Правда, бедно у них содержание, но никто же и не принуждал их взять на себя это идеальнейшее из служений — проповедь Евангелия, при каковом служении эти столь часто выскакивающие наголо металлические пружины действий куда как безобразны!

Николай Гундзи был утром, говорил, что у него есть семь слушателей, что бросать их жаль, а на родину идти для проповедничества бесполезно, — никто не слушает. Но своих слушателей он должен не бросить, а сдать другим катихизаторам, — на родину же пойдет на короткое время, пока будет в отсутствии Иоанн Судзуки. Он пойдет.

30 марта / 11 апреля 1898. Великий Понедельник

Службы обычные: Утренняя с шести до половины восьмого, Преждеосвященная Литургия с десяти почти до одного часу пополудни, Великое Повечерие с шести до семи вечера.

После обеда был христианин из Накамурахора, близ Одавара, Григорий Тада, земледел; в доме у него все христиане, кроме младшего сына, которому семь лет от роду, но который еще не крещен, по небрежению священника Петра Кано, хотя отец просил крестить. «Приведи сына в Одавара, когда там бывает крещение, а для одного в Накамурахора не пойду», — говорит ленивый пастырь. Григорию же недосуг водить сына в Одавара; так и остается некрещенным. Этот пример внушительно показывает, как нужно смотреть за японскими священниками и как на них одних Церковь оставлять нельзя.

Пред Повечерием были баронесса посланница с адмиральшей Дубасовой. И разумная же мать эта адмиральша! Пять человек детей у них, — как тщательно она их воспитывает. И вместе какая образованная супруга! Дай Бог им дальнейшего счастья и успеха во всем! Порт-Артур окончательно занят нами. Адмирал Дубасов там полным хозяином. Однако

же китайский флаг висит наравне с русским, и сами русские подняли его. Барон Розен уверяет, впрочем, что скоро перестанут это делать. Адмиральша говорит, что русские военные суда отныне не будут стоять в портах Японии: «Своей-де порта нужно обогащать стояночными расходами, а не чужие». Ее бы устами мед пить! Но едва ли моряки расстанутся с Нагасаки. Недаром моряки, по ее словам, крайне ропщут, ибо их держат в Порт-Артуре: «Ничего-де там нет, никаких развлечений». Но они еще имеют утешение, что — «пионеры», а последующие за ними еще больше завоят, что нужно менять русское золотое здоровье на сифилис. Ведь и муж адмиральши когда-то страдал этою болезнью, вероятно, в Нагасаки же полученною; тридцать два—тридцать три года тому назад он списан был с военного судна и оставлен в Хакодате, чтобы вылечиться от сей болезни; тогда я и познакомился с ним, еще очень юным, стройным военным, бледнолицым гардемаринном. Сказать бы теперь адмиральше: «А что, вы, сударыня, страдали венерической болезнью, вами самими законтрактованною, прежде чем вышли замуж?». Не поняла бы, бедная, а понявши, пришла бы в ужас от неслыханной дерзости вопроса. Но почему же к мужу неприложима мерка жен? Откуда это варварство? И не попирается ли до сих пор женщина у христиан не менее, чем у язычников, или магометан? А в результате для детей — разные последствия первородного греха, — уж совсем не Адамова, потому что тогда Нагасаки и в помине не было.

31 марта / 12 апреля 1898. Великий Вторник

Петр Ямада, катихизатор в Мияно, полуторасаженным письмом, от лично, впрочем, написанным, изъясняет состояние своей Церкви, что у него крещено недавно шесть человек, крестилось бы и больше, но бонзы очень мешают, — злословят, спорят, отговаривают, так что еще пять человек, совсем приготовленные к крещению, удержались именно смущенные нахальством бонз и прочее. Предлагает потом следующие свои соображения: 1. «Так как наши катихизаторы недостаточно образованы, то пусть печатаются лекции профессоров Семинарии и рассылаются им для прочтения и усвоения». По более общему соображению это и мое искреннее желание. Но как их печатать, когда их нет, или если и есть, то негодны для печати. Вон мы хотели отпечатать толкования к Коринфянам и Галатам, — лекции Емильяна Хигуци; целый год я твердил ему о сем, и целый год он возился с исправлением их, — все-таки они так плохи по изложению и языку, что сами же японцы (о. Павел Савабе, Павел Накаи) находят их невозможными для печати. 2. «Не переменять катихизаторов на Соборах, ибо христиане сживаются с ними», и прочее. Но мы же и не делаем этого; переменяются только те, которых не терпят, или которые сами настоятельно просятся в другие места. 3. «Не

делать больших Соборов, а деньги, идущие на это, употреблять на катихизаторов; Соборы ограничить собранием священнослужащих». Старая песня! 4. «Уменьшить число катихизаторов, но возвысить им содержание». И при возвышенном будут так же плохи, как теперь, а Церкви многие исчезнут от сокращения числа катихизаторов. Впрочем, написано к Петру Ямада, чтобы он свои соображения представил на усмотрение будущего Собора.

1 / 13 апреля 1898. Великая Среда

Из Ханамаки, вслед за возвращением оттуда Петра Ока (который должен готовиться здесь к экзамену, чтобы быть выпущенным в катихизаторы), пишут, что непременно нужен там катихизатор, и чтобы поспешили вернуть туда Ока. Уж не раз повторяется это. Там катихизатор — почти бесполезно живет он, уходит катихизатор, — кричат: «Давай назад, — будет великая польза Церкви». Ответчено, чтобы просили катихизатора у будущего Собора.

О. Сергей Судзуки пишет, между прочим, в своем описании поездки по Церквам, что Яков Адаци, устыдясь своей бесплодности в Химедзи и Какогава, просится на проповедь на остров Формозу. Как бы не так! Там у него отец при каком-то мелком деле, — так хочет на церковный счет прогуляться к нему и пожить там. Везде будет бесплоден сей дрянной катихизатор, и тратиться на него Церкви ни в каком случае не следует.

Иоанн Судзуки отправился в Коофу, а Николай Гундзи в Оцу.

Посланник барон Роман Романович Розен написал: «Позвольте ли вы мне, по примеру прежних лет, исповедоваться у вас?» Я не имел ничего против, и потому он в шесть часов был и исповедался.

2 / 14 апреля 1898. Великий Четверг

Литургия с восьми часов. По большому звону учащиеся собрались в Собор в восемь часов и прослушали правило ко Причащению, вслед за чем начались часы и прочее. Служили соборне о. архимандрит Сергей, о. Андроник и о. Павел Сато. На причастие я сказал причащающимся небольшое поучение. Заготовлен агнец для Запасных Святых Даров, сегодня раздробленный и напоенный Кровию, — завтра высушат.

О. Симеон Мии пишет, что был в Нагоя, троим преподал Святое крещение; хвалит усердие христиан. При нем они делали собрание, на котором решили просить священника для Нагоя; только сами они не могут теперь содержать его, так как выплачивают долг, сделанный на покупку церковной земли и постройку церковного дома, и удерживают ежемесячно восемнадцать ен на церковные нужды. Просит о. Симеон поставить им священником теперешнего их катихизатора Петра Сибаяма,

ибо они очень любят его. Хорошо бы, только сам же о. Симеон пишет, Сибаяма — человек больной, — страдает «нообёо», по каковой болезни не мог теперь сопровождать его в Иокосука, не может говорить катихизации пяти-шести имеющимся у него новым слушателям. Еще — правда ли, что его все любят? Он много заявлял себя [как] человек страсти (гнева и не мира — с о. Матфеем) и пристрастия. Нужно хорошенько опросить Церковь. О. Симеон — человек слишком доверчивый, на одно его заявление положиться — можно сделать ошибку. Нужно и Собор спросить.

За всенощной первым служащим был о. архимандрит Сергей; с ним служили пять японских священников. Первое, шестое и двенадцатое Евангелие читал о. Сергей, и прочитал, особенно первое, такое большое, превосходно: громко, ясно, раздельно, без запинаяний.

3 / 15 апреля 1898. Великая Пятница

Службы совершены в полном порядке: Часы с девяти, вечерня с трех, всенощная с шести. Статьи читали отцы Лавел Сато и Роман Циба, — по полстатьи первый и второй. Плащаница обнесена вокруг Собора при такой тишине, что ни у кого в руках свеча не загасла. Жаль, что христиан мало бывает при всех страстных службах, единственных в году и столь трогательных и назидательных, — не знают еще они всей важности и привлекательности сих служб; священник и катихизаторы должны объяснить им, или лучше привести на службы: — по крайней мере — по одному из дома, тогда узнают и оценят они по непосредственному впечатлению и чувству. Впрочем, о. архимандрит Сергей находит, что ныне несравненно больше христиан при службах, чем прежде, когда он был здесь в первый раз.

Был один бонза, которого я сначала принял за несколько помешанного, так как он запел песню почти с первых же слов; потом оказалось, что просто пройдоха, — умный и красноречивый, но ничему не верующий и не могущий, должно быть, веровать. Возвращаясь с формозы, утишил молитвою бурю, трепавшую судно, за что имел даровой проезд, и пять ен получил от благодарных пассажиров, и прочие речи в подобном роде...

4 / 16 апреля 1898. Великая Суббота

С девяти часов Литургию совершили о. архимандрит Сергей, о. Андроник и о. Роман Циба. Я сказал поучение.

С двух часов был гром и потом сильный дождь. Впрочем, вечером погода прояснела, лужи, кажется, исчезнут к полночи, и крестный ход вокруг Собора совершить можно. Теперь десять часов вечера; я только

что вернулся из Собора, поисповедовавши отцов архимандрита Сергия, Андроника, трех японских священников и двух диаконов, из которых один русский; в доме гул и шум, особенно от детей; в верхней классной семинаристы говорят праздничные речи и показывают священные картины волшебным фонарем под руководством своего «Коочё» Ивана Акимовича Сenums; толпа сплошную массою заняла комнату; в прочих комнатах тоже много народа.

5 / 17 апреля 1898.

Светлое Христово Воскресенье

С двенадцати часов ночи обычная Пасхальная служба. Совершили ее со мною отцы архимандрит Сергий и иеромонах Андроник, Роман Циба и Симеон Юкава, Фаддей Осозава и Федор Мидзуно, диаконы Стефан Кугимия и Яков Мацуда, три иподиакона и прочие. В первый раз, кажется, в Пасху такое большое число служащих; прежде было разбирали священников по ближайшим провинциальным Церквам; ныне только о. Павел Сато отправился совершать Пасхальную службу в своем тощем приходе в Иокохаме. Певчие пели стройно, но медленно; вся служба кончилась в половине четвертого утра; прежде, бывало, отходила скорей. Собор поразительно сиял своим полным освещением. Христиан было много, но не полный Собор. Я роздал, христосуясь с христианами у себя, после службы, больше тысячи яиц, — столько было, стало быть, христиан, кроме школ. Русских и иностранцев никого не было; только после службы нашел я у себя в комнате доктора Рафаила Густавовича Кёбера, бывшего в Церкви в Посольстве, уже разговевшегося там и захавшего поздравить. — Потом обычные поздравления целый день. После обеда и мы съездили поздравить Посольство, но, когда прибыли туда, в два часа, у них уже готовы были экипажи ехать с поздравлениями к нам; мы, поздравив, поспешили к себе, чтобы принять их, заехав на пути лишь к о. Сергию Глебову, но оставив до завтра предположенный визит Кёберу. Посольские все и были у нас. — Потом, с пяти часов, соборне отслужили мы Пасхальную вечерню. День был наполовину ясный, наполовину хмурый и ветреный, но без дождя. Из провинциальных Церквей (цихоо-кёоквай) было до двадцати пяти прибывших нарочно на праздник, или же случившихся в Токио и пришедших помолиться. Им была отведена отдельная комната в доме для отдыха и ожидания.

6 / 18 апреля 1898. Понедельник

Светлой Седьмицы

С семи часов Пасхальная служба — Полунощница, Утренняя и Литургия без перерыва. Служили со мной отцы архимандрит Сергий, Андроник и

Феодор с диаконом Кугимия. Прочие священники заняты христославлением в городе. Много приобщено за Литургией. Потом — славление у меня и у отцов Сергия и Андроника — обоих хоров наших, о. Алексея Савабе с своим хором, который ныне пел так хорошо, что только численностью отличался от наших; не снимая эпитрахили, о. Алексей прославил еще с хором детей воскресной школы в Коодзимац; дети пели в один голос и тоже очень стройно. Обычное угощение; много других поздравителей. После обеда мы съездили к господину Кёберу поздравить, но он еще не вернулся из Университета. Затем — до вечера — дружеская беседа нас троих, отчасти прерываемая визитами. Говорили, между прочим, что хорошо бы учредить Миссию в новозанятой с Портом Артуром Манчжурии. Но как сделать это?

7 / 19 апреля 1898. Вторник
Светлой Седьмицы

С семи часов такое же богослужение, как вчера, и те же служили, только христиан, кроме учащихся, весьма мало было. По окончании службы церковные старосты, заботящиеся о порядке в Соборе, во время службы, со стороны приходящих, — угощены были чаем, яйцами и куличом. — Потом мы втроем поехали в Йокохаму отдать праздничный визит бывшим у нас в первый день и вчера соотечественникам, и были у консула князя Лобанова, у военного агента генерала Николая Ивановича Янжула, жена которого Марья Николаевна прислала нам к Пасхе такие великолепные куличи собственного печения (один — фута в два вышины, — малороссийская «баба»), и морского агента Ивана Ивановича Чагина. От них заехали на кладбище, помолились за русских, погребенных там и нашли могилы их содержанными в отличном порядке.

8 / 20 апреля 1898. Среда
Светлой Седьмицы

Утром мы втроем, — отцы архимандрит Сергей и Андроник и я, — отправились в Тоносава с тем, чтобы им оттуда ехать в Оосака и Кёото, а мне вернуться домой. Цель их поездки: о. Андронику несколько познакомиться с Церковью в Оосака и, если не найдет в себе никаких воспевающих мыслей и чувств к поселению там, велеть отремонтировать для себя квартиру в церковном доме; познакомятся они, кстати, и с Церквями в Кёото и Кобе.

Сегодня, по обычаю, Женская школа отправилась гулять в Оодзи; Анна — старуха-начальница — говорила, что ученицы несколько дней умильно поглядывают на небо и молят, чтобы погода была сегодня

такая, какая им нужна, то есть совсем солнечная и тихая. Кажется, и вымолили.

Отпустивши их, Анна, полубольная, притащилась ко мне с последним номером «Уранисики», обложка которого исписана была карандашом: «прочитайте», говорит, «что здесь написано». Читаю — поношение журналу и запрет вперед присылать его в Семинарию. Я подумал, что это дело начальника в Семинарии, «Коочёо» Сenumsa, удивился поступку, но, торопясь в дорогу, ничего не мог сделать, кроме — велеть Анне запросить «Коочёо», «за что поносится „Уранисики“? Пусть укажет пункты».

В Тоносава мы нашли все в порядке, кроме того, что шесть-семь больших деревьев были срублены вновь, вопреки моему запрещению Михею делать это; рубит, очевидно, на продажу, то есть ворует, а оправдывается тем, что деревья сломало ветром, или это — сосны, опасные для пожара, и подобное; сказал ему, что вперед за каждое срубленное дерево буду вычитать у него по пять ен из его жалованья.

Обедали в гостинице японским обедом, спали дома на занятых японских «фтонах». Ночью был сильный дождь.

*9 / 21 апреля 1898. Четверг
Светлой Седьмицы*

В Тоносава утром гуляли по лесу, взбирались к кумирне и даже до пещеры, где молился о. Иоанн Сакай. Сделавши распоряжения по ремонту, ввиду прибытия сюда на каникулы учеников Семинарии, и пообедав у Фудзия, в один час мы отправились в Коодзу и оттуда в два часа тридцать минут я — в Токио, отцы Сергей и Андроник, в три часа — в Оосака. Прибывши домой, нашел здесь на столе, между прочим, письмо Василия Романовича Лебедева из Ханькоу с 300 долларами на Миссию.

*10 / 22 апреля 1898. Пятница
Светлой Седьмицы*

Утром явился Хакодатский прожектёр — рыбак Симода — и объявил, что «все готово к начатию эксплуатации данных им рыбных ловель на Сахалине и что в нынешнем году на тридцать тысяч ен прибыли можно рассчитывать». Это пролог к просьбе, которая заключалась в том, чтобы дать им из служащих Церкви знающего по-русски: «Как же-де мы будем объясняться с русскими в шести местах ловель на Сахалине?». Я все выслушал — не без труда, ибо мутило негодование, — и кратко ответил: «Если третья часть прибыли от ловель не будет доставлена Миссии (какое условие вы сами выдумали, и каковым добыли ловли от русских властей), то я извещу на Сахалин, что вы обманули тамошние власти.

Переводчика же вам Миссия не даст, — довольно того, что вы втянули в дело и обезглавили о. Петра Ямагаке; другому навредить вам не удастся».

Иван Акимович Сенума пришел с тем самым номером «Уранисики», что вчера приносила Анна, и говорит:

— Вам пожаловались, что это я такую дерзость Женской школе написал на обложке журнала, но это неправда; написал это один ученик, которого я узнал по руке, и за это я ему сделаю выговор пред всеми учениками. Он это сделал совершенно произвольно; и это, действительно, непростительная и двойная дерзость и относительно Женской школы, и относительно Семинарии, именем которой распорядился, не имея на то права.

— Но нет ли в «Уранисики» чего-либо, к чему могла бы прицепиться его блажь?

— Ничего здесь такого нет.

— Сделайте строгий выговор ученику и скажите ему и всем, что если вперед повторится подобный поступок, то виновный будет исключен из Семинарии.

Иоанн Судзуки пишет из Коофу: посетил католиков, призвавших нас; все — видимо любимы и благодетельствуемы были своим патером; у каждого книг по десять и икон по пять в доме, полученных от патера, который лично сам — человек богатый; главные же возмутители двое получали деньги, один девять или десять ен, другой три-четыре ены в месяц за то, что находили слушателей. Не по испорченности католического учения и не по жажде истинного христианского учения они призвали нас, а по ссоре и дразгам, выросшим, как грибы из навоза, из своекорыстия, — это, кажется, несомненно. Но искусны патеры употребляют все средства, чтобы избежать такого афронта, как уход от них нескольких десятков учеников в «схизму», по ихнему, — и будет потом нам афронт, если поспешим, или другую глупость учиним. Потому-то сказано было Судзуки, чтобы шел, как в новое место, где учение нужно преподавать с аза. А он вон пишет, что «церковный дом новый нужно сейчас же строить, — и берутся, мол, выстроить такой, какой нам угодно»; это, верно, тот же подрядчик, что поссорился с патером, берется. Как бы не так! Написано Судзуки, чтобы нашел квартиру, но не свыше шести ен, — больше чтобы в этом направлении ничего не предпринимал. Пишет еще, что нужно три ены дать в месяц тому «санъяку дайгенин», который получал от патера плату, вот выдумал! Ни-ни! — Пишет, наконец, чтобы ему — Судзуки — прибавлено было геппи в месяц пять ен. Вечно этот человек лишь денег просит сверх обычного, лишь только коснись его! Крайне возмутило это меня. И велел я написать ему прямо и коротко; чтобы уходил со службы, если мало для него содержание. Вдвоем с женой, а получает двенадцать ен и добавочных две ены, кроме квартирных и дорожных, и это ему мало, тогда как многие и с семействами не получают столько!

11 / 23 апреля 1898. Суббота
Светлой Седьмицы

С семи часов Пасхальная утренняя и обедня; служили соборне: отцы Павел Сато, Роман Циба и Феодор Мидзуно; кончилось в десять часов; при целовании креста роздан артос.— Потом я был в женской школе, чтобы уговорить учительниц примириться с Еленой Сенума (бывшая Ямада), на которую Надежда Такахаси, а за нею и другие, питают до сих пор зло за то, что она, дав слово выйти за Григория, брата Надежды, изменила его и вышла за Сенума, когда сей посватался. Но нашел их еще до того заряженными враждой, что изумился; пытался уговорить,— к стене горюх! Нужно им до конца унизить Елену,— требуют, чтобы она явилась к ним с повинной. «Простите, мол, сударыни, что вышла замуж за теперешнего моего мужа».— Только бабье может не понимать всю нелепость подобного! А ничем не убедишь, потому у бабы часто дважды два не четыре, а пять. Довели до того, что рассердился и я сам, назвал их «акума-но су» и ушел.

(Вечером). Однако дело с «Уранисики» не так просто, как казалось до сих пор. Приходит сегодня Сенума,— во время моего занятия с Нумабе по рассылке содержания служащим,— подает пакет и два номера «Уранисики» и говорит:

— Вот письмо учеников, в котором говорится, что не один виновен в надписи на «Уранисики», а все они возмущены неприличием статей в «Уранисики», злословящих коочёо Семинарии, и прочее.

— Оставьте у меня, после посмотрю,— ответил я.

Кончивши с Нумабе, я прочитал объяснение семинаристов, умно и сдержанно написанное; потом номер — не тот, что приносила Анна, на котором надпись семинаристов, а предыдущий (от пятнадцатого марта), в котором одна статья исчерчена красными отметками семинаристов. Действительно, статья до крайности возмутительная: Елена — без ее имени, но с яснейшим описанием ее,— прямо называется «инпу» (блудницею) за то, что вышла не за Такахаси — того, за которого прежде была просватана, а за того, который после посватался (и к которому влекло ее сердце); Иван же Акимович обозван вором, похитившим чужое имущество; и преступление обоих их поставлено наравне с Адамовым, Каиновым; словом, уж и не имеется больше выражений, которыми бы поносить их.— Я надписал на статье, что она — «мерзкая,— ложь и софизма», на письме же семинаристов, что они «правы, но чтобы этим и кончили; разводить вражду неприлично духовным воспитанникам» и прочее.

12 / 24 апреля 1898. Фомино воскресенье

Богослужение соборне совершено мною с четырьмя иереями. Христиан совсем мало было в Церкви, должно быть потому, что дождь рубил с раннего утра (и рубит до сих пор,— восьмой час вечера).

Часа в три я пошел в Женскую школу с шестьдесят пятым номером «Уранисики», где неприличная статья касательно Сенума, и письмом семинаристов по поводу ее. В комнате Анны старухи, больной и лежащей в постели, нашел трех учительниц: Елисавету Котама, Надежду Такахаси и Евфимию Ито. Сказал им следующее:

— Вчера я говорил с вами, думая, что у вас вражда только в сердце; но, прочитав эту статью (указывая на развернутую, исчерченную красным статью в «Уранисики»), нашел, что вражда имеет отношение не только к сердцу, но и к голове; вы в заблуждении, не понимаете, или извратили истину; оттого вам кажется, что вы стоите за правду, но вы — за неправду; думаете, что служите Богу, но противитесь Богу и его Закону. Поняв это, я пришел объяснить вам истину, — это моя обязанность как учителя вашего. Итак, слушайте и хорошенько вникните в мои слова. В деле брака что важнее: обещание или любовь? Редко, но случается, что эти два нравственные элемента сталкиваются; тогда чему следовать? Положим, у вас (обращаясь к Елисавете) сын; высватал он невесту; вы и родители ее согласны, и все дали обещание праздновать свадьбу. Но вдруг ваш сын приходит к вам и говорит: «Я поторопился сватовством и обещанием; ныне я встретил другую девушку, к которой почувствовал глубокую любовь, и чувствую, что должен жениться на ней; не могу быть счастлив с другой, хотя и дал ей обещание, ибо не люблю ее; прошу взять назад обещание, хотя это тягостно, и женить меня на той, которую полюбил и которая также любит меня». Что бы вы сказали сыну и что бы сделали? —

Молчит Елисавета, сколько ни добиваюсь ответа; обращаюсь к Надежде, — молчит и она; Евфимия тоже. К Анне:

— По старому японскому обычаю нужно держать обещание, — отвечает старуха, видимо, натверженное ей, ибо ослабела сама и телом, и душой, к глубокому сожалению.

Тогда и Елисавета начала путать в том же роде, но и туда, и сюда, — мысли, точно спутанные нитки.

Я продолжал:

— Не японский только обычай крепко держать обещание касательно брака, но еще более — европейский; тем более, что в Европе брак не так легко расторгим, как в Японии; поэтому и обещания заключаются со всевозможною осторожностью, а потому и расторгать обещания приходится чрезвычайно редко. Однако же приходится. И это потому, что основание брака — любовь, а не обещание. Обещание заключается людьми и иногда бывает ошибочное; любовь дана Богом как закон брака. Закону Божию нужно повиноваться, иначе человек будет наказан за нарушение. Положим, человек женится не на той, которую полюбил, а на той, которую не любит, но дал обещание жениться. Что дальше? Взаимная нелюбовь мужа и жены, отсюда — ссоры и всякий разлад, часто прелюбодеяние с той, которую любит, иногда и убийства. В Японии

же самое обычное явление разводы — отчего главное, как не от браков по Закону Божию. Возьмем с другой точки зрения. «Обещание нужно хранить и ни в каком случае не изменять ему», говорят. Но вот я взял обещание у Елисаветы «исполнить одну мою просьбу», не подозревая ничего дурного, она дала его. А я потом: «пожалуйста, убей Надежду», скажу. Исполнит ли она обещание? Едва ли. Отчего? Скажет: «Бог не велит это, — заповедь Божию не могу нарушить из-за данного обещания»; стало быть обещание нужно нарушить, когда оно становится вразрез с Божиим Законом. В браке тоже.—

Взглянем и с новой точки. Исполнил бы человек обещание, женился на нелюбимой, а не на той, которой отдал (невольно, положим) сердце. Что бы он принес в брак? Одно тело, не душу: стало быть, это не был бы настоящий человеческий брак, Богом определенный людям, в котором «два в плоть едину»; души человека тогда не было бы. Это-то и было бы прелюбодеянием (в котором вы несправедливо ныне укоряете Елену, называя ее в статье «инпу»). Но таких браков по обещанию — одних телесных — к несчастью, много совершается; и в Токио есть Ёсивара, где женщины, по обещанию, отдают свои тела мужчинам, не участвуя в этом душой. Браки кошек, собак и всех животных — в том же роде.

Итак, если сталкиваются, к несчастью, данное обещание и после возникшая любовь, то нужно следовать внушению любви и нарушить легкомысленно данное обещание. Конечно, это — несчастье и большая печаль для обеих сторон, но тем не менее нужно перенести это временное несчастье, а не нарушить Божий Закон и чрез то испортить свою жизнь временную, а может и вечную, да еще и не свою только, а своего потомства.

Прилагая это рассуждение к нашему обстоятельству — браку Сенума и Елены, последняя правильно поступила, отказавшись от прежде обещанного брака с твоим младшим братом (обращаясь к Надежде) и выйдя за Сенума, к которому повлекла ее любовь. Нехорошо она поступила только в том, что не сказала этого прямо, — что по любви выходит за Сенума, а приплела «ёоси», родителей и прочее. Но это до некоторой степени извиняется стыдливостью молодой девицы. Вы же теперь еще больше виноваты против нее вашими грубыми писаньями, названьями ее блудницей, ее мужа вором и прочее. Правы и семинаристы, возмущившись против ваших писаний, бесчестящих их коочёо; вот прочтите их письмо и посмотрите, что я надписал на нем на вашей статье...

В шесть часов была всенощная, которую пели причетники.

13 / 25 апреля 1898. Понедельник

С семи часов Литургия заупокойная, потом панихида; пели ту и другую оба хора; чашек с кутьей было на четыре столика и четыре классных

длинных стола из школы; христиан в Церкви много; стояли за панихидой с купленными свечами; поминовение имен было разделено между всеми дьяконами, на все эктении; таким образом каждое имя произнесено было вслух молившихся; священники же на возгласах громко произносили столько имен, сколько осталось от тайного чтения после диаконов тех списков, которые иподиакон Кавамура передавал им. После службы священнослужащие с христианами отправились на кладбища, распределив служение на два дня, так как сегодня за день не успеть. К сожалению, дождь, не переставая, идет все время: день и ночь.

Иван Акимович Сенума пришел и говорит:

— Ученики не перестают волноваться и хотят, чтобы публично нанесенное оскорбление коочёо Семинарии было публично и снято.

— Что ж, и в этом они правы. Только публичность не должна простираться дальше малого круга читателей «Уранисики». Напишите статью, исправляющую ложный взгляд на основание брака, заключающийся в № 65. (И продиктовал ему вышеизложенные мысли, вчера толкованные учительницам). Этого и довольно; статью поместить в следующем номере «Уранисики»; личных намеков в ней никаких не должно быть; тон — спокойный, учительный. Это и будет то, чего желают ученики, и что, действительно, хорошо сделать.

— Не поговорите ли сами с учениками, чтобы успокоить их?

— Довольно пока и вашего авторитета. Разъясните им все, что я сказал, и скажите, чтобы были благоразумны.

Секретарь Нумабе потом изумил меня известием, что, тогда как другие учительницы приняли вчерашнее мое вразумление, Надежда Такахаси, напротив, еще больше ожесточилась; упорно отстаивает свою статью (она под псевдонимом, но теперь выяснилось, что Надежда писала ее) и со злости и упорства слегла в постель. Нумабе, слыша все это от Анны — начальницы, сказал, как свое мнение, что, вероятно, Надежде придется оставить школу, если она противится в деле учения епископу. Вот уж неожиданность! Двенадцати лет взятая в школу и уже двенадцать лет служащая учительницею в ней; отказавшая многим женихам из желания посвятить себя на служение Богу; всегда примерная в поведении, очень любящая учениц и нежно заботящаяся о них; никогда дурного слова от меня не слышавшая, напротив, всегда уважаемая и приветствуемая, всегда ставимая в пример другим и служившая предметом похвалы и доброго слова пред русскими христианами; бывшая такою смиренницею, такою благочестивою, — эта девушка — ныне точно помешавшаяся от злобы к бывшей подруге — Елене, и от упорства в своей неправде! Думал я, что это — разлад их временный, легкий, — скоро все пройдет и станет по-прежнему; Анна-старуха говорила: «Предоставьте мне, — я помирю их, — не входите сами в это дело». Оказывается, что наше с ней знание людей — гроша не стоит! Век живи, век учись. Надежда Такахаси — новый вид, о который сокрушилась наша опытность и наша самоуверенность.

Посмотрим, что дальше с нею будет. Щадить ее постараемся всячески. Быть может, Господь и изженет из нее духа злобы и гордости.— Э-эх, и женский монастырь здесь нужен! Вот таких бы под начало строгим подвижницам, чтобы умертвить их ветхого человека, их собственную греховную волю. Мы-то сделали ли это? И как могли сделать? Учения ли им мало? Куда! На память все знают, и других учат, и поют,— вечно в устах их и в головах их, но — в волю-то не перешло, в поведении не испробовано и не осуществляется, оттого, как что-либо необычное,— какой-нибудь камешек на гладкой дотоле дороге их,— и спотыкаются, и падают, и в бессилии лежат и ноют, как теперь Надежда на своей постели.

14 / 26 апреля 1898. Вторник

Начались классы у учащихся, а у нас с Накаем исправление перевода Священного Писания.

Прочитано после обеда множество писем из провинциальных Церквей.

В Хамамацу доктор Моисей Оота отдал свой дом для церковного употребления, почему о. Матфей просит написать Моисею благодарственное письмо и послать большую икону для церковного дома.

Для Ханамаки о. Борис просит опять послать скорее Петра Ока (едва ли возможно).— Лука Хироока, катихизатор в Суцу, несправедливо обвиняется Елисеем Эндо в запущении церковного дома,— пишет о. Николай Сакурай; «Эндо — плохой христианин, уже известный своею неуживчивостью и дрязгами».—

В Одавара сто пятьдесят человек было на пасхальном богослужении, в Катаока сорок,— пишет о. Петр Кано (хорошо, если правда). И прочее, и прочее.

В школах от часу не легче. Утром Сенума пришел сказать, что семинаристы не успокаиваются, и показал их писание, требующее, чтобы он подал в отставку, если не будет Женскою школою восстановлена его честь. Я его прогнал, сказав внушить ученикам, чтобы они не мешали делу, что справедливое их желание защитить своего коочёо будет вполне удовлетворено. В Женскую школу послал, чрез Сергея Нумабе, ультиматум из двух пунктов: 1. Чтобы приняли мое внушение, сделанное им касательно основания брака; 2. Чтобы написали извинительное письмо Семинарии за оскорбление коочёо и его супруги. Нумабе трактовал там все утро и пришел после обеда с длиннейшими периодами, трехсаженными словами в них и неиссякаемыми «а-а» и молчаниями. Чрез десять минут мне надоело,— с первых же слов понял я, что ультиматум не принят, и я молча отправился к ящику и достал месячное жалованье Надежды Такахаси.

— Так Надежда не принимает моих наставлений?

— А-а, э-э...

— Говорите одним словом — «нет»?
— Да. Но, мол, вдруг не может, нужно подумать...
— Ладно. Извинения пред Семинариєю не делает?
— Но она говорит, что в статье не было имени коочёо и его жены.
— Вот жалованье ее за текущий месяц. Пусть оставит школу. Впрочем, если раскается после и сделает, что от нее требуют, может опять войти в школу.

— Но ведь нужно и жалованье Елисавете Котама, — она тоже не уступает ни в чем.

— Вот и ее жалованье. Пусть получают, дадут расписку и уйдут из школы. Трудно будет на первый раз без них, — они хорошие учительницы; но они — старые девы, — вот подняли какую сумятицу, — вперед не обещают быть лучше, — опасны для благоустройства и благоведения школы. Господь с ними! Пусть идут!

По отпуске Нумабе, мне, однако, стало жаль и их, и школы, в которой по учительству пока некому заменить их, и я, призвав опять Нумабе, смягчил ультиматум, отказавшись с своей стороны от непосредственного принятия ими объяснений (после, размягчившись, они, конечно, примут), и сказав, что для Семинарии достаточно будет, если они напишут, как уже проговорились, что «не имели в виду в статье лично Сенума и его жены, и что семинаристы ошибаются, если приняли статью на их счет». — Ложь будет самая наглая, но в чем люди не лгут, коли желают затереть свой поступок, еще более скверный, чем ложь? — Чтобы было дело верней, мы призвали Сенума и спросили у него, будет ли Семинария удовлетворена, если Надежда Такахаси откажется от смысла своей статьи, — «не имела-де в мыслях господина коочёо и его жены, а писала на воздух?» Он нашел, что этого будет достаточно; присовокупил только, что в письме должен быть помещен еще один пункт, именно что брак его не был незаконным в том смысле, что как будто бы отбивал невесту от Григория Такахаси, о чем всем уши просвищали обитательницы Женской школы, так что и семинаристы смущены до того, что сегодня он должен был просить своих товарищей и сватов Ивасава и Исигаме объяснять семинаристам, как состоялось его сватовство. С этими условиями, — но и с жалованьем за пазухой, — пошел опять Нумабе в Женскую школу и вернулся уже в восемь часов, когда я сидел за переводом; зашедши в мою комнату, чтобы взять ключ от своей, сказал только, что «завтра будет приготовлено письмо».

В двенадцать часов утра были сегодня добрые знакомые из Владивостока: полковник, инженер Василий Васильевич Иванов, строитель дока в Владивостоке, с женой Александрой Сергеевной, — справившие для Миссии митру № 1-й; едут совсем в Россию, чрез Америку; по обычаю, привезли ящик русских гостинцев. С ними «Черногорец» с женой, — писатель очень бойких статей в «Дальнем Востоке», — помещик, возвращающийся в Россию.

15 / 27 апреля 1898. Среда

Утром Надежда Такахаси принесла объяснение на два вышеозначенных пункта, написанное очень кратко, грубо и по лисичьи: «я-де не прямо указала в статье на Сенума», «толки о незаконности брака не из Женской школы вышли». Нумабе принес мне прочитать, когда я прогуливался у Собора; я сказал, что объяснение недостаточно; но что если в Семинарии удовлетворятся им, ладно, нет,— должно будет поправить его. Нумабе понес его к Сенума, который карандашом сделал исправление, впрочем, очень снисходительно: в первом пункте зачеркнул «прямо», во втором означил, что должно быть написано «толки о незаконии брака не имеют никакого отношения к Женской школе». Надежда Такахаси сделала эти исправления. И затем на сегодняшний день, кажется, этим кончилось. Что будет дальше, увидим.

О. архимандрит Сергей и о. Андроник вернулись из своей поездки в Оосака и Кёото. Нашли Церкви там в порядочном состоянии (лучше, чем Церковь в Канда). О. Андроник велел ремонтировать для себя комнаты в церковном доме в Оосака, и когда известят, что ремонт кончен, поедет туда на жительство. В Кёото купленное нами место, по отзыву о. Сергия, не хорошо для постройки на нем храма. Что ж, и еще можно купить, а это все-таки пригодится. В Оосака, по их соображению, теперь нужно только произвести ремонт церковных зданий, строить же храм рано. Ремонт должен быть основательный, в несколько сот ен. Но об этом нужно будет сообразить на месте. После Собора, во время каникул, мы отправимся туда все вместе и решим.

Из Коофу Иоанн Судзуки извещает, что слушают у него учение домов сорок (дай Бог, чтобы половина), что нанял квартиру за шесть ен в месяц; требует икону для нее и плату с двадцатого числа сего месяца. Завтра будет послано все.

16 / 28 апреля 1898. Четверг

Утром обычное дело исправления перевода Нового Завета. Дошли до слова «дух», труднейшее из слов во всем Новом Завете, и не знаешь, что делать; употребить ли старое, давно вышедшее из употребления начертание «син», которого не найти ни в каких лексиконах, кроме «коодзикзен»,— как советует Исайя Мидзусима; но это значило бы посадить мумию среди живых; сочинить ли новый иероглиф, как тоже советует Мидзусима, если первое не будет принято, но это значило бы посадить самодельную куклу среди живых. Кажется, самое лучшее — употребить тоже «син», но с кружком, который бы обозначал, что разумеется «дух» (син), а не Бог (ками).

После обеда мы с о. архимандритом Сергием были в Иокохаме и провели вечер в Hotel Wright у полковника Василия Васильевича Иванова и Александры Сергеевны, вместе с их спутниками — черногорцем Степаном Лукичем Иванович и его женой Надеждой Яковлевной. Александра Сергеевна пожертвовала в Собор две пелены своего вышиванья, которые мы употребим для аналоев.

Среди истинно добрых русских людей вечер провели очень приятно; только ехать туда и обратно было неладно — дождь все время.

17 / 29 апреля 1898. Пятница

В одиннадцать с половиною часов путешественный молебен в Соборе вышеозначенным четырем гостям, приехавшим для того. Служили мы соборне — отец архимандрит Сергей и я, с диаконом Кугимия и полным хором певчих. Потом предложили гостям завтрак японский, так как они вчера выражали желание отведать японской пищи, потом наш — постный (японский, впрочем, тоже был постный). Показали затем Семинарию, Женскую школу, библиотеку. Уходя Василий Васильевич и Александра Сергеевна дали на певчих пятьдесят ен и на Церковь пятьдесят. Я обещал эти деньги послать о. Феодору для доставления там, в Петербурге, Василию Васильевичу, вместе с двумястами десятью енами, пожертвованными им в прошлом году на заказ панагии для Миссии. Он спрашивал, что прислать из Петербурга? Пусть пришлет добрую панагию, в вечную память здесь себе и доброй его супруги. Пятьдесят ен я передал Обара и Надежде Такахаси для разделения всем в такой пропорции: часть каждому из певчих, учеников и учениц, две части — певчим учителям и учительницам, три части двум регентам — Обара и Кису (хор стоял, впрочем, вместе), иподиакону Кавамура и диакону Кугимия.

Был сборщик, какой-то сириец, по виду духовный; дал три доллара. Пришел во время нашего с гостями завтрака и ждал до конца. Следовало дать больше. Но после пришло на ум. Каково самому было собирать и ждать? Так же и всякому. Чего желаешь себе, делай другим.

18 / 30 апреля 1898. Суббота

Были другие сборщики, священник и причетник «из Месопотамии», — говорили. Получили восемь долларов; стали просить платые, — дали кое-что; угостили чаем и яичницей.

Был консул наш в Нагасаки, Василий Яковлевич Костылев; не видались мы с ним больше десяти лет; у обоих оказались лысины, и оба удивились постарелости друг друга; впрочем, весьма приятно было поговорить с старым знакомым, тем более, что он только что вернулся из Петербурга и рассказывал много нового.

Вновь привязалась небольшая простуда; к тому же и желудок вчера испортил смешением японских и русских кушаний; целый день не по

себе, хотя шли обычные занятия. Молодость,— где ты? На каждом шагу нужно беречься, чтобы не оступиться — то желудком, то головой, то и ногами, где сидит ревматизм. Все мельче и мельче море жизни. Берег недалеко!

19 апреля / 1 мая 1898. Воскресенье

В Иннай, в Акита, по письмам о. Павла Кагета и Ильи Накагава, положено основание Церкви: семь человек удостоено святого крещения; было гораздо более подготовленных, но бонзы или семьи желавших креститься помешали. Илья спрашивает, идти ли ему там еще на проповедь в город Масуда, куда зовут его? Конечно! В тех краях столько закоснелых еще в буддизме, нужно пользоваться всяким случаем к насаждению учения Христова. Завтра пошлетя ему помощь для сего, ибо пишет, что очень дорого жить в Масуда.

Был Кир Алексеевич Алексеев («Agent of the Imperial Russia Ministry of Finance», как значится на карточке), переведенный сюда на службу из Кореи в Японию, и его секретарь Степан Александрович Гарфильд. Алексеев передал поклон от Николая Павловича Забугина, который был в этих краях три года назад; оба рассказывали много интересного про Корею; например, что «в Корее первый мошенник (sic), окрадывающий государство, сам Король; бывает в восхищении, когда чиновник ловко украдет из казны». Когда Алексеев управлял там финансами и министрам нельзя стало красть, некоторые жаловались Королю на это, и он сам наставлял, как выманить у Алексеева деньги, и прочее. Есть в Корее между чиновниками и между купечеством партия за японцев; первым японцам нисколько не мешали красть,— это не касалось их интересов; вторые отлично торгуют с японцами. Торговлю у японцев никто там не может отбить, так как никто не может продавать так дешево, как японцы; например, сотня папирос в коробке стоит два сен.— Военные инструкторы наши там отлично образовали батальон гвардии; эти гвардейцы слезно рыдали, расставаясь с инструкторами, и просили только позволения, чтобы разнести всех противников русским. Впрочем, по следующему рассказу можно заключить, что инструкторы не без орудий дисциплины вводили там дисциплину: унтер-офицер один говорил: «Чудное дерево у корейцев есть, называется „бамбук“; кореец тебя им ударит,— ничего, ты его ударишь,— переломится».

20 апреля / 2 мая 1898. Понедельник

Болезнь наполовину мешала заниматься. И досада же! То же. К тому же погода убийственная: дождь, сырость и холод; за дверь выйти нельзя, отчего к расстройству желудка прибавилась головная боль.

22 апреля / 4 мая 1898. Среда

Прояснилась погода, наступает и выздоровление, слава Богу!

Учащиеся мужских школ отпросили рекреацию и пошли с флагом своим в Акасаки гулять на целый день; обед отправлен за ними; на кваси дал пять ен. Вечером все благополучно вернулись домой.

23 апреля / 5 мая 1898. Четверг

Погода тоже прекрасная; почти полное выздоровление. Женская школа сегодня имеет рекреацию. Полдня писал письма, полдня читал японские письма из разных Церквей. Из Вакаяма катихизатор Фома Танака в длиннейшем послании описывает свое публичное состязание с католическими катихизаторами — местным и выписанным для того нарочно из Кёото; хорошо отразил их и заставил замолчать; три наиболее усердные там наши христиане также пишут о сем — очень радостное письмо. Письмо Танака отдано в «Сейкё Симпо». — Певец Павел Оону-ма описывает все службы страстной и Пасхальной Седьмицы в Маебаси. О. Павел Морита достоин похвалы за свое усердие. На Пасхальном богослужении в Маебаси было двести тридцать пять человек. Вечернюю службу о. Морита ездил в Такасаки. — Из Кагосима тоже очень хорошее письмо: на Пасху было восемьдесят христиан в Церкви, — гораздо больше, чем в прошлом году. Вообще, в этом году Церкви оживленнее, чем в прошлом в это время.

24 апреля / 6 мая 1898. Пятница

До полдня и вечером писал в Россию, — новому сотруднику Миссии в Москве, Николаю Васильевичу Благоразумову, и прочим.

После полдня читал японские письма; из них замечательное — Фомы Такеока, катихизатора в Цуяма; описывает, как Иоанн Фукасе очень сильно захворал пред самой Пасхой, а жена его Ирина слегла, вернувшись после Пасхального богослужения; и оба в сильном жару, как пласт, пролежали, не могли ничего есть, сильно ослабели; но пожелали непременно исповедаться и приобщиться; дали телеграмму о сем о. Игнатию Мукояма; он прибыл девятнадцатого числа (Пасха была семнадцатого апреля); прямо к ним в дом, исповедал и причастил их, и тотчас же они почувствовали себя хорошо, приняли пищу, а двадцать первого числа оба уже занимались своими обычными делами, не переставая восхвалять Господа за чудное исцеление.

25 апреля / 7 мая 1898. Суббота

Утром был в Иокохаме по делам в банке, — пересылке денег в Владивосток на церковные свечи и прочее.

Сделал там визит нашему финансисту Киру Алексеевичу Алексееву, который уже нанял дом на Bluff, N. 166 и поместился там с секретарем и с дочерью, которую выписал к себе, спасая от гонений мачехи. Он — положительно феномен: может сказать на память всю финансовую роспись на год, может диктовать бумаги разом трем писцам, разговаривая в то же время с посторонним лицом, может на память играть на двух шахматных досках, нисколько не перепутывая ходов. В то же время человек очень симпатичный, увлекательный в разговоре, говорящий, как книга, откровенный.

Вернувшись домой, прочитал с Иваном Акимовичем Сенума составленную им статью для «Уранисики» в опровержение путаницы о браке в статье Надежды Такахаси. Призвал потом Павла Накаи и отдал статью для помещения в выходящем пятнадцатого числа номере, что он, прочитавши статью, беспрекословно обещался сделать.

На вопрос Ивану Акимовичу, исправно ли ходят учителя в класс? Не скрыл он, что Петр Исигаме часто запаздывает или совсем не приходит в последнее время. Посоветовал я «судить его судом товарищей-кандидатов и потребовать, чтобы он не бесчестил своей корпорации, исправно служил, если же не исправится, открыто сказать мне». Но едва ли сей человек долго прослужит, — нравственно, кажется, он опускается все ниже и ниже.

26 апреля / 8 мая 1898. Воскресенье

О. Фаддей Осозава, вернувшись из Тега, говорил, что крестил там пять человек.

О. Тит Комацу хвалит состояние Церкви в Комацу в Карасуяма, — крестил трех, и новые слушатели есть; просит письмом похвалить усердие «гиюю» — старшин Церкви. Сделано.

Илья Накагава, из Масуда, между прочим пишет: у ревностного слушателя Христова учения, Сато — чиновника, есть товарищ Абе, противник христианства; но сколько он ни спорил с Сато, не мог переспорить его касательно христианской веры; огорченный сим, Абе написал к своему приятелю Сато вежливое письмо, которым предлагает ни более ни менее, как кулачный бой в разрешении спора о христианстве. Новое явление!

О. Петр Кавано пишет: в Накацу теперь слушает наше учение бывший протестантский христианин-методист, бросивший христианство и сделавшийся буддистом и бонзою, бросивший сие звание и поступивший в юридическую школу, провалившийся здесь на экзамене, и ныне изучающий православие с целью, кажется, сделаться катихизатором; по крайней мере, о. Петр Кавано спрашивает, можно ли ему сие? Ответчено:

ни в каком случае! И в Церковь он может быть принят не иначе, как по двухлетнем испытании его искренности.

О. Андроник собрался, чтобы завтра отправиться в Оосака, на житие там. Помогите ему Бог! Я провожу его.

*27 апреля / 9 мая 1898. Понедельник.
На дороге в Оосака*

С поездом в двенадцать с половиною часов мы с о. Андроником отправились в Оосака,— он, чтобы поселиться там, я, чтобы распорядиться насчет ремонта церковного дома.

*28 апреля / 10 мая 1898. Вторник.
В Оосака*

Утром прибыли в Оосака. Призваны были мастеровые: штукатуры, кровельщики и плотник; показано им, что и как ремонтировать, и заключены условия: с плотником на четыреста четырнадцать ен, кровельщиком на девяносто восемь с половиною ен, штукатуром на пятьдесят восемь ен.— Две комнаты для о. Андроника оказались довольно чистенько приготовленными. Приняты меры поскорей найти для него учителя и повара-слугу.

*29 апреля / 11 мая 1898. Среда.
Из Оосака в Кёото и Нагоя*

Утром я отправился из Оосака. В Кёото на станции встретил о. Симеон Мии, с которым прибыли в церковный дом. В первый раз я видел наше церковное место, купленное в прошлом году. Оно хорошо; недалеко от Дворца; на спокойной улице; жаль, что мало и узко. Японский дом на нем — хоть куда; наверху — место для богослужений, внизу помещается о. Симеон Мии с семьей. Но Церковь в Кёото совсем обескуражила меня: у катихизатора слушателя два-три, да и те ненадежные; о. Симеон проповедию не занимается, да и не считает себя, кажется, обязанным к тому; словом, почти полное ничтожество. А письма пишет о. Мии такие хорошие, и думал я, что елейный и благодарный он и на деле! — Как поднять Церковь? Одно средство: поселиться здесь о. Архимандриту Сергию, и когда не путешествует по Церквам (каковая деятельность предположена для него), — трудиться для Церкви в Кёото.— Угощенный матушкою Харитою Анатольевной Мии обедом, в первом часу я отправился из Кёото и пред заходом солнца прибыл в Нагоя. На станции встретили катихизатор Петр Сибаяма, староста Илья Миясита и немало христиан. Прибыли в церковный дом. Место, купленное христианами,—

немного в сторону от довольно людной улицы. Построили они уже на нем церковный дом, — временный, как говорят они, — ибо намерены строить настоящую Церковь, но в сорок цубо; половина дома для общественного употребления и собрания христиан, половина для обитания катихизатора с семьей. Устроен и маленький алтарь, и все так чисто, порядочно; я очень был обрадован. Держал речь к христианам, чтобы продолжили усердие, поскорей выплатили церковный дом, в который вошли покупкой и постройкой: тысяча шестьсот ен. Чтобы не показаться проповедующим только устами, тут же предложил пожертвование от себя, в уплату долга, сто ен, или — ежемесячную уплату платимого ими процента за долг: шестнадцать ен; пусть изберут, что лучше для них, и я или тотчас вышлю сто ен, или ежемесячно стану высылать шестнадцать ен, только пусть поскорей поусердствуют очистить свой долг.

В девятом часу христиане проводили меня на станцию железной дороги.

*30 апреля / 12 мая 1898. Четверг.
В Тоносава и Токио*

Утром заехал в Тоносава, чтобы поговорить с плотником о перестройке молитвенного дома здесь, построенного о. Владимиром и очень обветшавшего. Застал здесь, за пристройкой для ученической, во время каникул, кухни, именно того плотника, которого хотел видеть, участвовавшего когда-то в постройке о. Владимира; условился с ним на триста двадцать ен за перестройку.

Вечером прибыл домой в Токио. О. архимандрит Сергей с первого же слова согласился поселиться в Кёото для оживления церковного дела там.

*1 / 13 мая 1898. Пятница.
В Токио*

Заняты были мы с о. архимандритом Сергием составлением планов: временного церковного дома в Кёото и дома для миссионера там же, на церковной земле. Первый составили скоро, второй еще не готов, — трудится над ним и до сих пор (десятый час вечера) о. Сергей.

Роман Фукуи, катихизатор в Уцуномия, приходил, — во-первых, чтобы сказать, что в Макабе, провинции Мито, совсем не такое хорошее место для проповеди, как представлялось сначала, что Исикава, звавший проповедника, оказывается ищущим только пользы мира сего; во-вторых, чтобы представить просьбу о. Тита Комацу — заплатить его долги — сто пятьдесят ен. На первое отвечено: пусть Фукуи вперед и не ходит в Макабе, если не будут оттуда призывать, на второе, что Миссия

долги о. Тита уплатить не может; послал я лично от себя о. Титу десять ен и совет получше управлять домом, ибо получает в месяц тридцать ен — вполне достаточно для его семьи, если разумно распорядиться.

2 / 14 мая 1898. Суббота

Иоанн Судзуки из Коофу пишет, что католический епископ вызывал тамошнего патера в Токио, после чего началось деятельное старание возратить уходящих от них католиков. «Что ж? Они полено дров в огонь, мы другое», заключает Судзуки это известие и прибавляет, что «дело становится занимательным».

О. Иоанн Катакура извещает, что уволил со службы катихизатора в Ямада Якова Яманоуци: под суд попал он; торговал на имя жены, взял большое количество материй на кредит; но приглашенный им в компаньоны Яков Юза, из Санума, к несчастью, поставил своим приказчиком (банто) сына своего, который прокутил товар. Если Яманоуци хорошо выйдет из-под суда, то опять может поступить на службу; ныне же не оставить его, было бы нехорошо для репутации Церкви; он и сам подал прошение о временной отставке (киусёку). Христиане прислали прошение дать им другого катихизатора; но до Собора — некого. Находящиеся там: Симон Тоокайрин (бывший катихизатор) и Феодор Минато (бывший учитель пения) пусть отправляют общественные молитвословия.

В Санума окончили постройкой и освятили церковный дом, рисунок которого приложен к письму. Видно усердие христиан. Письмо отдано в «Сейкёо Симпо».

Илья Накагава пишет, что «чиновник Сайто, в Масуда, очень просит крещения, но так как для одного его нельзя вызвать священника из большой дали, то предложено ему удовольствоваться пока оглашением». И спрашивает Илья, «может ли он преподавать ему оглашение?» Если может, то «пришлите крестик», и прочее. Пусть преподает. Посланы крестик, молитвенник и небольшая икона в нем.

Составленные нами с о. архимандритом Сергием проекты церковного дома и дома для миссионера в Кёото переданы плотнику Василию Окамото для подробного начерчения планов постройки.

3 / 15 мая 1898. Воскресенье

После Литургии христиане прихода Ситая снимались фотографической группой во дворе Семинарии; попросили и нас с о. архимандритом Сергием участвовать. Потом фотограф-сосед просил меня сняться, — спрашивают-де карточку; кстати, и у меня многие спрашивают, пошел к нему и снялся.

Христиане-ревнители просят о. архимандрита Сергия «поднять Церковь,— в упадке-де она»; жалуются на о. Семена Юкава и о. Фаддея Осозава; советуют «почаще менять священников» и так далее. Это так называемые «нытики», тоску наводящие, но дело не подвигающие.

4 / 16 мая 1898. Понедельник

Написал Высокопреосвященному Владимиру, митрополиту Московскому, приветствие с поступлением на Московскую кафедру и просил той же помощи Миссии, какую оказывали его предшественники.— Послал о. Феодору Быстрову доверенность на получение денег и выдачи их полковнику Василию Васильевичу Иванову на заказ панагии (деньги — бывшее пожертвование здесь его же, Василия Васильевича Иванова).— Написал о. архимандриту Иннокентию в Пекин приглашение к нам на Собор, с двадцать девятого июня.

О. архимандрит Сергей посещал сегодня христианские дома в Асакуса с катехизатором Мануилом Китамура. Некоторых христиан хвалит; иконы во всех домах есть; посетил четырнадцать домов.

5 / 17 мая 1898. Вторник

О. Андроник прислал из Оосака первое письмо. Опечалило его, что христиане невнимательно отнеслись к его поселению там: на первое его богослужение, в воскресенье, собралось всего пятнадцать человек, но в то же время он находит в этом нерадостном начале предвестие радостного будущего: энергию прямо это будит,— все силы поднимает на борьбу, тогда как «приятное на первых порах» может усыпить. Таковы его мысли. Видно, что человек с энергией. Благослови его Бог на доброе начинание и большие успехи!

6 / 18 мая 1898. Среда

По случаю сегодняшнего праздника Рождения нашего Государя Императора, мы с о. архимандритом Сергием ездили в Посольство на служение молебна (к чему приглашал вчера приезжавший посланник), потом завтракали там.

— Ужели вы здесь посты храните? — спросил умный финансист Алексеев, когда мы сели за стол.

— Нам здесь не дано право отменять уставы Вселенской Церкви,— ответил я.

Но, увы! Светское общество совсем попрало эти уставы! Странно и мучительно видеть, как нам, духовным, подают одно блюдо, светским другое...

7 / 19 мая 1898. Четверг

Из семинаристов: Яков Накакоодзи, слабый и больной, отправился для поправления в Тonosава — хворый сын хворого отца-католического проповедника; Георгий Ногива совсем отправился домой, и сказано ему, чтобы не приходил больше в Семинарию; и в прошлом году наполовину болел, и в нынешнем тоже — чахоточный. — Из католических Мануил Китакура ушел со службы; в торговлю пустился — мебель поставляет на железную дорогу. Жаль, умный был, но семейные обстоятельства его таковы, что, пожалуй, лучше, что ушел со службы: мать гонит жену и не позволяет ей жить с мужем, а он такой молодой — долго ли до греха!

8 / 20 мая 1898. Пятница

Вчера один семинарист, Лин Юмура, приходил рассказать, что жена его брата была при смерти, — врачи отказались лечить ее; брат призвал католического, в Токио, Павла Кацумато и попросил окрестить ее; за священником посылать было далеко; по случаю смертной опасности, католический преподавал ей святое крещение, думая вслед за тем похоронить ее по-христиански. Но, вопреки ожиданию всех, она после таинства тотчас же почувствовала себя лучше, а чрез неделю совсем была здорова, к изумлению лечивших ее врачей. И муж, и она приняли это за чудо благодати Божией и просят воздать благодарение Господу. Я дал Лину иконку, крестик и молитвенник для посылки его сестре и обещал помянуть ее на проскомидии в следующую Литургию.

Подобное же чудо, хоть с другим окончанием, рассказал сегодня о. архимандрит Сергей, по возвращении из города. Посещал он с о. Семионом Юкава прихожан Церкви в Асакуса. В первом же доме случилось ему быть свидетелем христианской кончины одной старушки. Очень она мучилась в болезни, но как только приобщилась святыми таинствами несколько дней тому назад, тотчас же как рукой сняло ее страдания, — она больше не имела их. Сегодня о. Семен преподавал ей таинство Елеосвящения, и она мирно почилла, без всякого признака на каких-либо предсмертных туг; ожидала она посещения о. Сергея, но уже отходила, когда он пришел, покойно сложив руки на груди. Отцы Сергей и Симеон приняли ее последний вздох и отслужили литию за упокой ее души.

По случаю завтрашнего праздника, была всенощная. Служил о. Роман Цива с диаконом Кугимия. Пели оба хора.

9 / 21 мая 1898. Суббота**Святителя Николая Чудотворца**

С семи часов Литургия, которую служили со мной: о. архимандрит Сергей и три японских священника. По молебне — многолетие, в первый

раз здесь провозглашенное Святейшему Синоду и Епископу.— Чай — для иподиаконов и причетников; завтрак для священников и диаконов.— Поздравления членов Посольства и прочих русских. Маденокодзи и прочих. Так до всенощной.

10 / 22 мая 1898. Воскресенье

После Литургии был Родион Яманобе, когда-то катихизатор, ныне довольно богатый человек — по собственному сознанию — на Эзо, дочь которого, Вера, взятая на воспитание бывшим здесь миссионером о. Арсением, ныне здесь в Женской школе, однако на церковном содержании.

В двенадцать часов завтрак вчерашним поздравителям меня с Ангелом, наставником Семинарии, кандидатом, и прочих,— всего, со мною, четырнадцать человек. В середине завтрака мы с о. Сергием, по просьбе о. Семена Юкава, вышли минут на десять, чтобы сняться в группе с христианами из Ситая.

О. Петр Кавано пишет, что катихизатор в Карацу, Симеон Оото, ушел в Нагасаки самопроизвольно проводить кого-то в Америку и там захворал. Христиане Карацу просят убрать его оттуда, ибо от него не польза, а вред Церкви. О. Петр просит денег для него на дорогу из Янагава в Токио; и как заявится он в Янагава, отправлен будет сюда. Завтра дорожные пошлются. По прибытии же сюда он будет отправлен домой, в Мито, и исключен из числа катихизаторов, ибо до сих пор ни на йоту пользы не принес своей службой, только трата на его содержание.

11 / 23 мая 1898. Понедельник

Василий Ивама, катихизатор в Такасимидзу, просит дать на дорогу в Камаиси денег его племяннику, мальчику в Семинарии, которого родители погибли от наводнения в запрошлом году; «родные-де будут справлять там поминки по погибшим, так и ему нужно быть там». Но зачем же? Он может отслужить панихиду по родителям и здесь. Отрывать ученика от занятий, да еще в самое важное для него время, когда он готовится к экзаменам,— не дело. Впрочем, пусть делают это родные, если непременно хотят; но денег на дорогу я не дам; пусть сами дают, коли богаты.

Вечером сегодня и занятия по переводу не было; Накаи не пришел; значит запоздал вернуться от Фукуба, придворного поэта, к которому отправился переговорить и условиться, когда я могу преподавать ему христианское учение, слушать которое он, по-видимому, желает.

12 / 24 мая 1898. Вторник

Павел Накаи, пришедши сегодня утром, рассказал о вчерашнем свидании с Фукуба. Известие не особенно приятное.— Желает Фукуба

встретиться со мною у Моисея Хамаю. Я отказался. Хамаю не живет по-христиански, — держит любовницу; быть мне у него было бы безмолвным снисхождением к его дурному поведению, было бы соблазном для других и для самого же Фукуба. — Желает Фукуба узнать христианство только потому, что считает его полезным для государства; ни малейшего побуждения слушать учение для пользы души. Я отказался и видаться с ним для того: ни малейшей пользы ни ему, ни Церкви, — только трата времени и слов, как я знаю по сотням примеров! А советовал Накаю предварительно убедить Фукуба слушать учение, как спасительное для души; пусть Накай введет к Фукуба и о. Павла Савабе (который принимает участие в сем деле) и пусть оба подготовят почву для сеяния Слова Божия. Накай согласился. Увидим, что Бог даст дальше.

[Пропуск в оригинале]

17 / 29 мая 1898. Воскресенье

После обедни были у меня Иоанн и Ирина Фукасе, из Цуяма. Ирина в благодарном чувстве за недавнее исцеление ее от болезни купила на-престольное Евангелие для Церкви в Цуяма. Иоанну я сказал понаведываться, нельзя ли прикупить к церковному месту в Кёото, с той или другой стороны, от соседей, ибо наше довольно узко для постройки на нем Церкви; теперь, конечно, и его достаточно, но лет чрез пять, вероятно, Бог даст подумать о постройке настоящего христианского храма; к тому бы времени и совершить сделку.

Были еще два русские техника, возвращающиеся из Манчжурии, с работ по железнодорожным разведкам, в Россию: Петр Фаддеевич Лобза, смоленский родом, и Виктор Васильевич Сысоев, тверяк; позавтракали с нами, осмотрели школы, говорили много, что в Манчжурию нужны теперь миссионеры, — христианства там желают. Я советовал им представить об этом Миссионерскому обществу в Москве.

Была Евфросиния Оота, дочь Моисея Оота, врача в Хамамацу. Церковь в Хамамацу в застое, ибо катихизаторы часто меняются; теперешний — Хисимото — по молодости не в состоянии поднять ее. — Дай Бог на грядущем соборе выгадать хорошего катихизатора для Хамамацу! При усердии Моисея Оота там можно надеяться на успех.

18 / 30 мая 1898. Понедельник

Из Оцу, в Мито, в продолжение месяца вот уже второй раз требуют отсюда причетника для отпевания умершего; в первый раз требовали и священника, хотя свой, о. Тит Комацу, есть; но отозвался он тогда, что свадьбу нужно венчать, поэтому не может отправиться на отпевание в

Оцу; теперь идет, но певца и гробный покров оттуда требуют.— Не пора ли установить, чтобы каждый священник имел при себе причетника-певца? Внушал я священникам требовать отсюда для своих Церквей постоянного причетника — учителя пения,— «для того-де и Причетническая школа здесь существует»; но поставлял в обязанность священникам снискивать содержание для причетников местное. Куда! Никогда не было исполнено это! Если иногда и брались исполнять, то вскорости же отказывались, готовые уморить голодом несчастного певца.— Нечего делать — нужно и для причетников установить содержание от Миссии и приставить по одному к каждому священнику, с поставлением в обязанность причетникам учить пению во всех Церквах, подведомых священникам, при которых они состоят. Тогда и требования вроде нынешних из Оцу перестанут повторяться.

19 / 31 мая 1898. Вторник

О. Тит Комацу пишет, советует «не делать в нынешнем году Собор, ибо-де на нем непременно произойдут беспорядки; с начала существования Японии до сего времени никогда не было такой дороговизны на все, как ныне; катихизаторам жить трудно на их маленькое жалованье; на Соборе запросят прибавки „немирные“ (фухей-но моно) наговорят грубостей. Итак, лучше ограничиться ныне совещанием с теми священнослужителями только, которые в Токио, и написать окружное письмо к христианам, чтобы помогали своим катихизаторам; мы же (священники) постараемся, чтобы письмо произвело действие». Совет добрый и от доброго сердца; но едва ли можно воспользоваться им. Я и прежде думал об этом; думал даже разделить две тысячи ен, которые уйдут на Собор между катихизаторами, как единовременное пособие; но пособие сие было бы водой, брызнутой на раскаленный камень, а Собор ныне действительно нужен,— преимущественно для того, чтобы дать о. архимандриту Сергию и о. Андронику случай несколько познакомиться с служащими Церкви, равно как последним случай познакомиться с ними. Что до «прибавки», то сделано будет все, что возможно (и что давно уже положено у меня на сердце); затем: «Мало? Церковь не может дать больше, ищите светской службы»...

20 мая / 1 июня 1898. Среда

Иоанн Судзуки [пишет] из Коофу, что из католиков, просящихся в православие, только Нитта, Найто и Мацуда знают христианское учение, но бросают католичество не для истины, а для личных побуждений, не имеющих ничего общего с исканием истины; прочие все почти ничего не понимают в христианском учении и для них вопрос об истинности

того или другого учения безразличен. Стараются ныне Судзуки уяснить им христианские догматы; но народ — они, черным трудом добывающие себе пропитание, целую неделю заняты; только по воскресеньям имеет он возможность побеседовать с ними. Итак, на многое рассчитывать нельзя. Но человек семь думает приготовить к крещению до собора, — из язычников и нескольких католиков ко вступлению в Церковь из просящихся. — Ответил я ему, чрез о. Феодора Мидзуно (к которому было письмо его): пусть трудится, но не решает непременно до Собора крестить и присоединить; со всею тщательностью должны быть приготовлены первоначально вступающие в Церковь, чтобы было положено прочное основание Церкви в Коофу.

Пишет еще Судзуки, что католические катихизаторы в Коофу с ног сбились, хлопоча об удержании уходящих от них, а патер-француз захворал и уехал на воды лечиться. Пусть бы удержали и успокоились.

21 мая / 2 июня 1898. Четверг

Протестантская миссионерка Престон, из Коофу, в Яманаси кен, пишет: «Так как употребление в причащении вина может порождать у причащающихся склонность к пьянству, то нужно причащать виноградным соком»; и предлагает покупать оный по тридцать копеек бутылка. Титотализм, доведенный до нелепости и кощунства. Напоминает того благочестивого пастора, который предлагал совершать евхаристию на чае, так как-де если бы Иисус Христос явился в Китае, то он непременно установил бы причащение на чае.

О. Петр Кано пишет, что пять человек крестил, наставленных в вере им самим; надеется и еще человек семь приготовить ко времени собора; про катихизатора же Сато пишет, что он совсем сделался его врагом; впрочем, из вражеского стана некоторые перешли к нему, о. Петру. Успокоительного мало!

22 мая / 3 июня 1898. Пятница

Василий Окамото, плотник, принес заказанные ему планы; временной Церкви и миссионерского дома в Кёото. Но раздумье берет: на что строить миссийский дом, если о. архимандрит Сергей будет — или путешествовать по Церквам, или (в зимнее время) жить в Токио? На что молитвенный дом, если христиане не наполняют и половину того помещения, которое отведено ныне для Церкви в существующем на церковной земле японском доме?

23 мая / 4 июня 1898. Суббота

После обедни сегодня утром следовало служить Вселенскую панихиду; но было всего две кутьи и почти никого христиан в Церкви. Священник

отслужил простую панихиду. Не знают еще христиане, — внушить им нужно, а после внушения ходить в Церковь привыкнуть им нужно.

Вот и на всенощной, пред таким торжественным праздником, как Сошествие Святого Духа, христиан, кроме учащих, совсем мало было, особенно мужчин, — почти никого.

Господи, скоро ли образуется здесь хоть подобие истинной Христовой Церкви?

Утром, один за другим, были два чиновника-христианина, — из Исиномаки и из Тооно; первый женат на дочери катихизатора Спиридона Оосима, выпускной из здешней школы; оба, видимо, порядочные христиане; благословил их иконками — для них и их жен и детей — и книжками.

24 мая / 5 июня 1898. Воскресенье.

Праздник Сошествия Святого Духа

Начиная с ночи и во весь день проливной дождь. Потому в Церкви христиан было мало, язычников никого. Богослужение было очень торжественное. Пред Литургией крещены два взрослых и два младенца, один из коих — дочь профессора Емильяна Хигуци.

После обедни был у меня Иоанн Фукасе и рассказал, что несколько дней назад ехали они с Ириной на ранний поезд, чтобы отправиться в Цуяма, и пред самым вокзалом дзинрикия вывалил Ирину наземь, стукнувшись о которую она не могла встать, почему и отвезена в госпиталь: перелома бедра, кажется нет у нее, но боль в ноге до сих пор не позволяет встать, почему и он Иоанн, ныне еще здесь, ожидая поправления жены. Испытание им: лишь только видели над собою в Цуяма проявление благодати Божией во внезапном исцелении Ирины после приобщения Святых таин, как ныне опять болезнь. Я убеждал его смотреть на это как на испытание их веры и случай укрепить и закалить ее.

Вечернее богослужение совершил о. Роман. В Соборе, кроме учащих, никого не было, ибо дождь — как из ведра. По собору разостланы тряпки и промасленная бумага: купол местях в двадцати протек, особенно с восточной стороны, откуда к вечеру поднялся ветер.

25 мая / 6 июня 1898. Понедельник.

День Святой Троицы

Литургия с восьми часов; служил о. архимандрит Сергей с тремя японскими священниками.

Сегодня еще русский гражданский праздник — Рождение Государыни, но посланник болен и со всей семьей на даче, и потому мы с о. архимандритом на Царский молебен не ездили в Посольство.

День, в противоположность вчерашнему, был чудно хороший.

Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, заранее просится в другое место, чтобы на Соборе-де был назначен к переводу, — по преимуществу хочет в Оосака, ибо жена больна, а там есть у кого лечиться. Но он восемь лет в Вакаяма, христиане его любят; и потому перевести его, не спрашивая их, было бы крайним для них огорчением. Потому отвечено Фоме: пусть наперед переговорит с христианами, убедит их, что ему нужно перейти оттуда, и пусть христиане напишут Собору, что они не удерживают Фому Танака, а просят другого хорошего катихизатора взамен его.

Архитектор Кондер пишет, — просит дозволения явиться вместе с американским епископом MacKim'ом, чтобы показать ему нашу вновь отстроенную Семинарию, — MacKim-де хочет, чтобы он, Кондер, построил ему нечто в подобном роде (something of the same kind). Отвечено, что я буду рад видеть его и MacKim'a с сим намерением. —

26 мая / 7 июня 1898. Вторник

Семинаристы, после двенадцати часов, пожелали отслужить панихиду по умершем год тому назад товарище Николае Такахаси; кстати, вспомнили и других умерших товарищей (а их немало, ибо поступают к нам в школу больше люди с изьяном; приготовили четыре кутьи; о. Феодор Мидзуно отслужил им; я, узнавши от кочёо о панихиде, пошел помолиться вместе с ними; но пели так плохо, что я должен был, по окончании, заметить, чтобы вперед готовились дома к служению при подобных обстоятельствах.

27 мая / 8 июня 1898. Среда

Утром были два американских бишопа: McKim, Тоокейский, Graves, Шанхайский, едущий в Америку на епископальный митинг. Их сопровождал архитектор Кондер. Я показал им нашу Семинарию, по образцу которой Макким хочет выстроить для своей Миссии в Цукидзи. Потом показал Библиотеку и Собор. Макким пожелал узнать наши правила о браке: «готовимся-де издать для своих христиан брачные установления, так для соображения»; я ему дал для сведений о сем наше церковное законоведение, переведенное на японский (хоогаку); послал также церковный обиход, который он, увидев в библиотеке, пожелал иметь. Bishop Graves был у меня с визитом семнадцать лет тому назад, будучи тогда еще простым миссионером, направлявшимся в Китай, о чем сегодня и вспоминал.

28 мая / 9 июня 1898. Четверг

Иоанн Судзуки, из Коофу, описывает подробно состояние дела там: из католиков, просившихся в православие, едва в шести домах есть

нечто надежное; из язычников, участвовавших в их просьбе, только один дом несколько надежен. Судзуки, видимо, упал духом, просит туда о. Феодора Мидзуно, который и отправится, но не принимать в православие и не крестить, как ждет Судзуки, а помочь ему в проповеди. Надежда на основание Церкви там очень слабая.

29 мая / 10 июня 1898. Пятница

О. Андроник описывает свое богослужение в Духов День в Кобе и посещение Церковей в Акаси, Какогава и Химедзи. Грусть навело письмо. В Какогава, когда я посещал Церковь в 1882 году, при катихизаторе Павле Накаи, нынешнем моем сотруднике в переводе, было семь христианских домов; ныне только девять и три дома совсем охладевших к Церкви; а катихизатор непрерывно все эти годы был там. Но что поделаешь с такими духовными мертвецами, как нынешний катихизатор там — Яков Адаци? — Отличился и наш консул в Кобе Федор Васильев; по приглашению о. Андроника (который, вероятно, простодушно принял их слова «когда, мол, служба будет у вас, дайте знать нам») был он с женой на всенощной, «но стоял совсем небрежно, как бы стыдясь своей ошибки, что пошел в Церковь», а на завтра, за завтраком, к которому пригласил о. Андроника, предложил ему вопрос: «Вчера бывшие в Церкви все получают ен по восемь?».— «От кого?» — (спросил о. Андроник).— «Да разумеется, от епископа Николая»... «После завтрака я попросился уехать: душно было оставаться в этой предубежденной и не желающей слушать и вникать среде. Вот они, наши-то интеллигенты», и так далее, — пишет о. Андроник. Там еще случился, вместе с ним за завтраком, Хакодатский консул Устинов, возвращающийся с семьей из Нагасаки; человек, который «сразу же сообщил, что не любит японцев»... Что «поторопился уехать» от «наших интеллигентов», — это очень рекомендует о. Андроника, равно как все письмо его заставляет только благодарить Бога, что попал сюда, наконец, такой человек!

Катихизатор Василий Сугаи телеграммой известил, что умерла его жена, и просил помощи на погребение. Послано десять ен. Покойница была полусумасшедшая и немало причиняла огорчений мужу, хотя и родила ему детей. Упокой, Господи, ее душу!

30 мая / 11 июня 1898. Суббота

Утром послал десять ен — содержание за шестой месяц — причетнику Марку Райкубо и написал, что это -- последнее, — больше посылать не буду, если не явится на службу; почти целый год живет дома, чтобы ухаживать за больным отцом; но это может делать его мать; во всяком случае, церковные деньги на содержание служащим Церкви...

Что за инвалидный сброд в наших мужских школах! Некоторые отправились по домам для излечения болезней, некоторые живут в Тоносава для того же; один здесь в госпитале — у доктора Сато — выдержал трудную операцию, другой — завтра ляжет в университетский госпиталь для трудной операции; иные сидят здесь на молоке по слабости, и прочее, и прочее. Господи, скоро ли Ты дашь добрую Семинарию Миссии для воспитания Тебе служащих?

31 мая / 12 июня 1898. Воскресенье

Пред Литургией о. Симеон Юкава преподавал Святое Крещение двум женщинам и двум младенцам из города Оояма, научения катихизатора Павла Соно, о котором я думал, когда он был в школе, что ни к чему не будет годен; оказывается усердным катихизатором. Не угадаешь человека, особенно в его отношении к Богу.

После Литургии была Лидия Оота с своим мужем, протестантским катихизатором, служащим у американского епископа Мас'Кип'а; принес он мне поклон от Маккима и Новый Завет от епископа Шершевского, его перевода. Сей последний по происхождению русский еврей, по вере епископал-протестант, китайский миссионер, в каком-то качестве посетил меня двадцать пять лет тому назад здесь, на Суругадае, — епископ в Шанхае, за болезнью потом живший на покое и занимавшийся переводом Священного Писания на китайский; чтобы напечатать перевод, он прибыл в Токио, и ныне Новый Завет отпечатан, Ветхий печатается. Я очень обрадовался получению сего подарка. Вероятно, будет полезен нам при нашем переводе.

Был некто Елисей Ёсида, военный инженер-архитектор, возводивший военные постройки в Вейхавее, ныне, по сдаче сего порта англичанам, вернувшийся в числе прочей военной команды оттуда и опять занявший свой прежний служебный пост воинского архитектора в Хоккайдо; ныне он в Токио для отчетов по своей части. Родом он из Акита, земляк Саваде, отчего и роста почти такого, как я; давно переселился в Хоккайдо, где в Саппоро — место жительства его семьи; он был строителем и нашего церковного дома в Саппоро. Человек очень простодушный и симпатичный; кажется, и христианин хороший.

1 / 13 июня 1898. Понедельник

О. Феодор Мидзуно отправился в Коофу помочь Иоанну Судзуки по проповеди; взял с собою облачение, чтобы совершать богослужения; но крестить или принимать кого-либо в православие пока еще не будет, хотя бы просились.

Фома Такеока, катихизатор в Цуяма, прислал огромное письмо, в начале которого говорит: «Исцеление Ирины Фукасе было здесь чудесным явлением помощи Божией; но и еще есть не менее явное обнаружение благодатной силы Божией». И описывает обращение ко Христу и блаженную кончину одного старика, бывшего гонителя своих родных, принявших христианство. Письмо, видимо, предназначено для «Сейкёо Симпо»; туда и отослано.

В Соброе спущены большое и три малых паникадила для чистки их. Три года тому назад чищены и очень почернели. Чистка сдана одному сих дел мастеру; за большое паникадило шестнадцать ен, за малые по семь ен, за двадцать подсвечников (в том числе три седьмисвечника, что за престолами) по две ены тридцать сен. Чистить самим дешевле стало бы, но немало было бы и порчи от неопытности, или небрежения и потери винтов, которых не перечесть, и тому подобно.— Для спуска большого паникадила были устроены небольшие леса, три малые спущены при помощи лестницы.

2 / 14 июня 1898. Вторник

Утром, за переводом, Павел Накаи опечалил рассказом, что здесь, в приходе Канда, прилегающем к Миссии, один бедный христианин, восьмидесятилетний старик, от неимения чем жить бросился в реку; вытащен был, но после того все-таки исчез, и с месяц об нем ни слуху, ни духу; вероятно, опять бросился в воду и погиб. Ни о. Павел Сато, ни катихизатор Симеон Томии не заботятся о своем приходе — до такой степени! Мать Павла Накаи посетила это семейство, живущее в крайней бедности, и рассказала об этом. И меня совесть сильно корит за недосмотр!

После полдня посетил посланника Розена, лежащего в кресле от болезни седалищного нерва; может поднять только с помощью костылей; чувствует непрерывную боль,— следствие инфлюенции, которой только что был болен и лечением которой пренебрег. Ныне лечит его доктор Бельц.

Был Иоанн Хитоми, в 1887 году бежавший из здешней Причетнической школы в Америку,— без копейки денег, понадеясь на графиню Ольгу Евфимовну Путятину, которая и покрыла его, когда он оказался на судне без билета (хотя и роптала она потом на эту японскую бесцеремонность). Семь лет служил в одном доме, в Сан-Франциско, слугой; скопил денег и начал маленькую торговлю в Чикаго, которую и продолжает пятый год; имеет ныне в лавке японского товара на пять тысяч. Приехал сюда за новыми покупками для своей торговли. Завел, кроме того, мастерскую плетеной бамбуковой мебели. Словом, поднялся на

ноги человек,— и дай Бог ему! Снабдил японскими христианскими книгами, молитвенником и иконками.

3 / 15 июня 1898. Среда

В половину Церквей разослано содержание за седьмой месяц.— Мы с о. архимандритом Сергием приготовились завтра отправиться в Хакодате, чтобы узнать, может ли там остаться священником о. Петр Ямагаке, или нужно другого туда.

От о. Андроника опять очень хорошее письмо. Эх, если бы этот человек не охладел да прослужил бы здесь лет сорок,— вот это точно был бы апостол Японии!

4 / 16 июня 1898. Четверг.

На дороге в Хакодате

В семь часов утра отправились из станции в Уено с сквозным поездом вплоть до Аомори. В вагоне первого класса к вечеру остался один пассажир, назвавшийся Ямагаке, купец из Неморо, родом из Хирадо, на юге; разговорились с ним; звал к себе, когда случится быть в Неморо, где у него младший брат содержит гостиницу; говорили о вере, но — из желающих христианства для пользы государства.

5 / 17 июня 1898. Пятница.

На дороге и в Хакодате

В восемь с половиною часов утра прибыли в Аомори; на станции встретил катихизатор Симеон Мацубара с одним христианином — портным Павлом. Так как в десять часов должен был сняться пароход в Хакодате, то в церковный дом, отстоящий далеко от пристани, некогда было идти, а зашли в гостиницу, пообедали все четверо японским обедом и отправились мы с о. архимандритом на пароход, обещавшись Симеону посетить его на обратном пути.

В четвертом часу пополудни стали на якорь в Хакодате. О. Петр Ямагаки с христианами приняли нас с парохода на лодку; много других христиан и детей с цветами встретили на пристани. Все собрались в Церковь; о. Петр в облачении с крестом встретил меня на паперти; певчие довольно стройно пропели входное. О. Петр отслужил литию, после которой я в эпитрахили и малом омофоре сказал краткое поучение; в заключении которого объявил цель своего прибытия, именно: узнать окончательно от христиан, желают ли они иметь своим священником о. Петра Ямагаки, или нет? Желательно мне, чтобы покрыли они любовью все, что прежде случилось неприятного, и об этом прошу их,

но не настаиваю, чтобы они непременно оставили его здесь, а пусть будет это свободным их решением. Если большинство не желает, — он будет перемещен отсюда; если наоборот, — будет оставлен здесь.

Вечером, в девятом часу, пришли ко мне «гиюу» — пять человек (всех их больше десяти), и просидели до половины первого часа, доказывая все время, что о. Петр должен быть удален отсюда. Ораторствовали «гиюучёо» Фукухора и просто «гиюу» Канеко; оба ни к чему не годные христиане, никогда не ходящие в Церковь, но бойкие на речь и самолюбивые.

— Какие причины, что о. Петр должен быть удален?

— Что он солгал два раза: раз — написал мне, что христиане Хакодате все согласны на то, чтобы он съездил на Сахалин, тогда как они и не знали о том, что он туда отправился; другой — представил на Сахалине Игнатия Симода как «гиюучёо», тогда как он был только простым «гиюу», не уполномоченным от их общества занимать там рыбные ловли.

— Ложь действительно — большой грех, особенно в священнике; к облегчению вины о. Петра может служить только то, что она произошла по его слабости; он был игралищем в руках Симода, в котором источник лжи о. Петра.

— Еще что?

— Мать не живет с ними в ладу и жалуется на него, что он бранит ее.

— Это — несчастье о. Петра, а не вина; а мать его — одна из тех неисправимых свекровей, от которых нередко жены мужей топятся; ведь вы же сами когда-то встревожены были, не бросилась ли в колодезь Марина, жена о. Петра, от злостных преследований ее матери его. Но так как она, жалуясь на о. Петра, говорит, что ушла бы от него, но нечем жить, то пусть будет по ее желанию. Я ручаюсь, что она будет получать достаточно для ее содержания, где бы она ни жила вне дома о. Петра. Еще что?

— Школа здесь упала от нерадения о. Петра.

— Неправда. Она упала оттого, что правительственные школы размножились и пришли в цветущее состояние; да, кроме того, потому что ныне по всей Японии поветрие антихристианское, узко националистическое. Везде христианские школы ныне жалуются на недостаток учеников; у нас в Токио в Семинарии ныне только пятьдесят семь учеников во всех пяти классах; в других миссионерских подобных заведениях не лучше. Хакодатская школа наша была благотворительным заведением для бедных. Ныне перестали нуждаться в нашем благодеянии, и слава Богу! Мы обратили средства, шедшие на это благотворение, к другим делам. Еще что?

— Ленив для проповеди; Церковь не растет здесь, а остается в том же виде.

— Очень жаль. Это правда, что он вял и малодетелен. Но другой священник будет ли лучше? Где у нас очень деятельные священники? Еще что?

Больше не нашлось ничего против о. Петра. Я обещал им сделать строгий выговор о. Петру по всем основательным их обвинениям и, по возможности, наблюдать, чтобы он вперед не подавал повод к нареканиям на него, и просил, чтобы они, «гиюу», ныне покрыли все бывшее забвением и любовью и приняли о. Петра по-прежнему. Но они ушли с тою же злобою, с которою пришли.

6 / 18 июня 1898. Суббота.

В Хаходате

Вчера, в шесть часов вечера, была всенощная, пропетая очень хорошо; о. Петр служит истово и благовечно. После — я сказал поучение и заключил опять объяснением цели моего прибытия, — для не слышавших меня прежде. Из старшин (гиюу) никого не было в Церкви.

Сегодня утром, с шести часов, Литургия и потом панихида. Вся служба — весьма истово и во всех отношениях хорошо. Забыл отметить вчера, что, по окончании благословения христиан в Церкви, мы с о. архимандритом Сергием осмотрели престол, жертвенник и всю Церковь и колокольню с библиотекой и нашли все в образцовой чистоте и порядке. Вокруг Церкви и везде — по стану и домов — также чисто и в порядке.

Так как вчера «гиюу» жаловались, что при опросе христиан сторонники о. Петра будут вымогать мнения в его пользу, то я придумал следующий способ собрать мнения так, чтобы потом не было никаких нареканий: пусть «тоохёо» (листки, в которых должно быть отмечено «желаю» или «не желаю» о. Петра здесь) разнесут по домам по двое: один — противник о. Петра, как нынешние «гиюу», другой — сторонник, как нынешние катихизаторы Исайя Метоки и Александр Хосокава. Вручая «тоохёо» хозяину дома, они коротко объяснят, что в нем должно быть вписано искреннее желание христиан дома — в пользу-то или нет о. Петра, — вписано одним единственным словом. Предмет известен всем до крайности, объяснять долго не нужно; тем же, которые в Церкви от меня слышали, и совсем не нужно, а передать только «тоохёо». Вручатели будут взаимно контролировать себя и не допускать никакого усиленного давления ни в ту, ни в другую сторону. Листки должны быть, по вписании, запечатаны и вручены лично мне. Когда все они соберутся, то я при всех христианах буду вскрывать пакеты и никому не позволяя засматривать в ту половину листка, где адрес, буду только читать вписанное, а другой кто отмечать — «за» или «против». По вскрытии всех пакетов и обнаружится, на которой стороне большинство, — той беспрекословно и должно быть последовано. — Здесь ныне всех христиан домов

восемьдесят два. Когда надписаны были адреса всех на листках и последние вложены в конверты, тогда мы разделили их на четыре части, чтобы в четыре руки разнести их по домам. Призвал я Канеко, объяснил все это и просил, чтобы из «гиюу» четверо взяли с четырьмя заведомыми сторонниками о. Петра разнести «тоохёо»; очень неохотно взялся он объяснить это своим товарищам, но говорил, что вечером «гиюу» непременно придут ко мне еще говорить. До всенощной мы с о. Сергием тщетно прождали разносчиков со стороны противников о. Петра, тогда как четыре сторонника были налицо сего дела. Ко всенощной и после всенощной также «гиюу» не появились. После всенощной о. архимандрит Сергей сказал поучение «О призвании и последовании Христу». Затем я находившимся в Церкви вновь объяснил цель своего прибытия и раздал пакеты с выборными листками (тоохёо), объяснив их употребление.

В продолжение дня мы с о. Сергием осмотрели школы. Нашли в школе мальчиков и девочек, в одном классе семь детей, в другом четырнадцать; из всех только трое мальчиков. Учат катихизаторы Метoki и Хосокава. В школе шитья сорок учениц; учит одна учительница — шитью и вязанию, и о. Петр читает им христианские уроки, так как почти все ученицы язычницы. Школу мальчиков и девочек придется, кажется, закрыть; но школу шитья нужно оставить в видах благотворения как для бедных, так и для тех, которые хотят своих дочерей предотвратить от дурного нравственного веяния, на что жалуются в языческих школах, и в каких видах многие, и не бедные, посылают своих дочерей к нам.

7 / 19 июня 1898. Воскресенье.

В Хакодате

Утром «гиюу» прислали с одним из своих членов (Александром Сайто, учившимся когда-то в Катихизаторской школе, дрянной души мальчиком) бумагу ко мне, в которой пространно доказывается, что «тоохёо» не послужит к обнаружению истинных чувств христиан к о. Петру, ибо в них (тоохёо) из лести ко мне все пожелают о. Петра и потому они «не должны быть употребляемы». Я ответил, что «тоохёо» будут употреблены; лести в них не окажется, потому что они будут совсем закрыты; в них будет прочтено только одно слово «желаю», или «не желаю»; но кто этот «желающий» или «нет», ни я и никто не узнает, ибо та часть листка, где надписан адрес, будет закрыта при чтении, а после чтения всех «тоохёо» они будут сожжены; в этом же, что «гиюу» так упорно настаивают на отменении этого единственного способа узнать отношение христиан к священнику, я вижу только страх их обнаружиться самим в очень недобром свете.

С девяти часов Литургия. За ней приобщены крещенные о. Петром до Литургии трое детей и все другие дети, бывшие в Церкви. Пели в четыре голоса; управляет хором Конон, сын дворника Никиты Кураока; мальчик-пономарь служит в алтаре преисправно. Все обнаруживает, что о. Петр по храму и службе в нем очень ревностен. На причастие я сказал поучение о служении Богу во всяком звании, в каком бы кто ни был поставлен, посвящая дела своего звания Богу и освящая начало и конец всякого дела молитвой.— По окончании Литургии, когда стали подходить к кресту, я сказал, что имею еще говорить с христианами, и потому чтоб не выходили. И говорил то же, что и прежде — «о цели своего приезда сюда (для тех, которые еще не слышали), о „тоохёо“, их употреблении о том, что „тоохёо“ непременно завтра до полдня должны быть доставлены ко мне; вечером же завтра — в продолжении получаса по заходе солнца прошу христиан собраться в Церковь для открытия и прочтения „тоохёо“; спустя час по заходе солнца пред собравшимися будет это сделано, и вопрос о том, останется здесь о. Петр или нет, будет решен бесповоротно; меньшинство должно будет подчиниться большинству без всякого ропота и неудовольствия, потому что это дело Божие, дело спасения душ» и прочее. Бывшим в Церкви, не получившим прежде «тоохёо», оные были розданы. С Павлом Фукухора «гиюучёо», единственным из «гиюу», оказавшимся в Церкви, говорил особо и убеждал не противиться делу, а мирно все кончить, — дать двух товарищей для разноски оставшихся двадцати пяти «тоохёо» по домам вместе с двумя заведомыми сторонниками о. Петра. Но к стене горюх,— волком смотрит,— таким и остался, по-видимому, не смотря на то, что из Церкви потом пришел ко мне в комнату, и я часа два толковал с ним в том же роде.— В продолжение дня затем много христиан перебивало — приносили запечатанные «тоохёо», или так — в гости; Ольга Таира два раза приводила гостей, в первый раз своих знакомых, недавно крещенных, во второй — служащих своих по кирпично и черепично делам; в числе их был старик из Акита — Аикава, отец жены катихизатора Иоанна Судзуки, что ныне в Коофу.

Сказал я Павлу Фукухора, что «вчера день мы тщетно прождали с их стороны разносчиков для „тоохёо“, сегодня будем ждать таковых до двух часов; если не придет никто, то — нечего делать — мы сами разнесем, но тогда они — противники о. Петра — не будут иметь никакого повода говорить, что „разносчики внушали, что вписывать“». Прождали почти до трех; пришел сам Фукухора, но разносить не пошел, а предоставил это заведомым сторонникам о. Петра, говоря, что все равно «желания окажутся на стороне о. Петра».— «Почему так?» — «Потому что участники рыбной (на Сахалине) ловли (гёогёо) желают его». Сам же он, однако, пред тем говорил, что из восьмидесяти домов христиан только десять участвуют в «гёогёо», а все прочие желают участвовать, но им не дают этого, и потому они обижены, и, стало быть, должны быть, по его

теории, против о. Петра.— Разнесли «тоохёо» два катихизатора с двумя христианами. К десятому часу вечера у меня собралось уже возвращенных «тоохёо» тридцать шесть.

Вечером, когда уже начинало темнеть, мы с архимандритом Сергием прошли по загородью, где некогда был пустырь, ныне же все застроено. Прежнего Хакодате узнать нельзя,— так он разросся! В «Сёоконся» на пригорке застали праздник,— фонари, народ.— Холодно в Хакодате так, что приходится очень зябнуть, особенно ночью, что причинило мне ревматизм шейных позвонков,— большое неудобство.

8 / 20 июня 1898. Понедельник.

В Хакодате

Утром мы втроем (о. архимандрит Сергий, о. Петр и я) сходили на кладбище; содержится не особенно чисто; о. Петр обещал вперед присмотреть лучше; японское православное кладбище тоже осмотрели. Возвратились по главной улице города, чтобы показать о. Сергию город.

К полдню «тоохёо» не все собрались, как я и догадывался вчера; потому с часу катихизаторы пошли в город собрать недоставленные. К вечеру число «тоохёо» оказалось пятьдесят три; не доставлено шестнадцать, ибо домов, по тщательном исчислении, оказалось всего шестьдесят девять. Не доставлены по разным причинам: большая часть «гиюу» — по упорству и вражде к о. Петру, прочие, должно быть, просто по небрежности; одно и доставлено было, но в нем написано, что пишущий не хочет подать своего мнения, потому оно не взято в счет.

Так как приняты были все возможные меры, чтобы «тоохёо» были написаны и доставлены, то мы, не обратив внимания на уклонившихся от церковного дела, в котором, как здесь же было заявлено, отныне не имеют права никакого голоса, стали вскрывать «тоохёо». Я разрезал пакеты и, не взглянув на имя подателя, отрезал ту часть листка, где написано его мнение, подавал о. Сергию, он передавал сидевшим за столиком катихизаторам, которые читали и вносили на приготовленную бумагу род мнения. Оказалось, что из пятидесяти трех мнений в пользу о. Петра сорок восемь, не в пользу только пять. Я перед всеми воздал благодарность Богу за то, что Он вразумил меня прибыть сюда, чтобы лично убедиться, действительно ли нужно переводить о. Петра из Хакодате. Оказывается, что подавляющее большинство его любит и желает; а если бы он был переведен, то — по интриге нескольких негодных крикунов, в обиду всем прочим.

Я с радостью объявил, что, значит, о. Петр остается по-прежнему здесь; сказал, что он не повторит своих ошибок вроде участия в деле «гёогёо» и происшедших оттуда погрешностей в словах и тому подобное; что мать его будет устроена, согласно ее желанию, вне его дома, что

это — несчастье о. Петра — неуживчивый характер его матери; что отныне школа мальчиков и девочек закрывается,— по проповеди же о. Петр трудится и вперед будет трудиться еще ревностнее, и так далее.

Кончив этот предмет, я объявил, что имеется еще на рассуждении другое дело, тоже очень важное для Церкви; это — пересмотр правил общества «гиюу», перемена некоторых из них, оказавшихся крайне неудобными для Церкви, и перемена самого состава общества «гиюу». Здесь же прочитаны были правила, указано, что в них изменяется, наказано строго сообразовываться с ними при избрании «гиюу». Главные перемены: «Отныне „гиюучёо“ будет сам священник; число членов будет только четыре, но избираться на общем собрании восемь, и из них, по представлении мне священником, я буду утверждать четырех, известных по усердию к храму и прочее. Если, при рассуждении о делах, члены будут не согласны с священником, то должны будут представлены епископу оба мнения и, по утверждении его, приниматься к утверждению одно из них».

В следующее воскресенье должно быть произведено общее собрание христиан. Об этом сказано здесь же бывшим в Церкви христианам; не бывшим катихизаторы оповестят. На нем о. архимандрит Сергей, который для того и останется здесь, объявит новые правила и наблюдает за выбором в «гиюу» сообразно с ними. Выбранных он и утвердит вместо меня. Правила потом пришлются ко мне для подписания и печати.

В Церкви было немного христиан,— именно те, которые постоянно ходят в Церковь. В половине девятого мы начали вскрывать пакеты, в половине одиннадцатого вышли из Церкви, все окончив.

О. Петру я, в присутствии о. Сергия, сделал строгие замечания насчет его проступков, на которые жаловались «гиюу»,— он обещался не повторить их; это было днем у меня в комнате.

Завтра я должен уезжать, оставив о. Сергия здесь для вышеозначенного.

9 / 21 июня 1898. Вторник.

На пути из Хакодате в Токио

Утром, в семь часов, о. архимандрит Сергей, христиане, живущие в Миссии и несколько других, узнавших о моем отъезде, проводили меня до пристани и парохода «Цуруга мару», и в восемь часов пароход снялся с Хакодатского рейда для следования в Аомори. Ныне вот и чертится сие на оном пароходе, после японского обеда в двенадцать часов и по написании письма о. Сергию с некоторыми указаниями касательно имеющего произвестись там, в Хакодате, в следующее воскресенье общего собрания христиан (сооквай), на котором объявятся измененные правила попечительства (гиюуквай) и произведен будет выбор нового состава попечительства.

Погода ясная, море тихое, плавание приятное. Дай, Господи, тишину и Хакодатской Церкви!

В половине третьего часа пришли в Аомори. На пристани встретил катихизатор Симеон Мацубара с христианами. Пришли в церковный дом, построенный усердием катихизатора; он занял клочок земли, купил продававшееся сходно небольшое здание школы, перенес, поставил, и ныне очень приличный церковный дом, с достаточным для небольшого числа христиан помещением для совершения богослужений и для жилья катихизатору с семьей из жены и трех детей (четвертая здесь в Женском училище). Так как времени до отправления поезда железной дороги было почти три часа, то мы отслужили вечерню, которую пели очень бойко дети и подростки; после нее поучение о служении Богу словом и делом; рассмотрение метрики, причем видно было, что проповедь в Аомори идет очень туго; в нынешнем году только один крестился. Всех христианских домов девять; половина христиан рассеялась по разным местностям. Мать семинариста Георгия Ногива, по болезни оставившего Семинарию, принесла подарок и очень благодарила за сына; тоже — отец больного семинариста Секи (ныне «Кенквай гиин» в Аомори). Видел я в городе отлично построенные здания Миссий католической, епископальной, методистской; немало живет там и иностранных деятелей сих Миссий; но успех и у них незначителен.

Около шести часов христиане проводили меня на станцию Урамацци, ближайшую к церковному дому, и я распрощался с ними и с Аомори.

В три часа ночи, когда я спал в вагоне, вдруг просыпаюсь в Ициносеки от возгласов у окна остановившегося поезда: «Здесь, здесь!». Отворив дверь, вижу человек двадцать христиан и христианок с катихизатором Василием Усуи во главе. Это они ночь не спали, чтобы дожидаться поезда и принять епископское благословенье! Меня истинно тронуло это усердие. Здесь были: Моисей Ямада, богач из Церкви Яманоме, с двумя сынами, некоторые христианки с малыми детьми за плечами, малыши — дети катихизатора и прочие. Я благословил их, благодарил за усердие, но отказался посетить их, спеша в Токио, а после пожалел об этом; следовало посетить, отслужить у них Утреню, сказать поучение и чрез три часа вновь пуститься в путь. Сказал им, что попрошу о архимандрита Сергия, когда будет возвращаться из Хакодате, остановиться у них (и ныне уже написал о. Сергию о том).

10 / 22 июня 1898. Среда.

На пути в Токио

В семь часов вечера прибыл в Токио и нашел здесь все благополучно. Секретарь Сергей Нумабе рассказал, что были здесь о. Петр Кано, которому я наказывал Нумабе вызвать частно и посоветовать подать прошение

о переводе его в другую должность. Прежде чем Нумабе высказал это, он горячо стал говорить, что «только некоторые — весьма немногие — не желают его в Одавара, все же прочие христиане за него, что он просит перевести его из Одавара, но не выводить из нынешнего прихода, а поселить в какой-либо другой Церкви его, что он отказывается только от Одавара». Итак, мне нужно побыть и в Одавара для той же цели, как в Хакодате.

11 / 23 июня 1898. Четверг.

Токио

Алексей Сасагава в газете показал объявление, что Судзуки, переводчик Посольства, оставляет свою службу при Посольстве, а на его место поступает Исигаме. Призвал коочёо Иоанна Акимовича Сенума и спрашиваю:

— Правда ли?

— Правда. Исигаме говорит, что два часа он будет заниматься в Семинарии, а прочее время служить в Посольстве.

— Скажите Петру Исигаме, что если он хочет быть таким же обманщиком Церкви, каким оказались Сёодзи и Кониси, то может, — Церковь связать его не может. Если нет, то пусть и не думает о переводческой службе в Посольстве; эта служба никак не может быть совмещена с его теперешней службой. Или там, или здесь, — пусть выбирает одно.

Таковы-то люди, на воспитание которых Церковь потратила тысячи здесь и в России!

Итак — не посылать в Академии, а довольствоваться здешним образованием. Учителями Семинарии могут быть и кончившие хорошо курс в той же Семинарии.

Вечером приходил один христианин из Одавара ходатайствовать за о. Петра Кано. Я не вышел к нему, чтобы не подать повода к подозрению в пристрастии, а сказал чрез Нумабе, что завтра отправляюсь в Одавара по сему делу.

12 / 24 июня 1898. Пятница

Утром из Посольства был студент Григорий Александрович Козаков спросить от имени посланника, могут ли они принять на службу в переводчики Петра Исигаме, просящегося на сию должность. Я сказал, что «препятствия не сделаю и буду рад, если он будет служить там хорошо; но от службы при Миссии он будет отставлен, потому что эти две службы совместить нельзя; он говорит, что до одиннадцати утра будет на службе здесь, потом весь день в Посольстве, но он нужен здесь не только до одиннадцати, а и в Посольстве может понадобиться до одиннадцати.

И без того он ленив и крайне неаккуратен в хождении на классы, а тогда будет и совсем ни к чему не годен», — «мол, меня задержали в Посольстве», в Посольстве же, — «мол, меня задержал епископ»; словом, или здесь, или там; но так как здесь он уже надоед своею леностью и бездельничеством, то охотно уступает Посольству, где он может своим знанием русского языка быть очень полезен. Потом я призвал Ивана Акимовича Сенума и спросил: «Удерживать Исигаме на службе или нет? Потому что посланник не возьмет его, если мы скажем, что он нужен здесь». Сенума колебался ответом, и потому я послал его посоветоваться с Арсением Ивасава, старшим из кандидатов. Тот посоветовал удержать. Я сказал Сенума «посоветоваться всем кандидатам вместе, и если все будут того же мнения, то сказать Петру Исигаме, что он может (если только хочет, — предполагается, что у него есть еще остаток совести) остаться на службе Миссии, но под тем условием, чтобы вперед не ленился и вел себя хорошо, то есть не входил в долги и подобное. Если не захочет, то пусть уходит». И, вероятно, уйдет. В Посольстве сорок ен в месяц и квартира, у нас же только тридцать.

В двенадцать часов отправился из Миссии, в четыре прибыл в Одавара. Алтарь и всю Церковь нашел в чистоте и полном порядке. Севши в Церкви с о. Петром Кано, катихизатором Ильей Сато и собравшимися немногими христианами рассмотрел метрику, которую о. Петр держит в отличном порядке, отмечая умерших, выбывших, охладевших. Первые христиане крещены мною в 1877 году. Всех крещенных по метрике 565 человек, из которых 187 крещены до о. Петра. 378 крещено им. Он священником в Одавара с 1882 года. Из числа крещенных умерло: 111, выбыло в другие места 112, охладело 41, в католичество ушли пять; ныне налицо всех христиан в Одавара с пригородными селениями: 246 человек в 62 домах. С Собора прошедшего года крещено двадцать четыре, наученных о. Петром и катихизатором. К богослужению приходят в субботу вечером человек двадцать, в воскресенье сорок. В пятницу вечером и в субботу утром службы здесь не совершается.

Ровно в шесть часов собрались служить вечерню; христиан и христианок с детьми нашло человек пятьдесят; певчих девиц и подростков с десяток. О. Петр, как оказалось, никогда не служит Вечерни отдельно, и не знал, где кончается Вечерня и начинается Утренняя, хотя Служебник в руках. Вообще в церковной службе он далеко не так исправен, как о. Петр Ямагаки в Хакодате. Певчие пели в один голос очень хорошо. Когда кончилась вечерня, я в эпитрахили и малом омофоре сел у амвона сказать поучение и потом объяснить цель моего приезда сюда. В поучении возможно простым языком объяснил наше сыновство Отцу Небесному, и отсюда, что мы должны привлекать к сему сыновству еще не познавших Отца Небесного; каждый день молитвой «Да святится Имя твое» мы напоминаем себе эту обязанность и прочее. Сказавши потом, что один из драгоценных благодатных даров, данных нам Спасителем,

есть «мир», я перешел к «немиру», возникшему в сей Церкви между христианами и священником, и что я ныне прибыл окончательно узнать от всех лично, желают ли они удержать у себя о. Петра, или хотят перевода его в другое место?

Когда я говорил это, Михаил Кометани, главный из врагов о. Петра, порывался что-то заговорить, но я остановил его, сказавши, что во время проповеди не позволительно это; притом же и нечего ему, или кому другому говорить что-либо о сем деле: уже все до излишества переговорено было еще когда о. Павел Савабе приезжал сюда по поводу их разлада с священником; вновь повторять то же было растравлять старые раны, которые я прибыл, по возможности, залечить, если Бог поможет. Когда я совсем кончил говорить, закричал что-то трясущийся от гнева Петр Дзимбо, но я сказал, что в храме Божиим должно говорить мирно и благоговейно; гневные же речи не подобают здесь. Хорошо понявшие все, что я толковал, его же сторонники — немирные — остановили его и увели из Церкви. Прощаясь со всеми, я просил прийти завтра в шесть часов утра помолиться вместе и пригласить с собою побольше не бывших сегодня.

Во время богослужения начался дождь, который и теперь, десять часов вечера, льет, не переставая. Я остался ночевать у о. Петра Кано, где и чертится сие.

13 / 25 июня 1898. Суббота.

В Одавара

К Обеднице в шесть часов пришло человек пятнадцать. По окончании службы я стал говорить о «тоохёо», наподобие хакодатских, и неразумный о. Петр Кано первый же с гневом опрокинулся на меня, главный его сторонник тоже горячо восстал против. Насилу убедил их выслушать и понять; наконец, когда поняли, приняли с удовольствием, ибо увидели, что верно будет в их пользу. Но противников о. Петра никого не было в Церкви. Послали за главным из них — Михаилом Кометани; здесь же в Церкви я разъяснил ему, — принял и он и обещал выставить трех разносчиков «тоохёо», вместе с тремя стороны о. Петра стали готовить «тоохёо». При исчислении по метрике домов насчитали 68, тогда как вчера о. Петр говорил, что всего 62 христианских дома; это, значит, Кометани успел подсунуть домов шесть совсем негодных христиан, не ходящих в Церковь, но которых надеется иметь на своей стороне. О. Петр был тут же и позволил сделать это, не спросив у меня, хотя я нарочно не уходил из Церкви, чтобы быть в помощь ему; а катихизатор Илья Сато, видимо, мирволит врагам мира.

Когда совсем приготовили «тоохёо», и три разносчика со стороны о. Петра стали ждать трех со стороны Кометани, я, видя, что нечего

больше делать, вздумал отправиться в Тоносава, чтобы посмотреть там работы по перестройке молитвенного дома. Взял двух «дзинрикися» за одну ену шестьдесят сен туда и обратно; но, доехавши до Тоносава, отдал им эту плату и отпустил, и стоило: все время лил дождь, а дорога — если в аду есть дороги, то именно такие.

Отдохнувши и пообедавши в гостинице Фудзия и осмотрев работы, к шести часам вернулся в Одавара по конке. Здесь на вопрос, разнесли ли «тоохё», о. Петр ответил: «Нет». — «Почему?» — «Они хотят смириться». — «Это лучше всего!» — обрадовался я и после всеобщей сказал слово о христианской любви и мире, порадовался, что мир в Церкви возобновился. — Но оказалось, радость была на ветер. Кометани и его дружина вовсе и не думали мириться, а тут же, в Церкви, заговорили до того грубо и беспорядочно, что я попросил их выйти, по крайней мере, на паперть. «Тоохё» оттягивают просто, кажется, для того, чтобы набрать побольше себе партию. И потому я объявил, что завтра непременно «тоохё» будут розданы; если противники не дадут разносчиков, то и одни сторонники о. Петра могут это сделать.

Всенощная поется здесь без ирмосов. Служит о. Петр плохо. Читает Илья Сато небрежно и спешно.

14 / 26 июня 1898. Воскресенье.
В Одавара

С девяти часов о. Петр Кано служил Обедницу. — «Почему не Обедню?» — спросил его вчера. — «Просфор не заготовлено, так как собирался в это воскресенье быть в отлучке, по Церквам». Просфоры ныне печет сам о. Петр, ибо его «квайя» Лука Мацуо, прежде исполнявший это, сделался врагом о. Петра, расстроемый своим родственником Михаилом Кометани. После службы и креста я сказал поучение о непрерывном служении Богу на текст из сегодняшнего Евангелия «Не можете двум господам работати». Кончивши, хотел приступить к раздаче «тоохё» бывшим в Церкви. Но тут выступили один за другим: Петр Дзимбо, трясущийся от гнева и волнения, Михаил Кометани, у которого, несмотря на все мои старания умягчить его, лицо все больше и больше портилось, и ныне явилось таким ожесточенно злобным, что я изумился и потерял всякую надежду на него, Лука Мацуо, которого я в первый раз ныне видел в Церкви, Илья Ками, земледел, с лицом чисто разбойничьим, которого я и совсем в первый раз видел и еще два-три с ними, и разговаривали так грубо, гневно, неприлично храму Божию, что я старался только успокоить и утишить их. Все они, впрочем, сказали немного, — нынешние «тоохё» пристрастны, и потому они не примут их, а отныне уходят, чтобы всем вместе умереть. Я сначала подумал, что и в самом деле этот гневный Дзимбо, или разбойник Ками бросятся

в колодезь или распорют себе брюхо; это меня не остановило сказать им: «Делайте, что хотите», — да и что бы я мог в отвращение их безумства? Подчинить Церковь и себя их капризу? То есть убить Церковь в угоду им? Избави Бог! Промелькнуло у меня в голове, что неприятно будет следствие и возня с японскими чиновниками, — но что делать! Я сказал громко: «Так как явные противники о. Петра отказываются от участия в раздаче „тоохёо“, то мы сами это сделаем, и они уже не имеют права что-либо сказать потом в нареkanie нам», — и стал вызывать к себе трех, которые вчера были избраны из сторонников о. Петра для разнесения «тоохёо», чтобы передать им оставшиеся от раздачи мною находящимся в Церкви «тоохёо»; но едва-едва, побуждаемые другими, они выползли из толпы и приблизились ко мне; можно было судить поэтому как слабы духом сторонники о. Петра и как, напротив, наглы и способны запугивать его противники. — Скоро я, впрочем, догадался, что их «иду умереть» значит «выхожу из Церкви». Что ж! Господь с ними! Это значит только, что для них не дело Божие, не спасение души дорого, а каприз их и своеволие дороги им больше всего. — Между тем я передал оставшиеся «тоохёо» трем, наказал им строго при разноске и раздаче отнюдь не употреблять уговоров и убеждений написать то в них, что им — разносчикам — нравится, а только то, что получающий «тоохёо» считает в глубине своей совести, пред Богом, справедливым и желательным, и вернулся в комнату. Здесь скоро стали подавать мне запечатанные пакетики с «тоохёо» — те, которым я роздал, и их до полдня набралось двадцать четыре; но восемь и потом из деревни Маида, где Петр Камия, пять принесли не принятых, — что же будешь делать с людьми, которые на простой вопрос не хотят ответить ни «да», ни «нет»? Тем они только сами себя лишают права участвовать отныне в деле священника. Пришли ко мне в комнату и некоторые благочестивые христиане, радые, что дело о священнике принимает благоприятный оборот; между прочими тот старикашка, о котором с таким восхищением рассказывал о. Павел Савабе: «И восьмидесятилетний старик встал «кирицу», „ёй-амбай“, говорит, „как легко теперь стало, когда решили «переменить» священника“». Ныне он говорил наоборот: «Как радуюсь я, что останется о. Петр в Одавара». (Хоть еще совсем неизвестно). Мария Такахаши, получившая крещение от меня в Токио двадцать лет назад тому (Мейдзи 9 нен) вчера и сегодня долго рассказывала, как шли здесь дела и дошло до нынешнего расстройтва. Сидевшие здесь старики дополняли и подтверждали ее рассказ. Эта христианка, кажется, лучшая по уму и благочестию из всего здешнего стада мужчин и женщин.

Сходили с о. Петром в первом часу пообедать в гостиницу, где готовят по-иностранныму. Вернувшись, застал еще шесть «тоохёо» на столе. В пятом часу приехал из Токио, по пути в Тonosава, для наблюдения за постройкой, Моисей Кавамура и опечалил известием, что вчера, в восемь часов утра, в Семинарии произошел пожар, к счастью, усмотренный

весьма скоро и несколько испортивший только одну комнату: дрянной семинарист Павел Юусе положил в комод незагашенную папироску, или трубку, отчего и затеялось. Беда с этим дрянным народом!

15 / 27 июня 1898. Понедельник.

В Одавара

Утром, в восемь часов, сходили к больному часовщику Фоме и отслужили молебен Пресвятой Богородице о его выздоровлении. Потом были в доме покойника Гедеона Накацугава у его вдовы; зять еще язычник, потому и двое детей некрещены, но, по-видимому, расположен к христианству, и потому я обещал ему прислать христианских книг из Токио; производство «таби» (носков), кажется, он не опустил после Гедеона.

До полдня не доставили «тоохёо» из тринадцати домов, и потому я отправил разносчиков собрать их, а сам отправился в Тonosава, пообедал у Фудзия и потом на своем месте с Моисеем Кавамура подробно осматривал ремонтные работы по молитвенному дому. Потом задумали мы из остающегося старого леса построить небольшое здание (3 + 5 кеи) у дома для столовой учащихся, когда они бывают здесь на каникулах.— Михей раздосадовал, отзываясь недосугом на мое приказание высушить в ясный день и выбить татами, очистив их от множества блох, на которых жалуются тут же лежащие два больных ученика. Велел Моисею Кавамура присмотреть, чтобы в три дня, если будет хорошая погода, Михей непременно это сделал, иначе пусть уходит,— на место его будет другой; главной своей обязанности не хочет исполнять, отзываясь недосугом,— что может быть глупей этого!

Вернувшись в шесть часов в Одавара, нашел, что «тоохёо» все собраны, кроме двух, так как получивших оные отыскать не могли. Сорок один «тоохёо» запечатан; двадцать шесть возвращены без отметок и незапечатанными; между прочим, и из дома, где мы служили сегодня молебен; это все мутители Церкви или запуганные ими.

Так как сказано было мною, чтобы с заходом солнца (час, всякому видный) шли в Церковь, а чрез час после захода будет открытие «тоохёо», то, по мере стемнения, стали собираться в Церковь. Тут же один из противников о. Петра, бывший «сооси» Хироисе, вытащил Иоанна Инаба из церковного двора и побил. Это достаточно обнаружило характер противников. В половине девятого часа я вышел в Церковь; было человек пятьдесят с детьми и певчими-подростками. Совершили краткое молитвословие, как бывает пред открытием заседаний; после чего я снял эпитрахиль и омофор, сел к столу, отдал катихизатору Илье Сато, расположившемуся около меня с японским столиком и письменными принадлежностями, «тоохёо» пересчитать, что он и сделал и провозгласил: «Сорок один». Я стал открывать конверты и передавать Илье для

отметок то, что в них означено, откладывая в сторону части бумажки с именами надписавших, не читая их сам и никому не давая взглянуть на них. Два «тоохёо» оказались обманными, — запечатаны без всякой надписи, — их мы отложили в сторону, как негодные. Из других тридцати девяти только один пакет дал надпись «каеру», все тридцать восемь единогласно были за оставление о. Петра Кано по-прежнему в Одавара. Он и провозглашен остающимся здесь священником, по единогласному почти желанию благонамеренных христиан. Враги его со всеми завлеченными ими — всего двадцать восемь домов, — если бы и подали «тоохёо» в пользу изгнания его из Одавара, все же были бы в значительном меньшинстве. Но так как они и того не сделали, а просто отказались отвечать на простой и прямой вопрос епископа «желают или нет о. Кано священником в Одавара», — поступок, судя по-светски, очень невежливый, по-церковному, — составляющий противление церковной законной власти, — то их нерасположение к о. Петру совсем не принимается во внимание, как будто ничего такого не было на свете, и отныне они лишаются всякого права голоса в деле, касающемся священника. — Все присутствующие в Церкви были очень рады, что дело так блистательно кончилось в пользу о. Петра; только катихизатор Илья Сато, видимо, был смущен и опечален. Я дал несколько наставлений, как, по Христовой заповеди, обращаться с противляющимися Церкви, — отнюдь не отвечать на их злословие, а кротостию и тихостию стараться вразумить их. Так, наверное, можно возвратить Церкви увлеченных, из коих иные прямо говорили, возвращая пустые «тоохёо»: «Мы не против о. Петра, но нам так велят». — Что до вчинателей смуты, то у них подкладка, по уверению всех, весьма черная: удалить священника, на имя которого записана церковная земля, чтобы потом храм перенести в трущобу, а церковную землю, находящуюся на столь видном месте, продать весьма дорого в свою пользу. Таковы, как видно, замыслы Михаила Кометани, Иова Уеда, старого плута, хотевшего надуть Церковь еще при постройке храма, Ильи Мацуо, Хироисе и других. Этих едва ли возможно вразумить. И Господь с ними! Благодарение Богу за то, что на этот раз не удалось им наложить узы на Церковь.

16 / 28 июня 1898. Вторник.

В Одавара и Токио

Утром оказалось, что Лука Такахаси, один из лучших приверженцев Петра, ночевал в доме о. Петра, чтобы охранять меня от могущих быть нападений со стороны раздраженных ныне противников о. Петра. Очень нужен! Как будто мы не под Богом ходим, коли Божие дело тщима делать! Тем не менее о. Петр Кано и тот же Такахаси проводили меня до Кодзу, — в тех же видах охранения.

В Токио домой прибыл в десятом часу утра. Нашел все благополучно, кроме маленького пожара в Семинарии. Велел ученику Юусе выселиться в город,— буду давать ему по четыре ены на содержание, чтобы не держать такого дрянного в здании Семинарии,— это будет и наказанием ему. Петр Исигаме переходит на службу в Посольство, но хочет удержаться и жалованье, получаемое здесь,— это ему не удастся; довольно тех тысяч, что доселе издержала Миссия на воспитание и содержание сего дрянного человека.

Перечитал множество накопившихся церковных писем; ничего нет, кроме просьб прибавить — то на квартиру, то на содержание.

О. Феодор Мидзуно рассказал о своем посещении города Коофу: катихизатор Иоанн Судзуки захворал «какке» и ушел домой в Идзу. О. Феодор остался вместо него на проповеди; но проповедывать некому было,— почти никто не приходил; даже и на священническое его богослужение собралось всего шесть человек, несмотря на широкий зов. Впрочем, хорошо бы послать туда катихизатора после Собора; быть может, Господь и даст на сей раз стать там.

17 / 29 июня 1898. Среда.

Токио

Ездил в Иокохаму разменять вексель пришедшей части миссийского содержания и узнать о трех ящиках с церковными вещами, пришедших от о. Феодора из Петербурга. На обратном пути в Токио заехал к посланнику спросить об ожидаемом сюда визите нашего Великого князя Кирилла Владимировича.— Зашедши к Козакову, застал там читающего ему газету в качестве переводчика Петра Исигаме. Переговорив о «permit'e» для ящиков с Козаковым, обратился к Исигаме:

- С миром отпускаем вас из Миссии,— служите хорошо здесь.
- Вы не видались с господином Ивасава? — спрашивает.
- Нет.
- Он будет просить вас.
- Вероятно, о том, чтобы вам остаться и при Миссии?
- Да.
- Это невозможно; двух служб совместить нельзя.
- Но два часа я могу служить при Миссии, состоя здесь переводчиком.
- И за два часа определенного времени вы не можете ручаться, состоя здесь в должности переводчика. Но Духовной Миссии нужно от вас более, чем два часа, то есть два класса; ныне набирается новый курс, нужно и с ним заниматься. Кроме того, вы состоите редактором «Синкай»; и хотя в последние месяцы ничего не делали по этой должности, равно как весьма неаккуратно ходили даже на два класса,— но должны делать, чего не можете, обязавшись службой в Посольстве.

Когда я вернулся домой, действительно Арсений Ивасава явился ходоцем за Исигаме:

— Он-де обязан Миссии; когда воспитывался в России, даже его мать содержалась от Миссии (то есть от меня лично; миссийские деньги я не смел тратить на это); так он хочет платить долг благодарности — служить Церкви.

— В таком случае ему не следовало бы уходить на другую службу, — и так далее. Словом, отказ держать Исигаме на службе Миссии, коль скоро он обязался службой в Посольстве. И прежде он претпохо служил: или опаздывал на классы, или совсем не приходил; вперед было бы и подавно то же. Ему нужны только деньги Миссии, а вовсе не служба при ней.

Вместе с Ивасава приходил Сенума ходатайствовать, чтобы ученик Семион Юасе, чуть не произведший пожар в Семинарии, оставлен был в ней, так как я сказал ему выселиться на квартиру. «Если товарищи просят за него, я также прошу», — говорил Сенума. — Я сказал: «Если Юасе даст крепкое обещание вперед не курить и если товарищи его и вы поручитесь, что он, действительно, бросит курить, то пусть останется». Сенума заверил, что Юасе уже пред всеми дал это обещание, но что он возьмет с него письменное уверение в том же, за ручательством товарищей... Ладно!

18 / 30 июня 1898. Четверг

Утром был на экзаменах в Семинарии, по Догматике — в шестом курсе и Толкованию Евангелия — в пятом. Отвечали хорошо. Учеников — мало, в шестом курсе — одиннадцать человек, в пятом — только пять, и особенно даровитых между ними нет; но и особенно глупых или ленивых нет. Хорошо, если бы и это количество вышло на службу Церкви; но едва ли и это будет; первый ученик в шестом классе экзамен не держал — кровью харкает, другой — в отсутствии, — быть может, в солдаты возьмут. Остальное время дня — счета и расчеты. Три тысячи ен вчера взято было из банка, и к девяти часам вечера сегодня осталось только десять ен. Вот какой месячный расход Миссии только в Токио!

Савва Хорие рассказал о печальной кончине своей племянницы Софии (жены Иоанна, что был в Университете), в последнем периоде чахотки бросившейся в колодезь и там умершей, даже не захлебнувшись.

19 июня / 1 июля 1898. Пятница

Был на экзамене по Священному Писанию в Катихизаторской школе и по Священной истории в первом классе Семинарии. Ничего себе, — везли.

Три ящика с церковными вещами из России получены и откупорены: парча для трех престолов и трех жертвенников в Соборе, иконы в серебряных ризах и крестики золотые и серебряные с эмалью — позолоченные; последние удивили нас своей дешевизной: по шестьдесят копеек, тогда как мы здесь по одной ене платили за серебряные с эмалью без позолоты и плохой работы; вперед будем выписывать из России.

Граф Евгений Евфимович Путятин прислал: литой барельефный крест для Собора, в память Ольги Евфимовны Путятиной, но где же поместить его в Соборе? И старую и плохую копию из одной, должно быть, Рафаэлевской Мадонны для Тоносава,— это мы туда отправим и поместим в комнате, где жила графиня.

20 июня / 2 июля 1898. Суббота

После Обедни зашел о. Павел Сато и стал проситься уволить его от должности приходского священника в Канда.

— Хотите на покой? Но чем же вы будете жить? Я не могу дать вам пенсии больше половины нынешнего содержания.

— Нет, нет,— совсем не в «инкё»,— я буду заниматься сочинениями.

— Почти вся духовная литература в России состоит из сочинений священников, но никто из них не просился для того об увольнении от приходской службы.

— Но я устарел и ослабел.

— Вы моложе меня и чуть ли не здоровее. Притом же весь приход ваш на протяжении нескольких чё от вашего дома.

— Но у меня нет времени,— я буду заниматься сочинениями для Церкви.

— Нет времени для исполнения первейшей вашей обязанности! И как будто нельзя совместить эти два дела! У вас есть помощники: о. Роман Циба, диакон Стефан Кугимия.

— Но поступления денег от христиан делаются все меньше и меньше,— мне трудно жить.

— Это оттого, что вы приход запускаете все больше и больше,— христиане не видят, за что они будут давать свои кровные деньги, коли вы совсем не заботитесь о них. Во всяком случае, Миссия вам больше нынешних ежемесячных двадцати девяти ен давать не будет.— И так далее.

На экзамене в Семинарии, между прочим, отвечал четвертый курс, состоящий всего из двух учеников,— еще два в отсутствии; придется его присоединить или вверх, или вниз; не содержать же для глупого Моки и пегого Метокси штат учителей!

Погода начинает быть летнею, и напоминает изречение о. Моисея, когда-то удостоившего служить Миссии: «Так жарко, что не до Царства Небесного».

21 июня / 3 июля 1898. Воскресенье

До Литургии было крещение взрослых и младенцев — человек десять.

Часа в четыре был посланник Роман Романович Розен, — все еще на костылях от болезни своего седалищного нерва; приезжал сказать, что Великий князь Кирилл Владимирович прибудет в следующую пятницу; утром отсюда нам ехать встречать его в Иокохаме на пристани; оттуда он прибудет в приготовленный для него Дворец в Сиба, потом к посланнику завтракать, затем сюда — в нашу Миссию. В воскресенье Великий Князь будет здесь на Обедне и так далее.

Вечером пришли о. Симеон Мии, катихизатор в Нагоя Петр Сибаяма и депутат отсюда — учитель Акакий [?] Баба; последний с уполномочением от христиан просить: 1. «Чтобы Петр Сибаяма был поставлен священником для Церкви в Нагоя». Я ответил: «Просьба будет исполнена». 2. Чтобы мне «платить шестнадцать ен процента на их долг ежемесячно полтора года». Я ответил, поморщившись: «Исполню и это, хотя я предполагал, вызвавшись в помощь Церкви платить их процент, когда заезжал из Оосака в Нагоя, что придется платить не более года»; 3. «Так как христиане, пока выплачен будет церковный долг, не в состоянии содержать священника, то просят меня делать это за них, то есть оставить Петру Сибаяма теперешнее его катихизаторское жалованье двенадцать ен да давать еще по пять ен в месяц, обещанных мною, когда был в Нагоя; но так как семнадцать ен для священника мало, то просят прибавить еще три ены, чтобы уж ровно его содержание от Миссии было двадцать ен в месяц, — до того времени, когда они выплатят церковный долг и будут в состоянии сами озаботиться содержанием священника». — Я, очень уж поморщившись, согласился и на это. Что иначе? Отказать в трех енах? Станут бесконечно клянчить, изведут душу больше, чем на три ены.

Сибаяма и Баба ушли, а о. Симеон остался, чтобы объявить, что его катихизатор в Кёото, Афонасий Такаи «дооситемо хочет в Россию».

— То есть бросает церковную службу?

— Да.

— Что ж вы не убедили его, что это дело нехорошее, что он обманывает Церковь, которая весьма много издержалась на него, воспитав его с детства, что ему скоро следовало бы быть диаконом, потом священником, что он, так поступая, лишается благословения Божия, ибо оставляя Бога, идет на зов Мамоны, подражая Иуде? — И так далее.

Но о. Мии, напротив, изъявил сожаление, что я так неблагоприятно смотрю на уход Афанасия Такаи...

Три дня уже, как прибыл катихизатор Моисей Мори; говорил, что головные боли у него; оказывается помешанным. Вот комиссия-то? То глупые, то безумные!

22 июня / 4 июля 1898. Понедельник

Утром был на экзамене в Женской школе; маленькие по Закону Божию отвечали отлично.

Отправив Моисея Кавамура в Тonosава с малярами, которым он укажет окрасить снаружи и внутри построенный молельный дом, и к плотникам, которым закажет строить из оставшегося старого леса зданьице, 3 + 5 кен, для столовой учащихся, когда они бывают там во время каникул.

Часов в одиннадцать утра прибыл из Оосака о. Андроник на Собор, имеющий скоро здесь открыться.

Начинают собираться и катихизаторы на Собор. Сегодня выслушал некоторых: Павла Цуда, из Гоёхаси, с большим удовольствием, Василием Хираи, из Фукуяма, с большим неудовольствием, и тому подобное.

23 июня / 5 июля 1898. Вторник

Был в Иокохаме по банковым делам. На экзамене в Семинарии по русскому языку был о. Андроник.

О. архимандрит Сергей вернулся из Хакодате, посетив по дороге Церкви в Аомори, Мориока, Ициносеки и Яманоме и Сендая. Церковь в Мориока нашел в упадке более, чем другие.

24 июня / 6 июля 1898. Среда

Перечитал до обеда статистические листы (кейкёо-хёо) для составления общего статистического отчета по Церкви.

Отцы архимандрит Сергей и Андроник были на экзамене в Женской школе.

Посетил посланника, который почти совсем выздоровел; опасается какого-нибудь несчастного случая здесь с нашим Великим князем, хотя японские власти уверяют, что приняты будут всевозможные меры для его охранения; но от безумцев можно ли оградиться обычными мерами? Говорит посланник, что на Бога вся надежда, — так он и в донесении в Петербург пишет. И надежда не посрамит!

25 июня / 7 июля 1898. Четверг

В девять часов был в Семинарии и Катихизаторской школе — отпускной акт, на котором были мы все трое — о. архимандрит Сергей, Андроник и я; из Семинарии ныне выпуска нет; из Катихизаторской школы только четверо выходят на службу. Начато и кончено молитвой; на симбоквай дал четыре ены.

В десять часов был такой же акт в Женской школе, где ныне довольно большой выпуск. После раздачи дипломов и книг выпускных и наградных книг первым по классам, Юлия Саваде прочитала благодарственный адрес, потом стали петь остающиеся выходящим; пели прекрасно, Кису сопровождал на фисгармонии; половина выпускных расплакалась; затем стали петь они, — и остающиеся все расплакались. Когда кончили, я сказал выпускным несколько слов, главная мысль которых — чтобы оставались всю жизнь подобными мудрым евангельским девам, — не угашали уносимый ныне отсюда светильник веры и чистой нравственности... На симбокквей дал пять ен.

Вечером был симбокквей в Семинарии, на котором присутствовали и о. архимандрит Сергей с о. Андроником; говорили они, что очень занято было. Я дома надписывал фотографии для Великого Князя.

26 июня / 8 июля 1898. Пятница

Утром с восьми пятнадцати минут отправился в Иокохаму для встречи нашего Великого князя Кирилла Владимировича, состоящего мичманом на крейсере «Россия». На вокзале в Токио господин Ханабуса, бывший японский посланник в Петербурге, предложил представить и представил меня Принцу Кан-ину, направляющемуся встречать Кирилла Владимировича. В Иокохаме на императорскую пристань Великий князь вышел ровно в десять часов. Японцы устроили ему великолепную встречу там и в Токио: множество чинов и войск; последние — непрерывною шпалерою от вокзала в Токио до Дворца в Сиба, приготовленного для него. Из Дворца в Посольство я доехал с посланником и подождал здесь завтрака, который начался в один час и двадцать минут. Долго просидели за завтраком, после которого я поспешил к себе в Миссию, чтобы встретить здесь Великого князя. Приехал он уже в начале четвертого часа. Мы ждали, облаченные в Соре, и по входе его тотчас начали благодарственный молебен, а когда кончился молебен было уже без двадцати минут четыре часа. На мое приглашение взглянуть на вид Токио с колокольни, отвечал, что «поздно», под тем же предлогом отклонил осмотр Семинарии и женской школы, но минут пятнадцать просидел у меня; принял предложенные ему и показанные фотографии Миссии и Токио. Хвалил наш Собор и пение. Певчие все вместе стояли налево; за правым же клиросом положен был коврик для Великого князя, до которого и довел его посланник; но он из скромности почти не стоял на нем; молился плохо, все больше по сторонам смотрел, чего не следовало бы делать, чтобы дать добрый пример новым христианам.

День был сегодня жаркий, и я устал очень; старость-то начинает сказываться.

27 июня / 9 июля 1898 года. Суббота

Выслушивал рассказы священников о своих Церквах.

Часу в четвертом был командир крейсера «Россия» Александр Михайлович Доможиров и просидел более часа; земляк и милый человек; впрочем, не потому милый, что земляк, а что отличный служака — с идеальными стремлениями.

Гостит ныне у нас иеромонах с «России» о. Авраамий, завтра имеющий сослужить нам.

28 июня / 10 июля 1898. Воскресенье

Литургия началась сегодня не в девять, как обыкновенно, а в десять часов, чтобы дать возможность Великому князю Кириллу Владимировичу побыть на ней, так как у него с десяти до одиннадцати назначен был прием министров и Государственного совета. Чтобы не заставить его стоять, когда все по-японски сидят во время проповеди, обыкновенно произносимой вместо причастна, я сказал сегодня проповедь сейчас вслед за Евангелием. Великий князь вместе с Принцем Кан-ин и своей маленькой свитой, одетый в белый китель, прибыл во время ектении пред «Верую». Стоял не на коврике, приготовленном для него, а около, — должно быть, потому, что не было другого коврика для Принца Кан-ин, а сего не было, потому что не предупредили меня о том, что он будет вместе с князем, или же по скромности, касаясь только носком сапога коврика. Последний послан был у правого клироса; певчие правого хора отступили для этого вправо. В Церкви язычников никого не было, при воротах стояли старосты вместе с полицейскими и не пускали; но Церковь была полна, так как, кроме тоокейских прихожан, собравшихся в большем, против обычного, количестве, стояли еще собравшиеся на Собор служащие Церкви и депутаты. Служащих Литургию со мной было восемь священников. Великий князь явил себя добрым христианином, — преклонялся на выносе и последнем явлении Святых даров. Дьякон Стефан Кугимия вынес ему просфору. Крест я дал ему поцеловать прежде всех священнослужителей, иначе долго было бы ждать ему; после креста он тотчас же уехал. Литургия — до отпуска, кончилась в четверть первого часа.

За завтраком я узнал, что сегодня (память Святого Сергия и Германа Валаамских) именинник о. архимандрит Сергий.

С половины третьего часа выслушивание рассказов священников о своих приходах.

С шести — всенощная, служили со мной тоже восемь иереев (о. архимандрит Сергий в том числе), — почти все завтрашние именинники. — Очень уж жарко было в Церкви.

29 июня / 11 июля 1898. Понедельник.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

До Литургии исповедание священников.

После Литургии молебен Святым Первоверховным Апостолам Петру и Павлу. Совершали богослужение со мною восемь иереев с о. архимандритом Сергием в том числе. Несколько греков и русских было в Церкви. Пришедшими же на Собор и здешними христианами, с учащимися в том числе, Церковь была почти полна. Проповедь говорил о. Симеон Юкава.

Часу в пятом посетили трое офицеров с «России» и просидели минут двадцать.

30 июня / 12 июля 1898. Вторник

Утром выслушивал священников и депутатов о состоянии Церквей. Моисея Кавамура отправил с фотографическими видами Миссии и училищ, прежде поднесенными Великому князю, на судно, доставить их.— В четверть двенадцатого отправились мы втроем (о. архимандрит Сергей и о. Андроник) в Дворец, в Сиба, на обед к Великому князю, согласно вчера полученному приглашению. За обедом была вся русская колония. Великий князь очень хвалил наше богослужение в Соборе — «захватывающее», как выразился он. После обеда Принц Кан-ин, с которым пришлось мне говорить, тоже хвалил Собор и пение.

Вернувшись домой, перечитал письма к Собору и разные предложения; последние очень пустые.

1 / 13 июля 1898. Среда.

Первый день заседания Собора

Утром о. Петр Кано принес прошение о выводе его из Одавара.

— Это почему? Ведь уж решено и утверждено, что по желанию значительного большинства христиан вы там остаетесь.

— Все священники меня побуждают к этому.

— Какое дело им до этого?

— Одаварские возмутители церковного мира подали им жалобу на решение оставить меня в Одавара, и священники вчера в Семинарии произвели заседание и совещание, следствием которого и есть мое прошение.

Это меня немало возмутило, и я потом, собравши священников в Крестовой Церкви, строго-настрого запретил им судить своего епископа, вопреки всяким церковным правилам, и мирволить возмутителям, чем они — каждый — роют под собою яму для себя же самого и прочее, и прочее.

На Соборе я объявил прибавку содержания катихизаторам в две ены: денкёосейто отныне будут получать десять ен, фуку денкёося двенадцать ен, денкёося четырнадцать ен. Это — как по жалости к их бедному положению, потому что христиан никакими увещаниями не побудишь помогать им, так и для того, чтобы раскрыть шире дверь в Катихизаторскую школу. Никто не идет в школу, вероятно и потому, что слишком бедно содержание служащих Церкви.

Петр Сибаяма, согласно просьбе христиан Нагоя, определен священником к ним. Видно, однако, что не совсем достойный это человек, по своему характеру; соседние Церкви все переспросили: «Это для Нагоя только?» И по уверению в этом не продолжали возражений.

Церковь Нагоя прислала мне благодарственное письмо за помощь к уплате их долга: по шестнадцать ен ежемесячно на уплату процентов в продолжении восемнадцати месяцев, начиная с восьмого месяца сего года. Нужно не забыть это, чтобы не пойти дальше. И без того очень уж я им расщедрился; и поймали-то они меня на слове: думал я — не больше года платить им проценты, а они — на полтора растянули (да еще и на три хотели). Обещают, по выплате долга, «ообун» взять и содержание своего священника на себя; а теперь и его должна содержать Миссия, по две ены давая в месяц.

2 / 14 июля 1898. Четверг.

Второй день заседаний Собора

До полдня читали остальные прошения о катихизаторах и выслушивали речи по сему предмету. Емильян Хигуци хотел сказать речь о необходимости увеличить содержание священников, — «некоторые из них получают-де меньше катихизаторов»; но когда показано было ему росписание содержания, по которому убедился он, что в заблуждении, да сказано было, — «говорить можешь, но на ветер будет, ибо у Миссии нет для того средств», то он отказался от речи. Должно быть, следующим действием предполагал хлопотать об увеличении жалованья кандидатам, но для того подавно нет денег; получают они высший в Миссии оклад — по тридцать ен.

После полдня, с двух до десяти вечера, священнослужители составляли распределение катихизаторов.

3 / 15 июля 1898. Пятница.

Третий день заседаний Собора

С восьми до девяти объявлено было распределение и производились попытки изменить то или другое. В девять я поручил заседание на Соборе о. Павлу Савабе и отправился вместе с о. архимандритом Сергием на

крейсер «Россия», в Иокохаму, служить молебен, согласно бывшему приглашению. Отказать неудобно было, ибо на крейсере Великий князь Кирилл Владимирович.— Добрались благополучно, молебен отслужили, речь на нем маленькую сказали, позавтракали в компании Великого князя, морского министра маркиза Сайго (порядочно выпившего за завтраком), адмирала Ито, героя битвы на Ялу (отчасти тоже) и прочей блестящей компании, вернулись домой в шестом часу. Отцы Павел Савабе и Симеон Мии дали отчет здесь о бывшем заседании: произведены некоторые перемены в распределении, часть которых я не принял (например, Иоанн Ито переведен из Церкви Накасима, которую он же и сделал цветущею,— причин на то — никаких,— разве можно допустить это?). Прочитаны разного содержания предложения и доклады, почти все и отвергнуты Собором по негодности. Вечером разных Церквей депутаты приходили прощаться.

В сегодняшней «Japan Mail» напечатано, что наш Великий князь «пожертвовал пятьсот ен на благотворительные заведения Токио, двести на госпиталь, сто пятьдесят на кумирни в Сиба, пятьдесят на кумирню в Синагава, где сорок семь ронинов». А на Миссию прислал тысячу ен. Смотри ниже под 19 июля.

4 / 16 июля 1898. Суббота.

Четвертый и последний день заседаний Собора

Утром у Обедни.

На Собор пришли и сели все по-японски; только мы, трое русские, на табуретах; думал я, Собор нужно только закончить, и записывать что-либо не приготовился. Между тем — утро прекрасное — прохладно и так славно сидеть в великолепном здании — отчего не поболтать? И растянули речи до двенадцати ровно! Следовало и записывать, ибо много и дельного сказано. Между прочим, Антоний Обата исхлопотал прибавку в две ены и тем, которые получают ныне и выше десяти, двенадцати, четырнадцати; — «но не иначе, как имеющим больше трех детей», согласился я.— Общий собор положено иметь чрез два года не безусловно, а если позволят средства.— Материал для составления истории Православной Церкви в Японии положено выслать из всех Церквей редактору Петру Исикава, обязавшемуся составить сию историю к Собору 1900 года.— О. архимандрит Сергей объявлен присланным от Святейшего Синода помощником мне,— будет посещать все Церкви, «чтобы слушались его и принимали его руководство»; о. Андроник назначен благочинным над священниками Сергием Судзуки, Игнатием Мукояма и Павлом Косуги и их катихизаторами и приходами.

С половины второго часа прием катехизаторов, снабжение их нужным для их Церквей и прощание с ними.— После всенощной исповедь священников.

5 / 17 июля 1898. Воскресенье

С семи утра до восьми вечера, за исключением времени Литургии и обеда, прощание с катехизаторами, с каждым отдельно, и раздача им содержания. За Литургией Петр Сибаяма рукоположен во диакона. В три часа было в Соборе браковенчание молодого катехизатора Нифонта Окемото с первой нынешней выпускной из Женской школы Еленой Саваде, дочерью умершего катехизатора Петра и сестрой катехизатора Павла Саваде. Наполовину сего богослужения прием катехизаторов был прекращен, так как комната нужна была для приема новобрачных из Церкви.

6 / 18 июля 1898. Понедельник

Цельный день — отпуск катехизаторов и священников и раздача всего нужного для них.— В Хакодатской Церкви антиминос совсем обветшал, по складкам прорвался. О. Петр Ямагаке принес его, и вместо него дан новый.

Илья Накагава, отправляемый в Иннай, в Акита, раздосадовал; тридцать восемь ен потребовал для переведения только жены и трех малых детей из Каннари. «На что же так много?» — «Дорогой надо остановиться на четыре дня для отдыха» и тому подобное. И цари без таких роздыхов совершают столь малые пути, а тут служитель Церкви! Но что делать! Пристанет, как липкое тесто, и полдня будет тянуть. «Согласен, бери!» — с сердцем прогнал я его в канцелярию.

Отцы архимандрит Сергей и Андроник уехали в Тоносава отдыхать.

Свадьба была Ераста Миясина с девицей из Каминояма, выбранной там им и проучившейся год в Женской школе. Ераст — первый младенец, окрещенный мною в Токио; ныне катехизатор; но жаль, что совсем плохой, точно полумертвый; в отца — Луку, который тоже такой.

В шестом часу посетил английский bishop Awdry и принес печатный отчет о Ламбетской конференции англиканских епископов в 1897 году. Я ему показал результаты нашего только что кончившегося Собора. Надеется он, что чрез десять лет bishop-японец будет заседать вместе с другими в Ламбетском дворце. Дай Бог ему! Я сказал, что у нас, напротив, нет надежды, что скоро из японцев будут епископы (потому что у нас нужно потверже хранить догматы и каноны, чем у протестантов). К сожалению, дальнейшему разговору помешали офицеры с «России», приехавшие прощаться, так как завтра крейсер уходит в Кобе.

7 / 19 июля 1898. Вторник

Утром, когда у меня сидел о. Петр Сасагава, пришедший проститься, попросить на ремонт храма в Сендае и прочее, приехал, тоже проститься, командир «России» Александр Михайлович Доможиров и вместе передать пожертвование на Миссию Великого князя Кирилла Владимировича: тысячу ен, а также пожертвование офицеров крейсера — сто ен, и свое собственное — сто ен — всего тысяча двести ен. Спаси их, Господи! В этом видно и промышление Божие о Японской Церкви. Слава Богу!

Катихизатор Стефан Мацуока, умный и во всех отношениях хороший молодой человек, просил Анну Кванно, начальницу Женской школы, высватать ему невесту из окончивших курс в Женской школе. Анна стоворила Ольгу Миясина, выпускницу прошедшего года; повидались они; по-видимому, понравились друг другу. Но вчера Ольга бежала из Токио вместе с своим братом Ерастом, отправившимся из-под венца с новобрачною прямо на место службы в Идзу. Или очень глупа, или имеет свой роман; во всяком случае нехорошо для репутации Женской школы.

8 / 20 июля 1898. Среда

Отпуск некоторых. (Всем катихизаторам дал ныне по фотографической карточке своей, священников — тоже большого формата).

Канцелярские занятия по распределению и прочее.

Из Тonosава гувернер учеников Мирон Сео прислал письмо, что содержание ученика обходится там двадцать три сен в день, кроме «сентаку», то есть по семь ен в месяц. Тотчас же написано отцам Сергию и Андронику, которые ныне там, чтобы ввел он расходы в пределы пять ен в месяц; если нельзя, чтобы дали сюда телеграмму; немедленно будут посланы деньги на обратный путь учеников сюда, а в Тonosава посланы будут на каникулы ученицы, на которых и пяти ен не потребуется в месяц. Тоже сказано и коочёю Ивану Акимовичу Сенума.

Была свадьба катихизатора Павла Хосои с Верой Намеда, сестрой умершего кандидата Климента Намеда. О. Борис браковенчал. Служит он очень хорошо: ясно, громко и с выражением.

Профессор Кёбер был: собирается писать о русской и японской философии для издателя в Германии, вызывающего его собственно на писание о последней.

9 / 21 июля 1898. Четверг

Чудный летний день: ясный, тихий и жаркий. Только работать в этот день довольно тягостно, а весь день мы с Нумабе просидели за записью

выдач содержания, путевых и прочего и за сведением счетов. А тут еще между работой неприятные посещения: утром больше двух часов пришлось вести беседу с судьей из Сидзуока Иоанном Исида, приемным о. катихизатора Фомы Исида; приехал встревоженный: «Почему Фома опять переводится с места? Ужели он нигде не годен? В таком случае я его возьму с церковной службы». Насилу уговорил я его не волноваться и не огорчаться. На этот раз, по крайней мере, Фома переводится не столько по своей вине, сколько по дрянным качествам его священника — младшего Савабе; оставить их вместе нельзя; но Савабе, избранного всем приходом во священники, труднее перевести, чем Фому, катихизатора, которого полюбили только христиане в Иоцуя. Фома притом переводится в хорошую старую Церковь, в Фукусима, где он будет один, научится скорее управлять церковью, не будет сталкиваться ни с кем, будет совершенно самостоятельным, а не под постоянным надзором и давлением священника, и прочее, и прочее. С Исида пришли и двое христиан из Иоцуя, очень опечаленные, что от них берется Фома, — засвидетельствовать, что он переводится не потому, что его не любят в Иоцуя, как говорит священник Алексей Савабе, а потому, что его не любит сей священник. Иоанн Исида ушел успокоенный.

Анна Кванно приходила рассказать, что и другое ее дело расстраивается: сговорила она за Стефана Мацуока, катихизатора, Фотину Такахаси, младшую учительницу; отец ее охотно дал согласие; сестра — Надежда, тоже, но Стефан попросил не очень торопиться и дать ему завтрашний день на размышление; этого довольно было, чтобы злая Надежда рассердилась страшно: «А, хочет думать, стало быть не очень желает, — не отдам сестру, да и только!» Сколько ни уговаривала ее Анна и старшие учительница — ее товарищи — куда! Разозлилась, так уж с ней слада нет. Принесла Анна обратно мне деньги, которые я дал на подвенечное платье Фотины.

О. архимандрит Сергей и о. Андроник вечером вернулись из Тоносава.

10 / 22 июля 1898. Пятница

На Собор собирались не все священники и катихизаторы: сорока пяти человек из них не было. И однако же дорожные приходившим на Собор и обратно составляют сумму 943 ены 38 сен. Содержание их в гостинице от третьего по двадцатое число июля стало: 514 ен 52 сен. Таким образом, нынешний Собор обошелся Миссии в 1.457 ен 90 сен.

О. Симеон Мии говорил, что продается в Кёото место, соседнее с нашим и точь-в-точь такой длины и ширины, как наше, — всего 267 цубо с зданиями за 5.600 ен. Я оставил у себя планец сего места и сказал, что извещу его, можем ли мы купить его, или нет, тотчас по сведении счетов расхода после Собора. Ныне я известил его, что должно покупать это

место. По-видимому, Господь помогает Миссии в сем деле. Тогда можно будет построить храм, не стесняясь размерами; да останется пространство и для домов священника и служащих при Церкви. Помогите, Боже, устроиться сему делу!

Из Тоноса вернулся иподиакон Моисей Кавамура: новый молитвенный дом почти готов для освящения; столовую для учащихся из оставшихся после разборки старого храма и дома камней и дерева начали строить. Содержание учеников обойдется в пять ен двадцать сен каждого (не в семь же ен!) в месяц. Ладно!

11 / 23 июля 1898. Суббота

Приходившие на Собор разошлись.

Рассылка содержания на восьмой месяц не приходившим.

Приведение в порядок шкапа с канцелярией.

До полдня жаловались на тяжесть и боль головы отцы Андроник и Сергей, к вечеру и у меня от жары разболелась.

12 / 24 июля 1898. Воскресенье

За Литургией Петр Сибаяма рукоположен во иерея для Нагоя.—

Иван Акимович Сенума, коучёо Семинарии, приходил советоваться: «Скоро родится ребенок; в Семинарии жить тогда с семейством еще неудобнее будет. Что делать?» Сказал я ему, что «пусть ищет квартиру по соседству; там поместится с семейством; но ежедневно к утренней молитве учеников должен быть в Семинарии и должен уходить к себе на ночь только уложивши учеников спать; в свободные от уроков часы может уходить к себе домой; для этого и должна быть квартира весьма близко от Семинарии. Буду давать ему на квартиру пять ен. Но если поселится далеко, или если не будет исполнять вышеозначенных условий, то ничего не дам». Впрочем, каких трактатов ни заключай, все будет скверно,— наперед знаю; если и когда неженатым был, почти никогда нельзя было найти его дома, в Семинарии, то уже, конечно, будет вечным «нетчиком» в Семинарии, когда выселит супругу из оной, да еще и первенец появится.

13 / 25 июля 1898. Понедельник

Утром кончена рассылка содержания не бывшим на Соборе. По сведении счетов оказывается, что отныне рассылка по провинциальным Церквям двухмесячного содержания священникам и катихизаторам будет составлять сумму 5.100 ен. Помогите, Боже!

О. Николай Сакураи вернулся от своих родных в Канаэцу и отправляется в Саппоро, снабдившись всем нужным по Церкви. Просил он прибавки содержания, но получает двадцать пять ен,— можно безбедно жить; отказал я.

Симеон Такаока вернулся от родных в Оота (Мито) и направляется в Кагосима; пенял я ему, что там Церковь в застое,— давно уже ни малейшего движения вперед; обещал он, что вперед будет успешнее. (Мало надежды!)

Анна Кванно приходила сказать, что устраивается еще свадьба: Александр Мурокоси, певец и помощник катихизатора из Немуро, засватал сестру о. Игнатия Мукояма, тоже учившуюся в нашей Женской школе. Мать ее не хотела было,— «далеко-де уходит», но Анна убедила ее. Выдал Анне двадцать пять ен на платье бедной невесте, за которую истинно рад; выдал потом Александр Мурокоси пятнадцать ен на платье же.

14 / 26 июля 1898. Вторник

Написано в Хакодате: 1. к Антонию Баба, Алексею Яманака и Павлу Канеко, на имя которых записаны два церковных дома, чтобы они переписали это недвижимое церковное имущество на имя священника Петра Ямагаки; 2. к бывшим церковным старшинам, чтобы они сдали о. Петру церковные деньги и отчетные книги; к о. Петру написано, чтобы он принял все это.— Но едва ли не придется ему принимать вместо всех этих реальных вещей воздух.— Все эти люди, за исключением разве Баба, равнодушного вообще к Церкви,— закоренелые враги его, желавшие во что бы то ни стало выжить его из Хакодате. Они теперь изводят церковные деньги на печатание пасквилей в газетах. Не удивительно будет, если и совсем ограбят Церковь, лишив ее с таким трудом собранного ее имущества. Урок на будущее: непременно записывать недвижимое церковное на имя священников, беря от них удостоверение, засвидетельствованное у нотариуса, или в казенном месте, что имущество не их, личное, а церковное.

15 / 27 июля 1898. Среда

Написал к Высокопреосвященному Иустину, архиепископу Одесскому: прошу его принять Японскую духовную Миссию в число Церквей, снабжаемых свечами церковными из Одесского епархиального склада. Приложил список сортов свечей, ныне нужных Миссии,— всего десять пудов, и вексель в уплату за них и за пересылку в 37 фунтов стерлингов 9 шиллингов семь пенсов; куплен он в HongKong and Sanghae Bank'e за 370 ен. Свечи в Одессе по 32 рубля белого воска и 28 рублей желтого. Посмотрим, достанет ли вексель на десять пудов.

В Коофу отправился «денкёосейто» Николай Абе — малонадежный; да и место-то малонадежное. Если начнется там Церковь, то это будет особенная милость и помощь Божия.

16 / 28 июля 1898. Четверг

Утром пришло письмо от о. Семена Мии из Кёото, что о покупке места, соседнего с нашим, он совсем условился; уступаю за 5.500 ен; на купчую нужно будет 110 ен, в «Куякусё» 55 ен, посреднику, писарю и прочим. Я тотчас же ответил, что согласен на все и что деньги вышло тотчас же, по получении от него окончательного слова. Купчая, как и прежде, на его имя; по совершении должна быть прислана сюда на хранение, вместе с свидетельством от него, что земля церковная, и прочее, как при прежней покупке.

Прибавил по два ен в месяц и певцам; они не только учат церковному пению, но помогают и по проповеди, особенно в провинциях, и тоже почти все — люди семейные.

17 / 29 июля 1898. Пятница

Утром приходил проститься катихизатор Яков Канеко, направляющийся с женою и двумя детьми из Касивакубо в Идзу, где не хотел служить (даже, несмотря на все мои уговариванья, не хотел остаться и в Одавара, где теперь нет катихизатора, а один священник) в Каминояма, в приходе о. Петра Сасагава. Снабжен был здесь не нещедро — дорожными на всю семью, пересылочными для багажа, содержанием на восемь месяцев и прочим, и все это, вместе с собственными деньгами его жены, и со всем, что было в саквояже, похищено у него мазуриком на станции Синбаси. Экий ротозей!

Приходил потом тоже проститься катихизатор Фома Исида, отправляющийся на службу в Фукусима. Рассказывал много и в мирном тоне про о. Алексея Савабе; в самом деле дрянной характер: вспыльчивый, грубо гневливый и злопамятный; о своей иерейской обязанности не радящий до того, что со времени поставления во священники — вот уж два года — ни одной проповеди не сказал в Церкви при богослужениях, все катихизаторов заставляет проповедывать; в город на проповедь тоже не ходит; вообще как будто проповедь совсем не его дело; христиан посещает только тех, кто ему нравится; с катихизаторами грубо властителен. — Все эти речи можно бы заподозрить в правдивости, если бы я не знал лично Савабе. Мои речи для него — «умано мими-ни казе»; доказательство — бесполезность многократных уговариваний моих обращаться хорошо с Фомой Исида, а не гнать его; мог бы подействовать на него его отец, но, к несчастью, он заживо погрузился в нирвану.

О. архимандрит Сергей отправился в Тonosава освятить новопо-
строенный там молитвенный дом.

18 / 30 июля 1898. Суббота

Утром получена телеграмма от о. Симеона Мии, из Кёото, что «первого числа (августа, в понедельник) решено совершить купчую», поэтому сейчас послан ему вексель на получение из банка Мицуи, в Кёото, 5.700 ен. Послано также свидетельство его, касающееся первой покупки, — «что земля церковная» и прочее, — чтобы он совершенно такое же прислал, в двух экземплярах, и насчет настоящей покупки. Написано, чтобы в конце августа дома непременно были очищены и вполне сданы ему, что в то время мы с о. архимандритом Сергием прибудем в Кёото и распорядимся насчет употребления их. О. Фаддей Осозава запустил свою болезнь горла — хрипоту; врачи находят, что теперь повреждение уже коснулось легких. Отправился он сегодня домой, в Одавара, к отцу, чтобы лечиться там в полном покое от дел и от говоренья.

19 / 31 июля 1898. Воскресенье

Утром крещено несколько младенцев и одна взрослая. Крестил о. Петр Сибаяма под руководством о. Павла Сато.

После обеда было браковенчание Александра Муросоки с Любовью Мукояма.

От Обедни заходил катихизатор в Оота Петр Мисима с христианином оттуда Павлом Мисима, недавно крестившимся. В Оота тринадцать домов христиан и, по словам Мисима, все состоятельные, бедных — никого. Поэтому внушал я ему и Павлу озаботиться там постройкой церковного дома, — не жалеть жертвовать для Бога, под расписку Спасителя в Евангелии, что сторицею будет возмещено, и так далее.

Вечером из Тonosава вернулся о. архимандрит Сергей: освятит там церковный дом, совершил сегодня Литургию в нем; хвалит приличное устройство его внутри и вне. Ученики, проводящие там каникулы, живут благополучно.

20 июля / 1 августа 1898. Понедельник

Утром отправился в Тonosава, и вместе в Одавара, посмотреть, все ли везде благополучно. В Одавара зашел к о. Петру Кано, который на вопрос: «Мирно ли здесь? Возмутители не предпринимают ли чего?». Отвечал: «Все мирно; возмутители в Церковь не показываются, но и не показывают особенной вражды». Пока переменили лошадей в дилижансе, мы с ним прошли почти весь город, разговаривая, причем я внушал

ему «любовью, миром, избеганием всякой гневливости и жестких слов действовать постепенно к умягчению и отрезвлению непокорных и к приведению их опять в ограду Церкви». Садясь в дилижанс, я распрощался с ним, чтобы на обратном пути не видеться, так как особенной нужды в том нет.

В Тоносава застал учеников здоровыми (половина из них — голыми, препоясанием на чреслах только, — боролись на площадке вправо от дома; костюм — неприличный [тогда как и плотники, работавшие тут же, пониже, были в коротких рубашках]; но я представился незаметившим; никто же не видит их здесь, а сами они и совсем голыми видят себя в ванне, купаясь каждый день несколько раз).

Молитвенный дом — небольшой и простенький по конструкции — действительно красив своею свежестию, убранностью и отличными иконами, памятью о. Владимира.

Но в доме, внизу, где ученики обедают в коридоре, циновки сделались до того грязными, что совестно; жаль, что я не подумал об этом, когда посылал переменить циновки во втором этаже. Обещал в возможно скором времени исправить это.

В строящемся небольшом здании для столовой Кавамура распорядился неудачно сделать дверь, в которую будут носиться кушанья из кухни, с краю стены против отхожего места. Велел переместить ее на средину, против двери кухни.

Ночевал внизу, в отлично устроенном иностранном отеле, но простудил желудок, забыв взять из Токио фланель.

21 июля / 2 августа 1898. Вторник

Рассчитавшись во всем насчет содержания учеников и распорядившись о постройках, отправился обратно; но должен был взять билет только до Одавара, так как оттуда был посол, приглашавший, вопреки нашему с о. Петром вчерашнему условию, остановиться в Одавара, чтобы преподать благословение христианам.

Действительно, человек тридцать, считая жен и детей, ждали меня у храма. Преподав благословение, я сказал им поучение — все по поводу того же возмущения некоторых против священника. Объяснял им их действия — новостью в христианстве и незнанием церковных правил, иллюстрацией чего особенно служит их последнее действие — жалоба на епископа священникам, собравшимся на Собор; убеждал поэтому относиться к ним с любовью, братски, мирно; не упускать случаев вразумлять их, но делать это со смирением и тихостью.

Из Церкви христиане пригласили в дом о. Петра и предложили разнообразное угощение; а я и есть ничего не мог по расстройству желудка; зато привез в гостинец, по неотступным настояниям взять с собою,

секретарям — ящик с кастерой, отцам Сергию и Андронику карман слив. Чтобы не остаться в долгу у добрых христиан, оставил им пять ен на новые ворота в ограду Церкви, взамен совсем обветшавших теперешних. Дома, в Токио, нашел телеграмму из Кёото от о. Симеона Мии, что купчая на землю для Церкви совершена благополучно.

22 июля / 3 августа 1898. Среда

Целый день был болен неунывающимся расстройством желудка и поклялся вперед быть крайне осторожным, большею частью из-за собственной глупости человек страдает. И поделом ему! Не будь ротозеем, а будь собран мыслию, словом и делом.

От о. Симеона Мии пришли документы: купчие на два участка земли, состоящие с нашим местом в Кёото, всего на 268 цубо, с строениями, конечно, негодными для наших целей, и его свидетельство, что участки, купленные на его имя, принадлежат Церкви, а не ему, и так далее. Слава Тебе, Господи! Место для храма есть. Да поможет Господь воздвигнуть его во время, благоприятное для сего!

23 июля / 4 августа 1898. Четверг

Утром послал о. Семену Мии, в Кёото, сто ен в доплату к прежде посланной сумме за землю. В сей посылке пятьдесят ен от меня самому о. Семену за труды и хлопоты по покупке.

Сдавал дела по рассылке содержания в середине месяца по ремонту зданий и прочего о. Андронику, сообщаясь завтра утром отправиться в Хоккайдо.

Из церковных писем сегодня: 1. христиане в Каннари и о. Иов Мидзуяма просят «оставить там катихизатора Илью Накагава, назначенного Собором в Иннай». — Нельзя. Ужели погасить слабый светоч в Иннай, едва возжженный, — грех был бы. 2. О. Матфей Кагета пишет, что у «катихизатора Фомы Михора доктор Моисей Оота нашел чахотку в опасной степени, и он должен отправиться домой, в Вакуя, для лечения». Нечего делать!

«Катихизатор в Хамамацу Петр Хисимото разругался с женой доктора Моисея Оота, Лидией, и не может там долее оставаться». Оба хороши: один — юный глупец, другая — пожилая болтуха. Пусть Хисимото отправляется в Кега, на место уходящего Михора, а Хамамацу поступит в заведывание катихизатора в Тоёхаси, Павла Цуда, так как отдельного катихизатора для Хамамацу нет.

Анна Кванно, начальница женской школы, совсем плоха; можно опасаться, что на днях помрет. Извещенные об опасности прибыли к ее ложу из Оосака сын Пантелеимон с женой и племянницей Марфой.

Впрочем, я нашел ее утром бодрою духом и находящуюся еще послужить Церкви. Дай Бог!

24 июля / 5 августа 1898. Пятница.

На дороге в Хакодате

Утром, в семь часов, мы с о. архимандритом Сергием выехали для посещения Церквей в Хоккайдо. Заведывание Миссией оставлено о. Андронику; оставлены ему чеки для рассылки содержания за девятый и десятый месяцы, сказано, какой произвести ремонт в домах, и прочее.

25 июля / 6 августа 1898. Суббота.

На пути и в Хакодате

В четыре часа пополудни пароход вошел в Хакодатский рейд; в пять часов мы с о. архимандритом были в своем доме у Церкви. Все нашли благополучным по Церкви, кроме того, что возмутители церковного мира, вопреки моему письму к ним, не передают о. Петру церковных домов, а новый «гиюу» — церковных денег и отчетных книг.

После всенощной сказал поучение катихизатор Александр Хосокава; молящихся было человек пятнадцать.

26 июля / 7 августа 1898. Воскресенье.

В Хакодате

За Литургией было молящихся человек тридцать. Я сказал поучение о церковном мире. Гиюу пришли потом ко мне и просили сказать прежним гиюу, возмутителям, чтобы они передали им церковные деньги, не имея которых они в затруднении. Поэтому я посетил главных из возмутителей — Фукухора, Канеко и Алексея Яманака. Первый отозвался, что он не имеет ничего против передачи, но что все дело поручено Якову Канеко; сего и Яманака я застал у Антонина Баба; Канеко отозвался, что они ныне «гинмисуру», — «исследуют, нужно ли передать», — совершенно воровской ответ. И начал он спор со мной, что «тоохёо» тогда были «фукоохей», что «правила для гиюу» я не имел права изменить без их согласия, и прочее. Алексей Яманака подтвердил его. Эти два человека — самые вредные для Церкви в Хакодате, несмотря на то, что последний — один из самых старых христиан, служивший некогда и катихизатором. Долго еще будут мучить христиан, пока передадут церковное имущество, что, вероятно, принуждены будут, наконец, сделать.

В двенадцать часов ночи мы с о. архимандритом стояли на пароходе «Муцу» и отправились на нем в Немуро.

27 июля / 8 августа 1898. Понедельник.

На пути в Немуро

Погода тихая; пароход идет спокойно. Но расстройство желудка мешает наслаждаться добрым путешествием. О. архимандрит тоже не совсем здоров.

28 июля / 9 августа 1898. Вторник.

На пароходе и в Немуро

В одиннадцатом часу прибыли в Немуро. О. Игнатий Като и катихизатор Моисей Минато с несколькими христианами встретили на шлюпке; много христиан ждали на берегу. Зашедши в гостиницу и переодевшись, мы тотчас же отправились в Церковь, где человек сорок, считая детей в том числе, христиан Немуро и Тонден встретили нас. Церковь устроена довольно прилично; все ново, чисто; амвон только не в меру возвышается над местом христиан. О. Игнатий отслужил обедницу. Читает Моисей Минато очень хорошо; пели человек пятнадцать детей, подростков и больших; кроме «Благослови душе моя Господи», все пропели в один голос довольно стройно. Я сказал поучение, начав апостольским приветствием: «Радуйтесь о Господе», что узнали Небесного Отца, и прочее. Потом дети испытаны в знании молитв; наполовину из них прочитали «Отче наш» и получили по иконке; другие — или по застенчивости, или по незнанию — не читали. Дано родителям наставление воспитывать религиозное чувство в детях, чему и Ангелы-Хранители детей будут невидимо помогать. Хотели было рассмотреть метрику, но так как был уже второй час, и христиане, да и мы, утомились, то отложили это дело до вечера.— Вернувшись в гостиницу и пообедавши вчетвером (о. Игнатий и Моисей с нами), мы отправились по домам христиан и до вечера посетили всех, то есть пятнадцать домов. В половине домов — христиане и язычники вместе, что показывает неприлежное служение священника и катихизатора; коль скоро муж христианин, как не обратиться и жену? А еще лучше: в одном доме мать христианка, а сын с женой язычники, да и мать-то такая плохая христианка, что, кажется, они именно зажгли лампаду пред идолами, на языческой божнице, в числе которых особенно заметны были две лисички, между тем икона Спасителя прилеплена на стене, как картинка. Вообще, Церковь еще молодая, требующая воспитательного попечения. Из старых христиан, мне известных, мы нашли здесь Филиппа Эгуци, одноглазого учившегося некогда в Катихизаторской школе, ныне адвоката здесь,— почти совсем забывшего христианство; еще Андрея Сасаки, ныне, впрочем, находящегося в отлучке; семейство его кажется добро-христианским, что хорошо рекомендует Андрея; почему сказал я о. Игнатию, чтобы допустил его до

Святых таинств: пятнадцать лет довольно эпитимии за то, что он увел невесту из дома родителей совсем неблагоприятно и стал жить с ней без благословения Церкви.

Вечером, в гостинице, мы вчетвером просмотрели метрику, по которой здесь крещеных больше двухсот человек. Почти вся эта масса в разброде по другим местам для добывания себе хлеба насущного. Из находящихся налицо совсем охладевших к вере очень мало. О. архимандрит Сергей сделал на метрике свои пометки.

Александра Мурокоси, когда он прибудет сюда, положили мы перевести на катихизаторство в Куширо; здесь довольно — для Немуро — проповеди о. Игнатия, для Тонден — Моисея Минато. После Немуро Куширо самый большой город в пределах прихода о. Игнатия; больше же Мурокоси туда послать некого.

29 июля / 10 августа 1898. Среда.

Вада но — Тонден и Немуро

Утром, в восемь часов, отправились мы вчетвером посетить братьев в Тонден. Три мальчика христианина несли за нами узелки с облачением, кадиллом и книжками для богослужения. Казаки японские (подражание русским), всего домов четыреста, рассеянно поселены на широкой плоскости; каждому от казны построен дом и дано пять тысяч цубо земли; чрез десять лет дом и земля обращаются в собственность казака. Живут казаки бедно. Мы посетили десять домов наших христиан между ними, рассеянных на пространстве двух ри; в два дома еще дальнейшие не пошли, — виделись со всеми обитателями их в молитвенном доме. Последним служит дом одного казака, служащего школьным учителем в другой деревне. Дом свой, как свободный, он отдал для сего употребления, пока не имеет в нем нужды. Дом маленький, очаг в той же комнате, где молятся, циновки заношенные, стены, оклеенные старыми газетами. К часу, пополудни, согласно вчерашнему условию, собрались в нем все братья и сестры с детьми. Отслужил о. Игнатий вечерню; я сказал поучение о непрестанном служении Богу — каждого в своем звании. После разговорились о делах Церкви; наши христиане здесь — лучшие люди местности: школьные учителя, старшины, чиновники; поэтому и вперед надежда на успех проповеди несомненна, только нужно, чтобы катихизатор Моисей Минато постоянно здесь жил. Я вполне согласился с этим; дал тридцать ен на приведение дома в вид приличный для молитвы и удобный для помещения катихизатора; этого почти довольно, недостающее восполнят сами христиане, которых, по бедному состоянию их, стеснительно просить о большем пожертвовании. Нанесли христиане яиц для угощения нас, забыв, что сегодня среда; когда же о. Сергей напомнил им о том, они яйца спрятали и угостили нас вареным картофелем,

который составляет лучший продукт их огородов.— В три часа мы отправились посетить дома, лежащие дальше молитвенного дома; последним был дом казака Петра Танака, высокого бородача, не хуже русских казаков, имеющего медаль и пенсию за отличия на войне, и самого усердного здесь к Церкви. Он уже пожертвовал часть своей земли (50 + 70 кен); когда она станет вполне его собственностью,— для постройки церковного дома, или храма, если Бог поможет, и больше всех просил, чтобы в Тонден был безотлучно катихизатор, «если этого не будет,— протестанты возьмут силу там», опасается он, «там уж один дом баптистский есть, и епископалы ладятся завести там проповедь. До сих пор протестанты не имели успеха, препятствуемые православием; нужно, чтобы и вперёд было тоже».

В сумерки мы вернулись в Немуро, довольно усталые, выйдя за день верст двадцать пять.

*30 июля / 11 августа 1898. Четверг.
Немуро*

Утром о. Игнатий Като сообщил сведения о настоящем числе христиан на острове Сикотане: мужчин шестнадцать, женщин двадцать четыре, детей мужского пола (до брачного возраста) девять, женщин тринадцать, всего шестьдесят два человека, в шестнадцати домах.— Купил я для них подарков:

кадку сахара — белого песка	12 ен	50 сен
16 фунтов зеленого чая, по 45 сен фунт	7 ен	20 сен
2 фунта китайского чая, по 60 сен фунт	1 ена	20 сен
30 пачек табаку, по 19 сен пачка	5 ен	70 сен
три дюжины платков, по 15 и 10 сен платок	4 ены	80 сен
одну штуку ситца, в 24 ярда	5 ен	90 сен
пять сортов цвета ниток	2 ены	50 сен
Всего на	39 ен	80 сен

Купцу Григорию за комиссию дано: 1 ена 20 сен.

Подарки приготовлены, чтобы завтра взять на пароход.

После обеда, в три часа, сходили на кладбище, чтобы отслужить литию по нашим покойникам, которых там человек двадцать.— Есть несколько протестантских могил и одна католическая. Между первыми — могила миссионера Карпентера, умершего здесь в 1887 году; на ней значится, что он трудился двадцать три года для индейцев (аборигенов в Бирме) и один год для айнов и японцев. Жена его живет в Немуро и ждет времени лечь здесь рядом с мужем,— замечательный образчик верности мужу.

31 июля / 12 августа 1898. Пятница. Немуро

Вчера, возвращаясь с кладбища, мы зашли к Mrs Carpenter, но не застали ее дома. Сегодня она сделала нам ответный визит. Интересная старушка, преданная Богу и памяти своего мужа. Говорила, что Миссия их в Бирме, между горными аборигенами, началась с 1818 года и ныне у них между семи людьми сорок тысяч христиан — баптистов. Муж ее, служа там двадцать три года, так наконец ослабел от малярии и ревматизма, что никак не мог долее оставаться там, но вернувшись к себе, близ Бостона, в продолжение пяти лет восстановил настолько здоровье, что захотел непременно продолжить миссионерскую службу, но не в Бирме, где ему угрожала смерть, а наметили они местность жительства айнов, соответствующую по широте Бостону, и прибыли потрудиться между ними; по совету с Bishop'ом Bickersheth и Rev. Batcheleur'ом, трудящимися между айнами в Сораци и прочих местах на западной половине Эзо, они избрали восток, где айны в Сибецу, на Кунасиро и других местах, и поселились в Немуро, но муж и года не выдержал, — помер. Она оставила мысль обращать айнов, а научилась по-японски и обращает японок и японцев. Брат ее мужа прибыл сюда и построил ей дом, но три года назад, в большой здешний пожар дом со всем имуществом ее сгорел. Она, однако, не упала духом, а трудится здесь по-прежнему; только зимы проводит в Хакодате, так как здесь в холода негде жить. По ее словам, у Бачелёра ныне из айнов человек пятьсот христиан; в Сораци есть училище для них; перевел он на айнский язык половину Нового Завета и напечатал латинским шрифтом. Айны теперь быстро сливаются с японцами, не брезгующими брать айнок в жены, особенно на промыслах, где мало японок; и в два десятилетия больше чистых айнов, вероятно, уже не останется.

С трех часов был в Церкви симбокквай, на который для угощения вчера я дал три ены и о. Сергей две ены. По случаю дождя мы с о. Сергием на полчаса опоздали. Почти вся Церковь была в сборе — здешняя и из Тонден. Начали молитвой, — о. Игнатий в эпитрахили благословил; пропели большим хором довольно стройно. Потом о. Игнатий сказал проповедь о превосходстве христианства пред язычеством. Я рассказал историю Товита и Товии. О. Сергей говорил о воспитании веры. За сим следовало угощение. Среди его Филипп Эгуди встал и предложил свои воспоминания о времени, когда он был, двадцать лет тому назад, в Катихизаторской школе. Попросили меня рассказать о том времени, когда я прибыл в Японию, что я и сделал, рассказав потом об о. Павле Савабе, о. Иоанне Сакае. В семь часов симбокквай закончился, и мы вернулись в гостиницу. Казак Петр Танака проводил меня вместе с своею маленькою дочуркою, которую все просит принять в женскую школу и воспитать в благочестии на службу Церкви, взамен его, так как он сам некогда намеревался посвятить себя Богу в качестве катихизатора, для чего и

воспитывался в епископальной школе в Токио полтора года; болезнь отца помешала ему кончить там курс; потом он обрел настоящую истину Христову в православии, что считает делом Промышления Божия о себе, почему еще больше горит желанием посвятить свое единственное дитя на служение Богу. Я обещал ему непременно принять ее в Женскую школу и способствовать исполнению его благочестивого желания.

1 / 13 августа 1898. Суббота.

Немуро. Сикотан

В восемь часов утра вышли на пароходе «Кванкомару», Юусенквайся, из Немуро и в пять часов вечера были у острова Сикотан, в заливе, где поселение наших христиан-курильцев. Прежде всего бросается в глаза здание Церкви, небольшой, но имеющей вид настоящего церковного здания. По берегу видны были люди, бегущие к стоящей вдали от деревни шаланде. Заходящее солнце обливало мягким светом мирную картину деревеньки, видимо бедной. Долго мы ждали, пока подойдет шаланда, гребущими в которой оказались молодые женщины с несколькими мужчинами. На наши вопросы все назвали себя христианскими именами, весьма чисто произнесенными, но никто не мог говорить по-русски; знали некоторые только по несколько слов. Быстро свезли нас на берег, где мы прежде всего пошли в Церковь и нашли ее очень чистенькою; пол деревянный, без циновок, чисто вымытый; алтарик — на возвышении и задергивается занавеской; икон достаточно; священническое облачение есть; на престоле славянское Евангелие; все — присланное из Миссии. Потом, пока светло, пошли осмотреть дома христиан. Всех — двенадцать посетили; один был заперт на замок, за отсутствием жителей; еще две семьи живут совместно с другими. Дом Якова Сторожева, — староста между ними, находившегося в отсутствии, на рыбной ловле, — лучший, более других просторный, половина домов дощатые, другая половина из соломы и тростника. У всех очаги в передней комнате, кровати во второй; спальные принадлежности плохие и грязные. Дома вообще изобличают убогое бедное существование. За каждым домом — землянка для житья зимою, — шалаш, засыпанный землею, с отверстием вверху для выхода дыма и одним окном. У старухи Степаниды — вдовы, трудолюбивой и искусной огородницы, — по обе стороны дома отличный огород картофеля. На лугу, за домами, паслись десять коров. В домах везде мы нашли иконы, но закопченные. Нужно прислать им новые, на деках.

Когда стало темнеть, мы все собрались в Церковь. Виссарион стал звонить в небольшой колокол, привешенный над входом, и звонил, пока приготовлено было все к началу богослужения. Оказалось, что нужно дать молитвы трем родившим и миропомазать двух младенцев, крещеных самими христианами (третий помер). О. Игнатий, облачившись,

это сделал. Потом архимандрит Сергей отслужил по-японски вечерню. Пели: о. Игнатий, Павлин — молодой человек, три-четыре девицы и много детей; пение было не совсем стройное, но и не хуже, чем в иных японских Церквах. Всей всенощной мы служить не могли, ибо нужно было к девяти часам поспеть на пароход. После вечерни я, в епитрахили и малом омофоре, сказал небольшое поучение и оделил все дома иконками — по две, певчих, да и всех желавших образками и также всех серебряными крестиками. На отсутствующих также даны были, а их оказалось семнадцать человек, отлучившихся на рыбные ловли. Кончивши все в Церкви, мы пошли в дом Якова Сторожева, где были два тюка с вышепрописанными подарками и передали их всех, сказав, разделить беспристрастно, что они и сделают, ибо живут весьма дружно, и всякий делится всем со всеми, точно первобытные христиане. Тут же мы с о. Сергием получили от многих подарки их изделия — разных форм коробки, сплетенные весьма крепко и искусно из соломы, дали им окончательное благословение и простились с ними. Всей толпой они проводили нас до шаланды, в весла которой сели по-прежнему девицы и молодые люди; первые в своих хороших платьях, в которых были в Церкви, не успев переменить их. С напевом — сначала альтами, потом дискантами — мелодично грустным и с видимым одушевлением и усердием они скоро доставили нас на пароход и здесь еще раз простились и приняли благословение. Грустно мы расстались с ними. Добрый отломок это знаменитой Церкви Иннокентия, славного нашего миссионера. Куда нашим христианам равняться с ними! С коих пор они разлучены с наставниками и со всем христианским миром и до сих пор какие превосходные христиане! Ни воровства между ними, ни лжи, ни обманов, ни вражды, а правда, честность, любовь, смирение и прочие христианские добродетели. Бедно и невзрачно одеты в доме и на своих делах, а в Церковь все идут чисто и в лучшие свои платья одетыми, и идут все до единого — и стар, и млад, так что в домах никого не остается во всей деревне. Быть может, им дозволят переселиться на прежние их места, на Парамушир; тогда, Бог даст, они сохранятся от вымирания; здесь же, если останутся, вероятно, не долго будет существовать деревня: уже больше половины, по переходе сюда, померло от недостатка той пищи, которую они имели на Парамушире.

2 / 14 августа 1898. Воскресенье.

Сяна и Рубецу, на Итуруп

В девять часов вчера вечером снявшись с Сикотана, сегодня, в двенадцатом часу, стали на якорь у городка Сяна на острове Итурупе. Здесь сто двадцать домов жителей; у нас две христианские души — дочь начальника города (сёчёо), шестнадцатилетняя девица, учившаяся в Хакодатской

школе и там крещенная, и секретарь его Павел Судзуки, родом из Яманоме, крещеный лет двадцать тому назад и с тех пор служивший по местам, где нет нашей Церкви. И та и другой не совсем потеряли веру; дал им по иконке и обещал прислать книг Судзуки и сёчёо.— Здесь же мы видели приготовление рыбных консервов из масу, которая при нас привезена была еще живую, потрошена, очищена, уложена в жестянки и запаяна; оставалось варить ее паром, чего мы не дождались.

В пять часов бросили якорь в Рубецу, где домов сто, у нас один христианин — Стефан Хосоно, чиновник, охраняющий здесь лес от безалаберного пожигания его рыбаками. О. Игнатий Като поехал на берег найти его; меня же капитан парохода попросил сказать проповедь служащим на пароходе, что я и сделал; собрались в кают-компанию человек двадцать; офицеры сели за стол, командца на циночках, и слушали довольно внимательно катихизацию, обычную для первых слушателей,— о Боге едином, о Святой Троице, о сотворении мира и человека и грехопадении, от которого Создатель пришел искупить.— Так как капитан и офицеры показались мне заинтересовавшимися, то я обещал прислать им христианских книг для дальнейшего наставления их. Когда окончилась катихизация, вернулся о. Игнатий с берега и привез с собою Стефана Хосоно, который был очень обрадован свиданием с нами. Он родом из Акита, крещен в Хакодате, служил потом писцом у начальника над нашими христианами на Сикотане, был в Церкви чтецом при богослужениях с ними, вообще христианин добрый. Дал ему иконку и обещал прислать христианских книг.

В Рубецу нашему пароходу не было никакой нужды заходить; зашел же он и стоит здесь ночь, по причине тумана, опасного для судов в этих местах. С нами же ныне пять человек иностранцев, взятых из Сяна, потерпевших крушение у этого острова и потерявших шхуну, с которой они пушного зверя в этих местах промышляли.

3 / 15 августа 1898. Понедельник.

Рубецу и на пути в Немуро

Утром было светлое; мы с парохода любовались селениями и их окружающими горами. Здесь, кажется, было место подвигов наших вбалмошных лейтенантов Хвостова и Давыдова, за каковые подвиги заплатил своими страданиями в плену Головнин с товарищами. В девять часов снялись и шли целый день в виду берегов Итурупа и Кунашира.

4 / 16 августа 1898. Вторник.

На пути и в Немуро

С двух часов ночи начался туман, почему «Кванкомару» шел медленно, утром останавливался и в одиннадцатом часу, наконец, бросил якорь

в Немуро. Мы опять остановились в гостинице Ямагата, где первым делом предложили теплую ванну, потом японский обед. Пообедав вчетвером (о. Игнатий и Моисей Минато с нами), мы учинили совет: не съездить ли о. Сергию с о. Игнатием в Сибецу и Кумбецу? Верхом по берегу шестнадцать ри до Симбецу и пять до Кумбецу. О. Сергей верхом почти совсем не ездил, но ведь нужно же учиться; посещая Церкви, не обойдется без сего способа путешествия. Я совершенно предоставил ему решить: поезжать, или нет: первое нужно в интересах Церкви, хотя и не совсем, — христиан там домов пять, второе — опасно по его неопытности в верховой езде. Он выбрал первое, и завтра утром они отправятся, почему о. Игнатий пошел заказать лошадей. Я с первым судном отсюда уйду в Хакодате, чтобы оттуда в Токио, Кёото, Осака и к концу месяца опять в Токио. О. Сергей потом, быть может, посетит и Кусиро, после чего отправится в Саппоро, к о. Николаю Сакураи, чтобы с ним осмотреть Церкви его ведомства.

Из Токио письмо от седьмого августа нового стиля, что Анна Кванно окончательно в безнадежном положении: желудок отказывается варить, поддерживают ее существование введением питания посредством клистирной трубки.

5 / 17 августа 1898. Среда.

Немуро

Утром, в восьмом часу, о. архимандрит Сергей и о. Игнатий Като отправились верхом на лошадях в Сибецу. Мы с катихизатором Моисеем Минато сходили в молитвенный дом в Тонден посмотреть, как он поправляется: один плотник копается и, по-видимому, долго будет копать, пока выйдет что-либо из этого вместилища бедноты и грязи. Вернулись в гостиницу к двенадцати часам. Моисею сорок пять лет; женат был два раза, оба неудачно; второй раз развелся с женою уже будучи христианином, за беспутство ее; еще жениться не желает; это хорошо, но пусть же держит имя свое безупречным: будет жить один в молитвенном доме, в Тонден; так пусть отнюдь не принимает у себя женщин в одиночку, чтобы не вышло какого-либо подозрения и нареkania. Пусть в свободное время разводит огородик и цветник, в пример трудолюбия христианам... Все это я внушал ему дорогой.

Вечером, с половины седьмого часа (ибо в шесть еще почти никого не было), мы отслужили в церковном доме всенощную, пред завтрашним праздником Преображения Господня. Я был в эпитрахили и малом омофоре, за неимением более полного облачения, и служил за священника и диакона, Моисей в стихаре читал и заправлял хором, розня сам больше других, маленький сын Андрея Сасаки подавал кадило; пели Ирина, — жена о. Игнатия, сестра Петра Тоокайрина, что ныне здесь замужем за чиновником, и много малышей обоих полов; пели бойко и

храбро, но иной раз так все врозь, что хваля их в душе за усердие, невозможно было воздержаться от улыбки. Молящихся было человек десять больших и несколько детей; язычников виднелось человек пять-семь. Всю всенощную правильно и истово мы отправили, за исключением величания, которого певчие не знали, и ирмосов, которых не научились петь. По окончании я сказал поучение «об уничиженном состоянии Спасителя для спасения людей и о проявлении Божией славы Его на Фаворе для укрепления веры учеников».

Так как о. Игнатий принес мне сегодня утром собранные от христиан пять ен, к которым, по условию, я должен приложить пятнадцать для покупки органа в Токио и высылке сюда для обучения певчих, то, можно надеяться, пение здесь потом значительно улучшится, ибо о. Игнатий учился когда-то в Певческой школе и это дело разумеет.

6 / 18 августа 1898. Четверг.

Немуро.

Преображение Господне

Забраться сюда легко, выбраться трудно; не только сегодня, но и завтра, кажется, придется пробыть здесь, за неимением судна, идущего в Хакодате.— Ночь здесь проводится покойно, за неимением москитов,— большое преимущество Немуро пред всей Японией летом. По утрам здесь, кажется, всегда туман. Дни теплые, но не жаркие, такие, как в Токио в конце сентября. По улицам нигде не видно дзинрикися, что делает хождение по ним приятным, зато вечером темно на улицах, хоть глаз выколи,— фонарей город еще не надумался поставить; впрочем, город сделал и более важное: провел по улицам хорошую воду, которую и цедят обитатели из чугунных тумб в свое здравие и удовольствие.

В девять часов утра должна была начаться Обедница, но ни одного человека не пришло, из исключением старухи Ирины, что из Хакодате, мною когда-то крещенной. Подождали полчаса, пока Моисей куда-то бегал; должно быть сгонять благочестивых христиан в Церковь; набралось четыре мужчины, из которых один, слепец, еще не крещен, семь женщин и несколько ребятшек. Я облачился в эпитрахиль и омофор, Моисей в великолепный стихарь, и стали служить. 3-й Час читал он тихо и торопливо, а дети шумели и кричали; велел читать громче, чтобы находящиеся в Церкви могли слышать, а детей велел унять. Пели сегодня лучше, чем вчера. По окончании Моисей сказал проповедь, и сказал недурно; видно, что прочитал толкование на Евангелие и приготовился; потом я сказал о важности молитвы, особенно общественной, и так как тепер Успенский пост, о необходимости исповеди и приобщения Святых Таин.

Вернувшись в гостиницу к двенадцати часам, мы пообедали вместе с Моисеем, и се опять скука и ожидание судна.

В девять часов пришел на «Кванкомау», из Абасири, адмирал Ито (герой сражения с китайцами на Ялу), осматривающий заливы по острову Эзо, чтобы выбрать военный рейд для северной стоянки судов. Поднялся шум в гостинице и не прекращался до двух часов ночи. Зато же и гостиница мстит таким производителям шума; с пятого часа утра начинается грохот дверей и чистка всего, — мытье коридоров, метенье комнат и прочее, — изволь тут спать! Я встретился с адмиралом в коридоре на рассвете, — раскланялись и перекинулись словами; познакомился с ним на «России» во время обеда, когда мы подряд с ним сидели против Великого князя Кирилла Владимировича.

7 / 19 августа 1898. Пятница.

Немуро

И холодно же здесь по утрам от тумана, который вот почти каждое утро застилает окрестность до того, что суда на рейде едва видны из гостиницы Ямагата, стоящей на берегу. Вперед, в самое жаркое время года, не выезжать сюда без теплой рубашки и шерстяного платья, чего ныне нет у меня.

После чая утреннего отправился с Моисеем Минато осматривать общественный сад: нашел гуляющую в нем лошадь и удящих рыбу в грязном пруде двух мальчиков, да много засохших деревьев, покрытых чужездным мхом до того, что казались мохнатыми и красивыми в сем виде.

После обеда стали приходиться сестры и братья прощаться: жена Андрея Сасаки, что родом из Никкава, с сыном лет двенадцати, принесшая кучу печенья, Петр Танака — казак, принесший свою рукопись о начале Церкви в Тонден, и прочие.

В девятом часу братья проводили меня до пристани, а Моисей до парохода. Простившись с ним, скоро лег спать, но привалила толпа дававших в городе пир адмиралу Ито, вместе с ним: говор, хохот, шум их, потом оставшихся на судне пассажиров первого класса не дал сомкнуть глаз до двух часов, как и в прошлую ночь.

8 / 20 августа 1898. Суббота.

Судно «Суруга-мау». В Немуро же

Вышли утром в девятом часу, по причине тумана и опасности плаванья во время его. Прошли по направлению к Акаси миль двадцать и вернулись в Немуро в исходе двенадцатого часа по причине тумана, который, однако, позволяет видеть все кругом в диаметре, по крайней

мере, пяти верст; просто — капитан трус; этак ни в какую пасмурную погоду нельзя ходить по морю, потому что на вид пасмурно, солнца не видать, — больше ничего. И досадно же! Да, невесело, по-видимому, и адмиралу Ито, но и он ничего не поделает; недавно тут пароход этой компании (Юусенквайся) наткнулся на непоказанный риф и погиб, — так все капитаны ныне в страхе и последнем градусе осторожности.

Адмирал рассказывал, что когда он был здесь, в Немуро, в первый раз, Мейдзи в четвертом году, то есть двадцать пять лет тому назад, здесь на берегу было только десять домов айнов и человек десять японцев, — так скоро вырос нынешний город Немуро, благодаря рыбе кругом здесь. Говорил адмирал, — отвечал на мой вопрос, нашел ли он удобный для военных судов порт в Хоккайдо, — что он совсем не для того ездит здесь, что он просто, пользуясь свободным временем, прогуливается для своего удовольствия, большею частию на лошади верхом, — как из Сои до Абасири, и опять будет из Акаси до Кусиро, что ни одной удобной гавани в Хоккайдо для военного порта нет. Но Филипп Эгуци, адвокат, едущий здесь же, вслед за сим в стороне говорит мне: «Станет старик трястись верхом для своего удовольствия! Конечно объезжает остров и осматривает все по делу». По какому же? Вероятно, на случай войны с Россией, осматривает, где и для каких действий удобно для России и для отражения ее Японией, и тому подобное. Других дел, кроме касающихся войны, и не может быть у таких выдающихся военных людей Японии, как адмирал Ито и генерал Каваками, в прошлом году осматривавший наше восточное побережье.

В шесть часов вечера Моисей Минато приехал на пароход и взял меня на берег, чтобы отслужить всенощную. В церковном доме ждали мы сбора христиан до семи с половиною часов; собралось человек двенадцать, и мы начали всенощную; после оной я, вместо проповеди, рассказал из Ветхого Завета историю Иосифа, стараясь говорить ее так просто, чтобы и дети заинтересовались и слушали до конца, что и было. — Вернулся на судно в половине одиннадцатого часа.

9 / 21 августа 1898. Воскресенье.

На «Суругамару» и потом на «Оваримару» в Немуро

Утром в девятом часу было так светло кругом, что капитан «Суругамару» решился идти, велел поднимать якоря; все очень обрадовались, но решимость капитана упала и пропала между двумя якорями, одним поднятым, другим так и оставшимся в грунте. Скучно, хоть плачь. К счастью, после обеда, во втором часу, приехал мальчик из гостиницы «Накамару» (брата Ямагата) с извещением, что отцы архимандрит Сергей и Игнатий Като вернулись из поездки в Сибецу и Кумбечу. Я тотчас же отправился к ним и слушал рассказ о их посещении христиан и весьма

надежных слушателей учения в Сибецу, и Павла Огава, разводителя рыбы в Кумбецу, или лучше за Кумбецу, в одном ри от него, при речке в лесу. О. Сергей благополучно съездил, ни разу не упав с лошади, при всей своей неопытности в верховой езде. Оба поездкой своей очень довольны. О. Сергей в подарок мне привез вешалку для полотенца айнской работы, сделанную из одного куска дерева и представляющую деревянную цепь, каковую вещь я взялся свезти в сохранности для подарка в Токио о. Андронику.

В седьмом часу, когда я был еще в гостинице, пришли сказать, что все пассажиры, за исключением адмирала Ито, переведутся с «Суругамару» на «Оваримару», только что пришедшую на рейд с Кунашира и имеющую сняться завтра утром для следования в Хакодате; на «Суругамару» же останется один адмирал с своим адъютантом, и будут они повезены завтра в Аккеси. Вследствие такого распоряжения я с чемоданом переехал на «Оваримару», на которой о. Сергей уже взял для себя билет, и мы оба ночевали на новом месте, получив по отдельной каюте.

10 / 22 августа 1898. Понедельник.

На пути в Хакодате из Немуро

Хотя тонкий «гас», как называют здесь туман, покрывал рейд не меньше, чем вчера утром, тем не менее капитан парохода «Оваримару» снялся с якоря ровно в четыре утра. Думали, что «Суругамару» с адмиралом останется на рейде, но ей, как видно, совестно стало, и она тронулась вслед за нами. Против мыса Носяпу, от которого мы вернулись третьего дня, так же было туманно, как и тогда, но наш капитан и не подумал возвращаться, а остановил винт минут на пятнадцать, потом еще на столько же, и мы прошли опасное место в виду маяка на мысе. «Суругамару» на этот раз сделала то же. Посаженная на мель «Харимамару» виднелась еще там же, за полмили влево от нас; ее еще не теряют надежду снять с рифа и спасти. Все утро до полдня мы видели много кашалотов и акул; первые выставляли свои хребты из воды и брызгались, вторые показывали перья на фунт и больше из воды.

11 / 23 августа 1898. Вторник.

На пути и в Хакодате

Утром, в десять часов, «Оваримару» бросила якорь на Хакодатском рейде, и мы с о. архимандритом Сергием сошли на берег, где встретили ожидавших о. Петра Ямагаки, катихизаторов и несколько братьев и сестер. Александру Муросоки, назначенному в Куширо, мы привезли три тюка его имущества, находившегося в Немуро, и сдали ему их тут же; он

с молодой женой целую неделю ждал нас в Хакодате, согласно нашей телеграмме из Немуро.

Пришедши в Миссию, отдохнувши несколько и напившись чаю, мы стали рассматривать планы перестройки училищного дома для двух катихизаторов, переделки в доме священника, новой дощатой ограды с западной стороны Миссии и сметы на сии предметы. О. Петр благоразумно распорядился пригласить губернского архитектора, старика Сакай, который начертил планы и сделал сметы, потом показал планы, с указанием, какой должен быть лес и прочее, четырем плотникам, которые и представили запечатанные пакеты своих цен. Теперь мы вновь все пересмотревши и обсудивши, сделал и небольшое изменение в плане квартир катихизаторов, позвали господина Сакая и четырех подрядчиков. Сакаю я предложил наблюдать за постройкой, за что с чертежами и сметой предложил пять процентов с материалов и работ, с тем, чтобы он уже с плотников ничего не брал. Он согласился. Тогда призваны были подрядчики, из которых двое оказались христианами. При них распечатаны были их пакетики, и работа досталась наиболее дешевому, Алексею Сато; кстати, и Сакай его знает за надежного человека. Цена его на три вышеозначенные постройки: 632 ены 65 сен,— меньше, чем по смете самого архитектора.

Потом призваны были три подрядчика, подавшие сметы на покраску крыши и обшивки храма и ограды масляной краской,— крыши два раза, прочего три. Из них один был тоже христианин, но самым дешевым оказался язычник Ито; подряд сдал ему за 138 ен.

Нужен еще переделать крышу в другом школьном доме и устроить там комнаты для вдовы о. Иоанна Сакая, Елены; много и других мелких и крупных построечных нужд, как-то: татами в квартире катихизаторов, очаги туда же, проведение воды в Миссию (семнадцать ен) и устройство двух «нагаси» при водопроводной тумбе и прочее, и прочее. Словом, всего построечный расход в этом году на хакодатский стан будет превышать тысячу ен. Но что делать! Нужно привести обветшалый стан в приличный вид, тем более, что в нем будут иногда проживать некоторое время миссионеры, особенно о. архимандрит Сергей, при своих посещениях вверенных Церквей.

12 / 24 августа 1898. Среда.

В Хакодате и на пути в Токио. Пароход «Цуругамару»

Так как вчера все, что нужно было сделать в Хакодате, сделано, то сегодня утром я положил отправиться отсюда в Токио. Пароход «Цуругамару» несколько запоздал приходом из Мурорана, и потому мы вышли вместо восьми часов утра в десять, но, вероятно, не опоздаем на прямой поезд в Токио из Аомори к пяти часам сорока минутам вечера. До парохода

проводила меня целая лодка братьев, сестер и детей с о. архимандритом Сергием во главе. Он остался в Хакодате, чтобы отсюда, чрез Муроран отправиться в Саппоро к о. Николаю Сакураи, и с ним затем обозреть все Церкви его прихода. Благослови его Бог на первое самостоятельное путешествие ко Церквам! Дай ему, Господи, быть истинным миссионером!

(Дописывается по прибытии в Токио). За обедом, в половине первого часа, на «Цуругамару», в котором участвовали капитан, два пассажира и я, стали вопрошать они о наших христианских делах, что подало повод к полуторачасовой беседе, бывшей настоящей катихизацией для язычников, Бог весть, насколько полезной, но выслушанной ими с беспрестанными поддакиваниями и другими знаками одобрения; во всяком случае бывшие мои слушатели — не враги христианства, и в частности, православия.

В Аомори катихизатор Симеон Мацубара и несколько христиан встретили на пристани, но проводили на станцию железной дороги, ибо пароход совсем запоздал, так что к отходу поезда едва успели. На станцию собрались мало, не все христиане Аомори, так что меня потом совесть укоряла, зачем я не остался вечер помолиться вместе с ними и сказать им поучение! Но совесть, к несчастью, тоже задним умом крепка; я почувствовал это уже тронувшись в путь, когда было поздно каяться.

13 / 25 августа 1898. Четверг.

На пути и в Токио

Выехав вчера, в пять сорок восемь часа вечера, со станции Урамаци, в Аомори, с прямым поездом в Токио, сегодня, в семь часов вечера, был на станции Уено, Токио, а чрез полчаса на Суругадае, дома. Нашел здесь все благополучным. Рассказал вкоротке о результатах путешествия, узнал главные здешние новости, из которых наиболее приятна та, что старуха Анна Кванно, начальница Женской школы не только не умерла, но значительно поправилась и подает надежду еще жить на благо школы. Оставленный хозяином здесь о. Андроник отлично вел дела: разослал содержание служащим Церкви, распорядился ремонтными работами и прочее.

14 / 26 августа 1898. Пятница.

Токио

Утром посетил болящую Анну, осмотрел ремонты зданий и стал читать церковные письма, которых накопилось сотни полторы. Перечитали с Давидом до полдня самые важные, исполнения по которым или ответы неотложны; потом он пошел с Нумабе писать ответы и отсылать

деньги, так как большая часть просьбы касалась оных. Я один прочитал письмо о. Петра Кано, адресованное мне в собственные руки. Пишет, что «возмутители мира в Одавара в постоянных сношениях с о. Павлом Савабе, недавно ездили в Токио к нему служить панихиду; письмо их ко мне с просьбой убраться о. Петра из Одавара, писано будто бы Ильей Сато с черняка, собственного о. Павлом,— так сам Илья говорил,— просьба их к священникам — внушение о. Павла», и так далее. Не верится, чтобы старик о. Павел, проученный своим неудачным возмущением в 1884 году, до сих пор был так неблагоприятен и неблагонамерен. Просит о. Петр внушить ему не поддерживать своим участием упорства христиан, а действовать к умирению их. Увидим.

После полдня семинаристы явились из Тоносава, где провели каникулы; смотрят очень бодрыми и здоровыми.

За всеобщей было очень мало христиан из города. Паникадила не зажигали, так как были отворены северные и южные двери храма — тягой задувало бы.

15 / 27 августа 1898. Суббота.

Успение Пресвятой Богородицы

Ровно восемнадцать лет, как я в последний раз служил с Высокопреосвященным Исидором в Петербурге, после чего простился с ним и отправился на вокзал для следования сюда. Когда, прощаясь, я упомянул, что «Бог даст мне еще увидеться с ним», он ответил: «Нет, где уж? А услышите, отслужите панихиду». Да молит его душа, столь участливая к Японской миссии, чтобы Господь поскорее просветил сию сторону светом Евангелия!

За Литургией было так много христиан, что о. Андроник удивился: «Праздник Богородицы чтут так же, как в России», — говорит; третьего дня он жаловался, что на праздник Преображения почти никого не было в Церкви. Погода сегодня была очень хорошая, оттого, видно, и пришло больше. Между прочими был один патер; сначала стоял в дверях, потом с доктором Кёбером в правом крыле Церкви, и заявил себя очень скверно тем, что ни на каждения, ни на благословения не преклонил хоть бы мало голову, а стоял совершенным истуканом; наш бы, православный, непременно отдал привет католическому епископу; ведь таинство священства взаимно нами признается и уважается. Но в этом то и выражается, что католичество — яд мира, и что ему предстоит то же, что было с ересью Ария, то есть исчезновение из мира. Протестантство не менее — перереженный гностицизм, отливающий всеми цветами красивой ящерицы; и его участь та же. Будущее чревато еще какими-то извращениями и извратителями до антихриста включительно, — но всех

удел — погибель. Только истинному Христову учению суждена несокрушимость.

День прошел в обычных мелких занятиях; ни на полчаса дверь не остается спокойною; по-видимому, все мелочи, — но жизнь и есть сцепление мелочей; большие кольца в этой цепи всегда и везде редки.

16 / 28 августа 1898. Воскресенье

Богослужение; после него много гостей. После обеда чтение накопившихся писем; вплоть до шести часов продолжалось оно с немногими перерывами, и все еще больше тридцати писем осталось на завтра. Замечательных мало. Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, пишет, что он во время проживания здесь на общей катихизаторской квартире в дни Собора поражен был дурным поведением некоторых молодых катихизаторов: в разговорах то и дело, что злословят священников и старших катихизаторов, напиваются пьяны и шумят; возвращаются поздно вечером и лезут в ванну с служанками; с последними ведут себя неприлично, и подобное. — Мы с Нумабе пересматривали список катихизаторов, стараясь догадаться, кого он понимает; и больше пяти-шести, действительно, молодых и дрянненьких людей, вроде Кувабара, Такаку, не могли никого заподозрить в вышеозначенных неприличиях. Советует Танака вперед размещать священников по комнатам катихизаторов при подобных собраниях; оно так и было доселе; нынче в первый раз священники, для удобства их взаимных совещаний, помещены были вместе, катихизаторы отдельно от них. Вперед нужно будет держаться прежнего обычая. — Жалуются еще Фома Танака будто священники выдают тайны, сообщаемые им на исповеди; таков будто священник Оосака (то есть Сергей Судзуки действительно, сверх всяких моих чаяний, — глуповатое дитя, кажется, на всю жизнь). Оставлено письмо его для прочтения — без имени автора — всем священникам совокупно на следующем Соборе, с напоминанием канонических прещений по сему предмету.

Катихизатор в Мидзусава, Иоанн Синовара, пишет толки языческих родственников и дворни княгини Анны Русу, будто смерть ее здесь в госпитале, куда она привезена была для лечения от чахотки, ускорена была предложением о. Павла Савабе исповедаться и причаститься. Злостные толки, которыми они стараются отчасти оправдать языческое погребение Анны. Но Господь примет ее душу не по погребению, а по вере.

17 / 29 августа 1898. Понедельник

Чтение писем и ответы и распоряжения по ним.

В школы являются учащиеся, — свидание с ними и расспросы некоторых о их Церквах. — Филипп Узава, катихизатор в Сука, привел двоих в

Катихизаторскую школу и хвалится хорошим состоянием своей Церкви; Лукина Оонума, жена учителя пения в Маебаси, привела двоих в семинарию и не нахвалится блестящим состоянием Церкви в Маебаси. Подавай Бог! Из Коофу двое просятся в Катихизаторскую школу. Ступай!

18 / 30 августа 1898. Вторник

Прием приходящих учеников, учениц и их родителей.

В Семинарии производился экзамен новичкам; собрались далеко не все; всего пятнадцать мальчуганов держали экзамен; из них двое язычников: сын придворного поэта, Фукуба, и сын одного богатого человека, отдаваемый к нам, по общему фамильному совещанию, для направления его поведения.

19 / 31 августа 1898. Среда

Профессора семинарии, кандидаты академий, составляли распределение уроков и пришли ко мне с просьбою — прибавить им жалованья; хотел я употребить для преподавания в Семинарии на место выбывшего Петра Исигаме Иоанна Фукуяма; они: «Не нужно Фукуяма, мы сами управимся со всем, но в поощрение нам разделите на нас жалованье Исигаме». Прислали они депутатами Пантелеимона Семеновича Сато и Иоанна Акимовича Сенума; первый с чисто ораторскими приемами говорил мне речь; я мало слушал его, обдумывал дело и сказал: «Сделайте распределение и покажите мне, потом о жалованье решим». Часов чрез пять принесли распределение; по пятнадцати уроков на каждого в неделю, тогда как прежде всегда было не больше двенадцати; предметы расположены довольно хорошо. Сказал я: «В продолжение месяца наблюдаю, во всей ли точности вы будете выполнять расписание; профессор должен быть в классе пять минут после звонка, — ни минуты позднее должен сидеть до выпускного звонка; должен дома готовиться к классу и говорить полезную лекцию, а не болтать зря, или сидеть молча. Если все это найду в точности выполненным, то разделю вам жалованье, шедшее Исигаме, — тридцать ен, по пять ен на брата». Пантелеимон Сато и Иоанн Сенума заверили, что «свято исполнят свои священные обязанности». Увидим.

Были еще Иоанн Акимович Сенума и его супруга Елена уведомить, что помирились с инспектрисой Женской школы Елисаветой Котама. Слава Богу! Но как это нелегко случилось! Анна Кванно, умирая (то есть когда все — и она сама — думала, что настал последний час ее, чего, слава Богу, еще нет) призвала к себе Елисавету и стала едва внятным голосом убеждать ее прекратить вражду: «Пусть Надежда Такахаси упорствует, — она не так важна в школе, но ты предназначена занять место начальницы

после меня, — ужели ты хочешь разорить школу? Перестать печалить епископа, который решил скорее уволить тебя из школы, чем оставить начальницей заведения, где главный предмет христианская любовь», и так далее. Котама обещала исполнить завещание умирающей — помириться. И ныне произошло сие. Главным посредником был старик Сергей Нумабе. У Анны, едва имеющей силы иногда приподняться до сидячего положения, заметил он приготовление к чайному угощению и дал знать Ивану Акимовичу и Елене; они пришли к ней и были приняты с материнскою ласкою; пришла и Елисавета Котама, — взаимно извинились и излили поток любезностей она и Елена; Анна была в восхищении и угостила их чаем, после чего Елена с супругом сделали визит Елисавете во второй этаж; все ученицы, вчера наставленные Анной (для чего она призывала их в свою комнату), видели это и отдавали поклон Елене. Видела это и Надежда Такахаси, все еще злящаяся, — она сидела на то время в конце коридора; но, вероятно, и ее недолго будет держать демон злобы в своих оковах. — Нумабе потом пришел ко мне возвратить деньги — месячное жалованье Котама и Такахаси, которое я когда-то послал им чрез него, чтобы они взяли и оставили школу, если не хотят помириться. И с ним мы порадовались, что Господь устроил дело к лучшему. Дай Бог и вперед мир, тишину и любовь!

20 августа / 1 сентября 1898. Четверг

Вчера о. Алексей Савабе, будучи у меня, сказал, что в квартале Усигоме, близ квартала Иоцуя, продается очень дешево место в 370 цубо, с домом, — по шесть ен за цубо. Пошел сегодня посмотреть, не годится ли для постройки Церкви. Оказалось негодным: в глухой местности, за военным корпусом.

О. Павел Савабе говорил, что, точно, к нему часто приходят немирные из Одавара служить панихиды, и так — жаловаться на о. Петра и подобное, и что он во время Собора научил их представить священникам жалобу на о. Петра. Но все это — не дело злонамеренности о. Павла, а дело его слабости. Просил я его внушать им смягчиться, прекратить вражду к своему священнику и, кажется, он будет делать это. Обещался я побывать в Одавара и посетить немирных, чтобы вновь убеждать их оставить вражду; просил о. Павла предупредить их о сем и дать наставление мирно принять меня с о. Петром и послушаться моих внушений.

21 августа / 2 сентября 1898. Пятница

В девять часов был молебен пред началом учения; я сказал на нем поучение учащимся, чтобы «яркою звездою пред душевными очами имели всегда свою цель, а она им напоминает ежедневно несколько

раз словами молитвы „Да святится имя Твое“, и чтобы старались уготовить себя для сей цели, развивая ум науками, сердце — взаимною любовью и соблюдением чистоты душевной, волю исполнением всех правил инструкций».

В Семинарии и Женской школе происходили симбокквай'и, на которые я дал по пять ен, ибо учащихся там и здесь много.

О. Андроник уехал в Оосака с поездом в 6 ч. Р. М.

22 августа / 3 сентября 1898. Суббота

В школах начались классы. Я располагал начать занятия переводом с Накаем; но болезнь желудка заставила целый день пролежать в постели, — простудил третьего дня, напившись после ванны из графина, хотя и не холодной, воды; так-то в старости делается слаб человек! — О. Андроник благополучно прибыл в Оосака, о чем дал знать телеграммой.

23 августа / 4 сентября 1898. Воскресенье

До Литургии было крещение младенцев.

Началось пред Литургией воскресная школа.

Вечером, в шесть часов, прозвонил колокольчик к занятиям, но в Катихизаторской школе не оказалось ни единого человека, в Певческой — только один, все прочие где-то на прогулках. Это побудило меня поручить надзор за сими школами о. Федору Мидзуно, который живет тут же в доме, тогда как Иоанн Сенума — к Семинарии, далеко отсюда. Сенума уже несколько раз просил меня сделать это. Призвал я его и освободил от заведывания в качестве «кочёо» Катихизаторской и Певческой школами, возложив тут же его обязанности на о. Мидзуно, а когда собрались ученики, объявил и им это, дав строгий выговор за несоблюдение самого важного из правил школы.

24 августа / 5 сентября 1898. Понедельник

Из Окаяма от «гию», слепца Петра Дазай и еще одного, еще к Собору получено было прошение — переменить священника Игнатия Мукояма, — «не нравится, мол», (кандзи-о варуку суру), — больше никаких причин не представлялось. Конечно, и прошение потому оставлено без внимания, даже к Собору не показано, так как адресовано было лично мне, а только дал я прочитать его о. Игнатию, в назидание и предупреждение его. Но Дазай и его приятель прислали вопрос: «Почему-де их прошение не исполнено?». И опять обвинений против о. Игнатия никаких. Дело, однако, так оставить было нельзя, чтобы вражда не разрослась. Назначенному во время Собора благочинным над о. Игнатием о. Андронику

поручить разобрать дело неудобно было, ибо он языка еще не знает достаточно для сего; а написал я о. Семену Мию съездить в Окаяма и узнать, почему просят сменить о. Игнатия, и помирить Дазая и прочих с ним. Послал ему на дорогу и пропитание там на время следствия десять ен. Сегодня получено от него письмо самого успокоительного свойства: решительно никаких поводов нет к вражде христиан с о. Игнатием; ничего они не могли сказать против него, кроме — «одевается слишком просто, что-де не к лицу священнику в таком роскошном городе, как Окаяма», «жена его горда» (тогда как она, Лукия, лучшая из воспитанниц Женской школы, просто скромна и молчалива) и подобное. Пишет о. Мию, что успел уговорить жаловавшихся вполне помириться с о. Игнатием, что недовольство их было только следствием интриг прежнего катихизатора и его жены против священника. И слава Богу! Во время Собора катихизатор Иоанн Судзуки (Идзу) и Петр Уцияма, бывший в Эма (Идзу), говорили нехорошо о христианах в Эма и Нираяма, — «что они немирны, ссорятся между собой и с катихизаторами». Речи их попали в «Гидзироку». И как же оскорбились христиане Эма! Прислали мне огромное прошение с заявлением, что Судзуки и Уцияма оклеветали их, что ныне, по причине их злословия, они должны лишиться церковного дома, ибо владелец земли, на которой он построен, требует землю обратно, — и прочее, и прочее. Я написал им, что сделал выговор Иоанну Судзуки и Петру Уцияма за их речи, но что землевладелец, конечно, не лишит их земли, ибо их взаимный мир у него пред глазами и слова, несправедливо укоряющих их, не могут влиять на него. В ответ на это они требуют, чтобы Судзуки и Уцияма в «Сейкёо-Симпо» напечатали, что отказываются от своих речей на соборе, обвиняющих христиан Эма в ссорах между собою. — Петра Уцияма я призвал и убедил сделать это; он обещал. Потом нужно будет убедить Судзуки сделать то же, чтобы кончить все мирно, — христиане Эма, однако, едва ли сделаются оттого лучше; нужно правду сказать, — плохи они очень: и грубы, и ссорливы, и холодны к Церкви, — сам я видел все это, посещая их.

25 августа / 6 сентября 1898. Вторник.
Токио и Тonosава

Утром начал занятие переводом Священного Писания с Павлом Накай'ем. С слова «иметь» следовало начать; показалось трудно, перешли на слово «имя», и это не смогли. Оказалось, действительно, утомление болезнью желудка, не прекращающейся и доселе. Бросил я все и уехал в путешествие. Следовало: быть в Тonosава, чтобы посмотреть, как произведены плотничьи работы по постройке столовой учеников и прочего, также окрасочные и прочие; в Одавара, чтобы вновь попытаться помирить немирных христиан с о. Петром Кано; в Кёото, чтобы посмотреть

новокупленную землю и распорядиться употреблением зданий на ней; в Осака, чтобы посмотреть, как произвести ремонт зданий, и распорядиться устройством зимнего помещения для о. Андроника.

В десять часов уехал из Токио; в пять с половиною был в Тonosава, предупредив по пути о. Петра Кано, что буду на обратном пути говорить с немирными.

Ночевал у Фудзия. Ночью был ураган, наделавший много бед в Японии; между прочим повредивший чугунку, ведущую в Кёото.— По прибытии к себе, в Тonosава, выпил шесть стаканов горной чистой воды и сделался здоров,— такое-то благо чистая вода!

26 августа / 7 сентября 1898. Среда.

Тonosава

День прекрасный. Толковал с Михеем,— строго-настрого запретил ему безобразить деревья отпиливанием ветвей, к чему он имеет слабость, точно помешанный на том,— все деревья страшно обезображены, хотя я каждый год воюю с ним из-за этого. Гулял, пил воду и к вечеру совсем поправился. Вечером пришли двое немирных из Одавара просить о выселении о. Петра оттуда, о чем и речь не может быть поднимается, как о деле, решенном прежде.

Ночевал в иностранной гостинице, в Таманою,— и вперед не буду — дорого. Англичанка с двумя дочерьми — красавицами, но красноволосыми, пристала с разговором: чтит графа Толстого, знает Скобелева, в глаза говорит русскому: «русскому нельзя верить»; муж ее служит в Афганистане,— должно быть, из побитых под Кушкой.

27 августа / 8 сентября 1898. Четверг.

Тonosава. Хирацука

Наполовину пешком (так как мосты снесены), наполовину по конке утром прибыл в Одавара. С о. Петром Кано пошли посещать немирных,— ни малейшего доброго успеха! Все приняли очень раздраженно; одно могло бы умирить их — перевод о. Петра из Одавара, но значительное большинство любит его. Кажется, в основе всего лежит желание отобрать церковную землю от о. Петра, чтобы продать ее за большие деньги. Но этого никогда не будет. Я дал знать во всеобщее сведение, что о. Петр должен представить земельный документ мне для хранения в Миссии; должен, вместе с тем, представить и свидетельство, что земля не его, а церковная, и прочее. Церковная земля в Одавара на слишком хорошем месте, в центре города; большие бы деньги можно выручить за нее; и это соблазняет Иова Уеда, Михаила Кометани и других коноводов,—

оттуда и домогательство выжить о. Петра, с чем соединена передача земли на другое имя.

Хотел сегодня вернуться в Токио, ибо в Кёото дорога очень попорчена. Оказалось, и в Токио — тоже: за Хирацука железный мост разорван напором воды. Переправляться за реку в темный вечер на лодке оказалось невозможным. Ночевали мы с случайно встретившимся компаньоном, Mr. Hamilton, агентом жизнестраховой Ко, в лачужке на берегу моря, у учеников школы Фукузава, где оказались свободные комнаты; все гостиницы запружены народом; ученик же случайно встретился с Hamilton'ом на станции. Ежегодно это время бурное, неудобное для путешествий; иметь это в виду на будущее время.

28 августа / 9 сентября 1898. Пятница.

Хирацука. Токио

Вставши в четыре часа, в шесть часов переправились чрез реку на дощанике, в семь часов сели в вагон. У Mr. Hamilton'a вышли все деньги, и потому мне пришлось приплатить за него.

В одиннадцатом часу я был уже дома, на Суругадае. В Кёото и Оосака не поеду: можно списаться с отцами Семеном и Андроником; жаль больше отнимать время от перевода Священного Писания.

Вечером, на всенощной, были ученики Катихизаторской школы, прочие учащиеся занимались уроками; пели всенощную причетники. После нее я пошел в Катихизаторскую школу, чтобы познакомиться с собравшимися учениками: на младшее отделение ныне собралось человек десять, в том числе трое за сорок лет; на старшем только двое.

29 августа / 10 сентября 1898. Суббота.

Токио.

Усекновение главы Святого Иоанна Предтечи

К Литургии, в шесть часов, собрались все школы; из города тоже было несколько христиан; пели причетники. Первого класса у учащихся не было, остальные были. Я ездил в Йокохаму разменять в банке пришедший из Святейшего Синода вексель. Потом чтение писем. Между прочим, о. Петр Кавано, не бывший на Соборе, жалуется на то, что Илья Ямануци, бывший катихизатором в Карацу, незаслуженно поносил на Соборе христиан Карацу, будто бы они постоянно ссорятся с своими катихизаторами, тогда как совершенно наоборот: Илья Ямануци и следовавший за ним Симеон Оото сами всегда ссорились с катихизаторами и недостойно вели себя: первый «ленился и нес только службу сторожа при своем столе и жаровне» (цукуе-то хибацино баннинно сёкуо насита), второй бездельничал до того, что, наконец, убежал со службы, оставив

за собою долги. Извлечение из письма о. Петра будет напечатано в «Сейкёо-Симпо», в исправление «Гидзироку» и утешение обиженных христиан Карацу.

30 августа / 11 сентября 1898. Воскресенье

До Обедни крещено несколько детей, поступивших в Сиротский приют Даниила Тадаки.

После Обедни был Яков Мацудаира, катихизатора в Асикага, Микурия и Оокуба; первые два места хвалил, последнее — совсем в упадке, — христиане просто не принимают, когда он приходит посетить их; впрочем, церковка, построенная покойным стариком Лукою, врачом, в его доме, хранится по-прежнему. Советовал я Мацудаира на время поселиться в Оокубо; быть может, Бог поможет ему поднять несколько Церковь. Расстройство произошло главным образом из-за тяжбы за наследство после Луки, так как он имел неблагоразумие не оставить завещания.

С шести часов вечера мы с Накаем начали занятие переводом Священного Писания. Прошли за вечер слово «имя», остановились на «инако».

31 августа / 12 сентября 1898. Понедельник

Яков Яманоуци, бывший катихизатор в Ямада, и жена его посажены в тюрьму; значит, не один компаньон их виноват в растрате занятых товаров, как Яманоуци прежде говорил. Жаль! Если и выпустят из тюрьмы, катихизатором он уже никогда не может быть. — Между тем христиане Ямада требуют катихизатора. А где его взять? Написал я к о. Иоанну Катакура, чтобы частным образом поговорил с христианами и с бывшим катихизатором (но отставленным за прелюбодеяние) Симоном Тоокайрин'ом; если первые согласны принять его на время за своего руководителя, а последний, служащий ныне на почте, найдет время для занятий церковными делами, то пусть о. Катакура употребит его на сие от себя лично; вознаграждение ему будет четыре-пять ен в месяц, но тоже от о. Катакура, без всякого намека на Миссию, которая не может открыто употребить обесчещенного человека на церковную службу. Человек же он для церковного дела опытный — тринадцать лет состоял на службе и уже был назначен к выбору во священники.

1 / 13 сентября 1898. Вторник

Илья Накагава, назначенный Собором в Иннай, теперь только прибыл на место службы. Будет за это лишен содержания с первого по

десятое число сего девятого месяца. Ни на какой службе нет таких бесовственных лентяев, как на службе наших катихизаторов!

Георгий Мацуно, катихизатор в Хацивоодзи и Гундо, приходит проситься на службу в Токио; надоел, как видно, ему приход его, как горькая редька; оживить его он не в силах, а сам приход не оживляется. Сказал ему: пусть найдет кого-либо из тоокейских катихизаторов, который согласился бы поменяться с ним местом; тогда и может переместиться.

2 / 14 сентября 1898. Среда

О. Андроник пишет тревожное письмо из Оосака, — «болен, скучает по России, сомневается, была ли воля Божия на его приезд в Японию; закрадывается мысль об отъезде». Избави Бог! Вероятно, не освоился еще с здешним климатом, да и диавол подбивает. Самое лучшее, кажется, вызвать его сюда, — не будет очень скучать, да и заниматься ему нужно поменьше; существует ведь «переутомление», которое так любят прилагать к себе протестантские миссионеры, но которого, может быть, не чужд и русский миссионер.

3 / 15 сентября 1898. Четверг

Утром написал к о. Симеону Мии, чтобы поместил катихизатора в одном из новокупленных домов; значит шесть ен, ныне идущих на наем квартиры для него, пойдут на другое.

От о. архимандрита Сергия, из Хоккайдо, никаких известий; но катихизаторы пишут о его посещении Церквей там вместе с о. Николаем Сакураи. Значит, входит о. Сергей в дело по Божью — Боже, помоги ему!

Какой-то русский бедняк Макарий Комнен пристает с просьбами помочь ему доехать до Владивостока. Отозвался южнорусским крестьянином, возвращающимся из Америки. Дал вчера три ены. Сегодня пишет, что предстоит ему погибнуть, если не помогу на дороге. Письмо избличает значительно образованного человека; в редкость получать от посторонних такие грамотные и хорошо написанные письма; и видна действительная нужда; нечего делать, послал двадцать ен.

4 / 16 сентября 1898. Пятница

Из Одавара приходил зачинщик тамошней смуты, Михаил Кометани. Молча я выслушал его. Секретарь Нумабе был при этом — нарочно я позвал его. На просьбу Кометани: «в случае церковной требы присылать священника из Токио» — я вынес перевод наш Евангелия и прочитал ему: «Аще пренесеши дар твой к алтарю». — Мф. 5, 23—24, и изъяснил:

— До сих пор я обращался с вами, как с детьми,— позволял это (призывание другого священника), но вижу, что добра от этого нет; вы не как дети, не смягчаетесь, а как камни все больше и больше отвердеваете в вашей злобе и вражде к вашему священнику, и потому вперед этого не будет. Примиритесь с вашим священником и потом молитесь с кем вам угодно,— в нем, или с другим священником, ваша молитва будет угодна Богу; без того же ваша молитва — новый ваш грех.

— Мы желаем помириться, но священник не желает,— возразил Кометани.

Эта наглая ложь возмутила меня. На днях мы с о. Петром Кано в Одавара посещали немирных, чтобы упросить их помириться; были и у Кометани; но не застали его дома; однако же передали всему его семейству нашу просьбу прекратить вражду и увещание о сем, поручая пересказать наши слова ему — Кометани. Были у Петра Дзимбо, который ругал о. Петра в глаза: «Ты — свинья», тут же при мне, и о. Петр переносил это с истинно христианскою кротостью, не переставая любовно увещевать его. Были у Ильи Мацуо, который без всякого повода обозвал о. Петра «постоянным лжецом» (усо бакари ю), что о. Петр принял с тою же кротостию. Застали у Авраама человек десять немирных, и у всех просили мира и любви. И при всем том Михаил Кометани осмеливается говорить, что священник не хочет мириться! Я в гневе выбрал Кометани лжецом и долго потом горячо убеждал его смягчиться, разорвать сети дьявола, в которые они — немирные — ныне запутаны; читал места из Священного Писания о мире: Иаков. 3, 12–18; Ефес. 4, 1–6 и тому подобное; в заключение увещания указал и на 2 Петр. 2, 20–22.— Обещал Кометани подумать. Кажется, немного был тронут. Я тотчас же, по уходе его, написал о. Петру Кано, чтобы «если Кометани придет к нему с миром (как я убеждал его), принял бы его со всею ласкою и любовью; если не придет несколько дней, чтобы сам о. Петр отправился к нему с теми же ласкою и любовью».

5 / 17 сентября 1898. Суббота

Из церковной кружки высыпано сегодня, за три месяца, пятьдесят семь ен, в том числе сорок ен от одного и того же лица, в четырех конвертах, по десять ен, без надписи от кого. Стало быть, есть и между японцами христиане. У которых левая рука не знает, что творит правая. Сотвори, Господи, больше таковых!

Из Хоккайдо известия о страшных наводнениях там. Но в каком же году не было наводнений в Японии! «Таких бедствий старики не запомнят»,— повторяется стереотипно каждый год. О. архимандрит Сергей, ныне путешествующий по Церквам в Хоккайдо, зрит все эти бедствия, но молчит. А Павел Мацумото, катихизатор в Отару, прислал описание их в газетных листах, которые я сейчас, по выходе от всеобщей, нашел на столе.

6 / 18 сентября 1898. Воскресенье

О. архимандрит Сергей прислал, наконец, письмо с кратким описанием своего путешествия по Церквам и наводнения, захватившего его в Фукуяма, где вода затопила нижний этаж гостиницы, в которой он остановился во втором этаже, откуда и имел удовольствие в продолжение нескольких дней наблюдать, как люди разъезжают по улицам на плотках. Хвалит христиан в разных Церквах; не хвалит священника, до того ленивого и беспечного, что во многих местах дети не крещены в христианских домах многие годы.

О. Андронику, в Оосака, я написал, чтобы он не заботился о приспособлении его тамошней квартиры для зимнего помещения, а, когда станет похолоднее, приезжал сюда для проведения зимы здесь. Даст Бог, он поправится здесь физически и нравственно. — Вечером получил от него новое письмо: положительно он страдает от переутомления занятиями, тогда как организм еще воюет с неблагоприятными условиями климата, к которому не успел приноровиться.

7 / 19 сентября 1898. Понедельник

Иоанн Оно, катихизатор в Сиракава, пишет, что там буддийский праздник, возят по городу разукрашенные колесницы с идолами и прочее. Христиане отказались участвовать расходами в сем бесновании, за что и платятся: у одного колесницей полдома своротили, другому послали град камней в дом, третьему тоже и чуть не убили спавшего в одной из комнат ребенка, четвертого поколотили, пятого тоже и едва не добились до смерти; троих из деятелей последнего акта полиция схватила, и будут их судить; но полиция, по-видимому, мирволит. Иоанн Оно просит, если в Сиракава власти слабо отнесутся к погрому христиан, обратиться здесь к министру внутренних дел. Письмо его будет напечатано в «Сейкёо-Симпо».

Из Циукоку какой-то протестант-конгрегационалист с коллективным засвидетельствованием его единомышленников — еще язычников — просит «большого (таксан-но) пожертвования на постройку дома для миссионеров и храма, такого, который бы затмил и суругадайский». Какие наивные иногда бывают прошения!

Катихизатор Иоанн Синовара прислал брошюрку, отпечатанную одним из почитателей его отца, в восхваление его как рьяного буддиста. Иоанн лишился отчего благословения, чтобы не потерять благословения Божия. Родные его также все отвергли его за то, что он сделался христианином.

Вчера приезжал из Иокохамы Григорий Такахаси, состоящий переводчиком у нашего морского агента Ивана Ивановича Чагина, — бывший

воспитанник Семинарии, потом катихизатор, уволенный за дурное поведение, — с своею молодою женою, воспитанницею нашей Женской школы, крестить их первого младенца — дочь Софью; а сегодня они...

[Пропуск в оригинале]

...идут в дом к Отцу Небесному, а он один, точно слепой, не видящий дороги, остается вне? будет ли он и настоящим японцем, главная добродетель которого повиновение родителям, если уклонится от религиозного воспитания?» И так далее. Мальчик, кажется, умный, но своеобразный и избалованный, быть может, войдет в колею, и все пойдет хорошо.

11 / 23 сентября 1898. Пятница

Японский гражданский праздник, ученья не было; но целый день рубил дождь, — бедным ребятам и погулять не удалось. — Я вечером едва мог заниматься переводом; сидеть от чирья невозможно, — то стоя, то на коленях, то немного сидя кое-как дотянул до девяти, когда нужно было отправиться на вечернюю молитву к ученикам вместо о. Феодора Мидзуно, отправившегося в деревню на погребение.

О. Игнатий Като официальным письмом просит денег на дорожные расходы по Церквам и частным — десять ен, на подарки христианам-курильцам на острове Сикотане. Мотивирует это тем, что будто бы эти христиане — прежде русские подданные — навыкли получать подарки от русских священников, посещавших их (когда они жили на Парамушире; потом отцы Комацу, Арсений, Николай Сакураи всегда возили им подарки; в последнее время и я с о. архимандритом Сергием заявили к ним тоже не без гостинцев. — Но что русские священники возили им подарки, едва ли справедливо; японские же всегда везли им из сострадания к их бедности, — это были подаяния бедным. Но ныне курильцы-христиане благодаря попечению о них японского правительства живут не бедно, и потому в подаяниях не нуждаются; я сам видел это. Итак, о. Игнатий мог бы являться к ним с голыми руками для удовлетворения лишь их духовных нужд; но десять ен не Бог вещь какие деньги; о. же Игнатию будет удовольствие свезти гостинцев христианам; итак, pošлю ему, — тоже частно.

12 / 24 сентября 1898. Суббота

Некто Саку, из деревни Хонго, округа Сува, провинции Синано, очень хорошим письмом извещает, что он «знает несколько православное христианское учение, очень любит его и желал бы дальнейшего научения; просит поэтому катихизатора туда; если же нет такового, то

христианских книг: Новый Завет, Догматику и молитвенник; при высылке — известить о цене, которую он возместит». Катихизатора, действительно, нет, а книги пошлются.

Катихизатор Иоанн Исохиса просит «пособия бедным родным его жены». Нельзя. Пришлось бы чуть не все катихизаторам назначать подобного рода пособия, на что средств нет.

О. Павел Косуги, из Токусима, пишет, что катихизатор Гавриил Ицикава, наконец, отправился на новое место служения, назначенное ему Собором. Но разлада из-за него Церковь все-таки не избегает. При нем почти все прежние христиане охладели и перестали ходить в Церковь; ныне они оживляются, зато все крещеные в бытность Ицикава там обижены отозванием его и перестали ходить в Церковь. Таково уже, знать, неотъемлемое свойство Ицикава: где бы он ни был — раздвоение и разлад; даже в его родной Церкви, в Нумадзу, то же было. Горбатого могила исправит.

О. Павел Савабе с катихизатором из Сиракава и христианином оттуда были. Христиане города Сиракава в унынии из-за гонения язычников; городские власти, кажется, мирволят буянам, прибывшим до полу-смерти христианина, своротившим дом и другого и так далее. Я убедил о. Павла «отправиться в Сиракава ободрить наших христиан и узнать доподлинно действия властей в этом деле; если и вправду они кривят душой и законом, то немедленно вернуться в Токио и принести жалобу министру внутренних дел, который ныне, кстати, земляк о. Павла, граф Итагаки, из Тоса». Не знаю только, о. Павел исполнит ли это; ослабел уж он очень духом; едва согласился на то, что я ему горячо втолковывал; чтобы дело было вернее, я тут же дал ему шесть ен дорожных, которые он спокойно упрятал в довольно щеголеватый портмоне, не переставая в то же время делать раздумчивую и нерешительную мину.— Язычники между тем, по рассказу о. Павла, торжествуют свою победу над христианами в Сиракава и пьют вино по сему случаю на сходках. Такое безобразие в последнее время — редкость в Японии, и нереккомендательно для нее.

13 / 25 сентября 1898. Воскресенье

Утром написал о. Андронику разные практические советы касательно путешествия по Церквам в сопровождении священника, так как он известил, что посетит порученные ему приходы в Циукоку и Сикоку; быть может, от этого путешествия и его здоровье восстановится; душевное же расположение его прекрасное, какое должно быть у миссионера.

Обычные службы — утром Литургия, вечером всенощная, пред завтрашним праздником Вознесения. Но на последней расстроило дух нелепо долгое пение; притом же ирмосы до того плохо пели, что было едва стерпимое мучение слушать, а до молитвы куда уж тут! Два с половиною

часа длилась всеношная; потом еще проповедь, так что в девять часов пришлось выйти из Церкви; и монахам бы это впору, а тут — недавно крещенные в христианство, да притом еще все дети, так как из города христиан почти никого не было, — одни учащиеся, — жаль их, бедных! Зато и разбрал же я регента Алексея Обара после службы! И сделал ему точные наставления, как сократить пение, — отрубить хвосты, безобразно длинно тянущиеся всегда: «тамае», или «кудасе», и подобное на минуту тянутся; сократить их, — и уже на полчаса служба будет короче, и прочее, и прочее. Львовскому толковать об этом — к стене горох, никакой пользы. Обара обещал «корекара кио цкеру».

14 / 26 сентября 1898. Понедельник.

Праздник Воздвижения

По болезни едва кончил богослужение и вернулся из алтарной двери, чтобы поскорее добраться до постели, которой и держался дней десять во всякое время, кроме утренних и вечерних занятий переводом, какое дело одолевал с великим трудом и болью. По этой причине и дневник опущен вот — до 4 / 16 октября, воскресенье. Болезнь пустая, недостойная внимания и участия, такая, о которой даже совестно говорить и для которой я не счел нужным призвать врача, но что будешь делать? Сидеть нельзя, да и только: нарыв на той части, которою сидел, да еще такой больной, какого у меня отроду не бывало, — да так больно нарывал, — фу! Ладно, хоть теперь, кажется, все прошло. — Особенного ничего по церковным делам в это время не произошло. Впрочем, кое-что можно отметить.

Служащие Церкви обрадовали «изоку имон квай». Члены ежемесячно дают десять сен, за что, когда умрет служащий Церкви член, его семейству выдадутся двадцать ен — в первый год существования общества, потом же умирающим — тридцать ен. Кто не внесет десять сен в продолжение месяца, тот выключается из общества, и дотоле сделанный им вклад пропадает. Вносимая сумма вычитается из содержания при отсылке его члену и доставляется казначею общества. Общество открывает свои действия с января будущего года, с марта же начнет выдачи. Председатель общества — о. Павел Савабе, его помощник Савва Хорие, делопроизводителей и секретарей семь человек. — Прочитавши представленные мне правила общества, я нашел их простыми и осуществимыми, почему и сам записался в члены общества со взносом одна ена ежемесячно.

О. Павел Савабе, вернувшись из Сиракава, успокоил насчет тамошнего столкновения наших христиан с язычниками. Дело началось из-за сорока сен, которые христианин не хотел дать на праздник не столько языческий, сколько просто народный. Но пусть бы просто отказался, а

он наговорил еще дерзостей коллекторам, которые и ушли с угрозами. И вот они задели колесницей дом одного христианина, повредив, впрочем, только небольшую часть навеса, набросали камней в дом другого, побили третьего, но именно такого, который сам навязывался на побори,— человека дурного поведения между христианами, которому сами же христиане говорили,— «это тебе наказание Божие»; разбили в драке ему голову, но не проломили, как прежде было слышно. Лишь только произошло все это, как лучшие граждане города пришли к христианам, просили извинения и прекращения всего беспорядка, обещаясь представить вчинателей и заставить их принести какое угодно извинение. Но христиане, к сожалению, не удовлетворились этим, пошли жаловаться к властям, которые и приняли дело в свои руки и ведут его беспристрастно, так что обидчики христиан будут наказаны, по уверению о. Павла. Так как это дело вышло в газеты, то христиане Сиракава получили множество соболезновательных писем,— между прочим, от протестантов и католиков. Все убеждают не оставить это дело так, а требовать строгого суда и наказания язычникам. Один католический катихизатор в своем горячем письме требует смертной казни нападавшим на христиан.— Должно быть, возбужденные этим наши катихизаторы соседних Церквей — Батоо, Карасуяма, Оотавара — прислали мне коллективное письмо с требованием жаловаться министру внутренних дел, и так далее. Еще бы!

Моисей Мори, страдавший умопомешательством, но, по-видимому, оправившийся, и сам — вот уж второй раз — просится опять в катихизаторы, и о. Андроник за него просит, и катихизатор Фома Танака, и, наконец, родной брат Моисея. Брат пишет, что дал Моисею пятьдесят ен на заведение мелочной лавки, которую Моисей и завел, но тотчас же все проторговал, оставшись без гроша: больше-де он Моисею помогать не может,— и Моисей с женой и двумя детьми близки к голодной смерти: потому и просит принять Моисея опять на церковную службу, ибо он о том только и думает. Брат еще язычник, но богач и волостной старшина. Обращение его с Моисеем недостойно брата, но нам нельзя оставить бывшего нашего сослужителя в беде. Написал я Фоме Танака, что прямо в катихизаторы Моисей не может быть принят, но пусть Фома частным образом употребит его на службу в городе Курое, соседнем с Вакаяма: если он окажется здоровым и успешным по проповеди, то на следующем Соборе будет вновь введен в список катихизаторов; содержание ему ежемесячно будет восемь ен, каковые деньги будут высылаться Фоме для передачи Моисею Мори. О. Андронику написано о том же.

Reverend Jefferys, американский епископальный миссионер в Сендае, просил свидания для какого-то дела. Я не мог принять его, так как не мог сидеть. Он написал, что просит моего благословения и содействия нашим христианам в Сендае соединиться с их — епископальными — христианами для покупки земли под кладбище. Но ни о. Петр Сасагава, никто из сендайских христиан мне ни слова об этом. Потому я ответил

Jefferys'у, чтобы он посоветовался с о. Петром и нашими сендайскими христианами о сем предмете.

О. Андроник, даст Бог, будет отличным миссионером, кажется, и будет тем хозяином дела, о котором я мечтал. Посещает и оживляет Церкви, окрестные Оосака; ропщет на неуспехи в японском языке, а между тем говорит так, что все отлично его понимают и иногда трогаются до слез его речами. На днях был здесь христианин из Вакаяма, где только что побыл о. Андроник, и рассказывал, что все удивляются, как о. Андроник в девять месяцев так научился говорить по-японски, уверял, что решительно все, что он говорит, все отлично понимают. Укрепи Бог его здоровье, на слабость которого он жалуется!

О. архимандрит Сергей все еще в Хоккайдо. Полтора месяца обозревал приход о. Николая Сакураи; уж, конечно, обозрел его во всех подробностях, хотя письма его дают очень краткие сведения. На днях прибыл в Хакодате и отсюда отправился в Кусиро, единственную Церковь, не посещенную им в приходе о. Игнатия Като. Отправился отсюда (24 июля старого стиля) в летнем платье; не знаю, как он терпит там уже наступившие холода, на которые даже и не жалуется ни в одном из писем. Дай Бог, чтобы не простудился! Видно же, что человек крепкий, выносливый и любящий довести до конца то, что начал.

5 / 17 октября 1898. Понедельник

Японский праздник осенней жатвы: классов не было: день — превосходный, теплый, солнечный: детям хорошо было гулять. Я справлял корреспонденцию: между прочим, написал благодарственное письмо Георгию Константиновичу Властову, автору «Священной Летописи», приславшему недавно в подарок первую книгу «Толкование на книгу пророка Исаяи» и очень лестное письмо: послал ему и две книжки перевода на японский его «Толкование на книгу Бытия».

6 / 18 октября 1898. Вторник

Из Хакодате пишут, что построчный ремонт, замедленный непогодами, близится к концу. Просят нового расхода на покраску домов, ибо де воздвигнутое или отремонтированное из старого материала отличается по наружности ни на что не похожую постройкою: доски то белые, то черные, или серые, то старые, то новые, и тому подобное. Нечего делать, больше ста ен еще придется извести.

Иван Акимович Сенума говорил, что воспитанник Фукуба ленится, уроки никогда не готовит и не знает,— будет последним в классе при хороших способностях, не дурном и поведении. Велел прислать его ко мне. Посадил, обласкал, спрашиваю:

- А что, нравится тебе быть самым последним между людьми?
- Не нравится,— говорит.
- Зачем же ты последним между товарищами в классе? Никогда не знаешь уроков, и это не от неспособности, а от лености; когда другие готовят уроки, ты шалишь, болтаешься по комнатам, мешая и другим: а назавтра все учителя или бранят тебя, или смотрят с презрением. Хорошо это?
- Не хорошо,— признается.
- Так заниматься.— И так далее. Взял с него обещание, что к завтра уроки приготовит, и учителя будут довольными.

7 / 19 октября 1898. Среда

В полдень сегодня прибыл в Миссию о. архимандрит Амбросий, корейский миссионер, с тринадцатилетнею русскою девочкою, Александрой Александровной Алмазовой — по родному отцу, Олсуфьевой — по приемному,— прибыл, во-первых, чтобы доставить эту девочку, по просьбе ее приемных родителей, в один из здешних иностранных пансионов для воспитания, во-вторых, чтобы посетить нашу Миссию. Девочку везла сюда мать, но в Владивостоке заболела, потому телеграммой вызвала о. Амбросия из Ново-Киевска (шесть часов пути на пароходе от Владивостока) во Владивосток,— ибо знала о его желании посетить Миссию, и поручила ему отвезти сюда дочь. Олсуфьев — пограничный комиссар, занявший место Матюнина, что ныне генеральным консулом в Корее, девочка родом из Тифлиса, где она доселе обучалась в гимназии и дошла до третьего класса.— О. Амбросий показался мне очень умным и дельным человеком, жаль только, что нет у него желания пустить корни на теперешнем месте, а смотрит в Россию. После завтрака о. Амбросий отправился к о. Сергию Глебову, с которым и провел день; девочка же поручена была попечению Катерины Петровны Львовской: познакомилась также с ученицами нашей Женской школы, которым очень понравилась, равно как они ей.

О. архимандрита Сергия, находящегося ныне, должно быть, в Хакодате, я тотчас же известил о прибытии о. Амбросия: хорошо, если успеет приехать, чтобы повидаться с ним, так как в будущее воскресенье о. Амбросий намеревается отправиться обратно. Вечером написал и к о. Андронику; но он едва ли приедет, да и не поспел бы.

8 / 20 октября 1898. Четверг

Сократ Хираяма, школьный учитель в Симооса, за христианскую проповедь своим ученикам лишился большей части их, так что школа перестала питать его с семейством. Церковь пришла к нему на помощь:

сделан он был «денкёо-ходзё» и стал получать от Миссии сначала шесть ен, потом восемь: но, находя это недостаточным для себя, поступил на гражданскую службу и отказался от церковного содержания — в мае сего года. Ныне опять просит денежной помощи, — выходит-де на проповедь в соседние деревни, что сопряжено с расходами. Пишет он это о. Феодору Мидзуно, прося похлопотать за него. Я ответил, что дам на расходы четыре ены в месяц. Больше едва ли стоит. Переменчив очень. Мог бы быть и катихизатором, — учился для того в Катихизаторской школе, хотя долго не выдержал учения.

Иоанн Накадзима, певец, приходил просить благословения на брак с учительницей Фотиной Такахаси, сестрой Надежды. Бог благословит! Еще прежде того, вчера Анна Кванно, сегодня секретарь Нумабе, известили меня, что сватовство уже слажено, и просили пособия на брак: я обещал Фотине двадцать ен, ему десять.

[Пропуск в оригинале]

11 / 23 октября 1898. Воскресенье

В служении Литургии участвовал о. архимандрит Амбросий. До Литургии он принес мне пожертвование на Миссию — сто ен, из коих пятьдесят от себя лично, тридцать от своего иеродиакона Николая, двадцать от матери привезенной им девочки. — После завтрака хотели втроем: отцы архимандриты Амбросий и Сергей и о. Андроник — отправиться в Никко, но оказалось, что не подумали наперед о билетах на проезд туда из Гваймусё.

Петр Исикава, редактор «Сейкёо-Симпо», принес для просмотра католический месячный журнал «Тенцидзин», издаваемый протестантом Такахаси Горо. Удивляется Исикава замысловатой католической методе уловления людей. Журнал как будто научный и общеинтересный: никаких наружных признаков, что он католический орган. Но по раскрытию и перелистыванию его, особенно же по прочтении самых главных статей, тотчас открывается, что католичество — свет миру и путь к небу... Главная статья, например, в этом номере — «Религия и просвещение»: из нее оказывается, что религия, дающая просвещение (образование, цивилизацию) и есть только одна — католическая: в доказательство сего пересчитывается, сколько она настроила в мире — величественных и изящных храмов: и тут же — рисунки, хоть и плохие, их. «Хоть бы уж выставили какой получше довод в пользу религии, — а сих доводов так много!» — удивляется Исикава. — «И стоит же католикам издание этого журнала! Одному Такахаси Горо — протестанту по имени, но заведомому атеисту, сколько нужно платить! А тут ведь столько рисунков, производство которых недешево». В этом номере на первом

плане — Святая Анна Д'Арк на коне, топчущая мертвых воинов; потом вновь построенный в Нагасаки католический храм в прославление японских мучеников, канонизованных Пием IX; потом виды разных знаменитых храмов. Вторая часть журнала состоит из политических и всяких других статей.

Был молодой ученый Анезаки, доцент в Университете по кафедре истории религий; приводил познакомить индийца, приехавшего изучать горное инженерство и ныне состоящего студентом Университета. Анезаки объявил, что верует в Бога, но не может принять догмата Богочеловечества Иисуса Христа. Я ему стал разъяснять, что без веры в Богочеловека вера в Бога — бессмысленна, ибо решительно не может уяснить отношения Бога к человеку и успокоить человека. К сожалению, нашей беседе помешал приезд русских — Кира Алексеевича Алексеева (чиновника Министерства финансов), приехавшего проститься, ибо в среду уезжает в Россию, и Хакодатского консула Михаила Михайловича Устинова с женой. Анезаки уже написал две книги исторических исследований о буддизме и прочем. Один из лучших молодых людей Японии. Как бы хотелось, чтобы он сделался христианином!

В сендайский храм отправлены сегодня две очень большие и прекрасно написанные на холсте иконы: Воскресшего Спасителя и Благовещения, для заполнения пустых мест в иконостасной стене, против клиросов. Таких прекрасных икон еще ни в одной провинциальной Церкви нет. Ирина Ямасита отлично копирует.

12 / 24 октября 1898. Понедельник

Так как о. Андроник, по болезни, вернулся в Токио и не будет с оо. Игнатием Мукояма и Павлом Косуги посещать их приходо́в,— на что уже и дорожные были высланы ему,— то посланы дорожные им, чтобы они одни — каждый посетил все Церкви своего прихода.

О. архимандрит Амбросий попросил видов Собора, богослужебных наших книг и прочего, что все и дано ему. Посетив сегодня, вместе со мною, Женскую школу и Семинарию, он дал на «квасы» ученицам двенадцать ен, ученикам, которых меньше количеством, десять ен. Потом рассказывал он мне, когда мы прогуливались вместе на площадке у Собора, о страшном разврате в Владивостоке, Благовещенске и во всем Приморском и Приамурском крае, да и во всем нашем высшем и среднем обществе. Живой он человек и энергичный, но и пессимист немалый: Особенно интересен его рассказ о приемных родителях привезенной им девочки: Олсуфьев, лет сорока, влюблен в свою двоюродную сестру, придворную даму Императрицы Марии Феодоровны, и ежемесячно тратит сто рублей на телеграммы к ней: в то же время тиранит свою жену (лет тридцати шести), которая, однако, держит его в руках, овладев каким-то очень компрометирующим его документом, о недопущении

которого в огласку он ежедневно пристает к ней с требованием клятвы.— Хорош также, по рассказу о. Амбросия, Матюнин, бывший консул в Корее,— совершенно безрелигиозный и беспринципный человек, жена которого — заведомая развратница. Выхлопотал ему консульство в Корее какой-то его приятель, и прочее, и прочее.

13 / 25 октября 1898. Вторник

О. архимандрит Амбросий отправился обратно в Владивосток.

Учитель гимнастики Курата Павел приходил принять благословение: на днях крестился в Церкви Коодзимацци, наставленный в учении катихизатором Николаем Гундзи; говорил, что чувствует себя вполне счастливым, и это видно было по его лицу и всем его речам. Это радостное, просветленное состояние духа — обычное явление у всех новых христиан, по принятии крещения; не явное ли это чудо благодати Божией? Не тоже ли, что у нашего Святого князя Владимира: «Теперь-то я увидел Бога истинного». Жаль, что так часто это праздничное состояние души скоро проходит...

14 / 26 октября 1898. Среда

О. Сергей Глебов прислал пятьдесят экземпляров русской грамматики на японском языке своего сочинения для Семинарии. Сделаем ее учебником для ребят.

Катихизатор Игнатий Мацумото прислал сделанный им перевод краткого объяснения Божественной Литургии в вопросах и ответах. Редактор Петр Исикава просмотрит перевод и, если хорош язык, книжка будет отпечатана.

Катихизатор Фома Танака просит оттиснуть брошюрой его статью в 352-3 номере «Сейкёо-Симпо» «О смерти». «Брошюры христианские нужны-де». Сделаем и это. Брошюры, действительно, катихизаторы постоянно требуют во все стороны.

О. Петр Кавано жалостно описывает бедность вдовы Алексея Огино, бывшего некогда катихизатором, в Усуки. Умерла у нее старшая дочка; похоронить не на что было: христиане и соседи язычники помогли. Хвалит в письме усердие одного христианина в Усуки, полицейского чиновника, очень старающегося об умножении христиан.— Вдове будет послана маленькая помощь: полицейскому — книга и письмо, чтобы продолжал радеть о Церкви: о. Петру написано, чтобы катихизатор Петр Фудзивара был больше в Усуги для проповеди, чем в Оита.—

15 / 27 октября 1898. Четверг

Утром долго ходил по площадке с о. Андроником и уговаривал его не малодушничать. Совсем уж смотрит в Россию: «стуки и звуки какие-то

были ему в Оосака в дни, когда отец его умер в России: Святой Димитрий Ростовский отказался ехать в Сибирь на святительство по болезни; стало быть, воля Божия, должно быть, и ему указывает оставить Японию». Доказывал ему из Писания, что он должен остаться здесь: воля Божия указала ему путь сюда, и он здесь на месте: его успели оценить и полюбить в Оосака и окрестных Церквах: вчера я прочел четыре письма (из Оосака, Хиросима, Кодзима и Токусима) с изъявлением сожаления, что он вернулся в Токио по болезни, и желанием, чтобы поскорей вернулся на свое место.— Прекрасный он миссионер, такой, какого еще не было в Японии, но слаб, как женщина, и малонадежен потому для Японии. Дай Бог, чтобы я ошибся в своем мнении!

Иоанн Акимович Сенума приходил сказать, что Фукуба несколько не исправляется от лености; в то же время засвидетельствовал о себе, что он — самый плохой радетель о доверенных ему учениках. Должно быть, только и мыслит об угождении своей беременной жене Елене. Хоть бы малость присмотрел за лентяем во время занятых часов и помог ему приготовить завтрашние уроки — куда! Кстати, и старший комнаты, где Фукуба — олицетворенная слабость (Суда).

— Нет ли кого понадежней, кому бы поручить Фукуба под ближайший надзор за его занятиями? — спрашиваю Сенума.

— Никого нет,— ни единого надежного ученика во всей Семинарии, все — слабость и бездарность!

Утренним занятиям два раза помешали гости: наплыв ныне из провинций членов общества Красного Креста. Завтра будет их общее собрание в парке Уено: до тридцати тысяч членов будут участвовать в собрании. Императрица придет: много речей будет. А главное, денежный дождь прольется на общественные расходы. Сколько членов сегодня виднелось, гордо расхаживающих с медалями на груди! Между христианами тоже немало членов.

16 / 28 октября 1898. Пятница

Так как приступлено к литографированию Праздничного обихода, то для восполнения недостающего в пении,— стихирь на литии, не хвали тех и подобное,— мы с Накаем сегодня, отложив в сторону Новый Завет, занялись богослужебным переводом. Два-три дня займет это дело.

Яков Ивата, катихизатор в Фукурой, но которому поручены Церкви в Мори и Какогава, просит освободить его, по крайней мере, от Мори, прислав туда другого катихизатора. Отвечено: за неимением такового, пусть он по-прежнему заведует тремя Церквами. Предлагает он еще разные вопросы:

— Когда празднуется праотцу — патриарху Иакову?

Отвечено: в неделю праотцев, пред Рождеством Христовым.

— Может ли женщина во время месячного очищения исповедаться и приобщаться?

Отвечено: в случае смертной опасности может и должна.

— Как обращаться с супругами, разошедшимися не по вине прелюбодеяния?

Отвечено: как с отлученными от Церкви, ибо нарушили прямую заповедь Господа.

17 / 29 октября 1898. Суббота

У доктора Сасаки исследовали здоровье о. Андроника и нашли неврастению, почему запретили заниматься в сутки более четырех с половиною часов: органического же повреждения в груди нет.— Довольно ободрительно.

Кстати, и о. архимандрит Сергей выздоровел сегодня от своей душевной болезни и может остаться здесь. Дай Бог ему и всегда быть здоровым и служить здесь с пользою мною!

О. Феодор Мидзуно, нынешний начальник Катихизаторской и Певческой школ, в большом восхищении, что успел окончательно привести в порядок сии школы, то есть помирить всех взаимно ссорящихся и тому подобное. Завтра все ученики приобщаются Святых Тайн, а сегодня исповедались у него; исповедовался и он сам у меня: и ныне (после всенощной, в девятом часу) он читает с ними Правило ко причастию: голос так звонко и одушевленно раздается в моей комнате из нижней классной. Дай Бог, чтобы было прочно!

Павел Соно, катихизатор из недалекого города Оомия, был: троих о. Павел Морита крестил у него; есть и еще слушатели: христианских домов ныне в Оомия пять,— пора начать общую молитву, почему нужны икона, стол пред ней и прочее обычное устройство молитвенной комнаты. Дал я частно две ены на стол, облачение же для него пусть сделают сами христиане; дана икона с лампадкой; даны молитвенные и другие книги.

18 / 30 октября 1898. Воскресенье

Утром о. Феодор Мидзуно преподавал Святое крещение ученику Катихизаторской школы, что из Коофу, а за Литургией все ученики Катихизаторской и Причетнической школ приобщались Святых Тайн. Потом, с часу пополудни, держали «симбокквай», на котором много ораторствовали, и на который от меня дано было на угощение полторы ены.

Секретарь Нумабе говорил: «В частном письме Василий Вакуя из Сендая просит его ходатайствовать предо мною о денежной помощи о. Петру Сасагава,— очень-де бедствует». Странно! Получает от Миссии

двадцать пять ен в месяц, при готовой квартире, имея в семье только жену, мать, сына — оболтуса, которому уже давно пора самому зарабатывать деньги, а не сидеть на шее отца, и старшую дочь — бабу по профессии, значит, вносящую в дом и получая еще пособие от христиан своего прихода. В России большинство священников далеко не так обеспечены. Да еще такой плохой священник, — полумертвый по деятельности, о благе Церкви не радящий до того, что ни одного ученика не выслал ни в Семинарию, ни в Катихизаторскую школу, ни даже в Женскую за всю свою давнюю бытность священником в Сендае, тогда как прежде сендайцы по преимуществу наполняли миссийские школы! Я положительно отказал больше удерживаться на него. Если мать помрет — Вакуя пишет, что близка к тому, — пошлетя несколько на погребение.

19 / 31 октября 1898. Понедельник

Отцы архимандрит Сергей и Андроник собираются отправиться для посещения Церквей прихода о. Павла Кагета. С ними поедет Петр Исикава, редактор «Сейкё-Симпо», для собрания сведений по Церквам в материалах предпринимаемой им истории Японской Церкви. Холодно теперь на север: советовал было им посетить приход о. Матфея Кагета, по Тоокайдо, но они уже укрепились мыслию и не хотят отступить. О. Андроник едет только для развлечения и отдыха. Помогай Бог!

20 октября / 1 ноября 1898. Вторник

Отцы Андрей Метоки и Петр Кано описывают свои путешествия по Церквам, — бесплоднейшие в смысле приумножения Церкви: видно, что проповедь идет вяло, да и проповедники плохие: ну что может сделать такой пустой болтун, как Анатолий Озаки?

Сократ Хираяма выпросил себе по шесть ен и поступает на церковную службу — частно, ибо имеет еще гражданскую: послано ему на одиннадцатый и двенадцатый месяцы, с наказом прилежать проповеданию.

О. Борис Ямамура попросил помощи на воспитание детей о. Павла Кагета, пока поступят в Семинарию, ибо он — Кагета — намерен отдать их на службу Церкви. Послано поэтому по две ены двоим мальчикам, десяти и двенадцати лет, на одиннадцатый и двенадцатый месяцы, и по столько же будет посылаться вперед.

21 октября / 2 ноября 1898. Среда

Наш праздник Восшествия на престол, поэтому были мы все трое в Посольстве на Литургии, а потом служили молебен. После завтрака посланник барон Розен показал орден Святого Александра Невского 1-й степени с бриллиантовой звездой, испрошенный им для князя Каннин, принимавшего здесь нашего Кирилла Владимировича.

Утром послал пять ен на лечение матери о. Петра Сасагава, после пришла телеграмма о ее смерти: послал еще пятнадцать ен на погребение.

Иоанн Акимович Сенума сегодня перешел из Семинарии в город, ибо жена его Елена совсем собралась подарить ему звание отца.

Помощник его по присмотру за Семинарией, Мирон Сёо, сегодня также объявил намерение перебраться в город, ибо женится.

Поставлено, однако, им — Сенума и Сёо — в обязанность — с шести часов утра до десяти вечера быть в Семинарии для исполнения своих надзирательских и учительских обязанностей: ночевать могут поочередно в Семинарии, но один из них непременно должен ночевать в Семинарии.

Вечером, с шести часов, была всенощная, так как завтра день рождения японского Императора. Все учащиеся были в Церкви: пели причетники. Но мы с Накаем, по обычаю, занимались переводом. Кончивши и в девять часов отправляясь домой, Накай горько жаловался на мачеху:

— Завтра тоже придется перенести печаль, которую я имею каждый праздник; это — по невозможности принимать у себя моей названной дочки — Кати (Маленды). Мать не терпит ее, как иностранку происхождения: людей с красными волосами считает низкими и предрянными: Катя поняла это и не приходит: даже товарки ее по школе, с которыми она прежде приходила ко мне, заметили нерасположение матери, и никто не хочет прийти к нам в дом, чтобы не выносить неприветливого вида ее.

22 октября / 3 ноября 1898. Четверг

В половине седьмого утра отцы архимандрит Сергей и Андроник отправились на станцию железной дороги в Уено, чтобы ехать на обзор Церквей прихода о. Павла Кагета, в северо-западной части Ниппона. На станции их должен был встретить редактор Петр Исикава, чтобы вместе отправиться. — Дождь лил непрерывно с ночи и рубил без малейшего промежутка целый день, и даже до сего часа — одиннадцать ночи.

Сегодня японский праздник Рождения Императора. С семи часов была Литургия, отслуженная тремя священниками с о. Павлом Саго во главе. На молебен выходил и я.

Вечером мы занимались с Накаем переводом богослужения.

23 октября / 4 ноября 1898. Пятница

О. Борис Ямамура пишет, что Фома Михора поправился настолько, что может отправиться на проповедь, и просит назначить его в Мориока, ибо там-де и для сего большого города и для окрестностей всего один

проповедник — Петр Такахаси, а дьякон Иоанн Сайкайси и певец Марк Райкубо — только номинальные. Фома Михора, с своей стороны, просит назначить его куда-нибудь поближе к родине, а не в приход о. Матфея на Тоокайдо, где ему нездорово.— Посланы ему дорожные до Мориока и полмесячное содержание.

Человек пятьсот буддистов, светских людей, образовали клубы с целью поддержать в стране буддизм. «Japan Mail» ораторствует по сему случаю, что «один из самых важных плодов христианской проповеди здесь — оживление буддизма», или «электризование» его, как выражается «Mail».— Но буддизм все-таки останется трупом, и не оживить его никакими способами, когда для Японии занялась заря христианства.

24 октября / 5 ноября 1898. Суббота

В школах ученья не было по случаю праздника в Сёоконся (в честь павших за Императора в реставрацию воинов). Три дня продолжается этот праздник; в один из них не бывает ученья в Университете и гимназиях, чтобы дать учащимся посмотреть на конские ристалища, фейерверки и тому подобное: мы следуем этому примеру. Кстати, и день был хороший; ребята, верно, нагулялись вдоволь.— Мы с Накаем утром переводили, потом я поехал в Иокохаму разменять в банке пришедший вчера вексель миссионерского содержания из Казны на первое полугодие следующего года. 16.348 рублей металлическими пришли векселем в 2.592 фунта стерлингов 17 шиллингов 3 пенса, которые, по размене в Hong Kong and Shanghai Bank'e, дали: 25.464 ены 42 сен. Так как Миссия имеет дело с двумя банками, означенным и Chartered Bank of India, China and Australia, то я всегда справляюсь в обоих о размене: сегодня на два сена в «Chartered» было сказано меньше, поэтому разменено в HongKong and Shanchai Bank.

На возвратном пути встретился с Моисеем Хамано, который всю дорогу до Токио болтал, выхваляя себя, свою невинность (якобы) в деле чугунных труб для водопровода, свое высокое религиозное настроение, когда сидел два года в тюрьме. Ныне опять имеет дела на рисовой бирже в Токио, Иокохаме и даже Нагасаки; богатеет: хвалится неутомимостью, но про честность говорит, что она не годится в его деле,— «нужно бы тогда бросить дела, коли бы не сворачивать туда и сюда с прямого пути». Всех служащих Церкви считает ничтожеством, особенно сендайцев: «Люди из Оосиу только говорить мастера, дело же ни делают,— слабы, вялы, ничего не значащи». Советует из Кагосима набрать служащих; кагосимцы похожи на русских: по виду вялы, просты, на деле тверды, устойчивы. (Откуда у него такие параллели? Да и где взять кагосимцев?) Смесь добра со злом — того и другого в сильных дозах — сей человек.

25 октября / 6 ноября 1898. Воскресенье

После Обедни Савва Хорие, переводчик, привел некоего Сибата, студента Университета, который, будучи крещен мною трех лет, до сих пор не имел никакого отношения к христианству. Отец его, родом из Сендая, но живший здесь — в Синагава, не забыл, однако, что он христианин, и, когда помер недавно, был похоронен по-христиански. Молодому Сибата нужно было поместить младшую свою сестру в нашу Женскую школу; по сему случаю он обнаружил свое христианское звание. Мачеха его язычница; должно быть, это было главной причиной невоспитанности их в христианстве. Снабдил его христианскими книгами; Хорие обещался поруководить его в изучении их.

Повенчаны сегодня певец Иоанн Накасима с Фотиной Такахаси, учительницей Женской школы.

Был Reverend Jefferys, американский епископал, трактовать все о том же предмете — покупке земли для кладбища в Сендае их христианами вместе с нашими. Я ответил то же, — буду рад благословить дело, если от наших христиан услышу о их желании о сем; донныне же от них ни слова о сем. Быть может, они довольствуются настоящим положением дела. вероятно, у большинства их имеются фамильные места на доселешних кладбищах, и они не желают оставить их, тем более, что до сих пор у наших христиан в Сендае не было никакого затруднения при погребении своих родных.

По словам Jefferys'a, английские и американские епископалы действуют вполне единодушно, доказательством чего служит, между прочим, то, что у него, Jefferys'a, в Сендае помощницей англичанка — епископальная миссионерка, между тем, как у английского епископального миссионера в Хиросаки под рукой американская епископалка, и тому подобное. Ныне шесть епископов у них в Японии: четыре английских и два американских; епархии у них разграничены: английские епископы имеют четыре: Киусиу, Хоккайдо, Оосака и Циугоку, Токио и Тоокайдо; американские — две епархии, от Токио на север по Ниппону, Кёото с окрестностями. Множество миссионеров обоих полов, строгая организация, — все заявляет сильные надежды их на то, что Япония будет их достоянием. Но Mr. Jefferys не упустил случая польстить:

- Я думаю, что Япония будет православною.
- Почему же Вы так думаете?
- Потому что японцы большие патриоты, а у православных портрет Императора всегда следует третьим за иконой Спасителя и Богоматери.
- Огляните мою комнату, — где же портрет Императора?.. — и так далее.

Я удивился, что даже Jefferys, который доселе всегда представлялся очень любящим нашу Церковь, так безнадежно заражен предрассудком о нашей царелатрии. — Чтобы поправиться, после моей реплики ему, он

рассказал, что bishop его — MacKim, предлагал на генеральном епископальном митинге, в Америке, поставить в Символе «filioque» в скобки, и пусть-де кто хочет верует, кто не хочет не верует; многие согласились с ним, но последовать совету нашли преждевременным.— На такой-то еще стадии стремление к единению с нами! Значит, много поколений пройдет, прежде чем наша молитва исполнится.

26 октября / 7 ноября 1898. Понедельник

В Хакодате построечные работы кончены по переделке училищных домов под жилье катихизаторов, и подобные. О. Петр Ямагаке, извещаая о сем, просит на угощение при освящении. Послал пятнадцать ен и заказал фотографии с построек для представления при отчете, за что деньги будут посланы позже.

По просьбе о. Якова Такая, послано двадцать ен дорожных ему по Церквам и написано укорительное письмо, что Церковь его совсем в застое,— успеха нигде не видно, особенно в Кагосима; последние четыре-пять лет в Кагосима совсем не было крещений, кроме нескольких детей. Пусть он строго требует от катихизатора Симеона Такаока прилежания. Пусть также заботится о нахождении и приготовлении воспитанников для Катихизаторской школы и Семинарии.

Согласно любезному приглашению Mrs Gardiner, жены американского епископального миссионера, на «reception», от трех до шести часов, «for the friends from New-York, to whom you were so kind and hospitable the evening we went to visit your Cathedral», был у них. Человек пятьдесят гостей, в числе которых несколько японцев,— барон Киккава, мой сосед, Канеко и прочие. Крайнее неудобство чувствовалось в том, что почти никого я не знал по фамилии, тогда как гости непрерывно подходили, здоровались, разговаривали. По особенности платья меня-то им не трудно называть, а их как узнаешь, коли нет времени на визиты и знакомства!

27 октября / 8 ноября 1898. Вторник

О. Игнатий Мукояма и катихизатор Иоанн Мияке убедительными письмами просят принять в Женскую школу двух дочек одного слушателя учения в Янайбара, человека уважаемого в той местности,— двенадцати и одиннадцати лет. Видел он маленькую дочь Корнилия Асано, когда она была там на каникулах, очень понравилось ему наше воспитание, находит его лучшим католического и протестантского; почему сам стал слушать православное учение, и детей хочет воспитать в нем. Ответчено: пусть пришет ныне старшую; младшую же в будущем году,— теперь и места больше нет в школе, и мала она очень.

Были два русские офицера, прибывшие на японские маневры, из Никольска-на-Амуре: полковник артиллерии Петр Алексеевич Постников и пехотный капитан Константин Степанович Федоров. Очень хвалят японское войско, насколько видели его в Корее.

— Хорошо здесь приняты японскими военными властями: отправляются на днях в Нагоя смотреть маневры, где будет и Император. Постников имеет некоторое понятие о Миссии, и даже отдаленное некое представление о христианстве: по крайней мере, выставил себя в благоприятном интеллигентном свете, когда стал сопоставлять христианство с буддизмом, находя их противоположными друг другу, как полюсы, но, по-видимому, имея представление о них, как о равных величинах, хотя и разных. Дал им адреса наших священников в Нагоя, Кёото и Оосака.

28 октября / 9 ноября 1898. Среда

О. Симеон Мии подробно описывает свое путешествие по Церквям. Везде христиане верно хранят христианство, исповедались, приобщились у него; но успеха проповеди, в смысле поступления вперед, нигде нет, в разных местах по разным причинам, например: «В Миядзу христиане те же самые; нет никаких перемен в Церкви. Катихизатор неизменно спокоен и молчалив». Где же тут быть приращению Церкви, коли катихизатор всегда молчит! Это Марк Одагири, только и способный хранить то, что есть, на приращение же безнадежный по своей природе. Или в Каназава: Инкосиу господствует над сердцами людей, и голоса «наму-аммуда буцу» оглашают весь город. Интересно побывать в общественной бане: сто голосов «наму-аммуда буцу» просто заглушают слух. Отсюда понятно, что Каназава называют «сокровищницею Хонгвандзи»... А катихизатор у нас там плохой (Петр Такеици). Не удивительно, что он живет там праздно, коли, по письму о. Мии, «и иноверные Миссии не имеют никакого успеха, несмотря на то, что много миссионеров, пасторов и учителей, что употребляются ими всевозможные средства привлечь сердца людей, что владеют они школами и сиротскими домами, как органами своей проповеди»...

До сих пор у нас с Накаем при переводе возникают грамматические споры. Странное явление, и нигде нет его, как здесь: Накай считается одним из очень ученых людей, но не установлен в принципах своей грамматики до того, что постоянно у нас мешаются правила: что считалось правильным год, даже полгода тому назад, то ныне херится и изгоняется, как неправильное. Почему?

— Грамматика так велит.

— Отчего же она давеча этого не велела?

Накай, молча, улыбается, или супится на это.

Я решился перечитать накопившиеся в последние два десятилетия японские новосочиненные грамматики, что и начал сегодня.

29 октября / 10 ноября 1898. Четверг

Из Симодаяма (Эцинго) были Танака, отец катихизатора в Касивазакки, Ильи Танака, и Вада, брат умершего семинариста. В Токио они теперь по своему керосинному делу, так как оба добыватели местного керосина. Первый говорил, что сын его (прежде подверженный умопомешательству) ныне совершенно здоров. Но движения проповеди, или лучше — успеха ее, по их словам, нигде в Эцинго нет; причина та же, о которой писал вчера о. Мии,— живая еще вера местного народа в буддизм секты монтосиу. Убеждал их быть проповедниками для своих знакомых, снабдил христианскими книгами.

30 октября / 11 ноября 1898. Пятница

Был некто Иидзима Хандзюро, старый сёогунский керай, участвовавший в войне за Сёогуна во время реставрации под начальством Инамото, бравший тогда Хакодате и потом взятый в плен и отсидевший три года в тюрьме; ныне ученый, пишущий историю. Приходил отобрать у меня сведения касательно Цусимского дела в 1861 году. Начал странным приветствием:

— Вы тогда уладили это дело, так имеете подробные сведения о нем,— и так далее.

И не в первый раз я слышал эту нелепость. Источник ее не местный: значит, меня представляют не учителем веры, а политическим агентом, посланцем «главы Церкви» Императора, имеющим власть вершить даже такие дела, как нападение русского военного судна на Цусиму, но за то лишенным всякого права на уважение добрых людей,— политическим развратителем Японии, готовящим ее к завоеванию русскими.

Я старался вывести Иидзима из этого заблуждения, хотя, видимо, безуспешно; сообщил ему, что мог, о Цусимском деле.

Господин Сенума приходил сообщить, что в Семинарии кража, и вор не кто другой, как Фукуба, который уже и признался в трех учиненных кражах.— Что с ним делать? — Посоветовал я чрез Феодосия Миягава, который, как видно, фактотум старого Фукуба, известить отца о поступках сына: пусть даст ему острастку. Если же и после того окажется вором, то отослать его к отцу безвозвратно.— Так вот отчего всучили нам сего птенца! А я думал, какие-нибудь высшие побуждения были.

31 октября / 12 ноября 1898. Суббота

Из Канума был благочестивый старичок, Пантелеимон Ёсида, пожертвовал одну ену на Церковь,— видимо, кровного труда; говорил, что

христиане блюдут веру, но приращения нет, хвалил и катихизатора, но новых слушателей у него нет.

Так только и слышно отовсюду, что проповедь в застое. Очевидно, что нынешнее политико-религиозные тревобления, или лучше — политико-религиозная болтовня производит свое влияние.

Начальник тюрьмы в Сугамо, Арима, кажется, протестант, отставил четырех буддийских проповедников и пригласил христианского проповедника для заключенных, между тем как между ними только десять христиан и тысяча двести язычников, для которых оставлено было только два буддийских проповедника.— Буддисты подняли из-за этого шум, который с месяц уже продолжается, и против христианства изощряются самые острые перья (собственно кисти), имеющиеся в Империи; налет носящейся в воздухе паутины, но для легкой японской души и этого достаточно, чтобы до времени воспещать.

Или: бывший недавно министром народного просвещения Озаки обмолвился в одной своей речи (будучи министром), что «если б Япония была республикой, то, наверное, выбрали бы президентом Мицуи или Ивасаки» (богачей нынешних: речь министра направлена была к отрезвлению от нынешнего слишком материального настроения). Этого сопоставления двух слов — «Япония и республика» было достаточно, чтобы возбудить такую газетную бурю против Озаки, что Император лично сменил его. А Озаки — христианин, — [?] опять повод вопить против христианства, что и творится ныне, отчего мертвый буддизм представляется оживляющимся, а живое христианство замирающим.

1 / 13 ноября 1898. Воскресенье

До Литургии о. Симеон Юкава крестил семь человек возрастных и детей.

После службы был катихизатор из Мито, Фома Оно, с детьми.

— Зачем пожаловал так экстренно?

— Мать больна, пожелала видеть внуков.

Достаточная причина, чтобы бросить без спроса служебный пост! Жена могла бы привести внуков.

— Как дело проповеди в Мито?

— Совсем бесплодно.

— Но Вы хвалились одним очень усердным слушателем из важных лиц в городе?

— Оставил слушать учение.

То есть Фома Оно плохо объяснял ему учение, хотя мог бы хорошо, ибо старый катихизатор или был неаккуратен в преподавании, хотя должен бы быть аккуратным, или болтал безумолжно вне катихизации, хотя мог бы обуздывать свой язык. Болтун он такой, что не прерви,—

целый день будет тянуть канитель, совсем пустую. Предложил ему сегодня чаю, напоил его детей, говорил, что нужно мне раздать иконы сегодня крещенным, намекал, что пора ему уйти, а он все сидел с сложенными к локтям руками пред непочатым стаканом чая и болтал о худых нравах в Мито, пока я, наконец, без церемонии взял иконы, благословил его и детей и пошел в классную к новокрещенным.

Был потом христианин из Эсаси, на Эзо, Павел Араки, рыбопромышленник, родом из Хиросима, куда ныне отправлялся к родителям и ныне на возвратном пути в Эсаси, где у него семейство и рыбные ловли. Сетовал, что взял катихизатора из Эсаси.

— Так, значит, Церковь закрыта в Эсаси? — спрашивает.

— Как закрыта? Если есть два-три христианина, то Христос там, сказавший: «Где будут два или три во Имя Мое, там Я посреди их». Кто же может закрыть Церковь, где Христос! Взят оттуда катихизатор Секи, потому что в другом месте он нужнее: об Эсаси он постоянно отзывался, что там нет слушателей, — зачем же ему там оставаться было бесполезно, когда в других местах слушатели есть, а катихизатора не было. Но Эсаси под непосредственным ведением священника, который будет посещать его, посещая другие свои Церкви. — Впрочем, о. Николаю Сакураи далеко до Эсаси; гораздо сподручней заведывать сею Церковью из Хакодате; о. Николай Сакураи сам указывает на это; о. архимандрит Сергей, осматривавший Церкви в Хоккайдо, того же мнения. Как Вы думаете об этом?

— Это было бы очень хорошо.

— Другие христиане Эсаси тоже не будут ничего иметь против перехода в ведение хакодатского священника?

— Думаю, что ничего.

— Сколько ныне христианских домов в Эсаси?

Он насчитал семь в городе и пригородах. Значит, гораздо больше, чем я думал по отзывам о. Николая Сакураи и Секи.

Я обещал написать о. Петру Ямагаки, в Хакодате, чтобы он взял Эсаси в свое ведение. От Хакодате до Эсаси всего пятнадцать ри; ежедневно идет туда дилижанс, с 1 еной 75 сен платы до места, и пароход, на котором за одну ену можно доехать; значит, сообщение весьма удобное, не то что из Саппоро. И катихизаторов в Хакодате двое — один может быть уделяем для Эсаси, когда там будут новые слушатели, каковые непременно найдутся, по словам Павла Араки.

2 / 14 ноября 1898. Понедельник

Лука Хироока, катихизатор в Акуцу, внезапно явился, по пути к умирающему отцу, в Токусима, на Сикоку. Просил отпуска у своего священника, о. Тита, но он оказался путешествоющим по Церквам, и ныне неизвестно

где, а дело спешное; потому Лука решил прямо отправиться и по пути испросить разрешение у меня. Впрочем, я дал это разрешение еще вчера приходившему испросить его младшему брату Луки, медицинскому студенту здесь; и брат телеграммой известил вчера Луку. Просится на две недели, бедный, плачет об отце, который уже несколько лет лежит в постели больной, и ныне, вероятно, Господь разрешит его от страданий. Дал пять ен на дорогу. На днях послано было отцу пять ен «мимай», согласно письму оттуда с просьбой о помощи. В Токусима другой сын умирающего Иова, Даниил, — тоже катихизатор, болезненный, безуспешный по проповеди; оставлен был там больше из сострадания к отцу, за которым ухаживал.

3 / 15 ноября 1898. Вторник

Написано к о. Петру Ямагаке, в Хакодате, чтобы принял в свое ведение Церковь в Эсаси, а к о. Николаю Сакураи, что Эсаси передано о. Петру, чтобы он известил о том христиан в Эсаси. Сказано в письме, чтобы о. Петр посещал Эсаси на неделе, не лишая христиан Хакодате Литургии в воскресенье: что дорожные ему и катихизатору будут оплачиваемы отсюда (из Миссии), что, если будут новые слушатели в Эсаси, один катихизатор из Хакодате должен быть отправлен туда, — тогда и на квартиру отсюда дано будет. Упомянуто также, чтобы в воскресенье, после службы, объявил христианам в Хакодате о присоединении Эсаси к его приходу. Если бы христиане по-прежнему вполне содержали о. Петра, то следовало бы испросить согласие христиан на то: но так как ныне они, изменив своему обещанию, содержат его только наполовину, — другая половина идет из Миссии, то нет причины и советоваться с ними.

В перевод богослужения мы с Накаем мало-помалу совсем углубились. И явилась у меня мысль: издать в сокращении Праздничную Минею, Триоди постную и цветную и книжку молебнов. Христиане почти ничего этого еще не имеют: а между тем теперь есть кому и обучать богослужению: отцы Сергей и Андроник, обозревая Церкви, могут делать это. Если же дать окончания перевода Нового Завета, то долго еще пройдет без необходимых частей богослужения. — И Евангелия мы решили переписать так, как они есть у нас ныне, переплести достойно на престольному Евангелию и начать читать на Литургиях с облачального места, на утрених посреди Церкви, так как ныне чтомого на амвоне и в алтаре почти никто не слышит, по тупости понимания, или безголосию чтущих, или не желающих взять в толк (как диакон Кугимия), что чтут не для себя только, а для назидания других, или не имеющих сил читать так, чтобы все слышали (как о. Павел Сато). Перевод наш уже ныне так исправлен, что смело может быть отдан на употребление; ждатель же

возможно полной исправности его еще долго.— Сегодня уже выбран сорт японской крепкой и толстой бумаги, завтра старик Оогое примется за переписку Евангелия «евангельскими» буквами, чтобы книга вышла толще.

4 / 16 ноября 1898. Среда

О. Андроник вернулся из своего сопутствия о. архимандриту Сергию в обозрении Церквей прихода о. Павла Кагета, на севере Ниппона. Хвалит о. Павла, не хвалит катихизатора в Оодате Сергия Сионое; очевидно, им двоим в одном месте не жить. О. Павел занял пятнадцать ен у тестя Сергия Сионое; десять ен выплатил, а пять еще нет; тесть же, старик Сионое, скупой ростовщик, поносит теперь о. Павла, говорит, что не может ходить в Церковь из-за него; настроил своего приемыша (катихизатора) против него; жена о. Павла, не в меру плодовитая на детей и болтливая на язык, в то же время маленькая ростом до смешного, Сира, моя добрая знакомая, подливает масла в огонь. От всех этих причин Церковь в Оодате в застое, новых слушателей нет, христиане, какие есть — а главный между ними все тот же старик Сионое,— холодны к Церкви.— Видно, что о. Павла нужно перевести отсюда. Но куда? Самое приличное место — в Мориока. Это главный стан о. Бориса Ямамура, но он никогда не живет там, а бывает только наездом, между тем как Церковь в Мориока, одна из главных на северной части Ниппона, стоит большего попечения. Но как поселить там о. Павла Кагета? Прямо предложить — и руками, и ногами упрутся против,— «мы-де, кроме о. Бориса, никого не желаем!». Таков уж японский нрав, несколько похожий на нрав русских саврасов,— «ндраву не припятствуй!». Приходится прибегнуть к способу окольного пути: нужно будет частно, чрез секретаря Сергия Нумабе, о. Борису предложить внушить христианам Мориока: «просите себе священника,— вот к следующему Собору приготовьте прошение, чтобы поселен был священник в Мориока; вы, конечно, не можете содержать его, но это и не нужно будет, если вы будете просить такого священника, которому были бы поручены и другие Церкви, но который бы имел местом жительства своего Мориока». О. Борис — человек умный и бескорыстный: поймет и устроит, если ему откровенно и изъяснить, что это делается для водворения Павла Кагета в Мориока.

По официальному же прошению христиан тотчас и будет им предоставлен о. Павел, с оговоркой, что хотя, мол, и нужен он в Оодате и окрестностях, но он может их ведать из Мориока, и потому, как ни опечаливает это христиан в Оодате, но он переводится в Мориока, согласно прошению христиан иметь там постоянного священника.— И о печали в Оодате будет упомянуто не ложно, ибо тогда христиане и

сам Сионое взбеленятся, — «как-де от них отнимается священник?». Но таковы веления судеб! Ничего не остается, как успокоиться...

5 / 17 ноября 1898. Четверг

Редактор Петр Исикава, тоже вернувшийся из сопутствия о. архимандриту Сергию, приходил рассказать о своем путешествии. Об о. Павле Кагета и катихизаторе Сергии Сионое повторил то же, что я слышал вчера от о. Андроника. Новое только то, что о. Борис оказывается добрым знакомым старика Сионое, и потому поверил ему, что «на о. Павла смотрят язычника, как на нищего, что деньги его в лохмотьях» (тогда как ничего этого нет), и прочее подобное.

В Оою нашли они Церковь в очень хорошем состоянии, особенно благочестив дом Тимофея, хотя отец его еще язычник. Существует еще в тех местах обычай бросать в реку новорожденных детей — свыше двоих, хотя очень преследуется правительством: убеждение существует, что у кого в доме больше двух дочерей, тот дом разорится; но наперекор сему предрассудку в доме Циба четыре дочери, и дом больше и больше богатеет.

В Носиро, где давно уже нет катихизатора, нашли семь христиан: из них один дом очень благочестивый: чудесное исцеление в этом доме было четырехлетней девочки от дифтерита, признанного уже неизлечимым. Отец настоял на отчаянной операции, твердо веруя, что Господь помилует его дочь, которая в то же время имела чудесное видение: красный крест ей виделся на стене совсем пустой, в госпитале; крест потом перешел ей на лоб: четырехлетний ребенок принял видение за действительность и долго потом спрашивал, где крест, чтобы дали ему его. Ныне этой девочке двенадцать лет. Отец ее учился когда-то в Катихизаторской школе, но не кончил, — должен был отправиться отбывать свою военную очередь: ныне он служит в Носиро по полиции; учение отлично знает и твердо хранит.

Про о. архимандрита Сергия Исикава рассказывает, что он очень ласково обращается с христианами, умело наставляет их, нисколько не тяготится трудом путешествия. Это очень приятно.

Зато о. Андроник совсем опечалил меня: просится в Россию, на службу в Орионе, по которой, говорит, не перестает скучать с самого уезда оттуда. Я говорю ему, что это — искушение отчасти от безделья, потому что, по причине головной боли, должен был бросить всякое дело, отчасти от диавола. Настоятельно советовал ему лечиться, к чему он не расположен был доселе, утверждая, что природа должна сама победить болезнь... Разговор был в алтаре, в Соборе, куда меня позвали посмотреть новосшитое облачение на престол; убеждал его именем Божиим.

Посмотрим, что Бог даст. Если все-таки уедет, значит, не угодно Богу держать его здесь.

6 / 18 ноября 1898. Пятница

О. Петр Сасагава, из Сендая, пишет, по делу покупки земли под кладбище вместе с епископалами — чего добивается Reverend Jefferys, — что покупка эта желательна. Хотя у большей части сендайских христиан есть свои родовые места на буддийских кладбищах, но у многих они стали тесны, как и у самого о. Петра, который для погребения своей на днях умершей матери должен был купить новое место. Притом же в Сендае немало христиан не из урожденных сендайцев, для которых тем более желательна покупка. Я ответил, что, если сендайцы решат покупку, для чего соберут между собою деньги, то я пожертвую им от себя пятьдесят ен. Советовал совершить покупку, если она будет вместе с епископалами, на имя двух лиц, одного православного, другого епископала: купленную же землю разделят надвое, соразмерно двум суммам, употребленным на покупку; место может быть одно нераздельное, с одной оградой кругом, но границы должны быть определены и известны в избежание недоразумений; погребать же могут совместно, не разбирая границ, если желают.

7 / 19 ноября 1898. Суббота

О. архимандрит Сергей вернулся с обзора Церквей. Особенно хвалит новоначинающуюся Церковь в Масуда: крещены о. Павлом Кагета и им трое очень усердных верующих; из них Павел Сасаки изрубил своего домашнего идола и сжарил на нем курицу. Катихизатор Илья Накагава там одушевляет и обещает дальнейший успех. На проповеди отцов Сергея и Павла язычников было весьма много и слушали тихо и с добрым видом. О. Павел Кагета являет себя добрым священником, проповедь говорит красно и убедительно; дурного слова у него нет даже и про своего заведомого неблагожелателя, катихизатора Сергея Сионоя. — Вернулся о. Сергей совершенно здоровым и бодрым духовно.

Из учеников Семинарии ближний к окончанию курса двадцатидвух-летний Конон Аmano, отлично учившийся и ведший себя, принужден бросить занятия и отправиться на родину, в Окицу, шесть ри от Сидзуока: чахотка в сильной степени причиной того. Сын повара у бывшего в Йокохаме консулом господина Пеликана; взят на воспитание с семи лет, после смерти отца, — кажется, тоже от чахотки — по просьбе М-те Пеликан: воспитывался, до поступления в Семинарию, в нашей школе в Кодзимаци. Сколько расходов и попечений, и ни йоты пользы Церкви! К счастью, еще есть не бедный дом сестры, куда может отправиться.

Был русский, господин Емильянов, сын охотопромышленника на Амуре, проживающий в Иокохаме. Едет в Америку и оттуда в Россию: но потерял, или украл у него, на станции железной дороги в Иокохаме бумажник с 1300 ен деньгами, документами его, квитанциями по расплатам на семь тысяч рублей. Обещал в публикациях сто ен награды за возвращение только документов, с потерей денег. И того нет. Ждет присылки денег от отца на дорогу.

8 / 20 ноября 1898. Воскресенье

О. Павел Морита получает на свое содержание три ены от христиан в Такасаки (четыре — Маебаси, восемнадцать — из Миссии). Но не нравится им (служащим Церкви) быть в зависимости от христиан. Сколько уж раз было это: получающий старается уклониться от обязательства с местными христианами и быть в зависимости только от Миссии: тут легко — получил деньги в карман и спокоен: где Миссии усмотреть, трудится человек или нет! А не высылать она не может; при обязательстве же с местными христианами нужно трудиться, являть себя достойным их попечения и жертвы. И уклоняются! Так и о. Павел Морита ныне: под разными предложениями просит три ены из Миссии, а от такасакских-де буду получать, коли будут давать, как дорожные. Ответчено: дорожные он всегда может получить из Миссии; если же такасакские христиане, жертвуя на него, считают его «своим священником» (как он жалуется), то этому нужно только радоваться и стараться более и более закреплять эту связь; это будет нравственно полезно им и материально ему, — станут еще больше давать на содержание своего любимого священника.

Иван Акимович Сенума, инспектор Семинарии, радостный приходил объявить, что благоверная его жена Елена Лукична благополучно возвела его сегодня в звание отца дочери. Удивительно приятно всегда смотреть на лицо отца первого дитяти: сияет необыкновенно радостным выражением. — Божие то дело — радость родителей!

9 / 21 ноября 1898. Понедельник

Заслуженный катихизатор в Отару и Темия, Павел Мацумото, получивший разрешение на помещение своих двух дочек в Женской школе, с дорожными для них до Токио, пишет, что не с кем отправить их; видимо, желает сам привезти их, но стесняется сказать это. Написано ему, чтобы доставил их сам; послано для этого на дорогу ему десять ен оттуда и столько же обещано на обратный путь: для детей послано пятнадцать ен на дорогу и пять на зимнее платье им. Павел Мацумото лет десять уже не был на Соборах здесь: дорожные эти ему все равно, как

были бы дорожные на Собор и обратно, если бы он захотел приехать хоть бы на бывший Собор нынешнего года.

Один язычник из Яманаси пишет, изъясняет, что разорился в торговых делах и просит воспитать его пять человек детей,— «не в религиозном духе, однако, а в общесветском». Отвечено, что Миссия не имеет средств для того.

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» нападение язычников на наших христиан в Сиракава во время языческого праздника в сентябре. Заимствовано из «Сейкёо-Симпо». Не следовало бы, потому что дело собственно малозначительное, и ныне уже покрытое пылью давности: тем более, что и японские власти отнеслись к нему совсем не так безучастно, как видно из газеты, а старались быть справедливыми и участливыми к пострадавшим.

10 / 22 ноября 1898. Вторник

Между катихизаторами есть такие, которые ничего не делают, а представляются деятельными. Таков, между прочим, Петр Мисима; катихизацией не занимается, а пишет письмо с пятнадцатью вопросами:

1. Когда Священное Писание получило название «Библии»?
2. К каким именно Церквам написаны семь соборных посланий?
3. Перешел ли в руки Апостолов, для предания Церквам, «подлинник Пятокнижия руки Моисея, хранившийся в Иерусалимском храме»?

И подобная галиматья. И нужно отвечать, иначе ропот. Будет отвечено с должным вразумлением — заниматься делом, а не праздно мыслить.

11 / 23 ноября 1898. Среда

Японский гражданский праздник; классов не было. Погода мерзейшая. Утром крайне рассердил о. Петр Ямагаке письмом из Хакодате: сам же писал, что по постройкам все кончено, просил денег на угощение при освящении, и вдруг опять расчет более чем на сто ен разных поделок! Я резко отказал,— пусть делает на местные средства, или же не делает, если их нет. Главное же сделано — издержано почти полторы тысячи ен; все было предусмотрено при расчете, на все потом беспрекословно высылалось по первому запросу. Дальше начинается японская бессовестность (вроде нового нужника его мамаше, коридора к пустому сараю, ограды вокруг Церкви, тогда как существующая очень хороша),— ей и полагается предел.

В три часа было в Соборе бракосочетание Мирона Сёо, гувернера в Семинарии, с девицей из Фурукава.

[Пропуск в оригинале]

16 / 28 ноября 1898. Понедельник

Из Церквей хорошие известия: от о. Тита Комацу, извещающего о крещении в Оотавара и об оживлении этой Церкви; от о. Павла Морита, пишущего об оживлении Церквей Такасаки и Тасино; от певца в Маебаси и Такасаки, Павла Оонума, красноречиво описывающего общее церковное собрание прихода о. Морита в Такасаки: больше ста христиан из разных Церквей было: молились, произносили много прекрасных речей, взаимно настраивали себя на благочестивое прохождение жизни и распространение Христовой веры между язычниками. Письмо послано в редакцию «Сейкёо-Симпо» для напечатания. Вообще о. Морита – живой и оживляющий священник.

Во время чтения писем явился из Иокохамы, с крейсера «Россия», матрос за книгами, которые я обещал капитану для матросской библиотеки. Дал книг семьдесят духовных и светских учебников, оказывающихся ныне ненужными для Семинарии, также несколько духовных книг для чтения.

Была христианка из Накацу, жена Спиридона, живущего уже года три в Корее и имеющего там довольно большие торговые дела, вместе – благочестивого христианина. Жена его, по имени Пелагия, последний год жила там же с ним, но захворала и прибыла ныне сюда полечиться. Сетуют они, что нет в Корее христианского православного проповедника: ходят молиться в епископальную Церковь: твердо, однако, соблюдая свое православие. Я одобрил это. Свел ее в Женскую школу, так как она имела поручение от о. Петра Кавано видеть его дочек, вместе и познакомиться с учительницами.

Иван Акимович Сенума принес номер журнал «Гакусоо ёдан», где помещена его статья «Никорай кё». Журнал «in the interest of educational work for yong reople» довольно распространенный. Статья благонамеренная, но наполненная ошибочными известиями обо мне. В заключение он обещает писать о православной вере, что будет очень хорошо, если исполнит.

17 / 29 ноября 1898. Вторник

Павел Соно, катихизатор в Оомия, – один час пути от Токио – приходил, хвалился успехом в Оомия, также в Кооносу: здесь навещал своего знакомого, просящегося из протестантства в православие.

Странное явление: протестантский миссионер рекомендует японцам православие, как наиболее подходящее к усвоению в их стране. Это все тот же американский епископал Jefferys, миссионер в Сендае. Он не раз присылал мне вырезки из американских газет, сочувственные православию. Ныне прислал вырезку своей собственной статьи из «Japan

Times», японской газеты, издаваемой на английском. В газете помещена была критика иностранных вер, с выводом, что ни протестантство, ни католичество не годятся для Японии; «вот православие-де и годилось бы, да вместе с ним нужно подчиняться иностранному монарху — русскому Императору, как главе Церкви». Jefferys пишет: «You seem to object to the Greek Church as owing allegiance to a foreign potentate. Is this quite true in point of fact?». И продолжает: «To be sure, the Czar of Russia is a member of the Holy Synod, the governing body of the national church: but he has no holy orders, beyond those of a sub-deacon, and would not presume to any further sacerdotal function». (И при таком понятии тем не менее сочувствие Православной Церкви и защищения ее!) Дальше идет: «The church in Greece is free, and there are other national churches of the Oriental type... As to the Seykyo Kwai in Japan, it contains nearly one fourth of the whole number of Christians, and has only one foreigner in any active sacerdotal function. It certainly has a better claim to be called a native church, than any other body of Christians. Its rites have both the sanction of antiquity and are suited to the dignity of an Oriental people, in approaching the throne of the Most High», и прочее. Кажется, Господь приближает время, когда Япония должна сделаться христианскою, и да даст ей Господь счастье сделаться прямо православною!

Иван Акимович Сенума, в ответ на мое утреннее письмо ему, с препровождением номера «Гакусюо ёдан», пришел и все-таки просил рассказать ему «биографию»: я разболтался было, гуляя с ним по площадке у Собора, о том, как приехал в Японию, что было тогда в Японии, и прочее,— англичанин какой-то помешал, прося показать ему внутренность Собора, что я и сделал, несмотря на то, что было уж почти совсем темно.

Во время занятия переводом Сенума опять пришел:

— Христиане собираются устроить проводы о. Андронику, просят для этого столовую в Семинарии.

— Нельзя, Семинария совсем не для таких предметов построена. Могут, если хотят, устроить здесь, в миссионерском доме, в классных залах внизу и наверху.

18 / 30 ноября 1898. Среда

Кончили мы с Накаем переводить главные стихиры двенадцати и других важнейших праздников; принялись за менее важные. Сегодня шли стихиры новолетия.

К о. архимандриту Сергию Преосвященный Антоний (Храповицкий), ректор Казанской академии, пишет, что «сюда собираются двое из Казанской академии, из коих один очень здоровый и веселый». Ладно!

Пусть едут, уезжают,— ни радости, ни печали у меня по поводу сих обстоятельств не будет ни на грош! И думать об этом не буду. Все бесполезно! Видно, что тут русским миссионерам не бывать. А как быть?

Бог весть! Верую, что Господь не оставит Японскую Церковь,— но кого Он пошлет ей? Покрыто мраком.— Вот о. Андроник, на которого я расположился было, через неделю уезжает. О. архимандрит Сергей?!?!..

19 ноября / 1 декабря 1898. Четверг

Приятно видеть, как японцы, служащие Церкви, и за малое добро, сделанное им, являют благодарность. Много ль послужил здесь о. Андроник! А ему устроили сегодня отличные проводы. Как видно, сложились из своего маленького жалованья и на это снялись фотографической группой — все служащие Церкви, пригласив и нас, русских, сесть в центре, потом устроили угощение с прекрасными речами и пением. Всех было около пятидесяти человек, то есть все тоокейские священноцерковнослужители. Снялись на дворе Миссии, у Собора, угощались и говорили речи в нижней классной миссийского дома. Речи говорили — редактор Петр Исикава по-японски,— весьма благочестивую, с текстами из Священного Писания,— восхваляя о. Андроника, особенно руководствуясь его сочинением,— кандидат Емильян Хигуци по-русски, и весьма умно и правильно,— тоже сожалея об отъезде о. Андроника, желая ему благополучного пути и скорого возвращения сюда: потом о. Андроник сказал по-русски, а Хигуци потом перевел,— весьма умно — о положении здесь Православной Миссии среди инославных, о том, что будет всегда помнить Японию и молиться о ней. Пели предварительно спевшиеся лучшие певцы — Обара, Хигуци и прочие, человек шесть,— одну Богородичную стихиру, прекрасно переложенную, и один японский кант.

Был христианин, начальник школы в Минато, Тимофей Оказаки, родной катихизатора Павла Кацумата: говорил, что катихизатор Спиридон Оосима бывает в Минато только по субботам, а живет с семьей в деревне. Какой же может быть успех!

20 ноября / 2 декабря 1898. Пятница

Был школьный учитель Аввакум, начальник и единственный учитель в одном селении из шестидесяти домов, восемь ри от Аомори. Родом из Хиросаки, научен христианству Петром Бан. В школе у него сорок учащихся. Три года живет вне всякого сообщения с христианами; в селении больше ни одного христианина, даже и христианских книг нет, кроме молитвенника: иконы тоже нет. И при всем том, видимо, благочестив, глубоко верующ. Благодать Божия бережет таких! Дал ему книг, новый молитвенник и икону.

Какой-то ученый, по имени Акасака, из одного селения в Мияги-кен, пишет, просит сообщить некоторые сведения из русской гражданской истории — к его генеалогии русских царей; но последняя так неверна и плоха, что пришлось нам с Давидом Фудзисава, — чтобы не оставить его просьбы без исполнения, — скопировать генеалогическую таблицу из Русской Истории Устрялова для отсылки ему.

За всенощной, кроме школ, почти никого не было в Церкви; вероятно, погода тому виной: с полдня идет дождь, не переставая, вот до десяти часов вечера.

21 ноября / 3 декабря 1898. Суббота.
Праздник Введения

Дождь — всю ночь, утро и почти целый день. За Литургией из города христиан человек пятнадцать, за всенощной и того меньше.

С сегодняшней почтой из России уже получены календари на будущий год.

22 ноября / 4 декабря 1898. Воскресенье

До Обедни крещено трое возрастных и трое детей. За Обедней были офицеры с «России»; священник с «России» о. Авраамий также был в Церкви и после обедал с нами: иеромонах добрый, но совсем из простецов.

Был Андрей Танака, приемыш Симеона и Нины, богачей-стариков в Тоёхаси, крупный производитель сои. На сою хотят увеличить налог, вместо одного ен на «коку», что ныне платится, три ен. Из всей Японии ныне собрались производители сего товара, человек триста-четыреста, ходатайствовать, чтобы этого не было сделано, ибо соя — предмет потребления и бедного класса.

Был старик врач Яков Такахаси, прибывший из Соома для свидания с своим сыном, полковым врачом, ныне вместе с полком переведенным на службу в Токио. Печалится, что сын забыл веру, будучи один среди язычников; дал я ему книг для сына и для него.

23 ноября / 5 декабря 1898. Понедельник

Елена Сакай, вдова о. Иоанна Сакай, из Хакодате, письмом к секретарю Нумабе просит прибавить ей содержания. Осталась после мужа совсем в силах, да и теперь в силах самой зарабатывать себе пропитание, но из уважения к мужу взята была на церковное содержание. Живет ныне вот уж семнадцать лет на оном церковном содержании, которого получает восемь ен, при готовой, отлично устроенной в одном из домов

хакодатского стана квартире. При ней два младенца, дети ее дочери Текусы от мужа язычника — врача. Для одной Елены восемь ен с избытком много: для троих, быть может, мало. Но как же Церковь может издерживаться на детей язычника, когда у ней ее собственных чад голых-голеньких без числа! Притом у Елены в Хакодате есть родной брат, богато живущий врач,— отчего же он ей не помогает, а все валят на плечи Миссии! Сказал я Нумабе отписать ей, что в просьбе ее вполне отказывается: здесь, в Токио, есть вдовы, не менее заслуженных церковнослужителей, получающие по восемь ен без квартиры с тремя и даже четырьмя детьми, а она одна с двумя младенцами при квартире, и так далее.

Павел Судзуки, довольно хороший катихизатор в Татебаяси, просит двадцать ен,— задолжал-де по болезни жены. Послано десять ен, прочее пусть помогут его христиане.

О. Павел Косуги просит сколько-нибудь помочь на лечение матери, хворавшей. Послано пять ен.

О. Борис Ямамура исследовал дело о разводе певца Марка Райкубо и при всем желании не может оправдать его: легкомысленно женился, легкомысленно прогнал жену, хотя под предлогом болезни, якобы «райбёо» (проказы), гтаящейся у ней; ныне, вопреки христианскому закону, готовится жениться на другой, уже выбранной им,— жениться уж, конечно, по-язычески. Из списка служащих Церкви исключен.

24 ноября / 6 декабря 1898. Вторник

Василий Накараи, катихизатор в Сироиси, прислал огромную тетрадь «О кресте», своего сочинения, и просит напечатать. Но на первой же странице «Апостола Павла называет одним из двенадцати и притом лучшим из них», потом на двух листах хвалит «его ученость, редкую в то время», и так далее,— малосодержательная и бессвязная болтовня. Отдал, однако, проценировать; быть может, что и выберется для напечатания.

Пишет еще Накараи, что у него один содержатель публичного дома (проститутток) усердно слушает учение. Конечно, он не может быть допущен к крещению прежде, чем не переменит свой род промысла.

Матфей Тога, кончивший Семинарию и бывший катихизатором, но сошедший с ума, из Карасуяма также прислал свое сочинение, как видно, в доказательство, что он излечился; и тут же письмо, очень поносящее катихизатора в Карасуяма, Василия Ямада, должно быть, с целью попасть на его место. Ямада ленивый и плохой катихизатор, это-то правда; но вместо его, если кого поставить в Карасуяма, то уж, конечно, не Тога, который еще выздоровел ли?

Был командир «России» Александр Михайлович Доможиров пригласить на прощальный Великому князю Кириллу Владимировичу завтрак послезавтра на «России». Великий Князь в субботу перейдет с «России» на американский почтовый пароход, чтобы отбыть домой.

25 ноября / 7 декабря 1898. Среда

Несмотря на строгую отписку о. Петру Ямагаки, в Хакодате, что не заплачу по его последнему счету на сделанные поправки по домам, как совсем неожиданному для меня, пришлось послать сегодня для уплат сто двадцать пять ен. Ремонты уже учинены и платить нужно, а чем он заплатит? Признает свою вину, что подробно не спросил обо всем, просит одолжить сию сумму, — «выплачу-де помаленьку», — когда выплатит из своего скромного от Миссии же получаемого содержания! — Зато уж написано ему, что отныне по гроб моей жизни ни на грош не израсходуюсь на хакодатские здания!

Писал еще о. Петр Ямагаки, что, согласно моему недавнему письму, в Эсаси он был. Церковь сию принял, вперед будет заведывать ею. Письмо его, скромное и умное, являвшее его послушливость, значительно облегчило исполнение вышеозначенного.

26 ноября / 8 декабря 1898. Четверг

Занимались мы с Накаем до девяти: в половине десятого отправились мы с о. архимандритом Сергием, согласно приглашению, на прощальный завтрак Великому князю Кириллу Владимировичу на крейсер «Россию». Так как были японцы — министр Двора граф Танака с женой, главный церемониймейстер Санномия с женой (немкой), то были тосты — за Императоров, за нашего Наследника, который сегодня именинник. После завтрака концерт балалаечников офицеров — человек восемь играли. Прощание. В каюте капитана Великий князь: «Что ж Вы позвали? Здесь никого нет!»... Конфуз офицера... И высокомерен же сей господин, Кирилл Владимирович, выше всякой меры! Недаром говорил капитан: «У них (господ сей крови) чувства благодарности (и других прекрасных вещей в сем роде) нет». — Когда мы были еще на «России», на рейд вошла «Chaina», американский почтовый пароход, на котором Великий князь послезавтра отправляется домой, *via Honolulu and America*.

27 ноября / 9 декабря 1898. Пятница

Лука Хироока на возвратном пути из Токусима, где похоронил отца, в место своего катихизаторства — Акуцу, был. Подробно рассказал о смерти отца: умер истинным христианином, два раза приобщившись

Святых тайн, постоянно творя молитву; скончался во время чтения о. Павлом Косуги отходной. Похоронен торжественно: человек сто христиан и родных было, множество провожавших и любопытствующих язычников.

Павел Мацумото, из Отару и Темия, на Эзо, прибыл, привез двух дочек в школу: одной двенадцатый год, другой девятый: дети здоровые и веселые. Послали их ночевать в «хатагоя», так как прибыли в восемь часов вечера,— в школу вести детей поздно, да и растрепаны с дороги; пусть отдохнут и приберутся. Павел Мацумото один из старых, почтенных катихизаторов; детей его воспитать Церковь должна. И будут воспитаны. Встретил их на станции и проводил в Миссию гвардеец, брат жены Павла (и стало быть сын Мацмайского «кароо», ныне служащего солдатом), по имени Яков, пять лет состоящий на службе в Токио и ни разу не бывший здесь в Церкви. Хорош!

Купил три куска шелковой материи для подарка о. Феодору Быстрову с отправляющимся завтра в Россию о. Андроником; стоят 64 ены 80 сен: один кусок — красноватого кохаку, 27 фут, 25 ен 70 сен, другой — донсу — стального цвета, с рисунком, 35 фут, на женское модное платье (портной в магазине, у Эцинго, размерял и сказал, что меньше нельзя), 31 ена 50 сен, третий — кайки — синеватого с отливом, 7 ен 60 сен.

28 ноября / 10 декабря 1898. Суббота

Литургию (обычную, с шести часов) служил о. Андроник. Потом в Крестовой Церкви о. архимандрит Сергей отслужил ему напутственный молебен. В девять часов он отправился из Миссии. Последним пожеланием моим ему было, «чтобы поскорее в России выздоровел и возвращался на службу сюда, или же прислал бы вместо себя человека столь же способного к миссионерству, как сам, плюс доброе здоровье». В самом деле, жаль очень человека; лучше его для миссийского служения до сих пор ни одного не было, не исключая и о. Анатолия. Но, знать, не воля Божия быть ему здесь.— До станции железной дороги здесь проводили его отцы Павел Сато и архимандрит Сергей, до судна на Иокохамском рейде о. архимандрит Сергей. В двенадцать часов судно снялось (тогда же снялось и то, на котором, под гром салютов, уходил в Америку Великий князь Кирилл Владимирович). В Кобе судно простоит три дня, которые о. Андроник употребит, чтобы попрощаться с Оосакской Церковью и побыть в Кёото. На пути он, быть может, заедет в Иерусалим. Почему я написал две карточки туда: одну высокопреосвященному Елифанию, Архиепископу Иорданскому, другую монахине Митрофании Богдановой.

В час Р. М. пришел любительский хор семинаристов; поют все лучше и лучше,— японские и русские гимны и песни. Советовал поддерживать

в Семинарии сие дело — набирать певцов из новопоступающих. Ныне командует хором Никон Мацуда, бойкий мальчуган из старшего курса. Угощены чаем с «сенбей», как вчера просил присланный депутатом малыш-певец Пимен.

Павел Мацумото долго рассказывал о Церкви в Отару и Темия. Христиан до сотни, на молитву собирается не меньше тридцати, новые слушатели всегда есть; оба города, тянущиеся по берегу рейда без перерыва и составляющие в сущности один, все больше и больше растут: Саппоро, напротив, убывает. Будущность принадлежит первым. Земли там, даже в худших местах, по восемь ен цубо: значит, под Церковь землю купить нельзя: но нынешний наемный дом для Церкви очень удобен. — Христиане единодушны: ныне собрали между собой пожертвований шестьдесят пять ен на фисгармонию для обучения пению и гробный покров.

29 ноября / 11 декабря 1898. Воскресенье

За Литургией было несколько офицеров и матросов с «России». Когда я кончал давать крест после службы, один боцман подошел и подал коробку с словами: «Просят принять ленту с „России“»; оказалась великолепная, широкая, голубого цвета лента с оттиском парохода «России» на обоих концах, — для закладки в Евангелие. Это вследствие моих слов в кают-компаниях, когда на днях был на «России» и когда офицеры предложили ленту к букетику цветов, составленному для меня посланницей, что «такая лента годилась бы на закладку в Евангелие»; тогда офицеры дали две ленты для сего, узкие; ныне прислали даже уж слишком широкою. Вложена будет в готовимое ныне на престольное японское Евангелие.

После Обедни был один гвардеец, родом из Сакуяма; всего десять дней, как принят на службу и спешит в Церковь: значительная разница с тем, что был третьего дня, — пять лет на службе и ни разу в Церкви! От домашнего воспитания, вероятно.

В четвертом часу был капитан «России», земляк Александр Михайлович Доможиров, проститься: послезавтра уходит в Нагасаки и оттуда в Порт-Артур. Человек — достойный уважения, не своекорыстный, а думающий о пользе другим от своей службы, желающий сделаться директором Морского корпуса, чтобы потрудиться над добрым направлением четырехсот юношей. Дай Бог ему, и дай Бог побольше таких!

30 ноября / 12 декабря 1898. Понедельник

После полдня была христианка из Мито, Елена, жена богатого торговца каменным углем, родом из Токио, Какегарачё; пришла к отцу, семидесяти одного года, опасно больному. Она с мужем христиане; отец

и мать ее язычники, и первый — заклятый буддист. Убеждал ее не дать умереть отцу в душевной слепоте и уйти в вечный мрак; дал христианских книг.

[Пропуск в оригинале]

6 / 18 декабря 1898. Воскресенье

До Литургии было крещение нескольких. За Литургией приобщено человек восемьдесят, с детьми. После службы мы с архимандритом Сергием отправились в Посольство, где служили молебен по случаю тезоименитства нашего Государя и потом завтракали. Вернувшись, я побыл в три часа у больного старшины Церкви Канда Иоанна Айзава, человека достойного по своей религиозности. Потом о. Феодор Мидзуно, возвратившийся с посещения Церквей в Симооса, рассказал о состоянии Церквей: в местах, где нет катихизаторов, совсем плохо, как в Омигава, Чёоси: где живут катихизаторы идет дело порядочно, как в Котода, Оота, особенно в Суга; человек пятнадцать нашел приготовленных к крещению и крестил. Филипп Узава, имея до ста домов христиан в своей и соседних деревнях и школу с шестьюдесятью учениками, не может один управиться со всем. Просил Сократа Хираяма, у которого теперь совсем нет дела, помогать ему по школе; но Сократ, должно быть, потому что старше по летам и учнее по-китайски Филиппа, отказывается, а сам, получая семь ен от Миссии, не имеет в настоящее время ни одного слушателя (да и не может быть самостоятельным проповедником, как не кончивший курса в Катихизаторском училище).

После рассказа о. Феодора сейчас же я продиктовал письмо к Сократу, чтобы перешел из своей деревни в Суга, к Филиппу Узава и помогал ему по школе и проповеди.— Посетил о. Феодор и Павла Ницума (бывшего иеромонаха) в Нанае; детей у него с Марьей уже трое; оба исповедались и приобщились: являют усердие, хотя пока на словах, о просвещении своих соседей христианством.

7 / 19 декабря 1898. Понедельник

С восьми часов утра на экзамене в Катихизаторской школе и Семинарии. В первой экзаменовались по Догматике: ныне в старшем курсе всего два человека, в младшем семь: первые отвечали хорошо, и ученики довольно благонадежные, вторые — наполовину хороши, остальные совсем плохи. Из Семинарии экзаменовался второй класс, в котором всего уже шестнадцать человек: отвечали по Священной истории Нового Завета довольно хорошо, но особенно способных и острых нет.

О. Иоанн Катакура попросил назначить Симона Тоокайрин'а в Ямада «денкёо-ходзё» и дать ему четыре ены в месяц. Сделано: деньги посланы на двенадцатый и первый месяцы о. Катакура, так как открыто от меня Симон не может быть назначен на церковную службу по причине своего проступка.

8 / 20 декабря 1898. Вторник

Был на экзамене в самом младшем классе Семинарии: восемнадцать учеников, все почти одинаковых лет — четырнадцать — шестнадцать: отвечали по Священной истории Ветхого Завета хорошо, некоторые отлично; глупых и ленивых не видно: подбор класса довольно хороший. Есть один язычник: Андо: отец, богатый человек, отдал его сюда, как шалуна, для хорошего направления и платит за его содержание; но мальчик оказывается отличным учеником: не шалит больше других, прилежно учится и уже просит крещения: «товарищи неблагоприятно относятся к его язычеству», — говорит. Не то что Фукуба, внук придворного поэта; тот ленился, не хотел ходить в Церковь; никакими убеждениями невозможно было сделать его прилежным, так что учителя отказались и спрашивать его; наконец проворовался — почему и отослан домой.

О. Симеон пишет, что в Кёото слушателей вероучения семь человек, в Оцу пять. Пишет еще: «Недавно поселился в Кёото Окамото Риуноске, бывший полковником (выдавшийся здесь, в Токио, со мной). Он получил от Правительства особенное поручение — исследовать вероучения, церковные организации и законы главнейших религий на свете, и в особенности отношения их к государству. Он, в сопровождении двух помощников, поедет за границу в конце следующего месяца: в Китай, Германию, Италию и Англию. Но прежде чем приступить к исследованию заграничных религий, он старается ознакомиться с религиями буддизма и синтуизма в Отечестве, для чего живет в Кёото», и так далее. О. Семен имел с ним несколько свиданий, объяснял православие, дал книги, которые тот с интересом читает. Просит о. Симеон снабдить его на дорогу нашими христианскими книгами: Догматическим Богословием, Сравнительным, Каноникой и прочими. Конечно, пошлем все, что нужно и можем.

О. Николай Сакураи прислал огромную тетрадь: описание путешествия по Церквам его прихода о. архимандрита Сергия вместе с ним; я прочитал пять листов (мельчайшего письма) с начала и столько же в конце: ничего нового после своевременных извещений самого о. Сергия. Отдал для напечатания в «Сейкёо-Симпо», куда и предназначал о. Сакураи, но где также в полном составе едва ли появится: больно уж скучно читать беспрестанные повторения одинаковых процессов: в каком часу

выехали, когда, в каком именно часу и сколько минут приехали, когда ели, и даже иногда, что ели, и подобное.

9 / 21 декабря 1898. Среда

Утром поехал в Иокохаму, чтобы взять вексель для отсылки о. Феодору Быстрову семьсот рублей на гробные покровы, облачения и прочее для Миссии. В первый раз пришлось быть в Русско-китайском банке; за семьсот рублей взяли по нынешнему курсу 726 ен 25 сен. Но как-то странно ошиблись в счете на десять ен, потом сами замяли, — «мол, старые кинсацу, прилипают» (должно быть, китаец, считавший после меня и чиновника, хотел стянуть десять ен, или что-то в этом роде: вообще, предупреждение — не переходить сюда из Hong Kong and Shanghai Bank, где в счете никогда не ошибались).

Николай Абе из Яманаси хвалится успехом там (в Коофу); в феврале попросит священника туда крестить (хорош успех, когда там с августа!). Просит принять одну девочку в школу. Это ладно; когда ребенок в школе, сердца родителей тут же, близ храма и престола Божия.

Двое язычников: из Мёохоодзимура, близ Касивазаки, и из Сендая, пишут, просятся сюда в школу. Написано о них Илье Танака в Касивазаки и о. Петру Сасагава в Сендай: научить вере и приготовить к поступлению — одного в Катихизаторскую школу, другого в Семинарию, если окажутся годными.

10 / 22 декабря 1898. Четверг

Утром был на экзамене в женской школе; маленькие отвечали по Закону Божию, как всегда, превосходно. Всех учениц восемьдесят одна.

О. архимандрит Сергей принес для прочтения письмо епископа Антония (Храповицкого), ректора Казанской духовной Академии, в котором изложено завещание недавно умершего епископа Михаила (Грибановского). Главная мысль завещания: «установить Церковь на канонических началах». — Но теперь Церковь разве сдвинута с оных? Если да, то как остается православною? Нет, твердо стоит она, непоколебимая даже для «адских врат». — Разумеют они, молодые мечтатели-пессимисты, вероятно, возвращение к патриаршеству. Но это невозможно и не нужно. Будто патриаршество — канонизм? Но его не было при Апостолах и в первые три века. Явилось оно как необходимое, но не как непреложное — иначе не позволили ли бы Восточные Патриархи учреждение у нас Святейшего Синода. И Синод был, действительно, своевременно учрежден. Одного лица было недостаточно для управления всею Церковью. Не сошлются ли на Палу? Но там не Папа управляет, а целая система; и попробовал бы Папа не подчиниться этой системе, его бы тотчас в

папах не оказалось. У нас при царе Алексее и Никоне разве система была? И Никон разве хорош был? В отношении к царю он, положим, и может быть оправдан, хотя с натяжками, в отношении же к Церкви никак. И разве желательно повторение подобного самодурства, соединенного с расстройством Церкви? Потому Петр был мудр, позаботившись об уничтожении единоличности в общем управлении всей Церкви. — Но ныне пришло время продолжить преобразование в церковном управлении, нисколько не нарушая канонов. Как? Господь знает, как! Но нынешнего Синода недостаточно для доброго управления Церкви, — это очевидно.

Истинная Христова Церковь должна радеть о просвещении язычников христианством; но кто же в Синоде озабочен этим? Никто; а идет это дело плохо. Православная Церковь должна простереть руку тянущимся к ней старокатоликам и лучшей части протестантов, — но кто же болеет этим? Один генерал Киреев. Церковь должна усилить учительство в виду удушающего невежества и суеверия народа, но Духовного учебного комитета разве достаточно для этого? — Итак, что же делать? По-моему, созвать Собор всех православных российских епископов и определить на нем:

1. Синод сделать состоящим не из переменных епископов, а из постоянных членов. Куда епископам епархий заседать в Синоде, когда у них полон воз собственных дел?.. Оттого и епархии терпят от недосмотра, и вся Церковь от недогляда. Не смущаться тем, что епископы — члены Синода — не будут именоваться по епархиям, которых у них не будет. Вот этот-то лже-канон можно и побоку.

2. Епископы — члены Синода — должны быть избраны — всею Церковью и должны быть для сего мудрейшие между ними, замеченные, как мудрые администраторы. Цвет ума, силы, деятельности должны встать во главе Церкви. Царь, разумеется, с радостью все это позволит, — нужно только разумно представить ему это. Какой же у нас царь был против Церкви или не позволял что доброе в Церкви?

3. Прилично быть столичному митрополиту председателем Синода; но тогда у него должно быть три викария для ведения епархиальных дел, чтобы от занятия его синодальными делами не было ущерба его епархии.

4. Общее заседание всех членов Синода для вершения особенно важных дел должно быть в определенные дни. Но —

5. Двенадцать членов Синода должны быть разделены, по крайней мере, на четыре части: 1. три члена для ведения текущих дел Русской Церкви, 2. три — для ведения миссионерства внутреннего — среди раскольников, инославных и буддистов, и магометан в пределах России, 3. три — для управления миссионерством заграничным — среди католиков, старо-католиков и протестантов в Европе и Америке, и язычников в Азии и прочих, 4. три — для ведения просветительной части среди

православных (того, чем теперь заведует духовное учебное управление).— Должны быть четыре присутственных места и канцелярии с нужным только числом чиновников. Члены Синода должны почасту отлучаться осматривать на месте свои части.

Хоть бы в этом роде. Против канонов — ничего, а улучшение было бы значительное.

11 / 23 декабря 1898. Пятница

На целый вечер расстроил разговор, во время прогулки в шестом часу, с этим хихикачем, о. архимандритом Сергием. Рабский поклонник своего учителя епископа Антония Храповицкого; так же, как сей, хихикает над всем церковным управлением и хаёт его, понося всех нынешних высших русских иерархов.

Утром был на экзамене в Семинарии. Третий класс, восемнадцать учеников, отвечал по Гражданской истории плохо; учитель Андрей Миnamoto — кандидат Петербургской Академии — знает историю не лучше учеников. Сделал ему выговор при всех за плохое преподавание. Седьмой класс, десять учеников, по Канонике, у Марка Сайкайси, отвечал удовлетворительно.

Филипп Узава, чрез о. Феодора Мидзуно, отлучавшегося в Кабусато на погребение умершего христианина, просит отменить сделанное на днях распоряжение, чтобы Сократ Хираяма перешел к нему, в Кабусато, помогать по школе: он, Узава, уже пригласил для сего односельца Игнатия Ито и совершенно доволен им как способным преподавателем и единомысленным с ним по делам Церкви, чего он не надеется от Хираяма. О. Мидзуно говорит, что таково мнение и желание соседних катихизаторов Хонда и Канасунги, бывших на погребении. Сам о. Мидзуно тоже ходатайствует о сем. Потому написано к Хираяма, чтобы он оставался в Савара и заботился о привитии там христианства и к Узава, что Игнатий Ито утверждается помощником ему и дается ему от Миссии четыре ены в месяц. Кстати, и Хираяма уже успел написать о. Феодору в ответ на недавнее распоряжение, что он надеется иметь успех по проповеди в Савара,— к Узава же не желает.

12 / 24 декабря 1898. Суббота

Утром на экзамене в Женской школе. По Закону Божию старшие отлично толковали Евангелие от Матфея; следующие за ними бойко отвечали по Церковной истории. Вообще, девочки преприлежно учатся; тринадцати-четырнадцатилетние сегодня по географии на память нарисовали Аравию и Азиатскую Турцию с частью сопредельных стран так верно и подробно,— даже раскрасили,— что я удивился.

— Вероятно, наперед было сказано им, что заставят нарисовать это, и они дома приготовились? — спрашивал Надежду Такахаси, учительницу.

— Что Вы! Нет! — удивилась она вопросу.

— Так ужели они все, что прошли, могут так же удачно начертить?

— Без всякого сомнения.

Закончилось экзаменом по гимнастике; и здесь тоже все до единой преотчетливо делали все, что преподано было им.

Вернувшись домой в половине первого часа и пообедавши, принялся с Давидом за чтение писем: тут мало утешительного. Отовсюду, что слушателей учения почти нет, или совсем нет.

О. Роман Циба, вернувшись из Симооса, рассказал: исповедников было весьма мало; крещений ни одного; у Антония Обата еще есть несколько слушателей, у Тихона Сугияма — ни одного, и вообще сей последний ровно ничего не делает, кроме того, что живет и воспитывает детей на миссийское содержание. Беда с такими бессовестными! Много лет состоит на службе Церкви и уже чрез это сделался несколько почтенным. Но почти всегда ничего не делал, а в конце и совсем ничего. Выгнать же со службы — все равно, что послать на улицу просить милостыню, или обречь на голодную смерть, а у него куча детей! Вот и мучаешься: жаль церковных денег, но жаль и людей, и не знаешь, что делать. Пошлю выговор и угрозу, да ведь не впервой, — с гуся вода! Придется перевести куда-нибудь, где больше христиан, пусть хоть хранит их: а в Кицуока, где он ныне, всего один дом, да старый, который без него стоял и без него будет стоять.

13 / 25 декабря 1898. Воскресенье

Светлый и холодный зимний день. Причастников за Литургией было больших человек тридцать. После Литургии о. Павел Савабе пришел взять антиминс, чтобы отправиться на праздники в Сиракава; сосуды там есть. Взял также на дорогу и на нужды шесть ен.

Так как занятия переводом мы с Накаем до после праздников прекратили (закончили переводом канонов Святому Апостолу Петру и Павлу), то вечером я переводил расписки к Отчету.

14 / 26 декабря 1898. Понедельник

Утром на экзамене в Семинарии: в шестом классе восемь учеников толковали Библии первую книгу, у учителя Минамото, плоховато: ученики Катихизаторской школы по Основному Богословию отвечали еще хуже: а ученики третьего класса Семинарии, у Пантелеймона Сато, под предлогом, что учат по-русски, прошли Церковной истории всего листиков тридцать, но отвечали все, за исключением первого ученика,

по-японски. Сказал я Сато, чтобы вперед спрашивал у них ответы по-японски и вместе с этим задавал уроки настоящих размеров.

После полдня — с часу — экзамен по гимнастике в Семинарии; первый разряд, человек двенадцать, удивили своим искусством: горизонтально лежать на воздухе, держась лишь руками за железную палку, перекувыркиваются на воздухе, колесом вертятся на железной палке и подобное. Все ученики аплодировали их штукам. Но есть и совсем не занимающиеся гимнастикой, под предлогом слабости, в сущности по лености, что жаль.

С двух часов — чтение списков в Женской школе.

С шести просмотр списков Семинарии и Катихизаторской школы, составленных сегодня преподавателями. Иоанн Сенума, коочёо Семинарии, и о. Феодор Мидзуно, коочёо Катихизаторской школы и Певческой, принесли списки. Рассуждали до половины восьмого, разделили на разряды. В Семинарии ныне всего семьдесят учеников во всех классах, и из тех человек пять больны, — вероятно, скоро выйдут. Таких, что следовало бы исключить по лености, или по дурному поведению, нет. В Катихизаторской школе девять учеников; из них четыре почти ни к чему не годны, по слабости способностей и старости. Но потерпим и сих: авось, из них выйдут проповедники хоть для деревень: поведения все хорошего. Но Причетническая, или Певческая, школа ныне совсем в отсутствии: два ученика есть, но всегда больны, так что совет учителей решил отослать их домой безвозвратно. В Церкви пономарскую должность пусть отसेле исполняют семинаристы, начиная с седьмого класса.

15 / 27 декабря 1898. Вторник

В девять утра было чтение списков в Семинарии и Катихизаторской школе.

Целый день — перевод расписок и чтение церковных писем. Из Накацу Матфей Юкава пишет, что в пяти ри от Накацу открывается очень хорошее место для проповеди: его пригласили, слушали с усердием, просят опять, и даже снабжают дорожными деньгами. Он обещал. Написал я ему тотчас же, чтобы в точности исполнил свое обещание, не упустил слушателей по нерадению. Послал христианских брошюр для раздачи новым слушателям.

Из Асикага и Микурия Яков Мацудаира пишет, между прочим, что убедил десять домов в Микурия посадить по два отводка дерева «кири» в пользу Церкви. — Скоро Церковь дождется дохода, и много его будет!

Из Мориока Фома Михора пишет, что Церковь оживляется: восстановлены женские религиозные собрания, есть новые слушатели. Конечно, если он будет здоров и не ослабеет духом, Церковь будет оживлена; прежний же катихизатор там и нынешний его сотрудник — Петр Такахаши — мертвец духом.

16 / 28 декабря 1898. Среда

Перевод и приведение в порядок расписок к отчетам.

Катихизатор Исаяя Мидзусима еще брошюру, уже четвертую, своего сочинения принес — «Гиваку-но бенкай». Просил он молитвенник на русском: такого не оказалось, а дал напечатанный гражданским шрифтом; просил еще «Осиено кагами» на русском, то есть «Зеркало Православного Исповедания» Святого Димитрия Ростовского; дал из Основной библиотеки. Подарил ему из Запасной библиотеки Псалтирь Святого Ефрема Сирина: просил он еще какую-нибудь религиозную книгу на французском: на это я посоветовал ему «за двумя зайцами не гнаться вдруг». Пусть сначала хорошенько овладеет русским языком, чтобы пользоваться Святыми Отцами и прочим на русском для материала своих сочинений. Потом может один за другим основательно изучить и другие языки, которых он начал изучать уже много, даже еврейский. Он обещал последовать сему совету. Дал ему десять ен от себя, как награду, за труды по сочинению религиозных брошюр.

В Семинарию языческий мальчик, Андо, пятнадцати лет, богатых родителей, определен был с именем шалуна. Оказывается очень скромным и добрым мальчиком; ведет себя совсем как христианин и просит крещения, говоря, что родители позволяют ему это. Завтра отправляется домой, в Кадзуса, на праздники, и три раза сегодня приходил то прощаться, то религиозных книг просить, то крестика на шею, который, наконец, и выпросил. Крещение же обещано ему перед Пасхой.

17 / 29 декабря 1898. Четверг

Расчетный день за месяц,— раньше обыкновенного, пред Новым годом.

Учащиеся исповедывались: мужские школы и у отцов Романа Циба, и Феодора Мидзуно, женская у о. Павла Сато.

О. Алексей Савабе был; жалуется, что Иоцуя в упадке — самая лучшая часть прихода его. Еще бы! После его пристрастных поступков с катихизаторами и отнятия их у христиан без всякой причины, кроме той, что они ему не нравятся! — Говорит, что отец его, о. Павел, в Сиракава еще не уехал, а пребывает в Коодзимаци, тогда как хотел до праздников совершить требы у христиан. Так всегда у людей, подчиняющихся не резону, а своему минутному «хочу» и «не хочу».

Внушал Павлу Ямада, молодому писателю в наши журналы, собрать православных учеников гимназий, университета и других заведений, чтобы по воскресеньям давать им религиозное научение. Я сам буду преподавать им на первый раз Догматику и Священную историю. Второй раз уже побуждаю его принять на себя это дело. Больше решительно

некому предложить это столь нужное дело. Обещал он собрать сведения, сколько наберется таких учеников в Токио, потом с каждым из них поговорить, убедить ходить на уроки, присматривать за тем, чтобы они действительно ходили. Дай Бог устроиться сему делу!

18 / 30 декабря 1898. Пятница

Иностранцам нравится наше церковное пение и вообще богослужение, и они часто посещают наш храм; иногда спрашивают наперед, когда у нас богослужение, на что им и отвечается. Но вчера я поставлен был в затруднение сделать сие последнее: получил записку из «Imperial Hotel» от персоны, ни имени, ни фамилии которой не было прочесть никакой возможности, даже не мог я догадаться, lady или gentleman, спрашивая о времени наших праздничных Рождественских богослужений. Послано спросить у посланницы, не может ли она дешифровать подпись; к счастью, могла,— дала имя одной американской Miss, которой и отвечено.

Вечером была всенощная, за которой были все учащиеся, готовящиеся завтра приобщиться Святых Тайн. Пели ученицы, стоя на клиросе, так как их очередь.

Вчера и сегодня поставлены у всех наших ворот «кадо-мацу». Пред главными миссийскими воротами ныне в первый раз,— доселе строилась зеленая арка пред крыльцом главного дома, которая ныне отменена.

19 / 31 декабря 1898. Суббота

В семь часов утра позвонили к Обедне; когда собрались все учащиеся, прочтены были о. Романом Циба утренняя молитва и Правило ко Причащению, вслед за чем начались Часы. Подходили к Святой Чаше в полном порядке сначала певчие, потом остальные: было и несколько причастников из города. Литургию совершали три священника: о. Павел Саго, о. Роман Циба и о. Феодор Мидзуно; пели оба хора.

День окончательных расчетов, уборки и приготовления к празднику.

Вечером обычная предвоскресная всенощная. Так как в Причетнической школе ныне учеников нет, то пономарить в Церкви стали семинаристы. Да и нужно им знать порядок сей службы. Семинарист Павел Ёсида, прежде бывший в Причетнической школе, ныне отлично служит. Теперь явился в алтарь Никон Мацуда, первый ученик седьмого курса, чтобы перенять от него дело; понявши в три-четыре богослужения, он передаст следующему и так далее, так что вся семинария будет участвовать в сем служении. С нового года начать это сказано было им, и начинают.

20 декабря 1898 / 1 января 1899. Воскресенье

С девяти часов Литургия. С начала службы, кроме учащих, почти никого не было; потом собралось довольно много христиан, порядочно и язычников; из христиан — женщин было совсем мало.

После Литургии — молебен. Положительно необходимо добыть человека с громким голосом для диаконства. Нынешний первый диакон — Стефан Кугимия, говорит эктении так, что вот я, стоя на облачальном месте, в трех шагах позади его, ни слова не понял сегодня из его говорения. И мог бы громче, да поди в долби ему, коли он глуп, как дерево! В Церкви половина язычников, — как бы хорошо было и им слышать, о чем здесь молятся! И перевод ныне такой простой и понятный. — Но где взять с громким голосом? Я не вижу никого. Попытаюсь, нельзя ли со временем сделать диаконом Федора Янсена: у него басик; нужно испытать его в чтении. Кстати, и всему седьмому курсу нужно изучить должность чтеца. Сказать им, чтобы чередовались в чтении на клиросе; а Павел Окамото, нынешний чтец, пусть руководит их.

После Обедни обычные поздравления служащих Церкви. Потом певчие пропели «икутоси-мо», за что получили на «кваси», — то же, только меньше, и все учащиеся.

Часов в шесть вечера пришла учительница Надежда Такахаси получить на «кваси» трем девочкам певчим, бывшим сегодня нарядными по своей кухне, и потому не певшим у меня. Отдав ей по тридцать сен на каждую, я спросил:

— В каком состоянии ныне сердце твое относительно Елены Сенума? Все так же злобится?

— Нет никакой злобы.

— Отчего же ты не повидалась с ней, когда она была у Анны-старухи, где была в то время и Елисавета Котама?

— Меня не уведомили, что она пришла; а ко мне потом она не зашла.

— Вероятно, думала, что ты не примешь ее; не захотела, чтобы над нею еще больше смеялись ученицы. А они действительно смеются. Это я сам видел. Когда она подходила к причастию, когда говела, готовясь к родам, три-четыре ученицы засмеялись, — это мне бросилось в глаза...

— Я никогда не говорила ученицам дурно про нее и не учила их смеяться.

— Прямо, может, и не говорила, но поступками внушала, когда, например, пропеть в венчание отпустила немногих и наиболее плохих певчих. Когда, после брака, Елена не могла из-за тебя сделать, вместе с новобрачным, обычного визита начальнице школы и учительницам, — и тому подобное.

Надежда морщилась и морщилась, да как расплакалась, и унять нельзя! Больше полчасу проплакала. Я сначала даже не понял из-за чего.

— Что за причина? О чем печаль? С Еленой, если уже помирилась, так эта печаль прошла. Что еще?

Но тщетно вопрошал. Она измочила слезами весь платок, спрятала его, вытащила из другого рукава много бумаги, наплакала и ее, и еле-еле я, наконец, понял, что это у нее слезы раскаяния о приключившемся искушении. Действительно, мы с нею опять порешили (как я прежде толковал им), что это диавол посеял и утвердил на столь долгое время вражду между нею и Еленой. Но, слава Богу, что ныне кознь его разрушена! Да не будет вперед такого падения! Если и сердится, то «пусть не зайдет солнце во гневе», по Апостолу. Толковал я ей, сколько она может причинить страданий бедным детям ученицам, если не станет обуздывать себя при каждом порыве гнева...

Потом внушал ей, чтобы вместе с Еленой Котама подробно расспросили Анну обо всей ее жизни и все записали бы, чтобы, по смерти ее, издать ее биографию в назидание последующим начальницам женской школы и всем христианкам, да и христианам. Редкий пример своего долга являет она, и редки такие люди, а без них и дело не делалось бы, и потому нужно желать и молить Бога, чтобы их было больше. В один из светлых и тихих дней, во время праздников, пусть будет снята ее фотография вместе со всею школою. Она может сидеть на своей (очевидно, предсмертной) постели, за нею учительницы, вокруг нее возможно теснее ученицы, — маленькие прильнувши к ней, чтобы видна была истинно мать всех детей в школе. Еще бы не мать! Еле дышит, встать не может, по ночам нестерпимо мучается, а войдешь к ней — мелюзка девчонки с своими расходными книжками вокруг нее, «что которой нужно и на сколько копеек расход решает», и тому подобное: все расходы, расписки, официальные школьные письма пишет сама, все распоряжения по школе делает сама... Могла бы успокоиться. Сын, главный врач оосакского большого госпиталя, зовет к себе; пеняет, что не идет; там и внуки, и внучки. Но личное дело у нее — ничто в сравнении с ее служением людям — своим возлюбленным ученицам, которые за то и любят же ее, истинно, как родную мать.

Надежда говорила, что у них уже расспрошено и подробно записано все об Анне. О снятии фотографии обещалась похлопотать. Ушла успокоенная. Я обещал сказать Сенума, чтобы Елена пришла к ней с визитом; а она ласково примет ее и пройдет с нею по школе, что достаточно будет, чтобы ученицы перестали дурно думать об Елене.

О. Симеон Мии в поздравительном письме пишет, что Окамото Риunosке благодарит за книги, посланные ему, шлет мне, в ответ, свои сочинения «извиняясь, что доселе держался такого взгляда, какой изложен в них». Уверяет Окамото, что «будет действовать в пользу православия, будет стараться разрушать предрассудки и неверные мнения о нем, распространенные ныне в обществе и отчасти в правительственном кругу». «Из его разговоров можно видеть, — пишет дальше о. Семен, —

что он прекрасно сознает недостатки протестантства и католичества. Он говорит, что протестантство не имеет важного значения, как религия, и притом субъективный его индивидуализм крайне вреден для будущности нашего отечественного строя и для неприкосновенности Императорской преемственной династии. А что касается католичества, то многовековая история свидетельствует о многочисленных дурных последствиях его системы: таковы папизм, безнравственность духовенства и тому подобное. Значит, из трех христианских исповеданий он признает превосходство православия», и так далее. И все-таки мало толка! Христианство — дойная корова для государства. А что оно — Божие учение, путь к вечной жизни, об этом и мысли нет!

21 декабря 1898 / 2 января 1899. Понедельник

Утром написал Ивану Акимовичу Сенума, что Надежда Такахаси горячо желает восстановить дружеские отношения с его женой Еленой, кается, что так долго была в разладе и прочее, что поэтому я обещал ей посоветовать ему — Ивану Акимовичу — с женой сделать визит в Женскую школу и в особенности в комнату Надежды, где они — Надежда с Еленой — любезно поговорили бы и потом прошли бы вместе по школе между ученицами, чтобы все видели, что разлад прекратился, любовь и мир восстановлены. Итак, пусть сделает это, и пусть навсегда прекратится вражда и ссора в месте, откуда должно исходить учение только о мире и любви.

Написал потом о. Семену Мии, в ответ на его приветствие, и об Окамото, — о поверхностности сего исследования вер: все только о государстве, — что полезно ему, — буддизм, или христианство, или еще что; дойную корову из христианства хотят сделать и глоток молока от нее получить только для подкрепления на час; а вечной пользы веры — для спасения души знать не хотят, и так далее. Советовал Окамото взять поглубже, если может...

Анна Кванно прислала учительницу Евфимию с подарком от ее внучки Марфы и ее мужа доктора, которые из Оосака приехали навестить ее, и просила принять их и поговорить доктору о вере. Принял. Доктор оказывается молодым красавцем, под стать внучке Марфе. Стал я говорить ему о христианской вере, и вдруг открывается, что он был христианином — протестантом, но лет десять назад бросил христианство, убежденный родственником, ревностным буддистом, в истинности буддийства. Видно, что не знал ни христианства, ни буддийства доселе. Убеждал я его отныне познать Христа и Бога; обещал снабдить книгами, при отъезде его. Кажется, будет со временем православным христианином.

После полдня сделал визиты: американскому епископу McKim'у, американскому епископальному миссионеру Gardner'у, дочка которого проводила потом к епископу Шершевскому. Сей последний — замечательная личность. Родом — русский еврей, из Литвы; двадцати двух лет, в 1852 году, эмигрировал из России, сделался протестантом, миссионером, епископом в Китае: хорошо там потрудился, перевел Библию на мандаринский китайский язык, экземпляр которой и мне подарил еще в 1875 году, когда посетил меня здесь, на Суругадае. Солнечный удар в Китае сделал его паралитиком, но он не потерял духа; живя в Америке, перевел вновь Новый Завет на китайский язык; для отпечатания его прибыл в Токио. И Новый Завет напечатал; экземпляр его прислал ко мне, и мы с Накаем постоянно, при нужде, справляемся с ним; это, действительно, лучший из китайских переводов Нового Завета. Ныне трудится над изданием Ветхого Завета, который переведен им с еврейского. Текст сего последнего я и нашел сегодня перед ним на столе. Сидит в кресле, руками владеет не свободно, языком тоже, хотя можно понять все, что он говорит. Наружностью настоящий раввин, седой, весьма почтенный, с окладистой бородой. Перевод пишет посредством пишущей машины; ударять по клавишам может, писать же слова, или иероглифы не в состоянии. Переписчик потом, с его помощью, начертывает китайскими письменами. Удивительно хорошо знает китайский язык, если правда, что в Америке у него помощников из китайцев не было, а сам он один делал свой перевод, ныне столь уважаемый нами. Обрадовался моему искреннему участию в его деле, показывал все свои рукописи. Да поможет Господь старцу окончить его издание Ветхого Завета! Видимо, боголюбезный старец! Японский секретарь его женат на нашей христианке, бывшей учительнице в Женской школе, Лидии Оота, и живут они мирно, содержат тот и другая свою веру беспрепятственно друг от друга. Лидия как-то приводила сюда своего мужа; мне он очень понравился.

Был еще сегодня у английского епископа Awdry. На шее крест, ноги как у паука; но вообще очень любезны, он и жена. И какую сеть раскинули они — епископалы по всей Японии! Христиан вдвое меньше, чем у нас, а духовенства-то! Пять епископов, миссионеров больше пятидесяти; японского духовенства тоже пятьдесят человек, как сообщал сегодня Awdry, катихизаторов должно быть и числа несть.

— Скоро перейду в новопостроенный дом, — говорит Awdry. — Он у меня построен в японском стиле, так как предназначается для епископа из японцев, которого мы скоро надеемся иметь.

Вот как! И епископ из японцев! С ним, конечно, будет выдвинута фаланга японских священников: «Мол, вот японская национальная Церковь!». Ну а аглицкие и американские епископалы и бесчисленные миссионеры разве из-за их плеча не будут видны? Ох, не ошибитесь, друзья!

Японцев обмануть трудно, разве уж они будут слишком материальны и политикальны.

22 декабря 1898 / 3 января 1899. Вторник

Утром Елисавета Котама и Надежда Такахаси были посоветоваться насчет фотографии Анны Кванно, о которой третьего дня говорил Надежде. Сказал им снять три: Анну среди учениц, одну ее в том виде, как она ныне сидит на одре болезни (не переставая управлять школой), — с сиделкой за ней, и группу всех учащихся и учащихся ныне в школе. Так и сделали. День был сегодня ясный и теплый; фотография, вероятно, вышла хорошо.

Целый день занимался переводом расписок к отчетам. Поздравительной почты почти никого не было.

23 декабря 1898 / 4 января 1899. Среда

Между сегодняшними посетителями был, как значится на карточке: «The Rev. Charles F. Sweet, professor of Dogmatic Theology in Trinity Divinity School, Tsukiji», встреченный мною третьего дня у Rev. King в английской епископальной Миссии, — американский епископальный миссионер и priest, воспитанник Королевского университета, служивший потом пять лет начальником духовной школы в своем епископате, четыре месяца тому назад прибывший сюда. Почтительно поцеловал у меня руку, изъяснился, что рад познакомиться и так далее. Начался обычный пустой визитационный разговор, перешедший мало-помалу в серьезный.

— Вы, епископалы, — говорил я, — находите и в нашей Церкви будто бы повреждения и такие пункты учения, которые, по-вашему, следовало бы отбросить. Но что же? Скажите. Ни единым догматом, ни единой чертой в догмате мы не можем поступиться, так как все, что мы содержим, до йоты, — Божие учение. Божии мысли и внушения, данные роду человеческому для спасения. На второстепенные предметы в области религии, на религиозные обычаи и обряды, например, мы не настаиваем. Вы можете иметь ваши Церкви, по-нынешнему, без иконостасов, можете употреблять при богослужении органы и прочее подобное. Но в главном, в догматах, вы должны восполнить то, что утеряли, не мы бросить то, что крепко держим, — иначе мы никогда не можем соединиться.

— Что восполнить? — спрашивает.

— Возьмите, для примера, хоть учение о таинствах. У нас семь таинств, у вас два. Положим, ныне у вас принято учить, что и у вас семь таинств, только два более важные, а остальные пять не столь важные.

Какая путаница в понятиях! Вы благодать Божию, точно воду, стаканами хотите распределять, — туда, мол, большой стакан, сюда малый. Не то у нас: совершенно ясное и определенное понятие: благодать, сообщаемая чрез таинства — единая неделимая непосредственная сила и помощь Божия, непременно ниспосылаемая и действующая, только у недостойных к осуждению их («суд себе яст и пьет, не рассуждая, тела Господня...» [1 Кор. 11: 29]), а у достойных к спасению их и чрез них других. В этом смысле таинство резко отличается от обряда. У нас на крещенье будет водосвящение: с верою пьющий воду может исцелиться от болезни, как исцелялись от главоотяжей и тени Апостольских [Деян. 19: 12]; неверующий же не получит никакой благодати от воды; она и не будет даруема пьющему святую воду, как простую. В таинстве же благодать непременно присутствует и даруется, почему и осуждение изречено пренебрегающему сим даром. — Итак, восполните учение о седми таинствах...

— И у нас благодать сообщается во всех семи таинствах: только крещение и евхаристию мы называем более важными потому, что они всем нужны для спасения, тогда как прочие таинства не всеобщи.

— Таинство священства вы называете не всеобщим, стало быть не столь важным; но без священства разве может быть совершаема евхаристия? Не в основании ли оно самых всеобщих, и стало быть самое ли важное? — И так далее. Разговор длился более часа. В продолжение его Свит вытащил платок и стал утирать слезы, причем говорит:

— Скажи мне, православный священник или епископ, что я не имею благодати священства, я завтра же приду к Вам и попрошу принять меня. Один из моих друзей в Америке ушел в католичество, но я удержался именно потому, что твердо убежден, что я настоящий священник; потеряю я это убеждение, я сейчас же перейду к вам.

Я удержался обратиться к нему прямой зов. Если Богу угодно, благодать призвет его. Приди он завтра и скажи: примите меня в лоно вашей Церкви, конечно, я тотчас же сделаю это. Но воспользоваться тем, что человек расчувствовался, и тотчас накинуть на него сеть, — как-то уж слишком по-католически, претит душе, стало быть, не по-Божьи.

Но как же ужасно и как жалко должно быть состояние душевное преподавать догматы без твердой уверенности в истинности, даже в ясности их! Потому что сегодня, как ни изворачивался Mr. Sweet, а изъяснялся весьма туманно и запутанно. То ли дело свет православия, и как радостно быть православным миссионером!

С шести часов была всенощная. Пели оба хора. Служил о. Роман.

24 декабря 1898 / 5 января 1899. Четверг

С восьми часов — Часы, вечерня и Литургия Василия Великого.

Кончилось в одиннадцать часов. Служил о. Роман с диаконом Яковом Мацуда, и путали в начале: не стали пред вынесенным Евангелием, а

ушли в алтарь, не окадили Евангелия и Церкви на 1-м Часе и тому подобное. Вперед более ясно растолковать порядок службы наперед. Пели оба хора, и очень хорошо. На величание в конце, пред иконой Рождества Христова, вышли все: я в мантии, священники в ризах: пели тропарь и кондак оба хора совокупно.

На всенощную, с шести часов вечера, собралось в Собор много иностранцев и иностранок, должно быть, с Bishop Awdry во главе, потому что он три раза спрашивал, с какого часу у нас Eve-service; у меня при моем визите ему второго числа, у посланницы, которая вчера о том же спросила меня для ответа ему, и сегодня опять у меня запиской. Когда я входил в Собор в начале трезвона, то видел в Соборе по правую руку многих дам, коленопреклоненных, в молитвенном положении; в стороне высилось несколько фигур мужчин, но я, при взгляде мельком, не рассмотрел, кто.

Наших христиан утром почти ровно никого не было, кроме учащих-ся. Вечером очень мало, так что совестно пред инославными. Пели изрядно, особенно правый хор. Торжественней всего «Дева днесь» после первого Часа, когда оба хора сходятся посреди Церкви и поют медленно и важно.

[Пропуск в оригинале]

...шею радостью; ученицы окружили Елену, были весьма ласковы к ней, провожали. Словом, скандал вражды совершенно прекратился, и все этому рады и счастливы. Слава Богу!

Говорил еще Сенума, что Илья Косуги, брат о. Павла Косуги, когда-то враждебно оставивший Семинарию, пред самым окончанием оной, усиленно просится на церковную службу. Указал я ему единственный путь к сему: пусть за него попросит и поручится его брат священник; после чего пусть Илья поступит в Катихизаторскую школу для повторения догматики и прочих самых необходимых для катихизатора богословских наук. Если он поспешит сделать это, то, при его способностях и развитии, быть может, к следующим каникулам будет в состоянии выдержать экзамен на катихизатора.

26 декабря 1898 / 7 января 1899. Суббота

С восьми часов Литургия, отслуженная с о. Феодором Мидзуно; общено много детей.

Поздравление Церкви Коодзимаци; пели сначала певчие, потом дети воскресной школы; первые четырехголосно, вторые просто, те и другие стройно; о. Алексей Савабе был в эпитрахили с крестом; потом пропели

у о. архимандрита Сергия; затем угощены все, по обычаю, и дано певчим на гостинцы.

В полдень мы с о. Сергием позавтракали и отправились с поздравлениями: здесь — к профессору Рафаилу Густавовичу Кёберу, от него в Иокохаму — в четыре дома существующих там русских.

О. архимандрит Сергей остался в Иокохаме служить, вместе с о. Сергием Глебовым, всенощную у военного агента генерала Николая Ивановича Янжула, жена которого, по болезни, не могла быть в праздник в Церкви. Я поспешил домой и приехал уже в начале всенощной у нас, в Соборе.

27 декабря 1898 / 8 января 1899. Воскресенье

В девять часов обычная Литургия: служило со мной три священника; народу к концу собралось довольно много. После службы — угощение чаем и кваси старост церковных. С часу чтение писем; было: поздравительных — семнадцать телеграмм, семьдесят девять почтовых листков (хагаки) и сорок пять писем; деловых писем тридцать: от священников — о поездке по Церквам, от катехизаторов — разные известия, например, от Кирилла Сасабе, что Феодор Курода, лучший из христиан в Миязаки, местный судья, вышел в отставку и уехал ни житье к себе на родину, в Оби, от Павла Сайто, что христиане трех мест его ведения, — Батоо, Кунасе и Янава, — сложившись, купили семьдесят цубо земли в Батоо для постройки Церкви и располагают совокупно пожертвовать четыреста ен, чтобы построить ее; от язычников: от одного из Эциго странное письмо, чтобы я не допустил введение иностранных капиталов в Японию, ныне проектируемое, что это-де будет вредно и Японии, и России: парализует торговлю последней здесь и прочее, — письмо не помешанного и не ребенка, а, должно быть, деревенского старика-мудреца; от двух других — просьбы о помощи по бедности; но одному из них, просящемуся доставлять молоко в Миссию, еще можно...

[Пропуск в оригинале]

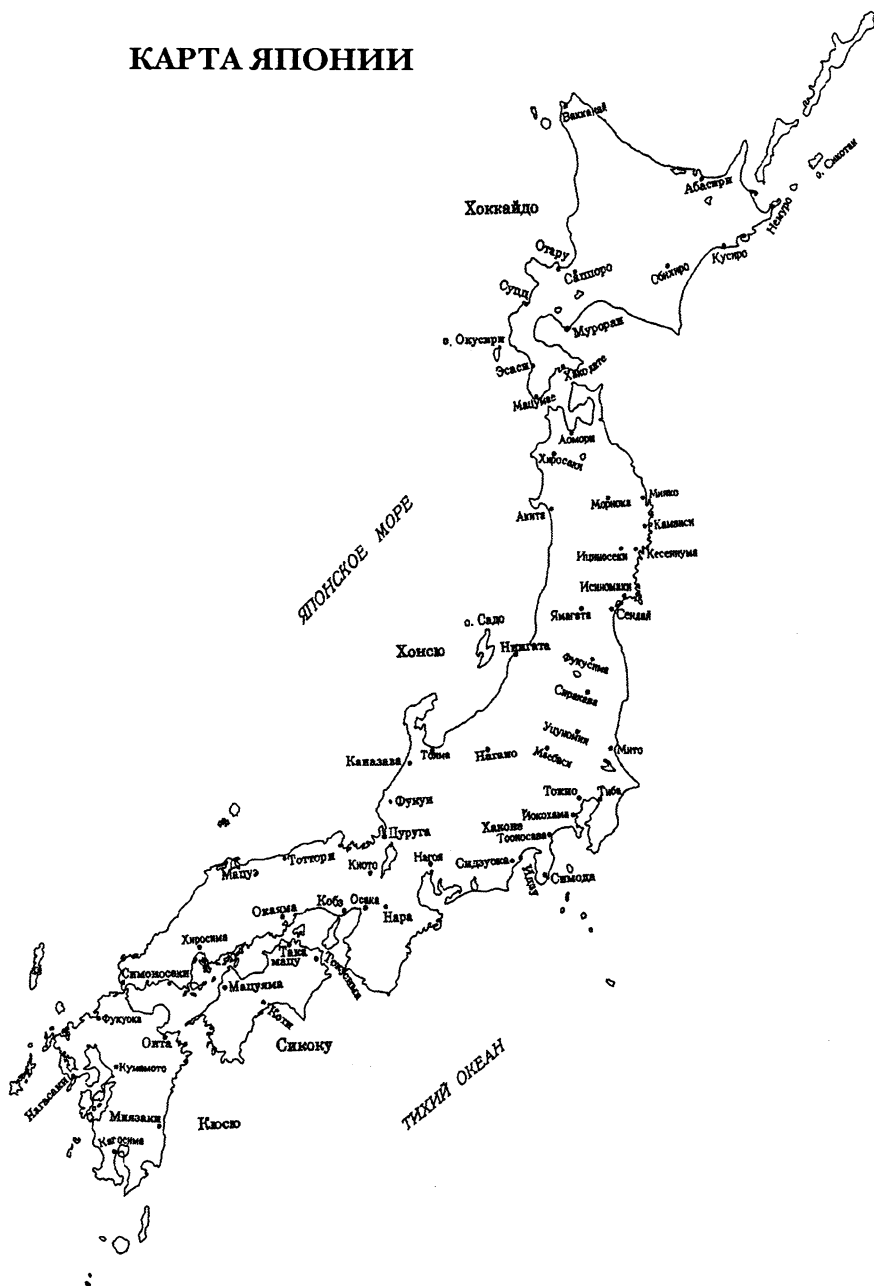
О. Борис спрашивает, «нельзя ли одному врачу-христианину жениться на младшей сестре умершей его жены? Он уже живет-де с нею по-супружески». Как же можно!

Поздравительных с праздниками было сегодня шестьдесят пять писем и тридцать девять листков.

Год закончился всенощною, на которой мы с о. архимандритом Сергием выходили на литию и величание.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАРТА ЯПОНИИ

Именной указатель

- Абе, ученик – 223, 466
Абе Александр – 673
Абе Афанасий – 495
Абе Георгий – 177, 178, 393, 413, 653
Абе Иосиф – 41
Абе Николай – 671, 757, 824
Абе Павел – 65
Абе Пантелеймон – 37
Аввакум, школьный учитель – 814
Августин, блаж. – 346, 402
Авель, свящ. – 470, 491
Авраамий, св. – 584
Авраамий, иеромонах – 748, 817
Адаци, кат. проп. – 331
Адаци, протестант – 402
Адаци Николай – 567
Адаци Тайчѐо – 503
Адаци Яков – 122, 267, 335, 655, 696, 724
Айзава Иоанн – 822
Айзава Тит – 375, 655
Айбора Акилина – 124
Айно Анастасия – 404
Акасака – 817
Акаси Анна – 371, 386
Акахира Стефан – 10
Акимов – 321
Акита Никанор – 277
Акияма Иов – 439, 448
Аксаков Иван Сергеевич – 13
Александр I – 118, 442
Александр II – 314
Александр III – 314
Александр Михайлович, вел. кн. – 98, 140
Александр, иеромонах – 375, 376, 422, 433–435, 437, 442, 454
Александр, псаломщик – 608
Алексеев, адмирал – 99, 259, 285, 590
Алексеев, финансист – 688, 716

- Алексеев И. Г. – 623
Алексеев Кир Алексеевич – 710, 712, 795
Алексей, сторож – 305
Алексий, св. – 491
Алмазова А. А. – 793
Аmano Конон – 811
Амбросий, архимандрит – 688, 793–796
Амвросий Харьковский – 13
Аменомия Андрей – 673
Амфилохий, архимандрит – 504, 505, 594
Анатолий, архимандрит – 76, 84, 168, 216, 384, 456, 460, 481, 569, 579, 589, 820
Андо, губернатор Тояма – 310
Андо, ученик – 823, 829
Андо Савва – 269
Андреев Михаил Алексеевич – 586, 591
Андроник, росс. миссионер – 291, 311, 508, 581, 610, 628, 635, 638, 658–662, 666–668, 670, 673, 674, 676–678, 680–686, 688, 690, 692, 693, 696–700, 708, 713, 716, 724, 727, 746, 747, 749, 751–755, 760, 761, 773, 775, 776, 780, 782, 783, 785, 787, 789, 791–796, 798–800, 808–810, 815, 816, 820
Анезаки, студент – 363, 795
Анено-коодзи, философ – 560, 561
Анна (Жанна) Д'Арк, св. – 795
Антоний Великий – 564
Антоний Храповицкий, епископ Волынский – 139, 327, 457, 597, 815, 824, 826
Анфим, церковный сторож – 259, 260
Аоки – 680
Аполлония, монахиня – 319
Араи Спиридон – 241, 242, 247, 248, 291, 299, 308
Арай Ал. – 589
Аракава, земледelec – 24
Аракава Иоанн – 80
Араки Павел – 807
Арёси, студент – 363
Арий – 776
Арима, протестант – 806
Арисугава, принц – 571
Ароки, протестант – 429, 430
Арсений, миссионер – 528, 718
Асагари Моисей – 7, 191, 472, 618, 749
Асака Николай – 66, 67
Асакура Макрина – 333, 383
Асакура Моисей – 22
Асакуса Макрина – см. Асакура Макрина
Асано, капиталист – 179
Асано, ученик – 458
Асано Корнилий – 803
Ацуми Кирилл – 261
Баба Акакий – 745
Баба Александр – 604

- Баба Антоний (Антонин) – 756, 761
Балахнин М. Т. – 623
Бан Петр – 816
Бачелёр – см. Bacheleur
Бельц, врач – 260, 536, 726
Белявский – 321
Бенземан Х. М. – 263
Бенкендорф – 482
Берюлев Н. А. – 679
Бикерстет – см. Bickerssheth
Биконсфильд – 544
Бирюков Николай Николаевич – 568
Благодарумов Николай Васильевич – 86, 357, 391, 711
Богданова А. Д. – 293
Богданова Митрофания – 525, 526, 820
Богословский – 283, 424, 434
Бокль – 97
Болдин – 353
Бринкли – 202
Бутаков – 450
Быстров Федор (Федор) – 84, 86, 216, 240, 241, 334, 371, 461, 583, 599, 628, 685, 686, 716, 820, 824
Быстрова Ольга Петровна – 371
Будиловская Александра Николаевна – 258, 281, 321
Будиловские – 264
Будиловский Иван Васильевич – 123, 131, 258, 284, 303, 321, 366
Буховецкий В. В. – 117, 118, 220, 312, 507, 709
Бюцов Е. К. – 213, 220, 221, 256, 557
Бюцова Е. В. – 221
Вада – 805
Вакамацу Симеон – 73
Вакуя Василий – 398, 798, 799
Ваннай Николай – 23, 24
Ваннай Нина – 23
Василий Болгаробоец – 614
Василий Великий – 212, 233, 432, 507, 656, 836
Васильев Ф. И. – 610, 659, 690, 724
Ватанабе, учитель – 476
Ватанабе, христианин – 746
Ватанабе Лука – 281, 502, 670, 676
Вебер – 259, 386
Вендрих Г. А. – 336, 404, 406, 407
Вениамин, игумен – 234, 293, 526, 530
Вера – 286
Вернандер Сергей – 514
Викентий, иеромонах – 338
Виктория, английская королева – 571
Вильямс, епископ – 104, 178
Винкен, барон – 574

- Владимир, св. князь – 286, 561, 796
Владимир, свящ.— 152, 358, 364, 558, 714, 716, 759
Владимир, иеромонах – 686
Владимиров Л. Л.— 679
Владимирский Г. С.— 436
Властов Г. К.— 792
Вогак К. И.— 94, 233, 238, 248, 264
Волконский Сергей Михайлович – 82
Вольш – см. Walsh Thomas
Воронцов Григорий – 317
Вяземский О. П.— 297, 298
Вяземская В. О.— 297
Гарфильд С. А.— 710
Георгий, свящ.— 487, 512
Герасим, иерусалимский патриарх – 234, 237, 249, 293, 525, 526, 530, 553
Герман Валаамский – 748
Германн (Герман) Л. Л.— 311, 315, 360
Гильтебрандт – 626, 652, 692
Глебов Сергей – 12, 71, 99, 109, 113, 116, 127, 145, 153, 155, 156, 159, 164, 188, 210, 236, 237, 238, 270, 272, 284, 293, 294, 300, 317, 321, 337, 353, 461, 523, 525, 543, 568, 569, 572, 584, 586, 592, 615, 643, 658–660, 698, 793, 796, 838
Голиаф – 439
Головнин, лейтенант – 589
Головнин В. М.— 589, 590, 768
Гото Георгий – 49
Готоо, врач – 170
Горчаков М.— 86
Горюнов И. С.— 263, 264
Гошкевич И. А.— 212, 221, 353, 681
Грант – см. Grant
Грахам – см. Graham
Григорий Нисский – 212
Григорович Иван Константинович – 98
Грин – см. Green
Громбчевский Б. Л.— 511, 512
Грулев Михаил Владимирович – 167
Грулева Нина Маврикиевна – 167
Грулевы – 168, 264
Гундзи Лука – 482
Гундзи Николай – 482, 622, 653, 658, 667, 691–694, 696, 796
Густовский А. А.— 437, 438, 440, 442, 449, 501, 528
Давыдов, путешественник – 233, 259
Давыдов, посланник – 343, 636
Давыдов, лейтенант – 768
Дазай Петр – 780, 781
Даниил, дворник – 259
Даниил, коллектор – 317
Дарвин Ч.— 205, 346
Де-Воллан Г. А.— 206, 207, 233, 252, 337, 370, 380

- Демкин И. И.— 194, 197, 241, 371, 407, 527
Джеферис — см. Jefferys
Дзимбо — 737, 738, 786
Димитрий Ростовский, св.— 797, 829
Дионисий, архиепископ острова Занте — 82, 83, 84, 86
Дмитриевский П. Я.— 409
Добротворский — 280
Додо Илья — 64
Доможиров А. М.— 748, 753, 819, 821
Достоевский Ф. М.— 559
Дубасов, адмирал — 503, 590, 694
Дубасова — 694
Духовской — 401, 617
Дюс — см. Duce
Еда Лука — 24
Ендо Иоанн — 57, 61
Екатерина Великая — 118
Емильянов — 812
Еодо Савва — 21
Епифанович — 544
Ефрем, архимандрит — 192
Ефрем Сирин, св.— 279, 829
Ёкота Марк — 72, 310
Ёнеяма Авраам — 606, 618
Епифаний, архиепископ Иорданский — 234, 293, 526, 820
Ёсида Елисей — 538, 706, 725
Ёсида Ирина — 37
Ёсида Ольга — 37
Ёсида Павел, семинарист — 112, 830
Ёсида Пантелеймон — 805
Жевержеев — 335, 379
Жерар, аббат — 681
Жуковский — 346, 402, 559
Забугин Н. П.— 710
Завойко — 377
Замятин — 144
Знаменский — 331
Зорнин В. П.— 639
Иаков, апостол — 29, 290, 587
Иаков, патриарх — 786, 797
Иваи (Ивай) Иван — 66, 67, 68, 106, 107, 125, 213, 358, 362, 412, 451, 464, 473, 494, 541, 587
Иваиса Василий — 419
Ивакура — 241
Ивама — 515
Ивама Василий — 31, 32, 322, 329, 386, 424, 460, 718
Ивама Яков — 32
Иванов В. В.— 216, 335, 337, 498, 500, 505, 507, 707, 709, 716
Иванов М. И.— 138

- Иванов Савин – 278
 Иванов С. В. – 498
 Иванов Я. С. – 644
 Иванова А. С. – 216, 498, 707, 709
 Иванович Н. Я. – 709
 Иванович С. Л. – 709
 Ивановы – 507
 Иванцев-Платонов А. И. – 218
 Ивасава Арсений – 113, 233, 251, 412, 497, 630, 707, 736, 742, 743, 788
 Ивасаки, богач – 466, 806
 Ивасаки Конон – 200
 Ивата, старик – 308
 Ивата Акила – 190, 240, 293, 294, 313, 621, 689
 Ивата Яков – 141, 308, 309, 423, 468, 496, 499, 689, 797
 Иеда Агния – 286
 Иеда Захария – 286
 Иеда Зоя – 286
 Иезавель – 439
 Иидзима Хандзюро – 805
 Иими Димитрий (Дмитрий) – 416
 Иими Мария – 416
 Иису Акила – 372
 Иисус Навин – 161
 Иисус Христос – 86, 100, 101, 106, 115, 116, 137, 150, 157, 158, 161, 228, 230, 237, 247, 320, 350, 363, 388, 390, 400, 403, 427, 445, 457, 482, 484, 495, 511, 552, 553, 555, 559, 568, 595, 605, 619, 631, 684, 721, 726, 730, 795, 807, 833
 Илларион – 438
 Имада Андрей – 276, 353, 412, 585
 Иمامура Алексей – 8, 63, 64, 65, 72, 441, 458
 Иمامура Варнава – 22, 33, 88, 369, 450
 Иمامура Исаак – 72
 Иمامура Любовь – 450
 Иمامура Моисей – 72
 Иمامура Фаина – 72
 Ина Андрей – 146, 198, 303, 307, 438, 450
 Ина Тихон – 74, 491
 Инаба Иоанн – 122, 518, 527, 575, 579, 629, 630, 643, 740
 Инамото – 112, 805
 Ингуци Иоанн – 531
 Иннокентий, св. – 315, 767
 Иннокентий Камчатский – 133, 189, 263
 Иннокентий, архимандрит – 504, 563, 565, 570, 578–580, 592–594, 599, 716
 Иноба Иоанн – 389
 Иноуе, окулист – 391, 579, 678
 Иноуе Иоанн – 92, 345, 377, 382, 383, 387, 666
 Иноуе Мецугоро – 551
 Иноуе Стефан – 499
 Иоанн, евангелист – 215, 223, 225, 226, 238, 243, 267
 Иоанн Златоуст – 49, 212, 267, 507

- Иоанн Кронштадтский – 556
Иоанн Предтеча – 161, 368, 587, 596, 783
Иоанникий, митрополит Московский – 140
Иов, врач из Циба – 307
Ионейма – см. Ёнеяма
Иорданский Петр Федорович – 135, 138
Иоково Екатерина – 465
Иокота – см. Ёкота
Ионейма Авраам – 618
Иосида Павел – 144–246, 254, 255, 267, 254, 267, 361
Ираука Иоанн – 70
Ирина, из Хакодате – 770
Иршенко В. А. – 531
Исава – 609
Исаия, свящ. в Китае – 505
Исайя, архимандрит – 63
Исе Андрей – 33
Исе Иоанн – 227
Исе Петр – 33, 199
Исибай Феодор – 43
Исивара Агафия – 313, 460
Исивара Иустин – 313, 389, 460
Исигаме Елена – 30
Исигаме Мария – 432
Исигаме Петр – 30, 113, 116, 149, 167, 200, 213, 217, 224, 226, 239, 251, 254, 279, 356, 432, 472, 479, 494, 497, 520, 544, 546, 665, 707, 712, 735, 736, 742, 743, 778
Исида Иоанн – 69, 70, 98, 581, 754
Исида Фома – 115, 190, 312, 341, 389, 456, 465, 549, 565, 566, 581, 615, 616, 627, 663, 754, 757
Исида Яков – 69, 70
Исидзука Стефан – 250, 271
Исидор, митрополит Санкт-Петербургский – 63, 140, 682, 776
Исии Мария – 244, 252
Исии Павел – 687
Исии Поликарп – 168, 249, 458, 490
Исикава Иоанн – 42
Исикава Петр – 121, 154, 157, 188, 212, 328–330, 344, 602, 613, 621, 624, 628, 648, 661, 674, 677, 714, 751, 794, 796, 799, 800, 810, 816
Исимото Петр – 270
Исогава – см. Исокава
Исокава Антоний, семинарист – 148, 151, 153, 162
Исокава Моисей, врач – 151, 162, 486, 639
Исохиса Иоанн – 267, 299, 313, 399, 789
Итагаки, граф – 330, 789
Итибаси Феодосий – 398
Ито, адмирал – 751, 771–773
Ито, бонза – 243
Ито, маркиз – 190, 274
Ито, подрядчик – 774

- Ито, ученик – 642
 Ито Евфимия – 90, 273, 278, 298, 426, 501, 570, 660, 703, 833
 Ито Игнатий – 826
 Ито Иоанн – 55, 166, 167, 172, 173, 177
 Ито Петр – 28, 29
 Ито Раиса – 120, 175, 239, 468
 Итода Марк – 313, 316
 Иуда Искарот – 110, 482, 745
 Иустин, архиепископ – 756
 Ицидэё Стефан – 67, 68
 Ицикава Гавриил – 268, 415, 416, 593, 789
 Ицикава Логин – 435, 436
 Ицикава Лот – 520
 Ицикава Моисей – 618
 Ицикава Николай – 614
 Ициномия Иосиф – 122, 268, 282, 493, 562, 587, 686
 Кавагуци – 311
 Кавагуци Павел – 64
 Каваи (Кавай), купец – 453, 630
 Каваками, генерал – 772
 Кавамото Авраам – 49
 Кавамото Иоанн (Иван Акимович) – 152, 168, 185, 213, 215, 217, 231, 234, 236, 242, 248, 249–251, 253, 254, 256, 263, 284, 285, 293, 294, 297, 302, 304, 305, 310, 311, 317, 323, 326, 327, 332, 348, 358, 360, 367, 379, 380, 382, 389, 390, 419, 422, 425, 426, 429, 430, 434, 435, 437, 439, 441, 448, 456, 458, 462, 463, 479, 481, 489, 491, 492, 494, 497, 498, 514, 520, 528, 530, 531, 533, 546, 551, 552. См. также Сенума Иван Акимович
 Кавамото Сара – 289, 290
 Кавамото Яков – 49, 101
 Кавамура Моисей – 100, 141, 182, 184, 303, 418, 419, 454, 510, 513, 529, 583, 665, 705, 709, 739, 740, 746, 749, 755, 759
 Кавано Петр – 125, 135, 150, 151, 162, 171, 181, 196, 204, 219, 221, 265, 266, 299, 309, 319, 335, 336, 396, 398, 417, 430, 468, 485, 515, 524, 531, 532, 538, 547, 548, 550, 562, 680, 712, 718, 783, 784, 796, 814
 Кавасаки, писатель – 590, 599
 Кавасаки Сабуро – 209
 Кагами Осиено – 62–64, 70, 238, 595
 Кагета Лукия – 611, 612, 619
 Кагета Марфа – 346
 Кагета Матфей – 127, 130, 158, 162, 207, 212, 217, 221, 235, 249, 279, 286, 326, 345, 349, 375, 337, 339, 344, 349, 354, 388, 390, 415, 418, 420, 423, 451, 452, 454, 455, 456, 468, 483, 486, 488, 495, 499, 548, 556, 571, 687, 760
 Кагета Павел – 261, 262, 326, 346, 382, 554, 558, 560, 563, 566, 575–577, 595, 611, 686, 691, 710, 799, 800, 809–811
 Кагета Сира – 346, 809
 Кагеяма Иоанн – 521
 Кадзима Акила – 520
 Кадзима Лука – 141, 142, 148, 149, 195, 211, 212, 290, 291, 473, 520, 562, 587, 604, 606, 618

- Кадо Елисей – 54, 70–72, 130, 181
Казакон – см. Козакон
Каин – 702
Какегарачё Елена – 821
Какехаси Петр – 268, 282
Како Николай – 158
Камацубара (Комацубара) – 242, 420
Камеи, старуха – 589
Камеи Дамиан – 301, 303
Камеи Илья – 738
Камия Григорий – 224, 270, 307, 331, 366, 367, 393, 401, 402, 429, 439, 448, 477, 554, 596, 607, 739
Камия Макрина – 367
Камогава Исая – 44
Камои Стефан – 219, 244, 362, 395, 485, 528, 680
Канан Игнатий – 515, 676, 677
Канасуги, ученик – 425, 439, 449
Канеко – 803
Канеко из Харварда – 241
Канеко, чиновник банка – 597
Канеко Иоанн – 302
Канеко Павел – 756
Канеко Яков – 728, 730, 757, 761
Кан-ин, принц – 258, 747–749, 799
Канин – см. Кан-ин
Канно Василий – 73, 74
Канно Иоанн – 66, 67
Канно Марк – 77
Кано Андрей – 679
Кано Петр – 162, 198, 288, 307, 415, 418, 423, 452, 539, 540, 548, 556, 575, 579, 605, 607, 625, 628–635, 639, 642, 643, 650, 653, 659, 674, 679, 680, 694, 706, 721, 734–739, 741, 749, 758, 776, 781, 782, 786, 799
Кано Симеон – 60
Кано Тит – 262, 375
Капитон – 25, 26
Кароо – 514
Карпендер – 764
Карский – 449
Касавара Яков – 556–558
Касай (Касай) Моисей – 360, 460, 640, 666, 676
Касай Стефан – 360
Касиваги Никанор – 18, 20, 520
Касивазаки Капитон – 329
Касукабе Мария – 101, 177, 178, 413
Катакура Иоанн – 17, 18, 20, 21, 23, 25, 29, 32–34, 36, 41–43, 44, 127, 199, 227, 235, 298, 323, 334, 335, 380, 421, 437, 492, 500, 501, 511, 530, 539, 553, 557, 562, 600, 630, 715, 784, 823
Катаока Василий – 185
Катаока Иоанн – 251, 496, 620–622, 624, 626, 671

- Катаяма – 487, 497
 Като Алексей – 241
 Като Виссарион – 54
 Като Игнатий – 554, 567, 569, 573, 576, 577, 586, 597, 613, 640, 762, 764,
 768–770, 772, 788, 792
 Като Иоанн – 346, 382, 383, 615, 627, 635, 663
 Като Ирина – 567, 769
 Като Матфей – 133, 136
 Като Римма – 267, 359, 361
 Кацумата Павел – 17, 19, 20, 21, 23, 553, 717, 816
 Кацумата Сергей – 61, 62
 Кацубара Симеон – 51
 Качалов – 399
 Каяно Яков – 122, 136, 137, 141, 146, 214, 450, 541
 Кванно Анна – 87, 88, 90, 114, 120, 124, 144, 154, 177, 178, 189, 252, 273, 280,
 287, 288, 299, 324, 359, 428, 450, 467, 494, 497, 507, 510, 514, 517, 542, 551, 574,
 576, 581, 625, 635, 654–656, 663, 681, 682, 699–703, 705, 753, 754, 756, 760, 769,
 775, 777–779, 794, 831–833, 835
 Кванно Иоанн – 252
 Кванно Марфа – 760, 833
 Кванно Пантелеймон – 280, 635, 760
 Кейкоо – 446
 Кельин – 216
 Кеннеди – 368
 Кёбер Рафаил Густавович – 95, 109, 175, 197, 229, 233, 234, 236, 246, 259, 263,
 279, 285, 287, 309, 342, 346, 360, 363, 402, 422, 438, 483, 508, 559, 560, 563, 581,
 619, 658, 698, 699, 753, 776, 838
 Киккава, барон – 803
 Кёри – см. Сагу Otis
 Кикучи Авраам – 20, 21
 Кикучи Дарья – 120, 124, 136, 177
 Кикучи Иов – 21
 Кикучи Павел – 25, 93
 Кикучи Петр – 23, 25, 26, 120, 124, 136, 177
 Кикучи Симон – 22, 401
 Кимицука Сен – см. Кимицука София
 Кимура, учитель автора – 12
 Кимура, полковник – 552
 Кимура Исаак (Исак) – 200, 245, 246, 255, 310, 358, 457, 472, 474, 475
 Кимура Лука – 22, 64
 Кимура Мануил – 260
 Кимура Матрона – 344, 472
 Кимура Петр – 171
 Кимура Савва – 64, 640
 Кинг – см. King
 Киреев – 825
 Кирилл Владимирович, вел. князь – 742, 745, 747, 748, 751, 753, 771, 799
 Кисиды Лука – 483, 484
 Кисимото Петр – 208

- Кису Акила – 71, 428, 459, 527
Кису Вера – 71, 72, 450
Кису Иннокентий – 102, 121, 171, 194, 239, 287, 384, 428, 450, 507, 551, 594, 662, 685, 709, 747
Кису Мария – 72, 450, 527
Китагава – 589
Китагава Алексей – 362, 386, 549, 630
Китагава Яков – 396
Китадзима Иоанн – 241, 291
Китамура, писатель – см. Кавасаки, писатель
Китамура Иов – 229, 311
Китамура Мануил – 318, 497, 572, 716, 717
Китамура Хадзиме – 225
Китасима Иоанн – см. Китадзима Иоанн
Китасиракава, вел. князь – 185, 198, 201
Клингген Иван Николаевич – 163, 164
Князев – 387
Кобаяси Иосиф – 642
Кобаяси Павел – 78
Кобаяси Сергей – 166, 215, 224, 523, 529, 539, 545
Кодадзима Марк – 258
Кодадзима Петр – 249
Кодадзима Сира – 249
Кодзима Павел – 63, 68
Кодзукури Иоанн – 458
Коеда Алексей – 262
Коеда Иоанн – 262
Козава – 391
Козаков Г. А. – 252, 338, 507, 735, 742
Койта Петр – 438
Колокольцев А. А. – 352, 353, 679
Комабара Яков – 242
Комага – 355
Комагамине Тихон – 389, 491
Комацу, вел. княгиня – 100, 102
Комацу Петр – 57
Комацу Роман – 183
Комацу Тит – 12, 129, 147, 153, 156, 157, 169, 183, 189, 191, 201, 202, 208, 219, 221, 247, 266, 268, 281, 318, 319, 339, 381, 392, 411, 460, 573, 595, 608, 612, 613, 621, 624, 625, 637, 648, 669, 677, 687, 691, 692, 712, 714, 719, 720, 788, 814
Кометани Михаил – 539, 548, 606, 633, 635, 638, 639, 662, 674, 675, 680, 737, 739, 741, 782, 785, 786
Комнен Макарий – 785
Кон Авраам – 40
Кон Иван – 40
Кондер – 101, 256, 259, 387, 428, 537, 558, 579, 723
Кондо Василий – 291
Кондо Исая – 295–297
Кондо Петр – 414, 415, 431

- Кондо Сара – 359
Кондо Стефан – 309, 359, 469, 477, 498
Кониси Даниил (Данила) – 97, 121, 178, 210, 251, 310, 330, 340, 342, 343, 354, 356, 364, 365, 425, 479–483, 735
Конно Иоанн – 49
Коно Матфей – 60
Конума Давид – 270
Конфуций – 106, 350, 473, 582
Кооя Иоаким – 65, 66
Корнеев В. П. – 575, 577
Корф, епископ – см. Korfe
Костылев В. Я. – 709
Косуги Агафья – 485
Косуги Илья – 837
Косуги Павел – 171, 485, 545, 554, 567, 571–573, 586, 597, 607, 666, 676, 751, 789, 795, 818, 820, 837
Котака Григорий – 395, 439, 543
Котама Елисавета – 90, 102, 124, 207, 226, 273, 409, 422, 497, 551, 703, 704, 707, 778, 779, 831, 832, 835
Котера Иоанн – 477, 495, 510, 545
Кото Матфей – 128
Коцукури Иоанн – 300
Кояма Гоётаро – 89
Коянагава Василий – 273
Крамаренко Г. А. – 616, 617
Краснов – 150, 163
Кубота Павел – 15, 16, 371, 545
Кувабара Илья – 237
Кувабара Сергей – 217, 249, 354, 451, 777
Кугимия Стефан – 92, 106, 107, 160, 161, 232, 287, 306, 380, 385, 395, 407, 422, 428, 514, 583, 608, 662, 670, 698, 699, 709, 717, 744, 748, 808, 831
Куденфдорф – 109
Кудзики Петр – 22, 66
Кудрявцев – 217, 346
Куломзин – 574
Кумагае, ученик – 458
Кумаги Яков – 37
Кунга Лука – 51
Курада Лука – 25, 26
Кураока Александр – 670
Кураока Евграф – 669–671, 692
Кураока, Конон – 731
Кураока Никита – 731
Курата Павел – 796
Курибара Павел – 676
Курита, земледел – 617, 626
Куроода, чиновник – 544
Куроода Феодор – 838
Куротаки Иов – 6

- Курумацука Лука – 66
Куто Захарий – 74, 488
Лавсаинов – 556
Лебедев Василий Романович – 263, 522, 523, 537, 700
Лев К. – 86
Леонтьев – 112, 192
Лихунчжан – 89
Лобанов – см. Лобанов-Ростовский
Лобанов-Ростовский Анатолий Григорьевич, князь – 113, 247, 270, 366, 386, 435, 436, 440, 508, 659, 660, 699
Лобза П. Ф. – 719
Лопухин – 424
Лука, евангелист – 195, 215
Львовская Вера – 372
Львовская Ирина – 207
Львовская Катерина Петровна – 134, 144, 166, 191, 197, 207, 212, 223, 227, 229, 231, 234, 240, 252, 370, 568, 793
Львовская Маша – 513
Львовский Гриша – 207
Львовский Димитрий (Дмитрий) Константинович – 134, 154, 159, 166, 198, 206, 207, 234, 236–239, 246, 286, 298, 303, 307, 317, 347, 370–372, 384, 387, 458, 461, 463, 511–513, 524, 536, 556, 568, 572, 584, 587, 593, 604, 610, 628, 632, 654, 659, 662, 790
Львовский Михаил – 166, 207
Львовский Петя – 207, 513
Мабуци Василий – 268, 380, 504, 527
Мадено Коодзи – 209
Маденокоодзи – 602, 718
Маденокоодзи С. А. – 606
Маено, ученик – 400, 401
Маесима Ватару – 217
Майкайси Марк – 556
Макарий, богослов – 13, 243, 263, 363, 559
Макаров С. О. – 98, 130, 140, 141, 247, 248, 276
Макдональд – см. Macdonald
Маки Фома – 338, 344, 345, 347–349, 352, 353, 357, 358, 412, 436, 478, 598
Макино, ботаник – 160, 240
Мак Ким – см. McKim
Мак-Колей, проповедник – 106, 166, 167
Маленда – 117, 220, 333, 334, 337, 507, 550, 576, 800
Мальгин А. П. – 263
Мано Семен – 473
Мацудзука Яков – 52, 312
Марита Сен – 125
Мария Федоровна, вдовствующая императрица – 140, 443, 795
Марк, евангелист – 180, 195, 254, 478
Марк Ефесский – 682
Марк, служащий в миссии – 399, 512

- Маруяма Марк – 463
 Марфа, евангельский персонаж – 19, 166
 Масуда Исаак – 34, 496, 811
 Матфей, евангелист – 113, 153, 162, 164, 180, 226, 254, 255, 478
 Матюнин Н. Г. – 324, 688, 793, 796
 Мацубара Симеон (Семен) – 54, 227, 295, 296, 319, 438, 439, 451, 596, 621, 659, 682, 727, 734, 775
 Мацуда, католик – 720
 Мацуда Никон – 821, 830
 Мацуда Яков – 114, 121, 129, 144, 147, 161, 171, 447, 478, 479, 615, 644, 698, 836
 Мацудаира Марина – 624
 Мацудаира Яков – 504, 514, 595, 624, 784, 828
 Мацуи Николай – 244, 266
 Мацуки Стефан – 488
 Мацумото Игнатий – 157, 169, 180, 189, 199, 201, 202, 236, 247, 251, 316, 496, 569, 664, 674, 796
 Мацумото Мария – 472
 Мацумото Павел – 167, 169, 269, 331, 786, 812, 820, 821
 Мацумура – 246, 247
 Мацумура Павел – 31, 32
 Мацунага Анна – 251, 398
 Мацунага Матфей (Матвей) – 232, 270, 339, 454, 455, 515
 Мацунага Моисей – 398, 453, 468
 Мацуно Александр – 217
 Мацуно Георгий – 135, 277, 498, 605, 661, 785
 Мацуо Илья – 741, 786
 Мацуо Лука – 738
 Мацуока Стефан – 255, 277, 426, 485, 541, 605, 753, 754
 Мацуро Георгий – 676
 Мацуро Стефан – см. Мацуура Стефан
 Мацуура Иустин – 387, 522
 Мацуура Стефан – 139, 143
 Мацухаси Прасковья – 120
 Мацухаси Таисия – 120
 Медынцева – 139
 Метоки, ученик – 644, 744
 Метоки Александр – 434
 Метоки Андрей – 6, 144, 238, 338, 454, 460, 462, 469, 475, 487, 489, 490, 495, 504, 508, 517, 522, 531, 543, 549, 567, 569, 589, 680, 729, 730, 799
 Метоки Тимофей – 6
 Метоки Фома – 5
 Мидзуно Феодор (Федор) – 21, 115, 116, 130, 190, 193, 196, 229, 232, 234, 260, 263, 279, 280, 282, 286, 293, 302, 309, 312, 313, 365, 387, 437, 452–455, 460, 488, 497, 505, 511, 515, 517, 522, 585, 614, 654, 678, 680, 687, 689, 689, 698, 702, 721, 723–725, 742, 780, 788, 794, 798, 822, 826, 828–830, 837
 Мидзусима Исаия (Исайя) – 162, 196, 203, 204, 207, 214, 255, 265, 255, 356, 372, 397, 398, 422, 708, 829
 Мидзугани Марина – 656
 Мидзугано (Мидзугани) Матфей – 309, 310

Мидзуяма Иов – 43–46, 48, 51–58, 60, 62, 63, 126, 171, 214, 243, 244, 385, 419, 424, 451, 464, 469, 473, 502, 541, 587, 608, 667, 760

Мидзуяма Исая – 335, 336

Миезава Василий – 182

Мии Семен (Симеон) – 81, 83, 121–123, 126, 130, 134, 137, 142, 145, 146, 148, 170, 175, 184, 194, 195, 202, 211, 212, 216, 225, 229, 230, 235, 239, 243, 251, 267, 290, 291, 313, 316, 324, 343, 349, 351, 354, 378, 389, 390, 396, 399, 402, 403, 406, 410, 418, 424, 453–455, 459, 463, 465, 466, 471, 472, 474, 476, 477, 487, 490, 497, 504, 508, 518, 527, 549, 555, 565, 566, 575, 594, 643, 677, 696, 697, 713, 745, 751, 754, 757, 758, 760, 781, 785, 804, 805, 832, 833

Мии Филарет – 677

Мии Устиния – 396

Мии Харита Анатольевна – 713

Миками Петр – 72

Мина, судовой иеромонах – 135, 141

Минамото Алексей – 156

Минамото Андрей – 92, 114, 167, 620, 826, 827

Минамото Павел – 24, 135, 149

Минато Моисей – 28, 29, 31, 130, 133, 157, 189, 208, 303, 315, 501, 511, 521, 539, 762, 763, 769, 771, 772

Минато Феодор (Федор) – 28, 29, 240, 562, 715

Минато Феодор, катихиз. – 239

Мине Тимофей – 65

Минова Григорий – 469

Мисебаяси Любовь – 180, 181

Мисебаяси Ной – 180, 181

Мисима Елена – 651

Мисима Петр – 88–91, 110, 111, 120, 201, 229, 332, 380, 504, 513, 539, 560, 565, 593, 600, 608, 617, 622, 626, 651, 661, 687, 758, 813

Миура, яп. посланник в Корею – 190

Миура Иоанн – 57

Миура Марина – 57

Миура Стефан – 13, 14

Михаил, епископ (Грибановский) – 824

Михара Фома – см. Михора Фома

Михей, дворник – 288, 700, 740, 782

Михей Фома – 152

Михора Фома – 330, 441, 460, 550, 552, 675, 760, 800, 828

Мицияма Яков – 291, 292

Миягава Феодосий – 805

Мияи Лука – 119

Мияке Иоанн – 803

Миясина Эраст – см. Миясина Эраст

Миясина Ольга – 155, 753

Миясина Эраст – 215, 675, 752, 753

Миясита Евдокия – 234

Миясита Илья – 234, 549, 564, 686, 713

Моисей, пророк – 314

Моисей, христианин – 451

- Моки, ученик – 435, 644, 744
Моки Евгения – 655
Моки Зилот – 595
Моки Юния – 663, 664
Молас М. П. – 490
Молас П. П. – 198, 206, 440
Молотков Николай Яковлевич – 568
Момма Нина – 57
Момма Тимофей – 57, 59
Момосе Иоанн – 163, 664
Мори Агафья – 253, 404, 442
Мори Вера – 226
Мори Кирилл – 405
Мори Моисей – 126, 365, 596, 745, 791
Мори Никита – 43, 122, 139, 226, 253, 404, 442
Мори Петр – 139, 505, 622, 624
Морита Дионисий – 584
Морита Емильян – 584
Морита Корнилий – 36
Морита Мария – 584
Морита Нина – 584
Морита Павел – 114, 119, 122, 125, 190, 268, 282, 303, 319, 339, 345, 377, 381, 397, 399, 408, 416, 493, 515, 550, 551, 553, 554, 558, 559, 572, 573, 584, 589, 596, 598, 612, 640, 647, 670, 711, 798, 812, 814
Мория Иоанн – 679
Мороне Ирина – 570
Мотт – см. Mott
Моцидзуки Мария – 127, 158, 162, 388, 390
Моцидзуки Петр – 158, 339, 375
Моцидзуки Фома – 158, 162
Мукайда Яков – 166
Мукояма Игнатий – 156, 180, 338, 345, 348, 352, 353, 356, 357, 358, 362, 370, 383, 425, 483, 517, 520, 523, 529, 538, 552, 587, 604–606, 684, 711, 751, 756, 758, 780, 781, 795, 803
Мукояма Лукия – 383, 523, 781
Мукояма Любовь – 758
Мунеюки Мёочина (Симеон) Муравьев, рос. министр иностр. дел – 449, 463
Мурадзуми Матфей – 684
Мураи Илья – 115, 155, 491, 492, 494
Мураи Петр – 14
Мураками Владимир – 420
Мураками Иоанн – 266
Мураками Никанор – 53, 54, 589, 685, 686
Мурата, полковник – 495
Мурокоси Александр – 362, 511, 756, 758, 763, 773
Мурамацу Давид – 496
Муто Макарий – 80
Муханов, драгун – 203
Муцу, граф – 580

- Муяки С. В. – 401, 406, 410
Муяки А. Л. – 406
Нагаи Марина – 63
Нагаи Павел – 63
Нагаи Яков – 61
Нагано Акила – 537, 538
Нагано Павел – 197
Наганума Василий – 57
Наганума Иоанн – 57
Наганума Николай – 57, 58
Нагасавы Исайя – 71
Нагасавы Яков – 189, 191, 381, 671
Нагасака, переводчик – 202
Нагасе Никита – 479
Нагасе Павел – 601
Назимов – см. Александр, иеромонах
Найто, католик – 720
Накагава Илья – 38, 50, 51, 52, 53, 101, 270, 289, 312, 383, 495, 545, 602, 606, 617, 626, 664, 666, 667, 686, 691, 710, 712, 715, 752, 760, 784, 811
Накагава Николай – 209, 220
Накагава Павел – 65
Накагава Петр – 209
Накагава Софья – 209
Накадзима Иоанн – 794
Наказава Евдокия – 42
Наказава Макарий – 41, 42, 43, 122, 127, 374
Накаи Катя – 117, 118, 220, 221, 223, 333, 334, 336, 337, 507, 550, 576, 800
Накаи (Накай) Павел – 88, 100–102, 112, 117, 118, 125, 156, 161, 164, 174, 180, 184, 194, 198, 201, 209, 220, 221, 223, 226, 238, 249, 253, 254, 257, 278, 279, 287, 288, 290, 298, 300, 305, 310, 317, 318, 322, 323, 333, 334, 336, 347, 357, 362, 363, 367, 368, 376, 378, 384, 385, 390, 396, 406, 417, 419, 428, 448, 462, 467, 468, 474, 478, 482, 485, 495, 499, 502, 507, 514, 519, 523, 525, 547, 566, 587, 590, 592, 599, 603, 607, 616, 626, 628, 648, 651, 659, 661, 670, 672, 687, 689, 692, 695, 706, 712, 718, 719, 724, 726, 780, 781, 784, 797, 800, 801, 804, 808, 815, 819, 827, 834
Накакоодзи Яков – 717
Накамура – 24, 452
Накамура Авраам – 22
Накамура Игнатий – 19
Наканиси Павел – 672
Накано Мелетий – 609
Накано Павел – 25, 26
Накарай (Накарай) Василий – 75, 451, 637, 818
Накасима, врач – 15
Накасима Иоанн (Иван) – 204, 282, 284, 362, 615, 802
Накасима Николай – 200, 539, 560, 565
Накасима Тит – 115, 270, 674
Накахара Илья – 659
Накацугава Гедеон – 740
Накацука Иов – 102, 453

- Накацука Семен – 102
Намеда – 578
Намеда Вера – 753
Намеда Климент – 113, 305, 753
Намеда Надежда – 681, 682
Наразаи Сергей – 55
Нарита Иоанн – 501
Насукава Яков – 673
Небогатов – 469
Небольсин – 174
Невель – см. Newell
Негуро (Негоро) Яков – 201, 289, 412, 511, 516
Негус – 192
Немото Давид – 12
Немото Дмитрий – 170
Нерчин, богач – 174
Нечаев П. – 527
Нечаев-Мальцев Юрий Степанович – 140
Нива, из Сейненквай – 246, 247
Нива Сейдзиро – 443
Нива Екатерина – 107
Нива Иван – 106, 107
Нива Мария – 106, 107
Нива Матфей (Матвей) – 106, 107, 673, 689
Нива Яков – 660
Нигано Павел – 166
Ниemi Давид – 232
Ниидзима, основатель Христ. университета – 184, 247
Ниицума, язычник – 155
Ниицума Вениамин – 37
Ниицума Андрей – 37
Ниицума Георгий – 566
Ниицума Екатерина – 564
Ниицума Иосиф – 37
Ниицума Мария – 203, 822
Ниицума Павел – 37, 85, 117, 142, 194, 198, 203, 260, 427, 486, 546, 613, 637, 822
Ниицума Петр – 37
Никанор, архиепископ – 53, 299
Никанор, повар – см. Такасе Никанор
Никитин Д. Я. – 599
Николай, св. – 568
Николай Алеутский – 82, 103, 105, 108, 109, 230, 249, 276, 283, 469
Николай Чудотворец – 305, 526, 530, 717
Николай, епископ – 94, 225, 328, 581, 724
Николай II – 309, 314, 615
Никон, архимандрит – 107
Никон, патриарх – 825
Ниномия Иосиф – 218, 219
Ниномия Сира – 218, 219, 235, 237

- Ниси, барон – 636
Ниси Петр – 609
Нисима – 350, 351
Нисимура Павел – 304
Нитго, католик – 720
Ногива Георгий – 717, 734
Нода – 452
Нозаки – 97, 364, 480
Номура, барон – 89
Нонака Павел – 163, 465, 504, 579
Нумабе Сергей – 15, 31, 88, 126, 152, 171, 199, 204, 211, 245, 246, 249, 287, 308, 333, 334, 347, 348, 355, 364, 380, 421, 464, 492, 495, 519, 550, 577, 582, 602, 617, 623, 625, 639, 651, 658, 664, 683, 702, 705–708, 734, 735, 753, 775, 777, 779, 785, 794, 798, 809, 817, 818
Обара Алексей – 102, 120, 171, 237, 239, 246, 248, 257, 305, 400, 423, 424, 430, 513, 536, 591, 593, 662, 709, 790, 816
Обата Антоний – 415, 426, 427, 529, 751, 827
Обатаке – 578
Обатаке Василий – 577
Овата Елена – 560, 565
Овата Иван – 119, 362
Оверин, купец – 419
Огава Павел – 773
Огава Симеон – 236, 268, 493
Огасавара, князь – 112
Огасавара Кирили – 255
Огата, христианин – 282
Огата Давид – 236
Огата Иоанн – 381
Огата Моисей – 268
Огивара Текуса – см. Хагивара Текуса
Огино, семья – 151, 162
Огино Алексей – 150, 151, 796
Огино София (Софья) – 171
Огура Иоанн – 385
Ода Макрина – 14
Ода Павел – 13, 14, 545, 647
Одагири Вера – 175
Одагири Марк – 141, 175, 594, 804
Озаки, политик – 806
Озаки Анатолий – 512
Оива Петр – 39
Оигава Николай – 35
Оигава Петр – 38
Ока Анна – 425
Ока Елена – 571
Ока Иоанн – 488
Ока Кейске – 462
Ока Николай – 372, 373, 441

- Ока Петр – 349, 354, 535, 542, 552, 614, 618, 637, 653, 696, 706
 Окабе Лука – 514
 Оказаки, доктор – 195, 211, 367, 398, 425, 439, 449, 498, 606
 Оказаки Тимофей – 816
 Окамото Василий, плотник – 217, 405, 590, 715, 721
 Окамото Павел – 362, 428, 524, 542, 564, 565, 831
 Окамото Риуноске – 823, 832, 833
 Окамура Варвара – 134
 Окамура Екатерина – 523, 531, 534
 Окамура Павел – 114, 122, 134, 255, 301, 375, 423, 453, 455, 461–464, 468–473,
 475, 481, 475, 481, 515, 517, 520, 521
 Окемото Нифонт – 417, 752
 Окудани Иосиф – 669
 Окуяма, из Хацидзёсима – 90, 91, 92, 93, 99, 125, 159, 231, 246
 Окуяма Андрей – 41
 Окуяма Василий – 41, 535
 Окуяма Павел – 41
 Окуяма Петр – 41
 Олесницкий – 426, 546
 Олсуфьев, пограничный комиссар – 793, 795
 Ольга Константиновна, греческая королева – 83
 Олькот – 85, 181, 560
 Оно Георгий – 368, 395, 681
 Оно Иоанн – 87, 88, 114, 121, 124, 129, 134, 144, 192, 210, 223, 224, 268, 332,
 337, 343, 364, 396, 398, 414, 474, 479, 572, 591, 664, 787
 Оно Марианна – 114, 474
 Оно Петр – 53, 61, 138
 Оно Фома – 136, 171, 224, 613, 621, 625, 677, 806
 Оно Яков – 451
 Оное Фома – 488
 Обатаке Василий – 486, 571
 Оогава Марк – 242
 Оогое Алексей – 145, 212, 288, 378, 419, 421, 519, 582, 809
 Оогое Стефан – 116, 196, 197, 202
 Оодадзуме Петр – 75
 Оои Павел – 662
 Ооидзуми Иоанн – 71
 Оокава Павел – 6, 8, 16, 298, 613, 676
 Оомаци Лука – 65
 Оомори Иоанн – 10
 Оомори Мария – 10
 Оомори Соломония – 6, 10
 Оомура Константин – 168, 269, 393
 Оонума Лукина – 670, 778
 Оонума Павел – 146, 389, 459, 620, 670, 687, 711, 814
 Оосава Тит – 193, 194, 286
 Оосато Феодора – 6
 Оосима Спиридон – 80, 243, 244, 265, 473, 541, 722, 816
 Оота, христианин – 473

- Оота Александр – 361
Оота Евфросиния – 631, 719
Оота Лидия – 262, 630, 631, 725, 760, 834
Оота Моисей – 261, 262, 408, 453, 706, 719, 760
Оота Павел – 416
Оота Симеон – 374, 380, 387, 680, 718, 783
Оота Софроний – 294, 388, 390, 483
Оота Стефан – 385
Оота Феодора – 408, 630
Оохара Никанор – 62
Оохара Петр – 62
Ооцука Сергей – 239, 324
Ооцука (Ооцуки) Иоанн – 54, 451, 452, 656, 657
Ооцуки Исайя – 54
Ооцуки Фирмин – 408
Ооцуки Фома – 37–39, 127, 380
Ооцуки Яков – 54
Оояма Петр – 213, 239, 280
Ояма Симеон – 52
Орита Лука, певчий – 239, 337
Оритаке Дзюро – 546
Орлов Николай – 686
Орнатский – 86
Осозава Фаддей – 92, 129, 135, 147, 160, 177, 183, 198, 203, 224, 229, 232, 239, 261, 282, 286, 348, 365, 380, 387, 390, 404, 406, 411, 414, 415, 426, 427, 431, 446, 448, 449, 456, 457, 462, 466, 477, 490, 496, 497, 502, 524, 525, 531, 544, 554, 565, 569, 573, 596, 615, 620–622, 644, 664, 671, 672, 698, 712, 716, 758
Остроумов – 527
Осуф – 158, 161
Отокозава Иоанн – 54
Ояма Иоанн – 37
Ояма Павел – 37
Павел, апостол – 127, 186, 301, 302, 320, 417, 427, 631, 749
Павлин – 767
Палладий, митрополит Санкт-Петербургский – 526, 530, 583
Пальмерстон – 544
Паттон – см. Patton
Пахомов, миллионер – 174
Пелагия – 814
Пеликан К. Д. – 503, 811
Пеликан А. А. – 503
Пеликан Александр – 502, 503, 514
Пеликан Алеша – см. Пеликан Александр
Петр, апостол – 127, 605, 649, 684, 749, 827
Петр Великий – 157, 401
Петр, тюремный надзиратель – 301
Петров, купец – 419
Пий IX – 795
Платон – 619

- Плевако – 139
 Победоносцев К. П. – 216, 278, 378, 478, 490, 492, 493, 503, 526, 540, 668, 686
 Покатилов Д. Д. – 346, 347
 Покатилова А. А. – 347
 Поклевский Станислав Альфонсович – 586
 Поляновский З. М. – 134, 144, 191, 197, 207, 212, 223, 227, 229, 231, 234, 240, 252, 568
 Поляновский З. Я. – см. Поляновский З. М.
 Постников П. А. – 563, 804
 Престон – 721
 Путьяга – 94, 455
 Путьягин Е. Е. граф – 321, 353, 744
 Путьягина О. Е. – 353, 384, 726, 744
 Райкубо Марк – 335, 724, 801, 818
 Райкубо Филипп – 30
 Райт, полковник – 202
 Распопов Николай Александрович – 312, 338, 370, 371, 433
 Рассадин – 233
 Рачинский Сергей Александрович – 250, 479
 Ренан – 220
 Реунов М. А. – 469, 490, 491, 494
 Реунова С. И. – 469, 490, 494
 Рингваль Августа Эдуардовна – 471
 Рингваль Иван Николаевич – 471
 Рождественский – 363, 620
 Розен Роман Романович – 463, 571, 572, 577, 585, 590, 614, 632, 636, 637, 642, 657, 677, 695, 696, 726, 745, 799
 Розен Елисавета Алексеевна – 571, 661
 Розен Лиза – 571, 632
 Рубинштейн Николай Григорьевич – 95, 422, 563
 Рудаков – 682
 Русинин – 469
 Русу Анна – 777
 Рыльский – 511
 Сабинай Яков – 182
 Саблер Владимир Карлович – 528, 563, 581, 599, 635, 668, 686, 688
 Савабе Алексей – 308, 309, 325, 339, 342, 348, 395, 434, 470, 508, 543, 559, 565, 603, 604, 615, 627, 644, 662, 663, 699, 754, 757, 779, 829, 837
 Савабе Елена – 417
 Савабе Павел – 29, 46, 84, 85, 93, 124, 131, 138, 160, 178, 193, 194, 234, 246, 258, 289, 301, 302, 308, 309, 316, 322, 345, 348, 373, 384, 393, 395, 398, 405, 412, 413, 415–418, 423, 424, 452, 453, 454, 456, 460, 462–464, 471, 478, 479, 481, 485, 487, 489, 490, 493, 498, 502, 508, 515, 519, 524, 528, 529, 531, 532, 533, 538, 539–541, 544, 547–549, 554, 555, 559, 573, 576, 577, 589, 595, 596, 598–601, 606–608, 610, 611, 613, 618, 619, 623, 625, 627–629, 632–634, 638, 645, 646, 658, 667, 668, 689, 695, 719, 737, 739, 750, 751, 765, 776, 777, 789–790, 827, 829
 Саваде семья – 8
 Саваде Елена – 752
 Саваде Ирина – 7

- Саваде Михаил – 7, 375
Саваде Павел – 7, 93, 375, 455, 543, 644, 725, 752
Саваде Петр – 375, 752
Саваде Юлия – 747
Саваде Яков – 7, 673
Сагара – 265
Саеки Петр – 37, 38
Сайго, политик – 230, 661, 751
Сайкайси Иоанн – 132, 534
Сайкайси Марк – 168, 179, 193, 194, 210, 217, 218, 330, 424, 434, 479, 484, 534, 543, 619, 620, 623, 801, 826
Саймару Павел – 184, 221, 255, 414, 415, 431
Сайто – 578
Сайто, разносчик – 12
Сайто, чиновник – 715
Сайто Александр – 730
Сайто Василий – 110
Сайто Дзеннимон – 63
Сайто Кирилл – 113, 114
Сайто Павел – 119, 368, 379, 385, 391, 392, 488, 621, 624, 838
Сайто Феодор, ученик – 149
Сакаи (Сакай) Елена – 49, 691, 692, 774, 817, 818
Сакаи (Сакай) Иоанн – 10, 29, 49, 51, 52, 138, 169, 289, 344, 691, 700, 765, 774, 817
Сакаи (Сакай) Текуса – см. Хагивара Текуса
Сакамото, протестант – 684
Сакаита Павел – 23, 24
Саку, язычник – 788
Сакума Павел – 495
Сакурада Савва – 587, 600, 636, 681
Сакураи (Сакурай) Николай – 129, 130, 133, 157, 161, 168, 169, 219, 239, 269, 277, 348, 354, 355, 374, 368, 381, 386, 393, 405, 416, 417, 458, 461, 477, 488, 499, 501, 518, 521, 537, 538, 542, 552, 553, 564, 570, 592, 641, 660, 706, 756, 769, 775, 785, 788, 792, 807, 808, 823
Сакья-Муни – 106
Самойлов В. К. – 384
Самойлов Ф. Н. – 29, 105, 141, 144, 167
Самон, христианин – 496
Санномия, обер-церемониймейстер – 222, 819
Сано Павел – 596
Сасаба – см. Сасабе
Сасабе Кирилл – 121, 276, 277, 499, 535, 562, 838
Сасагава Петр – 51, 63, 64, 65, 67, 70, 74, 75, 79, 80, 87, 96, 125, 128, 129, 137, 166, 172, 181, 209, 215, 249, 258, 262, 342, 354, 373, 390, 397, 398, 414, 416, 458, 521, 527, 534, 556, 656, 735, 753, 757, 791, 798, 800, 811, 824
Сасагава Сира – 258
Сасаки, врач – 466, 467, 593, 798
Сасаки Андрей – 762, 769, 771
Сасаки Илья – 69
Сасаки Иоанн – 43

- Сасаки Ирина – 11
 Сасаки Исаак – 69
 Сасаки Лука – 11
 Сасаки Ольга – 11
 Сасаки Павел – 11, 65, 811
 Сасаки Петр – 69
 Сасаке Феодор – 497
 Сато, чиновник – 409, 712
 Сато, врач – 452, 725
 Сато, англ. посланник – 642
 Сато Александр – 47
 Сато Алексей – 329, 774
 Сато Анна – 84, 253
 Сато Илья – 54, 138, 475, 477, 539, 543, 605, 629, 632–635, 638, 639, 642, 643, 659, 674, 680, 736–738, 740, 741, 776
 Сато Иоанн – 51
 Сато Ксения – 541
 Сато Матфей – 258
 Сато Никита – 45
 Сато Павел, свящ. – 47, 49, 63, 81, 84, 85, 88, 92, 97, 110, 132, 136, 145, 146, 148, 150, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 182, 197, 204, 209, 218, 219, 227, 230–234, 235, 237, 239, 249, 253, 271, 272, 274, 292–294, 308, 318, 336, 345, 348, 358, 372, 384, 387, 395, 396, 399, 405, 411, 416, 421, 422, 423, 425, 427, 428, 430–434, 436, 437, 440, 453, 479, 489, 505, 508, 511, 516, 517, 522, 533–537, 540, 541, 580, 583, 604, 621, 652, 654, 657, 658, 660, 682, 683, 689, 696–698, 702, 726, 744, 758, 800, 808, 820, 829, 830
 Сато Павел, катих. – 274, 721
 Сато Пантелеймон – 54, 114, 167, 168, 199, 233, 331, 340, 475, 477, 481, 548, 649, 778, 827, 828
 Сато Петр – 39
 Сато Прасковья (Параскева) – 156, 158, 159
 Сато Тит – 46, 47
 Сато Циёмацу – 691
 Сато Яков – 68
 Саул – 439
 Сахаров Александр – 102
 Сахаров В. В. – 459
 Свит – см. Sweet
 Святополк Мирский, князь – 257, 311, 312
 Секи, семинарист – 734
 Секи, свящ. – 807
 Секи Ефимий – 73
 Секи Исая – 73, 129, 139, 219, 417
 Секи Петр – 470
 Секи Тимофей – 178, 239, 468, 630
 Секигуци Павел – 465, 468
 Секигуци Пантелеймон, врач – 180
 Селезнев Д. К. – 297
 Семен, плотник – 9

- Сеноо – 311
Сенума Елена – 778, 779, 797, 800, 812, 831–833, 837
Сенума Иван (Иоанн) Акимович – 557, 570, 582, 593, 602, 603, 615–617, 618, 623, 625, 631, 646, 663–664, 666, 670–671, 698, 700, 701, 702–708, 712, 735, 736, 743, 753, 755, 778–780, 792, 797, 800, 805, 812, 814, 815, 828, 833
Сенума Иоаким – 498
Сергий, архимандрит – 331, 508, 581, 572, 635, 636, 638, 666, 668, 670, 674, 575, 680, 681, 685, 686, 688, 693, 696–699, 708, 709, 713, 716, 727, 729, 732, 733, 749, 750, 758, 760, 761, 767, 769, 773, 775, 785–788, 792, 793, 815, 816, 819, 820, 822–824, 826, 838
Сергий Валаамский – 748
Сергий Страгородский – 12, 31, 89, 139, 203, 205, 279, 284, 291, 311, 331, 343, 425, 426, 454, 478, 487, 505, 569, 599
Сёдзи Сергей – 200
Сёо семья – 7, 8
Сёо Илья – 7
Сёо Мирон – 7, 441, 664, 753, 800, 813
Сёодзи Сергей – 163, 238, 735
Сибанай Павел – 204, 207, 255, 265, 336–398, 529, 680
Сибата, студент – 802
Сибаяма Петр – 308, 339, 370, 420, 453, 465, 504, 696, 697, 713, 745, 750, 752, 755, 758
Сига Вера – 564, 565, 594
Сиина Гордий – 278, 535
Симада Моисей – 438, 439
Симада Семен – 126
Симидзу Варнава – 115, 157, 169, 177, 180, 183, 186, 189, 199, 214, 217, 242, 279, 413, 498, 562, 605, 659
Симода Игнатий – 479, 597–599, 601, 616, 669, 685, 700, 728
Симотомае Валентина – 684
Симотомае Моисей – 54, 191, 341, 355, 368, 374, 381, 385, 386, 393, 552, 553, 564, 570, 571, 684
Синовара Иоанн – 35–37, 214, 322, 613, 777, 787
Сионное – см. Сионоя
Сионоя – 529
Сионоя Марк – 11
Сионоя Моисей – 12
Сионоя Сергей – 809–811
Сира, акушерка – 278
Сираи Петр – 659
Сираива Моисей – 59, 375, 381, 655
Сирато Василий – 309
Сисидо Илья – 40
Скобелев – 782
Скриба, доктор – 240
Снежков Григорий Григорьевич – 164
Со, кореец – 276
Соесима (Соезима), граф – 230, 241, 283
Соковнин Михаил Алексеевич – 315, 316

- Соколов Дмитрий – 320, 424, 543
Сократ – 106, 822
Соловьев – 112, 588
Соломия – 413
Соломко С. А.– 174, 179, 199, 280, 285, 292, 303, 312, 380, 381
Солярский – 426
Сомов А. С.– 383, 433, 440, 468, 470, 507, 524
Сомов Сергей – 440, 470
Сомова Мария – 433
Сомовы – 525
Соно Павел – 484, 497, 725, 798, 814
Спенсер – 346
Сперанский Иван – 527
Спиридон, христианин из Кореи – 814
Ставровский – 241
Станков Иван – 409, 412
Степанида, старуха – 766
Стефан, свящ.– 93
Сторожев Яков – 208, 315, 766, 767
Стратилатов – 240
Стронский – 450
Струве Вера – 642
Струве К. В.– 221, 642, 819, 820
Суво Пантелеимон – 649
Сугава Андрей – 238, 399, 400, 472
Сугава Вера – 472
Сугава Никанор – 72
Сугаи Василий – 625, 724
Сугаи Кирилл – 22
Сугамура Григорий – 440
Сугамура Никита – 103, 279
Суганума – 553
Сугита – 412
Сугияма Аким – 450
Сугияма Александр – 450
Сугияма София (Софья) – 450, 658
Сугияма Тит – 56
Сугияма Тихон – 56, 58, 59, 415, 446, 827
Судзуки, переводчик – 536, 735
Судзуки Андрей – 515
Судзуки Афонасий – 109
Судзуки Вассиан – 640
Судзуки Игнатий – 159
Судзуки Иоаким – 393
Судзуки Иоанн – 62, 184, 221, 248, 255, 307, 335, 349, 352, 414, 524, 641, 658, 667, 692, 694, 701, 708, 715, 720, 721, 723–725, 731, 742, 781
Судзуки Кейзабуро – 458, 504, 514
Судзуки Мария – 502, 658
Судзуки Марфа – 159

- Судзуки Михаил – 581
Судзуки Павел – 159, 371, 625, 768, 818
Судзуки Сергей – 117, 129, 134, 137, 142, 165, 175, 194, 195, 209, 137, 142, 195, 216, 274, 275, 276, 277, 301, 323, 339, 354, 374, 396, 403, 405, 410, 425, 429, 461, 473, 500, 535, 541, 542, 547, 562, 571, 659, 664, 690, 696, 751, 777
Судзуки Филипп – 135, 136, 273
Судзуки Юлия – 303
Судзуки Яков – 502, 592
Сукава Андрей – см. Сугава Андрей
Суков Андрей – 480
Сунга Яков – 21, 22
Сунгавара Илья – 49
Сунгавара Моисей – 49
Сунгамура Григорий – 46, 48
Суто Иов – 310
Сыромятников С. Н. – 632, 633
Сысоев В. В. – 719
Тада Григорий – 694
Тадаки Давид – 316, 455
Тадаки Даниил – 588, 652, 655, 658, 659, 784
Таде Василий – 88, 151, 232, 266, 298, 355, 382, 408, 499, 609, 620
Таде Павел – 43
Тадзима Ольга – 120
Тадзима Петр – 397
Тадзима Стефан – 186, 207, 212
Таира Ольга – 731
Таисии Ананий – 170
Такаги Евгения – 273
Такаги Николай – 211, 212, 273, 335, 404
Такаи Антоний – 369, 475
Такаи Афонасий – 138, 146, 170, 369, 465, 475, 549, 745
Такаи Настя – 369
Такаку Игнатий – 280, 282, 303, 680
Такакура – 506
Такаока Симеон – 756, 803
Такасе Никанор, повар – 145, 427, 429, 505, 507, 512, 513, 520, 643
Такахаси, христианин – 634
Такахаси Андрей – 63
Такахаси Варвара – 63
Такахаси Вера – 168, 202
Такахаси Виссарион – 56, 282, 680
Такахаси Горо – 794
Такахаси Григорий – 435, 514, 787
Такахаси Илья – 614
Такахаси Иоанн – 80
Такахаси Лука – 641
Такахаси Мария – 489, 739
Такахаси Матфей – 290

- Такахаси Надежда – 80, 175, 257, 304, 409, 424, 429, 430, 472, 494, 497, 501, 502, 538, 559, 564, 594, 632, 660, 664, 702–709, 712, 724, 754, 778, 779, 794, 827, 831–833, 835
- Такахаси Николай – 295, 495, 498, 532, 533, 723
- Такахаси Павел – 77, 110, 113, 117, 131, 168, 202, 319, 340, 341, 392, 644, 662
- Такахаси Петр – 602, 614, 801, 828
- Такахаси София (Софья) – 538, 788
- Такахаси Текуса – 533
- Такахаси Фотина – 754, 794, 802
- Такахаси Яков – 604, 817
- Такая Яков – 60, 151, 158, 166, 172, 194, 224, 299, 309, 375, 485, 516, 517, 524, 528, 533, 539, 547, 562, 642, 803
- Такегами Иоанн – 411
- Такеда Василий, катихизатор – 54
- Такеда Моисей – 54
- Такеици Петр – 531, 804
- Такемото Петр – 142, 148, 149, 195, 211, 247, 266, 267, 323, 362
- Такенуоци Конон – 679
- Такенуоци Петр – 646, 647
- Такенуоци Дзинкици – 562
- Такеока Фома – 208, 354, 535, 571, 605, 653, 711, 726
- Такесима – 485
- Такеяма Петр – 57
- Такеяма Софья – 57
- Такигуци Иоанн – 79
- Тамизава Яков – 456
- Танабе – 480, 482
- Танабе Анна – 355
- Танака, граф – 819
- Танака Андрей – 817
- Танака Вера – 411
- Танака Илья – 450, 451, 454, 460, 463, 469, 477, 535, 542, 589, 678, 805, 824
- Танака Нина – 144, 817
- Танака Петр – 411, 764, 765, 771
- Танака Симеон – 144, 386, 411, 481, 817
- Танака Фома – 114, 397, 398, 403, 543, 636, 711, 723, 777, 791, 796
- Танасава Яков – 55
- Танисима, врач – 432
- Тани Павел – 49
- Таномоки, ученик – 435, 458
- Тацибана Вера – 115, 116
- Тацибана Павел – 115, 116
- Теразава Моисей – 73, 74, 75, 531
- Теразава Ной – 73, 289, 290, 310
- Тексли – 445
- Тимофей, христианин – 810
- Тихай Игнатий – 92, 173
- Тихай Иннокентий – 149
- Тихай Митя – 149, 173

- Тихай Яков Дмитриевич – 92, 173, 246, 463, 511
Тогава, протестант – 166, 371
Тогава, студент – 263
Тода Гавриил – 146, 147, 562
Тода Матфей – 242, 243, 818
Тодороги Моисей – 93, 325, 395
Токарева – 584
Токуици – см. Араи
Токухира – см. Токухиро
Токухиро Юлия – 276, 277, 425, 429, 500, 535, 542, 562, 571, 594, 595, 603, 605
Толстой А. П. – 29
Толстой Л. Н. – 449, 281, 782
Толле – 584
Томедзи – 483
Томизава Яков – 270, 341, 490, 628, 664
Томии (Томий) Симеон – 110, 150, 455, 472, 560, 565, 678, 726
Томинага Яков – 158
Тоокайрин Петр – 28, 145, 257, 331, 430, 769
Тоокайрин Симон – 28, 129, 273, 324, 338, 393, 405, 499, 501, 513, 468, 542, 658, 715, 784, 823
Тоокайрин Яков – 28
Тоохей Яков – 147, 290, 406, 407, 673
Топоргин – 283, 285, 286
Трапезников Александр Константинович – 216
Троллоп – см. Trollope
Тыртов С. П. – 99, 198, 221
Тютчев Ф. И. – 112
Удзе Петр – 51, 52
Уеда Иов – 741, 782
Уеда Матфей – 180, 200, 580, 627, 685
Уено, граф – 274, 437
Уегани Варвара – 527
Уехара Тит – 309, 313, 368, 387, 395
Узава Филипп – 282, 361, 415, 425, 426, 439, 449, 456, 457, 642, 777, 822, 826
Укава Моисей – 168
Уно, язычник – 504, 513
Урано Яков – 29, 334
Устинов Михаил Михайлович – 197, 214, 284, 320, 387, 435, 436, 440, 489, 556, 614, 724, 795
Устинова Марья Николаевна – 320, 508, 699
Устиновы – 321
Устрялов – 817
Усуи Василий – 16, 175, 176, 183, 360, 501, 512, 520, 529, 539, 545, 575, 593, 594, 621, 626, 734
Усуи Пимен – 360, 448, 512, 513, 520, 575, 821
Ухтомский – 568
Уцида – 293
Уцида Петр – 520
Уцида Феодора – 374

- Уцимура Мария – 152, 153
Уцияма Петр – 459, 781
Фаворов – 593, 602, 646
Федоров К. С. – 804
Феодора, из Аннака – 511
Феофан, епископ – 427
Феофания, монахиня – 319
Филарет, историк – 331
Филарет, митрополит Московский – 337, 353
Фома, старик – 620
Франсис – см. Francis
Фудзивара Петр – 151, 172, 224, 796
Фудзии, плотник – 620
Фудзисава Давид – 90, 97, 211, 296, 362, 380, 508, 537, 538, 581, 584, 651, 653, 658, 687, 775, 817, 827
Фудзито Давид – 397
Фукасава – 578
Фукасе Иоанн – 466, 476, 486, 711, 719
Фукасе Ирина – 711, 719, 722, 726
Фукуба, придворный – 606, 718, 719, 778
Фукуба, ученик – 792, 797, 805, 823
Фукуда Иоанн – 427
Фукуда Мария – 673
Фукузава – 276, 279, 316, 681
Фукуи Роман – 266, 291, 292, 405, 416, 612, 625, 648, 677, 714
Фукунага Василий – 235, 237, 278, 279, 288, 302
Фукухара Яков – 234, 246
Фукухора Павел – 728, 731, 761
Фукуяма Иоанн – 778
Фуруяма Иоанн – 244, 252
Фусима, вел. князь – 270
Хагивара, врач – 169, 170
Хагивара Катя – см. Накаи Катя
Хагивара Текуса – 169, 170, 344, 564, 648, 818
Хакояма Авраам – 330
Хакояма Аггей – 330
Хакугоку Мария – 654
Хамано Моисей – 93, 116, 117, 196, 202, 567, 601, 719, 801
Хамано Федя – 567
Ханаи Логин – 399, 400
Ханабуса – 747
Хариу – см. Хориу
Хасимото Павел – 41, 595
Хасуике Иоанн – 687
Хата Нина – 390, 399, 403
Хатакеяма Иоанн – 9, 10, 11, 195
Хатакеяма Сусанна – 9
Хатаяма – 553
Хаттори – 316

- Хацисука – 37
Хацисука Павел – 397, 415, 416
Хаякава Елисей – 202, 492, 494, 498, 499
Хаякава Иов – 494
Хвостов – 768
Хепберн – 322
Хиби Яков – 286, 495
Хигуци, учитель математики – 288, 489
Хигуци Емильян (Емилиан) – 60, 193, 194, 210, 217, 224, 248, 305, 306, 323, 360, 361, 406, 407, 427, 434, 547, 549, 563, 565, 570, 580, 584, 628, 633, 667, 689, 695, 722, 750, 816
Хигуци Николай – 60, 62, 63, 179, 193, 194
Хидоро Иоанн – 39
Хилков, князь – 375, 376, 401
Хината Ольга – 26
Хината Фома – 26
Хино Кирилл – 503
Хираи Василий – 355, 484, 521, 684, 746
Хираи Лукина – 620
Хираки, телеграфист – 247, 248
Хирасава Авраам – 413, 414
Хирасава Нонна – 413
Хирацука Монтъёси – 62
Хираяма Сократ – 793, 799, 822, 826
Хирои Василий – см. Хираи Василий
Хироисе – 740, 741
Хиромаци – 98
Хиромици Петр – 139, 221, 261, 607
Хиронако Павел – 91
Хироока Даниил – 235, 240, 377, 593, 666, 676, 677, 808
Хироока Иов – 808
Хироока Лука – 235, 483, 538, 706, 807, 819
Хирота Акила – 88, 217, 346
Хиротате Матрона – 669, 671
Хирума Павел – 93, 325
Хисикава Матфей – 659
Хисимото Петр – 631, 719, 760
Хитоми Иоанн – 726
Хитрово М. А. – 12, 17, 18, 82, 112, 150, 198, 203, 206, 229, 248, 252, 256, 270, 271, 338, 342, 366, 387, 412
Ходаке Павел – 151, 166, 172
Холь – см. Hole
Хомяков, богослов – 233
Хонда Даниил – 44
Хонда Илья – 456, 490, 496
Хонда Павел – 71
Хорват, полковник – 238
Хорие Иоанн – 743
Хорие Мария – 106

- Хорие Николай – 173
 Хорие Савва – 260, 362, 462, 472, 474, 475, 483, 659, 661, 743, 790, 802
 Хорие София (Софья) – 173, 743
 Хориу Василий – 54, 75, 125, 397, 521, 634
 Хориу Моисей – 553, 564
 Хориу Тимофей – 54, 386, 640
 Хоси Кирилл – 274, 379, 385, 391–393
 Хоси Корнилий – 18
 Хоси Пантелеймон – 56, 59
 Хоси Софья – 56
 Хосои – 113
 Хосои Павел – 191, 208, 267, 647, 655, 753
 Хосокава (Хосакава) Александр – 281, 510, 545, 691, 729, 730, 761
 Хосоно Стефан – 768
 Хосономе Павел – 80, 81, 517
 Хотта Николай – 413, 591
 Хотта Саломия (Соломия) – 413, 591
 Хрисанф, переплетчик – 131
 Христовул – 630
 Цезарь – см. Caesar
 Циба Василий – 56, 59
 Циба Давид – 39, 40
 Циба Евсевий – 38
 Циба Исидор – 38
 Циба Павел – 34, 35, 52, 61
 Циба Пантелеймон – 22
 Циба Роман – 54, 84, 92, 109, 123, 147, 150, 152, 154, 155, 158, 160, 161, 163, 182, 209, 210, 213, 230, 232, 234–236, 239, 253, 260, 263, 278, 283, 284, 286, 289, 294, 306, 307, 331, 348, 372, 384, 393, 404, 407, 411, 412, 416, 422, 427, 429, 436, 505, 508, 511, 516, 517, 522, 524, 566, 577, 581, 583, 604, 647, 652, 654, 666, 675, 680, 697, 698, 702, 717, 722, 744, 810, 827, 829, 830, 836
 Циба Тимофей – 6
 Циубаци Фома – 78, 79
 Цуда Павел – 43, 44, 46, 59, 61, 366, 386, 486, 511, 548, 555, 746, 760
 Цуда Санзо – 89, 98
 Чагин И. И. – 366, 435, 470, 508, 590, 594, 657, 659, 660, 699, 787
 Черевков – 163
 Черкасов Иван – 469
 Чертков С. А. – 373
 Черткова Е. Н. – 373
 Четверикова – 391
 Чёого – 217
 Чёого Андрей – 173
 Чёого Илья – 197
 Шершевский, епископ – 725, 834
 Шишмарев К. И. – 675
 Шкот – 353
 Шпейер А. Н. – 213
 Шпейер А. Э. – 118, 213

- Шпейеры – 221, 337, 576
Штейн, секр. пекин. посольства – 94
Штрайс – 205
Щадрин С. С. – 431, 435
Щеголев В. А. – 435
Эгуци Филипп – 762, 765, 772
Энгельт – 407
Эндо Елисей – 538, 706
Эндо Савва – 33, 34, 35, 182, 191, 612
Юасе, ученик – 458, 743
Ювачев И. П. – 512
Юза Афонасий – 45
Юза Яков – 715
Юкава Матфей – 180, 181, 316
Юкава Семен (Симеон) – 148, 150, 154, 160, 182, 232, 235, 239, 252, 286, 292, 318, 348, 384, 411, 416, 417, 433, 453, 454, 475, 495, 522, 529, 533, 544, 555, 573, 589, 641, 645, 646, 668, 681, 682, 685, 688, 698, 716–718, 725, 749, 806, 828
Юмура Лин – 717
Юмура Петр – 73, 483
Юусе Павел – 740, 742, 743
Явата Николай – 57, 58, 199, 267, 321, 469, 492, 500, 612, 630
Яги Авраам – 9, 10, 11, 12, 68, 173, 281, 641
Яги Инна – 11
Яги Иоанн – 67
Ядзи – 501
Ясигаси Петр – 132
Яков, апостол – см. Иаков, апостол
Яков, изобретатель – 359
Ямаки Антоний – 190, 198
Ямаке Петр – см. Ямаки Петр
Ямаки Марина – 728
Ямаки Петр – 145, 214, 408, 494, 515, 556–558, 595–599, 601, 607, 608, 616–619, 623, 685, 692, 701, 727–733, 752, 756, 773, 774, 803, 807, 808, 813, 819
Ямагата – 772
Ямагате, купец – 727
Ямагуци Иоанн – 552, 641, 663, 664, 672
Ямагуци Павел – 171
Ямада Елена – 152, 153, 175, 189, 239, 257, 287, 494, 497, 514, 623–625, 663, 670, 671, 702, 704, 705. См. также Сенума Елена.
Ямада Василий – 139, 208, 219, 221, 242, 637, 818
Ямада Иона – 51
Ямада Моисей – 43, 734
Ямада Павел – 829
Ямада Петр – 214, 299, 510, 531, 626, 647, 695, 696
Ямазаки Ефрем – 16, 55, 62, 667
Ямазаки Илларион – 438
Ямазаки Иоанн – см. Оно Иоанн
Ямазаки Савва – 65, 73, 74, 146, 376, 393, 405, 413, 521, 693
Ямамото, протестант – 486

- Ямамото Мария – 438
 Ямамура Борис – 6, 8, 9, 10, 14, 15, 17, 18, 51, 64, 132, 134, 166, 172, 192, 197, 204, 208, 278, 296, 303, 323, 337, 343, 368, 375, 381, 385, 386, 411, 423, 441, 451, 477, 495, 510, 529, 545, 552–554, 564, 570, 595, 596, 613, 614, 618, 626, 637, 647, 649, 655, 676, 682, 706, 753, 799, 800, 809, 810, 818, 838
 Ямамура Ирина – 64, 65
 Ямамура Стефан (Степан) – 64, 640
 Яманака Алексей – 12, 597, 756, 761
 Яманака Петр – 148, 149, 181
 Яманобе Вера – 718
 Яманобе Иродион (Родион) – 483, 718
 Яманобе Николай – 536
 Яmanoуци Александр – 328
 Яmanoуци Илья – 91, 92, 93, 99, 100, 125, 159, 171, 231, 232, 249, 271, 325, 326, 358, 485, 541, 572, 641, 673, 783
 Яmanoуци Иоанн – 655
 Яmanoуци Павел – 92, 171
 Яmanoуци Яков – 22, 27, 30, 35, 38, 39, 322, 323, 328, 329, 380, 501, 557, 652, 658, 715, 784
 Ямасита Ирина – 9, 20, 795
 Ямбе Петр – 405, 529, 533, 541, 593
 Янагита, язычник – 382
 Янжул Мария Николаевна – 435
 Янжул Николай Иванович – 357, 384, 435, 463, 494, 508, 657, 659, 660, 699, 838
 Янсен Феодор (Федор) – 260, 831
 Ястребов, доктор – 168
 Ясуке Александр – 189
 Ясуми Лука – 77, 78, 421
 Ятабе, полицейский – 14
 Яци Илья – 6, 141, 172, 177, 182, 184, 186, 323, 545, 592, 608
 Яцуки Андрей – 256
 Argmand – 437
 Awdry – 299, 387, 388, 752, 834, 837
 Barrows – 506
 - Bartlett jr – 205
 Barton – 174, 185
 Batcheleur – 765
 Beltz – 570
 Bickersheth (Bickersteth) – 158, 161, 190, 296, 299, 356, 446, 585, 765
 Bonsal Stephen – 297, 299
 Caesar – 157, 158, 161
 Carpenter – 765
 Carrothers – 94, 98
 Casenave – 83, 84
 Christlieb – 603–605
 Cookevill – 244
 Corte – 291
 Fomenko Vladimir – 586
 Francis – 95, 96, 103, 109

Gardiner – 803
Gardner – 834
Graham – 365
Graves – 723
Green – 175, 185
Griffis – 421
Hale – 95, 96, 105, 109
Hamilton – 783
Hendrik – 210
Hepburn – 247, 353
Jefferys – 137, 240, 791, 792, 802, 811, 814, 815
King Armine – 93, 104, 105, 157, 353, 446, 835
Korfe – 94, 106, 202
Kozaki – 350
Lloyd – 276
Loomis – 210, 421, 605
Macdonald – 672, 674
McKim – 95, 96, 104, 105, 107–109, 368, 418, 723, 725, 803, 834
Mott John R. – 443
Munro – 528
Munzinger – 217
Nicolai – см. Николай, епископ
Patton – 225, 230
Platis E. – 512
Rowers – 661
Sabler – 581
Scott – 544
Shou – 368, 585
Smart – 93, 291
Svington, mrs – 104
Sweet Charles F. – 835, 836
Taft – 216, 228
Trollope – 353
Tyng – 201
Victoria – 544
Walsh Thomas – 679

Указатель географических названий

- America – см. Америка
Honolulu – см. Гонолулу
Japaн – см. Япония
New-York – см. Нью-Йорк
Pittsburg – 365
Tokio – см. Токио
Абасири – 771, 772
Абиссиния – 192
Австралия – 381, 443, 450
Азиатская Турция – 826
Азия – 825
Айайся – 245, 475
Академия Наук – 378
Аказаки – 34
Акасаки – 42, 711
Акаси – 247, 724, 771, 772
Акимото – 251
Акиною – 563
Акита – 6, 15–18, 172, 175, 264, 278, 311, 338, 370, 375, 441, 509, 545, 554, 558, 602, 606, 613, 649, 666, 686, 710, 725, 731, 752, 768
Акитаси – 14, 17
Акуцу – 387, 565, 640, 666, 807, 819
Акуцуку – 666
Америка – 78, 82, 103, 104, 106, 108, 109, 167, 185, 203, 209, 217, 230, 238, 249, 265, 276, 283, 336, 365, 375, 381, 397, 402, 412, 426, 469, 493, 505, 512, 514, 559, 571, 574, 590, 608, 609, 623, 628, 632, 640, 641, 707, 718, 723, 726, 785, 803, 812, 819, 820, 825, 834, 836
Амита – 94
Амстердам – 642
Аму-Дарья – 238
Амур – 238, 311, 315, 401, 575, 632, 812
Амурский край – 401, 440
Англия – 93, 99, 190, 191, 364, 368, 388, 446, 493, 657, 823
Анива, залив – 479
Аннака – 147, 289, 353, 411, 412, 429, 511, 516, 598, 612, 630
Аомори – 113, 227, 295, 319, 321, 438, 451, 596, 649, 659, 682, 727, 733, 734, 746, 774, 775, 816
Аояма – 565, 615, 616

- Аравия – 826
Араи – 78
Аракава – 5, 6, 8, 81
Арая – 5
Армения – 174
Асакуса – 84, 87, 244, 319, 345, 353, 394, 406, 497, 589, 628, 638, 645, 685, 716, 717
Асикага – 489, 569, 675, 784, 828
Асиною – 130, 140
Асио – 318, 612
Астрахань – 617
Асукаяма – 305
Атами – 661
Афганистан – 782
Афины – 89, 203, 291, 311, 331, 343, 426, 454, 508, 628
Афон – 279, 487, 692
Бакан – 362
Банету – 247
Банчэо – 405
Багоо – 274, 370, 379, 385, 391, 392, 475, 488, 624, 791, 838
Белград – 637
Бизен – 178
Бирма – 764, 765
Благовещенск – 135, 138, 174, 431, 511, 795
Бокуси – 202
Боосиу – 306, 557, 558, 579, 582
Босава – 501
Босиу – см. Боосиу
Бостон – 765
Вабуци – 54–56, 62, 63, 126, 171
Вакамацу – 80, 125, 202, 680
Ваканай – см. Вакканай
Вакаяма – 114, 121, 396–398, 403, 500, 543, 613, 628, 636, 667, 711, 723, 777, 791, 792
Вакаянаги – 46–48
Вакимаци – 236, 268, 282, 381, 493, 559
Вакканай – 168, 326, 458, 490, 672
Вакуцу – 676
Вакуя – 54, 56, 62, 63, 65, 441, 449, 458, 640, 675, 760
Валаам – 141, 422
Варшава – 409
Вашингтон – 640, 641
Вейхавее – 725
Вифлеем – 526
Владивосток – 94, 167, 216, 315, 325, 335, 336, 352, 375, 381, 409, 459, 469, 490, 498, 511, 528, 536, 581, 584, 600, 610, 644, 661, 688, 707, 711, 785, 793, 795, 796
Гавагое – 193
Германия – 99, 119, 493, 528, 753, 823
Гижиги – 661
Гифу – 453, 455, 465, 468, 504
Голландия – 642

- Гонгонг – 84
Гонолулу – 640, 819
Готемба – 136, 208, 512, 679
Греция – 444, 512, 668
Гундо – см. Гундоо
Гундоо – 182, 199, 214, 242, 496, 676, 785
Дзёосиу – 338, 466
Дзёогецудзуми – 66–68, 372, 441
Дзюумондзи – 45–49, 63, 505, 506
Дзюунисё – 8
Дун-динь-ан – 505
Духовщинский уезд Смоленской губернии – 263
Европа – 209, 381, 550, 559, 582, 599, 703, 825
Едо – 221, 436, 590
Ёккаициба – 73, 74
Ёкоте – 17
Ёнеяма – 63
Есибама – 32
Ёсивара – 704
Ёсида – 63, 97
Ёцуя – 405, 663
Занте – 84, 86
Зоосикиноме – 71, 72
Ибараки-кен – 504
Ивагасаки – 48, 50–52, 667
Иваде – см. Иваде-кен
Иваде-кен – 17, 147, 321, 532
Ивадеяма – 181, 259
Ивакуни – 267, 323
Иванай – 219, 483
Ивафуне – 464
Иваядо – 17–22, 43, 242, 380
Идзи – 303
Идзу – 307, 423, 650, 742, 753, 757, 781
Идзуно – 47, 49
Иеногава – 56, 58, 59, 376
Иерусалим – 217, 234, 293, 525, 526, 530, 820
Иигава – 71, 72, 527
Икеда – 515
Имаидзуми – 35
Иманака – 455
Индийский океан – 628
Индия – 317, 443
Инеда – 676
Иннай – 602, 606, 617, 626, 667, 686, 691, 710, 752, 760, 784
Иокате – 17
Иокосака – 237, 402
Иокосука – 650, 697
Иокоте – 16, 17

- Иокохама – 82, 84, 87, 97, 107, 112, 130, 138, 140, 198, 205, 206, 218, 220, 221, 224, 231, 235, 237, 238, 247, 248, 256, 258, 259, 278, 279, 286, 290, 293, 294, 302, 316, 320, 331, 349, 371, 383, 384, 399, 406, 409, 420, 421, 428, 435, 436, 489, 490, 503, 505, 508, 513, 518, 522, 523, 525, 528, 538, 571, 572, 582, 586, 587, 589, 590, 594, 598, 600, 607, 621, 624, 631, 658, 673, 681, 688, 689, 698, 699, 709, 711, 742, 745–747, 751, 783, 787, 801, 811, 812, 814, 824, 838
- Иокояма – 56, 63, 361, 587, 636, 681
- Ионаго (Иоанако, Ионако) – 195, 211, 212, 216, 273, 332, 404
- Ионезава – 564
- Иордан – 97
- Иосиока – 75
- Иохогоама – см. Иокохама
- Иоцуя – 395, 405, 414, 572, 615, 627, 635, 663, 754, 779, 829
- Иркутск – 144, 191
- Исе – 181, 311, 465
- Исида – 70
- Исикаваке (Исикавакен) – 276
- Исикоси – 48, 63
- Исиномаки – 43, 44, 58–63, 224, 243, 305, 306, 370, 380, 385, 451, 464, 473, 497, 541, 681, 684, 722
- Исландия – 550
- Исоя – 483
- Италия – 823
- Итуруп – 488, 767, 768
- Иудея – 119
- Ициносеки – 23, 42, 43, 391, 473, 575, 593, 626, 734, 746
- Ицинохе – 191, 208, 647
- Кабусато – 415, 826
- Кавабе-иура – 460
- Кавагое – 486, 595, 639
- Кавагуци – 596
- Кавакудари – 67, 68
- Каварамаци – 39, 40
- Каватаби – 65, 73
- Кавказ – 150, 163, 578, 610
- Кагосима – 151, 158, 163, 166, 301, 309, 337, 485, 488, 540, 547, 567, 642, 711, 756, 801, 803
- Кадзуса – 829
- Кадоме-мура – 613
- Каесаи – 8
- Казава – 676
- Казо – см. Казоо
- Казоо – 288, 302
- Какегава – 101, 171, 232, 249, 354
- Какецка – 261
- Какогава – 165, 267, 696, 724, 797
- Какуноте – 17
- Калифорния – 411
- Калькутта – 512
- Кама – 59–61

- Камаиси – 23, 31, 32, 321–323, 329, 389, 501, 511, 521, 539, 562, 718
 Камеока – 313, 390, 399, 403, 460
 Каминояма – 78, 79, 202, 215, 752, 757
 Камчатка – 471
 Канада – 368, 409
 Канаецу – 756
 Каназава – 103, 115, 190, 277, 312, 377, 383, 387, 394, 516, 531, 676, 804
 Канаици – 161, 348, 355, 415, 426, 427
 Канасунги – 826
 Канахама-мура – 29
 Канда – 145, 376, 536, 560, 565, 677, 682, 708, 726, 744, 822
 Канеда – 504, 514, 674
 Канида – 438
 Каннари (Каннори) – 47–51, 101, 289, 290, 312, 545, 664, 667, 691, 752, 760
 Каномата – 502
 Канума – 88, 369, 380, 450, 805
 Карасуяма – 208, 242, 243, 273, 291, 475, 637, 712, 791, 818
 Карацу – 358, 379, 485, 531, 541, 547, 572, 641, 680, 718, 783, 784
 Карисики – 48, 49
 Каруйзава – 190, 239, 356, 452
 Карфаген – 444
 Касака – 109
 Касаока – 529
 Касивазаки – 309, 469, 495, 805, 824
 Касивакубо – 505, 506, 650, 653, 659, 757
 Касивокубо – см. Касивакубо
 Касимадай – 68–70
 Касуяма – 277
 Катаока – 706
 Каяма – 348
 Квансай – 243
 Кега – 499, 571, 760
 Кейсацусэ – 78
 Кеманай – 5, 6, 8, 10
 Кенненума – см. Кесеннума
 Кенчэ – 78
 Кёото – 12, 13, 90, 98, 104, 121, 122, 129, 137, 138, 145–147, 170, 175, 184, 185,
 216, 225, 239, 243, 247, 251, 280, 281, 290, 361, 347, 350, 351, 354, 355, 369, 378,
 389, 394, 402, 406, 410, 418, 424, 456, 459, 460, 463, 465, 466, 471, 472, 474, 476,
 477, 486, 490, 498, 508, 527, 549, 562, 566, 580, 586, 644, 645, 677, 699, 708, 711,
 713–715, 719, 721, 745, 754, 757, 758, 760, 769, 781–783, 802, 804, 820, 823
 Кесеннума – 34–37, 54, 214, 322, 407, 408
 Кивайчэ – 111
 Киев – 102, 461
 Кинказан – 321
 Кисарадзу – 251, 496, 620, 622, 624, 671
 Кисиу – см. Киусиу
 Китай – 85, 87, 88, 94, 98–100, 102, 106, 110, 114, 119, 136, 146, 147, 166, 209,
 220, 231, 236, 272, 311, 312, 317, 356, 379, 443, 444, 522, 552, 563, 568, 570,
 578–580, 594, 599, 650, 682, 721, 723, 823, 834

- Киусиу – 170, 171, 215, 255, 266, 316, 332, 397, 398, 417, 426, 446, 447, 503, 515, 519, 524, 533, 540, 547, 579, 605, 681, 685, 686, 802
Киусу – см. Киусиу
Киусю – см. Киусиу
Кицуока – 827
Кобе – 135, 276, 336, 360, 391, 404, 425, 499, 500, 513, 535, 542, 562, 571, 578, 594, 603, 605, 610, 659, 661, 690, 699, 724, 752, 820
Когота – 70
Кодзима – 374, 535, 797
Кодзирохама – 32
Коедаси – 7
Коёсида – 450
Кокура – 219, 244, 266, 319, 394, 395, 485, 515, 519, 528, 532, 680
Кокурай – 181
Комагатаке – 679
Коморо – 239, 280, 440, 451, 452
Конда – 173
Коодзимаци – 84, 93, 111, 124, 129, 136, 142, 193, 280, 286, 322, 325, 339, 345, 373, 375, 395, 405, 422, 470, 488, 489, 508, 603, 611, 613, 653, 658, 673, 691, 699, 796, 811, 829, 837
Коодзу – 565, 700
Кооносу – 288, 302, 814
Коорияма – 229, 614, 625, 659, 660
Коофу – 472, 687, 689, 690, 692–694, 696, 701, 708, 715, 720, 721, 723, 725, 731, 742, 757, 778, 798, 824
Кооци – 503
Кооясан – 266
Копенгаген – 449
Корея – 85, 93, 95, 105, 166, 188, 202, 209, 213, 224, 241, 242, 244, 247, 248, 252, 259, 264, 266, 267, 270, 273, 274, 276, 277, 291, 299, 308, 312, 315, 317, 324, 346, 353, 376, 386, 440, 455, 568, 576–578, 632, 633, 682, 688, 710, 793, 796, 804, 814
Корсаковск – 616
Котода – 135, 370, 822
Котосуяма – 219
Кофу – см. Коофу
Коци – 114, 255, 453, 503, 529, 607
Красуяма – 379
Кубота – 14
Кувага-саки – 30
Кудай-Заку – см. Куданзака
Кудан-зака – см. Куданзака
Куданзака – 84, 220, 397, 586
Кудзу – 625
Кумамото – 292, 368, 395, 397, 489, 531, 681, 684
Кумбецу – 769, 772, 773
Кунасе – 488, 838
Кунасиро – см. Кунашир
Кунашир – 765, 768, 773
Куре – 142
Курильские острова – 324, 489

- Курое – 791
Куроииси – 375, 649, 655, 679
Куромацунай – 219
Куросава – 17, 73
Куруги – 496
Куруме – 309, 538, 562
Курури – 569, 664
Кусиро (Куросиро) – 239, 240, 640, 763, 769, 772, 773, 792
Кутаиси – 291
Куцинохару – 277, 397, 531
Кушка – 782
Лао-тан – 98, 99
Литва – 834
Лиугонский полуостров – 236
Лондон – 571
Магата – 7–9, 11, 195
Маебаси – 137, 147, 232, 286, 290, 406, 457, 462, 466, 478, 554, 558, 573, 578, 584, 596, 598, 612, 646, 647, 670, 677, 681, 687, 711, 778, 812, 814
Маезава – 281
Маияци – см. Майяци
Майяци – 54, 63
Макабе – 602, 613, 621, 624, 625, 628, 648, 714
Манива-мура – 270
Манчжурия – 88, 97, 209, 699, 719
Манья – 5
Маругаме – 676, 677
Масике – 592, 641
Масуда – 691, 710, 712, 715
Масуда-мацэ – 691
Мацэда – 739
Мацмае – 590
Мацуе – см. Мацуэ
Мацуива – 37
Мацукава – 40–43, 127
Мацумото – 157, 189, 368, 472
Мацусиро – 61, 234, 303, 680
Мацуэ – 141, 142, 148, 149, 195, 202, 211, 267, 291
Мацуяма – 345, 382, 383, 387
Маяма – 54
Мёохоодзимура – 824
Месопотамия – 709
Мива – 225, 229, 230, 311, 378, 418, 459
Мидзусава – 17, 18, 173, 281, 283, 613, 777
Миммая – 438
Минато – 61, 473, 541, 816
Минейяма – 594
Миннеаполис – 105
Митая – 572
Мито – 89–92, 184, 201, 229, 248, 269, 380, 475, 525, 531, 539, 560, 565, 593, 613, 617, 621, 622, 624, 625, 677, 714, 718, 719, 756, 806, 807, 821

- Михора – 515
Мицуи – 112, 349, 420, 471, 590, 607, 624, 660, 758, 806
Мицумуро – 42
Мияги – см. Мияги-кен
Мияги-кен – 65, 94, 321, 817
Миядзу – 170, 389, 390, 459, 518, 527, 562, 575, 594, 804
Миязаки – 171, 299, 332, 409, 485, 544, 545, 547, 554, 562, 573, 838
Мияко – 27–30, 48, 94, 98, 140, 322, 329, 334, 557
Миякосита – см. Мияко
Мияно – 50–52, 214, 299, 315, 510, 531, 563, 568, 574, 626, 647, 695
Монбещу – 660
Мори – 136, 224, 797
Мориока – 23, 24, 63, 132, 166, 182, 215, 240, 452, 523, 529, 534, 591, 602, 614, 746, 800, 801, 809, 828
Мориона – 224
Морияма – 266, 460, 521
Москва – 13, 86, 102, 190, 192, 216, 218, 314, 366, 378, 391, 461, 478, 482, 504, 511, 519, 578, 623, 685, 711, 719
Мукден – 142
Муроран – 774, 775
Муя – 268, 282, 302, 559
Набури – см. Набурихама
Набурихама – 56–58, 469
Нагано – 77, 115, 165, 262, 270, 477, 487, 490, 674
Наганума – 57, 469
Нагаока – 313, 368, 387, 549, 567, 569, 589, 680
Нагасаки – 158, 173, 179, 202, 231, 284, 294, 321, 395, 409, 435, 440, 449, 489, 490, 494, 523, 537, 556, 560, 574, 688, 695, 709, 718, 724, 795, 801, 821
Нагацура – 57
Нагоя – 114, 129, 134, 192, 210, 223, 234, 262, 308, 311, 332, 339, 364, 370, 396, 398, 410, 420, 453, 455, 465, 495, 504, 519, 527, 549, 564, 649, 677, 685, 686, 696, 713, 745, 750, 755, 804
Накагоори – 677
Накамурахара – 629, 694
Наканиеда – 65, 71–75, 209, 310, 397, 413, 521, 531, 693
Накано – см. Нагано
Накасима – 56–59, 63, 298, 469, 751
Накасу – см. Накацу
Накацу (Нокацу) – 180, 181, 262, 308, 316, 339, 417, 485, 495, 524, 544, 712, 751, 814, 828
Накаяма – 11
Намбу – 30
Нанае – 822
Нанкин – 311
Наоецу – 468, 469
Нара – 225, 378, 418, 419, 620
Нацызан – 446
Негуро – 147
Неко – см. Неко-мура

- Неко-мура – 66–68
Неморо – см. Немуро
Немуро – 30, 157, 168, 177, 189, 239, 273, 277, 278, 324, 362, 393, 405, 416, 468, 488, 499, 501, 511, 518, 521, 539, 542, 554, 562, 567, 586, 597, 640, 727, 756, 761–766, 768–774
Нигава – 372
Нигоо – 65, 66
Ниегата – 470, 472
Нижний Новгород – 578
Никкава – 646, 647, 771
Никко – 333, 334, 512, 574, 592, 593, 612, 794
Никольск-на-Амуре – 804
Никольское – 315
Ниппон – см. Япония
Нираяма – 781
Нискарай – 71
Нихонмацу – 80, 625
Нобеока – 151, 166, 172, 224, 544
Ново-Киевск – 793
Носиро – 12–14, 278, 810
Носяпу – 773
Нумадзу – 227, 229, 789
Нумамае-мура – 504
Нью-Йорк – 380, 803
Оби – 838
Обуци – 502, 661
Огавамура – 368
Огасавара дзима – 93
Огаци – 58, 469
Одава – см. Одавара
Одавара – 143, 148, 151–153, 162, 288, 315, 423, 475, 527, 539, 540, 548, 570, 575, 578–580, 592, 605–607, 613, 625, 628–630, 632–635, 638, 639, 642, 643, 650, 653, 654, 659, 662, 674, 675, 680, 683, 694, 706, 735–741, 749, 757–759, 776, 779, 781, 782, 785, 786
Одесса – 92, 179, 294, 317, 371, 412, 756
Оита – см. Оога
Ойта – см. Оога
Окадзима – 274
Оказаки – 346, 382, 420, 423, 452, 466, 481, 485, 499, 609
Окаци – 602
Окаяма – 349, 362, 370, 383, 518, 521, 523, 622, 780, 781
Окита – 38
Окицу – 811
Окутама – 37, 39, 40
Окуяма – 550
Омигава – 135, 277, 490, 628, 664, 674, 822
Омумура – 660
Онесен мура – 65
Оно – см. Ономаци

- Ономаци (Ономици) – 66–68, 192, 330, 473, 475, 515, 679, 684
Ономура – 68
Оогава – 122
Оогаки – 375, 453–455, 465, 468, 504, 515, 516
Оодате – 9–13, 175, 176, 183, 296, 501, 529, 539, 545, 575, 593, 595, 809
Оодзи – 494, 699
Ооисо – 286, 309, 310
Оокайдо – 61
Оокубо – 784
Оомацузава – 68–70, 372
Оомия – 798, 814
Оонума – 374, 661
Оосака – 41, 67, 90, 94, 104, 111, 114, 121, 129, 134, 137, 142, 144, 145, 161, 165, 175, 192, 194, 195, 214, 219, 225, 247, 265, 274, 280, 281, 298, 299, 301, 339, 346, 353, 365, 370, 374, 403, 405, 410, 453, 454, 456, 461, 465, 472, 473, 475, 479, 480, 499, 517, 521, 523, 529, 533, 534, 541, 547, 550, 571, 586, 590, 609, 620, 621, 635, 659, 664, 678, 690, 699, 700, 708, 713, 716, 723, 745, 746, 760, 769, 777, 780, 782, 783, 785, 787, 792, 797, 802, 804, 833
Оосима – 163
Оосиу – 801
Оота – 65, 135, 196, 200, 203, 215, 255, 265, 335, 336, 372, 380, 387, 397, 398, 409, 475, 524, 529, 539, 560, 565, 593, 600, 608, 617, 622, 651, 661, 756, 758, 760, 822
Оота-мура – см. Оота
Оотавара – 653, 688, 791, 814
Оото – 94
Оохара – 37, 38
Ооцу – 184, 221, 248, 307, 329, 349, 352, 354, 374, 378, 393, 406, 410, 414, 415, 424, 431, 459, 482, 524, 565, 568, 615, 641, 643, 648, 658, 667, 677, 690–694, 696, 719, 720, 823
Ооцуци – 24–27, 30, 31, 321, 389, 501, 511, 521, 537, 539, 562
Оою – 5–8, 172, 545, 588, 595, 649, 810
Ооябу – 453, 455, 465, 468
Оояма – 725
Орикабе – 36, 37
Орионе – 810
Осака – см. Оосака
Осанай – 249
Осаризава – 8
Осаризавамура – 7
Осябу – 455
Отару – 167, 269, 331, 786, 812, 820, 821
Отомо – 35
Оцу – см. Ооцу
Ою – см. Оою
Палестина – 217, 311
Парамушир – 767, 788
Париж – 107, 606
Пекин – 401, 409, 505, 594, 599, 716
Персия – 213, 220, 243, 256, 537

- Петербург – см. Санкт-Петербург
Петропавловск – 471
Полтава – 586
Польша – 109
Порт-Артур – 166, 650, 657, 674, 679, 682, 694, 695, 699, 821
Приамурский край – 377, 795
Приамурье – 409
Приморская область – 409, 469
Приморский край – 407, 795
Россия – 31, 33, 74, 76, 81–82, 86–88, 93–95, 97–99, 104, 105, 108, 111–113, 117–119, 121, 139, 145, 149, 157, 160, 167, 168, 173, 174, 191, 192, 194, 196, 203, 205, 206, 209, 210, 213, 217, 218, 223, 229, 231, 236, 238, 242, 243, 248, 250, 252, 253, 264–267, 270, 272, 274–277, 279, 283, 284, 293, 296, 297, 300, 308–311, 315, 327, 332, 337, 345, 346, 348, 353, 356, 360, 361, 364–366, 370, 371, 375, 378, 379, 385, 389, 396, 402, 407, 420, 426, 437, 440, 443, 457, 460, 461, 471, 483, 486, 500, 504, 512, 519, 524–528, 532, 541, 547, 549, 550, 555, 564, 568, 569, 575, 579, 585, 588–590, 596, 597, 599, 607–609, 615, 622, 631–633, 636, 643, 644, 668, 672, 679, 682, 685, 688, 693, 707, 711, 719, 735, 743–745, 772, 776, 785, 793, 795–797, 799, 810, 812, 817, 820, 825, 834, 838
Рубецу – 767, 768
Румыния – 550
Савабе – 48, 50, 51, 258, 312, 519, 611
Савара – 826
Сага – 541
Сайкёо – 31
Сакаи – 509
Сакари – 32–35, 199, 227, 267, 321, 322, 539, 587
Сакасиа – 127, 158, 388
Сакунами – 78
Сакура – 146, 482, 630, 658, 691
Сакуяма – 821
Сан-Франциско – 83, 103, 105, 108, 137, 276, 412, 469, 641, 726
Санбонги – 71, 186, 323, 475, 655
Санкт-Петербург – 63, 84, 102, 103, 127, 160, 194, 197, 213, 221, 240, 241, 248, 319, 334, 335, 338, 366, 407, 443, 457, 461, 498, 503, 512, 528, 556, 574, 586, 685, 688, 709, 742, 746, 747, 776
Санномия – 511
Саннохе – 172, 545, 592, 647, 655
Сано – 159, 533
Санума – 19, 43–46, 54, 63, 72, 241, 424, 473, 715
Саппоро – 168, 169, 219, 269, 277, 278, 331, 355, 368, 374, 381, 385, 393, 499, 503, 536, 537, 552, 553, 564, 570, 592, 673, 684, 725, 756, 769, 775, 807, 821
Сахалин – 479, 489, 494, 595, 597, 601, 602, 608, 616–618, 623, 669, 685, 700, 728, 731
Сацума – 436
Сёокоися – 397
Сейкёо – 141, 602
Секивахара (Секигахара) – 272

- Семине – 42–44
Сендай – 34, 35, 43, 56, 63, 70, 74–78, 87, 94, 96, 99, 121, 125, 129, 137, 172, 192, 209, 210, 223, 225, 230, 240, 249, 258, 283, 292, 318, 342, 354, 364, 390, 398, 405, 412, 414, 428, 451, 452, 465, 473, 474, 521, 529, 533, 534, 541, 572, 591, 593, 569, 634, 640, 684, 685, 746, 753, 791, 798, 799, 802, 811, 814, 824
Сеноо – 355, 483, 521
Сенсо (Сенсоо) – 277
Сентоку – 30
Сенума – 63, 396, 584, 617, 736
Сёокоися – 220
Сербия – 637
Сергиев Посад – 378
Сетамае – 34
Сеул – 256, 315, 568, 577
Сибба – 144, 371, 404, 638, 745, 747, 749, 751
Сибецу – 765, 769, 772, 773
Сибирь – 123, 134, 243, 376, 442, 574, 797
Сигакен – 402
Сидзуока – 87, 98, 217, 344, 346, 348, 385, 399, 416, 468, 481, 566, 581, 754, 811
Сикоку – 92, 122, 125, 151, 169, 232, 236, 302, 382, 493, 550, 551, 554, 558, 559, 572, 573, 586, 589, 607, 789, 807
Сикому – 266
Сикотан – 129, 133, 157, 189, 208, 303, 315, 488, 613, 764, 766–768, 788
Сикотан-дзима – см. Сикотан
Сима – 614, 618
Симбаси – 207, 757
Симбецу – 769
Симо-миямори – 22
Симодаяма – 805
Симоомацузава – 70
Симооса – 101, 109, 415, 446, 490, 554, 564, 567, 596, 644, 793, 822, 827
Симоса – см. Симооса
Симоямада – 462, 469, 678
Синагава – 673, 751, 802
Синано – 165, 169
Синбаси – см. Симбаси
Синден – 62, 63, 380
Синобе – 299
Сираива – 521
Сираива-мура – см. Сираива
Сираиси – 637
Сиракава – 281, 339, 376, 393, 398, 405, 412–414, 489, 521, 572, 591, 787, 789–791, 813, 827, 829
Сиробеси – 673
Сироиси – 79, 637, 818
Ситая – 718
Смоленск – 264, 584
Согей – 37–39
Содом – 90, 232
Соеяма – 493

- Сои – 772
Сомаи – 246, 400, 538
Сомеи – см. Сомаи
Сонобе – 170, 267, 313, 316, 389, 460
Соома – 817
Сорацци – 300, 765
Суга – 822
Сугамо – 806
Сува – 788
Сука – 777
Сукава – 266, 269, 270
Сукагава – 182, 191, 266, 291, 292, 304, 460, 612
Суку – 483
Сукугава – 625
Сумато – 268
Сумидагава – 569
Сумото – 282
Сурагадай – см. Суругадай
Суругадай – 95, 102, 108, 123, 209, 283, 289, 437, 474, 476, 648, 725, 775, 783, 834
Суцу – 219, 532, 538, 706
Сюзендзи – 423, 452
Сяна – 767, 768
Таганрог – 442
Тадагое – 35, 36
Тадакае – см. Тадагое
Таиза – 170, 389, 459, 594
Таизамура – см. Таиза
Такамаци – см. Такамацу
Такамацу – 68, 151, 232, 266, 298, 399, 408
Такасаки – 156, 180, 182, 232, 235, 286, 309, 338, 349, 352, 357, 358, 362, 383, 412, 436, 466, 478, 554, 598, 711, 812, 814
Такасимидзу – 43, 46, 50, 53, 54, 138, 243, 244, 265, 386, 419, 424, 460, 475, 476, 505, 506, 656, 657, 718
Такасу – 501
Таката – 34, 35, 40, 190, 293, 313, 334, 395, 463, 493, 543
Таманою – 782
Тамба – 313, 378, 389, 396
Тамоки – 37
Танго – 378, 389, 396
Танеба – 460
Таномоси – 76
Тасе – 21-23, 147, 451
Тасино – 146, 147, 411, 511, 598, 814
Татагава – 71, 73
Татебаяси – 157, 169, 177, 180, 201, 625, 687, 818
Тверская губерния – 442
Тега – 415, 496, 596, 610, 712
Тегеран – 537
Темия – 192, 193, 812, 820, 821
Тифлис – 793

Тоёхаси – 113, 144, 207, 212, 261, 366, 386, 411, 418, 420, 452, 466, 481, 485, 486, 488, 511, 746, 760, 817

Токио – 7, 9, 13, 19, 20, 22, 23, 27, 29, 35, 43, 51, 56, 59, 67, 80, 87, 89, 91, 93, 94, 103, 107, 112, 116, 121, 125, 126, 129, 134, 148, 150, 152, 163, 171, 172, 175, 182, 188, 192, 193, 196, 203, 204, 206, 215, 217, 221, 222, 224, 227, 237, 243, 244, 246, 249, 251, 256, 263, 266, 292, 296, 308, 316, 318, 327, 328, 331, 336, 348, 353, 365, 369, 375, 384, 385, 391, 397, 401, 407, 414, 437, 446, 450, 463, 464, 474, 476, 485, 486, 503, 509, 523, 534, 537, 540, 554, 563, 565, 567, 570, 572, 577, 580, 583, 587, 589–591, 595, 596, 599, 605, 606, 618, 620, 621, 628, 634, 637, 638, 640, 644, 645, 647, 653, 658, 659, 661, 672, 673, 677–679, 685, 687, 694, 698, 700, 704, 714, 715, 717, 718, 720, 721, 725, 728, 733–735, 739–743, 747, 751–753, 759, 760, 766, 769, 770, 773–776, 781–783, 785, 789, 795, 797, 801, 802, 805, 812, 814, 817, 818, 820, 821, 823, 830, 834

Токонабе – 270, 495

Токусима – 119, 268, 301, 319, 377, 415, 416, 553, 558, 586, 589, 593, 597, 666, 789, 797, 807, 808, 819

Томё – 63

Томиоко – 146, 147, 377, 511

Томига – 76

Томская губерния – 623

Тонден – 393, 762–765, 769, 771

Тоносава – 129, 144, 149, 151, 175, 178, 288, 340, 348, 358, 360, 367, 487, 509, 517, 554, 559, 570, 581, 699, 700, 714, 717, 725, 738–740, 744, 746, 752–755, 758, 759, 776, 781, 782

Тоокайдо – 206, 452, 533, 799, 801, 802

Тоони – 32

Тооно – 23, 24, 147, 553, 722

Тооносава – 131

Торгане (Тоогане) – 678

Тоса – 286, 301, 436, 789

Тоциги – 159, 625

Тояма – 276, 310, 345

Тюмень – 373

Угара – 558

Удзи – 378

Удзуми – 286, 339, 375

Уеда – 279, 440

Уено – 159, 160, 264, 353, 371, 394, 411, 516, 517, 660, 677, 685, 727, 775, 797, 800

Укуци – 389

Урага – 558

Урамаци – 734, 775

Усигоме – 779

Усуги – см. Усуки

Усуки – 150, 151, 162, 336, 514, 538, 796

Угасинай – 193

Уцономия – см. Уцуномия

Уцуми – 495

Уцуномия – 115, 155, 157, 169, 180, 183, 189, 191, 199, 201, 202, 236, 247, 281, 346, 379, 381, 398, 405, 412, 413, 491, 492, 494, 498, 612, 613, 624, 625, 648, 669, 671, 714

- Финикия – 444
Формоза – 165, 173, 177, 195, 201, 209, 213, 220, 242, 270, 274, 276, 292, 377, 379, 392, 406, 412, 420, 446, 558, 570, 696, 697
Франция – 99, 493
Фудзивара – 30, 172
Фудзисава – 40, 41, 120, 127, 471, 595, 644
Фудзисато – 54
Фудзия – 700, 738, 740, 782
Фукагава-мура – 458, 622
Фукагава – см. Фукагава-мура
Фукуда – см. Фукуда-мура
Фукуда-мура – 66, 68, 372
Фукузава – 276, 503, 649, 783
Фукуи – 292, 359, 472, 612
Фукуока – 170, 191, 208, 255, 267, 368, 381, 385, 426, 485, 531, 532, 541, 547, 553, 564, 570, 592, 605, 681
Фукурои – 344, 345, 347, 348, 412, 423, 468, 496, 499, 689, 797
Фукусима – 79, 80, 281, 282, 515, 754, 757
Фукусима-кен – см. Фукусима
Фукухора – 173
Фукуяма – 520, 521, 684, 746, 778, 787
Фунакоси – 58
Фунао – 365, 529, 596
Фурукава – 55, 68, 70–72, 178, 181, 630, 813
Фуруура – 67, 68
Фуса – 161, 446, 564
Хабаровск – 144, 644
Хакамацу – 136
Хакодате – 7, 12, 13, 21, 45, 62, 111, 112, 132, 136, 137, 145, 148, 169, 170, 181, 197, 214, 220, 221, 242, 264, 277, 283, 344, 355, 407, 408, 442, 457, 479, 486, 494, 499, 503, 515, 542, 557, 558, 564, 590, 595, 597, 598, 600, 604, 606–608, 610, 611, 613, 617–619, 623, 625, 638, 661, 669, 679, 684–686, 691, 692, 695, 727–730, 732–736, 746, 756, 761, 765, 768–770, 773–775, 792, 793, 803, 805, 807, 808, 813, 817–819
Хамамацу – 170, 261, 375, 408, 452–455, 468, 470, 471, 488, 499, 569, 571, 578, 630, 675, 706, 719, 760
Ханава – 6–8, 510, 545, 595
Ханаидзуми – 298
Ханамаки – 23, 602, 614, 618, 637, 696, 706
Ханда – 232, 270, 291, 339, 375
Ханькоу – 233, 321, 373, 409, 419, 522, 523, 567, 700
Хараномаци – 77, 78
Хацивоодзи – 141, 172, 177, 182, 184, 186, 199, 207, 214, 242, 279, 390, 477, 496, 498, 524, 605, 615, 661, 676, 785
Хацидзёосима – 88–93, 99, 159, 231, 242, 246, 249, 271, 325, 358, 641
Хацинохе – 166, 167, 172, 177, 186, 323, 381, 545, 655
Хёго – 391
Херсон – 92
Хигата – 360, 613, 676
Хизен – 306, 541

- Хикита – 73
Химедзи – 308, 391, 655, 696, 724
Хиравата – 69
Хирадо – 727
Хирацука – 782, 783
Хиробуци – 62, 126
Хировата – 69
Хиросака – 802
Хиросаки – 199, 495, 510, 649, 802, 816
Хиросима – 89, 91, 140, 148, 149, 211, 235, 267, 290, 529, 562, 587, 604, 606, 618, 797, 807
Хитаги – 600
Хитоеси – см. Хитоёси
Хитоёси – 397, 506, 547, 554, 642
Хитокабе – 18, 20, 22, 23, 380, 420
Хияма – 13
Хоккайдо – 10, 27–29, 31, 32, 51, 129, 133, 168, 169, 324, 326, 338, 344, 348, 355, 397, 405, 416, 423, 466, 477, 488, 514, 521, 538, 554, 567, 618, 619, 660, 669, 672, 725, 760, 761, 772, 785, 786, 792, 802, 807
Хокурокудо – 190, 395, 463
Хонго – 394, 406, 508, 565, 788
Хонда – 106, 174, 826
Хондзё – 655, 663, 672
Хоонуки-мура – 13
Хориноуци – 484, 497
Хоринояци – см. Хориноуци
Хоромуи – 374
Цёоси – 273
Циба – 108, 224, 270, 401, 402, 439, 448, 477, 544, 596
Циба-кен – см. Циба
Цигагоори – 237
Циувоо – 590, 599
Циугоку – 802
Циукиу – 338
Циукоку – 121, 122, 127, 129, 145, 202, 208, 216, 357, 358, 473, 517, 540, 684, 787, 789
Цицибу – 250, 293, 602, 6179
Цу – 390, 465
Цукидзи – 95, 103, 108, 174, 723
Цукитате – 48, 50, 52, 53, 510, 647
Цуругаока – 533
Цусима – 805
Цуцибуци – 24
Цуцизава – 23
Цуцузаки – 15
Цуяма – 208, 216, 425, 486, 535, 571, 605, 653, 711, 719, 722, 726
Чемульпо – 291, 353, 450
Чёоси – 822
Черное море – 99

- Чефу – 98
Чикаго – 82, 506, 726
Чита – 291
Шанхай – 346, 409, 581, 725
Эбидзима – см. Эбисима
Эбисима – 101, 312, 383, 667
Эдзири – 98, 217, 249, 332, 354, 388, 483
Эдо – 249
Эзо – 10, 28, 265, 278, 300, 321, 338, 458, 483, 490, 532, 539, 592, 597, 718, 765, 771, 807, 820
Эма – 307, 438, 781
Эндо – 538, 612
Эсаси – 10, 219, 417, 807, 808, 819
Эциго – 13, 462–464, 468, 673, 678, 805, 820, 838
Эцизен – 292
Эцинго – см. Эциго
Ябу – 237
Ягенобори – 646
Яги – 460
Якутская область – 623
Ялу – 751, 771
Ямагата – 78, 769, 771
Ямагата-кен – см. Ямагата
Ямагуци – 211, 546
Ямагуци кен – см. Ямагуци
Ямада – 189, 214, 235, 321–323, 328, 329, 331, 334, 335, 407, 455, 501, 518, 519, 607, 652, 715, 784, 823
Яманака – 251, 454, 456, 465, 761
Яманаси – 162, 721, 687, 813, 824
Яманасикен – см. Яманаси
Ямане – 54, 55
Яманоме – 43, 346, 575, 595, 734, 746, 768
Ямаго – 225, 229
Янава – 237, 838
Янагава – 219, 308, 309, 531, 547, 579, 680, 718
Янаици – 63, 68, 587
Янайбара – 803
Яноме – 71
Япония – 63, 76, 81, 84, 86–89, 94, 95, 104, 105, 113, 115, 117, 118, 121, 123, 128, 138, 149, 157, 163, 166, 178, 187, 190, 191, 197, 206, 209–211, 214, 216, 221, 222, 229, 236, 241, 244, 247, 250, 251, 256, 259, 260, 262, 274, 284, 296, 297, 306, 309, 310, 316, 321, 324, 328, 338, 339, 344, 353, 357, 361, 363–366, 368, 376, 383, 384, 388, 404, 407–409, 417, 421, 424, 432, 436, 443, 444, 455, 471, 479, 481, 486, 505, 508, 512, 518, 533, 551, 554, 559, 561, 568, 574, 579, 581–583, 588, 590, 598, 599, 601–603, 605, 612, 615, 616, 618, 623, 632, 636, 650, 657, 662, 668, 671, 674, 695, 703, 710, 720, 727, 728, 751, 765, 770, 772, 782, 785, 786, 789, 795, 797, 800–802, 805, 806, 809, 815–817, 834, 838
Яцусиро – 397

Содержание

ДНЕВНИКИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО (1893-1899)

Миссионерский дневник при обзоре Церквей. Продолжение (1893 год)	5
Краткий миссийский дневник. Продолжение (с 8 / 20 октября 1895 года)	188
Краткий миссионерский дневник (с 18 / 30 июня 1896 года)	328

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта Японии	841
Именной указатель	843
Указатель географических названий	878

**ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО**

ТОМ III
(с 1893 по 1899 гг.)

**Под редакцией
Кэнносэ Накамура**

Ответственный редактор

С. В. Смаляков

Редактор

Н. Г. Лютикова

Составление указателей

О. И. Абрамович

Корректор

И. Г. Иванова

Художник

П. П. Лосев

Компьютерная верстка

О. К. Савельева

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Терция»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 73, оф. 2Н
E-mail: tercia@peterstar.ru

Сдано в набор 20. 05. 2002.

Подписано в печать 20. 11. 2003.

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура New Baskerville. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 78,69. Тираж 500 экз. Заказ 222

Лицензия ИД 03369 от 28 ноября 2000 г.

Издательство «Гиперион»

199178, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55.

Тел. +7 812 275-9855

E-mail: hyperion@mail.rcom.ru

<http://www.hyperion.spb.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Невская жемчужина»
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 22